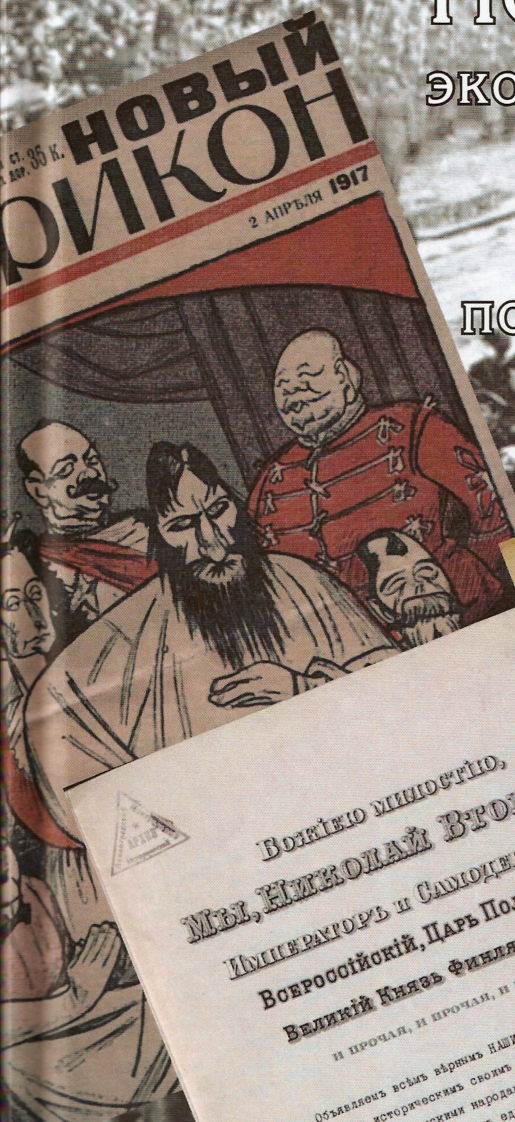

Россия в годы Первой мировой

экономическое
положение,
социальные
процессы,
политический
кризис

Возвещая министро,
МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРОЙ,
ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ
Восроссійскій, Царь Польскій,
Великій Князь Финляндскій,
и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ НАШИМЪ подданнымъ:
Слѣдуя историческимъ своимъ заветамъ, Россія, единая на вѣр
и крови съ славянскими народами, никогда не взираетъ на ихъ суд
бу боучаство. Съ полнымъ единодушiемъ и слава
лись братскiй чувства русскаго народа къ слава
дня, когда Австро-Венгрия предьявила Сербiи заа
мя для державнаго государства требованiя.
Презрѣвъ уступчивый и миролюбивый отъзвъ Се
для державнаго государства посредничества, отк
стезя, отвергнувъ доброжелательное посредничества
слѣдствiя Бѣлградъ.
и, въ силу создавшихся условий, пр
послѣдствiя, Мi Повеляя привести ар
и, въ силу создавшихся условий, пр
и, въ силу создавшихся условий, пр

ОБЪЯВЛЕНИЕ
Командующаго войсками Петроград
военнаго Округа.
Послѣднiе дни въ Петроградѣ произошли
и, въ силу создавшихся условий, пр
и, въ силу создавшихся условий, пр

Российское историческое общество
Институт российской истории РАН

Россия в годы Первой мировой войны:

экономическое
положение,
социальные
процессы,
политический
кризис

Ответственный редактор Ю. А. Петров

РОССПĖН
Москва
2014

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)524
Р76

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 12-31-10026*

*Руководитель проекта:
д. и. н. Ю. А. Петров*

Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / отв. ред. Ю. А. Петров. – М. : Политическая энциклопедия, 2014. – 982 с. : ил. – (Первая мировая. Великая. 1914–1918).

ISBN 978-5-8243-1912-5

В коллективной монографии, публикуемой к 100-летию начала Первой мировой войны, рассмотрен широкий круг проблем, связанных с положением страны в годы мирового военного противоборства: Россия в системе международных отношений, организация обороны государства, демографические и социальные процессы, создание и функционирование военной экономики, влияние войны на российский социум, партийно-политическая панорама и назревание политического кризиса, война и революция. Исследование обобщает достижения отечественной и зарубежной историографии, монография основана на широком комплексе источников, в том числе архивных, впервые вводимых в научный оборот.

Книга рассчитана на широкий круг ученых-обществоведов, преподавателей и студентов высших учебных заведений, а также всех интересующихся отечественной историей.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)524

ISBN 978-5-8243-1912-5

© Институт российской истории РАН, 2014
© Политическая энциклопедия, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	10
Часть I. РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ. ОРГАНИЗАЦИЯ ОБОРОНЫ ГОСУДАРСТВА.....	37
Глава 1. Между двух войн: дилеммы внешней политики и военного сотрудничества (Д. Б. Павлов)	
1. От мирового перепутья к европейскому маневрированию	37
2. Курс на Антанту. «Увертюры» войны	52
Глава 2. Российские вооруженные силы в межвоенный период. Проблемы военно-стратегического планирования (А. П. Корелин, Д. Б. Павлов)	
1. Предвоенное состояние вооруженных сил, разработка и финансирование военных программ	61
2. Проблемы военно-стратегического планирования	70
Глава 3. Превратности участия в коалиционной войне (середина 1914 г. – февраль 1917 г.) (Д. Б. Павлов)	
1. Июльский кризис	85
2. Внешняя политика царской России в годы войны	94
Глава 4. Создание системы военно-регулирующих органов и самоорганизация предпринимательской среды (А. П. Корелин)	
1. Начало военных действий и первые меры по усилению снабжения армии.....	117
2. Формирование системы Особых совещаний	133
3. Особое совещание по обороне государства: состав, организационная структура, основные направления деятельности	140
Глава 5. Кризис системы Особых совещаний (А. П. Корелин)	
1. Особое совещание по обороне и межведомственное соперничество	167
2. Попытки создания верховного регулирующего органа.....	175
Часть II. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ (Н. А. Иванова).....	187
Глава 1. Воздействие войны на демографическое развитие	
1. Численность и воспроизводство населения	188
2. Семья. Состав населения по полу и возрасту	195

Глава 2. Новые группы социальной стратификации	
1. Социализация женщин и молодежи	202
2. Военные в составе населения	209
3. Миграция населения	218
4. Беженцы	227
Глава 3. Сословия и классы	
1. Сословные изменения	234
2. Классовая ситуация	251
Часть III. ЭКОНОМИКА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ	260
Глава 1. Российская промышленность накануне и в годы войны <i>(А. П. Корелин, П. А. Кюнз)</i>	265
Глава 2. Российская деревня и война <i>(Н. Ф. Тагирова)</i>	287
1. Сельские хозяйства в реалиях военного времени	290
2. Аграрный сектор в региональном аспекте	294
3. Сельское хозяйство и рынок продовольствия	300
Глава 3. Торговля и снабжение населения <i>(М. К. Шаццло)</i>	
1. Внутренняя торговля в предвоенный период	308
2. Торговля и снабжение населения в годы войны	314
3. Рост кооперации	323
4. Внешняя торговля <i>(А. Ю. Петров)</i>	327
Глава 4. Транспортная система <i>(Э. Г. Истомина, А. С. Сенин)</i>	
1. Накануне войны	336
2. Перестройка работы железнодорожного транспорта	344
3. Нарастание железнодорожного кризиса	352
4. Другие виды транспорта <i>(Э. Г. Истомина)</i>	363
Глава 5. Финансовое положение до февраля 1917 г. <i>(Ю. А. Петров)</i>	
1. Финансирование военных расходов государства	379
2. Кредитно-банковская система и фондовый рынок	387
Часть IV. ОБЩЕСТВО В ГОДЫ ВОЙНЫ	399
Глава 1. Образованное общество и народ <i>(И. С. Розенталь)</i>	
1. Общественное мнение и настроения	399
2. Клубы, салоны, кружки и общественное мнение	414
Глава 2. Общественные организации <i>(А. С. Туманова)</i>	
1. На волне патриотизма: создание и функционирование публичных организаций	424
2. Мобилизация под эгидой добровольных обществ	439

Глава 3. Филантропическая активность общества (Г. Н. Ульянова)	446
1. Благотворительность и высшие сферы	447
2. Деятельность Земского союза и Союза городов	456
3. Частные пожертвования	465
Глава 4. Конфессии, духовенство, вера (Т. Г. Леонтьева)	
1. Духовенство накануне и в начале войны	469
2. Духовенство в действующей армии	477
3. Конфессии, общественность и религиозные настроения в тылу	483
4. Динамика межконфессиональных и внутриконтфессиональных конфликтов	488
5. Упадок веры и появление антиклерикальных настроений	494
Глава 5. Повседневная жизнь российского провинциального города (на материале Поволжья) (Е. Ю. Семенова)	
1. Меры чрезвычайного характера	500
2. Коренное население и новые группы	504
3. Реальности повседневной жизни	510
4. Пространство досуга	513
Часть V. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ	519
Глава 1. Консервативные партии (А. А. Иванов)	
1. Организационное состояние и программа	519
2. От германской ориентации к антинемецким настроениям	540
3. В преддверии революционного взрыва	548
Глава 2. Либеральные партии (В. В. Шелохаев)	
1. Оценки войны и коррекция программы	560
2. Организационное состояние и внепарламентская деятельность	571
3. От «священного единения» к конфронтации с властью	579
Глава 3. Социалистические партии (С. В. Тютюкин)	600
1. Большевики	602
2. Меньшевики	615
3. Социалисты-революционеры (эсеры)	630
Часть VI. НАЗРЕВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА	640
Глава 1. Государственные институты (К. А. Соловьев)	
1. Верховная власть	641
2. Исполнительная власть: центральное и местное управление	656
3. Представительные учреждения	671

Глава 2. Власть и общество: сотрудничество и конфронтация (К. А. Соловьев)

1. Исполнительная власть и представительные учреждения: взаимодействие и противостояние 680
2. Прогрессивный блок: попытка консолидации консервативных и либеральных сил 689
3. Парламентский штурм 697
4. Перспективы дворцового переворота 705

Глава 3. Массовые движения в 1914–1916 гг. (А. Б. Асташов, В. П. Булдаков)

1. «Внутренний враг» и погромы 715
2. Рабочие и социальный протест в городе 724
3. Война и деревня 732
4. Нестабильность окраин 742

Часть VII. ОТ ВОЙНЫ К РЕВОЛЮЦИИ 748**Глава 1. Февральская революция**

1. Война в столице империи (А. Б. Асташов, В. П. Булдаков) 748
2. Политики делают выбор (В. П. Булдаков) 756
3. Восторги и надежды победителей (В. П. Булдаков) 762
4. Приказ № 1 и армия (В. П. Булдаков) 766
5. Революция и слухи (В. Б. Аксенов, В. П. Булдаков) 772

Глава 2. Война и демократия

1. Временное правительство и власть на местах (В. П. Булдаков) 776
2. Советы и массы (В. П. Булдаков) 781
3. Система общественных организаций: консолидация демократии? (В. П. Булдаков, С. М. Исхаков) 786
4. Политические партии: иллюзии и возможности (В. П. Булдаков) 790
5. Власть и вера (Т. Г. Леонтьева) 793
6. Февраль и народы России (В. П. Булдаков, С. М. Исхаков) 801

Глава 3. Война, экономика, народ

1. Внешнеполитические проблемы и отношения с союзниками (В. П. Булдаков) ... 805
2. Зигзаги политики и реальный сектор экономики (В. П. Булдаков) 811
3. На пути к финансовой катастрофе (Ю. А. Петров) 813
4. Кризис продовольственного снабжения (Ю. А. Петров, М. К. Шаццлло) 819
5. Предприниматели и рабочие (В. П. Булдаков) 824
6. Крестьяне и власть (В. П. Булдаков) 829
7. Солдатская масса: от войны к миру (А. Б. Асташов, В. П. Булдаков) 834
8. Народы и их лидеры (В. П. Булдаков, С. М. Исхаков) 843

Глава 4. Политика и общественность: консолидационные и деструктивные процессы (В. П. Булдаков)

1. Апрельский кризис и оживление экстремистов 848
2. Революционное лидерство и ожидания масс 853

-
3. I Всероссийский съезд Советов и вопрос о власти 860
 4. Провал наступления на фронте и июльский кризис 865
 5. От Государственного совещания к корниловскому выступлению 874

Глава 5. Демократия перед лицом оклократии

1. Власть в поисках опоры (*В. П. Булдаков*) 883
2. Церковь: вера и власть (*Т. Г. Леонтьева*) 887
3. Ленин и Троцкий: идеи и массы (*В. П. Булдаков*) 892
4. Упадок промышленности и активизация пролетариата (*В. П. Булдаков*) 896
5. Эскалация сельского бунтарства (*В. П. Булдаков*) 902
6. Ситуация на окраинах (*В. П. Булдаков, С. М. Исхаков*) 909

Глава 6. От падения Временного правительства к Брестскому миру

1. Большевики перехватывают власть (*В. П. Булдаков*) 916
2. Демократическая общественность и разгон Учредительного собрания
(*В. П. Булдаков, Т. Г. Леонтьева*) 928
3. Большевики, интеллигенция, предприниматели
(*В. П. Булдаков, М. К. Шацлло*) 934
4. Революция приходит на окраины (*В. П. Булдаков*) 942
5. Брестский мир в свете надежд на мировую революцию (*В. П. Булдаков*) 947
6. Финансовый итог войны: Берлинское соглашение августа 1918 г.
(*Ю. А. Петров*) 949

- Послесловие** 954
- Указатель имен** 960
- Список авторов** 981

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первая мировая война подвела итог всему предшествующему развитию европейских стран, включая Российскую империю, открыв качественно новый этап их дальнейшего существования. Она коренным образом изменила европейский государственно-политический ландшафт, с политической карты исчезли четыре империи (Российская, Германская, Австро-Венгерская и Османская), произошли системные изменения в социальных, экономических, политических институтах и отношениях, масштабные сдвиги в интеллектуальном и культурном пространствах. Мировая война выступила мощным стимулом развития научно-технической мысли, новых технологий и форм организации производства.

Столетний юбилей начала Первой мировой войны закономерно вызвал повышенный интерес как профессионального сообщества историков, так и различных государственных институтов и широких общественных кругов к военно-техническим, общественно-политическим, социально-экономическим и гуманитарным проблемам России, которые породили ее участие в этом военном катаклизме. Российские ученые и общественность заинтересованы во всестороннем и объективном изучении роли, которую эта война сыграла в истории России и всего мира.

В советской историографии Первая мировая война десятилетиями находилась в тени большевистской революции и рассматривалась главным образом в контексте поиска причин возникновения и становления коммунистического режима. Нынешнее поколение отечественных исследователей, освобожденное от давления прежней официальной идеологии и опираясь на вновь открытые архивные документы, приступило к переосмыслению значения войны. Сегодня она рассматривается не только и не столько в качестве прелюдии Великого Октября, но как эпохальное событие, приведшее к социально-экономической и политической трансформации Евразии и значительной части остального мира. Для всех европейских великих держав война явилась катализатором разносторонних масштабных изменений, коренным образом изменивших весь последующий ход их истории. Для России она по сути выступила проверкой эффективности сначала имперской, конституционно-самодержавной системы управления, а затем и способности новой, республиканской власти вывести страну из всеобъемлющего кризиса, в который та погрузилась. К сожалению, ни в том, ни в другом случае выход найти не удалось, и «старые» политические элиты, лишившись власти, оказались частью физически уни-

чтожены, частью вытеснены в эмиграцию. В России утвердилась коммунистическая диктатура.

Россия в годы Первой мировой войны: основные тенденции отечественной и зарубежной историографии*

Распространено представление о Великой войне – так называли Первую мировую ее современники – как о белом пятне отечественной историографии, или забытой странице российской истории. Однако, в отличие от российского общества в целом, профессиональные историки о ней не забывали. В советский период, несмотря на идеологические ограничения, сложилась содержательная историография Первой мировой войны, разработаны концепции ее истории и важнейших проблем этого времени. За последние десятилетия в свет вышли десятки посвященных этой теме публикаций исторических источников, сотни статей и монографий, историографических исследований¹.

Естественно, что в годы самой войны она находилась в эпицентре общественного внимания. Многие современники – мыслители, публицисты, общественные и политические деятели – предчувствовали и надеялись, что с ее окончанием человечество вступит в новую эру, а международная жизнь в корне преобразится. «Мы переживаем великий перелом – и не только в той сфере, в которой непосредственно проходит война, – размышлял кадетский публицист С. А. Котляревский в 1914 г. – Создаются новые отношения между государствами и между народами, закладываются новые основания для устройства этих государств, новые пути для развития этих народов, но кроме всего этого, меняется та духовная атмосфера, в которой жило и с которой свыклось современное человечество»². В те же военные годы в общественных и научных кругах широко дебатировали вопросы адаптации России к военным условиям – их влияние на отечественные экономику, городское хозяйство, работу органов местного самоуправления, состояние здравоохранения, науки, образования, на литературу, искусство, психологическое состояние общества³.

Дискуссия о причинах краха старого порядка, которая развернулась после 1917 г., неизбежно носила публицистические черты и первоначально в строгом смысле слова не была научной. Бывшие депутаты Думы А. А. Бубликов, П. Н. Милюков, М. В. Родзянко и др. снимали с себя всякую ответственность за пережитые страной потрясения, перекладывая ее на правительство и верховную власть⁴. С наиболее целостной трактовкой событий 1917 г. выступил Милюков, чья интерпретация оказала заметное влияние на последующие историографические построения. По его оценке, война способствовала тотальной дезорганизации жизни страны, ситуация требовала учреждения фактической

* Более детальные замечания историографического характера даны по ходу изложения в основной части монографии.

диктатуры. Но российская монархия с такой задачей не справилась, и именно это породило политический кризис и нарастание социального напряжения. Политические выступления совпали с массовыми, что в итоге и привело к Февральской революции. Тогда, в феврале 1917 г., Государственная дума оказалась вынуждена возглавить солдатский бунт и рабочие демонстрации, и, таким образом, волнения в Петрограде обрели качественно иной характер⁵.

П. Б. Струве искал ответы на поставленные Милюковым вопросы в состоянии и настроениях российских общественных низов. «Мировая война, – писал он, – ...имела демократическую идеологию. Страшно напрягши экономические силы всех стран, участвовавших в войне, она вызвала на сцену новые силы или, по крайней мере в огромной степени усилила некоторые прежние. В ведении этой войны государства, как никогда прежде, апеллировали к народным массам. Это была, по самому характеру своему, народная и демократическая война, и потому-то она частично закончилась рядом революций»⁶.

Милюковская концепция Февраля нашла поддержку в эмигрантской историографии⁷. Те же, кто не удовлетворился его объяснениями, продолжали искать «виновников» потрясений либо в среде думской оппозиции, которая, по их мнению, неустанно плела заговоры против «исторической власти», либо в верхах российского общества, либо вовне России, в первую очередь – в Германии⁸. Исследуя причины Февральской революции, историк и публицист С. П. Мельгунов обратился к теме дворцовых переворотов, но невысоко оценил шансы заговорщиков, которые от слов так и не перешли к делу⁹. Другой разоблаченный им миф касался вопроса о сепаратном мире с Германией, который якобы стремились подписать император и его ближайшее окружение¹⁰. Распутывая клубок интриг, заговоров и слухов, Мельгунов невольно погружал читателя в особый мир столичных «высших сфер» с его иллюзорными и нередко авантюрными планами. Коснувшись масонских организаций, он отрицал их значимую роль в Февральской революции¹¹, которая, по его мнению, застала врасплох все политические силы¹².

Советская историография отводила мировой войне по преимуществу роль декорации кризисных явлений, поразивших Россию еще в довоенные времена. Но фактор войны было трудно игнорировать, потребовалось найти его особое, марксистское прочтение. Это и сделал М. Н. Покровский, объяснивший внутриполитический кризис столкновением интересов торгового и промышленного капиталов – отечественная торговая буржуазия, по его мнению, склонялась к миру с Германией, промышленная же требовала войны до победы даже ценой смены режима¹³. Их борьба и спровоцировала Февраль: «Мы ничего не пойдем в Февральской революции 1917 г., если позабудем, что ее исходной точкой была война»¹⁴. В итоге появилась концепция «двух заговоров», которая в модифицированном виде была воспроизведена в работах Е. Фокина, Б. Б. Граве, И. И. Минца, М. Балабанова и других историков-марксистов¹⁵. В. П. Семенников заменил «торговый капитал» Покровского «правомонархическими силами», действовавшими заодно с пронемецки настроенными банкирами и «металлургами»¹⁶; С. А. Пионтковский, следуя той же схеме, дока-

зывал, что самодержавие прежде всего выступало «служанкой» финансового капитала¹⁷. Одним из излюбленных сюжетов советских историков 1920 – начала 1930-х гг. стало «гниение» царизма и его историческая обреченность¹⁸. Особо подчеркивалось, что буржуазия, борясь за власть, стремилась прежде всего предотвратить революцию.

В середине 1930-х гг. тему глубочайшего кризиса Российской империи и неизбежности революции подхватили авторы «Истории Гражданской войны в СССР», фактическим редактором которой выступил И. И. Минц. Россия, по их мнению, вступила в Первую мировую войну как «наемник англо-французского капитала» и «полуколония западноевропейских стран». В годы войны в стране нарастала экономическая разруха, обострились межнациональные противоречия, власть не справлялась со стоявшими перед ней задачами, включая военные: «плохо вооруженная, руководимая бездарными генералами, обкрадываемая продажными интендантами армия терпела поражение за поражением». Все это радикализовало оппозицию и побудило буржуазию поставить вопрос об ограничении самодержавия. Чтобы покончить с оппозиционными настроениями, требовалось выйти из войны подписанием мира с Германией. Поскольку, по мнению Минца, царское правительство к этому и готовилось, буржуазия начала разрабатывать планы дворцового переворота. Однако переворот опередила народная революция¹⁹. В упрощенном виде та же схема двух неудавшихся заговоров была воспроизведена и в вышедшем немного позднее каноническом «Кратком курсе истории ВКП(б)»²⁰.

Концепция Покровского, хотя и разваливалась под давлением постепенно накапливавшегося нового фактического материала, вплоть до 1950–1960-х гг. оставалась, в сущности, господствующей в советской историографии. Отход от нее сопровождался появлением теории «властебоязни» российской буржуазии, которую наиболее энергично отстаивал Е. Д. Черменский. По его оценке, правительство было вынуждено проводить «бонапартистский» курс лавирования между помещиками и буржуазией, которая, однако, не представляла собой самостоятельной величины и демонстрировала политическую беспомощность как в довоенные, так и в военные годы²¹. Крах царизма был неизбежен в силу «объективных обстоятельств» – в работах советских историков отмечались качественные изменения социально-экономической ситуации в России, которые предопределили массовое недовольство и привели к революции. В частности, А. Л. Сидоров писал о воцарившейся к 1916 г. экономической разрухе, что актуализировало немедленный вывод страны из войны и принятие комплекса мер хозяйственного оздоровления²². Л. М. Гаврилов и В. В. Кутузов отмечали истощение людских ресурсов в русской армии к 1917 г., что, по их мнению, также «явилось отражением кризиса буржуазно-помещичьего строя России»²³. Схожим образом оценивал ситуацию и Э. Н. Бурджалов: по причине экономических трудностей нарастало рабочее и соответственно революционное движение; буржуазия в лице Прогрессивного блока пыталась предотвратить революцию, но в сложившихся обстоятельствах она (как, впрочем, и всегда) оказалась беспомощной²⁴. По словам Бурджалова, «в конце 1916 – на-

чале 1917 г. революционный пролетариат России вел авангардные бои с самодержавием», затем революционный кризис охватил всю страну, «дошел до крайней черты», и именно пролетариат, ведомый большевиками, сыграл ключевую роль в событиях Февраля²⁵.

О том, что буржуазия, «вдохновительница» дворцового переворота, призванного одновременно предотвратить революцию, опоздала с осуществлением этого своего замысла, писал и В. Я. Лаверычев. В его интерпретации российская (прежде всего, московская) буржуазия в годы Первой мировой войны была настроена весьма оппозиционно и была готова зайти довольно далеко в противостоянии с властью. Московская буржуазия была подлинной вдохновительницей «проектов» дворцового переворота, который должен был предотвратить надвигающуюся революцию²⁶.

Со своей стороны, А. Я. Аврех усматривал главную причину падения монархии в том, что самодержавие «изолировалось» даже от собственной социальной базы, но и «рахитичная» российская буржуазия в военные годы продемонстрировала свое политическое бессилие. Мысль о роковых колебаниях власти проводилась во многих других исследованиях Февраля²⁷. Если Аврех рассматривал внутривнутриполитические процессы практически вне связи с обстоятельствами военного времени²⁸, то Старцев активизацию оппозиции в годы войны объяснял как раз неудачами русской действующей армии. Думских лидеров этот исследователь считал самостоятельной политической силой, которая сыграла немалую роль в падении царизма²⁹.

Позднее группа ленинградских историков к анализу причин внутривнутриполитического кризиса в России накануне 1917 г. впервые применила системно-институциональный подход³⁰. По мнению В. С. Дякина, судьба режима была предрешена до войны. Он балансировал над бездной, и едва ли это могло продолжаться долго. С началом же войны система приближалась к своему краху с нарастающей скоростью. Ее социальная база стала более ограниченной, возможности для маневра – меньше³¹.

Еще в советские годы в историографии утвердилась своеобразная отчужденность военной истории России 1914–1917 гг. от «гражданской» – ход боевых операций изучался независимо от событий внутри страны, и наоборот. Россия в условиях войны не стала объектом исследования ни для генерала А. М. Зайончковского, ни для его коллеги, военного историка И. И. Ростунова. В оценке внутривнутриполитического положения России первый ограничился трафаретным набором ленинских цитат³², второй – констатацией неприязни генералитета к царю и его окружению и планов дворцового переворота, которые вынашивала буржуазия (ключевую роль в падении самодержавия Ростунов, разумеется, отводил рабочим и крестьянам во главе с партией большевиков)³³. Политическая, экономическая и социальная история России военных лет по сей день редко «вторгается» в историю войны. Характерно, что в сборнике, изданном по случаю 90-летия ее начала, большинство статей вновь оказалось посвящено чисто военной стороне дела³⁴. Современный исследователь В. К. Шацилло в книге «Последняя война царской России» прямо сообщает,

что оставляет внутривластическую проблематику (в том числе революционные потрясения 1917 г.) «за скобками» своей работы³⁵.

Экономические сюжеты, в отличие от внутривластических, всегда были ближе военным историкам – как известно, война потребовала мобилизации людских, финансовых ресурсов, производственных мощностей и перестройки системы управления народным хозяйством. Одним из первых к этим проблемам обратился А. А. Маниковский. Главный вывод, к которому пришел этот отставной генерал, состоял в неспособности русского правительства мобилизовать промышленность и предотвратить экономический развал страны. Причину этого он усматривал в управленческом кризисе, охватившем в том числе и военное ведомство³⁶. Заметим, что в годы самой войны Маниковский как начальник Главного артиллерийского управления Военного министерства в снабжении действующей армии предлагал ориентироваться преимущественно на казенные военные предприятия с тем, чтобы умерить ценовые аппетиты частных поставщиков, что вызвало резкое недовольство этих последних. И сегодня специалисты расходятся в оценке программы Маниковского – проблема рационального привлечения казенной и частной промышленности для снабжения армии требует дополнительного исследования.

О неудаче властных мобилизационных мероприятий и неэффективности казенных регулирующих органов писал и И. В. Маевский. Важнейшую предпосылку Февраля этот исследователь видел в усилении эксплуатации рабочих, их «обнищании» и, как следствие, – в росте стачечного движения³⁷. А. Л. Сидоров, чьи книги благодаря уникальному фактическому материалу до сих пор не утратили своей актуальности, отмечал предрешенность экономического краха России в годы Первой мировой войны ее промышленной отсталостью³⁸, слабость отечественного военно-промышленного потенциала акцентировал и Л. Г. Бескровный³⁹. По оценке К. Н. Тарновского, Россия вела войну за счет расхищения основного капитала промышленных и транспортных предприятий, что, естественно, не могло продолжаться долго⁴⁰. Схожие взгляды высказывают и современные авторы. Так, по мнению А. В. Островского, Первая мировая война поставила Россию на грань финансового банкротства, решение этой проблемы требовало перестройки управления экономикой, в первую очередь – введения жесткого государственного контроля над частным предпринимательством. Однако царизм оказался не в силах его обеспечить⁴¹.

В 1980-е гг., и особенно в постсоветские времена, отечественные и зарубежные исследователи стали все чаще обнаруживать конструктивные элементы в финансово-экономической политике правительства предвоенных и военных лет⁴². В новом прочтении в годы войны государство методом проб и ошибок искало эффективные механизмы взаимодействия с предпринимателями⁴³, пыталось упорядочить работу железнодорожного транспорта⁴⁴, вместе с кооперативными организациями стремилось улучшить продовольственное снабжение армии и тыла⁴⁵. Однако перевод части промышленности на воен-

ные рельсы привел к падению выпуска гражданской продукции и ее вздорожанию – с неизбежно негативным социальным откликом.

Новый взгляд на ситуацию в экономике России дополнили исследования, посвященные ее социальной структуре⁴⁶ и общественным настроениям. Вывод трудов первого рода о существенном повышении уровня жизни населения страны на рубеже XIX–XX вв. (прежде считалось, что экономический рост тех лет был достигнут путем «ограбления народа») заставляет усомниться в справедливости известного ленинского постулата о вызванной войной «пауперизации масс» как главной предпосылке нарастания революционного кризиса. Вообще в последнее время в российской историографии все чаще высказывается взгляд, согласно которому глубинные причины русских революций следует искать не в провалах правительственной экономической политики, а в успехах российской модернизации с сопутствующими им трудностями перехода от традиционного общества к индустриальному. Считается, что само нарастание кризиса еще не вело фатально к революции, толчком к которой явилась та «взрывчатая смесь воинствующего национализма, ксенофобии и шпиономании», которая получила «необычайно широкое распространение в специфических условиях военного времени»⁴⁷. Довершили дело борьба за власть между нарождавшимся гражданским обществом и самодержавием, поражения на фронтах, лишения военного лихолетья.

История отечественного предпринимательства изучается в тесной увязке с общественно-политической деятельностью российской буржуазии⁴⁸. И это не случайно: как подчеркивает В. М. Шевырин, война, «пробудив» русское общество, сопровождалась созданием влиятельных и весьма деятельных общественных объединений, которые стремились к сотрудничеству с властью. Тяга к такому «национальному единению» была обоюдной, но фатальное взаимное непонимание обрушило все планы⁴⁹. Неразрешимую дилемму, с которой столкнулась тогда русская общественность, кадетский публицист В. А. Маклаков отобразил такими словами: нельзя терпеть безумного шофера (читай: самодержавную власть), но крайне опасно вырывать у него руль, когда едешь по горному серпантину (читай: в условиях войны).

Среди исследований темы «Россия в Первой мировой войне» ведущее место традиционно занимают труды социально-политической проблематики. Некоторые современные исследователи оспаривают дилемму Маклакова, вновь и вновь возвращаются к поиску «виновных», предлагая в этом качестве то «деструктивную деятельность» все той же российской либеральной общественности, то конспирологическую активность «элит». О. Р. Айрапетов утверждает, что либеральная оппозиция смогла дискредитировать правительство, дезориентировать генералитет и в союзе с последним сокрушить правящий режим⁵⁰. Сходную позицию занимает Ф. А. Гайда. По его мнению, кадеты представляли собой радикальную политическую силу, не склонную к компромиссам с правительством и нацеленную исключительно на захват власти⁵¹. Оппозиция внесла свою лепту в свержение самодержавия, однако в феврале 1917 г. в большей степени неслась «по течению», влекомая стихией толпы⁵².

В глазах С. В. Куликова штабом революции являлся Центральный военно-промышленный комитет, причем ключевую роль в свержении монархии сыграл альянс революционной и общественной «контрэлит»⁵³. С этой точкой зрения в принципе солидаризируется Б. Н. Миронов, для которого революция прежде всего – результат верхушечной борьбы⁵⁴. Между тем, по оценке А. Б. Николаева, Государственная дума, действительно сыгравшая важнейшую роль в Февральской революции, «втянулась» в нее и стала ее «штабом» лишь 27 февраля 1917 г.⁵⁵ С. В. Тютюкин установил, что и леворадикальные организации включились в революционный процесс не ранее этой даты⁵⁶.

Вновь вышла на поверхность и подзабытая «конспирологическая» концепция, согласно которой втягивание империи в войну, а затем и ее падение интерпретируются как результат заговора внешних (немецких или британских) либо внутренних сил – революционеров, масонов, генералов или кого-то еще⁵⁷. Большинство российских историков убеждено, что официальный Петроград не помышлял о сепаратном мире и, несмотря на военные неудачи, был готов продолжать войну до победного конца; что Россия проявила себя верным членом Антанты и наотрез отказывалась вести мирные переговоры за спиной союзников; что нет прямых документальных свидетельств обратного⁵⁸. Вопреки всему этому версия о подготовке сепаратного мира представителями ближайшего окружения императора также продолжает жить⁵⁹.

В свое время масонский «след» в событиях Февральской революции разглядел советский историк Н. Н. Яковлев⁶⁰. В ответ одни его коллеги выступили с резкой отповедью⁶¹, другие предложили компромиссные трактовки. Так, В. И. Старцев объявил масонские ложи органом по координации действий думских левых либералов, трудовиков и социал-демократов. Все они якобы вынашивали планы военного переворота, но умудрились проглядеть судьбоносные события конца февраля 1917 г.⁶²

Практически «вечный» вопрос о соотношении стихийности и рукотворности событий февраля–марта 1917 г.⁶³ предполагает особое внимание к проблеме массового движения. Любое политическое, социальное, экономическое явление имеет человеческое измерение, причем в кризисные моменты стихийная сила иррационального, подсознательного, инстинктивного в человеке зачастую выходит на передний план. Именно под таким углом зрения рассматривает социально-политические процессы военных лет В. П. Булдаков. По его мнению, Февральская революция стала триумфом бунтующей массы над ослабевшей властью, терявшей авторитет и даже веру в самое себя. События того времени вызвали стихию «красной смуты»⁶⁴, война же способствовала дезинтеграции многонациональной империи. Национальная гордость, замешанная на этнических фобиях, стала проявлять себя и в столицах, и на окраинах. Национальная психология, движимая эгоистическими устремлениями, не укладывалась в отведенные рамки и так или иначе вела Европу (в том числе и Россию) к военной и политической катастрофе⁶⁵. Война формировала новые «смыслы», вокруг которых складывалась интеллектуальная жизнь эпохи. Она стала своего рода вызовом для русского общества, порождая новые страхи, но-

вые образы власти⁶⁶. По мнению Б. И. Колоницкого, в феврале–марте 1917 г. политический дискурс «демократии» определила символическая система революции, вытеснившая на периферию все, что ей не соответствовало⁶⁷. Так Февраль с неизбежностью породил Октябрь.

Война – это не только фронт и, конечно, не один Петроград. Современная отечественная историография все чаще «вспоминает», что войну вели империи – морские и континентальные, причем Российская империя на протяжении войны оставалась унитарным многонациональным и поликонфессиональным государством, в котором наличествовали многочисленные противоречия – продукт вызревания национальных и конфессиональных элит. Имперская тематика подводит исследователей к вопросам функционирования полиэтнического государственного образования эпохи модерна, в частности к проблеме его окраин⁶⁸, которая имеет и региональное «измерение»⁶⁹. Серьезное внимание российские историки уделяют теме «война и общество»⁷⁰, причем акцент все более отчетливо ставится на изучении ситуации в регионах⁷¹.

В последние годы произошли качественные изменения самой исследовательской парадигмы, что, в свою очередь, привело к возникновению новых направлений в историографии Первой мировой войны. Отечественные исследования о войне все в большей степени входят в русло веяний и подходов зарубежной историографии⁷². Ученые обратились к изучению вопроса о том, насколько война изменила облик общества, поведенческие стереотипы населения, его повседневную жизнь. Изучаются изменения в общественном сознании, эволюция ментальности различных социальных слоев, созревание в них протестных настроений. При этом речь идет не только о солдатах или военнопленных⁷³, но и о жителях прифронтовой полосы, беженцах, дезертирах – иными словами, о значительной части населения России, чью жизнь перевернула война⁷⁴. Примечательно появление и работ о положении женщин в трудную военную пору⁷⁵.

Конечно же, война так или иначе повлияла на состояние всех социальных групп империи, например рабочих, характер выступлений которых, по оценке Ю. И. Кирьянова, во многом все еще остается непроясненным⁷⁶. Она деформировала сознание русского крестьянства, нарушив привычный уклад его жизни и сделав насилие повседневностью⁷⁷. Война стала вызовом и для общественных организаций⁷⁸, и для политических партий разных направлений⁷⁹. Все больший интерес вызывает повседневная жизнь в России в годы войны⁸⁰, настроения различных социальных и национальных групп⁸¹. Особой сферой исследований массового сознания времен войны стало изучение восприятия образа врага в русле военно-исторической антропологии⁸².

Примером удачного обобщающего издания, в той или иной степени «впитавшего» в себя перечисленные тенденции, стала трехтомная энциклопедия «Россия в Первой мировой войне. 1914–1918»⁸³. В издании, выпущенном в свет в год столетия начала войны, освещаются как военные события, так и

внешне- и внутривосточные, экономические и социальные процессы периода войны, ее последствия для страны.

Таким образом, Россия в годы Первой мировой войны для отечественной историографии – отнюдь не новый сюжет, но скорее новый комплекс проблем. Военную историю пока в основном интересовал фронт, политическую – Петроград. Едва ли есть необходимость доказывать взаимосвязь событий на театре военных действий и в столице. А был еще провинциальный город, деревня, далекие окраины империи. Их населяли не только чиновники, депутаты, военнослужащие, революционеры и рабочие. Немалое влияние на жизнь российского общества оказывали многочисленные национальные и религиозные группы. Многообразие политической, социальной, экономической, интеллектуальной жизни России тех лет еще остается во многом не изученным.

* * *

В первые послевоенные десятилетия зарубежная историография Первой мировой войны разрабатывала преимущественно политические, дипломатические и военно-стратегические аспекты ее истории. Главным предметом исследований выступала проблема ответственности и виновности за развязывание войны⁸⁴, а также стратегия и тактика ведения боевых действий. Ситуация начала меняться в 1960-е гг. на фоне осмысления опыта Второй мировой войны и расширения и без того колоссального корпуса опубликованных источников – в связи с истечением 50-летнего срока давности были открыты многие документы военных архивов. Теперь доминирующими направлениями выступили социальная и экономическая история Первой мировой войны, а одним из центральных вопросов – взаимосвязь и взаимообусловленность войны и революционных событий в Германии, Австро-Венгрии, России и Турции.

На рубеже 1980–1990-х гг. начался третий, современный, этап развития историографии Первой мировой войны, ведущим направлением которого явилась так называемая культурная история. Одной из видимых причин такого сдвига стало крушение коммунистических режимов, приведшее к разочарованию в марксизме с его преимущественным интересом к социально-экономической сфере, а равно тот исторический опыт, который был накоплен человечеством на протяжении XX столетия⁸⁵. Общей тенденцией западной школы изучения войны явился переход от национально замкнутой историографии к глобальному взаимодействию историков на фоне укрепления позиций англо-американских исследовательских практик⁸⁶.

В рамках каждого из выделенных этапов преобладала собственная исследовательская парадигма. На первом этапе таковой стала модель «войны наций», согласно которой мировой конфликт 1914–1918 гг. рассматривался как логическое продолжение и завершение «долгого» XIX в. В ходе второго этапа война изучалась уже скорее как конфликт между обществами. В результате западногерманская, французская и отчасти американская историографии совершили дрейф от военно-политической конкретики к ревизии политической истории войны, а затем – к структурной и социальной истории. Это позволи-

ло значительно расширить предмет исследования, проследить, как повлияли на исход боевых действий социально-экономические процессы в странах – участницах войны, раскрыть взаимосвязь между войной и последовавшими в ряде стран революциями.

В настоящее время преобладающим направлением является изучение «человека на войне». Нынешнее поколение ученых, с его особым интересом к культурной и микроистории, истории повседневности, исследует «войну солдат», «войну жертв», что во многом обусловлено попытками осмыслить трагическую историю XX в. в целом, проследить взаимосвязь между Первой мировой войной и возникновением тоталитарных режимов. К темам, в исследовании которых международная историография добилась наиболее значимых успехов, следует отнести проблематику фронтового опыта в целом и насилия в частности, воздействия войны на организацию тыла и коммуникативные практики и особенно коллективную память (коммеморацию) Великой войны⁸⁷.

Что касается соотношения в западной историографии «военной» и «гражданской» истории войны, то долгое время последняя находилась на периферии исследовательского дискурса, занимая второстепенное положение по отношению к событиям на фронтах. В 1980-е гг., как уже отмечалось, произошел переход к культурно-исторической парадигме, изучающей представления и практики широких слоев населения. В современных работах можно выделить два основных направления: во-первых, исследования материальной культуры, т. е. условий и способов выживания в экстремальной обстановке тех лет, и, во-вторых, труды, посвященные «культуре войны». Последнее понятие охватывает широкий круг социокультурных практик, направленных на адаптацию к непривычным условиям военного времени. Подобный подход, помимо прочего, позволил преодолеть отмеченное выше своеобразное «разделение» истории фронта от тыла – в современной историографии значительное внимание уделяется настроениям, представлениям и моделям поведения, общим для солдат и гражданского населения⁸⁸.

Тема «Россия в Первой мировой войне» в западной историографии традиционно относится к числу маргинальных. Первое специальное исследование такого рода – монография британского историка Нормана Стоуна о Восточном (русском) фронте – появилось только в 1975 г.⁸⁹ В 2000-е гг. увидел свет ряд других исторических сочинений, посвященных военной истории России⁹⁰, но задача преодоления разрыва в изучении мировой войны в Западной Европе, с одной стороны, и в других регионах и театрах боевых действий – с другой, до сих пор не утратила своей остроты. Научные работы, специально посвященные положению России в период войны в англо-американской русистике, традиционно задававшей тон в изучении истории России на Западе, также стали появляться лишь в 1970-е гг.⁹¹ В последние два десятилетия положение стало выправляться, причем особый интерес исследователей вызывают как раз экономические, социальные и политические процессы в российском тылу⁹².

Для современного этапа развития зарубежной историографии характерен перенос акцента с революции 1917 г. на Первую мировую войну, ввергшую Россию в эпоху «великих потрясений». Американский историк Питер Холквист в книге с примечательным названием «Революция ковалась в войне: непрерывный кризис в России 1914–1921 гг.»⁹³ выдвигает тезис о том, что русскую революцию следует рассматривать в контексте общеевропейского кризиса 1914–1921 гг., учитывая те серьезные институциональные, политические и идеологические изменения, которые произошли в стране в годы войны. Таким образом, поворотным пунктом в истории России Холквист считает не 1917-й, а 1914-й год. С ним солидарен другой американский ученый Арон Коэн, который рассмотрел роль Первой мировой войны в истории русской культуры и ее воздействие на публичную сферу⁹⁴. По его мнению, для культурной жизни России война имела гораздо большее значение, чем революция.

В исследованиях последних лет отсутствует распространенный ранее жесткий детерминизм по формуле «революция есть прямое следствие неудачной войны». В «Кембриджской истории России», написанной ведущими представителями англо-американской русистики, подчеркивается, что основной причиной военных поражений России в 1914–1915 гг. чаще была не нехватка снарядов или плохая работа транспорта, а «человеческий фактор» – промахи в командовании. Тем не менее, несмотря на все тяготы войны, к началу 1917 г. военно-стратегическое положение России благодаря мобилизации тыла улучшилось, и ее поражение далеко не было предопределено⁹⁵.

Большое внимание уделяется проблемам экономического положения России. Британский исследователь Питер Гэтрелл в книге «Россия в Первой мировой войне: социальная и экономическая история»⁹⁶ подвел итоги изучения этих вопросов в зарубежной русистике. Автор подчеркивает, что за годы войны Россия, несмотря на относительное техническое отставание от ведущих экономик Запада, сделала качественный рывок в производстве вооружений. К 1916 г. около $\frac{2}{3}$ продукции тяжелой промышленности предназначалось действующей армии. По сравнению с 1914 г. производство винтовок увеличилось вчетверо, пулеметов – в 13 раз, пушек-трехдюймовок – в 10, снарядов – в 30 раз. Прогресс России в выпуске военной продукции отмечают и другие исследователи⁹⁷. Однако эти успехи были достигнуты ценой свертывания гражданского производства. К 1917 г. промышленное производство в стране в целом составляло 62 % от предвоенного уровня.

Сельское хозяйство России, пишет Гэтрелл, несмотря на трудности военного времени, пострадало меньше. Посевы 1916 г. были лишь на 5 % ниже, чем в 1909–1913 гг., а урожайность в сравнении с 1914 г. упала всего на 10 %. Транспортная система России, которая исправно работала в 1914 – начале 1915 г., с середины 1915 г. стала испытывать «беспрецедентное напряжение». В свою очередь, транспортные перебои спровоцировали хлебный кризис, хотя зерна в стране все еще было достаточно. В результате рыночные цены на продовольствие подскочили до заоблачных высот. Важной причиной кризиса стала и неспособность правительства скоординировать работу своего продоволь-

ственного аппарата на местах. Последний при распределении зерна старался свести к минимуму рыночные механизмы и заменить их административными мерами, тем самым навлекая на себя недовольство населения и провоцируя революцию⁹⁸.

Говоря о социально-политической ситуации военных лет, Гэтрелл констатирует, что точек соприкосновения и взаимного доверия между государственными структурами и «образованным обществом» в России было явно недостаточно. В то же время историк не согласен с тенденцией преувеличивать, а тем более абсолютизировать их раскол. По его мнению, в деле помощи фронту земству, органам городского самоуправления и общественным организациям удалось наладить с властью по-настоящему конструктивный диалог. В условиях нараставшей в обществе критики действий правительства легитимность муниципальных структур и общественных организаций, поддержка их общественным мнением существенно возросли. Однако эти структуры не смогли нарастить свой политический капитал до такой степени, чтобы бросить вызов режиму. Поэтому, по словам Гэтрелла, «они скорее явились бенефициарами кризиса царской власти зимой 1916/17 г., чем его инициаторами или подстрекателями»⁹⁹.

В целом в англо-американской русистике последних лет проделана значительная работа по изучению истории Российской империи в годы мировой войны. Наполняется новыми фактами рассмотрение таких тем, как степень готовности России к войне, международное положение империи накануне и во время войны, подготовка и проведение боевых операций, социально-экономическое положение и внутренняя политика последних лет империи, «цена» участия России в войне в связи революцией 1917 г.¹⁰⁰

Благодаря работе в российских архивах ведущие англо-американские историки обогащают свои исследования свежим материалом, что дает им возможность ставить новые вопросы и переосмысливать прежние представления. Активно разрабатываются такие ранее слабо изученные проблемы, как межнациональные отношения и политика правящего режима по национальному вопросу, морально-психологическое состояние российского общества, политика по отношению к «вражеским подданным», беженцам и жертвам войны¹⁰¹. Освещаются и такие проблемы, как роль призыва на военную службу в формировании российской нации¹⁰². Все более заметное место занимает гендерная проблематика¹⁰³, что объясняется смещением фокуса внимания исследователей с военных действий и государственной политики к «истории с человеческим лицом»¹⁰⁴. В зарубежной русистике, работающей над интеграцией истории России в мировую историографию, появляются исследования, затрагивающие важную проблему исторической памяти россиян о Первой мировой войне¹⁰⁵.

Серьезной новацией современного историографического этапа следует признать международное сотрудничество в деле изучения войны, в том числе проведение совместных научных конференций¹⁰⁶ и издание на русском языке исследований зарубежных авторов¹⁰⁷. Все это не исключает острых научных

разногласий и споров – отечественные ученые разделяют отнюдь не все западные интерпретации российской истории. Это касается и проблем участия России в Первой мировой войне в целом, и истолкования экономических, социальных, политических процессов в стране в этот период.

Первая – тотальная?

Задачи и структура исследования

Необходимость изучения «гражданской» истории войны связана прежде всего с тем обстоятельством, что Первая мировая во многих отношениях и для многих участвовавших в ней стран стала войной тотальной – противостоянием не только армий враждующих государств, но целых наций, войной на их истощение. По мнению большинства исследователей как англо-саксонской, так и германской исторической школы, Первая мировая война явилась переломным моментом в становлении модели «тотальной войны», так как именно в ходе этого конфликта традиционные способы ведения боевых действий были вытеснены тотальными целями, тотальной мобилизацией населения и ресурсов и тотальным контролем¹⁰⁸.

Уже участники и современники восприняли войну 1914–1918 гг. как вооруженный конфликт, невиданный в истории человечества по своим масштабам, ожесточенности, количеству жертв, по степени мобилизации ресурсов стран-участниц и глобальным последствиям. С самого начала война, полагает современный британский специалист по ее истории Хью Стрэчан, велась не столько за новые территории и сферы влияния, сколько являлась «борьбой за существование» двух непримиримых миров¹⁰⁹. Ближайшие и долгосрочные последствия войны современники (премьер-министр Великобритании Д. Ллойд Джордж, президент США В. Вильсон, философ О. Шпенглер, социолог П. А. Сорокин и др.) описывали в категориях «громadного пожара, сжигающего все до основания»¹¹⁰. Вызванный ею глобальный кризис, отмечают современные исследователи, поразил всю западную цивилизацию, включая представления об общественном развитии, сформированные под воздействием Просвещения¹¹¹, и привел к геополитическим подвижкам – к эрозии роли и значения европейской цивилизации, бывшей на протяжении веков главным средоточием и двигателем общечеловеческого прогресса¹¹².

Представление о Первой мировой войне как «тотальной» своим рождением обязано публицистике и правительственной пропаганде. В 1917 г. французский журналист Леон Доде напечатал памфлет «*La Guerre Totale*», а президент Р. Пуанкаре в одной из речей призвал соотечественников относиться к ней как к «*guerre integrale*». В послевоенной Европе, отмечает швейцарский историк Стиг Фёрстер, словосочетание «тотальная война» оставалось лозунгом, который играл «важную роль в многочисленных размышлениях по вопросу о будущей войне»¹¹³. Наполнить его конкретным содержанием первыми

попытались немецкие авторы. Философ и публицист Эрнст Юнгер в статье, изданной в 1930 г., писал о «тотальной мобилизации» как характерной черте прошедшей войны. Генерал Эрих фон Людендорф в книге 1935 г. издания вслед за другим немецким военным мыслителем Кольмаром фон дер Гольцем пришел к выводу, что тотальная война отличается от прочих тем, что опирается на «духовные и физические силы всей нации». Характерно, что предтечу этих особенностей первого мирового военного конфликта Юнгер и Людендорф обнаружили в Великой французской революции с ее лозунгом «вооруженного народа».

Официальная советская историография эту концепцию охарактеризовала как очередную «империалистическую теорию», «основу фашистской военной идеологии “блицкрига”», а ее суть определила как «всестороннее подчинение всей жизни народа и народного хозяйства интересам подготовки и ведения войны с применением на войне любых, самых жестоких способов устрашения и массового уничтожения мирного населения»¹¹⁴. С тех пор выражение «общая, с использованием всех ресурсов» (*general, all-out*), или тотальная, война стало кочевать по сочинениям историков, политологов и военных аналитиков.

Дефиницией этого понятия и разработкой его концепции профессиональные историки вплотную занялись лишь в конце XX века¹¹⁵. Материалом для них послужил опыт войн предшествующего столетия (главным образом – гражданской войны в США и войны за объединение Германии) и особенно Второй мировой. На изучение этих проблем заметный отпечаток наложило появление в зарубежной историографии «социальной» и «новой социальной истории», развитие политологии, социальной и культурной антропологии, проведение разноуровневых межсоциальных и иных сравнительных исследований. В войнах второй половины XIX в. историки обнаружили лишь слабо выраженные, зачаточные «тенденции к тотальности». Образцом тотальной войны была признана Вторая мировая, а ее первая предшественница обрела статус «недостаточно тотальной», хотя и «важной ступени в процессе роста способности войны к мобилизации социумов и к их уничтожению»¹¹⁶.

По мнению С. Фёрстера, самая суть тотальной войны заключена в сознательном втягивании в военные действия масс гражданского населения – в первую очередь через военные и трудовые мобилизации. «Без прямой поддержки гражданского общества, – утверждает он, – переход к этому типу войны, наложившему отпечаток на целую эпоху, был бы невозможен»¹¹⁷. Отсюда задача историков – изучать «не только нужды и бедствия, но и активную роль мирного населения» в войне. «Неконструктивно, – уточняет ту же мысль отечественный исследователь, – пытаться рассматривать историческую картину такого сложного общественного явления, как мировая война, либо через призму предельно обобщенных социологических схем, либо путем подмены анализа эпохальных процессов мозаикой неповторимых человеческих судеб»¹¹⁸.

Общепризнанного определения феномена тотальной войны мировая историография не выработала до сих пор. Несмотря на это, исследователи сошлись на том, что до «полностью тотальной» не дотягивает ни одна из извест-

ных человечеству войн: «Реальной тотальной войны, – гласит вердикт того же Фёрстера, – не было и не могло быть. Однако множество конкретных случаев недвусмысленно свидетельствуют о движении по направлению к тотальной войне». Как бы то ни было, в ходе дискуссий устами историка Роджера Чикеринга была сформулирована другая методологически важная задача: «...тотальная война требует и тотальной истории»¹¹⁹. Этот постулат созвучен многофакторному методу изучения Первой мировой войны и международных отношений в целом, который в середине – второй половине XX в. был разработан и применен выдающимся французским историком-международником Пьером Ренувеном, его учениками и последователями. Созданная Ренувеном историческая школа ориентирована на рассмотрение трансформации государственных и общественных институтов под влиянием и в условиях войны, изменений в области коллективной психологии и морали, сдвигов в общественном мнении и в сознании индивидов¹²⁰. В свою очередь, современная англоязычная историография Первой мировой войны повышенное внимание уделяет сопутствовавшим ей социальным процессам в воюющих странах и, таким образом, широко изучает проблему «война, человек и общество»¹²¹.

Каковы же главные качественные составляющие концепта тотальной войны? Из множества выделяемых при этом признаков и параметров отметим четыре наиболее важных и часто упоминаемых.

Во-первых, это цели государства в войне, чрезвычайно широко формулируемые и соответственно «легитимируемые» в глазах собственного населения; последнее предполагает тотальную дегуманизацию противника, превращение его в «экзистенциальную угрозу»; место обычных (ограниченных) политических целей в войне занимает стремление к безоговорочной капитуляции противника.

Во-вторых, методы и способы ведения боевых действий: применение массовыми армиями новейших средств поражения и разрушения, направленных на физическое истребление противника; попрание норм международного права в способах ведения войны, а равно в отношении военнопленных и гражданских лиц.

В-третьих, ориентация на полную вовлеченность страны (всей ее государственной, финансово-экономической, общественно-политической, научной и культурной жизни, ее потенциала и всех видов ресурсов) в войну и соответствующий масштаб уничтожения ресурсов противника; размытие грани между армией и гражданским обществом, между фронтом и тылом; возникновение массового милитаризованного сознания с такими его проявлениями, как асоциальное поведение, пренебрежение человеческой жизнью, открытые и скрытые формы геноцида и т. д.

В-четвертых, стремление власти поставить под свой контроль и милитаризовать все стороны жизни социума; ограничение негосударственного сектора экономики, сворачивание институтов гражданского общества, нарастание авторитарных, диктаторских тенденций в управлении; появление предпосылок для перехода к тоталитарной модели государственного устройства.

Предлагаемая читателю книга призвана определить место Первой мировой войны в истории России. Оказалась ли она для нее тотальной? Как война повлияла на характер и облик российской власти и общества, их поведение и взаимоотношения, на демографическое состояние и экономику страны, на психологию и менталитет россиян? Является ли отечественный опыт в этом отношении уникальным или Россия двигалась в фарватере общеевропейского развития? Какова взаимосвязь Первой мировой войны с событиями 1917 г., Гражданской войной и установлением большевистской диктатуры? Используя методы и подходы политической, экономической и социальной истории, исторической демографии и антропологии, на эти и другие ключевые вопросы отечественной истории XX в. пытаются найти ответ авторы этой книги.

Монография состоит из предисловия, семи частей и заключения. В первой части «Российская империя в системе международных отношений. Организация обороны государства» предпринят комплексный анализ совокупности проблем, связанных с определением места и роли России в системе международных отношений накануне и в период Первой мировой войны, дана характеристика государственных структур, которые должны были обеспечить создание системы эффективной обороны страны. Рассмотрены внешнеполитические дилеммы кануна войны, степень подготовки России к военному противостоянию, июльский кризис 1914 г. и дипломатические контакты союзников в годы войны. Обстоятельно изучены история создания и деятельность системы государственных военно-регулирующих органов, а также проблема самоорганизации предпринимательской среды.

Постановка и решение этих задач обусловлены необходимостью анализа международных обстоятельств втягивания России в войну, а также существенных изменений в системе государственного управления в экстремальной ситуации мирового военного противоборства. Авторы дают свои ответы на кардинальной важности вопросы о виновниках разжигания мирового пожара, степени военно-экономической готовности страны, способности государственной машины империи перестроиться применительно к новым условиям, об эффективности имперского режима и его управленческого и идеологического аппаратов.

Во второй части монографии «Демографические и социальные процессы» обстоятельно прослежены изменения, привнесенные войной в динамику и структуру российского социума. Рассмотрены демографические последствия войны, ее влияние на социализацию женщин и молодежи, усиление роли военных в обществе, массовые миграции населения (беженцы). Предметом исследования стали также перемены в положении основных сословий империи (дворянства, духовенства, купечества и др.) и фактор войны в жизни главных страт-классов (рабочих, крестьян и т. д.).

В третьей части «Экономика России в условиях войны» последовательно освещены такие ключевые вопросы, как развитие промышленного производства, положение российской деревни, кризис системы торговли и попытки

государства наладить внерыночные механизмы продовольственного снабжения, состояние транспортной системы и причины кризиса на железных дорогах, финансовое положение страны в период до Февральской революции 1917 г. Война, несомненно, тяжелым бременем легла на экономику страны, но в монографии сделан акцент не только и не столько на деструктивных процессах, сколько на появлении новых отраслей производства, на внедрении новых технологий, необходимых для успешного боевого снабжения армии. Отраслевой анализ позволил дать объективную экспертную оценку состояния экономики империи с середины 1914 по февраль 1917 г.

«Общество в годы войны» – тема четвертой части книги. Авторами прослежены такие сущностные проблемы, как отношение к войне народа и образованного общества, создание и деятельность многочисленных общественных организаций (добровольных, филантропических и т. п.), духовная и повседневная жизнь российской провинции, радикально изменившиеся под воздействием войны. Первоочередное внимание уделено процессам самоорганизации российского общества, выразившимся в создании разветвленной системы общественных организаций, которые наряду с государственными структурами активно включились в решение задач как помощи фронту, так и беженцам, сиротам и всем пострадавшим от войны.

Особое место в российской драме 1914–1917 гг. занимали политические партии, деятельности которых посвящена пятая часть. В монографии проанализирована эволюция взглядов, тактических установок и форм общественной активности представителей трех основных направлений российской общественно-политической мысли – консерватизма, либерализма и радикализма (социалистические партии), которые отличало традиционное глубинное расхождение по таким вопросам, как «оборончество» и «пораженчество», патриотизм и пацифизм. По сути, мировая война обострила идейный кризис партийно-политической элиты, которая оказалась неспособной найти консенсус в экстремальных условиях войны, когда на карту была поставлена судьба России.

Назревание политического кризиса, приведшего к Февральской революции, прослежено в шестой части книги. Авторами всесторонне раскрыт процесс нарастания противостояния между властью и обществом. К числу важнейших сюжетов этого раздела принадлежат характеристика государственных институтов (верховой и исполнительной власти, представительных учреждений), анализ эволюции взаимоотношений власти и общества от сотрудничества к конфронтации, дана обстоятельная картина массовых протестных движений 1914–1916 гг. Органическая неспособность власти и общества найти компромисс и вступить в конструктивный диалог стимулировала деструктивные процессы в стране, которые привели к революционному взрыву.

В завершающей, седьмой, части монографии «От войны к революции» рассмотрено развитие страны после Февраля 1917 г. В центре внимания авторов находятся события революции 1917 г., ее движущие силы, характер и результаты. Тщательно прослежены политические, социальные и экономи-

ческие процессы последнего года участия России в мировой войне, ставшего одновременно рубежом в ее истории. После прихода к власти большевиков, в условиях социальной и политической деструкции, Россия потерпела поражение, заключив сепаратный мир и одновременно сменив вектор исторического развития.

В работе над монографией принял участие коллектив исследователей из Института российской истории РАН и его Поволжского филиала в Самаре, Российского государственного гуманитарного университета, Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), Самарского государственного экономического университета, Тверского государственного университета, Российского государственного архива социально-политической истории, НИУ «Высшая школа экономики».

Авторы выражают признательность Российскому гуманитарному научному фонду, финансовая поддержка которого обеспечила подготовку и публикацию этой книги.

Примечания

¹ См.: *Дьячков В. Л., Протасов Л. Г.* Великая война и общественное сознание: превратности индоктринации и восприятия // *Россия и Первая мировая война (Материалы международного colloquium)*. СПб., 1999. С. 58; *Забывтая война и преданные герои*. Сост. Е. Н. Рудая, М., 2011; *Белова И., Гребенкин И.* Первая мировая: великая забывтая война // *Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет*. М., 2013; *Сергеев Е. Ю.* Актуальные проблемы изучения Первой мировой войны // *Новая и новейшая история*. 2014. № 2; *Хавкин Б. Л.* Русский фронт Первой мировой войны (1914–1918 годы) // Там же. 2014. № 1, 2; и др.

² *Котляревский С. А.* Война // *Вопросы философии и психологии*. 1914. Кн. 124 (4). С. 1.

³ *Бернацкий М. В.* Денежное обращение и займы // *Военные займы*. Сб. статей / Под ред. М. И. Туган-Барановского. Пг., 1917; *Новорусский М. В.* Война и новые отрасли русской промышленности // *Вопросы мировой войны*. Пг., 1915. С. 269–324; *Туган-Барановский М. И.* Влияние войны на народное хозяйство России, Англии и Германии // Там же. С. 269–324; *Фридман М. И.* Война и государственное хозяйство России // Там же. С. 358–397; *Твердохлебов В. Н.* Влияние войны на городские и земские финансы // Там же. С. 443–465; *Шингарев А. И.* Земская и городская Россия // *Чего ждет Россия от войны*. Пг., 1915. С. 186–213; *Вернадский В. И.* Война и прогресс науки // Там же. С. 67–80; *Кареев Н. И.* Мысли о русской науке по поводу теперешней войны // Там же. С. 81–97; *Знаменский С. Ф.* Основные задачи в области образования // Там же. С. 144–172; *Гиттис З. Н.* Война, литература, театр // Там же. С. 98–105; *Бехтерев В. М.* Война и здоровье населения России // Там же. С. 173–185; *он же.* Война и психозы // *Вопросы мировой войны*. Пг., 1915. С. 530–604.

⁴ *Бубликов А. А.* Русская революция. Нью-Йорк, 1918. С. 15–43; *Милюков П. Н.* Война и вторая революция. Пять дней революции (27 февраля – 3 марта) // *Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г.* М., 1991. С. 3–29; *Родзянко М. В.* Государственная дума и февральская 1917 г. революция // *Архив русской революции*. Т. 6. Берлин, 1922. С. 55–59.

⁵ *Милюков П. Н.* История второй русской революции. М., 2001. С. 26–40.

- ⁶ Струве П. Б. Избранные труды. М., 2010. С. 433.
- ⁷ Яковенко Б. В. История великой русской революции. Февральско-мартовская революция и ее последствия. М., 2013. С. 156–163.
- ⁸ См., напр.: Катков Г. М. Февральская революция. М., 2006. С. 439–446.
- ⁹ Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту. Paris, 1931. С. 218.
- ¹⁰ Он же. Легенда о сепаратном мире. Paris, 1957. С. 494.
- ¹¹ Емельянов Ю. Н. С. П. Мельгунов: в России и в эмиграции. М., 1998. С. 184–186.
- ¹² Мельгунов С. П. Мартовские дни 1917 года. Paris, 1957. С. 140.
- ¹³ Покровский М. Н. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. М., 1924. С. 185.
- ¹⁴ Он же. Октябрьская революция. М., 1929. С. 109.
- ¹⁵ Фокин Е. Февраль 1917 г. М., 1932. С. 10; Граев Б. Б. К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны. М.; Л., 1926. С. 382; История ВКП(б) / Под ред. Е. Ярославского. М.; Л., 1929. Т. 4. С. 16; Балабанов М. Царская Россия XX в. Харьков, 1927. С. 201.
- ¹⁶ Семенников В. П. Политика Романовых накануне революции. М.; Л., 1926. С. 139; он же. Романовы и германские влияния. М.; Л., 1929. С. 85.
- ¹⁷ Пионтковский С. А. Очерки истории России XIX–XX вв. Харьков, 1928. С. 266.
- ¹⁸ См.: Петропавловский С. Дворянство, бюрократия и монархия перед Февральской революцией // Пролетарская революция. 1922. № 8; Василевский И. М. Николай II. Пг., 1923; Любош С. Последние Романовы. Л., 1924; Заславский Д. О. Последний временщик Протопопов. Л., 1927; Мстиславский С. Гибель царизма. Л., 1927; Фирсов Н. Н. Николай II. Опыт личной характеристики. Казань, 1929.
- ¹⁹ История Гражданской войны в СССР. Т. 1. М., 1935. С. 12–13, 16, 28–34, 48, 53, 56–58.
- ²⁰ История Всесоюзной коммунистической партии большевиков. Краткий курс. М., 1938. С. 156–170.
- ²¹ Черменский Е. Д. История СССР. Период империализма. М., 1965. С. 501, 503.
- ²² Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973. С. 564; Сидоров А. Л., Бовыкин В. И., Волобуев П. В. Экономические и социальные проблемы Первой мировой войны // Первая мировая война. 1914–1918. М., 1968. С. 190–191.
- ²³ Гаврилов Л. М., Кутузов В. В. Истощение людских резервов в русской армии в 1917 г. // Первая мировая война. 1914–1918. М., 1968. С. 151, 157.
- ²⁴ Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 20–35, 48–50, 56.
- ²⁵ Там же. С. 10, 94, 135–136; Лейберов И. П. Деятельность петроградской организации большевиков и ее влияние на рабочее движение в годы Первой мировой войны // Первая мировая война. 1914–1918. М., 1968. С. 302.
- ²⁶ Лаверычев В. Я. По ту сторону баррикад (Из истории борьбы московской буржуазии с революцией). М., 1967. С. 145–146, 161, 172.
- ²⁷ См., напр.: Иоффе Г. З. Революция и судьба Романовых. М., 1992. С. 17–20.
- ²⁸ Аврех А. Я. Царизм накануне свержения. М., 1989. С. 245–249.
- ²⁹ Старцев В. И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. Л., 1977. С. 262–263.
- ³⁰ Кризис самодержавия. 1895–1917. Л., 1984. С. 575, 698; Власть и реформы. От самодержавия к советской России. СПб., 1996. С. 615–616; Флоринский М. Ф. Кризис государ-

ственного управления в России в годы Первой мировой войны. Л., 1988. С. 203–204. См. также: *Ганелин Р. Ш., Флоринский М. Ф.* Российская государственность и Первая мировая война // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 7–37.

³¹ Кризис самодержавия. 1895–1917. С. 575, 698; Власть и реформы. От самодержавия к советской России. С. 615–616.

³² *Зайончковский А. М.* Мировая война 1914–1918 гг.: В 2-х т. М., 1938. Т. 2. С. 109–112.

³³ *Ростунов И. И.* Русский фронт Первой мировой войны. М., 1976. С. 343–346.

³⁴ Последняя война Российской империи. Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов. М., 2006. Подробнее об этой историографической тенденции см.: *Козенко Б. Д.* Отечественная историография Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2001. № 3.

³⁵ *Шаццло В. К.* Последняя война царской России. М., 2010. С. 216.

³⁶ *Маниковский А. А.* Боевое снабжение русской армии в мировую войну. М., 1937. С. 649–651.

³⁷ *Маевский И. В.* Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. М., 1957. С. 97–100, 166, 371.

³⁸ *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. С. 634.

³⁹ *Бескровный Л. Г.* Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-промышленного потенциала. М., 1986.

⁴⁰ *Тарновский К. Н.* Формирование государственно-монополистического капитализма в России в годы Первой мировой войны (на примере металлургической промышленности). М., 1958. С. 212.

⁴¹ *Островский А. В.* Государственно-капиталистические и кооперативные тенденции в экономике России: 1914–1917 гг. // Россия и Первая мировая война (Материалы международного colloquium). СПб., 1999. С. 494–495.

⁴² См.: *Шаццло К. Ф.* От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политика. М., 2000; *Беляев С. Г. П. Л.* Барк и финансовая политика России. 1914–1917 гг. СПб., 2002; *Китанина Т. М.* Россия в Первой мировой войне 1914–1917 гг. Экономика и экономическая политика. Ч. 1. Экономическая политика царского правительства в первые годы войны. 1914 – середина 1916 г. СПб., 2003; Военная промышленность России в начале XX века (1900–1917). Сб. документов. М., 2004; Кредит и банки в России до начала XX века: Санкт-Петербург и Москва. СПб., 2005; *Захаров В. Н., Петров Ю. А., Шаццло М. К.* История налогов в России. IX – начало XX в. М., 2006; *Поликарпов В. В.* От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. М., 2008; *Бокарев Ю. П.* Экономические последствия распада Российской империи в результате Первой мировой войны. Екатеринбург; М., 2009; *Маркевич А., Харрисон М.* Первая мировая война, Гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913–1928 гг. М., 2013.

⁴³ См.: *Юрий М. Ф.* Организационное устройство Центрального военно-промышленного комитета (1915 – февраль 1917 г.) // Государственные учреждения и общественные организации СССР. История и современность. М., 1985; *Сергеев С. Л.* Военно-промышленные комитеты в годы Первой мировой войны. М., 1996; *Ваганова Л. В., Рукосуев Е. Ю.* Военно-промышленные комитеты на Урале в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Екатеринбург, 2005; *Кюнг П. А.* Мобилизация экономики и частный бизнес в России в годы Первой мировой войны. М., 2012. С. 57.

⁴⁴ История железнодорожного транспорта России. Т. 1. СПб., 1994; *Сенин А. С.* Министерство путей сообщения в 1917 г. М., 2009. С. 13–22.

⁴⁵ См.: *Корелин А. П.* Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг. М., 2009; *Кондрашин В. В.* Крестьянство России в гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009; *Данилов В. П.* История крестьянства в России в XX веке. Избранные произведения. Т. 2. М., 2011; *Рышков В. М.* Зерновое хозяйство Сибири в годы Первой мировой войны // Ежегодник аграрной истории Восточной Европы. 2012. № 2.

⁴⁶ См., напр.: *Иванова Н. А., Желтова В. П.* Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX века. М., 2004.

⁴⁷ *Колоницкий Б.* «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. С. 572.

⁴⁸ См., напр.: *Петров Ю. А.* Московская буржуазия в начале XX века: предпринимательство и политика. М., 2002.

⁴⁹ *Шевырин В. М.* Власть и общественные организации в России (1914–1917). М., 2003. С. 130–132.

⁵⁰ *Айранетов О. Р.* Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и революцию (1907–1917). М., 2003. С. 203, 227–229.

⁵¹ *Гайда Ф. А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М., 2003. С. 372.

⁵² Там же. С. 269.

⁵³ *Куликов С. В.* Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004. С. 394–401.

⁵⁴ *Миронов Б. Н.* Благополучие населения и революции в имперской России. XVIII – начало XX в. М., 2012. С. 654–659.

⁵⁵ *Николаев А. Б.* Государственная дума в Февральской революции: очерк истории. Рязань, 2002. С. 247–248;

⁵⁶ *Тютюкин С. В.* Первая мировая война и революционный процесс в России (роль национально-патриотического фактора) // Первая мировая война: Пролог XX века. М., 1998. С. 248.

⁵⁷ См.: *Соловьев О. Ф.* Обреченный альянс: Заговор империалистов против народов России. 1914–1917 гг. М., 1986; *Брюханов В. А.* Заговор против мира. Кто развязал Первую мировую войну. М., 2005; Масоны и Февральская революция 1917 года. М., 2007; *Стариков Н.* 1917. Кто «заказал» Россию? Главная тайна XX века. 2009; *Данилов О. Ю.* Пролог «Великой войны» 1904–1914 гг. Кто и как втягивал Россию в мировой конфликт. М., 2010; *Никонов В. А.* Крушение России. 1917. М., 2011; *Гребенкин И., Белова И.* Первая мировая: Великая «забытая» война // Исторические исследования в России – III. Пятнадцать лет спустя. М., 2011. С. 203.

⁵⁸ Первая мировая война: взгляд спустя столетие. Доклады и выступления участников международной конференции «Первая мировая война и современный мир». М., 2011. С. 90 (выступление В. К. Шацилло).

⁵⁹ *Ганелин Р. Ш.* В России двадцатого века. М., 2014. С. 370–400. См. также: *Соловьев О. Ф.* Указ. соч. С. 136–152; *Лебедев В. В.* Проблема выхода из войны и кризис самодержавия (конец 1916 г. – начало 1917 г.) // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 189–207; *Соболев Г. Л.* Тайный союзник. Русская революция и Германия. 1914–1918. СПб., 2009. С. 199–209.

⁶⁰ *Яковлев Н. Н.* 1 августа 1914. М., 1974.

⁶¹ *Аврех А. Я.* Масоны и революция. М., 1990. С. 339–342.

⁶² *Старцев В. И.* Тайны русских масонов. СПб., 2004. С. 119, 128.

⁶³ *Пушкарева И. М.* Февральская революция 1917 года в России: проблемы историографии 90-х гг. XX века // Россия в XX веке: Реформы и революция: В 2-х т. Т. 1. М., 2002. С. 245–246.

⁶⁴ *Булдаков В. П.* Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С. 112–125.

⁶⁵ *Он же.* Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг.: условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010. С. 151–152.

⁶⁶ *Колоницкий Б. И.* Политические функции англофобии в годы Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война (Материалы международного коллоквиума). СПб., 1999. С. 271–287; *он же.* «Трагическая эротика». С. 574–578.

⁶⁷ *Он же.* Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 г. СПб., 2012. С. 18–33, 304–307; *он же.* «Демократия» как идентификация: к изучению политического сознания Февральской революции // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 109–119.

⁶⁸ См.: *Исхаков С. М.* Февральская революция и российские мусульмане // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 189–207; *Андреева Н. С.* Прибалтийские немцы и Первая мировая война // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX в. СПб., 1999. С. 461–473; *Ливоварчик С. А.* Трагедии Первой мировой войны: «евреи-шпионы» // Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства. М., 2005. С. 71–83; *Нелипович С.* В поисках «внутреннего врага»: депортационная политика России (1914–1917) // Первая мировая война и участие в ней России (1914–1918). Материалы научной конференции. Ч. 1. М., 1997; *Новикова И. Н.* «Финская карта» в немецком пахьянсе: Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб., 2002; *Булдаков В. П.* «Бунт» (о восстании казахов в 1916 г.) // Родина. 2004. № 11. С. 68–72; *Бахтурина А. Ю.* Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004; *она же.* Государственное управление окраинами Российской империи в годы Первой мировой войны // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 59–78; *Котюкова Т. В.* Первая мировая война и участие в ней народов Российской империи (на примере Туркестанского края) // Первая мировая война: взгляд через столетие. М., 2011.

⁶⁹ *Поршнева О. С.* Проблема войны и мира в общественной борьбе на Урале. 1914–1918 // Россия и Первая мировая война (Материалы международного коллоквиума). СПб., 1999. С. 463–474; *Трошина Т. И.* Великая война и Северный край. Европейский Север России в годы Первой мировой войны. Архангельск, 2012.

⁷⁰ Политические партии и общество в России 1914–1917 гг.: Сб. статей и документов. М., 2000; Война и общество в XX веке: В 3-х кн. Кн. 1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны. М., 2008.

⁷¹ *Иконникова Т. Я.* Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны. Хабаровск, 1999; *Комарова Т. С.* Тем, кто в забвенье брошен был судьбой. Енисейская губерния в годы Первой мировой войны. Красноярск, 2007; *Еремин И. А.* Западная Сибирь в период Первой мировой войны (июль 1914 – март 1918 гг.). Барнаул, 2010; *Белова И. Б.* Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. М., 2011; *Михайлов А. А.* Псков в годы Первой мировой войны. 1914–1915 гг. Псков, 2012.

⁷² См.: *Шевырин В. М.* Россия в Первой мировой войне (новейшая отечественная историография): Обзор // Россия в Первой мировой войне: новые направления исследований: Сб. обзоров и рефератов. М., 2013. С. 32.

⁷³ *Асташов А. Б.* Война как культурный шок: анализ психопатологического состояния русской армии в Первую мировую войну // Военно-историческая антропология. Ежегодник 2002. М., 2002. С. 268–281; *он же.* Братания на русском фронте Первой мировой войны: между пацифизмом и мировой революцией // Первая мировая война, Версальская система и современность. Сб. ст. СПб., 2012. С. 40–47; *он же.* Дезертирство и борьба с ним в царской армии в годы Первой мировой войны // Российская история. 2011. № 4. С. 44–52; *Сенявская Е. С.* Психология войны в XX веке: Исторический опыт России. М., 1999. С. 263–275; *Базанов С. Н.* Разложение русской армии в 1917 г. (К вопросу об эволюции понимания легитимности Временного правительства в сознании солдат) // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2002. С. 282–290; *Дубровская Е. Ю.* Армейская и флотская повседневность (российские военные в Финляндии в годы Первой мировой войны) // Там же. С. 119–128; *Нарский И. В.* Фронтовой опыт русских солдат. 1914–1916 гг. // Новая и новейшая история. 2005. № 1. С. 194–204; *Гребенкин И. Н.* Русский офицер в годы мировой войны. 1914–1918 гг. Рязань, 2010; *Нагорная О. С.* «Другой военный опыт»: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). М., 2010; *Гуцин Ф. А., Жебровский С. С.* Пленные генералы Российской императорской армии. 1914–1917. М., 2010.

⁷⁴ *Курцев А. Н.* Беженство // Россия и Первая мировая война (Материалы международного colloquium). СПб., 1999. С. 130–146; *Белова И. Б.* Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. М., 2011.

⁷⁵ *Щербинин П. П.* Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. Тамбов, 2004.

⁷⁶ *Кирьянов Ю. И.* Рабочие России и война: новые походы к анализу проблемы // Россия и Первая мировая война (Материалы международного colloquium). С. 432–446. См. также: *Пушкарева И. М.* Рабочие России в революционной ситуации в годы Первой мировой войны // Реформы или революция? Россия в 1861–1917 гг. СПб., 1992. С. 95–100; *Касаров Г. Г.* Московские рабочие в годы Первой мировой войны (июль 1914 г. – февраль 1917 г.). М., 1996.

⁷⁷ *Поршнева О. С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 115; *она же.* Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат в период Первой мировой войны (1914 – март 1918 г.). Екатеринбург, 2000. См. также: *Асташов А. Б.* Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны // Отечественная история. 2003. № 2. С. 72–86.

⁷⁸ *Туманова А. С.* Самодержавие и общественные организации в России. 1905–1917 гг. Тамбов, 2002; *Петровичева Е. М.* Земство Центральной России в период Первой мировой войны. М., 2001; Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в. / Отв. ред. А. С. Туманова. М., 2011. С. 287–289, 308–313; *Писарькова Л. Ф.* Московская городская дума, 1863–1917. М., 1996; *Галкин П. В.* Местное самоуправление в Московской губернии и государственная власть. 1864–1917 гг. М., 2012. С. 382–388.

⁷⁹ *Шелохаев В. В.* Разработка кадетами национального вопроса в годы Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война (Материалы международного colloquium). С. 355–366; *Кирьянов Ю. И.* Правые партии в России. 1911–1917 гг. М., 2001; *Иванов А. А.* Последние защитники монархии. Фракция правых IV Государственной думы в годы Первой мировой войны. СПб., 2006; *он же.* Правые в русском парламенте: от кризиса к краху, 1914–1917. М.; СПб., 2013; *Ненароков А. П.* Правый меньшевизм: прозрения российской

социал-демократии. М., 2012; *Постников Н. Д.* Территориальное размещение и численность политических партий России (1907 – февраль 1917). М., 2013.

⁸⁰ *Руга В., Кокорев А.* Повседневная жизнь Москвы. Очерки городского быта в период Первой мировой войны. М., 2011; *Семенова Е. Ю.* Мировоззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1918 г.): социальный, экономический, политический аспекты. Самара, 2012.

⁸¹ *Тутолмин С. Н.* Первая мировая война в крестьянских жалобах и прошениях. 1914–1917 гг. // *Нестор.* № 6. Ежеквартальный журнал истории и культуры России и Восточной Европы. Человек и война. Источники, исследования, рецензии. СПб., 2003. С. 380–401; *Поршнева О. С.* «Настроения 1914 года» в России как феномен истории и историографии // *Российская история.* 2010. № 2. С. 185–200; *Коровина Л.* «Боеприпасы без патрон». Антигерманские настроения и пропаганда в русской армии во время Первой мировой войны // *Россия и Германия в XX веке: В 3-х т. Т. 1. Обольщение властью. Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах.* М., 2010. С. 192–210; *Асташов А. Б.* Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны. М., 2012. С. 5–85.

⁸² *Сенявская Е. С.* Противники России в войнах XX века. Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006.

⁸³ *Россия в Первой мировой войне. 1914–1918.* Энциклопедия: В 3-х т. М., 2014.

⁸⁴ Подробнее об этом см.: *Neilson K.* 1914: The German War? // *European History Quarterly.* 2014. July; *Петров Ю. А., Павлов Д. Б.* Первая мировая война: кто виноват? (историографический этюд) // *Российская история.* 2014. № 5.

⁸⁵ См.: *Winter J., Prost A.* The Great War in History: Debates and Controversies, 1914 to the Present. Cambridge university press, 2005.

⁸⁶ См.: *Нагорная О., Нарский И.* Проигранная война, поиск виновников и тень нацизма // *Российская история.* 2014. № 5.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ *Россия в Первой мировой войне: новые направления исследований.* С. 24–25.

⁸⁹ *Stone N.* The Eastern Front, 1914–1917. London, 1975.

⁹⁰ *Liulevicius V. G.* Kriegsland im Osten. Eroberung, Kolonisierung und Militaerherrschaft im Ersten Weltkrieg. Hamburg, 2002; *Die vergessene Front. Der Osten 1914/1915 / G. P. Groß* (Hg.). Paderborn u.a., 2006.

⁹¹ См., напр.: *Pearson R.* The Russian Moderates and the Crisis of Tsarism, 1914–1917. London – Basingstoke, 1977; *Lieven D.* Russia and the Origins of the First World War. London, 1983; *Siegelbaum L. H.* The Politics of Industrial Mobilization in Russia, 1914–1917: A study of the War-industries Committees. N. Y., 1983; *Lincoln W. B.* Passage through Armageddon: The Russians in War and Revolution, 1914–1918. N. Y., 1986.

⁹² См.: *Макаров Н. В.* Российская империя в Первой мировой войне: современная англо-американская историография // *Российская история.* 2014. № 5.

⁹³ *Holquist P.* Making War, Forging Revolution. Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921. Cambridge – London, 2002.

⁹⁴ *Cohen A. J.* Imagining the Unimaginable: World War, Modern Art, and the Politics of Public Culture in Russia, 1914–1917. Lincoln: University of Nebraska press, 2008.

⁹⁵ См.: *Lieven D., ed.* The Cambridge history of Russia. Vol. II. Imperial Russia, 1689–1917. Cambridge, 2006. P. 659, 662.

⁹⁶ *Gatrell P.* Russia's First World War: A Social and Economic History. Harlow, 2005.

⁹⁷ См., напр.: *Lieven D. C.B., ed.* The Cambridge history of Russia. Vol. II. P. 661.

⁹⁸ *Gatrell P.* Russia's First World War. P. 157–158, 160–164.

⁹⁹ *Idem.* P. 55.

¹⁰⁰ *Lieven D.* Nicholas II: Emperor of all the Russians. London, 1993; *Lincoln W. B.* Passage through Armageddon: The Russians in War and Revolution, 1914–1918. New York – Oxford, 1994; *Figes O.* A People's Tragedy: The Russian Revolution, 1891–1924. London, 1996; *Wade R.* The Russian Revolution, 1917. Cambridge, 2000; *Lieven D.*, ed. The Cambridge history of Russia. Vol. II. Imperial Russia, 1689–1917.

¹⁰¹ *Gatrell P.* A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I. Bloomington, 1999.

¹⁰² *Sanborn J.* Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War and Mass Politics, 1905–1925. DeKalb, 2003.

¹⁰³ См., напр.: *Mcdermid J.*, *Hillyaz A.* Women and Work in Russia 1870–1930. London, 1998.

¹⁰⁴ Подробнее см.: Россия в Первой мировой войне: новые направления исследований: Сб. обзоров и рефератов. С. 189–242.

¹⁰⁵ *Petrone K.* The Great War in Russian Memory. Bloomington: Indiana university press, 2011.

¹⁰⁶ Первая мировая война: взгляд через столетие. Материалы международной конференции «Первая мировая война и современный мир» (Москва, 26–27 мая 2010 г.). М., 2011.

¹⁰⁷ См.: *Пайнс Р.* Русская революция. Т. 1. М., 1994; *Хаймсон Л.* Развитие политического и социального кризиса в России в период от кануна Первой мировой войны до Февральской революции // Россия и Первая мировая война (Материалы международного научного коллоквиума); *Хоскинг Дж.* Россия: Народ и империя (1552–1917). Смоленск, 2000; *Ливен Д.* Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М., 2007; *Фуллер У.* Внутренний враг: шпиономания и закат императорской России. М., 2009; *Лор Э.* Русский национализм и Российская империя: кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М., 2012.

¹⁰⁸ См.: *Нагорная О.*, *Нарский И.* Проигранная война, поиск виновников и тень национализма.

¹⁰⁹ *Strachan H.* The Outbreak of the First World War. Oxford University Press, 2004. P. 210.

¹¹⁰ *Сорокин П. А.* Человек. Цивилизация. Общество. Пер. с англ. М., 1992. С. 428. См. также: *Sorokin P.* Social Mobility. New York, 1926; *Idem.* Contemporary Sociological Theories. New York, 1928.

¹¹¹ *Сыч А. И.* К вопросу о последствиях Первой мировой войны // Первая мировая война. Страницы истории / Под ред. Ю. Макара. Черновцы, 1994. С. 175–190; *Яхимович З. П.* Тотальная война как выражение цивилизационного кризиса // Мировые войны XX века. Кн. 1. Первая мировая война. Историч. очерк / Под ред. В. Л. Малькова и Г. Д. Шкундина. М., 2002. С. 500, 537.

¹¹² *Мальков В. Л.*, *Шкундин Г. Д.* Заключение. Первая мировая война: взгляд сквозь годы // Там же. С. 645.

¹¹³ *Фёрстер С.* Тотальная война. Концептуальные размышления к историческому анализу структур эпохи 1861–1945 гг. // Опыт мировых войн в истории России. Сб. ст. / Под ред. И. В. Нарского и др. Челябинск, 2007. С. 14.

¹¹⁴ Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 43. М., 1956. С. 67. Статья «Тотальная война».

¹¹⁵ См.: *Les sociétés européennes et la guerre de 1914–1918.* Paris, 1990; *On the Road to Total War. The American Civil War and the German War for Unification.* Ed. by S. Foerster and

J. Nagler. Cambridge, 1997; Great War. Total War. Combat and Mobilization on the Western Front, 1914–1918. Ed. by R. Chickering and S. Foerster. Cambridge, 2000; и др.

¹¹⁶ *Байрау Д.* Понятие и опыт тотальной войны (на примере Советского Союза) // Опыт мировых войн в истории России. С. 28; State, Society and Mobilization in Europe during the First World War. Ed. by J. Horne. Cambridge University Press, 1997. P. 3.

¹¹⁷ *Фёрстер С.* Тотальная война. С. 25.

¹¹⁸ *Яхимович З. П.* Тотальная война как выражение цивилизационного кризиса. С. 501.

¹¹⁹ *Фёрстер С.* Тотальная война. С. 14, 24.

¹²⁰ Подробнее о методе П. Ренувена и его школе см.: *Урибес Санчес Э.* Современная французская историография происхождения Первой мировой войны (методология и проблематика) // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории / Под ред. Ю. А. Писарева и В. Л. Малькова. М., 1994. С. 33–45.

¹²¹ См.: *Marwick A.* Britain in the Century of Total War. War, Peace and Social Change, 1900–1967. London, 1968; Total War and Social Change. Ed. by A. Marwick. McMillan Press, 1988; War, Peace and Social Change in 20th Century Europe. Ed. by C. Emsley, A. Marwick and W. Simpson. Open University Press, 1989; State, Society and Mobilization in Europe during the First World War. Ed. by J. Horne. Cambridge University Press, 1997; и др.

Часть I

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ. ОРГАНИЗАЦИЯ ОБОРОНЫ ГОСУДАРСТВА

Глава 1. МЕЖДУ ДВУХ ВОЙН: ДИЛЕММЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ И ВОЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА (Д. Б. Павлов)

1. От мирового перепутья к европейскому маневрированию

Растерянность российских правящих кругов от проигрыша Японии в войне 1904–1905 гг. продолжалась недолго и скоро сменилась поиском новых направлений и приемлемых линии и модели поведения на мировой арене. Объективное положение вещей диктовало необходимость длительной передышки, чтобы залечить нанесенные войной раны и, что еще более важно, для проведения внутренних реформ, направленных на всестороннюю модернизацию страны, в том числе на восстановление ее военной мощи. По позднему признанию современника, крупного военного деятеля, России «необходимы были долгие годы мира и глубокая внутренняя перестройка»^{*}. В противном случае стране грозил откат в разряд второстепенных держав, а в худшем варианте – и превращение в государство-аутсайдера. Таким образом, проблемы внутренней жизни России и ее международной политики как, быть может, никогда ранее, оказались теснейшим образом взаимосвязаны. Во внешнеполитическом аспекте требовавшийся тайм-аут предполагал временный отказ от имперских амбиций и переход к политике балансирования, маневрирования и уступок. Сторонником преимущественно оборонительного образа действий во внешнеполитической сфере ради возрождения «Великой России» выступил новый (с 1906 г.) премьер-министр П. А. Столыпин – всякая иная политика, полагал он, была бы «бредом ненормального правительства», способ-

^{*} Данилов Ю. Н. На пути к крушению. Очерки последнего периода Российской империи. М., 2000. С. 56.

ным придать силы революции, «из которой мы только начинаем выходить»^{*}. Император Николай II, обескураженный дальневосточным провалом, занял выжидательную и в целом миролюбивую позицию. Великодержавная активность России оказалась скована, роль ключевого участника международной жизни временно утрачена.

В мировую политику, центром которой по-прежнему являлся Старый Свет, послевоенная Россия возвращалась, не имея цельной и взвешенной внешнеполитической концепции, которая, впрочем, разработана так и не была. Определяющим фактором системы международных отношений тех лет выступало соперничество двух европейских группировок – австро-германо-итальянского блока, оформленного еще в 1882 г. и затем дважды (в 1902 и 1912 гг.) возобновленного, с франко-британским «Сердечным согласием» (*Entente Cordiale*) в виде трех конвенций по колониальным делам, заключенным Парижем и Лондоном в апреле 1904 г. От активности на Дальнем Востоке Петербургу, естественно, пришлось отказаться, взамен попытавшись утвердиться на европейском театре с задачей укрепить свое пошатнувшееся международное положение и занять достойное место в «концерте» держав в условиях растущей мощи и притязаний Германии и ее союзников. Однако прежде России требовалось продемонстрировать свою «союзоспособность» с тем, чтобы расширить круг надежных зарубежных партнеров. В этом смысле сомнений не вызывала лишь Франция, оборонительный союз с которой был заключен еще в 1891–1893 гг. Сохранявшиеся противоречия, особенно на Ближнем Востоке, не портили климата доверия, который в начале XX в. доминировал во взаимоотношениях двух стран, во многом благодаря многолетним интенсивным межгосударственным и межличностным контактам, а также взаимно благожелательному общественному мнению, к тому времени уже ставшему традиционным – идея сближения сформировалась в общественном сознании России и Франции еще в середине 1880-х гг. Немаловажно и то, что Париж, являясь крупнейшим российским кредитором, в то же время нуждался в военной поддержке с востока больше, чем наоборот. Таким образом, русско-французский блок по сути являлся союзом равных^{**}.

^{*} Цит. по: *Виноградов В. Н.* Двадцатый век. Россия: возвращение в Европу // В «пороховом погребе Европы». 1878–1914. М., 2003. С. 255.

^{**} История внешней политики России. Конец XIX – начало XX в. (От русско-французского союза до Октябрьской революции) / Отв. ред. А. В. Игнатьев. М., 1999. С. 45. Крупный французский историк Рене Жиро, который исследовал русско-французские финансовые взаимоотношения предвоенных лет, пришел к выводу, что финансовая зависимость царизма от Франции не умаляла политическую самостоятельность России, игравшую в Антанте отнюдь не подчиненную, а по некоторым направлениям и ведущую роль. Подробнее см.: *Урибес Санчес Э.* Современная французская историография происхождения Первой мировой войны (методология и проблематика) // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории / Под ред. Ю. А. Писарева и В. Л. Малькова. М., 1994. С. 40.

Напротив, взаимоотношения России с Великобританией и после дальневосточной войны оставались окрашены взаимными опасениями и недоверием, вызванными соперничеством двух стран на огромном пространстве от Средиземного моря до Тихого океана, особенно на Среднем Востоке. Позитивный образ Англии как страны политических свобод и широких прав личности и, в конечном счете, как идеала будущего политического и гражданского устройства конституционно-монархической России имел хождение главным образом в среде либеральной интеллигенции, в то время как военные и «правые» круги склонялись к антибританской и прогерманской ориентации, не говоря о гессенских, прусских, мекленбургских и прочих родственных влияниях при дворе. Трудный процесс освобождения Петербурга и Лондона от груза застарелых взаимных претензий и подозрений (внешнеполитические стереотипы являются одними из самых устойчивых и труднопреодолимых, утверждают специалисты по имиджелогии*) начался с приходом к руководству дипломатических ведомств двух стран – сэра Э. Грея (в 1905 г.) и А. П. Извольского (1906). Последний, кстати, был одним из первых русских дипломатов такого ранга, кто с помощью прессы пытался влиять на формирование внешнеполитических предпочтений своих сограждан.

Как и в случае с Францией, в основе сближения России с Англией лежало стремление поддержать равновесие сил великих держав при взаимном понимании общности долговременных интересов перед лицом растущего военного и морского могущества Германии. Главную роль в переходе Лондона на антигерманские позиции в историографии принято отводить англо-германскому соперничеству на море**. Русская либеральная и умеренно-правая печать поддержала курс Извольского на сближение с Великобританией, доказывая, что, пока Англия и Россия будут ссориться между собой и интриговать друг против друга, «добыча» на Балканах и в черноморских проливах ускользнет из их рук и достанется Германии***. Подписание англо-русской конвенции 1907 г. по разграничению сфер влияния в Персии, Афганистане и Тибете одновременно подстегнуло осознание возможности и необходимости вернуть Россию на путь восстановления своего великодержавного статуса и роли в европейских делах в качестве актуальной задачи ее внешней политики. Русско-британская конвенция 1907 г. в совокупности с ранее заключенными двусторонними франко-русским и франко-британским соглашениями положили начало Тройственному соглашению – этому, по мнению его архитекторов, «законному

* Голубев А. В., Поршнева О. С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М., 2012. С. 21–22.

** См.: Туполев Б. М. Образование военно-политических блоков. Предвоенные международные кризисы // Мировые войны XX века. Кн. 1. Первая мировая война: Исторический очерк / Отв. ред. Г. Д. Шкундин. М., 2002. С. 46.

*** Бестужев И. В. Борьба в России по вопросам внешней политики 1906–1910 гг. М., 1961. С. 138.

чаду Тройственного союза»*. Для Великобритании, отмечают британские исследователи, эти договоренности выступали одновременно и инструментом сдерживания Германии в Европе, и осуществлением своего давнего стремления к разграничению интересов с Россией в Азии, и площадкой для дальнейшего смягчения отношений с Францией**.

Идейно-духовное наполнение и пути осуществления на международной арене столыпинского лозунга «Великой России» как «выражение факта и идеи русской силы» были сформулированы либералами в серии статей, начатых публикацией журналом «Русская мысль» в 1908 г. Вскоре затем появилось несколько сборников статей, посвященных вопросам внешней политики и обороны, которые также вышли из-под пера представителей праволиберальных течений и группировок – «Великая Россия» (Кн. 1–2. 1910–1911), «Patriotica: политика, культура, религия, социализм» (1911) и др. П. Б. Струве поставил задачу «возвращения нашей внешней политики *домой*, в область, указываемую ей и русской природой, и русской историей», назвав свой внешнеполитический конструкт «либеральным империализмом», осуществляемым по «англо-саксонской» формуле: «...максимум государственной мощи, соединяемый с максимумом личной свободы и общественного самоуправления»***. При этом он отталкивался от того, что оселком и мерилom всей «внутренней» политики как правительства, так и партий должен служить ответ на вопрос: в какой мере эта политика содействует так называемому внешнему могуществу государства?**** На международной арене курс, предложенный либералами, предполагал сохранение Россией «самостоятельного положения» относительно Германии и перемещение основного вектора ее имперской политики в черноморский бассейн, Средиземноморье и на Ближний Восток, дабы в конечном счете, при опоре на западноевропейские демократии, утвердиться в Константинополе и черноморских проливах. Распад империи султана с утратой ее европейской части, включая Босфор и Дарданеллы, давно считался более чем вероятным. Либералы одобрительно отзывались о деятельности на

* Сазонов С. Д. Воспоминания. Париж, 1927. С. 209; телеграмма министра иностранных дел Э. Грея послу в Петрограде Дж. Бьюкенену. Лондон, 25 ноября 1914 г. № 1098 цит. по: Renzi W. A. Who Composed 'Sazonov's Thirteen Points'? A Re-examination of Russia's War Aims of 1914 // The American Historical Review. 1983. Vol. 88. № 2. P. 356.

** Stevenson D. The First World War and International Politics. Oxford University Press, 1988. P. 20; Bourne J. M. Britain and the Great War, 1914–1918. London and New York, 1989. P. 5–6; Strachan H. The Outbreak of the First World War. Oxford University Press, 2004. P. 25.

*** Струве П. Балканский кризис и исторические задачи России // Русская мысль. 1912. Кн. 12. С. 160.

**** Струве П. Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества // Русская мысль. 1908. Кн. 1. С. 144, 147.

мировой арене нового руководства Министерства иностранных дел, а их идеи и лозунги, в свою очередь, соответствовали внешнеполитическим ориентирам Извольского и его преемника С. Д. Сазонова – настолько, что те порой прибегали к услугам кадетских идеологов в качестве неофициальных консультантов по проблемам международных отношений либо популяризаторов своего курса. В частности, Сазонов с удовлетворением констатировал, что во внешнеполитических вопросах русская либеральная печать «не утрачивала способности беспристрастной и здравой оценки политического положения»^{*}.

Хотя кадеты принципиально отвергали завоевательные войны и не видели надобности для России в новых территориальных приобретениях (Польша в этнографических границах и зона черноморских проливов не в счет)^{**}, имперский посыл их внешнеполитической концепции был с энтузиазмом встречен в русских правительственных, военных и торгово-промышленных кругах. «Агрессивное настроение», охватившее в те годы верхи русского общества, имело, как вспоминал адмирал И. К. Григорович, «своим лозунгом верховенство России на Балканах», достижимое путем расчленения Австро-Венгрии, что «привело бы к значительному расширению территории, а следовательно, и к упрочению могущества и процветания России, что в известной степени затушевало бы тяжкие воспоминания японской войны и укрепило пошатнувшийся трон»^{***}. Сам Григорович и некоторые другие члены правящей элиты (бывший министр внутренних дел П. Н. Дурново, министр финансов В. Н. Коковцов, после убийства Столыпина ставший еще и премьером, и др.) принадлежали к влиятельному меньшинству сторонников имперской, но более осторожной и независимой политики. Курса «равноудаленности» от Берлина и Лондона первоначально старался придерживаться и Извольский.

Великодержавный запрос и «русских элит», и широких общественных кругов выступал неотъемлемой частью политической системы Российской империи, полагают современные западные ученые^{****}. Имперские амбиции подкреплялись настроениями покровительства балканским народам, воскресшими в русском обществе в межвоенный период, и панславистскими упованиями на их освобождение от инославного владычества с последующим объединением под эгидой России. Характеризуя общественные настроения конца 1914 г. «вокруг настоящей войны», князь Е. Н. Трубецкой, в недавнем прошлом видный кадет, а затем мирнообновленец, отмечал «слабый интерес к возможным территориальным приобретениям и повышенный интерес к осво-

^{*} Сазонов С. Д. Воспоминания. С. 89.

^{**} Подробнее об этом см.: Воронкова И. Е. Доктрина внешней политики партии конституционных демократов. М., 2010.

^{***} Цит. по: Лукин А. Накануне событий, 1912–1914 гг. // Последние новости. Париж, 13.8.1932. № 4161. С. 2.

^{****} См.: Geyer, Dietrich. Russian Imperialism. The Interaction of Domestic and Foreign Policy, 1860–1914. Translated from German. Yale University Press, 1987. P. 255.

бодительной миссии России – к задаче политического возрождения других народностей»^{*}. Не случайно, что мотив «защиты слабых народов», в первую очередь славянских, как важной цели России в войне настойчиво звучал и в либеральной прессе, и в правительственной пропаганде. В пику реакционно-националистическому панславизму сами либералы выступали под флагом неославизма – идеи равноправной культурно-политической консолидации возрожденного славянства как средства самозащиты от поглощения враждебным миром, в первую очередь – «германизмом». «Для России нужна захватывающая идея, такая идея, которая сумела бы объединить массы и вдохновить их к плодотворной работе, – писала близкая прогрессистам газета “Утро России” в 1913 г. – ...Такой идеей может быть только великая славянская идея, не в смысле воинственной агрессивности, не в стремлении создать всеславянское государство, а только в понятии идейном»^{**}.

Николай II сочувствовал угнетаемым балканским единоплеменникам-единоверцам, но воодушевлялся «мечтательным сентиментализмом» (по выражению барона Р. Р. Розена) панславистских конструкций и неославистских призывов к всеславянскому единению не до такой степени, чтобы переводить их в русло практической политики. Во всяком случае, они получили отражение в поддержанных им проектах послевоенного устройства Европы лишь в отношении поляков. Однако внешнеполитические лозунги либералов перекликались и с представлениями царя об имперском духе политики России на мировой арене, единственно, как он считал, подобающем ей как великой державе, и о ее миссии в международных делах. О намерении овладеть черноморскими проливами Николай II заявил еще в первые годы своего царствования, продолжая рассматривать эту, «завещанную историей», цель в качестве приоритетной и впоследствии^{***}. При неблагоприятном стечении обстоятельств,

^{*} Трубецкой Е., князь. Война и мировые задачи России // Русская мысль. 1914. Кн. 12. С. 88.

^{**} Утро России. 17.2.1913. № 40. С. 3 [редакционная статья «Великая славянская идея. (К вопросу о русско-польском примирении)»].

^{***} Впрочем, многое в этом вопросе у него с годами оставалось сыро, недодуманно. В своих мемуарах генерал Г. О. фон Раух воспроизводит свою беседу с Николаем II «примерно в 1912–1913 гг.», в ходе которой он доказывал императору, что обладание Константинополем и обоими проливами ляжет на Россию «непосильным бременем», но все равно не обеспечит ей свободный выход в Средиземное море, поскольку «ряд островов архипелага всегда давал бы неприятелю возможность создать ряд новых Дарданелл». Взамен мемуарист предложил ограничиться захватом одного Верхнего Босфора с постройкой там укреплений с тем, чтобы закрыть иностранным судам вход в Черное море, превратив его, таким образом, во внутреннее русское. «Государь очень внимательно слушал меня, – вспоминает фон Раух, – поставил несколько вопросов в разъяснение моей мысли, по-видимому, ею заинтересовался и в заключение сказал: “Это совсем для меня новая мысль... Надо будет об этом подумать”» [ГА РФ. Ф. Р-6249 (Г. О. фон Раух). Оп. 1. Д. 16. Л. 16 об.–17. – «Эпизоды моих встреч с госу-

в виде паллиатива, российский истеблишмент с царем во главе был готов согласиться на оставление проливов в руках беспомощной и относительно управляемой Османской империи, пока она не распалась, продолжая, таким образом, прежний курс России на поддержание на Ближнем Востоке статус-кво. Но нейтрализацию или интернационализацию черноморских узкостей, а тем более утверждение в их зоне сильной морской державы (на смену Англии, которую в Петербурге традиционно считали здесь своим главным соперником, в начале XX в. пришла Германия) они рассматривали как прямую угрозу жизненным интересам империи. По данным Министерства торговли и промышленности, в предвоенное десятилетие ежегодно через черноморские проливы в среднем проходило до 17 % импорта империи и 37 % всего ее экспорта, включая $\frac{3}{4}$ шедшего на вывоз зерна. Россия как житница Европы в те годы была одной из основных хлебовывозящих стран мира.

«Ныне турецкие, проливы Босфор и Дарданеллы с неизбежностью станут рано или поздно русским достоянием, – писал в 1913 г. российский морской министр, – ибо здесь проходит главный торговый путь России, нахождение которого в руках иностранной державы может грозить отечеству неисчислимыми бедствиями»^{*}. «Свобода морского торгового пути из Черного моря в Средиземное и обратно является, таким образом, необходимым условием правильной экономической жизни России и дальнейшего ее благосостояния, – вторил ему годом позже крупный чиновник МИД. – ...Зависимость этого важнейшего для нас торгового пути как от произвола чужой территориальной власти, так и от состояния международных отношений нельзя не признать не только противоречащей нашим первостепенным государственным интересам, но и унижительной для нашего престижа... Лишь в случае, если охрана этого пути будет в наших руках, мы можем иметь уверенность, что он будет огражден во всякое время от чьих бы то ни было посягательств»^{**}. «Немыслимо обеспечить наши интересы в проливах каким бы то ни было международным договором, – удостоверял авторитет в вопросах международного морского права, генерал флота профессор И. А. Овчинников. – ...Для действительной гарантии безопасности русской торговли в проливах необходимо, чтобы эти проливы находились в нашей власти»^{***}. В руководящих рус-

дарем императором Николаем Александровичем. Материал для характеристики покойного государя]. О том, что его планы в отношении черноморских проливов «еще далеко не установились», Николай II признавал и в первые месяцы мировой войны.

^{*} РГА ВМФ. Ф. 418 (Морской Генеральный штаб). Оп. 2. Д. 257. Л. 199. (Письмо морского министра министру иностранных дел. 9 мая 1913 г. № 1952.)

^{**} Записка вице-директора канцелярии МИД Н. А. Базили «О целях наших на проливах». Ноябрь 1914 г. Секретно // Константинополь и Проливы. По секретным документам б. министерства иностранных дел / Под ред. Е. А. Адамова. Т. 1. М., 1925. С. 156–181.

^{***} РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 44. Л. 1 об. (Записка генерал-майора профессора И. А. Овчинникова о значении черноморских проливов для России. Февраль 1915 г.)

ских военно-морских кругах были убеждены, что России, при свободном проходе ее судов в Средиземное море и далее в мировой океан, будет достаточно одной мобильной «эскадры открытого моря» с базой в Севастополе как «выразительницы русской государственной мощи»*, а на других морях она сможет ограничиться прибрежными малозатратными оборонительными силами. Из высших армейских сфер исходили предложения превратить Россию в балканское государство, сделать Мраморное море внутренним русским, овладеть Стамбулом и, не обращая его в «русский областной город», сформировать особый «Царьградский округ» русской армии**. Внешнеполитические аналитики указывали, что обладание проливами откроет двери русскому влиянию в бассейнах Черного и Средиземного морей и явится «источником преобладания» на Балканах и в Передней Азии, «в судьбе которых Россия исторически наиболее заинтересована». «Великодержавное развитие» России, подводил итог дипломат Н. А. Базили, «не может быть завершено иначе, как установлением русского господства над Босфором и Дарданеллами»***. В той или иной мере эти оценки, прогнозы и суждения явились продолжением дискуссий о путях решения проблемы черноморских проливов, которые велись в правящих кругах России двумя-тремя десятилетиями раньше****. В годы мировой войны эти планы были поставлены на повестку дня. «Нынешняя война, – говорил Сазонов в одном из своих газетных интервью, – чеканно обозначила, что будущее нашей родины здесь, в Европе. Мы всеми помыслами добиваемся свободного выхода к Средиземному морю – и так или иначе его добьемся, пусть ценою тяжелых жертв. Тут мы будем закладывать фундамент нашего национального развития»*****.

Точка зрения царя и части правящей элиты на внешнеполитические приоритеты Российской державы плохо увязывалась с упомянутой потребностью страны в мирной передышке для решения внутренних проблем и, в числе про-

* Гейден А. Ф. Какой флот нужен России. [Всепопданнейшая записка капитана 1-го ранга графа А. Ф. Гейдена] // Коренные интересы России глазами ее государственных деятелей, дипломатов, военных и публицистов. Документальная публикация / Сост. И. С. Рыбачёнок. М., 2004. С. 383–422. Записка Гейдена сохранилась в нескольких экземплярах. Тот, что хранится в фонде 543 (Коллекция библиотеки Царскосельского дворца) ГА РФ (Оп. 1. Д. 108. Л. 131–142 об.), помечен декабром 1906 г. Публикатор датирует документ 2(15) мая 1905 г.

** ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 751. Т. 2. Л. 10, 37–39, 43. [Всепопданнейшая записка генерала А. Н. Куропаткина «Границы России в результате войны 1914–1915 гг. (Соображения к требованиям России при заключении мира)». 28 февраля 1915 г.]

*** РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 41. Л. 9 об.

**** Подробнее о них см.: Рыбачёнок И. С. Проекты решения проблемы Черноморских проливов в последней четверти XIX в. // Вопросы истории. 2000. № 4–5. С. 47–59.

***** Биржевые ведомости. 25.6.1916. № 15639.

чего, предопределяла пристальное внимание венценосца и ключевых членов его кабинета (Столыпина, Извольского, позже – Сазонова) к проблемам флота и военно-морского строительства в предвоенные годы. Некрупный как личность (осведомленный современник удачно назвал его «человеком среднего масштаба»^{*}), скрытный, упрямый, тщеславный, порой не в меру воинственный (историк А. В. Игнатъев отмечает временами свойственный Николаю II «размашистый аннексионизм»^{**}), но в то же время вечно колеблющийся, слабобольной и фаталист в душе, последний русский монарх утешался верой, что в решающий момент милосердие Божье не оставит своего помазанника и его подданных: «Я должен с доверием и спокойствием ожидать того, что припасено для России [свыше]», – передавал он жене свои настроения в ноябре 1914 г.^{***} Искренний патриот, в сознании которого понятия родины, государства и самодержавия, правда, существовали нераздельно, как государственный деятель и аналитик царь был откровенно слаб. На первое место он ставил интересы своей семьи, государственными заботами скорее тяготился и даже ближайшее окружение удивлял поверхностным к ним подходом, включая военное дело, которому внешне особо благоволил. «Тактика его мало интересовала и, думаю, он очень мало ее понимал, а стратегию – еще и того меньше, – вспоминал давно и близко знавший Николая II генерал от кавалерии фон Раух. – ...Государь вообще военного дела и военной науки не знал и не любил, сути, души военного дела не понимал и лишь до некоторой степени знал внешнюю, показную, парадную сторону»^{****}. Цепкий на память, не чуждый труду, но среднего интеллекта и скромных способностей (несмотря на огромную практику, он, например, до конца своих дней так и не выучился председательствовать – формулировать задачи совещания, руководить прениями, подводить итоги, ставить задачи), на протяжении всего своего царствования Николай II представлял собой последнюю и высшую инстанцию в выборе

* Данилов Ю. Н. На пути к крушению. С. 144.

** Игнатъев А. В. Последний царь и внешняя политика // Вопросы истории. 2001. № 6. С. 8.

*** Переписка Николая и Александры Романовых. 1914–1915 гг. Т. 3. М.; Л., 1925. С. 68 (письмо от 25 ноября 1914 г.).

**** ГА РФ. Ф. Р–6249. Оп. 1. Д. 16. Л. 7, 21. Такую характеристику, разительно отличавшую Николая II от германского кайзера, подтверждает и генерал Ю. Н. Данилов, знавший царя не хуже Рауха. Даже в его бытность верховным главнокомандующим, вспоминает он, Николая II всегда «гораздо более интересовали мелкие подробности и отдельные эпизоды, чем общий замысел операции и характер ее исполнения» (Данилов Ю. Н. На пути к крушению. С. 205). Обратной стороной такого своеобразного интереса к военному делу были приветливость и благорасположенность царя к людям в военной форме, которые отмечают многие мемуаристы. Благодаря этим особенностям характера и свойственной ему естественной простоте в общении, Николай II легко «очаровывал» собеседника.

приоритетов, средств, форм и методов деятельности Российской империи на мировой арене.

Такой архаичный порядок намеренно консервировался им самим. В выработке внешнего курса и в его осуществлении в разной степени принимали участие председатель правительства и сам Совет министров, МИД, Военное и Морское министерства, Министерство финансов, ведомственные и межведомственные комиссии и совещания и обе высшие законодательные палаты. Историк В. А. Емец характеризует российский внешнеполитический механизм как «относительно самостоятельную» и «самонастраивающуюся» государственную систему. Однако координация деятельности многочисленных учреждений и ведомств, стратегическое и текущее направление международной политики империи оставались в руках монарха, причем именно в этой области государственного управления в его лице высшая законодательная и исполнительная власть были практически нераздельны*. В соответствии с Основными законами Российской империи 1906 г., он являлся «верховным вождем» всей ее внешней политики. Хотя царь не имел специального аппарата для разработки курса своей «личной дипломатии» и вследствие этого полагался на себя одного, он годами отвергал попытки изменить сложившийся порядок путем ли создания постоянного совещательного органа для предварительного рассмотрения важнейших внешнеполитических вопросов (по проекту члена Госсовета бывшего дипломата П. А. Сабурова), либо хотя бы частичным, но на постоянной основе, привлечением к этому делу законодательных палат (как предлагал А. П. Извольский). Он так и не отказался от унаследованной от предков практики решать эти проблемы с глазу на глаз с министром иностранных дел, доклады которого заслушивал еженедельно, лишь время от времени и по специальным поводам созывая межведомственные Особые совещания, и в этом случае оставляя последнее слово за собой.

Элементы обновления этого механизма отчетливо проявились лишь с 1908 г., когда правительство превратилось в параллельный «управляющий центр» внешней политики, а премьер стал регулярным участником переговоров с первыми лицами других государств. Однако в годы мировой войны Совет министров вновь стал обращаться к международным вопросам только эпизодически (премьер И. Л. Горемыкин, видевший долг верноподданного в беспрекословном подчинении «помазаннику Божию», предпочитал самостраняться от них вообще), влияние Государственной думы на принятие внешнеполитических решений упало, а Особые межведомственные совещания, координировавшие внешнюю политику и военное строительство, созывались все реже. Царь, хотя и не всегда успешно, стремился отсечь от международных и смежных им военных дел и «вневедомственные влияния», включая

* Емец В. А. Механизм принятия внешнеполитических решений в России до и в период Первой мировой войны // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. С. 64.

царицу и «Друга» царской семьи Григория Распутина, который в годы войны при поддержке Александры Федоровны не раз, но тщетно пытался утвердиться в Ставке. Во внешнеполитической сфере придворные круги преуспели, главным образом, в том, что настояли на ряде важных кадровых перемещений, а главное – сумели внушить и без того мистически настроенному императору убеждение в его высокой провиденциальной миссии. Прогермански настроенные деятели ближайшего окружения Николая II (из них наибольшим влиянием на царя, по свидетельству современников, пользовался начальник его Военно-походной канцелярии князь В. Н. Орлов) больше заботились о том, чтобы уловить текущие внешнеполитические предпочтения своего «высочайшего» патрона, чем пытаться навязать ему собственные взгляды на этот счет.

Чтобы сделать окончательный выбор в вопросе о стратегических союзниках, Николаю II понадобилось несколько лет. Причем в первое время из числа возможных претендентов на эту роль он не исключал и Германию, в случае ее «отрыва» от Австро-Венгрии – ближайшего союзника и, по выражению Вильгельма II, «блестящего секунданта» Берлина, основного соперника России на Балканах. Гипотетического русско-германского сближения особенно опасались в Лондоне. Державы Тройственного союза, в свою очередь, не оставляли надежд свести к минимуму влияние России на европейские дела, либо вовлечь ее в антибританскую международную комбинацию. При этом их военные теоретики и публицисты называли славянство лишь «этническим материалом» для произрастания германской культуры, своим «историческим врагом» – по формулировке генерала Ф. фон Бернгарди, начальника военно-исторического отдела германского Генштаба*. Своеобразна была и по-

* Цит. по: Деникин А. И. Путь русского офицера. Статьи и очерки на исторические и геополитические темы. М., 2006. С. 273. Труды фон Бернгарди по истории и теории военного искусства не раз издавались в русском переводе и были хорошо известны в России. Немцы вообще «отравлены ядом самообожания и надменности», обобщал бывший военный министр А. Н. Куропаткин (ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 751. Т. 1. Л. 72). Современный германский исследователь предвоенных настроений немецкого общества констатирует, что большая его часть «была сплошь и рядом пронизана духом милитаризма», имея в виду как «государственный» милитаризм, так равно и его «низовую» разновидность (Залевски М. Немецкое общество и начало Первой мировой войны // Война и общество в XX веке: В 3-х кн. Кн. 1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны. М., 2008. С. 402). Другой зарубежный автор фиксирует, что пацифистское движение в Германии, несмотря на выраженный патриотизм и готовность оправдать оборонительную или любую иную «справедливую» войну своего правительства, все равно оставалось чужеродным телом политической системы Германии начала XX в. По этой причине немецкие пацифисты были крайне малочисленны, влиянием не пользовались и влачили «жалкое» существование (Chickering, Roger. Imperial Germany and a World without War. The Peace Movement and German Society, 1892–1914. Princeton University Press, 1975. P. 286, 320, 418). Популярная в Германии социал-демократия также не вызывала опасений у официального Берлина:

зияция русского императора. На встречах с кайзером в Свинемюнде (1907), в финских шхерах (1909), в Потсдаме (1910), с его личным представителем в Петербурге в 1908 г. и в ходе контактов с австрийским министром иностранных дел А. фон Эренталем царь говорил о русско-германо-австрийской солидарности в решении общемонархических задач, добился от Вильгельма II признания северной Персии областью особых русских интересов и даже его принципиального согласия на открытие черноморских проливов для прохода русских военных судов. Более того, он уверял собеседника в нежелании поддерживать антигерманские демарши Лондона и неимении возражений против сооружения Берлином Багдадской железной дороги, хотя южная Персия, согласно русско-британской конвенции 1907 г., являлась зоной английского влияния. Извольский на встрече с фон Эренталем осенью 1908 г., а весной 1909 г. и сам царь под нажимом Германии оказались вынуждены фактически признать аннексию Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины. При всем том, вспоминал Сазонов, «с нами мало считались в Берлине, и мои добросовестные усилия поставить на прочную и разумную ногу наши отношения остались безуспешными»*. О равноправном партнерстве Петербурга с Берлином в решении международных проблем, таким образом, говорить уже не приходилось.

Обмен Россией дружественными жестами со странами Тройственного союза и сделки с ними на региональном уровне не шли ни в какое сравнение с накалом их противоречий, особенно в Западной и Восточной Европе, на Ближнем Востоке и на Балканах. Не колониальные владения великих держав, а столкновения их интересов на европейском континенте породили последующую мировую схватку**. Предвоенная русская пресса широко цитировала немецкую печать, которая открыто заявляла претензии своей страны на Данию, Голландию, Люксембург, Бельгию и около трети французских земель, на значительные российские территории (Польшу, Волынь, Подолию, Малороссию, Крым, Кавказ, Прибалтику, Финляндию), турецкие Босфор и Месопотамию***. «Германская “мировая политика”, которая пропагандировалась с беспрецедентной энергией и всеми способами, – писал русский министр иностранных дел, – ...была непримирима с существованием независимых государственных единиц на континенте Европы, но в еще большей степени с существованием Великих Империй» – Англии, России и Франции. Оценивая германские притязания, он констатировал, что в случае их осуществления Россия была

«...нет и речи об общей или частичной стачке или саботаже», – такими словами германский канцлер охарактеризовал позицию СДПГ в начале августа 1914 г.

* Сазонов С. Д. Воспоминания. С. 202.

** Яхимович З. П. Тотальная война как выражение цивилизационного кризиса // Мировые войны XX века. Кн. 1. Первая мировая война: Исторический очерк / Отв. ред. Г. Д. Шкундин. М., 2002. С. 500.

*** Утро России. 30.12.1910/12.1.1911. № 338. С. 2 (статья В. Кашкарова «Перед делением»); 19.1/1.2.1911. № 14. С. 1 (статья В. Кашкарова «Московские немцы»).

бы сведена к границам Московского государства XVII в., лишеного выхода к морям*. Кайзер не случайно торжественно объявил себя покровителем ислама, а Турцию – «мостом на пути к германскому мировому господству»**. На планы пангерманистов «нанести смертельный удар историческому бытию России и Великобритании» путем создания германо-мусульманской империи от Северного моря («устьев Шельды») до Персидского залива тот же русский министр указал в одной из своих немногочисленных думских речей***.

С конца XIX в. немецкие националисты грезилы об образовании «Mitteleuropa» – подконтрольного Берлину межгосударственного политико-экономического союза в центре Европы, с Россией и другими славянскими государствами в качестве его сырьевого придатка или места для переселения избытка немецкого населения. Эти планы, которые рассматривались как ступень к превращению Германии в мировую сверхдержаву, толкали Берлин к развязыванию европейской войны****. По представлениям Пангерманской лиги образца уже августа 1914 г., в состав «Срединной Европы» помимо Австро-Венгрии и Германии, расширенной за счет французских и бельгийских земель, должны были также войти Болгария, Румыния, Нидерланды, Швейцария, Дания, Норвегия, Швеция и Финляндия. В глазах крупного русского военного аналитика последствия установления германского господства выглядели убийственно для Старого Света: «Победа Германии установила бы в Европе новый порядок вещей, – писал он царю в 1915 г. – ...Настало бы господство грубой силы. Все нравственные устои, которые достались человечеству ценой многовековых усилий, – рухнули бы... побежденным европейским нациям пришлось бы жить под гнетом такой тяжелой зависимости, какой не существо-

* Сазонов С. Д. Воспоминания. С. 153, 273.

** Цит. по: *Аветян А. С.* К вопросу о роли миссии Лимана фон Сандерса в политике германского империализма на Ближнем Востоке накануне Первой мировой войны // Ереванский государственный русский педагогический институт. Учен. зап. Т. VIII. Ереван, 1957. С. 43.

*** Государственная дума. IV созыв. Стенографич. отчеты. Сессия 4-я. Заседание 9 февраля 1916 г. Пг., 1916. Стлб. 1243.

**** См.: *Житков Б. М.* Евразийская ось войны // *Международная политика и мировое хозяйство.* № 8. Пг., 1918. С. 24; *Нотович Ф. И.* Дипломатическая борьба в годы Первой мировой войны. Т. 1. М.; Л., 1947. С. 169–201; *Meyer H. C.* *Mitteleuropa in German Thought and Action, 1815–1945.* The Hague, 1955; *История дипломатии.* 2-е изд. / Под ред. А. А. Громыко и др. Т. 3. Дипломатия на первом этапе общего кризиса капиталистической системы. М., 1965. С. 18–19; «Либеральный» вариант концепции «Срединной Европы» рассмотрен в статьях Г. М. Садовой и С. С. Трояна. – См.: *Садовая Г. М. Ф. Науман: От «промышленной демократии» к «Срединной Европе» // Первая мировая война: политика, идеология, историография: (К 75-летию начала войны).* Межвузовский сб. Куйбышев, 1990. С. 97–112; *Троян С.* Германская либеральная концепция «Миттельевропы» в годы Первой мировой войны // *Первая мировая война: страницы истории.* Черновцы, 1994. С. 5–15.

вало даже при татарском иге... обессиленная Европа была бы сдвинута с занимаемого ею первого места среди всех материков мира. Америка прежде других, Япония вслед за нею, а затем и вся гигантская по числу населения Азия стали бы на место, занимаемое ныне Европой»*. Современный отечественный исследователь верно указывает, что процесс сползания к общеевропейской войне в конечном счете сделал необратимым именно гегемонистские претензии Берлина в Старом Свете – «рывок Германии к господству с фатальной неизбежностью увлекал Европу в пропасть»**.

Начало боевых действий побудило немецкие правящие круги задуматься о конкретных целях Германии в войне. Одна из самых сдержанных, в смысле территориальных притязаний, «программ войны» была изложена в документе, который вышел из-под пера личного секретаря немецкого канцлера Т. фон Бетмана-Гольвега в начале сентября 1914 г.*** В направленных правительству петициях и резолюциях свои пожелания на тот же счет сформулировали крупнейшие немецкие промышленники и банкиры (Крупп, Ратенау, Стайнесс, Тиссен, Гвиннер и др.), политические партии и другие общественно-политические объединения. Все эти программы, включая наиболее умеренные, были «очевидно агрессивными» – аннексионизм, констатируют исследователи, выступал главным рычагом, опираясь на который верхи немецкого общества стремились поддержать и упрочить свое внутривластное господство****. Весной 1915 г. националистические Центральный союз германских промышленников и несколько других союзов и лиг (сельских хозяев, мелких тор-

* ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 751. Т. 1. Л. 38, 41. (Всепогоднейшая записка генерала А. Н. Куропаткина.)

** *Виноградов В. Н.* Быть или не быть войне? // *Мировые войны XX века.* Кн. 1. С. 119, 120. См. также: *Первая мировая война: Пролог XX века / Отв. ред. В. Л. Мальков.* М., 1998. С. 32.

*** *Fischer F.* *War of Illusions: German Policies from 1911 to 1914.* New York, 1975. P. 160–174, 532–541. Немецкий историк Фриц Фишер и его последователи указывают, что, хотя эта записка датирована 9 сентября 1914 г., намеченного в ней курса правящая элита Германии придерживалась по крайней мере с лета 1913 г. (ее центральным пунктом было создание той же «Mitteleuropa»). Оппоненты Фишера, в свою очередь, убеждены в сиюминутном характере этого документа и полагают, что он представлял собой не более чем изложение условий «сделки», которую в тот (благоприятный для себя) момент Германия была готова заключить с Францией и Англией (*Keithly D. M.* *Did Russia also have War Aims in 1914?* // *East European Quarterly.* 1987. Vol. 21. № 2. P. 139). Фактически предметом полемики выступает время появления «программы войны», а равно вопрос, существовала ли такая, одобренная правительством Германии, программа вообще.

**** *Gatzke Hans W.* *Germany's Drive to the West (Drang nach Westen).* A study of Germany's western war aims during the First World War. Baltimore, 1950. P. 289; *Hardach Gerd.* *The First World War, 1914–1918.* Translated from German. Penguin books, 1987. P. 227–228.

говцев и др.) представили канцлеру соединенный меморандум с изложением целей войны для Германии, в основу которых была положена программа Пангерманской лиги. На многотысячном съезде немецкой интеллигенции, проведенном пангерманистами в июне 1915 г., был создан «Независимый комитет германского мира», который в дальнейшем выступал центром пропаганды аннексионистской политики. Культ милитаризма и военщины насаждался в Германии особенно масштабно и целеустремленно*.

Позднее, стремясь подтолкнуть Россию к выходу из войны, Берлин через собственную печать и прогерманскую прессу третьих стран зондировал условия сепаратного мира, которые старался сделать возможно более умеренными с точки зрения своих притязаний и привлекательными для Петрограда. Но даже в этом случае, наряду с аннексией Германией Бельгии и Северной Франции, России предлагалось уступить ей часть Литвы и Курляндии в обмен на Буковину, Восточную Галицию, Молдавию, Армению (с выходом в Персидский залив) и право прохода российских судов через Дарданеллы. Австро-Венгрии планировалось «вознаградить» всем Царством Польским**, а также Сербией, Черногорией и большей частью Румынии (последними – на правах протекторатов). Кроме того, «в виде репрессии против Англии», центральные державы намеревались взять под свой контроль Суэцкий канал, вернув остальную территорию Египта Турции***.

Установление своей гегемонии на Балканах являлось центральным пунктом внешней политики Австро-Венгрии, любой вариант разграничения сфер влияния с которой в этом регионе, считали в российском МИД еще с конца XIX в., был в принципе невозможен. С 1908 г., констатирует исследователь истории Дунайской монархии, ее отношения с Россией стали уже «откровенно враждебными: что бы одна сторона ни предлагала, другая рассматривала как часть скрыто либо очевидно враждебного себе плана»****. Тщетно взывал царь

* *Hardach Gerd. The First World War. P. 229; Дмитриев А. Н. Война манифестов // Мировые войны XX века. Кн. 1. С. 121. О территориальных притязаниях пангерманистов на востоке Европы можно составить представление по условиям Брест-Литовского мирного договора от марта 1918 г., который, как утверждают немецкие историки, явился реализацией именно их программы. Об аннексионистских планах правящих кругов Германии в отношении своих западных соседей см.: *Gatzke Hans W. Germany's Drive to the West (Drang nach Westen). A study of Germany's western war aims during the First World War. Baltimore, 1950.**

** Обсуждались и варианты раздела Польши между Германией и Австро-Венгрией либо создания формально независимого, а на деле марионеточного Польского государства, подконтрольного австро-германской администрации.

*** *Berner Tagwacht. 20.10.1916* (редакционная статья «Основы русско-германского сепаратного мира»).

**** *Bridge F. R. From Sadowa to Sarajevo. The Foreign Policy of Austria-Hungary, 1866–1914. London and Boston, 1972. P. 309.*

к «кузену Вилли» (к которому, к слову сказать, питал такую же устойчивую антипатию, как и его родители, Александр III и Мария Федоровна, ко всем Гогенцоллернам), призывая его воздействовать на Вену, дабы умерить ее территориальные притязания в ходе Балканских войн 1912–1913 гг. в «пороховом погребе» Европы. Германия, напротив, продолжала подталкивать своего союзника к политике захватов в духе призывов немецких публицистов к укреплению «верности Нибелунгов» и «дружной работе немцев обеих монархий на юго-востоке» Европы, дабы «цивилизовать» тамошних «полуварваров». Вбить клин между главными участниками Тройственного союза, таким образом, царская дипломатия не смогла, как не удалось это и Германии – применительно к взаимоотношениям России со странами Согласия. Следуя тактике лавирования и соблюдения баланса, Николай II и его министры параллельно поддерживали регулярные контакты с высшим французским и британским руководством, заверяя Париж в верности союзническим обязательствам, а Лондон – в готовности расширять и углублять наметившееся взаимопонимание и сотрудничество.

2. Курс на Антанту. «Увертюры» войны

Отказ Петербурга от бесхребетного «реагирующего» маневрирования между Англией и Германией и его окончательный переход к инициативному курсу на сближение с Францией и Великобританией связаны, главным образом, с именем Сазонова, убежденного сторонника Антанты, но, как подчеркивал он сам, «не зараженного» германофобией. Получив портфель министра иностранных дел в 1910 г., из-за тяжелой болезни к исполнению своих обязанностей он приступил лишь осенью следующего, 1911-го, скоро превратившись в одного из самых влиятельных членов правительства. Хотя сентджеймский кабинет по-прежнему противился решению ключевой для Петербурга проблемы черноморских проливов в приемлемом для него духе (в ходе первой Балканской войны Великобритания, как и ранее, выступала за их нейтрализацию), и «тень прежних раздоров и недоразумений», по словам британского посла в Петербурге сэра Дж. Бьюкенена, еще «нависала» над отношениями двух стран*, необычайно теплый прием, оказанный в российской столице представительной английской парламентской делегации в феврале 1912 г., продемонстрировал, что выбор России в пользу стран Согласия бесповоротен. В депеше статс-секретарю по иностранным делам сэру А. Николсону Бьюкенен отметил пробуждение в России «дружеских чувств к Англии, каких прежде никогда не бывало в этой стране»**. Напротив, немцы при очередном личном свидан-

* Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. Пер. с англ. М., б/г. 2-е изд. С. 77, 87.

** Цит. по: Neilson K. Britain and the Last Tsar: British Policy and Russia, 1894–1917. Oxford, 1995. P. 323.

нии германского и русского императоров летом 1912 г. в порте Балтийском (под Ревелем) были встречены подчеркнуто холодно. В традиционном совместном заявлении для печати по итогам переговоров впервые в практике русско-германских отношений последних десятилетий было подчеркнуто, что стороны «сохраняют неприкосновенной свою политическую ориентацию» и остаются верными своим союзам*. Весной 1913 г. канцлер Бетман-Гольвег уже публично рассуждал о «европейском пожаре», который может поставить славян и германцев «друг против друга»**. Царя же продолжали призывать к улучшению отношений с Германией – об этом весной 1913 г. на правах давнего конфидента венценосной семьи ему говорил издатель газеты «Гражданин» князь В. П. Мещерский.

Предвоенные годы ознаменовались военно-политической консолидацией Антанты. С 1908 г. стали вновь регулярно проводиться совещания начальников французского и русского Генеральных штабов, предусмотренные военной конвенцией 1892 г.; обычными стали взаимные приглашения военных делегаций на маневры морских и сухопутных сил. Дружественные заходы в российские порты отрядов французских и британских военных кораблей сопровождалась празднествами и торжественными приемами на самом высоком уровне. В 1912 г. французскому командованию нанес визит и будущий российский верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич (младший). На родине к разработке военных планов он не привлекался, но, по свидетельству одного из своих подчиненных, сумел произвести на французский генералитет «сильное впечатление» именно как вероятный верховный военачальник союзного государства***. Будущий коллега великого князя, а пока руководитель французского Генштаба генерал Ж. Жоффр преподнес ему военный флаг своей страны, который позже, в Ставке, осеял Николая Николаевича бок о бок с собственным русским в знак незыблемости русско-французского военного союза****. В ноябре 1912 г. Франция и Англия заключили секретный политический консультативный пакт, а затем и двустороннюю военно-морскую конвенцию. Незадолго до этого Россия настояла на подписании секретной военно-морской конвенции с Францией (русско-французская военная конвенция 1892 г. не касалась военно-морских дел)***** и, в свою очередь, получила заверения Великобритании о готовности вмешаться в борь-

* Сазонов С. Д. Воспоминания. С. 50.

** Цит. по: Сазонов С. Д. Воспоминания. С. 185.

*** Данилов Ю. Н. На пути к крушению. С. 35–36.

**** Пуанкаре Р. На службе Франции. Воспоминания за девять лет. Пер. с фр. М., 1936. Кн. 1. С. 14.

***** Подробнее о подготовке русско-французской военно-морской конвенции и ее содержании см.: Деренковский Г. М. Франко-русская морская конвенция 1912 г. и англо-русские морские переговоры накануне Первой мировой войны // Исторические записки. М., 1949. Т. 29. С. 80–122.

бу в случае германской агрессии в Европе. В общем, в военно-дипломатической подготовке Антанты к войне голос России звучал все громче и весомее.

В самом Петербурге сближение с Парижем и Лондоном и тогда, и позднее воспринималось как признание своего важного места в европейской и мировой политике. В союзных России западноевропейских государствах свою войну с центральными державами с самого начала рассматривали не как обычное военное столкновение, но как «конфликт двух различных и непримиримых форм управления, общества и прогресса». Английский писатель Герберт Уэллс утверждал, что его страна сражается «не ради того, чтобы уничтожить [германскую] нацию, но чтобы ликвидировать гнездо идей». Французский историк Альфонс Олар в работе 1916 г. обнадеживающую перспективу войны видел в освобождении Европы от гнета германского милитаризма, а также в сохранении независимости и целостности Французской республики с демократическими институтами ее государственного устройства.

В ходе Балканских войн и особенно в период назревания общеевропейского кризиса Россия настойчиво стремилась превратить свой формирующийся блок с Францией и Англией в полноценный и, как не раз подчеркивал Сазонов, открытый (то есть в своей невоенной части публичный, не содержащий секретных договоренностей) оборонительный политический союз, видя в нем мощный фактор сдерживания германо-австрийской угрозы и, следовательно, верный способ не допустить мировую бойню, к участию в которой не ощущала себя готовой. «Все потребности нашего внутреннего развития ставят задачу поддержания мира на первое место», – писал министр Николаю II в секретной записке незадолго до Первой мировой войны, говоря о предотвращении общеевропейского военного столкновения как о «главной и первостепенной задаче» русского правительства на мировой арене^{*}. Но тщетно. Если с Парижем к началу мировой войны отношения, по словам того же Сазонова, уже «стояли на твердой почве договорных актов, которыми, после подписания морской конвенции 1912-го года, определялась вся совокупность оборонительных мер, предусмотренных нашим союзным договором»^{**}, то Лондон до последнего уклонялся от принятия на себя внятных и твердых военно-политических обязательств перед Россией. В этом, по мнению главы русского дипломатического ведомства, сказывалось «вековое предубеждение английского общественного мнения против европейских союзов»^{***}, в угоду которому на Даунинг-стрит

* *Strachan H. The Outbreak of the First World War. P. 210, 212–215.*

** РГВИА. Ф. 2000 (Главное управление Генерального штаба). Оп. 1. Д. 1835. Л. 3 об. (Всеподаннейшая записка Сазонова «Об усилении нашей военной и морской мощи на Черном море» от 23 ноября 1913 г. с одобрительной резолюцией Николая II от 27 ноября.)

*** *Сазонов С. Д. Воспоминания. С. 153.*

**** Там же. С. 157. Из внутренней переписки британской дипломатии, которую изучил канадский историк Кит Нейлсон, видно, что Форин офис в этот период был го-

стремились сохранять видимость свободы рук, тем самым обрекая Антанту на незавершенность своей военно-дипломатической подготовки к конфликту с центрально-европейскими державами. Петербург вынужденно мирился с такой линией британского кабинета, хотя в недооформленном из-за этого состоянии Антанта сдерживающим Тройственный союз фактором полноценно выступать, разумеется, не могла. Последняя стадия секретных русско-английских переговоров с целью заключения с Альбионом политического консультативного соглашения проходила уже в условиях общеевропейского июльского кризиса 1914 г., который привел к мировой войне.

Отношение стран Антанты к наделавшей много шума миссии немецкого генерала О. Лимана фон Сандерса, направленного, по инициативе младотурок, в 1913 г. в столицу Турции командовать расквартированным в Стамбуле туземным корпусом*, явилось следующим после Балканских войн испытанием прочности нового европейского блока и способности его участников к согласованным действиям. Однако в полной мере проверить результативность своего консолидированного давления на Берлин и Стамбул с тем, чтобы добиться отозвания с берегов Босфора немецких военных «советников», им не удалось. В Петербурге, отмечал исследователь Е. А. Адамов, назначение Лимана было воспринято, «как фактическое отрицание каких-либо преимущественных прав и интересов России в Проливах, как непосредственная угроза этим интересам в настоящем и всем планам и расчетам в отношении будущего»**. На

раздо более озабочен обеспечением собственных интересов в Персии и Центральной Азии // См.: *Neilson K. Britain and the Last Tsar*. P. 334–339.

* Назначение 58-летнего генерала Лимана на должность начальника германской военной миссии в Турции состоялось в июне 1913 г. Его пятилетний контракт с турецким правительством был подписан в октябре, но к исполнению своих обязанностей он приступил лишь 20 декабря 1913 г. Инструктируя Лимана, кайзер настаивал, чтобы тот «германизировал» турецкую армию, дабы превратить Турцию в инструмент германской политики на Балканах в противовес России (*Strachan H. The Outbreak of the First World War*. P. 75). Согласно контракту, помимо командования I-м корпусом турецкой армии, на который была возложена защита столицы и проливов, немецкий генерал вошел в состав Высшего военного Совета Турции, стал руководителем ее военно-учебных заведений и прямым начальником всех иностранных офицеров, состоявших на службе Османской империи (*Аветян А. С. К вопросу о роли миссии Лимана фон Сандерса*. С. 58–59, 62–63). По данным русского Военного министерства, вместе с ним в Турцию прибыли 40 «лучших офицеров германской армии» – специалистов по штабной работе, крепостной артиллерии и др., к которым в 1914 г. присоединились еще 30.

** *Адамов Е. А. Вопрос о Проливах и о Константинополе в международной политике в 1908–1917 гг. // Константинополь и Проливы. По секретным документам б. министерства иностранных дел / Под ред. Е. А. Адамова. Т. 1. М., 1925. С. 58.* Описанные Адамовым опасения Петербурга были далеко не беспочвенны. Князь Карл Лихновски, в предвоенные годы германский посол в Лондоне, позднее признавал, что

оставление в Стамбуле этого «как бы германского гарнизона» Сазонов соглашался лишь в случае санкции Турции на проход из Средиземного моря в Черное дредноутов, приобретенных Россией за границей.

Но западные союзники России, по признанию того же сэра Бьюкенена, «панически» боялись европейской войны и, к большому разочарованию Петербурга, поддержали его недостаточно твердо. И вновь наиболее компромиссную позицию заняла Англия – из опасения испортить отношения с мусульманским миром и еще более – из стремления, в угоду собственным сиюминутным интересам, поддержать существование Оттоманской империи. Лондон, отмечает историк Форин офис З. Стейнер, опасался, как бы русские не нарушили европейский «баланс сил» и не столкнули немцев на «еще более агрессивную позицию»*. Вскоре, однако, мнение сентджеймского кабинета по турецкому вопросу сменилось на противоположное. Вместе с тем появление на Босфоре многочисленной немецкой военной миссии с небывало широкими полномочиями все же стимулировало сближение России с Великобританией как «владычицей морей». Свой континентальный союз с Францией Петербург теперь жаждал дополнить британской «планомерной морской помощью», необходимой на случай вооруженного столкновения с Тройственным союзом**. В апреле 1914 г. Николай II в беседе с британским послом говорил о возможном военно-морском сотрудничестве двух стран на Балтике, в мае руководство русского ВМФ определило цели, задачи и формы такого взаимодействия***. Однако внимание британского правительства в тот момент всецело занимала проблема Ольстера, отодвинувшая для него европейские дела на задний план. Только к середине июля 1914 г. в результате переговоров русского морского атташе в Лондоне с британским Адмиралтейством был подготовлен текст российско-британской военно-морской конвенции, но до войны подписать ее так и не успели.

Конфликт вокруг миссии фон Сандерса еще более обострил и окончательно испортил русско-германские отношения, фактически явившись по-

целью «политических вождедений» Берлина в Малой Азии «являлось господство на Босфоре». – Мемуары князя Лихновского. Моя миссия в Лондоне, 1912–1914 гг. // Международная политика и мировое хозяйство. № 7. Пг., 1918. С. 42.

* *Steiner Z. S. The Foreign Office and Foreign Policy, 1898–1914. Cambridge, 1969. P. 151.* Генеральным инспектором турецкого флота тогда был британский адмирал, и это в определенной мере дополнительно связывало Лондону руки в его отношении к миссии фон Сандерса.

** *Сазонов С. Д. Воспоминания. С. 154; Лунева Ю. В. Англо-русские морские переговоры накануне Первой мировой войны (1914 год) // Россия и Британия. Вып. 4. Связи и взаимные представления. XIX–XX века. М., 2006. С. 194–206.*

*** *Козлов Д. Ю. К вопросу об организации и результатах военно-морского сотрудничества России с Францией и Великобританией накануне Первой мировой войны (1911–1914) // Великая война 1914–1918: Альманах Российской ассоциации историков Первой мировой войны. Вып. 2. М., 2013. С. 7, 10.*

литической увертюрой войны. «Русско-пруссские отношения умерли раз и навсегда! – заявил в этой связи экспансивный кайзер. – Мы стали врагами!»* Вместе с тем миссия Сандерса убедила Сазонова и самого царя, что впредь уступать германскому давлению для России не только унижительно, но прямо опасно. Дальнейшее попустительство попыткам Берлина утвердиться в проливах и тем самым запретить Россию в Черном море, «всеподданнейше» докладывал министр, «будет равносильно крупному политическому поражению и может иметь самые губительные последствия». Оно не предохранит Россию «от возрастающих притязаний Германии и ее союзников» и не укрепит сплоченности стран Антанты, каждая из которых «будет стараться искать иных обеспечений своих интересов в соглашениях с державами противоположного лагеря»**. Морское командование, полностью солидаризуясь с МИД в оценке политики Германии на Балканах и опасных для России последствий миссии Лимана, со своей стороны предложило, чтобы страны Антанты сговорились о немедленной и одновременной оккупации ряда пунктов Малой Азии и занимали их до тех пор, пока их требования не будут удовлетворены***. Сазонов счел образ действий, предложенный военными моряками, «едва ли не самым целесообразным», но лишь в качестве крайнего средства. Сам он в виде промежуточных мер давления выдвигал финансовый бойкот Турции, а затем и отзыв державами Антанты своих послов из Стамбула. Царь согласился с предложением Сазонова рассмотреть этот вопрос на Особом совещании. Однако Совещание, созванное 13 января 1914 г., было встревожено перспективой «несвоевременной» для России войны с Германией (так сформулировал перспективу премьер Коковцов) и рекомендовало воздержаться от энергичного нажима на Турцию по рецепту дипломатов или военных моряков. Оно высказалось за продолжение переговоров с Берлином до ожидаемой «полной их неуспешности», но не сочло возможным «прибегнуть к способам давления, могущим повлечь войну с Германией», в случае «необеспеченности активного участия как Франции, так и Англии в совместных с Россией действиях»****. В результате последний предвоенный международный кризис был урегулирован издевательски половинчато для Антанты****. По существу, проблема осталась неразрешенной и лишь из острой была переведена в затяж-

* Цит. по: История внешней политики России. Конец XIX – начало XX в. (От русско-французского союза до Октябрьской революции.) С. 349.

** Всеподданнейшая записка Сазонова от 23 декабря 1913 г. с одобрительной пометой Николая II // Константинополь и Проливы. Т. 1. С. 63; Сазонов С. Д. Воспоминания. С. 148–150.

*** РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 257. Л. 248. (Доклад Морского Генерального штаба морскому министру. Декабрь 1913 г.)

**** Вестник Народного комиссариата иностранных дел. 20.6.1919. № 1. С. 30–32.

***** 15 января 1914 г. Лиман фон Сандерс был произведен в маршалы Порты и назначен генерал-инспектором всех сухопутных сил Османской империи.

ную фазу. Служебное перемещение немецкого военного «советника» отнюдь не уменьшило его прав и даже расширило поле его командной деятельности. Благодаря этому германское влияние в Османской империи осталось по меньшей мере прежним.

Накал страстей по поводу миссии Лимана показал, что восстановить старый «европейский концерт», расшатанный Боснийским кризисом, а затем Балканскими войнами, уже нереально. Международные отношения в Европе пришли в состояние кризиса – страны континента окончательно разделились на два враждебных лагеря – Тройственный союз и Антанту, причем взаимоотношения между ними вошли в стадию «вооруженного мира», от которой до войны только шаг. По удачному выражению историка Дэвида Стивенсона, острота противостояния и неустойчивость равновесия двух коалиций обратили европейский «баланс сил» в свою противоположность – в «локомотив катастрофы»^{*}. В январе 1914 г. Коковцов был отправлен в отставку – премьер имел репутацию «германофила», и Николай II поддержал Сазонова в стремлении избавиться от его опеки МИД, отстранив от участия в международных делах. Править бал российской внешней политики стала военная «партия», в ней зазвучали более решительные ноты. В беседе с британским послом царь заявил, что последующим попыткам Германии запретить Россию в Черном море он будет сопротивляться всеми силами и угроза войны его при этом не остановит^{**}. Незадолго до этого Николай II отверг проект члена Госсовета П. Н. Дурново, который в пространной записке на «высочайшее имя», в видах предотвращения войны, указал на осуществимость и пользу для России ее блока с Германией, Францией и Японией как единственной международной комбинации, «лишенной всякой агрессивности» и способной «на долгие годы обеспечить мирное сожительство культурных стран», заодно сохранив русское «монархическое начало» и обезопасив саму страну от революции, анархии и распада. «Жизненные интересы Германии и России нигде не сталкиваются... Действительно полезные для нас территориальные приобретения доступны лишь там, где наши стремления могут встретить препятствия со стороны Англии, а отнюдь не Германии... Сближение с Англией никаких благ нам не сулит, а английская ориентация нашей дипломатии, по своему существу, глубоко ошибочна», – запоздало доказывал царю Дурново по поручению «правых» думцев^{***}.

^{*} *Stevenson D. The First World War. P. 6.*

^{**} Секретная телеграмма Бьюкенена Грею. С.-Петербург, 3 апреля 1914 г. № 100. Цит. по: *Renzi W. A. Great Britain, Russia and the Straits, 1914–1915 // The Journal of Modern History. 1970. Vol. 42. № 1. P. 2.*

^{***} Записка П. Н. Дурново. Февраль 1914 г. // Часовой. Париж, 1982. № 641–643. Предложения Дурново, таким образом, фактически совпадали, хотя и в более широком формате, с давним планом германского императора (который в какой-то мере разделял и С. Ю. Витте) о создании континентальной антибританской лиги. Подробнее

Не имела успеха и попытка другого члена верхней законодательной палаты, бывшего дипломата барона Р. Р. Розена убедить Николая II, что государственными потребностям России чужды и европоцентризм ее текущего внешнего курса, и интересы ее союзников по Антанте, а «смутные идеи о необходимости для России стремиться к завладению Царьградом и проливами» лишены «разумного основания». Такой же химерой барон считал и подозрения Германии в угрожающих интересам России стремлениях к общеевропейской гегемонии*. Пронемецких симпатий ни сам царь, ни его ближайшее окружение впредь публично не выказывали. В годы войны в качестве их своеобразного «заменителя» сторонники Германии в высших русских правящих сферах поднимали на щит англофобию. В результате упорная борьба германской дипломатии за сепаратный мир с Россией, начатая еще в конце 1914 г., в годы царизма окончилась ничем, несмотря на весьма щадящие его условия, в корне отличавшиеся от последующих «брестских», на которые тогда еще соглашался Берлин. Существующая версия о стремлении и царской России к скорейшему выходу из войны путем сепаратного или общего компромиссного мира не находит ни прямого, ни даже косвенного подтверждения, констатируют историки, специально изучавшие этот вопрос**.

об этом плане см.: *Рыбачёнок И. С.* Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи и методы. М., 2012. С. 139–141.

* «Эта система союзов носит в себе семя неизбежных столкновений». Записка русского дипломата [барона Р. Р. Розена] на высочайшее имя за два года до Первой мировой войны / Публ. И. С. Рыбачёнок // Источник. Документы русской истории. 1997. № 6(31). С. 32–56.

** *Васюков В. С.* К вопросу о сепаратном мире накануне февральской революции // Исторические записки. М., 1982. Т. 107. С. 161. Зарубежную историографию о попытках Германии заключить сепаратный мир см.: *Farrar L. L.* Divide and Conquer: German Efforts to Conclude a Separate Peace, 1914–1918. New York, 1978.

Исторической правды ради отметим, что, согласно дневниковым запискам великого князя Николая Михайловича, Распутин доверительно сообщил князю Ф. Ф. Юсупову (который по горячим следам и поведал об этом великому князю, а затем повторил существо дела в своих воспоминаниях), что в конце 1916 г. грядет заключение сепаратного мира с Германией. Тогда, заметим от себя, получает объяснение и всплеск интереса к этому вопросу немецкой и европейской прогерманской печати, включая упомянутую публикацию газеты швейцарских социал-демократов о возможных условиях такого соглашения (только в октябре 1916 г. та же «*Berner Tagwacht*» поместила целую серию редакционных материалов на этот счет), и регистрацию именно осенью 1916 г. Рейхсбанком немцев-держателей русских ценных бумаг для облегчения послевоенных финансовых расчетов с Россией (подробнее об этом см. параграф «Проблема «русских долгов»: от Брестского мира к Берлинскому финансовому соглашению 27 августа 1918 г.» в части III настоящей книги). По утверждению Юсупова, угроза сепаратного мира главным образом и заставила его и других заговорщиков поспешить с убийством придворного «божьего человека» 16/29 декабря 1916 г. [Записки Николая

Демонстрацией психологической готовности общественного мнения Германии и России к решению межгосударственных противоречий вооруженным путем стала «газетная война», дополнившая блоковое противостояние. Острая пикировка повременной печати двух стран началась в феврале–марте 1914 г. в связи с подготовкой их нового торгового договора и стала увертюрой войны в сфере общественного сознания. «Новое время», «Русское слово» и другие ведущие органы российской печати, ссылаясь на мнения авторитетных отечественных политиков и экспертов, единодушно высказались в пользу замещения экономической экспансии Германии в России (удельный вес немецких товаров в российском импорте в предвоенные годы составлял от 45 до 47 %, в абсолютных цифрах превышая 530 млн руб. в 1912 г. и 650 млн руб. в 1913 г.) развитием ее торгово-экономических связей с Великобританией. Масла в огонь русско-германского «беллицизма», по терминологии историка М. Раухенштайна*, подлила параллельная полемика «*Kolnische Zeitung*» с «Биржевыми ведомостями» о степени готовности русской армии к войне с Германией, а затем и «открытое письмо» одного из профессоров Петербургского университета своему немецкому учителю, опубликованное в «*Preussische Jahrbucher*». Последнее явилось симптомом глубокого разочарования российских интеллектуалов в культуре Германии с ее предвоенным культом агрессии, жестокости и насилия: «Научное сообщество Германии, особенно профессора истории, – констатирует современный исследователь, – горячо поддерживали геополитические и социал-дарвинистские подходы к рассмотрению проблем Германии и поиску их решений»**. Автор письма называл Германию «главным врагом России», обвиняя ее в систематическом противодействии русским интересам на мировой арене. Со своей стороны кайзер, узнав из газет о самонадеянных оценках русским военным министром боеготовности русской и французской армий, пообещал «упрятать в психушку» всякого своего подданного, «кто все еще не верит, что руссо-галлы энергично готовятся к скорой войне с нами, и не видит нужды в ответных мерах с нашей стороны»***.

Михайловича Романова // Красный архив. 1931. Т. 6(49). С. 99]. Опираясь на эти свидетельства, можно предположить, что Распутин как минимум замыслил выступить «мотором» этого начинания с русской стороны.

* Цит. по: *Виноградов В. Н., Исламов Т. М.* Сараевское убийство и австро-сербский конфликт // *Мировые войны XX века*. Кн. 1. С. 104.

** *Langhorne, Richard.* The Collapse of the Concert of Europe. International Politics 1890–1914. London and Basingstoke, 1981. P. 113.

*** Цит. по: *Albertini L.* The Origins of the War of 1914. Vol. 1. Oxford University Press, 1952. P. 577.

Глава 2. РОССИЙСКИЕ ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД. ПРОБЛЕМЫ ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ (А. П. Корелин, Д. Б. Павлов)

1. Предвоенное состояние вооруженных сил, разработка и финансирование военных программ

Решение великодержавных задач было невозможно без восстановления военной мощи России, подорванной дальневосточным фиаско. Премьер Столыпин с думской трибуны призывал депутатов «не отступать перед необходимостью затрат» на восстановление военного потенциала страны и «принадлежащее нам по праву место среди великих держав»*. Официальный Петербург отлично понимал, что от успехов в военном строительстве напрямую зависела и привлекательность России как союзника. О срочной необходимости кардинальных изменений в армии и на флоте русская печать заговорила еще на исходе японской войны. Большая часть последующих преобразований была проведена «сверху», но некоторые важные реформаторские инициативы родились в военных «низах» и были реализованы помимо и даже вопреки высшему военному руководству. «Никогда еще, вероятно, военная мысль не работала так интенсивно, как в годы после японской войны, – вспоминал А. И. Деникин. – О необходимости реорганизации армии говорили, писали, кричали»**. Проблемы военного реформирования превратились в одну из общегосударственных доминант***. Группа флотских офицеров лейтенанта А. Н. Щеглова, преодолев вязкое сопротивление морского министра А. А. Бирилева и его консервативно настроенного окружения, сумела достучаться до «сильных мира сего» и убедить императора в необходимости создать в морском ведомстве специальное подразделение стратегического анализа, прогноза и планирования. Морской

* *Столыпин П. А.* Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911. М., 1911. С. 61.

** *Деникин А. И.* Путь русского офицера. М., 1990. С. 183.

*** *Sanborn Joshua A.* Drafting the Russian Nation: Military conscription, total war, and mass politics, 1905–1925. Northern Illinois University Press, 2003. P. 13.

Генеральный штаб (МГШ), сформированный весной 1906 г.^{*}, быстро доказал свою незаменимость в системе управления военным флотом и получил высокую оценку нового министра (он «служит украшением Ведомства, и я в нем имею неоценимых помощников во всех направлениях... Все это молодые образованные офицеры, любящие флот и преданные ему, далекие от всяческих интриг»^{**}). В «высочайше» утвержденном наказе в числе функций МГШ значилась подготовка вместе с МИД «соображений по составлению относящихся к морской войне международных деклараций».

В руководстве вооруженных сил крупные кадровые подвижки начались еще во второй половине 1905 г., когда большая группа штаб-офицеров и генералов, проигравших дальневосточную кампанию, была отправлена на покой либо ушла в отставку добровольно. Постоянно действующий Совет государственной обороны (СГО), созданный в июне 1905 г., с одной стороны, объединил высшее военное и морское управление и провел ряд назревших нововведений [переаттестацию и частичное обновление старшего командного состава через вновь созданную Высшую аттестационную комиссию^{***}; улучшение быта «нижних чинов» армии и флота и сокращение сроков их действительной службы; создание самостоятельного Главного управления Генерального штаба (ГУГШ) как органа оперативно-стратегического планирования, и др.], но с другой, по выражению лидера октябристов и будущего главы военного ведомства А. И. Гучкова, «обессилил и обезличил» военного министра, оставив в его ведении лишь финансовые и административно-хозяйственные вопросы. Особенно резкие нарекания в военных и думских кругах вызвал вывод из подчинения министра генерал-инспекторов родов войск, трое из которых были великими князьями. При этом сам СГО из делового органа быстро превращался в пустопорожнюю говорильню – большинство его престарелых членов уже не занимали ответственных постов и координировать насущные потребности армии и флота были не в состоянии.

После дальневосточной кампании прошли годы, но до завершения реформ в русской армии и восстановления военной мощи страны все еще было далеко. Ситуация была настолько серьезной, что председатель СГО великий князь Николай Николаевич в секретной записке от декабря 1907 г. был вы-

^{*} Лукин А. Основание Морского Генерального штаба (25-я годовщина). (По материалам адмирала И. К. Григоровича и основателя Морского Генштаба капитана 1-го ранга А. Н. Щеглова.) // Последние новости. Париж, 31.1.1931. № 3601. С. 4–5.

^{**} Григорович И. К. Воспоминания бывшего морского министра. Кронштадт – Москва, 2005. С. 96.

^{***} Только в 1906–1908 гг. по ее рекомендациям из армии по возрасту или служебному несоответствию было уволено около 4,5 тысяч офицеров командного состава, в том числе 337 генералов (Ростунов И. И. Русский фронт Первой мировой войны. М., 1976. С. 40). С тех пор единовременных «чисток» такого масштаба в царской армии, в отличие, скажем, от французской первых месяцев мировой войны, не производилось.

нужден признать: «Наша живая сила – армия и флот и весь организм оборонны государства находится в грозном, по своему несовершенству, состоянии, и безопасность государства далеко не обеспечена»*. Зимой 1908/09 г. на совещании по случаю аннексии Боснии и Герцеговины Австрией военный министр А. Ф. Редигер без обиняков объявил императору, что русская армия не в состоянии не только предпринять каких-либо активных действий за рубежом, но «затруднена» даже в защите собственных границ. Генерал-квартирмейстер (начальник оперативной части) ГУГШ позднее назвал 1905–1910 гг. «периодом нашей полной военной беспомощности»**. В августе 1911 г. на совещании начальников Генштабов представителям Франции было заявлено, что русская армия полностью восстановит боеспособность не ранее 1913 г. В военном флоте дела обстояли не лучше. В 1908 г. совместная комиссия МГШ и ГУГШ пришла к заключению, что Балтийский флот не в силах помешать даже высадке вражеского десанта в Финском заливе. За 1907–1911 гг. русский ВМФ был пополнен лишь 9 миноносцами и 6 подводными лодками, тогда как Германия ежегодно вводила в строй по 4 дредноута***.

Разработка программ возрождения и модернизации вооруженных сил шла и в обоих русских военных ведомствах, но первые же прикидки относительно финансовой стороны дела вызвали едва ли не панику в правящих кругах. По расчетам, произведенным в бытность военным министром Редигера, траты на восстановление только армейского потенциала грозили превысить 2 млрд руб. Правда, выделение таких сумм предусматривало и расходы на строительство стратегических шоссе, сооружение новых военных заводов, модернизацию крепостей, возведение казарм и т. д. Морское ведомство в марте 1907 г. представило собственные соображения, предполагавшие четыре варианта судостроительной программы общей стоимостью от 870 млн до 5 млрд руб.**** Такие трат казна позволить себе не могла – вся доходная часть суммарного государственного бюджета 1907 г. составляла менее 2,5 млрд руб. В 1907–1908 гг. появлялись проекты развития и реформирования армии и флота, авторами которых выступили начальник Генерального штаба Ф. Ф. Палицын, обер-квартирмейстер М. В. Алексеев, начальник Главного штаба А. Е. Эверт, морской министр И. М. Диков. Все они, однако, либо признавались неудовлетворительными, либо отправлялись на доработку в связи с изменениями

* Цит. по: *Петров М. А.* Подготовка России к мировой войне на море. М., 1926. С. 122.

** *Данилов Ю. Н.* Россия в мировой войне 1914–1915 гг. Берлин, 1924. С. 32.

*** *Виноградов В. Н.* Двадцатый век. Россия. С. 262; *Айрапетов О. Р.* На Восточном направлении. Судьба Босфорской экспедиции в правление императора Николая II // Последняя война императорской России. Сб. статей под ред. О. Р. Айрапетова. М., 2002. С. 166.

**** *Шаццлло К. Ф.* От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политика. М., 2000. С. 96.

внешнеполитической обстановки. Положение усугубляли бесконечные межведомственные споры, часто перераставшие в ожесточенные и затяжные конфликты, особенно между военным и морским ведомствами и Министерством финансов.

Важнейшим аргументом в пользу приоритета в финансировании военного флота было представление о нем как необходимом средстве поддержания великодержавного статуса империи. На совещании 30 сентября 1906 г., обсуждавшем судостроительную программу, министр Бирилев доказывал, что «чисто сухопутные войны в истории бывают весьма редко и потому только имея флот можно оставаться первоклассной державой», что флот является важным фактором «союзоспособности» России^{*}. На заседании СГО 26 октября 1906 г., на котором вновь обсуждался вопрос о военных кредитах, он высказался еще более категорично, заявив, что «Россия, как великая держава, без флота существовать не может... в международной политике морские силы государства определяются исключительно активной силой ее флота». Тогда ему пытались возражать Коковцов и Извольский, указывавшие, что «союзная Франция рассчитывает прежде всего на наши сухопутные силы»^{**}. Армейское руководство доказывало, что раз Россия сухопутная держава, то основное внимание должно быть обращено на воссоздание и усиление армии. На заседании Особого совещания по вопросу о разработке военных программ 3 августа 1909 г. начальник ГУГШ генерал А. З. Мышлаевский напомнил: «История России учит нас тому, что флот играет вспомогательную роль по отношению к сухопутной армии». Об этом в специальной записке, поданной в сентябре 1910 г. в правительство, писал Куропаткин; такой же точки зрения придерживался и председатель СГО. Но все это не умерило агрессивного настроения моряков, которых поддерживал сам император. Еще рескриптом от 29 июня 1905 г. была объявлена очередность задач в этой области: сначала обеспечение морской обороны берегов, затем воссоздание мобильных боевых эскадр^{***}.

В 1909 г. СГО был упразднен (как полагают, именно из-за своего курса на преимущественное развитие сухопутных сил в ущерб военно-морским^{****}), а вместе с ним – и «многоголовое» управление военным ведомством. Функции координации внешней и оборонной политики перешли к сравнительно узкому по составу непостоянно действующему совещательному органу под председательством премьера или министра иностранных дел. Что касается

* Цит. по: Там же. С. 280.

** Цит. по: *Поликарпов В. В.* От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX в. М., 2008. С. 278; РГВИА. Ф. 830. Оп. 1. Д. 81. Л. 3, 9 об.

*** *Шацилло К. Ф.* О диспропорции в развитии вооруженных сил России накануне Первой мировой войны (1906–1914 гг.) // Исторические записки. 1969. Т. 83. С. 132, 133.

**** *Игнатъев А. В.* Внешняя политика России. 1907–1914: Тенденции. Люди. События. М., 2000. С. 31.

военных кредитов, то ситуация с ними сдвинулась с мертвой точки лишь с началом предвоенного экономического подъема, обеспечившего поступление средств в государственный бюджет, суммарные доходы которого в 1913 г. несколько превысили 3,4 млрд руб. Основные статьи доходов включали прямые (272,5 млн руб.) и косвенные (708,1 млн руб.) налоги, составившие в сумме 28,7 % всех поступлений, а также доходы от казенных имуществ и капиталов (1043,7 млн руб.) и правительственных регалий (1024,9 млн руб., в том числе 899,3 млн – от винной монополии), составившие в сумме 60,6 % всех доходов. В целом доля военных расходов к этому времени достигала уже 28,5 % расходной части бюджета*. В результате лишь к 1910 г., сообщает Ю. Н. Данилов, военному ведомству «удалось составить и частично провести сколько-нибудь полный план восстановления военных запасов, добиться планомерного отпуска соответствующих кредитов, приступить к разработке и проведению мер по реорганизации армии, ближе подходящей к современным условиям»**. Новым и уже полноценным руководителем Военного министерства в 1909 г. царь назначил бывшего командующего Киевским военным округом, считавшегося образцовым, генерала от кавалерии В. А. Сухомлинова. Военно-морской флот в 1911 г. возглавил боевой адмирал Григорович, до этого на протяжении двух лет работавший «товарищем» (заместителем) министра ВМФ. Морское министерство, глава которого всегда был его полномочным хозяином, заметно выигрывало перед сухопутным по подбору кадров, целеустремленности в постановке и решении задач, корпоративному духу и слаженности в работе. С Сухомлиновым и Григоровичем во главе военные ведомства России в дальнейшем и вступили в мировую войну.

Между тем краткосрочные и долговременные, целевые и общие военные и морские программы продолжали появляться на свет. Одобренные, как правило, после бурных дискуссий Думой и Государственным советом, они облекались в форму законов. В результате долговременные программы модернизации армии и флота были приняты буквально накануне войны – «малая» 13 июня 1913 г. и «большая» 24 июня 1914 г. Несмотря на все сложности с отпуском военных кредитов, только прямые расходы военного и морского министерств за 1906–1913 гг. составили, по данным государственного контроля, огромную сумму в 4782,5 млн руб., из которых 3742,8 млн было отпущено военному ведомству и 1039,7 млн – морскому. Особенно заметно совокупный военный бюджет вырос в предвоенное пятилетие, превысив 3,3 млрд руб. В итоге накануне войны Россия имела самый большой в мире военно-сухопутный бюджет; его морской «собрат» был третьим в мире и вторым в Европе. Правда, если учесть, что себестоимость продукции российских казенных и частных пред-

* Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 153, 154, 157.

** Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне. С. 32.

приятый была едва ли не на порядок выше, чем за границей, эти финансовые потоки не будут выглядеть столь уж внушительными.

Рост военных расходов вызывал неоднозначную реакцию и в самих властных структурах, и в обществе. В правительстве продолжалась острая полемика между главами финансового ведомства Коковцовым, государственного контроля П. А. Харитоновым, радевших за «оздоровление» бюджета и экономии казенных средств, с руководителями военного и особенно морского министерств. Однако под дружным напором военных, поддержанных императором, и особенно в связи с растущей напряженностью международных отношений, сдерживавшие препоны стали постепенно слабеть. Коковцов, постоянный оппонент военного министра, уже после первого Боснийского кризиса заверил царя, что «современное финансовое положение дает полную возможность дальнейшего усиления средств нашей государственной обороны и что отпуски последних никогда не будут им подчинены соображениям финансового свойства»*. Правда, при этом он предупреждал, что полное удовлетворение оборонных запросов может идти только за счет гражданских ведомств, что, в свою очередь, чревато в ближайшем будущем нежелательными последствиями.

Запросы военных при крайне неэффективном использовании ими полученных средств вызывали, особенно в первые пореволюционные годы, негативную реакцию в общественных кругах. Кадетский журнал, критикуя военные программы, в 1908 г. писал: «Много лет... вся государственная жизнь, все государственное хозяйство приспособлялись к созданию военной силы... хотя ужасные уроки показали нам, что и внешнее могущество, и величие страны не может выдерживать пренебрежения к интересам внутреннего развития. Германия со всем своим милитаризмом была бы лишь колоссом на глиняных ногах, если бы она не опиралась на необычайное развитие промышленности и торговли, на беспримерно широкое народное образование, на грандиозную научную культуру. Какое непонимание великих исторических уроков, какое легкомыслие – думать, что сила государства измеряется его военным и морским бюджетом»**. Даже лояльный власти нововременский публицист М. О. Меншиков отмечал в сентябре 1912 г.: «Мы ежегодно тратим до миллиарда на армию и флот, и все-таки не имеем пока ни флота, ни готовой к войне армии. Но тот же миллиард, вложенный в какое хотите культурное дело... мог бы сдвинуть нас с мели... Под страхом нашествия тех самых врагов, которые трепещут нашего нашествия, мы обираем, что называется, у нищего суму, выколачивая подати»***. Мысль о необходимости поднять общий культурный и материальный уровень населения как необходимое условие укрепления

* Цит. по: *Шацилло К. Ф.* От Портсмутского мира к Первой мировой войне. С. 248.

** Вестник свободы. 1908. № 3. С. 81.

*** Новое время. 16.9.1912.

военно-экономического потенциала страны неоднократно звучала и в Думе, и в Государственном совете. Думцы, особенно при обсуждении предоставления военных кредитов, часто отказывались их вотировать, ссылаясь на их непроработанность, несогласованность, нерациональное использование уже выделенных средств, требуя навести «порядок» в ведомствах. Действительно, едва ли не каждый операционный год военные не могли «освоить» полученные средства. Вскоре, однако, правительству надоели критические выступления обществу. С изданием закона 5 июля 1912 г. против шпионажа был установлен перечень вопросов, не подлежащих освещению и критике в печати.

Свои заказы военные ведомства предпочитали размещать на казенных предприятиях, несмотря на их малочисленность и низкую производительность. Еще в 1903 г. специальная комиссия, обсуждая «потребности в артиллерии и артиллерийском снабжении», коснулась проблемы роли и соотношения казенной и частной промышленности в укреплении обороноспособности страны. Генерал-контролер департамента военной и морской отчетности А. В. Васильев, возглавлявший комиссию, по собственному признанию, поднял вопрос на «теоретическую высоту». Сославшись на то, что частные предприятия, на которые в виде авансов, задатков и ссуд уже потрачены значительные средства, подвержены кризисам (почему нередко их приходится брать в казну), он заявил, что «государство должно быть полным хозяином в деле удовлетворения своих насущнейших военных задач». В то же время комиссия высказалась за поддержку частной промышленности, уже имевшей опыт работы с казенным оборонным заказом, но при этом предложила «избегать создания новых частных заводов», взамен сосредоточив усилия на расширении старых и строительстве новых казенных предприятий*. Программа, представленная артиллерийским ведомством в марте 1905 г., предусматривала строительство патронного, взрывчатых веществ, порохового, трубочного и капсульного казенных заводов, которые, однако, так и не были построены до начала войны**. Ориентации на казенные предприятия военные ведомства придерживались вплоть до начала мировой войны. Исключение составляли частные предприятия, входившие в крупные холдинги Русско-Азиатского, Петербургского Международного и Учетно-ссудного банков, сосредоточившие заметную часть заказов морского и военного министерств***. Несмотря на объявленный протекционизм, военным ведомствам пришлось обращаться к

* Военная промышленность России в начале XX века (1900–1917). Т. 1. М., 2004. С. 118, 154, 155.

** *Поликарпов В. В.* От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. М., 2008. С. 178–180, 291–342.

*** См.: *Бовыкин В. И.* Банки и военная промышленность России накануне Первой мировой войны // Исторические записки. 1959. Т. 54.; *Бовыкин В. И., Тарновский К. Н.* Концентрация производства и развитие металлообрабатывающей промышленности России накануне и в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 1957. № 2;

заграничным фирмам. Наряду с фирмами стран-союзниц (Шнейдер-Крезю, Виккерс, Армстронг) практически вплоть до начала военных действий русские заказы размещались также на австрийских и германских предприятиях (Крупп, Шкода, Блом и Фосс, Эргардт).

В целом, по мнению генерал-квартирмейстера ГУГШ Ю. Н. Данилова, Россия к войне была подготовлена плохо. Ее армия, писал он в своих воспоминаниях, «менее всего была подготовлена к ведению широкой наступательной войны, требующей более гибкой организации и широкого снабжения мощной и подвижной тяжелой артиллерией, авиационными средствами, современными средствами связи, железнодорожными и понтонными частями, автомобильным транспортом»; вспомогательные технические средства к началу военных действий находились только в «зачатке». По расчетам Данилова, даже утвержденные нормы запасов во многом не были достигнуты. В частности, запасы снарядов для тяжелой артиллерии едва составляли 50 % даже заниженной нормы. Генерал справедливо отмечал, что воевать только за счет запасов мирного времени в принципе невозможно. Более того, он считал, что сложившаяся в стране общая обстановка также была крайне неблагоприятной – и в политическом, и в финансовом, и в промышленном, и в «узковоенном» отношениях. Власть к началу войны оказалась в значительной мере в изоляции и имела опору только в армии, да и в ней наблюдались «метания»^{*}.

И все же к началу войны в правящих сферах возобладало мнение, что русская армия по важнейшим видам вооружений и предметов снабжения имеет мобилизационные запасы, близкие к нормативным. По мнению же Сухомлинова, в целом к началу войны армия была оснащена не хуже войск противника. И даже позднее, уже будучи в эмиграции и имея возможность осмыслить происшедшее, он писал в воспоминаниях: «В 1914 г. армия была настолько подготовлена, что, казалось, Россия имела право спокойно принять вызов. Никогда Россия не была так хорошо подготовлена к войне, как в 1914 г.». Об этом говорилось и в нашумевшей в свое время статье «Россия готова», опубликованной в «Биржевых ведомостях» 27 февраля 1914 г. (вечерний выпуск), в которой военный министр, в ответ на развернувшуюся в Берлине антироссийскую кампанию, заявил, что Россия готова к войне, что вести ее она будет на чужой территории и закончит ее единым мощным ударом. Трудно со всей определенностью сказать, верил ли он сам в это утверждение. Статья появилась, как отмечал ее заказчик, после его «всепопданнейшего» доклада, в котором отмечались пропагандистские нападки Германии на Россию. Докладчик предложил как-то ответить на них. Император согласился, сказав, что «за границей нашу армию считают, очевидно, еще совсем не дееспособной

Шаццлло К. Ф. Государство и монополии в военной промышленности России. Конец XIX – 1914 г. М., 1992; и др.

^{*} *Данилов Ю. Н.* Россия в мировой войне. 1914–1915 гг. Берлин, 1924. С. 51.

и потому не находят нужным вообще с Россией церемониться» и что надо ответить на нападки – «официально и без задира»^{*}. Без «задира» не получилось. Германский посол Пурталес посчитал заявление министра «фанфаронадой». Ю. Н. Данилов расценил его как беспочвенную «бравату».

Как бы то ни было, предвоенные всеподданнейшие доклады Сухомлинова неизменно излучали оптимизм. Министр докладывал об оснащении войск пулеметами, скорострельными полевыми и горными орудиями, 6-дм гаубицами, об успешном пополнении запасов артиллерийских парков, о доведении до уставных норм имущества полевых железных дорог, о мерах по внедрению телеграфной связи и начале реализации программ по автомобилестроению и «воздухоплавательному делу» (предполагалось, в частности, создание 63 авиационных отрядов). Относительно обеспеченности винтовками отмечалось даже превышение нормы: несмотря на некоторое увеличение численности войск, имелось 100 тыс. ружей сверх комплекта, что дало основание сократить заказы ружейным заводам. В то же время по-прежнему отмечался недостаток тяжелой артиллерии, фугасных снарядов, ощущалась нехватка взрывчатых веществ. Правда, в докладе за 1914 г. Сухомлинов был вынужден признать, что из планировавшихся пяти казенных заводов построены только два (трубчатый и взрывчатых веществ), да и те еще не введены в строй, расширение и переоборудование действовавших предприятий не завершено, а автомобильные и авиационные части не сформированы. С началом же военных действий обнаружилось, что нормы вооружений и расхода боеприпасов (утвержденные в 1910 г., они были определены в 1000 выстрелов на винтовку, 75 тысяч – на пулемет и 1000–1200 снарядов на орудие) катастрофически занижены^{**}.

Что касается российского ВМФ, то на 1 января 1914 г. в строю находилось 218 вымпелов, в том числе 26 линейных кораблей и крейсеров, 164 эсминца и миноносца, 43 подводных лодки. Балтийский флот насчитывал 142 боевых корабля, 60 различного типа судов было в составе Черноморского флота и Каспийской флотилии. В основном это были корабли старой постройки. Многие новые суда, особенно крупные (линейные и легкие крейсера), предусмотренные программами 1912–1914 гг., находились на стапелях, причем их постройка до войны в большинстве случаев так и не была завершена. К 1914 г. в состав флота вошли лишь четыре линейных корабля программы 1907 г. Но Морское министерство особого беспокойства по этому поводу не проявляло – полное завершение судостроительных программ было запланировано лишь на 1917–1920 гг.

^{*} *Сухомлинов В. А.* Воспоминания. Берлин, 1924. С. 298–299.

^{**} Военная промышленность России в начале XX века. С. 356–357, 380, 385, 396–397, 423–441, 488–494, 595, 788.

2. Проблемы военно-стратегического планирования

На протяжении всех предвоенных лет в военных, правительственных и общественных кругах оживленно дискутировались вероятная роль флота в будущей войне (оборонительная или активная), целесообразная дислокация его главных сил (Балтика, Черное море, Дальневосточный регион), предпочтительные типы кораблей и составы эскадр. Военное ведомство было вынуждено признать, что поддержка флота будет необходима и при проведении сухопутных операций. Первоначально перед флотом ставились пассивные, главным образом оборонительные задачи, но в конечном итоге концепция именно активного флота была поддержана правительством. Столыпин, несмотря на свои ранее сдержанные по этому поводу высказывания (прежде всего, считал он, необходимо «приведение в порядок обломков нашего флота»), в конце концов высказался за создание «свободного линейного флота». «Великие мировые державы имеют и мировые интересы, – заявил он, выступая на заседании Государственного совета 13 июня 1908 г. – Великие мировые державы должны участвовать и в международных комбинациях, они не могут отказываться от права голоса в разрешении мировых событий. Флот – это тот рычаг, который дает возможность осуществить это право, это необходимая принадлежность всякой мировой державы, обладающей морем»^{*}.

Другими важными компонентами военных планов было определение вероятной продолжительности военных действий и тесно связанные с ними вопросы обеспечения армии и флота вооружением, боеприпасами, интендантским имуществом и т. д., а также их пополнения в боевых условиях. В военных кругах России, как, впрочем, в союзных и противоборствующих ей странах, господствовали представления о скоротечности назревавшей войны. Так, по предположениям русского Генерального штаба, масштабные военные действия, с учетом применения новейших технических средств, приведут к быстрому истощению воюющих сторон и потому война продлится 4–6 месяцев, во всяком случае – не более года^{**}. Исходя из таких представлений, основной упор в военных планах делался не столько на организации военного производства, сколько на обеспечении армии и флота запасами, заготовленными еще до войны. Расчеты боевого расхода военного снаряжения и боеприпасов делались во многом исходя из опыта русско-японской войны, а также с учетом финансовых возможностей страны и производительности казенной оборонной промышленности. Собственно, не было и разработанных планов мобилизации отечественной промышленности, как казенной, так и частной,

^{*} *Петр Аркадьевич Столыпин. «Нам нужна Великая Россия». Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете (1906–1911). М., 1991. С. 154, 156, 168.*

^{**} *Маниковский А. А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну / Перераб. и доп. Е. З. Барсуковым 3-е изд. М., 1937. С. 36.*

о чем впоследствии в один голос утверждали видные российские военачальники – «их не было создано в мирное время даже в зачатке, об этом даже не подумали». Более того, в 1910–1914 гг. военное ведомство продало за рубеж (в том числе Болгарии, будущей союзнице Германии) свыше 200 тыс. винтовок, ликвидировало хранившиеся на складах несколько сот тысяч устаревших ружей системы Бердан и даже почти 340 тыс. трехлинеек*. При этом перед самой войной казенные оружейные заводы за отсутствием заказов вынуждены были сокращать производство: за июнь 1914 г. была изготовлена всего 1 тыс. винтовок.

Центрами текущего и перспективного военного планирования на основе изучения военно-политической обстановки в мире и состояния вооруженных сил выступили вновь созданные аналитические подразделения военных ведомств. В своем первом же «всеподданнейшем» докладе осенью 1906 г. руководитель МГШ капитан 1-го ранга Л. А. Брусилов (брат получившего впоследствии широкую известность армейского военачальника) констатировал: «...отсутствие какой бы то ни было стратегической идеи» в дислокации, снабжении и боевой подготовке русских военно-морских сил в условиях надвигающейся войны между Англией и Германией, а также сформулировал ближайшую и главную, на взгляд его ведомства, задачу русской внешней политики: всемерно противиться вовлечению России и Франции в эту войну на стороне Великобритании, «ибо результаты такого столкновения будут выгодны для Англии и губительны для России»**. Среди вариантов расклада сил будущей морской войны, которые просчитывались в МГШ, по крайней мере до 1908–1909 гг., фигурировал и такой: Россия в союзе с Германией против Великобритании***. В последнем случае морские аналитики, очевидно, опирались на мнение своего руководства, которое, по свидетельству современников, с большим недоверием относилось к политике Англии, считая ее «глубоко эгоистичной» и хронически «провокационной»****. О том, что главной целью внешней политики России в наступившем столетии станет «титаническая

* ГА РФ. Ф. Р-6249 (генерал от кавалерии Г. О. фон Раух). Оп. 1. Д. 9. Л. 50 (Мои воспоминания за время Великой войны и революции, 1914–1919); А. С. Лукомский вспоминал: «В мирное время ничего не было сделано для перевода частной промышленности на заготовки для надобностей армии» (Воспоминания генерала А. С. Лукомского. Т. 1. С. 56); А. И. Деникин также отмечал: «Перед войной не поднимался вовсе вопрос о способах усиленного военного снабжения после истощения запасов мирного времени и о мобилизации военной промышленности» (*Деникин А. И. Путь русского офицера*. С. 280).

** Цит. по: *Лукин А.* Основание Морского Генерального штаба. С. 5.

*** РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 201. Л. 1. [Записка начальника 1-й оперативной части МГШ по Балтийскому морю капитан-лейтенанта Щеглова. 17(30) мая 1908 г.]

**** *Лукин А.* Накануне событий, 1912–1914 гг. С. 2; *Козлов Д. Ю.* К вопросу об организации. С. 10.

борьба с англо-саксами», перед мировой войной писали и некоторые русские военные обозреватели*.

Напротив, стратеги сухопутного Генштаба отталкивались от неизбежности войны России с державами Тройственного союза. Устами своего начальника генерала от инфантерии Палицына в «Докладе о мероприятиях по обороне государства» (сентябрь 1908 г.) основную цель русской армии на ближайшее десятилетие Генштаб определял как готовность к борьбе с коалицией именно этих «вероятных наших противников»**. Исходя из этого в предвоенные годы приоритетными направлениями работы разведывательных подразделений ГУГШ был определен сбор и систематизация сведений об армиях Германии, Австро-Венгрии и Франции, каждой из которых ведало особое делопроизводство***. Офицеры Генштаба, служившие в ГУГШ и в управлениях генерал-квартирмейстеров приграничных военных округов, активно привлекались к рекогносцировкам будущих театров военных действий – приграничных территорий Германии (в первую очередь Восточной Пруссии) и Австро-Венгрии. Русский военный атташе в Берлине уже в 1912 г. докладывал об «энергичной подготовке» Германии «к войне в ближайшем будущем»****. «Дальнюю» русскую разведку, особенно военно-морскую, современники-профессионалы считали одной из лучших в мире – «русские необычайно ловко внедряли подложные документы» противнику и «умудрялись иметь своих шпионов» даже в арсенале Данцига, сверхсекретном центре по разработке и строительству подводного флота Германии*****. Генерал П. Ф. Рябиков, крупный теоретик и практик военной разведки, высоко оценивал деятельность в этой сфере и сухопутного Генштаба: «Широкая заграничная разведка перед Великой войной была налажена в России хорошо и являлась достаточно прочным фундаментом для успешного проведения оперативных операций»*****. Для борьбы с немецким шпионажем, по свидетельству очевидцев, поставленным в России

* *Вандам А.* [псевдоним А. Е. Едрихина]. Величайшее из искусств. Обзор современного международного положения при свете высшей стратегии. СПб., 1913. С. 48.

** Цит. по: *Авдеев В. А.* В. А. Сухомлинов и военные реформы 1905–1912 гг. «Добиться создания русской армии, равносильной германской» // Россия: международное положение и военный потенциал в середине XIX – начале XX века. Очерки / Под ред. И. С. Рыбачёнок. М., 2003. С. 263–264.

*** *Самойло А. А.* Две жизни. 2-е изд., перераб. и доп. Л., 1963. С. 134.

**** *Strachan H.* The Outbreak of the First World War. P. 101–102.

***** См.: *Bywater Hector and Ferraby Herbert.* Strange Intelligence: Memoirs of Naval Secret Service. London, 1931. P. 51.

***** ГА РФ. Ф. Р-5793 (генерал П. Ф. Рябиков). Оп. 1. Д. 1–В. Л. 6–7, 41 об. (В Главном управлении Генерального штаба после революции. Воспоминания начальника Разведывательного отдела. Прага, 1929 г.)

«на очень широкую ногу»*, в 1911 г. впервые в истории русской армии во всех окружных штабах (кроме Казанского) были учреждены контрразведывательные отделения. Благодаря своим информаторам в германском посольстве в Петербурге русской контрразведке удалось своевременно обезвредить тайную немецкую агентуру в МГШ. С началом войны контрразведывательные службы появились в штабе верховного главнокомандующего, а также в армейских и фронтовых штабах, которые в своей деятельности руководствовались «Положением по контрразведке на театре военных действий».

Новая дислокация русской армии мирного времени, введенная в 1910 г. и существенно скорректированная в 1912–1913 гг., предусматривала перебазирование значительных контингентов из пограничных военных округов вглубь империи, дабы избежать их охвата в результате вероятного наступления Германии и Австро-Венгрии из Восточной Пруссии и Галиции одновременно. В 1911–1913 гг. на совещаниях начальников Генштабов были скоординированы мобилизационные расписания армий Франции и России и их планы на случай войны. В основу плана стратегического развертывания русской армии, разработанного в 1912 г., также легли интересы вооруженной борьбы в составе коалиции с центрально-европейскими державами – ближайшей задачей развертывания ставился переход в наступление на Германию и Австро-Венгрию с перенесением войны в их пределы**. Учитывая сроки развертывания армий Тройственного союза (они были вдвое короче русских – на 13–15-й день мобилизации против 28–29-го дня у русской стороны), рубеж стратегического развертывания, к неудовольствию французского командования, был перенесен из Варшавского округа на 200 верст восточнее – на линию Ковно – Брест-Литовск – Каменец-Подольск. В то же время, согласно настояниям тех же французов, в августе 1913 г. на уже девятой по счету конференции представителей французского и русского Генштабов русская сторона обязалась начать вторжение в Восточную Пруссию на 14–15-й день своей мобилизации, а масштабное наступление на Берлин – не позднее 19–20-го дня, то есть задолго до полного сосредоточения и развертывания собственных сил, в лучшем случае осуществимых лишь на 40-й день мобилизации. Французское командование

* *Лукин А.* Накануне событий, 1912–1914 гг. С. 2. Россия в этом смысле не была исключением. По оценке британских спецслужб, в предвоенные годы на каждого английского разведчика-профессионала в Центральной Европе приходилось 5–6 германских тайных агентов в самой Великобритании // *Bywater and Ferraby.* Strange Intelligence. P. 32.

** История военной стратегии России / Под ред. В. А. Золотарева. М., 2000. С. 101. В военной теории начала XX в. господствовало убеждение, что победу в войне одержит тот, кто первым нанесет удар. Поэтому армии всех будущих ключевых участников мировой войны были нацелены на активные наступательные действия с самого начала войны.

рассчитывало завершить развертывание своей армии на 10-й день и уже на 11-й почти всеми силами двинуться на Германию.

Русское армейское руководство потратило много времени и усилий для разрешения вопроса о вероятном направлении первого главного удара армий центральных держав, а значит – и о дислокации и действиях собственных войск в первый период войны на решающем, западном, театре. Намерены ли немцы вместе с австрийцами начать войну нападением основными силами на Россию при активной обороне против Франции, согласно заветам фельдмаршалов графов Х. Мольтке и А. Вальдерзее, или восторжествуют идеи стратегов нового поколения – А. фон Шлиффена и Х. Мольтке-младшего с планом молниеносного «большого обходного маневра» своим правым флангом французской армии, ее быстрого (в течение шести-восьми недель) разгрома, вывода Франции из войны и последующей атакой главными силами России? Во втором случае, пока Германия связана операциями на западе, против нее или против Австрии следует преимущественно действовать русским войскам? Где именно и когда наносить основной удар? «Главные заботы, – вспоминал генерал С. К. Добророльский, начальник Мобилизационного отдела Генштаба, – были направлены к созданию наиболее выгодного *исходного для армий положения к началу войны*»^{*}.

Казалось, русско-французская военная конвенция 1892 г. предreshала ответы по крайней мере на часть этих вопросов. Ее центральный военно-стратегический замысел состоял в том, чтобы независимо от направления и характера действий армий Тройственного союза с первых дней войны навязать Германии борьбу на два фронта. Третий пункт этого секретного документа недвусмысленно устанавливал, что силы Франции (1,3 млн солдат) и России (700–800 тысяч штыков) должны быть введены в действие сразу, полностью и таким образом, чтобы Германия была вынуждена одновременно бороться на востоке и на западе. Однако, в опровержение давно бытующего тезиса о якобы полной зависимости русского командования от планов союзников как до, так и в ходе мировой войны (советские историки писали о «военно-стратегическом закабалении» России своими союзниками и безропотном принятии ею «навязываемых ей военных планов и разного рода обязательств, нередко шедших вразрез с собственными намерениями и интересами»^{**}), Генштаб, еще в

^{*} *Добророльский С.* Стратегические планы сторон к началу Первой мировой войны // Военный сборник. Кн. II. Белград, 1922. С. 22.

^{**} *Деренковский Г. М.* Франко-русская морская конвенция. С. 121; *Бовыкин В. И.* Из истории возникновения Первой мировой войны. Отношения России и Франции в 1912–1914 гг. М., 1961. С. 93–94. Часто на этом базировались характеристики России как «младшего партнера» или даже «прислужницы» своих союзников, рассуждения о ней, как о «второстепенном элементе» Антанты (см., напр.: *Соловьев О. Ф.* Обреченный альянс. М., 1986. С. 13–14). Правда, были и авторы, которые, говоря о плане предвоенной дислокации русской армии, составленном ГУГШ, в таком же разоблачительном

бытность его главой Палицына, пришел к мнению, что русской армии целесообразнее начинать военные действия нанесением главного контрудара в Галиции по слабейшей Австро-Венгрии, а против сильнейшей Германии вначале ограничиться обороной.

На совещаниях начальников Генштабов русские и французские представители неукоснительно и единодушно подтверждали, что независимо ни от чего «первой и основной целью союзных войск» является поражение Германии^{*}. Однако в действительности в высших русских военных кругах как до войны, так даже и во время нее не сложилось единомыслия по базовому вопросу, кого считать своим главным военным противником – Австрию или Германию. Более того, в основу русского оперативного плана фактически оказалась положена идея виднейшего русского военного теоретика рубежа XIX–XX вв. Н. Н. Обручева – направить основные силы на австрийский фронт. На предвоенных совещаниях окружного командования и в записках военному министру такую схему отстаивала группа генералов во главе с начальником штаба Киевского военного округа М. В. Алексеевым^{**}. Новый, более смелый и наступательный план действий на западном фронте, подтверждает финский исследователь П. Лунтинен, изучив документы французских военных властей, был принят русским верховным командованием под давлением не французов, а собственного генералитета^{***}.

В результате согласования этих стратегических соображений с обязательствами перед французскими союзниками к весне 1912 г. в русском Генштабе родился и в октябре 1913 г. был «высочайше» утвержден комбинированный план развертывания и ведения боевых действий на западном фронте, сформулированный в двух оперативных вариантах – «А» (на случай первого удара Германии по Франции) и «Г» (в случае совместного германо-австрийского

пафосе бичевали его «капитулянтским» перед Германией и готовившим «удар в спину» союзной Франции // См.: Меликов В. А. Стратегическое развертывание: (По опыту первой империалистической войны 1914–1918 г. и гражданской войны в СССР). Т. 1. М., 1939. С. 228.

* Протокол совещания начальников Генеральных штабов русской и французской армий в Красном Селе 31(18) августа 1911 г. // Материалы по истории франко-русских отношений за 1910–1914 гг. Сб. секретных дипломатических документов бывшего императорского МИД. М., 1922. С. 701.

** Емец В. А. О роли русской армии в первый период мировой войны 1914–1918 гг. // Исторические записки. Т. 77. М., 1965. С. 63; Мэннинг Б. Фрагменты одной загадки: Ю. Н. Данилов и М. В. Алексеев в русском военном планировании в период, предшествующий Первой мировой войне // Последняя война императорской России. С. 76, 85–86.

*** Luntinen P. French Information on the Russian War Plans, 1880–1914. Helsinki, 1984. P. 126.

нападения на Россию)*. План «А» предусматривал переход русских войск в наступление одновременно против Германии и преимущественно против Австро-Венгрии с возможно быстрым перенесением военных действий на их территорию. План «Г» – удар большей частью сил по Германии вторжением в Восточную Пруссию. Поскольку в русском Генштабе имелись сведения о подготовке Германией начального нападения именно на Францию, в качестве наиболее вероятного и предпочтительного рассматривался вариант «А» – решительный удар по Австро-Венгрии и, следовательно, одновременная помощь патронируемой Сербии позволяли рассчитывать на быстрый успех и стратегически перспективный результат**. В итоге мобилизация и развертывание русской армии были начаты именно по плану «А», причем еще до нападения Германии на Францию и объявления Австро-Венгрией войны самой России. Однако угрожающая для всей Антанты обстановка, которая сложилась на франко-германском фронте в первые недели войны, заставила русское командование откликнуться на мольбы союзников о помощи и, не закончив развертывания, сходу перейти к реализации плана «Г», причем меньшими силами и в еще более краткие, чем было договорено до войны с французами, сроки. Благодаря этому наступление немцев французская армия смогла остановить; Париж, уже покинутый своим правительством, был спасен. Для России же платой за ее спешное, в интересах союзников, вторжение в Восточную Пруссию явился разгром 2-й армии генерала А. В. Самсонова у Мазурских озер 26–31 августа 1914 г.*** Однако эта жертва оказалась не напрасной. В результате была достигнута главная стратегическая цель Антанты – Германия с

* Историк Дж. Снайдер вслед за отечественным военным специалистом 1920-х гг. А. М. Зайончковским назвал этот план продуктом компромисса «противоположных взглядов» генералов Алексеева и Данилова (последнего – как сторонника антигерманского приоритета русского военного планирования) «на стратегические цели и потенциал России» (*Snyder J. The Ideology of the Offensive. Military Decision Making and the Disasters of 1914. Ithaca and London, 1984. P. 166*). Другой современный американский автор усматривает в этом плане «опасный компромисс», который обрекал русскую армию на одновременное наступление по «двум расходящимся стратегическим направлениям» // *Мэннинг Б. Фрагменты одной загадки. С. 86.*

** *Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 г. на русском фронте. Начало войны и операции в Восточной Пруссии. Ч. 1. Прага, 1926. С. 60, 61.*

*** В одном из недавно изданных на Западе солидных научно-популярных изданий этот драматичный эпизод представлен следующим характерным образом: «Наступление германских армий через Бельгию и северную Францию было впечатляющим. Французы в ответ попытались атаковать в Лотарингии, но дело едва не закончилось их национальной катастрофой. Францию спасла железная воля ее главнокомандующего генерала Ж. Жоффра. Благодаря своему уму и силе характера, он смог смириться с крахом своего первоначального плана, бросить войска в историческую контратаку немецкого правого фланга, и свершилось “чудо на Марне”. Немцы были вынуждены отступить и окопаться» // *Bourne J. Total War I: The Great War // The*

самого начала оказалась принуждена воевать одновременно на два фронта и ее расчет на скоротечные победоносные операции последовательно в западном и восточном направлениях рухнул. По мнению военных специалистов, в конечном счете это предрешило поражение всего германского блока в войне*.

Предметом острых разногласий в русском правительстве и в военных сферах в предвоенные годы стала проблема овладения черноморскими проливами – не необходимость самой этой акции, давно «высочайше преудказанная», а ее объем, время и условия проведения, а также потребные для ее успеха силы и средства. В 1908 г., в период назревания Боснийского кризиса, морской министр Диков, ссылаясь на неготовность Черноморского флота, оспорил убеждение своих сухопутных коллег в возможности в данный момент оказать силовое давление на Турцию захватом Верхнего Босфора (хотя само «движение к проливам» адмирал, конечно, признавал «непоколебимой целью» русской политики). В июле этого же года Особое совещание под председательством министра иностранных дел признало целесообразным приступить к подготовке военной экспедиции к турецким берегам. Вскоре МГШ и Генштаб начали совместную проработку организации такого десанта**. С неизменной благосклонностью к планам захвата проливов относился и император. На этом фоне в широких военно-морских кругах еще более окрепло убеждение в осуществимости овладения Босфором как реальной и главной цели русских армии и флота в надвигавшейся войне: черноморские «мичманы видели сны про прорыв на Босфор», – вспоминал очевидец, военный моряк***. Стремление России к Средиземному морю, комментировали такие настроения много лет спустя члены эмигрантского военно-морского исторического кружка, «не есть ни блажь, ни империалистическая жадность... Гигантский организм величайшей в мире страны нуждается в отдушине и рано или поздно ее добудет. Флот должен понимать, что на Черноморском театре «неприятель есть пролив, и все военные цели решаются наступлением на Босфор»****. Ту же задачу, но в расширенном варианте формулировал адмирал Ф. В. Дубасов: «России нужен не Босфор, а Босфор и Дарданеллы, то есть свободный выход из внутреннего

Oxford Illustrated History of Modern War / ed. by Ch. Townshend. Oxford and New York, 1997. P. 102.

* История дипломатии. Т. III. Дипломатия на первом этапе общего кризиса капиталистической системы / Под ред. В. П. Потемкина. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1965. С. 30.

** РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 251. Л. 6. (Письмо начальника Генштаба начальнику МГШ. 3 января 1910 г. № 25. Секретно.)

*** РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 45. Л. 31 об. (Записка начальника Черноморской оперативной части МГШ капитана 2-го ранга А. В. Немитца об осуществлении Босфорской операции. Август–сентябрь 1915 г. Секретно.)

**** От редакции. Из архива военно-морского исторического кружка // Зарубежный морской сборник. № 6. Пильзень, 1929. С. 31.

Черного моря на мировой простор, и потому в свое время мы должны овладеть нераздельно обоими проливами». Эти слова авторитетного морского и государственного деятеля находили сочувственный отклик и в общественном мнении, и особенно в военно-морской среде*. При этом, как правило, имелись в виду не крупные территориальные приобретения России в Средиземноморье (от увлечения «шовинистическими идеями» установления здесь своего господства руководство МГШ предостерегал упомянутый профессор-правовед Овчинников; еще раньше, в 1908 г., сам царь заявил об отсутствии у России претензий «на малейший кусок» турецких владений**), а сравнительно небольшие, глубиной в 20–25 км, прибрежные участки земли, необходимые для обороны проливов***. Сроки проведения самой операции морское командование резонно ставило в зависимость от ввода в строй новых судов Черноморского флота. Пока на Черном море господствует турецкий флот, писал начальник МГШ летом 1911 г., русской дипломатии «должна быть поставлена задача – сохранить на это время мир на Балканском полуострове»****. О развязывании «большой» войны ради решения проблемы проливов морское командование не помышляло.

Армейское же руководство постепенно охладело к самой идее босфорской операции в обозримом будущем. Оно ссылалось на продолжительность развертывания и трудности перевозки десанта (а, значит, и на заведомую недостижимость внезапности всего этого предприятия), сложности с его снабжением на боевых позициях из-за растянутости коммуникаций, а главное – на общую нежелательность распыления своих сил и традиционно отрицательное отношение союзников к притязаниям России в зоне проливов. Сухомлинов, будучи категорически против операции на Босфоре, с удовлетворением признавал в своих мемуарах, что в годы его министерства военное ведомство «не ударило пальцем о палец» для подготовки такого десанта. Предвоенное расформирование черноморского десантного отряда («одесского батальона») лишь подчеркнуло, что армия «умывает руки». Столкнувшись с сопротивлением армейского начальства, МГШ предложил ограничиться созданием на Черном море одной полноценной эскадры (в 8 дредноутов и 4 линейных крей-

* РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 257. Л. 25. (Записка Немитца в МГШ «О политических задачах России при ликвидации славяно-турецкой войны с военно-морской точки зрения». 13 ноября 1912 г.)

** Цит. по: *Бестужев И. В.* Борьба в России. С. 260.

*** См.: РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 207. (Доклад морскому министру начальника МГШ вице-адмирала А. И. Русина о притязаниях России на турецкие территории. 12 февраля 1915 г.)

**** РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 257. Л. 1. (Мнение Морского Генштаба по вопросу о проливах. Июль 1911 г. Секретно.)

сера) с задачами активной обороны своих берегов и лишь «тесной блокады» Босфора для преграждения доступа в Черное море германо-австро-турецкому флоту. Именно такие цели были указаны в «Плане войны на Черном море», согласованном с сухопутным военным ведомством и «высочайше» утвержденном в 1909 г., а в 1913 г. – и в плане штаба командующего морскими силами Черного моря. В начале 1911 г. Особое совещание с участием руководства ГУГШ и МГШ пришло к окончательному заключению, что «десантная операция к Босфору при настоящих условиях невыполнима»**.

Однако в конце 1913 г. опасность контроля над Босфором миссией Лимана фон Сандерса вновь поставила перед русским морским командованием вопрос о захвате черноморских проливов как насущной задаче российских вооруженных сил. МГШ, запрошенный по этому поводу своим министром, дал положительное заключение и прогноз, согласно которому союзники не окажут России помощи в осуществлении этой акции, но и не будут противодействовать ей, а державы-соперницы, вероятнее всего, вынужденно примирятся со свершившимся фактом, особенно если русский флот к тому времени будет готов к наступательным действиям «против австро-венгерского и союзных с ним». Овладение Босфором «в ближайшие годы и не позже 1918–1919 гг.» Морской Генштаб поставил основной целью не только военных, но и «всех дипломатических усилий России»***. Совещание, созванное в Морском министерстве, одобрило эти соображения МГШ, наметило подготовительные меры по морской части и поддержало требование командующего Черноморским флотом адмирала А. А. Эбергарда пополнить его флот новыми боевыми кораблями и срочно модернизировать вооружение имеющихся. Вслед за тем Григорович получил уверения министра Сазонова в полном единomyслии дипломатического ведомства с заключениями и прогнозами военных моряков и сумел добиться санкции главы Министерства финансов на сверхсметное ассигнование 110 млн руб. на покупку четырех чилийских и аргентинских дредноутов для усиления Черноморского флота. Несмотря на солидную поддержку, которую, таким образом, обрели в прави-

* На практике министру Григоровичу удалось добиться выделения средств на постройку для Черного моря трех линейных кораблей, девяти эсминцев и шести подводных лодок со сроком их готовности в 1915 г. «Малая» судостроительная программа, утвержденная в следующем, 1912, году (ее общая сметная стоимость составила 420 млн руб.), предназначала для Черноморского флота еще девять эсминцев, два легких крейсера и шесть подводных лодок. Все эти корабли предполагалось строить исключительно на отечественных заводах. Первое пополнение в виде четырех миноносцев нового типа Черноморский флот получил в конце 1914 г.

** РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 257. Л. 60. (Доклад начальника МГШ контр-адмирала князя А. А. Ливена морскому министру. 9 февраля 1912 г.)

*** Лукин А. Накануне событий // Последние новости. Париж, 17.9.1932. № 4196. С. 2.

тельстве проекты военно-морского ведомства, в конце февраля 1914 г. специально созванное Особое межведомственное совещание фактически их провалило (отложило, «утопив» в деталях и второстепенных подготовительных мерах), главным образом – голосами представителей сухопутного Генштаба. По мнению участников Совещания, в мирное время провести босфорскую операцию невозможно, а в условиях общеевропейской войны, категорически заявили начальник Генштаба Я. Г. Жилинский и генерал-квартирмейстер ГУГШ Ю. Н. Данилов, западные или кавказские корпуса для десанта на юге могут быть отвлечены «лишь при отсутствии борьбы на западном фронте». Сосредоточение всех сил на западной границе, в случае европейской войны, напомнил совещанию Жилинский, является «одной из основ нашей военной конвенции с Францией». У Сазонова совещание оставило гнетущее впечатление полной военной неподготовленности России.

Согласие «положить в основу» развития Черноморского флота «приобретение господства на море в Константинопольском канале [Босфоре] и прилегающих к нему водах» явилось тем максимумом, которого морскому министру удалось добиться от императора в предвоенные годы**. Ухватившись за это общее «высочайшее» указание, морское ведомство на свой страх и риск продолжило разработку операции в черноморских проливах, начатую в конце 1913 г., выдвинув план еще более смелый, если не сказать дерзкий. Причиной такого упорства было убеждение военно-морского командования, что успех операции не только кардинально улучшит геополитическое положение России, но и, выведя из борьбы Турцию, освободив войска русского Кавказского фронта и действующие против турок силы союзников, переломит военно-стратегическую обстановку всей будущей кампании в пользу Антанты. набросок нового «Плана войны на 1914–1919 гг. на Черном море для обеспечения России свободного выхода в Средиземное море» был составлен к началу лета 1914 г. Он предусматривал решительное усиление Черноморского флота к 1916–1917 гг., а также создание из кораблей Балтийского флота мощной Средиземноморской эскадры, ядро которой должны были составить 12 дредноутов (оборону оголяемого вследствие этого Финского залива план возлагал

* Журнал Особого совещания. 21(8) февраля 1914 г. // Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств, 1878–1917 гг. (далее – МОЭИ). Сер. III. Т. 1. М.; Л., 1931. С. 376–379. Вряд ли есть основания называть решения этого совещания «наметками плана преднамеренной агрессии в Дарданеллах и Босфоре», как это делает один из западных исследователей, стремящихся доказать сверхагрессивность российского внешнеполитического курса в сравнении даже с германским. См.: *Keithly D. M. Did Russia also have War Aims in 1914?* // *East European Quarterly*. 1987. Vol. 21. № 2. P. 140–141.

** РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 257. Л. 249, 253. (Всеподданнейший доклад морского министра с одобрительной резолюцией Николая II. 30 декабря 1913 г.)

на береговые крепости)*. Соединенные силы Черноморского и Балтийского флотов были призваны обеспечить России господство в Черном и Эгейском морях и, таким образом, блокировать черноморские проливы с обеих сторон. Предназначением десантной армии силой в четыре корпуса был стремительный захват Константинополя и зоны проливов «в любые несколько дней и при всякой политической и общестратегической обстановке»**. Однако этот план так и остался проектом. Работу над ним сначала притормозила кончина начальника МГШ князя А. А. Ливена в феврале 1914 г., а окончательно прервал разразившийся вскоре общеевропейский кризис. В итоге, по свидетельству адмирала А. Д. Бубнова (офицера МГШ, а затем начальника военно-морского управления Ставки) десантная операция на Босфоре так и не была включена «в число тех военно-политических заданий, кои русская вооруженная сила была в случае войны призвана решать»***.

Начавшаяся мировая война опрокинула и передачу флоту дополнительных кредитов на покупку военных судов за рубежом, хотя к лету 1914 г. выделение этих средств было одобрено обеими законодательными палатами и императором. Перевес над военно-морскими силами противника русский Черноморский флот получил спустя год со вступлением в строй дредноута «Императрица Мария», но ненадолго – линкор погиб осенью 1916 г.**** В результате блокаду Босфора и минирование выходов из него, предусмотренные «Планом войны на Черном море» 1909 г., смог осуществить только молодой и энергичный адмирал А. В. Колчак, назначенный командующим Черноморским флотом в июне 1916 г. Убежденными противниками отвлечения сухопутных сил на захват Россией черноморских проливов в ходе мировой войны выступали верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич и руководители его штаба, а царь лишь время от времени вспоминал о своей давней «босфорской» мечте.

В отличие от военных моряков, армейское командование, прогнозируя характер и вероятный ход военных действий на южном театре, исходило из того, что для России война здесь будет преимущественно оборонительной. В сравнении с западным это направление считалось второстепенным. Ожидалось, что на юге боевые действия откроют Германия и Турция, первая – введением флота в зону проливов для блокирования морских коммуникаций Антанты,

* Русско-французская морская конвенция 1912 г. предусматривала возможность русским судам пользоваться французской военно-морской базой в тунисской Бизерте.

** РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 268. Л. 11–12.

*** Бубнов А. Д., контр-адмирал. Почему Россия не завладела Босфором во время минувшей войны // Зарубежный морской сборник. № 13. Пильзень, 1931. С. 8.

**** Судьба другого нового дредноута отечественной постройки, «Императрица Екатерина Великая», вошедшего в состав Черноморского флота весной 1916 г., также оказалась недолгой – в 1918 г. он был затоплен большевиками.

а вторая – вторжением на Кавказ с целью возвращения утраченных территорий. Предполагалось, что Австрия, скованная действиями союзников на западе и сербской армией на Балканах, вмешаться в события на юге не сможет; Румыния же и Болгария сохранят дружественный нейтралитет. На море ожидалась атака соединенным германо-турецким флотом русских черноморских портов. Исходя из этого стратегической задачей русских сухопутных сил ставилась активная оборона Кавказа от турецкого вторжения, а морских – обеспечение безопасности Севастополя как главной базы Черноморского флота и борьба за господство на море*.

Транспортная флотилия адмирала А. А. Хоменко (свыше 100 бывших коммерческих пароходов), созданная в начале 1915 г. морским начальством явно с прицелом на доставку десанта в проливы, в 1916 г. внесла важный вклад в успех операций русского Кавказского фронта против турок у Эрзерума и Трапезунда, но отнюдь не Стамбула**. С точки зрения «босфорской проблемы», в основу подготовки Черноморского флота к войне был положен постулат, что «ключи от проливов находятся в Берлине»***. Другими словами, одержала верх точка зрения армейского руководства, что в случае успеха на западном направлении (а значит, и в войне целиком) России не потребуется занимать черноморские проливы силой, и они ей достанутся как военный трофей****. В противном случае босфорская операция, «ныне невыполнимая с наличными силами» (армейское командование не уставало повторять, что для ее успешного проведения нужна «отдельная война»), откладывалась до 1930–1935 гг. – времени завершения «большой» судостроительной программы общей стоимостью свыше 2 млрд руб. Теперь же на повестку дня выходило дипломатическое обеспечение будущего утверждения России в Константинополе и проливах. Учитывая жесткую позицию по этому вопросу Лондона и Парижа, это было делом небыстрым и нелегким. В глазах союзников, считали в русском правительстве, стратегическое значение проливов «именно в смысле возможности нападения на Россию» превалировало над торгово-экономическими соображениями*****.

Вынужденно отложив проведение босфорской операции (но продолжая исподволь к ней готовиться), морские стратеги сосредоточились на Балтике и отчасти на северных морях. Балтийское море стало вновь рассматриваться как

* Лукин А. В Черноморском флоте // Последние новости. Париж, 12.11.1932. № 4252. С. 2.

** Подробнее об этой флотилии см. параграф 5 главы 5 части III настоящей книги.

*** «Путь к Константинополю идет через Берлин», – говорил Николай II послу Франции в России Т. Делькассэ в январе 1914 г. Цит. по: *Luntinen P. French Information on the Russian War Plans. P. 202.*

**** Бубнов А. Д. Почему Россия не завладела Босфором. С. 10–11.

***** Сазонов С. Д. Воспоминания. С. 304.

основной операционный театр русских военно-морских сил. Балтийский флот с базой в незамерзающем Ревеле получил задание с началом войны в рамках содействия сухопутным силам закрыть устье Финского залива минными полями для предотвращения высадки противником десанта с моря*. Столь сравнительно скромная вспомогательная задача объяснялась несоизмеримостью возможностей сторон. К 1914 г. русские военно-морские силы на Балтике включали 4 линейных корабля (один в капитальном ремонте), 10 крейсеров (из них 9 устаревших), 36 таких же старых миноносцев, 5 подводных лодок, несколько минных заградителей и лишь один вполне современный корабль – сверхбыстроходный для своего времени эсминец «Новик» (отечественной постройки, спущен на воду в 1911 г., скорость 37 узлов)** . Даже выполнение к 1917 г. «малой» судостроительной программы не обещало русскому ВМФ на Балтике паритета с германским. В результате осуществления этой программы Балтийский флот должен был включать лишь 8 линейных судов*** (против 28 у Германии), 6 легких крейсеров (против 16 немецких) и 37 эсминцев (против 72) при общем соотношении количества орудий с борта 140:356****. Несмотря на это, по инициативе командующего Балтийским флотом адмирала Н. О. фон Эссена, накануне войны «прибрежный» минно-оборонительный план был дополнен «морским». В нем речь шла уже об активных операциях против немецкого ВМФ в открытом море во взаимодействии русского флота с британским (о необходимости такого взаимодействия фон Эссен неоднократно высказывался еще до войны). Хотя, как сообщает Григорович, по прикидкам армейского командования, Балтийский флот был способен сдерживать противника лишь считанные недели мобилизации и развертывания главных сухопутных сил («в последующем на него вообще не рассчитывали»*****), русские балтийские моряки воевали согласно «морскому» плану фон Эссена – своего «смелого и лихого» (по характеристике морского министра) командующего. Попытки германского флота прорваться в Рижский и Финский заливы также не увенчались успехом. В северных водах на русский военный флот, пополненный несколькими устаревшими судами, предоставленными Великобританией,

* *Смирнов М. И.* Краткий обзор оперативных идей, положенных в основу организации и подготовки Русского флота к войне в период 1906–1914 гг. (Воспоминания) // Зарубежный морской сборник. Пильзень, 1929. № 7–8. С. 67.

** *Граф К. К.* На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию. Мюнхен, 1922. С. 33.

*** Половина из них – «Севастополь» (флагман), «Полтава», «Петропавловск» и «Гангут» – вошла в строй в конце 1914 г.

**** РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 231. Л. 4–5. (Записка капитана 2-го ранга В. М. Альфатера в МГШ о задачах Балтийского флота на случай войны с Германией. 17 апреля 1914 г. Секретно.)

***** *Григорович И. К.* Воспоминания бывшего морского министра. С. 95.

легла охрана военных транспортов союзников от немецких подводных лодок в районе Кольского залива, а затем и Мурманска – задача, пусть также вспомогательная и сезонная, но, как показали последующие события, для русской действующей армии жизненно необходимая.

С багажом таких прогнозов, планов и возможностей русское внешнеполитическое ведомство и командование вооруженными силами встретили общеевропейский кризис лета 1914 г., а затем и начало мировой войны.

Глава 3. ПРЕВРАТНОСТИ УЧАСТИЯ В КОАЛИЦИОННОЙ ВОЙНЕ (СЕРЕДИНА 1914 г. – ФЕВРАЛЬ 1917 г.)

(Д. Б. Павлов)

1. Июльский кризис

28 июня 1914 г. в боснийской столице 20-летний боснийский серб (и австрийский подданный) Г. Принцип смертельно ранил наследника австро-венгерского престола и его жену. По меркам того времени, констатирует современный британский историк, само по себе это событие еще не могло привести к мировому кризису^{*}. Доказать причастность официального Белграда к этому убийству Вена так и не смогла. Тем не менее правительство Австро-Венгрии решило использовать двойное покушение в Сараево как повод для расправы с суверенным Сербским королевством. Еще за месяц до этого в беседе с австрийским послом в Турции маркизом И. фон Паллавичини император Франц-Иосиф заявил о неизбежности общеевропейской войны, которая «одна только может» решить балканский вопрос^{**}. Сербия как «центр панславянской политики», писал австрийский монарх в начале июля Вильгельму II, должна быть «уничтожена как политический фактор на Балканах»^{***}. Кайзер,

* *Landhorne, Richard*. The Collapse of the Concert of Europe. P. 109.

** *Morgenthau H.* Ambassador Morgenthau's Story. New York, 1918. P. 87–88. Несмотря на это, в историографии утвердилось мнение, что в 1914 г. официальная Вена была ориентирована лишь на «превентивную» войну на Балканах (дабы «растоптать угрозу возникновения Великой Сербии»), но не на европейский, ни тем более мировой вооруженный конфликт. (См.: *Fay, Sidney Bradshaw*. The Origins of the World War. New York, 1929. P. 43; *Strachan H.* The Outbreak of the First World War. P. VII; *Bridge F. R.* From Sadowa to Sarajevo. P. 368–375; *Stevenson D.* The First World War. P. 16–17.) «В правящих кругах Габсбургской империи, – пишут В. Н. Виноградов и Т. М. Исламов, – имелась влиятельная и сильная группа государственных и военных деятелей, которая сознательно вела дело к войне, но не мировой или европейской, а локальной, против Сербии. В крайнем случае и региональной, против России, но ни в коем случае не против Запада, с которым Австро-Венгрии делить было нечего» // *Виноградов В. Н., Исламов Т. М.* Сараевское убийство и австро-сербский конфликт. С. 105.

*** Цит. по: *Bridge F. R.* From Sadowa to Sarajevo. P. 369.

не менее Вены желавший решительно изменить соотношение сил на юго-востоке Европы в пользу Тройственного союза, в ответ отметил, что произошедшей трагедией создан «благоприятный случай», которого «жалко было бы упустить», и заверил, что в возможной грядущей войне с Россией «Германия с обычной союзнической верностью станет на вашу сторону»*. Высокий градус конфронтации с Антантой заставлял центральные державы задуматься о международных последствиях намеченной силовой акции. Учитывая недавнее поведение стран Согласия в связи с миссией Лимана, в Берлине и Вене ожидали резкой реакции со стороны России, в меньшей степени – Франции, но не Великобритании.

В «сербской» части их расчет оказался верным – в Лондоне весть о сараевском убийстве не вызвала особых тревог. В начале июля 1914 г. сэр Николсон писал британскому послу в Вене, что, не считая албанской проблемы, у Великобритании в настоящий момент «более нет срочных и острых вопросов в Европе»**. В своих мемуарах британский посол в России признает, что его страна никогда не объявила бы безусловную солидарность с Францией и Россией, вплоть до поддержки их оружием, из-за государства, «которое никоим образом не затрагивает британских интересов», как Сербия***. Германский посол в Лондоне князь Лихновски до последнего момента был уверен, что Англия, озабоченная обострением ситуации в Ирландии, сохранит в европейском конфликте нейтралитет. По сути, на разнице поведения Петербурга, Парижа и Лондона и строились надежды Тройственного союза ограничиться локальным или как максимум региональным конфликтом. Более того, в немецких столицах надеялись, что западные союзники России удержат ее от «неосмотрительных» действий на мировой арене, а угроза новой революции и неготовность к войне охладят пыл и самого Петербурга. Если бы английское правительство «ясно и определенно заявило о своем твердом намерении вступить в войну на стороне России и Франции», утверждали задним числом хорошо информированные русские современники, это «умиротворило бы самых воинственных берлинских юнкеров»****. Увы, в нужное время ничего подобного сознательно сделано не было, и курс на «полумиротворение» Германии, которому следовал сэр Эдуард Грей, констатирует современный британский исследователь, «лишь убедил Берлин, что Лондон останется в стороне от европейского конфликта, сделал международные отношения еще менее опреде-

* Цит. по: *Сазонов С. Д.* Воспоминания. С. 186–187; *Деникин А. И.* В преддверии мировой войны // *Деникин А. И.* Путь русского офицера. Статьи и очерки на исторические и геополитические темы. М., 2006. С. 275.

** Цит. по: *Steiner Z.* The Foreign Office. P. 155.

*** *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. С. 121.

**** *Александр Михайлович, великий князь.* Книга воспоминаний. Париж, 1933. С. 256; *Сазонов С. Д.* Воспоминания. С. 217–218, 220.

ленными и воодушевил немцев на рискованные шаги»*. Попытку совместно умиротворить Вену дипломатическими средствами, предложенную Россией, Британия также отклонила**. В общем, пресловутая «свобода рук» Лондона на международной арене в решающий момент обернулась временным параличом британской европейской политики в ущерб интересам всей Антанты.

Кайзер, в воскресенье 5 июля в Потсдаме, за обедом пожелав австрийскому послу, чтобы его страна начала как можно скорее и решительнее действовать против Сербии, затем провел секретное совещание с имперской военно-политической и финансово-промышленной верхушкой и получил ее заверения в полной и всесторонней готовности самой Германии к войне. Только банкиры запросили двухнедельную отсрочку для завершения операций с ценными бумагами за рубежом***. Двуетидной монархии был направлен одобрительный отзыв на текст ее ультиматума Сербии. 7 июля на заседании австрийского коронного совета было принято решение, опираясь на «недвусмысленную поддержку» Берлина, «закончить дело войной». Предъявление ультиматума Сербии было решено отложить до окончания визита в Россию президента Франции Р. Пуанкаре и премьер-министра Р. Вивиани, заплани-

* *Lieven Dominic C. B. Russia and the Origins of the First World War. London and Basingstoke, 1983. P. 4.*

** *Steiner Z. The Foreign Office. P. 156. Подробнее о позиции британского кабинета в конце июля 1914 г. см.: Williamson Samuel R., Jr. The Politics of Grand Strategy. Britain and France Prepare for War, 1904–1914. London, 1990. P. 344–351.*

*** Об этом совещании американский посол в Стамбуле Г. Моргентгау узнал непосредственно от его участника, своего немецкого коллеги барона фон Вангенхайма сразу после возвращения последнего в Турцию. Откровения немецкого дипломата не оставили у Моргентгау сомнений в подлинном виновнике мировой бойни. «Синие, красные и желтые книги, наводнившие Европу вскоре после начала войны, как и сотни документов, изданные немецкой пропагандой в стремлении доказать невиновность Германии, никогда не производили на меня ни малейшего впечатления, – вспоминал американский посол. – Ибо мои заключения об ответственности [за развязывание войны] основаны не на подозрениях, не на вере или на изучении косвенных данных. Мне нет нужды спорить. Я просто знаю. Заговор, который привел к этой величайшей трагедии человечества, был выношен кайзером и его имперской шайкой на конференции в Потсдаме 5 июля 1914 г. ...Стоит ли в таком случае тратить время и далее обсуждать этот вопрос?» (*Morgenthau H. Ambassador Morgenthau's Story. P. 85–86*). «Разноцветные» книги, на которые указывает Моргентгау, – это сборники предвоенных дипломатических документов, наспех подготовленные, опубликованные и предъявленные своим парламентам вскоре после начала войны правительствами Германии («Белая книга», представлена в рейхстаге 3 августа 1914 г.), Великобритании («Синяя книга», 6 августа), России («Оранжевая книга», 7 августа), Франции («Желтая книга», 1 декабря), Австро-Венгрии («Красная книга», 3 февраля 1915 г.). Помимо них в октябре–ноябре 1914 г. в свет вышли бельгийская «Серая книга» и сербская «Голубая».

рованного на 20–23 июля. Независимо от реакции официального Белграда на свои требования, австрийскому послу в Сербии Вена заранее предписала разорвать с ней отношения сразу по предъявлении ультиматума^{*}.

В возникшей паузе назревавший конфликт попытались погасить как союзники, так и противники держав германского блока. Но миротворческие инициативы Парижа, Петербурга, Лондона и Рима не возымели на Вену и Берлин никакого действия. 23 июля, сразу после отъезда Пуанкаре и Вивиани из России и спустя две недели после потсдамского совещания у кайзера, беспримерно для европейской практики оскорбительный по тону и смыслу 48-часовой австрийский ультиматум был Сербии предъявлен. Австрийские дипломаты, как им и было приказано, не дожидаясь ответа, демонстративно покинули Белград, но сербское правительство, поразив мир своей уступчивостью, согласилось на большую часть его условий, со своей стороны предложив передать дело на рассмотрение Международного трибунала в Гааге (первопричину смиренности Сербии историк Д. Гейер видит в стремлении царской дипломатии избежать доведения дела до вооруженного конфликта^{**}). Германский император заявил, что сербский ответ исключает «основания для войны», однако при этом слукавил – австрийский посол одновременно сообщил из Берлина, что ему по-прежнему «советуют выступить немедленно, чтобы поставить мир перед свершившимся фактом». Об ожидаемом Вильгельмом выступлении Австро-Венгрии против Сербии Вену известил и германский посол^{***}. В свою очередь Сазонов предостерег австрийского поверенного в делах в Петербурге от применения его правительством военных санкций в отношении Сербии. При этом русский министр фактически говорил от лица и своего, и французского кабинетов. В ходе только что состоявшегося визита французского президента стороны подтвердили верность союзническим обязательствам, обоюдное стремление отстаивать мир «в сознании своей силы», чести и достоинства, а также согласованность действий внешнеполитических ведомств и «братство» сухопутных и морских вооруженных сил двух стран^{****}. Но глава австрийской дипломатической миссии ничего определенного Сазонову пообещать не мог – он получил инструкцию Вены затягивать переговоры, не давая России ответа по существу. «Тройственное Соглашение было готово при-

* *Bridge F. R.* From Sadowa to Sarajevo. P. 376–377; *Strachan H.* The Outbreak of the First World War. P. 95.

** *Geyer Dietrich.* Russian Imperialism. P. 312.

*** *Сазонов С. Д.* Воспоминания. С. 188.

**** Тосты Пуанкаре и Николая II, произнесенные на прощальном обеде 23 июля 1914 г. на броненосце «La France» // МОЭИ. Сер. III. Т. 5. М.; Л., 1934. С. 4–5. В совместной франко-русской декларации, опубликованной 25 июля, была еще раз подчеркнута «полная солидарность» правительств двух стран «в различных вопросах международной политики», постановка которых «вызвана заботами о поддержании мира и политического равновесия в Европе».

нять дипломатическое унижение Сербии, но не ее порабощение вооруженной рукой, – замечает американский историк Бернадотт Шмитт. – Тройственный же союз, а точнее – центральные державы настаивали на военном решении. Таким образом, система союзов, изначально задуманная как гарант мира, на деле выступила механизмом для развязывания общей войны»^{*}.

Условия австрийского ультиматума ошеломили Париж и Лондон. 24 июля, на первом с начала кризиса заседании сентджеймского кабинета, руководители Форин офис подчеркнули необходимость единства действий своей страны с Францией и Россией, поскольку будущая «борьба будет вестись не за обладание Сербией, но между Германией, претендующей на установление политической диктатуры в Европе, с державами, которые стремятся отстоять свою свободу»^{**}. Таким образом, в Лондоне уже тогда понимали, что локальным конфликтом дело не обойдется. Однако далее сбора флота в Портсмуте в преддверии его возможной мобилизации британские власти решили пока не идти (в предмобилизационную готовность свои сухопутные и военно-морские силы они привели 27 июля). Официальный Петербург также был не на шутку встревожен. Большинство пунктов австрийского ультиматума «неприемлемо для независимого государства», отметил Николай II^{***}, и в ответ на телеграфный запрос Белграда заверил сербского монарха, что «Россия ни в каком случае не останется равнодушной к участи Сербии», но направит главные усилия к предотвращению войны, пока на это «остается хоть малейшая надежда»^{****}. Германского посла в Петербурге руководитель русского дипломатического ведомства прямо предупредил, что «если Австрия проглотит Сербию, мы начнем с ней войну»^{*****}.

С санкции царя 24 июля Сазонов экстренно созвал Совет министров, предметом обсуждения которого стал сербо-австрийский вопрос. Члены кабинета одобрили предложенную Сазоновым осторожную линию поведения. Белграду было рекомендовано добиваться продления срока австрийского ультиматума и передачи его конфликта с Веной на рассмотрение конференции великих держав. Русские министры были особо озабочены тем, чтобы превентивные меры самой России, о которых они совещались с императором в Петергофе на следующий день, не могли быть истолкованы как недружественные в отношении Германии, а выглядели направленными исключительно против Австро-Венгрии. С той же целью, а также боясь опоздать с развертыванием армии (в Генштаб начали поступать сведения о военных приготовлениях Австрии

^{*} *Schmitt Bernadotte E.* Triple Alliance and Triple Entente. New York, 1934. P. 114.

^{**} Цит. по: *Steiner Z.* The Foreign Office. P. 156–157.

^{***} Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 475 [запись от 12(25) июля 1914 г.].

^{****} Цит. по: *Сазонов С. Д.* Воспоминания. С. 214.

^{*****} Телеграмма графа Ф. Пурталеса Вильгельму II. С.-Петербург, 25 июля 1914 г. Цит. по: *Albertini L.* The Origins of the War of 1914. P. 577.

в Галиции), военное руководство настояло на введении в ночь на 26 июля «предмобилизационного периода». Имелось в виду срочное возвращение войск из летних лагерей на постоянные квартиры, отмена отпусков, проверка запасов и т. д. с возможной (по усмотрению МИД) последующей мобилизацией, но только четырех «южных» военных округов – Киевского, Одесского, Московского и Казанского. Даже пограничный Варшавский округ, не говоря о «северных», сначала поднимать не предполагалось. В общем, речь шла о не предусмотренной планом «частичной» мобилизации.

К счастью, эта безответственная царско-сухомлиновская импровизация^{*} так и осталась на бумаге. В случае ее осуществления внеочередная мобилизация накануне большой войны грозила обрушить весь русский мобилизационный план и привести к транспортному коллапсу. С чисто военной точки зрения она не имела большого значения, однако ее объявление 29 июля вызвало широкий международный резонанс. Такой шаг Петербурга, нередко оцениваемый как «провокационный» и сделавший войну «неизбежной», издавна выступает важным аргументом в системе доказательств тех историков, которые в той или иной степени возлагают на Россию ответственность за развязывание войны^{**}. Противники этой точки зрения, как и пишущий эти строки, полагали и полагают, что объявленные таким образом меры предосторожности, независимо от их военной целесообразности, явились неизбежной ответной реакцией России на действия Австро-Венгрии и стоявшей за ее спиной Германии^{***}. В сложившейся ситуации капитуляция России перед ними, справедливо отмечает британский историк Доминик Ливен, нанесла бы «чудовищный», а может быть, и невосполнимый удар и по ее престижу на Балканах и Ближнем Востоке, и по ее внешнеполитическим интересам^{****}. К тому же, как признают и сторонники первой точки зрения, сама по себе даже всеобщая мобилизация еще не делала войну неотвратимой^{*****}.

^{*} Некоторые историки приписывают ее авторство Сазонову и Янушкевичу. (См.: *Turner L. C.F. The Russian Mobilization in 1914 // The War Plans of the Great Powers, 1880–1914 / Ed. by Paul M. Kennedy. London, 1979. P. 260–261.*) Впрочем, тут же Л. Тёрнер сообщает, что в интервью, данном немецкому историку А. фон Вегереру в 1922 г., Сухомлинов утверждал, что тогда «частичная мобилизация была вполне осуществима». Таким образом, и много лет спустя Сухомлинов оставался приверженцем этого плана.

^{**} См., напр.: *Isaac Jules. Le debat historique 1914. Le problème des origines de la guerre. Paris, 1933; Turner L. C.F. The Russian Mobilization in 1914. P. 266.*

^{***} См., напр.: *Renouvin Pierre. Les origines immédiates de la guerre (28 juin – 4 août 1914). Paris, 1927; Schmitt Bernadotte E. Triple Alliance and Triple Entente. P. 108; Geyer Dietrich. Russian Imperialism. P. 312–313.*

^{****} *Lieven Dominic C. B. Russia and the Origins of the First World War. London and Basingstoke, 1983. P. 147.*

^{*****} *Fay Sidney Bradshaw. The Origins of the World War. P. 41.*

Отвергнув 26 июля примирительные встречные предложения Белграда, в полдень 28-го числа Австрия объявила Сербии войну. Хотя вечером 29 июля глава Форин офис сообщил германскому послу, что его страна не останется в стороне от возможного общеевропейского вооруженного конфликта, канцлер Бетман-Гольвег продолжал домогаться от Лондона объявления о своем нейтралитете. В последовавшем новом раунде мирных инициатив держав (на которые Берлин настоятельно рекомендовал Вене публично отреагировать, дабы не выглядеть в глазах мирового сообщества откровенным агрессором) Россия приняла участие прямым обращением Николая II к германскому императору. В телеграмме, отправленной в ночь на 29 июля, царь возмущался «подлой войной» Австрии против Сербии, предостерегал от эскалации конфликта и просил кайзера умиротворить Вену. Но австрийская армия в тот же день перешла границу и начала обстрел Белграда.

Получив через несколько часов маловразумительную, но обнадеживающую по тону депешу Вильгельма, Николай заколебался и вознамерился приостановить «частичную» мобилизацию^{*}. Его телефонные объяснения по этому поводу со своими министрами затянулись до позднего вечера 29 июля. В общем, эта июльская среда выдалась для царя «необычайно беспокойной»: «Меня беспрестанно вызывали к телефону то Сазонов, или Сухомлинов, или [начальник Генштаба] Янушкевич. Кроме того, находился в срочной телеграфной переписке с Вильгельмом», – с раздражением отметил он в дневнике^{**}. Однако Сазонов из параллельных бесед с германским послом уже вынес твердое убеждение, что войны с Германией избежать не удастся^{***}. Заручившись поддержкой высшего военного руководства, на следующий день он сумел убедить императора лучше «тщательно озаботиться» подготовкой к конфликту, «нежели из страха дать повод к войне быть застигнутым ею врасплох»^{****} – другими словами, отменив «частичную» мобилизацию, начать полноценные приготовления к войне.

^{*} Великий князь Николай Михайлович связывал эти колебания императора, главным образом, с влиянием Александры Федоровны, которая, по его сведениям, «была против войны до последней минуты и всячески старалась оттянуть момент разрыва». – Записки Николая Михайловича Романова // Красный архив. 1931. Т. 4–5 (47–48). С. 166 [запись от 17(30) сентября 1914 г.].

^{**} Дневники императора Николая II. С. 476 [запись от 16(29) июля 1914 г.].

^{***} 29 июля посол граф Ф. Пурталес передал русскому министру письменное «дружественное предостережение» своего правительства о намерении приступить к мобилизации, если военные приготовления России не будут немедленно свернуты. В действительности решение о начале мобилизации своей армии правительство Германии приняло еще 24 июля.

^{****} Поденная запись министерства иностранных дел. 30(17) июля 1914 г. // МОЭИ. Сер. III. Т. 5. С. 258.

Общая мобилизация по «литере А», то есть, по сути, с прицелом на боевые действия против Австро-Венгрии, была объявлена в ночь на 31 июля*. В русских военных кругах осознавали странность сложившейся ситуации. «Войны мы не объявили и вызова со стороны Австрии не получили, а мобилизуемся именно против нее», – вспоминал о недоумении своих коллег в первые дни августа 1914 г. генерал С. А. Щепихин, тогда – офицер штаба Киевского военного округа**. Сбор запасных начался на следующий день, по всей стране на призывные пункты явилось до 96 % призывников – больше, чем ожидали даже в Генштабе***. На объявление Петербургом всеобщей мобилизации кайзер отреагировал манифестом, в котором сообщил своим подданным о желании России и ее союзников «погубить Германию», начав против нее «войну на уничтожение»****. 31 июля Германия была приведена в «состояние опасности войны» («Kriegsgefahrzustand»). Но это был лишь эвфемизм, за которым скрывалась та же мобилизация. Таким образом, мобилизация и развертывание армий России и Германии были начаты с разницей в сутки, но имели разнонаправленные векторы: основная часть русских войск развертывалась против Австро-Венгрии, а немецких – против Франции.

Вероятно, поэтому взаимные уговоры по телеграфу между Николаем II и «кузеном Вилли» продолжались. Русский монарх безуспешно настаивал на передаче австро-сербского конфликта на рассмотрение Гаагского международного трибунала, а германский, и так же тщетно, – на сохранении Россией роли безучастного зрителя происходящих событий с немедленным прекращением всех ее мобилизационных мероприятий. Учитывая, что решение о собственной мобилизации берлинский кабинет к тому времени уже принял, это был не более чем тактический ход, но вовсе не попытка Германии действительно урегулировать международный кризис. Со своей стороны Сазонов в

* Русский Балтийский флот его командующий скрытно привел в боевую готовность еще 27 июля, и в ночь на 31 июля в самом узком месте Финского залива, по линии Поркалауд – Ревель, было установлено центральное минное заграждение. 29 июля морской министр телеграммой уведомил командующего Балтийским флотом о «высочайшем» повелении начать мобилизацию Балтийского и Черного морей и четырех упомянутых округов (МОЭИ. Сер. III. Т. 5. С. 241). При этом вечером следующего дня (30 июля) Григорович получил указание царя «обождать» с постановкой мин в Финском заливе. В такой ситуации морскому министру пришлось обращаться за содействием к начальнику штаба Ставки, который задним числом и фактически вопреки «высочайшей» воле, разрешил ему сделать необходимые распоряжения, пообещав при этом «сломать свой телефон».

** ГА РФ. Ф. Р-6605 (С. А. Щепихин). Оп. 1. Д. 1. Л. 24. (Воспоминания «32 месяца в штабе 3-й армии на фронте мировой войны».)

*** Данилов Ю. Н. На пути к крушению. С. 115. Во французской армии уклонистов оказалось еще меньше – чуть более 1 %.

**** Цит. по: Виллмотт Г. П. Первая мировая война. Пер. с англ. М., 2010. С. 11.

почти непрерывном общении с главами австрийской и германской дипломатических миссий соглашался прекратить военные приготовления своей страны, но только если Австро-Венгрия удалит из своего ультиматума «пункты, посягающие на суверенные права Сербии»^{*}. Но и Вена, и Берлин отвергли это условие русской стороны. Чуть позже Николай признался одному из великих князей, что в эти решающие дни конца июля мог избежать войны, но только «если бы решился изменить Франции и Сербии»^{**}. В общем, несмотря на колебания царя, в дипломатических баталиях кануна мировой войны Россия сумела продемонстрировать и верность союзническим обязательствам, и миролюбие, и твердость в защите интересов, чести и достоинства своих и союзников.

В полночь на 1 августа Берлин предъявил Петербургу ультиматум с требованием демобилизовать армию в течение 12 часов, что было невыполнимо даже технически, а в 7 часов вечера 1 августа граф Ф. Пурталес, разрыдавшись, вручил Сазонову ноту Берлина с объявлением России войны^{***}. В тот же день всеобщую мобилизацию объявили Бельгия и Франция. Следующим утром германская миссия в полном составе покинула российскую столицу и выехала в нейтральную Швецию. 3 августа под надуманным предлогом о якобы бомбардировке французским аэропланом своей территории Германия объявила войну Франции. Свой манифест о разрыве с Германией царь подписал в Зимнем дворце в воскресенье 2 августа, накануне назначив своего дядю, великого князя Николая Николаевича верховным главнокомандующим – временно, впредь до своего приезда в действующую армию. Штаб одновременно созданной Ставки автоматически возглавил начальник Генштаба генерал Н. Н. Янушкевич. Государственная дума, созванная 8 августа, постфактум поддержала шаги императора и правительства на международной арене и с энтузиазмом вотировала военный бюджет.

4 августа, на другой день после объявления войны Франции, вторжением в нейтральную Бельгию Германия начала свой давно спланированный «большой обход» французской армии, к которому последняя оказалась совершенно не готова. В ответ на это в борьбу с Германией вступила Англия, а 6 и 8 августа – Черногория и Сербия. «Лучшим образом с внешней стороны для нас кампания не могла начаться», – заметил по поводу такого оборота событий

^{*} Сазонов С. Д. Воспоминания. С. 239.

^{**} Александр Михайлович, великий князь. Книга воспоминаний. С. 258.

^{***} Несмотря на это, глубокой ночью на 2 августа Вильгельм прислал «кузену Ники» очередную срочную телеграмму, в которой, по словам царя, «заклинал» его не позволять русским войскам переходить границу. «Ни одного мгновения он не был искренен. В конце концов он сам запутался в своей лжи и коварстве», – прокомментировал французскому послу эту странную просьбу кайзера Николай II, отметив, что только после этого почувствовал, что «между мною и Вильгельмом все кончено и навсегда» // Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. Пер. с фр. М.; Пг., 1923. С. 173, 174.

Николай II*, обрадованный в первую очередь готовностью Великобритании выполнить свой союзнический долг. С таким же удовлетворением весть об этом была воспринята как в правительственных, так и в «самых широких кругах населения» России, свидетельствует Сазонов**. 6 августа, понукаемая Берлином, войну России объявила и Австро-Венгрия. Западные союзники России объявили о разрыве с Веней 12-го числа. Сами инициаторы конфликта, Германия и Австро-Венгрия, вступали в него с чувствительными потерями – без союзных Италии и Румынии, которые 3–4 августа заявили о своем нейтралитете. В объяснение своей позиции Рим сослался на то, что немецкие державы отнюдь не явились жертвами агрессии – Тройственный союз, подобно Антанте, официально создавался как оборонительный блок. Отпадение Рима и Бухареста кайзер справедливо оценил как «полный провал» немецкой дипломатии. Разочарование Берлина и Вены бывшими союзницами стало еще горше, когда они одна за другой взяли за оружие на стороне Антанты – Италия весной 1915 г., а Румыния – летом 1916 г. Как бы там ни было, в августе 1914 г. человечество рухнуло в пропасть первой тотальной войны в своей истории.

2. Внешняя политика царской России в годы войны

Военные обстоятельства внесли существенные изменения в работу русского внешнеполитического механизма, который стал значительно более мобильным и централизованным. Его основными субъектами на протяжении всей войны царской России выступали МИД и Ставка верховного главнокомандующего (которым, несмотря на сопротивление министров, под влиянием императрицы и Распутина в августе 1915 г. стал-таки Николай II) с дипломатической канцелярией Ставки в качестве связующего их звена и с задачей

* Дневники императора Николая II. С. 477 [запись от 5 августа (23 июля) 1914 г.].

** *Сазонов С. Д.* Воспоминания. С. 267. В современной зарубежной историографии популярен взгляд, согласно которому именно вступление в борьбу Англии – «величайшей империи, какую когда-либо видел мир», – стало «роковым» (vital), превратив европейскую войну в мировую (*Stevenson D.* The First World War. P. 11; *Bridge F. R.* From Sadowa to Sarajevo. P. 378). Историк Джон Бурн утверждает, что Великобританию на такой шаг толкнуло опасение после войны оказаться в полной международной изоляции, «опозоренной и ненавидимой», а совсем не немецкая угроза или германофобия ее «верхов» и тем более соображения союзнической солидарности (*Bourne J. M.* Britain and the Great War, 1914–1918. London and New York, 1989. P. 2–3, 6–7). Лондон вступил в войну «не ради России», подчеркивает немецкий историк Дитрих Гейер, а потому только, что Германия напала на Францию («ввела в действие план Шлиффена») (*Geyer Dietrich.* Russian Imperialism. P. 284).

оперативно осведомлять главковерха по всем международным вопросам*. Руководство Ставки и МИД сообща решали текущие вопросы межсоюзнических отношений, привлечения новых союзников и военно-политические условия их участия в войне, внешнеполитические аспекты планируемых военных операций, разрабатывали пути и способы дипломатического обеспечения зарубежных военных поставок и их финансирования. Дипломатическое ведомство поддерживало постоянные контакты с внешним миром, особенно интенсивные – с политическим руководством союзных государств, в диалоге с которым намечало условия окончания войны, контуры послевоенного мироустройства, решало текущие межгосударственные и региональные проблемы. Руководство русской Ставки и верховные командования союзных армий, общаясь через своих официальных представителей при высших штабах стран-союзниц либо по военно-дипломатическим каналам, информировали друг друга о положении на своих фронтах и старались координировать военные операции, обменивались аналитическими материалами, данными войсковой и «дальней» разведок, сведениями о новинках военной техники**.

В соответствии с законом от 24 июня 1914 г., русское внешнеполитическое ведомство подверглось масштабной реструктуризации, главный смысл которой заключался в создании комплекса политических отделов – по направлениям внешней политики. Расширились и задачи МИД, которые, помимо прочего, стали включать защиту за рубежом интересов отечественной экономики, заботу «о достойном положении православия за границей» и наблюдение за политической и общественной жизнью иностранных государств, «поскольку таковые затрагивают внешние политические и иные интересы России»***. Характерно, что одним из первых документов, изданных Николаем Николаевичем в качестве верховного главнокомандующего, стало подготовленное ведомством Сазонова и санкционированное императором воззвание к полякам о воссоединении будущей автономной Польши под скипетром царя

* В западной историографии имеет хождение ошибочное мнение, будто в России контакты МИД с Военным министерством «всегда были минимальными». (См., напр.: *Strachan H. The Outbreak of the First World War. P. 102.*) Это, однако, не мешает некоторым нашим зарубежным коллегам одну из причин развязывания мировой войны видеть в давлении на государственный аппарат царской России ее военного лобби // См.: *Fay Sidney Bradshaw. The Origins of the World War. New York, 1929. P. 43.*

** Союзники в годы войны знакомили русскую сторону с новейшими разработками в области минно-подрывного дела, авто- и самолетостроения. Со своей стороны русское военное ведомство в начале 1917 г. передало представителям союзного командования чертежи уникального для своего времени многомоторного аэроплана И. И. Сикорского «Илья Муромец» и двигателей вездеходов системы А. Кегресса, имея в виду применить последние «к так называемым Танкам».

*** История внешней политики России. Конец XIX – начало XX в. (От русско-французского союза до Октябрьской революции). С. 306.

(датировано 14 августа 1914 г.). Двухзвенная система Ставка – МИД в международных делах оказалась эффективной, но чрезвычайно зависимой от личного фактора. Она «засбоила», как только разладились отношения августейшего главковерха с министром иностранных дел.

Война, по словам Сазонова, «приняла сразу же характер смертного боя»^{*}. Ее повсеместно прогнозировали ожесточенной, маневренной, скоротечной, и взять паузу на время, «пока говорят пушки», дипломатия позволить себе не могла. Открытие боевых действий поставило перед русской внешней политической задачи как тактического, так и стратегического порядка. Пожалуй, первая состояла в обеспечении ненападения с тыла – со стороны Японии. Со времен русско-японской войны в русских военных кругах империю микадо считали не только самым опасным соперником на Дальнем Востоке, но даже наиболее вероятным противником в будущей войне^{**}. Однако события опровергли мрачные прогнозы армейского и флотского руководства. В первые же дни вступления России в войну японское правительство по своей инициативе и вопреки официально заявленному нейтралитету конфиденциально предложило русским властям широкое военное и военно-техническое сотрудничество^{***}, что фактически исключало его блок с германской коалицией. Судя по настроениям в японских правящих кругах, доносил в августе 1914 г. из Токио русский посол, «Япония рвется в бой и горит желанием, вмешавшись в европейскую войну, окончательно установить свое мировое значение как великой державы»^{****}.

В главном русский дипломат оказался прав. 15 августа Токио направил в Берлин ноту с ультимативным требованием вывода своих военных судов из китайских и японских вод и передачи Японии Циндао, германской концессии в Китае. Берлин промолчал, и 23 августа 1914 г. Япония объявила Германии войну. С этого момента она превратилась в союзницу Антанты, хотя свои регулярные войска на европейский театр так и не направила и воевала с Германией недолго и только в Китае. Но для России она вплоть до 1917 г. выступала одним из главных и самых надежных продавцов вооружений, боеприпасов и во-

* Сазонов С. Д. Воспоминания. С. 273.

** РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 289. Л. 30 об. (Морской Генштаб. 3-е Оперативное отделение. Черновой «План стратегического развертывания флота в Тихом океане». 1907 г.); ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 101. Л. 23 (всеподданнейшая записка Морского Генштаба. 1906 г.); РГВИА. Ф. 2003 (Штаб Ставки верховного главнокомандующего). Оп. 1. Д. 36. Л. 134 об. (Записка генерал-квартирмейстера ГУГШ генерал-лейтенанта Ю. Н. Данилова «О силах и вероятных планах наших западных противников». 10/23 апреля 1914 г. Секретно.)

*** Подробнее см.: Павлов Д. Б. Япония и Россия в 1914–1918 гг.: сотрудничество на фоне «большой» политики // Вопросы истории. 2012. № 11. С. 3–6.

**** АВПРИ. Ф. 150 (Японский стол). Оп. 493. Д. 922. Л. 256. (Секретная депеша посла Н. А. Малевского-Малевица Сазонову. Токио, 10/23 августа 1914 г. № 60.)

енных материалов – как в отношении сроков, объемов и качества поставок, так и безопасности их доставки заказчику. Сближение с Японией, увенчанное подписанием с ней летом 1916 г. союзного договора, позволило России безбоязненно перебросить на запад большую часть пограничных частей и войск Приамурского военного округа, а также судов и экипажей Сибирской морской и Амурской речной флотилий. На Дальнем Востоке были оставлены незначительные морские и сухопутные силы, призванные защитить Владивосток от нападений отдельных германских кораблей. В общем, безопасность дальневосточного тыла России была достигнута дипломатическими средствами. Одновременно русско-японский договор 1916 г., будучи (в своей «открытой» части) вписан в сложившуюся к тому времени систему гласных международных обязательств России и Японии, способствовал упрочению Антанты, явившись дополнительной скрепой франко-русского союза с англо-японским.

Другая неотложная задача состояла в том, чтобы удержать прогермански ориентированную Турцию, 2–3 августа 1914 г. объявившую и нейтралитет в австро-сербском конфликте, и общую мобилизацию*, от вступления в войну на стороне Тройственного союза. Ради достижения этой цели Петроград обнаружил готовность отложить свои «босфорские» планы на неопределенный срок. В беседах с французским послом Сазонов предложил, чтобы союзники в обмен на сохранение Османской империей нейтральной позиции «торжественно» гарантировали ей территориальную неприкосновенность, «большие финансовые выгоды» и одинаковый для всех стран черноморского бассейна режим черноморских проливов**. Ставку и командование Черноморского флота министр просил на время поостеречься от «вызывающих действий против турок»***. Если Турция все-таки выступит на стороне Тройственного союза, полагали в Лондоне, она «должна перестать существовать» с последующим изменением статуса Египта****. Речь, таким образом, шла о будущем разделе османских владений между державами Антанты. Со своей стороны стамбульское правительство в лице двух членов младотурецкого триумvirата – министра внутренних дел Талаат-паши и руководителя военного ведомства Энвер-

* Сигнал к ее началу, сообщает Моргентау, был дан не правительством Турции, а фактически «германским Генеральным штабом и его представителями в Константинополе» // *Morgenthau H. Ambassador Morgenthau's Story*. P. 62.

** *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. С. 100, 104–105.

*** Телеграмма Сазонова начальнику дипломатической канцелярии при верховном главнокомандующем князю Н. А. Кудашеву и командующему Черноморским флотом адмиралу А. А. Эбергарду. Петроград, 16/29 августа 1914 г. // Константинополь и Проливы. Т. 1. С. 92.

**** Телеграмма посла графа А. К. Бенкендорфа Сазонову. Лондон, 15/28 сентября 1914 г. № 526 // МОЭИ. Сер. III. Т. 6. Ч. 1. М.; Л., 1935. С. 329.

паши – в последние мирные недели и сразу после начала войны намекало на возможность заключить с Россией антигерманский союзный договор, но в Петербурге к этому зондажу не отнеслись всерьез*.

Однако мирно разыграть турецкую «карту» Антанте не удалось. И вновь роль подстрекателя сыграла Германия. 10 августа 1914 г. в Дарданеллы с эскортом турецких миноносцев вошли немецкие крейсера «Гёбен» и «Бреслау» – подарок кайзера в компенсацию двух дредноутов, которые строились для Турции в Великобритании, но с началом войны по настоянию России** были там конфискованы. Британская Средиземноморская эскадра шла за немецкими судами по пятам, но в последний момент упустила добычу. Турки с благодарностью приняли крейсера, официально объявили об их якобы покупке, и, переименовав, целиком сохранили их экипажи, лишь переодев немецких моряков в турецкие фески и бушлаты. Включение этих новых, мощно вооруженных и быстроходных судов в состав турецкого ВМФ*** подкрепило его превосходство над русским Черноморским флотом. Вскоре турецкий флот возглавил немецкий адмирал, командир «Гёбена», и 27 сентября Турция закрыла проливы для русских судов. Тем самым России, по справедливой оценке Бьюкенена, был нанесен «парализующий удар» – оказавшись запертой в Черном море и для товарообмена с внешним миром имея лишь замерзающие Владивосток на Дальнем Востоке и Архангельск на европейском севере (при этом оба порта были связаны с центром России однопутными железными дорогами), «она окончательно была разобщена со своими союзниками на западе»****. В результате уже в начале декабря 1914 г. русский Совет министров был вынужден констатировать «полное почти прекращение вывоза отечественных продуктов за

* См.: Сазонов С. Д. Воспоминания. С. 164; Леонтьев М. Проект русско-турецкого союза в первые дни мировой войны. Письмо в редакцию // Возрождение. Париж, 20.1.1935. № 3518.

** АВПРИ. Ф. 133 (Канцелярия министра). Оп. 470. Д. 75-а. Л. 47. (Шифрованная телеграмма Сазонова Бенкендорфу. Петербург, 17(30) июля 1914 г. № 1558. Дредноуты «Решадие» и «Султан Осман I» строились на британских верфях, соответственно, с 1911 по 1913 г. Общая стоимость их постройки составляла без малого 3,7 млн фунтов стерлингов. После конфискации суда вошли в состав британского ВМФ под названием «Erin» и «Agincourt».)

*** Тяжелый крейсер «Гёбен» (водоизмещением 23,5 тыс. тонн, 1912 г. постройки, скорость 24 узла) под именем «Султан Селим Грозный» состоял флагманом турецкого флота до 1950 г. Легкий крейсер «Бреслау» (в турецком флоте «Медилли», водоизмещением 4,5 тыс. тонн, 1911/1912 г. постройки, скорость 27,6 узлов), подорвавшись на mine, затонул в 1918 г.

**** Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. С. 139. Порт Романов-на-Мурмане (с апреля 1917 г. Мурманск) был основан осенью 1916 г. и первоначально не имел железнодорожного сообщения с центром России.

границу»^{*}. В первой половине 1915 г. экспорт продовольствия из России составил немногим более 7 % довоенного, соответственно упали и поступления валюты в казну. Американский дипломат Г. Моргентгау назвал закрытие для России черноморских проливов «одним из самых впечатляющих военных триумфов» Германии в войне, достигнутым без единого выстрела исключительно усилиями ее пропаганды и дипломатии^{**}.

19 октября, едва закончив мобилизацию, турецкая армия вторглась в Батумскую область Российской империи. 29 октября, по-прежнему не объявляя войны, отряды турецких кораблей во главе с бывшими «Гёбенем» и «Бреслау» вошли в Черное море, обстреляли Севастополь, Одессу, Новороссийск, Феодосию, заминировали подходы к их портам и уничтожили несколько русских военных и торговых судов. Этот разбойничий набег привел в ярость обычно уравновешенного Николая II. «Находился в бешеном настроении на немцев и турок из-за подлого их поведения вчера на Черном море! – записал он в дневнике 30(17) октября 1914 г. – Только вечером под влиянием успокаивающей беседы Григория [Распутина] душа пришла в равновесие!»^{***} Россия немедленно объявила Турции войну (в царском манифесте по этому случаю не были упущены «исторические задачи» России на берегах Черного моря), и 2 ноября, в день публикации манифеста, войска Кавказского фронта перешли в наступление.

31 октября Англия и Франция ультимативно потребовали от Турции выслать немецких военных, что для Стамбула было заведомо невыполнимо – к тому времени их здесь было уже порядка четырех тысяч. Дипломаты союзников 1 ноября покинули турецкую столицу, а спустя два дня соединенный англо-французский флот «в виде репрессии» обстрелял укрепления Дарданелл. Но эта 11-минутная демонстрация, не принеся нападавшим никаких дивидендов, лишь укрепила боевой дух и решимость турок, одновременно указав им слабые места в обороне пролива. Вскоре они были устранены под руководством все того же генерала фон Сандерса. В середине ноября 1914 г. Османская империя объявила Франции и Англии «джихад». Для Антанты выступление Турции на стороне противника явилось крупнейшей дипломатической неудачей с начала мировой войны. Напротив, германские державы обрели воюющего союзника, в известной мере компенсировав себе, таким образом, итало-румынский нейтралитет.

Страны Антанты вступили в борьбу с Тройственным союзом без четко сформулированных и согласованных целей в войне. Они не имели и общей договорной базы, которая закрепляла бы их взаимные обязательства и консолидировала линию поведения относительно неприятеля. Прежних «джентль-

^{*} РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4461. Л. 32–32 об. (Особый журнал Совета министров 21 ноября / 4 декабря 1914 г. Секретно.)

^{**} *Morgenthau H. Ambassador Morgenthau's Story.* P. 110.

^{***} Дневники императора Николая II. С. 492.

менских» обещаний, «сердечного согласия», двусторонних конвенций теперь было явно недостаточно. Для западных союзников России дополнительным аргументом в пользу заключения трехсторонних, определенных и твердых договоренностей на этот счет явился проигрыш ими грандиозного (около 3 млн участников с обеих сторон) пограничного сражения в Бельгии и на северо-востоке Франции в августе 1914 г. В результате настояний Петрограда, 5 сентября 1914 г. представители Англии, России и Франции подписали в Лондоне декларацию, получившую силу союзного договора, который завершил оформление Антанты как военно-политического блока. Этим документом правительства стран Согласия взаимно обязались не заключать сепаратный мир и не выдвигать условий мирного договора в одиночку и без предварительного согласия прочих участников соглашения. Вслед за присоединением к лондонской Декларации Италии и Японии с ноября 1915 г. Тройственное согласие стало официально именоваться Пятерным союзом.

Инициатива совместной разработки проекта условий мира по итогам выигранной странами Согласия войны также исходила от России. По воспоминаниям французского посла в России, своим видением этой стратегической проблемы Сазонов впервые поделился с ним 20 августа, а затем уже с обоими союзными послами – 12 сентября 1914 г.* В том же сентябре с союзными дипломатами эту проблему в предварительном порядке обсудил влиятельный при дворе министр земледелия А. В. Кривошеин. Спустя два месяца на ту же тему с французским послом приватно беседовал премьер Горемыкин, а 21 ноября «с полной свободой и откровенностью» на протяжении двух часов – и сам Николай II в Царском Селе. Сазонов и Кривошеин указали на двойкие цели Антанты – общесоюзнические и национальные и призвали союзников немедленно приступить к подготовке и оформлению соответствующих договоренностей, чтобы не быть застигнутыми окончанием войны врасплох**. Царь со своей стороны подчеркнул, что вырабатывать условия мира с тем, чтобы совместно «продиктовать» их проигравшей стороне без каких-либо общеевропейских конференций и иных посредников, должны и могут лишь Россия, Франция и Англия (и, возможно, Япония), как несущие основное бремя вооруженной борьбы, и вслед за Горемыкиным, к особому удовольствию Парижа, пожелал, чтобы союзники «оставались сплоченными и по завершении войны» в качестве гарантов стабильности послевоенного мироустройства.

Свою главную задачу правительства Согласия видели в том, чтобы покарать за развязывание войны Тройственный союз с его последующим гене-

* В своем донесении в Париж французский посол датировал этот, последний, разговор с Сазоновым 14 сентября 1914 г.

** Телеграмма посла Франции М. Палеолога министру иностранных дел Т. Делькассэ. Петроград, 14(1) сентября 1914 г. № 603. Секретно // МОЭИ. Сер. III. Т. 6. Ч. 1. С. 248; телеграмма Палеолога Делькассэ. Петроград, 26 сентября 1914 г. Секретно // Константинополь и Проливы. Т. 1. С. 221–222.

ральным «обезврежением». В этом пункте, свидетельствует Сазонов, между союзниками никогда не было разногласий*. Острые возмездия планировалось направить на Германию и Австро-Венгрию. Николай II настаивал, чтобы война продолжалась до тех пор, пока германские державы не будут «раздавлены» без шансов на реванш, дабы Европа, таким образом, наконец, освободилась от почти полувекового «кошмара» германского милитаризма. В отличие от своего «кузена Жоржи» (Георга V), который, по информации русского посла в Лондоне, «не отдавал себе отчета в будущем устройстве Германии»**, царь предвкушал понижение статуса империи кайзера и кардинальное уменьшение ее территории восстановлением самостоятельности германских королевств и земель (Ганновера, Гессен-Нассау и др.), превращением самой Пруссии в «простое королевство», лишением Гогенцоллернов императорского достоинства, а равно права вести мирные переговоры от лица Германии***. Оставшейся части Германии, полагал он, следует предоставить возможность самостоятельно избрать и установить форму своего правления. Но пруссачество «с его беспощадным эгоизмом и хищническими инстинктами» должно быть «навсегда обезврежено», уточнил позднее в Госдуме Сазонов. Парируя обвинение, брошенное немецкой правительственной пропагандой Антанте в стремлении уничтожить германскую нацию, в той же парламентской речи русский министр отметил: «Союзники никогда не имели подобной мысли и, требуя для себя самих возможности спокойного и свободного развития, они не посягают на

* В марте 1919 г. специально созданная странами-победительницами международная комиссия, изучив опубликованные на тот момент дипломатические документы, пришла к заключению, что «война была заранее спланирована центральными державами вместе со своими союзниками, Турцией и Болгарией, и стала результатом их умышленных действий, направленных на то, чтобы сделать ее неизбежной. Германия в союзе с Австро-Венгрией целенаправленно работали над разрушением примирительных предложений стран Антанты и их неоднократных усилий по предотвращению войны». 231-я статья Версальского мирного договора, подписанного в июне 1919 г. в том числе немецкой делегацией (которая, правда, пыталась протестовать), устанавливала, что война «была навязана» Антанте «агрессией Германии и ее союзников». Справедливость такого обвинения позднее подтвердил и Е. Фишер, генеральный секретарь специально созданной рейхстагом Следственной комиссии.

** Телеграмма Бенкендорфа Сазонову. Лондон, 31 октября / 13 ноября 1914 г. № 663. Лично. Секретно // Константинополь и Проливы. Т. 1. С. 231–232.

*** *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. С. 167–168, 171–172. Несмотря на это, Сазонов позднее утверждал, что «низвержение Германии с высоты мировой державы не было целью ни одной из держав Согласия», которые имели в виду лишь «умаление силы и значения Германии как мировой державы... Германия была опасна для мира Европы не как европейская, а как мировая держава» // *Сазонов С. Д.* Воспоминания. С. 271.

законные права других»^{*}. К этим пунктам сводился общесоюзнический «раздел» проекта русской послевоенной мирной программы.

К еще большим переменам на политической карте мира должно было, по мысли русской стороны, привести удовлетворение национальных интересов стран Антанты и некоторых нейтральных государств. Сазонов заявил, что Россия претендует на территории в нижнем течении Немана и на Восточную Галицию, а также на вхождение в свой состав на правах автономии Царства Польского, расширенного за счет отторгаемых у Германии и Австро-Венгрии польских земель – Познани, Силезии и Западной Галиции. При этом, однако, царская дипломатия и русский политический бомонд подчеркивали, что решение польского вопроса, включая пределы будущей польской автономии, является сугубо внутренним делом России. В этом духе Петроград с молчаливого согласия союзников и действовал в дальнейшем. Франции, продолжал Сазонов, следует вернуть Эльзас и Лотарингию и часть Рейнской провинции Пруссии, Бельгии и Дании – свою долю ранее захваченных немцами земель, в том числе Шлезвиг с Кильским каналом и Голштинию. От Австро-Венгрии, преобразуемой в Австро-Венгро-Богемскую монархию^{**}, русский министр предлагал отторгнуть Боснию и Герцеговину в пользу Сербии, одновременно присоединив к последней Далмацию и северную Албанию. Также намечались территориальные приращения Болгарии в Македонии, а Греции и Италии – в южной Албании. В продолжение предвоенной линии петербургского кабинета на урегулирование армянского вопроса русский император проявил озабоченность послевоенной судьбой миллиона подвластных султану армян. «Нельзя будет, конечно, оставить их под турецким игом», – заметил он^{***}. Царь заявил готовность либо включить их в число своих подданных, либо способствовать образованию ими собственного правительства – в зависимости от пожеланий самих турецких армян. Англия предпочла создание самостоятельной Армении, но под коллективным протекторатом Антанты. Заморские территории Германии должны были поделить между собой Англия, Франция и Япония. Наконец, австро-германский агрессор облагался контрибуцией^{****}.

* Государственная дума. IV созыв. Стенографич. отчеты. Сессия 4-я. Пг., 1916. Стлб. 1236. [Речь министра иностранных дел 9(22) февраля 1916 г.]

** Как в 1916 г. пояснил лидер кадетов П. Н. Милюков руководителю Форин офис, Сазонов считал полное разрушение Австро-Венгрии опасным (в этом случае, полагал он, австрийские немцы в результате аншлюсса смогут усилить Германию) и потому предпочитал сохранить ее, но «связав» славянами – чехами и словаками. Впрочем, ни сам будущий глава русского внешнеполитического ведомства (Милюков), ни его британский собеседник эти соображения Сазонова не разделяли // *Милюков П. Н. Воспоминания*. М., 1991. С. 425.

*** Цит. по: *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. С. 169.

**** Слегкой руки М. Палеолога, в зарубежной историографии изложенную русскую программу будущего мира принято называть «13-ю пунктами Сазонова» (иногда –

Хотя и с оговорками относительно дележа «шкуры еще не убитого медведя», в целом союзники одобрили планы русской стороны. В общем виде французский кабинет министров высказался в поддержку русских предложений уже 20 сентября 1914 г. на заседании под председательством президента Пуанкаре. На следующий день Форин офис телеграммой Сазонову подтвердил решимость Англии продолжать войну «с предельной энергией вплоть до заключения прочного мира»*. Впоследствии в русский эскиз мирного договора союзники внесли уточнения и добавления. Лондон, в частности, заявил претензии на передачу себе большей части германского флота для его последующего затопления**, компенсацию Бельгии за счет Голландии, Голландии за счет Германии и максимально возможное увеличение контрибуционных выплат последней.

Важные и, как тогда казалось, своевременные внешнеполитические инициативы России, подкрепленные крупными успехами на австрийском и турецком фронтах в осенне-зимнюю кампанию 1914/15 г. ее самой многочисленной в коалиции армии на фоне военных неудач ее западных союзников, способствовали превращению России в неформального лидера Антанты. На первые месяцы 1915 г. пришелся и всплеск общественных симпатий к России в союзных ей странах, даже в Англии. Неудивительно, что в начале 1916 г. Дума принципиально одобрила, а подновленное правительство (вместо Горемыкина премьер-министром был назначен ставленник придворной камарилы

«12-ю», опуская требование репараций). Однако историк Уильям Рензи, сопоставив эти «пункты» с сообщениями других источников – в первую очередь с мемуарами самого Сазонова, одновременными с депешами Палеолога, донесениями из Петрограда Бьюкенена и реакцией на них официальных Лондона и Парижа – предположил, что склонный к мистификациям Палеолог не столько воспроизводил услышанное непосредственно от русских официальных лиц (которые, полагает тот же американский автор, формулировали свои взгляды более сдержанно и общо, а царь программу в изложенном Палеологом виде «почти наверняка не подтверждал и не ратифицировал»), сколько опирался на настроения петроградских великосветских кругов и, таким образом, «сбил с толку три поколения историков». Помимо необходимости с «крайней осмотрительностью» относиться к сообщениям французского дипломата, это обстоятельство, подчеркивает Рензи, выбивает почву из-под ног тех его коллег, которые из «пунктов Сазонова» выводят стремление России ускорить развязывание мировой войны для скорейшей реализации содержавшейся в них «чрезмерно амбициозной, даже грандиозной программы территориальных приобретений» (*Renzi W. A. Who Composed 'Sazonov's Thirteen Points'?* P. 347, 357). Впрочем, соображения Рензи относительно полной недостоверности информации Палеолога не более, чем гипотеза.

* Цит. по: Там же. P. 54.

** Опасаясь после подписания Версальского мира передачи своего флота странам Антанты, немецкое морское командование приказало его уничтожить. В результате в июне 1919 г. 74 военных судна Германии были пущены ко дну или выброшены на камни.

Б. В. Штюрмер, которого Бьюкенен назвал человеком с «умом лишь второго сорта») постаралось продолжить столь плодотворно проводимый в условиях войны внешнеполитический курс своего предшественника. Вопреки опасениям союзников, отставка Сазонова 23 июля 1916 г. (императрица с весны этого года добивалась его удаления как «труса перед Европой и парламентариста») и появление на его месте безликого Штюрмера не внесли принципиальных изменений в политику Петрограда на мировой арене. Последний министр иностранных дел императорской России, финансист Н. Н. Покровский, как и Штюрмер, не имел собственной внешнеполитической программы. Костяк дипломатического корпуса и чиновников МИД, несмотря на неоднократную смену первых лиц ведомства, все это время оставался прежним, что также способствовало стабильности русского внешнеполитического курса.

С начала войны царская дипломатия, как и русские военные моряки, не упускала из виду проблему Константинополя и черноморских проливов. В целом удачный для Антанты ход военных действий в первые месяцы войны она рассматривала как благоприятную конъюнктуру для окончательного решения «восточного вопроса» в свою пользу*. Военное счастье могло отвернуться от стран Согласия, и это заставляло русское правительство торопиться. До момента вступления Турции в войну Петроград настаивал лишь на гарантиях свободного прохода через проливы русских судов**, но уже в конце 1914 г., в согласии с принципиальной готовностью своих союзников к разделу Турции, поставил перед ними вопрос об изгнании турок из Европы и передаче проливов вместе с Константинополем России. Правда, вначале царь склонялся к превращению бывшей турецкой столицы в нейтральный город под международным управлением****, предоставив туркам право избрать себе другой

* Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. С. 157.

** Сазонов С. Д. Воспоминания. С. 297.

*** Телеграмма Палеолога Делькассэ. Петроград, 26 (13) сентября 1914 г. // МОЭИ. Сер. III. Т. 6. Ч. 1. С. 315. Британский посол, пересказывая содержание той же беседы с русским министром, сообщил своему правительству, что Сазонов при этом высказался за создание русской военно-морской базы на Босфоре (в районе Буюкдере) при одновременной демилитаризации Дарданелл // *Renzi W. A. Great Britain, Russia and the Straits*. P. 4.

**** В дальнейшем Николай II отказался от такой комбинации, осознав, что она чревата для России войной с коалицией европейских держав и возможной потерей проливов. Мнение русских правительственных кругов о «ценности» самого Константинополя для России кратко, но ёмко сформулировал правовед Овчинников в своей уже цитированной записке 1915 г. в МГШ: «Хоть сам по себе в данный момент этот город нам и не нужен, но его приходится брать теперь же во избежание будущих вероятных осложнений» (РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 44. Л. 3 об.). Со своей стороны, либерал князь Е. Н. Трубецкой в брошюре 1915 г. настаивал, что овладение Константинополем и особенно храмом святой Софии для России есть вопрос и о «хлебе насущном, и обо всем нашем политическом могуществе, и о нашей культурной мис-

столичный город. Но чтобы добиться одобрения этих планов союзниками, Сазонову и русским послам в Париже и Лондоне потребовалось приложить немало усилий и дипломатического искусства, а также мобилизовать отечественные депутатский корпус и печать. В середине ноября 1914 г. Георг V заявил русскому послу в Лондоне, что для него очевидно, что «Константинополь должен быть ваш»^{*}. Однако принципиальное согласие сентджеймского кабинета удалось получить только к началу 1915 г. и лишь поставив интересующий Россию вопрос в связи с ее будущим отношением к присоединению к Англии Египта и некоторых других османских владений. Но официальный Париж, французские парламент и пресса продолжали упорствовать в стремлении нейтрализовать проливы и придать Константинополю международный статус, одновременно пеняя Петрограду за забвение главных – антигерманских – целей всей кампании. И без того туго шедшие консультации с Францией, как это ни парадоксально, осложнила операция по захвату Дарданелл, которую союзники начали в феврале 1915 г.^{**} Изначально эта операция явилась их откликом на просьбу самого русского командования провести морскую демонстрацию в проливах для отвлечения турецких сил с Кавказа (в декабре 1914 г. турки успешно наступали на Саракамыш и Ардаган). Это должно было стать также и реакцией на их атаку Суэцкого канала в начале 1915 г. Однако непредвиденный размах союзнической демонстрации (80 вымпелов с 120-тысячным десантом) заставил русское военно-политическое руководство заподозрить Англию и Францию в тайном намерении, овладев Дарданеллами, перехватить инициативу и отеснить Россию от решения столь чувствительной для нее проблемы. Спихавшись и пользуясь тем, что операция в проливе стала затягиваться, в Петрограде попытались форсировать события одновременно по дипломатической и военно-морской «линиям».

Заручившись поддержкой обеих русских законодательных палат и цензурной печати, Сазонов перешел в наступление. Вместе с военными специалистами и с учетом мнений руководителей военных ведомств и Ставки он наметил конкретные участки зоны проливов, на которые России имело смысл претендовать, и 1 марта 1915 г. ознакомил с их списком Палеолога и Бьюкенена, потребовав, чтобы страны-союзницы теперь же «громко заявили», что «согласятся в день мира на присоединение Константинополя к России»^{***}. 3 марта тот же императив французам высказал Николай II, со своей стороны пообещав поддержать любые территориальные притязания Парижа. 4 марта, сразу после «вы-

сии, о самом духовном я» (цит. по: Константинополь и Проливы. Т. 1. С. 97). Однако Франция и Англия сумели настоять на коллективном управлении Константинополем в случае его занятия союзными войсками.

^{*} *Renzi W. A. Great Britain, Russia and the Straits.* P. 6.

^{**} Русский флот в этой операции представлял крейсер «Аскольд», переведенный из Сибирской флотилии.

^{***} *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. С. 219.

сочайшего» одобрения представленного Сазоновым перечня турецких земель, которые должны были превратиться в русские владения (это были западный берег Босфора, Мраморного моря и Дарданелл, Южная Фракия, азиатский берег Босфора от устья реки Сакарья до Измитского залива, а также два небольших острова в Мраморном море у входа в Дарданеллы)*, союзным послам была направлена памятная записка для передачи своим правительствам.

Положительный ответ из Лондона пришел спустя всего неделю. Вечером 12 марта 1915 г. Бьюкенен торжественно зачитал его царю и Сазонову в Царском Селе с констатацией «полного поворота в традиционной политике его величества» и присовокуплением, что Россия благодаря этому станет обладателем «главного приза» всей кампании и после войны вместе с Англией превратится «в самую могущественную державу мира»**. Особый вес полученным британским гарантиям придавало продолжавшееся сражение союзников за Дарданеллы. Франция же медлила с определенным решением, озабоченная, как это видно из внутренней переписки парижского кабинета, с одной стороны, нарушением «равновесия сил» в восточном Средиземноморье, как неизбежным следствием реализации российских притязаний в регионе, а с другой – тем, что, овладев проливами, Россия может утратить интерес к продолжению войны с Германией***.

В марте Петроград деликатно поторопил Париж, объявив согласие на присоединение к Франции левого берега Рейна, а также турецких Сирии и Киликии. В конце этого месяца Черноморский флот обстрелял укрепления Босфора в поддержку забуксовавшей дарданелльской операции союзников, впрочем, без установления «постоянной стратегической связи» с англо-французским флотом****. В экстренном порядке в Одесском военном округе, по личному указанию царя, началось формирование 150-тысячного босфорского десантного отряда*****. Ответ Парижа пришел в Петроград только 10 апреля.

* Всеподданнейшая записка Сазонова с одобрительной резолюцией Николая II. 4 марта (19 февраля) 1915 г. // МОЭИ. Сер. III. Т. 7. Ч. 1. М.; Л., 1935. С. 392–393.

** Меморандум английского посольства в Петрограде министру иностранных дел. 12 марта (27 февраля) 1915 г. // МОЭИ. Сер. III. Т. 7. Ч. 1. С. 455–456; *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. С. 141.

*** *Айрапетов О. Р.* На Восточном направлении. Судьба Босфорской экспедиции в правление императора Николая II // Последняя война императорской России. Сб. статей под ред. О. Р. Айрапетова. М., 2002. С. 222.

**** Операция наступления Черноморского флота на Босфор. Докладная записка капитана 2-го ранга Е. Н. Квашина-Самарина начальнику МГШ. 4 сентября 1915 г. // Зарубежный морской сборник. № 6. Пильзень, 1929. С. 33. О возможности такой атаки союзники запрашивали русское командование еще в январе 1915 г.

***** ГА РФ. Ф. Р-6683 (генерал В. Е. Флуг). Оп. 1. Д. 21. Л. 139. (Воспоминания В. Е. Флуга «Во главе II-го армейского корпуса в Великую войну. 1915–1917 гг.».) На этот раз босфорский десант сорвало наступление австро-германской группировки ге-

Французский посол вербальной нотой известил Сазонова, что его правительство готово в полном объеме поддержать территориальные претензии России в зоне черноморских проливов «при условии, что война будет доведена до победного конца и что Франция и Англия осуществят свои планы на Востоке, равно как и в других местах»*. На том и порешили.

По взаимной договоренности в течение следующих полутора лет мартовско-апрельские соглашения относительно Константинополя и проливов союзники хранили в тайне. Русская и мировая общественность узнали о них из выступления премьер-министра А. Ф. Трепова в Государственной думе в ноябре 1916 г. Эти договоренности явились крупнейшим достижением царской дипломатии за годы мировой войны. Впрочем, в российских военных кругах никогда не было стопроцентной уверенности, что в решающий момент Англия и Франция полностью и безоговорочно выполнят обязательства, взятые на себя весной 1915 г.** О разделе азиатской части Османской империи страны Антанты (исключая Японию) тайно сговорились весной 1916 г. Хотя в Петрограде строили планы овладения черноморским побережьем Турции до Синопской бухты включительно***, по договору, вошедшему в историю под именем его разработчиков-дипломатов, специалистов по ближневосточным делам англичанина Сайкса (M. Sykes) и француза Пико (G. Picot), России

нерала А. фон Макензена, начатое 2 мая 1915 г. в районе Горлице-Тарнов. Десантная армия была срочно переброшена в Карпаты для ликвидации Горлицкого прорыва. Новый начальник штаба Ставки генерал М. В. Алексеев так же, как и его предшественник, не считал овладение проливами первоочередной задачей русской действующей армии. «Главной целью войны должна быть победа над главным неприятелем, – излагал он князю Кудашеву азы военной стратегии весной 1916 г. – ...Главный наш противник – Германия, и так как несомненно, что для нас несравненно важнее вернуть, например, Курляндию, нежели приобрести Проливы, то первым и главным делом должно быть сокрушение Германии. Задача эта настолько трудная, что для ее выполнения требуются все усилия и все жертвы. Одной из таких жертв должен быть отказ от некоторых наших надежд». [Письмо князя Кудашева Сазонову. Ставка (Могилев), 5(18) марта 1916 г. // Константинополь и Проливы. Т. 1. С. 213]. О дальнейшей судьбе планов русского десанта на Босфоре см.: Айрапетов О. Р. На Восточном направлении. С. 238–252.

* Вербальная нота французского посла в Петрограде министру иностранных дел. 10 апреля (28 марта) 1915 г. № 120 // МОЭИ. Сер. III. Т. 7. Ч. 2. М.; Л., 1935. С. 120–121.

** Американский исследователь проблемы черноморских проливов отмечает, что хотя в их передаче России союзники усматривали гарантию прекращения Германией политики *Drang nach Osten*, последующее аннулирование всех этих договоренностей Кремлем большинство западных лидеров все равно встретило с «большим облегчением» // Renzi W. A. Great Britain, Russia and the Straits. P. 19–20.

*** РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 251. Л. 31–32 об. (Протокол Особого совещания 28 марта 1916 г.)

должна была отойти территория от Трапезунда до Вана. Согласие на принятие этих англо-французских предложений Сазонов обусловил выполнением союзниками ранее принятых ими обязательств относительно Константинополя и проливов*, а посол во Франции Извольский объявил «платой» за эти последние. Договоренности о разделе азиатских владений османов еще больше укрепили антигерманскую коалицию.

Окончание первого этапа Великой войны, во всех отношениях удачного для Антанты, обозначили события, которые развернулись на ее фронтах в конце весны 1915 г. Увязнув в тяжелых позиционных боях во Франции, опасаясь за судьбу Австро-Венгрии, теснимой русскими войсками, и стремясь предвосхитить их вторжение в пределы Германии с последующим движением на Берлин, центр тяжести своих операций германское командование перенесло на восток с задачей-максимум вывести из борьбы Россию. Первые удары державы Тройственного союза нанесли в начале мая по русскому Северо-Западному и Юго-Западному фронтам. Из-за катастрофической нехватки вооружений и боеприпасов оказать достойное сопротивление хорошо вооруженному и наступавшему большими силами противнику русская армия оказалась не в состоянии. На участках прорыва австро-германские войска имели двукратное превосходство в живой силе и пятикратное в полевой артиллерии (в тяжелой – 40-кратное). «Инициативу забрать в свои руки мы не можем, – докладывал императору верховный главнокомандующий в начале лета 1915 г. – Приходится ограничиваться парированием ударов. Больно и обидно, что благодаря отсутствию должного количества снарядов, патронов и ружей наши воистину сверхгеройские войска несут неслыханные потери. ...Считаю, что пока мы не получим должного количества огнестрельных припасов и ружей, рассчитывать на успех нельзя, так как придется ограничиться в общем оборонительного характера действиями»**.

Началось пятимесячное отступление русской армии, в ходе которого она потеряла пятую часть своего состава (более миллиона человек убитыми и ранеными) и последовательно оставила Варшаву, Перемышль, Львов, Ивангород, Ломжу, Ковно, Новогеоргиевск, Брест-Литовск, Гродно, Луцк. В результате врагу были отданы Польша, Галиция и значительная часть Прибалтики. Вступление в войну на стороне Антанты в мае 1915 г. Италии с ее многочисленной (в 800 батальонов), но слабой в боевом отношении армией, усилило Антанту, но далеко не компенсировало понесенные союзниками потери. Остановить продвижение немцев русскому командованию во главе с но-

* АВПРИ. Ф. 133 (Канцелярия министра). Оп. 470. Д. 77. Т. 1. Л. 53. (Шифрованная телеграмма Сазонова послам в Париже и Лондоне. Петроград, 4/17 марта 1916 г. № 1098.)

** ГА РФ. Ф. 601 (Николай II). Оп. 1. Д. 611. Л. 1 об.–2 об. [Всепопданнейший доклад верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича. 25 мая (7 июня) 1915 г.]

вым начальником штаба Ставки Алексеевым удалось только к концу сентября 1915 г. Отчасти этому способствовало сентябрьское наступление союзников в Шампани и Артуа.

Между тем во второй половине 1915 г., по данным Ставки, недостаток винтовок на русских западных фронтах приблизился уже к миллиону (975 тысяч)*. Начальник штаба русской Ставки начал задумываться о заключении сепаратного мира со Стамбулом – сражаться одновременно на западном и южном направлениях Россия, по его мнению, была уже не в состоянии, возможная же в случае мира с Турцией переброска Кавказской армии на германский фронт обещала «решить участь войны в нашу пользу»**. Декабрьское наступление русского Юго-Западного фронта, предпринятое, главным образом, для отвлечения австрийских войск от попавшей в трудное положение Сербии, закончилось неудачей. В конце декабря остатки сербской армии вместе со своим монархом, правительством и массой беженцев покинули территорию своей страны и ушли в Албанию, откуда в январе 1916 г. под прикрытием кораблей Антанты были эвакуированы на север Африки и средиземноморские острова.

План вывода Турции из войны окончательно повис в воздухе, когда стал очевидным проигрыш Антантой тянувшегося с февраля сражения за Дарданеллы. В декабре 1915 г., потеряв в общей сложности свыше 140 тысяч солдат и офицеров, включая представителей Австралии, Новой Зеландии и Индии, а также греческих и еврейских добровольцев с английской стороны и сенегальцев с французской, и ничего не добившись, союзники были вынуждены эвакуировать десантные войска с полуострова Галлиполи. Свой флот из турецких вод они отвели еще раньше. В Германии и Турции свою победу на Балканах и восстановление прямого железнодорожного сообщения Берлина со Стамбулом в январе 1916 г. отметили пышными торжествами. Для России перспективы овладения проливами стали еще более туманными. Неблагоприятная для Антанты ситуация, которая сложилась на фронтах в 1915 г., подтолкнула к вступлению в войну на стороне центрального блока Болгарию. Несогласованные попытки антантовской дипломатии завлечь ее в свой стан обещанием Македонии, а затем Восточной Фракии разбились о давние прогерманские симпатии болгарского царя и щедрые территориальные и финансовые посулы Тройственного союза. 6 октября 1915 г., через месяц после подписания в Софии герmano-болгарской военной конвенции, Болгария объявила России войну. Других нейтральных государств привлечь на свою сторону германским державам до конца войны уже не довелось. 1915-й год пришел к концу, завершив собой второй период мировой войны, который в военном

* РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1165. Л. 39. (Справка штаб-офицера для делопроизводства и поручений при Штабе верховного главнокомандующего. Ставка, 7/20 ноября 1915 г. № 302.)

** Письма князя Кудашева Сазонову. Ставка (Могилев), 10(23) сентября и 8(21) октября 1915 г. // Константинополь и Проливы. Т. 1. С. 205–209.

отношении оказался более успешным для центральных держав. О цене этого успеха для триумфаторов ясно говорят одновременные настойчивые попытки Германии привлечь Россию к сепаратным мирным переговорам. Однако вывести Россию из войны ни тем, ни другим способом в 1915 г. Берлину не удалось.

Что касается Антанты (Пятерного союза), то для нее неудачи 1915 г. имели двойные последствия. С одной стороны, они усилили среди стран – участниц блока трения и разногласия, вызвали взаимные (и порой справедливые) упреки в «союзническом эгоизме», отягощенные смутными подозрениями соратников в тяге к сепаратному миру. Но с другой – и это было доминантой – привели к осознанию необходимости более тесной координации военных и дипломатических усилий, развития взаимопомощи и военно-технического сотрудничества. Затишьем 1915 г. на западном фронте Англия и Франция воспользовались для наращивания своего военно-экономического потенциала*. На конференциях, которые состоялись во французской Главной квартире в городке Шантийи в июле и декабре 1915 г., представители верховных командований союзных армий наметили и согласовали направления, силы, сроки, тактические и стратегические цели будущих военных операций, одновременно выясняя текущие потребности союзных войск в боевых и технических средствах. Проводились и специальные совещания представителей командования Антанты, посвященные вопросам боевого снабжения армий и флотов, например, в Лондоне в ноябре 1915 г. Последнее было особенно важно для России, сравнительно слабо развитая промышленность которой не позволяла оперативно снабжать всем необходимым действующую армию, тогда как запасы, сделанные до войны, исчерпались уже к концу 1914 г. Однако постоянная связь между союзным командованием и полное единство их взглядов, о необходимости которых из раза в раз говорили участники межсоюзнических совещаний, достигнуты так и не были**. Важнейшая для коалиционной войны проблема координации союзных операций фактически решалась в ходе эпизодических контактов верховных командующих и их штабов. Союзники не раз высказывали недовольство уровнем информированности и компетентности

* *Ростунов И. И.* Русский фронт Первой мировой войны. С. 275.

** Отчасти это было вызвано техническими причинами, а именно – несовершенством средств связи. Тогдашнее радио было маломощно и зависимо от состояния атмосферы, а возможности телеграфа ограничены. Когда выходила из строя единственная русская телеграфная станция в Александровске, мощности которой позволяли отправлять телеграммы в Западную Европу, свою телеграфную корреспонденцию союзники направляли круглым путем – через Тифлис, Тегеран и Бомбей, и она доставлялась адресату с огромными задержками и искажениями текста. По этой причине для срочной передачи информации, особенно секретной, союзное командование часто прибегало к услугам офицеров-нарочных, которым также приходилось добираться до Петрограда и обратно в обход (через Скандинавию) и «на перекладных».

русских представителей при французской Главной квартире*. В результате военные планы, согласованные и утвержденные на этих совещаниях, в оговоренные сроки и в запланированном объеме ни в 1916 г., ни позднее выполнить не удалось. Над созданием объединенного командного органа Антанты французский верховный главнокомандующий генерал Жоффри трудился с осени 1915 г., но единое и постоянно действующее верховное командование армиями Согласия появилось только в 1918 г. – понятно, без России, уже вышедшей к тому времени из войны.

По сведениям начальника Главного артиллерийского управления (ГАУ) генерала А. А. Маниковского, за годы войны только этот главк военного ведомства приобрел за рубежом и направил в действующую армию не менее 2,5 млн винтовок и свыше 5,5 тыс. орудий разных калибров**. Россия, в свою очередь, в 1914–1915 гг. снабжала оружием и боеприпасами сербскую армию. Во Франции, Японии, Италии и других странах закупки военного назначения, по требованиям военных главков и морского ведомства, производили российские военные и морские атташе. Но в Великобритании и США как в наиболее крупных странах-кредиторах и поставщиках в 1915 г. были учреждены специальные межправительственные «Русские заготовительные комитеты», снабженные огромными полномочиями и средствами, в большинстве взятыми на месте в долг. Генерал А. П. Залюбовский, руководитель американского Комитета, утверждал, что годовой бюджет его ведомства превышал среднюю расходную часть довоенного бюджета всей Российской империи, которая в 1906–1913 гг. колебалась в пределах 2–3 млрд руб., – одно содержание 1200 его служащих ежемесячно обходилось русской казне в полмиллиона долларов*** (в Русском заготовительном комитете в Великобритании служащих было более 700). По данным генерала Маниковского, за три года войны Россия раз-

* «Пока русское верховное командование будет сноситься с нами телеграммами, пока оно будет представлено Жилинскими и Палицыными или молодыми генералами, знающими меньше нашего о положении русского фронта и планах, намерениях и возможностях русского кабинета и верховного командования, – говорил, например, британский премьер-министр русскому поверенному в делах, – до тех пор координации этой не будет. Ни разу, ни на одной конференции по военным вопросам мы не слышали осведомленного, вполне авторитетного слова от русского генерала» // *Набоков К. Д. Испытания дипломата. Стокгольм, 1921. С. 122.*

** *Маниковский А. А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну / Переработал и дополнил Е. З. Барсуков. 3-е изд. М., 1937. С. 291, 410. Для сравнения: Тульский, Ижевский и Сестрорецкий оружейные заводы с начала войны и до 1 января 1918 г. в общей сложности произвели 3 575 622 винтовки // ГА РФ. Ф. Р-6173 (генерал Э. К. Гермониус). Оп. 1. Д. 26. Л. 12.*

*** *Будницкий О. В. Б. А. Бахметев и «русские деньги» в Америке // Российско-американские отношения в прошлом и настоящем. Образы, мифы, реальность. Мат-лы Международной конференции. М., 2007. С. 188.*

местила в Соединенных Штатах военных заказов на сумму 1,29 млрд долларов (или 2,6 млрд руб.)*, причем многие из этих заказов были исполнены не в полном объеме либо с огромной задержкой**. В этой связи в одном из докладов военному министру тот же начальник ГАУ отмечал: «Без особо ощутительных результатов для нашей армии нам пришлось влить в американский рынок колоссальные количества золота и оборудовать *на наши деньги* массу военных предприятий; другими словами, произвести за наш счет *генеральную мобилизацию* американской промышленности»***. Но интенсивные, хотя и малопродуктивные деловые контакты способствовали русско-американскому сближению в политической сфере.

Сгладить ружейный, пулеметный, оружейный, снарядный, патронный и прочие «голоды» своей действующей армии путем наращивания самостоятельного производства России удалось лишь к концу 1916 г. Однако и после этого ее активность на внешних рынках вооружений и военных материалов продолжала нарастать. Соответственно этому на место лидерства России в Антанте пришел рост ее финансовой и военно-технической зависимости от союзных держав («мы – кредиторы, благодетели, Россия – должники, просители» – так, по свидетельству русского очевидца, оценивали ситуацию союзники****), усугубленный ее военными неудачами 1915 г. и падением престижа центральной власти все более заметным участием в государственных делах придворной камарильи и ее ставленников. Один из них, А. Д. Протопопов, в июле 1916 г. в свою бытность еще товарищем председателя Государственной думы и незадолго до назначения министром внутренних дел участвовал в неофициальных консультациях с представителем германского правительства в Стокгольме по вопросу о сепаратном мире России с Германией. «К правительству, наиболее влиятельным членом которого состоит политический оборотень, шалый перебежчик из Государственной думы Протопопов, – вспоминал настроения английских правящих кругов в конце 1916 г. российский поверенный в делах в Лондоне К. Д. Набоков, – ни доверия, ни уважения быть не могло»*****.

* Маниковский А. А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. С. 622. Для сравнения: другие страны Антанты только за период с апреля 1917 по ноябрь 1918 г. закупили в США товаров военного назначения на 6 млрд долларов; весь экспорт Соединенных Штатов 1917–1918 гг. выразился в сумме 14,2 млрд долларов // *Hardach Gerd. The First World War*. P. 256.

** По сведениям историка А. Л. Сидорова, из заказанных в США 3,6 млн винтовок в Россию их было доставлено лишь 657 тыс. штук, а артиллерийские заказы были выполнены американцами всего на 2 % // *Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны*. М., 1973. С. 280.

*** РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 730. Л. 5 об. (Доклад начальника ГАУ военному министру. Петроград, 20 октября / 2 ноября 1916 г. № 165392. Сов. секретно.)

**** *Набоков К. Д. Испытания дипломата*. С. 52.

***** Там же. С. 55.

В третий период войны Российская империя вступила под флагом борьбы до победного конца в прежнем «священном единении» с союзниками по Антанте и с задачей вернуть территории, захваченные неприятелем в предшествующем, 1915 г. Практика войны показала необходимость еще более тесной интеграции не только в военной и военно-технической, но также в военно-политической, финансово-экономической, транспортной сферах. «Чувствовалось уже, хотя смутно, что для достижения победы понадобится напряжение всех сил всех союзников, – свидетельствовал дипломат Набоков. – Этим определялись и взаимоотношения союзников, начинавших уже с крайней чувствительностью относиться к малейшим признакам “упадка энергии” друг у друга». Однако проблемы финансово-экономического взаимодействия стран Антанты обсуждали лишь две конференции в Париже в январе 1915 г. и в Лондоне летом 1916 г.; идея регулярных встреч глав правительств и министров иностранных дел так и не была осуществлена, а текущие финансовые и транспортные проблемы улаживали заграничные «агенты» Министерства финансов вместе с руководителем финансового ведомства П. Л. Барком и адмирал, глава русского межведомственного Совещания по морским перевозкам, в ходе своих поездок в Западную Европу. В логику все более заметного вмешательства российских общественно-политических объединений в дела государственной обороны и в решение международных проблем вписались визиты в союзные страны весной 1916 г. делегаций российских журналистов и парламентариев, призванные углубить взаимные симпатии и доверие в рамках Антанты, продемонстрировать крепость союзнических уз, а также подтвердить солидарность самих русских партий в доведении войны до победы.

На поле брани взаимодействие союзников стало принимать форму непосредственного боевого сотрудничества. В 1916 г., по просьбе союзного командования, Россия направила в оперативное подчинение французского Генштаба четыре «особые» пехотные бригады общей численностью около 50 тыс. штыков. Не так давно, в начале войны, подобная акция признавалась русским верховным командованием «невыполнимой»^{*}. Русские солдаты доблестно сражались с немцами во Франции, приняв участие в одной из крупнейших битв мировой войны за Верден, и на салоницком фронте. Осенью 1916 г. русская Ставка в помощь неудачно вступившей в войну Румынии направила на румыно-австрийский фронт три армии (49 пехотных и 13 кавалерийских дивизий^{***}), которым вместе с двумя румынскими под общим руководством генерала В. В. Сахарова к январю 1917 г. удалось остановить австро-германское

* Там же. С. 35.

** АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 75-а. Л. 394. [Шифрованная телеграмма Сазонова послан в Лондоне и Париже. Петроград, 18(31) августа 1914 г. № 2316.]

*** ГА РФ. Ф. Р-6260 (А. Н. Виноградский). Оп. 1. Д. 2. Л. 20. (Рукопись А. Н. Виноградского «Операции на Румынском фронте с января по июль 1917 г.», по данным материалов Ясского архивного хранилища.)

наступление, продолжавшееся непрерывно два месяца. В свою очередь, в русской армии с зимы 1915/1916 г. воевали английский и бельгийский бронетомобильные отряды, группа французских летчиков и воздушных наблюдателей; Балтийский флот пополнило соединение британских подводных лодок.

Осенью 1915 г. для совместной борьбы с неприятельским шпионажем, контрабандой и пропагандой в Париже было образовано «Союзническое бюро», в которое вошли представители союзных военных миссий при французской Главной квартире*. В петроградском Генштабе рука об руку с русскими коллегами трудились офицеры военной разведки из Франции, Великобритании и Италии. После изучения, систематизации и обработки сведений своих «дальней» и войсковой разведок (задания тайной агентуре вырабатывались совместно), а также материалов открытой печати они направляли их в ГУГШ, в союзные Генштабы и в русскую Ставку. Морское командование союзников также обменивалось разведывательной информацией. Шифровальные книги, обнаруженные русскими моряками на наскочившем на камни на Балтике в августе 1914 г. германском крейсере «Магдебург», были безотлагательно переданы союзникам, которые с их помощью знакомились с секретной радиоперепиской немецкого ВМФ**. «Всю войну, – вспоминал русский военный моряк-фронтовик, – наша служба связи читала радио противника, как свои собственные, и даже союзников информировала о намерениях и передвижениях немецкого флота, а о нас немцы не знали ничего»***.

На сухопутных театрах первая половина 1916 г. прошла в затяжных, в основном позиционных боях, в ходе которых успех переходил от одного блока к другому, не давая явного перевеса ни одной из сторон. Лишь летнее наступление русского Юго-Западного фронта в Галиции и Буковине, известное как «брусиловский прорыв», и почти одновременная с ним наступательная операция франко-английских войск на р. Сомме, несмотря на огромные потери армий Антанты, позволили им перехватить стратегическую инициативу. Дали плоды усилия стран Согласия по наращиванию своего военного потенциала. К январю 1917 г. в их действующих армиях состояло 425 дивизий (из них 202 русских) против 331 дивизии у неприятеля, при общей численности вооруженных сил в 27 млн человек против 10 млн у стран германского блока. Годом раньше это соотношение выглядело как 365 дивизий у Антанты против 286 у ее противников (соответственно, 18 млн под ружьем против 9 млн). Между тем в самой России нарастала усталость от войны. Страна, а за ней и армия погружались в хаос. С начала военных действий личный состав фрон-

* РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1452. Л. 58. (Письмо начальника Генштаба генерала М. А. Беляева начальнику штаба Ставки Алексееву. Петроград, 12 мая 1916 г. № 6972. Секретно.)

** *Bywater and Ferraby*. Strange Intelligence. P. 224.

*** Пятнадцать лет. От редакции // Зарубежный морской сборник. № 6. Пильзень, 1929. С. 6.

товых частей успел смениться 4–6 раз. Вновь прибывавшие запасные несли на передний край «революционную заразу», армия начала разлагаться, ее боеспособность стремительно падала. Антиправительственные и антивоенные настроения, упадок дисциплины как массовое явление стали наблюдаться и в сухопутных войсках (здесь это проявлялось в братаниях с противником^{*}, дезертирстве, убийствах своих офицеров), и на флоте.

Долгожданный решающий перелом в войне командование Антанты связывало с весенне-летней кампанией следующего года. На 4-й межсоюзнической конференции в Шантийи в ноябре 1916 г. французское военное руководство предложило союзникам, продолжая сдерживать немцев в направлениях Соммы и Вердена и австрийцев у Изонцо, начать подготовку «мощных и плодотворных» наступательных операций весной 1917 г. на всех трех европейских фронтах одновременно^{**}. Предложения французов получили единодушное одобрение, и это вновь наполнило оптимизмом русское командование и правящие круги. На исходе 1916 г. в приказе верховного главнокомандующего по армии и флоту царь подчеркнул, что разговоры о мире преждевременны, коль скоро «враг еще не изгнан из захваченных им областей», а исторические задачи России в войне – «обладание Царьградом» и создание в своем составе «свободной Польши» – пока не решены. «В военном отношении, технически, мы сильнее, чем когда-либо, – утверждал он в январе 1917 г. – скоро, весной, будет наступление, и я верю, что Бог даст нам победу, а тогда изменятся и настроения в стране»^{***}. Начальник штаба Ставки генерал Алексеев предсказывал, что в ходе грядущего наступления немцы будут «буквально сметены, засыпаны нашими снарядами» и не смогут выдержать «феноменальной мощи» русского огня^{****}. Великий князь Сергей Михайлович, полевой генерал-инспектор артиллерии, также считал, что весной 1917 г., как никогда хорошо подготовленные и оснащенные русские войска разобьют врага, правда, «если тыл не свяжет свободу наших действий» спровоцированной немцами революцией^{*****}.

Революция действительно была на подходе, однако неладно становилось уже и «наверху». Верховная власть утрачивала способность адекватно оценивать происходящее и реагировать на него. «Ну, что можно сделать с этим ре-

* Первые братания на фронтах мировой войны состоялись между германскими и английскими солдатами во Франции под Рождество 1914 г. После этого британское командование приказало стрелять в любого, кто попытается брататься с немцами // *Виллмотт Г. П.* Первая мировая война. Пер. с англ. М., 2010. С. 103.

** РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1431. Л. 285 об.–286. (Резюме меморандума главнокомандующего французской армии Ж. Жоффра начальнику штаба русской Ставки Алексею. Главная квартира французской армии, 19 октября 1916 г.)

*** *Рейн Г. Е.* Из пережитого. 1907–1918. Т. 2. Берлин, [1936]. С. 161.

**** Цит. по: *Друцкой-Соколинский В. А., князь.* На службе Отечеству. Записки русского губернатора (1914–1918 гг.). Орел, 1994. С. 59.

***** Цит. по: *Александр Михайлович, великий князь.* Книга воспоминаний. С. 268.

бенком! – в отчаянии говорил о Николае II начальник штаба Ставки Алексеев протопресвитеру армии и флота в октябре 1916 г., комментируя свое желание уйти в отставку. – Пляшет над пропастью и... спокоен. Государством же правит безумная женщина, а около нее клубок грязных червей: Распутин, Вырубова, Штюрмер...»* Совещание командующих фронтами и армиями и начальников их штабов, созванное царем в Ставке в конце декабря 1916 г. специально для выработки плана весенней кампании 1917 г. и подготовки войск к наступлению, сорвала полученная из Царского Села телеграмма о кончине «незабвенного Григория, убитого в ночь на 17-е дек[абря старого стиля] извергами в доме Ф. Юсупова»**. Император в очередной раз предпочел интересы семьи и без колебаний покинул своих военачальников, спешно выехав в столицу. А «мы, – вспоминал один из генералов, приглашенных на несостоявшееся совещание, – вернулись домой, смущенные перерывом столь важного совещания из-за гибели Распутина и не ориентированные, в каком направлении вести боевую подготовку армий на 1917 год»***. Чины же Ставки, узнав о смерти придворного «старца», поздравляли друг друга, «целуясь, как в день Пасхи»****.

Как свидетельствуют мемуаристы, в начале 1917 г. царь погрузился в глубокую апатию. План весенних операций, с которыми было связано столько радужных ожиданий, он утвердил лишь в последних числах января 1917 г. В преддверии решающего наступления вопросы снабжения русской армии стали главными на проходившей в феврале в Петрограде очередной конференции союзников, которая явилась самой представительной из всех. Однако принятые на ней решения уже не имели большого практического значения. 21 февраля 1917 г. делегаты Антанты отправились восвояси, а через считанные дни российское самодержавие пало.

* *о. Георгий Шавельский*. Воспоминания последнего протопресвитера. Т. 2. С. 201.

** Дневники императора Николая II. С. 616 (запись от 21 декабря 1916 г. / 3 января 1917 г.).

*** *Данилов Ю. Н.* На пути к крушению. С. 215.

**** *о. Георгий Шавельский*. Воспоминания последнего протопресвитера. Т. 2. С. 249.

Глава 4. СОЗДАНИЕ СИСТЕМЫ ВОЕННО-РЕГУЛИРУЮЩИХ ОРГАНОВ И САМООРГАНИЗАЦИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ СРЕДЫ

(А. П. Корелин)

1. Начало военных действий и первые меры по усилению снабжения армии

Предпринятые Россией с начала войны мобилизационные меры отличались особой масштабностью. К 1914 г. численность российской армии составляла 1423 тыс. человек. В первые же недели военных действий в армию было призвано 3915 тыс. новобранцев и ратников ополчения. К декабрю 1914 г. общая численность мобилизованных составила уже 6538 тыс. человек. Мобилизация, несмотря на обширную территорию и огромные массы призывников, прошла в целом достаточно быстро и сравнительно организованно. К ноябрю 1915 г. в результате продолжавшихся призывов в армии оказалось 11 548 тыс., в 1916 г. на то же время – 14 295 тыс. человек. В 1917 г. численность призывников на 1 февраля составила 14 323, на 1 марта – 14 923 тыс. Всего за годы войны в армию, по разным данным, было призвано от 15,1 до 15,8 млн военнообязанных (во Франции – около 9 млн, в Англии – 7,6 млн). Вместе с получившими отсрочки военнообязанными, запасными и ополченцами, занятыми на оборонных заводах и насчитывавшими около 1,9 млн человек, общая численность мобилизованных составляла около 17,6 млн, т. е. около половины всех трудоспособных мужчин. К сентябрю 1917 г. в действующей армии находилось около 7 млн человек, с различными тыловыми службами – около 9 млн, во внутренних округах (запасные части, ополчение и т. п.) – около 1,8 млн*.

Огромные масштабы мобилизаций, в первые же месяцы увеличившие в несколько раз численность армии, беспрецедентная до того в мировой истории протяженность и подвижность линии фронтов, ожесточенность первых военных столкновений, вызвавшие повышенный расход вооружений и боеприпасов, поставили перед командованием множество проблем. Довольно скоро обнаружилось все просчеты военных планов и программ. Уже в августе–сентябре 1914 г. начала ощущаться нехватка артиллерийских припасов, винтовочных

* Россия в мировой войне 1914–1918 годов (в цифрах) М., 1925. С. 4, 17–19, 100.

патронов. С формированием новых стрелковых и запасных частей обнаружилась катастрофическая нехватка винтовок. Командующий Юго-Западным фронтом Н. И. Иванов в октябре сообщал начальнику штаба Верховного главнокомандующего Н. Н. Янушкевичу, что источники пополнения артиллерийских припасов «иссякли совершенно». Между тем этот фронт на фоне поражений русской армии в Восточной Пруссии и сравнительных неудач в Польше добился определенных успехов в Галиции и потому снабжался лучше остальных фронтов. В конце декабря 1914 г. специально созданная комиссия, проанализировав положение с боеприпасами на этом фронте, подвергла критике деятельность ГАУ, не наладившего даже доставку снарядов со складов. Впоследствии Янушкевич признал, что «вопрос о недостатке артиллерийских снарядов, о недостатке винтовок и ружейных патронов возник в первые же месяцы войны». Причем вскоре этот вопрос, по его свидетельству, «принял прямо угрожающий характер, так как лишал армию не только возможности иметь активный успех над врагом, но даже противодействовать его наступательным действиям»^{*}. Уже к концу 1914 г. довоенные запасы оказались практически исчерпанными. С декабря 1914 г. по март 1915 г. на фронт было отправлено менее трети требуемых снарядов и винтовок. В июне Янушкевич уже с отчаянием писал Сухомлинову о прямо «кричащих» сообщениях с позиций: «Нет снарядов, нет винтовок, нечем драться, измена»^{**}. Вскоре начали ощущаться затруднения и с обеспечением армии продовольствием и обмундированием. Затем с запада хлынул поток эвакуируемых предприятий, различного рода имущества, беженцев. Транспортные проблемы усугубляло то обстоятельство, что все железные дороги в полосе фронтов перешли в ведение Ставки, которая контролировала работу около трети подвижного состава дорог, внося дополнительную дезорганизацию в оборот вагонного и паровозного парков. Однако первоначально все трудности обеспечения армии военное ведомство пыталось объяснить прежде всего неразберихой в тыловых структурах, нераспорядительностью ГАУ и интендантства, видя причину всего в проблемах снабжения, а не производства.

Следует иметь в виду, что кризис в производстве вооружений и боеприпасов, сложности с обеспечением ими армии на первом этапе охватили практически все воюющие страны, также ранее рассчитывавшие на ведение военных действий за счет запасов мирного времени. Осознав допущенный просчет, правительства противоборствующих держав взяли курс на создание военно-регулирующих органов по мобилизации и переводу экономики на военные

^{*} См.: Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973. С. 18–19.

^{**} Красный архив. 1923. Т. 3. С. 73. Сам Сухомлинов, пытаясь понять причины сложившейся ситуации, писал своему визави: «За десятимесячную кровопролитнейшую борьбу, какую свет еще не испытывал, немудрено дойти до голода боевых припасов, особенно нам, с нашей нищенски развитой промышленностью». (Там же. С. 64.)

рельсы. Созданы были различные по своим функциям, компетенции и степени вторжения в экономику учреждения – Министерство военной промышленности во Франции, Министерство снабжения в Англии, Военное управление в Германии и т. д. Россия несколько задержалась с организацией подобного типа учреждений. Более того, с созданием Ставки верховного главнокомандующего, во главе которой оказался вел. кн. Николай Николаевич, военный аппарат империи опять оказался расчлененным и нескоординированным. В структуре Ставки имелись следующие подразделения: служба генерал-квартирмейстера, ведавшая разработкой оперативных вопросов; управление начальника военных сообщений, руководившее эксплуатацией всех путей сообщения на театре военных действий; военно-морское управление; при начальнике штаба состояла дипломатическая часть и гражданская канцелярия. «Положение об управлении войсками в военное время», принятое буквально за три дня до начала войны, вообще не предусматривало создания при Ставке никакого специального органа, который ведал бы снабжением действующей армии. По первоначальному замыслу Ставка мыслилась только как орган, руководящий в основном оперативной деятельностью войск. Вопросами снабжения армий ведали особые хозяйственные отделы, которые возглавляли главные начальники снабжения. Деятельность их сводилась, как правило, к доставке предметов снабжения с армейских складов. Ставка не имела органа, так или иначе объединявшего армейские тыловые службы, хотя неоднократно предлагались проекты создания должности начальника тыла с наделением его самыми широкими полномочиями. Лишь 5 января 1916 г. было утверждено временное «положение» о полевом генерал-инспекторе артиллерии при главкомверхе, на которого было возложено общее руководство и наблюдение за своевременным и планомерным снабжением действующей армии оружием и боеприпасами (УПАРТ), что несколько облегчило проблему взаимодействия Ставки и ГАУ*.

Первые мероприятия властей, так или иначе касавшиеся регулирования военно-экономических вопросов, фактически носили запретительный, достаточно разрозненный и несогласованный характер. Более или менее системный характер имело создание в августе 1914 г. при Главном управлении земледелия специального Управления для снабжения фронтов продовольствием (так называемая «Хлебармия»), имевшее на местах, хотя и не во всех губерниях, аппарат уполномоченных**. Обнародованные 29 августа 1914 г. «Правила о местностях, состоящих на военном положении» объявляли все прифронтовые районы на особом положении. Командующим армиями предоставлялись

* Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне. 1914–1915 гг. Берлин. 1924. С. 123; Маниковский А. А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. М., 1937. С. 167; Ростунов И. И. Русский фронт Первой мировой войны. М., 1976. С. 112–115.

** Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 167.

исключительно широкие полномочия – запрет или ограничение вывоза разного рода продовольствия и фуража из прифронтовой полосы, регулирование закупочных цен на продукты, предназначенные для армейских магазинов, частичное регулирование производства некоторых отраслей пищевой промышленности. Указ от 8 декабря того же года предоставлял такие же права командующим тыловыми военными округами, фактически распространив действие «правил» на территорию всей империи. По закону 17 февраля 1915 г. командующим округами, по согласованию с губернаторами и уполномоченными, предоставлялось право не только устанавливать в местностях, входящих в округ, предельные цены на продовольственные припасы, закупаемые для нужд армии, но и ограничивать их вывоз и даже производить их реквизицию*. Эти меры часто приводили к пресечению традиционного товарооборота, искусственно нарушая сложившиеся экономические связи между производителями и потребляющими регионами, вызывая конфликты между ведомствами, между военными властями и местной администрацией, которая нередко противодействовала распоряжению военных и даже отменяла их. Система запретов, игравшая, иногда в силу безвыходности ситуации, положительную роль в прифронтовой полосе, оказалась препятствием для проведения общеобязательных регулирующих мероприятий по мобилизации экономики в масштабах страны. Вскоре некоторые из них были отменены или ослаблены. Были предприняты и другие меры, носившие временный, часто случайный характер. В марте 1915 г. по повелению Николая II при Министерстве торговли и промышленности был создан специальный комитет по вопросам снабжения продовольствием населения, которое ранее было в компетенции МВД; министру путей сообщения Рухлову было поручено обеспечить контроль за добычей и вывозом угля в Донбассе. Так было положено начало путанице в сферах действия ведомств, крайне негативно сказавшейся на мобилизации экономики.

На фоне этих нараставших трудностей положение со снабжением армии вооружением и боеприпасами все более приобретало кризисный характер. Военное ведомство по-прежнему весьма сдержанно относилось к идее мобилизации частной промышленности, рассчитывая прежде всего на повышение производительности и расширение казенных заводов и на заграничные заказы. Посетивший 15 декабря 1914 г. Ставку император, выслушав доклады о снабжении армии винтовками и боеприпасами, «соизволил повелеть» прежде всего усилить заготовку орудийных снарядов, чтобы «ко времени заключения мира» иметь на каждое орудие по 2 тыс. выстрелов. Военный совет, формулируя задачи, вытекавшие из царского повеления, в своем журнале от 13 мая 1915 г. отметил, что это особенно важно, так как по окончании войны «наступит длительный период дипломатических переговоров, в течение коего наше

* *Авербах О. И.* Законодательные меры, вызванные войной 1914–1915 гг. Симбирск, 1917. С. 124.

государство должно быть готовым к возможным осложнениям». И опять-таки основной упор традиционно был сделан на казенные предприятия. Совет министров на заседании 29 мая согласился с мнением министра финансов П. Л. Барка и государственного контролера П. А. Харитонов, что не следует «возлагать преувеличенные надежды на снабжение вооружением наших сил путем насаждения в России частной промышленности». Более определенно позиция Совета министров в этом вопросе была заявлена в журнале заседания от 24 августа 1915 г. (утвержден императором 7 сентября), в котором прямо заявлялось, что «правительство отдает предпочтение, в смысле обеспечения потребностей государственной обороны, казенным заводам перед частными» и стоит на точке зрения о преимуществах обеспечения потребностей государственной обороны производительностью казенных заводов», стараясь по возможности не делать даже «частных отступлений от этой точки зрения»^{*}.

Однако, несмотря на меры по повышению производительности казенных заводов (введение трехсменной работы, расширение заводских помещений и установку дополнительного оборудования, милитаризацию рабочих кадров и т. п.), удовлетворить постоянно растущие запросы армии не удавалось. К началу 1915 г. потребность фронта была определена Ставкой в 1,5 млн винтовок одновременно и по 100–150 тыс. в месяц. Казенные оружейные заводы – а их было всего три – могли давать в месяц 71–78 тыс. винтовок, и лишь в марте 1916 г. их производительность поднялась до 100 тысяч. Но за это время потребность в них выросла еще более. Янушкевич, ставший к тому времени начальником одного из подразделений действующей армии, так описывал сложившуюся ситуацию: «Положение обострилось до невероятности, и части таяли безнадежно, имея в тылу по 400–600 человек безоружных, ожидавших свободные винтовки от убитых товарищей и в то же время мало к чему подготовленных»^{**}. Не лучше обстояло дело и с винтовочными патронами. Заводы могли дать не более 100 млн патронов в месяц, что составляло от $\frac{1}{2}$ до $\frac{2}{3}$ потребности армии. Ставка требовала также довести ежемесячный выпуск снарядов до 1,5 млн шт. Выполнение этой программы, в свою очередь, потребовало увеличения производства пороха, взрывчатых веществ, гильз, дистанционных трубок и т. д., к чему ни казенные, ни частные предприятия оказались не готовы. Вскоре стало очевидно, что на помощь союзников, также израсходовавших довоенные припасы и только приступивших к мобилизации экономики, в ближайшее время рассчитывать не приходится. Привлечение частной промышленности происходило на основании законов и правил мирного времени и обставлялось массой формальностей, превращавшихся, по словам помощника начальника ГАУ генерала Е. М. Смысловского, «в искусственное фортификационное сооружение, связывающее по рукам и

^{*} Поликарпов В. В. От Цусимы до Февраля 1917 г. С. 294.

^{**} Сидоров А. Л. Экономическое положение России. С. 22–23.

ногам заготовителя»^{*}. Для существенного расширения военного производства и широкого привлечения частных предприятий требовались специальные станки, больше половины которых также были заказаны за границей. Но они в более или менее заметном количестве стали поступать лишь со второй половины 1915 г. Да и в привлечении предпринимателей к работе на оборону военное ведомство, следуя еще довоенным установкам, не проявляло особой инициативы. Правда, в сентябре 1914 г., не без давления Ставки, Сухомлинов провел несколько совещаний с представителями банков и частных фирм, уже имевших военные заказы. Обсуждался вопрос о возможности увеличения производства снарядов. При ежемесячной потребности в 1,5 млн заводчики называли цифру в 500 тыс., ссылаясь на необходимость приобретения и установки нового оборудования. Прибывший на совещание генерал М. А. Беляев, в то время и. д. начальника Генерального штаба, ознакомившись с их предложениями, отреагировал весьма эмоционально, указывая на критическое положение с поставкой снарядов и требуя их производства по крайней мере втрое больше и «какой угодно ценой». По мнению присутствовавшего на совещании Смысловского, «полное раскрытие тайны генералом Беляевым только ухудшило дело, так как поставило поставщиков в положение хозяев, диктующих условия и цены, не говоря уже о колоссальном значении раскрытия истины о недостатке снарядов в стратегическом отношении». «Вряд ли самый искусный шпион в то время мог оказать такую громадную услугу нашим противникам, – возмущался он, – обнаружив им истинное положение вещей, как это сделало выступление начальника русского Генерального штаба»^{**}. В результате были заключены контракты с 20 крупнейшими частными заводами, являвшимися традиционными контрагентами военного ведомства, которые, действительно, взвинтили цены и получили под заказы авансы, субсидии на закупку оборудования и материалов, обязавшись поставить с января по октябрь 1915 г. около 7,7 млн шт. корпусов 3-дм шрапнельных снарядов и гранат – всего на сумму около 89 млн руб. Были заказаны также 3-дм полевые и горные пушки (1375 шт.), 6-дм гаубицы (160 шт.), 42-линейные скорострельные орудия (40 шт.), 48-лин. гаубицы (400 шт.), а также пулеметы (2100 шт.), винтовки и патроны к ним. Цифры эти были весьма скромные, уступавшие заявкам Ставки по некоторым видам вооружений в несколько раз. Причем сроки исполнения выданных заказов ограничивались сентябрем–октябрем 1915 г., когда рассчитывали на выяснение ситуации с возможным окончанием военных действий.

Из всего круга назревших проблем наибольшее беспокойство военных властей вызывало снабжение армии артиллерийскими снарядами. Ставка, критиковавшая военного министра за нераспорядительность, готова была принять

^{*} *Смысловский Е. М.* Парадоксы русского военного хозяйства // Снабжение Красной армии. 1922. № 1. С. 6.

^{**} *Сидоров А. Л.* Указ. соч. 26.

меры по подчинению ГАУ непосредственно верховному главнокомандующему. По всеподданнейшему ходатайству вел. кн. Николая Николаевича от 1 января 1915 г. был разработан проект создания Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части. Проект был одобрен Военным советом и 15 февраля 1915 г. утвержден императором. Комиссии, учрежденной все-таки в составе Военного министерства, вменялось в обязанность «всеми мерами способствовать обеспечению действующей армии предметами артиллерийского снаряжения путем наблюдения и контроля за действиями учреждений, занимающихся артснабжением: по использованию наличных средств борьбы, по заготовлению новых средств путем заказа, покупки, а также расширения производительности заводов, по применению новых изобретений в артиллерийской области и др.». Главной ее задачей признавалось «установление действительной связи между действующей армией и органами, ведающими изготовлением и снабжением предметами артиллерийского имущества». Комиссия должна была наблюдать как за деятельностью ГАУ и подведомственных ему организаций и лиц, так и за всеми причастными к заказам управления казенных и частных предприятий. Возглавил Комиссию генерал-инспектор артиллерии вел. кн. Сергей Михайлович, его заместителем был назначен начальник ГАУ Д. Д. Кузьмин-Караваев. Создание Комиссии не удовлетворило ни главноверха, рассчитывавшего таким образом напрямую подчинить себе ГАУ, ни военного министра.

Сергей Михайлович уже много лет был фактически полновластным хозяином ГАУ, хотя формально с 1908 г. его возглавлял Кузьмин-Караваев. Именно этим, видимо, объясняется первый же шаг августейшего председателя в стремлении придать динамику деятельности управления. Прежде всего он разослал на все заводы телеграмму с предложением перестроить работу предприятий на военный лад, отказавшись от заведенного бюрократического порядка: «Впредь предписываю прекратить все приемы мирного времени, как то: торги, предоставление планов, проектов и т. п. формальностей. Вы обязаны принимать все меры к усилению производительности вверенного Вам завода путем наличной покупки как материалов, так и станков, не спрашивая разрешения ни Главного артиллерийского управления, ни окружных военных советов. По всем выполненным мероприятиям испрашивайте утверждения уже сделанных распоряжений. Если дальнейшая Ваша деятельность не даст необходимых результатов, Вы будете в самый кратчайший срок уволены со службы. Если среди членов как хозяйственной, так и технической части есть лица, тормозящие Ваши мероприятия, предписываю беззамедлительно представить к увольнению с немедленным отстранением от должности»*. На первых порах эта циркулярная телеграмма произвела на заводах ведомства настоящий фурор. Но вскоре пришло отрезвление. Как отмечал впоследствии новый начальник ГАУ А. А. Маниковский, назначенный на эту должность 25 июня

* РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 7. Л. 10.

(7 июля) 1915 г., в положении о Комиссии содержалась весьма определенная оговорка (п. 8), гласившая, что «контроль и вообще отношение к частным и казенным заводам фактически не должны выходить из рамок действовавших законоположений, высочайше утвержденных постановлений Совета министров и междуведомственных соглашений»*. Постепенно старый порядок, предусматривавший проведение торгов при выдаче заказов, соблюдение массы формальностей при их оформлении, был восстановлен.

В историографии распространено представление, что деятельность Комиссии не оставила сколько-нибудь заметного следа и она фактически дублировала ГАУ. Но даже Маниковский, недолюбливавший Сергея Михайловича и признававший сам факт дублирования, отмечал, что Комиссия предприняла ряд существенных шагов как по усилению производства предметов боевого снабжения, так и по их заграничным заказам. Одной из наиболее крупных мер по расширению производства снарядов было создание специальной организации генерала С. Н. Ванкова, уполномоченного ГАУ по заготовке корпусов снарядов по французскому образцу. Начав свою деятельность с апреля 1915 г., организация сумела уже через месяц привлечь к исполнению заказа на 1 млн 3-дм снарядов 49 средних и мелких предприятий, организовав производство на основе их кооперирования**. Немало усилий Комиссия предприняла и для обеспечения наиболее важных оборонных предприятий топливом, материалами, оборудованием, рабочей силой. Но все же, действительно, как отмечают исследователи, она не решила и не могла решить ряд важнейших проблем, требовавших мобилизации и милитаризации всей экономики стран. Развитие событий показало, что Особая распорядительная комиссия уже в силу своего узковедомственного характера не отвечала назревшим потребностям. В обществе и особенно в предпринимательской среде все более ширилось стремление принять участие в работе на оборону, сулившей немалые барыши, подкрепляемое «патриотическими» настроениями и претензиями к правительственным неудачам на фронте.

В предпринимательских и думских кругах возникает идея создания военно-регулирующего органа с более широкой задачей и компетенцией. Еще в январе 1915 г. на закрытом заседании Совета съездов представителей промышленности и торговли по инициативе руководителей банковско-промышленных холдингов (Русско-Азиатского, Петроградского Международного и Учетно-ссудного банков), уже получивших военные заказы, обсуждался вопрос о воз-

* Маниковский А. А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. М., 1937. С. 66.

** История организации уполномоченного ГАУ по организации изготовления снарядов по французскому образцу генерал-майора С. Н. Ванкова (1915–1918). М., 1918; Сидоров А. Л. Экономическое положение России. С. 111–117; Иванова Н. А. Принудительные объединения в России в годы Первой мировой войны // Об особенностях империализма в России. М., 1963. С. 234–249.

возможности усиления производства снарядов на частных заводах. Совет съездов 12 января подал в Совет министров записку «О мерах по обеспечению своевременного выполнения заказов на оборону и обеспечению армии боевыми снарядами». В ней предлагалось, во-первых, раздать заказы крупным предприятиям, предоставив им право привлечения к их исполнению (на основе принципа производственной кооперации) другие заводы; во-вторых, создать для этого специальное Особое совещание с участием представителей ведомств и предпринимателей. Предложение было отклонено под тем предлогом, что уже формируется Комиссия по артиллерийской части. Правление общества Путиловского завода в письме от 10 февраля, направленном в эту Комиссию, предложило организовать промышленную группу для производства 3-дм снарядов. «Мобилизация частной промышленности, – говорилось в обращении, – может дать благоприятные результаты лишь при условии, если во главе дела будут стоять крупные частные заводы, работающие на государственную оборону, в роли организаторов и руководителей новых казенных поставщиков»*. Предложение также было отклонено, но высказанная в нем идея была реализована при создании уже упоминавшейся организации Ванкова.

Однако весной 1915 г., когда в войне после поражений в Галиции и последовавшем затем отступлении русской армии по всему фронту для России наступил тяжелый перелом, деятельность буржуазии в этом направлении активизировалась. Эта активность протекала на фоне обострения ситуации со снабжением армии, нарастанием в стране оппозиционных настроений. Идея создания нового военно-регулирующего органа с более широкой компетенцией и составом участников явилась синтезом предложений предпринимательских (прежде всего, представителей банковско-промышленного капитала) и думских кругов, Ставки и, на последней стадии, военного министра Сухомлинова. Само его законодательное оформление, определение сферы деятельности, состава участников не были единовременным актом – этот процесс растянулся почти на четыре месяца**. В переговорах по поводу необходимости создания нового регулирующего органа активное уча-

* Крутина Т. Д. Политический кризис 1915 г. и создание Особого совещания по обороне // Исторические записки. Т. 83. М., 1969. С. 60–61.

** Подробнее об истории возникновения военно-регулирующих органов в России см.: Букшпан Я. М. Военно-хозяйственная политика. Формы и органы регулирования народного хозяйства во время мировой войны. 1914–1918. М.; Л., 1929; Сидоров А. Л. Указ. соч. С. 56–73; Крутина Т. Д. Указ. соч. С. 58–64; Сомов С. А. О «майском» Особом совещании // История СССР. 1973. № 3. С. 122–123; Воронкова С. В. Особое совещание по обороне государства. Источниковедческое исследование. М., 1975; Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны 1914–1917. Л. 1967. С. 72–154; Гайда Ф. А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М., 2003; Флоринский М. Ф. Кризис государственного управления России в годы Первой мировой войны (Совет министров в 1914–1917 гг.). М., 1988. С. 154–160.

стие приняли: от предпринимательского корпуса – председатели правлений Русско-Азиатского банка А. И. Путилов, Петроградского Международного банка А. И. Вышнеградский, Учетно-ссудного банка Я. И. Утин, бывший заведующий отделом промышленности Министерства торговли и промышленности В. П. Литвинов-Фалинский; от Государственной думы – ее председатель М. В. Родзянко и думцы-октябристы И. И. Дмитриуков, Н. В. Савич, А. Д. Протопопов. Немалую роль сыграл и тесно связанный с думскими, предпринимательскими и военными кругами А. И. Гучков, в то время бывший особоуполномоченным Российского общества Красного Креста. В шедших с весны 1915 г. переговорах весьма заинтересованной стороной оказалась и Ставка во главе с кн. Николаем Николаевичем, начальником штаба Янушкевичем и генерал-квартирмейстером Даниловым, которые были настроены резко критически в отношении военного министра и ГАУ. Родзянко, несколько раз побывавший в марте–апреле в Ставке, заручился их содействием в реализации плана перестройки структуры органов военного снабжения. В начале мая он, а также Путилов, Вышнеградский и Литвинов-Фалинский были вызваны в Ставку, где эта идея была детально обсуждена. Результаты совещания Родзянко доложил императору, порекомендовав при этом удалить из правительства наиболее одиозных министров – В. А. Сухомлинова, Н. А. Маклакова, В. К. Саблера, И. Г. Щегловитова. Проект был одобрен царем, но военный министр пока сохранил свой пост. Как отмечал Родзянко, в состав Особого совещания должны были войти «представители банков, субсидировавших заводы, представители промышленности, общественные деятели и представители законодательных учреждений и военного ведомства»^{*}.

В результате 13 мая на имя Сухомлинова пришла телеграмма, подписанная верховным главнокомандующим и одобренная императором, в которой содержалась новая программа деятельности военного ведомства. «Наиболее надежное решение возможно было бы осуществить, – писал великий князь, – учредив под Вашим председательством Совещание из представителей Государственной думы с четырьмя ее членами, представителями промышленных групп, пригласив в первую очередь господ Путилова и Литвинова-Фалинского и затем и других, по мере надобности, и из пяти компетентных представителей военного ведомства по Вашему усмотрению. Для успешного развития поставки снарядов, орудий, патронов и ружей Вам предоставляется право привлечения к работе всех частных заводов до реквизиции их запасов и станков включительно, право испрошения и незамедлительного открытия кредитов и, в случае признания Совещанием необходимости, отпуска безвозвратных ссуд на оборудование новых мастерских и заводов с подчинением этих расходов последующему государственному контролю. По докладе о сем Его Величеству благоугодно было вышеизложенные предложения утвердить

^{*} *Родзянко М. В.* Крушение империи. Л., 1927. С. 114–116.

и повелеть незамедлительно приступить к проведению их в жизнь»^{*}. И уже 14 мая под председательством военного министра состоялось первое заседание нового органа, получившего название – Особое совещание по усилению артиллерийским снабжением действующей армии.

Состав и основные направления деятельности Особого совещания формировались фактически в рабочем порядке. На первом его заседании присутствовали 4 представителя Думы (М. В. Родзянко, А. Д. Протопопов, И. И. Дмитриуков, Н. В. Савич), 5 представителей от Военного министерства, 2 – от Морского министерства и приглашенные на заседание от частной промышленности В. П. Литвинов-Фалинский, А. И. Путилов и А. И. Вышнеградский. Председатель определил главную задачу Совещания – «установить, в каких именно предметах артиллерийского снабжения запросы армии удовлетворяются не в полной мере и какие надо принять чрезвычайные меры сверх тех, которые предпринимались Особой распорядительной комиссией». На десятом месяце войны, в условиях обострявшегося кризиса снабжения армии вооружением и боеприпасами предлагалось обсуждать меры по устранению «рутинности, волокиты, недочетов» при раздаче заказов и приемке готовой продукции, по привлечению к работе на оборону частной промышленности и составлению самими предпринимателями плана объединенной работы частных заводов, согласование всех этих вопросов в комиссии при ГАУ и т. п.^{**} Понадобилось еще несколько заседаний, чтобы как-то определиться с программой деятельности, компетенцией Совещания и его положением в системе правительственных органов, принципами взаимоотношений с частной промышленностью.

Уже на втором заседании, состоявшемся 18 мая, был поднят вопрос о необходимости выработки специального «Положения» об Особом совещании, и к 23 мая предварительный проект, во многом повторявший основные пункты телеграммы главковерха, был готов. Но к этому времени для его участников стало очевидным, что потребности армии значительно обширнее, чем только снабжение ее артиллерийским довольствием. Проектом предусматривалось учреждение специального органа «для усиления снабжения действующей армии предметами артиллерийского, инженерного и интендантского довольствия как путем широкого привлечения к этому делу частной промышленности, так и другими способами». Документ был разработан силами самих участников Совещания – прежде всего, думской группой земцев-октябристов с участием Путилова – и отличался традиционным консерватизмом, ни в коей мере не затрагивая основ существующей системы государственного управления. Вся власть в Совещании сосредоточивалась в руках военного министра, являвшегося его председателем. Права полномочных членов, наряду с предста-

^{*} РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–3.

^{**} Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (Особое совещание по обороне государства): В 3 т. Т. 1. 1915 год. М., 2013. С. 28–32 (далее – ЖОСО).

вителями ведомств, получали только представители Думы. Предприниматели лишь приглашались для участия в заседаниях и должны были играть в них роль «сведущих лиц».

Проект был представлен для обсуждения в Совет министров, посвятившим ему несколько заседаний (26, 29 мая и 2 июня). Принципиальное неприятие министров вызвал пункт о наделении Совещания особыми прерогативами, придававшими ему статус чрезвычайного правительственного органа. Большинство министров рассматривало проектируемое учреждение прежде всего как тактический ход по «умиротворению» буржуазии, начавшей открыто высказывать недовольство правительством. В частности, А. В. Кривошеин по этому поводу неоднократно отпускал пренебрежительные реплики: «Надо все сделать, чтобы Родзянке и всем членам казалось, что это новое и важное дело», «Чем-нибудь надо их помазать, что-нибудь сказать». В этом же духе высказывался государственный контролер П. А. Харитонов: «Какой-нибудь флаг надо выкинуть»*. Совет министров разработал собственный контрпроект, который превращал Особое Совещание в обычное межведомственное учреждение. В ответ думцы заявили, что в этом случае они выйдут из его состава. Николай II уполномочил Сухомлинова сообщить министрам, что он «вполне сочувствует» проекту. И большинство министров вынуждено было заявить, что более «не считают себя вправе» настаивать на поправках. Таким образом, они вынуждены были признать создание коллегиального органа нового типа – с большими полномочиями, в какой-то мере стоящего вне ведомств и даже как бы над министерствами, с участием Думы и общественности. На заседании Совета министров 2 июня проект был одобрен, и 7 июня 1915 г. император утвердил «Положение об Особом Совещании для объединения мероприятий по обеспечению действующей армии предметами боевого и материального снабжения».

Высочайше утвержденное «Положение» в отношении целей и средств нового учреждения в основном повторяло формулировки «предварительного» проекта. Особый упор был сделан на характеристике правомочности Совещания, которое подчинялось непосредственно верховной власти. «Никакое правительственное место или лицо, – подчеркивалось в ст. 3, – не дает Особому совещанию предписаний и не может требовать от него отчетов. Особое совещание подвергается ответственности не иначе как по усмотрению Государя Императора». В состав Совещания, учреждавшегося под председательством военного министра, входили председатель Государственной думы и, *по высочайшему назначению*, по 4 члена Государственного совета и Государственной думы. В состав участников, «по соглашению» военного ми-

* Цит. по: *Тарновский К. Н.* Формирование государственно-монополистического капитализма в России в годы Первой мировой войны (на примере металлургической промышленности). М., 1958. С. 44.

нистра с главами ведомств, входили представители министерств – морского, финансов, путей сообщения, торговли и промышленности, а также государственного контроля. Военное ведомство было представлено участниками по назначению военного министра. Кроме того, председатель Сопения мог приглашать на заседания лиц, участие которых ему представлялось полезным. Ему предоставлялось право требовать от всех правительственных учреждений содействия в выполнении задач, возложенных на Сопение, привлекать к работе на оборону частные предприятия и фирмы, требовать первоочередного исполнения военных заказов – вплоть до реквизиции оборудования и секвестра предприятий. Исключение представляли частные заводы, выполнявшие оборонные заказы по нарядам министерств – морского, путей сообщения, торговли и промышленности, а также Главного управления землеустройства и земледелия. Очередность выполнения заказов этими предприятиями устанавливалась соглашением председателя Сопения с главами соответствующих ведомств. Вопреки сопротивлению предпринимателей, было принято положение, что при выдаче авансов, кредитов, ссуд из казенных средств в состав правлений частных обществ назначались представители от Министерства финансов для наблюдения за работой предприятий и правильным расходованием средств. В дальнейшем промышленники неоднократно, но безуспешно пытались оспорить этот пункт «Положения», упирая на то, что он ограничивает их коммерческую самостоятельность. Итоговые решения Сопения принимались его председателем и сообщались «подлежащим военным и гражданским властям для безотлагательного исполнения». В случаях возникновения разногласий с ведомствами по вопросам, входящим в круг их полномочий в отношении заготовки предметов снабжения армии, военному министру предоставлялось право отстаивать свою позицию в ходе всеподданнейших докладов. В случаях разногласий военного и морского ведомств оба министра решали эти вопросы на совместных приемах у императора.

В целом «майское» Особое Сопение еще продолжало нащупывать пути и методы организации снабжения армии. В связи с тем, что союзники сами находились в процессе налаживания военного производства, заграничные заказы, на которые рассчитывало военное ведомство, в ближайшее время не решали проблему. Одной из первоочередных задач оставалось широкое использование внутренних ресурсов. Отметив прогрессирующие поставки вооружения и боеприпасов в Германии, участники Сопения попытались проанализировать причины столь успешного решения проблемы у противника. В докладе Сухомлинова отмечалось, что этот успех объясняется тем, что в Германии с начала войны был образован некий совет, объединивший мелких и крупных промышленников с целью привлечения их к работе на оборону под руковод-

ством опытных специалистов*. Представители банковско-промышленного капитала на это сообщение отреагировали болезненно, указав, что «наша торгово-промышленная политика в свое время препятствовала созданию предпринимательских союзов типа синдикатов и потому следовать примеру Германии сейчас затруднительно**». Выход, по их мнению, может быть найден только в создании промышленных объединений на принципе кооперации во главе с крупными предприятиями и предоставлении им благоприятных условий в обеспечении металлами, топливом, рабочей силой. Участники Совещания при этом проявили и определенную прозорливость, считая, что сроки исполнения военных заказов целесообразно было бы продлить по край-

* Речь шла о Военном комитете германской индустрии (*Der Kriegsausschusses der deutschen Industrie*), образовавшемся в самом начале войны в результате слияния двух крупнейших организаций промышленной буржуазии Германии – «Союза германских промышленников», объединявшего представителей обрабатывающей промышленности, и «Союза промышленников Германии», объединявшего представителей тяжелой индустрии. Военный комитет занимался распределением заказов, играя роль посредника между военными ведомствами и промышленными предприятиями, а также представлял перед правительственными органами интересы промышленников при решении вопросов об обеспечении предприятий рабочей силой, материалами, топливом, собирал сведения об их производственных возможностях и т. д. [См.: *Хмельницкая Е. М.* Военная экономика Германии (1914–1918). М.; Л., 1929; *Ларин Ю.* Государственный капитализм военного времени в Германии. М., 1928].

** Действительно, правительственная политика в отношении предпринимательских объединений в предвоенной России была весьма противоречива. С одной стороны, формально промышленные монополии признавались вредными, так как правительство опасалось, что они могут привести к сокращению производства с целью повышения цен. И эти опасения имели реальную почву, что находило отражение, в частности, в протестах потребителей против синдикатов «Продамета», «Продуголь», «Кровля» и т. д. Сенаторские ревизии 1908–1912 гг. выявили неоднократные злоупотребления монополий. С другой стороны, промышленный кризис и депрессия начала XX в. заставили некоторые ведомства взглянуть на предпринимательские объединения как на полезные регуляторы производства. На протяжении всего предвоенного пятилетия внутри правящих кругов шла борьба между сторонниками и противниками промышленных монополий. В 1913 г. Министерство торговли и промышленности представило проект «Правил о синдикатах и трестах», которые признавались экономически неизбежными и даже в некотором отношении полезными. Но при этом оно настаивало на таком порядке их регистрации, который предполагал жесткую регламентацию и контроль со стороны государства за их деятельностью. Закон так и не был принят. Однако в годы войны обстоятельства заставили некоторые ведомства, несмотря на сохранявшееся предубеждение против монополистических предпринимательских объединений, использовать их производственный потенциал и учетно-регистрационный аппарат. (См.: Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984. С. 435–442; *Крутина Т. Д.* К вопросу о взаимоотношениях царизма и монополий в России // Исторические записки. Т. 57. 1956. С. 144–176.)

ней мере до июня 1916 г. Это не только дало бы возможность развернуться частной промышленности, но и даже в случае завершения войны к этому сроку создать «такое положение, что к моменту или во время ведения мирных переговоров – перед врагами, равно как и перед союзниками, стояла бы грозная, снабженная всем необходимым Русская армия, и вместе с тем этим же было бы достигнуто скорейшее пополнение запасов боевого снабжения, израсходованных за время текущей войны»^{*}. В этом отношении были предприняты и практические меры, основанием для которых послужил опыт Англии, Франции и Германии, с самых первых месяцев войны широко использовавших принцип производственной кооперации заводов. Помимо уже упоминавшейся организации генерала Ванкова, были выданы заказ и ссуда обществам Путиловского и Русско-Балтийского заводов на изготовление 3 млн шрапнельных гранат – также в кооперации с рядом других предприятий холдинга Русско-Азиатского банка, под руководством правления Путиловского завода и при техническом содействии французской фирмы Шнейдер-Крезо («Гранатный Комитет»). Русское общество артиллерийских заводов, начавшее при участии известной английской фирмы Виккерс строить орудийный завод в Царицыне, получило заказ на поставку 2,5 тыс. пушек среднего и крупного калибров, используя производственные мощности ряда предприятий, входивших в объединение Международного банка. Суммы и условия заказов привлекли внимание крупных фирм и банков. В заседаниях «майского» Совещания 23 мая – 20 июня 1915 г. принимали участие кроме четырех постоянно присутствовавших членов от промышленности (Путилова, Вышнеградского, Утина, Литвинова-Фалинского) еще ряд представителей банковско-промышленных кругов^{**}.

Все приглашенные представители бизнеса принадлежали к петроградской финансово-промышленной группировке, традиционно близкой к правительственным кругам, что вызывало недовольство и «обойденных» вниманием других предпринимательских групп, и ряда членов Совещания, настаивавших на более широком привлечении к работе на оборону частной промышленности. На заседании 23 мая председатель Государственной думы Родзянко признал, что «опыт первых десяти месяцев настоящей войны с очевидностью показывает на чрезвычайную затруднительность для Правительства своими силами добиться решительных результатов в деле снабжения армии всем необходи-

^{*} ЖОСО. Т. 1. 1915 год. С. 34–35.

^{**} К участию в заседаниях были приглашены А. А. Давидов – председатель правления Петроградского Частного Коммерческого банка, А. П. Мещерский – член совета Петроградского Международного банка и директор-распорядитель ряда предприятий холдинга Международного банка «Коломна – Сормово», Н. Е. Панафидин – член совета Петроградского Международного банка, Н. Д. Лесенко – директор Петроградского Металлического завода, член правления того же завода – К. П. Федоров, А. П. Меллер – председатель правления акционерного общества Невского судостроительного и механического завода.

мым», что заграничные заказы также не дали ощутимых результатов. Выход, по его мнению, может быть только в обращении к общественным силам, в частности к председателям губернских земских управ, которые могли бы помочь в привлечении к работе на оборону местные предприятия. На следующем заседании он предложил также использовать с этой целью предпринимательские объединения – постоянные советы и съезды представителей промышленности и торговли, биржевые комитеты и т. п. Для контактов с ними было предложено содействовать образованию особых посреднических организаций и с этой целью предупредить МВД, чтобы местные власти не препятствовали их возникновению и оказывали им необходимую помощь*. Сухомлинов согласился с предложениями Родзянко, поддержанными членами Совещания, и 27 мая обратился с циркулярным письмом к губернским и уездным управам, предложив провести анкетный опрос всех местных владельцев заводов, фабрик, мастерских на предмет выявления их возможностей к работе на оборону – самостоятельно или в кооперации с другими предприятиями, или путем передачи станков и оборудования заводам, которые в них нуждаются.

Новая фаза в деятельности Особого Совещания наступила после отставки 12 июня 1915 г. Сухомлинова, во многом обусловленной неудачами военного ведомства и жесткой критикой его Ставкой, думскими кругами и общественностью. На пост военного министра был назначен генерал от инфантерии А. А. Поливанов (12.06. 1915 г. – 11.03. 1916 г.), пользовавшийся расположением главковерха и думцев. Особая распорядительная комиссия по артиллерийской части была упразднена. ГАУ возглавил генерал-лейтенант Маниковский, сменивший Кузьмина-Караваева. Была создана специальная Верховная комиссия под председательством члена Госсовета генерал-инженера Н. П. Петрова для расследования причин провала снабжения русской армии, итоги которого были подведены во всеподданнейшем докладе в марте 1916 г.** Материалы комиссии не только вскрыли объективные и субъективные причины провалов в деятельности Военного ведомства и лично военного министра, но в какой-то мере послужили и ориентирами для правительственной политики в военные годы, прежде всего в плане строительства новых казенных заводов с целью расширения государственной базы военной промышленности. Но пока в поисках выхода из кризисной ситуации со снабжением армии и постепенного нарастания трудностей в ряде ведущих отраслей экономики власть вынуждена была искать компромисса и сотрудничества с обществом, и в частности с более широкими предпринимательскими кругами.

* ЖОСО. Т. 1. 1915 год. С. 45–47, 48–49, 56.

** РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 7. Л. 162–233.

2. Формирование системы Особых совещаний

С началом войны в предпринимательской среде возникает ряд новых общественных организаций, также претендовавших на оборонные заказы. Еще осенью 1914 г., на волне патриотического подъема, возникли различные общества и комитеты, заявившие о содействии властям в помощи больным и раненым воинам. По инициативе Московской губернской земской управы 30 июля 1914 г. съезд представителей земств принял решение о создании Всероссийского земского союза (ВЗС), к которому примкнуло 41 губернское земство. К концу 1916 г. число учреждений союза составило более 7,7 тыс. Почти одновременно, 8–9 августа, состоялся Всероссийский съезд городских голов, созванный по инициативе московской городской управы и положивший начало формированию Всероссийского союза городов (ВСГ). К сентябрю 1917 г. в него входило 630 городов ($\frac{3}{4}$ общего их количества). Постепенно цели и задачи этих организаций, ограничивавшиеся первоначально сбором средств на благотворительные акции, организацию госпиталей, санитарных поездов и т. п., ширились, и вскоре они заявили о своем намерении принять участие в работе на оборону. При Главных комитетах этих союзов были созданы специальные структуры – Отдел по снабжению армии при ВЗС и Военно-технический отдел ВСГ. Состоявшиеся 5–10 июля 1915 г. съезды этих союзов решили объединить свои усилия по получению и распределению военных заказов и закупках необходимых материалов. Был образован Главный по снабжению армии комитет Всероссийских Земского и Городского союзов (Земгор), на который были возложены координирующие функции по сношению союзных структур с правительством, военным ведомством и другими официальными учреждениями и лицами. Он должен был ведать приемом военных заказов и их распределением среди своих местных фабрично-заводских комитетов, сдачей готовой продукции и «испрашиванием» необходимых авансов и кредитов. В состав Главного комитета вошли: от ВЗС – кн. Г. Е. Львов (главноуправляющий), И. С. Лопухин, Д. М. Щепкин, С. М. Леонтьев и Н. Н. Ковалевский; от ВСГ – М. В. Челноков (главноуправляющий), Н. В. Некрасов, Н. А. Артемьев, А. Г. Хрущев и М. И. Терещенко (позднее в него входили также В. А. Маклаков, барон В. В. Меллер-Закомельский, А. А. Эйлер и Н. И. Астров). Почти все перечисленные лица были известны как общественно-политические деятели в основном кадетской или октябристской ориентации, что со временем придало деятельности этих организаций политическую окраску*.

Наконец, по инициативе IX съезда представителей промышленности и торговли, состоявшегося 25–27 июля 1915 г., была создана еще одна общественная организация всероссийского масштаба – Центральный Военно-Промышленный Комитет (ЦВПК) с сетью районных организаций, прототи-

* Шевырин В. М. Власть и общественные организации в России (1914–1917). М., 2003. С. 34–39, 65–72.

пом которого, видимо, был германский Военный комитет. Посетивший фронт известный московский предприниматель, член Государственного совета по выборам от промышленности П. П. Рябушинский, пораженный тяжелым состоянием войск, в своем выступлении на съезде призвал «братьев по классу» мобилизовать частную промышленность для эффективной помощи армии. Эту организацию, в которую вошли и представители рабочих от заводов, работавших на оборону, первоначально возглавил Н. С. Авдаков, председатель Совета съездов представителей промышленности и торговли, член Государственного совета по выбору от промышленности, а затем, после его кончины, с ноября 1915 г. этот пост занял А. И. Гучков, крупный московский предприниматель и известный политический деятель, также к тому времени ставший членом Государственного совета*. В Центральный комитет избранными оказались руководители Советов съездов горнопромышленников Юга России Н. Ф. фон Дитмар, Урала – Н. Н. Кутлер, Польши – В. В. Жуковский, нефтяной промышленности Э. Л. Нобель, синдиката «Продамета» П. А. Тикстон, представители ряда банков. Эта организация была создана как бы в противовес петроградской банковско-промышленной группе. Лидирующие позиции в ней заняла московская буржуазия. Наиболее крупной районной организацией стал Московский областной военно-промышленный комитет (МОВПК) во главе с П. П. Рябушинским и А. И. Коноваловым, который распространял свою деятельность на полтора десятка центральных губерний Европейской России, сосредоточив около половины всех военных заказов, выпавших на долю ЦВПК. Всего же к концу 1915 г. были созданы 32 областных и 221 местный комитет. Половину полученных заказов ЦВПК размещал сам, другую половину распределяли его местные организации.

С назначением Поливанова военным министром изменилось отношение Особого совещания по усилению снабжения армии к своей торгово-промышленной «фракции», которую до этого фактически представляла лишь банковско-промышленная группа. Уже на заседании 20 июня 1915 г. состав ее был ограничен четырьмя назначенными членами (Путилов, Вышнеградский, Утин, Литвинов-Фалинский), число приглашенных было сокращено до двух, причем это были представители от Совета съездов промышленности и торговли – В. В. Жуковский и барон Г. Х. Майдель (соответственно товарищ председателя Совета и делопроизводитель съездов, которые в этом же качестве являлись и членами ЦВПК). С 24 июня оба они уже формально числились как представители ЦВПК. От МОВПК в состав Совещания вошел Коновалов. Накануне, 19 июня 1915 г., Николай II утвердил членами Особого совещания от Государственного совета бывшего министра торговли и промышленности В. И. Тимирязева, тесно связанного с промышленными кругами (член совета Русского для внешней торговли банка, директор правлений ряда акционерных обществ, председатель Совета съездов представителей бирже-

* Шевырин В. М. Власть и общественные организации в России. С. 61–64.

вой торговли и сельского хозяйства); Н. С. Авдакова – председателя Совета съездов представителей промышленности и торговли и ЦВПК, директора и члена правлений ряда акционерных обществ; Ф. А. Иванова – члена Совета съездов горнопромышленников Урала, члена совета Сибирского торгового банка, директора-распорядителя и члена правлений ряда уральских горных заводов, и Г. А. Крестовникова – крупного московского предпринимателя. Все они были членами Государственного совета по выборам от промышленности. С 1 июля 1915 г. заболевшего Крестовникова заменил также недавно вышедший в отставку министр торговли и промышленности С. И. Тимашев, член Госсовета по назначению. Таким образом, состав предпринимательской группы, формально несколько сократившийся численно, фактически расширился за счет привлечения в Совещание более широкого круга лиц, так или иначе причастных к крупному бизнесу.

Тем не менее и созданный орган не отвечал в полной мере интересам и требованиям ни некоторых групп правящих кругов, ни широких слоев буржуазии. Еще во время переговоров о его формировании, по мере возникновения различных общественных организаций, обсуждались довольно радикальные проекты создания военно-регулирующего учреждения с самыми широкими полномочиями и с привлечением более широких предпринимательских групп и общественности. После создания Совещания поводом для того, чтобы вернуться к вопросу о характере этого учреждения послужила необходимость провести «Положение» о нем, утвержденное императором по 87 статье Основных законов, и через законодательные палаты. В Думе, созванной 19 июля 1915 г. после вынужденного перерыва, разгорелись бурные дискуссии. Фракция прогрессистов предложила проект создания вместо действующего Совещания Комитета государственной обороны из министров, ведавших вопросами снабжения фронта и тыла, а также представителей обеих законодательных палат, земского и городского союзов, военно-промышленных комитетов, обладающего всей полнотой распорядительной и исполнительной власти. Кадеты предложили реорганизовать Особое совещание по образцу английского Министерства снабжения. Не вступая в конфликт с властью, они предложили создать Главное управление по снабжению армии во главе с главноуправляющим, который бы входил в состав Совета министров, а при Госсовете и Думе – постоянно действующие «осведомительно-контролирующие комиссии». Правые требовали фактически установления военной диктатуры и были категорически против включения в какие-либо регулирующие органы представителей буржуазии. Свой проект представило и военное ведомство. Главным отличием его от действующего «Положения» было стремление значительно расширить сферу деятельности функционирующего учреждения, что нашло отражение в его очередном переименовании – Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Предполагалось включить в его компетенцию все отрасли народного хозяйства, имеющие военное значение – военное производство, перевозки, топливное и продоволь-

ственное дело^{*}. Дума приняла компромиссный вариант, который был одобрен Государственным советом и 17 августа 1915 г. подписан императором.

Новое «Положение» подтверждало чрезвычайный статус Особого совещания по обороне (так теперь для краткости именовалось реорганизованное учреждение) как «высшего государственного установления», подчиненного непосредственно верховной власти. Правда, этой же статьей предусматривалось, что военный министр, как его председатель, обязан сообщать Государственному совету и Государственной думе сведения и разъяснения в порядке, предусмотренном законодательством. Но отчет о деятельности Совещания и предпринятых им мерах мог быть представлен палатам лишь по окончании войны. Более четко была очерчена сфера деятельности и правовой статус реорганизуемого органа и его председателя, в основном совпадавшие с компетенцией его предшественника. К предметам его ведения были отнесены: высший надзор за деятельностью всех казенных и частных предприятий, изготовляющих предметы боевого и прочего материального снабжения армии и флота; содействие образованию новых заводов и расширение действующих; распределение военных заказов между русскими и иностранными заводами и фирмами и осуществление общего надзора за их исполнением. В сферу ведения Совещания помимо распределения заказов и организации военного производства входило также принятие мер – изложенных, правда, в достаточно расплывчатых формулировках – по предоставлению преимуществ при перевозке военных грузов, согласование этих вопросов с главами соответствующих ведомств, обеспечение рабочих оборонных заводов продовольствием и установление размера заработной платы на этих предприятиях. Денежные средства, необходимые для выполнения всех этих мер, должны были отпускаться Советом министров, а в безотлагательных случаях, в виде авансов, Министерством финансов.

Состав Особого Совещания по обороне пополнялся, помимо назначенных от ведомств членов, представителями от Государственного совета и Государственной думы (по 10 членов – во главе с председателями палат и по три заместителя на случай отсутствия или болезни основных членов), а также четырьмя представителями от ЦВПК и по одному от ВЗС и ВСГ. Весьма важным новшеством было то, что в «Положении» специально оговаривалась *выборность* членов от обеих законодательных палат и общественных организаций, предоставлявшая им большую самостоятельность. Причем полномочия думских депутатов сохранялись и в случае досрочного роспуска Думы. Но повестки заседаний и все рассматривавшиеся на них вопросы, а главное – итоговые решения, как и ранее, определялись и принимались исключительно военным министром как председателем Совещания. Он же принимал решение об образовании рабочих комиссий, и если их члены избирались Совещанием, то председатели назначались министром. Структура Особого Совещания, как

^{*} Крутина Т. Д. Указ. соч. С. 70–74.

и предлагали его участники, дополнялась районными совещаниями во главе с уполномоченными председателя, в состав которых должны были входить представители местных организаций земского и городского союзов и военно-промышленных комитетов.

В целом Особое совещание по обороне представляло собой компромиссный вариант реализации правительственных и общественных проектов. С одной стороны, в нем усиливалось и расширялось представительство законодательных палат, а также отчасти предпринимательских кругов и «общественности», получавших доступ к обсуждению мер по милитаризации экономики, к распределению военных заказов. Оппозиционные и просто недовольные политикой правительства группировки формально получали некоторую возможность как-то влиять на решения оборонных проблем, на определение курса правительственной политики. С другой стороны, власть приложила все усилия, чтобы не упустить руль государственного управления в столь важной сфере жизни страны. Новое «Положение», подтвердив чрезвычайный статус Особого совещания по обороне и несколько расширив его полномочия, сохранило решающие позиции за монархом и представителями государства.

Главной задачей реорганизованного Совещания по-прежнему оставалось обеспечение неотложных военных нужд. Однако, как показал уже опыт его предшественников, перед военным ведомством неизбежно и все в более острой форме всплывали вопросы организации транспорта, снабжения предприятий материалами и топливом, рабочей силой, продовольственные проблемы. Обнаружилась и полная неясность с их решением. В ходе обсуждения и принятия проектов «Положения» об Особом совещании по обороне решено было также создать специальные Особые совещания по продовольственному делу, топливу, перевозкам во главе с соответствующими министрами. В их состав включались по 7 членов законодательных палат и, по приглашению председателей, представители предпринимательских и общественных организаций. Все Совещания получали право иметь собственный аппарат и сеть местных комитетов и отделений*. По закону все они являлись «высшими установлениями» в своей сфере. Однако Особое совещание по обороне занимало среди них особое место. Все решения председателей ведомственных Совещаний должны были представляться военному министру, который имел право приостанавливать их исполнение, выносить проблемные вопросы на совместное обсуждение, вмешиваясь и контролируя деятельность всех учреждений. В случае непреодолимых разногласий вопросы выносились на разрешение Совета министров.

Казалось бы, сложная система регулирования экономики теперь должна была формироваться и функционировать на принципах координации усилий всех органов по ее милитаризации и одновременно ведомственного размежевания. Однако уже на стадии принятия проектов обнаружили нестыковки

* Особые совещания и комитеты военного времени. Свод законов. Пг., 1917.

и вопиющие противоречия между различными совещаниями и ведомствами. Так, формально председатель Особого совещания по продовольствию получал широкие права как по заготовке продовольствия и фуража для армии, производя закупки «всеми способами и без ограничения в средствах», так и вообще в отношении регулирования торговли и цен. Фактически такие же полномочия получал и председатель Особого совещания по обороне, которому предоставлялось право давать указания командующим военным округов по принятию мер в отношении запрета вывоза из одной местности в другие скота, продовольственных и фуражных запасов и т. п., а также по установлению и изменению в пределах округов цен на покупку продовольственных и фуражных припасов. Таким образом, сохранялась уже показавшая свою непригодность практика заготовок для армии, входившая в противоречия с общими вопросами обеспечения продовольствием не только фронта, но и населения. В дальнейшем, как мы увидим, эта противоречивая система постоянно давала сбои. Законом 10 октября 1916 г. все дело заготовок продовольствия и для армии, и для населения было возложено на министра земледелия как председателя Особого совещания по продовольствию. В связи с этим был расширен состав комитетов и комиссий Совещания, произведена реорганизация его местных органов с целью усиления заготовительной работы земств и других общественных организаций. К концу года положение с продовольствием ухудшилось настолько, что правительство вынуждено было при осуществлении заготовок прибегнуть к принудительной разверстке поставок продовольствия по правительственным нарядам по губерниям, уездам и селениям. Все эти меры оказались неэффективными, приведя к катастрофическим для армии и страны последствиям.

Особое совещание по топливу также получало исключительные права по распределению жидкого и твердого минерального топлива между потребителями, установлению «предельных цен» на все виды топлива, а также возможность вмешиваться в деятельность частных предприятий вплоть до устранения членов правлений и директоров, налагать секвестр, назначать реквизицию топлива и оборудования, односторонне изменять условия заключенных договоров и т. п. Тем не менее, несмотря на данные ему широкие полномочия, оно фактически не вышло в своей деятельности из приемов распределения топлива при помощи и посредством использования предпринимательских организаций (Советы съездов горнопромышленников Урала и Юга России, объединение нефтепромышленников и т. п.) и почти не касалось производственных условий добычи угля и нефти. Все усилия этого Совещания не выходили из круга разрешительных и очередных перевозок топлива при сохранении системы свободных торговых сделок с ним, что открывало широкое поле для спекуляции вагонами, перепродажи угля и нефти и т. п.

И наконец, Особое совещание по перевозкам ограничивало свою деятельность, как и другие Совещания, текущими мероприятиями по регулированию и установлению очередности перевозок, лишь отчасти выполняя функции

по усилению пропускной способности железных дорог, снабжению их подвижным составом. Оно пыталось также регулировать использование речного флота, но фактически не имело никаких общих планов коренного улучшения работы транспорта, постоянно сталкиваясь в своей деятельности с мероприятиями других учреждений.

Результаты этих нововведений, как мы увидим, в полной мере обнаружались позднее. А пока по поводу отъезда царя в Ставку в связи с принятием им на себя должности верховного главнокомандующего и открытием новых регулирующих органов готовилось торжественное заседание. Состоялось оно 22 августа 1915 г. в Белом зале Зимнего дворца. Приглашено было более 100 участников – министров, членов Особых совещаний, представителей обеих палат и общественных организаций. Император выступил с краткой речью, подготовленной для него Поливановым. По замыслу Николая II, как свидетельствовал позднее военный министр, это заседание должно было показать стране, что император, принимая на себя звание верховного главнокомандующего, будет руководить и армией, и тылом, осуществляя нарушенную связь между ними^{*}. Этот акт должен был подчеркнуть значение монархического института в жизни страны и в деятельности новых военно-регулирующих органов. Сам Поливанов в своем выступлении отметил их первостепенную задачу, которая заключалась в том, чтобы путем сотрудничества власти и общественности «довести до крайнего напряжения производительные силы страны» для снабжения армии всем необходимым. Родзянко предложил императору призвать к работе по укреплению армии «весь верный вам русский народ»^{**}. Таким образом, создание системы Особых совещаний, появившихся в обстановке нарастания военно-экономического и политического кризиса, помимо основной задачи – переломить тяжелую ситуацию со снабжением армии, имело целью (для правящего режима), всемерное использование экономического потенциала страны и достижения хотя бы временного компромисса с «общественностью», но под жестким контролем властных структур; для предпринимательских и оппозиционных кругов – использование военной конъюнктуры в целях усиления своего экономического и политического влияния в государственных органах. В частности, противоборство этих тенденций и интересов вскоре обнаружилось в постепенном нарастании оппозиционных настроений в обеих законодательных палатах и общественных организациях, что привело к очередному роспуску 3 сентября 1915 г. Государственной думы и постепенному ограничению деятельности общественных организаций, в том числе и уже привлеченных к работе на оборону.

^{*} *Поливанов А. А.* Из дневников и воспоминаний военного министра и его помощника... Т. 1. М., 1924. С. 225.

^{**} РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 53. Л. 2–10.

3. Особое совещание по обороне государства: состав, организационная структура, основные направления деятельности

В своем обновленном составе Особое совещание по обороне формально представляло собой коллегиальный, наминавший, по крайней мере внешне, «коалиционный» орган, с расширенным представительством от обеих законодательных палат, деловых кругов и общественных организаций – ЦВПК, Всероссийских Земского и Городского союзов. Среди представителей Госсовета и Думы, насчитывавших вместе с запасными членами 26 человек, подавляющее большинство составляли члены действующих при палатах комиссий по военным и морским делам*. Среди них не было настоящих военных специалистов, что постоянно служило предметом язвительной критики их компетенции «военспецами». Но тем не менее все они имели опыт государственной службы, участвовали в обсуждении и принятии военных бюджетов и так или иначе были в курсе оборонных проблем. При этом, как ни странно, Госсовет представляли в основном члены по выборам – от земств, от дворянских обществ, от промышленности и торговли. «Назначенцев» среди них (назначенных к присутствию императором) насчитывалось менее половины – всего 5 человек (Куломзин, Тимашев, Стишинский, Трепов, граф Толь – известные бюрократические «зубры»). По политической ориентации преобладали представители правых и правого центра – 8–9 человек. Среди думцев представительство фракций было более равномерным – 4 земца-октябриста, 3 кадета, прогрессист, по два националиста, центриста и правых, что, видимо, отражало фракционный состав думской комиссии по военным и морским делам. Представительский корпус палат пополнялся и за счет мест, выделенных общественным организациям, среди представителей которых также были члены Госсовета и Думы. Несмотря на различную фракционную принадлежность, более половины думцев и даже часть членов Госсовета входили в оппозиционный «Прогрессивный блок», главными требованиями которого были создание правительства, облеченного «доверием» народа, и сотрудничество власти с общественностью. Та же ситуация складывалась

* Члены Госсовета: А. Н. Куломзин (председатель, с 7 января 1917 г. – И. Г. Щегловитов), С. И. Тимашев, В. И. Тимирязев, А. С. Стишинский, А. Ф. Трепов (с октября 1915 г. – министр путей сообщения, с ноября 1916 г. – премьер-министр), В. И. Гурко, М. А. Стахович, Г. А. Лошкарев, А. И. Мосолов, Ф. А. Иванов, гр. С. А. Толь, С. Ф. Ольденбург, И. А. Шебеко, кн. А. Н. Лобанов-Ростовский (с 27 февраля 1916 г.), В. И. Карпов (с 17 августа 1916 г.). Члены Государственной думы: М. В. Родзянко (председатель), И. И. Дмитрюков, А. А. Добровольский, И. Н. Ефремов, Н. Е. Марков, Н. В. Савич, Д. Н. Сверчков, Д. Н. Чихачев, А. И. Шингарев, В. В. Шульгин, М. С. Аджемов, П. Н. Крупенский, Н. Н. Опочинин, с 1916 г. – П. Н. Милюков, Б. А. Энгельгардт, Н. Н. Львов, В. А. Степанов (с 27.05 по 4.07. 1917 г. – председатель Особого совещания по топливу).

и в группе «общественников». Среди постоянных членов Совещания она была представлена: от ЦВПК Гучковым, ставшим к тому времени и членом Госсовета, депутатом Государственной думы Коноваловым; от ВЗС попеременно присутствовали на заседаниях кн. Г. Е. Львов, член Госсовета барон В. В. Меллер-Закомельский, депутат Думы В. А. Маклаков; от ВГС – «думцы» М. В. Челноков и Н. В. Некрасов. Все они были видными общественно-политическими деятелями с далеко не всегда лояльными к правительству взглядами. Это обстоятельство со временем не могло не отразиться на взаимоотношениях властных структур и органа, претендовавшего на особую роль в системе военно-государственного регулирования, а также на углублении розни между его членами, что, с одной стороны, еще более способствовало укреплению принципа единоначалия военного министра в Совещании, а с другой – вносило элементы бесплодных дискуссий в работу последнего.

Вместе с тем заметно укрепили свои позиции и ведомства. Из 17 ведомственных представителей более половины (9 человек) были «назначенцами» от военного министерства; министерства морское, финансов, торговли и промышленности, путей сообщения имели по 2–3 представителя, государственный контроль – одного. С весны 1916 г. значительно расширилась практика участия в заседаниях «особо приглашенных» председателем лиц. В эту категорию теперь вошли и представители военного ведомства – как правило, начальники управлений и руководители комитетов. Постоянными членами Совещания от ведомства стали лишь помощники военного министра, начальник канцелярии и управляющий делопроизводством. Среди приглашенных лиц часто мелькала фамилия известного правоведа государственного секретаря С. Е. Крыжановского, практически на всех заседаниях присутствовали крупный предприниматель, член Совета съездов горнопромышленников Юга России и член Госсовета барон Н. Ф. фон Дитмар, В. П. Литвинов-Фалинский, П. П. Рябушинский, товарищи председателя ЦВПК барон Г. Х. Майдель и В. В. Жуковский (скончался 30 августа 1916 г., его заменил известный сахарозаводчик М. И. Терещенко), член Совета съездов представителей металлообрабатывающей промышленности Н. Е. Панафидин.

Анализ состава участников заседаний показывает, что предпринимательские круги сохранили в них довольно заметное присутствие. Причем их состав и после того, как из постоянных членов совещания оказались вытесненными представители петроградской банковско-промышленной группировки, фактически свидетельствовал о продолжавшемся засилье в нем крупного капитала. И хотя в количественном отношении предприниматели несколько уступали представительству ведомственных структур, вместе с рядом членов законодательных палат и «общественниками», фактически лоббировавшими интересы бизнеса, они в какой-то мере оказывали влияние на решения председателя. Политически «ненадежное» думское представительство во главе с Родзянко, отличавшееся особой активностью октябристов и кадетов, оказалось уравновешено членами Госсовета, среди которых оказались весьма влиятельные сановники правой и умеренно-правой ориентации. Но каков бы ни

был в нем баланс различных социально-политических групп, оно и формально, и практически сохраняло лишь совещательный характер при военном министре. Правда, Поливанов прислушивался к мнению членов возглавляемого им учреждения. В частности, заняв министерский пост, он даже предложил Родзянке дать оценку деятельности Совещания и эффективности работы казенных и особенно привлеченных к выполнению военных заказов частных предприятий. Председатель Думы, не скупившийся на критику ведомств, оправдывал свою позицию обязанностью вскрывать недостатки в силу прав, предоставленных ему монархом. Да и критики правительства, которое обвинялось во всех неудачах на фронте и неурядицах в тылу, дружно провозглашали «ура» и здравицы монарху по каждому приличествующему поводу. Более того, из состава Совещания пополнялся министерский корпус: А. Д. Протопопов в сентябре 1916 г. был назначен министром внутренних дел, А. Ф. Трепов в октябре 1915 г. возглавил МПС, а с ноября 1916 г. – правительство.

С расширением и усложнением деятельности Совещание обрастало многочисленными комиссиями и комитетами – постоянными и временными, отраслевыми и специальными. Почти все его участники возглавляли или входили в различные его структурные или временные органы. Деятельность обновленного учреждения началась с реорганизации рабочих подразделений. Интересен принцип их комплектования. На первом же заседании, состоявшемся 26 августа 1915 г., после доклада управляющего делами о деятельности Совещания старого состава, было решено усилить его контрольно-наблюдательные функции. Вместо одной были созданы две подготовительные комиссии, которые должны были готовить материалы для заседаний: одну по вопросам, относящимся к компетенции ГАУ (ее возглавил член Госсовета С. И. Тимашев, экс-министр торговли и промышленности), другую – по вопросам общего характера, в том числе касающимся снабжения армии предметами интендантского, инженерного и санитарного довольствия (председателем ее был назначен генерал-майор профессор А. А. Саткевич, начальник Инженерной академии). Для наблюдения за выполнением выданных заказов и принятых Совещанием постановлений была создана наблюдательная (контрольная) комиссия, которую возглавил председатель Госсовета А. Н. Куломзин*.

* В подготовительную комиссию по артиллерийским вопросам вошли: от Госсовета – А. И. Мосолов, А. И. Стишинский, заместитель граф С. А. Толь; от Думы – Н. В. Савич, А. А. Добровольский, заместитель П. Н. Крупенский; от ЦВПК – А. И. Гучков и Д. С. Зернов. В комиссию по общим вопросам были избраны от Госсовета – В. И. Тимирязев, Г. А. Лошкарев, заместитель С. Ф. Ольденбург; от Думы – И. Н. Ефремов, Д. Н. Сверчков, заместитель Н. Н. Опочинин; от ЦВПК – А. И. Гучков, Д. С. Зернов. В наблюдательную комиссию от Госсовета вошли М. А. Стахович и А. Ф. Трепов, заместитель И. А. Шебеко; от Думы – Н. Е. Марков, А. И. Шингарев, заместитель И. И. Дмитрюков. В эвакуационную комиссию были избраны: от Госсовета В. И. Гурко, Ф. А. Иванов, заместитель И. А. Шебеко; от Думы – В. В. Шульгин, Д. Н. Чихачев, заместитель М. С. Аджемов. (ЖОСО. Т. 1. 1915 год. С. 225–226, 227.)

Учитывая важность проблемы эвакуации предприятий из угрожаемых районов, было решено образовать специальную эвакуационную комиссию во главе с председателем Государственной думы Родзянко. Правда, несмотря на «громкое» название, компетенция комиссии была довольно ограничена. Из всего круга проблем, связанных с эвакуацией, она должна была заниматься лишь заблаговременным выбором мест и помещений для перемещаемых заводов, а также выдачей кредитов и ссуд на восстановление производства. Комиссия должна была работать в контакте с военным командованием районов (начальниками тыла армий), которые и принимали решения об эвакуации предприятий, а также с аналогичной думской подкомиссией и совещанием при министерстве торговли и промышленности. В целом формирование комиссий прошло с учетом, как отмечал Поливанов, «представительства главных групп» участников совещания и в строгом соответствии с законом: их руководители были назначены военным министром, члены от Госсовета, Думы и ЦВПК избирались совещанием. В отношении ВЗС и ВСГ было принято решение о допуске их представителей во все комиссии, кроме контрольно-наблюдательной, – по одному от союза.

Важным этапом в оформлении организационной структуры Совещания стало создание сети местных учреждений. На заседании 9 сентября 1915 г. было решено немедленно приступить к созданию районных заводских совещаний во главе с уполномоченными военного министра. Было создано 12 местных подразделений, сформированных вокруг крупных промышленных и административных центров и фактически охвативших все губернии Европейской России и Сибири*. Наиболее значимым из них был, конечно, Петроградский район, предприятия которого поставляли около 60 % всей военной продукции. В состав заводских совещаний вошли представители районных военно-промышленных комитетов, местных земских и городских самоуправлений, отделений различных предпринимательских союзов и общественных организаций, представители низовых структур других, специализированных Особых совещаний, что внешне в какой-то мере повторяло структуру Особого совещания по обороне. Таким образом, лишь через 1,5 года в основных чертах завершилось организационное оформление учреждения, которое должно было стать главным военно-регулирующим органом.

Что можно отнести к более или менее успешным достижениям Совещания по мобилизации экономики и обеспечению войск вооружением и боеприпа-

* «Положение» предусматривало создание следующих районов заводских совещаний: Петроградский – 5 губерний, Ревельский – 2 губернии, Московский – 12 губерний, Киевский – 6 губерний, Харьковский – 3 губернии, Екатеринославский – 4 губернии, Ростовский-на-Дону – 1 губерния, Одесский (с января 1916 г.) – 3 губернии, Нижегородский – 6 губерний, Уральский – 5 губерний и 2 области, Сибирский – вся Сибирь, включая полосу отчуждения Китайско-Восточной железной дороги, Кавказский – 7 губерний и 5 областей. (См.: ЖОСО. Т. 1. 1915 год. С. 263, 265, 547–548.)

сами? Наиболее показательным в этом плане был 1916 г. К концу года, по данным заводских совещаний, количество привлеченных к работе на оборону предприятий составляло около 4,7 тыс. с числом рабочих на них более 2,4 млн человек. Эти данные, видимо, несколько занижены, так как не учтены предприятия, вывезенные из районов военных действий. Только из Польши и Рижского района, по данным, приведенным А. Л. Сидоровым, было эвакуировано во внутренние губернии около 630 предприятий, в том числе такие крупные машиностроительные, механические и электротехнические заводы, как Феникс, Беккер, Фельзер и К°, Русско-Балтийский судостроительный, Русско-Балтийский вагонный, предприятия Всеобщей компании электричества и др.* Далекое не все из них по своему профилю могли быть привлечены к выполнению военных заказов. Большая их часть так и не была восстановлена, оборудование и станки в лучшем случае были реквизированы (при Совещании функционировала специальная реквизиционная комиссия) и переданы действующим заводам, значительная часть просто затерялась в дороге. Эвакуационная комиссия организовала ряд рейдов по проверке состояния вывезенных предприятий, предоставив наиболее важным из них достаточно крупные ссуды на льготных условиях. ЦВПК и Московский военно-промышленный комитет создали собственный справочный эвакуационный отдел, занимавшийся выявлением вывезенных грузов. Но распределение найденного промышленного оборудования было в компетенции московского заводского совещания. Всего же, по данным ЦВПК, на март 1916 г. имелись сведения о 443 эвакуированных предприятиях, из которых работало всего 70, в стадии восстановления находились 112**.

После февраля 1917 г. численность действующих предприятий заметно сокращается. Перепись 1918 г. показала, что из 5912 всех зарегистрированных к этому времени функционирующих предприятий 3200 (т. е. более 54 %) выполняли военные заказы, причем из всех работавших в 1914–1918 гг. на оборону фабрик и заводов (4290) более трети (1090) числились уже бездействовавшими. По тем же данным, на военные нужды, без учета производства 56 казенных заводов, уходило более 70 % всей промышленной продукции, на частный рынок – около 30 %, что в конечном итоге способствовало разбалансированию экономической жизни страны и являлось оборотной стороной процесса милитаризации промышленности***.

* Сидоров А. Л. Экономическое положение России. С. 217, 223.

** Там же. С. 226, 238.

*** Россия в мировой войне 1914–1918 года. М., 1925. С. 65, 70. Наибольшее число действовавших к моменту переписи предприятий зафиксировано в Москве и губернии (695 с 314,3 тыс. рабочих), в Петрограде и губернии (285 со 113,2 тыс. рабочих) и Нижегородской губернии (290 с 49,9 тыс. рабочих).

В казенном секторе Особому совещанию в какой-то мере удалось консолидировать усилия военного, морского и горного ведомств по обеспечению армии и флота вооружением и боеприпасами, прежде всего в изготовлении снарядов и артиллерии. Ход военных действий, принявших с весны 1916 г. в основном позиционный характер, привел фактически к утрате остроты прежнего противостояния между военным и морским министерствами. Уже в начале войны производственный потенциал предприятий, выполнявший заказы Морского министерства, в значительной мере (более половины) использовался для нужд армии. Во всеподданнейшем докладе морского министра за 1915 г. отмечалось, что «в целях оказания наиболее широкого содействия армии в деле боевого ее снабжения морское ведомство... подвергло тщательному соображению вопрос о порядке продолжения работ по сооружению кораблей, чтобы освободить некоторые заводы от исполнения заказов по судостроению». Эти «соображения» были одобрены императором. Интенсивные работы продолжались лишь на тех кораблях, готовность которых ожидалась в течение 1915–1916 гг.*

Вообще же в результате предпринятых мер по расширению, переоборудованию и интенсификации производства всех действовавших оборонных казенных и привлеченных частных заводов удалось добиться увеличения выпуска их продукции в среднем в 2–3 раза. Военное ведомство, по согласованию со штабом главковерха, разработало подробный план снабжения армии – сначала до 1 июня 1916 г., а затем до 1 июля 1917 г., что сказалось на сроках выдаваемых заказов. Ранее они были ориентированы на осень, затем до конца 1915 г., что крайне негативно сказывалось на расширении, переоборудовании предприятий и, как результат, на запаздывании поставок. По-прежнему на одном из первых мест стоял вопрос о снабжении армии стрелковым оружием и патронами, артиллерийскими орудиями и снарядами. Если производство винтовок и пулеметов было сосредоточено исключительно на казенных заводах (их по-прежнему было только три), то изготовлением орудий в большей мере занимались частные предприятия. На три казенных предприятия (Обуховский сталелитейный, Пермский пушечный и Петроградский орудийный, больше напоминавший мастерскую) приходилась группа крупных частных, объединенных вокруг Путиловского общества (8 заводов) и Русского общества орудийных заводов (5 заводов). Всего же к октябрю 1916 г. заказы ГАУ исполняли 112 частных предприятий. Как отмечалось во всеподданнейшем докладе за этот год, военному ведомству удалось покрыть потребность армии в легких и горных орудиях и отчасти в полевых гаубицах, но винтовки, пулеметы, патроны, тяжелые орудия и снаряды к ним в значительной мере опять пришлось заказывать за границей. Критическую ситуацию с винтовками удалось частично исправить только к весне 1916 г., главным образом за

* Военная промышленность России в начале XX века. С. 547.

счет заказов и закупок в Англии, Франции, Италии, США, Канаде, Японии и даже в Аргентине. Осенью 1915 г. и в начале 1916 г. союзники поставили России свыше миллиона винтовок. В результате на вооружении в армии находились ружья 10 различных систем, что крайне затрудняло снабжение частей патронами. Казенные отечественные заводы, несмотря на все усилия по интенсификации производства, оказались не в состоянии удовлетворить запросы армии на стрелковое оружие. К весне 1916 г. удалось обеспечить винтовками фронтные части первой линии, но в запасных, учебных и тыловых подразделениях каждый десятый солдат был безоружным.

В связи с этим сохранял актуальность вопрос об использовании на нужды обороны частной промышленности, возможности которой и обновленное Совещание признало реализованными недостаточно. Новые крупные заказы на орудия и снаряды получили предприятия военно-промышленных групп Русско-Азиатского и Международного банков. Группа генерала Ванкова к концу 1916 г. объединяла уже около 300 казенных и частных предприятий, освоив производство не только 3-дм гранат, но и снарядов средних калибров. ЦВПК и Московский военно-промышленный комитет также получили крупные заказы на производство снарядов. Было учреждено Московское военно-промышленное общество, выстроившее крупный снарядный завод. Несколько позднее начал действовать снарядный завод известного предпринимателя Н. А. Второва. Им был выдан заказ на поставку 6 млн 3-дм снарядов, к исполнению которого также на принципах кооперации были привлечены крупные, средние и мелкие предприятия. Выступая в качестве посредников при распределении заказов, военно-промышленные комитеты объединили около 1300 различных предприятий – от мастерских до крупных заводов, построив кроме этого еще около 100 новых заведений. С крайним напряжением налаживалось производство новых видов вооружения – минометов, бомбометов, ручных гранат и т. п. Заказы ГАУ получали также Земский и Городской союзы, хотя основными направлениями их деятельности в большей мере стало снабжение ГВТУ и интендантства. Как отмечалось во всеподданнейшем докладе военного министра, уже к концу 1915 г. года снабжение войск снарядами выросло в четыре раза, и поставки их продолжали нарастать, что, в частности, дало возможность русской армии летом–осенью 1916 г. провести удачные наступательные операции на Юго-Западном и Кавказском фронтах.

Но интенсивное расширение снарядного производства ставило перед промышленностью новые задачи. В частности, большие проблемы вызывало изготовление достаточно сложных деталей – капсюлей, взрывателей, дистанционных трубок, требовавших особой точности в их изготовлении. Военное ведомство прилагало много усилий, чтобы расширить действующие заводы и мастерские и ускорить строительство запланированных новых казенных и частных предприятий. ГАУ пыталось помочь предпринимателям, командируя своих специалистов-техников для налаживания производства или принимая для обучения на свои предприятия служащих и рабочих частных

фирм. Практика эта, однако, не получила широкого распространения в связи с острой нехваткой квалифицированных кадров.

Весьма важным «прорывом» в организации и развитии снарядного дела стали мероприятия по налаживанию производства взрывчатых веществ и их исходных компонентов (бензол, толуол, тротил, селитра, серная и азотная кислоты и т. д.). Необходимость становления этого производства была осознана еще в предвоенные годы, но практические шаги в этом направлении были предприняты лишь после начала войны. Взрывчатые вещества вырабатывались всего на двух казенных и одном частном заводах, которые, естественно, были не в состоянии удовлетворить резко увеличивавшийся спрос. В феврале 1915 г. при ГАУ под председательством генерал-майора профессора В. Н. Ипатьева (с января 1916 г. – академик) была создана Комиссия по заготовке взрывчатых веществ, которая объединила усилия ученых и практиков, казенных и частных предприятий и фактически создала новую химическую отрасль отечественной промышленности (до войны основным поставщиком этой продукции была Германия). Уже осенью 1915 г. по заказам военного ведомства работали два казенных и десять частных предприятий, дававшие ежемесячно до 60 тыс. пудов продукции. Причем именно «частники» сыграли решающую роль в становлении этой важной отрасли промышленности. После применения немцами отравляющих газов Комиссия приступила к организации производства фосгена и хлора, а также противогазов. В апреле 1916 г. она была переименована в Химический комитет, под руководством которого к концу года работало уже 96 казенных и частных предприятий, производивших до 180 тыс. пудов основных взрывчатых веществ. Однако, несмотря на несомненные успехи, их продукция едва покрывала около половины потребностей армии*.

Большие проблемы пришлось решать ГВТУ – от несложного, казалось бы, изготовления шанцевого инструмента и колючей проволоки, поставлявшихся в значительной мере средними и мелкими заведениями, входившими в системы военно-промышленных комитетов, Земского и Городского союзов, до организации во многом новых для России производств телефонов, телеграфов, полевых раций, автомобилей и т. д. Учитывая особую значимость обеспечения армии новейшими видами техники, Совещание в заседании 4 ноября 1915 г. учредило при ГВТУ специальные комиссии по вопросам автомобилестроения, авиации и телефонно-телеграфного имущества. Были приняты и практические меры по использованию и переоборудованию действующих предприятий и строительству новых. Причем чем сложнее в техническом

* *Ипатьев В. Н.* Работа химической промышленности на оборону во время войны. Пг., 1920; *Ипатьев В. Н., Фокин Л. Ф.* Химический комитет при Главном артиллерийском управлении и его деятельность для развития отечественной химической промышленности. Ч. 1. Пг., 1921; *Урибес Э. Э.* Коксобензольная промышленность России в годы Первой мировой войны // Исторические записки. Т. 69. С. 46–72.

плане было изделие, тем большую роль в организации их производств играла частная инициатива. Еще в 1913 г. в объявленном конкурсе на строительство автомобильных предприятий приняли участие русские и иностранные фирмы, однако тогда никаких видимых сдвигов это не дало. В годы войны потребность в автомобильном транспорте стала весьма острой. Было очевидно, что без оснащения армии машинами различной модификации, тракторами, мотоциклами, самокатами не обойтись. Но решение проблемы упиралось в недостаток средств и времени. На заседании 9 декабря 1915 г. большинство участников Совещания пришло к выводу, что «изготовление автомобилей в России следует во всяком случае предпочесть субсидированию заграничных заводов, поглотивших уже значительную сумму нашего золота» и что «дальнейшее развитие заграничного производства за наш счет приведет к тому, что после войны будет утрачена всякая надежда на насаждение отечественной автомобильной промышленности». Этот вопрос рассматривался и Военным советом: было решено дать заказы и ссуды на строительство автозаводов акционерному обществу «В. А. Лебедев», обществу Русско-Балтийского вагонного завода, акционерному обществу «Аксай», Русскому акционерному обществу П. Ильина, товариществу «Кузнецов и Рябушинский», французской фирме «Русский Рено»*.

Почти все эти фирмы в той или иной степени занимались и авиастроением. До войны, как отмечалось в записке Управления воздушного флота, в России «авиационная техника... не существовала вовсе, ибо за средства таковой нельзя считать небольшой сборочной мастерской завода “Гном и Рон” в Москве (с производительностью 5–10 моторов в месяц из готовых частей) и четырех аэропланых заводов, в действительности мастерских, почти не имевших заказов, способных лишь копировать готовые образцы и оборудованных на производительность по десятку аэропланов каждый**». На вооружении армии находилось всего 263 машины, в основном иностранного производства. В мае 1914 г. военное ведомство заказало 293 самолета русским заводам и 12 – за границей. Получив заказы и ссуды на расширение и переоборудование имевшихся предприятий и строительство новых (во время войны моторы изготавливались на 9 заводах, корпуса самолетов – на 7), предприниматели смогли лишь к 1917 г. в сколько-нибудь заметных масштабах наладить авиационное производство, хотя так и не смогли избавиться от необходимости закупать заграничные детали и материалы. При Особом Совещании было создано специальное Управление по вопросам авиации и принято решение о размещении за границей только тех заказов, которые не могли быть выполнены в России. С большими усилиями, с материально-технической помощью Управления и широко используя кооперацию различных предприятий и мастерских, отече-

* ЖОСО. Т. 1. 1915 год. С. 472–473; Военная промышленность России в начале XX века. С. 536.

** Цит. по: *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России. С. 175.

ственным частным заводам к ноябрю 1916 г. удалось поставить 2050 корпусов самолетов против 883 заграничных. Однако моторов к ним с русских заводов было получено всего 920 против 3165 заграничных*.

Пожалуй, наиболее широко к оборонной работе были привлечены предприятия, выполнявшие заказы Главного интендантского управления, среди которых количественно преобладали средние, мелкие и кустарно-ремесленные заведения, хотя по удельному весу выпускаемой продукции все же решающую роль и здесь играли крупные фабрики и заводы. Причем наряду с Земским и Городским союзами, военно-промышленными комитетами (с их хлопчатобумажными, льняными, шерстяными и т. п. отделами) весьма заметную роль играли такие предпринимательские объединения, как Всероссийские общества льнопромышленников, суконных и джутовых фабрикантов, Комитет кожевенной промышленности и др. В мае 1915 г. возникло Всероссийское общество кожевенных заводчиков, объединившее около 250 предприятий. Именно в этой сфере заметную роль стали играть различного рода кооперативы и их союзы (Московский Народный банк, Московское потребительское общество, союзы маслоделов Сибири, Алтая, Урала и т. д.), бравшие подряды на поставку различных видов интендантского довольствия, и именно здесь нагляднее всего в формировании системы военно-экономического регулирования сказалась частная инициатива. Лидеры Московского военно-промышленного комитета П. П. Рябушинский и С. Н. Третьяков, выступая на одном из первых заседаний комитета, подчеркивали, что общественные организации должны стать подлинными регуляторами производства и что в этом плане образцом являются взаимоотношения предпринимателей и интендантства**. Предпринимателей более всего устраивало то обстоятельство, что в этой сфере наиболее широко были распространены сделки, заключающиеся на коммерческой основе. Регулирующие распределение заказов органы ряда предпринимательских объединений функционировали при министерстве торговли и промышленности (суконный, льно-джутовый, хлопковый комитеты), но все они были или прямо связаны с различными управлениями Особого совещания по обороне, или опосредованно – через соответствующие отделы ЦВПК, земских и городских организаций.

Но и здесь вскоре обнаружили острые проблемы. Резкий рост численности армии выявил сложности с ее экипировкой, особенно с обувью, верхней одеждой, бельем. Ресурсы российской экономики в этом плане оказались крайне ограничены. Уже к концу 1915 г. обнаружилась нехватка сапог – четверть солдат оказались без обуви, почти столько же (22 %) – без шинелей. Предпринятые меры (секвестр кож у населения, изъятие сапог у раненых, за-

* РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 9731. Л. 111–115; *Сидоров А. Л.* Указ. соч. С. 187.

** *Лаверычев В. Я.* Военный государственно-монополистический капитализм в России. М., 1988. С. 90–92.

мена кожаных подошв заменителями и даже заготовка лаптей и т. п.) проблеме не решали. Еще 22 июля 1915 г. Особое совещание по обороне рассматривало вопрос о заказе за границей 5 млн пар сапог и о предоставлении Всероссийскому обществу кожевенных заводчиков беспроцентной ссуды в 5 млн руб. для закупки 100 тыс. сырых кож в Америке. Общество взяло на себя и закупку кож у населения и распределение сырья между предприятиями. Но ситуация продолжала обостряться. Был учрежден особый Комитет по делам кожевенной промышленности, в который вошли представители Земского и Городского союзов. Но затем специальным решением Совета министров, утвержденным 19 октября (СУ № 296), создана была как бы параллельная казенная структура – особоуполномоченный по делам кожевенной промышленности (член Госсовета Н. П. Муратов), на который была возложена задача скупки кож в Сибири. Он вошел в соглашение с обществом и через его местные отделения попытался организовать скупочную операцию. При этом возник конфликт между особоуполномоченным и Земгором, еще ранее заключившим сделку с союзом сибирских маслодельных кооперативов, который обязался поставлять Комитету все закупленное сырье. Конкуренция между всеми этими ведомственными, полугосударственными и общественными структурами, явившаяся лишь еще одним примером несогласованности в деле снабжения армии, сорвала это соглашение. В результате многие заказы на предметы снабжения армии, размещенные общественными организациями, остались необеспеченными кожаным сырьем*.

Мы располагаем сведениями о распределении средств, израсходованных на заказы Особым совещанием по обороне за весь 1916 г., по всем основным управлениям и с подразделением общей суммы на заказы, выданные отечественным предприятиям и зарубежным поставщикам. Данные, приведенные в табл. 1, свидетельствуют, что, несмотря на стремление военного ведомства опереться на внутренние ресурсы, значительная часть потребностей армии могла быть покрыта только с помощью союзников и зарубежных коммерческих партнеров. В целом на отечественные предприятия приходилось около 58 % стоимости всех заказов. Только ветеринарное управление, с его сравнительно небольшими запросами, полностью обеспечивалось внутренним производством. По заказам отечественным предприятиям Военно-техническим, Военно-санитарным управлениями и Управлением воздушного флота каждым было израсходовано примерно около $\frac{2}{3}$ отпущенных средств. Соответствующие данные по ГАУ (45 %), видимо, несколько занижены, так как цифры по стрелковому оружию приведены только за 1915 г. и фактически отражают суммы только по зарубежным заказам. И тем не менее средства, затраченные артиллерийским ведомством на заказы внутри страны, составляли менее половины общих его расходов за год. В абсолютном исчислении стоимость заказов

* ЖОСО. Т. 2. 1916 год. С. 641–644.

по этому ведомству, естественно, была на несколько порядков выше, чем у остальных управлений (2,4 млрд руб.). На втором месте по стоимости заказов шло интендантство – около 1 млрд руб., на третьем ГВТУ – более 700 млн руб. Обращают внимание сравнительно высокие затраты на авиацию – около 181 млн руб., а с конца 1916 г. – на автомобилестроение. Военное ведомство запоздало пыталось наверстать упущенное время и хотя бы сократить отставание новейших отраслей промышленности, но сроки исполнения заказов уже явно выходили за временные рамки еще продолжавшейся войны.

Таблица 1

Сведения о заказах, произведенных Особым совещанием по обороне в 1916 г. (в тыс. руб.)

Управления	Заказано в России		Заказано за границей		Всего заказано
Главное военно-техническое управление	470 619,9	66,7 %	234 762,3	33,3 %	705 381,2
Главное интендантское управление	823 228,3	81,2 %	190 841,2	18,8 %	1 014 069,5
Главное военно-санитарное управление	14 163,4	67,2 %	6906,3	32,8 %	21 069,7
Главное ветеринарное управления	2067,1	100,0 %	0	0,0 %	2067,1
Управление воздушного флота	115 139,9	63,7 %	65 621,4	36,3 %	18 0761,3
ГАУ	1 070 048,0	45,3 %	1 293 429,2	54,7 %	2 363 477,5
По всем управлениям	2 495 266,6	58,2 %	1 791 560,4	41,8 %	4 286 826,3

Источник: Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М., 1925. С. 56.

В материалах Особого совещания по обороне есть также сведения о наличии важнейших видов армейского довольствия на 1 января 1916 г., потребности в них на январь–июль 1917 г. и о количестве заказанных изделий, что также в какой-то мере дает представление о возможностях отечественной промышленности. (см. табл. 2). Обращает внимание, что, во-первых, по расчетам Ставки и военного ведомства, потребность на первое полугодие 1917 г. почти во всех видах изделий в несколько раз превышает имевшуюся на начало 1916 г. наличность, и, во-вторых, сданные заказы по большинству видов изделий, как правило, значительно меньше заявленной потребности.

Приведенные данные свидетельствуют, что почти по всем важнейшим видам вооружений и довольствия российская промышленность, несмотря на стремление военного ведомства опереться на собственную базу, так и не смогла полностью обеспечить потребности армии на первое полугодие 1917 г. Несколько лучше выглядела ситуация с обеспечением армии артиллерией. Как отмечал Маниковский, отечественные заводы, в переводе на 3-дм пушки, изготовили в 1915 г. 2106 орудий, в 1916 г. – 5127, что было достигнуто в основном за счет частных предприятий. Это позволило в начале 1917 г. даже отказаться от заграничных заказов орудий этого калибра и снарядов к ним. С тяжелой артиллерией проблемы так и не были решены. Всего же Россия по-

лучила из-за границы в 1915 г. – 397, в 1916 г. – 1066 орудий; в 1917 г. из 635 заказанных орудий 200 так и не удалось доставить в страну*.

Таблица 2

Программа снабжения армии главнейшими видами довольствия (1 января 1916 – июль 1917 г.)

Виды изделий	Наличность на 1 января 1916 г.	Потребность на январь–июль 1917 г.	Заказано		
			всего	в России	
ГВТУ					
Аэропланы	553	5201	1872	1472	78,6 %
Паровозы	307	422	352	282	80,1 %
Автомобили	5283	19 229	4946	1926	38,9 %
Телефонные аппараты	3955	298 020	298 020	238 020	79,9 %
Телефонные провода	26 947	680 240	559 950	445 450	79,6 %
Радиостанции	240	2040	1232	690	56,0 %
ГИУ					
Сукно армейское (тыс. ярдов)	8659	63 130	24 753	11 105	44,9 %
Сапоги и ботинки (тыс. пар)	3109	63 065	27 455	21 635	78,8 %
ГАЗ					
3-дм пушки	Нет сведений	7564	4486	4396	98,0 %
Гаубицы	Нет сведений	1252	1195	895	74,9 %
Пулеметы	Нет сведений	34 654	42 750	12 650	29,6 %
3-дм шрапнель (тыс. шт)	Нет сведений	23 400	26 583	10 652	40,1 %
Винтовки (тыс. шт)	Нет сведений	9190	6364	1814	28,5 %
Винтовочные патроны (млн шт)	Нет сведений	6100	3153	1903	60,4 %
Ручные гранаты (тыс. шт)	Нет сведений	21 500	31 604	19 920	63,0 %
Порох (пуд.)	Нет сведений	5 408 280	3 861 774	1 723 878	44,6 %

Источник: Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М., 1925. С. 52.

Организация военных заказов за границей постепенно становилась одним из важных направлений деятельности Особого совещания по обороне. Еще в самом начале войны по инициативе Англии была создана Международная комиссия по снабжению армий союзников. Уже 30 августа 1914 г. была учреждена англо-русская комиссия «с целью урегулирования закупок в Англии предметов снабжения для России», а в сентябре – Англо-Русский комитет по снабжению. Деятельность Комитета, находившегося первоначально в ведении Министерства торговли и промышленности, вызывала массу нареканий со стороны военного ведомства. В конце концов, под давлением Особого совещания

* Маниковский А. А. Указ. соч. С. 404–407. Всего из-за границы, по данным этого автора, Россия получила около 23 % всех орудий (в перерасчете на 3-дм), из которых на долю Англии приходилось 48 %, Франции – около 30 %, США – около 2 %. (Там же. С. 410. Табл. 40.)

по обороне в октябре 1915 г. было принято новое «положение» о Комитете и обновлен его состав. Главой Комитета был назначен генерал Э. К. Гермониус*. Обновленный орган стал называться Англо-Русский правительственный комитет в Лондоне, причем представители Особого совещания по обороне заняли в нем лидирующие позиции, организовав размещение крупных заказов казенных и частных предприятий. При Совещании были созданы сначала комиссия по закупке валюты для оплаты зарубежных заказов (председатель А. Д. Протопопов), а затем с 10 октября 1915 г. – комиссия по распределению валюты на те же цели (председатель генерал А. А. Михельсон).

Однако, как уже отмечалось, союзники, также исчерпавшие довоенные запасы, весь первый год войны не могли оказать сколько-нибудь значимую помощь России. Постепенно главным рынком заказов и закупок для нее становятся США. В ноябре 1915 г. был учрежден Комитет по заготовлению предметов боевого и материального снабжения в Америке. В первые же месяцы войны только 14 заводов ГАУ разместили заграничных заказов на 9,2 млн руб., казенные оружейные заводы заказали 2500 станков. Крупные заказы разместило интендантство. Еще большие запросы на оборудование затем предъявили частные заводы. В ноябре–декабре 1915 г. группа военных специалистов от Особого совещания во главе с вице-адмиралом А. И. Русиным посетила Англию и Францию с целью выявления возможностей размещения там оборонных заказов со сроком исполнения до 1 января 1917 г. Миссия имела список из 209 наименований изделий, в которых нуждалась русская армия. В целом союзническая помощь, сыграв определенную роль в обеспечении русской армии вооружением, боеприпасами, необходимой техникой и предметами интендантского довольствия, в то же время объективно имела и негативные последствия для дела мобилизации российской промышленности.

Еще 12 августа 1915 г. Особое совещание по обороне определило свою принципиальную позицию: «Все предметы государственной обороны должны изготовляться по мере возможности на отечественных заводах: лишь при отсутствии возможности предоставить заказы полностью в России, необходимо прибегать к соответствующим приобретениям за границей». Но буквально на этом же заседании Совещание решило выдать крупный заказ на 3-дм снаряды, производство которых уже налаживалось отечественными заводами, американским и французским предприятиями**. На «увлечение» зарубежными заказами неоднократно указывали Родзянко, Гучков и особенно представители «частников». На заседании Совещания 7 мая 1916 г. было высказано опасение, что в последнее время обнаружилась «общая тенденция к усилению заграничных заказов, с остановкой развития отечественного производства». Непоследовательность Совещания можно понять, так как перестройка частной промышленности и началась с запозданием, и шла медленно в силу цело-

* Сидоров А. Л. Экономическое положение России. С. 285–290.

** ЖОСО. Т. 1. 1915 год. С. 199–200.

го ряда объективных и субъективных причин. Тот же Родзянко, ратовавший за широкое привлечение к работе на оборону частных предприятий, вскоре уже предлагал наблюдательной комиссии выяснить причины их «малоуспешности и медлительности» в исполнении заказов*. Более того, в интервью для «Известий ЦВПК» он даже критиковал их за «бездействие», в особенности за срывы сроков исполнения заказов на снаряды. В свое оправдание ЦВПК указывал, что медлительность в перестройке производства объясняется кратким сроком, прошедшим с момента мобилизации промышленности, резким ухудшением экономических условий – расстройство транспорта, нехватка рабочих рук, сырья, оборудования и т. п. При этом подчеркивалось, что при всех запаздываниях частная промышленность дает снарядов больше, чем казенные заводы**.

Тем не менее в прессе, не без участия властей, была развернута кампания по обвинению предпринимателей в злоупотреблениях с получением сверхприбылей по военным заказам, в срыве контрактов и даже в нарастании забастовок на оборонных предприятиях. Отголоски этой кампании нашли отражение и в заседаниях Особого совещания. Так, при обсуждении 27 января 1916 г. доклада контрольно-наблюдательной комиссии о деятельности ЦВПК, ряд членов Совещания (Н. Е. Марков, С. И. Тимашев и др.) заявили, что «общественные силы», от которых ожидали успешного разрешения «непосильных для правительства» вопросов снабжения армии, оказались не в состоянии достичь этой цели, уступая, в частности, во всем казенным заводам. Однако большинство участников пришло к заключению, что в целом ЦВПК, несмотря на проявленную медлительность и чрезвычайное запоздание в поставках, сумел привлечь частную промышленность к делу государственной обороны. «Промышленность наша в 1915 г. совершенно не была подготовлена к изготовлению предметов военного довольствия: не было ни станков, ни мастеров, и комитету приходилось снабжать заводы как оборудованием, так и необходимыми для работы материалами – металлами и топливом», – так охарактеризовали ситуацию члены Совещания, представлявшие деловые круги и «общественность». Приведены были данные, свидетельствовавшие о наращивании поставок по заказам, причем было указано, что некоторые изделия (минометы, бомбометы) заводы изготовляли непосредственно по заказам с фронтов, а не через комитет***. И все же к началу 1917 г., по данным Особого совещания, поставки «союзных» предприятий были выполнены примерно на 60 %, ЦВПК, по его собственным подсчетам, около 70 %****. Осенью 1916 г.

* ЖОСО. Т. 1. 1915 год. С. 260.

** Сидоров А. Л. Экономическое положение России. С. 200–201; Известия ЦВПК. 1.10.1915.

*** ЖОСО. Т. 2. 1916 год. С. 63–65.

**** Россия в мировой войне 1914–1918 гг. М., 1925. С. 57; Сидоров А. Л. Экономическое положение России. С. 204.

страну накрыла очередная волна общеэкономического кризиса, захватившая и оборонные предприятия (в том числе и казенные), что не могло не сказаться на их производительности.

Однако еще ранее в правительственной политике в отношении общественных организаций проявляется тенденция к ограничению заказов, упразднению их представительства в различных военно-регулирующих органах. Обуславливалось это в определенной мере и активизацией политической оппозиции в стране. На съездах Земского и Городского союзов все настойчивее звучали требования «обновления власти», в самом Особом совещании нарастали критические настроения, что все более настораживало императора. Немалую роль при этом сыграло придворное окружение царя, настраивавшее его против оппозиционных политических деятелей и буржуазных кругов*.

Вместе с тем в правящих и военных кругах все более крепла ориентация на решение военно-экономических проблем за счет расширения материальной базы казенного сектора. Такой курс, как уже отмечалось, предлагался еще в предвоенные годы. Жесткие финансовые ограничения тогда задержали реализацию и без того достаточно куцей программы. Начатое же накануне и в первые месяцы войны казенное строительство ограничивалось 5–7 предприятиями (одним оружейным, пороховым и снаряжательными предприятиями). Идея ориентация на государственный сектор получает в военных и дипломатических кругах дополнительный импульс в связи с неопределенностью международной ситуации, которая может сложится с окончанием войны. По мнению аналитиков, для сохранения за Россией великодержавного статуса необходимо укрепить ее военно-экономический потенциал и ядром его должны стать казенные заводы. Уже в процессе их расширения и модернизации Военное ведомство пополняло их оборудование за счет реквизиции станков ряда частных фирм (эвакуированных, не справлявшихся с военными заказами, принадлежащих подданным враждебных государств). Крупнейшей ак-

* Так, глава МВД Маклаков писал императору, что Родзянко «всегда и всюду добивается поставить народное представительство на не свойственную ему высоту, а за ним стоят его руководители – Гучковы, князя Львовы и другие, систематически идущие к своей цели. В чем она? Затмить свет Вашей славы, Ваше Императорское Величество, и ослабить силу и значение святой исконной и всегда спасительной на Руси идеи самодержавия». (Дневники и мемуары из личного архива Николая II. Воспоминания. Мемуары. Минск, 2000. С. 189.) Императрица в июне 1916 г. прямо наставляла супруга: «Относительно Союза Городов. Ты не должен больше выражать им свою личную благодарность, нужно под каким-нибудь предлогом теперь же опубликовать сведения, что ими делается, и главным образом то, что ты, то есть правительство, даешь им средства, а они свободно растрачивают их. Это твои деньги, а не их собственные... Они стремятся взять на себя слишком крупную роль, – это становится политически опасно, и против этого уже теперь следует принять меры, иначе со временем придется слишком многое менять зараз». (Переписка Николая и Александры Романовых. М.; Л., 1923–1927. Т. 3/5. С. 301.)

цией по огосударствлению частных предприятий стал, несмотря на протесты деловых кругов, секвестр Путиловского завода, дававшего около половины всей артиллерийской продукции. Правление набрало огромное количество заказов, и завод уже с осени 1915 г. оказался совершенно расстроеным в финансовом отношении. Вопрос о секвестре неоднократно обсуждался в Особом совещании. Помимо обычного в таких случаях назначения в состав правления общества инспекторов от финансового и контрольного ведомств, вместо части избранных членов были назначены директора от Военного ведомства. Но эти чрезвычайные меры не увенчались успехом, и в феврале 1916 г., под предлогом борьбы с разразившейся забастовкой, огромный завод был секвестрирован, все договоры с частными партнерами и поставщиками были аннулированы. Формально секвестр налагался лишь на время войны, но в военных кругах все увереннее говорили о предстоящем выкупе предприятия в казну. Какое-то время на грани секвестра балансировали объединение «Коломно – Сорново», также задолжавшее казне, и Царицынские предприятия Русского акционерного общества артиллерийских заводов, так фактически и не завершивших оборудование заводских цехов. Отказавшись в первом случае от замены выборного правления казенной администрацией, в отношении Царицынского завода Особое Совещание так и не пришло к какому-либо определенному решению. Одни его участники были против жесткого вмешательства государства в сферу предпринимательства, другие высказывались за выкуп предприятия в казну. Дело так и осталось незавершенным. Военное ведомство, видимо, не рискнуло в условиях войны сразу взять на себя полностью руководство огромными заводскими комплексами.

С весны 1916 г. курс правительства на приоритетное развитие казенного оборонного сектора приобретает практическую направленность. Военное ведомство направляет в Совет министров представления о строительстве автомобильного, патронного, 5 снарядательных, машиностроительного и ряда других заводов, МТиП ходатайствует о выделении средств на сооружение завода ферросплавов и т. д. Реализация этих планов, помимо объективных причин, затруднялась отсутствием единой программы действий: каждое ведомство и управление (артиллерийское, военно-техническое, морское, горное и т. п.) – решали собственные задачи. Их интересы в какой-то мере объединялись лишь необходимостью аппаратных согласований, проведением программ через законодательные, финансовые и контрольные учреждения.

Наиболее широкую программу строительства казенных военных заводов представило ГАУ. Маниковский в известном докладе военному министру 20 октября 1916 г. предложил начать сооружение 37 новых заводов*. Доклад интересен тем, что в нем в обобщенном виде представлены все pro и contra этой политики. В нем прямо указывалось, что главная причина недостаточно

* Военная промышленность России в начале XX века. С. 595–602; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 730; ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 549. Л. 329–340.

го снабжения армии вооружением и боеприпасами – неразвитость российской промышленности. Именно поэтому пришлось прибегнуть к крайней мере – к заказам за границей, хотя поступления оттуда, как констатировал автор, «в самое горячее время были ничтожны». Война должна кончиться, и потому, убеждал он, надо принимать меры для развития собственной промышленности. Без полной самостоятельности в этом отношении «трудно остаться Великой Державой». И он предлагал для каждого вида производства организовывать отдельные группы предприятий, ядро которых составили бы казенные заводы. Именно с их помощью – технической, организационной, консультативной – должна в чрезвычайных обстоятельствах разворачиваться мобилизация промышленности. По такому пути, ссылаясь автор на опыт союзников, шла организация военной промышленности в Англии, «этой классической стране свободной промышленности», где Министерством снабжения именно в военные годы были сооружены 18 арсеналов и состояло в его ведении 32 снарядных завода. И при грядущей послевоенной демилитаризации экономики, считал он, важно сохранить твердый костяк казенных заводов, что «даст возможность развить какую угодно мускулатуру частной промышленности, ускорить мобилизацию всей отечественной промышленности». Отстаивая свой план укрепления казенного сектора, начальник ГАУ фактически повторил все основные традиционные доводы в его пользу: возможность регулирования цен на военные заказы – по его мнению, цены на казенных заводах ниже, чем у «частников»*, становление и поддержание военного производства в мирное время, более широкие возможности для предотвращения забастовок и т. п. Но вот насколько реализация этой программы возможна при существующем уровне развития российской промышленности в целом, особенно в производстве станков и оборудования (сам автор на заседании Особого совещания еще 7 мая 1916 г. заявил, что, по его мнению, частная промышленность «достигла своего предела»), – этой проблемы глава ГАУ почти не касался. В обоснование своего плана он попытался сыграть на предвидении ближайшего послевоенного будущего. «Не подлежит никакому сомнению, – писал он, – что тотчас же по окончании войны начнется общая экономическая борьба, и эта борьба будет беспощадна. Если мы не будем готовы к ней, то могучая техника и наших друзей, и наших врагов раздавит нашу все еще слабую технику». Сразу после окончания войны потребуются колоссальные ассигнования на культурные потребности государства, жестко урезавшиеся в предвоенные и особенно в военные годы, и тогда поздно будет начинать реализацию предложенных мер. В этом случае, считал он, «в новой войне (а что она будет “не за горами” – автор доклада был уверен) Россия окажется отставшей от своих

* Проблемы себестоимости продукции и ценообразования на казенных и частных предприятиях рассмотрены в работе В. В. Поликарпова, который считает, что ведомственные предприятия не имели в этом отношении каких-либо преимуществ // См.: *Поликарпов В. В. Указ. соч. С. 218–241.*

будущих противников еще в большей степени, чем теперь...» Заключение автора было весьма императивно – «необходимо приступить к реализации программы военно-заводского строительства немедленно».

На эти предложения Особое совещание, в котором уже зрели проекты послевоенной демилитаризации промышленности, отреагировало вяло. Только В. И. Гурко заметил, что к послевоенному будущему надо готовиться сейчас. А вскоре, на заседании 1 февраля 1917 г., новый военный министр М. А. Беляев (3.01–28.02.1917 г.) заявил, что вообще всякое новое строительство заводов, сроки готовности которых выходят за временные рамки текущей войны, невозможно*. Тем не менее к концу февраля имелась санкция Совета министров и законодательных палат на строительство 17 казенных заводов общей стоимостью более 470 млн руб. Правда, в числе их были и предприятия, разрешение на сооружение которых было получено еще до войны**.

Вполне определившиеся настроения в правительственной политике по расширению и укреплению базы военного производства за счет строительства новых казенных предприятий, ограничению выдачи заказов общественным организациям, несомненно, добавили «перца» в обострившиеся отношения между правящими верхами и буржуазией. На съездах военно-промышленных комитетов звучали призывы к борьбе с этими тенденциями. Особенно активно в этом плане выступали лидеры Совета съездов представителей металлообрабатывающей промышленности – влиятельной предпринимательской организации, оформившейся в феврале 1916 г. и имевшей своего представителя в Особом Совещании. Уже на учредительном съезде Совет назвал «пагубной» политику правительства по расширению существующих и строительству новых казенных предприятий, ведущей к «сокращению в будущем деятельности частных заводов»***. 13 июля и 31 августа металлозаводчики направили в Совет министров специальные записки, в которых вновь доказывалось, что путь насаждения новых казенных заводов, на который вступает Военное ведомство, представляется «в высшей степени опасным», что это негативно скажется и на развитии частной промышленности, и на финансовых интересах казны, и на обороне государства. Особое совещание не поддержало предпринимателей. Совещание глав ведущих министров 8 сентября 1916 г. приняло решение: «Признать, согласно с мнением военного министра, заявленные в записке предположения не отвечающими точке зрения правительства, а потому не подлежащими осуществлению»****.

* ЖОСО. Т. 3. 1917–1918 гг. С. 100.

** *Поликартов В. В.* Указ. соч. С. 335–336.

*** Труды 1 съезда представителей металлообрабатывающей промышленности. 29 февраля – 1 марта 1916 г. С. 27, 34, 80.

**** *Поликартов В. В.* Указ. соч. С. 302; РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 679. Л. 147.

Курс на огосударствление военного сектора экономики сохранялся, но условия его реализации становились все более проблематичными.

Наконец, важным направлением в деятельности Особого совещания, первоначально прямо не оговоренным в «Положении», было обеспечение предприятий, работавших на оборону, рабочей силой и создание для них особых условий и режима работы. Эту задачу военное ведомство пыталось решить путем милитаризации прежде всего казенных военных заводов. Причем «милитаризация» рассматривалась им не только и даже не столько как перевод промышленности на военное производство, а скорее как перевод ее в режим военного положения со всеми вытекающими из этого последствиями. Уже 29 июля 1914 г. Военное министерство внесло в Совет министров предложение о переводе «казенных заводов, изготовляющих предметы, необходимые для обороны государства, на особое положение», которым предусматривалось закрепление за предприятиями рабочих, терявших под угрозой репрессивных кар право на переходы. Совет министров в принципе согласился с проектом, но пока признал его несвоевременным, учитывая опасность протестного стачечного движения. Были приняты акты более общего порядка: законы 4 сентября и 17 октября давали право военным властям привлекать к работе на оборону частные предприятия и предпринимать меры по контролю над выполнением ими заказов*. Однако в целом первые попытки милитаризации промышленности, предпринятые военным ведомством, оказались малоуспешны.

Основное внимание было обращено на обеспечение предприятий рабочей силой, что стало одним из важных направлений деятельности Особого совещания по обороне и его предшественников. Первоочередной проблемой, крайне болезненно сказывавшейся на деятельности предприятий как военного ведомства, так и частного сектора, была нехватка специалистов и квалифицированных рабочих кадров. Призывы на военную службу, проводившиеся, особенно в первые месяцы войны, в крайней спешке мобилизационным отделом Генерального штаба, не были согласованы с потребностями довольствующих управлений. Потребовалось немало времени, чтобы военнообязанные рабочие оборонных предприятий, прежде всего казенных, получили отсрочки, а квалифицированные специалисты стали возвращаться на заводы. Следующими шагами к восполнению недостатка рабочей силы были ряд предложений Особого совещания об отмене ограничений на использование женского и подросткового труда, о привлечении на различного рода вспомогательные работы «иностранцев» и военнопленных. Но по мере усугубления кризисных явлений в экономике, осознания затяжного характера войны и особенно нарастания

* Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемых при Правительствующем Сенате. 1914. Отдел 1. Второе полугодие. СПб., 1914. Ст. 2372 «О заготовлении в военное время необходимых для армии и флота предметов и материалов» (с. 3582–3583) и ст. 2717 «Об установлении надзора за деятельностью промышленных заведений, исполняющих заказы военного и морского ведомств» (с. 4003).

забастовочного движения в военном ведомстве вновь все более настойчиво стали звучать требования милитаризации труда.

Однако на предложение председателя Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части, направленное в феврале 1915 г. в Совет министров, подчинить законам военного времени не только казенные, но и частные предприятия, правительство ответило очередным отказом. При этом оно опять сослалось на то, что это могло бы «нарушить мирное настроение рабочих и вызвать ненужные толки и волнения»^{*}. Тем не менее при военном министерстве была образована комиссия (31 марта – 18 мая 1915 г.) для проработки этого вопроса. Ссылаясь на опыт Франции и Англии, комиссия пришла к заключению, что милитаризация промышленности, проведенная там, заключалась, главным образом, в праве военных органов требовать от владельцев частных предприятий выполнения работ на оборону или даже брать такие предприятия в казенное управление. По ее мнению, в России законы 4 сентября и 17 октября 1914 г. предоставляют властям такие же возможности, и потому к особым мерам в этом плане прибегать излишне. В отношении же рабочих и служащих специальное совещание с участием Сухомлинова высказалось за закрепление их за предприятиями, используя статус военнообязанных с отсроченным призывом в армию. Предложение военного ведомства поддержала Ставка. Однако ситуация получила неожиданный поворот с назначением военным министром Поливанова, который фактически выступил против предложений своего ведомства, охарактеризовав их как преждевременные. С этим согласился и Совет министров. Проблема приобрела особую значимость в связи с непомерно большим удельным весом на большинстве российских предприятий чернорабочих, как правило, из крестьян. Уже весной–летом 1915 г. большие массы таких рабочих уходили в деревни на сельскохозяйственные работы. К тому же все чаще на оборонных предприятиях вспыхивали забастовки.

Военное ведомство все же решило пока ограничиться мерами по сохранению на предприятиях квалифицированных кадров управленцев и рабочих. 6 декабря 1915 г., по ст. 87 Основных законов, Советом министров было утверждено предложение Поливанова «О порядке предоставления военнообязанным отсрочек по призыву в армию во время текущей войны». Этот акт фактически был направлен лишь на упорядочение призывов в армию. При Главном управлении Генерального штаба был учрежден Главный Комитет по предоставлению отсрочек, а в уездах и городах – соответствующие уездные и городские комитеты. В состав Главного Комитета входили начальник Генерального штаба, представители министерств – военного, морского, внутренних дел, торговли и промышленности, финансов, народного просвещения, юстиции, а также

^{*} Сидоров А. Л. Экономическое положение России. С. 49; Лаверьчев В. Я. Военно-государственный монополистический капитализм в России. М., 1988. С. 253–267.

представители от общественных организаций. Создан был громоздкий, малоэффективный институт. Вопрос об отсрочках от призывов квалифицированных рабочих вновь обсуждался на заседании Особого совещания по обороне 14 декабря 1916 г., которое констатировало, что за прошедший год ходатайства предприятий удовлетворяются далеко не в полной мере. Предлагалось использовать английский опыт: составить через ЦВПК именную картотеку находящихся в частях таких рабочих с указанием их специальности и через Особое совещание распределять их по предприятиям*. Эта бесплодная в условиях войны затея, естественно, осталась «без последствий».

Проблема же закрепления рабочих кадров за предприятиями юридически оставалась нерешенной, так же как и меры борьбы с забастовками. Между ведомствами по этим вопросам существовали во многом казуистические разногласия. Министерство торговли и промышленности, традиционно отвечавшее за разработку рабочего законодательства и всячески препятствовавшее его пересмотру, 2 августа 1915 г. вдруг представило в Совет министров проект мобилизации промышленности, в котором предлагалось ее милитаризовать и поставить под надзор органов военного ведомства. Согласно проекту, рабочие и служащие лишались права оставлять или прекращать работу на предприятиях, работающих на оборону. Совет министров, рассмотрев проект министра торговли и промышленности В. Н. Шаховского, решил передать его на обсуждение Особого совещания по обороне.

В самом Совещании продолжалась полемика по поводу форм и методов милитаризации промышленности и труда, хотя большинство его членов высказывались за необходимость скорейшего решения этой проблемы. На заседании Совещания 15 августа, на котором обсуждалась информация о проекте Шаховского, Родзянко заявил, что «все попытки к разрешению рабочего вопроса со стороны подлежащих органов государственной власти носили крайне осторожный характер и не поставили его донныне на практическую почву, ввиду чего Особому совещанию следовало бы взять в этом отношении инициативу в свои руки». Депутату Думы Дмитрюкову предложено было дать отзыв на министерский проект**. И уже через две недели Совещание заслушало его доклад, в котором фактически были представлены основные положения его собственного проекта мобилизации промышленности. Один из первых пунктов гласил, что «право объявления предприятия в мобилизованном положении предоставляется лишь военному министру, как председателю Особого совещания». К таковым были отнесены как казенные, так и частные предприятия, необходимые для целей обороны. В каждое такое предприятие должны были назначаться особые уполномоченные председателя. Причем правила о мобилизации предприятий и об обязанностях уполномоченных определялись военным министром и не должны были утверждаться в законодательном по-

* ЖОСО. Т. 2. 1916 год. С. 634–635.

** ЖОСО. Т. 1. 1915 год. С. 209.

рядке. Рабочие и служащие могли покинуть предприятие только с письменного разрешения уполномоченного и по представлению заводоуправления. Председателю Сопещения предоставлялось также право определять режим работы мобилизованных предприятий (введение сверхурочных работ, ночных смен, в том числе для женщин и подростков и т. д.). Рабочим гарантировалось сохранение прежнего размера заработка. Специальным пунктом оговаривалось, что в случае несоблюдения правил мобилизации и рабочие, и владельцы помимо предания суду подвергаются по распоряжению военных властей аресту или заключению в тюрьму сроком до трех месяцев или денежному взысканию до 3 тыс. руб.

Доклад и представленный проект вызвали оживленные прения, в ходе которых определились три основных мнения*. Большинство членов Сопещения поддержали идею мобилизации промышленности, как меру «глубоко государственную и справедливую» которая, по их мнению, до сих пор не была реализована лишь по соображениям политического характера. Причем поддержано было и предложение о том, чтобы распространить ответственность за нарушение закона не только на рабочих, но и на заводоуправления, и на владельцев предприятий. Особенно активно эту позицию отстаивали правые – Стишинский (кстати, вскоре возглавивший комиссию по обеспечению рабочей силой обслуживающих оборону предприятий) и Марков. Они считали, что если пока не представляется возможным поставить в условия военного режима всю экономическую жизнь страны, то настоятельно необходимо милитаризовать те отрасли промышленности, которые связаны с работой на оборону. Прикрепление рабочих к заводам необходимо, как и отправка их в случаях нарушения закона, в том числе и за участие в забастовках, в армию, но одновременно при установлении жесткой ответственности и владельцев предприятий, чтобы снять возмущение масс военными прибылями буржуазии.

Предприниматели же и их лоббисты (Тимашев, Литвинов-Фалинский и др.), фактически поддерживая введение военного положения для рабочих, были против распространения этого положения на стачечников, считая, что оно должно быть согласовано с действующим законом о забастовках, что милитаризованные рабочие должны получить компенсацию – по крайней мере какие-то материальные льготы как военнослужащие. Для разрешения конфликтов между рабочими и администрацией целесообразно ввести примирительные камеры под председательством лица, назначаемого председателем Сопещения. Еще ранее активными сторонниками создания третейских инстанций показали себя Путилов и Гучков. Особую полемику вызвало предложение о жестком контроле государства над бизнесом и особенно его прибылями, которая продолжалась и на последующих заседаниях. Весьма интересна позиция сторон в связи с обсуждением в этом плане опыта Англии. Там владельцы предприятий при заключении контракта представляли сведения о се-

* ЖОСО. Т. 1. 1915 год. С. 233–242.

бестоимости изделий, которые затем проверялись «присяжными счетчиками». К представленным данным при выведении стоимости контракта приплюсовывались 10–20 % в качестве прибыли. По мнению «государственников», это помогло бы экономить на заказах немалые средства, либералы же рассчитывали таким образом успокоить рабочих. Их противники указывали на негативные последствия для развития отечественной промышленности ущемления коммерческой свободы и отсутствие в России подобных структур.

Наконец, меньшинство Сопещения (кадеты-думцы А. И. Шингарев, М. С. Аджемов, А. А. Добровольский, член Госсовета Ф. А. Иванов и др.) полностью отвергли саму идею милитаризации промышленности. По их мнению, в правовом отношении проект несостоятелен, так как противоречит основным началам отправления воинской повинности; в социальном плане он касается лишь рабочих, занятых на оборонных заводах; политически он несвоевременен, потому что «момент для выработки мер борьбы со стачками и уходом рабочих с предприятий уже упущен, ибо эти меры должны были быть проведены в начале войны; в настоящее время проведение подобного законопроекта может вызвать серьезные волнения среди рабочих». В России можно было бы говорить о мобилизации рабочих только в том случае, если бы прибыль предприятий была бы, как в Англии, также ограничена законом. Добровольский заявил, что предложенный жесткий вариант милитаризации промышленности, предполагающий милитаризацию всего персонала и собственников предприятий, не встречается ни у наших союзников, ни у противников. Но, противореча самому себе, он в то же время признал, что и в Германии, и во Франции, и в Англии предприняты меры по ограничению рабочего законодательства, прежде всего в отношении стачек, – правда, при функционировании арбитражных комиссий для разрешения конфликтов. При нарушении же закона о предприятиях, работающих на оборону, в Англии виновные, и рабочие и хозяева, подпадают под суд военных трибуналов. Как и его коллеги, он считал, что бороться со стачками путем репрессий нельзя: избежать экономических стачек можно только путем пересмотра отношений между хозяевами и рабочими. Что же касается политических стачек, то он весьма туманно намекал на необходимость принятия каких-то мер «по устранению в обществе причин недовольства».

Таким образом, при обсуждении проекта достаточно определенно выявились все основные точки зрения на проблему милитаризации промышленности. Сопещение фактически так и не взяло на себя ответственность за ее решение. В итоге Поливанов ограничился тем, что сообщил Совету министров о суждениях Сопещения по поводу законопроекта о милитаризации промышленных предприятий, работающих на оборону. Правда, несколько позднее военное ведомство все же подготовило и внесло в Думу проект «Положения о мобилизации промышленных предприятий». В нем уже не было пункта об объявлении рабочих и служащих мобилизованных предприятий военнослужащими. Они лишь получали отсрочку от призыва на время работы и незамедлительно теряли ее в случае увольнения. Все конфликты должны были рассматриваться

особыми уполномоченными, назначенными на заводы. Особым совещанием по обороне, а во второй инстанции – районными заводскими совещаниями с участием представителей сторон. Проект вызвал недовольство ЦВПК, предпринимательских и общественных организаций. В записках ЦВПК по этому поводу указывалось, что угрозы отправки на фронт и репрессии не достигают цели, что проект вместе с рабочими закрепощает и самих владельцев предприятий, фактически ставя во главе последних особоуполномоченных лиц, «малокомпетентных и с огромными полномочиями»^{*}.

Пока проект проходил предварительные рассмотрения в Думе, весной 1916 г., в связи с новым подъемом стачечного движения, Особое совещание вынуждено было вернуться к обсуждению рабочего вопроса. На заседании 14 мая вновь обсуждались проблемы милитаризации работающих на оборону предприятий. Наблюдательная комиссия представила свои предложения: 1) объявить заводы на военном положении с зачислением военнообязанных рабочих на военную службу; 2) подчинить невоеннообязанных рабочих особым правилам; 3) использовать предоставленное председателю Совещания право регулировать заработную плату; 4) установить суровые кары за подстрекательство и участие в забастовках. И опять мнения членов Совещания резко разошлись^{**}.

Особенно жесткую позицию заняло правоконсервативное крыло. Н. Е. Марков всецело поддержал предложение комиссии о необходимости объявить заводы на военном положении, как это сделано на железных дорогах. Не следует смущаться ни подчинением военному режиму женщин, ни судьбой сельского хозяйства в связи с запрещением рабочих покидать предприятия («тем или иным путем сельские хозяева добудут себе рабочие руки»), ни недовольством предпринимателей в связи с возможным ограничением их прибылей. Милитаризацию заводов следует провести властью военного министра, так как Дума не одобрит эту меру, а обсуждение проекта вызовет новые волнения. Его поддержал С. И. Тимирязев, предложив в качестве компенсации регулирование заработной платы властью председателя Совещания, как и предусматривалось «Положением». Член Госсовета В. И. Карпов высказался за введение военного положения не на предприятиях, а в местностях, где они расположены. Причем, считал он, не «следует смущаться суровостью военных репрессий» – вплоть до расстрелов.

В то же время ряд членов Совещания в очередной раз выразили сомнение как по поводу целесообразности милитаризации в предложенном варианте, так и ее юридической правомерности. Даже Стишинский отметил, что на заводах работают не только военнообязанные, и их статус до сих пор не определен. К тому же на многих заводах есть отделы и цеха, не работающие на оборону. Объявление же военного положения в отдельных местностях фактически потребует введения такового по всей империи. Но главное, предупреждал он,

^{*} Лаверьчев В. Я. Указ. соч. С. 257–258.

^{**} ЖОСО. Т. 2. 1916 год. С. 261–265.

зачисление на военную службу повлечет за собой предоставление рабочим соответствующего жалования и пайка, установления военной дисциплины – все эти вопросы требуют дополнительной проработки. Н. Ф. фон-Дитмар свое выступление посвятил фактически оправданию военного бизнеса, доказывая, что подоплекой стачечного движения являются не экономические причины, а в основном «политические интриги». «Предприниматели не заслуживают упрека в несоблюдении государственных интересов, – заявил он, – далеко не всюду прибыль предприятий велика; если же вообще ход предприятий ненормален, то от причин общих; значительностью прибылей смущаться не следует, так как эти прибыли, возвращаясь в предприятие, лишь способствуют его развитию». Крайнюю точку зрения среди сомневающихся и «осторожных» высказал экс-министр В. И. Тимирязев, повторивший свое мнение, что «ныне уже упущен срок для введения милитаризации», что «самая милитаризация комиссией не разработана и предусматриваемые ею репрессивные меры, вплоть до расстрела, расходятся с основным заданием: обеспечить нормальный ход работ». Либерально и умеренно настроенные члены Совещания (Родзянко, Стахович, Львов, Савич и др.), не отказываясь в принципе от идеи милитаризации, предлагали доработать проект и провести его через Думу, так как, по заявлению Родзянко, «вне законодательного пути милитаризация заводов произведет угнетающее впечатление своим репрессивным характером». Почти все сторонники жестких мер были против внесения проекта в Думу, считая, что и борьба с забастовками, и регулирование заработной платы отнесены законом к компетенции председателя Особого совещания. По этому поводу весьма знаковым было мнение Литвинова-Фалинского, заявившего, что борьба с забастовками возможна не обязательно принятием специального законодательства, но и мерами, принимаемыми «в порядке управления». Фактически эта установка уже реализовывалась на практике всеми низовыми органами различных ведомств, особенно охранительного, в тесном контакте с предпринимательскими организациями, прежде всего с обществами фабрикантов и заводчиков. Совещание, так и не придя к какому-либо согласованному мнению, лишь высказалось за ускорение рассмотрения законопроекта, находящегося в Думе. Однако в общей законодательной форме эта инициатива так и не была реализована.

Пока дебатировался вопрос о милитаризации промышленности, в Совещание был внесен проект правил о реквизиции труда, предусматривавший привлечение к натуральной повинности всего населения, который предполагалось провести по ст. 87 Основных законов. Проект, обсуждавшийся 21 мая 1916 г., также вызвал неоднозначную реакцию*. Помощник военного министра сенатор Н. П. Гарин напомнил присутствующим, что реквизиция труда уже фактически применяется в местностях, объявленных на военном положении, и что речь идет лишь об упорядочении применения этой меры. Фактически

* Там же. С. 277–279.

никакого решения по данному вопросу также принято не было. К нему Совецание вернулось еще раз на заседании 1 июня, когда обсуждался пункт повестки о создании особой межведомственной комиссии по вопросу об использовании на оборонных предприятиях, в основном горного ведомства, лиц «желтой расы», «иностранцев», военнопленных, а также о возвращении на заводы призванных в войска рабочих. Совецание, не входя в обсуждение правил, признало, что право установления реквизиции труда, согласно «Положению», принадлежит председателю Совецания*. Каких-либо общих законодательных норм и в этом случае так и не было предложено. Сама же проблема решалась, как стало правилом, в «порядке управления».

* ЖОСО. Т. 2. 1916 год. С. 298, 299.

Глава 5. КРИЗИС СИСТЕМЫ ОСОБЫХ СОВЕЩАНИЙ

(А. П. Корелин)

1. Особое совещание по обороне и межведомственное соперничество

Ведомственную разобщенность и несогласованность военно-регулирующих структур, проявившиеся уже в ходе реализации первых мер по военно-экономической мобилизации страны, властям преодолеть так и не удалось. Созданная система Особых совещаний уже вскоре после ее законодательного оформления оказалась перед рядом тяжелых испытаний, требовавших совместных усилий ведомств по их преодолению. Осенью 1915 г. разразился транспортный кризис, грозивший не только срывом снабжения армии, но и параличом всей экономической жизни страны. Особое совещание по обороне, на которое формально возлагались межведомственные координирующие функции, провело ряд заседаний, на которых были заслушаны доклады представителя министерства путей сообщения о состоянии транспортной инфраструктуры. Картина вырисовывалась столь удручающая, что по инициативе Поливанова 10 октября состоялось заседание председателей всех Особых совещаний, на котором было решено создать комиссию для выработки мер по упорядочению работы железных дорог*. Он же и открыл ее заседание, прошедшее в ноябре 1915 г. Комиссия, в составе которой преобладали представители Госсовета, Думы и общественных организаций, пришла к заключению, что в основе расстройств перевозок лежит «отсутствие единства в заведывании железными дорогами фронта и тыла», и потому было предложено сосредоточить руководство всей железнодорожной сетью в руках министра путей сообщения. Предпринятая мера носила половинчатый характер: при МПС был создан временный распорядительный комитет по железнодорожным перевозкам с участием представителя Ставки. Поливанов считал, что в связи с этим дальнейшее обсуждение проблемы на совместном собрании председателей Особых совещаний пока «несвоевременно». На этом комиссия и закончила свою работу. Ее деятельность, в значительной мере определявшаяся настроениями представителей законодательных палат и общественности, встрево-

* ЖОСО. Т. 1. 1915 год. С. 338.

жила правительство, и председатель Совета министров И. Л. Горемыкин вообще признал излишним выносить ее суждения на собрания председателей Совещаний.

Между тем ситуация настолько усугубилась, что после очередного выступления представителя МПС на заседании Особого совещания по обороне, состоявшегося 11 ноября, рассматривался вопрос о кризисном положении в Петроградском районе. В связи с затруднениями в обеспечении петроградских заводов углем впервые прозвучали предложения о прекращении выдачи им новых оборонных заказов, сокращения деятельности и даже закрытии некоторых предприятий, нормировании потребления и разгрузке города от излишнего населения. В основе создавшейся ситуации, по мнению совещания, лежала «некоординированность деятельности фронта и тыла», забота Петроградского и Московского железнодорожных узлов. Родзянко и Крупенский предложили ввиду серьезности положения доложить об этом императору и просить его принять председательство в заседании Особого совещания по этому вопросу – вера во всемогущество верховной власти еще не покидала убежденных монархистов. Совещание одобрило предложение, однако реакции «сверху» не последовало*. Едва ли не единственным результатом длительных переговоров стало назначение на пост начальника транспортного управления при Ставке представителя МПС, что формально объединило и централизовало руководство железнодорожным транспортом. Но скольконибудь существенных сдвигов в работе железных дорог достигнуть так и не удалось. Совещание неоднократно возвращалось к проблеме перевозок, настаивая на интенсификации движения поездов за счет более плотного графика, на ускорении разгрузки вагонов, на использовании водных путей сообщения и т. п. На заседании 19 декабря 1915 г. Родзянко в очередной раз заявил, что главная причина кризиса – «отсутствие единой и сильной власти». На этот раз решено было обратиться к Совету министров с просьбой о принятии комплекса мер по преодолению нараставшего транспортного коллапса. В конце концов, товарищ министра путей сообщения П. Н. Думитрашко на заседании 3 февраля 1916 г. вынужден был признать, что главная причина кризиса перевозок кроется не столько в «нераспорядительности» его ведомства, сколько «в неразвитости нашей железнодорожной сети, недостаточной для обслуживания потребностей страны и армии». Тем не менее Родзянко с горячностью заявил, что «если Особое совещание по перевозкам не справляется, то лучше дело передать Особому совещанию по обороне», о чем следует довести до сведения того же Совета министров**. Этот демарш, естественно, не решая проб-

* ЖОСО. Т. 1. 1915 год. С. 408–410, 411.

** ЖОСО. Т. 2. 1916 год. С. 78–79. Несколько позднее, 23 апреля 1916 г., представитель МПС так охарактеризовал состояние железнодорожного дела: двойная колея имеется лишь на $\frac{1}{4}$ протяженности дорог, вагонный парк в 4–5 раз менее, чем на граничных дорогах, паровозы большей частью устарелого, слабого типа, узловые стан-

лему, не мог способствовать и налаживанию отношений между ведомствами. Отчаявшись в попытках добиться нормального снабжения оборонных предприятий, военное ведомство сконцентрировало свои усилия на решении частных проблем: разблокирование пробок при разгрузке судов с заграничными грузами в портах Архангельска и Владивостока, позднее – на строительстве Мурманской железной дороги. Архангельский район со всей транспортной и складской инфраструктурой был подчинен особому главноначальствующему, назначавшемуся военным министром. Все это, не компенсируя слабость материальной базы транспортной инфраструктуры, вело скорее к ведомственному соперничеству, а не к координации усилий.

Другой важной проблемой, вызвавшей межведомственные разногласия, стало снабжение работающих на оборону предприятий металлами. Напряженность в этой сфере тяжелее всего сказывалась на частной промышленности. В декабре 1915 г. по инициативе руководства ЦВПК при Особом совещании по обороне был учрежден Metallургический комитет под председательством специального уполномоченного (им был назначен генерал А. З. Мышлаевский)*. В него вошли представители от ведомств – военного, морского, торговли и промышленности, финансов, путей сообщения, от общественных организаций (ЦВПК, Земского и Городского союзов), а также – от Советов съездов представителей промышленности и торговли, горнопромышленников Урала и Юга России. Решения Комитета должны были проводиться через районные заводские совещания. Уже к весне 1916 г. Комитет, созданный в основном как орган по распределению металлов между предприятиями, наряду с организационной неразберихой, царившей в заводских совещаниях, столкнулся с проблемами сокращения производства металлургическими заводами из-за недостатка сырья, топлива, рабочей силы. Решая эти задачи, Особое совещание широко использовало учетный и регистрационный аппарат мощных синдикатов «Продамета» и «Кровля», попыталось установить порядок ценообразования на продукцию заводов и, наконец, расширило полномочия председателя Комитета и создало собственную сеть местных комитетских организаций.

Согласно новому «Положению», утвержденному Особым совещанием 15 июня 1916 г., председатель Комитета, который стал теперь называться главным уполномоченным по снабжению металлами, получал все властные

ции не развиты и на форсированную работу не рассчитаны. По поводу этой информации Родзянко заявил, что «положение перевозок трагическое», и предложил довести об этом до сведения монарха.

* Подробнее об истории создания и деятельности Metallургического комитета см.: *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России. С. 147–155; *Тарновский К. Н.* Формирование государственно-монополистического капитализма в России в годы Первой мировой войны (на примере металлургической промышленности). М., 1958. С. 57–137.

полномочия, члены же имели теперь лишь совещательный голос. Эта реорганизация помимо выявившихся недостатков в работе Комитета в значительной мере была продиктована и позициями конкурирующих ведомств, особенно МПС и МТиП, которые стремились перехватить у военного ведомства функции по распределению заказов на металлы. Трепов, назначенный министром путей сообщения, был вообще за ликвидацию Комитета. Министр торговли и промышленности Шаховской, возглавлявший Особое совещание по топливу, предлагал создать такой орган при своем ведомстве, ссылаясь на то, что оно исторически имеет тесные связи с металлургической отраслью. В ходе обсуждения этого вопроса в специальной комиссии представители министерства заявили, что признание первенствующими потребностей обороны не должно означать, что военному ведомству надо передавать «все, связанные с обороной, отрасли государственного хозяйства», что Совещание по топливу имеет ту же конечную цель, что и Совещание по обороне. Однако в конечном счете комиссия пришла к выводу, что военное министерство, «сохраняя за собой формальные права по управлению заводами, изготовляющими снаряжение армии, было бы лишено фактической силы обеспечить поставку этим заводам необходимого металла и, следовательно, утратило бы действительное руководство мерами обороны и что результатом было бы установление двоевластия в этой важной отрасли»*. Реорганизованный Комитет рассчитывал взять на себя функцию распределения заказов между ведомствами. Однако Совет министров, заслушав доклад его главы о предстоящей деятельности, заметно ограничил его компетенцию: во-первых, председатель Совета министров оставил за собой окончательное утверждение ведомственной разверстки и, во-вторых, министры высказались против использования Комитетом аппарата предпринимательских объединений, особенно синдикатов, предоставив право распределения заказов по заводам самим ведомствам. Реализация этой схемы вскоре обнаружила все ее изъяны. Ведомства запутались в распределении заказов. Прошло еще немало времени, чтобы их представители пришли к пониманию необходимости использовать учетно-распределительный аппарат Комитета и синдикатов.

Примерно такая же судьба постигла и организацию закупки цветных металлов за границей, которая также перешла в ведение Особого совещания по обороне**. Созданный в августе 1915 г., также по инициативе ЦВПК, Комитет по снабжению заводов металлами заграничного производства должен был заниматься закупкой и распределением цветных металлов. Новое учреждение фактически повторило судьбу Металлургического комитета. Несмотря на противодействие министерств торговли и промышленности и путей сообщения, пытавшихся вывести снабжение заводов металлами из компетенции

* РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 56. Л. 130, 132–133; *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России. С. 149.

** См.: *Тарновский К. Н.* Указ. соч. С. 138–197.

Особого совещания по обороне и даже получивших поддержку их притязаний Советом министров, вопросы закупки цветных металлов за границей все же постепенно перешли в ведение военного ведомства. 13 января 1916 г. Особое совещание по обороне одобрило разработанный подготовительной комиссией по артиллерийским вопросам проект – «Об уполномоченном и Комитете по снабжению заводов металлами заграничного производства», а 30 марта оба Комитета были объединены. В обоих случаях военное ведомство взяло верх. Но много времени и усилий, столь необходимых для организации снабжения предприятий металлами, было бесцельно потрачено на межведомственные дразги.

Как уже отмечалось, на заседаниях Особого совещания по обороне по мере нарастания экономических и социальных проблем все чаще стали обсуждаться вопросы снабжения предприятий сырьем, топливом, рабочей силой, производственные затруднения и другие проблемы в их общероссийском масштабе, формально прямо не входившие в компетенцию военно-регулирующего органа. Ведущие министерства все чаще выступали против верховенства Особого совещания по обороне и военного ведомства вообще. На заседании 23 декабря 1915 г., обсуждавшем проблему снабжения предприятий углем, председатель Особого совещания по топливу даже заявил, что расширение имеющихся в Петрограде производств, в том числе и оборонных, может иметь место только с его согласия, на что Особое совещание по обороне в довольно жесткой форме ответило, что эти вопросы по закону находятся в компетенции исключительно его председателя*.

В решение обострившегося рабочего вопроса также оказались втянуты ряд ведомств. МТиП, стремясь сохранить за собой позиции в разрешении трудового законодательства, настаивало на приоритете в разрешении трудовых конфликтов фабричной инспекции и горного надзора. На практике, как уже отмечалось, борьба с забастовочным движением и несанкционированными переходами рабочих велась на уровне местных полицейско-административных органов и районных заводских совещаний, при тесном контакте с местными обществами заводчиков и фабрикантов. Особенно «усердствовали» в подавлении стачек уполномоченные Петроградского и Московского районных совещаний (генерал Фролов, вскоре оказавшийся в Особом совещании по обороне, и С. И. Чердынцев). Но их активность не всегда была эффективна. Совет министров 13 мая 1916 г. вынужден был признать несогласованность в действиях местных властей. Специальное межведомственное совещание, проведенное по инициативе МВД 10 и 13 июля, отвергло как чрезмерные претензии Министерства торговли и промышленности, так и практику районных заводских совещаний военного ведомства. Было признано, что все мероприятия по борьбе со стачками должны объединяться на местах губернаторами при участии чинов фабричной инспекции и горного надзора и что представители

* ЖОСО. Т. 1. 1915 год. С. 505.

Особого совещания по обороне не должны вмешиваться в их компетенцию. Совет министров 22 июня одобрил это решение. Председатели районных заводских совещаний еще некоторое время активно проводили собственную линию и даже пытались настоять на пересмотре этого решения. Военный министр вынужден был оповестить своих подчиненных, что «положение Совета министров от 22 июня с. г. пересмотру подвергнуто не будет»^{*}.

Особенно активно с целью перераспределения властных полномочий среди регулирующих органов действовало МВД. А. Н. Хвостов вступил в конфронтацию с Особыми совещаниями по продовольствию и топливу, добиваясь передачи его ведомству всех вопросов по борьбе с дороговизной, а затем и вообще снабжения населения продовольствием. В записке, направленной в Совет министров 23 октября 1915 г., он утверждал, что обеспечение населения продовольствием всегда являлось «заботой» губернаторов, а на министра внутренних дел возлагались «надзор и общее руководство местными властями по этому предмету». В итоге он добился высочайшего повеления о возложении на губернаторов объединения на местах всех мероприятий по борьбе со спекулятивным ростом цен на продовольствие. Позднее при министерстве был создан Комитет по борьбе с дороговизной, что опять-таки затрагивало сферу деятельности Особого совещания по продовольствию. Что же касается Совещания по топливу, то понадобилось особое распоряжение императора от 18 апреля 1916 г., чтобы прекратить вмешательство других ведомств в его компетенцию.

Особо жесткое противостояние сложилось у МВД с Особым совещанием по обороне. Уловив негативное отношение монарха к военно-промышленным комитетам, оно даже разработало проект их реорганизации. Вопрос обсуждался 4 и 11 июля в Совете министров, где прозвучали предложения о полном их упразднении (Трепов) или о постепенном ограничении их в заказах (Шаховской) и введении в руководство комитетов представителей ведомств в количестве не менее $\frac{2}{3}$ общего состава. Д. С. Шуваеву, сменившему в марте 1916 г. Поливанова на посту военного министра, с трудом удалось отстоять поставщиков ведомства. В обоснование своей позиции он заявил, что «само создание теперешних военно-промышленных комитетов было обусловлено несостоятельностью правительства в деле удовлетворения всех военных потребностей». Более того, по его мнению, «представляется несомненным, что своими силами оно не в состоянии будет справляться с этим делом и впредь»^{**}. Проект не прошел. Правда, правительство под предлогом срыва сроков поставок стало постепенно сокращать заказы ЦВПК, Земскому и Городскому союзам. Однако полностью отказаться от их содействия в снабжении армии и организации тыла было уже практически невозможно.

^{*} Лаврычев В. Я. Указ. соч. С. 285–287.

^{**} Там же. С. 129.

По мере нарастания межведомственных конфликтов Совет министров и сам монарх с нарастающим раздражением относились к претензиям Особого совещания по обороне на особое положение в системе военно-регулирующих органов. Это ощущалось и в самом Совещании. Весьма болезненно его члены восприняли решение Николая II направить в сентябре 1915 г. для обследования петроградских предприятий лично им сформированную комиссию, приняв это как знак недоверия. Затем в январе–феврале 1916 г. разгорелся скандал по поводу исключения из Русско-Английского правительственного комитета представителей общественных организаций. Просьбу Поливанова пересмотреть это решение Совет министров отверг, указав, что Комитет является правительственным учреждением и потому заграничные заказы должны распределяться исключительно через ведомства, а возможные безответственные выступления в нем «общественников» могут нанести ущерб его авторитету. В ответ часть членов Совещания заявили, что, согласно «Положению», оно не подчиняется Совету министров, который не может давать ему предписаний. Все участники заседания, за исключением представителей ведомств, поддержали эту позицию. Поливанов отстаивал ее и на заседании Совета министров, что в конечном итоге стоило ему министерского поста*.

Новый военный министр Д. С. Шуваев (15.03.1916 – 3.01.1917) продолжил линию на отстаивание полномочий своего ведомства и Особого совещания по обороне. На заседании 1 июня 1916 г. в ходе очередного обсуждения вопроса о работе Англо-Русского комитета было высказано мнение, что последний превысил свои полномочия, присвоив часть важных функций Особого совещания и неоправданно передав утверждение всех заграничных заказов Отделу промышленности Министерства торговли и промышленности. Родзянко и здесь не удержался, заявив, что «это обусловлено успехами Особого совещания в налаживании снабжения армии», к чему стремятся примазаться непричастные к обороне учреждения, и что многовластие стало причиной сбоев и в работе Комитета. Шуваев заверил, что он сохранит всю полноту власти Совещания**. Правда, он как бы поддержал и линию на ограничение деятельности общественных организаций. По его мнению, последние могли распределять заказы в основном среди мелких предприятий, крупные же фирмы должны получать заказы непосредственно через управления военного министерства. В целом ему формально пока удалось отстоять в полемике со смежными ведомствами полномочия Особого совещания по обороне. Более того, он ходатайствовал о передаче ему вопросов обеспечения продовольствием рабочих оборонных предприятий и даже получил согласие императора. Но в то же время он отказался от предложения обсудить этот вопрос на соединенном заседании всех Особых совещаний, опасаясь, видимо, претензий глав соперничающих ве-

* ЖОСО. Т. 2. 1916 год. С. 30, 91–92, 98, 110–112.

** Там же. С. 296.

домств и стремясь сохранить за «своим» учреждением круг полномочий, отведенных «положением»^{*}.

Обострение межведомственных конфликтов и падение престижа и координирующих возможностей Особого совещания по обороне заставило правящие круги задуматься о создании более авторитетного и наделенного большими правами регулирующего органа. По предложению министра земледелия А. Н. Наумова, в чьем ведении было Особое совещание по продовольствию, в декабре 1915 г. был учрежден «совет пяти» ведущих министров (военного, внутренних дел, торговли и промышленности, земледелия и путей сообщения), которые в той или иной мере отвечали за снабжение армии и населения. На первых заседаниях этой «пятерки» председательствовал Трепов, еще недавно входивший в состав Особого совещания по обороне, а теперь ставший одним из самых непримиримых оппонентов Поливанова. Основное внимание нового координирующего органа было сосредоточено на текущих делах: поставки в столицы и некоторые промышленные центры продовольствия, топлива, поднятие производительности угольных шахт Донбасса, ускорение оборота вагонов. Однако каких-либо заметных достижений в его деятельности не оказалось. Наумов отмечал, что в деле снабжения населения топливом и продовольствием, особенно на местном уровне, по-прежнему наблюдалась полная разрозненность и обособленность^{**}. Было предложено учредить в каждой губернии под председательством губернаторов губернские советы уполномоченных председателей Особых совещаний. Предусматривалось создание межведомственных органов «для объединения деятельности местных организаций, ведающих делом военной обороны, государственного порядка и обеспечения населения продовольствием и топливом, а равно перевозку», что опять-таки в какой-то мере сужало полномочия Особого совещания по обороне. Более того, на заседаниях «пятерки» в феврале–марте 1916 г. министру торговли и промышленности все же было поручено разработать план организации частичной эвакуации предприятий из Петрограда. Была создана межведомственная комиссия по этому вопросу под председательством представителя МВД. Шуваеву с трудом удалось отстоять полномочия «своего» Совещания в отношении оборонных заводов. Таким образом, Особое совещание по обороне постепенно теряло отведенные ему «Положением» координирующие функции. Новый министерский орган оказался недееспособен, лишь усугубив конфликты в системе Особых совещаний, так как противоречия между ведомствами выходили на более высокий, правительственный, уровень. В результате новый председатель Совета министров Б. В. Штюрмер уже 21 марта 1916 г. упразднил совещание пяти министров.

^{*} ЖОСО. Т. 2. 1916 год. С. 552.

^{**} Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний. Нью-Йорк, 1954. Т. 2. С. 467–469, 524.

2. Попытки создания верховного регулирующего органа

Идея создания единого высшего органа по регулированию экономической жизни страны в чрезвычайных военных условиях становилась все очевиднее и воспринималась в правящих кругах уже как едва ли не единственная панацея в связи с возникавшими трудностями. В военных и бюрократических сферах появляются различные проекты создания верховного органа, наделенного диктаторскими полномочиями. Наиболее радикальным было предложение начальника штаба Ставки Алексеева*. В специальном докладе императору, представленном 15 июня 1916 г., ссылаясь на обостряющуюся нехватку продовольствия, металлов, развал транспорта, вопиющие нарушения заграничных поставок, недостаток рабочих рук на оборонных заводах, он высказывался за более жесткую милитаризацию всей жизни страны. Для этого предлагалось создать должность Верховного министра обороны, который бы руководил деятельностью всех министров и подчинялся только монарху. На заседании правительства, состоявшегося 28 июня под председательством Николая II, план Алексеева, как ведущий фактически к установлению военной диктатуры, был отвергнут. Вместо этого решено было создать высшее координационное учреждение – Совещание министров для объединения всех мероприятий по снабжению армии и флота и организации тыла. В журнале заседания Совета министров указывалось, что опыт деятельности Особых совещаний показал необходимость возложения на главу правительства «объединяющее руководство и наблюдение за всеми мероприятиями, проводимыми по всем установлениям, ведомствам и учреждениям в целях снабжения армии и флота и организации тыла». Постановления этого Совещания, подведомственного только императору, должны считаться окончательными и обязательными для выполнения всеми председателями Особых совещаний. Однако новое учреждение, как показывают исследования, фактически привело не к замене многовластия в тылу и на фронте единым регулирующим органом, а к ослаблению существовавших центров принятия решений**.

Шуваев открыто выступил против умаления роли военного ведомства и Особого совещания по обороне. Оно по-прежнему решало на своих заседаниях не только вопросы, касающиеся военного производства, но и обсужда-

* Как считает В. В. Поликарпов, инициатором и автором доклада был начальник ГАУ А. А. Маниковский, чьи промонархические и военно-диктаторские взгляды были известны в думских и властных кругах и который сам считался одной из кандидатур в диктаторы // См.: *Поликарпов В. В.* От Цусимы к Февралю. С. 314.

** *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967. С. 96–105; *Воронкова С. В.* Материалы Особого совещания по обороне. Источниковедческое исследование. М., 1975; *Флоринский М. Ф.* Кризис государственного управления России в годы Первой мировой войны. (Совет министров в 1914–1917 гг.) Л., 1988. С. 152.

ло продовольственные, топливные и транспортные проблемы. Причем министр уже предпочитал не выносить их на обсуждение с соответствующими специальными совещаниями, а приглашал для решения конкретных вопросов представителей ведомств и предпринимательских объединений. Однако в декабре страну захлестнула очередная волна общеэкономического кризиса. На декабрьских и январских заседаниях отмечалось новое ухудшение ситуации с продовольствием, с добычей и перевозками топлива, металлов, с нехваткой рабочей силы в одних регионах (Юг, Урал) и невозможностью использовать ее в полной мере в ряде промышленных центров (Петроград, Москва). Большинство членов Особого совещания по обороне высказывалось за возвращение к практике объединенных заседаний всех Совещаний, желательно под председательством императора. Но Шуваев не пожелал предпринять какие-либо шаги в этом направлении. Новый же военный министр М. А. Беляев (3.01–28.02.1917) фактически отказался от какого-либо воздействия на смежные ведомства. На заседании 11 января 1917 г. он прямо заявил, что вопросы обеспечения предприятий сырьем, топливом, перевозками и т. п. должны решаться соответствующими учреждениями, что он не может взять на себя руководство их деятельностью*.

Какое-то время Совещание продолжало рутинную работу по распределению военных заказов, но нарастающие события заставили его еще раз вернуться к общей оценке состояния экономики страны. На заседании 28 января В. П. Литвинов-Фалинский заявил, что из-за расстройств транспорта начинают останавливаться заводы, работающие на оборону, что в Московском районе уже прекратили работу около трети предприятий и что та же участь ожидает целый ряд петроградских заводов. Начальник ГАУ Маниковский подтвердил, что останавливаются даже казенные заводы, причем критическим является не только расстройство транспорта, но и состояние металлургической и добывающей промышленности. Родзянко отметил, что, несмотря на объединение транспортного дела в руках МПС, никакого улучшения в перевозках не наблюдается. А. И. Шингарев подверг критике «правительственную власть» за непредусмотрительность в деле снабжения населения продовольствием, отметив, что Совещание неоднократно, но безрезультатно высказывалось за созыв всех Особых совещаний для выработки мер по преодолению назревавшего кризиса. Однако члены Совещания еще надеялись, что из кризисной ситуации можно выйти путем принятия каких-то организационных мер, в том числе и путем обращения за содействием к монарху. П. Н. Крупенский напомнил, что император 22 августа 1915 г. обещал в случае необходимости принять участие в работе Особого совещания по обороне и что теперь следует ходатайствовать о созыве объединенного заседания Совещаний под личным его председательством. Это предложение поддержа-

* ЖОСО. Т. 3. 1917 год. С. 40–41.

ло большинство присутствующих, в том числе и постоянные оппоненты правительства Родзянко и Гучков*.

Весьма характерны для дальнейшего развития событий заседания Совещания начала февраля 1917 г., на повестке дня которых, сначала отнюдь не на первом месте, стояли вопросы нарастания продовольственного и топливного кризиса. Большинство выступавших почему-то были убеждены, что главной причиной всех затруднений является нерасторопность Особого совещания по топливу, «не озаботившегося» своевременным заключением соглашения с углепромышленниками из-за расхождений в цене на уголь. Фактически же причины кризиса были значительно существенней. Родзянко в очередной раз напомнил, что Особое совещание по обороне неоднократно обращало внимание властей на возможность наступления нынешнего коллапса и предлагало принять предупредительные меры. Теперь же наступает и продовольственная опасность, которая ставит под угрозу успешный исход всей военной кампании. Ухудшение ситуации в этой сфере назревало давно и во многом было связано с попытками введения твердых цен на продовольствие, межведомственными «разборками», а затем и с программой нового министра земледелия и председателя Особого совещания по продовольствию А. А. Риттиха, предусматривавшей разверстку продовольственных поставок между местностями. В ходе реализации этой программы обнаружились ее многочисленные изъяны, помноженные на растущее недовольство деревни, что крайне негативно сказалось на снабжении армии и промышленных центров. В связи с этим Родзянко при поддержке большинства участников заседания в очередной раз предложил ходатайствовать о созыве объединенного заседания всех Особых совещаний под председательством императора. На это Беляев ответил, что он в курсе всех затруднений. По его мнению, опасения, высказанные председателем Думы, являются преувеличенными и преждевременными: о наступлении общего кризиса в доставке продовольствия говорить пока не приходится и, по его убеждению, «не придется и впредь». На предупреждение о том, что в населении растет тревога по поводу нарастающих трудностей, он предложил членам Совещания заняться «рассеиванием» этих настроений. Император вполне осведомлен о действительном положении дел из докладов, которые он, как председатель Совещания, ему представляет**.

На следующем заседании, 4 февраля, его участники вновь обсуждали складывавшуюся ситуацию и меры борьбы с кризисными явлениями в экономике. И опять большинство присутствовавших задались вопросом – знает ли монарх о всей серьезности создавшегося положения? Лишь Марков и Стишинский выступили против обращения к императору, заявив, что Совещание ограничилось лишь общей констатацией наступившего кризиса и не предлагает каких-

* Там же. С. 93–96.

** Там же. С. 104–106.

либо новых конкретных мер для выхода из него. Это дало повод Беляеву еще раз выразить сомнение в необходимости созыва объединенного заседания Особых совещаний. Крупенский предложил несколько изменить содержание ходатайства и просить о проведении под председательством императора заседания хотя бы только Особого совещания по обороне. Пожалуй, впервые после обсуждения проблемы секвестра Путиловского завода участники так кардинально разошлись во мнениях. Предложение Крупенского получило 18 голосов, против – 9, воздержались 5 представителей ведомств. Беляев под предлогом занятости покинул заседание. Тогда высказавшиеся за ходатайство перед императором члены составили письменное обращение к председателю с требованием передать их мнение монарху^{*}.

Через неделю Беляев, сделав выговор участникам заседания за разглашение ими в печати «тайны суждений Совещания», заявил, что по всеподданнейшему ходатайству ему «высочайше повелено передать членам Совещания, что Государь Император соизволит принять участие в работе Совещания, когда ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ благоудно будет признать это необходимым»^{**}. На этом, собственно, и закончились попытки установить непосредственное общение Особых совещаний с монархом. Через три недели последовало отречение императора, и проблема созыва объединенного заседания военно-регулирующих учреждений под его председательством отпала сама собой.

На первом же после отречения Николая II заседании Особого совещания по обороне (6 марта 1917 г.) новый военный министр Гучков заявил, что, по его сведениям, «новый строй получил всенародное и всеармейское признание». «Однако, – предупреждал он, – вызванное переворотом возбуждение еще не улеглось и в этом заключается некоторая государственная и стратегическая опасность. Очередной задачей является установление нормального хода жизни путем объединения творческой работы всех живых сил страны». От участников заседания выступил член Госсовета Гурко, заверивший председателя, что члены Совещания «от всей души приветствуют тех лиц, которые вывели Россию на новый путь...», и что они готовы содействовать ее «благосостоянию и процветанию»^{***}. Однако в новых условиях Совещание, столкнувшись с рядом новых трудностей социально-экономического и общественно-политического

* ЖОСО. Т. 3. 1917 год. С. 108–114; 116–117. Обращение подписали 19 членов Совещания: депутаты Думы М. В. Родзянко, А. А. Добровольский, Д. Н. Чихачев, В. А. Маклаков, Н. В. Некрасов, А. Н. Коновалов, П. Н. Крупенский, А. И. Шингарев, Н. В. Челноков, Н. В. Савич, Н. Н. Львов; члены Госсовета М. А. Стахович, А. И. Гучков, В. И. Тимирязев, И. А. Шебеко, С. Ф. Ольденбург, В. Н. Гурко, Карпов, барон В. В. Меллер-Закомельский.

** Там же. С. 130–131.

*** ЖОСО. Т. 3. 1917 год. С. 152.

характера, уже не могло играть прежнюю роль. Его компетенция постепенно была ограничена исключительно вопросами военно-технического снабжения армии*. В июне и сентябре 1917 г. были подготовлены проекты нового «Положения», которое фактически лишало Совещание статуса «высшего государственного установления». В какой-то мере это было связано с созданием в июле этого года Главного экономического комитета и Государственного экономического совета, на которые предполагалось возложить задачи как экономического регулирования всего народного хозяйства страны, так и разработку общих вопросов правительственной экономической политики. Однако и этим планам так и не суждено было сбыться. Реорганизация Особого совещания по обороне свелась к некоторым изменениям его структуры, касающимся в основном уменьшения количества его комитетов и комиссий. В его состав были введены представители министерств земледелия, труда, председатели Совещаний по транспорту, по распределению металлов и топлива, а также представители от Советов (4 от рабочих и 2 от крестьянских), от казенных заводов, заметно расширен круг постоянно приглашаемых участников заседаний. Были исключены ревностные сторонники старого режима: военный министр Беляев, председатель Госсовета Щегловитов, Стишинский, вице-адмирал В. К. Гирс и др. Формально оно по-прежнему возглавлялось военным министром. Этот пост последовательно занимали А. И. Гучков (2.03–30.04.1917), А. Ф. Керенский (5.05–30.08), А. И. Верховский (30.08–20.10.1917). Фактически же еще по распоряжению Гучкова с мая 1917 г. в Совещании председательствовал П. И. Пальчинский, товарищ министра торговли и промышленности, тесно связанный с крупным бизнесом, занимавший также посты главного уполномоченного по снабжению металлами и топливом, заместителя председателя Особого Совещания по топливу, что заметно усилило позиции крупного капитала, но не добавило эффективности деятельности этого учреждения.

После октября 1917 г. происходит дальнейшее сужение функций Особого Совещания по обороне. Оно постепенно расформируется, и отдельные его подразделения передаются в ведение Наркомвоенмора и ВСНХ. Советское государство использовало его статистический и регистрационный аппарат для демобилизации экономики и создания новых учреждений по регулированию хозяйственной жизни страны**.

* *Волобуев П. В.* Экономическая политика Временного правительства. М., 1962.

** *Венедиктов А. В.* Организация государственной промышленности в СССР. Л., 1957. Ч. 1; *Коваленко Д. А.* Оборонная промышленность Советской России в 1918–1920 гг. М., 1970; *Сомов С. А.* Последние страницы Особого совещания по обороне (октябрь 1917–1918 гг.) // Исторические записки. М., 1972. Т. 90. С. 78–108; *Воронкова С. В.* Особое совещание по обороне государства в конце 1917–1918 гг. // Вестник Московского университета. Серия «История». 1972. № 6.

Россия, как и ее союзники по Антанте, вступила в мировую войну, развязанную странами Тройственного союза, не подготовленной к продолжительным и широкомасштабным боевым действиям. В военном отношении лучше других участников мировой бойни оказалась готова Германия, которая параллельно с разработкой планов блицкрига занималась подготовкой мобилизации всей экономики. Тем не менее общеполитическая обстановка в начале войны благоприятствовала Антанте. Ее неформальным лидером на первом этапе вооруженного конфликта стала Россия со своей самой многочисленной в блоке и в целом успешно воевавшей армией. Петроград выступил инициатором окончательного оформления Антанты как военно-политического блока (по Лондонской декларации от 5 сентября 1914 г.), а затем и главным разработчиком конфигурации будущих европейских границ и послевоенного мироустройства. На первый план российский проект, в целом поддержанный союзниками по Антанте, выдвигал кардинальное «обезврежение» государств Тройственного союза путем их низведения до положения второстепенных держав и удовлетворения за их счет собственных (и союзников) территориальных притязаний, а также обеспечение государственной целостности и независимости европейских стран, на земли и суверенитет которых планировал покуситься агрессор. Весной 1915 г. Петроград добился согласия Лондона и Парижа и на послевоенное решение проблемы Константинополя и черноморских проливов в свою пользу, что явилось крупнейшим достижением царской дипломатии за годы войны. Вместе с включением в свой состав восстановленной в этнографических границах, «свободной» (автономной) Польши перечисленные цели России в войне оставались ее неизменными внешнеполитическими приоритетами вплоть до прихода к власти большевиков осенью 1917 г.

Независимо от степени их осуществимости устремления Антанты на мировой арене заставляют усомниться в универсальности ленинских характеристик Первой мировой войны как «династической» и «империалистической с обеих сторон», а одну из ее «главных причин» (как и «капиталистических» войн вообще) видеть в «борьбе за колонии, столкновении торговых интересов»^{*}. Еще менее русский проект итогов войны соответствует его оценкам позднейшими зарубежными исследователями. Ни по своей букве, ни по духу он не предполагал раздела Европы на сферы восточного (русского) и западного влияния, на противостоящие друг другу «блоки» с ослабленной Германией между ними в качестве «буфера», как утверждал, например, американский историк Дж. Смит-младший^{**}. Такая оценка – не более чем типичная для западной историографии времен «холодной войны» экстраполяция итогов Второй мировой

^{*} Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 202; Т. 26. С. 1, 15–17, 28–29 и др.

^{**} См., напр.: *Smith C. Jay, Jr. The Russian Struggle for Power, 1914–1917. A Study of Russian Foreign Policy during the First World War.* New York, 1956. P. XI–XII, 49–50. В последующем создании восточно-европейского коммунистического блока под

войны на более ранний период. Лишь в последние годы зарубежные исследователи начали высказывать сомнения в правомерности такого подхода, равно как и в справедливости традиционного для историков Запада представления о «наследственном, неумолимом и безжалостном экспансионизме» российской внешней политики во все времена*.

В ходе второго этапа мировой войны (май–декабрь 1915 г.), когда довоенные боевые запасы были исчерпаны, а отечественная промышленность продемонстрировала неспособность к их полновесному восполнению, Россия стала терять военно-политические позиции, завоеванные ранее. Ее армия оказалась не в состоянии противостоять широкому наступлению, начатому Германией и Австро-Венгрией весной 1915 г. на восточном фронте. Вернуть обширные территории, оставленные в ходе своего последовавшего пятимесячного отступления, царская Россия так и не смогла, а ее финансово-экономическая и военно-техническая зависимость от союзников все это время лишь нарастала. С конца 1915 г. роль лидеров Антанты, преобразованной в Пятерной союз, перешла к Франции в военной сфере и к Великобритании – в финансово-экономической.

В 1916 г., на протяжении третьего этапа войны, ряды Антанты продолжали расти, а сам блок укрепляться в политическом и военном отношениях, но не боеготовность русской армии и вес России в международных делах. Довершил дело острый внутривнутриполитический кризис зимы 1916/17 г. В результате к началу 1917 г. царская Россия превратилась в политически нестабильного, обескровленного войной и уставшего от нее аутсайдера, нуждавшегося в постоянной материальной «подпитке» извне, ее верховная власть начала утрачивать контроль над ситуацией, высшее командование – волю к борьбе, а войско, «зараженное» антиправительственным духом, – разлагаться и разбегаться. События развивались по худшему из возможных сценариев. Хотя в 1916 г. стратегической инициативой овладела Антанта и к началу 1917 г. ее военное превосходство над Тройственным союзом стало уже подавляющим (общая численность его армий составляла тогда лишь немногим более трети совокупных вооруженных сил противостоящего блока), решающего перелома в войне, запланированного союзным командованием с расчетом на российское участие, в 1917 г. не произошло.

Важнейшим фактором, определявшим ход военных действий, особенно на первом этапе войны, а затем и положение каждого из участников блоковой системы, была степень обеспеченности армий вооружением и боеприпасами, а также военно-экономический потенциал страны. Довоенные запасы у всех

эгидой СССР Дж. Смит усмотрел преемственность царской и советской внешней политики.

* См.: *Taranovski Th. Institutions, Political Culture, and Foreign Policy in Late Imperial Russia* // Казань, Москва, Петербург: Российская империя взглядом из разных углов. М., 1997. С. 54.

воюющих сторон, рассчитывавших на скорое окончание войны, быстро иссякли, и на первый план вышли задачи мобилизации и милитаризации экономики. В этом плане в наиболее выигрышном положении оказалась Германия. Как справедливо отмечал осенью 1915 г. в своем докладе Особому совещанию по обороне В. П. Литвинов-Фалинский, «Германия в военно-промышленном отношении подготовлена лучше не только России, но и Франции и Англии». Объяснялось это прежде всего тем, что Германия еще в предвоенные годы сумела развить мощную военную промышленность, в том числе частную. В выполнении военных программ крупную роль сыграли предпринимательские объединения и фирмы. «Немецкие фербанды и ферейны, возникшие при мобилизации промышленности, обнимают почти все виды военной промышленности Германии и являются опорой снабжения германской армии, – констатировал тот же Литвинов. – Правительство дало некоторым из них, например металлургическому, шерстяному и продовольственному, даже часть своей власти – право реквизиции соответствующих предметов»^{*}. Опередила Германия страны Антанты и в сроках создания военно-регулирующих органов. Еще в мае 1914 г. германское правительство провело заседание Хозяйственного комитета с участием представителей банков и крупных фирм, на котором были определены принципы мобилизации и милитаризации промышленности и торговли. Это обстоятельство также было отмечено российскими предпринимательскими кругами. «В Германии рядом с военным штабом оказался штаб экономический, – отмечал один из лидеров горнопромышленников Юга России. – Он образовался из больших общественных экономических организаций, функционировавших раньше, и он так прошел своей работой по экономическим порядкам страны сверху донизу, что не осталось ни одной области, которой бы он не коснулся и на которую бы он не воздействовал»^{**}.

Россия заметно запоздала как с созданием военно-регулирующих органов, так и с широкой мобилизацией частной промышленности. Почти год военное ведомство, даже исчерпав довоенные запасы, было ориентировано на снабжение армии за счет интенсификации производства казенных и сравнительно немногих крупных частных предприятий, в основном из числа традиционных контрагентов военного и морского ведомств. Ход военных событий, все более явственно обнаружившееся несоответствие производственных возможностей казенного сектора и узкого круга частных контрагентов резко возросшим потребностям армии, неоправдавшиеся надежды на заграничные поставки заставили власть пойти навстречу требованиям широких слоев буржуазии о допуске их к участию в работе на оборону. Это потребовало привлечения в качестве рычагов мобилизации и перестройки экономики различных пред-

^{*} Цит. по: *Лаврычев В. Я.* Указ. соч. С. 53; РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 258. Л. 21–22.

^{**} Торгово-промышленный Юг. 1915. № 20. Стлб. 9.

принимательских объединений, как представительских (советов всероссийских, региональных и отраслевых съездов, различных комитетов и т. п.), так и организационно-производственных (банковско-промышленных холдингов, картелей, синдикатов). Власть вынуждена была пойти и на легитимацию создаваемых военно-регулирующих органов путем привлечения в них представителей законодательных палат, предпринимательских кругов и «общественности». Коалиционный характер состава этих учреждений сам по себе, видимо, еще не являлся проявлением кризиса правящего режима, гарантом его целостности было сохранение властной «вертикали». Но вынужденный характер этого шага подчеркивало то обстоятельство, что, разрешив создание Всероссийских Земского и Городского союзов, представлявших широкие буржуазные слои, правительство, учитывая оппозиционность их лидеров, так и не «конституировало» эти организации, признав, таким образом, их временный характер, а затем предприняло ряд мер по сокращению им военных заказов и ограничению присутствия их представителей в заготовительных учреждениях. Попытки же, например, кооперативных деятелей создать аналогичное объединение многотысячных кооперативов (к началу войны в России насчитывалось около 30 тыс. кооперативов с числом членов более 10 млн человек) с целью привлечения последних к закупочно-снабженческим операциям ряда ведомств, так или иначе связанных с военными и продовольственными поставками, были решительно пресечены именно из-за излишне леворадикальной, по мнению полиции, ориентации их лидеров. Центральный кооперативный комитет, созданный почти одновременно с Земским и Городским союзами и ЦВПК и ставивший целью «объединить всю российскую кооперацию для разрешения очередных задач, выдвинутых войной, – организации снабжения и снаряжения армии, борьбы с дороговизной, помощи жертвам войны», был в начале ноября 1915 г. запрещен, а против организаторов возбуждено судебное преследование за «образование сообщества... без надлежащего разрешения»^{*}.

Созданная в августе 1915 г. система Особых совещаний имела целью провести мобилизацию и перестройку всех отраслей экономики и упорядочить деятельность многочисленных временных чрезвычайных учреждений, возникших в первые месяцы войны. Согласно «Положению», утвержденному императором 17 августа 1915 г., ведущая, координирующая роль в этой системе отводилась Особому совещанию по обороне. Формально его компетенция была весьма широка, включая вопросы не только снабжения армии вооружением и боеприпасами, но и обеспечения всех подведомственных ему предприятий рабочей силой, оборудованием, материалами, топливом, транспортом и т. д., что неминуемо выходило за сравнительно узкие ведомственные рамки. Но, обозначив эти направления деятельности Совещания по обороне, «Положение» фактически не предоставило ему достаточных распорядитель-

^{*} Корелин А. П. Кооперация и кооперативное движение в России (1860–1917 гг.). М., 2009. С. 291–293.

ных, властных полномочий в деле решения задач, относящихся к компетенции других, смежных, Совещаний. Фактически его координирующая роль сводилась, в основном, к заслушиванию информации, докладов-отчетов представителей ведомств, представлявших Совещания по топливу, перевозкам, продовольствию, выдаче им рекомендаций по принятию тех или иных мер. Между тем складывавшаяся в стране ситуация все более настоятельно требовала централизации руководства экономикой, координации усилий военных и тыловых структур. Несмотря на внешне кажущуюся жесткую «властную вертикаль» управления мобилизацией и функционированием экономики (министры-председатели Особых совещаний, главноуправляющие специализированных комитетов, председатели районных совещаний, уполномоченные председатели Особых совещаний на предприятиях и т. д.), созданной системе были присущи незавершенность, противоречивость, несогласованность деятельности составлявших ее учреждений. Николаю II, возглавившему Ставку и взвалившему на себя бремя верховного главнокомандующего, не удалось ни объединить руководство фронтом и тылом, ни наладить координацию деятельности Совещаний. И его поведение – спешный отъезд в декабре 1916 г. из Ставки к семье накануне открытия совещания по планированию военных действий на 1917 г. и отказ принять участие в работе Особого совещания по обороне для обсуждения кризисного положения в стране – свидетельствует о полной утрате им представления о масштабах происходящих событий и ответственности за судьбы страны.

Между тем созданная система военно-регулирующих органов едва ли не с самого начала функционирования стала давать организационные «сбои», что обуславливалось недостаточно четким разграничением полномочий и сфер деятельности Особых совещаний, несовпадением ведомственных интересов, усугубленных министерскими амбициями. Все это крайне негативно сказывалось на снабжении фронта и общем состоянии страны. Так, из-за опасений социального взрыва, а фактически и в силу разногласий ведомств не удалось своевременно законодательно закрепить меры по милитаризации промышленности и труда, организовать работу транспорта и распределение металлов, топлива, продовольствия. Стремление Особого совещания по обороне привлечь монарха если не для решения накапливавшихся проблем, то хотя бы в качестве верховного арбитра в спорах между ведомствами в объединенных заседаниях председателей Совещаний, оказалось тщетным. Попытки централизации руководства продолжавшейся перестройкой и функционированием экономики в чрезвычайных военных условиях вылились в 1916 г. в создание межведомственных органов в рамках Совета министров («совет пяти» министров, Особое совещание министров для объединения мероприятий по снабжению армии и флота и организации тыла), а также в учреждении специальных комитетов (металлургический, химический, кожевенный и т. п.), что, однако, так и не смогло устранить «многочалия». В немалой степени этому способствовала и «министерская чехарда», сильнее всего затронувшая именно ведущие ведомства.

Вместе с тем к организационно-управленческим проблемам прибавились несравненно более сложные и масштабные задачи, связанные с общим состоянием российской экономики. Особому совещанию по обороне и его смежникам все же удалось значительно увеличить производительность казенных военных заводов за счет их расширения и модернизации, привлечь широкий круг частных предприятий и заключить соглашения на поставку необходимой продукции союзниками и зарубежными торговыми партнерами. В организации военного производства Россия, хотя и с запозданием, добилась определенных успехов, удачно используя опыт воюющих держав в создании военно-промышленных объединений на основе кооперации крупных, средних и мелких предприятий, создании основ новых отраслей промышленности (химической, авиационной, автомобильной, средств связи и т. п.). Вместе с тем все более очевидной становилась слабость отечественной промышленности, в том числе и военной, усиливавшаяся зависимость России от зарубежных поставок и кредитов, что ставило уже под сомнение возможности отстаивания ею своих интересов с завершением войны. К тому же военно-экономический потенциал страны был заметно ослаблен утратой таких промышленно развитых регионов, как Польша, частично Прибалтика. Власти идут на укрепление государственного сектора за счет реквизиций имущества частных фирм, за счет передачи под ведомственное управление секвестрированных предприятий. И уже в разгар войны правительство и ведомства начинают кампанию по продвижению программ строительства новых казенных заводов, по выдаче субсидий частным компаниям на сооружение предприятий по производству новой техники – с перспективой впоследствии выкупа ряда их в казну.

Война дала мощный импульс формированию государственного капитализма во всех воюющих странах. Расширился и укрепился государственный сектор экономики, значительная доля частной промышленности оказалась мобилизованной и милитаризованной, частное предпринимательство, как и взаимоотношения труда и капитала, оказались в той или иной мере ограничены законодательством и нормативами военного времени. Все эти процессы, связанные с ростом роли государства в экономике, подготовили почву для их усиления в послевоенные годы на Западе, особенно в периоды финансово-промышленных кризисов, получив обоснование в теории «кейнсианства». В России все эти процессы, казалось бы, были вполне идентичны. Здесь и ранее в социально-экономической жизни страны огромную роль играло государственное хозяйство (казенные заводы, железные дороги, различные «регалии» и т. п.). Мобилизационный фактор, в виде покровительства частной промышленности в 80–90-е гг. XIX в., а затем военные заказы сыграли заметную роль в развитии экономики. Но эти достижения, как показала война, были относительны. В годы войны отчетливо проявились слабости государственного сектора (малочисленность и низкая производительность казенных предприятий, отсутствие новейших видов производств, развал транспортной инфраструктуры и т. д.). Правительство крайне осторожно относилось к изменениям в торгово-промышленном и рабочем законодательстве, что обуслов-

ливалось в значительной мере постоянным напряжением в политической и социальной сферах. Причем если на Западе многие мероприятия по военно-экономическому регулированию проводились по соглашению с предпринимательскими и общественными кругами, опирались на установившиеся традиции, нормы, сформировавшуюся культуру взаимоотношений, то в России они часто встречали со стороны и буржуазии, и трудовых слоев настороженное и даже враждебное отношение. Не случайно меры правительства по ограничению коммерческой свободы, введению контроля над деятельностью предприятий, ограничению предпринимательской прибыли, по усилению государственного сектора экономики вызывали недовольство предпринимателей, требовавших и в годы войны продолжения политики покровительства частной промышленности. Соответственно власть с недоверием и опаской относилась к возникшей системе военно-регулирующих органов, особенно Совещанию по обороне, рассматривая это прежде всего как уступку предпринимателям и «общественности». Потому, применяя термин «государственный капитализм» к России, видимо, следует иметь в виду его особенность – здесь власть до 1917 г. по сути своей была социально чужда предпринимательской массе, фактически даже антибуржуазна, а так называемая «деловая» буржуазия в массе своей не созрела до понимания общегосударственных интересов. Общая социально-политическая напряженность в стране разразилась февральским переворотом, которому, однако, не суждено было стать для страны созидательным.

Часть II
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ
(Н. А. Иванова)

Российская империя начала XX в. отличалась быстрой демографической и социальной динамикой. Бурный рост численности населения сопровождался прогрессивными явлениями в его воспроизводстве, семейных отношениях, усилении социальной мобильности, урбанизации. Под влиянием революции 1905–1907 гг. был сделан важный шаг в преодолении сословного неравенства в стране. Развитие крупной фабрично-заводской промышленности, железнодорожного транспорта, торговых и финансовых отношений, особенно в период предвоенного экономического подъема 1909–1913 гг., способствовало дальнейшему складыванию классов капиталистов и наемных рабочих. В аграрном секторе, в среде крестьян и помещиков-агров, процессы классового формирования шли гораздо медленнее, но были ускорены столыпинской аграрной реформой, мобилизацией земли, развитием частнособственнических отношений. В составе формировавшегося среднего класса преобладали «старые» средние слои в лице ремесленников, мелких и средних предпринимателей и торговцев, но он быстро увеличивался под влиянием промышленного развития, роста образования и других факторов а именно благодаря появлению новых представителей – интеллигенции, служащих, управленцев.

Хотя к 1914 г. российское общество представляло собой сословно-классовое общество переходного типа, в составе которого преобладали низшие слои населения при незначительности средних и высших его групп, наличия целого комплекса противоречий между ними, главным направлением социального развития страны в начале XX в. был прогрессивный процесс перехода от традиционного, аграрного, к современному, индустриальному обществу.

Первая мировая война не только прервала этот процесс, но привела к кардинальным изменениям во многих направлениях общественного развития, что способствовало возникновению Российских революций 1917 г.

Глава 1. ВОЗДЕЙСТВИЕ ВОЙНЫ НА ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

1. Численность и воспроизводство населения

По мнению исследователей, демографическое развитие России в конце XIX – начале XX в. происходило в рамках так называемого первого демографического перехода, под которым понимается движение от традиционного к современному типу воспроизводства населения. В его основе лежит снижение уровня рождаемости и смертности, в том числе в детском возрасте, увеличение средней продолжительности жизни, переход от патриархальной к нуклеарной семье и как результат этого процесса – снижение естественного прироста населения*.

Эти общие для разных стран процессы имели в России свою специфику. По данным Центрального статистического комитета (далее – ЦСК) МВД, коэффициенты рождаемости, смертности и естественного прироста (разницы между родившимися и умершими) в промиллях (число родившихся, умерших и оставшихся жить в год на 1000 жителей) выглядят в среднем по периодам следующим образом**:

Таблица 1

Периоды	Коэффициенты в промиллях (‰)		
	родившихся	умерших	естественный прирост
1871–1880	50,0	36,2	15,8
1881–1890	48,8	34,5	14,3
1891–1900	48,7	32,8	15,9
1901–1905	47,7	31,0	16,7
1906–1910	45,3	29,2	16,1
1911–1913	44,1	27,2	16,9

Таким образом, снижение рождаемости и смертности в России налицо. Однако по сравнению с другими странами эти показатели очень высоки. Так,

* *Жиромская В. Б.* Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М., 2012. С. 10.

** См.: *Лубны-Герцык Л. И.* Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. М., 1926. С. 8.

например, в период 1901–1905 гг. уровень рождаемости в Германии равнялся 34,8‰, во Франции – 21,3‰, в Англии – 28,1‰, в Италии – 32,4‰ и даже в Болгарии и Сербии был меньше, чем в России, – соответственно 40,9‰ и 38,8‰. К тому же падение уровня рождаемости на Западе началось раньше, чем в России*. Россию отличала также неравномерность демографического перехода в региональном и социальном отношениях. Более отчетливо тенденции к снижению рождаемости и смертности проявились в центральных и западных индустриально развитых районах. При этом они касались преимущественно городского населения и отдельных социальных слоев (дворянской и разночинской интеллигенции, некоторых групп мещанства)**.

Установив понижение рождаемости по губерниям Европейской России с востока на запад (почти втрое), Л. И. Лубны-Герцык связывал это с вытеснением общинной формы землевладения подворной именно в западных и юго-западных губерниях. Коэффициент рождаемости в период 1911–1913 гг. составил в Курляндской губернии 19,5‰, в Лифляндской – 24,4‰, в Петербургской – 27,8‰, Московской – 36,7‰, в то время как в Костромской – 45,6‰, Самарской – 55,8‰***. Одновременно преобладание традиционного типа воспроизводства населения с возрастающими показателями рождаемости и смертности имели место на Кавказе, в Сибири и Средней Азии****.

Несмотря на успехи медицины, влиявшие на понижение смертности, детская смертность в России также оставалась очень высокой: и в конце XIX в., и накануне мировой войны младенцев до года умирала четвертая часть, а к 15-летнему возрасту – почти половина родившихся.

Характерно и то, что, несмотря на понижение рождаемости и смертности, темпы естественного прироста населения увеличивались в результате возрастания разницы между рождаемостью и смертностью. В целом с начала 1897 г. по январь 1914 г. численность населения Российской империи увеличилась более чем на 48 млн человек, или на 38,3 %*****. Учитывая сказанное, трудно не согласиться с теми исследователями, которые считают, что до начала мировой войны первый демографический переход в России находился на своей начальной стадии*****.

* Лубны-Герцык Л. И. Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. М., 1926. С. 9.

** Жиромская В. Б. Указ. соч. С. 11.

*** Лубны-Герцык Л. И. Указ. соч. С. 11.

**** Новосельский С. А. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России // Календарь для врачей всех ведомств на 1916 год. Пг., 1916. Ч. 2. С. 44, 53.

***** См.: Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 16.

***** Араловец Н. А. Городская семья в России в 1897–1926 гг. Историко-демографический аспект. М., 2003. С. 115.

Война изменила естественный ход воспроизводства населения, имевший место в конце XIX – начале XX в., многократно усилила роль экзогенных факторов в ущерб его эндогенным процессам.

В связи с отсутствием прямых данных за годы Первой мировой войны имеющиеся в литературе цифры о численности народонаселения в 1914–1917 гг. представляют собой исчисления, проведенные или в различных ведомствах страны, или отдельными учеными путем использования данных переписи 1897 г. и показателей естественного прироста населения. Поскольку методика таких подсчетов, а часто и исходные данные неодинаковы, полученные результаты разнятся между собой, иногда весьма существенно.

Опираясь на материалы переписи 1897 г., согласно которым численность постоянного населения в Российской империи составляла 126 586,5 тыс. человек (без Великого княжества Финляндского), а с учетом Финляндии – 129 142,1 тыс., используя сведения текущего учета рождаемости и смертности населения, предоставляемые губернскими статистическими комитетами, ЦСК МВД насчитал на 1 января 1914 г. в империи 178 378,8 тыс. человек, а без Финляндии – 175 137,8 тыс.^{*} Однако исследователи считают эти цифры завышенными, прежде всего в силу двойного учета внутренних мигрантов – по месту постоянного жительства (приписки), с одной стороны, и фактического пребывания их – с другой. Внешняя миграция (эмиграция и иммиграция) также учитывались неточно. По скорректированным расчетам Управления главного врачебного инспектора МВД, численность населения была определена в 166,7 млн человек (на середину 1913 г.), а по уточненным расчетным данным – в 165,7 млн человек (январь 1914 г.)^{**}. Эта последняя цифра была принята и Центральным статистическим управлением СССР. Некоторые специалисты считают, однако, расчеты ЦСУ неполными и определяют численность населения Российской империи на 1 января 1914 г. в 166 214,9 тыс. человек (без Финляндии), а с Финляндией – 169 449,9 тыс.^{***}

Различные цифры численности населения приводятся и в отношении последующего периода. Центральный статистический комитет Комиссариата внутренних дел, основываясь на материалах переписи 1897 г. и данных естественного прироста, определил численность российского населения на 1 января 1916 в 172 604,9 тыс. человек (без Финляндии), а на 1 января 1917 г. по

* Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. Т. 1. С. 6–7.

** Статистический ежегодник России 1914 г. Пг., 1915. Отд. I. С. 57.

*** *Сифман Р. И.* Динамика численности населения России за 1897–1914 гг. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977. С. 66, 81.

**** См.: *Кабузан В. М.* О достоверности учета населения России (1858–1917 гг.) // Источниковедение отечественной истории. 1981 г. М., 1982. С. 112, 113, 116.

84 губерниям (из 99 и без Финляндии) в 162 590,4 тыс. человек*. В. М. Кабузан в результате проведенных изысканий привел сведения о количестве населения по разным источникам: перепись 1917 г. (проводившаяся в июне–октябре месяцах) зарегистрировала 176,3 млн человек, постоянных жителей и примерно 172 млн наличного населения. Население, исчисленное к 1 января 1917 г. на основании показателей естественного и механического (иммиграция) прироста, составило 177,2 млн человек. Текущий полицейский учет на ту же дату показал 179,1 млн человек. С учетом естественного прироста, равного 46 млн человек с 1897 по 1917 г., и внешнего механического (иммиграция) прироста – 0,5 млн человек все население России составило 172,1 млн человек, что соответствует наличному населению по переписи 1917 г. Сам же Кабузан, критически проанализировав указанные цифры, счел их по разным причинам неточными. Согласно его мнению, действительное население России в 1917 г. равнялось примерно 174,5 млн человек – цифра получена путем вычета из численности постоянного населения по переписи 1917 г. (176,3 млн человек) военных потерь России в 1914–1917 гг., составлявших примерно 1,8 млн человек**. Можно принять указанную цифру исследователя, учитывая, что он опирался на созданную до него историографию и методику подсчетов, а также максимально учел опубликованные и архивные источники, составив на этой основе таблицу о естественном приросте населения с 1897 по 1917 г. и его численности по 91 губернии Российской империи и всем регионам (исключая Финляндию). Однако по ряду вопросов приходится использовать официальные данные, поскольку они содержат ответы на эти вопросы или оказываются более сопоставимыми.

Так, при сравнении численности населения России с другими странами целесообразно обратиться к официальным сведениям за 1914 г., поскольку по времени они ближе всего находятся к данным по этим странам (1910 г.). Такое сравнение предстает в следующем виде: Россия на 1 января 1914 г. имела 178 378,8 тыс. человек, другие страны (без колоний), по сведениям на 1910 г.: США – 93 402,2 тыс. человек, Германия – 65 140,0 тыс., Австро-Венгрия – 51 340,4 тыс., Англия – 45 365,6 тыс., Франция – 39 267,0 тыс. (1908 г.)***. Даже если признать цифру 1914 г. по народонаселению России завышенной и взять любую другую периода войны, остается очевидным, что по численности населения Российская империя занимала первое место среди названных, не гово-

* Статистический ежегодник России 1916 г. (год тринадцатый). Вып. 1. Изд. Центрального статистического комитета КВД. Пг., 1918. С. 47, 51.

** Кабузан В. М. О достоверности учета населения России (1858–1917 гг.); *он же*. Демографическая ситуация в России в годы Первой мировой войны // Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции: Сб. науч. трудов. М., 1994. С. 11–17, 18.

*** Статистический ежегодник России 1916 г. С. 48.

ря уже о других государствах – участниках Первой мировой войны (без учета их колоний).

Однако по плотности населения Россия уступала всем этим, и не только этим, странам. Причиной тому являлась исключительно большая территория Российской империи, составлявшая почти 20 млн кв. верст. Лишь Великобритания с колониями превышала территорию России. Все другие страны были намного меньше ее: Китай в 2 раза, США – в 2,5, Германия – в 10, а Япония – в 149 раз. Но по плотности населения они существенно обгоняли Россию. В расчете на одну кв. версту приходилось человек: в Англии – 157,9, в Германии – 126,7, Франции – 83,1, США – 10,9, России – 9. При этом региональные отличия проявлялись в Российской империи особенно отчетливо: если в Европейской России в среднем на кв. версту насчитывалось 31,4 человека, на Кавказе – 32,2, в Финляндии – 11,6, то в Средней Азии – 3,8, а в Сибири – всего 0,9 человека*. Между тем азиатская часть страны (Закавказье, Сибирь с Дальним Востоком и Средняя Азия) превышала по территории европейскую (51 губерния и Предкавказье) примерно в три раза. Огромные пространства страны оставались безлюдными.

Война привела не только к сокращению численности населения, но и к нарушению всего процесса его воспроизводства, складывавшегося веками. Это сказалось на брачности, рождаемости, смертности и естественном приросте населения. Некоторые исследователи считают, что в нормальных условиях довоенного времени прямой связи между брачностью и рождаемостью не прослеживалось, точнее рождаемость зависела не только от брачности, но и от других причин**. Однако остается фактом, что исключительно высокой рождаемости в России соответствовал столь же высокий показатель брачности. Согласно переписи населения 1897 г., среди лиц старше 15 лет женатые мужчины составляли в России – 64,3 %, замужние женщины – 64 %. Между тем эти показатели были во Франции – 56,5 и 55,3 %, в Англии – 54,9 и 50,9 %, в Германии – 53,7 и 50,8 %***. Высокая брачность, характерная для земледельческих стран, имела тенденцию к понижению по мере их промышленного развития.

В годы войны действовали другие факторы, и главный из них – мобилизация на войну молодых мужчин репродуктивного возраста, что влияло и на брачность, и на рождаемость. К началу войны российская армия насчитывала 1423 тыс. военнослужущих. За три с половиной года войны было мобилизовано еще 14 370 тыс. человек. По подсчетам Б. Ц. Урланиса, доля мобилизо-

* Статистический ежегодник России 1916 г. С. 24, 48, 49.

** *Лубны-Герцык Л. И.* Указ. соч. С. 12.

*** Общий свод по империи. Т. 1. С. XII.

ванных в России к общему числу мужчин в возрасте от 15 до 49 лет (40,1 млн человек) составляла в годы войны 39 %*.

Специально занимавшийся вопросами брачности и рождаемости известный ученый врач-демограф С. А. Новосельский считал общий дефицит браков за 1914–1916 гг. равным 1,7 млн (принимая число браков в 1913 г. за 1,3 млн). Наибольшее понижение брачности отмечалось в Центральных земледельческих губерниях, Московском промышленном и Средне-Волжском районах. Уменьшение брачности среди сельского населения, откуда брали основную часть мобилизованных, было более значительным (превышало 50 %), чем среди городского. В городах значительная часть мобилизованных получала отсрочки и брони против отправки на фронт. В Петрограде брачность понизилась на 25–30 %, в Москве – на 30–35 %**.

Одновременно падение рождаемости среди городского населения выражалось (принимая 1913 г. за 100) в цифрах: для 1915 г. – 95, 1916 г. – 83; среди сельского населения – соответственно 86 и 67. Общее понижение рождаемости составляло в России 46 %. По подсчетам Новосельского, «недород» только в Европейской России доходил за 1915–1917 гг. почти до 5 млн человек, для всей Российской империи с Польшей – до 6,5 млн, а без Польши – до 6 млн человек***.

Что касается смертности гражданского населения в годы войны, то считается, что она сохранялась примерно на довоенном уровне до 1918–1920 гг.****. Однако этот усредненный вывод не исключает признания фактов и уменьшения, и увеличения смертности в городах и на селе, в различных районах*****. Подобная ситуация объяснялась многообразием причин, влиявших на этот показатель и в одну, и в другую сторону. Рост заболеваемости и недостаток медицинского обслуживания в связи с отправкой большей части медперсонала в прифронтовую полосу, увеличение числа инвалидов, военнопленных,

* Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). М., 1925. С. 4, 17; Урланис Б. Ц. История военных потерь. СПб.; М., 1998. С. 499.

** Новосельский С. А. Демография и статистика (избранные произведения). М., 1978. С. 206.

*** Там же. С. 209, 211; он же. Влияние войны на естественное движение населения // Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914–1920 гг. Вып. 1. М.; Пг., 1923. С. 110.

**** Новосельский С. А. Демография и статистика. С. 216.

***** Там же. С. 212, 214; Михайловский А. Г. Население Москвы и его движение // Красная Москва. 1917–1920 г. М., 1920. Стб. 69; Урланис Б. Ц. Динамика населения России накануне Октября // Ученые записки Всесоюзного заочного экономического института. М., 1957. № 2. С. 128–131; Араловец Н. А. Указ. соч. С. 111–112; Морозов С. Д. Центральная Россия в 1897–1917 гг.: территория и население. М., 2009. С. 109–110, 128, 195, 196.

беженцев в городах способствовали повышению смертности. В свою очередь, ее уменьшение определялось, прежде всего, сокращением рождаемости, а следовательно, и детской смертности.

В годы войны темпы естественного прироста населения России существенно снизились, что было характерно и для других воевавших стран. Если с начала века до 1914 г. среднегодовой прирост населения России составлял примерно 16–17%, то в 1915 г. он понизился до 9%, а в 1916 г. – до 4,8%*. Тот факт, что естественный прирост населения в Российской империи в годы войны обнаружил неуклонное падение, признается всеми исследователями, занимавшимися этим вопросом, но цифры такого падения предлагаются разные**. Наиболее общие данные, касающиеся всех губерний не только европейской, но и азиатской частей страны, представлены С. И. Бруком и В. М. Кабузаном, которые определили естественный прирост населения в 1914 г. в 2,8 млн, в 1915 – в 1,7 млн, в 1916 г. – около 1 млн человек***.

Согласно подсчетам В. М. Кабузана, население России возрастало в первую очередь за счет Казахстана и Средней Азии (где военные призывы не распространялись на коренное население), а также удаленных от театра военных действий земледельческих районов (Западная Сибирь, Северный Кавказ, Нижнее Поволжье, Центрально-земледельческий и Западный районы). Наиболее же сильное снижение естественного прироста наблюдалось в прифронтовых (Царство Польское, Прибалтика) и промышленных районах со значительным процентом городского населения (Центрально-промышленный, Новороссия, Среднее Поволжье), а также в Северном, потребляющем привозной хлеб****. При этом общепризнанным является то, что до 1917 г. сокращение естественного прироста не привело к уменьшению общей численности населения. Это произошло лишь в 1917 г., когда естественный прирост стал отрицательной величиной (смертность превысила рождаемость), составив – (минус) 0,6 млн человек, или – (минус) 3,7%****. Между тем в других воюющих странах (кроме Англии) естественный прирост стал отрицательным уже в 1915 г., а в 1916–

* Брук С. И., Кабузан В. М. Динамика и этнический состав населения России в эпоху империализма (конец XIX в. – 1917 г.) // История СССР. 1980. № 3. С. 81.

** См.: Новосельский С. А. Влияние войны на естественное движение населения // Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны. 1914–1920 гг. Вып. I. Приложение. Табл. I. С. 204–208; Урланис Б. Ц. Динамика населения России накануне Октября. С. 113–134; Боярский А. Я. Население и методы его изучения. М., 1975. С. 225–226.

*** Брук С. И., Кабузан В. М. Указ. соч. С. 82–83; Кабузан В. М. Демографическая ситуация в России. С. 9, 19.

**** Кабузан В. М. Демографическая ситуация в России. С. 9–10.

***** Урланис Б. Ц. Динамика населения России накануне Октября. С. 131; Кабузан В. М. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX века. М., 1998. С. 161, 164.

1918 г. это уменьшение населения усилилось*. Видимо, тенденция бурного роста числа жителей России в начале XX в. давала о себе знать по инерции в годы войны, несмотря на изменившиеся условия жизни населения. Следует также учитывать, что удельный вес мобилизованных на войну ко всему населению был в странах Запада существенно выше, чем в России. Так, в России он составлял 9,4 % (общая численность населения в источнике считается 160 млн человек), во Франции – 20 %, Германии – 19,5 %, Австрии – 18,6 %, Сербии – 16,5 %, Италии – 15,5 % и т. д.**

В целом, если сопоставить численность населения в России в 1914 г. (175,1 млн человек) и в 1917 г. (174,5 млн, как отмечалось выше это число отражает не только естественное, но и механическое сокращение населения, т. е. военные потери), то окажется, что она уменьшилась всего на 600 тыс. человек. Однако, учитывая сокращение брачности и рождаемости под влиянием войны (как это делал Новосельский) и присовокупляя военные потери, получаем, что Россия недосчиталась за три с половиной года войны около 8 млн человек. Кроме того, в результате поражения в войне Россия потеряла территорию в 842 тыс. кв. км в европейской части страны (что составляло 15,4 % территории Европейской России), а вместе с ней 31 050 тыс. человек населения (23,3 % жителей этой части империи)***.

2. Семья. Состав населения по полу и возрасту

Война оказала влияние на изменение семейных отношений, на положение женщин, мужчин, молодежи. Здесь демографические процессы переплетались с социальными.

Наиболее общие сведения о группах хозяйств по числу членов семьи содержат материалы переписи населения 1897 г. Она учла по империи в общей сложности 20 940 388 хозяйств, связанных родством****. Н. Б. Миронов, опираясь на эти данные и используя принятую в науке типологию семьи (подробная историография проблемы типологии семьи представлена в монографии Ю. М. Гончарова*****), показал различия сельской (не только крестьянской) и городской семьи Европейской России. Он установил, что сельские жители, а следовательно, прежде всего крестьяне, в большинстве своем жили семьями «составными» (включавшими две или более брачные пары с детьми или без детей) или «расширенными» (состояли из одной семейной пары с детьми и

* Кабузан В. М. Эмиграция и реэмиграция в России. С. 160–161.

** Ефремов В. Мировая война и ее последствия // Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). С. 8.

*** Там же. С. 10.

**** Общий свод по империи. Т. 1. С. VII, 16–17.

***** Гончаров Ю. М. Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул, 2002. С. 155–173.

родственников). Являясь близкими между собой, включая в среднем 6 членов семьи, эти типы семей вместе объединяли 56 % сельского населения и 42 % сельских семей европейской части страны. Однако нуклеарные семьи, включавшие мужа, жену и их неженатых детей (примерно до 5 человек), по численности преобладали, составляя 50,5 % всех сельских семей, но по количеству жителей (34,2 %) уступали составным и расширенным. Наконец, «большие» патриархальные семьи, в которых проживало 11 и более человек, представлявших несколько поколений одного и того же предка, насчитывали 4,6 % и объединяли 9,3 % сельского населения. В районах аграрной ориентации удельный вес составных, расширенных и больших семей был выше средних показателей, а малых семей – ниже. В промышленных районах, напротив, доля малых семей по их числу и общему количеству членов превосходила средние данные по сельской местности, а всех остальных семей – была меньше. Особенно выделялся Прибалтийский район, где малые семьи составляли 64,1 % всех семей, объединяя 46,2 % населения*.

В составе городского населения Европейской России малые семьи (вместе с расширенными) преобладали как по числу семей (66,1 %), так и количеству жителей (52,6 %). При этом в промышленных регионах процент таких семей поднимался до 70 % (в Прибалтийском районе составлял 72,4 %), а в аграрных – опускался до 64,1 %. Составных семей в городах было 25,6 % и 43,6 % в составе населения (при этом в районах аграрной ориентации – 28,4 % семей, а – промышленной 20,2 %, в Нечерноземном центре – 22,4 %, а в Прибалтийском районе – 16,1 %). Наконец, большие семьи, включавшие 1 % городских семей, объединяли 2 % жителей; в городах промышленной ориентации соответственно 0,6 и 1,2 %, а аграрной – 1,2 и 2,4 %**.

По мнению Миронова, малая, составная и большая семьи представляли собой определенные стадии в развитии семейного цикла, что могло относиться как к отдельной семье, так и к семейной организации общества в целом. Он также отмечал, что город обгонял деревню в изживании архаических форм семейной организации примерно на 50 лет, т. е. на два поколения, и что в переходе от составной к малой семье важная роль принадлежала дворянству и интеллигенции***.

Семейные отношения испытывали влияние общественных отношений в целом. Абсолютистско-монархический характер власти в стране, освященной богом, религиозные принципы и мораль, многовековые традиции создавали опору для патриархально-авторитарных отношений в повседневной жизни, что проявлялось в господстве главы семьи над всеми остальными ее членами, мужчин над женщинами, в подчинении детей родителям, отдельной лично-

* *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. СПб., 1999. С. 226.

** Там же. С. 235.

*** Там же. С. 227, 236.

сти семейному коллективу. Сказывалось влияние семейного и имущественного права, признававшего общинную собственность на землю, семейную собственность на имущество, ограничивавшего семейные разделы крестьян, предоставлявшего земельные наделы женившимся мужчинам и т. д. Семья испытывала давление сословных корпораций, которые могли вмешиваться в семейные отношения*.

Согласно существующим российским традициям, брачность в большинстве своем носила замкнутый, сословный, религиозный и национальный характер. Брачный выбор в основном определялся материальным расчетом, будь то хорошее приданое или хороший работник (работница), чему придавалось большое значение в крестьянской семье, зависел от воли родителей. Широкое распространение имели первые браки, заключавшиеся между холостыми мужчинами и женщинами. Представители привилегированных сословий – дворянства, почетных граждан, купцов были более свободны как в заключении браков, так и в разводах. Большие патриархальные семьи держались властью и авторитетом «стариков». Молодежь же была заинтересована в демократизации внутрисемейных отношений. Следует также иметь в виду, что эволюция типов семьи происходила в условиях преобладания старого способа воспроизводства населения с характерным для него высоким уровнем рождаемости и смертности**.

К сожалению, за период Первой мировой войны материалы о семьях, аналогичные тем, что содержит перепись 1897 г., отсутствуют. Проанализируем данные сельскохозяйственной переписи 1920 г.***, поскольку она включает сведения о распределении крестьянских хозяйств по числу членов семьи. Так, например, в Московском промышленном районе это распределение выглядело следующим образом (см. табл. 2).

Таблица 2

№	Группы хозяйств по числу членов семьи	Число хозяйств	
		абс.	в %
1.	1 член семьи	2922	3,2
2.	2–3 – » –	188 677	20,3
3.	4–6 – » –	429 799	46,2
4.	7–8 – » –	255 540	27,5
5.	11 и более – ” –	26 750	2,8
	Итого	929 488	100,0

* Там же. С. 266–267; Гончаров Ю. М. Социальное развитие семьи в России в XVIII – начале XX в. // Семья в ракурсе социального знания: Сб. науч. тр. Барнаул, 2001. С. 34–39.

** Араловец Н. А. Указ. соч. С. 114–115.

*** Итоги разработки сельскохозяйственной переписи 1920 г. по типам и группам хозяйств. Московский промышленный район // Труды ЦСУ. Т. XIV. Вып. V. М., 1924. С. 2–3.

Третья группа в этой таблице включает семьи из 4–6 членов, и можно предположить, что сюда вошли и малые, нуклеарные, семьи (4–5 членов семьи), и составные семьи (6 членов). В таком случае оказывается, что нуклеарные семьи (1-я, 2-я и примерно половина 3-й группы) составляли около 50 % всей представленной здесь совокупности семей (сведения об общем количестве их членов в источнике отсутствуют). Другая половина (группа 4-я и половина 3-й) приходилась на составные и расширенные семьи и совсем малый процент (2,8 %) – на большие патриархальные семьи. Абсолютное большинство всех крестьянских семей (согласно тому же источнику) – 99,2 % представляли хозяйства без найма сроковых рабочих, часть из них занималась также промыслами, другая ограничивалась сельским хозяйством. Связь размеров семьи и способов ведения хозяйства неоднократно отмечалась исследователями. Так, ведение хозяйства с помощью членов семьи создавало заинтересованность крестьянина в рождении и воспитании большого количества детей – потенциальных помощников и работников в семейном хозяйстве. В частновладельческих хозяйствах наиболее трудоемкие работы выполнялись наемными работниками. А в рабочих семьях, чтобы воспитать детей, на производстве должны были трудиться оба родителя.

В целом, несмотря на существенные отличия и слабую сопоставимость данных переписей 1897 и 1920 г. (приведенные сведения последней касаются лишь одного района), обе они показывают, что семейные отношения в России в начале XX в. находились на стадии перехода от большой к малой семье, при котором удельный вес составных и расширенных семей был достаточно высок.

К периоду войны относятся сведения сельскохозяйственной переписи 1917 г. о числе душ на одно крестьянское хозяйство по 50 губерниям и областям Европейской России, Сибири и Средней Азии. Согласно им, это среднее число составляло 5,8 человек, а разброс по губерниям равнялся от 4,2 душ (Якутская губерния), 4,8 (Ярославская), 5,2 (Петербургская) до 6,4 душ (Курская губерния, Донская и Амурская области)*. Эти цифры в целом соответствуют выводу о преобладании в России средних по размеру семей.

Вместе с тем на изменение семейных отношений в годы войны проливают свет и иные материалы, которые одновременно помогают пониманию ряда других вопросов. Первый из них касается соотношения мужчин и женщин. Демографы считают, что в целом в обычных условиях это соотношение достаточно устойчиво. Тем не менее наблюдаются различия по странам. Довоенная Россия отличалась малым перевесом численности женщин (50,3 % во всем населении, по переписи 1897 г.) над мужчинами (49,7 %). Если в Англии в начале XX в. на 100 мужчин приходилось 106,8 женщины, во Франции –

* Источник: Россия в мировой войне. С. 21. Данные использованы: *Вербицкая О. М.* Российская сельская семья в 1897–1959 гг. (историко-демографический аспект). М.; Тула. 2009. С. 118–119.

103,3, в Германии – 103,2, то в России в конце XIX в. – 101 женщина. Лишь в Европейской России это соотношение было 100 к 104,2, а в окраинных регионах – как западных, так и южных, и восточных, удельный вес женщин оказывался ниже, чем мужчин: в Польше на 100 мужчин насчитывалось 99,5 женщин, на Кавказе – 90,1, в Сибири – 94,3 и в Средней Азии – 86,0 женщин*.

По данным на 1 января 1916 г. (см. табл. 3), удельный вес мужчин в России (50,1 %) превзошел долю женщин (49,9 %). Только в Европейской части страны женщины (50,5 %) превышали по численности мужчин (49,5 %), однако на 100 мужчин здесь стало 102 женщины, т. е. на две женщины меньше, чем в конце XIX в. На Кавказе на 100 мужчин приходилось 91,6 женщин, в Сибири – 92,7 женщины, в Средней Азии – 89,5 женщин. Таким образом, на превышение доли мужчин влияла прежде всего ситуация в регионах: особенности хозяйственной деятельности, число занятых отхожими промыслами и переселенцев, среди которых преобладали мужчины, национальный состав, семейно-брачные отношения, а также сложность учета женщин ряда (в частности, азиатских) народностей.

Таблица 3

Население России к 1 января 1916 г. (в тыс. человек)¹

Регионы	Всего населения		в том числе				В уездах		В городах	
			мужчин		женщин		абс.	в % ³	абс.	в % ³
	абс.	в % ²	абс.	в % ³	абс.	в % ³				
Европейская Россия (51 губ.)	133 552,3	78,9	66 171,8	49,5	67 380,5	50,5	113 400,5	84,9	20 151,8	15,1
Кавказ	13 422,0	7,9	7 011,5	52,2	6 410,5	47,8	11 427,6	85,1	1 994,4	14,9
Сибирь	10 558,4	6,2	5 451,2	51,6	5 107,2	48,4	9 236,3	87,5	1 322,1	12,5
Средняя Азия	11 757,5	7,0	6 263,7	53,3	5 493,8	46,7	10 075,7	85,7	1 681,8	14,3
Все по России (без Финляндии)	169 290,2	100	84 898,2	50,1	84 392,0	49,9	14 440,1	85,3	25 150,1	14,7

¹ Статистический ежегодник России 1916 г. (год тринадцатый). Вып. 1. Пг., 1918. С. 39–47.

² Проценты подсчитаны автором по отношению к общей численности населения по России.

³ Проценты подсчитаны автором по отношению к общей численности населения в регионах.

Имело значение и соотношение сельских и городских жителей. Население русских городов, в отличие от западноевропейских, характеризовалось значительным перевесом мужчин: по переписи 1897 г., на 100 мужчин здесь оказывалось 88,8 женщин (в то время как на селе – 103,1). В городах с населением свыше 100 тыс. жителей (по данным на 1904 г., к ним относились 17 губернских и три уездных города – Одесса, Лодзь, Ростов-на-Дону**) перевес был еще больше – 100 к 85,8. По данным на 1916 г., в городах удельный вес мужчин составлял 51,7 %, а женщин – 48,3 %; в сельской местности соответственно 49,8 и

* Общий свод по империи. Т. 1. Приложение 2. С. 4 (вторая пагинация); Новосельский С. А. Обзор главнейших данных. С. 21.

** Города России в 1904 году. СПб., 1906. С. 440.

50,2 %*. Явление это объяснялось тем, что процессы урбанизации в России не были завершены, население городов было неустойчивым, пополнялось преимущественно самодельными мужчинами из крестьян, не имевшими своей семьи или оставлявшими ее в деревне. Особенно это касалось больших городов, промышленных центров, где доля крестьян оказывалась очень велика.

Имеющиеся сведения о населении самых крупных городов на 1 января 1916 г. показывают преобладание в них мужского населения над женским. Только в Варшаве с пригородами число женщин (51 %) превышало количество мужчин (49 %), т. е. на 100 мужчин приходилось 104 женщины. Во всех других городах преобладали мужчины. В Харькове женщин было 49,7 %, в Петрограде – 49,1, в Риге – 48,9, в Томске – 48,1, в Москве – 46,6, Тифлисе 45,1, Ташкенте – 44,5, Баку – всего 38,2 %**. Очевидно, что в данном случае имело место сосредоточение в городах самодельного, трудящегося населения, среди которого преобладали мужчины. Тем более что население было учтено в городах с пригородами, где обычно располагалось много промышленных предприятий, а в Баку – нефтяные промыслы и нефтеперерабатывающие заводы.

В народе говорят, что в годы войны рождается больше мальчиков, чем девочек. С. А. Новосельский объяснял эту закономерность с медицинской точки зрения. Он писал, что преобладание младенцев мужского пола среди новорожденных является общей закономерностью, а в условиях понижения половой активности населения (на что влиял уход мужчин на войну) эта общая тенденция проявлялась более отчетливо***. Трудно сказать, могла ли демографическая статистика уловить такую репродуктивную особенность. Возможно, могла, поскольку оперировала достаточно большими цифрами – по переписи 1897 г. дети до 9 лет включительно оказывались самой большой возрастной группой, составлявшей 27,3 % населения****, а значит, она могла повлиять на соотношение полов. Но явление, которое применительно к условиям войны статистика действительно отразила, это существование зависимости между соотношением полов и возрастным составом населения.

Возрастной состав населения Российской империи по сравнению с другими странами отличался большим количеством детей и малым – лиц рабочего и старческого возраста. По переписи 1897 г. около половины жителей страны (48,4 %) составляли люди моложе 20 лет. Одновременно стариков (по тогдашним понятиям) свыше 60 лет было всего 6,9 %. Доля лиц рабочего возраста – от 20 до 59 лет – составляла 44,7 % (в том числе в городах 53,2 %, на селе 43,4 %). В лучшем положении находились Средняя Азия (50 % лиц рабочего возраста), Сибирь (46,1 %), Польша (44,6 %); за ними следовали Европейская

* Подсчитано по: Статистический ежегодник России 1916 г. С. 39–47.

** Там же. С. 87 (подсчет авт.).

*** Новосельский С. Д. Демография и статистика. С. 216.

**** Общий свод по империи. Т. 1. С. 36–39.

Россия (44,3 %) и Кавказ (43,7 %)*. По удельному весу жителей в рабочем возрасте Россия уступала всем странам Западной Европы, кроме Болгарии, точно так же, как превосходила их по количеству детей. В результате в России относительная работоспособность населения оказывалась ниже, чем в западноевропейских странах, а соотношение работающих и иждивенцев – менее благоприятно.

Перепись 1920 г., отразившая влияние не только мировой войны, но и революций, выявила существование «демографических ям» в возрасте от 5 до 14 лет, т. е. родившихся в 1912–1916 гг. Кроме того, она показала почти полное совпадение возрастных коэффициентов среди женского населения по переписям 1897 и 1920 гг. Наблюдавшееся уменьшение доли детей и повышение процента старух объяснялось высокой детской смертностью при пониженной рождаемости. Однако в отношении мужчин появились существенные отклонения как в городах, так и в сельской местности: доля 20–29-летних понизилась с 15,7 % в 1897 г. до 7,7 % в 1920 г. В этом проявилось прямое влияние мировой и гражданской войн, участниками которых были молодые люди. Действие этих причин сказалось и на возрастной группе 30–39-летних**.

Подсчеты С. Д. Морозова по 23 губерниям Центральной России показали, что к 1917 г. в детских возрастных группах было заметно вначале преобладание мужского пола, затем примерное равенство полов. С 18, и особенно 19 лет, численность женщин намного превышала количество мужчин, и так до 29 лет. С 30 лет заметно преобладание мужчин над женщинами, а в возрастах старше 60 лет – женщин над мужчинами.

Удельный вес мужчин и женщин в возрасте 20–29 лет, 30–39 лет и 40–49 лет был более высоким в городе, чем в деревне. Та же тенденция, но не столь явно, прослеживалась в отношении группы 50–59-летних. А вот удельный вес группы старше 50 лет значительно преобладал в деревне. Таким образом, в деревне было относительно больше, чем в городе, детей и стариков, а город сосредоточивал относительно больше, чем деревня, людей в возрасте от 18 до 60 лет***. В целом война повлияла не только на сокращение численности населения России, но и на соотношение его поло-возрастного состава, уменьшив долю репродуктивных и работоспособных групп, которая была и без того меньше, чем в других странах.

* Там же. С. IX, 36–39.

** Итоги переписи населения 1920 г. М., 1928. С. 5–6.

*** Морозов С. Д. Указ. соч. С. 115–116.

Глава 2. НОВЫЕ ГРУППЫ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ

1. Социализация женщин и молодежи

Вместе с тем в годы войны наряду с численными, половыми и возрастными сдвигами в составе населения изменилось социальное положение женщин, мужчин, молодежи. Эти изменения были связаны с разрушением семьи и различными новыми формами социализации отдельных слоев населения.

Слово «брак» в переводе с латинского языка означает защиту материнства. Сокращение брачности, рождаемости, увеличение числа незаконнорожденных и мертворожденных детей (что отмечают специалисты^{*}) свидетельствовало об ослаблении в условиях войны защищенности женщины в ее основной природной детородной функции. Уход на войну, а затем гибель, инвалидность и пленение тысяч мужчин в цветущем возрасте, как холостых, так и имевших семьи, вело к разрушению семьи как основной демографической и социальной ячейки общества. Как отмечалось, по переписи населения 1897 г. женатые мужчины составляли 64,3 %^{**}. Аналогичные сведения находим в статистических данных об инвалидах и о русских военнопленных, вернувшихся из германо-австрийского плена в 1918–1919 гг., которые будут проанализированы ниже. Приняв эти данные в отношении мобилизованных – всего 15 798 тыс. человек, получим, что в течение войны примерно 1002,7 тыс. семей оказались без мужей и отцов. Часть из них после окончания войны вернулась домой живыми и здоровыми. Однако война унесла, по разным подсчетам, около 1,5 млн жизней, свыше 350 тыс. человек стали инвалидами, почти 4 млн попали в плен^{***}. Если учесть, что разработчики переписи 1897 г. из ЦСК МВД насчитали в Российской империи 20 940 388 хозяйств, связанных родством лиц^{****}, а также принять во внимание рост численности населения к 1914 г., то

^{*} Новосельский С. А. Демография и статистика. С. 216.

^{**} Общий свод по империи. Т. 1. С. XII.

^{***} Россия в мировой войне. С. 4; Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны. С. 149, 169, 173.

^{****} Общий свод по империи. Т. 1. С. VII, 16–17.

окажется, что почти половина семей стали в той или иной степени неполными в годы войны.

Сокращению численного состава семей способствовало также уменьшение рождаемости, высокая детская смертность. Однако во всех этих случаях имела место, на наш взгляд, не позитивная эволюция семьи от патриархальной к простой, а тяжелый процесс разрушения семьи, приводящий к кризису сложившихся семейных основ.

В годы войны увеличился процент внебрачных рождений и повторных браков. Так, например, сведения по г. Омску показывают, что удельный вес браков между холостыми женихами и невестами уменьшился с 83,4 % в 1913 г. до 77,0 % в 1916 г. Одновременно увеличилась доля браков вдовцов с девицами с 5,5 % до 11,1 % и вдовцов с вдовами с 6,1 до 7,0 %. В Тобольске доля повторных браков возросла с 10,6 % в 1885 г. до 20,5 % в 1915 г.*

Следует также иметь в виду, что в России у большей части населения, прежде всего у крестьян, семья была также хозяйственно-производственной ячейкой. Поэтому разрушение семьи означало разрушение складывавшейся веками ее производственной основы. По заявлению министра земледелия А. Н. Наумова на заседании Государственной думы 19 февраля 1916 г., в армию было взято до четверти всего рабочего населения России. Согласно подсчетам специалистов-современников, убыль рабочих сил в деревне на середину 1916 г. составляла от трети до половины их количества в довоенное время. По данным сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г., доля работников-мужчин, взятых в войска, составляла в 16 губерниях в среднем 48,3 %, в том числе: в Петроградской – 39,8 %, Казанской – 44,9 %, Московской – 45,2 %, Архангельской – 45,9 %, Киевской – 51,8 %, Вологодской – 52,3 %, Томской – 54,5 %, Акмолинской – 60,6 % и т. д.**

В связи с этим все большая нагрузка ложилась на женщин. Если в 1915 г. труд женщин на полевых работах широко использовался в 40 % губерний, то в 1916 г. в 70 %. На первом этапе войны, в 1914 г. при уборке урожая широко применялась мирская помощь, которую оказывали главным образом нуждающимся семьям, состоявшим из жены и малых детей и не имевшим лошади. Мирская самопомощь использовалась и в случае необходимости выполнения сезонных и тяжелых работ, которые были не по силам одной семье. Однако по мере осложнения положения в деревне мирская самопомощь уменьшалась и одновременно усиливалась родственная***.

* Гончаров Ю. М. Городская семья Сибири. С. 184, 186.

** Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года по 52 губерниям и областям. Труды ЦСУ. Т. V. Вып. 1. М., 1921. С. 42–43.

*** Книпович Б. Сельское хозяйство // Народное хозяйство в 1916 г. Вып. V–VI. Пг., 1921. С. 3, 4.

Известный специалист по аграрному вопросу в России Н. П. Огановский в докладе, читанном на совещании при Московском обществе сельского хозяйства в 1916 г., отмечал: «В нормальных условиях каждая семья выставляет обычно *рабочую пару*, в которой отношение мужчин к женщинам равно 1:1. Такая пара представляет собой рабочий аппарат семьи, и все полевые работы, выполняемые этим аппаратом, были распределены между двумя единицами, входящими в него спокон веков, со времени возникновения крепостного права и даже раньше. Рабочее “тягло” – вот древняя кличка этого аппарата. Теперь стройная система “тягла” нарушена, так как отношение рабочих мужчин к женщинам стало равным отношению 1:1,6. После последних осенних и грядущих зимних мобилизаций оно, вероятно, приблизится к цифре 1:2. Но в каждой рабочей семье имеется обычно лишь одна полноробочая женщина; второе звено “тягла” – полноробочие мужчины – в большинстве своем выпало, а без него немыслимо правильное прохождение цикла полевых работ; это самое обстоятельство и толкает крестьян к *складке* 2–3 семей в одну». Такая производственная необходимость фактически способствовала возврату к нераздельной большой семье (супруги с женатыми детьми и внуками или без них), если даже до того существовали малые семьи нуклеарного типа.

Современники не раз отмечали, что в годы войны в крестьянских хозяйствах основную тяжесть сельскохозяйственных работ вынесли на себе женщины, подростки и старики, заменявшие ушедших на войну мужчин. Согласно подсчетам А. М. Анфимова по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г., в крестьянских хозяйствах 33 губерний Европейской России женщины составляли 71,9 % всей трудовой сельскохозяйственной армии, а в помещичьих хозяйствах – 58,8 % наемных рабочих. Автор считал, что «в первую мировую войну женщина впервые в капиталистическую эпоху стала главной силой в сельскохозяйственном производстве в масштабе всей страны»^{**}. Характерно и то, что женщина выступала в деревне уже не только в качестве рабочей силы, но и в качестве хозяйина – организатора работ и участника в решении «мирских дел». В страдную пору женщин нанимали и в частновладельческие хозяйства, хотя их труд был менее производителен, а заработная плата росла. Так, например, Центральное бюро по объединению закупок сахара в Киеве, созданное в январе 1916 г., неоднократно ходатайствовало перед соответствующими учреждениями об освобождении женщин и подростков от окопных работ для использования их на плантациях свекловицы и получало положительные решения^{***}. Специальный циркуляр Министерства земледелия

* Цит.: там же. С. 5.

** Анфимов А. М. Российская деревня в годы первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М., 1962. С. 192.

*** Книпович Б. Указ. соч. С. 4, 6, 23; Изенберг А. Сахарная промышленность и торговля // Народное хозяйство в 1916 г. С. 57.

касался привлечения отдельных женщин и целых артелей к работам в казенных лесах, назначения их на должности приказчиков, подрядчиков, десятников и старших рабочих*.

Широко использовался женский труд и в других отраслях народного хозяйства. В фабрично-заводской промышленности страны на 1 января 1914 г. было 31,2 % женщин, а на 1 января 1917 г. – 40,1 %. С учетом подростков, работавших там же, последняя цифра поднималась до 51,9 %. Если до войны женский труд преобладал в текстильных отраслях, то в условиях войны женщины стали использовать в чисто мужских производствах – на металлообрабатывающих, лесоперерабатывающих и других заводах, в предприятиях, работающих на оборону. В начале 1917 г. удельный вес женщин-работниц на предприятиях по обработке металла достигал 17,9 %, а с детьми и подростками женского пола – 20 %**.

Согласно утвержденному Николаем II 9 марта 1915 г. постановлению Совета министров, женщины и дети допускались к ночным и подземным работам. Закон 7 октября того же года предоставлял министру торговли и промышленности право разрешать использовать труд женщин, подростков и малолетних на предприятиях, работающих на оборону. Подобные законы, которые власти мотивировали необходимостью снять довоенные ограничения по использованию женского и детского труда, в действительности вносили заметные ухудшения и в без того отсталое российское рабочее законодательство. В свою очередь, общественная инициатива проявилась в выдвижении в 1916 г. думского законопроекта (в конечном счете не реализованного) об учреждении женской фабричной инспекции. Согласно ему в институт фабричной инспекции автоматически включались 40 фабричных инспектрис, с возложением на них тех же обязанностей, какие по закону несли фабричные инспектора***.

Использование женского труда стремились регулировать и другие ведомства. Так, Министерство путей сообщения разрешило начальникам дорог принимать женщин на конторские должности, проводниками, истопниками, чистильщиками паровозов. Женщины-солдатки допускались также в железнодорожные мастерские и на участки тяги. Даже Синод вынужден был позволить епархиальному начальству допускать женщин к исполнению псаломщических обязанностей «с установленными для лиц женского пола каноническими ограничениями». На должности псаломщиков привлекали

* Щербинин П. П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. Тамбов, 2004. С. 230; Jane Mcdermid and Anna Hillyaz. Women and Work in Russian 1870–1930. London, 1998. P. 139; Воин и пахарь. 1916. № 10. С. 7; № 45. С. 11.

** Рабочий класс России. 1907 – февраль 1917 г. М., 1982. С. 248.

*** См.: Громан В. Рабочее законодательство // Народное хозяйство в 1916 г. С. 102, 104.

жен священников, учительниц сельских школ и других грамотных женщин. Женщинам разрешили также вести церковное делопроизводство*.

Привлечение женщин в годы войны и к традиционным, и к новым для них видам трудовой деятельности отражало процесс вертикальной мобильности и профессионализации – перехода от обязательного по характеру труда, обусловленного сословной принадлежностью, к свободному выбору и свободному договору. Однако нет оснований преувеличивать «достижения и завоевания» женщин в годы войны, появившуюся их экономическую независимость (по образцу западных стран)**, а тем более говорить о достижении равноправия женщин с мужчинами, видя в этом положительный момент общественной трансформации***. Изменения в положении женщин в России, хотя и расширяли их кругозор, открывали новые возможности, носили вынужденный и временный характер, ложились на женщин тяжелым, подчас непосильным бременем, были связаны не с продвижением вперед, а с откатом назад в области законодательства, касающегося использования женского и детского труда. Вместе с тем вовлечение женщин в общественно полезную деятельность в годы войны способствовало их сплочению, пониманию общей ситуации в стране и своего места в ней, готовило к активному участию в общественной жизни.

Еще одно направление социализации женщин, помимо их профессионализации, было связано с солдатками. Их появление как особой группы восходит к существованию в XVIII–XIX вв. военного сословия. Оно включало в себя кроме регулярных войск, находящихся на действительной службе, все бессрочно отпускные и отставные нижние чины и их семьи. Представители военного сословия не платили податей, имели особое управление и считались принадлежащими военному ведомству. Основным преимуществом входивших в военное сословие в условиях крепостного права и рекрутчины было то, что, отслужив в армии, рекрут становился свободным (если до призыва был крепостным). Его же жена-солдатка, будучи крепостной, становилась свободной после призыва мужа на службу. Однако она, как и все дети, рожденные ею после ухода мужа в армию, считались принадлежащими военному ведомству****.

С 1874 г., в связи с отменой рекрутской и введением всеобщей воинской повинности, военное сословие формально перестало существовать, но фактически особое положение солдатки сохранялось. Во время нахождения на службе ее мужа государство платило солдатке, как и раньше, пособие, в том

* Щербинин П. П. Указ. соч. С. 129–230.

** Там же. С. 234; Сюмера Э. История и социология женского труда / Пер. с фр. Р. Ф. Калистратовой и др. М., 1973. С. 70.

*** См.: Первая мировая война: взгляд через столетие. Материалы международной конференции «Первая мировая война и современный мир» (26–27 мая 2010 г. Москва). М., 2011. С. 8.

**** Миронов Б. Н. Указ. соч. С. 129; Щербинин П. П. Указ. соч. С. 31–32.

числе на детей, а община обязана была нести за него причитающиеся повинности. В XIX в. выходили нормативные акты, направленные на поддержку семей отставных и бессрочно-отпускных солдат, в том числе и рекруток (солдаток), военных вдов и солдатских детей (кантонистов, солдатских девок и сирот из солдатских семей). Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. были изданы «Временные правила по призрению семей запасных нижних чинов, призванных на войну». Законом 7 сентября 1898 г. назначались пенсии из инвалидного капитала семьям раненых, убитых и без вести пропавших на войне нижних чинов, а также убитых при исполнении служебных обязанностей в мирное время. Согласно закону, впервые стала выплачиваться пенсия женщинам-солдаткам: нетрудоспособные вдовы и сироты унтер-офицеров получали по 60 руб., а вдовы солдат – 48 руб. в год*.

Но особенно большое значение имел закон от 25 июня 1912 г., который устанавливал размер пенсии для рядового в 100 руб., предусматривая выдачу государственных пособий из бюджетных средств семьям призванных на войну нижних чинов, в том числе впервые – семьям мобилизованных в армию запасных нижних чинов, что примерно вдвое увеличивало число призываемых солдаток. При этом помощь оказывалась только малой семье (т. е. жене и детям) призванного на войну или в армию. Другие члены семьи солдата (отец, мать, братья, сестры, приемные дети) должны были призреваться сельским обществом или городским самоуправлением.

Этот закон был применен в годы Первой мировой войны. Для исчисления продовольственного пособия на солдатскую семью в денежный эквивалент по установленным для каждой местности ценам брали следующие нормы продуктов на одного взрослого человека в месяц: муки – 1 пуд 28 фунтов, крупы – 10 фунтов, соли – 4 фунта, постного масла – 1 фунт. На ребенка моложе 5 лет полагалась половина пайка. Закон предусматривал создание в губерниях, где объявлялась мобилизация, особых городских и волостных попечительств, на которые возлагалось обследование нужд семей призванных из запаса на военную службу, составление списков и организация выдачи пособий. Как и в предыдущие годы, предусматривалось обязательное предоставление солдатками сведений от полиции о добропорядочном поведении**.

В годы войны число женщин-солдаток сильно возросло. Если принять (согласно выше приведенным данным), что женатые составляли примерно 64 % призванных в армию, то количество жен солдат составит 9788 тыс. человек (при общем числе всех мобилизованных 15 798 тыс. человек и доли солдат

* *Щербинин П. П.* Указ. соч. С. 135–136, 147–148; Сборник циркуляров МВД по вопросам воинской, военно-конской и военно-повозной повинности. 1874–1913. СПб., 1913. С. 228, 237.

** *Щербинин П. П.* Указ. соч. С. 139, 271; *Авербах О. И.* Законодательные акты, вызванные войной 1914 года с Германией, Австро-Венгрией и Турцией. Вильна, 1915. С. 115.

среди них 97,6 %). Имеются данные и о количестве полученных ими казенных пайков. Их общее число с начала войны по 1 сентября 1917 г. составило 36 671,1 тыс. в 76 губерниях Европейской России, Кавказа, Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии. При этом в уездах было выдано 33 376,8 тыс. пайков (91,3 % общего числа), в городах – 3192,3 тыс. (8,7 %). В свою очередь, число выданных пайков в 47 губерниях Европейской России составляло 31 611,6 тыс. (86,4 %), в том числе в городах – 8,5 %, в 11 губерниях Кавказа – 1768,9 тыс. (4,8 %), в том числе в городах 13,7 % пайков, в 8 губерниях Азиатской части страны – 3190,6 тыс. (8,7 %), в том числе в городах – 8,6 %. Общая сумма продовольственных пособий с начала войны до 1 сентября 1917 г. составляла 2 957 584 тыс. руб., при этом в ней на сельскую местность приходилось 91,4 %, на города – 8,6 %. Месячная стоимость одного пайка увеличилась с 3 руб. в 1914 г. до 3,10 р. – на 1 марта 1915 г., 3,50 руб. – на 1 марта 1916 г., 4,08 руб. – на 1 марта 1917 г. и 6,84 руб. – на 1 сентября 1917 г. Если приняты за 100 стоимость пайка на 1 января 1915 г. (3 руб.), то его вздорожание на 1 марта 1916 г. составит 17 %, на 1 марта 1917 г. – 36 %, а на 1 сентября 1917 г. – 128 %. Практиковались также выплаты единовременных денежных пособий особо нуждающимся солдатским семьям в соответствии с поданными ими прошениями. В 1916 г. было удовлетворено 26 956 ходатайств солдат и членов их семей**.

Получавшие пособия солдатки оказывались во многом в сходном положении, нередко вынуждены были добиваться выдачи пособий, испытывая на себе отрицательное влияние незнания ими законов и неразберихи в государственных и общественных структурах, которые обязаны были заниматься определением материального положения солдатских семей и выдачей пособий. Солдатки часто выступали против переделов земли, выделения из общины хуторов и отрубов. Они отказывались от межевания земель до возвращения своих мобилизованных мужей-домохозяев. Вместе с тем получение пайков и возросшая роль женщин в сельском обществе и производственной деятельности делали их относительно экономически независимыми от старших членов семьи – родителей своих и мужа, позволяли распоряжаться деньгами, совершать покупки по своему усмотрению, вырабатывали чувство самостоятельности и самодостаточности. Женщины-солдатки представляли собой категорию населения, наиболее тесно связанную с армией, поскольку они материально зависели от находившихся в ней мужей (в случае сдачи их в плен лишались пособий), поддерживали с ними переписку, сообщая о положении дел дома, в тылу, и таким образом складывалась определенная общая линия их отношения к действительности и поведению. В многочисленных общественных орга-

* Россия в мировой войне. С. 49–51.

** Шербинин П. П. Указ. соч. С. 282; Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 – март 1918 г.). Екатеринбург, 2000. С. 119.

низациях, появившихся во время войны, стали принимать активное участие женщины, в том числе солдатки.

Проблема социализации молодежи требует самостоятельного изучения. Ее значение возрастает благодаря исключительно высокому удельному весу молодых людей в общем составе населения России. Социализация детей и подростков начиналась в семьях, где закладывались основы взглядов на жизнь, принципы поведения и морали, отношения к труду и т. д. Затем возникал извечный вопрос отцов и детей, конфликта поколений. С бытовой почвы он переносился на общественный уровень. Исследователи обращали внимание на то, что еще до войны в общине на крестьянских сходах, ставших более демократичными по составу за счет включения в них женщин, молодежи, безземельных крестьян, споры по вопросам о земле и воле велись больше не между бедными и богатыми, а между молодыми и старыми*. Аналогичная картина наблюдалась на казачьих сходах, где после принятия закона об участии в станичных сходах всех домохозяев, как сообщалось с мест, люди почтенные, опытные, способные принести пользу делу и обществу честным отношением к его интересам, являлись бессильным меньшинством, «благие намерения коего» разбивались мнением состоявшего «из молодых и корыстных участников схода большинства»**. Известно, что именно рабочая молодежь активнее всего участвовала в стачках, в демонстрациях и митингах, вступала в различные партийные и другие общественные организации.

В годы войны молодые люди, не призванные в армию, и дети подросткового возраста активно работали в промышленном и сельскохозяйственном производстве, помогали дома по хозяйству. Вместе с тем в условиях тяжелой обстановки в стране, усиления беспризорности (к 1916 г. в России, только по официальным данным, насчитывалось 2,5 млн беспризорных детей и подростков) они проявляли себя не с лучшей стороны. Война способствовала появлению чувства вседозволенности и безнаказанности, ухудшению криминогенной обстановки среди молодежи, распространению хулиганства***.

2. Военные в составе населения

Социализация основной части молодого мужского населения осуществлялась в армии. В вышедших вскоре после войны статистических сборниках приводятся разные цифры о мобилизованных в Российской империи и других странах. Но общий вывод сводится к тому, что Россия занимала первое место среди воюющих стран по числу мобилизованных – от 15 800 тыс., по

* Зырянов П. Н. Крестьянская община Европейской России. 1907–1914. М., 1992. С. 243–250.

** РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2008. Л. 7.

*** Щербинин П. П. Указ. соч. С. 241–243.

одним данным, до 19 000 тыс. – по другим. За ней следовала Германия (13 251 тыс. человек), Англия с колониями (9496,4 тыс.), Австро-Венгрия (9000 тыс.), Франция с колониями (8194,5 тыс. человек) и т. д. Однако по проценту мобилизованных ко всему населению стран (что выражало их «военное напряжение») Россия оказывалась на одном из последних мест, давая 8,3 % – согласно одному источнику и 10,9 % – согласно другому. Наивысший процент мобилизованных из стран Антанты и союзников имели Франция – 20 % (17,2 %), Сербия – 16,5 % и Италия – 15,5 %, из центральных держав – Германия (19,5 %) и Австрия – (от 17,3 до 18,6 %). Доля мобилизованных в США к численности населения составляла всего 3,8 %.

Российская армия комплектовалась на основе Устава о воинской повинности 1912 г., который опирался, в свою очередь, на Устав 1874 г. (введивший всеобщую воинскую повинность) и внесенные в него в последующем изменения. Военная служба считалась обязательной для лиц мужского пола всех сословий и являлась не просто сословной повинностью, как это было раньше, а «священным гражданским долгом защиты отечества»^{**}. В связи с войной был понижен возраст призыва в армию (составлявший в 1874 г. 20 лет, а с 1893 г. 21 год), на время войны уменьшена мера роста для принимаемых на военную службу, отменено правило не принимать на службу военнообязанных, состоящих под следствием или судом или отбывающих наказание за маловажные «преступные деяния». Был также разрешен прием в войска отставных прапорщиков и сверхсрочных унтер-офицеров в возрасте от 43 до 55 лет (по довоенному уставу предельным для военнообязанных считался возраст 43 года). Кроме того, прекращалась отсрочка призыва для находящихся за границей военнообязанных, запрещено назначать санитарями ратников моложе 36 лет^{***}.

В результате возрастной состав 12 600 тыс. нижних чинов оказался следующим: в возрасте от 18 до 24 лет (это новобранцы досрочных призывов 1914–1918 гг.) – призвано 4200 тыс. (33,3 % общего состава); в возрасте не старше 27 лет (солдаты действительной службы) – 1400 тыс. (11,1 %); в возрасте 27–40 лет (солдаты запаса) – 2450 тыс. (19,4 %); две последние группы: в возрасте 20–40 лет – 4100 тыс. (32,6 %) и 40–50 лет – 450 тыс. (3,6 %) – ратники^{****}, т. е. рядовые государственного ополчения. Таким образом, более 60 % нижних чинов составляли плохо обученные новобранцы и ратники – в возрасте от 18 до 40 лет.

* Россия в мировой войне. С. 8, 88; Мировая война в цифрах. М., 1934. С. 12.

** Козловский Н. Об отношении народностей России к исполнению воинской повинности. (По данным о призывах 1909–1911 гг.) // Военный сборник. Кн. 1. СПб., 1915. С. 140.

*** Сазонов Л. И. Численность русской армии в войну 1914–1918 гг. // Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны. С. 126.

**** Там же. С. 127.

Согласно довоенным уставам, всеобщей воинской повинности не подлежали «инородцы», включавшие в себя оседлые, кочевые и бродячие коренные народы Европейского севера, Средней Азии и Сибири. Сведения о национальном составе армии, касающиеся довоенного периода, таковы. В числе принятых на военную службу в 1907 г. 440 542 человек русских (великороссов, малороссов и белорусов) было 75,3 %, поляков – 6,8 %, евреев – 4 %, угро-финских народов (финны, эсты, мордвины, черемисы, вотяки и др.) – 2,8 %, татар – 1,9 %, башкир – 1,4 %, немцев – 1,3 %, грузин – 1,2 %, литовцев, латышей, молдаван, армян по 1 %, и т. д.*

По имеющимся данным, к началу 1914 г. согласно законодательству о воинской повинности по национально-территориальному признаку были освобождены 7 млн человек**. 1 января 1915 г. в Туркестане был введен военный налог, который должен был компенсировать государственные расходы на оборону, а 25 июня 1916 г. после долгих согласований издан царский указ, объявлявший мобилизацию «инородческого населения» во вспомогательные войска (на тыловые работы)***. Согласно указу, Туркестанский край должен был дать фронту 250 тыс. человек, Степной – около 230 тыс. Однако вскоре местные богатеи стали освобождаться от работ за денежный взнос. Эти события послужили поводом к массовым антиправительственным выступлениям****, одним из требований которых было сохранение данного инородцам ранее сословного права не служить в армии.

По материалам МВД и сельскохозяйственной переписи 1917 г. о 12 861,4 тыс. человек, мобилизованных в сельской местности 76 губерний и областей, на Европейскую Россию (47 губерний) приходилось 85,0 %, на Кавказ (11 губерний) – 5,6 %, Сибирь и Среднюю Азию (18 губерний) – 9,4 %. Мобилизованные составляли 11,2 % ко всему сельскому населению, 22,6 % – к числу всех мужчин и 47,8 % – к количеству трудоспособных мужчин. В довоенный период соответствующие цифры (по 16 губерниям Европейской России) были таковы: 1,7 %, 3,4 и 7,1 %*****. Таким образом, изменилась не только численность призванных на военную службу (по сравнению с довоенным периодом она увеличилась в 11 раз), но и их доля в составе различных категорий мужского населения.

* Антонович Ан. Русский народ и главнейшие народности России перед воинской повинностью // Военный сборник. Кн. 11. СПб., 1909. С. 248.

** Котюкова Т. В. Первая мировая война и участие в ней народов Российской империи (на примере Туркестанского края) // Первая мировая война: взгляд через столетие. М., 2011. С. 450.

*** Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1916 г. Отд. 1. № 182. С. 1747.

**** Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане: Сб. документов. М., 1960. Док. 36–425.

***** Россия в мировой войне. С. 22, 49.

На основании Устава о воинской повинности отсрочки от призыва получили 1200 тыс. человек, работавших на нужды обороны, а также 1900 тыс. служащих на железных дорогах (главным образом телеграфисты), в различных правительственных учреждениях и пр.*

Таблица 3

Состав действующей армии по периодам*

Периоды	Состояло лиц										
	всего	офицеров		солдат				врачей		классных чинов	
				строевых		нестроевых					
		абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
К 1 окт. 1914 г.	2 711 253	38 156	1,41	3 293 831	84,24	371 754	13,71	7447	0,27	10 065	0,37
К 1 сент. 1915 г.	3 855 722	58 011	1,50	3 190 402	82,75	582 952	15,12	9877	0,26	14 480	0,37
К 1 ноября 1916 г.	6 963 503	115 201	1,65	5 574 516	80,5	1 223 915	17,57	15 193	0,23	34 678	0,50

* Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М., 1925. С. 23.

В таблице 3, по данным Военного Министерства, полученным с фронтов Ставкой Главнокомандующего, показана динамика численности армии и состав входящих в нее войск, управлений и учреждений, находящихся на линии фронта и в тылу. Общая численность армии с октября 1914 по ноябрь 1916 г. возросла в 2,5 раза, количество офицеров увеличилось в 3 раза, строевых солдат в 2,4 раза, а нестроевых – в 3,3 раза. Военных врачей стало больше вдвое, а классных чиновников – в 3,4 раза. На одного офицера, по данным на 1916 г., приходилось в среднем 59 солдат, на одного врача – 457 лиц, состоявших в армии.

Наличный состав в частях отдельных фронтов к 1 мая 1917 г. был следующим* (см. табл. 4).

Таблица 4

Фронты	Офицеров	Чиновников	Солдат	Всего	
				абс.	%
Западный	27 262	11 156	1 368 313	1 406 731	20,4
Северный	25 919	93 882	1 199 379	1 319 180	19,2
Юго-Западный	46 945	19 059	2 318 124	2 384 128	34,7
Румынский	27 669	–	1 347 735	1 375 404	20,0
Кавказский	8796	2300	329 633	340 729	5,0
Иностранцы и военнопленные	501	1626	49 331	51 458	0,7
Итого	137 092	128 023	6 612 715	6 877 630	100,0

* Подсчитано по: Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914–1920 гг. Вып. 1. М.; Пг., 1923. Приложения. С. 210.

* Сазонов Л. И. Указ. соч. С. 126, 127.

Таким образом, численность личного состава Западного, Северного и Румынского фронтов была примерно одинакова, составляя около 20 % на каждом; Юго-Западный фронт превосходил их в полтора раза.

Согласно исследованию С. В. Волкова^{*}, пополнение армии офицерами во время войны осуществлялось в невиданных прежде масштабах: численность офицерского корпуса превысила довоенную в 6 раз. В первый же год войны выбыл из строя почти весь кадровый офицерский состав – на 1914–1915 гг. пришлось 45 115 человек боевых потерь. Поэтому офицеров стали выпускать с сокращенным сроком обучения в юнкерских училищах, а также в специально созданных школах прапорщиков. Кроме того, в офицеры стали производить за боевые заслуги из солдат и унтер-офицеров без прохождения специального курса обучения. В результате состав офицерского корпуса сильно изменился. В довоенный период (по данным на 1912 г.) среди офицеров 53,6 % составляли дворяне, в том числе среди генералов дворян было 86,8 %, среди штаб-офицеров – 71,7 %. В то же время из лиц бывших податных сословий происходило 25,7 % офицеров. Этот офицерский корпус отличался высоким образовательным уровнем – 91,2 % офицеров окончили военные и юнкерские училища, а среди генералов – 55,3 % – военные академии. Православные составляли 89 % среди офицеров, русские по национальности – 87,2 %. Заметную роль в числе офицеров играли поляки (5,4 %), а следовательно, католики (5,5 %). В российский офицерский корпус входили также (данные на 1912 г.) лица других вероисповеданий [протестанты (2,9 %), армяно-григориане, мусульмане – менее 1 % и пр.] и народностей – немцы и эсты (2,6 %), кавказские народы (2,5 %), латыши (0,7 %), татары (0,6 %), литовцы (0,2 %) и др., но их удельный вес был незначительным.

В годы войны положение изменилось. По данным о сословном составе шести военных училищ и школ прапорщиков военного времени, приведенных Волковым, доля дворян среди выпускников упала до 8 %, зато мещан поднялась до 26,3 %, а крестьян – до 37,5 %. В связи с понижением в 1899 г. предельного возраста службы офицера возраст старших и высших офицеров несколько уменьшился: в инженерных войсках 59,8 % офицеров имели до 30 лет и 3,8 % – свыше 50, в кавалерии – соответственно 46,8 и 5,6 %, в артиллерии – 46,8 и 7,7 %, в пехоте – 59,8 и 6,9 %^{**}.

Врачи и другой медицинский персонал (аптекари, ветеринары, фельдшеры) по своему социальному положению были наиболее близки офицерам, отличаясь высоким уровнем образования, дворянским и из почетных граждан происхождением их значительной части (до 52,2 % в 1912 г. при 26,2 % из податных сословий). Что касается военных чиновников, которых называли также «классными чинами» Военного ведомства, то, не имея офицерских чинов,

^{*} Волков С. В. Русский офицерский корпус. М., 1993. С. 91, 92, 147, 272, 352, 356–357.

^{**} Там же. С. 284, 353, 354.

они по характеру деятельности мало отличались от служащих гражданских ведомств, занимали административные должности по обслуживанию вооруженных сил. Они служили как в войсковых частях, ведая хозяйственными и административными делами, так и в управлениях Военного и Морского министерств – артиллерийском, инженерном, комиссариатском, провиантском и т. д., а также в военно-судебном и военно-учебном ведомствах. По данным на 1912 г., военные чиновники в большинстве своем (59,8 %) были выходцами из бывших податных сословий, дворянское происхождение имели 19,3 %.

Представление о социальном составе армии дополняют сведения об инвалидах и военнопленных. 28 526 инвалидов, о которых имеются данные**, распределялись по возрасту следующим образом: до 21 года – 9 %, от 21 до 29 лет – 51,2 %, от 30 до 39 лет – 32,9 %, 40 лет и выше – 4,6 %, у остальных 2,4 % возраст не указан. По семейному состоянию 10 436 человек, или 37 %, были холостыми, 17 172, т. е. 60 %, – женатыми, 222 – вдовыми, в отношении 696 инвалидов нет сведений. Грамотных среди инвалидов было 17 637 (62 %), неграмотных 8630 (30 %), лиц со средним и высшим образованием 254 человека (0,8 %). По занятиям до поступления на военную службу инвалиды распределялись следующим образом (см. табл. 5).

Таблица 5

Занятия или отрасль хозяйства	Число инвалидов	
	абс.	%
Земледелие и животноводство	17 219	60,4
Обрабатывающая промышленность	4865	17,1
Торговля	595	2,1
Транспорт	524	1,8
Личные услуги	479	1,6
Свободные профессии, общее или местное управление	275	1,0
Чернорабочие и переменные поденные работы	1272	4,4
Прочие и не указано	3297	11,6
Итого	28 526	100

Таким образом, по основным демографическим и социальным показателям инвалиды в целом соответствовали самодеятельному мужскому населению страны данной возрастной категории.

Достаточно подробное представление о социальном составе армии можно получить, обратившись к данным Центральной коллегии о пленных и беженцах, касающихся русских военнопленных, которые находились в плену в Германии и Австро-Венгрии (99,0 % всего числа), а также в Болгарии и Турции

* Волков С. В. Русский офицерский корпус. С. 252.

** См.: Новосельский С. А. Материалы по статистике травматизма, болезненности и инвалидности в войну 1914–1917 гг. // Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны. С. 201.

и вернулись на родину в 1918–1919 гг.* Эти сведения относятся к 368 801 военнопленному, что по отношению ко всем российским пленным периода войны (3 343 900 человек) составляло 11 %, а по отношению к мобилизованным в годы войны – 2,3 %. Таким образом, данные о вернувшихся военнопленных правомерно рассматривать как случайную репрезентативную выборку, по которой можно составить, хотя и примерное, представление о демографической и социальной структуре армии. Следует также иметь в виду, что в составе этих военнопленных удельный вес солдат (98,6 %) был несколько выше, чем в армии в целом, а офицеров (1,1 %), медицинского персонала (0,2 %), военных чиновников (0,1 %) – ниже. Кроме того, отдельные показатели касаются лишь части вернувшихся военнопленных.

Большинство из тех, о ком есть сведения (188 988 чел.), попало в плен в 1915 г. (64,8 %), еще 17,6 % – в 1914 г. и 11,1 % – в 1916 г.; остальные 6,5 % – в 1917 и 1918 гг. Среди 171 985 военнопленных, распределенных по родам войск, преобладали пехотинцы (96,4 %). На артиллеристов приходилось 2,0 %, кавалеристов – 0,5 %, состоявших в инженерных войсках – 0,4 %, воздухоплавательных частях – 0,05 %, моряков флота – 0,1 %, других частей – 0,6 %.

Большой интерес представляют сведения о возрасте и семейном положении, национальности, образовании и профессиях военнопленных. Из общего числа 145 854 человек лица от 21 до 39 лет составляли 87,8 %. На молодых людей до 21 года приходилось 1,3 %, военнослужащих 40–49 лет – 10,7 %, а лиц свыше 50 лет – 0,2 %. 63,5 % из 182 382 военнослужащих были женаты, 34,8 % являлись холостыми, остальные – включены в состав вдовых, разведенных и с неустановленным семейным положением. Половина (49,2 %) из 105 041 военнопленных имели 1 ребенка, еще 42,0 % – от 2 до 4 детей, 4,0 % – от 5 до 8 детей, и только 4,8 % были бездетными.

Военнопленные (386 367 чел.) представляли все основные регионы России, но большинство из них (75,5 %) жили до войны в европейской части страны, 9,4 % – в Сибири, 3,8 % – на Украине, 3,5 % – в Царстве Польском. Самые маленькие проценты дали Финляндия (0,01 %), Крым (0,3 %), Бессарабия (0,5 %), Литва и Эстония (0,5 %). Национальный состав 311 432 военнопленных был таким: великороссы – 90,6 %, украинцы – 0,9, белорусы – 0,3, поляки – 0,5, литовцы – 0,1, латыши – 0,2, грузины – 0,2, армяне – 0,3, евреи – 0,7, эстонцы – 0,2, татары – 3,4, прочие – 2,6 %.

Из 261 237 военнопленных, о которых есть сведения, 64,2 % были хлебопашцами, 10,6 % – чернорабочими, 1,7 % составляли рабочие фабрик и заводов, а всего крестьян и рабочих по социальному положению было 76,5 %. К выходцам из среднего класса можно отнести: ремесленников – 13,3 %, учителей – 0,3, учащихся – 0,4 %, кадровых военных – 0,5 %, служащих частных заведений – 2,2 %, служащих в управлениях и общественных организациях – 1,5 %, лиц свободных профессий – 1,8 % – всего 20,0 %. Наконец, среди попов-

* См.: Россия в мировой войне. С. 38–39.

ших в плен и вернувшихся промышленников было 1,7 %, торговцев – 1,8 %, т. е. в целом 3,5 %. Таким образом, по этим данным, социальный состав взятых в армию был следующим:

крестьяне	–	64,2 %
рабочие	–	12,3 %
средний класс	–	20,0 %
в т. ч. «старые»		
средние слои	–	13,3 % (более половины среднего класса)
торгово-промышленная буржуазия	–	3,5 %.

Любопытны также сведения об образовании, согласно которым из 269 512 военнопленных имели низшее образование и были грамотными 77,3 %. Высшее образование было у 0,2 %, среднее – у 2,2 %, профессиональное – 0,8 %. Неграмотными было 19,5 % военнопленных. Более высокий уровень грамотности в армии (по переписи 1897 г. среди мужчин населения империи грамотных было только 29,3 %) можно объяснить и ростом грамотности в начале XX в., и возрастным составом находившихся в армии. Удельный вес женатых военнопленных вполне соответствовал другим, ранее приводимым, показателям периода войны, и данным переписи 1897 г. (свыше 60 %). Состав пленных достаточно адекватно отражал классовую структуру общества.

Три основные проблемы в связи с военным населением возникли в стране в годы войны, привлекая внимание и правительства, и общественности, обостряя нараставший в стране социальный и политический кризис. Первая из них касалась слабого технического оснащения армии и связанных с этим больших людских потерь. В силу отставания в промышленном развитии по сравнению с передовыми странами Запада, незавершенности программ перевооружения армии накануне войны, сложностей и просчетов в мобилизации казенной и частной промышленности на нужды обороны, многочисленных сбоев и накладок в регулирующей деятельности государства, Россия оказалась по своему техническому оснащению боевыми средствами на одном из последних мест среди главных воевавших держав^{*}.

В записке, поданной на имя императора Николая II в ноябре 1916 г. 28 членами Государственной думы и Государственного совета, входившими в Особое совещание по обороне государства, отмечалось, что потери армии, по имеющимся сведениям, достигли к тому времени 5500 тыс. человек и что «принцип бережливости людской жизни не был в должной мере воспринят нашей армией и не был в ней достаточно осуществлен... В армиях прочно привился иной взгляд, а именно, что при слабости наших технических сил мы должны пробивать себе путь к победе преимущественно ценою человеческой

^{*} Мировая война в цифрах. С. 31.

крови»*. Тем не менее эта линия оставалась господствующей и в дальнейшем, а число общих потерь с учетом пропавших без вести, пленных, раненых и др., вычисленных В. Г. Аврамовым по данным, сохранившимся в Главном военно-санитарном управлении, составило за период войны 8,5 млн человек, а по подсчетам В. И. Бинштока – 14 млн**. Безвозвратные потери России – число убитых, умерших от ран, болезней и от отравления газами, равнялись, по исчислениям Б. Ц. Урланиса, 1451 тыс. человек, а В. И. Бинштока – 1660 тыс., в то время как Германия потеряла 1796 тыс., а Великобритания 624 тыс. человек***.

Второй вопрос касался «непомерного разбухания тыла» за счет строевых частей. В записке начальника Штаба Верховного главнокомандующего генерала М. В. Алексея от 16 ноября 1916 г. сообщалось: «Полевой интендант говорит, что он кормит от 5 500 000 до 60 00 000 ртов на фронте, не считая внутренних округов. Бойцов мы набираем около 2 000 000. Если таково действительно соотношение, то мы приходим к непопозволительному выводу, что одного бойца обслуживают два тыловых человека. По нашей, даже тяжелой организации тыла, должен на 3–4 бойца быть один тыловой служащий... Ни одна из армий воюющих держав не имеет столь громадных тылов, как наша... наши тыловые части неуклонно увеличиваются и притом за счет фронта, за счет бойцов армии»****.

Первоначально проблема численности тыла и действующей армии возникла в связи с исчерпанием источников пополнения ее боевого состава. Один из таких источников военный министр генерал Д. С. Шуваев видел в сокращении ее небоевого состава, «превышающего боевой по меньшей мере в 2 раза»****. В связи со значительными расхождениями сведений строевых штабов и интендантства о численности армии, 20 апреля 1917 г. была проведена однодневная перепись всех войсковых частей, учреждений и заведений. Она показала, что на довольствии от интендантства состояло 8 050 955 офицеров, чиновников и солдат, 218 264 членов различных частных организаций, обслуживающих армию, 781 705 инородцев, вольнонаемных рабочих, беженцев и др.; а всего – 9 050 924 человека. Таким образом, при численности действующей армии и

* Цит. по: *Сазонов Л. И.* Потери России в войну 1914–1918 гг. // Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны. С. 156.

** *Аврамов В. Г.* Жертвы империалистической войны в России // Известия Народного комиссариата здравоохранения. М., 1920. № 1–2. С. 40–42; *Биншток В. И.* Военные потери России в войну 1914–1918 гг. // Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны. С. 149. В источниках и литературе существуют и другие цифры потерь России в войне. Многие исследователи специально занимались этим вопросом.

*** *Урланис Б. Ц.* История военных потерь. С. 179; *Биншток В. И.* Указ. соч. С. 149.

**** Цит. по: *Сазонов Л. И.* Численность русской армии. С. 135.

***** Там же. С. 127.

строевых штабов в 5,5–6 млн человек количество людей, стоящих на довольствии интендантства в 1916–1917 гг., составляло 8–9 млн человек*.

По мере усиления затруднений в обеспечении армии вооружением и боеприпасами, снаряжением и продовольствием осенью 1917 г. вопрос сокращения численности армии и расходов на нее переместился в сферу финансовую и политическую, сделав эту проблему одной из основных. В связи с этим 25 октября 1917 г. была проведена очередная перепись, которая показала, что общая численность действующей армии, по неполным данным, составляла 6 026 032 человека (не считая военнопленных и вольнонаемных рабочих)**.

Однако низкая боеспособность армии отражала общее кризисное состояние государства. Одним из наиболее наглядных проявлений настроения в армии было дезертирство: число дезертиров до февраля 1917 г. составило 195 130 человек, а по 1 августа 1917 г. – 365 137 человек***.

Подводя итог анализу военного населения, необходимо сказать, что комплектование армии на основе всеобщей воинской повинности, многократное увеличение ее численности и расширение состава по сравнению с принятыми в довоенном Уставе о воинской повинности принципами, ускоренные темпы комплектования офицерского корпуса с включением в него представителей всех сословий привело к тому, что армия стала по существу соответствовать общей социальной структуре населения страны. Вместе с тем армия объединила и социализировала мужскую часть молодежи, дала ей в руки оружие, позволила использовать ее не только в интересах государства, но и различных партийно-политических сил.

3. Миграция населения

Начало XX в. заметно изменило характерную для России малоподвижность населения, когда 90 % сельских и свыше 50 % городских жителей родились и постоянно проживали в своем уезде и губернии. Основные направления миграции населения, складывавшиеся во второй половине XIX и начале XX в. – отрыв крестьянства от земледелия и втягивание его в торгово-промышленную деятельность, а в связи с этим переселение на временное или постоянное жительство в города, крестьянская колонизация юга России и азиатской части страны, наконец, эмиграция российских подданных за рубеж и иммиграция иностранцев в Россию – способствовали экономическому развитию центра и окраин страны, разрежали земельное утеснение в Европейской России, снижали напряжение высокой рождаемости и безработицы. Переселенческое

* Сазонов Л. И. Численность русской армии. С. 136–137.

** Гаврилов Л. М., Кутузов В. В. Перепись русской армии 25 октября 1917 г. // История СССР. 1964. № 2. С. 89, 91.

*** Россия в мировой войне. С. 26.

движение помогало освоению новых земель, крестьянство приносило с собой культуру земледелия, на окраинах возрастала численность русского и иного населения из европейской части страны. В значительной мере благодаря миграции, а также разнице в естественном приросте населения в центре и на окраинах удельный вес жителей в Европейской России (51 губерния и Царство Польское) в общем составе населения уменьшился с 81,8 % в 1897 г. до 79,1 % в 1914 г. и поднялся до 80,0 % в 1917 г.^{*}

Первое направление миграции населения, связанное с процессом урбанизации, играло главную роль и в годы войны. С 1897 г. по 1 января 1914 г. население городов увеличилось с 17 180,7 тыс. до 26 800,4 тыс. (с Финляндией), или на 56,0 %^{**}. Однако Россия не преодолела по доле горожан своего отставания от других цивилизованных государств. Даже в Швеции, ближе всего стоявшей к Российской империи по доле городских жителей, их удельный вес составлял 22,1 %, во Франции этот процент поднимался до 41,2 %, почти таким же был в США (41,5 %). В Германии городское население (56,1 %) превосходило сельское; в Норвегии в городах проживало 72,0 %, а в Англии – 78,0 % жителей. Россия накануне войны по числу горожан подошла к 15 %-ной отметке (в 1897 г. удельный вес городского населения составлял в империи 13,4 %), оставаясь аграрно-индустриальной страной^{***}.

Статистические данные за годы войны различаются между собой и не вполне сопоставимы, поскольку, как и многие другие демографические показатели, основываются на исчислениях ЦСК или исследователей. Согласно официальным данным, на 1 января 1916 г. в городах проживало 25 150,1 тыс. человек (без Финляндии и Царства Польского), что составляло 14,8 % их общего числа в стране. Судя по таблице 3, удельный вес этого населения в Европейской России поднимался до 15,1 %, на Кавказе равнялся 14,9 %, в Средней Азии – 14,3 %, а в Сибири опускался до 12,5 %.

По подсчетам В. М. Кабузана, в 1917 г. число горожан в империи (с Польшей и Финляндией) составляло 30 839,3 тыс. человек – рост по сравнению с 1897 г. на 79,5 %, а по сравнению с 1914 г. – на 15,1 %. В том числе удельный вес городского ко всему населению равнялся: в Европейской России – 17,6 %, в Царстве Польском – 22,2 %, в Великом княжестве Финляндском – 14,4 %, в Сибири и на Дальнем Востоке – 11,9 %, Казахстане и Средней Азии – 14,8 %, на Кавказе – 15,1 %, в среднем по империи – 17,2 %^{****}.

Столицы – Петроград и Москва, как и до войны, оставались самыми крупными российскими городами. Численность их населения, вместе взятого,

^{*} Подсчитано по: Общий свод по империи. Т. 1. С. 160–163; Статистический ежегодник России 1914 г. Пг., 1915. Отд. 1. С. 33–57; Кабузан В. М. Демографическая ситуация в России. С. 22–23.

^{**} Статистический ежегодник России 1914 г. Отд. 1. С. 57.

^{***} Там же. С. 61.

^{****} Кабузан В. М. Демографическая ситуация в России. С. 22–23.

увеличилась с 2303,9 тыс. в 1897 г. до 4001,3 в 1917 г., т. е. на 73,7 %. Далее, чем крупнее были города, тем быстрее росло в них население. Согласно сведениям по европейской части страны (в пределах РСФСР 1920-х гг.), в городах с численностью более 50 тыс. населения его рост с 1897 по 1917 г. составил 64,6 %, с количеством жителей от 10 до 50 тыс. человек – 47,1 %, а менее 10 тыс. – 28,3 %*.

Поскольку естественный прирост населения, как было показано, сокращался, на динамику численности городского населения в период войны влиял целый ряд экзогенных факторов, действовавших подчас в противоположном направлении. В первый год войны закрывались многие промышленные предприятия, не работавшие на оборону, что приводило к безработице. Потеряв работу или не выдержав дороговизны, часть городских жителей возвращалась в деревню. В то же время города наполнялись людьми, ищущими работу, а также беженцами из прифронтовой полосы. В свою очередь, часть жителей западных городов уходила из районов военных действий на восток. Эти разнонаправленные процессы проявились в изменении численности населения разных городов (см. табл. 6).

Таблица 6

Число жителей в тыс.*

Города	На 1 января 1916 г.	На 1 января 1917 г.
Петроград**	2404,5	2379
Москва**	1853,5	1914
Рига**	581,3	300
Харьков**	308,8	328
Варшава**	909,5	нет св.
Тифлис	336,9	450
Баку	238,9	244
Ташкент	272,6	235
Томск	198,3	150

* Статистический ежегодник России 1916 г. Вып. 1. С. 87, 89.

** Город с пригородами.

По Петрограду и Москве за годы войны существуют и другие данные. Население Петрограда увеличилось с 2217,5 тыс. человек в 1914 г. до 2420 тыс. – в 1917 г., тогда как Москвы – с 1983,7 тыс. в ноябре 1915 г. до 2017,2 тыс. человек в феврале 1917 г. (что превосходило населенность Берлина, имевшего в 1916 г. 1885 тыс. жителей)**.

Положение стало быстро меняться с весны 1917 г. В 1917–1920 гг. в связи с революциями, гражданской войной, затруднениями в снабжении городов про-

* *Квиткин О.* Население городов Европейской части РСФСР по переписи 1897 г., 1917, 1920 и 1923 гг. // Бюллетень Центрального статистического управления. М., 1923. № 77. С. 12.

** *Михайловский А. Г.* Указ. соч. Стб. 51; *Лубны-Герцык Л. И.* Указ. соч. С. 69.

довольствием убыль городского населения приняла большие масштабы. В столицах она составила 58,2 %, в остальных городах в среднем 18,6 %. К 1920 г. в Петрограде число жителей уменьшилось до 722,2 тыс. человек, в Москве – до 952,3 тыс. По наблюдениям исследователей, в мелких городах население оказывалось более устойчивым, чем в крупных*.

Таким образом, в годы войны, как и в довоенный период, абсолютная и относительная численность городского населения росла. Но в основе этого роста лежали прежде всего факторы внешнего порядка, связанные с механическим приростом – миграцией населения. Разнонаправленный характер миграций, различия по городам, резкое падение числа городских жителей в условиях революций и гражданской войны свидетельствовали о неустойчивости урбанизационных процессов, когда городское население «металось» между городом и деревней в поисках работы и лучшего обустройства.

Второе направление миграции населения – переселенческое движение из центра страны на окраины демонстрировало в годы войны явный и все усиливающийся спад. В 1915 г. специальным циркуляром главноуполномоченного землеустройством и земледелием переселение в Сибирь было приостановлено до окончания военных действий**. Сокращались и расходы Переселенческого управления МВД, занимавшегося колонизацией. Хотя общая сумма, испрашиваемая на 1917 г. на переселенческое дело, возросла до 25 900,7 тыс. руб. (по сравнению с ассигнованными в 1916 г. 21 507,8 тыс. руб.), увеличение происходило, во-первых, в условиях инфляции, а во-вторых, было рассчитано в основном на содержание центрального аппарата ведомства, учреждений, заведующих движением и водворением переселенцев и личного состава этих учреждений, а также на расходы по образованию переселенческих участков. В то же время ссуды по «домообзаведению», «на общественные надобности» были сокращены примерно на 1,3 млн руб. (22,1 %). Предполагалось также незначительное увеличение ассигнований (всего на 174,9 тыс. руб.) на врачебно-продовольственную помощь (при общей сумме ее в 1916 г. 4837,7 тыс. руб.). Ветеринарная же помощь в 1917 г. не предусматривалась вообще***.

Статистические данные о переселенческом движении, собранные Переселенческим управлением, касаются трех временных отрезков. В течение первого периода – 1896–1910 гг. в среднем в год переселялось 264,5 тыс. лиц семейных, одиноких и ходоков, а возвращалось в губернии выхода 68,2 тыс. человек – 25,7 % переселенцев. В период 1911–1915 гг. на восток уходило ежегодно 237,5 тыс. человек, а приходило обратно 93,3 тыс., т. е. 39,3 %. Картина

* Лубны-Герцык Л. И. Указ. соч. С. 70–71; Квиткин О. Указ. соч. С. 12, 15.

** См.: Китанина Т. М. Демографические процессы в России в период Первой мировой войны и их социально-экономические последствия для русской деревни // Социально-экономические процессы в российской деревне (XVI – начало XX в.). Таллин, 1986. С. 229.

*** Статистический ежегодник России 1916 г. С. 114.

резко меняется в 1916 г., когда число переселенцев составило всего 11,2 тыс. лиц (4,7 % по отношению к предыдущему периоду), из которых вернулись 7,8 тыс., что давало целых 69,4 %. В действительности снижение наблюдалось уже в 1914 г., о чем свидетельствуют данные об оставшихся на новых местах жительства. В ходе Столыпинской аграрной реформы в Сибири и Средней Азии было водворено в 1911 г. 78,0 тыс. семей и 227,0 тыс. переселенцев. В последующие три года наблюдалось постепенное уменьшение числа водворенных. В 1914 г. оно опустилось до 44,2 тыс. семей и 122,4 тыс. переселенцев. В 1915 г. произошло резкое сокращение водворенных семей – до 15,4 тыс. и до 43,5 тыс. переселенцев. А в 1916 г. число водворенных упало до 426 семей (уменьшение по сравнению с 1915 г. в 36 раз) и 3,4 тыс. человек (в 12 раз меньше, чем в предыдущий год)*. Данные по двум регионам – Сибири и Средней Азии – показывают, что в 1911–1914 гг. более половины переселенцев – 56,3 % из 369,3 тыс. было водворено в Сибири. В 1915 г. имела место иная картина: переселившиеся в Сибирь составляли всего 36,1 %. На Кавказе в 1914 г. было водворено только 2,9 тыс. человек и 439 семей**.

Таким образом, в годы войны наблюдалось неуклонное снижение числа крестьян-переселенцев, возросла почти вдвое доля вернувшихся, основной поток переселенцев направлялся не в Сибирь, а в Среднюю Азию. Переселение из фактора ослабления земельного утеснения в Европейской России превращается в фактор недовольства для 70 % переселенцев, которые по разным причинам (главным образом из-за трудностей обустройства) вынуждены были вернуться на старые пепелища.

В основе российской эмиграции, как и иммиграции иностранцев в Россию, лежала разница в уровне жизни, заработной плате, возможности получения доходов, правовом положении населения России и других стран. В период войны внешняя миграция так же, как и внутренняя, сокращается. По данным о пассажирском движении между Россией и другими государствами, через европейскую и азиатскую границы в пятилетие 1910–1914 г. в среднем в год выезжало 7665,8 тыс. российских подданных, в 1914 г. – 5247,4 тыс., в 1915 г. – 142,8 тыс. При этом женщины составляли в 1915 г. всего 9,1 %. Число российских подданных, прибывших через обе границы, равнялось в 1910–1914 гг. – 7501,7 тыс., в 1914 г. – 4750,2 тыс., в 1915 г. – 140,8 тыс. (в том числе женщин 5,8 %). Таким образом, в предвоенные и военные годы баланс российских эмигрантов был отрицательным – выехало больше, чем вернулось, соответственно на 161,1 тыс., 497,2 тыс. и 2 тыс. человек***.

Данные по годам имеются в отношении пассажиров, едущих по паспортам. Самое большое число выбывших (529,1 тыс.) и прибывших (404 тыс. человек) через обе границы приходилось на 1913 г. В 1914 г. произошло заметное сни-

* Статистический ежегодник России 1916 г. С. 94, 101, 102, 103.

** Там же. С. 110–112.

*** Там же. С. 115–116.

жение эмигрантов (303,3 тыс.) и реэмигрантов (244,6 тыс.), а в 1915 г. – многократное их уменьшение – выехало 46,3 тыс. человек, вернулось 49,6 тыс.* Основная часть паспортных эмигрантов в 1911–1914 гг. ехала на запад, через европейскую границу. Но в 1915 г. стали преобладать выбывавшие и прибывавшие через азиатскую границу. Число выбывших превышало количество приехавших в Россию во все годы, кроме 1915 г., когда через европейскую границу вернулось на 6,2 тыс. больше, чем выехало, и это повлияло на общий положительный баланс года по обеим границам.

Основной поток эмигрантов шел преимущественно из западных российских и южных губерний. Переселялись главным образом евреи, поляки, литовцы, немцы. В годы войны, как и в довоенный период, большая часть российских эмигрантов оседала на американском континенте – преимущественно в Северо-Американских Соединенных штатах, меньше в Канаде, Аргентине и Бразилии. Но если в 1913 г. – год наибольшей эмиграции в США, туда выехало из России 291 тыс. человек, в 1914 г. – 255,7 тыс., то за 1915–1917 гг. всего 46,7 тыс.** Доля российских подданных, обосновавшихся в европейских и азиатских государствах, была небольшой.

В 1914 г. 40,1 % российских эмигрантов в США составляли евреи, удельный вес которых в следующие три года возрос до 50 %. 25,9 % в 1914 г. и 11 % в 1915–1917 гг. приходилось на поляков, соответственно 15,7 % и 8,5 % – на русских, украинцев и белорусов, вместе взятых. Существенно поднялась доля финнов – с 4,3 % в 1914 г. до 19,9 % в 1915–1917 гг., а литовцев и латышей упала с 8,1 % в 1914 г. до 5,1 % – в 1915–1917 гг.*** Остальные незначительные проценты приходились на немцев, шведов и др.

Активная эмиграция евреев была связана с экономическими причинами и их правовой дискриминацией. Среди евреев, по довоенным статистическим данным, в том числе стран прибытия, было около 70 % ремесленников и других лиц, имеющих специальности, до 25 % – сельскохозяйственных и неквалифицированных рабочих, 5,3 % – занимающихся торговлей; свыше 40 % составляли женщины – этот показатель во многом свидетельствует о постоянном характере миграций. И действительно, по наблюдению исследователей, большинство евреев не возвращались обратно, находили в США свою вторую Родину. К евреям по рассмотренным параметрам были близки немцы.

Поляки, финны и литовцы приезжали в США в основном на сельскохозяйственные работы и не один раз, поскольку заработки здесь были в три-четыре раза выше, чем в России. Однако значительная часть оставалась там навсегда (из поляков до 80 %). Среди «русских» эмигрантов доля сельскохозяйственных и неквалифицированных рабочих и крестьян достигала 88 %,

* Подсчитано по: Там же. С. 119–120.

** Кабузан В. М. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX века. М., 1998. С. 176–177.

*** Там же.

а ремесленников и торговцев было около 10 %. Женщины составляли всего 15 % эмигрировавших. Тем не менее и из них на родину не возвращалось около половины*.

В начале XX в. большой размах получает сезонная миграция российских сельскохозяйственных рабочих в скандинавские страны, во Францию и особенно в Германию. В годы войны усилилась миграция из России в Германию, где потребность в рабочей силе сильно возросла в связи с призывом немецкого мужского населения в армию. В 1917 г. число сельскохозяйственных российских рабочих-эмигрантов превысило полмиллиона человек, свыше 70 % которых составляли выходцы из оккупированного Германией Царства Польского. Это было продолжением довоенной традиции: немецкий рынок труда был для поляков ближе южнороссийского, сообщение оказывалось более удобным и дешевым, а заработки почти в полтора раза выше.

Иностранцы подданные, прибывавшие в Россию через европейскую и азиатскую границы, составляли в 1914 г.: едущие по паспортам – 371,0 тыс. человек, по легитимационным билетам – 1608,8 тыс., едущие без видов – 4,7 тыс. человек, а всего 1984,5 тыс. человек. В 1915 г. соответствующие данные были таковы: 152 тыс. человек, 127,3 тыс., 5,7 тыс., всего – 285,8 тыс. человек, что меньше приехавших в 1914 г. на 1698,7 тыс. человек. В 1915 г. доля прибывших через европейскую границу составляла всего 4,4 %, через азиатскую – 95,6 %. Удельный вес едущих по паспортам равнялся 53,5 %, по легитимационным билетам – 44,5 %, остальные – 2 % иностранцев приехали из Бухары и Афганистана без видов. Женщины составляли всего 3 % всех приехавших**.

Большинство среди приехавших в 1915 г. иностранных подданных были выходцами из Персии (151,1 тыс. человек, или 52,9 % пересекших обе границы, главным образом азиатскую) и Китая (101,5 тыс., или 35,5 %). Они рассчитывали найти в России выгодную работу; для них оплата труда оказывалась здесь выше, чем на родине. Через европейскую границу ехали представители многих государств – Болгарии, Греции, Румынии, Турции, Японии и др., надеясь не только на приемлемые рабочие места, но и на более высокие прибыли в торгово-промышленной сфере вследствие относительно низких заработков российских рабочих. Однако основной торгово-промышленный партнер России – Германия, из которой еще в 1914 г. прибыло в Россию свыше 1 млн иммигрантов, в последующие годы сходит на нет.

Динамику числа иммигрантов подтверждают и конкретизируют данные о паспортных пассажирах. Наибольшее число таковых – 515,9 тыс. человек приходилось на 1913 г. Выбывшие тогда же составляли 421,2 тыс. И, таким об-

* *Кабузан В. М.* Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX века. С. 144–145, 192–193; *Оболенский В. В. (Осинский).* Международные и межконтинентальные миграции в дореволюционной России и СССР. М., 1928. С. 25; *Тудоряну Н. Л.* Очерки российской трудовой эмиграции периода империализма. Кишинев, 1986.

** Статистический ежегодник России 1916 г. С. 118.

разом, превышение прибывших над выбывшими достигало 94,7 тыс. В 1914 г. число приехавших равнялось 371,1 тыс. человек, а уехавших – 300,2 тыс., т. е. сохранялся положительный баланс в 70,9 тыс. человек. В 1915 г. количество приехавших в Россию иностранцев сокращается более чем вдвое – до 152,4 тыс., а уехавших – до 126,3 тыс. лиц. При сохранении положительного баланса он уменьшается почти втрое, до 26,1 тыс. человек.

Среди прибывших по паспортам иностранных подданных в 1913 г. около трети (32,6 %) составляли выходцы из Германии (17,7 %) и Австро-Венгрии (14,9 %); по европейской границе эти страны дали 61,9 % прибывших. В 1914 г. доля подданных Германии (считая обе границы) упала до 11,5 %, Австро-Венгрии – до 9,5 %; в 1915 г. удельный вес австрийских подданных среди прибывших в Россию иностранцев составил всего 0,1 % (200 человек), а германских был сведен к нулю*.

Таким образом, даже неполные данные показывают существенное ослабление в годы войны как внутренней, так и внешней миграции населения. Кроме того, и основные демографические, и миграционные показатели демонстрируют еще достаточно высокий уровень происходивших процессов в 1914 г., что можно оценить как продолжение довоенной тенденции быстрого социального развития. Вместе с тем наметившаяся в 1914 г. тенденция небольшого спада по сравнению с 1913 г., резко усилилась в 1915 г. и особенно в 1916 г. Общество катилось вниз по всем основным своим параметрам.

Неравномерный естественный прирост населения по регионам и миграция жителей, процессы ассимиляции народов приводили к изменениям в этническом составе населения. Эти процессы вырисовываются лишь на протяжении достаточно длительного промежутка времени; не случайно исследователи изучают их применительно к двадцатилетию 1897–1917 гг. и еще более раннему периоду, начиная с ревизий 1719 и 1858 гг. Материалы переписи населения 1897 г. содержат наиболее полные и надежные данные о национальном и конфессиональном составе населения Российской империи. Цифры за 1914–1917 гг. были исчислены С. И. Бруком и В. М. Кабузаном** с использованием этой переписи и переписей 1916 г. и 1917 г., губернских обзоров, сведений о естественном приросте населения по регионам и миграционных процессах начала XX в. При этом главным критерием определения национальности был избран родной язык, что соответствовало принятому при проведении переписи 1897 г. принципу.

Составленные таким образом на 1914 г. и 1917 г. таблицы по всем группам языков, учтенных переписью 1897 г. (как известно, жители России говорили

* Там же. С. 119.

** Брук С. И., Кабузан В. М. Указ. Соч.; они же. Этнический состав населения России (1719–1917 гг.) // Советская этнография. 1980. № 6; они же. Миграция населения России в XVIII – начале XX века (численность, структура, география) // История СССР. 1984. № 4.

на 146 различных языках и наречиях), свидетельствуют о неодинаковых темпах роста численности различных народностей с конца XIX в. по 1917 г. Если исключить некоторые малые народы, высокий процентный рост которых был связан с низкими исходными цифрами (например, увеличение численности племен, говоривших на маньчжурских наречиях, составило в 1914–1917 гг. по сравнению с 1897 г. – 1150,0 %, корейцев – 231,9 %), то окажется, что впереди по темпам роста находились евреи (143,3 %), поляки (141,3 %), армяне (139,3 %), украинцы (138,6 %), греки (139,7), таджики (139,3), великороссы (137,7 %), немцы (136,7 %) и некоторые другие народы. Более низкие темпы роста имели белорусы, финны, молдаване, мордва, литовцы, латыши, узбеки, казахи*.

В связи с этим увеличился или уменьшился удельный вес различных народов. Так великороссы составляли в 1897 г. 44,3 % населения (55,7 млн человек), в 1914–1917 гг. – 44,6 % (76,7 млн); украинцы (малороссы) – соответственно 17,8 % (22,4 млн) и 18,1 % (31,0 млн); белорусы – 4,7 % (5,9 млн) и 4,0 % (6,7 млн); поляки – 6,3 % (7,9 млн) и 6,5 % (11,2 млн); евреи – 4,1 % (5,1 млн) и 4,2 % (7,2 млн); немцы – 1,4 % (1,8 млн) и 1,4 % (2,4 млн), народы финской группы языков – 2,8 % (3,5 млн) и 1,6 % (2,7 млн); татары – 1,9 % (3,7 млн) и 1,8 % (3,0 млн); казахи – 3,3 % (4,1 млн) и 2,7 % (4,7 млн)** и т. д.

Главные ареалы расселения народов сохранялись и в годы войны, но миграции населения привели к их смешению и заселению ими новых территорий. Так, русские достаточно компактно расселялись в Центральной части Европейской России и на ее Севере. Вместе с тем они играли ведущую роль в заселении окраин. Их доля к 1917 г. резко возросла в Нижнем Поволжье (до 65,5 %), в Южном Приуралье (до 54,3 %), в Сибири и на Дальнем Востоке (до 77,6 %). Но и в других заселяемых районах России (Новороссия, Кавказ, Средняя Азия и Казахстан) доля русских в 1917 г. составляла свыше 30 %. Почти половина украинцев из районов Левобережной и Правобережной Украины к 1917 г. переселилась в Нижнее Поволжье, на Северный Кавказ, в Сибирь и на Дальний Восток, в Казахстан и другие регионы. 71,8 % поляков в 1914 г. проживала на территории Царства Польского. Одновременно наблюдалась массовая колонизация украинского, литовского и белорусского населения в западных губерниях. Еврейское население сосредоточивалось в основном в польских и западных губерниях черты еврейской оседлости, тем не менее в небольшом числе евреи расселялись практически по всем районам Российской империи. К 1917 г. их удельный вес оставался наиболее высоким в Царстве Польском, на Правобережной Украине, в Белорусско-Литовском районе (примерно по 14 %) и в Новороссии (вдвое меньше). Немецких переселенцев, находившихся вначале преимущественно в Прибалтике и Царстве Польском,

* История СССР. 1980. № 3. С. 88–89.

** Общий свод по империи. Т. 2. СПб., 1905. С. 2–19; Советская этнография. 1980. № 6. С. 24.

в 1914–1917 гг. много стало также в Нижнем Поволжье, Новороссии, Озерном районе, на Правобережной Украине, Северном Кавказе и Казахстане. Татары, жившие в большинстве своем в Поволжье и Крыму, заселяли и другие территории – южное Приуралье, Сибирь и др. Основным населением Средней Азии являлись казахи, существенно ниже был удельный вес таджиков и туркмен^{*}.

В свою очередь, многонациональный состав населения России сочетался со сложным конфессиональным составом. Православную религию исповедовали, по данным на конец XIX в., 69,4 % населения страны. К ним принадлежали русские, украинцы, белорусы, армяне, грузины, румыны, а также небольшое число финских и северных народов. Вторую по численности конфессиональную группу населения (11,1 %) составляли магометане (мусульмане). Эту религию исповедовали турецко-татарские народности и кавказские горцы. Значительной была в России и доля католиков (9,1 %). Ими являлись поляки и большинство литовцев, а также часть армян. Латыши, немцы, финны принадлежали к лютеранской (протестантской) религии. Иудаизм исповедовали евреи. Остальные вероисповедные группы были немногочисленны и характерны только для отдельных районов России^{**}.

4. Беженцы

Наиболее многочисленной категорией мигрирующего населения России в годы войны были беженцы. Уже современники отводили проблеме беженства одно из главных мест среди вопросов, которые поставила мировая война перед государством^{***}. Первые исследователи этого вопроса также определяли беженство как «крупное государственно-социальное явление в итоге войны»^{****}.

Статус беженцев был определен в п. 1 «Положения об обеспечении нужд беженцев», которое было издано одновременно с соответствующим законом, одобренным Государственным советом и Государственной думой и подписанным императором Николаем II в Царской Ставке 30 августа 1915 г.: «Беженцами признаются лица, оставившие местности, угрожаемые неприятелем или им уже занятые, либо выселенные распоряжением военных или гражданских властей из района военных действий, а также выходцы из враждебных России государств». В п. 6 объяснялось, что в последнем случае речь идет об иностранных подданных немецкой и венгерской национальности. А в примечании к п. 1 говорилось: «Лица, выселенные из района военных дей-

^{*} Советская этнография. 1980. № 6. С. 30–33; История СССР. 1984. № 4. С. 57–58; История СССР. 1980. № 3. С. 91–92.

^{**} Общий свод по империи. Т. 2. С. XXXII.

^{***} Законы и распоряжения о беженцах. Вып. 1. М., 1916. С. 1.

^{****} Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны. С. 38.

ствий под надзор полиции, к числу беженцев не относятся»^{*}. В свою очередь, А. Б. Нейдгардт – председатель «Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных действий», считал принудительно выселяемых не беженцами, а «выселенцами», так как они «покинули свои родные места и бросили свое достояние не по собственной воле, а по распоряжению и под давлением военных властей»^{**}. Современные авторы (А. Н. Курцев, С. Нелипович) также выделяют в составе беженцев две основные группы: добровольно уходивших из родных мест при приближении фронтовой полосы и принудительно выселяемых властями, которых они определяют терминами «депортированные» или «интернированные»; в свою очередь, Г. З. Иоффе различает три «струи» – добровольных беженцев разных национальностей, эвакуируемый персонал гражданских и тыловых военных учреждений, наконец, «изгнанное» еврейское население^{***}.

Стихийное, добровольное беженство появилось с начала войны в связи с вторжением немецких войск в польские губернии и по мере отступления русских армий на западном театре войны приняло в 1915–1916 гг. широкие масштабы. Среди беженцев были крестьяне, помещики, горожане, много женщин^{****}, стариков и детей. На первых порах, покидая свои жилища, они пытались устроиться в близлежащих лесах, селениях и городах в надежде скоро вернуться обратно. Затем началось движение в более отдаленные тыловые районы. В это время добровольные беженцы, хотя и контролировались военными и местными гражданскими властями, могли рассчитывать лишь на свои силы, на помощь местного населения, а также учрежденного по велению императора 14 сентября 1914 г. «Татьянинского комитета» и некоторых других общественных организаций.

Наиболее организованно протекала государственная эвакуация из прифронтовой полосы согласно «Временному положению» Совета министров от 20 августа 1914 г. Эвакуировали по распоряжению военных властей за счет казны государственное имущество, правительственные учреждения и за-

^{*} Законы и распоряжения о беженцах. Вып. 1. С. 3.

^{**} Цит. по: *Курцев А. Н.* Беженство // Россия и Первая мировая война (Материалы Международного научного colloквиума). СПб., 1999. С. 136.

^{***} *Курцев А. Н.* Указ. соч. С. 129; *Нелипович С.* В поисках «внутреннего врага»: депортационная политика России (1914–1917) // Первая мировая война и участие в ней России (1914–1918). Материалы научной конференции. Ч. 1. М., 1997; *он же.* Репрессии против подданных «центральных держав». Депортации в России 1914–1918 гг. // Военно-исторический журнал. 1996. № 6; *Иоффе Г. З.* Выселение евреев из прифронтовой полосы в 1915 г. // Вопросы истории. 2001. № 9.

^{****} См. о месте женщин среди беженцев: *П. Гетрелл.* Беженцы и проблемы пола в России во время первой мировой войны // Россия и Первая мировая война. С. 112–124.

нятых в них служащих с семьями. В состав последних включались не только жены и дети (как это было в отношении семей нижних чинов при выдаче им государственного пособия), но и другие родственники: приемные дети, отец, мать, родные братья и сестры*. В течение 1914–1916 гг. в дополнение к «Временному положению» издавались новые распоряжения, расширявшие состав эвакуированных за счет государства. К ним были отнесены имущества и служащие губернских и уездных земских учреждений и городских общественных управлений местностей, которым угрожало нашествие неприятеля, волостные старшины приграничных губерний, гминные войты в губерниях Варшавского генерал-губернаторства и Холмской. Эвакуировались преподаватели и другие служащие учебных заведений Министерства народного просвещения и Ведомства Православного исповедания. Выезжавшие служащие получали двухмесячное жалованье, единовременные пособия, суточные, квартирные деньги (в т. ч. для семьи), обеспечивались бесплатным проездом на железнодорожном или водном транспорте**.

При эвакуации заводов и фабрик предусматривалось получение за счет военного фонда эвакуационного вознаграждения: служащим с окладом не свыше 2400 руб. в год – в размере половины месячного оклада, а всем рабочим – двухнедельной платы. К этому добавлялись подъемные деньги и бесплатный проезд до места следования. Нередко проводилась реквизиция машин, станков, заводского оборудования и материалов – в первую очередь всего того, что могло потребоваться для «военных надобностей». То, что не удавалось вывезти и могло быть использовано неприятелем, уничтожалось***.

23 июня 1915 г. Особое совещание в Ставке Верховного главнокомандующего предоставило право оставить «по желанию» места постоянного жительства галицийским уроженцам местного происхождения, польскому населению как Варшавского губернского правления, так и других местностей, а также коренному русскому населению. При этом им оказывалось содействие и предоставлялся бесплатный проезд по железным дорогам, по пути следования устраивались питательные пункты. Местности их водворения устанавливались министром внутренних дел. На это министерство, а также на ведомства Землеустройства и земледелия и Торговли и промышленности, возлагалось «попечение» о предоставлении беженцам работы****.

По-иному определялась судьба немцев-колонистов. Те из них, кто владел в сельской местности землей или другой недвижимостью, а также безземельные, но приписанные к обществам колонистов, даже если они жили в городах, подлежали обязательному выселению за собственный счет в местности вне театра военных действий. Районы выселения и нового водворения устанавли-

* Законы и распоряжения о беженцах. Вып. 1. С. 32–34, 38–39, 44, 46.

** Там же. Вып. 1. С. 50; Вып. 2. М., 1916. С. 66, 67.

*** Там же. Вып. 2. С. 18, 74.

**** Там же. С. 17.

вались главнокомандующими армиями фронта. От обязательного выселения освобождались «благонадежные» жены и матери колонистов, состоявших на службе в действующей армии, а также их дети. Недвижимое имущество колонистов подвергалось секвестру и передавалось в ведение Главного управления землеустройства и земледелия, причем право пользоваться им получали беженцы из освобожденных войсками местностей*.

Летом и осенью 1915 г., несмотря на несогласие, высказанное в Совете министров, военные власти проводили принудительное выселение и другого крестьянского населения – в Ковенской, Гродненской, Волынской, Подольской, Бессарабской губерниях, на юго-западном фронте. Выселялись в первую очередь мужчины призывного возраста – «от 17 до 45 лет», чтобы сохранить кадры для пополнения армии и лишить врага трудовых ресурсов. Одновременно проводились реквизиции продовольствия, лошадей, скота, перевозочных средств за установленное вознаграждение. При реквизиции продовольственных продуктов после сбора нового урожая отбирались все запасы сверх годовой потребности населения. В местностях, где имелась угроза нашествия неприятеля, населению оставлялось не более нормы месячного потребления**.

Выселение еврейского населения осложнялось существованием закона о черте оседлости. Поэтому их первоначальное выдворение военными властями в 24 часа как «враждебной среды» сменилось оставлением на старых местах жительства. В то же время обсуждение вопросов правового положения евреев в правительственных и общественных кругах приняло в годы войны широкие масштабы***. Постановлением Совета министров от 4 августа 1915 г. на время войны евреям было предоставлено право жительства, а также торговли и ведения промыслов в городских поселениях вне черты оседлости, за исключением столиц и местностей, находящихся в ведении министерств Императорского двора и Военного. Евреям-беженцам купеческого звания разрешалось повторное приобретение купеческих и промысловых свидетельств на новых местах жительства.

Еврейских выселенцев размещали, как и добровольных беженцев, в прифронтовых губерниях с предоставлением материальной помощи от государства. При освобождении неприятельской территории местное еврейское население распоряжением военной власти сосредоточивалось в особых пунктах. Евреям иностранного подданства проезд в центральные губернии России не допускался****.

* Законы и распоряжения о беженцах. Вып. 1. С. 16–17.

** Там же. С. 18.

*** См.: Ганелин Р. Еврейский вопрос во внутренней политике России в 1915 году // Вестник еврейского университета в Москве. № 1(14). М.; Иерусалим, 1997; Иоффе Г. З. Указ. соч.

**** Законы и распоряжения о беженцах. Вып. 2. С. 17, 94–96.

Таким образом, статус беженцев зависел от их социального, сословного положения. Чиновники государственных и общественных учреждений, служащие оборонных предприятий находились в несравненно лучших условиях при эвакуации. В свою очередь, крестьянство в соответствии с обычным к нему отношением рассматривалось и при решении беженского вопроса как поставщик военной силы, продовольствия, лошадей и т. д. Учитывалась и национальная принадлежность, прежде всего, евреев, немцев. Национальный вопрос оказывался решающим в случае австрийско-германского подданства депортированных.

Вначале контроль над беженцами и распоряжения в их адрес исходили в основном от военных властей фронтов и Ставки верховного главнокомандующего, которые с началом войны наделялись особыми полномочиями*. Только 4 августа 1915 г., когда численность беженцев сильно возросла, по инициативе Ставки центральные власти приняли решение о массовом перемещении беженцев во внутренние губернии для разгрузки прифронтовой полосы от избыточного населения и оказания ему помощи на новых местах жительства. С осени 1915 г. вывоз беженцев в тыловые губернии осуществлялся по железным дорогам, в основном «маршрутными поездами», следовавшими до места назначения.

Согласно закону и «Положению об обеспечении нужд беженцев» от 30 августа 1915 г. потребности беженцев удовлетворялись за счет казенных средств, а обязанности государственного попечения возлагались на министра внутренних дел, главноуполномоченных по устройству беженцев, губернаторов и градоначальников, на земские учреждения и городские общественные управления, а также на специально создаваемые местные комитеты.

Вместе с тем для обсуждения и объединения мер по обеспечению нужд беженцев под председательством министра внутренних дел учреждалось «Особое совещание по устройству беженцев» как «высшее государственное установление». В его состав, помимо 7 членов Государственного совета и 7 членов Государственной думы, входили представители основных министерств, представитель наместника на Кавказе, главноуполномоченные по устройству беженцев, представители «Татиянинского комитета», Российского общества Красного Креста, Всероссийских земского и городского союзов, целого ряда национальных благотворительных организаций и т. д. Особому совещанию и его местным органам были подведомственны все категории беженцев, за исключением иностранных подданных немецкой и венгерской национальностей. По решению Совещания было введено регулярное «пайковое» довольствие беженцам из государственных средств. Однако помощь оказывалась в первую очередь наименее обеспеченным. Обращалось внимание на необходи-

* См.: *Иоффе Г. З.* Указ. соч. С. 85–86.

мость трудоустройства беженцев и существования за собственный счет тех, кто имел такую возможность*.

По официальным данным на 20 декабря 1915 г., представленным губернаторами и опубликованным «Татянинским комитетом», на территории империи, за исключением Закавказья, было зарегистрировано 2706,3 тыс. беженцев. Из них 2496,4 тыс. размещались в губерниях Европейской России, остальные в Предкавказье, Сибири и Средней Азии. Особенно много (свыше 100 тыс.) их оказалось в Екатеринославской, Лифляндской, Московской, Самарской, Саратовской, Минской, Тамбовской, Харьковской губерниях. В Москве было зарегистрировано 140,1 тыс. беженцев, в Петрограде – 84,1 тыс., Харькове – 42,1 тыс., Екатеринославе – 33 тыс.**

Согласно анкете «Татянинского комитета» на 29 мая 1916 г. беженцы распределялись по районам следующим образом* (см. табл. 7).

Таблица 7

№	Районы	Осело беженцев	
		абс. (в тыс. чел.)	%
1.	Прифронтовой	855,3	25,9
2.	Центральный	1342,7	40,6
3.	Южный	408,3	12,3
4.	Восточный	324,3	9,8
5.	Северный	27,5	0,8
6.	Сибирь	78,0	2,4
7.	Средняя Азия	114,0	3,5
8.	Закавказье	155,9	4,7
	Итого	3306,0	100

* См.: Лубны-Герцык Л. И. Движение населения на территории СССР. С. 23 (без Смоленской губернии).

На 1 февраля 1917 г. Всероссийским центральным бюро труда было учтено 3200,5 тыс. беженцев. При этом в городах устроилось 1168,2 тыс. (36,5 %), в сельской местности 2032,3 тыс. человек (63,5 %). Из 3113,4 тыс. беженцев, о которых имелись сведения, в Европейской России (48 губерний) осело 2830,5 тыс. (90,9 %), на Кавказе 172,3 тыс. (5,5 %), в Сибири 69,6 тыс. (2,3 %), в Средней Азии – 41,0 тыс. беженцев (1,3 %). В составе всех учтенных беженцев русские составляли 54 %, поляки – 16,3 %, латыши – 8,8 %, евреи – 6,2 %, армяне – 3,8 %, литовцы – 2,7 %, «прочие», в числе которых были преимущественно немцы-выселенцы, – 6 %, нераспределенные – 2,2 %***. Среди кавказских беженцев кроме российских подданных из приграничной полосы (в том

* Законы и распоряжения о беженцах. Вып. 1. С. 3–4.

** Лубны-Герцык Л. И. Указ. соч. С. 23.

*** Известия Татянинского комитета. М., 1917. № 19. С. 7–9.

числе армян, греков) были перебиравшиеся с конца 1914 г. армянские и ассирийские беженцы из Турции и Персии, спасавшиеся от насилий и резни со стороны турок и курдов.

Всероссийская сельскохозяйственная и поземельная перепись 1917 г. учла в составе всех категорий хозяйств 52 губерний и областей 170 727 хозяйств беженцев. 96,7 % из них находилось в Европейской России, 2,1 % – в Сибири и 1,2 % – в Степном крае*.

Общая численность беженцев с учетом незарегистрированных лиц, мобилизованных в армию и др., определяется в период Первой мировой войны в источниках и литературе в 4–5 млн человек**. Эта цифра перекрывает все остальные миграционные потоки времени войны и сопоставима с числом переселенцев за 1897–1916 гг. в южные районы и азиатскую часть страны, составлявшим 5227,6 тыс. человек***. По подсчетам Комиссии по обследованию санитарных последствий войны, к ее концу с учетом беженцев Польши, Литвы, Латвии, Эстонии численность беженцев была вдвое больше****.

В это число не вошли две группы депортированных, которые по сравнению с беженцами находились на особом положении. Первую составляли высланные по персональным доносам и обвинениям в политической неблагонадежности, шпионаже и т. п. под особый надзор полиции в отдаленные губернии, в том числе в Сибирь. Как уже отмечалось, официально они не включались в состав беженцев. Во вторую группу входили подданные враждебных держав, прежде всего Германии и Австро-Венгрии. Их точнее назвать интернированными.

* Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года по 52 губерниям и областям. Труды ЦСУ. Т. V. Вып. 1. С. 42–43.

** Труды внеочередного Пироговского съезда по врачебно-санитарным вопросам в связи с условиями настоящего времени. (Петроград, 14–18 апреля 1916 г.) М., 1917. Отд. II. С. 77; *Курцев А. Н.* Указ. соч. С. 140.

*** *Кабузан В. М.* Эмиграция и реэмиграция в России. С. 135.

**** Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны. С. 37–38.

Глава 3. СОСЛОВИЯ И КЛАССЫ

1. Сословные изменения

Несмотря на появление в годы войны новых слоев и групп населения, основу социальной стратификации российского общества, как и в предвоенный период, составляли сословия и классы. Деление общества на сословия было зафиксировано переписью населения 1897 г. Самым многочисленным являлось крестьянство, включавшее 77,1 % жителей Российской империи. Еще 10,7 % составляли мещане и 6,6 % – инородцы, к которым относились бродячие, кочевые и оседлые коренные жители Сибири и Средней Азии, Севера и Юга Европейской России, а также евреи. Доля привилегированных сословий по сравнению с податными была ничтожно мала: на дворянство приходилось 1,5 % населения (в том числе на потомственное – 1 %), на христианское духовенство – 0,5 %, столько же на почетных граждан и купцов, вместе взятых. Войсковые казаки, являвшиеся, с одной стороны, служилым сословием, а с другой – примыкавшие к крестьянству, ибо занимались сельскохозяйственным трудом, давали 2,3 % населения. Остальные 0,3 % учтенного переписью населения составляли финляндские уроженцы, духовенство нехристианских исповеданий, которое не считалось сословием, разночинцы и 0,5 % – иностранные подданные*.

Любопытен национальный состав сословий. Удельный вес русскоязычных (по переписи 1897 г. к ним относились русские, украинцы и белорусы) был значительно выше, чем в составе населения, среди войсковых казаков – 95,9 %, христианского духовенства – 89,1 %, почетных граждан – 82,5 %, личных дворян и чиновников не из дворян – 81,1 % и крестьян – 74,7 %. В то же время в составе потомственных дворян русскоязычные составляли всего 52,6 %, среди купцов – 60,5 %, а мещан – 46,3 %. Эти три сословия включали большое число других народов. На поляков приходилось 28,7 % всех потомственных дворян и 10 % личных дворян с чиновниками (при доле поляков в составе населения 6,3 %), а также 9 % мещан и 6,4 % крестьян России. Среди потомственных дворян было 5,9 % – грузин и 5,3 % – говоривших на тюркско-татарских наречиях. Немцы оказались достаточно широко представлены среди купцов – 4,2 %, мещан – 2,4 % (при удельном весе этого народа в составе

* Общий свод по империи. Т. 1. С. XIII. С. 164–171.

населения 1,4 %). 94 % евреев состояло из мещан, что давало 35,6 % всего русского мещанства. А среди купцов евреев было 25,5 % (при 4 % их в составе населения страны)*.

Сведения о численности сословий, наиболее близкие по времени к периоду Первой мировой войны, относятся к 1910–1914 гг. и касаются 37 губерний различных регионов страны, в том числе 20 губерний Европейской России**. Согласно им, численность сословий с 1897 г. возросла примерно на треть. В связи с более высокой рождаемостью по темпам роста выделялось крестьянство. Еще быстрее увеличивалась численность городских сословий – мещан, и особенно почетных граждан – в силу урбанизации, повышения уровня образования, расширения состава лиц, получивших по закону право причисления к почетному гражданству. В целом соотношение привилегированных и непривилегированных сословий менялось незначительно. В большей мере претерпевали изменения их правовой статус, благодаря уравниванию сословий в правах, а также фактическое положение сословий в силу процессов профессионализации и классообразования.

Начавшись с ликвидации крепостного права, уравнивание сословий в правах привело к отмене подушной подати, телесных наказаний, рекрутской повинности. Всесословное начало было введено при выборах и в деятельности городских дум, земских учреждений, в судебную систему, при исполнении воинской повинности. Под влиянием революции 1905–1907 гг. была окончательно ликвидирована круговая порука, выкупные платежи крестьян, податные сословия получили право свободного выхода из своих обществ по паспортным документам, поступления на государственную гражданскую службу – формально на равных с дворянством правах. Сословным обществам разрешалось теперь обращаться в высшие правительственные инстанции по вопросам не только сословным, но и общегосударственным. Наконец, самодержавие предоставило населению право на сословно-классовой основе избирать законодательную Государственную думу и быть избранным в нее. Дворянство, православное духовенство и купечество получили представительство в Государственном совете. В русле укрепления начал веротерпимости отменялись ограничения личных и гражданских прав при переходе из православия в другие христианские исповедания.

Однако наряду с тенденцией разложения сословного строя имела место и другая – сохранения и даже укрепления сословного начала, что проявилось и в годы Первой мировой войны. Так, дворянство продолжало сохранять ряд привилегий по службе и образованию, благодаря чему высшее и среднее звено офицерского корпуса (генералы, адмиралы, штаб-офицеры) в большинстве своем составляли выходцы из дворян, а также офицеров и чиновников.

* См.: *Иванова Н. А., Желтова В. П.* Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX века. М., 2004. С. 243.

** Там же. С. 222, 224–225, 282–287.

Только в связи с военными потерями в годы войны и необходимостью ускоренной подготовки новых офицерских кадров, как было показано выше, пришлось пополнять их в значительной мере выходцами из податных сословий. Бюрократический аппарат управления, создававшийся вначале как полностью дворянский, к концу XIX в. стал дворянским лишь наполовину. Высочайший указ от 5 октября 1906 г. уравнивал с дворянством в отношении государственной службы все другие российские сословия, включая крестьян, но исключая инородцев. Однако необходимость иметь университетское образование по существу ограничивала их возможности получением чинов 9–14 классов и должностей канцелярских служащих. Высшие и средние звенья бюрократического аппарата заполняли прежде всего все те же дворяне.

Одновременно в реформированном государственном строе России позиции дворянства в качестве правящей политической элиты общества укрепляются. Потомственные дворяне составляли среди членов Государственного совета по назначению в 1914 г. 87,8 %, а в 1917 г., накануне Февральской революции, – 83,5 %, среди министров и главноуправляющих – соответственно 89,5 и 71,4 %, среди сенаторов – 81,1 и 80,8 %; в числе товарищей министров, начальников главных управлений, директоров департаментов – 80,8 и 68,5 %, в губернаторском корпусе – 97,1 и 90,6 %, среди вице-губернаторов – в 1917 г. 93,6 %*.

Показателен и процесс отделения чиновничьего дворянства, живущего главным образом на казенное жалованье, от помещиков-землевладельцев. Удельный вес последних среди тех же государственных должностей был по меньшей мере вдвое ниже. Самые высокие показатели принадлежали губернаторам. Из них землевладельцами являлись в 1914 г. 58,8 %, а в 1917 г. – 56,2 %**.

Сохранив от прежних времен собственность на землю, но не имея обязанности нести за нее государственную службу, поместное дворянство далеко не всегда использовало свои латифундии для ведения сельскохозяйственного или иного производства, а предпочитало сдавать землю в аренду крестьянам за высокую плату или отработки. Имел место и целый ряд ограничений в праве распоряжения отдельными категориями дворянских земель (майораты, фидеикомиссы и др.) и предприятий (посессионное право), носивших сословный характер.

* Куликов С. В. Социальный облик высшей бюрократии России накануне Февральской революции // Из глубины времен. СПб., 1995. № 5. С. 5, 8, 10, 13, 16, 18, 19; Дубенцов Б. Б., Куликов С. В. Социальная эволюция высшей царской бюрократии во второй половине XIX – начале XX в. (Итоги и перспективы изучения) // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX вв. СПб., 1999. С. 74–85.

** Там же.

Вместе с тем и поместное дворянство стремилось укрепить свои политические позиции. Одним из свидетельств этого была деятельность созданной в 1906 г. и просуществовавшей до февраля 1917 г. общероссийской сословно-политической организации «Объединенное дворянство» (Съезды уполномоченных объединенных дворянских обществ), включавшей до 36 дворянских корпораций. В уставе этой организации, на Съездах уполномоченных проблемы политической, социальной жизни общества наряду с сословно-дворянскими вопросами занимали первенствующее место, а их решение оказывало влияние на политику самодержавия. Последний, 12-й, съезд «Объединенного дворянства» состоялся в конце 1916 г. и ознаменовался критикой монархических устоев – этой «вековой основы государства», что говорило о падении престижа династии в глазах ее наиболее верноподданных представителей*.

В свою очередь, на местах предводители дворянства продолжали участвовать в рассмотрении текущих дел, возглавив, в частности в 1915 г., по распоряжению Верховного главнокомандующего комитеты, решавшие вопросы убытков, которые понесли беженцы-крестьяне от уничтожения посевов и реквизиций**.

Православное духовенство – наиболее замкнутое, кастовое российское сословие – приветствовало начавшуюся войну, видя в ней способ восстановления религиозности и нравственности в народе. Сохраняя за собой ряд привилегий, духовенство не подлежало воинской повинности: от нее освобождались все священнослужители, а также псаломщики, окончившие курс в духовных академиях, семинариях, училищах, а с 1912 г. и окончившие псаломщические и церковно-учительские школы и др. Однако в годы войны сильно возросла численность военного духовенства, которое представляло особую часть духовного сословия. В нем состояло более 5 тыс. священно- и церковнослужителей. Были введены должности главных священников фронтов, армейских проповедников, гарнизонных благочинных. Поставленный в апреле 1911 г. во главе военного и морского духовенства протопресвитер Г. И. Шавельский во время войны по распоряжению императора должен был находиться при штабе Главнокомандующего, а не в столице. Первый Всероссийский съезд военного и морского духовенства, проходивший в июле 1914 г. в Петербурге, определил круг обязанностей военного священника на театре военных действий: проповедовать среди воинов идеи «непоколебимой преданности», «верности до самопожертвования государю императору», «беспрекословного повиновения начальству»***. Показательно, что среди военных священников оказалось не-

* Корелин А. П. Объединенное дворянство как политическая организация (1906–1917) // Политические партии в российских революциях в начале XX в. М., 2005. С. 54.

** Законы и распоряжения о беженцах. Вып. 1. С. 24; Вып. 2. С. 18.

*** Там же. С. 33, 37, 39.

мало тех, кто получил государственные награды за участие в Первой мировой войне, но были и такие, кто погиб или попал в плен.

В свою очередь, черное духовенство – еще одна часть сословия, отдавая свои предпочтения духовному началу, молитвенно-созерцательной деятельности, проявило себя в годы войны на благотворительном поприще: в 1914 г. 139 монастырей открыли лазареты для раненых*.

Городские сословия – почетные граждане и купцы были меньше связаны сословными ограничениями. Состав почетных граждан являлся наиболее демократичным из всех привилегированных сословий. Оно включало лиц, получивших высшее и среднее образование, проявивших себя на научном и культурном поприщах, детей личных дворян, чиновников, обер-офицеров и духовных лиц недворянского происхождения. Были заинтересованы в получении звания потомственного почетного гражданина и купцы. Это освобождало их от ежегодного объявления капиталов и приобретения гильдейских свидетельств, снимало опасность опуститься в непривилегированные сословия. Почетные граждане не обязаны были приписываться к какому-либо городу. Не имея своих сословных организаций, они были свободны от дисциплинарной власти сословных обществ.

В свою очередь, купцы не могли отказать кому-либо в приеме в гильдию или исключить из купеческого общества. Перечисление в купечество из непривилегированных сословий не требовало согласия купеческого общества. Главным было наличие капитала и приобретение промысловых и гильдейских свидетельств, а также получение увольнительного приговора от мещанского или крестьянского обществ. Не случайно путь вверх для многих мещан и крестьян лежал через вступление в купечество. В отличие от духовенства, крестьянства, казачества, мещанства, деятельность которых протекала в рамках коллективных образований в виде общин и других подобных объединений, в сословиях почетных граждан и купцов преобладало индивидуальное начало. Поэтому в их среде процессы профессионализации шли быстрее. Из среды этих сословий вышло немало предпринимателей, представителей интеллигенции, средней и низшей бюрократии.

Мещане составляли большую часть населения многих городов, были обязаны причислиться к мещанскому обществу и приписаться к определенному городу. Многочисленные мещанские прошения о причислении к сословию сохранились в архиве и датируются хронологически в том числе и периодом войны (до 11 ноября 1917 г.)**. При этом запись и перечисление в сословие мещан осуществлялись казенной палатой, спорные вопросы разрешались губернатором или через Министерства финансов и внутренних дел, что свидетельствовало о государственном контроле над этим процессом.

* Зырянов П. Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. М., 1999. С. 274.

** ЦИАМ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 260. Л. 1–33.

Сохранялось во многих городах и цеховое ремесленное управление. В Петрограде и Москве делами ремесленного сословия ведали общие ремесленные управы, но вместо сходов ремесленников, как это было в других городах, созывались собрания выборных – в Петрограде в составе 150, а в Москве – 100 человек. В Петрограде имелось и цеховое управление, и кроме того существовала особая управа иностранных цехов, которая была упразднена в 1915 г. В Москве цеховое управление, существовавшее ранее, было упразднено, а в 1915 г. введено вновь.

В годы войны проявились новые тенденции в развитии городского общественного управления. Во 2-й том Свода законов Российской империи 1915 г. издания были включены: Положение об общественном управлении города Петрограда, изданное 8 июня 1903 г., но с рядом дополнений и изменений, внесенных в него в последующие годы (в том числе указа от 18 августа 1914 г., который переименовывал Санкт-Петербург в Петроград*), и Положение об общественном управлении городов, призванное заменить собой Городовое положение 1892 г. Оба документа учитывали факт принятия Положения о государственном промысловом налоге от 8 июня 1898 г. (которое разрешало ведение торгово-промышленной деятельности без приобретения сословных купеческих свидетельств) и квартирного налога. Поэтому при формировании городского общественного управления законодатели сохранили имущественный избирательный ценз и отказались от сословного. Во многих других отношениях Положение об общественном управлении городов 1915 г. опиралось на Городовое положение 1892 г., учитывало последующие узаконения, обнародованные по 31 мая 1915 г., а также Положение об общественном управлении города Петрограда (которое использовалось, в частности, и в отношении Москвы).

Новое Положение об общественном управлении городов предусматривало право участия в выборах гласных городской думы и кандидатов к ним на избирательных собраниях каждые четыре года лиц, имевших в городе в течение года недвижимое имущество, которое оценивалось при взимании сбора в пользу города в зависимости от размеров городов – от 3 тыс. руб. в обеих столицах до 300 руб. в мелких городских поселениях. Участвовать в выборах могли также лица и организации, имевшие предприятия: торговые, на которые требовалось выбирать промысловые свидетельства одного из первых двух разрядов (в Петрограде и Москве – 1-го разряда), промышленные – одного из первых пяти разрядов (в столицах – первых трех), парходные – за содержание которых уплачивалось свыше 500 руб. в год промыслового налога. Учитывалась также уплата квартирного налога.

Повышались требования к гласным, из числа которых создавалась управа и назначались городские головы (в столицах – высочайшей властью).

* Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1914. Отд. 1. № 234. Ст. 2284.

Подтверждалась также возможность создания в небольших городах упрощенного общественного управления, состоявшего из собрания городских уполномоченных, избираемых сходом местных домохозяев (из состава лиц, владеющих недвижимым имуществом стоимостью не менее 100 руб.), под руководством лица, назначенного губернатором.

Сохранение принципов сословности проявлялось, однако, в том, что, как и раньше, евреи не допускались к участию в городских избирательных собраниях и собраниях домохозяев, а также к занятию должностей по городскому общественному управлению и к заведыванию отдельными отраслями городского хозяйства и управления*. Особые права предоставлялись императору и членам Императорского дома: их недвижимое имущество в городах не только освобождалось от оценочного сбора в пользу города (как это было уже по Городовому положению 1892 г.), но и от других повинностей, лежавших на домовладельцах**.

В целом Городовое положение 1915 г. продолжало наметившуюся в аналогичных документах конца XIX – начала XX в. линию перехода от сословности к имущественному цензу при одновременном расширении деятельности городского общественного управления и усилении административного контроля над ним.

Больше всего сословных ограничений имело крестьянство. Хотя целый ряд законов начала XX в. уравнивал крестьян с другими сословиями, их неравноправное положение сохранялось. Особенно это касалось поземельных отношений, повинностей крестьян, общественного и административного управления, подсудности. Столыпинская аграрная реформа, приводившая к разрушению общины, к началу войны не была завершена. Со времени издания указа 9 ноября 1906 г. по 1 мая 1915 г. укрепили землю в личную собственность 22,1 % общего числа домохозяев, имевших землю на общинном праве; при этом укрепленная земля (13 933,1 тыс. дес.) по отношению к общей площади общинной наделной земли составила 14 %***. В распоряжении созданных к 1915 г. хуторов и отрубов было 7,4 % земли, остальные 92,6 % оставались в чересполосном владении****.

Согласно выборочным сведениям по 32 губерниям Европейской России, приведенным П. Н. Зыряновым, с 1912–1913 гг. увеличивается число переделов наделной земли. Он считал, что именно тогда, когда столыпинская реформа прошла свой апогей, начала восстанавливаться переделельная деятельность

* Свод законов Российской империи. 1915. Т. 2. Положение об общественном управлении городов. Ст. 24, прим. 3, п. 1.

** Там же. Ст. 62, прим. 2, ст. 128.

*** Статистический ежегодник России 1915 г. (год двенадцатый). Пг., 1916. Отд. VI. С. 1.

**** *Анфимов А. М.* Столыпин и российское крестьянство. М., 2002. С. 154.

общины. При этом сохранялась прежняя цель уравнильных переделов: обеспечение земель как средством труда и пропитания всех нераскрестьянившихся членов общины, сохранение в ней здоровых, полноценных работников, которые являлись ее единственной опорой в самые трудные периоды жизни. «...В глазах большинства общинников, – писал П. Н. Зырянов, – передел был делом законным и необходимым, он был тесно связан с крестьянским мировоззрением, с общим представлением крестьян о своем месте в обществе»*. Крестьяне отстаивали общину и потому, что с ней было связано ведение сельскохозяйственных работ, помощь оставшимся без мужчин семьям.

Землеустроительные работы в годы войны пошли на спад. Число ходатайств крестьян о землеустройстве уменьшилось с 1105,7 тыс. в 1913 г. до 828,1 тыс. в 1914 г. и 380,9 тыс. в 1915 г. Отсутствие многих хозяев, ушедших на войну, затрудняло получение большинства голосов на сходах, что требовалось для перехода деревни к единоличному владению. Землеустройству противодействовали и солдаты, опиравшиеся на мнение своих мужей, которые считали, что после войны «все изменится» и крестьяне получают землю. Протесты крестьян против землеустройства занимали важное место в крестьянском движении. В таких условиях 29 ноября 1916 г. царь утвердил закон о прекращении землеустроительных работ**.

В годы войны возросли государственные налоги на все слои населения, но более всего на крестьян. На 1915 г. был увеличен свыше чем вдвое поземельный налог. Земские сборы с крестьянского хозяйства в расчете на десятину превышали аналогичные платежи помещиков. Повысились и носившие сословный характер мирские сборы крестьян, которые собирались только с них, но расходовались на нужды и других сословий: содержание должностных лиц и учреждений общественного управления, караулов в деревнях, оплата учителей, поддержание в исправности проселочных дорог, призрение престарелых, увечных и сирот и т. д. Особенно тяжелыми, тем более в условиях ухода мужчин в армию, были натуральные повинности крестьян: дорожная, отбывание службы десятских, подводная, тушения пожаров, арестантская повинность (конвой и окарауливание), квартирная и др. В годы войны в связи с мобилизационными мероприятиями квартирная, подводная, дорожная повинности увеличились в несколько раз. В этих условиях крестьянство выражало недоверие власти, саботируя государственные повинности и налоги, проваливая продовольственную разверстку. А. А. Риттиха зимой 1916/17 г. Как следовало из официальных данных, за два с половиной месяца с начала разверстки волостные крестьянские сходы приняли к разверстанию по селениям всего 4,7 % предназначенного к заготовке хлеба. «Это практически означало, – делал вы-

* Зырянов П. Н. Крестьянская община Европейской России. 1907–1914. М., 1992. С. 204.

** Анфимов А. М. Российская деревня в годы первой мировой войны. С. 333–335.

вод А. М. Анфимов, – отказ крестьян дать хлеб царскому правительству, разрыв крестьянства с царизмом»^{*}.

Сословная обособленность крестьян проявлялась и в организации управления ими. Сельское общественное управление осуществлялось с помощью сельского и селенного сходов, сельского старосты и сборщиков податей. Волостное управление (волостные сходы, правления, старшины) выполняли одновременно известные функции общественного управления крестьян и административно-полицейского характера. В то же время крестьянское общественное управление контролировалось дворянско-сословными и бюрократическими органами управления: земскими начальниками, их уездными съездами, губернскими присутствиями и другими «установлениями». По данным ЦСК МВД, на 1914 г. в империи насчитывалось 3011 особых должностных лиц, управлявших крестьянами^{**}.

Большинство крестьянских дел, за исключением самых крупных, решал сословный волостной суд, реформированный в 1889 г. Однако закон 15 июня 1912 г. восстановил местные судебные учреждения, которые существовали до этой реформы. Крестьяне получили право избирать членов волостного суда, а не кандидатов. Земские начальники лишились своих судебных функций, снова был введен мировой суд, упраздненный в 1889 г. Апелляционной инстанцией вместо уездного съезда становился верхний сельский суд, состоявший из председателей волостных судов мирового участка. Кассационные дела решал теперь уездный съезд мировых судей, заменивший в этом отношении губернское присутствие. Вводились некоторые изменения и в характер рассматриваемых волостным судом дел. Еще в 1906 г. была отменена уголовная наказуемость крестьян за нарушение договора о найме, которую осуществляли волостные суды по реформе 1889 г. Согласно закону 1912 г., в сферу подсудности волостного суда вошли иски до 100 руб. (вместо 300 руб. ранее). Из ведения суда изымались иски по векселям и нотариальным актам, о правах на владение и отрубные земли, что было в интересах хуторян и отрубников. Одновременно стали рассматриваться дела о правах на надельную землю. В то же время различные имущественные отношения крестьян и других деревенских жителей, а также масса иных, «мелких», дел по-прежнему оказывались «вне действия точно определенного закона», тем более общегражданского. К тому же реализация закона 1912 г. растянулась на годы. С 1 января 1914 г. он вступил в действие только в 10 губерниях, а к 1917 г. был распространен еще на 20 губерний^{***}.

Сословное начало не в меньшей мере, чем у крестьян, проявлялось среди казачества. Столыпинская реформа не затронула казачью общину, поскольку

^{*} Анфимов А. М. Российская деревня в годы первой мировой войны. С. 317.

^{**} Статистический ежегодник России 1914 г. Отд. 1. С. 27.

^{***} Зырянов П. Н. Социальная структура местного управления капиталистической России (1861–1914 гг.) // Исторические записки. Т. 107. М., 1982. С. 259–261.

государство было заинтересовано в ее консервации для сохранения этого условия. Лишь в июне 1916 г. казачьей группой IV Государственной думы был поставлен вопрос о снятии с казаков правовых ограничений и распространении на них закона 12 марта 1903 г. об отмене круговой поруки и указа 5 октября 1906 г., разрешавшего сельским обывателям без увольнительных свидетельств вступать в другие сельские общества, поступать в учебные заведения, на гражданскую службу и т. д.* Однако многие наказные атаманы высказались против уравнивания казаков в правах с крестьянами, видя в этом угрозу существованию казачества**. В частности, общее присутствие Войскового хозяйственного правления Забайкальского казачьего войска отмечало: «Уравнять то, что по своей природе не равно, нельзя, уравнивать – это значило бы изменить силу природы, значило бы расказачить казачество... Годами нажитый казачий дух, уклад жизни, быта и службы не надо ломать...»*** В результате сохранялось прикрепление казаков к станице, суровая воинская дисциплина, чинопочитание, применение розг до февраля 1917 г. Большие затраты несли казаки из заработанного в своем хозяйстве на обмундирование и снаряжение. В Азиатской России основные земские потребности на казачьих территориях – на школы, дороги, медицину и пр. – удовлетворялись за счет войсковых средств. В 1917 г. казачество составляло 4,5 млн человек – по сравнению с 1901 г. численность казачьего населения возросла более чем на 40 %****.

Активно защищали свое право не служить в армии азиатские инородцы, о чем говорилось выше. В свою очередь, евреи еще более настойчиво добивались правового равенства с другими сословиями. Об отмене черты оседлости в 1915 г. уже упоминалось. Правда, она не была полностью преодолена: евреям по-прежнему не разрешалось проживание в Петрограде и его окрестностях, Москве, Ялте, в казачьих областях Войска Донского, Кубанского и Терского, в Закаспийской области и Туркестанском крае; сохранялся запрет селиться в сельской местности. Вместе с тем Положение Совета министров от 10 августа 1915 г. отменило процентные нормы при поступлении в учебные заведения для евреев – участников войны, уволенных из армии по ранениям и болезням, и для детей лиц, состоявших на службе по ведомству народного просвещения. 29 октября Совет министров одобрил правила о принятии в адвокатуру лиц нехристианских исповеданий, которые установили в том числе процентные нормы для приема евреев****. Однако все эти облегчения носили времен-

* См.: Справочный листок Государственной думы (Созыв IV. Сессия IV). СПб., 1916. № 113. 18 июня / 1 июля. С. 3–4.

** РГВИА. Ф. 400. Оп. 25. Д. 14111. Л. 34–34 об., 39–40, 54–54 об., 61.

*** Там же. Л. 34.

**** *Футорянский Л. И.* Казачество России на рубеже веков. Оренбург, 1997. С. 52.

***** *Еврейская жизнь.* 1916. № 2. С. 43–44; *Кучеров С. Л.* Евреи в русской адвокату-ре // Книга о русском еврействе от 1860-х годов до революции 1917 г.: Сб. статей. Минск, 2002. С. 412–414; *Иванов А. Е.* Еврейское студенчество в Российской империи

ный характер – до общего пересмотра в установленном порядке действующих узаконений.

Наконец, хотя Российский императорский дом, находившийся наверху словесной пирамиды, согласно Основным законам 1906 г., не должен был претерпеть никаких изменений, и даже термин «неограниченный самодержец» сохранялся в отношении Фамилии*, фактически нарушение многих основ этой корпорации было налицо. Это проявлялось и в недоверии императору Николаю II, и в ослаблении «семейного правления», и в отказе исполнять установленные в Доме порядки (морганатические браки) представителями Фамилии.

В эволюции сословий в годы войны, так же как в предшествующий период, прослеживаются две тенденции: одна из них была направлена на укрепление сословного начала, другая – на его преодоление. Тем не менее равнодействующая оставалась на стороне сохранения сословности. По мнению американского историка Л. Хаймсона, существовавшая в России система выборов и деятельности представительных учреждений, начиная от земств и городских дум и кончая Государственной думой, отчуждала низы городского и сельского населения от социальной и политической жизни. А понятия «общество» и «общественность» исключали крестьянство и другие низшие слои**. Вместе с тем разрушению подвергались основные, объединяющие сословное общество начала. Вера в царя, как носителя религиозно-нравственного идеала народа, пошатнулась уже в ходе революции 1905–1907 гг. В годы войны несостоятельность императора и стоявших за ним властей проявилась в практической деятельности по руководству фронтом и тылом. Наконец, в условиях обострения национального вопроса в предвоенный и военный периоды принцип «народности» – один из основополагающих в идеологической доктрине самодержавия, стал наполняться новым смыслом – общенародное начало заменялось общерусским, что имело далеко идущие последствия. Тем не менее представители всех сословий по-прежнему оставались подданными монарха.

2. Классовая ситуация

В предвоенный период процесс складывания основных классов капиталистического общества – капиталистов и рабочих, существенно продвинулся вперед. В годы войны ситуация меняется. По подсчетам В. Я. Лаверычева,

начала XX в.: Каким оно было? Опыт социокультурного портретирования. М., 2007. С. 74.

* Свод законов Российской империи. 1906. Т. 1. Ч. 1. Ст. 125.

** Хаймсон Л. Развитие политического и социального кризиса в России в период кануна Первой мировой войны до Февральской революции // Россия и первая мировая война. С. 20–21.

общая численность рабочего класса России сократилась с 18,2 млн в 1913 г. до 15 млн человек в начале 1917 г.* Эти цифры включают самодельных, поэтому они сопоставимы с числом самодельных во всем населении страны. Поскольку, однако, такие сведения за 1913 и 1917 гг. отсутствуют, приходится обращаться к переписи 1897 г., согласно которой удельный вес самодельного населения в империи по всем отраслям хозяйства составлял примерно 26,4 %. При численности населения к концу 1913 г. 175,1 млн человек доля самодельных составит в нем 46,2 млн, а удельный вес рабочих в их числе – 39,4 %. К началу 1917 г. в составе 174,5 млн жителей самодельных оказывается 46,1 млн, а рабочих в них – 32,5 %. Эти цифры не могут претендовать на абсолютную точность, но уменьшение относительной численности рабочего класса, как и абсолютной, они безусловно отражают.

Сокращение численности рабочих в годы войны произошло прежде всего за счет сельскохозяйственных рабочих, которых стало меньше на 2 млн человек (4,5 млн в 1917 г. против 6,5 млн в 1913), строительных (сокращение с 1,5 млн в 1913 г. до 1,25 млн в 1917 г.), занятых в лесном деле и чернорабочих (уменьшение с 3,3 до 2,1 млн). Все эти явления были связаны с мобилизациями, уменьшением работников в крестьянских хозяйствах, недостатком рабочей силы в помещичьих имениях, сокращением числа крестьян, занятых отхожими промыслами. В свою очередь, количество рабочих в мелкой промышленности (включая занятых работой на дому) не изменилось, составляя на обе даты по 3 млн человек.

Однако и число фабрично-заводских рабочих, являвшихся ядром рабочего класса, уменьшилось с 2,5 млн до 2 млн человек. Возросло только количество рабочих в горнозаводской и горной промышленности (от 0,65 млн до 0,8 млн), на казенных заводах и в армейских мастерских (с 0,2 до 0,8 млн человек), несколько меньше – на железнодорожном транспорте (с 0,6 млн в 1913 г. до 0,7 млн в 1917 г.)**.

Наиболее надежные статистические данные за годы войны имеются по фабрично-заводской промышленности. Согласно обследованию Особого совещания по обороне государства, к концу 1916 г. из 4561 охваченного обследованием предприятия с 2 234 334 рабочими на оборону работало 3816 предприятий и 1 639 947 рабочих на них. По доле рабочих, занятых на оборонных предприятиях (73,3 %, по другим сведениям – 76 %), Россия находилась на первом месте. За ней следовали Италия (64,2 % рабочих, работающих на оборону), Германия (58,3 % рабочих) и Франция (57 %)***.

По данным Всероссийской промышленной и профессиональной переписи 1918 г., которая учла непрерывно действовавшие в 1914–1918 гг. предприятия, работавшие на оборону в 33 губерниях Европейской России, из общего

* Рабочий класс России. 1907 – февраль 1917 г. М., 1982. С. 246.

** Там же.

*** Мировая война в цифрах. С. 55.

числа 4290 заводов насчитывалось действующих 3200 (74,6 %). Это были в основном крупные заведения со средним числом 320 рабочих. 422 бездействовавшие фабрики и завода, о которых есть сведения, имели в среднем по 107 рабочих каждое*.

Таблица 8 показывает, что в производствах, работавших на оборону и входивших в группу А (производство вооружения, снаряжения и питания), среднесуточное число рабочих с 1913 г. по 1917 г. постоянно росло, достигнув 163,9 %, по сравнению со 100 % в 1913 г., а в 1918 г. резко упало. Особенно быстро росло число рабочих в производстве предметов вооружения. Годовая средняя выработка на одного рабочего возрастала до 1916 г. включительно (до 146,3 %), а с 1917 г. пошла на убыль. Одновременно предприятия легкой промышленности (текстильной) испытывали сокращение числа рабочих с 1913 г. по 1916 г., затем наблюдается его некоторый рост. Одновременно производительность труда в течение всех лет войны падала.

На производствах, не работавших на оборону, картина была иная. Число рабочих здесь то росло, то падало, валовая выработка тоже испытывала колебания, но в 1917–1918 гг. наступил явный спад. Таким образом, те предприятия (и рабочие на них), которые были связаны с рынком, оказывались в неустойчивом положении, работавшие же на оборону, а следовательно, имевшие твердые заказы, развивались более стабильно. При этом число оборонных заведений, по этим данным (1800), в 3,7 раза превышало количество предприятий, не работавших на оборону (490).

Сведения об отраслевой принадлежности рабочих и их концентрации на оборонных предприятиях были собраны на 1 мая 1917 г. заводскими совещаниями шести районов (Нижегородского, Уральского, Одесского, Ростовского, Сибирского, Кавказского). Из всех 4065 заведений и 648 149 рабочих 23,1 % предприятий и 22,7 % рабочих составляли металлообрабатывающие заводы, 20,8 % заведений, но только 9 % рабочих – пищевкусовой промышленности, 11,4 % предприятий и 3,5 % рабочих принадлежали заведениям по обработке животных продуктов, электротехническая промышленность сосредоточивала 11,2 % предприятий и 11,4 % рабочих. Металлургическая промышленность насчитывала всего 73 заведения (1,8 % общего числа), но отличалась высокой концентрацией – 1286 рабочих в среднем на одно предприятие и 13,4 % общего числа рабочих. Наконец, из текстильных предприятий (группы I–V по классификации, принятой в российской промышленности) на оборону работало только 173 фабрики (4,2 %) и 7,7 % рабочих. На всех этих предприятиях кроме рабочих было занято 51 612 служащих, число которых зависело от размеров предприятий и их отраслевой принадлежности. В целом в отраслях тяжелой промышленности (металлургической и металлообрабатывающей, электротехнической, химической, деревообрабатывающей,

* Россия в мировой войне. С. 65.

щей, горном деле) трудилось 67,8 % рабочих и служащих учтенных оборонных предприятий*.

Согласно тому же источнику, мелкие предприятия, имевшие от 20 до 100 рабочих и служащих на каждом, составляли по численности 75,7 % всех заведений и сосредоточивали 13,6 % рабочих и служащих. На заведения средних размеров (от 101 до 500 работников) приходилось 17,8 % предприятий и 23,7 % рабочих и служащих. Крупные заводы и фабрики, имевшие от 501 до 1000 работников, составляли 3,5 %, на них трудилось 14,4 % рабочих и служащих. Наконец, крупнейшие предприятия (1001–5000 и свыше 5000 рабочих) насчитывали всего 3 %, но сосредоточивали 48,3 % работников. Таким образом, 62,7 % рабочих и служащих учтенных предприятий было занято на крупных и крупнейших фабриках и заводах, что свидетельствует о высокой концентрации рабочей силы.

Данные о размерах предприятий могут быть использованы также с известными оговорками для определения структуры предпринимательских слоев. Если условно принять, что каждым заведением владело одно лицо (что не учитывает, правда, процессов ассоциирования промышленности), то окажется, что большинство являлось владельцами мелких предприятий. Это подтверждается и другими исследованиями, в частности касающимися предвоенного периода. Но основная сумма производства и прибылей доставалась крупным и крупнейшим предпринимателям.

Сведения о возрастном и половом составе рабочих имеются в отношении предприятий, подчиненных фабричной инспекции. Как известно, к ним относились частные промышленные заведения, пользующиеся механическими двигателями или насчитывающие не менее 16 рабочих. На 1 января 1917 г. в числе 12 492 фабрично-заводских предприятий насчитывалось 2 093 862 рабочих. Из них малолетние от 12 до 15 лет обоюбого пола составляли 2,4 %, подростки свыше 15 до 17 лет – 11,6 %. В числе взрослых рабочих всех 14 групп производств мужчин было 59,9 %, женщин 40,1 %. Как и до войны, женщины преобладали в текстильных отраслях, где их удельный вес поднимался почти до 70 %. Мужчины составляли абсолютное большинство в добывающей промышленности (99,9 %), в металлообработке (82 %), в деревообработке (81 %), в обработке минеральных веществ (69,3 %) и др.**

Таблица 9 основана на данных, относящихся к 3043 фабрично-заводским предприятиям (всех групп производств), которые непрерывно действовали с 1913 г. по 1918 г. Она показывает увеличение удельного веса малолетних с 1913 г. по 1917 г., подростков – до 1916 г., а также возрастание в составе взрослых рабочих доли женщин вплоть до 1918 г. Тем не менее, хотя удельный вес мужчин в промышленности сократился с 62,1 % в 1913 г. до 55,6 % в 1918 г., их численное и относительное преобладание над количеством женщин сохранилось.

* Подсчитано: Там же. С. 82–83.

** Статистический сборник за 1913–1917 гг. Труды ЦСУ. Т. VII. Вып. 1. М., 1921. С. 39.

Динамика среднего суточного числа рабочих и годовой валовой выработки на одного рабочего в рублях в 1913–1918 гг.*

Группы	Число		Среднее суточное число рабочих (в тыс.)								Годовая средняя выработка на одного рабочего в руб. по ценам 1913 г.							
	1913	1914	1913	1914	1915	1916	1917	1918	1913	1914	1915	1916	1917	1918				
Производства, работавшие на оборону																		
А. Расширившие продукцию																		
Производство предметов вооружения абс.	356	160,1	182,8	221,3	272,8	302,0	183,8	3021	3053	4915	5308	3405	520					
%	–	100,0	114,2	138,2	170,4	188,6	114,8	100,0	100,1	162,7	175,7	112,7	20,5					
Производство предметов снаряжения абс.	248	20,5	21,2	26,1	27,6	25,9	20,7	2614	2782	2545	2346	1867	840					
%	–	100,0	103,6	127,6	135,1	126,5	100,9	100,0	106,2	97,4	89,7	71,4	32,1					
Производство предметов питания абс.	738	63,8	65,1	69,2	69,9	72,6	29,7	3780	4172	4193	3110	1824	731					
%	–	100,0	102,0	108,4	109,5	113,7	46,6	100,0	110,4	110,9	82,3	78,3	38,6					
Итого по группе А. абс.	1342	244,4	269,1	316,6	370,3	400,5	234,2	3196	3300,4	4562,5	4673,2	3020,2	655,0					
%	–	100,0	110,2	129,5	151,6	163,9	95,9	110,0	103,2	143,0	146,3	94,6	20,5					
Б. Сократившие продукцию																		
Производство тканей абс.	458	418,8	418,3	409,3	402,8	408,5	406,7	2091	2032	2082	1843	1278	468					
%	–	100,0	99,8	97,7	96,1	97,5	97,5	100,0	97,2	99,6	88,2	61,1	22,3					
Производства, не работавшие на оборону																		
А. Расширившие продукцию																		
абс.	156	39,0	39,5	38,2	39,0	41,8	37,6	1637	1787	2044	1642	1104	389					
%	–	100,0	100,9	97,6	99,8	106,9	96,5	100,0	109,1	124,8	100,3	67,4	23,7					
Б. Сократившие продукцию																		
абс.	334	69,8	68,1	61,5	60,2	61,5	56,1	1603	1578	1513	1578	1095	437					
%	–	100,0	98,5	87,1	85,7	87,1	80,0	100,0	98,5	94,4	98,4	68,3	31,1					

* Воробьев П. Я. Изменения в русской промышленности в период войны и революции (по данным переписи 1918 г.) // Вестник статистики. Орган ЦСУ, кн. XIV, № 4–6. М., 1923. С. 124–125.

Таблица 9

**Динамика половозрастного состава рабочих, по данным профессиональной
и промышленной переписи 1918 г.***

Годы	Число рабочих, абс.	Из них, в % **			
		малолетних	подростков	Взрослых	
				мужчин	женщин
1913	969 517	1,5	8,1	62,1	37,9
1914	994 742	1,5	8,4	61,1	38,9
1915	1 041 974	1,6	9,0	59,1	40,9
1916	1 105 932	1,9	10,3	56,7	43,3
1917	1 151 076	1,9	8,5	56,9	43,1
1918	942 120	1,8	8,0	55,6	44,4

* Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918–1923. Труды ЦСУ. М., 1924. Т. XVIII. С. 184–185.

** Удельный вес малолетних и подростков подсчитан к общему числу рабочих, а женщин и мужчин – к числу взрослых рабочих.

Вопрос о квалификации рабочих может быть в известной мере решен через анализ их заработной платы. Дифференцированные сведения об оплате труда фабрично-заводских рабочих были собраны в результате анкетного обследования, проведенного Министерством торговли и промышленности осенью 1916 г. (сведения давались на июнь 1914 г. и июнь 1916 г.) и обработанного И. М. Козьминых-Ланиным. Оно охватило главным образом крупные предприятия, на которых работало более половины рабочих, подчиненных фабричной инспекции, – в 1914 г. 1 052 426 рабочих, а в 1916 г. – 1 136 171 рабочих. Сведения о заработной плате представлены в табл. 10.

Таблица 10

Распределение рабочих по размеру дневных заработков (в %)*

Годы	Сумма дневного заработка					
	до 50 коп.	свыше 50 коп. до 1 руб.	свыше 1 руб. до 2 руб.	свыше 2 руб. до 3 руб.	свыше 3 руб. до 4 руб.	свыше 4 руб.
1914	16,4	46,6	27,3	6,7	1,9	1,1
1916	3,7	23,1	42,1	13,5	6,8	10,8

* Подсчитано по: Заработки фабрично-заводских рабочих России (июнь 1914 и июнь 1916 гг.). М., 1918. Вып. 1. С. 20–21.

Следует учитывать, что размер заработка зависел от целого ряда факторов: группы производства, соотношения мужского и женского труда, величины предприятий и степени их механизации, а также места расположения заведения (района, города или сельской местности). В период войны на заработную плату оказывала влияние инфляция, возросший спрос на рабочую силу. Однако поскольку величина заработка определялась в первую очередь характером труда, а механизация производства предъявляла соответствующие тре-

бования к квалификации рабочих, то размер заработка в значительной мере отражал профессионально-квалификационный уровень пролетариата.

Судя по заработной плате, в российской промышленности в 1914 г. существовал очень тонкий слой хорошо оплачиваемых, высококвалифицированных рабочих (в среднем составлявший 1,1 %), значительное число рабочих средней квалификации (около 36 %) и большое количество (до 63 %) малоквалифицированных и неквалифицированных, плохо оплачиваемых рабочих. За два года войны положение заметно изменилось, но в этих зарплатах трудно уловить степень влияния инфляции. Поэтому возможны два варианта выводов. Первый: доля низкооплачиваемых рабочих, получавших до 1 руб. в день, сократилась до 26,8 %, среднеоплачиваемых (имевших от 1 руб. до 4 руб.) поднялась до 62,4 %, наконец, высокооплачиваемых возросла до 10,8 % благодаря росту потребности в кадрах высокой квалификации. Возможен и второй расчет: если учесть инфляцию, сильный рост цен на продовольствие, то группу, получавшую от 1 до 2 руб. (42,1 %), правомерно отнести к низшей, и вместе с теми, кто получал до 1 руб., она составит 68,9 %. Тогда в средней группе останется 20,3 % рабочих. Часть из них могла входить и в последнюю группу высокооплачиваемых рабочих, которая увеличилась к 1916 г. в относительных величинах в 10 раз.

Как отмечалось выше, промышленная статистика периода войны учитывала не только рабочих, но и служащих, что само по себе свидетельствовало о совершенствовании организации фабричного производства. Следует также иметь в виду, что торгово-промышленные служащие так же, как служащие, занятые в других отраслях и учреждениях, представляли собой особую, отличную от рабочих социальную категорию, которую исследователи включают в состав формирующегося в России среднего класса.

Такое отличие служащих от рабочих проявлялось не только в характере их труда (управленческого и умственного – у служащих и физического – у рабочих), но и в размерах их зарплаток. В материалах переписи 1918 г. на этот счет приводятся такие данные.

Таблица 11

Годовая средняя заработная плата на 1 работника по всем группам производств в 1913–1917 гг. (в довоенных рублях)*

Категории работников	Годы				
	1913	1914	1915	1916	1917
Рабочие	258	272	281	278	220
Служащие	1058	1050	962	825	402
В том числе: директора и управляющие	5731	6035	5568	4293	1686
Технический персонал	1462	1465	1312	1137	566
Прочие служащие	685	685	597	533	322

* Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918–1923. Труды ЦСУ. Т. XVIII. М., 1924. С. 190–191.

Таблица 11 показывает, что заработная плата служащих превышала зарплату рабочих в 1913 г. в 4 раза, в 1917 – почти вдвое. Особенно высокие заработки получали директора и управляющие – до 5–6 тыс. рублей в год, технический персонал – существенно меньше – около 1,5 тыс. рублей. Зарботная плата рабочих повышалась до 1915 г., а затем стала падать. Зарплата служащих сокращалась в течение всей войны, особенно сильно – в 1917 г.

Любопытны сведения об образовании служащих, которое во многом определяло уровень их профессиональной подготовки, а следовательно, и заработной платы. Из 55 887 служащих 1107 промышленных предприятий техническое образование имели 16 723 человека (29,9 %). В России получил высшее образование 1581 человек (9,4 %), среднее – 3198 (19,1 %), низшее – 11 293 (67,5 %). За границей училось 651 человек, причем 366 (2,2 % от числа имевших техническое образование) приобрели высшее образование. Из общего числа служащих 495 являлись иностранными подданными, приехавшими в большинстве своем из Англии, Франции, Австрии и Германии*.

Подобно рабочим, служащие получали отсрочки от призыва в армию. Сведения об этом имеются в материалах мобилизационного отдела Главного штаба и относятся к октябрю 1916 г. При этом было учтено 24 849 заведений по 82 отраслевым рубрикам, включавшим предприятия крупной и мелкой промышленности, кустарные, ремесленные и торговые заведения, аптеки, банки и кредитные учреждения, пароходства, кооперативы и др. В них было занято 1 144 637 служащих, из которых получило отсрочку 308 729 человек, или 27 %**. Это наиболее массовый источник военного времени, содержащий сведения о численности служащих, хотя и далеко не всех. Так, например, существенно возросло за годы войны число почтово-телеграфных служащих – с 45 398 в 1913 г. до 62 801 человек в 1916 г.***

Влияние войны на наемную армию труда проявилось не только в изменении ее численности, профессионального и поло-возрастного состава, квалификационного уровня, размера заработной платы, но и в широком распространении принудительного труда. Во Франции и Англии государственная власть регламентировала условия труда, быта и отдыха военнообязанных рабочих, а участие в забастовках каралось по законам военного времени. В Германии в 1916 г. был издан закон о всеобщей трудовой повинности. В России уже в 1914 г. ограничены самовольный уход и переход с работы на работу на казенных заводах. В 1915 г., в связи с мобилизацией на оборону и частных предприятий, поставлен вопрос о милитаризации труда в промышленности в целом. На это были направлены проекты милитаризации промышленности,

* Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918–1923. Труды ЦСУ. Т. XVIII. М., 1924. С. 188.

** Россия в мировой войне. С. 101.

*** Статистический сборник за 1913–1917 гг. Труды ЦСУ. Т. VII. Вып. 2. М., 1922. С. 232.

которые разрабатывались и широко обсуждались в правительственных кругах (Совет министров, Особое совещание по обороне государства, Военное министерство, Министерство торговли и промышленности и др.) и предпринимательских организациях (Совет съездов представителей промышленности и торговли, Петроградское и Московское общества заводчиков и фабрикантов, Московский военно-промышленный комитет и др.). При существовании больших или меньших отличий этих проектов речь в целом шла о закреплении рабочих и служащих на казенных и частных предприятиях, работавших на оборону, и установлении на них дисциплины, соответствующей военному времени. Предлагалось приравнять военнообязанных рабочих и служащих этих заведений к военнослужащим, запретив им самовольно прекращать работу и переходить на другие заводы и фабрики. При этом капиталисты хотели использовать милитаризацию для усиления эксплуатации рабочих и увеличения прибылей, сохранив за собой право самим разрешать конфликты с рабочими и вопросы заработной платы. Чиновники, в свою очередь, придерживаясь старой «попечительной» политики, претендовали на то, чтобы выступать буфером между промышленниками и рабочими. Согласно анкетному обследованию Особого совещания по обороне в 1917 г., число рабочих и служащих в предприятиях, целиком или частично работавших на оборону, а также приравненных к обслуживающим оборону, в шести указанных выше районах составляло 382 515 человек. Из них получили отсрочку от призыва в армию 173 878 человек, что составляло 45,5 % от общего числа работников. В Уральском районе доля имевших отсрочку равнялась 49,7 %, в Сибири – 40,2 %. Таким образом, почти половина рабочих и служащих оборонных предприятий могла попасть под действие закона о милитаризации.

Хотя в силу ряда причин, в том числе под влиянием растущего рабочего движения, закон о милитаризации труда так и не появился, основные положения этой политики нашли применение на практике. Широко практиковались массовые расчеты рабочих в случае забастовок и отправка военнообязанных на фронт. Так поступили после забастовок осенью 1915 г. с рабочими заводов «Феникс», «Скороход» и др. в Петрограде, в январе 1916 г. – с рабочими Тульских меднопрокатного и патронного заводов, а также Адмиралтейского завода и завода Нобеля в Петрограде. В феврале 1916 г. в армию мобилизовали 2 тыс. рабочих Путиловского завода и 6 тыс. рабочих судостроительного завода «Наваль» в Николаеве. Подобные действия власти расценивали как вполне правомерные^{*}.

Особую группу принудительного труда в годы войны составляли ратники морского ополчения, призванные на службу по мобилизации. Они использовались в качестве рабочей силы прежде всего на казенных и частных заво-

* Россия в мировой войне. С. 79.

** *Лаверычев В. Я.* Влияние войны на численность, состав и положение рабочего класса // Рабочий класс России. 1907 – февраль 1917 г. С. 274–280.

дах, принадлежавших морскому ведомству или выполнявших его заказы, на строительстве морских баз и железных дорог, на водном транспорте и т. п. Поскольку ратники считались на действительной военной службе, они подлежали «ответственности по законам военного времени». На производстве ратники находились в особом положении: использовались на самых тяжелых работах, куда не находилось вольнонаемных рабочих, не имели права свободного перехода с одного предприятия на другое, получали более низкие, чем рабочие, заработки, не имея при этом от казны никакого другого довольствия, подвергались штрафам. Ущемлялись и их личные права: даже на вступление в брак ратникам требовалось особое разрешение. Комиссия по наблюдению за ратниками при Главном морском штабе официально признавала ратников «материалом для дешевого и принудительного труда»^{*}.

Широко использовался в годы войны принудительный труд крестьян. Большие массы крестьян военные власти привлекали ежемесячно на окопные работы. В губерниях, распложенных вне прифронтовой полосы, их заставляли заниматься заготовкой и подвозом леса для заводов, работавших на оборону. В местностях, объявленных на военном положении, применялись принудительные меры для привлечения крестьян на работы в помещичьих хозяйствах. Главнокомандующий Западным фронтом генерал А. Я. Эверт в письме от 26 января 1917 г. докладывал председателю Совета министров: «Для обеспечения успешной реализации минувшего урожая трав и хлебов в губерниях Западного фронта... я счел необходимым летом 1916 года принудительно привлечь к уборке несобранного урожая все способное к сельскому труду население обоого пола в возрасте от 15 до 50 лет, закончившее уборку своих полей...»^{**} Определенная часть помещиков использовала отработки крестьян в качестве натуральной платы за арендованные ими земли.

Принудительный характер носил труд военнопленных. Согласно данным Генерального штаба, общая численность иностранных военнопленных во всех военных округах составляла 1813,5 тыс. человек. При этом в округах Петроградском, Двинском, Минском, Киевском, Кавказском, Одесском и области Войска Донского находилось более половины – 977,0 тыс. военнопленных, 45 % которых было занято на фронтовых, остальные – на других различных работах. В военных округах внутренней России (Московском, Казанском, Омском, Иркутском, Приамурском, Туркестанском) находилось 836,4 тыс. военнопленных, 46,1 % их общего числа. В свою очередь, 537,5 тыс. пленных из этого количества, т. е. 64,3 %, сосредоточивалось в Московском и Казанском округах. Во внутреннем районе России большинство военнопленных тру-

^{*} *Бакланова И. А.* К вопросу о милитаризации труда в период первой империалистической войны. (По материалам морского ведомства) // Рабочий класс и рабочее движение в России. М., 1966. С. 304–313.

^{**} Цит. по: *Анфимов А. М.* Российская деревня в годы Первой мировой войны. С. 194.

дились на сельскохозяйственных работах – 719,1 тыс. человек, т. е. 86 %*. Сведения об использовании военнопленных в промышленности имеются по предприятиям, подотчетным Заводскому совещанию Московского промышленного района (13 губерний Европейской России). По данным на 1 сентября 1916 г., здесь работало 12,7 тыс. военнопленных, что составляло всего 1,5 % рабочих, трудящихся на предприятиях этого района**. Пленных направляли также для срочных работ на железные дороги, каменноугольные предприятия и т. д.

По подсчетам сибирских исследователей, доля военнопленных среди рабочих угольной промышленности Западной Сибири составляла 19,8 %, обрабатывающей промышленности Тобольской губернии – 20 %, промышленности Томской губернии – 10 %. С учетом не только военнопленных, но и каторжан и «реквизированных» инородцев удельный вес несвободных рабочих в общей массе повысился от десятых долей процента в 1914 г. до 10 % в 1917 г. На милитаризованных же предприятиях они составляли до 16 %***.

Согласно правилам, изданным 17 марта 1916 г. и касающимся военнопленных, занятых на частных предприятиях горной и фабрично-заводской промышленности, пленные подчинялись общим правилам о найме рабочих в отношении выдачи расчетных книжек, продолжительности рабочего времени, воскресного отдыха и др. Однако принцип оплаты труда лишал их стимула к интенсивной работе. Размер заработной платы устанавливался применительно к существующим местным ценам. Но заработок не выдавался военнопленным. Треть его отчислялась в особый фонд. Из остальной части покрывались расходы предприятий по доставке, содержанию, обмундированию, продовольствию и охране пленных. Лишь особенно усердным в работе военнопленным выдавалось не свыше 20 коп. в день на человека «на улучшение пищи». Законы о страховании от несчастных случаев и вознаграждении увечных рабочих на военнопленных не распространялись, как на иностранных подданных****.

Больше всего военнопленных использовалось в частновладельческих сельских хозяйствах. По данным на 1915 г., относящимся к 10 губерниям Европейской России, в этих хозяйствах пленные составляли до 23 % необходимого количества работников, в то время как в крестьянских хозяйствах покрывали только $\frac{1}{20}$ – $\frac{1}{30}$ часть потребности в рабочей силе. Многочисленные заявки на военнопленных поступали в Совет министров и военное ведомство от сахарозаводчиков юго-западных губерний, которые использовали их и на свекловичных плантациях, и на сахаро-рафинадных заводах*****.

* Россия в мировой войне. С. 40–41.

** Там же. С. 82.

*** Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982. С. 371.

**** Громан В. Рабочее законодательство // Народное хозяйство в 1916 г. Вып. V–VI. С. 105–106.

***** См.: Книпович Б. Указ. соч. С. 3; Изенберг А. Указ. соч. С. 8–9, 58–59.

«Правила об отпуске военнопленных на полевые работы» получили высочайшее утверждение 28 февраля 1915 г. Они предоставляли сельским хозяевам право пользоваться трудом военнопленных (за исключением пленных немецкого и мадьярского происхождения). На каждую губернию отпускалось не более 10 тыс. пленных – партиями до 100 человек на срок не менее 3 месяцев. Распоряжаться военнопленными, а также выработать условия и нормы их труда предоставлялось земским управам. Заработная плата распределялась так, чтобы не менее половины ее выдавалось на руки военнопленному, а другая шла на его содержание*.

В дальнейшем эти правила подвергались обсуждению и изменению. Крупные землевладельцы, используя земства, выступали за увеличение числа предоставляемых им военнопленных и за «упрощение» указанных правил. Мнение центральных властей выразил министр внутренних дел Н. А. Маклаков в своем представлении в Совет министров. В распределении военнопленных по частным хозяйствам он видел прежде всего способ освободить казну от громадных растрат по их содержанию. Далее министр предлагал установить пленным не местную, а единую оплату труда «из Петрограда» в таком размере, чтобы они «только окупали свое содержание». «Никаких обязательных отчислений из их заработка в их собственную пользу, казалось бы, делать не следовало. Пусть работают за хлеб и одежду. Тогда нашлись бы и работа, и предложения, и казна выиграла бы, и крупное сельское хозяйство не оказалось бы в таком безвыходном положении, в каком оно при данном положении вещей может очутиться**», – утверждал Маклаков.

Местные земства с радостью подхватили эти идеи, не стесняясь применять их на практике. Уездные земские управы предоставляли пленных частным владельцам при условии выделения им помещения и продовольствия, как при казарменном режиме, и ежемесячной уплаты уездной управе за одежду и обувь для военнопленных по 3 руб. на каждого и за их труд – по 6 руб. Норма оплаты труда в частновладельческих и крестьянских хозяйствах должна была быть одинаковой. Из 6-рублевой месячной оплаты за труд уездные управы должны выдавать половину на руки каждому военнопленному под расписку в личной расчетной книжке, и 3 руб. оставлять себе на покрытие расходов, связанных с приемом, передвижением и надзором за ними.

Оплата труда военнопленных была значительно ниже цен на рабочие руки. Так, в Курской, Херсонской, Нижегородской губерниях им полагалось в среднем 8 руб. в месяц, в то время как плата сроковым рабочим на хозяйских харчах составляла 12–13 руб. В использовании дешевого труда военнопленных земства видели также средство борьбы за понижение местных цен на рабочие

* См.: Милютин В. Сельскохозяйственные рабочие // Труды Комиссии по изучению современной дороговизны. Вып. III. М., 1915. С. 200.

** Там же.

руки. Одновременно отсутствовали нормы, устанавливающие рабочее время, и контроль за их соблюдением*.

Рассмотрев вопрос о применении труда военнопленных в сельском хозяйстве, известный специалист по аграрной истории России В. П. Милютин заключал: «Труд военнопленных характеризуется двумя основными чертами: принудительным, подневольным характером и более плохими условиями оплаты и содержания, чем те, какими пользуются местные сельскохозяйственные рабочие. Как первое, так и второе делают его с экономической-технической точки зрения малопроизводительным и непродуктивным**».

Еще более определенный вывод сделала Т. М. Китанина, проанализировав влияние войны на социально-экономическое положение русской деревни: «...рынок наемной рабочей силы в известной мере оказался понятием условным, и его место заняли различные формы принудительного труда***».

Использование принудительного труда было одним из проявлений более общего процесса, вызванного войной, – разрушения рыночной экономики. Об этом свидетельствовали также работа по заказам военных ведомств и центральных учреждений не только крупной, но и мелкой, кустарной промышленности, ослабление внутренней и внешней торговли, натурализация многих крестьянских хозяйств, реквизиции, установление твердых цен (такс), карточной системы и др.

* * *

Первая мировая война повернула вспять многие демографические и социальные процессы, происходившие в России накануне войны. Их естественный, органический ход был изменен под воздействием внешних, военных факторов.

Война привела к сокращению численности населения Российской империи в результате огромных людских потерь на фронте, резкому уменьшению иммиграции, а также территориальных утрат.

Не меньшее значение имело изменение под влиянием войны естественного процесса воспроизводства населения, имевшего место в XIX – начале XX в.: сокращение брачности, рождаемости, естественного прироста населения, нарушение его поло-возрастного состава, деформация и разрушение семьи, рост причин смертности. Последняя во многом стала результатом не только исключительно высокой в России детской смертности, но и гибели на войне, массовых заболеваний, жизненного неустройства, тяжелого положения беженцев и т. д.

* Милютин В. Сельскохозяйственные рабочие. С. 201–202.

** Там же. С. 204.

*** Китанина Т. М. Указ. соч. С. 234.

К 1917 г. военные факторы привели к отрицательным показателям в динамике естественного прироста населения, когда смертность превысила рождаемость, чего Россия не знала в течение многих довоенных десятилетий.

Хотя в естественно-демографическом процессе соотношение мужчин и женщин изменялось незначительно, уменьшение численности мужчин было результатом их гибели на войне, пленения, получения ранений и болезней. Не удивительно, что сокращение мужского населения происходило прежде всего в возрастах, призванных на военную службу, – 20–40 лет. Между тем по доле жителей в рабочем возрасте (от 20 до 59 лет) Россия и без того отставала от других стран в силу особенно высокого удельного веса в составе населения детей и подростков.

Гендерный фактор в годы войны становится одним из основных в стратификации российского общества. Почти половина мужчин репродуктивного и трудоспособного возраста была оторвана в ходе мобилизаций от своих семей, производственной и иной общественно-полезной деятельности. Другая немалая их часть, получившая отсрочку от призыва в армию, была занята на казенных и частных предприятиях, работавших на оборону, на железных дорогах, в государственных и общественных учреждениях и находилась фактически на положении военнообязанных, т. е. зависимых от государства.

В свою очередь, социализация женщин в период войны существенно продвинулась вперед в результате их профессионализации и более широкого, чем раньше, включения в производственную деятельность как в сельском хозяйстве, так и в промышленности, других отраслях народного хозяйства, а также благодаря участию в общественных организациях.

Другую значительную новую социальную группу составляли солдатки, численность которых за годы войны существенно возросла, а положение их стало более определенным. Связь с мужьями, находившимися в армии, нередко определяла общую линию оценки происходящего в тылу и на фронте и их поведения.

Хотя процессы социализации женщин имели определенное позитивное значение, поскольку способствовали их самостоятельности, вовлечению в новые сферы общественно полезной деятельности, они сопровождались непосильной моральной и физической нагрузкой на женщин как в семье, так и на производстве.

Мобилизация в армию мужского населения, прежде всего из крестьянской среды, приводила к нарушению в деревне всей системы хозяйствования, основанной на семейном труде. Положение усугублялось нехваткой сельскохозяйственной техники, минеральных и искусственных удобрений, реквизицией скота, в том числе рабочего, ослаблением рыночных отношений и натурализацией крестьянского хозяйства.

Широкое использование женщин в производстве неизбежно приводило к понижению производительности труда как в результате меньших возможностей женского организма, так и вследствие более низкого уровня образования и квалификации женщин. В деревне выход находили нередко в объединении

крестьянских семей для сельскохозяйственных работ, что вело к частичному возврату от нуклеарной к составной семье.

Ослабление мужского начала в семье, распространение беспризорности, вседозволенности и хулиганства обостряло проблему молодежи, которая уже до войны проявляла все большую активность в общественной жизни. Одновременно социализация значительной части молодежи существенно продвинулась вперед, с одной стороны, в связи с более широким вовлечением ее (в том числе детей и подростков) в трудовую деятельность, с другой – в результате призыва в армию. Армия многократно увеличивала возможность общения, расширяла кругозор и понимание обстановки в стране, делала реальными активные действия в силу овладения армейской молодежи оружием.

Если в довоенный период различные направления миграции населения, свидетельствуя о росте его социальной мобильности, способствовали ослаблению аграрного перенаселения и земельного утеснения в Европейской России и одновременно заселению и социально-экономическому развитию окраин, позволяли использовать рынок труда за пределами страны, то в годы войны эти процессы сильно ослабевают или сходят на нет.

Основной миграционный поток стали составлять беженцы из прифронтовой полосы. Значительная их часть, лишившись имущества, работы, нередко оставшаяся без средств к существованию в результате реквизиций, двигалась на восток и оседала в городах и уездах многих губерний страны. Беженцы создавали новую линию напряжения в отношениях с местным населением, требуя жилья, трудоустройства, медицинского и иного обеспечения. Решение многих из этих проблем государство и общество вынуждено было брать на себя, признавая беженцев в качестве особой социальной группы населения.

Появление в связи с войной новых социальных групп и слоев населения сочеталось с изменениями в сословной и классовой структуре общества. При сохранении всех привилегированных и непривилегированных сословий, права и обязанности которых были еще в XIX в. зафиксированы в законах, сословные перемены проявлялись в стремлении дворянства к укреплению своего положения в качестве правящей элиты общества при ослаблении его роли в бюрократической системе в целом и в офицерском корпусе; в расширении роли духовенства в армии; в эволюции городского общественного управления; в сохранении сословных ограничений казачества и крестьянства. Общинное землевладение, несмотря на столыпинскую реформу, продолжало преобладать. Существенное значение придавалось национальному вопросу, в частности временному изменению на период войны прав евреев и «восточных» инородцев.

В отличие от сословий, классы претерпели наибольшие изменения в результате значительного разрушения в годы войны рыночной экономики, которая составляла (как считали и К. Маркс, и М. Вебер, и признают современные ученые) основное условие процессов классовобразования. Сокращение численности наемных рабочих во всех отраслях народного хозяйства по сравнению с довоенным временем, понижение общего уровня их квалификации

сопровождались переходом к широкому использованию различных форм принудительного труда. Это обстоятельство не только отражало деклассирование трудовой армии страны, но в известной мере меняло лицо крупных российских аграриев и промышленников.

Многомерная социальная стратификация, деклассирование и усиливающаяся маргинализация в годы войны российского населения, особенно его низших слоев, сопровождались складыванием их общих интересов в условиях все большего обострения с 1914 по 1917 г. основных социальных противоречий. Во-первых, все более возрастало неприятие, отторжение и усталость народа от войны. Во-вторых, крайнее недовольство вызывало продовольственное положение, рост цен на предметы первой необходимости, их нехватка. В-третьих, крестьянское требование земли стало еще более актуальным в результате экстенсивного хозяйствования, сокращения переселений и пр. Одновременно крупные аграрии не могли должным образом производительно использовать свои латифундии в силу нехватки рабочих рук и других трудностей сельскохозяйственного производства, вызванных войной. Наконец, в-четвертых, большую роль в положении и судьбе всех социальных групп и слоев населения играла деятельность государства. Его просчеты и недостатки в социальной сфере, в регулировании трудовых ресурсов и материального положения в годы войны были видны и понятны не только образованной элите общества, но и простым людям, ибо касались непосредственно их. Неспособность властей решить стоящие перед страной задачи становилась все более очевидной.

Часть III

ЭКОНОМИКА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ

В связи с приближением 100-летия начала Первой мировой войны внимание исследователей все больше уделяется истории российского тыла, что позволяет полнее раскрыть причины социальных потрясений в России начала XX в. Как отмечается современными историками, «...в царской России рухнула вначале не армия, а тыл, не выдержавший перегрузок военного времени. Правящим “верхам” не хватило государственной мудрости и политического искусства, чтобы использовать тот шанс, который давал им кратковременный патриотический порыв 1914 г. Власть не сумела наладить контакт с обществом, ограничиваясь полумерами в деле государственного регулирования экономики и снабжения населения и армии продовольствием...»^{*}

До войны Россия была одной из наиболее быстро растущих экономик Европы. Деловая активность увеличивалась на 4 % ежегодно. С поправкой на прирост населения средний доход за 1885–1905 гг. вырос более чем на 75 %^{**}. В результате бурного индустриального роста объем промышленного производства за 1887–1913 гг. увеличился в 4,6 раза. Особенно динамично развивалась тяжелая промышленность – металлообработка и металлургия, угле- и нефтедобыча. На изменения отраслевой структуры решающим образом повлияло широкое железнодорожное строительство, потребовавшее создания ряда новых отраслей. Гигантский скачок в своем индустриальном развитии Россия совершила в 1890-х гг., в период бурного экономического подъема, когда всего за десятилетие промышленное производство в стране удвоилось.

«Темпы роста царской экономики, – по наблюдению американского экономиста П. Грегори, – были относительно высоки с точки зрения мировых стандартов конца XIX – начала XX в. Россия принадлежала к группе стран с наиболее быстро развивающейся экономикой, как США, Япония и Швеция»^{***}. По важнейшим экономическим показателям Россия значительно приблизилась к ведущим странам Запада. По абсолютным объемам добычи железной

^{*} Мировые войны XX века: В 4 кн. Кн. 1. Первая мировая война: Исторический очерк. М., 2002. С. 399.

^{**} *Gregory P. R. Russian National Income, 1885–1913. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. P. 56–57.*

^{***} *Gregory P. Russian National Income. P. 192.*

руды, выплавке чугуна и стали, продукции машиностроения, промышленному потреблению хлопка и производству сахара она вышла на четвертое-пятое место в мире, а в нефтедобыче на рубеже XIX–XX вв. стала даже мировым лидером благодаря созданию Бакинского нефтепромышленного района. Протяженность российской железнодорожной сети являлась второй в мире, уступая только США.

Промышленный подъем конца XIX в. и 1909–1913 гг. существенно продвинул страну по пути индустриального развития. В начале XX в. Россия из аграрной страны превратилась в аграрно-индустриальную державу. Оставаясь крупнейшим мировым производителем и экспортером сельскохозяйственной продукции, Россия по абсолютному объему промышленного производства вошла в пятерку наиболее крупных индустриальных стран наряду с США, Германией, Великобританией, Францией. Доля империи в мировом промышленном производстве, составлявшая в 1881–1885 гг. 3,4 %, возросла к 1896–1900 гг. до 5,0 %, а к 1913 г. – до 5,3 %*.

Тем не менее разница оставалась еще очень значительной: накануне Первой мировой войны Россия производила промышленной продукции в 2,6 раза меньше, чем Великобритания, и втрое меньше Германии. Что касается Франции, то по абсолютным показателям валового промышленного производства Россия вплотную приблизилась к ней, превзойдя ее по выпуску ряда ключевых видов промышленной продукции: минерального топлива, стали, машин, хлопчатобумажных тканей и др.

Гораздо менее заметными были сдвиги при расчете продукции индустрии на душу населения, что в немалой степени объяснялось чрезвычайно высоким темпом прироста населения страны. Доля России в мировом промышленном производстве далеко не соответствовала доле ее населения среди жителей земного шара (10,2 %). Из отдельных видов промышленной продукции исключение составляли только нефть (17,8 % мировой добычи) и сахар (10,2 %).

И в начале XX в. Россия продолжала оставаться страной со значительным преобладанием сельскохозяйственного производства над промышленным. Стоимость сельскохозяйственных производственных фондов России к 1914 г. равнялась 13 089 млн руб., промышленных – 6258, железнодорожных – 6680 и фондов торговли – 4565 млн руб.** Хотя перевес новых форм экономической деятельности был очевиден, стоимость промышленных фондов империи еще вдвое уступала народному богатству, накопленному в сельскохозяйственном секторе.

* Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник / Отв. ред. А. П. Корелин. СПб., 1995. С. 51. Табл. 8.

** Бовыкин В. И. Россия накануне великих свершений. К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1988. С. 34. Табл. 2.

Индустриальный прорыв России отнюдь не был заслугой правительства, во всяком случае – не его одного. Экономический рост поддерживался не только государственными вливаниями, но хозяйственной деятельностью частных предпринимателей, прежде всего российских, а также иностранных. Государство в дореволюционный период являлось не столько инвестором экономики (за исключением железнодорожного хозяйства, где казенные капиталовложения действительно были велики), сколько получателем дохода от экономического роста*. Этот вывод служит косвенным, но весьма важным подтверждением победы в довоенной России рыночной экономики.

Не в последнюю очередь заметного прогресса Россия добилась благодаря заграничным инвестициям, которые сыграли немалую роль в деле индустриализации страны, облегчив ей первые шаги в этом направлении и подтолкнув создание ряда новых отраслей промышленности и транспорта. Иностранный капитал интегрировался в процесс индустриализации страны, облегчив продвижение по этому пути и подтолкнув создание целого ряда отраслей экономики (пример – угольно-металлургический район Донбасса, освоенный в целом на средства французских и бельгийских инвесторов)**. Впрочем, в этом отношении Российская империя принципиально не отличалась от других стран, вступивших на путь капиталистической модернизации с некоторым опозданием и пользовавшихся поддержкой более развитых соседей, например от Германии или США, в течение XIX столетия совершивших громадный скачок в индустриальном развитии.

«Экономический рост и структурные изменения царской экономики в 1885–1913 гг. соответствовали образцу современного экономического роста, который испытали на себе индустриально развитые страны», а темпы этого роста были в среднем выше западноевропейских***. Однако в целом страна оставалась на начальной стадии перехода от традиционного к индустриальному обществу. Несмотря на динамичное развитие системы школьного образования, Россия отставала от западноевропейских стран по показателям человеческого капитала. Накануне войны лишь 40 % детей старше 9 лет умели читать.

В канун мировой войны империя находилась на траектории здорового роста, которая могла вывести ее в число ведущих экономических держав мира. Проблема заключалась в том, что, позже других вступив на путь современного индустриального развития, Россия прошла и меньший отрезок этого пути.

В какой же мере Первая мировая война сказалась на экономике страны в целом и насколько значим был экономический фактор для крушения России в 1917 г.? В связи с этой проблемой представляет интерес недавно опублико-

* См.: *Plaggenborg St. Staatsfinanzen und Industrialisierung in Russland, 1881–1903.* Berlin, 1990.

** См.: Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. Очерки / Рук. проекта В. И. Бовыкин. М., 1997.

*** *Gregory P. Russian National Income.* P. 193.

ванная работа российского историка А. Маркевича и британского исследователя М. Харрисона «Первая мировая война, Гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913–1928 гг.»^{*} По их наблюдению, в 1914–1918 гг. страна с самой большой в мире территорией и четвертой по размеру экономикой была низведена до уровня, невиданного в Европе со времен Средневековья.

В первые годы мировой войны, до февраля 1917 г., в целом удавалось справляться с экономическими трудностями. Реальный ВВП России на душу населения к 1917 г. был ниже уровня 1913 г. примерно на 18 %, причем до 1916 г. снижение не превышало 10 % (этому способствовал отличный урожай 1915 г.). Если сравнить российскую экономику в эти годы с экономикой других континентальных стран, участвовавших в Первой мировой войне, то степень понесенного ими урона сопоставима. Накопленный спад ВВП за 1914–1917 гг. в Германии составил более 20 %, в Австрии – свыше 30 %, а в среднем по континентальным воюющим державам – 23 %.

Сходную динамику экономического спада у континентальных держав упомянутые авторы связывают с чрезмерной долей натурального сельского хозяйства и свертыванием рыночных механизмов снабжения населения. «На всем пространстве европейского континента, от России до Германии, Австрии и Венгрии и от Балкан до Османской империи, мобилизация в действующую армию лишила село работников и лошадей, что привело к сокращению производства в сельском хозяйстве. Однако этот спад имел второстепенное значение по сравнению с деформацией рынка, порожденной мобилизацией промышленности и резким сокращением производства тех товаров, для покупки которых крестьяне были готовы продавать свои излишки продовольствия. Крестьяне ушли с рынка, и поток продовольствия из деревни в город превратился в тонкий ручеек. Принимаемые властями меры по распределению среди городского населения продуктов питания по низким ценам, как правило, только усугубляли неравновесие на рынке»^{**}.

Можно согласиться и с выводом А. Маркевича и М. Харрисона о том, что неверно было бы связывать российскую революцию исключительно с военными тяготами. «Российская империя гораздо лучше справилась с задачей мобилизации экономики, чем утверждалось в опубликованных ранее работах. Таким образом, положение России в период Первой мировой войны было, по нашим оценкам, не таким плохим, как принято считать»^{***}.

^{*} *Markevich A., Harrison M. Great War, Civil War, and Recovery: Russia's National Income, 1913 to 1928 // The Journal of Economic History. 2011. Vol. 71. № 3. P. 672–703.* См. также расширенную русскую версию: *Маркевич А., Харрисон М. Первая мировая война, Гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913–1928 гг. М., 2013. 110 с.*

^{**} *Маркевич А., Харрисон М. Первая мировая война, Гражданская война и восстановление. С. 31–32.*

^{***} Там же. С. 26.

Экономический фактор нельзя считать достаточным для объяснения того, почему именно в России, первой из стран Европы, произошла революция в ходе самой войны (в других странах она случилась уже после ее официального окончания). Противники имели военные потери и испытали экономический спад и дефицит продовольствия не меньший, чем Россия. На вопрос о происхождении российской революции 1917 г. и Гражданской войны нельзя ответить без обращения к историческим факторам, характерным именно для России. Очевидно, что революция была следствием не только глобальных экономических предпосылок, но и ухудшения условий жизни населения, снижения уровня образования, падения морально-этических норм и др.

Вместе с тем нельзя не констатировать, что экономический фактор сыграл весьма важную роль в нарастании социального конфликта в России как до Февральской революции, так и особенно при Временном правительстве. За 1914–1917 гг. значительно ухудшилось качество питания жителей тыла и соответственно состояние их здоровья, социальное самочувствие, настроения, ожидания. Сформировался конфликт между городом, нуждавшимся в хлебе, и деревней, хлеб не дававшей. Реальная заработная плата не перекрывала роста цен на основные продукты питания и предметы первой необходимости. Сокращение потребления в военное время повлекло повсеместное снижение жизненного уровня. Трудности военного быта служили благоприятной почвой для массовых протестных движений, которые в итоге завершились Февральской революцией.

Экономическая катастрофа лета–осени 1917 г. расчистила большевикам путь к власти, а их собственные хозяйственные меры привели к обрушению прежней системы и громадному падению национального дохода. К 1917 г. выпуск промышленной продукции на душу населения сократился по сравнению с 1913 г. на 20 %, а за два последующих года, 1917–1918, упал на 50 %. Национальный доход на душу населения за 1913–1921 гг. сократился более чем на 60 %. Агрессивная политика военного коммунизма в итоге нанесла экономике страны больший ущерб, чем собственно военные столкновения*.

Период «великих потрясений» 1914–1921 гг., включая Первую мировую войну и последовавшие за ней Великую российскую революцию и Гражданскую войну, стал в целом временем крупнейшей экономической катастрофы в истории нашей страны в XX в.

* Маркевич А., Харрисон М. Первая мировая война, Гражданская война и восстановление. С. 27, 41.

Глава 1

РОССИЙСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВОЙНЫ

(А. П. Корелин, П. А. Кюнг)

Как уже отмечалось, предвоенное пятилетие, после длительной экономической депрессии, ознаменовалось бурным промышленным подъемом. Стоимость промышленной продукции увеличилась в полтора раза. Заметный прирост показали практически все отрасли, причем высокими темпами росла тяжелая промышленность, удельный вес продукции которой составил около 40 %. Заметные сдвиги наблюдались в финансовой и организационно-производственной сферах. Общее число действовавших в стране акционерных компаний (без железнодорожных) с начала 1902 г. по 1 мая 1914 г. увеличилось с 1506 до 2263, а их капиталы – с 2467 до 4639 млн руб. Наряду с уже ранее существовавшими известными сбытовыми объединениями картельного и синдикатского типа («Продамет», «Кровля», «Продуголь», «Продвагон», «Продпаровоз» и др., к 1914 г. действовало от 150 до 200 картелей и синдикатов) начали формироваться объединения типа трестов и концернов, составлявшие в ряде случаев огромные банковско-промышленные холдинги.

Так, к кануну войны Русско-Азиатский банк в сотрудничестве с французскими банками и фирмами объединил 8 акционерных обществ с суммарным основным капиталом в 230 млн руб. Группировавшиеся вокруг общества Путиловских заводов предприятия производили продукцию весьма широкого ассортимента – от паровозов, военно-морских судов, силового оборудования до артиллерийского вооружения и боеприпасов. Холдинг Петербургского Международного банка состоял из двух промышленных групп – объединения обществ Коломенского и Сормовского заводов («Коломна – Сормово»), включавшего ряд вспомогательных предприятий и занимавшегося главным образом транспортным машиностроением, и группы судостроительных предприятий общества Николаевских заводов и верфей и Русского судостроительного общества («Наваль – Руссуд»). Активную деятельность развил и «дружественный» Международному банку Петербургский Учетно-ссудный банк, вовлекший в сферу своего влияния ряд заводов, выполнявших заказы морского министерства – общества машиностроительного, чугунолитейного и кабельного завода Г. А. Лесснер, общества машиностроительного завода «Людвиг Нобель», общества «Ноблесснер», товарищества машиностроитель-

ного завода «Феникс». Накануне войны между предприятиями холдингов этих банков наблюдалось сближение, что выражалось как в мерах по устранению возможной конкуренции между заводами, так и во взаимной передаче технической документации.

Наконец, с 1906 г. начала функционировать первая общероссийская представительная организация буржуазии – Съезды представителей промышленности и торговли, пытавшихся представить интересы всех российских деловых кругов. Всего к кануну войны функционировали около 160 предпринимательских отраслевых и региональных союзов^{*}.

Эти сдвиги в российской промышленности были отмечены современниками – зарубежными и отечественными аналитиками. Темпы экономического развития, структурные изменения в народном хозяйстве казались столь впечатляющими, что председатель синдикальной палаты парижских биржевых маклеров М. Вернаиль, приезжавший летом 1913 г. в Петербург для выяснения условий предоставления России очередного займа, предсказывал неизбежный, как ему казалось, в течение ближайших 30 лет громадный подъем российской промышленности, сравнимый с колоссальными сдвигами в экономике США в последней трети XIX в.^{**} С этим заключением солидаризировался и французский экономический обозреватель Э. Тери, также знакомившийся по заданию своего правительства с состоянием российской экономики. По его мнению, «экономическое и финансовое положение России в настоящий момент превосходно... от правительства зависит сделать его еще лучше». Более того, он предупреждал: «Если у большинства европейских народов дела пойдут таким же образом между 1912 и 1950 годами, как они шли между 1900 и 1912, то к середине настоящего столетия Россия будет доминировать в Европе как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношении»^{***}.

Несколько сдержаннее и аналитичнее были наблюдения лидеров российских промышленных кругов. В записке Совета съездов представителей промышленности и торговли, представленной 12 июля 1914 г. в правительство^{****}, отмечалось: «Россия в 1910–1911 гг. быстро вступила в период экономического подъема как под влиянием благоприятного урожая двух лет подряд, так и вследствие начавшихся в этих годах громадных ассигновок на флот, на военные потребности, на портостроительство, на шлюзование некоторых рек,

* Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 43–44; Россия в начале XX века. Исследования. М., 2002. С. 168–175; *Шепелев Л. Е.* Акционерные компании в России. Л., 1973. С. 232; *Бовыкин В. И.* Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. М., 2001. С. 57–58, 65–82, 243–259.

** *Ананьич Б. В.* Россия и международный капитал. 1907–1914. Л., 1970. С. 272.

*** *Тери Э.* Экономический обзор. Париж, 1986. С. 13, 157.

**** Докладная записка Совета съездов представителей промышленности и торговли «О мерах к развитию производительных сил России и улучшению торгового баланса». (Представлена правительству 12 июля 1914 г.) Пг., 1914.

постройку элеваторов и на усиление железнодорожных путей; одновременно наблюдается оживленное строительство в городах, увеличение машиностроения и пр.» Но в целом экономика страны, по мнению авторов записки, все еще находится в «переходном состоянии». Отметив несомненные достижения переживаемого промышленного подъема, они все же считали его «недостаточно успешным». Так, спрос на промышленную продукцию целого ряда отраслей превышает предложения и покрывается лишь зарубежным импортом. Наблюдается недостаток сырья, поставляемого сельским хозяйством, и потому ввоз хлопка, шерсти, сала, шелка и другой продукции «растет в громадной прогрессии». Более того, несмотря на положительную динамику производства, увеличивается импорт металлов, каменного угля, нефти и т. п. Потребности городов, растущих «с поистине американской быстротой», требуют развития совершенно новых отраслей промышленности, которых в России вообще нет или они находятся в процессе становления. Сильным тормозом развития промышленности является недостаток подготовленных кадров в связи со слабым развитием технического и профессионального образования. Наконец, несмотря на прилив капиталов в промышленность, увеличившийся за последние 3 года более чем на 1,5 млрд руб., этих средств оказалось недостаточно для достижения ею такого уровня развития, который удовлетворял бы потребности страны.

Авторы настаивали, с одной стороны, на принятии твердых мер по охране покровительственных тарифов в пользу отечественной промышленности при ввозе зарубежной продукции, а с другой – указывали на «устарелость законов о промышленности и на излишние стеснения, испытываемые предпринимателями в разных отраслях промышленной деятельности». «Между тем, – отмечалось в записке, – успешное развитие этой деятельности возможно лишь при условии предоставления широкого поприща личной инициативе и при отсутствии ограничений, тормозящих частные начинания в области торговли и промышленности». Только при этих условиях, считали они, можно рассчитывать на такое развитие промышленности, которое обеспечит стране активный торговый баланс и избавит ее от иностранной зависимости. «При нашей общей хозяйственной отсталости и громадной заграничной задолженности, – предупреждали авторы – факт этот имел бы, несомненно, большое значение для международного положения России». За последние два года этот баланс был положительным, но абсолютные его итоги с каждым годом становились все меньше – с 430 млн в 1911 г. до 200 млн руб. в 1913 г.

Проведенные позднее исследования, особенно в свете событий военных лет, показали обоснованность обеспокоенности российских деловых кругов. Замедленный рост добычи минерального топлива, выплавки черных и цветных металлов, не соответствовавший потребностям быстро растущей обрабатывающей промышленности; падение на фоне роста общей численности рабочих удельного веса ядра квалифицированных рабочих кадров; сокращение железнодорожных заказов и, главное, весьма слабое состояние станкостроения – все эти «болевые точки» развития российской промышленности вскоре

стали причинами постоянных сложностей функционирования экономики и нарастания кризисных событий в стране*.

Война с самого начала оказала огромное воздействие на всю экономическую жизнь страны. Нарушились сложившиеся производственные, финансовые и торговые связи – международные, региональные, отраслевые. Резко сократился импорт важнейших видов промышленной продукции, особенно машин, станков, заводского оборудования, а также минерального топлива, металлов, сырья для текстильной промышленности и т. д. Железнодорожная сеть не могла удовлетворить потребности фронта и тыла в связи с резко выросшими масштабами перевозок. Массовые мобилизации рабочих также не могли не сказаться на работе предприятий. Многие из них лишились до 30–40 % рабочей силы.

Потеря таких промышленно развитых регионов, как Польша и часть Прибалтики, дававших 17,4 % общероссийской промышленной продукции, производственный паралич западных прифронтовых губерний серьезно сказались на военно-экономическом потенциале страны. Подчеркнем, однако, что в целом удалось компенсировать потерю оккупированных регионов. Пик производства вооружения 1916 г. был достигнут без наиболее развитых в части машиностроения областей Российской империи.

В первые военные месяцы почти все предприятия, за исключением небольшой группы казенных и крупных частных заводов, уже работавших по оборонным заказам, сократили производство. Общее падение промышленного производства, по подсчетам А. Л. Сидорова, составило 19 %. Особенно значительным оно было в отраслях легкой промышленности (в текстильной – 26 %, во второстепенных отраслях – до 30 %). Сократилось, хотя и незначительно, и общее количество предприятий. Фабричная инспекция зарегистрировала закрытие 457 заведений, главным образом средних и мелких**. Факторами, отчасти смягчившими ситуацию, было наличие на предприятиях некоторых довоенных запасов сырья, топлива, материалов, полуфабрикатов и готовых товаров, а также хорошие урожаи технических культур в 1914 и 1915 гг. (хлопка, льна, масличных семян, табака, свеклы). Все это позволило временно поддержать производство и оттянуть наступление кризиса.

Создание в августе 1915 г. военно-регулирующих органов в виде системы Особых совещаний во главе с Особым совещанием по обороне, на которое возлагались и межведомственные координирующие функции, явилось, несмотря на недостаточную эффективность этих учреждений, важным фактором, повлиявшим на мобилизацию и милитаризацию промышленности, на развитие и состояние почти всех отраслей. Первоначально военное ведомство главное

* *Кафенгауз Л. Б.* Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX – 30-е годы XX в.). М., 1994. С. 123–171; *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973. С. 333–423.

** *Сидоров А. Л.* Указ. соч. С. 336.

внимание уделяло смягчению «снарядного голода», пополнению артиллерийского парка, расширению производства стрелкового оружия и снаряжения, чем и занимались предшественники Особого совещания по обороне – Особая распорядительная комиссия по артиллерийской части, Особое совещание по усилению артиллерийским снабжением действующей армии, Особое совещание по усилению снабжения действующей армии главнейшими видами довольствия. Однако все усилия этих органов по обеспечению армии вооружением и боеприпасами за счет казенных заводов, узкой группы крупных частных предприятий, традиционных поставщиков военной продукции и заграничных заказов оказались неэффективными. В силу военных обстоятельств и под давлением предпринимательских кругов, заинтересованных в получении выгодных военных заказов, правительство, осознав длительность перспективы военных действий, решает перейти к более широкому привлечению к работе на оборону частной промышленности.

Как уже отмечалось, военное и морское ведомства изначально делали ставку на казенные заводы. Тем не менее крупные частные предприятия также постоянно получали военные заказы. Вообще, частная военная промышленность стала заметно развиваться еще с конца XIX в., когда выяснилось, что государственный сектор уже не мог удовлетворять в полной мере потребности армии и флота в вооружении и снаряжении. Ее особенностью было то, что частные предприятия, как правило, не специализировались на производстве исключительно предметов военного назначения, а производили и гражданскую продукцию. Вообще характерной их чертой был универсализм, что являлось следствием сравнительной узости рынка сбыта и было одной из причин высокого уровня концентрации производства в России, превосходившей западные аналоги.

Специализация отдельных предприятий гражданской промышленности на производстве военной продукции фактически началась только после русско-японской войны, когда необходимо было восполнить потери военного имущества и приступить к реализации широкой программы перевооружения армии и флота. Прежде всего, это коснулось частных металлургических и металлообрабатывающих предприятий, изготавливавших артиллерийское снаряжение, заводов пороховых и взрывчатых веществ, а также судостроительных предприятий. Большая часть их была представлена в упоминавшихся выше банковско-промышленных холдингах и крупнейших сбытовых монополиях. В гораздо меньшей степени милитаризация промышленности затронула предприятия, изготовлявшие предметы интендантского снаряжения (обмундирование, пищевое довольствие, шанцевый инструмент и т. д.), поскольку, как правило, такие заказы были разовыми.

В целом же не только частная, но и казенная промышленность оказалась неподготовленной к масштабному переходу на изготовление военной продукции. Армейское руководство долгое время основной задачей оборонных заводов считало восполнение мобилизационных резервов силами ведомственных предприятий, за счет их расширения и усиления интенсивности производства.

Образование фронта протяженностью 1,5 тыс. км и мобилизация более 6 млн солдат привели к быстрому исчерпанию мобилизационного ресурса по целому ряду номенклатур военного снаряжения. К тому же расширение военных действий диктовало не просто восполнение, а непрерывное наращивание производства военной техники, боеприпасов и снаряжения. Сказалось не только отсутствие планов мобилизации промышленности, но даже теоретических и методических разработок в этой области, так как опыт предыдущих войн не давал повода для таких исследований. Между тем уже сам по себе рост производства вооружений и боеприпасов предъявил новые требования к смежным отраслям – топливной, металлургической, химической, машиностроительной, обозначил необходимость увеличения подвижного состава и усиления пропускной способности железных дорог и т. д.

Одной из острых проблем, с которой столкнулась российская промышленность уже в первые месяцы войны, был недостаток квалифицированной рабочей силы. В результате непродуманных массовых призывов в армию промышленность лишилась кадровых рабочих и инженеров. Причем потребность в рабочей силе росла не только в связи с расширением и интенсификацией производства на уже действовавших предприятиях, введением на них режима фактически непрерывного действия, но и в связи с начавшимся строительством новых заводов. Весьма негативно сказался и отток иностранных специалистов. Немцы и австрийцы призывного возраста были интернированы, французы, англичане, бельгийцы отозваны на родину. По данным съезда горнопромышленников Юга России, в металлургической и железоделательной промышленности в 1913 г. среди инженеров иностранцы составляли 22 %, среди специалистов со средним техническим образованием – 40 %*.

При этом фактически неиспользованным оставался многотысячный контингент рабочих эвакуированных и закрывшихся предприятий Польши, Прибалтики, прифронтовых губерний. Власти и промышленники осознавали проблему трудоустройства безработных и эвакуированных. Специальное заседание Совета съездов представителей промышленности и торговли уже 4 августа 1914 г. предложило начать собирать сведения о профессиональном составе безработных, а предпринимателям – подавать заявки на требуемых специалистов. МПС пообещало даже предоставить для поляков бесплатный проезд. Однако этот резерв так и не был использован как из-за обострения транспортных проблем, так и в связи с тем, что не удалось наладить административный механизм перемещения рабочей силы**. На обращения предпринимательских организаций о возврате мобилизованных рабочих и специалистов на предприятия власти разъясняли, что лица этих категорий могут быть возвращены лишь в тех случаях, когда будет доказана невозможность их замены и только по специальному ходатайству в каждом отдельном случае; лица

* *Клаус Р.* Война и народное хозяйство России. 1914–1917 гг. М.; Л., 1926. С. 58.

** *Утро России.* 1914. № 181. 5 августа.

же, состоящие в офицерских чинах, возвращению вообще не подлежат. «Все протесты Главного Артиллерийского Управления, – писал его начальник А. А. Маниковский, – оставались без внимания, а между тем работа на военных заводах требовала такой большой точности и тонкости, что успешность ее была под силу только особым специалистам, вырабатывающимся не скоро»^{*}.

Стремясь закрепить рабочих за предприятиями, воспрепятствовать их переходам и возникновению стачек, военное ведомство и предпринимательские организации неоднократно предлагали проекты милитаризации труда. Проблема эта стала особенно актуальной с лета 1915 г., когда участились забастовки. К тому же заметно изменился состав рабочих: все больший удельный вес среди них составляли чернорабочие, связанные с деревней, уходившие с заводов на сезонные сельскохозяйственные работы. Однако, как уже отмечалось ранее, Совет министров, опасаясь активизации стачечного движения, каждый раз отклонял предложения о переводе рабочих на мобилизационное положение. В законодательном порядке эта проблема так и не была решена. Но власти и предпринимательские союзы решали ее практически, «в порядке управления», объявляя локауты забастовавших рабочих, отдавая под суд и отправляя на фронт «зачинщиков беспорядков», не останавливаясь перед жесткими репрессиями – вплоть до расстрелов.

В целом в годы войны численность фабрично-заводских рабочих, как отмечалось в предыдущем разделе, уменьшилась с 2,5 до 2 млн человек. Но в отраслях, так или иначе связанных с военными заказами, этот показатель имел положительную динамику. На предприятиях по производству вооружений и боеприпасов количество рабочих к 1917 г. выросло на 64 %, заметно увеличилась их численность в горнозаводской, горной промышленности, на казенных заводах и в армейских мастерских, на транспорте. Вместе с тем в легкой промышленности количество рабочих заметно сократилось, и лишь в 1917 г. наблюдался некоторый рост их численности. Заметно изменился и их половозрастной состав за счет увеличения удельного веса женщин, подростков, малолетних, составивших к 1917 г. более 50 % (даже в металлообработке эти категории достигали около 20 % всей рабочей силы)^{**}, что не могло не сказаться на падении уровня профессиональной квалификации. Не на высоте оказались и владельцы предприятий, и технический персонал. Тот же Маниковский отмечал, что при переходе к производству военной продукции «с полной очевидностью сказались все отрицательные стороны русской промышленности, взращенной в условиях бюрократической политики: отсутствие предприимчивости, широты взглядов и настоящего коммерческого расчета у хозяев предприятий; крайняя рутинность и отсутствие инициативы у технического

^{*} Маниковский А. А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. М., 1937. С. 116.

^{**} Рабочий класс России. 1907 – февраль 1917 г. М., 1982. С. 248.

персонала; сильная отсталость, часто граничащая с безграмотностью, у рабочего состава»^{*}.

Самым слабым звеном в системе российской экономики, оказавшим дезорганизующее влияние на деятельность промышленности, стал транспорт (подробнее см. гл. 4). Еще до начала войны железнодорожная сеть едва справлялась с текущими перевозками, поскольку ни строительство железных дорог, ни производство подвижного состава не поспевало за ростом промышленности. С началом военных действий ситуация не раз становилась критической. Во время мобилизации было задействовано огромное количество подвижного состава. И в дальнейшем железные дороги, ведущие к фронту, были настолько загружены перевозкой военных грузов, что для расчистки путей приходилось порой даже сбрасывать под откос целые поезда. Организационная неразбериха усугублялась падением производства подвижного состава, так как предприниматели отдавали предпочтение более выгодным военным заказам.

Впоследствии промышленники, добившись приравнивания железнодорожных заказов к военным, соглашались увеличить производство паровозов и вагонов, но при этом требовали обеспечить их заказами на 1916–1918 гг. Проблема так и не была решена. Это было связано и с тем, что потребность в паровозах и вагонах намного превышала возможности даже таких крупных частных заводов, как Путиловский, Сормовский, Коломенский, Брянский, Харьковский, которые были к тому же чрезвычайно загружены выполнением военных заказов. В 1915 г. железными дорогами было размещено заказов отечественным заводам на 3170 паровозов, 3430 пассажирских и 88 959 товарных вагонов. Всего же за 1914–1916 гг. было получено 2188 локомотивов, причем в 1916 г. поставки их значительно снизились. Производство вагонов, достигнутое в 1914–1915 гг. 32 тыс. шт., затем также снизилось до 21 тыс. шт., что составляло около 47 % общей производительности предприятий. Выпуск рельсов по всем 12 рельсопрокатным заводам составлял едва половину установленной потребности^{**}.

Довольно быстро кризисные явления стали наблюдаться и в поставках топлива и металлов. В связи с войной потребности предприятий в сырье и материалах значительно увеличились. При этом необходимо учитывать сокращение поставок металла и топлива, прежде всего каменного угля, из-за границы^{***}. Попытки организации распределения топлива, а затем и металлов через правительственные регулирующие органы не дали удовлетворительных результатов. Некоторое увеличение добычи угля в Донецком бассейне едва компенсировало потерю Домбровского каменноугольного бассейна в Польше; незначительный рост добычи нефти и попытки перехода на более широкое использование торфа и дров не решали проблему топливного баланса. Естественно, в первую очередь удовлетворялись потребности заводов,

^{*} Маниковский А. А. Указ. соч. С. 112.

^{**} Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. 2. М., 1952. С. 641–642.

^{***} Кафенгауз Л. Б. Указ. соч. С. 173–174.

занятым выполнением военных заказов. Но отсутствие плана экономической мобилизации не давало возможности проследить «цепочку» субподрядчиков, поставлявших отдельные элементы предметов вооружения для крупных заводов и также нуждавшихся в сырье и топливе.

Таким образом, одной из проблем российской экономики в условиях войны оказалась слабость планирования, регулирования производства и распределения продукции. Уже в первый год войны обострились прежние проблемы экономики – недостаток квалифицированной рабочей силы, проблемы организации грузоперевозок и увеличения производства подвижного состава и рельсов для железных дорог, обострение топливного и металлического «голода». Руководство страны оказалось перед серьезным вызовом: в предельно короткие сроки организовать обеспечение действующей армии необходимым вооружением, боепитанием и снаряжением и при этом не допустить деградации экономической жизни в тылу.

По данным промышленной и профессиональной переписи 1918 г., охватившей 9728 заведений 31 губернии России, в годы войны непрерывно действовали 4803 предприятия (49,4 %); с перерывом, не более года, работали 865 заведений (8,9 %); закрылось 2291 заведение (23,5 %); вновь открылись и продолжали действовать до конца войны 1194 фабрик и заводов (12,3 %); открылись, но через какое-то время закрылись 394 заведения (4,1 %); было эвакуировано 181 предприятие (1,8 %). Данные эти неполны, так как не учтены предприятия оккупированных неприятелем территорий, а также Урала, отчасти Юга и Кавказа*. Тем не менее они дают определенное представление о состоянии промышленности в России за военные годы и изменениях в ее структуре (см. табл. 1).

Таблица 1

Число и мощность вновь открытых и закрытых предприятий в 1913–1918 гг.

Год	Закрывшиеся			Вновь открывшиеся		
	число заведений	число рабочих (тыс.)	среднее число раб. на 1 завод.	число заведений	число рабочих (тыс.)	среднее число раб. на 1 завод.
1913	21	957	45,6	31	1642	53,0
1914	356	16 040	45,1	215	19 101	88,8
1915	573	16 468	28,7	187	18 100	96,8
1916	298	11 212	37,6	276	21 663	78,5
1917	541	37 853	70,0	264	21 524	81,5
1918	502	43 950	83,5	221	13 340	60,4
(Первая половина)						

Источник: *Кафенгауз Л. Б.* Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX – 30-е годы XX в.). М., 1994. С. 175.

* *Воробьев Н. Я.* Изменения в русской промышленности в период войны и революции (по данным переписи 1918 г.) // Вестник статистики. М., 1923. Кн. XIV. № 4–6 (апрель–июнь). С. 115–153; Статистический сборник за 1913–1917 гг. // Труды ЦСУ. Т. VII. Вып. 1. М., 1921. С. 37–38.

Приведенные данные позволяют сделать следующие наблюдения: в течение войны непрерывно действовали более 60 % обследованных предприятий; по сравнению с 1913 г. число заведений в 1916 г. сократилось почти на треть; количество закрывшихся заведений превышало в течение всех военных лет число открывшихся, причем количество первых явно преуменьшено, так как к моменту проведения переписи многие закрывшиеся предприятия фактически уже не могли ответить на анкету; закрывались заведения более мелкие, возникали более крупные предприятия, что отражало процесс усиления концентрации производства и капиталов. Таким образом, число закрывшихся заведений достигало около четверти всех предприятий и вдвое превышало количество вновь открывшихся.

Тем не менее предпринимательская активность, несколько снизившаяся по сравнению с довоенной в первые полтора года войны, затем в 1916 г. вновь возросла. Всего за 1914–1916 гг. возникли 417 новых акционерных компаний с капиталом 634 млн руб., 117 действовавших обществ увеличили капиталы на 272 млн руб. Л. Е. Шепелев, исследовавший акционерное учредительство в России в эти годы, отмечает, что, во-первых, по размерам капиталов возникшие компании мало отличались от довоенных, во-вторых, далеко не все разрешенные общества открыли свои действия, не сумев собрать необходимые средства, что свидетельствовало об отставании возможностей фондового рынка от предпринимательской инициативы. Немалую роль при этом сыграло и усиление элементов грюндерства: все большее число компаний учреждалось с явно спекулятивными целями*. В 1917 г., после некоторой заминки, процесс акционирования заметно активизировался на фоне растущей девальвации рубля: всего за 9 месяцев были учреждены 734 компании с суммарным капиталом 1960 млн руб., открыли действия 335 компаний с капиталом 835 млн руб.** Однако, как отмечает автор, ни рост темпов акционерного учредительства, ни относительно высокие курсы акций не могут расцениваться как показатель благополучного состояния фондового рынка. Наоборот, считает он, источники свидетельствуют о его полной дезорганизации, порожденной галопирующими инфляцией и спекуляцией, усиливающимся развалом народного хозяйства.

* Шепелев Л. Е. Указ. соч. С. 310, 312.

** Там же. С. 335. В статье «Фондовая биржа в России в период Первой мировой войны (1914–1917 гг.)» Л. Е. Шепелев попытался исчислить динамику акционерных капиталов с учетом обесценения рубля. По имеющимся оценкам, реальная стоимость рубля к 1 января 1917 г. составляла 40 %, на 1 апреля – 27 %, к 1 сентября 1917 г. – примерно 13 % довоенной. (См.: Исторические записки. 1969. Т. 84. С. 160–162). См. также: Лизунов П. В. Российское общество и фондовая биржа во второй половине XIX – начале XX в. // Экономическая история. Ежегодник. М., 2005. С. 257–288; Мошенский С. Э. Рынок ценных бумаг Российской империи. М., 2014. С. 167–184, 443–454.

В целом, если суммировать данные о новом промышленном учредительстве и вложении средств в расширение и оборудование предприятий, лидерство по-прежнему оставалось за наиболее капиталоемкой горной и горнозаводской промышленностью – добычей угля, нефти, руды; затем шли вложения в предприятия по выплавке и обработке металлов, третье и четвертое места занимали обработка волокнистых веществ (в основном – текстильные фирмы) и пищевая промышленность. Вместе с тем следует заметить, что рост основных капиталов, особенно в металлообрабатывающей, металлургической и горнозаводской отраслях, в значительной мере был достигнут не столько за счет обновления оборудования, сколько в результате вертикальной и горизонтальной концентрации и комбинирования производств*.

Заметные капиталовложения в промышленность, особенно со второй половины 1915 г., осуществляло и государство. Военное ведомство приступило к сооружению ряда заводов по изготовлению вооружения, боеприпасов, электротехники, средств передвижения, связи и т. п., причем многие из них рассчитаны были по окончании войны на переход к производству мирной продукции. Одна из последних программ строительства казенных предприятий, одобренная в феврале 1917 г. Советом министров, предусматривала сооружение 17 заводов на сумму более 470 млн руб.

Весьма важна общая картина динамики промышленного производства и изменения его отраслевой структуры. По исчислениям Н. Я. Воробьева, полученным на основе обработки материалов переписи 1918 г. и данных фабрично-заводской и горной статистики, промышленная продукция военных лет в стоимостном выражении (в ценах 1913 г.) превысила довоенную на 21 % (см. табл. 2). Причем ее рост наблюдался в 1915 и 1916 гг. – вплоть до 1917 г., после чего началось катастрофическое падение производства.

Следует иметь в виду, что сколько-нибудь полными и надежными сведениями для определения физического объема и стоимости промышленной продукции за военные годы мы не располагаем. Цифры, приведенные Н. Я. Воробьевым, являются расчетными, исчисленными на основе данных о продуктивности рабочих и умноженными на общую их численность по отраслям. Последние сведения почерпнуты из переписи 1918 г., а также из отчетов фабричной и горной инспекции. Будучи приблизительными в абсолютном выражении, эти расчеты, видимо, все же в какой-то мере отражают динамику движения промышленного производства и изменения его отраслевой структуры**.

* *Маевский И. В.* Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. М., 1957. С. 118.

** Динамика данных Н. Я. Воробьева, в основном, не противоречит также расчетным показателям о развитии российской промышленности в годы войны Л. Б. Кафенгауза, за исключением горной и горнозаводской отраслей (см.: *Кафенгауз Л. Б.* Указ. соч. С. 172–213).

**Промышленное производство в России в 1913–1917 гг.
(в млн довоенных рублей)**

Группы отраслей промышленности	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
Горная и горнозаводская	1003,9	1019,3	926,1	941,3	528,1
Металлообрабатывающая	628,1	709,7	1432,7	1888,4	1212,9
Химическая	337,7	312,6	492,6	853,5	564,1
Производство пищевых продуктов	1505,8	1561,6	1445,9	1176,0	734,8
Обработка твердых материалов животного происхождения	134,6	149,8	169,5	182,5	128,9
Обработка хлопка	1090,3	1021,6	1031,2	802,5	596,4
Обработка шерсти	195,1	191,1	208,3	187,2	134,4
Обработка льна и пеньки	115,3	146,7	147,7	130,6	90,7
Обработка шелка	40,2	43,5	45,8	38,9	21,8
Производство смешанных волокнистых веществ	44,6	42,1	92,0	146,0	27,2
Производство бумаги и полиграфическое [оборудов.]	152,0	142,3	127,5	126,0	99,2
Добыча и обработка камней	154,3	143,9	103,7	89,3	65,8
Обработка дерева	171,2	150,0	114,7	106,3	93,3
Производство и передача физических сил	38,7	56,2	51,9	72,9	48,5
Всего	5620,8	5690,4	6389,7	6831,4	4344,1
В процентах к 1913 г.	100,0	101,2	113,7	121,5	77,3

Источник: *Воробьев Н. Я.* Указ. соч. С. 152–153.

По темпам роста, а затем (с 1915 г.) и по абсолютным показателям среди отраслей тяжелой промышленности на первое место вышла металлообработка, обильно снабжавшаяся военными заказами и получившая преимущества и льготы по снабжению предприятий необходимыми ресурсами и оборудованием. Так, по данным Совета съездов представителей металлообрабатывающей промышленности, до июля 1916 г. только 39 заводов вложили в расширение и оборудование цехов и отделов более 130 млн руб. Из них 15 заводов приобрели свыше 7 тыс. станков. Общая же стоимость оборудования всех частных работавших на оборону заводов, не превышавшая до войны 100 млн руб., теперь составляла около 1 млрд руб.* Уже в 1914 г. стоимость продукции отрасли выросла примерно на 13 %, за 1915 г. она увеличилась в 2,3 раза, в 1916 г. – в 3 раза по сравнению с довоенной. И даже при заметном спаде производства в 1917 г. показатели ее были выше, чем в 1913 г. Этот рост был достигнут главным образом за счет выпуска вооружений и боеприпасов, стоимость производства которых в 1916 г. увеличилась в 14,7 раз. Правда, при этом следует иметь в виду не только учтенную девальвацию рубля, но и рост цен на военную продукцию, что, в свою очередь, требует коррективов в расчетах.

* *Бовыкин В. И., Тарновский К. Н.* Концентрация производства в металлообрабатывающей промышленности России // Вопросы истории. 1957. № 2. С. 21.

Несколько выросло в 1914–1915 гг. производство подвижного состава, рельс и оборудования для железных дорог, но уже с 1916 г. наблюдается его заметный спад. Примерно на одном уровне в эти годы оставался выпуск различного рода арматуры, необходимой для строительства, производство специальных машин, заметно сократилось производство сельскохозяйственных машин и орудий (в 1916 г. вдвое). На этом фоне следует отметить постоянное увеличение стоимости выпуска электротехнических изделий (с 8,8 млн руб. в 1913 г. до 43,2 млн в 1917 г.), рост мощностей электрических и силовых установок, а также становление отечественных авто- и авиастроения. Здесь же надо отметить и высокие темпы роста продукции химической промышленности, в значительной мере связанной с производством боеприпасов: в 1913 г. было выпущено продукции на 209,6 млн руб., в 1916 г. – на 379 млн, в 1917 г. – на 307 млн руб. Значительную долю этой продукции составляли различные компоненты взрывчатых веществ (в 1913 г. – 7,6 % общей стоимости, в 1915 г. – около 30 %, в 1916–1917 гг. – около 40 %), что достигалось в значительной мере за счет сокращения производства удобрений для сельского хозяйства.

Горная и горнозаводская промышленность, до войны лидировавшая по показателям общей стоимости производства среди подразделений тяжелой промышленности, уже с 1915 г. вступает в период сокращения выпуска продукции. Добыча угля уже в 1914 г. составила 93,3 % довоенной и держалась приблизительно на этом уровне вплоть до 1917 г., после которого уровень добычи упал до 84,2 %. Добыча нефти в 1914 и 1915 гг. держалась примерно на уровне 1913 г., а с 1916 г. падает с 87 % до 75 % в 1917 г.* Стоимость выплавленного чугуна уменьшилась до 97 % в 1914 г., затем в 1916 г. составила 90 %, а в 1917 г. – 74 % довоенной; выплавка железа и стали упала с 97,4 % в 1914 г. до 81 % в 1915 г., несколько поднявшись в 1916 г. (до 83,5 %), затем она опять снизилась до 63 %. И это на фоне резко возросшей потребности в топливе и металле.

Стоимость продукции важнейших отраслей легкой промышленности (пищевой, текстильной, кожевенной), даже несмотря на подключение значительной ее части к снабжению многомиллионной армии, явно обнаружила тенденцию к падению. Пищевая промышленность уже в 1915 г. заметно сократила производство, в 1916 г. оно уменьшилось почти на 20 %, а в 1917 г. составило уже около половины довоенного уровня**. Текстильная отрасль, испытывав-

* По расчетам Л. Б. Кафенгауза, в которых использованы более полные данные о добыче угля, антрацита и нефти на всей территории России, валовые показатели в этих отраслях были выше довоенных. Но при этом следует иметь в виду, что если в 1913 г. потребление угля железными дорогами составляло 26 % суммарного расхода топлива, то в 1916 г. – 40 %. (Война и топливо. 1914–1917 гг. // Война и народное хозяйство России. № 24–28. М.; Л., 1930. С. 15).

** На сокращении производства этой отрасли заметную роль сыграло закрытие винокуренных, водочных и пивоваренных заводов. С 1914 по 1916 г. было закрыто 661 предприятие с 16 712 рабочими. (См.: Кафенгауз Л. Б. Указ. соч. С. 174).

шая недостаток хлопка, красителей, также уменьшила выпуск продукции, несмотря на огромные заказы военного ведомства. Наиболее благополучные в этом плане льняная и пеньковая отрасли, увеличив производство в 1914–1915 гг. примерно на 30 %, затем также вынуждены были начать сокращение. Лишь кожевенные предприятия, благодаря подключению к заготовлению сырья кооперативов, показывали прирост продукции за все военные годы.

В целом, как свидетельствуют приведенные данные, за годы войны произошло существенное, во многом стихийное изменение общей структуры промышленности. В результате заметно изменились пропорции между отдельными отраслями и видами производства. В значительной мере это произошло за счет перераспределения инвестиций и ресурсов в пользу отраслей, задействованных в деле обеспечения армии. Причем в эту сферу попали не только металлообрабатывающие, машиностроительные заводы, предприятия по производству взрывчатых веществ, непосредственно работавшие по заказам военного ведомства (артиллерия, стрелковое оружие, боеприпасы, военная техника и т. д.), но и предприятия смежных производств (горные, горнозаводские, металлургические и т. п.), поставлявшие сырье, материалы, топливо, а также отрасли, обеспечивавшие армию продовольствием, фуражом, амуницией и т. п.

Это вызывалось как целенаправленными действиями государственных и общественных органов по распределению военных заказов (государство становится заказчиком-монополистом на рынке не только военной, но и «мирной» продукции), так и стихийным обращением предпринимателей к более выгодным и стабильным военным заказам. На первый план, особенно по темпам роста, выходят металлообработка, машиностроение, химическая промышленность. Уступают свои лидирующие позиции пищевая и текстильная промышленность, что крайне негативно сказывалось на удовлетворении потребностей и фронта, и тыла, особенно гражданского населения.

Сложным и до конца не выясненным остается вопрос о соотношении производств военной и «мирной» промышленности. Практически невозможно точно определить круг предприятий, непосредственно работавших по заказам военного ведомства или приравненных к «оборонным» производствам, проследить их связи с предприятиями-субподрядчиками, вычленив цехи и отделы, изготовлявшие военную продукцию, из числа сугубо «гражданских» производств. По мнению А. Л. Сидорова, военная продукция составляла около $\frac{2}{3}$ всего промышленного производства и соответственно только $\frac{1}{3}$ шла на частный рынок. По данным на конец 1915 г., наиболее «милитаризованными» были металлообработка (92 %), металлургия (89 %), горная (84 %), текстильная (77 %), химическая промышленность (53 %); на предприятиях, выполнявших военные заказы, работало до 72 % рабочих*. Анализ изменения структуры промышленного производства в России в годы войны свидетель-

* Сидоров А. Л. Указ. соч. С. 371.

ствуется о нарастании отраслевого дисбаланса в российской экономике в целом, что грозило крайне тяжелыми последствиями, действительно сказавшимися в 1917–1918 гг.

Весьма противоречивые тенденции наблюдались также в технической и в производственно-организационных сферах. Предприниматели, получив крупные авансы при заключении военных контрактов, увеличив путем выпуска акций и облигаций основные и оборотные капиталы фирм, вложили немалые средства в расширение предприятий, обновление оборудования, станочного парка, электрических станций, силовых установок, внедряли технологии массового, серийного производства, что и позволило значительно увеличить выпуск продукции, особенно вооружения и боеприпасов. В период войны происходит широкомасштабное перепрофилирование заводов на выпуск наиболее востребованных предметов вооружения. Прежде всего это 3-дюймовые снаряды, дистанционные трубки, взрыватели и т. д. Данные процессы происходили часто за счет основной продукции. Наиболее характерен здесь пример Сормовского завода, который увеличил объемы производства снарядов в 140 раз за счет сокращения выпуска паровозов и вагонов. В результате выпуск паровозов по стране сократился с 654 штук в 1913 г. до 420 в 1917 г.*

Вряде случаев имелись достаточно удачные попытки организации кооперирования предприятий при выполнении крупных заказов – «Гранатный комитет» под эгидой правления общества Путиловских заводов и Организация ген. С. Н. Ванкова при ГАУ, наладившие массовый выпуск снарядов; Химический комитет ГАУ под руководством академика-генерала В. Н. Ипатьева, объединивший около 200 казенных и частных предприятий и увеличивший в 15 раз производство взрывчатых, отравляющих веществ и средств химической защиты; кооперирование предприятий холдинга «Коломна – Сормово» в ходе работ по выполнению военных заказов по ряду номенклатур – производство снарядов, орудий, паровозов, железнодорожных принадлежностей и т. п.

Наконец, ухудшение снабжения предприятий сырьем и топливом, обострение конкурентной борьбы, крепнувшие предчувствия окончания войны и необходимости готовиться к демилитаризации предприятий и работе в новых условиях – все это приобретало реальные очертания в планах предпринимательских и банковских кругов. В частности, руководители холдинга Русско-Азиатского банка уже давно вынашивали планы переноса ряда ведущих производств на юг, ближе к энергетическим источникам и сырью. Еще в 1912 г. банк приобрел акции Общества Тульских доменных печей, преобразовав его в акционерное Общество тульских чугуноплавильных заводов. В 1915 г. последнее приступило к сооружению снарядного завода. В марте 1914 г. Русско-Азиатский и Международный банки пришли к соглашению о совместной покупке акций Новороссийского общества каменноугольного, железного и

* *Маевский И. В.* Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. С. 118.

рельсового производства (Юзовское общество). Известная история с секвестром Путиловского завода, завершившаяся в марте 1916 г. переходом предприятия в казенное управление, ускорила сделку, которая была реализована в несколько ином виде. В апреле 1916 г. Русско-Азиатский банк приобрел активы Новороссийского общества, формально передав их подконтрольному ему Русскому обществу для изготовления снарядов и военных припасов (быв. Парвийнен), которое, перебазировавшись на юг, должно было стать одним из центров нового банковского холдинга*.

Еще более масштабные операции по расширению и укреплению объединения «Коломна – Сормово» предпринял Международный банк. В 1915 г. общество Коломенского завода, получив крупный заказ на изготовление снарядов, приобрело у товарищества «Э. Липгард» Бачмановский завод, который был переоборудован в снарядный отдел головного предприятия. Кулебакский чугуноплавильный завод, снабжавший ранее объединение металлом, уже не мог обеспечивать потребности группы, и в июле 1916 г. были приобретены активы уральского общества Белорецких железоделательных заводов. В этом же году в холдинг Международного банка вошло Тамбовское металлургическое общество, затем Юрюзань-Ивановский завод князей Белосельских-Белозерских, находившийся по соседству с Белорецкими заводами. Осенью 1917 г. Белорецкое общество приобрело все имущество горного округа князя.

Война сказалась и на судьбе сбытовых объединений. Одни из них распались («Продпаровоз», «Продвагон»), другие сумели не только приспособиться к новым условиям, но и продолжали действовать, предоставив в распоряжение правительственных военно-регулирующих органов свой регистрационный и учетно-распределительный аппарат («Продамет», «Продуголь», «Кровля», синдикат меднопрокатных заводов и др.).

Наряду с обострением дисбаланса в отраслевой структуре промышленности, война обнажила и другие ее слабости, связанные с недостатками оборудования предприятий (значительную часть станочного парка составляли простейшие станки, годные лишь для выделки различных компонентов снарядов), неотработанной технологией, низким уровнем механизации и организации вспомогательных работ, что возмещалось привлечением значительной массы вспомогательных рабочих, причем не только в горной и горнозаводской промышленности, где широко применялся труд «инородцев» и военнопленных, но и в металлообработке. Все это отражалось на ассортименте и качестве продукции. Причем проблемы с качеством были не только у небольших заведений, не обладавших необходимым оборудованием и опытом работы. Даже Сормовский завод не мог справиться с изготовлением, например, винтовочных стволов, а Путиловский завод долгое время не мог наладить производство

* Бовыкин В. И., Тарновский К. Н. Концентрация производства в металлообработывающей промышленности России // Вопросы истории. 1957. № 2. С. 21–22; Бовыкин В. И. Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. М., 2001.

легких орудий системы Шнейдера образца 1913 г., потому что оказался не в состоянии освоить выплавку специальных сортов стали*.

Недостаток квалифицированного персонала и качественного оборудования не позволил российским предпринимателям в полной мере воспользоваться опытом союзников по широкой мобилизации промышленности и особенно в привлечении на принципах кооперации мелких и средних заведений. Привлечение последних, особенно в системе общественных организаций, в итоге часто отрицательно сказывалось и на работе крупных предприятий, которые теряли время на исправление брака при приемке продукции заказчиками и были часто вынуждены отвлекать свои ресурсы и специалистов на постановку производства в заведениях субподрядчиков. Если отечественные предприятия, в конце концов, сумели сравнительно успешно справиться с производством снарядов легких и средних калибров, то удовлетворить потребности армии в снарядах для тяжелой артиллерии так и не удалось. В целом проблема качества военной продукции не была решена. На заседании снарядного отдела Московского военно-промышленного комитета, состоявшемся в феврале 1916 г., среди причин задержек сдачи корпусов снарядов помимо объективных факторов (в частности, опозданий с доставкой сырья) были названы: особая точность и новизна работы, требующая серьезного переоборудования предприятий и наладки станков; недостаток опытных рабочих рук; повышенные требования при приеме снарядов военными приемщиками**. На некоторых операциях по изготовлению снарядов заводы давали до 35–40 % брака. Отчасти это обстоятельство послужило поводом и причиной сокращения военных заказов мелким и средним предприятиям, работавшим в системе военно-промышленных комитетов, Земского и Городского союзов.

Существенно сказывалась на организации производства и получении заказов и практика ценообразования на частных предприятиях. Зачастую разница в ценах между казенными и частными заводами при выполнении заказов на одни и те же предметы вооружения и снаряжения составляла едва ли не 100 %. Это объяснялось несколькими факторами. Конечно, несомненно, имело место стремление предпринимателей максимизировать свою прибыль, что дало повод властям и прессе развернуть широкую кампанию по обвинению буржуазии в наживе и недостаточном патриотизме. Но все же следует иметь в виду и то обстоятельство, что принципы ценообразования и финансово-производственной отчетности у частных и казенных предприятий изначально были несопоставимы***. Казенные военные заводы были изолированы от

* Шаров П. Влияние экономики на исход мировой войны. 1914–1918. М.; Л., 1928. С. 4, 41–42.

** Кюнг П. А. Документы военно-промышленных комитетов как источник по истории российской научно-технической мысли начала XX в. // Материалы XVIII Годичной научной конференции ИИЕТ–2012. 17–19 апреля 2012 года. М., 2012. С. 159–162.

*** О «коммерческом» управлении государственной промышленностью см.: Поликарпов В. В. От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. М., 2008. С. 218–241.

рынка и находились фактически на содержании государства. В цену же, выставляемую частными контрагентами, помимо собственно стоимости изделия закладывались и расходы на переоборудование предприятий; на банковские гарантии при заключении контрактов и авансирование платежей за сырье и топливо, которое вследствие дефицита рынка приходилось изыскивать с большим трудом, зачастую переплачивая; и риски, связанные с возможным прекращением военных действий и соответственно с поступлением новых заказов. Между тем военное ведомство далеко не всегда учитывало эти обстоятельства, а экспертных структур, типа смешанных третейских учреждений, действовавших в Англии, в России не было.

Пожалуй, впервые в истории войн, которые вела Россия, активное участие в мобилизации производительных сил страны приняла и российская наука. В годы войны, на фоне разрыва научно-технических связей с западноевропейскими странами, прежде всего с Германией, начинается активное участие Императорской Академии наук в прикладных исследованиях. Уже на первом этапе мобилизации, с середины 1915 г., члены Академии привлекались к работе специализированных отделов военного ведомства и Центрального ВПК (химического, авиационного, топливного и др.). В местных военно-промышленных комитетах также были созданы отделы изобретений*. На их заседаниях рассматривались предложения по созданию новых и усовершенствованию существующих видов вооружения и армейского снаряжения**.

Когда деятельность отделов стала достаточно известной, к ним стали обращаться военные учреждения, в том числе ГАУ и Главное военно-техническое управление, с просьбами устранить те или иные недостатки в изготовлении вооружения и снаряжения***. Представители Академии участвовали также в работе Особых совещаний, выступали в качестве научных консультантов отдельных заводов и учреждений. В годы войны была создана Комиссия по изучению естественных производительных сил России под председательством академика В. И. Вернадского. Основными направлениями ее работы стал поиск новых месторождений минеральных ископаемых для обеспечения промышленности сырьем и топливом, изучение производительных сил страны, состояния людских и материальных ресурсов, а также оптимизация их использования****.

* *Сергеев С. Л.* Военно-промышленные комитеты в годы Первой мировой войны. М., 1996. С. 85–109.

** Списки изобретателей с указанием изобретений см.: ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 73.

*** РГВИА. Ф. 13251. Оп. 1. Д. 493, 1169.

**** *Колчинский Э. И.* Академия наук и Первая мировая война // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны / Под ред. Э. И. Колчинского, Д. Байрау, Ю. А. Лайус. СПб., 2007. С. 194, 196; *Букипан Я. М.*

В заключение приведем данные о производстве российской промышленностью основных предметов вооружения, поскольку задача снабжения армии являлась первостепенной в годы войны.

Довольно сложно назвать отрасль, которая была самой важной для обеспечения армии. Наибольший общественный интерес вызывало производство снарядов. Именно на «снарядный голод» был направлен гнев оппозиционных политических деятелей в 1915 г. Первая попытка решения вопроса с производством снарядов в виде Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части под председательством великого князя Сергея Михайловича, созданной в феврале 1915 г., закончилась неудачей.

Более успешной оказалась работа организации генерал-майора С. Н. Ванкова по производству снарядов. Причины следует искать в организаторских способностях ее руководителя, наличии у него огромной административной власти, которая позволяла непосредственно договариваться с производителями и поставщиками сырья, вербовать необходимую рабочую силу. В целом деятельность группы Ванкова продемонстрировала возможности мобилизационной экономики по быстрому вовлечению в дело производственных мощностей.

Общественные и предпринимательские организации также принимали активное участие в решении «снарядного вопроса». Всего к 1917 г. военно-промышленными комитетами было построено 120 собственных предприятий, из которых относительно большую часть (49) составляли снарядные заводы*. В результате к концу 1916 г. количество произведенных снарядов для 3-дм орудий уже перекрывало потребности фронта. Но для использования снарядов необходимы были орудия, а их выпуск отставал.

Повышением производства ружей и пулеметов занималось ГАУ во главе с А. А. Маниковским. В результате его усилий к марту 1916 г. ежемесячный выпуск винтовок удалось довести с 55 до 100 тыс. штук за счет широкомаштабных инвестиций в перевооружение заводов новыми станками и расширение производства. Дальнейший рост сдерживали трудности с поставками специальных сортов стали для ружейных стволов. Производство пулеметов к сентябрю 1916 г. удалось увеличить в 20 раз путем установки новых станков на уже имевшихся заводских площадях**. Однако в целом в области обеспечения армии винтовками и пулеметами курс был взят на зарубежные поставки, хотя промышленность союзников была загружена заказами и не могла быстро выполнять контракты. Были отвергнуты неоднократные предложения о строительстве частных оружейных заводов. Это объяснялось, прежде всего, сомнениями военных в способности предпринимателей в необходимые

Военно-хозяйственная политика: формы и органы регулирования народного хозяйства за время мировой войны 1914–1918 гг. М.; Л., 1929. С. 305.

* Списки собственных предприятий ВПК. Пг., 1917. С. 26.

** Сидоров А. Л. Указ. соч. С. 434.

сроки предоставить требуемое количество вооружения нужного качества. Производство патронов также не было способно удовлетворить действующую армию. Петроградский и Луганский заводы не справлялись с заказами, несмотря на переоборудование, проведенное в первой половине 1915 г. Поэтому патроны активно закупались за границей.

С началом войны существенно вырос спрос на артиллерию. В связи с высокой сложностью изготовления артиллерийских орудий основная нагрузка легла на заводы, уже работавшие в этой сфере. Петроградский оружейный завод, единственный находившийся в распоряжении ГАУ, представлял собой крупную мастерскую и не был способен решить проблему. Обуховский завод занимался производством артиллерии крупных калибров и смог начать выпуск легких орудий лишь в 1915 г. Пермский пушечный завод даже к середине войны не смог завершить свое техническое перевооружение. В итоге основная нагрузка по снабжению армии орудиями легла на Путиловский завод. Несмотря на все трудности, в 1916 г. «старым» заводам все же удалось удовлетворить потребности армии в легкой, но не в тяжелой и осадной артиллерии*.

В специфическом положении оказалось судостроение. До войны на строительство военно-морского флота выделялись огромные суммы. «Большая» морская программа предусматривала создание нескольких крупных заводов, которые должны были строить дредноуты и линейные крейсера. Но большая часть заводов в начале войны находилась еще в стадии постройки. Ситуацию усугубляло и то, что крупные военные корабли оказались в мировую войну невостребованными. Превосходство германского военно-морского флота не давало надежд на успех морских операций на Балтике, поэтому заказы кораблестроительным предприятиям ограничивались небольшим количеством эсминцев и судов подобного класса, а основные средства вкладывались в производство вооружений для сухопутных частей.

В период войны практически с нуля начала создаваться российская авиационная промышленность. Казенные заводы не работали в области авиастроения, а существовавшие до войны частные предприятия представляли собой, по существу, лишь небольшие мастерские. К относительно крупным авиационным заводам относились «Дукс» и «Русско-Балтийский вагонный завод», производившие самолеты в небольшом количестве, а к моторным заводам – «Гном и Рон», собиравший лишь 5–7 моторов в месяц, да и те из иностранных комплектующих. Но наладить производство аэропланов и авиамоторов на ряде частных заводов все же удалось. В итоге на 1 ноября 1916 г. отечественная промышленность поставила армии 2050 аэропланов и 920 моторов**. Хотя это количество не удовлетворяло потребности армии, тем не менее мож-

* *Бескровный Л. Г.* Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986. С. 91.

** *Сидоров А. Л.* Указ. соч. С. 187.

но говорить о бурном развитии авиастроительной промышленности по сравнению с довоенным периодом. Ее сдерживали недостаток подготовленных технических кадров и слабое развитие смежных отраслей, в первую очередь автомобилестроения.

Фактически заново была создана и химическая промышленность, связанная с военными нуждами. Ранее около 50 % химических изделий ввозилось из-за границы, преимущественно из Германии. Война потребовала существенного увеличения продукции, связанной с производством взрывчатых веществ. Для удовлетворения потребностей фронта требовалось организовать целую новую отрасль. Активную роль в создании собственной химической промышленности сыграл Химический комитет Главного артиллерийского управления во главе с В. Н. Ипатьевым. Серьезной проблемой стало отсутствие селитры. До конца войны ее добычу в России наладить не удалось, спрос покрывался ввозом из Чили. Для производства взрывчатых веществ требовалось и увеличение выработки бензола. Для этого к 1916 г. было построено немалое количество коксовых печей. Благодаря В. Н. Ипатьеву с февраля 1915 г. по февраль 1916 г. производство взрывчатых веществ удалось увеличить в 15 раз. К 1917 г. под началом Химического комитета работало около 200 заводов, производивших взрывчатые и отравляющие вещества, а также средства химзащиты (противогазы)*.

* * *

Таким образом, в целом влияние войны на состояние и развитие российской промышленности оказалось достаточно неоднозначным. С одной стороны, она дала определенный импульс становлению новых, современных производств и целых отраслей – авиа- и автостроению; строились заводы по изготовлению различных средств связи – радио, телеграф, телефон; химическая промышленность пополнилась новыми видами производств, металлургия и металлообработка – специальными сплавами и отливками и т. д. Предприятия, особенно металлообрабатывающие и машиностроительные, оснащались современными станками, более мощными и экономичными силовыми установками, внедрялись новые технологии, все большее распространение получала серийная, поточная организация производства. Наметились тенденции к перемещению предприятий ближе к источникам сырья, топлива, рабочей силы, что меняло картину промышленного районирования. Заметно активизировался процесс концентрации и централизации производства и капиталов.

Наряду с этим война оказала существеннейшее влияние на структуру промышленности, усилив дисбаланс в развитии и состоянии важнейших ее отраслей, наметившийся еще в предвоенные годы. Производство транспортных средств, сырьевая и топливная база во все большей степени не обеспечивали

* *Маевский И. В.* Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. С. 126, 130.

потребности ни армии, ни тыла. Наряду с производствами, заметно прогрессирующими в темпах и объемах выпуска продукции, к которым относились предприятия, непосредственно задействованные в работе на оборону, ряд отраслей, особенно обеспечивавших потребности частного рынка, городского и сельского населения, в годы войны стагнировали и даже деградировали.

Начиная с 1914 г. неуклонно снижается поступление оборудования на предприятия, не производящие оборонную продукцию, в два раза сократилось производство средств транспорта, более чем в четыре раза – сельскохозяйственных машин. Попытки властей привлечь через кооперацию, земские и городские общественные учреждения мелкую кустарно-ремесленную промышленность к изготовлению обмундирования для армии и предметов «мирной» продукции для населения (простейших орудий и машин для сельского хозяйства, сооружение мельниц, крупорушек и других небольших предприятий для переработки пищевых продуктов и т. п.) проблему решить не могли*. К концу войны характерной чертой состояния ряда важных отраслей стал износ основных фондов, обгонявший процесс их обновления. Таким образом, происходило постепенное накапливание кризисных явлений в промышленности, подрывавших в конечном счете основы всей российской экономики.

* См.: *Корелин А. П.* Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг. М., 2009. С. 287–356; *Тарновский К. Н.* Мелкая промышленность России в конце XIX – начале XX в. М., 1995. С. 203–248.

Глава 2. РОССИЙСКАЯ ДЕРЕВНЯ И ВОЙНА

(Н. Ф. Тагирова)

В начале XX в. сельское хозяйство оставалось ведущим сектором экономики страны, приносящим свыше 50 % национального дохода. Россия была известна на мировом рынке как экспортер сельскохозяйственной продукции, прежде всего зерна. Земельный фонд империи на 1915 г. насчитывал 281 млн дес. Казенные, или государственные, земли (32,6 %) вкуче с земельными владениями императорской семьи (0,4 %) занимали треть всех владений. Частным владельцам, среди которых преобладали дворяне, государственные чиновники, купцы и разбогатевшие крестьяне, принадлежала четверть земель (24,2 %). Примерно 43 % земельного фонда оставалось в крестьянском общинном владении.

Разнообразие природных и сельскохозяйственных районов империи не поддается односложному описанию. Специализация (земледельческая, земледельческо-животноводческая, скотоводческая) в целом определяла место того или иного региона в товарном обмене. Черноземные районы (Центрально-Черноземный, Поволжье, Украина, Юго-Западный) были главными производителями зерна и продуктов растениеводства. В нечерноземных селениях (Центральный промышленный, Северный и Северо-западный, горный Урал) жители занимались животноводством, кустарными промыслами, выращивали лен и другие технические культуры. Сельскохозяйственные районы страны различались по степени вовлеченности в товарный и рыночный обмен, социальным условиям. Но реальная жизнь в российской деревне зависела от соотношения множества не только природных, экономических, социальных условий и обстоятельств. По мере удаления от центра, за Волгой и особенно за Уралом, в Западной Сибири, свободнее развивались предпринимательские хозяйства, индивидуальные или кооперативные. Даже повсеместно присущая сельскому хозяйству зависимость от погодных условий проявлялась по-иному. Если в европейской части страны был урожайный год, то за Уралом, как правило, случался недород.

Об основных изменениях в сельском хозяйстве за годы войны можно судить по материалам Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. и Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. В краткосрочном аспекте (4–5 лет) наиболее отчетливым показателем изменений является не урожайность и сборы основных сельскохозяйственных культур, а динамика посевных площадей. Перепись 1916 г. учитывала раз-

мер посевных площадей 1915 г., численность населения, поголовье рабочего скота. Обследованию подверглось 5 % крестьянских и частновладельческих хозяйств. Эти выборочные данные, сгруппированные по уездам, губерниям, а затем по районам (Европейская Россия, Кавказ и Степной край, Сибирь, Дальний Восток), стали основой для анализа сельскохозяйственных изменений в стране для многих поколений исследователей.

Согласно данным переписи 1916 г., в европейской части страны посевы главных зерновых культур уменьшились. При этом уменьшение было примерно одинаковым в районах черноземных, специализировавшихся на земледелии (на 8,6 % в 1916 г. по сравнению со среднегодовыми данными 1911–1915 гг.), и нечерноземных, где занимались преимущественно скотоводством и промыслами (на 8,3 %). Следующий год зафиксировал дальнейшее уменьшение посевных площадей, при этом были видны уже существенные региональные различия: в Нечерноземной зоне сокращение посевов составило 13,5 %, в Черноземной – 8 % (см. табл. 1). Российская деревня приспособлялась к войне по-разному.

Таблица 1

Посевы зерновых в России (зерновые, крупяные культуры, лен, картофель, конопля), 1911–1917 гг., тыс. дес.

Районы	1911–1915 гг., среднегод.	1913 г.	1916 г.	1917 г.
Нечерноземная полоса Европейской России	15 607,1	15 771,1	14 314,9	13 507,2
	100,0 %	101,1 %	91,7 %	86,5 %
Черноземная полоса Европейской России	52 270,4	52 821,7	47 759,1	47 592
	100,00 %	101,05 %	91,37 %	91,05 %
Итого по Европейской России	67 877,5	68 592,8	62 073	61 499,2
	100,0 %	101,1 %	91,4 %	90,6 %
Северный Кавказ	6883,1	7120,2	5422,8	–
	100,0 %	103,4 %	78,8 %	–
Сибирь	5800	6128	6009,2	6753,3
	100,0 %	105,7 %	103,6 %	116,4 %
Степной край	4673,3	4591	5582,2	5777,5
	100,00 %	98,24 %	119,45 %	123,63 %
Итого по Азиатской России	17 356,4	17 839,2	17 094,2	17 953,6
	100,0 %	102,8 %	98,5 %	103,4 %

Источник: Сельское хозяйство России в XX веке. Сборник статистико-экономических сведений за 1901–1922 гг. / Под общей ред. Н. Д. Кондратьева. М., 1925. С. 78–91, 102–107.

В Европейской России в 1917 г. уменьшение посевов на 9,4 % означало абсолютное сокращение на 6,3 млн дес. В азиатской части империи, напротив, площадь посевов выросла (на 23 % в Степном крае, Сибири на 16 %), но в абсолютных показателях этот прирост (1 млн дес.) был несопоставим с потерями центральной России. Это означало, что земледельческие Заволжье, Южное Приуралье, Западная Сибирь и Туркестан – районы, отдаленные от театра военных действий, не компенсировали потерь центральных и северо-

западных районов страны. В Сибири и Приуралье производство зерновых шло по нарастающей даже в 1918–1919 гг.* В климатическом отношении это были благоприятные годы, но увеличение посевов здесь не могло удовлетворить спроса армии и городского населения империи.

Ядром аграрного сектора была крестьянская деревня. Она демонстрировала самые разные типы и способы приспособления к условиям хозяйствования начала XX столетия. В центральных районах европейской части России, казачьих землях сохранялось и преобладало общинное землепользование. Индивидуальные хозяйства семейного (трудового) типа были ведущими в северных, нечерноземных уездах. Заволжье, Приуралье, Западная Сибирь при всем разнообразии крестьянских хозяйств выделяли семейно-фермерские (без применения найма) и фермерские хозяйства**. Крупные владения, преимущественно дворянские, были распространены в Западном, Центральном промышленном, Центральном черноземном, Прибалтийском районах. Помещичьи владения могли занимать сотни и тысячи десятин плодородной земли. На периферии, в Южном степном, Приуральском, Юго-восточном районах среди землевладельцев немало было купцов, крестьян, а также крестьянских товариществ (15–25 % земли). Все эти хозяйства, разные по размерам, способам организации, видам собственности и возможностям получения доходов, соседствовали друг с другом, создавая мозаичную картину не только по крупным регионам, но и в пределах одной губернии.

В производственном отношении хозяйства помещиков и крестьян были неразрывно связаны друг с другом. Крестьяне часто арендовали земли у соседа-помещика (на год, два-три сезона или брали в долгосрочную аренду). Другой формой зависимости уже помещика от крестьянина была потребность в крестьянском труде на посевных или уборочных работах, молотье или при косьбе. Гужевого извоз на станцию или местный базар также не обходился без крестьянской лошадки. При любом уровне технического и машинного обеспечения крупный землевладелец был связан с крестьянским хозяйством. При этой экономической взаимозависимости социальные отношения в деревне были накалены.

Современные исследования констатируют непрекращающиеся в центральной России с 1902 г. крестьянские выступления, характеризуемые как крестьянская революция. В ее основе – глубокое неприятие помещичьего землевладения, нараставшее еще с пореформенного времени, недовольство крестьянской общины размерами обеспечения землей. Вспышки этого недовольства в начальный период мировой войны поутихли, но готовы были раз-

* Рышков В. М. Зерновое хозяйство Сибири в годы Первой мировой войны // Ежегодник аграрной истории Восточной Европы. 2012. № 2. С. 296.

** Сельское хозяйство // Экономическая история России с древнейших времен до 1917.

гореться в любой момент. Крестьянство, вступавшее в трудовую жизнь в начале XX в., было крестьянством эпохи нарастающей революции^{*}.

Довоенную деревню европейской части страны, в отличие от других, удаленных от центра, районов, отличало, пожалуй, неразрывное экономическое единство крестьянского и помещичьего хозяйствования на земле при перманентном социальном конфликте.

1. Сельские хозяева в реалиях военного времени

Война пришла в деревню вместе с воинскими мобилизациями мужчин трудоспособного возраста, когда начался призыв в действующую армию. Первые мобилизации проводились каждые 2–3 месяца. Из деревни уходила основная рабочая сила – мужчины трудоспособного возраста и лошади, без которых невозможны сельскохозяйственные работы. К сентябрю 1917 г. в армию было призвано 15,8 млн человек трудоспособных мужчин, примерно половина от их общего числа (47,4 % в Европейской России, в Западной Сибири – 50 %) ^{**}.

Военные призывы уже осенью 1914 г. осложнили уборку урожая как в крестьянском, так и помещичьем хозяйствах. В черноземных районах страны из-за «аграрного перенаселения» дефицит рабочих рук не ощущался, а потому оплата труда на уборке урожая выросла незначительно. В Зауралье, Западной Сибири дефицит рабочей силы стал сразу заметен. В 1914 г. крестьянские хозяйства на оплату труда пустили первые свободные деньги (пайковые средства, полученные в качестве компенсации за мобилизованных). Местные крестьянские кооперативы и сельские ссудо-сберегательные общества выдавали льготные кредиты для найма рабочих на уборку урожая семьям, оставшимся без работников, формировали благотворительные фонды для оплаты труда батраков^{***}. В сельскохозяйственные работы все больше стали включаться женщины, оставляя детей в первых детских яслях.

Помещики и другие крупные собственники земли искали свои способы выхода из ситуации. Они были связаны с использованием труда военнопленных и беженцев, с осени 1916 – 1917 г. – студентов и молодежи, привозимых из городов для уборки урожая. Беженцев распределяли уездные земства, пленными занимались местные губернские власти. Общее число привлеченных на сельскохозяйственные работы пленных превышало 1 млн человек, большую часть которых (до 80 %) использовали помещики европейской части страны. Весной 1916 г. таких работников насчитывалось 818,1 тыс. человек (в том числе в распоряжении Министерства земледелия 460,9 тыс., или 56,3 %), осенью

^{*} Данилов В. П. История крестьянства в России в XX веке. Избранные произведения. Т. 2. М., 2011. С. 208.

^{**} Рынков В. М. Зерновое хозяйство Сибири в годы Первой мировой войны. С. 292.

^{***} Там же.

1916 г. – уже 1114,4 тыс. (в ведении Министерства земледелия – 646 тыс.)^{*}. Заявки в местные и центральные органы власти на рабочую силу поступали от помещиков центральных, волжских и других районов страны. В Сибири в 1915 г. на сельскохозяйственных работах трудилось до 60 тыс. человек, в 1917 г. – от 40 до 90 тыс. Масштабные перевозки пленных по стране создавали большие трудности. В 1915 г. на восток, в Западную Сибирь, перевезли 18,5 тыс. пленных, а в 1916 г. из-за недостатка рабочих рук в центральных районах, отправили обратно, в западном направлении^{**}. Пленных распределяли большими партиями (1–10 тыс. человек) по крупным товарным хозяйствам. Случалось, что у зажиточных сибирских крестьян они проживали небольшими группами (до 10 человек), не только летом и осенью, в пору активных работ, но и зимой. К сельскохозяйственным работам привлекали также китайцев, киргизов из соседних областей.

Все эти меры не изменили негативной тенденции – деревня лишалась трудовых ресурсов. В 1917 г., по данным сельскохозяйственной переписи, подавляющее большинство губерний (81 %) испытывало недостаток работников. При этом массовое использование труда пленных, мобилизованных граждан, беженцев создавало принципиально иные трудовые отношения в сельском хозяйстве, где вольному найму оставалось все меньше возможностей^{***}. Немотивированный труд был малоэффективен, тогда как расходы на него (государственные и частные) неуклонно росли.

Реквизиции рабочего скота, прежде всего лошадей, также имели серьезные негативные последствия. По разным подсчетам, в годы войны по мобилизациям, реквизициям, закупкам в армию было взято 2,6–5 млн лошадей. В Европейской России поголовье лошадей – основной рабочей силы – сократилось с 17,9 (1914 г.) до 12,8 (1917 г.) млн голов^{****}. Без рабочего скота хозяйство становилось недееспособным, установленный севооборот нарушался, недостаток естественных удобрений приводил к истощению почвы.

^{*} *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. С. 452.

^{**} *Рышков В. М.* Зерновое хозяйство Сибири в годы Первой мировой войны. С. 296.

^{***} По расчетам *И. Д. Ковальченко, Н. Б. Селунской и Б. М. Литвакова*, в Европейской России к 1917 г. в хозяйстве помещиков сбалансированность основных производственных компонентов (тягловой силы, инвентаря и наемных рабочих) сохранялась в Центрально-Промышленном, Волжско-Вятском и Средневолжском районах, значительно меньше – в Центральном Черноземном районе и на Украине (*Ковальченко И. Д., Селунская Н. Б., Литваков Б. М.* Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. Источники и методы изучения. М., 1982. С. 207–208).

^{****} *Лященко П. И.* История народного хозяйства СССР. Т. 2: Эпоха капитализма. М., 1956. С. 635–637.

Все эти обстоятельства подталкивали сельских хозяев к активному использованию сельхозтехники, но она быстро изнашивалась. Возможности замены или ее ремонта резко сократились. Импорт, прежде удовлетворявший до половины потребности, упал. Собственное промышленное производство сельскохозяйственных орудий было практически свернуто. Ремонт в местных в кустарных мастерских из-за недостатка металла осложнялся. По подсчетам А. Л. Сидорова, объем собственного производства машин в 1916 г. составил 14,4 % от довоенного уровня, импорта – 8,1 % (расчеты в тыс. руб.). Реальное использование (потребление) машин в пересчете на довоенные цены было катастрофически низким – на уровне 7,4 % от довоенного* (см. табл. 2).

Таблица 2

Импорт сельскохозяйственных машин в Россию, 1909–1917 гг., тыс. пудов

Виды сельхозтехники	В среднем за 1909–1913 гг.	1914	1915	1916	1917
Машины простые	3749	3089	106	144	303
Машины сложные	3546	2938	103	247	1423
Жнейки-сноповязалки	1658	1119	18	134	543
Жнейки с соломосбрасывающим устройством	604	632	51	49	724
Ручные инструменты	386	336	129	146	58
Плуги	928	1016	25	1,4	8,6
Сеялки	313	97	10	–	–

Источник: Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973. С. 453, 457.

Хозяйства помещиков война поставила в экстремальные условия. Земельные собственники были глубоко вовлечены в кредитные отношения. Только по ипотечным кредитам дворяне-землевладельцы выплачивали 250–270 млн руб. в год**. А были еще целевые кредиты (соло-вексельный, мелиоративный, залоговый на сельскохозяйственные товары и др.). Разнообразные связи с торговым, промышленным капиталом империи, и при этом зависимость от крестьянского хозяйства (в части использования их труда, инвентаря, скота), делали помещичье хозяйство неустойчивым при непредвиденной перемене сложившихся обстоятельств. Изменение ситуации на рынке рабочей силы и сельскохозяйственной техники, рынке капиталов, падение спроса на арендную землю со стороны крестьян – все это усложнило ведение крупного хозяйства. При этом рост спроса на сельскохозяйственную продукцию, увеличение государственных закупок для армии побуждали помещиков к поддержанию прежнего уровня хозяйствования и использованию подневольного

* Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. С. 453, 457.

** Ковальченко И. Д., Литваков Б. Г., Селунская Н. Б. Указ. соч. С. 115.

труда. Ориентированное на внешний сбыт хозяйство помещиков переживало серьезную и глубокую перестройку. К 1917–1918 гг. оно оказалось на грани хозяйственной катастрофы.

До войны (в 1912–1913 гг.) почти четверть пашни (23–25 %) помещики сдавали в аренду крестьянам, особенно в среднечерноземных и южных районах Европейской России. Здесь земли были плодородными, а крестьянские наделы – недостаточными. Высокие арендные платежи обеспечивали земельным собственникам постоянную ренту. Во время войны спрос на аренду земли, а значит, и доходы помещиков резко сократились. Кредитная задолженность из-за несвоевременных платежей, новых залогов и перезалогов росла. Результатом всех этих новых условий стала значительная «недовозделанность» помещичьей запашки. Часть крупных хозяйств европейской России, по данным на 1917 г., была просто выключена из сельскохозяйственного производства*. Роль помещиков в общем сельскохозяйственном производстве, и без того низкая, достигла, видимо, минимального порога. По данным переписи 1916 г., в Европейской России доля частных владельцев, у которых находилось 49,7 % земли, в посевах занимали всего 11 %. До войны из помещичьих хозяйств на рынок поступало до половины выращенного урожая (47 %), теперь – всего пятая часть (20,6 %). До войны четверть пахотных угодий помещики сдавали в аренду. Теперь к этим, фактически уже не возделываемым землям, добавилось и сокращение (тоже в среднем на 25 %) собственных посевов. В 1917 г. из довоенных 100 дес. посева в среднем не обрабатывалось около 25 дес.** Сравнение динамики посевов у крестьян и помещиков, проведенное А. М. Анфимовым, показывает, что у крестьян за 1914–1916 гг. площадь посевов зерновых и бобовых сократилась на 11,7 % (с 77,30 млн дес. до 68,28 млн), а у помещиков – на 22,3 % (с 8,41 до 6,63 млн дес.)***.

Неслыханная для российского крестьянина реальность – пустующая земля без работника – накаляла социальную обстановку в деревне. Латентный конфликт между помещиками и крестьянами начал переходить в активную форму во второй половине 1915 г., что проявилось в росте погромов помещичьих усадеб и самовольных захватов. Покорившись неотвратимой войне и спокойно в целом вынося ее испытания, на втором году войны крестьяне активизировались. Весной и летом 1916 г. крестьянское движение пошло в рост: отмечено 294 выступления, 91 раз правительству пришлось применить силу

* В 1917 г. 24,4 % хозяйств помещиков в европейской России не имели никакого посева, 20,4 % – рабочего скота, 16,9 % – никакого скота. Особенно это явление было характерно для Центрально-Промышленного, Северо-Западного и Волго-вятского районов (*Ковальченко И. Д., Селунская Н. Б., Литваков Б. М.* Указ. соч. С. 124).

** Там же. С. 128.

*** *Анфимов А. М.* Российская деревня в годы Первой мировой войны. М., 1962. С. 280.

для усмирения крестьянских бунтов*. В 1917 г., летом и осенью, в центральной России ежемесячно фиксировались уже тысячи протестов**.

Крестьянская активность, которую накаляли еще и солдаты, возвращавшиеся с фронта, была направлена против ближайшего виновника всех бед – помещика. При явной неустойчивости власти в 1917 г. она вылилась в разгромную волну, которая буквально «смела» культурное помещичье хозяйство***. В 1917 г. эпицентр крестьянского недовольства находился в центральной России. С началом продовольственной диктатуры Временного, а затем Советского правительства он сместился в районы торгового земледелия и ремесла – Поволжье и Сибирь****. Производственная взаимосвязь сельских хозяев – помещиков и крестьян – в условиях войны была уничтожена.

2. Аграрный сектор в региональном аспекте

Аграрная экономика живет по законам, отличным от других сфер хозяйственной деятельности. Она тесно связана с природным фактором и климатическими условиями в разных местностях. Сам сельский труд носит сезонный характер, а его результаты имеют «отложенный характер». Поэтому исследователи за основу изучения изменений в сельском хозяйстве берут отрезки в 5–8, а иногда и 8–12 лет. Именно такой период должен пройти, чтобы перемены проявились в полной мере.

При наличии специализации хозяйство на селе не могло существовать как исключительно монокультурное. Земледелие, животноводство, частичная сельскохозяйственная переработка и местные промыслы были увязаны друг с другом и в целом сбалансированы, а хозяйственный процесс предопределен неизменной последовательностью и взаимосвязанностью операций. Вспашка

* *Поршнева О. С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 107.

** По данным В. П. Данилова, в августе 1917 г. – более 3 тыс., в сентябре 1917 г. – уже свыше 5 тыс. выступлений (*Данилов В. П.* История крестьянства в России в XX веке. Т. 2. С. 209, 220–221). Он отмечает законный характер крестьянских захватов помещичьей земли, совершавшихся по приговору крестьянского схода, затем – решению земельных комитетов, создаваемых Временным правительством. Н. Е. Хитрина отметила, что «законодательные дыры» в решениях Временного правительства, Всероссийского крестьянского съезда или программные документы политических партий толкали крестьян к расширению полномочий земельных комитетов, что приводило к аграрным беспорядкам (*Хитрина Н. Е.* Аграрная политика Временного правительства в 1917 году. Н. Новгород, 2001. С. 375).

*** *Данилов В. П.* История крестьянства в России в XX веке. Т. 2. С. 220–221.

**** *Кондрашин В. В.* Крестьянство России в гражданской войне: К вопросу об истоках сталинизма. М., 2009. С. 81.

земли всегда предшествовала посеву, а выращивание той или иной культуры (например, ржи или пшеницы) определяло количество выездов на поля в течение сельскохозяйственного сезона. «Виды на урожай» даже при хороших погодных условиях могли не совпасть с результатами сбора хлебов, если за посевами плохо ухаживали.

Севообороты при выращивании технических и масличных культур были сложнее, чем при выращивании зерновых, где еще обходились традиционным трехпольем. Сельское хозяйство было сложным организмом, где баланс между размером посевных площадей, сенокосов, выпасов, поголовьем скота, удобряемыми площадями складывался и терпеливо поддерживался десятилетиями. Война нарушила это равновесие, хотя первые негативные последствия проявились не сразу. И лишь переписи 1916–1917 гг. показали общероссийскую картину в целом.

По регионам России ситуация в аграрном секторе изменялась по-разному. В 1914 г. она практически не отличалась от предыдущего мирного года. Но осенне-зимние мобилизации и реквизиции рабочего скота 1914–1915 гг. отозвались ориентацией на посев менее трудоемких культур (тех, что требовали меньше выездов на поля). Хороший урожай 1915 г. в производящих губерниях позволил сделать хорошие запасы зерновых, но не изменил нарастающей тенденции сокращения посевов. К тому же погодные условия 1916–1917 гг. на большей части страны оказались ниже среднего, местами на грани недорода (Пензенская, Симбирская и др. губернии). И даже обильные сборы хлебов в Сибири, где урожай выдался обильный, не могли изменить общей неблагоприятной картины.

К этому времени многие крестьянские хозяйства остались без скота или с одной лошастью. Нормальное земледелие становилось невозможным. Разнообразные факты подтверждают общую тенденцию. В 1917 г. в Смоленской губернии малообеспеченных (1 лошадь) хозяйств насчитывалось до 60 %, в Тульской губернии доля хозяйств без посева составляла 6,5 %, в Калужской – 14,6 %, больше 10 % – в Симбирской и Курской губерниях*. Даже в отдаленной от центра Уфимской губернии доля малопосевных крестьян (до 6 дес. посева) составляла 68 %**. В центральной России для крестьян купить хлеб становилось предпочтительнее, чем его выращивать.

Все это, а также дефициты потребительских продуктов (сахара, масла, хлопка), порожденные нарушением торговых связей, в конечном счете влияло на образ жизни сельскохозяйственных производителей. Деревня в военную пору выработала разные поведенческие практики, определяемые сочетанием местных и общих, объективных и субъективных факторов. Многочисленные региональные исследования описывают это многообразие, приводя данные об

* Китанина Т. М. Война, хлеб, революция. Л., 1985. С. 61.

** История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX века. Т. 2. Уфа, 2007. С. 189.

общем росте или снижении хозяйственной активности. Обозначим их общие контуры.

В центральных районах страны (Промышленный, Черноземный), где у крестьян были в основном небольшие наделы, война способствовала возрождению традиционных устоев хозяйствования. Нехватка рабочих рук, скота, рыночная непредсказуемость толкали крестьянина отказаться от производительного, ориентированного на рынок поведения, в пользу сосредоточения на извечной практике самообеспечения. Фактически это означало отказ от модернизации в пользу натурализации хозяйства и ведения потребительского хозяйства.

Эта практика зримо предстает на страницах дневниковых записей крестьянина Ивана Глотова из Архангельской губернии, где преобладало трудовое семейное хозяйство. Вернулся с семьей в родную деревню из военного Петрограда, где «прожить стало очень дорогое... недостаток почти во всем» (запись от 20 ноября 1915 г.). «Домой приехали, встреча была нерадостная, холодная, неприветливая, встречали как чужих, видно было, что лучше мы бы не приезжали» (запись от 16 марта 1916 г.). Большой семье надо было ужиматься. После раздела земли с братьями начал вести собственное хозяйство. Запись от 18 марта 1918 г.: «Купил у Тихона Платоныча в Задней кобылу за 390 руб. (15 лет). В весну приступил к своему личному хозяйству. Сеяли овес, горох, ячмень и пшеницу вместе с братом Афанасием. Овес и ячмень получен для посева по договору раздела хозяйства. Паровое поле, то есть под рожь и ячмень, переорывали (перепаживали. – *Н. Т.*). Масленник после разделили, а остальное вместе, также и навоз возили вместе. Сенокос обрабатывали отдельно...»* Из скота у Глотова были одна лошадь и корова на семью из 5 чел.

Другой, предпринимательский, тип поведения просматривался в многоземельных районах (южноуральские, северо-кавказские, заволжские, сибирские губ.). Так, в Стерлитамакском, Белебеевском уездах Уфимской губернии богатые крепкие крестьянские семьи (с посевом свыше 50 дес.) проживали целыми волостями. Они сумели сохранить высокотоварный характер. 52-летняя Софья Свистунова из деревни Сергеевка Николаевской волости руководила обширным хозяйством на 111 дес., имела 48 голов скота, 5 рабочих лошадей, 60 дес. посева. Семья включала десять человек. В той же деревне 27-летняя Дарья Барякина держала бразды правления вместо мобилизованного мужа. Хозяйственный комплекс составляла земля в 120 дес., из которых засеивалось 77 дес. В хозяйстве держали 91 голову скота**. Сами хозяева трудились, не раз-

* На разломе жизни. Дневник Ивана Глотова, пежемского крестьянина Вельского района Архангельской области. 1915–1931 годы. М., 1997. С. 43, 46, 51.

** *Роднов М. И.* Крупно-крестьянское хозяйство Стерлитамакского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 1997. С. 15.

гибая спины, хилых и немощных среди них практически не было. Но и в таких хозяйствах просматривалась тенденция уменьшения посевных площадей.

Существовать отдельному хозяйственному организму фермерского типа, вплетенному в многообразные бытовые структуры, при разрушении прежних рыночных связей было едва ли возможно. Рост спроса на хлеб и мясо со стороны государства, армии, города ориентировал их на кооперативный сбыт продукции*. На юге России (Киевская, Кубанская области) в конце 1914 г. было уже свыше 40 кооперативных товариществ, объединявших до 60 % денежных средств крестьян**. Рост инициативы по кооперированию заметен по всей стране. Нарушения договорных обязательств и поставок, сбои хотя бы в одном из звеньев торговой (или хлебозаготовительной) цепи разбивали прежние рыночные контакты, нарушали сложившиеся связи. Для восстановления или установления новых требовалось время. Связи и отношения легче и быстрее можно было наладить не указами из центра, а в регионах, на местном уровне. Видимо, именно этим был вызван всплеск кооперативного движения в стране, рост кооперативных союзов, попытки объединения сил местных деловых кругов, других самоорганизующихся структур.

Война затягивалась, хозяйствовать становилось все труднее, изъятия сельхозпродукции из деревни увеличивались. Все большая часть крестьян ориентировалась на самосохранение и последующее выживание. При этом государственные меры в отношении деревни с конца 1916 г. были связаны исключительно с изъятием, реквизициями и другими силовыми способами решения обострявшегося продовольственного вопроса. Выжить в условиях традиционного, фактически натурального хозяйства было возможно, но при нарастании социальной конфронтации все реальнее становилась перспектива быть просто уничтоженным, особенно для помещиков. В 1917–1918 гг. опора на традиционные институты – прежде всего общину – часто оказывалась спасительной. Исследователи отметили повсеместную и глубокую архаизацию жизни провинциальной российской деревни этого периода.

Война вынуждала упрощать и минимизировать затраты в хозяйстве. Это означало экономию труда, выращивание простых культур и трав, которые почти не требовали обработки, упрощение севооборотов. Изменения в каждом хозяйстве в общем виде проявились как изменения в соотношении посевов зерновых, технических, масличных культур. Приоритет теперь был у культур, требовавших меньшей обработки – ржи и овса. К тому же это были главные потребительские, а не товарные культуры. Выращивание товарно-

* Рышков В. М. Зерновое хозяйство Сибири в годы Первой мировой войны. С. 291–298; Кротт И. И. Сельскохозяйственное предпринимательство: поведенческие стратегии и практики в условиях трансформации сибирского общества. 1914–1920 гг. Омск, 2000.

** Корелин А. П. Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX – начале XX в. М., 1988. С. 148.

го зерна (пшеница, ячмень, греча), масличных и технических культур резко уменьшилось. До войны рожь занимала в посевах около 28 % посевов, примерно столько же – пшеница, около 20 % – овес. На масличные, технические культуры, картофель приходилась почти четверть всех посевов. Переписи 1916–1917 гг. зафиксировали незначительные изменения в соотношении посевов главных зерновых культур, – на уровне +1–1,5 % для ржи, –5 % для пшеницы. Неизменной в среднем по империи оставалась доля овса. Но незначительные на первый взгляд подвижки, выражаемые в относительных цифрах, в реальной жизни оборачивались тысячами и сотнями тысяч десятин посевов, имели и существенные региональные особенности (см. табл. 3).

Таблица 3

Структура посевов основных зерновых культур (пшеница, рожь, овес) в Европейской и Азиатской частях Российской империи, 1916–1917 гг., тыс. дес.

Регион	Год	Рожь	%	Пшеница	%	Овес	%	Всего посевов	%
Европейская Россия									
Черноземная полоса	1916	14 250,7	29,8	12 775,1	26,8	7 478,7	15,7	47 758,1	100
	1917	14 639	30,7	12 167,8	25,6	7 633,5	16,1	47 592,2	100
Нечерноземная полоса	1916	5 719	39,9	781	5,5	4 277,4	29,9	14 314,9	100
	1917	5 491	40,6	699,3	5,2	4 154,7	30,8	13 507,2	100
Всего по Европейской России	1916	19 771,7	31,8	13 556,1	21,8	11 756,1	18,9	62 073,1	100
	1917	20 130	32,5	12 866,9	20,8	11 788,2	19,1	61 899,2	100
Азиатская Россия	1916	1 091,3	6,4	9 447,2	55,3	3 054,2	17,8	17 094,2	100
	1917	1 060,6	6,2	9 916,9	58,2	3 383,3	19,8	17 053,6	100

Источник: Сельское хозяйство России в XX веке. Сборник статистико-экономических сведений за 1901–1922 гг. / Сост.: Под ближайшей редакцией и руководством Н. П. Огановского. Под общ. ред. Н. Д. Кондратьева. М., 1925. С. 78–91, 102–107.

В войну стало заметно, что существенно увеличилась доля трав в посевах (в черноземных районах европейской части прирост за 1912–1917 гг. – 83,2 %, в нечерноземной полосе 60,8 %). Травы не требовали никакой обработки. Это отразилось и на общих сборах хлебов. В абсолютных показателях, по данным П. И. Лященко, валовые сборы всех хлебов и картофеля в предвоенное пятилетие составляли 7 млрд пуд., в 1914 – 6,9 млрд, в 1916 – около 5 млрд*.

Сборы только продовольственных зерновых снизились с 2,8 млрд (1914) до 2,2 млрд (1916–1917), а кормовых культур (ячмень и овес) – с 2,1 млрд до 1,1 млрд пудов соответственно (см. табл. 4).

Кардинальных перемен в урожайности зерновых культур за годы войны не было, хотя общее снижение заметно с 1916 г. Сокращение, а часто свертывание агрономических мероприятий, практики удобрения почвы, снижение качества семян – все это вело к общему падению агрономической культуры, формировало неэффективную «колею» долговременного действия.

* Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. 2. С. 637.

Таблица 4

**Валовой сбор хлебов и других сельскохозяйственных культур в Европейской России
(50 губерний), 1909–1917 гг. (тыс. пудов)**

Год	Продовольственные	Крупяные	Второстепенные	Картофель	Кормовые	Всего
абс.						
1909–13	2 783 712,8	232 275,6	218 521,9	2 139 418	1 635 402,8	7 009 331,6
1914	2 788 184,2	183 680,0	207 278,3	2 242 575,4	1 489 872,4	6 911 590,3
1915	2 935 393,8	228 930,9	190 547,8	1 526 824,6	1 455 250,9	6 336 940,0
1916	2 281 728,8	196 151,7	172 146,8	1 131 143,1	1 316 687,4	5 097 857,8
1917	2 167 128,0	199 013,0	188 180,0	1 229 655,0	1 247 308,0	5 031 284,0
в %						
1909–13	100	100	100	100	100	100
1914	100	78,2	95,0	104,8	91,1	98,6
1915	105,6	98,7	87,1	71,3	89,0	90,4
1916	82,0	80,2	78,9	52,9	80,5	72,7
1917	77,9	85,7	86,2	57,5	76,3	71,8

Источник: Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 126.

В эту «колею» попали целые регионы страны, например районы свекло-сахарного производства (юг Царства Польского, юго-западные территории Украины – Киевская, Подольская, Волынская губ., Курская, Черниговская губ.), где не хватало семян, прежде закупаемых за границей, в том числе в Германии. Аналогичная ситуация была с использованием минеральных удобрений, потребление которых до войны составляло около 42 млн пуд (из них внутреннее производство – 11 млн).

Производство технических культур (сахарной свеклы, хлопка) в стране фактически было свернуто. В довоенное десятилетие посевы сахарной свеклы поступательно росли, в войну – резко сократились: в 1914 г. – 701,3 тыс. дес., к 1918 г. – почти вдвое меньше (411,3 тыс. дес.), поставки свеклы на промышленную переработку уменьшились почти в 4 раза (с 61,8 до 17,7 тыс. берковцев)*. Дефицит сахара стал важным дестабилизирующим фактором продовольственной ситуации. Спрос на табак, конечно, вырос. Первое время увеличивались табачные плантации в европейской части страны (среднегодовой сбор в 1911–1915 гг. – 7633 тыс. пуд.)**. До 1916 г. увеличивались посевные площади под хлопковыми полями (с 497,8 тыс. дес. в 1913 г. до 714,3 тыс. в 1916 г.), за-

* Сельское хозяйство России в XX веке. Сборник статистико-экономических сведений за 1901–1922 гг. / Сост.: под ближайшей редакцией и руководством Н. П. Огановского; под общей. ред. Н. Д. Кондратьева. М., 1925. С. 206.

** Посевные площади под табаком в 1913 г. – 12,9 тыс. дес., в 1914 – 13,6 тыс., в 1915 – 13,2 тыс., в 1916 – 12,3 тыс., в 1918 – 11,4 тыс. дес. (Сельское хозяйство России в XX веке. Сборник статистико-экономических сведений за 1901–1922 гг. С. 203).

тем наступил резкий спад в 1917 г. Такие же колебания просматривались и в динамике собранного хлопка-сырца. Выращивание масличных культур (лен, подсолнечник, горчица), активно развивавшееся до войны, уменьшилось в европейской части страны до 43 % от уровня 1913 г. Сборы льна, горчицы и подсолнечника сократились настолько, что можно говорить о деградации этих отраслей сельскохозяйственного производства.

Все эти изменения в масштабах страны обрисовывали неблагоприятные перспективы дальнейшей эволюции сельскохозяйственного производства и растениеводства. При сокращении посевных площадей, консервации или деградации технологии производства неизбежно снижение сборов хлебов в послевоенный период. Аналогичными были перспективы производства незерновых культур.

В еще худшем положении оказалось животноводство, неразрывно связанное с земледелием. Упрощение зернового хозяйства, в том числе уменьшение удобряемых земель, не способствовало и животноводству. Работа земств по организации выставок, содержанию опытных и селекционных хозяйств, борьбе с эпизоотиями и др. уступала первоочередным – продовольственным заготовкам. поголовье рабочего скота, прежде всего лошадей, как уже отмечалось, упало повсеместно.

Перепись 1916 г. зафиксировала рост поголовья, но за счет отдаленных от театра военных действий районов. Общая цифра по России составляла 201,8 млн гол. скота, из них в европейской части – 68,6 %, Сибири и Степном крае – 21,9 %, на Кавказе – 9,5 % (перепись не охватила Среднюю Азию). Большая часть скота, особенно на окраинах, принадлежала крестьянам. Объемы перевозок, перегонов скота непредвиденно выросли. Реквизиции в близких к фронтам районах товарного производства мясо-молочной ориентации (Литва, Прибалтика) были наибольшими: фактически перспективные животноводческие хозяйства приносились в жертву текущим продовольственным потребностям армии. Доставка скота и мяса из отдаленных районов была сложным делом. Перемещение животных требовало перевозки кормов, в случае транспортировки готовой продукции – холодильников и морозильных камер.

Эти перемены в сельском хозяйстве происходили одновременно, хотя у каждой был свой временной лаг для проявления негативных последствий. Разворачиваясь во времени и в региональном пространстве, они способствовали глубокой перестройке хозяйственной системы и структуры сельского хозяйства в целом.

3. Сельское хозяйство и рынок продовольствия

Сельское хозяйство вплетено в систему общих экономических отношений прежде всего через торговлю. Длинный путь товара от производителя к по-

требителю увлекал в свой нескончаемый круговорот многочисленных участников. Сельскохозяйственный производитель – помещик или крестьянин – был участником лишь первого звена. Трансформацию рыночных отношений в условиях войны современные исследователи рассматривают в контексте государственного влияния на хлебные заготовки (твердые цены) и продовольственного положения, оценивают стратегии поведения отдельных предпринимательских структур^{*}.

Накануне войны торговля сельскохозяйственными продуктами переживала процесс сложной и многогранной перестройки. Технология торговли усложнялась: строились современные государственные и частные элеваторы, в том числе плавучие, совершенствовалась портовая и железнодорожная экспортная инфраструктура. Экономические перемены были связаны с притоком в торговый сектор крупного капитала – отечественного и иностранного. Формы проникновения их в торговлю определяли банки, крупные частные компании, такие как российская фирма Стахеевых, вошедшая в соглашение с Русско-Азиатским банком, или французская экспортная фирма Луи Дрейфуса. При этом мелкие скупщики и многочисленные посредники находили в торговле собственную рыночную нишу. Изменения в организации торговли связаны с развитием бирж, комиссионерских агентств, кооперативов и других возникавших организаций. Сами участники торговли называли все эти перемены «торговой революцией», пик которой пришелся на 1910-е гг. Разные практики торговли – от простых и традиционных оптово-закупочных до современных, с участием крупного бизнеса (российского и иностранного) и многочисленных посредников создавали пеструю картину аграрного российского рынка.

Основу сельскохозяйственного рынка Российской империи составлял хлеб (товарное зерно). До войны на рынке (внешнем и внутреннем) продавалось, по разным подсчетам, от 26 до 33 % собранного урожая (в конце XIX в. – около 18–20 %), что составляло примерно 21 млн тонн зерна (1317 млн пудов)**. Движение товарного зерна шло из производящих в потребляющие губернии. В мирное время товарная масса зерна, преимущественно в осенне-зимний период, перемещалась из восточных территорий (Заволжье, Приуралье,

^{*} Голубинов Я. А. Продовольственный вопрос в российской провинции в годы Первой мировой войны (На материалах Самарской губернии: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2008; Оськин М. В. Продовольственная политика России накануне Февраля 1917 г.: поиск выхода из кризиса // Российская история. 2011. № 3. С. 53–66; Карпачев М. Д. Кризис продовольственного снабжения в годы Первой мировой войны (На материалах Воронежской губернии) // Российская история. 2011. № 3. С. 66–82 и др.

^{**} Корелин А. П. Аграрный сектор в народнохозяйственной системе России (1861–1914) // Российская история. 2011. № 1. С. 42–56.

Западная Сибирь) в центральные регионы для снабжения городского населения. Второе направление выстраивалось в сторону северо-западных губерний и портов Балтийского моря. Третий поток шел к южным, экспортным портам, вовлекая в свое движение хлеба Ставрополя, Волго-Донского района, частично Украины.

С началом войны этот сложный механизм начал меняться. Прекращение экспорта сельскохозяйственной продукции повлекло за собой переориентацию товарных потоков*. Прежние пункты назначения утрачивали свое первенство в торговой иерархии. Хлеботорговые и хлебозаготовочные операции крупных агентов рынка, Государственного и коммерческих банков, экспортных российских и зарубежных хлеботорговых компаний сократились**. На внутреннем рынке хлебозаготовительное дело оказалось в руках представителей государственных и общественных структур, наладить координацию между которыми было непросто.

Своеобразным маркером товарообмена были цены. Влияние правительственных мер на цены подробно освещено в работах Н. Д. Кондратьева и Т. М. Китаниной***, ситуация в отдельных губерниях – в работах современных российских исследователей. При этом следует отметить, что исследователи традиционно рассматривают цены на зерно местные (цены вольного рынка) и твердые (установленные для закупок зерна и муки для армии). Не исследован пока рынок муки, нет отдельного анализа цен оптовых и розничных и др.

Историками отмечено, что запретительные меры сами по себе вызвали ажиотажный спрос на сельскохозяйственную продукцию и способствовали нарастанию паники. Главным сигналом нарушения рыночного равновесия стала рассогласованность в ценовых колебаниях. Примерно 15–18 предвоенных лет (1895–1913 гг.) мировые и российские цены на зерно и мясо повышались, в среднем на 2–2,5 % в год. Это создавало у производителей, оптовых покупателей сельскохозяйственной продукции настроения определенной стабильности и уверенности. Война изменила их уровень. Скачки цен становились непредсказуемыми. Осенью 1914 г., когда экспорт зерна была запрещен, оптовые хлебные цены сильно упали (см. табл. 5).

* Китанина Т. М. Экономический разрыв с Германией и законодательные акты российского правительства по стабилизации продовольственного рынка в период Первой мировой войны. 1914–1916 гг. // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X–XXI вв. Источники и методы изучения. XXII сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 2010. С. 86–90.

** О сокращении государственного кредитования хлебной торговли в 1916 г. см.: История Министерства финансов России: В 4 т. Т. 1. М., 2000. С. 269.

*** Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. С. 243–266; Китанина Т. М. Война, хлеб, революция. Л., 1985. С. 158–180.

Средние показатели осенних местных цен на яровую пшеницу и рожь в 1914–1917 гг.
по районам России (коп. за пуд). Таблица 5

Район	Средняя цена в 1909–1913 гг.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
Яровая пшеница					
Черноземная полоса					
Центральный земледельческий	98	101	98	232	817
Средневолжский	97	99	137	252	141
Нижневолжский	96	81	113	232	923
Новороссийский	95	86	110	196	786
Юго-Западный	93	97	123	214	921
Малороссийский	93	97	123	214	973
По черноземной полосе	93	87	123	214	973
Нечерноземная полоса					
Промышленный район	117	136	206	168	2702
Белорусский	96	101	183	298	2705
Литовский	97	114	–	–	–
Приозерный	–	139	238	355	2497
Приуральский	100	98	129	275	1663
Прибалтийский	108	131	216	252	1043
Северный	110	125	198	288	2009
Привисленский	–	130	–	–	–
Кавказ	108	107	182	205	1274
Сибирь и Средняя Азия	–	–	–	–	–
По нечерноземной полосе	94	74	121	242	1455
Рожь					
Черноземная полоса					
Центральный земледельческий	75	89	116	168	914
Средневолжский	74	82	112	174	1270
Нижневолжский	72	70	86	162	675
Новороссийский	74	71	88	151	579
Юго-Западный	76	88	109	178	835
Малороссийский	73	84	112	171	810
По черноземной полосе	74	80	104	167	848
Нечерноземная полоса					
Промышленный район	92	106	161	264	2630
Белорусский	86	98	148	257	2028
Литовский	83	105	–	–	–
Приозерный	111	120	194	291	1544
Приуральский	75	74	–	199	1132
Прибалтийский	94	118	165	302	967
Северный	95	107	173	268	1578
Привисленский	84	120	–	–	–
Кавказ	81	82	127	207	494
Сибирь и Средняя Азия	–	–	–	–	–
По нечерноземной полосе	85	59	84	150	506

Источник: Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. С. 351–356.

Самарский предприниматель К. Н. Неклютин, хозяйство которого представляло собой целый комплекс (обширное зерновое хозяйство, паровая мукомольная мельница, пекарня, откуда печеный хлеб поступал в розничную торговлю), в своих воспоминаниях так описывал ситуацию с ценами на хлеб. В Самаре нижний уровень цен был достигнут в декабре 1914 г. «Затем закупки для армии восстановили баланс между спросом и предложением. Цены поднялись очень быстро, быстрее, чем они до этого падали: за две-три недели они вернулись на уровень, который мы, покупатели зерна, считали нормальным. Но этот хороший рост цен стал обсуждаться в газетах, и несколько демагогов в Думе (Самарская городская Дума. – *Н. Т.*) начали кричать о необходимости поддерживать бедное население путем сохранения для него низких цен. Они даже не обращали внимания на тот факт, что возврат цен к нормальному уровню выгоднее крестьянам, стандарты жизни которых были всегда ниже, чем у городского населения. Демагоги знали, что крестьянское население почти не читает газет, которые распространены среди горожан»^{*}.

В хлебную кампанию 1915–1916 гг. на зерно, закупаемое для армии в производящих районах, Особое совещание по продовольствию установило твердые цены. Остальные хлеба продавались на вольном рынке. Вопреки хорошему урожаю 1915 г., обычно снижавшему цены на местных рынках, они резко выросли. При этом в земледельческих районах прирост составил 25–50 %, а в неземледельческих – от 50 до 400 %. За один год цена на хлеб подскочила в четыре раза! Ценовые скачки воспринимались обществом очень болезненно, подталкивая к стихийному накоплению запасов. Центральные (потребляющие) районы стали зоной «ценового бедствия» уже осенью 1915 г. А. В. Чаянов впоследствии назвал это явление «диктующим центром потребления»^{**}, угрожавшим социальной нестабильностью.

Добавим к этому утрату прежних ценовых пропорций между районами, на товары промышленные и сельскохозяйственные, на разные группы сельскохозяйственных товаров. В следующий заготовительный год скачки цен стали беспорядочны и непредсказуемы. При этом наибольший скачок был замечен уже не в центрах потребления, а в районах производства зерна. В условиях войны обозначился также конфликт интересов разных регионов – производящих и потребляющих хлеб. На макроуровне его условно можно назвать противоречием между «городом» (потребитель) и «деревней» (производитель). Ценовой фактор, прежде скрепляющий и объединяющий самые разнообразные интересы, в условиях «вакханалии цен» становился яблоком раз-

^{*} *Неклютин К. Н.* От Самары до Сизэтла. Воспоминания министра продовольствия и снабжения в правительстве Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака, последнего председателя Самарского биржевого комитета, сына Самарского городского головы. Пер. с англ. Самара, 2011. С. 65.

^{**} *Чаянов А. В.* Крестьянское хозяйство. М., 1989. С. 110.

дора. Все это свидетельствовало о разрушении аграрного рынка и рыночных отношений.

Следствием этого стала фрагментация интересов его участников. Н. Д. Кондратьев условно выделил три основных группы – землевладельцев, торговцев и потребителей. На местах соотношение этих групп определяло очень многое. Помимо личностных факторов преобладание той или иной группы находило выражение в решении местных совещаний уполномоченных, куда входили представители земства, городского самоуправления, торговцы, биржевики, промышленники и т. д. Коллегиальное решение, простое большинство голосов в зависимости от преобладавшего интереса часто определяло уровень местных цен*. При этом проходил еще довольно долгий срок (от 3 до 53 дней) до утверждения этих цен губернатором. Внутренние, региональные конфликты атомизировали и дробили общероссийский социум.

Рынок животноводческой продукции до войны целиком находился в частных руках. Его функционирование было невозможно без специальных приспособлений (кормов, загонов, скотобоен, хранилищ и холодильных камер). Поэтому уже в первый год войны при отсутствии опыта государственных заготовок мяса разразился мясной кризис. Министр земледелия с ноября 1915 по июнь 1916 г. А. Н. Наумов вспоминал: «Сибирский мясной ценнейший продукт при перевозке продолжал гнить, а стране грозил мясной кризис»**. Ситуацию исправили довольно быстро с помощью хозяев Московско-Казанской железной дороги, где возвели в кратчайшие сроки 20 холодильных установок, а также необходимое пристанционное оборудование. Благодаря главе правления дороги, типичному дельцу «американской» складки, решительному и расчетливому Н. К. фон Мекку, как его характеризовал А. Н. Наумов, «мясное продовольственное дело, поскольку оно было связано с перевозкой, быстро было коренным образом упорядочено». Московские морозильники отличали «благоустройство, чистота, дисциплина, образцовый порядок»***. Однако прессы обвинила министра в сговоре с представителем вражеского племени (фон Мекк был этническим немцем). На деле не столько национальная принадлежность, сколько «выдающаяся кипучая энергия, с которой Николай Карлович доводил до конца начатые им дела, и несколько резкая властность в распоряжениях – вот что вызывало неприязнь среди лиц, которые, не состоя у него на службе, вынуждены были подчиняться ему как моему доверенному агенту»****.

Продовольственные рынки попали в систему государственного регулирования фактически с начального периода войны, тогда как рынки промышлен-

* Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. С. 237–246.

** Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917: В 2 кн. Кн. 2. Нью-Йорк, 1954. С. 404.

*** Там же. С. 405.

**** Там же. С. 407–408.

ной продукции гражданского назначения – лишь с 1917 г., при Временном правительстве. «Схлопывание» разнообразных рынков, их фрагментация нарушали прежние рыночные контакты и линии связей. Сбои в обеспечении городского населения сельскохозяйственной продукцией и продовольствием нарастали, деревня же не получала в должной мере промышленных товаров. Ужесточение репрессивных мер не могло уничтожить спекулятивный рынок, «ушедший в тень» и тем более восстановить равномерное движение сельскохозяйственного продукта от производителя к конечному потребителю (армии и городу).

В условиях распада общероссийского рынка активность проявляли местные, региональные, профессиональные институты. Кооперативы, биржевые комитеты, предпринимательские союзы, земские организации, отделения различных обществ, инициативные объединения развернули работу по заготовкам, сбыту и другим видам деятельности, связанным с реализацией продовольствия. Потребительская кооперация получила большой размах*, проявляя стремление к укрупнению и объединению в союзы (подробнее о росте кооперации см. гл. 4. – *Н. Т.*). Наиболее крупные из них – Союз сибирских маслодельных артелей, Центральное товарищество льноводов (объединило 150 тыс. крестьянских хозяйств), в Сибири – Закупсбыт, Синдикат сибирских кредитных союзов и др. Центросоюз (создан на базе Московского союза потребительских обществ) в сентябре 1917 г. объединял 3317 ассоциаций, в том числе 285 кредитных союзов. В 1917 г. действовало 500 различных кооперативных объединений, в основном районных, межрайонных, в целом маломощных. Деятельность подобных союзов можно рассматривать как способ решения местных локальных проблем, а также и как показатель самоорганизации общества. Ценовой фактор и здесь играл определенную роль: существовавшие законодательные ценовые ограничения на кооперативную продукцию (наценка не должна была превышать 6 %) кооперативы могли преодолеть, только объединяясь в союзы.

На фоне всеобщего дробления заметна и противоположная тенденция – монополизации со стороны финансово-промышленных групп, профессиональных сообществ (съезды мукомолов, например). Эти практики еще недостаточно изучены**. Хотя отмечено, что тенденцию концентрации и монополизации отдельных сегментов разрушавшегося аграрного рынка, создания аграрно-промышленных комплексов на всероссийском уровне подтолкнула

* См.: *Корелин А. П.* Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг. М., 2009.

** Исключение составляет глубокое исследование Т. М. Китаниной «Развитие концерна Путилова – Стахеева – Батолина и трансформация его финансово-промышленной стратегии в годы Первой мировой войны» // Очерки истории российских фирм. Вопросы собственности, управления, хозяйствования / Под ред. А. Л. Дмитриева, А. А. Семенова. СПб., 2007.

именно военная ситуация. Главными или наиболее очевидными виновниками ухудшения продовольственной ситуации общественное мнение считало либо помещиков, не сумевших поддержать хозяйство и использовать землю, либо крестьян, которые прятали и утаивали хлеб, либо торговцев, обвинявшихся в спекуляции («шакалы рынка»), либо традиционно императора и правительство, не умевших вести дело.

Сложные и не всегда видимые на поверхности процессы и определили общую картину сельскохозяйственного производства к 1917 г. Оценивая общую ситуацию в аграрном секторе, можно констатировать, что изменения здесь, пожалуй, не являлись главной причиной революции и продовольственного кризиса в стране. Но именно война запустила спусковой механизм, разрушивший целостность аграрного сектора. Разновекторные процессы на микро-, мезо- и макроуровне вели сельское хозяйство страны к региональной дезинтеграции и будущей деградации отрасли. Нарастание этих негативных процессов было постепенным, но их совокупное действие усиливало разобщенность, хозяйственный хаос и атомизацию всех участников прежде целостного аграрного рынка. Лишь в самом ядре разрушавшейся системы аграрных отношений, в отдельном крестьянском хозяйстве к концу войны еще теплилась жизнь, что давало надежды на возрождение российской деревни.

Глава 3. ТОРГОВЛЯ И СНАБЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ

(М. К. Шаццло)

1. Внутренняя торговля в предвоенный период

Внутренняя торговля являлась важнейшей сферой экономики страны. На ее долю в предвоенной России приходилось, по данным налоговой статистики, немногим менее $\frac{2}{3}$ всего торгово-промышленного оборота (на долю промышленности – около $\frac{1}{3}$)*. Внутренняя торговля в довоенный период имела различные организационные формы – от передовых до традиционных, имевших многовековую историю.

Одной из ранних форм коммерческой деятельности была ярмарочная торговля, носившая стихийный и универсальный характер. В Европе XIX в. ярмарки превратились в своеобразные выставки образцов продукции, продажа которых производилась по принципам, близким к биржевым. В России же ярмарки по-прежнему оставались местом реализации поступившего на склады товара, который расходилась в розницу (как правило, на мелких ярмарках) или оптовыми партиями. Однако специфические изменения в особенностях организации ярмарочной торговли все же наметились. Ее значение на протяжении XX в. стало падать, в первую очередь в экономически развитых центральных и западных регионах. При этом число ярмарок оставалось значительным (в 1904 г. – около 16,5 тыс.), а накануне мировой войны их количество даже возросло**. Расширение ярмарочной сети происходило неравномерно, главным образом на относительно отсталых окраинах, компенсируя ими недостаточное развитие стационарной торговли.

Ассортимент товаров на ярмарках был относительно ограниченным и состоял из таких товаров, как продукты питания (зерно, мука, скот, бакалейные товары, рыба), лесоматериалы, изделия промышленного и кустарного производства. Всего в общей сумме учтенного товарооборота России оборот ярмарочной торговли накануне мировой войны составлял примерно 6–7%.

* См.: Статистика прямых налогов и пошлин. Государственный промысловый налог. Основной налог с отчетных и неотчетных предприятий и дополнительный налог с неотчетных предприятий за 1912 год. Пг., 1915. С. IX.

** Струмилин С. Г. Очерки советской экономики. Ресурсы и перспективы. М.; Л., 1928. С. 251.

Численно преобладали мелкие сельские ярмарки, имевшие местное значение и осуществлявшие преимущественно розничную торговлю продуктами сельскохозяйственного производства. Доля мелких ярмарок составляла около 87 % всех ярмарок страны; 12 % всех ярмарок, представлявшие как розничную, так и оптовую торговлю, были средними по размерам оборотов (от 10 тыс. до 100 тыс. руб.) и лишь 1 % ярмарок были крупными оптовыми*.

Несмотря на то что последние были немногочисленны, их значение выходило порой за пределы своих регионов. Крупнейшими по сумме торгового оборота (свыше 3 млн руб. в год) российскими ярмарками в 1913 г. были Нижегородская, Пермская (Ирбитская), Минская, Меновническая (Оренбургская губ.), Крещенская (г. Харьков), Троицкая Покровская (Харьковская губ.), Макарьевская (г. Макарьев Костромской губ.), Контрактовая (г. Киев), Успенская (Харьковская губ.), Козьмодемьянская лесная (г. Козьмодемьянск Казанской губ.). Годовой товарооборот еще 9 ярмарок составлял от 1 до 3 млн руб.** Самой крупной по оборотам была Нижегородская ярмарка (167 млн руб. в год), осуществлявшая в европейско-азиатской торговле фактически посредническую роль. В 1913 г. в ней приняли участие 2919 торговых фирм и 13 654 иногородних и зарубежных коммерсантов. Однако с 1908 г. ее торговый оборот практически перестал расти (194 млн руб. в 1908 г., 195 млн руб. в 1912 г.), а в 1913 г. значительно сократился (более чем на 14 %) по сравнению с предшествующим годом.

Снижение удельного веса ярмарок в оптовой торговле, происходившее на фоне подчинения торгового оборота банковскому и производственному капиталу, и расширение стационарной торговой сети было характерно в предвоенный период для страны в целом. Развитие транспортной инфраструктуры, в частности интенсивное строительство железных дорог, обеспечивало возможность беспрепятственной циркуляции товаров, а развитие кредита, практиковавшегося при биржевых операциях, демонстрировало преимущества передовых, более современных форм организации торговли перед традиционной ярмарочной.

Товарные биржи являлись одной из форм посреднической торговли. С 1900 по 1913 г. было открыто более 60 учреждений такого рода, всего же к 1913 г. в России их насчитывалось 94***. Специализированные фондовые учреждения в России не утвердились, сделки с ценными бумагами осуществлялись на нескольких товарных биржах согласно общим правилам биржевой торговли

* *Дихтяр Г. А.* Внутренняя торговля в дореволюционной России. М., 1960. С. 141.

** *Канделаки И.* Роль ярмарок в русской торговле. СПб., 1914. С. 51–60.

*** *Филиппов Ю. Д.* Биржа. Ее история, современная организация и функции. СПб., 1912. С. 161–163; Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 203.

товарами (функции и по фондовым или товарным операциям осуществлялись через соответствующие отделы). Отсутствие статистики, отражающей сводную динамику оборотов, не позволяет воссоздать объективную картину биржевой деятельности. Однако показателем ее активизации в XX в. является не только численный рост учреждений оптовой торговли, но и их наметившаяся специализация. Одной из первых специализированных бирж стала петербургская Калашниковская хлебная (устав утвержден в 1895 г.), по образцу которой впоследствии были организованы хлебные биржи в Москве (1896 г.), Воронеже (1897 г.), Борисоглебске (1899 г.), Елисаветграде (1901 г.), Тамбове (1904 г.) и др. Кроме хлебной торговли биржи заняли заметное место в операциях с продуктами питания и сырьем. В Москве (с 1900 г.) и в Петербурге действовали скотопромышленная и мясная биржи. Затем появились Уральская железо-торговая (1902 г.), Харьковская каменноугольная, железо-торговая (1902 г.), лесная (Минск, 1904 г.), яичная и масляная в Санкт-Петербурге (1906 г.), фруктовая, чайная и винная в Петербурге (1907 г.) и др.

Несмотря на наметившуюся в XX в. динамику в развитии биржевого дела, значительная часть торговли осуществлялась вне бирж. Отчасти это объяснялось тем, что некоторые старые фирмы, особенно торговавшие предметами массового потребления, имели обширную традиционную клиентуру и предпочитали действовать напрямую, избегая биржевого посредничества^{*}. В текстильной промышленности, одной из ведущих отечественных отраслей, также сложилась своеобразная система сбыта продукции, минуя посредников. У многих крупных текстильных компаний, выходявших ранее со своим товаром на ярмарки, на рубеже XIX–XX вв. сложился собственный периферийный оптово-торговый аппарат, включавший не только отделения на местах и складские помещения, но и постоянных сотрудников (коммивояжеров, комиссионеров). На их основе сложились крупные скупочные фирмы, стихийно установившие в течение десятилетий разграничение сфер влияния и имевшие свою собственную обширную клиентуру периферийных торговцев^{**}.

В начале XX в. в России на фоне процесса концентрации и централизации торгового капитала увеличивается число ассоциированных объединений, занятых в торговле. Наиболее многочисленными были торговые дома^{***}, общее число которых превысило 3,5 тысячи. Большинство из них размещалось в крупных торговых центрах – Москве (1022 торговых дома), Петербурге (470),

* Жолобова Г. А. Правовое регулирование биржевой деятельности в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. // Правоведение. 2003. № 1. С. 235.

** Осадчая А. И. Биржа в России // Вопросы истории. 1993. № 10. С. 9.

*** Лаверьчев В. Я. Монополистический капитал в текстильной промышленности России (1900–1917). М., 1963. С. 53–59.

**** По подсчетам В. И. Бовыкина, в 1900 г. в фабрично-заводской промышленности действовало 451 предприятие в виде торговых домов (Бовыкин В. И. Формирование финансового капитала в России. М., 1984. С. 116).

Риге (248), Одессе (162) и др.* К 1914 г. в России действовало уже в 2,5 раза больше торговых домов (9202), причем 67 % из них занималось исключительно торговлей (6148 с общим капиталом в 165,7 млн руб.). Наибольшее число этих паевых товариществ вело торговлю текстильными товарами (1565 фирм, или 25 % от общего числа, с капиталом в 34 млн руб.); торговлей пищевыми и вкусовыми товарами были заняты 1062 фирмы (17 %, с капиталом в 43,4 млн руб.). Остальные товарищества осуществляли торговлю готовым платьем (426), галантерейными товарами (423), лесоматериалами (265), железом и металлическими изделиями (236) и др.**

Более крупными предприятиями, занятыми преимущественно в оптовой торговле, были акционерные общества. В 1912 г. в торговле функционировало 161 акционерное общество с основным капиталом в 198,4 млн руб. (средний капитал одного акционерного предприятия составлял 1232 тыс. руб.). О том, что размеры капиталов акционерных обществ значительно превосходили капиталы паевых товариществ, говорят следующие цифры: торговых домов с капиталом более 200 тыс. руб. насчитывалось только 88 (2,2 % от общего числа), в то время как подавляющее число акционерных обществ (девять из десяти) имели капитал более 250 тыс. рублей. Однако в отдельных случаях паевые товарищества, имевшие многомиллионные капиталы, по обороту не отставали от акционерных обществ. К числу подобных предприятий относилось товарищество «А. Ф. Второв и сыновья», торговавшее мануфактурными товарами в Сибири***, и известное торговое товарищество «Братья Елисеевы», имевшее магазины в Москве, Петрограде, Киеве.

Процесс концентрации и централизации торгового капитала выражался не только в росте числа ассоциированных предприятий, но и в том, что наиболее крупные фирмы по сути дела захватывали в свои руки оптовую торговлю некоторыми категориями товара. Об этом свидетельствует А. В. Бурыйшкин, имевший опыт руководства крупной торговой фирмой: с 1912 г. он возглавлял Товарищество торговли мануфактурными товарами «А. В. Бурыйшкин», оборот которого составлял 15–18 млн руб. По его свидетельству, торговля тканями (мануфактурная торговля) в России находилась в «руках относительно небольшого числа предприятий – 70–80 фирм по всей России, добрая половина которых была акционирована и представляла собой предприятия в среднем с основным капиталом около 1 млн рублей и средним оборотом в 6–8 млн. Были и крупные единицы (Т-во И. В. Щукин, Т-во А. Ф. Второв, Т-во Тарасовых),

* Боханов А. Н. Торговые дома в России в конце XIX – начале XX века. (Численность, структура, состав владельцев) // История СССР. 1990. № 4. С. 91.

** См.: Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. С. 187–188.

*** В целом под контролем фирмы оказались предприятия с совокупным основным капиталом в 130–150 млн руб. См.: Старцев А. В., Гончаров Ю. М. История предпринимательства в Сибири (XVII – начало XX в.). Барнаул, 1999. С. 95–96.

основные капиталы которых достигали 10–12 млн руб., а обороты свыше 20 млн руб.»^{*}

Для крупных торговых предприятий были характерны не только впечатляющие обороты, но традиционные способы ведения бизнеса. Существовавшая система продажи товаров была по преимуществу кредитной. Фирмы, приобретавшие продукцию за наличный расчет, являлись исключением, и обыкновенно расчет происходил через три–шесть месяцев после закупки товара^{**}.

В предвоенный период в крупнооптовой торговле России заметным игроком стали синдикаты – сбытовые монополистические объединения. В 1887 г. был организован синдикат сахарозаводчиков, объединивший 78 % существовавших в стране сахарных заводов (в 1893 г. эта цифра возросла до 91 %)^{***}. Другой отраслью российской промышленности, где в 80-х гг. XIX в. начались процессы монополизации, явилась добыча и переработка нефти^{****}. Толчком к массовому образованию синдикатских объединений послужил кризис 1899–1903 гг. В черной металлургии доминировал синдикат «Продамета» (1902), созданный в южном горнопромышленном районе. Накануне Первой мировой войны он контролировал в своих руках подавляющую часть сбыта главного готового продукта отрасли – сортового металла – и назывался современниками «хозяином русского железного рынка»^{*****}. Конкурентом «Продаметы» стал синдикат «Кровля» (1906), объединивший 12 крупных уральских заводов, производивших до 80 % всего уральского кровельного железа^{*****}. В машиностроении и металлообработке действовали синдикаты «Продпаровоз» (1901), «Продвагон» (1902), «Гвоздь» (1904) и др. Производство цемента на Юге России было монополизировано Южным цементным синдикатом (1900), добыча угля – синдикатом «Продуголь» (1906) (63 % добычи Донецкого бассейна).

Правительство проводило по отношению к монополистическим объединениям, по словам И. Ф. Гиндина, «последовательно антисиндикатскую линию»^{*****}, поэтому синдикаты вынуждены были действовать, как правило,

^{*} ГА РФ. Ф. 5885. Оп. 1. Д. 15. Л. 48.

^{**} Там же. Л. 50 об.

^{***} *Янжул И. Н.* Промысловые синдикаты или предпринимательские союзы для регулирования производства преимущественно в Соединенных Штатах Северной Америки. СПб., 1895. С. 131.

^{****} *Нардова В. А.* Начало монополизации нефтяной промышленности России. 1880–1890-е годы. Л., 1974.

^{*****} *Шепелев Л. Е.* Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1987. С. 233.

^{*****} *Кафенгауз Л. Б.* Синдикаты в русской железной промышленности. М., 1910. С. 97.

^{*****} *Гиндин И. Ф.* Политика царского правительства в отношении промышленных монополий // Об особенностях империализма в России. М., 1963. С. 102–105.

под видом специально созданных торговых обществ, которым учредители передавали право продажи продукции. Так, синдикат «Продамета» формально считался торговым акционерным обществом по продаже металлов и по уставу его акции должны были продаваться на бирже, но на практике они распределялись между фирмами – участниками синдикатского соглашения. Подобным же образом были организованы и другие синдикаты («Кровля», «Гвоздь», «Океан», объединявший солепромышленников России, и др.). Всего накануне войны официально действовал десяток объединений промышленных предприятий, созданных с целью урегулирования сбыта своей продукции в металлургии, добыче полезных ископаемых, химической промышленности. Однако в действительности число синдикатских соглашений составляло не менее 140–150 более чем в 80 различных отраслях производства*.

Если синдикатские объединения представляли как бы верхушку пирамиды внутренней торговли, в руках которой находился контроль над крупным оптом, то ее основание составляло значительное число мелких предприятий – около 90 % от общего числа, занятых в торговле. Доля розничной торговли в сумме общего товарооборота (11 538 млн руб.) в 1913 г. составляла чуть больше 60 % (7141 млн руб.), оптовой – менее 40 % (4397 млн руб.). Однако концентрация капитала в этих сферах была несопоставима: если всего в коммерции России накануне войны действовало свыше 1,2 млн предприятий (число плательщиков промыслового налога), то количество крупных оптовиков не превышало нескольких тысяч. Таким образом, лицо розничной торговли определяли мелкие заведения**, в опте были заняты преимущественно крупные предприниматели и их объединения.

Товарное потребление в России было незначительным и составляло в среднем 12 копеек в день на одного человека. При этом товарооборот крайне неравномерно распределялся по отдельным районам страны, а также между городом и деревней. Если на село, где проживало около 86 % населения Российской империи, приходилось в 1912 г. чуть более $\frac{1}{4}$ всего товарооборота магазинов и лавок, то на горожан, представлявших меньшинство населения (14 %), – почти $\frac{3}{4}$ всего товарооборота страны. В душевом исчислении на горожанина приходилось 212,7 руб., на жителя деревни – 13 руб., или в 16 раз меньше***. Слабое развитие внутренней торговли России перед Первой мировой войной иллюстрируют и другие показатели. По данным Министерства торговли и промышленности, весь торговый оборот России в 1900 г. состав-

* Дихтяр Г. А. Внутренняя торговля в дореволюционной России. С. 102.

** Исключения составляли крупные торгово-розничные предприятия, в основном созданные иностранцами, например магазин торгово-промышленного товарищества «Мюр и Мерилиз». О нем см.: *Harvey J. Pitcher. Muir & Mirrieles: The Scottish partnership that became a household name.* Swallow House Books, Cromer, 1994.

*** Дихтяр Г. А. Внутренняя торговля в дореволюционной России. С. 82–83.

лял 90 руб. на душу населения, в то время как в Англии – 420 руб., в США – 380 руб., в Германии – 290 руб., во Франции – 220 руб.*

О незначительности состояния отечественной розничной торговли говорит и то, что торговые предприятия были мелкими как по уровню товарооборота, так и по числу работающих в них. Подавляющее большинство всех торговых предприятий (более 83 %) представляли собой мелкие лавки со средним оборотом менее 10 руб. в день, а также ларьки, развозная и разносная торговля (около 5 руб. в день). Удельный вес мелких предприятий во всем розничном товарообороте страны был значительно меньше общей численности торговых предприятий, тогда как основное место во всем объеме розничного товарооборота страны занимала торговля из магазинов (47 % всего товарооборота). В 1913 г. на одно торговое предприятие приходилось в среднем 1,32 человека, включая владельцев и наемных приказчиков**. Устройство и оборудование многих магазинов и большинства мелочных лавок было примитивным. Последние представляли собой, как правило, небольшие торговые помещения, находившиеся при квартире владельца. В России практически отсутствовала система универсальных магазинов (за исключением Москвы и Петербурга), почти не было торговой рекламы, распространенной только в столицах и двух-трех крупных городах.

Таким образом, для внутренней торговли предвоенной России была характерна неоднородность. В крупной торговле зачастую применялись такие передовые формы, как синдикаты, акционерные компании и паевые товарищества; развивалась биржевая торговля, в том числе специализированная. Однако значительная часть даже крупной торговли осуществлялась вне биржи. Сохраняли значение ставшие анахронизмом в Западной Европе ярмарки, подавляющее большинство которых было мелкими торжками. Розничная торговля довоенной России отличалась от оптовой низким товарооборотом, слабым развитием торговой сети и ее неравномерным размещением по стране, отсталостью организационных форм.

2. Торговля и снабжение населения в годы войны

Война нанесла ущерб всем отраслям экономики России, в том числе и внутренней торговле. В результате военной мобилизации промышленности целые отрасли народного хозяйства, которые раньше ориентировались почти исключительно на массовый рынок, перешли к выполнению военных заказов. В чрезвычайных обстоятельствах военного времени, характеризовавшихся спадом промышленности и сельского хозяйства, перед правительством воз-

* Денисов В. И. Современное положение русской торговли. СПб., 1913. С. 31.

** См.: Струмилин С. Г. Очерки советской экономики. Ресурсы и перспективы. М.; Л., 1928. С. 245.

ника проблема регулирования товарооборота и распределения сырья и заказов для нужд обороны. Актуальным стал вопрос: в какой степени и до каких пределов можно использовать торговый аппарат, существовавший в довоенное время. В областях, имевших первостепенное значение для снабжения армии, правительство сделало выбор в пользу использования возможностей форм распределения, сложившихся в России в начале XX в. в частном секторе экономики.

Самым крупным игроком на российском рынке металла был синдикат «Продамета», который к 1914 г., объединив около 90 % металлургических заводов страны (кроме уральских), контролировал сбыт свыше 85 % общеимперского производства черных металлов*. Ресурсы синдиката были в полной мере использованы правительственными органами в ходе войны. «Продамета» (а также синдикаты «Кровля» и «Медь»), наряду с представителями военного ведомства, общественных и предпринимательских организаций (Земский и Городской союз, Советы съездов горнопромышленников Урала и Юга России и др.) вошли в состав Металлургического комитета при Особом совещании по обороне, утвержденного военным министром А. А. Поливановым в декабре 1915 г. Эта организация при размещении заказов на металлургическую продукцию использовала учетно-распределительный аппарат «Продамета». Роль синдиката в обороте металла в стране подчеркивает то обстоятельство, что когда летом 1916 г. Особое совещание по обороне издало постановление, обязывавшее металлургические заводы производить продажу продукции только по специальным удостоверениям, в которых указывалось, что предприятие работает на военные нужды, выдача этих документов была поручена «Продамете»**.

Опыт частного аппарата производства и распределения был использован правительством и в текстильной промышленности. По инициативе московских предпринимателей, членов созданного в 1906 г. при московской бирже Общества хлопчатобумажных фабрикантов московского района, в июле 1915 г. были организованы при Министерстве торговли и промышленности «особые для хлопчатобумажных и суконных фабрик комитеты» (впоследствии были учреждены льняной, джутовый, бумажный, кожевенный комитеты)***. Хлопковый и суконный комитеты должны были регулировать цены на хлопок и шерсть, распределять сырье между предприятиями, контролировать эффективность их работы и качество выполнения военных заказов. В состав этих учреждений входили представители правительства и отраслевых предпринимательских организаций. Как отмечал предприниматель П. А. Бурый, «первоначально состав комитета хлопкоснабжения состоял, если не считать

* См.: Цукерник А. Л. Синдикат «Продамет». М., 1958.

** Погребинский А. П. Синдикат «Продамет» в годы Первой мировой войны (1914–1917) // Вопросы истории. № 10. 1958. С. 23–27.

*** Особые совещания и комитеты военного времени. Пг., 1917. С. 79.

правительственных чиновников, из представителей промышленности, как производства и очистки хлопка, так и его обработки (прядильщиков). По мере того как расширялись функции комитета, его состав увеличивался за счет включения представителей дальнейших стадий хлопчатобумажного производства. Были введены представители ткацких фабрик, обделовальщиков, аппретурщиков и т. д., но представители торговли введены не были»^{*}.

По оценке А. Л. Сидорова, «ни в одной другой отрасли промышленности мы не видим такой широкой компетенции комитета, как в текстильной»^{**}. Все сделки на сырье были поставлены под контроль комитета, а соглашения предпринимателей выше или ниже назначенной цены были объявлены недействительными. Ни одна партия хлопка не могла попасть к потребителю, минуя комитет. Со временем полномочия комитета были расширены, и он превратился в орган, который полностью регулировал хлопчатобумажную промышленность, распределял военные заказы, устанавливал цены, распределял хлопок.

Была очевидна попытка найти баланс между интересами государства и представителями частного капитала. С одной стороны, предприниматели были крайне заинтересованы в деятельности комитета, который обеспечивал поставку фабрикантам сырья по твердым ценам, разрешая сбыт продукции на частный рынок по ценам свободным. При этом сохранившийся частный аппарат производства и распределения находился под государственным контролем. В результате деятельности комитета по распределению хлопка к концу 1915 г. почти все предприятия были обеспечены в размере годовой потребности, а к весне 1916 г. запасов хлопка в стране было около 16 млн пудов. В результате к февралю 1917 г. текстильная промышленность, почти целиком работавшая на казну, не имела серьезных перебоев в снабжении хлопком и поддерживала производство на уровне 80–100 % от довоенного уровня»^{***}.

Для обеспечения выполнения государственных заказов правительство шло на намеренное сокращение емкости частного рынка: в конце июля 1916 г. была запрещена свободная оптовая продажа тканей на частный рынок, вскоре установлены и цены для частного рынка (но только для тканей казенного типа), был регламентирован список оптовых торговцев. Ориентация текстильной промышленности на удовлетворение нужд армии привела к острому дефициту товаров массового спроса, который значительно обострился в силу транспортных проблем внутри страны. Массовый рынок испытывал дефицит в шерстяных тканях, которые в условиях сокращения производства направлялись почти исключительно на снабжение армии. Из продажи исчезли льняные ткани, так как до 80 % продукции льнообрабатывающих предприятий использовалось для нужд армии. По данным Московского биржевого комитета, к

^{*} ГА РФ. Ф. 5885. Оп. 1. Д. 15. Л. 188.

^{**} *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. С. 387.

^{***} Там же. С. 390, 397.

концу 1915 г. «полный недостаток товара на рынке и дороговизна его вызвали... усиленную ликвидацию мануфактурных фирм»^{*}. В столь же неблагоприятном положении оказалась в 1916 т. торговля обувью и кожевенными товарами, поскольку армия потребляла почти всю продукцию кожевенных заводов и обувных фабрик. Острый дефицит возник в торговле почти всеми предметами потребления. Деградация внутреннего рынка выразилась и в упадке ярмарочной торговли. В условиях нараставшего товарного голода резко сократилось число участников крупнейших ярмарок и привоз товаров на ярмарки.

В чрезвычайных условиях значительно изменился спрос населения на товары. В связи с запрещением продажи алкоголя были закрыты винные лавки и погреба, резко сократились обороты ресторанов и трактиров. Уменьшился спрос широких слоев населения на некоторые второстепенные товары, основная масса средств направлялась на покупку предметов первой необходимости (продукты питания, одежда, обувь). В то же время возрос спрос на некоторые товары, ориентированные на обеспеченные слои населения. Как отмечалось в «Обзоре состояния промышленности и торговли в России в 1914–1915 гг.», составленном в Московском биржевом комитете, в стране произошло значительное расширение емкости пушного рынка. Причины этого авторы «Обзора» видели в появлении во внутренних губерниях эвакуированных и беженцев из западных губерний, среди которых, как утверждалось, было немало зажиточных людей. Ажиотажным также стал спрос на изделия из шелка, цены на которые к 1916 г. удвоились.

Для всех воюющих стран продовольственное снабжение было неременным условием функционирования армии и тыла. Не удивительно, что с началом войны были предприняты попытки государственного регулирования в этой области. Циркуляром МВД от 31 июля 1914 г. всем губернаторам и городским самоуправлениям рекомендовалось принимать меры как к усилению подвоза продуктов питания, так и к установлению на них предельных цен. Министерство земледелия взяло на себя закупки продовольствия для армии, был установлен институт уполномоченных Министерства земледелия для заготовки продовольствия и фуража по свободным ценам. Зимой 1915 г. стало очевидно, что уполномоченные Министерства земледелия не в состоянии справиться с поставленной задачей, так как в условиях сокращения хлебных ресурсов и развития спекуляции цены на зерно и другие продукты начали быстро повышаться. Поэтому правительство вскоре отказалось от соблюдения свободных цен и перешло к мерам принудительного характера.

Указом от 17 февраля 1915 г. командующим военными округами, по соглашению с губернаторами и уполномоченными Министерства земледелия и представителями государственного контроля, предоставлялось право запрещать вывоз необходимых для армии припасов, устанавливая цены на них, а в случае отказа владельцев – реквизируя их с понижением цены на 15 %.

^{*} ЦИАМ. Ф. 143. Оп. 1. Д. 582. Л. 5 об.

Вмешательство военных властей обеспечило успешную заготовку сельскохозяйственных продуктов, и в конечном итоге намеченные задания по закупкам хлеба для армии из урожая 1914 г. были даже перевыполнены. С 1 августа 1914 г. по 1 августа 1915 г. для армии было заготовлено 302,7 млн пуд. хлебопродуктов, причем только 48,5 % хлеба было куплено по свободным ценам, а 51,5 % – по предельным, или твердым*.

Однако у этой медали была и обратная сторона. Делегирование военным властям заготовок сельхозпродукции, как отмечалось выше, разрушило прежний рыночный механизм продовольственных поставок. Поэтому были приняты меры к регулированию частного рынка продовольствия в общероссийском масштабе – весной 1915 г. был образован Главный продовольственный комитет при министре торговли и промышленности. По положению от 19 мая 1915 г. министру были предоставлены особые полномочия в руководстве продовольственным делом в России. Речь шла об определении норм потребности населения в продовольствии и фураже и установлении правил торговли ими и предельных цен на них. Для осуществления этих мероприятий в губерниях были созданы местные совещания (продовольственные комитеты). Летом того же года в распределение продуктов питания были введены новые начала, которые активизировали деятельность городского общественного управления в области снабжения населения и положили начало вытеснению из него частного торгового аппарата. В июне 1915 г. в Главном продовольственном комитете был решен вопрос о предоставлении городам и земствам особых кредитов в виде долгосрочных ссуд для организации торговли отдельными категориями продуктов. Предполагалось, что города будут торговать определенным ограниченным набором продуктов – хлебом, мукой, рыбой, мясом, чаем, сахаром, дровами и углем. В стране стали возникать городские продовольственные лавки, которые особенно широко были представлены в Москве**.

В августе 1915 г. было образовано Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу. С его учреждением полномочия, предоставленные ранее министру торговли и промышленности, отпали, а местные продовольственные комитеты были упразднены. В состав Особого совещания входили члены Государственного совета и Государственной думы, представители от министерств внутренних дел, военного, финансов, путей сообщения, торговли и промышленности, землеустройства и земледелия, а также представители Всероссийского земского и городского союзов. Председателем Особого совещания стал министр земледелия.

Одним из первых мероприятий Совещания явилось централизованное установление твердых цен на сельхозпродукты. Так, уже 30 сентября 1915 г. были установлены твердые цены на овес – один из основных видов корма лошадей в армии. Вскоре были установлены предельные твердые цены на рожь и

* Духтияр Г. А. Внутренняя торговля в дореволюционной России. С. 184.

** ГА РФ. Ф. 5885. Оп. 1. Д. 15. Л. 195.

ржаную муку, просо, пшено, гречиху, гречневую крупу, пшеницу и пшеничную муку, отруби, ячмень и другие хлебные продукты, а также на скот и продукты животноводства (молоко, масло, яйца, солонину, мороженое мясо и т. п.). В итоге государственное регулирование цен распространилось на заготовку почти всех видов сельскохозяйственной продукции, однако это не смогло сдержать спекуляцию и рост цен, поскольку четких критериев установления цен в распоряжении регулирующих органов не было. Основным принципом определения предельных цен был уровень рыночной цены, но в годы войны тот отличался неустойчивостью и непрерывно возрастал. Серьезным просчетом утверждаемых цен было их различие по отдельным районам, что приводило к спекулятивным переброскам продуктов из одного района в другой с целью перепродажи по более высоким ценам. Предельные твердые цены предназначались для заготовок сельскохозяйственных продуктов на нужды армии, но поскольку они нередко превышали рыночные, происходил постоянный рост последних.

В ноябре 1915 г. были несколько расширены полномочия председателя Особого совещания: ему было предоставлено право устанавливать цены продаж как по всей стране, так и по отдельным районам на продовольственные продукты и фураж. На местах был создан институт уполномоченных Особого совещания. С целью более эффективного нормирования розничных цен Особым совещанием были намечены меры по регулированию снабжения населения продовольствием и установлению такс на предметы продовольствия. Определение продовольственных товаров, подлежащих таксировке, и установление размеров оптовых и розничных цен на отдельные товары возлагались на уполномоченных Особого совещания. Последние должны были действовать совместно с представителями широкого круга ведомств и учреждений, в большинстве своем не имевших отношения к торговой практике. Это были представители местной административной власти, различных ведомств, городских и земских учреждений, кооперативных союзов, а также торговые объединения.

В сентябре 1915 г. на заседании комиссии Особого совещания о мерах борьбы с дороговизной продуктов первой необходимости впервые обратились к рассмотрению вопроса о регулировании цен на сахар. Решение комиссии о предельной цене сахара-песка с тарифной надбавкой было утверждено 8 октября 1915 г. Тогда же Особое совещание по продовольственному делу с целью снабжения маслом армии запретило его вывоз за границу, а также свободную оптовую продажу и сдачу на хранение сибирского масла частными скупщиками. Искключительное право приобретения масла в Сибири было предоставлено Министерству земледелия по установленным предельным ценам. Однако эти закупочные цены постоянно увеличивались. В январе 1916 г. было образовано Центральное бюро по объединению закупок сахара во главе с представителем Особого совещания по продовольственному делу. По установленному положению, заявки на закупку сахара должны были направляться только в это бюро, которое распределяло их между сахарными заводами с учетом

их производительности и близости к месту поставок. Однако мероприятия по таксировке цен не дали положительных результатов, поскольку твердые цены на большую часть товаров были не обязательными для частных сделок. Фактически установление такс оказалось возможным только по сахару, соли и хлебу, в отношении которых применялась наиболее централизованная система закупок и снабжения.

Обеспечение спроса населения продолжало осуществляться путем свободной торговли, в системе которой твердые цены не соблюдались. В декабре 1916 г. правительство отменило таксы на все продукты, снабжение которыми не обеспечивалось правительственными заготовками. Правительство не смогло добиться устойчивости цен и приостановить их спекулятивное повышение. По отдельным группам товаров цены за годы войны в среднем возросли примерно одинаково (более чем в 2 раза), но при этом в наибольшей степени (в 4–5 раз) повысились цены на основные товары массового спроса: соль, гречневую крупу, ситец и бумазео, валяную обувь и др.*

Сокращение производства товаров для массового рынка, упадок сельского хозяйства и дезорганизация транспорта привели к нарушению экономических связей между отдельными районами страны, между городом и деревней. Не получая из города необходимых промышленных товаров и не желая продавать сельскохозяйственные продукты за обесценивавшиеся бумажные деньги, крестьяне стали сокращать поставку продуктов на рынок. Это привело к тому, что к 1916 г. страну охватил жесточайший продовольственный кризис. Особенно тяжелое положение создалось в Петрограде и Москве.

Помимо ряда мер по замене частного торгового оборота плановым распределением централизованными органами правительственной власти и общественных учреждений, правительство приняло административные меры по борьбе с дороговизной. Закон 8 сентября 1916 г. впервые установил ответственность за чрезмерное повышение цен, за что вводилось наказание в виде двух лет тюрьмы или штраф от 1 до 10 тыс. руб. Однако применение этого закона не повлияло на рост цен, так как редакция закона была неудачна: каралось не всякое повышение цен, а только «чрезмерное», причем определения последнего не давалось. Одновременно при Министерстве торговли и промышленности вводилась надзорная должность торговых инспекторов, которым предоставлялось право контроля за совершением торговых сделок. Однако это мероприятие не дало никаких результатов: оно было осуществлено накануне Февральской революции, когда на всю Россию насчитывалось только пять таких должностных лиц**.

Острый недостаток продовольствия наблюдался почти во всех воюющих странах, что вызвало необходимость нормирования продуктов питания путем введения карточной системы. Первой страной, введшей регулирование

* Духтияр Г. А. Внутренняя торговля в дореволюционной России. С. 193.

** ГА РФ. Ф. 5885. Оп. 1. Д. 15. Л. 184.

потребления, была Германия, где спустя полгода после начала войны появились карточки на хлеб, мясо, масло, керосин и др. Затем карточная система была установлена в Австрии. Но количество выдаваемых продуктов было настолько незначительным, что германо-австрийские карточки назывались «голодными».

В России вопрос об установлении карточной системы рассматривался комиссией Особого совещания о мерах борьбы с дороговизной продуктов первой необходимости осенью 1915 г., но введение ее по ряду соображений (отсутствие тогда дефицита на продовольствие, технические трудности) было признано нецелесообразным. Однако в провинции продовольственное снабжение складывалось настолько неблагоприятно, что местные органы власти сами приступили к нормированию снабжения. В 1916 г. в отдельных губерниях началось распределение по карточкам. Какой-то единой карточной системы не было. Первым продуктом распределения стал сахар – единственный продукт, в котором ощущался абсолютный недостаток. Лишь в некоторых местах (Костромская губерния, Рига, Нижний Новгород, Псков и др.) по карточкам выдавали также пшеничную муку и другие продукты. Нормы выдачи были различными и неустойчивыми, они устанавливались местными властями и зависели от состояния запасов. Главными органами распределения являлись лавки городских самоуправлений и местные кооперативы. Частная торговля привлекалась далеко не всегда, при этом действовала она не самостоятельно, являясь лишь своеобразной передаточной инстанцией*. В Риге отпуск сахара по карточкам был передан только торговцам, а потребительские общества вовсе не были допущены к снабжению населения. В большинстве случаев вольная продажа сахара или других продуктов, отпускавшихся населению по карточкам, запрещалась, но в некоторых местах наряду с продажей по карточкам продолжалась и свободная торговля**.

Во второй половине 1916 г., когда продовольственный кризис достиг значительных размеров, Особое совещание по продовольственному делу обратилось к нормированию потребления. Для сокращения потребления мяса и мясных продуктов были установлены мясопустные дни. Специальным законом от 30 июля 1916 г., одобренным Государственным советом и Государственной думой, было запрещено продавать мясо и мясopодукты (мясные консервы, колбасу, сало и др.) в торговых предприятиях и на рынках, а также мясные блюда в столовых, ресторанах и других предприятиях питания в течение четырех дней каждой недели. В эти же дни запрещался убой скота для продажи. Однако проведение этого закона в жизнь оказалось затруднительным. В последующем из закона были сделаны некоторые изъятия, которые, по существу, свели его роль к минимуму.

* Там же. Л. 197.

** Дихтяр Г. А. Внутренняя торговля в дореволюционной России. С. 197.

Наряду с нормированием потребления осуществлялись отдельные меры по усилению заготовок и увеличению объема товаров. Наиболее важными из них были введение обязательных поставок скота для государственных нужд и разверстка заготовок зерна по губерниям. Постановлением министра земледелия от 12 мая 1916 г. «О мерах для обеспечения скота для армии и населения» были утверждены заготовительные цены на крупный рогатый скот, овец и свиней по районам Европейской России. Одновременно было установлено, что в случае, если крестьяне будут противиться продаже скота по твердым ценам, земство или органы, их заменявшие, имеют право применять реквизицию скота по тем же твердым ценам на основе установленной разверстки.

В декабре 1916 г. правительство пошло на решительную меру в области снабжения хлебом. Была введена обязательная поставка хлеба в казну по твердой цене согласно разверстке, которая устанавливалась в централизованном порядке для каждой губернии, а внутри губернии – земскими управами с участием уполномоченного Особого совещания. Расчет за поставляемые по разверстке хлебопродукты производился по твердым ценам, которые устанавливались ниже рыночных. Введение принудительных поставок привело к тому, что крестьяне в массовом порядке стали скрывать запасы хлеба, стремясь реализовать его по свободным ценам. В итоге из хлебной разверстки, определенной в 771 млн пудов, до апреля 1917 г. удалось заготовить меньше половины – только 365 млн пудов.

Несмотря на то что валовой урожай хлеба в 1916 г. уменьшился на 17 % по сравнению с предыдущим годом и почти на 25 % – по сравнению с 1913 г., имевшиеся в стране запасы могли обеспечить потребности населения. Однако расстройство транспортной системы страны затрудняло доставку уже заготовленного хлеба в районы потребления. Более того, ухудшилось снабжение армии продуктами питания. В октябре 1916 г. армия недополучила 45 % продовольственных грузов, в ноябре – 46,3 %, в декабре – 67,1 %, в январе 1917 г. – 50,4 %, в феврале – 57,7*. Не лучше обстояло дело и в тылу. В январе–феврале 1917 г. продовольственное снабжение гражданского населения составило менее четверти намеченного объема. Продовольственные проблемы приобрели в январско-февральские дни 1917 г. наибольшую остроту. Правительство не могло обеспечить продовольственное снабжение рабочих даже тех предприятий, которые работали на оборону, хотя они были на особом учете и пользовались преимуществами по сравнению с другими. Война и продовольственный кризис обострили социальную ситуацию в стране, вызвав массовые волнения, закончившиеся в феврале 1917 г. свержением самодержавия.

* Шигалин Г. И. Военная экономика в Первую мировую войну. М., 1956. С. 202.

3. Рост кооперации

В предвоенный период ускорился процесс создания кооперативных союзов, в состав которых входили по преимуществу мелкие производители (крестьяне, ремесленники, кустари) и наемные рабочие. Число кооперативных объединений достигло 30 тыс. Среди объединений, оказывавших влияние на сферу внутренней торговли, выделялись потребительские кооперативы. В их задачи входило осуществление закупок и снабжение своих членов как можно более качественными товарами по низким ценам. Потребительские общества реализовывали продовольственные и бытовые товары, семена, мелкие сельскохозяйственные и кустарные орудия, ремесленно-кустарные изделия; создавали предприятия, а также занимались кредитными операциями. К началу 1914 г. суммарный товарооборот потребительских обществ составлял 3,5–4 % (250–300 млн руб.) отечественного товарооборота. В Российской империи насчитывалось 10 080 потребительских кооперативов, 9597 (95 %) из которых являлись потребительскими обществами. 88 % обществ функционировало в губерниях европейской части Российской империи. Наиболее быстрыми темпами их количество росло в Сибири. В отечественной потребкооперации преобладали сельские общества, составлявшие $\frac{4}{5}$ всех заведений*.

Кооператорами предпринимались усилия по созданию крупных объединений потребительских обществ, конкуренция со стороны которых тревожила частных торгово-промышленников, хотя в целом в союзы, по мнению А. П. Корелина, входило примерно 10–15 % всех обществ**. Наиболее влиятельной организацией потребкооперации был Московский союз потребительных обществ (МСПО), игравший роль центрального всероссийского объединения. Он опирался на торговую агентуру на местах, успешно занимался оптовыми закупками, сотрудничал с крупными фирмами и поставщиками-изготовителями. К началу 1914 г. МСПО объединял 1016 союзных обществ из 70 губерний и областей России.

Кроме потребкооперации закупочно-бытовыми операциями занимались сельскохозяйственные общества и товарищества, численность которых к 1914 г. составляла 4171 (3916 общих и 594 специальных)***, а также свыше 3,5 тыс. договорных артелей, включая маслодельные и сыроваренные. Подавляющая часть маслодельных артелей действовала в Западной Сибири, в основном в Тобольской и Томской губерниях. В предвоенное время наблюдался рост закупочных операций, осуществляемых кредитными кооператива-

* Корелин А. П. Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг. С. 193–194.

** Там же. С. 200.

*** Там же. По подсчетам М. Л. Хейсина – 5985 сельскохозяйственных обществ и товариществ. См.: Хейсин М. Л. Исторический очерк кооперации в России. Пг., 1918. С. 119.

ми. В посреднических сделках были задействованы Московский Народный банк и союзные кредитные объединения.

Первая мировая война повлияла на характер деятельности кооперации. Расстройство хозяйства и изменение конъюнктуры рынка отразилось на кредитных, посреднических и торговых операциях. За период войны число потребительских обществ выросло в 2,3 раза (по данным на 1 января 1914 г. – 10 тыс., на 1 января 1917 г. – 23,5 тыс.), число членов увеличилось почти в 5 раз (с 1400 тыс. до 6815 тыс.).^{*} Происходили изменения в социальном составе потребительской кооперации за счет увеличения численного состава городских обществ, среди которых в связи с продовольственным и товарным голодом возросла роль независимых рабочих потребительских обществ^{**}. В апреле 1916 г. в Петрограде был создан «Петросоюз», чуть позже, в сентябре 1916 г., образован союз рабочих кооперативов в Москве («Московское союзное товарищество»). Помимо этих объединений и в других городах (Харькове, Перми, Нижнем Новгороде, Самаре, Иванове) появились крупные рабочие кооперативы, имевшие свои лавки. Быстрыми темпами продолжала развиваться сельская потребительская кооперация. Товарооборот потребительской кооперации за 1913–1916 гг. возрос в 2,8–3 раза^{***}. В условиях дороговизны и недостатка товаров потребительская кооперация обладала преимуществом более твердых цен, вместе с тем ее влияние на общий уровень цен в частной торговле было невелико. Доля потребительских объединений в российском товарообороте составляла от 2 до 5 % в 1913 г. и приблизительно 10 % в 1917 г.^{****}

Большая часть кооперативных союзов потребительских обществ входила в состав МСПО. Московский союз потребительских обществ, подвергавшийся упрекам за чрезмерную централизацию деятельности, во время войны перешел от практики создания торговой агентуры на местах к образованию торгово-закупочных центров, работавших в основном по заказам местных районных союзов. На прошедшем в 1916 г. съезде представителей сибирских потребительских обществ при Новониколаевском отделении Московского Народного банка при посредничестве МСПО была образована Товарная комиссия по закупкам и сбыту (Закупсбыт), ставшая серьезным союзным объединением сибирских кооперативов. Закупсбыт занимался заготовками и реализацией хлеба, пушнины, мясо-молочных продуктов, табака, меда. Это объединение выступало филиалом МСПО на внутреннем и внешнем рынках. Закупсбыт стал одним из универсальных объединений, занимавшихся не только закупкой и сбытом товаров, но и их производством. В 1916 сформировался и Областной союз Забайкальских кооперативов с центром в Чите, в который помимо по-

^{*} Хейсин М. Л. Исторический очерк кооперации в России. С. 223.

^{**} Подробнее см.: Корелин А. П. Кооперация и кооперативное движение в России. С. 340–341.

^{***} См.: Дихтяр Г. А. Внутренняя торговля в дореволюционной России. С. 230–231.

^{****} Корелин А. П. Кооперация и кооперативное движение в России. С. 369.

требительских обществ и кредитных кооперативов вошло несколько десятков маслодельных артелей. В 1917 г. МСПО включал 3317 организаций (в том числе 285 союзных) из 81 губерний и областей России. Его торговые обороты, составлявшие в 1914 г. 10,3 млн руб., в 1917 г. достигали 210,7 млн руб. По этим показателям он занимал третье место среди кооперативов Европы*. Одним из крупнейших партнеров МСПО был Московский Народный банк. Кроме того, МСПО участвовал в работе Центрального комитета общественных организаций по продовольственному делу, образованному в середине 1916 г.

Тенденцию к объединению деятельности во время войны проявили не только потребительские кооперативы, но и сельскохозяйственные общества, товарищества и артели, общее число которых к началу 1917 г., по данным М. Л. Хейсина, возросло до 8232**. Приспосабливаясь к конъюнктуре рынка, объединения наращивали выпуск молочной и маслодельной продукции. В августе 1914 г. Союз сибирских маслодельных артелей получил исключительное право на поставку в армию сибирского масла. В условиях регулирования продовольственного снабжения и введения осенью 1915 г. твердых цен на масло право его закупки для органов Министерства земледелия было предоставлено только кооперативным организациям. Сибирский союз маслодельных артелей стал приобретать масло не только у своих членов, но и у артелей, не вошедших в него, а также у отдельных крестьян. В результате Союз занял ведущие позиции в общем вывозе масла из Сибири, превратившись по сути в центральную организацию, на долю которой в 1916 г. приходилось 92,6 % вывоза сибирского масла, в 1917 г. – 71,4 %. Кроме того, Союз участвовал в поставках в армию продовольствия и фуража, в регулируемом властями сбыте в городах. Товарищества и артели, входившие в Союз, пользовались льготным кредитом под залог произведенного молока и продуктов, приобретали через артельные лавки необходимые товары. В 1917 г. разветвленная сеть Союза сибирских маслодельных артелей включала 1410 артелей и 1167 артельных лавок. Союз имел 20 контор в крупных населенных пунктах, расположенных в основном вдоль железной дороги***.

С меньшим размахом при схожей структуре операций осуществляли свою деятельность союзные объединения северных и центральных губерний. Объединение артелей и товариществ северных губерний при товарном отделе Вологодского общества сельского хозяйства к 1917 г. включало 540 артелей Архангельской, Вологодской, Костромской, Вятской, Новгородской,

* Отчет о деятельности МСПО за 1916 г. М., 1917. С. 19; *Алексеева В. К.* Кооперативное движение в Сибири. Конец XIX – начало XX в. Новосибирск, 1993. С. 63.

** *Хейсин М. Л.* История кооперации в России. Л., 1926. С. 223.

*** *Пивоваров Н. Ю., Рышков В. М.* Сибирская кооперация в системе властных отношений в эпоху войн и революций 1914–1920 гг. // Власть и общество в Сибири в XX веке. Сборник научных статей. Вып. 3. Новосибирск, 2012. С. 41.

Олонецкой, Пермской и Ярославской губерний. Союз обеспечивал своих членов сельскохозяйственным оборудованием, продовольственными товарами, реализовывал масло, сыр, лен, овес.

Во время войны возникло и успешно работало благодаря возросшему внутреннему спросу новое крупное союзное объединение – льноводческое. Центральное товарищество льноводов, объединившее около 150 тыс. хозяйств, было образовано на съезде представителей региональных кооперативов в сентябре 1915 г. Льноводство во многом компенсировало нехватку хлопка для текстильных фабрик. Центральное товарищество льноводов осуществляло сбыт льна не только на внутреннем, но и на внешнем рынке, прежде всего в Великобритании.

В военный период возросло значение промысловых и складочно-закупочных артелей. К началу 1918 г. насчитывалось около 10 союзов промысловых артелей, было создано центральное объединение – Всероссийский съезд кооперативных товариществ по производству и сбыту кустарных и артельных товаров*. Существенно изменилась роль кредитной, производственной и сбытовой кооперации. В условиях сокращения экспорта сельскохозяйственных продуктов за границу и появления нового рынка – поставок продуктов в армию – расширились закупочные и сбытовые операции кооперативов. Крупным финансовым центром кооперации являлся Московский Народный банк, товарный отдел которого превратился в центральную закупочно-сбытовую организацию для кооперативов и их союзов. Тем не менее, несмотря на возросший объем кредитов, выданных кооперативам, банк не смог полностью удовлетворить их потребности в средствах.

* * *

В годы Первой мировой войны структура внутренней торговли претерпела существенные изменения. Царское правительство в деле распределения ресурсов охотно использовало учетный аппарат крупных объединений синдикатского типа или возможности, которыми располагали крупные промышленные объединения, прежде всего текстильные. При этом частная торговля путем различных мер регулирования постепенно вытеснялась из хозяйственной жизни, а ее место занимали другие организации – общественные, муниципальные, которые активно вовлекались в дело снабжения населения предметами первой необходимости.

Кроме того, в годы войны возросла численность кооперативных организаций, усложнилась структура кооперативной сети, существенно окрепли позиции кооперации в реализации продукции. На фоне деградации внутреннего рынка усилились распределительные функции кооперации.

* Корелин А. П. Кооперация и кооперативное движение в России. С. 309.

4. Внешняя торговля (А. Ю. Петров)

Мировая война серьезно изменила внешнеторговые связи Российской империи. Прежде всего, изменилась география российского экспорта и импорта. Прерванной оказалась сухопутная транзитная торговля России с западноевропейскими странами через территорию Германии и Австро-Венгрии. В связи с началом боевых действий между Россией и Турцией в ноябре 1914 г. торговля между странами прекратилась, а блокада Дарданелл лишила Россию возможности поддерживать торговые связи через Черное море с Италией, Францией, Англией и другими западноевропейскими странами. Вступление в войну Болгарии на стороне Германии и ее союзников в октябре 1915 г. привело к прекращению внешней торговли России с Балканскими странами. На Балтийском море сообщение сохранялось только через Ботнический залив со Швецией*.

В этой связи особое значение во внешней торговле России приобрели северные (Архангельск и Мурманск) и дальневосточные порты (Владивосток и Николаевск), а также транзитная дорога через Иран. Однако экономический эффект от использования новых торговых путей был далеко не полным – сказалась неразвитость транспортной инфраструктуры. Так, Мурманская железная дорога, связавшая центральные районы страны с незамерзающим портом на севере, была закончена только в конце октября 1917 г. Ширококолейная дорога от Архангельска до Вологды была проложена лишь в январе 1916 г. В Персии железная дорога доходила только до Тавриза (от Джульфы). Значительная часть Сибирской железной дороги оставалась однокорейной, что задерживало переброску военных грузов. Повсеместно ощущалась нехватка подвижного состава. Не соответствовала возросшей потребности и пропускная способность самих портов, что потребовало их дооборудования во время войны**.

С началом войны льготы и преимущества подданных неприятельских государств на территории России были отменены, пошлины на товары этих государств повышены вдвое, не облагавшиеся ранее товары обложены в размере их стоимости. В России, как и в других вовлеченных в войну странах, возросла роль государства во внешней торговле. Для ввоза и вывоза всех грузов требовалось разрешение Министерства торговли и промышленности, причем заявления рассматривались специальными комиссиями министерства совместно с Комитетами по делам суконной, хлопковой, спичечной, бумажной, кожевенной промышленности, Особым совещанием по топливу, Советом съездов представителей промышленности и торговли и пр.

В сентябре 1914 г. российское правительство ввело запрет на вывоз в неприятельские страны ценных металлов, в октябре 1916 г. – полный запрет на им-

* Шигалин Г. И. Военная экономика в Первую мировую войну. М., 1956. С. 196.

** Покровский С. А. Торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947. С. 288.

порт товаров из неприятельских государств. В мае 1916 г. правительство перешло к регулированию валютного рынка в стране, издав постановление о сдаче в Министерство финансов валюты за вывоз товаров. С 1 февраля 1917 г. был запрещен ввоз в Россию (независимо от страны происхождения) предметов роскоши, к которым были отнесены чернослив, шоколад, сардины, вина, парфюмерия, галантерея, кораллы, белье, платье и музыкальные инструменты.

Таблица 1

Экспорт, импорт, общий товарооборот и торговый баланс России, 1909–1917 гг.

Годы	Физический объем (млн пуд.)				Ценность (млн руб.)			
	экспорт	импорт	общий оборот	превышение экспорта над импортом	экспорт	импорт	общий оборот	превышение экспорта над импортом
1909–1913	1501,3	686,2	2187,5	+ 815,1	1501,4	1139,6	2641,0	+ 361,8
1914	814,3	649,1	1463,4	+ 162,5	956,1	1098,0	2054,1	– 141,9
1915	149,6	240,3	389,9	– 90,7	401,8	1138,6	1540,4	– 736,8
1916	148,0	318,2	466,5	– 169,9	502,0	2488,4	2990,4	– 1986,4
1917	63,4	213,8	277,2	– 150,4	488,1	2448,8	2936,9	– 1960,7

Источник: Народное хозяйство в 1916 году. Вып. 4. Пг., 1921. С. 34; Народное хозяйство в 1916 году. Вып. 7. Пг., 1922. С. 242.

В целом можно констатировать, что война нанесла наибольший урон экспортной торговле России. Так, если физический объем российского импорта в 1917 г. сократился в 3,2 раза по сравнению с предвоенным пятилетием, то экспорт снизился в 23,8 (!) раза (см. табл. 1). Столь резкий спад был вызван главным образом сокращением вывоза из России таких товаров, как хлеб и другие виды продовольствия, лес, нефть, кожи и др., на долю которых в довоенное время приходилась большая часть объема российской экспортной торговли. Свою роль в этом сыграла как правительственная политика (в частности, введенный осенью 1914 г. запрет на вывоз ряда стратегически значимых товаров), так и углубление кризиса в различных отраслях экономики страны. Некоторое значение сохранил лишь вывоз льна и пеньки. Но количество вывоза и по этим товарам сократилось: по льну с 18,6 млн пуд. в 1913 г. до 7,4 млн в 1916 г., по пеньке с 3,3 млн до 1,2 млн пуд.*

В то же время снижение ценности экспорта в текущих ценах было гораздо менее драматичным, а стоимость товаров, ввезенных в Россию в 1917 г., и вовсе возросла в сравнении с усредненными данными за 1909–1913 гг., что объяснялось высокой инфляцией и стремительным ростом цен. В результате свертывания экспортной торговли торговый баланс, в довоенное время характеризовавшийся значительным превышением экспорта над импортом, уже со второй половины 1914 г. дал отрицательное значение. В дальнейшем эта тен-

* Покровский С. А. Торговля и внешняя торговая политика России. С. 389.

денция продолжала нарастать, и к началу 1918 г. дефицит внешнеторгового баланса России составил без малого 2 млрд руб.

Что касается структуры российского импорта в годы войны, то она определялась в первую очередь потребностями русской армии, которая уже в первые месяцы после начала войны стала испытывать нехватку боеприпасов и военного снаряжения. Обеспечить потребности в вооружении и боеприпасах за счет собственной военной промышленности Россия не могла, и правительство было вынуждено обратиться к заграничным заказам продукции военного назначения. Определить точную долю этих заказов в общем объеме российского импорта нельзя, поскольку во внешнеторговой статистике они не выделялись отдельной статьей. Однако сведения о зарубежных военных поставках в Россию в рассматриваемый период все же имеются и будут рассмотрены ниже, при анализе внешнеторгового оборота России с отдельными государствами.

Как же изменилась структура российских внешнеторговых связей с началом войны? Германия, на долю которой в 1913 г. приходилось 29,8 % ценности российского экспорта и 47,5 % импорта^{*}, утратила позиции главного внешнеторгового партнера России сразу после начала боевых действий в августе 1914 г. (высокие показатели товарооборота между двумя государствами за 1914 г. целиком и полностью приходятся на первую половину года). В 1915–1917 гг. экспорт из России в Германию и Австро-Венгрию полностью прекратился, а германский импорт уже в 1915 г. упал до 2,2 % ценности всех ввозенных в Россию товаров (см. табл. 2).

Представление о структуре германского ввоза в Россию в годы войны дает закон, принятый в России в ноябре–декабре 1915 г., т. е. спустя больше года после начала войны, и разрешавший ввоз из *неприятельских государств* таких товаров, как семена, соль, сурьма, кислота, дубильные вещества, краски, чугун, железо, сталь, проволока, цветные металлы, иглы, инструменты, машины, оптика, физические приборы и аппараты, бумажная масса, писчебумажные товары, карты, книги, карандаши и готовальни^{**}.

На позиции главного торгового партнера России уже в 1915 г. выдвинулась Великобритания. В 1917 г. на ее долю приходилось 48,5 % ценности российского экспорта и 32,6 % импорта. С 1915 г. Великобритания заняла место Германии в качестве крупнейшего поставщика в Россию черных металлов, фабрично-заводских машин, химических продуктов и материалов, дубильных веществ, красок и красильных веществ. Порядка 75 % российского льна в 1915–1917 гг. вывозилось на Британские острова. Воспользовавшись увеличением спроса российской текстильной промышленности на сырье, Великобритания и США форсировали экспорт хлопка-сырца в Россию: в 1915 г. совокупный объем ввоза двух стран превысил довоенный уровень (6230 тыс. пуд. против 5710 тыс. пуд. в 1913 г.)^{***}.

* Там же. С. 242.

** Там же. С. 287–288, 393.

*** См.: Народное хозяйство в 1916 году. С. 202–217, 218–239.

Экспорт и импорт России по государствам, 1914–1917 гг. (млн руб.)

Годы Государства	1914		1915		1916		1917	
	1	2	1	2	1	2	1	2
Австро-Венгрия	38,9 (4,1)	23,8 (2,2)	–	1,4 (0,1)	–	2,4 (0,1)	–	0,2 (0,01)
Бельгия	49,2 (5,1)	6,2 (0,6)	–	0,6 (0,1)	–	0,4 (0,02)	–	0,3 (0,01)
Великобритания	189,6 (19,8)	171,1 (15,6)	155,5 (38,7)	287,4 (25,2)	179,3 (35,7)	701,6 (28,2)	236,7 (48,5)	797,7 (32,6)
Германия	249,2 (26,1)	429,7 (39,1)	–	25,0 (2,2)	–	9,1 (0,4)	–	9,1 (0,4)
Голландия	94,7 (9,9)	19,4 (1,8)	–	8,8 (0,8)	1,0 (0,2)	7,9 (0,3)	0,2 (0,04)	5,8 (0,2)
Дания	17,9 (1,9)	7,3 (0,7)	0,4 (0,1)	7,6 (0,7)	1,8 (0,4)	11,7 (0,5)	4,1 (0,8)	9,4 (0,4)
Италия	40,6 (4,2)	15,1 (1,4)	0,2 (0,05)	8,3 (0,7)	0,8 (0,2)	10,3 (0,4)	0,1 (0,02)	7,6 (0,3)
Норвегия	5,0 (0,5)	6,9 (0,6)	0,4 (0,1)	6,0 (0,5)	2,3 (0,5)	29,7 (1,2)	2,9 (0,6)	52,8 (2,2)
США	8,8 (0,9)	80,2 (7,3)	3,8 (0,9)	258,7 (22,7)	14,0 (2,8)	801,7 (32,2)	26,5 (5,4)	486,3 (19,9)
Франция	55,6 (5,8)	43,9 (4,0)	17,4 (4,3)	29,8 (2,6)	64,6 (12,9)	170,2 (6,8)	49,1 (10,1)	229,9 (9,4)
Швеция	6,4 (0,7)	11,2 (1,0)	4,6 (1,1)	54,9 (4,8)	6,2 (1,2)	91,4 (3,7)	14,8 (3,0)	94,4 (3,9)
Япония	1,3 (0,1)	12,0 (1,1)	4,1 (1,0)	134,5 (11,8)	–	242,2 (9,7)	–	34,3 (1,4)
Финляндия*	55,7 (5,8)	53,7 (4,9)	132,7 (33,0)	91,8 (8,1)	199,1 (39,7)	212,2 (8,5)	129,0 (26,4)	215,3 (8,8)
Румыния	12,7 (1,3)	1,9 (0,2)	3,3 (0,8)	1,3 (0,1)	4,6 (0,9)	1,2 (0,05)	–	0,4 (0,02)
Турция	15,5 (1,6)	10,1 (0,9)	–	0,6 (0,1)	–	1,2 (0,05)	–	1,0 (0,04)
Персия	52,9 (5,5)	41,3 (3,8)	51,2 (12,7)	53,0 (4,7)	–	–	–	–
Китай и Монголия	28,8 (3,0)	89,6 (8,2)	20,8 (5,2)	119,5 (10,5)	–	34,6 (1,4)	–	26,1 (1,1)
Ост-Индия	0,1 (0,01)	30 (2,7)	–	12,3 (1,1)	–	15,6 (0,6)	–	9,9 (0,4)
Прочие государства	33,1 (3,5)	44,6 (4,1)	7,6 (1,9)	37,5 (3,3)	2,3 (0,5)	33,2 (1,3)	0,2 (0,04)	46,0 (1,9)
ВСЕГО	956,1 (100,0)	1098,0 (100,0)	402,0 (100,0)	1139,0 (100,0)	502,0 (100,0)	2488,4 (100,0)	488,1 (100,0)	2448,8 (100,0)

1 – Экспорт (% к итогу).

2 – Импорт (% к итогу).

* – Великое княжество Финляндское в 1809–1917 гг. входило в состав России, однако было отделено от остальной части империи таможенной границей и вследствие этого в статистике внешней торговли учитывалось наряду с прочими иностранными государствами.

Источник: Народное хозяйство в 1916 году. Вып. 7. С. 242; Статистический сборник за 1913–1917 гг. Вып. 2. М., 1922. С. 2.

Важнейшей составляющей английского экспорта в Россию было вооружение и военное снаряжение, а также станки и оборудование для отечественной военной промышленности и смежных с ней отраслей. Все заказы в Великобритании производились через Русский правительственный комитет в Лондоне и на английские кредиты, которые приобрели особое значение в условиях исчерпания Россией собственных финансовых средств. Из Великобритании ввозились станки, пушки (48 % всех доставленных в Россию артиллерийских единиц), тогда как участие англичан в поставках в Россию винтовок (всего за 1914–1918 гг. ввезено 128 тыс. штук) и снарядов было невелико*.

США в годы войны стали второй по значимости страной в российской импортной торговле. В 1916 г. США даже обогнали Великобританию по ценности ввезенных в Россию товаров (32,2 % против 28,2 %), но в 1917 г. вновь уступили первенство англичанам (19,9 % против 32,6 %). Среди ввезенных из США товаров преобладали сталь, фабрично-заводские машины, химические продукты и материалы, канифоль, медь, ручные сельскохозяйственные орудия и инструменты. США в годы войны сохраняли господствующее положение на российском рынке сельскохозяйственной техники (в первую очередь уборочных машин), которое они заняли еще в довоенный период. Правда, спрос на сельскохозяйственные машины, в том числе заграничные, в России за годы войны сильно упал, что было связано со свертыванием экспортной хлебной торговли и массовым оттоком аграрного населения на фронт.

Особое значение приобрели для России поставки американских автомобилей, поскольку из пяти частных автомобильных заводов, строительство которых началось в России летом 1916 г., ни один не мог начать выпуск продукции ранее 1918 г. Так, в рамках утвержденного Особым совещанием по обороне заграничного заказа на автомобили (ноябрь 1915 г.) машины грузоподъемностью 4–5 т закупались исключительно в Америке, от 1,5 до 3 т – по большей части также в США. Там же заказывались $\frac{2}{3}$ легковых автомобилей, а остальная треть размещалась в Англии, Франции и Италии; в такой же пропорции распределялся и заказ на мотоциклы. Всего в ноябре 1915 г. в США было заказано 7729 грузовых и 3067 легковых автомобилей. Это, несомненно, был крупный заказ, так как к 1914 г. во всей русской армии было всего лишь 5 автомобильных рот, 6 отдельных команд и учебная автомобильная рота, в которых находилось 418 грузовых, 259 легковых, 2 санитарных и 32 вспомогательных автомобиля, а также 101 мотоцикл и 2 трактора. После объявления мобилизации от населения поступило в армию свыше 4000 машин, но, главным образом, легковых; грузовых же среди них было всего 475 штук**. Не известно, правда, в каком объеме был выполнен этот заказ.

* Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. С. 280.

** Там же. С. 254–257.

Помимо перечисленных предметов, за время войны из Америки поступило огромное количество проволоки, металлов, инструментов, сырых материалов (кожи), обуви, сукна. Кроме того, США являлись главным поставщиком в Россию подвижного состава и предметов железнодорожного оборудования (паровозы, вагоны, рельсы и т. д.). Доля США в экспорте России оставалась незначительной, хотя и увеличилась с 0,9 % ценности всех вывезенных товаров в 1915 г. до 5,4 % – в 1917 г.

Что же касается военных поставок, то, согласно данным американской статистики внешней торговли, экспорт из США в Россию по этой статье резко возрос в 1915/16 г. В 1914/15 г. военных предметов было вывезено на 10,9 млн долл., а в следующем году – уже на 113,8 млн долл., т. е. более чем в 10 раз, еще через год эта цифра достигла 390,9 млн долл. Огромный рост поставок происходил главным образом за счет огнестрельного оружия (около 2 млн долл. в 1914/15 и 49,2 млн долл. в 1917 г.), пороха (1,4 млн долл. в 1915 г., 57 млн долл. в 1916 г. и 92,7 млн долл. в 1917 г.) и особенно за счет всех других взрывчатых веществ, экспорт которых вырос с 1,3 до 202,5 млн долл.* Правда, далеко не все военные заказы России в США выполнялись в полном объеме и в срок. Так, из заказанных 3,6 млн винтовок было доставлено лишь 657 тыс., а заказы по артиллерии были выполнены всего на 2 %. В то же время значительную помощь России оказала американская промышленность в поставках пулеметов и ружей-пулеметов**.

Франция в годы войны стала для России вторым по значимости (после Великобритании) рынком сбыта. Доля Франции в импортной торговле России в 1914–1917 гг. увеличилась с 4 % до 9,4 % ценности всего российского импорта, хотя по абсолютным показателям она сильно уступала Великобритании и США (см. табл. 2). Франко-русская торговля в этот период осуществлялась через Архангельск и транзитом через Швецию и Норвегию. Франция во время войны являлась одним из основных поставщиков вооружения в Россию. Там было заказано около трети всех снарядов и большое количество артиллерии (около 30 % всех доставленных в Россию орудий), винтовок (641 тыс. штук трех систем), снарядов. Аэропланы с моторами для русской армии заказывались исключительно во Франции, хотя заказы выполнялись не в полном объеме: так, из заказанных в декабре 1915 г. 586 аэропланов поступило в Россию 306, или 52 %. Из 1928 моторов для аэропланов, заказанных отдельно от них в декабре 1915 г. за границей, 1688 пришлось на долю Франции, которая в итоге выполнила заказ на треть***.

* Сидоров А. Л. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны. С. 380.

** Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. С. 280.

*** Там же. С. 257.

Что же касается менее крупных внешнеторговых партнеров России, то война вызвала резкое сокращение товарооборота с Бельгией, Голландией, Данией и Италией*, тогда как экспорт в Россию из Швеции и Норвегии в 1914–1917 гг., напротив, заметно вырос: ценность ввоза из Швеции повысилась с 11,2 до 94,4 млн руб., из Норвегии – с 6,9 до 52,8 млн руб. Увеличение удельного веса товаров из Швеции и Норвегии в российском импорте было вызвано главным образом активизацией торговли через Ботнический залив, который, в отличие от остальной Балтики, был относительно безопасен для торгового судоходства.

Через Швецию Россия в 1915–1917 гг. получила 54,1 % физического объема всего ввезенного чугуна, 38,5 % железа и 30,6 % стали. Швеция также являлась вторым по значимости (после США) экспортером простых сельскохозяйственных машин в Россию в годы войны. Однако, сохраняя нейтралитет в войне, Швеция тем не менее придерживалась прогерманской ориентации и зачастую использовала выгоды своего положения в ущерб экономическим интересам России. Известен, в частности, случай, когда в 1916 г. шведы требовали лес или лен даже за транзитные станки, угрожая в противном случае «объявить станки абсолютной контрабандой». Такая опасность на тот момент угрожала 758 станкам, и поверенный в делах в Швеции рекомендовал пойти на уступки и компенсировать Швецию фуражом и льном. В другой раз, в январе 1917 г., шведское правительство изготовило для России 10 тыс. ружейных стволов, но так как компенсация жмыхами и смазочными материалами быстро не последовала, то вторая партия ружейных стволов была задержана**.

В действительности доля скандинавских стран во внешней торговле России в годы мировой войны была выше, чем показывают данные о прямом товарообороте с ними. Дело в том, что немалая часть товаров из Швеции и, в меньшей степени, Норвегии ввозилась через территорию Великого княжества Финляндского (ВКФ), отделенного от Российской империи таможенной границей. Соответственно такие товары в таможенной статистике фиксировались как «финляндские», хотя на самом деле речь шла о транзите.

Кроме того, в 1915–1917 гг. через ВКФ проходило свыше трети всего российского экспорта. По экспорту же отдельных товаров ВКФ вообще занимало исключительное положение. Так, в 1915–1917 гг. через финляндские таможни в среднем за год вывозилось (в весовых показателях) 94,7 % сахарного песка, 71,8 % нефти и нефтяных продуктов (причем увеличение удельного веса ВКФ

* С лета 1916 г. и до Октябрьской революции 1917 г. российское правительство разместило крупные военные заказы в Италии на орудия, авиационные моторы, ружейные патроны, грузовики и т. д., однако фактически получена была лишь малая часть заказанного. Подробнее об этом см.: *Сидоров А. Л.* Финансовое положение России в годы Первой мировой войны. С. 406–414.

** *Сидоров А. Л.* Финансовое положение России в годы Первой мировой войны. С. 324.

произошло главным образом за счет резкого снижения экспорта нефти и нефтяных продуктов через прочие участки таможенной границы) и 62 % хлебных грузов (в том числе 99,5 % ржи, 99,7 % ржаной муки, 98,5 % отрубей и 93,4 % пшеничной муки).

Нити экономического сотрудничества в годы войны тянулись из России не только на Запад, но и на Восток. С 1914 по 1916 г. японский экспорт в Россию вырос в 20 раз (см. табл. 2). Помимо металлов, оборудования и предметов военно-технического снаряжения Япония поставляла в Россию винтовки, пушки, орудийные снаряды. Всего за годы войны Япония продала и поставила России не менее 820 тыс. винтовок, 1135 орудий и 5,6 млн выстрелов к ним, или более $\frac{1}{7}$ всех иностранных заказов на снаряды. Винтовок Япония, таким образом, поставила больше, чем Франция (641 тыс.), США (657 тыс.) и Италия и Англия, вместе взятые (528 тыс.). Более широкому использованию японского рынка мешали отсутствие валюты (Англия весьма неохотно отпускала России кредит под закупки японских товаров), нежелание японских коммерческих кругов предоставить России кредит и противодействие японского правительства, добивавшегося за поставку оружия уступок со стороны России на Дальнем Востоке (японцы претендовали на покупку 96 верст КВЖД от Харбина до Чанчуна)*. Вместе с тем по линии госдолга Япония являлась одним из ведущих кредиторов России на общую сумму 240 млн руб.**

Помимо Японии крупными внешнеторговыми партнерами России на восточном направлении были Китай и Монголия (учет товарооборота с этими странами в рассматриваемый период велся по одной статье) и Персия. Российский экспорт в эти государства и импорт из них имел схожую структуру: на вывоз шли мука, сахарный песок, сахар-рафинад, шерсть, деревянные изделия, бумажные ткани, тогда как ввозились хлопок-сырец, шелк-сырец, шерстяные, пеньковые и льняные изделия. Кроме того, Персия являлась важным рынком сбыта для русского керосина, нефти и нефтяных продуктов: в 1915 г. на долю Персии пришлось 59,3 % всего вывезенного из России керосина и 49,1 % – нефти и нефтяных продуктов. Нарастание экономического кризиса внутри России вызвало прекращение внешней торговли с Персией с 1916 г. Тогда же прервался российский экспорт в Китай и резко сократился привоз товаров из этой страны (см. табл. 2).

В целом структура и объем внешней торговли России в годы войны определялись, во-первых, объективно неизбежным процессом переориентации страны на новые рынки и партнеров, во-вторых, уровнем развития ее транспортной сети, промышленности и сельского хозяйства и, в-третьих, экономической политикой российского правительства. Главными предметами российского

* Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. С. 278–279.

** Сидоров А. Л. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны. С. 503, 525.

импорта в этот период стали оружие и боеприпасы, а также оборудование, необходимое для их производства внутри страны. Приток импортных машин в отрасли, не связанные с производством вооружения, а также в сельскохозяйственный сектор, напротив, сократился, чему во многом способствовала практика распределения заграничных кредитов. Большая часть средств, полученных Россией от Великобритании, выступившей в роли главного кредитора ее внешней торговли в годы войны, расходовалась по линии военного и морского ведомств и Кредитной канцелярии, работа которых была тесно связана с войной. На долю частной промышленности приходились мизерные суммы – в 8 раз меньше, чем на долю Кредитной канцелярии, которая получила свыше трети израсходованных средств. Рост импорта происходил на фоне стремительного свертывания экспортной, прежде всего хлебной, торговли России, что неизбежно ухудшало состояние торгового и платежного баланса страны и вело к увеличению внешней задолженности государства.

Неизменный рост расходов России на закупки вооружения в военное время далеко не соответствовал объемам фактически получаемого оружия, поскольку многие заказы выполнялись неаккуратно. К тому же на структуру и объем этих заказов в большей степени влияли не действительные потребности русской армии, а соображения финансовой целесообразности и коммерческой выгоды зарубежных кредиторов. Истощение в ходе войны внутренних ресурсов в сочетании с недостаточной помощью извне (вследствие постепенного затухания внешней торговли) стали одной из причин углубления экономического кризиса в России и последовавшего за ним социального взрыва.

Глава 4. ТРАНСПОРТНАЯ СИСТЕМА

(Э. Г. Истомина, А. С. Сенин)

1. Накануне войны

Огромные пространства империи (одна шестая часть суши земного шара) предопределили первостепенное значение транспорта в России. Накануне мировой войны транспортный комплекс страны был представлен гужевым, речным, морским и железнодорожным транспортом. Сеть перевозок была сконцентрирована в основном в европейской части страны. Здесь к 1914 г. находилось 25 % железных дорог, 65 % внутренних судоходных путей и почти все дороги с твердым покрытием, а также самые крупные морские порты*. Неравномерность обслуживания транспортом различных районов страны, разный уровень технического развития его отдельных видов, наконец, противоречивое влияние политики правительства на модернизацию отдельных его видов затрудняли планомерное использование транспортной системы для целей войны.

Наименее подготовленными к военным действиям видами транспорта оказались гужевые и водные пути, так как стремительное развитие железнодорожного транспорта затормозило их техническое усовершенствование. Основную массу дорог в Российской империи составляли грунтовые дороги. На 1913 г. общая протяженность шоссейных, замощенных и грунтовых дорог Российской империи (без Финляндии) составляла 726,2 верст. Вместе с полевыми и проселочными на территории 43 губерний, где имелись земские учреждения, насчитывалось 1230,9 верст дорог**. К началу мировой войны общая протяженность сети шоссейных и мощеных дорог в России составляла всего около 36 тыс. км, из них менее 0,5 % приходилось на долю ее азиатской части***.

* *Никольский И. В., Тоняев В. И., Крашенинников В. Г.* География водного транспорта СССР. М., 1975. С. 39.

** *Кудрявцев А. С.* Очерки истории дорожного строительства в СССР (дооктябрьский период). М., 1951. С. 235.

*** Под шоссейными подразумевались также и дороги из крупного камня – мощеные. К грунтовым причислялись не только дороги с полотном из естественного грунта, но и покрытые деревом, хворостом, гравием и проч.

В большинстве центральных губерний на 100 кв. км приходилось всего 8,3 км грунтовых дорог. В средней и южной полосе России эти дороги содержались в неудовлетворительном состоянии – весной и осенью проезд по ним практически был невозможен. Зимой движение часто прекращалось из-за снежных заносов. В северных губерниях до трети населенных пунктов осуществляли связь с внешним миром, при отсутствии водных путей, исключительно верховыми и пешеходными тропами.

Заботы государства ограничивались лишь содержанием важнейших шоссейных дорог (протяженность магистральных шоссе – 10 104 версты), составлявших сеть стратегических путей. В 1914 г. на 10 тыс. жителей Европейской России имелось 2,8 км шоссе, в то время как во Франции – 148 км, Германии – 45 км*. Неравномерность насыщения дорогами различных частей России была характерным явлением. Наибольшим количеством как шоссе, так и грунтовых дорог располагала Польша, затем Литва и Прибалтийский (Остзейский) край. Почти не обслуженной дорогами была Сибирь, что затрудняло во время войны вывоз хлеба из глубинных районов к железной дороге. Не имели шоссейных дорог Поволжье, Урал и Левобережная Украина.

Из-за бездорожья население было вынуждено использовать телеги такой вместимости, которые позволяли при необходимости вытащить их из грязи собственными руками. Сельские хозяева стремились подвезти хлеб до ближайшей железнодорожной станции обязательно до наступления осенней распутицы, что способствовало накоплению такого количества грузов, которое железные дороги отправить по назначению за короткие сроки были не в состоянии. На юге России сохранялся средневековый промысел по перевозке товаров на волах, посредством которого поддерживалось торговое сообщение Украины с Доном и Крымом. Сохранение так называемого «чумачества» в начале XX столетия профессор К. А. Оппенгейм, всесторонне изучавший российский транспорт, назвал «полнейшей аномалией». Согласно довоенной статистике прямой ущерб от бездорожья оценивался ежегодно в 400–500 млн рублей**. На обширной территории империи (без Финляндии и Польши) к 1914 г. было проложено всего 22,2 тыс. км шоссейных и 5 тыс. км мощеных дорог.

Внутренний водный транспорт, до появления железных дорог игравший исключительно важную роль в коммуникационной системе России, перед войной оказался на периферии внимания правительства. Между тем основные перевозки продукции сельского хозяйства, промышленности, леса, строительных материалов, нефти, угля, различного сырья осуществлялись преимущественно водным транспортом, средства передвижения которого и часть речной инфраструктуры находились в частных руках. Ежегодный грузооборот речного транспорта (Волжский, Невский, Днепровский, Северо-Двинский и в

* *Дубелир Г. Д.* Грунтовые дороги. 2-е изд. Киев, 1914. С. 1–2.

** *Оппенгейм К. А.* Россия в дорожном отношении. М., 1920. С. 51.

Сибири – Обский и Амурский бассейны) в последнее пятилетие перед войной составлял в среднем 2,5 млрд пудов за навигацию*. Однако рост объема перевозок ограничивали неблагоприятные природно-климатические условия – короткий навигационный период на большинстве рек.

Мешали судоходству и множество порогов (на Днепре, Западной Двине, Волхове и др.), мелководье, перекаты и мели на многих реках, а также и переходы через шлюзованные участки рек и каналы искусственных водных систем, многие из которых требовали реконструкции. Все мероприятия в этом отношении, ранее намеченные и частично осуществляемые, с началом войны были приостановлены. На главных судоходных реках отсутствовали специально оборудованные порты. Большинство из них не было связано удобными дорогами с железнодорожной сетью. Наличие значительного количества дешевой рабочей силы позволяло владельцам судов не заботиться о механизации погрузочно-разгрузочных работ. Все это, вместе взятое, серьезно замедляло доставку грузов речным транспортом. Тем не менее его роль в перевозке массовых грузов (хлеб, лес, уголь, строительные материалы, нефть, боеприпасы и проч.) как в тылу, так и в прифронтовой территории была чрезвычайно велика.

Особое положение в транспортной системе России занимало морское судоходство. Накануне мировой войны ввиду ускоренного подъема экономики и сельского хозяйства значение российского морского транспорта в обеспечении внутреннего и внешнего рынков все более возрастало. Так, в 1913 г. на долю коммерческого флота пришлось 30,9 млн т различных грузов, в том числе на экспорт – 14,5 млн т, импорт – 5,5 млн т, большой каботаж – 571 тыс. т, малый каботаж – 10,3 млн т**. Однако импортные и экспортные грузы доставлялись на судах, принадлежавших в основном западноевропейским фирмам (75,9 %), среди которых лидировали германские компании. Чтобы перевезти всю массу товаров, прибывших в 1913 г. в русские порты на отечественных судах, необходимо было увеличить торговый флот России примерно в 30 раз. Большинство отечественных паровых судов также было построено за границей. Так, в 1913 г. из 1103 судов парового флота 806 (73 %) были закуплены за границей. Для развития народного хозяйства России слабое развитие отечественного торгового флота являлось очевидным минусом: только на фрахтах иностранным судовладельцам отечественная внешняя торговля теряла ежегодно 125 млн рублей***.

Основную массу товаров, экспортировавшихся из России, составляли сельскохозяйственное сырье и продукты его переработки. Сложилась определенная специализация портов. Так, через Либаву и Ревель вывозились зерновые

* Павличинский А. А. Пути сообщения СССР. М.; Л., 1925. С. 51.

** Материалы по статистике путей сообщения. Вып. 55. М., 1925. С. XI.

*** Артюхов Я. С. Пути сообщения и средства сношений // Природа и хозяйство России. Вып. 2. М., 1923. С. 31.

хлеба, через порты Белого моря – лесные материалы. Петербург и Рига принимали суда с импортным углем. В ряд других балтийских портов поступали различные промышленные товары. В Каспийском бассейне специализировались прежде всего на перевозках нефти.

Помимо слабого развития отечественного судостроения значительной модернизации требовали и морские порты, в которых механизация погрузочно-разгрузочных работ оставалась на низком уровне. За небольшим исключением российские порты не имели также достаточного количества помещений для хранения и механизмов для переработки грузов (элеваторы, эллинги, доки и проч.). Сдерживала портовые работы и малая протяженность причалов. Работу морского транспорта в значительной мере тормозили и природно-климатические условия. Так, Белое море у Архангельска замерзало в среднем на 200 дней, Финский залив с крупнейшим балтийским портом Петербургом – на 145 дней. Черное море, бедное естественными бухтами, было подвержено сильным и частым штормам. Особые сложности испытывало судоходство на Черном и Балтийском морях, связанных с другими морями и океанами легко блокируемыми проливами, что и случилось во время войны. Эти бассейны не превратились в замкнутые пространства лишь благодаря военным действиям военно-морских сил и дипломатическим усилиям правительства.

Несмотря на все сложности, морской торговый флот оказал огромное содействие при выполнении различных боевых заданий на всех морских бассейнах России, приобретая стратегическое значение. Принятие накануне войны закона о судовой повинности сыграло большую роль в пополнении военно-морских сил России. Большинство торговых судов на Балтике, Черном море и Севере вошли в постоянный состав военных транспортных флотилий, занимаясь снабжением военных кораблей, военно-морских баз, приморских группировок российских войск, перевозкой техники, войск и других грузов. Переоборудованные торговые суда вместе с военными кораблями участвовали в боевых действиях, ставили и тралили мины, охраняли фарватеры и базы, обстреливали сухопутные позиции противника. Значительная часть торговых судов в военное время выполняла обязанности учебных, госпитальных, гидрографических и спасательных судов Балтийского и Черноморского флотов, десятки судов обслуживали военные порты и перевозки стратегического сырья, боеприпасов и техники, поступавших от союзников.

Главным же видом российской транспортной системы являлся железнодорожный. К 1914 г. в Российской империи было построено 72 981 км железнодорожных линий, в том числе в европейской части 62 198 км, в азиатской – 10 783 км*, что составляло вторую по протяженности железнодорожную сеть в мире после США. Однако ввиду огромных пространств страны Россия уступала другим державам по густоте железнодорожных линий. В европейской части России в 1913 г. на 100 кв. км приходилось всего 1,1 км железных дорог,

* *Отпенгейм К. А.* Россия в дорожном отношении. С. 109, 113.

в то время как во Франции 9,4 км, в Германии – 11,9 км, Великобритании – 12,1 км. В начале 1920-х годов транспортная секция Госплана подсчитала, что при сохранении интенсивности движения 1913 г. в 95 млн пудо-верст на 1 версту России необходимо было иметь сеть протяженностью в 165 тыс. км². Причины слабости нашей железнодорожной сети следует искать в истории железнодорожного строительства. По оценке И. Д. Михайлова, ее рост шел крайне неравномерно и не соответствовал росту производительных сил страны. Строительство дорог после бума 1880–1890-х годов постоянно сокращалось. В 1900–1904 гг. было построено 8222 версты, в 1905–1909 гг. – 6160, а в 1910–1914 гг. – 3466^{**}.

Еще в 1908 г. руководители военного ведомства выразили тревогу по поводу состояния железнодорожной сети. Обер-квартирмейстер Главного управления Генерального штаба М. В. Алексеев составил записку «Об инженерной подготовке будущего театра военных действий», содержание которой с некоторыми изменениями вошло в доклад военного министра В. А. Сухомлинова «О мероприятиях по обороне государства».

Алексеев в первую очередь обратил внимание на недостаточность дорог вдоль государственной границы на западе Российской империи. Со стороны России к границе выходило 13 линий с 18 колеями. Германия, Австро-Венгрия и Румыния имели 32 железнодорожные линии с 36 колеями. Пропускная способность российских дорог – 106 пар поездов в сутки, западных соседей-противников – 530 пар. Алексеев писал: «Сравнительная малочисленность числа колеи, подходящих к западной границе, и присущие нашей железнодорожной сети недостатки указывают на трудность успешного сосредоточения наших сил к исходным районам *и почти исключают*, в особенности при современных политических союзах, возможность рассчитывать на сборы наших войск к границе с переходом затем в наступление. При современной войне мы опаздываем в деле сосредоточения дней на двадцать сравнительно с нашими врагами. Состояние наших железных дорог при существующей у нас дислокации внушает серьезные опасения, что войска в пограничной полосе могут быть вслед за объявлением мобилизации атакованы превосходящими силами противника без возможностей быть действительно поддержанными войсками внутренних округов»^{***}. Алексеев придавал большое значение строительству новых линий и прокладке вторых и третьих путей на старых линиях. Он также подчеркивал необходимость улучшения железнодорожной связи центральных губерний с окраинами империи^{****}.

* *Борисов И. Н.* План железнодорожного строительства и схема Госплана. Б. м., б. г. С. 45.

** *Михайлов И. Д.* Эволюция русского транспорта 1913–1925. М., 1925. С. 10.

*** Цит. по: *Сидоров А. Л.* Железнодорожный транспорт России в Первой мировой войне и обострение экономического кризиса в стране // Исторические записки. М., 1948. Т. 26. С. 13.

**** Доклад о развитии русской железнодорожной сети. СПб., 1912. С. 62–63.

Но в предвоенные годы государство не нашло средств на сооружение абсолютного большинства этих дорог. Ставка была сделана на улучшение организации работы транспорта, улучшение его экономических показателей. Под руководством министра путей сообщения С. В. Рухлова решительно обновлялся парк пассажирских вагонов и локомотивов. На всех важнейших направлениях началось движение скорых и курьерских поездов. Впервые были назначены прямые (без пересадки на границах железных дорог или в крупных железнодорожных узлах) поезда для перевозки пассажиров в самые отдаленные районы империи. Почти повсеместно было введено газовое или электрическое освещение вагонов. Помимо технических усовершенствований на железных дорогах была усилена трудовая дисциплина. Решительно велась борьба с безбилетным проездом, перевозкой одних товаров по тарифам других и т. п.

Рухлов по праву гордился финансовыми результатами своей деятельности на посту министра путей сообщения. За пять лет валовой доход казенных железных дорог увеличился на 52 % и достиг 825,6 млн руб., в то время как расходы выросли всего на 16 %. Доход с одной версты с 1908 по 1913 г. вырос с 2322 руб. до 7031 руб. Рухлов писал императору: «Вследствие сего приемлю долг всеподданнейше доложить Вашему императорскому величеству, что, независимо даже от неоспоримых общегосударственных выгод казенной эксплуатации железных дорог, крупные затраты государства на создание казенной сети представляются и коммерчески вполне оправдываемыми»*.

Накануне войны было завершено строительство ряда железнодорожных линий общей протяженностью 1347 верст**. В связи с началом постоянной эксплуатации Финляндской соединительной линии, окончательно сложился Петроградский железнодорожный узел***. В 1913 г. было завершено строительство двух крупных мостов через Волгу: у Ярославля (автор проекта С. И. Ольшевский) и у Свияжска (руководитель проекта Н. А. Белелюбский). Пролеты моста у Ярославля составили 145 м, у Свияжска – 158 м и были рекордными для европейских мостов. На Юго-Западных железных дорогах в 1913–1914 гг. впервые стали применяться радиостанции. В 1914 г. радиостанция была использована для регулирования движения железнодорожного паромы «Байкал».

О состоянии железных дорог объективно свидетельствуют материалы совещания состоявшегося 24 мая 1912 г. под председательством товарища министра путей сообщения Н. Л. Щукина. Обсуждался вопрос о прохождении

* Всеподданнейший отчет о деятельности Министерства путей сообщения за пятилетие с 1909 по 1913 год. Пг., 1914. С. 2, 3.

** Краткие сведения о развитии отечественных железных дорог с 1838 по 2000 г. / Сост. Г. М. Афонина. 2-е изд. М., 2001. С. 85.

*** *Логинов С. И., Уздин М. М.* Образование и развитие Петербургского железнодорожного узла (1851–1917 гг.) // Интенсификация эксплуатационной работы на железных дорогах: Сб. трудов. Л., 1988. С. 103.

императорского поезда по железным дорогам России в связи с предстоящим празднованием 300-летия Дома Романовых. Выяснилось, что мосты через реки Москва, Ока, Пахра на участке Москва – Тула не выдержат прохождения поезда с двойной тягой и паровозов с 4-осными тендерами. В таком случае требовалась расцепка паровозов и смена тендеров. На некоторых дорогах (например, Рязань – Козлов – Саратов) были уложены легкие рельсы, и использование подвижного состава с давлением на ось 12,5 тонн было запрещено. По таким дорогам императорский поезд пройти уже не мог*.

Накануне войны на большинстве линий отсутствовала централизация управления стрелками и сигналами. Поэтому перевод стрелок и изменение положения крыльев семафоров осуществлялись вручную. Только на отдельных участках железных дорог, и то в виде опытов, применялась автоблокировка**. В 1913–1914 гг. на многих станциях и целых участках стрелочные посты были оборудованы телефонной связью с помещением дежурного по станции. К концу 1913 г. 10 914 стрелок было оборудовано системой централизованного управления, но большинство стрелок по-прежнему переводилось вручную и запирались висячими замками. На всей сети было установлено 9857 телефонных аппаратов. Путьевая блокировка и жезловая сигнализация действовали на 34 704 верстах***. Крайне медленно разворачивались работы по электрификации железных дорог.

Война застала страну с недостаточным количеством подвижного состава. К 1914 г. паровозный парк насчитывал 18 695 паровозов, в том числе 3550 пассажирских. 54 % паровозов инвентарного парка были построены в 1900–1913 гг.**** К 1912 г. на казенных железных дорогах было 3902 паровоза, выпущенных паровозостроительными заводами в период с 1857 по 1891 г. Эти «почтенные ветераны» подлежали списанию, но продолжали эксплуатироваться*****.

В начале XX в. в России вагоны строились на 19 частных заводах. Комиссия под руководством Н. Л. Щукина, обследовавшая эти предприятия в 1912 г., установила их ежегодную производительность в 30 тыс. вагонов*****. Но даже имевшиеся мощности перед войной не использовались. Законодательные

* РГИА. Ф. 273. Оп. 6. Д. 338. Л. 64, 112, 148 об.–149 об., 371–371 об. Один из вагонов императорского поезда (кухня) имел давление на ось в 13,4 тонны.

** Под автоблокировкой понимался способ регулирования движения поездов на перегоне, при котором открытие и закрытие блок-сигналов (семафоров и светофоров) происходят автоматически, без непосредственного участия человека.

*** Всеподданнейший отчет о деятельности Министерства путей сообщения за пятилетие с 1909 по 1913 год. Пг., 1914. С. 14.

**** История железнодорожного транспорта России. Т. 1. СПб., 1994. С. 246, 247.

***** Данилов Н. А. Влияние великой мировой войны на экономическое положение России. Пг., 1922. С. 59.

***** Сидоров А. Л. Железнодорожный транспорт России. С. 8.

палаты в предвоенные годы отказывались выдавать кредиты на усиление подвижного состава. Так, МПС заложило в проекте сметы на 1914 г. кредит в 22 186 570 руб. для заказа 16 700 товарных вагонов. Государственная дума по докладу своей бюджетной комиссии сократила этот кредит вдвое и разрешила заказать 8350 вагонов. Свое решение комиссия мотивировала тем, что объемы перевозок не давали оснований говорить о нехватке вагонов на сети казенных железных дорог. Стратегические соображения иметь запас на случай войны в расчет не принимались.

Таблица 1

Подвижной состав и элементы железнодорожного пути, 1912–1913 гг.

	1912	1913	% к 1912 г.
Паровозы, шт.	363	535	147
Вагоны пасс., шт.	1515	1488	99
Вагоны тов., шт.	10 130	19 042	190
Рельсы, тыс. пуд.	34 310	31 119	90
Скрепления, тыс. пуд.	8793	8786	100
Стрелочные переводы, тыс. пуд.	1432	1631	113

Источник: Всеподданнейший отчет о деятельности Министерства путей сообщения за 1913 год. Пг., 1914. С. 143.

Специалисты расходились в оценке состояния железнодорожного транспорта России. А. А. Неопиханов утверждал, что отечественные железные дороги не удовлетворяли потребностям даже в обычных перевозках мирного времени*. Напротив, некоторые инженеры путей сообщения утверждали, что состояние железнодорожного транспорта соответствовало потребностям страны мирного периода. М. И. Васильев писал, что для перевозки грузов мирного времени Россия располагала накануне войны достаточным количеством паровозов и вагонов. Настойчивые призывы владельцев частных заводов продолжать строительство вагонов Васильев считал простым лоббированием их интересов**.

К. А. Оппенгейм в фундаментальном исследовании о состоянии железнодорожного транспорта отметил, что двухпутные участки российских железных дорог составляли 26 % от всей железнодорожной сети. Для сравнения таких участков во Франции было 43 %, в Германии – 27 %, в США – лишь 13 %. По интенсивности работы (70 млн пудо-верст на версту) Россия накануне войны опережала Германию (64 млн пудо-верст) и Францию (36 млн пудо-верст). Вместе с тем это означало, что подвижной состав железных дорог подвергался значительным перегрузкам. Ведь в России на один км путей приходилось

* Неопиханов А. А. Русский транспорт и его планирование. Т. 1. М.; Л., 1924. С. 114.

** Васильев М. И. О современном положении железнодорожного транспорта и важнейших его элементах. Пг., 1916. С. 9.

0,30 паровоза и 0,32 вагона, тогда как в Германии соответственно 0,47 и 1,0, во Франции – 0,32 и 0,72*.

Председатель правления общества Ачинск-Минусинской железной дороги, депутат IV Государственной думы А. А. Бубликов, приехав в 1917 г. в США, был удивлен низкой пропускной способностью американских железных дорог. Если в России на однопутных участках была достигнута интенсивность движения в 21 пару поездов, а на двухпутных – 48, то «на американских дорогах об этом и думать нельзя»**. По свидетельству Н. Л. Щукина, последние типы вагонов, сконструированные в России, были «настолько удовлетворительными», что с успехом конкурировали со «спальными вагонами международного общества»***.

Последний царский министр путей сообщения Э. Б. Войновский-Кригер в эмиграции так подвел итоги развития железных дорог довоенной России: «Если сравнивать наш железнодорожный транспорт с железными дорогами других стран, то по общему количеству наших рельсовых путей сравнительно с территорией и населением мы были позади всех без исключения стран Западной Европы. Сравнительно с дорогами Германии, Англии, Соединенных Штатов наши дороги много слабее по оборудованию, развитию узлов, станционных зданий, скорости движения, механизации сигналов и труда и пр. Но по сравнению с дорогами, например, Франции, Италии, Австрии мы отставали, так сказать только количественно, по числу вторых путей, путевому развитию, числу обращения поездов; в отношении же оборудования, типов подвижного состава, приемов эксплуатации, устройства мастерских наши дороги были не хуже указанных стран. А что касается удобств пассажирского сообщения, дешевизны тарифов, дешевизны постройки и эксплуатации и общей доходности – наши железные дороги были выше большинства стран Западной Европы»****.

2. Перестройка работы железнодорожного транспорта

По признанию всех специалистов, военная мобилизация в канун и первый период войны прошла успешно. Перевозка войск и военных грузов совершалась по графику. Восемь дорог значительно перевыполнили мобилизационное задание. Для перевозки войск была использована большая часть подвижного состава. К 1 сентября 1914 г. на военных перевозках было занято 50 %

* *Оттенгейм К. А.* Россия в дорожном отношении. С. 115–116.

** *Бубликов А. А.* Русская революция. Впечатления и мысли очевидца и участника. Нью-Йорк, 1918. С. 23.

*** РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 38. Д. 14. Л. 128 об.

**** *Кригер-Войновский Э. Б.* Записки инженера. Воспоминания, впечатления, мысли о революции / *Спроге В. Э.* Записки инженера. М., 1999. С. 50.

вагонов I и II классов и до 15 % вагонов III и IV классов. В дни мобилизации в западном направлении проследовало свыше 3500 воинских эшелонов. 5 сентября 1914 г. министр путей сообщения доложил царю, что благодаря самоотверженному труду железнодорожников воинские эшелоны идут на фронт «со всей необходимой быстротой и точностью»^{*}.

С самого начала войны МПС стало предпринимать меры к увеличению пропускной способности основных железных дорог. Прежде всего, это достигалось за счет устройства дополнительных разъездов на однопутных линиях, строительства второй колеи, удлинения станционных путей, продолжения работ по установке оборудования сигнализации, блокировки и централизации^{**}. Первый тревожный сигнал о неблагополучии прозвучал осенью. В дни мобилизации из 32 тыс. вагонов пришлось выгрузить коммерческие грузы и задерживать на станциях в уже погруженном состоянии 28 тыс. вагонов с такими же грузами^{***}.

На грузовых дворах станций стали образовываться так называемые «залежи» грузов. По итогам 1914 г. не было перевезено до 2 млрд пудов «мирных» товаров^{****}. Пропускная способность многих дорог в условиях войны оказалась исчерпанной. Так, Сызрано-Вяземская железная дорога, являвшаяся главной магистралью по доставке интендантских грузов из Сибири и Туркестана в действующую армию, должна была принимать на станции Батраки не менее 700 вагонов, а принимала около 500. Северные железные дороги на участке от Вологды до Петрограда по обстоятельствам военного времени должны были пропускать не менее 1000 вагонов, тогда как они при крайнем напряжении могли пропустить не более 800 вагонов^{*****}.

За 1915–1916 гг. было введено в эксплуатацию 8530 верст железнодорожных путей. К концу 1916 г. протяженность железнодорожной сети страны достигла 72 279 верст (в том числе 45 518 казенных железных дорог и 26 761 – частных)^{*****}.

^{*} *Мартыненко И. В.* Организация воинских перевозок в годы Первой мировой войны // *Железнодорожный транспорт.* 2007. № 8. С. 71–77; *Сидоров А. Л.* Железнодорожный транспорт России. С. 19.

^{**} Под сигнализацией, блокировкой и централизацией понималось оборудование станций и линий путевой звонковой и колокольной сигнализацией, приборами путевой и станционной блокировки, централизации управления стрелками и сигналами. Примечательно, что в Сибири эти работы велись германской фирмой «Сименс и Гальске» (РГИА. Ф. 273. Оп. 6. Д. 1500. Л. 44).

^{***} РГАСПИ. Ф. 133. Оп. 1. Д. 7. Л. 18.

^{****} *Сидоров А. Л.* Железнодорожный транспорт России. С. 43.

^{*****} О работе железнодорожной сети в условиях настоящей войны. Пг., 1916. С. 13.

^{*****} Краткие сведения о развитии отечественных железных дорог с 1838 по 2000 г. С. 89, 91; Пути сообщения России. 1917. № 1. С. 9. В общий итог не вошла КВЖД (1619 верст) и железные дороги Великого княжества Финляндского (3866 верст).

В годы войны стратегическое значение приобрела дорога к Архангельску, куда поступали военные грузы от союзников. К этому городу-порту от Вологды была проложена узкоколейная линия, имевшая до войны местное значение. Она была рассчитана на движение одной пары пассажирских и трех пар товарных поездов, что позволяло перевозить в среднем 50 тыс. пудов в сутки. Во время войны через Белое море и Архангельск пошел основной поток иностранных грузов, в том числе для действующей армии. К началу 1915 г. в Архангельске скопилось 20 млн пудов угля, 4 млн пудов других грузов, 3 тыс. автомобилей. МПС решило реконструировать участок Архангельск – Вологда, установить смешанный железнодорожно-водный путь от Архангельска по Северной Двине до Котласа и далее по линии Котлас – Вятка и построить новую линию к Белому морю от Петрограда через станцию Званка.

Первоначально на участке Архангельск – Вологда было устроено 13 разъездов. С Рязанско-Уральской и Московско-Киево-Воронежской железных дорог передали 26 паровозов и 480 товарных вагонов узкой колеи. С новгородской узкоколейной линии командировали еще 7 паровозов и 45 платформ. За границей (в США) заказали 30 новых паровозов, а 500 вагонов заказали отечественным заводам. В результате предпринятых мер к апрелю 1915 г. вывозная способность этого участка достигла 170 вагонов в сутки.

Осенью 1915 г. министерство приняло решение перешить участок Архангельск – Вологда на широкую колею. При этом, чтобы не парализовать движение, широкую колею укладывали на новое земляное полотно рядом с узкой колеей. С распоряжением о перешивке этой дороги, по мнению генерала от инфантерии Н. А. Данилова, руководство МПС и Военного министерства опоздало*. Россия не сумела своевременно получить необходимые ей военные и гражданские грузы. Перешивка всего участка Архангельск – Вологда была завершена в январе 1916 г. Это привело к тому, что по дороге могло проследовать до 390 вагонов в сутки. После реконструкции станции Архангельск этот показатель можно было улучшить. Но по географическим условиям сделать это было трудно**. В связи с трехкратным увеличением перевозки грузов по Северной Двине МПС предприняло усилия по реконструкции линии Котлас – Вятка. Пропускная способность ее возросла с 6 до 10 пар поездов в сутки или со 144 до 240 вагонов.

31 декабря 1915 г. открылось движение по второй колее от станции Рыбачкое Николаевской железной дороги до станции Званка Северных железных дорог (103 версты). На линии Вятка – Званка было устроено 58 разъездов с двумя запасными путями каждый, на 10 станциях были удлинены пути, на 22 станциях уложены дополнительные запасные пути. На Северных железных дорогах

* Данилов Н. А. Влияние великой мировой войны на экономическое положение России. Пг., 1922. С. 58.

** Ушаков К. Подготовка военных сообщений России к мировой войне. М.; Л., 1928. С. 34.

было проведено 3600 верст телеграфных проводов и установлено 660 телефонов. Начальники отделений получили устойчивую связь со всеми станциями и разъездами. Станции продолжали оснащаться быстродействующими телеграфными аппаратами французского инженера Ж. Бодо.

Другим важнейшим направлением стала дорога, связывающая центральные районы страны с портом Владивосток. На Пермской железной дороге было устроено 5 разъездов, переустроены 2 станции в Екатеринбурге, на 11 станциях уложены дополнительные пути. На 19 станциях стрелочные посты получили телефонную связь с конторами дежурных. В 1916 г. на дорогу поступили американские паровозы серии Е «Декапод» и предельный вес состава повысился с 43 тыс. пудов до 70 тыс. пудов, а в летнее время до 75 тыс. пудов. В декабре 1915 г. была завершена работа по установке телеграфного оборудования от Вятки до Екатеринбурга (814 верст), а 1 февраля заработала диспетчерская связь со станциями на расстоянии 1196 верст.

На Самаро-Златоустовской железной дороге построены вторые пути на участках Кисегач – Челябинск, и начались работы по укладке вторых путей на участке Симская – Чишмы, узловой станции примыкания к Самаро-Златоустовской ж. д. Волго-Бугульминской ж. д. На участке Кинель – Кропачево были переустроены 80 станций и разъездов для пропуска составов в 75 вагонов вместо 45. На 106 верст увеличены станционные пути. На станции Безмянка строились новые паровозо-вагонные мастерские, которые должны были обслуживать подвижной состав трех дорог: Самаро-Златоустовской, Сызрано-Вяземской и Ташкентской. На дорогу в 1915 г. поступили 70 паровозов серии Щ взамен паровозов серии О и американские паровозы «Декапод», что потребовало усиления 43 мостов и сооружении новых поворотных кругов на станциях Кропачево, Похвистнево, Самара и Уфа. На пяти перегонах было введено подталкивание составов. На участке Батраки – Самара пропускная способность составила в 1916 г. 35–38 пар поездов в сутки, Самара – Кинель – 33 пары, Кинель – Похвистнево – 18 пар, Кропачево – Златоуст – 20–21 пара. В работах по модернизации дороги участвовали 2329 военнопленных. Управление дороги в 1916 г. поставило вопрос о привлечении на дорогу еще 6 тыс. военнопленных и 20 тыс. вольнонаемных китайцев.

На Омской дороге были открыты 19 разъездов на участках Екатеринбург – Куломзино и Екатеринбург – Челябинск. Строились еще 47 разъездов на разных участках (к 1917 г. построены здания, установлены семафоры и уложены пути), уложены дополнительные пути общей длиной 10,2 верст. На ст. Екатеринбург построен новый поворотный круг и угольные склады для паровозов. На берегу р. Туры строились складские помещения для угля на 20 млн пуд. Для вывоза руды на военные заводы Урала началось строительство ветви Синарская – Нижняя. Построено несколько небольших ветвей для нужд государственной обороны к заводам Главного интендантского управления Военного министерства, к складам с холодильными установками, к электrolитному заводу и т. п. Для снабжения армии хлебом на 46 станциях построено 135 пакгаузов вместимостью свыше 12 млн пудов. В Кургане, Омске,

Петропавловске, Тюмени, Челябинске сооружены холодильники-бойни. На деповских станциях велось строительство эстакад для загрузки льда в вагоны-ледники. На строительстве путей, складов, элеваторов, холодильников и т. п. широко использовался труд военнопленных.

Огромное значение для перевозки грузов из Владивостока имела Томская железная дорога, протянувшаяся через всю Западную Сибирь. Это была одна из самых технически оснащенных дорог Сибири и Дальнего Востока. От Ачинска до Иннокентьевской была завершена укладка второго пути. Здесь были уложены рельсы типа IIIа, что позволило увеличить вес поездов до 68 300 пудов. В 1915 – июле 1916 г. на станциях уложено 62,9 верст запасных путей. Наибольшему развитию подверглась ст. Юрга. На ней дополнительно уложено 7,58 верст пути, что вызвано примыканием к ней Кольчугинской ж. д. В Нижнеудинске была пущена в эксплуатацию эстакада с механической подачей угля на тендер паровоза. Завершалось строительство такой же эстакады в Иланской. Водоснабжение позволяло пропускать от Новониколаевска до Иркутска 48 пар поездов в сутки. Дорога использовала в основном грузовые паровозы типа О, Ч, Э, пассажирские – К и С. На станциях Зима и Тайга формировались маршрутные поезда для движения в западном направлении, что позволяло ускорить продвижение грузов. Средняя скорость товарных поездов в 1916 г. была 20,4 верст в час.

В результате всех предпринятых мер удалось увеличить скорость движения товарных поездов от Владивостока до Петрограда (через КВЖД) с 9 до 16 верст в час и сократить время в пути с 35 до 19,7 суток*.

Серьезной реконструкции подверглись железные дороги в Европейской России, особенно те, что непосредственно примыкали к театру военных действий или позволяли подвозить военные грузы непосредственно к фронту. Поскольку большинство грузов в Петроград поступало по Николаевской железной дороге, она была усилена. Реконструкция пути и станций позволила увеличить пропускную способность на участке Москва – Бологое с 1035 до 1200 вагонов в сутки и на участке Бологое – Петроград с 1125 до 1500 вагонов**.

На Александровской ж. д. в военные годы построили множество подъездных путей к военным объектам, например в Вязме к артиллерийским мастерским и т. д. На станции Бородино, Гжатск, Голицыно, Тучково и др. были уложены дополнительные пути. В целом путевое развитие станций от Москвы до Минска увеличилось на 39 %. Усилено электрическое освещение для работ в ночное время. Введена сменная езда паровозных бригад. Перевозка грузов на

* Краткий очерк деятельности русских железных дорог во вторую Отечественную войну. Ч. 1. Пг., 1916. С. 50–51. Следует подчеркнуть, что средняя скорость рассчитывалась с учетом простоя при смене паровозов, техническом осмотре составов, стоянок в пунктах передачи поездов с одной дороги на другую и т. п. Следовательно, по отдельным участкам средняя скорость была значительно выше.

** Там же. С. 52.

этой дороге в 1915 г. выросла по сравнению с 1914 г. на 27 %, а в 1916 г. еще на 30 %.

Для улучшения работы линии Сухиничи – Смоленск Рязанско-Уральской ж. д. было построено 3 новых разъезда, запасные пути увеличились на 17 %, усилен штат станционных служащих. На станциях Смоленск, Строгань и Сухиничи расширена телефонная сеть. На участке Смоленск – Брянск было устроено 5 новых разъездов. На всех станциях и разъездах уложены дополнительные пути, проведено удлинение путей на 315 саженей, началась укладка вторых путей на некоторых перегонах. На Витебском узле были уложены дополнительные пути общей протяженностью 21,1 верста. На Смоленском узле построен новый сортировочный парк в 17 путей.

В военное время Полесские ж. д. понесли серьезный урон. Были эвакуированы главные мастерские в Пинске и четыре основных депо. Ремонт паровозов и вагонов был сосредоточен в мастерских при депо в Брянске и Гомеле. На ст. Гомель дополнительно был направлен ремонтный поезд (передвижные ремонтные мастерские). Дороги оказались разделены на две разобщенные части. Северной частью руководил начальник особого эксплуатационного отдела на правах начальника дороги. Из-за разрушения мостов и земляного полотна пропускная способность этой части дорог сократилась до 15 пар поездов в сутки. На южной части дорог велись работы по наращиванию пропускной и провозной способности.

Либаво-Роменская ж. д. превратилась в одну из главных линий перевозки войск, подвоза вооружения и боеприпасов, интендантского имущества. Пропускная способность быстро была исчерпана, так как дорога была в основном однопутной. На участке Минск – Молодечно проходило 11–12 пар поездов в сутки. Из-за плохого состояния пути поезда шли со скоростью 8,8 верст в час. В 1915 г. развернулись работы по реконструкции дороги, но затем некоторые участки дороги были заняты неприятелем. По состоянию на 31 декабря 1915 г. протяженность дороги составляла 798,6 верст (в 1913 г. – 1346 верст).

В военные годы Киев стал крупнейшим городом в тылу Юго-Западного фронта. В нем обосновалось множество штабов и интендантских служб. Объем перевозок Юго-Западных ж. д. вырос вдвое. Чтобы частично разгрузить узел, были расширены станции Дарница, Пост-Восточный и Святошино. Построены ветви на Лукьяновку, Печерск и Подол. Строился железнодорожный мост через Днепр на Подоле (работы завершены в 1918 г.).

Блокада портов Балтики и Черного моря вынудила руководство МПС обратиться к идее строительства дороги к Баренцеву морю. В 1894 г. вопрос о дороге до города Кеми с последующим продолжением до Мурманского побережья Баренцева моря обсуждался в комиссии по строительству железных дорог на Севере. Однако под различными предложениями дело ограничивалось изысканиями по намечаемым трассам. Карелия оставалась без надежных транспортных связей. Только в 1914 г. Общество Олонецкой железной дороги присту-

пило к строительству дороги протяженностью в 265 верст до Петрозаводска*. Осенью 1914 г. МПС решило продолжить ее к Сорокской бухте на Белом море. Однако выяснилось, что бухта мелковата для захода океанских судов. Тогда решили построить головной участок от Мурманска до Кандалакши, а на участке Кандалакша – Сорокская бухта использовать водный путь с перегрузкой грузов на суда с небольшой осадкой. После оценки всех видов работ водно-железнодорожный путь был отвергнут, и было решено строить на всем протяжении железную дорогу. 1 января 1915 г. строители приступили к прокладке трассы.

Строительство велось в тяжелейших условиях. Никогда ранее железные дороги не строились в столь северных широтах. В суровую полярную зиму температура здесь опускалась до -40° . Труднопроходимые леса чередовались с глубокими болотными топами и «полями» ледникового происхождения, сплошь покрытыми огромными валунами. Из всей длины (1056 верст) около 270 проходили по заболоченной местности, а участок от Сороки до Кеми пришлось строить по сплошным болотам. Скалы строителям приходилось обходить кривыми участками пути. Огромные валуны ледникового происхождения взрывали. Грузы для стройки доставлялись конными обозами из Петрограда и Званки свыше чем за 400 верст. При этом часть груза составлял фураж для прокорма самих лошадей. Гужевым транспортом можно было пользоваться только 2,5 месяца (с января до середины марта). Затем наступало бездорожье. В летнее время строительные материалы подвозили по Неве, приладожским каналам, Свири и Онежскому озеру, где были устроены пристани для разгрузки судов. 3 ноября 1916 г. на 537-й версте от Петрозаводска встретились две бригады укладчиков пути. Так был завершен первый этап строительства Мурманской магистрали.

В 1916 г. велись работы по сооружению второго пути от Данилова до Александрова на Северных железных дорогах, от Рыбинска до Бологое Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги, от Рузаевки до Инзы Московско-Казанской железной дороги, от Саратова до Ртищево Рязанско-Уральской железной дороги**.

На дорогах близ театра военных действий к лету 1916 г. было построено свыше 500 верст новых и вторых путей. Еще около 300 верст было уложено на расширенных станциях. Фронтovou дорогу Островец – Надбржезе длиной в 50 верст построили за 67 дней, а линию Варшава – Цеханов в 82 версты – за 61 день. Возведено было более 300 искусственных сооружений, в том числе большой мост через Вислу. Следует отметить, что русские войска пользовались этим мостом и вновь построенной 50-верстной линией Островец – Надбржезе всего три дня. 25 апреля 1915 г. она была открыта для движения, а

* Харитонов С. Ф., Звягин Ю. К. Мурманская, Кировская, Октябрьская. 2-е изд. Петрозаводск, 1996. С. 3–9.

** РГИА. Ф. 1278. Оп. 7. Д. 849. Л. 4 об.–5, 8.

29 апреля в связи с отступлением ее пришлось разрушить, а мост через Вислу сжечь^{*}.

В 1915–1916 гг. было завершено строительство ряда железнодорожных магистралей, начатых еще в довоенное время. Наиболее крупной из построенных магистралей стала Амурская железная дорога. К началу войны был открыт западный участок новой магистрали и начато сооружение восточного участка. Он шел по районам вечной мерзлоты и болотам, что создавало значительные трудности. Использовалась самая передовая для того времени техника: экскаваторы^{**}, бетоно- и растворомешалки, камнедробильные установки, конные колесные скреперы и многое другое. При строительстве применялись новаторские решения водоснабжения. Так как в зимнее время реки и озера глубоко промерзали, пришлось строить шахтные колодцы и галереи для забора грунтовых вод. Применялись трубопроводы с подогревом воды и непрерывной ее циркуляцией^{***}. Был построен первый в мире тоннель в вечномерзлом грунте с применением теплоизолирующего слоя между обделкой тоннеля и породой.

Начало военных действий внесло серьезные коррективы в ход строительства. Многие рабочие были мобилизованы в армию, сократились кредиты, не поступило оборудование, заказанное на бельгийских и польских заводах. В то же время, поскольку Владивосток становился важнейшим торговым портом, а КВЖД не справлялась с вывозом поступавших сюда импортных товаров, МПС прилагало все усилия по завершению сооружения Амурской магистрали. Наиболее серьезным испытанием стало возведение моста через Амур у Хабаровска. На стройке ежедневно трудилось до 900 человек. Металлические фермы по проекту профессора Л. Д. Проскуракова изготавливали на заводах Варшавы, перевозили в Одессу, а затем на кораблях доставляли во Владивосток. Пролетные строения монтировали на деревянных подмостках или на плаву с барж. После начала войны судно, перевозившее две фермы, было потоплено германским крейсером в Индийском океане. Новые металлоконструкции пришлось заказывать в Канаде. Всего на постройку моста было израсходовано 18 тыс. тонн металла, 14 тыс. м³ бутового камня и щебня. Стоимость строительных работ составила 13,5 млн руб. По свидетельству руководителя стройки А. В. Ливеровского, 2600-метровый железнодорожный мост был одним из крупнейших сооружений на континенте. Он стал гордостью отечественного мостостроения. Первый сквозной поезд по Амурской железной дороге проследовал 20 декабря 1915 г. В октябре 1916 г. состоялось официальное открытие Алексеевского моста через Амур, а в нача-

* Краткий очерк деятельности русских железных дорог во вторую Отечественную войну. Ч. 1. Пг., 1916. С. 59.

** С 1902 г. на Путиловском заводе выпускались паровые неполноповоротные экскаваторы – по три в год. См.: *Першин С. П.* Развитие строительного-путейского дела на отечественных железных дорогах. М., 1978. С. 55.

*** История железнодорожного транспорта России. Т. 1. С. 276.

ле 1917 г. Амурская железная дорога протяженностью в 2165 верст была принята в постоянную эксплуатацию^{*}.

В 1916 г. особое совещание под председательством товарища министра путей сообщения И. Н. Борисова разработало план железнодорожного строительства на предстоящие 5 лет^{**}. Совет министров одобрил финансирование строительства новых железных дорог в 1917–1921 гг. из расчета 600 млн руб. ежегодно (всего 3 млрд руб.). Столь щедрое финансирование отражало приоритетное положение железнодорожного транспорта в стране, однако план Борисова в условиях революции и Гражданской войны остался на бумаге.

3. Нарастание железнодорожного кризиса

С началом военных действий на дороги фронта были направлены 21 тыс. вагонов и 725 паровозов. По состоянию на 1 января 1915 г. для перевозок различного имущества, вооружения, боеприпасов и пополнения на театре военных действий использовалось 97,1 тыс. вагонов. К августу 1915 г. на фронтовых дорогах находилась почти половина подвижного состава страны: 8 тыс. паровозов и 218 тыс. вагонов. Кроме того, ежедневно из тыла в адрес фронта направлялось 150–170 поездов с различными военными грузами. В дни брусикового наступления в 1916 г. на фронт каждый день подавалось 6,5–6,7 тыс. вагонов^{***}.

Поэтому в тылу наблюдалась острая нехватка подвижного состава. Конечно, паровозостроительные заводы делали все, что позволяли их производственные мощности. За 1914–1917 гг. они передали железнодорожникам 2690 паровозов. Наиболее крупные заказы МПС (630 локомотивов) выполнил Харьковский паровозостроительный завод^{****}. В докладе Николаю II в ноябре 1916 г. А. Ф. Трепов указал, что отечественная промышленность не располагает свободными мощностями для выполнения заказов МПС. Неудовлетворительная работа многих отечественных предприятий, выполнявших заказы железно-

^{*} Пак Б. Б. Строительство Амурской железнодорожной магистрали (1891–1916). Иркутск, 1995. С. 63.

^{**} План железнодорожного строительства, составленный Совещанием под председательством товарища министра путей сообщения И. Н. Борисова. Пг., 1916.

^{***} Сидоров А. Л. Железнодорожный транспорт России. С. 33. Генерал Н. Н. Головин считал, что одной из причин того, что наступление Юго-Западного фронта в 1916 г. не дало тех стратегических результатов, на которые можно было рассчитывать, стала слабость железнодорожной сети. Требуемые для развития успеха оперативные перевозки войск «оказались совершенно не под силу нашим железным дорогам» (Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. С. 278).

^{****} Раков В. А. Локомотивы отечественных железных дорог (1845–1955). М., 1995. С. 127.

дорожников, вынудила А. Ф. Трепова поставить вопрос о сооружении казенного металлургического завода, который бы обслуживал ведомство путей сообщения и «ослаблял бы его зависимость от частных предприятий»^{*}. Совет министров предоставил МПС кредит в 100 тыс. руб. на подготовку технико-экономического обоснования и проекта сооружения крупного металлургического завода для обслуживания ведомства путей сообщения^{**}.

Острая нехватка подвижного состава вынудила специалистов ведомства путей сообщения обратить внимание на более эффективное использование имевшихся паровозов и вагонов. Прежде всего, было решено использовать специальный подвижной состав, который в осеннее и зимнее время простаивал без работы. Примерно у 15 000 платформ нарастили борта, приспособив для перевозки угля. Было разрешено грузить в вагон 1200 пудов вместо 1000. МПС приняло решение о принудительной аренде подвижного состава у частных лиц и предприятий, у обществ, строивших дороги.

В 1915 г. стали использоваться маршрутные поезда, т. е. транзитные поезда дальнего следования, составленные из вагонов с одним и тем же грузом и следовавшие на одну станцию (например, состав с углем из Донбасса для Петрограда). Такие поезда позволили ускорить перевозку грузов и улучшили оборот вагонов. Провозную способность дорог постарались улучшить путем введения более тяжелых поездов. Это стало возможным после появления на дорогах более мощных паровозов. На некоторых участках с трудным профилем стали применять подталкивающие паровозы. В качестве толкачей использовали вышедшие из употребления слабые паровозы старых типов. Впервые этот метод в виде опыта применили на Екатерининской и Южных железных дорогах. Затем стали распространять на других дорогах.

Добиться эффективного использования вагонов старались сокращением их простоя на станциях в ожидании разгрузки или погрузки, затем в ожидании отправки. Статистика показывала, что простои вагонов достигали 60–70 %. 1 февраля 1915 г. были введены должности вагонных ревизоров и вагонораспределителей. Они должны были изучать условия работы подвижного состава, а также сводить к минимуму простой вагонов. Наибольший успех в сокращении простоя был достигнут на Южных железных дорогах. Инженеры этой дороги предложили использовать метод «уплотнения работ». Упор был сделан на устранение межоперационных простоев, за счет ускорения обработки поездов, сокращения времени на технический осмотр и текущий ремонт. В результате удалось сократить простой вагонов на станциях в среднем с 6–10 часов до 4–5 часов^{***}.

Поскольку отечественные заводы отказывались принимать новые заказы, МПС было вынуждено размещать их за границей. В марте–апреле 1915 г. ми-

* РГИА. Ф. 229. Оп. 4. Д. 414. Л. 179–179 об.

** Там же. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 410. Л. 99.

*** История железнодорожного транспорта России. Т. 1. С. 280.

нистерство стало ходатайствовать перед правительством о предоставлении кредитов для закупки 400 паровозов и 40 тыс. вагонов. Ни в Швеции, ни в Японии такой заказ разместить не удалось из-за недостаточной производительности заводов. Например, Швеция соглашалась изготовить только 200–300 вагонов. Американские заводы выдвинули невыгодные условия: срок исполнения 6 месяцев, оплата заказа только золотом по высокой цене. К тому же заводы брались поставлять подвижной состав в разобранном состоянии. Сборка должна была производиться в России*. Тем не менее заказ был сделан. Американские заводы взялись за изготовление 13 160 четырехосных вагонов грузоподъемностью 2400 пудов каждый (равных 26 320 вагонам отечественного производства). Крытые четырехосные вагоны именовались в России «пульманами» по названию выпускавшей их фирмы. США согласились поставить в Россию в разобранном виде 400 паровозов типа 1–5–0 «Декапод»**. Эти локомотивы имели наибольшую мощность на единицу веса. Заказ был сделан хорошо известному в России заводу Балдвин в Филадельфии, Американской паровозостроительной компании АЛКО в Скенектади, а также Канадской паровозостроительной компании в Кингстоне (недалеко от Оттавы). Руководитель Конторы опытов над типами паровозов Ю. В. Ломоносов предлагал тогда заказать за границей паровозы, разработанные отечественными инженерами. Однако, чтобы ускорить выполнение заказа указанными предприятиями, был выбран локомотив, выпускавшийся для американских железных дорог.

Первые паровозы из США прибыли во Владивосток уже в октябре 1915 г. После сборки в Харбинских мастерских, они поступили на Пермскую, Забайкальскую, Самаро-Златоустовскую и Екатерининскую железные дороги. С самого начала их эксплуатации выявились серьезные конструктивные недостатки, и эти мощные локомотивы подолгу простаивали в ремонте. Большегрузные вагоны из США в конце 1915 г. начали поступать во Владивосток, где их собирали в железнодорожных мастерских. В основном это были цельнометаллические четырехосные крытые вагоны и полувагоны грузоподъемностью в 40–50 т***.

* Отчасти эти условия связаны с тем, что вагоны в собранном виде трудно было перевезти на пароходах по океану. К тому же из-за различия в ширине колеи по территории самой Америки доставить собранные вагоны в порты было довольно сложно.

** Краткий очерк деятельности русских железных дорог во вторую Отечественную войну. Ч. 1. С. 67–68. Впервые американские паровозы типа 1-5-0 «Декапод» появились в России в 1895 г. на Закавказской железной дороге. Однако при проходе кривых, радиусом 150 метров, происходили сильные толчки, возникал недопустимый износ рельсов, гребней, расстраивался путь. Паровозы имели большую склонность к буксованию на таких участках пути. Поэтому такие локомотивы, получившие в 1912 г. обозначение Е, эта дорога больше не заказывала (*Раков В. А. Локомотивы отечественных железных дорог. С. 190–191*).

*** РГИА. Ф. 273. Оп. 6. Д. 3142. Л. 24.

Поставки отечественных заводов и поступление паровозов и вагонов из-за рубежа способствовали временному росту подвижного состава и позволили в целом удовлетворительно справиться с перевозками 1915 г. Однако напряженная работа выводила паровозы и вагоны из строя. Летом и осенью 1916 г. паровозостроительные и вагоностроительные заводы уже не успевали компенсировать потери. Одной из причин этого стала эвакуация из Прибалтики вагоностроительных предприятий общей производительностью до 2 тыс. вагонов в месяц.

Таблица 2

Подвижной состав российских железных дорог в 1914–1916 гг.*

Дата	Паровозы	Вагоны
На 31 декабря 1914 г.	20 071	539 549
На 31 декабря 1915 г.	20 731	575 601
На 31 декабря 1916 г.	16 837	463 419

* Источник: *Сидоров А. Л.* Железнодорожный транспорт России в первой мировой войне и обострение экономического кризиса в стране // Исторические записки. Т. 26. М., 1948. С. 40.

Ухудшилось обеспечение железных дорог металлами и изделиями из них. В частности, недостаток рельсов с первых же дней войны был обусловлен передачей военному ведомству 10 млн пудов рельс для устройства блиндажей и укрепления крепостей. Помимо этого от командования фронтов стали поступать требования рельс, стрелочных переводов и шпал для постройки новых стратегических линий. Невозможность своевременно менять износившиеся рельсы и шпалы вынуждала снижать скорость движения поездов, а подчас запрещать использование паровозов определенных серий.

В марте 1916 г. товарищ министра путей сообщения Н. Л. Щукин предложил разместить в Англии или в английских владениях заказ на рельсы. Щукин подчеркивал, что без этого в будущем невозможно «обеспечить правильность перевозки войска и снабжения армии снарядами». Речь шла о заказе 7,7 млн пудов рельс, оборудования для харбинских и владивостокских мастерских, различного оборудования для строившейся Мурманской железной дороги. Поскольку переговоры с британским правительством затянулись, МПС разместило заказ на 26,5 млн пудов рельс в США. Министр путей сообщения А. Ф. Трепов мотивировал срочность заказа тем, что «иначе совершенно невозможно сколько-нибудь правильное обслуживание армии и наступление ее должно остановиться, что, конечно, недопустимо»*.

* * *

На состоянии транспорта сказывались особенности интендантской и военно-медицинской службы. Передача армии вещевого снабжения часто производилась в глубоком тылу. Войска, опасаясь не без оснований недопо-

* Цит. по: *Сидоров А. Л.* Железнодорожный транспорт России. С. 60–61.

лучить положенное, командировали в тыл на склады сотни и тысячи чинов для самостоятельных закупок или сопровождения различных военных грузов. Это привело к тому, что по железным дорогам ежедневно ехала масса командированных «серых шинелей». Войсковые обозы русской армии использовали конную тягу. Это требовало доставку на фронт фуража для сотен тысяч лошадей конных транспортов, а также перевозку их при любом перемещении крупных войсковых соединений. Для перевозки такого корпуса необходимо было не менее 10 поездов*.

Перевозка раненых и больных по железным дорогам Российской империи производилась преимущественно в санитарных поездах, организованных военным ведомством или общественными организациями. За первые два года войны было сформировано 340 военно-санитарных эвакуационных поездов. В каждом полевом военно-санитарном поезде было 9 постоянных вагонов, в тыловом – 8. Им в качестве переменной части придавалось от 8 до 12 классных вагонов и до 30 вагонов-теплушек. Всего с начала войны и до середины октября 1917 г. было эвакуировано в тыл 1425 тыс. больных и 2875 тыс. раненых**.

С помощью Министерства путей сообщения на крупных станциях были устроены столовые и перевязочные пункты. Сооружались особые железнодорожные пути к лазаретам с ранеными, расположенным вблизи железнодорожных магистралей. Под временные помещения для сортировки раненых приспособлялись пакгаузы. Они утеплялись для использования в зимнее время. Для предупреждения распространения инфекционных заболеваний принимались меры по своевременной дезинфекции станционных путей, вагонов, перевозивших раненых и военнопленных. Условия военного времени вызвали необходимость в поездах-банных, поездах-прачечных, поездах-столовых. Вагоны также передавались под склады имущества, жилье, магазины, аптеки и т. п. В них размещались авиационные и другие мастерские. Подвижной состав использовался для организации бронепоездов. На все это потребовалось большое количество паровозов и вагонов***.

С использованием вагонного парка, по словам Н. Н. Головина, допускались очевидные злоупотребления. Штабы армий и фронтов всегда стремились иметь в своем распоряжении штабные поезда. Они приспособлялись для проживания офицеров. В них размещались различные военные учреждения. В результате значительная часть вагонов использовалась не по прямому назначению. Вот что писал по этому поводу начальник военных сообщений при Ставке Верховного главнокомандующего генерал-майор С. А. Ронжин: «Нельзя сказать, чтобы в лице старших войсковых начальников законные требования по железнодорожной части встречали надлежащую поддержку.

* Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. С. 272, 279–280.

** Краткий очерк деятельности русских железных дорог во вторую Отечественную войну. Ч. 1. С. 41–44; Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. С. 279.

*** РГАСПИ. Ф. 133. Оп. 1. Д. 7. Л. 34.

Недостаточное знакомство с природой железных дорог некоторых из них и излишнее стремление к удобствам салон-вагонов со стороны других были одинаково тяжелы для железных дорог и отрицательно влияли на персонал штабов и управлений, отношение которого к железнодорожному имуществу иногда нельзя было не признать по меньшей мере легкомысленным*.

В годы войны на строительстве железных дорог, погрузке и разгрузке вагонов использовался труд военнопленных. С проблемой нехватки рабочей силы первыми столкнулись железнодорожные строительные управления. Призывы в армию ополченцев и новобранцев сократил контингент рабочих рук на некоторых участках, строивших железнодорожные линии, на 40 %. Поэтому уже 7 октября 1914 г. правительство утвердило «Правила о порядке предоставления военнопленных для использования на казенных и общественных работах в распоряжение заинтересованных в том ведомств». Осенью 1916 г. на железных дорогах России трудилось около 110 тыс. военнопленных**.

В отдельные периоды, по требованию военного ведомства для скорейшей доставки войск на театр военных действий, применялось одностороннее движение. Так, на выходных магистралях из Сибири два раза прекращалось встречное товарное движение и устанавливалось движение воинских поездов по одному направлению от Челябинска через Самару до Вязьмы. Разумеется, накануне в Сибирь направлялось большое количество порожних вагонов. Использовался такой прием перевозки: поезда шли с интервалом в 15 мин. друг за другом. На однопутных линиях задерживали встречные поезда.

На отдельных перегонах между Курском и Москвой, на участках с трудным профилем, в помощь ведущему паровозу на случай остановки, на некотором отдалении от хвоста поезда, шел паровоз, который осуществлял роль толкача (как правило, паровозы устаревших типов). Из-за сложного профиля дороги подталкивание приходилось использовать на 28 % пути***.

Для ускорения вывоза со станций прибывавшего груза стали применять очень жесткие требования к грузополучателям. Так, в 1916 г. Северные дороги установили срок хранения на станциях для некоторых категорий груза после выгрузки вагонов всего 6 часов, увеличили плату за хранение в зависимости от категории груза, периодически закрывали станции для приема грузов****. Некоторые направления из-за большого движения воинских поездов приходилось объявлять закрытыми для перевозок коммерческих грузов.

26 ноября 1915 г. Совет министров принял решение образовать в МПС Временный распорядительный комитет по железнодорожным перевозкам. Он должен был добиться оптимального распределения и оборота подвижного состава, регулировать перевозки в целях достижения наиболее эффективной

* Цит. по: Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. С. 280.

** РГИА. Ф. 229. Оп. 4. Д. 414. Л. 180.

*** Обзор состояния транспорта и рынков за январь 1916 года. С. 12.

**** Сенин А. С. Московский железнодорожный узел. 1917–1922 гг. М., 2004. С. 181.

работы железных дорог, распределять массовые грузы по степени важности и срочности доставки, а также по районам снабжения, и для этого составлять общие планы перевозок грузов вне театра военных действий. В первую очередь по планам перевозились воинские грузы и топливо. Для всех остальных грузов планы устанавливались для отдельных центров, районов или групп заводов.

Больше и чаще комитету приходилось заниматься Петроградским узлом. Объяснялось это и политическим значением столицы, и ролью промышленности Петрограда. Подчас приходилось принимать экстренные меры. В январе 1916 г. МПС было вынуждено приостановить на линии Петроград – Москва пассажирское движение для увеличения подвоза продовольствия в столицу. За время перерыва пассажирского движения с 10 по 17 января из Москвы в Петроград было отправлено 12 799 груженых вагонов (из них 3682 с продовольствием). В среднем в сутки в северную столицу прибывало 1828 вагонов или один товарный поезд через каждые сорок минут (всего 256 поездов). Такой интенсивности грузового движения Николаевская железная дорога еще не знала*.

В связи с нехваткой хлеба в столице Временный распорядительный комитет принял решение доставлять его маршрутными поездами. Груженые хлебом, крупами, солью и т. п., они отправлялись из Нижнего Новгорода, Рыбинска, Саратова, Ростова-на-Дону, Балашова и других городов. В среднем такие поезда состояли из 25–35 вагонов. Только 9 декабря 1916 г. из различных городов в Петроград маршрутными поездами было отправлено 1287 вагонов с продовольствием**.

Попытки внести плановое начало в организацию перевозок грузов натолкнулось на скрытый саботаж владельцев грузов. «Назначенный по плану к перевозке груз систематически не предьявлялся отправителем», – писал инженер М. И. Васильев. По его оценке, например, недогруз основных продовольственных грузов, сахара, а также угля достигал 50 %. По мнению Васильева, груз этот имелся в наличии, и это «с несомненностью свидетельствует о доминирующем влиянии на вопросы снабжения не транспорта, а интересов торговли и спекуляции»***.

В 1916 г. Особое совещание по обороне государства несколько раз высказывалось за составление общегосударственного плана перевозок. В апреле на этом настаивал военный министр Д. С. Шуваев. Он указал, что, сообщаясь с таким планом, ведомства будут распределять грузы, что и «явится наилучшим, в условиях текущего времени, решением вопроса о перевозках»****.

* РГИА. Ф. 273. Оп. 10. Д. 3463. Л. 2, 9–9 об.

** Там же. Д. 3102. Л. 43.

*** *Васильев М. И.* О современном положении железнодорожного транспорта и важнейших его элементах. Пг., 1916. С. 6.

**** Цит. по: *Сидоров А. Л.* Железнодорожный транспорт России. С. 54.

А. Л. Сидоров, подробно изучавший состояние железнодорожного транспорта в годы войны, справедливо сделал вывод о том, что «внедрение элементов плановости перевозок и маршрутизации поездов все-таки позволило железным дорогам удовлетворять наиболее острые военные и хозяйственные потребности страны»^{*}.

Предпринятые МПС меры позволили значительно улучшить все показатели работы железных дорог. Если в мае 1914 г. средняя суточная работа всей сети составляла примерно 72 тыс. товарных вагонов, то в мае 1916 г. она достигла 90 тыс.^{**} В 1916 г. количество поездов на сети дорог по сравнению с 1913 г. увеличилось на 5 %, обмен вагонами вырос на 31 %, число пассажиров – на 20 %, пробег паровозов – на 15,6 %, а вагонов – на 22 %. Особая нагрузка выпала на сибирские и Северные железные дороги. Так, на Северных железных дорогах пробег паровозов увеличился вдвое.

К 1917 г. у железнодорожников стала накапливаться усталость. По мнению Э. Б. Войновского-Кригера, крайне напряженная и нервная работа без отдыха была одной из причин возникших трудностей в работе путей сообщения^{***}. Согласно мобилизационному плану на дороги фронта было командировано 9613 человек. Затем с дорог Восточного района на театр военных действий было направлено еще 13 568 служащих. Это значительно ослабило контингент работников железных дорог тыла, значительно усложнило работу, ибо заменить их служащими высокой квалификации было невозможно. Нехватка квалифицированных работников вынуждала во все больших масштабах использовать на железных дорогах труд женщин, подростков и военнопленных.

На почве начавшегося кризиса транспорта стало распространяться взяточничество. Возникла особая профессия «толкачей». Эти люди брались за известное вознаграждение доставить груз в сохранности до станции назначения. Данилов вспоминал, что к услугам «толкачей» стали прибегать не только отдельные лица или торговые фирмы, но и государственные учреждения^{****}. Злоупотребления допускали и сами чиновники МПС. Весьма информированная газета «Новое время» писала 17 января 1916 г., что в ходе проверки 39,8 тыс. телеграмм, отправленных Управлением железных дорог, было выявлено 45 с поддельными подписями. В частности, было дано 9 телеграмм о предоставлении права на внеочередную отправку 667 вагонов с грузами. По этому факту были арестованы три чиновника министерства^{*****}. Расследование злоупотреблений должностных лиц на железных дорогах министр путей

* Там же. С. 53.

** О работе железнодорожной сети в условиях настоящей войны. Пг., 1916. С. 20.

*** О путях сообщений и условиях перевозок в третий год войны. Пг., 1917. С. 13.

**** Данилов Н. А. Влияние великой мировой войны на экономическое положение России. Пг., 1922. С. 62.

***** Обзор состояния транспорта и рынков за январь 1916 года по данным периодической печати. Вып. 1. М., 1916. С. 20–21.

сообщения А. Ф. Трепов поручил действительному статскому советнику К. И. Савичу*. Летом 1916 г. на 43 железных дорогах страны было предано суду за различные преступления 57 железнодорожников. Трепов считал это «успокоительным» показателем**.

В течение всей войны железнодорожникам приходилось бороться с хищениями имущества дорог. Для противодействия уголовным элементам в первые же месяцы войны на всех прифронтовых дорогах была введена круговая порука среди местного населения в качестве меры борьбы с повреждениями железнодорожного полотна и телеграфных проводов. В случае обнаружения виновного среди местных жителей штрафу подвергалась вся деревня. Военные власти предупреждали, что лица, скрывавшие злоумышленников, будут наказываться вместе с ним в одинаковой мере***.

Осенью 1916 г. на железных дорогах участились случаи задержки движения поездов, число задержанных в пути вагонов увеличилось на 5227. Зима 1916/1917 г. принесла железнодорожникам России немало неприятных сюрпризов. В декабре 1916 г. морозы ниже -30° на Томской железной дороге резко ухудшили все показатели работы: повышенный расход топлива, ухудшение оборота паровозов и вагонов, уменьшение составов и скорости движения. Чаще обычного приходилось использовать паровозы для подталкивания поездов. Отмечались случаи примерзания паровозов у гидравлических колонок после набора воды. Резко выросла заболеваемость паровозных бригад****.

Во второй половине декабря 1916 г. наибольшие затруднения в движении поездов возникли из-за снежных заносов на Московско-Казанской и Московско-Киево-Воронежской железных дорогах. Плохая погода, несвоевременная подача вагонов, перегруженность отдельных линий были основными причинами снижения отгрузки угля из Донецкого бассейна. Так, за период с 16 по 31 декабря вместо 3742 вагонов по плану было отгружено лишь 3186, т. е. недогруз составил 556 вагонов. Погодные условия оказали влияние на перевозку нефтяного топлива. Из-за холодов мазут застывал в цистернах, и в результате они возвращались, например, в Грозный, с остатками топлива*****.

К концу декабря 1916 г. на сибирских дорогах свирепствовал уже 45° -ный мороз*****. Холод сопровождался сильными метелями и снежными заносами, вызвавшими на ряде дорог почти полное прекращение движения. На станциях южного и юго-восточного направления застряло в снегу свыше 50 тыс. груженых вагонов. Московско-Курская железная дорога была

* РГВИА. Ф. 2004. Оп. 2. Д. 112. Л. 2.

** РГИА. Ф. 229. Оп. 4. Д. 414. Л. 182.

*** Вестник Александровской железной дороги. 1914. № 15. С. 318.

**** РГИА. Ф. 273. Оп. 10. Д. 3463. Л. 53, 55 об.

***** Там же. Ф. 268. Оп. 5. Д. 325. Л. 97–100.

***** РГВИА. Ф. 2004. Оп. 2. Д. 885. Л. 439 об.; РГИА. Ф. 273. Оп. 10. Д. 3463. Л. 65.

вынуждена ограничить прием несколькими десятками вагонов в сутки. Управление железных дорог МПС предложило железнодорожной администрации принимать меры для борьбы со снегом, не считаясь с расходами.

22 января 1917 г. под председательством Э. Б. Войновского-Кригера состоялось экстренное совещание руководителей ведомства путей сообщения. Было констатировано тяжелое положение на ряде железных дорог, в том числе Московско-Киево-Воронежской, Московско-Курской, Рязанско-Уральской. Совещание решило обратиться к морскому министру с просьбой в первой половине февраля снабжать Петроградский район из запасов английского угля с тем, чтобы временно снизить нагрузку на Северо-Донецкую железную дорогу. Ставке Верховного главнокомандующего была адресована просьба сократить с 1 по 14 февраля перевозку пополнения на фронт и части интендантских грузов. Рекомендовалось в будущем в большей степени использовать не Московско-Киево-Воронежскую, а Александровскую железную дорогу. Было решено в эти дни полностью прекратить перевозку хозяйственных грузов для железных дорог и материалов для строившихся линий. Управлению железных дорог было предложено рассмотреть вопрос о сокращении пассажирского движения*.

24 января 1917 г. Войновский-Кригер направил начальнику штаба Верховного главнокомандующего, военному министру и командующему Черноморским флотом телеграмму, которой оповестил о сокращении движения пассажирских поездов до одного или двух в сутки из-за тяжелых погодных условий. В тот же день Войновский-Кригер направил донесение Николаю II о том, что МПС вынуждено сохранить сокращенное движение пассажирских поездов на южных дорогах империи до 7 марта**. 4 февраля из-за снежных заносов фактически было прервано движение на Московско-Киево-Воронежской железной дороге. К вечеру 6 февраля мороз достиг 30°. Не работали поворотные круги, гидравлические колонки, стрелки. В эти дни на станциях этой дороги остались без паровозов 47 товарных поездов***.

Для борьбы со снежными заносами привлекалось местное население. На очистке путей Московско-Киево-Воронежской железной дороги в отдельные дни работало около 23 тыс. человек, а на Московско-Казанской железной дороге до 11,6 тыс. Особенно сильные морозы и метели 24 и 25 февраля 1917 г. фактически парализовали работу Рязанско-Уральской железной дороги. Застрявшие на перегонах пассажирские поезда с трудом убирались на станции двойной тягой. На Московско-Курской железной дороге 23–25 февраля ветер достиг такой силы, что у многих вагонов на станциях и в пути сносило крыши. В основном стихия буйствовала между Курском и Орлом. Метель не

* РГИА. Ф. 273. Оп. 10. Д. 3677. Л. 1–1 об.

** Там же. Д. 1041. Л. 1; Д. 3677. Л. 4.

*** Там же. Ф. 268. Оп. 5. Д. 325. Л. 345–346.

позволяла своевременно очищать стрелки. В результате движение было остановлено. Даже на станциях пришлось прекратить маневровые работы^{*}.

* * *

В отечественной историографии существует мнение, что Россия имела недостаточно развитую сеть железных дорог как результат общей экономической отсталости и скудости финансовых ассигнований на нужды транспорта. Но не менее важную роль в «расстройстве» транспорта сыграли организационные просчеты. В годы войны не удалось рационально организовать работу этой отрасли во многом из-за отсутствия координации в действиях военной и гражданской администрации. Э. Б. Войновский-Кригер вспоминал: «Большое неудобство заключалось и в разделении всей сети на две части, одна подчинялась Министерству путей сообщения, а другая находилась в ведении Управления путей сообщения, органа Штаба Верховного главнокомандующего; это приводило зачастую к несогласованным распоряжениям и действиям»^{**}. По словам депутата Государственной думы, члена Комиссии о путях сообщения Д. И. Герценвица, «Положение о полевом управлении войск в военное время» было разработано без участия МПС. Устранение министерства с театра военных действий, по его мнению, было сделано «в угоду весьма шаткому принципу, что только военные власти надлежащим образом могут охранять тайны передвижения»^{***}. На согласование интересов двух ведомств ушло два с половиной года.

Лишь 21 января 1917 г. было принято Положение об управлении путями сообщения на театре военных действий. Отныне в Штабе Верховного главнокомандующего постоянно находился товарищ министра путей сообщения, который подчинялся непосредственно министру путей сообщения, хотя и получал указания не только от министра, но и от начальника Штаба. Оценивая проведенную реформу, генерал-лейтенант Н. Н. Головин, автор фундаментального исследования «Военные усилия России в мировой войне», писал: «Эта мера способствовала уменьшению трений между Министерством путей сообщения и Военным Управлением железных дорог, но существенно сразу улучшить работу железнодорожного транспорта не могла»^{****}. Другой военный специалист, Н. А. Данилов, называл и эту реформу «паллиативом»: «В условиях работы русской железнодорожной сети во время войны нужна была “диктаторская власть” для управления единой сетью, а не “согласование” работы двух независимых сетей, которые функционировали неудовлетворительно»^{*****}. Межведомственной координации не получилось, более того,

^{*} РГИА. Ф. 268. Оп. 5. Д. 325. Л. 344 об.–346 об.

^{**} *Кригер-Войновский Э. Б.* Записки инженера. С. 47.

^{***} Новый экономист. 1916. № 12. С. 8.

^{****} *Головин Н. Н.* Военные усилия России в мировой войне. С. 282.

^{*****} *Данилов Н. А.* Экономика и подготовка к войне. М.; Л., 1926. С. 158.

нарастала разобщенность в деятельности всего механизма управления страной.

За первые годы войны на железнодорожном транспорте России был осуществлен больший объем работ, чем за предыдущее десятилетие, но наверстать упущенное так и не удалось. В результате железные дороги оказались наиболее уязвимым звеном в экономике страны. Вместе с тем следует указать на высокий профессиональный уровень работников железных дорог. Только благодаря их знаниям, опыту и мужеству железнодорожный транспорт продолжал функционировать в военное лихолетье.

4. Другие виды транспорта (Э. Г. Истомина)

Гужевой и автотранспорт в Первой мировой войне занял особое место. До создания во второй половине XIX в. сети железных дорог наряду с водным он являлся основным видом транспорта. Однако бурный рост железнодорожного строительства в значительной мере затормозил развитие сети благоустроенных дорог и, в первую очередь, шоссе. Тем не менее на театре военных действий гужевой транспорт явился главным средством военных перевозок.

Восточно-Европейский (Русский) театр военных действий охватывал огромную территорию от Балтийского до Черного моря. Его западной границей являлась р. Висла, Карпатские горы и низовья Дуная; восточной – примерно линия рек Западная Двина – Днепр. Освоение этого пространства с обилием лесных массивов, озер и болот возможно было лишь при разветвленной дорожной сети при наличии значительного количества тягловой силы. Однако сеть шоссе в этом регионе была слабее железнодорожной. Из внутренних районов страны к западным границам вели сравнительно мощные магистрали, которые сближались на ограниченной территории Привислинского района. Но рокадные линии (параллельно фронтовой территории) почти отсутствовали.

Вся учтенная сеть дорог была подведомственна многим учреждениям: Министерству путей сообщения (свыше 46 % всех шоссе); Министерству внутренних дел (земское дорожное хозяйство – 99 % всех грунтовых дорог); Переселенческому управлению, военному ведомству, местной полиции (сельские и полевые дороги). Отсутствие единой системы управления дорожной сетью, бесплановость в строительстве дорог, осуществляемое по программам многих организаций, отсутствие инфраструктуры на местах – таким было состояние гужевого транспорта России накануне войны*.

В 1914 г. вместе с общей программой Министерства путей сообщения был принят проект постройки (на 6 лет – 1914–1919 гг.) свыше 2,7 тыс. верст шоссе, значительная часть которых приходилась на северо-западный район воз-

* Кудрявцев А. С. Очерки истории дорожного строительства в СССР. С. 238–239.

можных военных действий, лежащий на кратчайших подступах к Москве и Петербургу и граничивший с наиболее сильным противником – Германией. При этом на дорожное строительство, имеющее военное значение, в 1914 г. выделялось около 1,7 млн рублей (почти в 4 раза больше, чем на него же было ассигновано в 1912 г.). До начала войны Министерство путей сообщения успело создать лишь специальную структуру – Управление по сооружению стратегических шоссе в Западном крае и произвести частичные изыскания на проектируемых дорогах*.

С началом войны потребовалась организация специальных дорожных отрядов, которые формировались из технического персонала округов. Приказом Верховного главнокомандующего от 8 марта 1915 г. они получили штатную организацию по всем фронтам. В качестве рабочей силы отрядам придавались военнопленные, местное население, специально сформированные ополченские рабочие дружины. Военно-дорожные отряды формировались армиями, тыловые – округами путей сообщения. На местах по заданию военного ведомства и Министерства путей сообщения сферой гужевого транспорта занимались губернские и уездные земства, Управления Министерства земледелия, Земский Союз и Военно-Промышленный комитет. В итоге на все фронтовые территории была организована отправка дорожных отрядов, специалистов – техников и инженеров, оборудования для ремонта и строительства дорог, заготовки фуража, дров и пр.**

Усовершенствование управления дорожным делом в условиях войны дало свои результаты. Так, в конце 1915 г. в работах по округам путей сообщения (за исключением Киевского) принимали участие 1284 инженеров и техников, 1572 десятника и 99 451 рабочих, всего – 102,3 тыс. человек. На этой территории было сосредоточено 18 тыс. подвод, выполнявших исключительно военные задания. Уже в первый год войны Варшавским, Виленским, Киевским и Петроградским округами путей сообщения было построено 7,3 тыс. км дорог и 270 мостов. С 1 октября 1915 г. по 1 марта 1917 г. сданными в эксплуатацию оказались 320 км новых шоссе, 3,8 тыс. км грунтовых дорог магистрального значения (с деревянными и каменными покрытиями), подверглись ремонту около 75 тыс. км, в основном грунтовых дорог и сотни мостов. Кроме того, к 1 марта 1917 г. было заготовлено значительное для того времени количество дорожных машин и автомобилей, в том числе 418 катков (из них 276 паровых и моторных), 213 камнедробилок и двигателей, свыше 450 автомобилей (среди них 251 грузовых) и 16 тракторов. По некоторым подсчетам, стоимость дорожных работ, произведенных на фронте за три года войны (1915–1917 гг.) составила 500–600 млн руб.*** К 1 апреля 1917 г. дорожно-транспортные ра-

* *Васильев Н.* Транспорт России в войне 1914–1918 гг. М., 1939. С. 43–50.

** Там же. С. 64–65, 133–134.

*** *Артоболевский И. И., Благоднравов А. А.* Очерки истории техники в России (1861–1917). М., 1975. С. 183; *Васильев Н.* Транспорт России в войне 1914–1918 гг. С. 133–134.

боты обслуживали: 91 военно-дорожный отряд, 168 транспортов, 20 600 постоянных рабочих, 17 100 «инородцев», 14 150 военнопленных, 10 250 солдат, 72 700 временных рабочих. Итого: рабочих 134,8 тыс. человек, а также 44,7 тыс. лошадей*.

Война потребовала огромной мобилизации лошадей, которые являлись основной тягловой силой всех военных перевозок. Только с их использованием можно было преодолевать маршруты по размытой дороге, зачастую практически непроезжей дороге и пересеченной местности. Лошадь была незаменимой в качестве тягловой силы для артиллерии, санитарных карет и фургонов для снабжения, ее использовали как в курьерской службе, так и в разведке**. Путем военно-мобилизационной реквизиции в составе фронтов на 1 октября 1914 г. находилось 670 775 лошадей, на 1 января 1915 г. – 1 035 682, на 1 февраля 1916 г. – 1 589 909. На 1 сентября 1917 г. в армии имелось 2,76 млн лошадей, еще 400 тыс. находилось в распоряжении организаций и предприятий, связанных с обеспечением и обслуживанием армии***. За период войны конный транспорт армии вырос в 5 раз, но и этого количества было недостаточно, особенно для многочисленных дорожных и фортификационных работ****. Только в 1916 г. для армии путем платной реквизиции в прифронтовых и тыловых районах у населения было изъято 12,7 тыс. повозок (для транспортных частей одного корпуса требовалось около 4 тыс. парных повозок).

Реквизиция лошадей и волов для нужд армии значительно сократила поголовье рабочего скота в деревне, обусловила огромный урон, который понесло крестьянское хозяйство. По закону о военно-конской повинности мобилизации подлежала даже единственная лошадь, тогда как владелец нескольких лошадей должен был сдать лишь половину их и даже меньшую часть, если число лошадей было нечетным, т. е. из трех – одну, из пяти – двух и т. д.***** Потери лошадей на фронтах были велики – они погибали от артиллерийского огня, ядовитых газов, страдали от различных инфекций. Остро стояла и проблема заготовки зернофуража. Общие потери российского коневодства за 1914–1917 гг. составили около 5 млн лошадей*****.

Помимо штатных обозных частей, входивших составными элементами в корпуса, дивизии и полки, для подвоза всего необходимого армиям из тыла

* *Кудрявцев А. С.* Очерки истории дорожного строительства в СССР. С. 272–273.

** *Кожевников Е. В., Гуревич Д. Я.* Отечественное коневодство: история, современность, проблемы. М., 1960. С. 125.

*** *Роганов Е.* Гужевого транспорт. М.; Л., 1927. С. 21–25.

**** *Васильев Н.* Транспорт России в войне 1914–1918 гг. С. 149.

***** *Анфимов А. М.* Российская деревня в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М., 1962. С. 115, 196.

***** *Кожевников Е. В., Гуревич Д. Я.* Отечественное коневодство... С. 130.

создавались армейские транспорты (стандартный состав их – 120 лошадей, 40 пароконных и 40 одноконных повозок). В среднем одноконная повозка военного образца поднимала груз 213 кг (13 пудов), парная повозка «обывательского типа» – 327–400 кг (20–25 пудов). Транспорты сводились в обозные батальоны, предназначенные для перевозки снабженческих грузов от соответствующих пунктов, для вывоза с театра войны раненых и больных и эвакуации материальных ресурсов. Потребность в обозных батальонах, с учетом всего количества пехотных корпусов, резервных дивизий и т. д., уже в первый год войны выражалась в 200 транспортах, но в наличии их было всего 120. В июле 1917 г. на европейском театре военных действий было сосредоточено 692 транспорта, а потребность в них определялась в 855 транспортов (для перевозок хлеба, зернофуража, артиллерийских грузов и проч.)*.

Значение для России автотранспорта в мировой войне было незначительным. Большинство дорог оказались мало приспособленными для его использования. В 1913 г. Россия располагала всего 8856 автомашинами (почти все иностранного производства), из которых лишь 1548 были грузовыми. Военное ведомство накануне войны предпринимало усилия, направленные на подготовку автотранспорта. Уже в 1912 г. для армии было заказано 400 грузовых и легковых автомобилей за границей, а также 60 легковых машин на Русско-Балтийском заводе. В 1913–1914 гг. заказы на 4700 автомашин направлены в Англию, Францию и Италию. Для войскового автотранспорта намечалось формирование 5 отдельных автотрот (4 взвода по 24 автомашины в каждом – 6 грузовиков по 3,5 т и 18 – по 1,5–2 т) и 7 команд. В 1914 г. был утвержден закон о военно-автомобильной повинности, но на практике он оказался малозначимым. Всего от населения было принято 832 легковых автомобиля, 120 грузовых автомашин и 983 мотоцикла, конфисковано 237 автомобилей и 162 мотоцикла. На 1 сентября 1914 г. в действующей армии состояло: легковых машин – 2700, грузовых грузоподъемностью 1,5–2 т – 2700, 3–5 т – 2300, санитарных – 1400. Из общего количества 9100 автомашин почти 30 % постоянно находились на ремонте в автомастерских**.

Являясь узким местом военно-хозяйственной системы России, гужевой транспорт тем не менее совместно с железнодорожным разделил всю тяжесть перевозок, необходимых в период военных действий, и обеспечил сохранение боеспособности армии.

Речной транспорт представлял собой значительный сектор экономики России, хотя с рубежа XIX–XX вв. уступил ведущую роль железнодорожному транспорту. Общая длина рек, озер и каналов Европейской России на 1913 г. составляла 232,5 тыс. верст (всего по России – 362,8 тыс.), из них годных для

* *Васильев Н.* Транспорт России в войне 1914–1918 гг. С. 149–150.

** Там же. С. 22, 51–52; *Кудрявцев А. С.* Очерки истории дорожного строительства в СССР. С. 262.

сплава и судоходства – 177,3 тыс. (всего по России – 271,5 тыс.), в т. ч. судоходных в обе стороны – 42,7 тыс. (всего по России – 88,1 тыс. верст).

На территории Европейской России в ведении Министерства путей сообщения действовали искусственные водные пути (каналы и шлюзованные реки), среди них соединительные водные системы: Мариинская (663 версты), Тихвинская (182 версты), Вышневолоцкая (135 верст), герцога А. Виртембергского (61 верста), Днепро-Бугская (202 верста), Огинская (67 верст), Березинская (103 версты), Висло-Неманская ((95 верст). Всего в Европейской России (без Финляндии) имелось 1926 верст искусственных водных путей (вместе с не входящими в состав соединительных систем). Кроме того, в ведении общественных учреждений, частных лиц, а также Главного управления землеустройства и земледелия находилось 1880 верст каналов и шлюзованных участков рек. Все перечисленные водные пути так или иначе оказались задействованными во время мировой войны*.

Речным транспортом перевозились в основном массовые грузы. Эти перевозки обходились значительно дешевле, чем другими видами транспорта. Так, на железной дороге себестоимость перевозок составляла $\frac{1}{80}$ коп. с пудоверсты, а стоимость фрахтов хлебных грузов по Волге на расстояние до 1 тыс. верст – $\frac{1}{300}$ коп., нефти – $\frac{1}{385}$ коп., при этом при перевозке нефти в железных баржах стоимость понижалась еще на 30 %**.

Громадность территории, разнообразие судоходных условий на реках, одновременность освоения их обусловили крайнюю разнотипность речного флота России. Различные способы движения, размеры судов, особенности прохода их через искусственные сооружения водных систем, традиции широко развитого сплавного судоходства, медленное внедрение паровой тяги – все это затрудняло координацию речных перевозок. К началу военных действий в самоходном флоте насчитывалось более 450 (с различными типами главных силовых установок, котлов и оборудования), а в несамоходном – более 800 типов судов. По данным 1912 г., речной флот России состоял из 5556 пароходов и теплоходов общей мощностью 1098 тыс. л. с. и 24 151 несамоходного судна общей грузоподъемностью 13,5 млн т. В количественном отношении это был один из крупнейших речных флотов мира***.

В 1913 г. из всех грузов, перевезенных по рекам России (3115 млн пудов), 65,3 % транспортировались в судах и 34,7 % – на плотках. Общий объем грузов, перевезенных только по рекам бассейна Волги, составлял 1547 млн пудов; на втором месте находился бассейн Невы – 465 млн пудов, на третьем – бассейн Днепра – 316 млн пудов. Первое место занимали лес и дрова, второе – нефть и нефтепродукты, третье – хлеб. Перевозки по рекам Сибири и Средней Азии в

* Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. С. 125–126.

** *Павличинский А. А.* Пути сообщения СССР. С. 51.

*** *Чеботарев М. Н., Амузин М. Д., Богданов Б. В.* и др. Речное судоходство в России. М., 1985. С. 302.

этот период были незначительными. Исключением оставался бассейн р. Амур, где грузопотоки в 1913 г. достигли почти 1,3 млн т, значительно опередив объемы грузового судоходства по рекам Западной Сибири^{*}.

Внутренние водные пути России находились в ведении Министерства путей сообщения (на местах ими ведали округа путей сообщения), но транспортный флот был в руках многочисленных компаний, фирм и тысяч частных судовладельцев, не подчинявшихся МПС. Среди крупнейших пароходных компаний выделялись «Самолет», «Кавказ и Меркурий – Восточное общество» (КАМВО), «Ф. и Г. бр. Каменские», «Русь», «Кама», «Товарищество братьев Нобель», «Волга». Торгово-промышленное и пароходное общество «Волга» имело флот, который перевозил ежегодно 70–80 млн пудов^{**}. Особое место в волжских перевозках занимало «Товарищество братьев Нобель», знаменитая нефтедобывающая фирма, имевшая собственный речной флот. К 1915 г. на Волге ему принадлежало 25 буксирных пароходов (общей мощностью около 3 млн л. с.), 4 наливных парохода, 13–15 теплоходов, не считая ряда мелких паровых и тепловых судов – баркасов и лодок. Непаровой флот насчитывал до 200 единиц, в том числе до 70 железных барж, среди которых были гиганты в 65–76 саж. длины, грузоподъемностью в 500–600 тыс. пудов. Флотилия Нобелей перевозила в год 57–60 млн пудов нефтяных грузов, что составляло приблизительно четверть общего вывоза нефтепродуктов на внутренний рынок^{***}.

Таким образом, речной транспорт представлял собой разобщенную и трудноуправляемую систему. Между тем условия военного времени требовали быстрого маневрирования флотом, централизованного руководства перевозками. Однако каждому ведомству, в т. ч. и военному, каждому грузоотправителю, нуждавшемуся в перевозках речным транспортом, приходилось самостоятельно договариваться с судоходными предприятиями, которые принимали те или иные грузы, зачастую исходя не из общегосударственной необходимости и целесообразности военных условий, а из соображений выгоды. Война особенно обострила проблему фрахтов и такс – судовладельцы постоянно повышали их, в том числе и на перевозки нефтепродуктов и хлеба. В определенной мере объяснялось это и ростом расходов на речном транспорте, обусловленных всеобщим ростом цен на продовольствие, стройматериалы, топливо.

Массовые призывы в армию обозначили еще одну проблему – трудности с наймом рабочих рук. В связи с низкой заработной платой и необходимостью возвращения на полевые работы наблюдался и постоянный уход рабочих с судов. Компенсировать сокращение рабочих рук, в т. ч. грузчиков, за счет по-

^{*} Чеботарев М. Н., Амузин М. Д., Богданов Б. В. и др. Речное судоходство в России. С. 302–303.

^{**} Шубин И. А. Волга и Волжское судоходство (История, развитие и современное состояние судоходства и судостроения). М., 1927. С. 683.

^{***} Там же. С. 702–704.

вышения производительности труда при отсутствии механизации было невозможно. В результате наблюдались массовые простои судов и нарушался четкий ритм перевозок. Важным фактором сбоев в работе речного транспорта стало осложнение в условиях войны работы железных дорог, что вызвало значительное увеличение нагрузки на отдельных направлениях речного судоходства. Волжский флот не пополнялся – новые суда не поступали, старые из-за отсутствия материалов не ремонтировались.

Для западного театра военных действий, простиравшегося от Балтийского до Черного моря, особое значение имели Мариинская, Тихвинская, Вышневолоцкая, Огинская и Днепро-Бугская водные системы. Рокадой являлся водный путь Западная Двина – Березина – Днепр, упиравшийся своими «концами» в Балтийское и Черное моря и способный при надлежащем оборудовании в значительной мере разгрузить железнодорожный транспорт. Однако к этой роли водный путь не был подготовлен. Второй водной линией, ближайшей к фронту, являлся водный путь Неман – Щара – Припять – Стырь, но состояние и этих рек также не позволяло использовать их для решения значительных военных задач. К Днепру примыкали или же пересекали его в 13 местах железные дороги, но наличие порогов, прежде всего в южной части, лишало его транзитного значения.

Тяжелое положение сложилось и на водных путях, параллельных железным дорогам. Развитие речного парового флота и наращивание тоннажа на территории западных губерний вошли в противоречие с состоянием водных путей, возможности которых в основном ограничивались использованием непаровых мелкосидящих судов. Причем собственные типы судов одной системы были уже не пригодны для другой. Так, волжские суда не соответствовали габаритам Мариинской водной системы, а по Березинской, Огинской и Днепро-Бугской системам основным видом плавательных средств являлись плоты. Таким образом, усиление эксплуатации одного воднотранспортного бассейна практически не могло происходить за счет другого, что нередко требовалось в обстоятельствах военного времени*.

После перехода с конца 1915 г. к позиционной войне, когда выросли потребности в перевозках стройматериалов, топлива, интендантских грузов, были предприняты попытки улучшения работы водного транспорта в районах сосредоточения армии (прежде всего на юго-западе – Днепр, Припять, Днестр и Южный Буг). Специально оборудованные плавсредства требовались и для перевозки раненых. В судовых командах не хватало специалистов. В этой связи военное ведомство стало предпринимать попытки возвращения на речной флот мобилизованных кадров. Так, на Мариинскую водную систему из мобилизованных ранее 2 тыс. человек возвратилось 1300. Слабым местом на водных путях оставались порты, крупные пристани, многие из которых не были

* *Васильев Н.* Транспорт России в войне 1914–1918 гг. С. 25–27.

связаны с железными дорогами и оборудованы самыми примитивными перегрузочными механизмами^{*}.

17 января 1916 г. был создан Распорядительный комитет по водным перевозкам (с уполномоченными на местах). Перед ним была поставлена главная задача: упорядочение водных перевозок и принятие мер к наилучшему использованию водных путей. Однако его работа началась слишком поздно, а весь флот и береговая инфраструктура находились в руках частных судовладельцев, ущемлять права которых правительство не решалось^{**}. В результате падали объемы грузоперевозок на водном транспорте. В 1916 г. грузооборот Волги понизился до своей средней довоенной нормы – чуть более 1200 млн грузов. Особенно заметным было непрерывное сокращение грузопотоков по другой важнейшей водной системе – Мариинской. Такое положение отмечалось и на реках Сибири. С 1913 по 1917 г. перевозки в Западной Сибири (реки Обь и Иртыш) уменьшились с 1,75 млн до 1,21 млн т. По некоторым крупным рекам перевозки, по сравнению с довоенным периодом, сократились в 3–5 раз. В целом по стране объем речных перевозок в 1917 г. составил только 53 % довоенного уровня^{***}.

Тяжелое положение на речном транспорте заставило Министерство путей сообщения принять меры к созданию собственных речных транспортных предприятий. Так, на Северной Двине появилась организация для вывоза важнейших военных грузов, поступавших в Архангельск морским путем. Однако всеми этими мерами в условиях общего кризиса экономики и противоборства с собственническими интересами частного судовладения улучшить показатели объема перевозок не удавалось.

Если грузопоток на речном транспорте имел постоянную тенденцию к уменьшению, то пассажирские перевозки с каждой навигацией увеличивались. Общего учета пассажирских перевозок даже волжского судоходства до 1918 г. не велось. В 1913 г. по неуточненным данным в Волжско-Камском бассейне было перевезено 7291,1 тыс. пассажиров. Рост пассажирских перевозок на речном транспорте продолжался на протяжении всех военных лет. Предположительно в 1916 г. число пассажиров достигло 12 млн человек^{****}.

Торговое мореплавание. В связи с мировым характером войны возросла роль морских и океанских сообщений. По морским коммуникациям началась транспортировка значительных объемов военных и экономических грузов, от которых напрямую зависела способность государств, в т. ч. России, вести войну. Сохранение морских коммуникаций с первых дней войны превратилось

^{*} Павличинский А. А. Пути сообщения СССР. С. 52–55.

^{**} Васильев Н. С. Транспорт России в войне 1914–1918 гг. 119–123; Чеботарев М. Н., Амусин М. Д., Богданов Б. В. и др. Речное судоходство в России. С. 306.

^{***} Чеботарев М. Н., Амусин М. Д., Богданов Б. В. и др. Речное судоходство в России. С. 306–308.

^{****} Шубин И. А. Волга и Волжское судоходство. С. 753.

в первостепенную стратегическую задачу. Для наращивания необходимых средств, привлекаемых к действиям на морских сообщениях, а также для защиты важнейших портов стали привлекаться ресурсы торгового мореплавания.

В начале XX в. российский торговый флот базировался на пяти изолированных морских бассейнах: Черноморско-Азовском, Балтийском, Северном, Каспийском и Дальневосточном. Морским транспортом ведало Главное управление торгового мореплавания и портов, входившее в состав Министерства торговли и промышленности. Основное внимание правительства было обращено на модернизацию военно-морского флота, и широкой государственной поддержки торговый флот не имел. Ему содействовали в основном общественные организации: Всероссийский национальный союз торгового флота, Лига обновления флота и др. Они занимались организацией морских и технических выставок, популяризацией идеи о жизненной необходимости для России коммерческого флота.

На 1914 г. в составе российского торгового флота находилось 1103 парохода вместимостью 526 тыс. регистровых тонн и 2597 парусных судов с 257 тыс. регистровых тонн. На паровой флот приходилось 29,8 % общего количества и 67,2 % чистой вместимости всех судов флота. Экипаж парового флота состоял из 18,9 тыс. человек, парусного – 12,8 тыс. чел.* В 1913 г. суда коммерческого флота перевезли 30,9 млн т различных грузов, в т. ч. на долю экспорта пришлось 14,5 млн т, импорта – 5,5 млн т, большого каботажа – 571 тыс. т, малого каботажа – 10,3 млн т**. Наибольшее количество экспортных грузов перевозилось через Черноморско-Азовский бассейн. Главнейшими экспортными грузами в российских портах в 1913 г. являлись хлеб (49,1 %), лесные материалы (28,3 %), руда (8,5 %) и нефть (4,9 %). Среди импортных грузов первое место занимал каменный уголь (65,8 %)**.

Во внутреннем грузообороте страны морской транспорт играл незначительную роль. Его основная деятельность сводилась к каботажным перевозкам, но и здесь ощущался недостаток судов, особенно на Дальнем Востоке. В значительной мере эта ситуация объяснялась слабым хозяйственным развитием большинства приморских районов (кроме Балтийского и Черноморско-Азовского бассейнов). Тем не менее суда торгового флота осуществляли сообщение по многим дальним линиям, в Балтийском бассейне это были рейсы Петербург – Лондон – Гельсингфорс, Петербург – Рига – Либава – Одесса, Ревель – Виндава – Лондон, Либава – Роттердам – Нью-Йорк. Срочные сообщения получили широкое развитие на Черном море – из Одессы суда ходили в порты Турции, Египта, Персидского залива и большим каботажем – на Петербург и Владивосток.

* Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. С. 136.

** Там же. С. 145.

*** Материалы по статистике путей сообщения. Вып. 55. С. XI.

Судами торгового флота владели ряд крупных полугосударственных компаний, акционерных обществ со смешанным капиталом и большое число мелких частных судовладельцев. Особую роль в функционировании торгового флота играли ряд морских судоходных обществ и среди них в первую очередь Российское общество пароходства и торговли (РОПиТ), более всего связанное с Черноморско-Азовским бассейном. Оно выполняло заказы военно-морского ведомства, принимая участие в строительстве военных судов – броненосцев, канонерских лодок и др. Накануне войны суда РОПиТ работали на черноморских, азовских и зарубежных линиях, совершая рейсы в болгарские и анатолийские порты Турции, Греции, в Александрию (Египет), Персидский залив и на Балтику. Однако уже в 1914 г. рейсы в Средиземное море, на Балтику, в страны Ближнего Востока были отменены. Часть быстроходных пароходов общества подверглась мобилизации и переоборудованию в транспорты, заградители и посыльные суда. РОПиТ передало по военно-судовой повинности более 50 пароходов, три из которых стали транспортами Балтийского флота, а наиболее современные и быстроходные «Император Николай I» и «Император Александр III» вспомогательными крейсерами – гидроавиатранспорты Черноморского флота*. 40 судов общества вместе с экипажами в марте 1915 г. были зачислены в состав Транспортной флотилии Черноморского флота, предназначавшейся для выполнения оперативных перевозок войск и грузов в связи с намечавшейся высадкой десанта на Босфоре. Огромную работу проделали суда РОПиТ по заданиям командования Кавказского фронта. После октября 1917 г. их задействовали в эвакуации войск Кавказского фронта из турецкого Лазистана и Трапезунда в Новороссийск**.

Важную роль в торговом судоходстве периода войны сыграло общество «Добровольный флот», созданное в 1878 г. по инициативе Императорского общества содействия русскому торговому мореходству. Пароходы общества, как предусматривал его устав, в случае войны следовало немедленно передавать во временное распоряжение или собственность Военного или Морского министерств***. Добровольный флот имел исключительное право осуществлять регулярное товаро-пассажирское сообщение между Одессой и отечественными портами Тихого океана, а также заходить в иностранные порты (Константинополь, Порт-Саид, Аден, Сингапур, Ханькоу, Нагасаки); обслу-

* Под флагом России. История зарождения и развития морского торгового флота. М., 1995. С. 263.

** Трифонов Ю. Н., Лемачко Б. В. Русское общество пароходства и торговли. 1856–1932 годы. (Краткий исторический справочник.) СПб., 2009. Начатая в 1918 г. национализация судов РОПиТ была завершена лишь в 1920 г. Оставшиеся суда этого крупнейшего судоходного предприятия России составили ядро Черноморско-Азовского пароходства СССР.

*** Под флагом России... С. 204.

живать и местные дальневосточные линии, соединявшие Владивосток с портами Китая. Из Гамбурга его суда ходили в Америку.

Добровольный флот являлся одним из ведущих судоходных обществ России – имел свыше 40 пароходов, половина которых отвечала современному уровню, и обладал крупной недвижимостью и оборудованием. На Дальнем Востоке суда Добровольного флота обслуживали экспресс-линию в Японию и Китай, а также дальние каботажные сообщения в порт-пункты Охотского моря и Камчатки. На них же во Владивосток доставлялась большая часть военных грузов из Японии. Осуществлялись и ежегодные рейсы из Владивостока в устье р. Колымы в Восточно-Сибирском море.

С первых дней войны пароходы Добровольного флота, оказавшиеся в открытых морях, приступили к осуществлению межсоюзнических перевозок между северными портами России (Мурманском и Архангельском) и портами Великобритании и США, обеспечивающими снабжение российской армии и флота. В течение всей войны вместе с судами других пароходств участвовало несколько десятков пароходов Добровольного флота, из которых часть погибли на минных полях и от атак германских подводных лодок*. Активное участие кроме РОПиТ и Добровольного флота в военных действиях, перевозках войск, беженцев и грузов принимали суда и других крупных пароходных предприятий, в т. ч. Товарищества Архангельско-Мурманского срочного пароходства, Общества Русского Восточно-Азиатского пароходства, Северного пароходного общества и др.**

28 июня 1914 г. был принят закон «О военно-судовой повинности», по которому все российские судовладельцы обязывались при необходимости предоставлять на определенных условиях суда, портовые объекты и другое имущество в распоряжение морского и военного ведомств***. При этом экипажи и работники береговых предприятий должны были оставаться на службе, а невыполнение данного требования влекло за собой уголовное преследование. Началась массовая мобилизация коммерческих судов. Вслед за законом, 24 июля 1914 г. обнародованы Правила о порядке привлечения принадлежащих Министерству торговли и промышленности судов, а равно иных перевозочных и погрузочных приспособлений и состоящего при них личного состава к военно-судовой повинности и о порядке ведения учета по сему предмету. С этой целью во всех портах образованы специальные комиссии во главе со старшими помощниками капитанов над портами. Многие мобилизованные суда были переоборудованы в минные и сетевые заградители, плавбазы, тральщики, спасательные суда. На военную службу определялись и торговые

* Павличинский А. А. Пути сообщения СССР. С. 63.

** Под флагом России... С. 215–218.

*** Материалы по статистике путей сообщения... С. XIII.

моряки в возрасте 18–50 лет, командному составу присваивались офицерские звания^{*}.

Закон о военно-судовой повинности оказал мощное влияние на пополнение военного флота. Во-первых, был налажен контроль над состоянием и дислокацией торговых судов в ходе войны на Балтийском, Черном и северных морях, где в состав военно-морского флота началась мобилизация торгового и промыслового флота с одновременным его переоборудованием. Во-вторых, переоборудованные суда участвовали наряду с военными кораблями в боевых операциях, охраняли фарватеры, базы и транспорты во время переходов, ставили и тралили мины (40 % минных оборонительных заграждений было выставлено переоборудованными судами). В-третьих, товарно-пассажирские пароходы выполняли и обязанности учебных, госпитальных, спасательных, гидрографических судов Балтийского и Черноморского флотов. Всего в военные годы в работах, необходимых армии и народному хозяйству, принимало участие около 300 судов торгового флота. Свыше 200 торговых судов, в т. ч. 62 парохода, реквизированных у противника, и 21 судно союзников, оказавшихся заблокированными на Балтике и Черном море, дополнили составы транспортных флотилий Балтийского и Черноморского флотов^{**}.

Совместная деятельность торгового и военно-морского флота обусловила необходимость создания специальных органов управления. 19 февраля 1916 г. постановлением Совета министров при Морском министерстве было учреждено Совецание по морским перевозкам, в задачи которого входила координация всех перевозок военных грузов морем и обсуждение вопросов, связанных с доставкой грузов государственного значения. Членами Совецания являлись представители министерств: военного, морского, путей сообщения, торговли и промышленности, земледелия, финансов и госконтроля^{***}. Таким образом, было положено начало оформлению центральных органов управления стратегическими перевозками из внутренних частей страны и союзных стран, сообщение с которыми было возможно исключительно морским путем, что, несомненно, сыграло свою положительную роль в деле повышения боеиспособности армии.

Организация бесперебойной транспортировки оружия, боеприпасов, военной техники, транспортных средств, дефицитного сырья, топлива и продовольственных грузов из Америки, Франции, Канады, Японии, Китая, Индии и других стран явилась значимым экономическим и военно-стратегическим фактором. Не менее важную роль играли и перевозки на Каспии – жидкого топлива для армии и промышленности страны, на Дальнем Востоке и в се-

^{*} Под флагом России... С. 263–264.

^{**} Пузырев В. П. Торговый флот России в Первой мировой войне 1914–1917 гг. Исторический очерк. М., 2006. С. 157–159.

^{***} Под флагом... С. 269.

верных морях – подвоз судами жизненно необходимых грузов в отдаленные населенные пункты Российской империи.

На Балтийском и Черноморском флотах, где морская блокада со стороны Германии и Турции нанесла тяжелый удар по связям с союзниками, из мобилизованных судов различных пароходных обществ и отдельных судовладельцев были сформированы военно-транспортные флотилии. В их состав вошли также и арестованные по указу императора Николая II от 2 августа 1914 г. пароходы Германии и Австро-Венгрии и оказавшиеся в русских портах суда союзных государств Антанты. Экипажи германских и австрийских пароходов полностью заменялись русскими моряками, а на судах союзных стран – Англии, Франции и Бельгии – оставались прежние капитаны, старшие механики и старшие штурманы. На Балтийском море для военных целей использовались 273 торговых судна, в т. ч. 12 английских и 54 австро-венгерских, на Черном и Азовском морях – 255 судов, из которых 30 ранее принадлежало иностранным владельцам*.

Таким образом, в интенсивные военные действия и оперативные перевозки, связанные со снабжением войск и населения, были втянуты все морские бассейны и их порты. На Севере – на Белом и Баренцевом морях – особая роль выпала Архангельскому порту. Уже с осени 1914 г. его причалы стали принимать значительное количество зарубежных поставок – вооружение, боеприпасы, снаряжение для армии, что потребовало быстрой реконструкции порта и организации защиты морских сообщений к его подступам. Основной объем грузоперевозок осуществляли суда союзников, но активно в них участвовали и пароходы торгового флота – Восточно-Азиатского пароходства, Западно-Русского пароходства, Северного пароходного общества, общества Добровольного флота. С лета 1915 г. оперативная обстановка на Севере обострилась – германские суда в гирле Белого моря выставили минные заграждения. В июле 1916 г. для охраны морского пути к Архангельску была сформирована флотилия Северного Ледовитого океана, получившая в свой состав 23 мобилизационных судна, которые были превращены в тральщики, транспорты и другие вспомогательные единицы. Ряд торговых и гидрографических судов, приписанных к Архангельскому порту, были переоборудованы в посыльные (сторожевые) корабли, организована ледокольная служба, которой ранее не существовало. К концу войны в составе флотилии находилось 99 боевых и вспомогательных кораблей и судов, большинство которых было получено в результате мобилизации торгового флота. С октября 1915 до мая 1916 г. в Архангельск с помощью ледоколов было проведено 250 судов. В конце 1916 г. в Кольском заливе началась эксплуатация нового порта у с. Романова (будущего Мурманска), соединенного с построенной уже в период войны Мурманской железной дорогой**.

* Флот в Первой мировой войне. Т. 1. М., 1964. С. 579–582.

** Морской атлас. Т. III. Военно-исторический. Часть первая. Описания к картам. Изд. Главного штаба Военно-морского флота. М., 1959. С. 849–850.

Большой объем перевозок из союзных стран для России превратил порты Архангельск и Мурманск в важнейшие стратегические объекты страны. Через них осуществлялась доставка из Англии, США, Франции, Японии и других союзных и нейтральных государств угля, заказанного оружия, различной техники, а также вывоз традиционных товаров российского экспорта – леса, хлеба, мяса, пушнины и др. Из Архангельска во Францию только в навигацию 1916 г. было перевезено 44,2 тыс. военнослужащих трех русских особых пехотных бригад, 115 матросов и 6,8 тыс. военнопленных. Эти перевозки являлись лишь частью работы судов торгового флота*. При этом судоходство в северных морях осуществлялось с огромными трудностями – не прекращались рейды германских подводных лодок у Кольского залива и Мурмана в разгар прохождения судов к Архангельску. На минах, выставленных германскими подводными лодками, и от выпущенных ими торпед погибло 46 транспортов, что составило 1,6 % от общего числа торговых судов, прошедших по коммуникациям Севера во время войны**.

Не менее тяжелая обстановка складывалась и в Балтийском бассейне, подвергшемся морской блокаде. Уже в 1914 г. здесь было мобилизовано 37 пароходов. Десятки пароходов вошли в состав Транспортной флотилии Балтийского флота, которая занималась перевозкой войск, снабжением боевых кораблей на отдаленных рейдах, завозом топлива, продовольствия, боеприпасов на военноморские базы. За годы войны в этой работе участвовало 139 торговых судов, часть которых была переоборудована в тральщики, минные заградители, госпитальные и спасательные суда. В 1916–1917 гг. суда Транспортной флотилии постоянно совершали рейсы с необходимыми грузами в порты Рижского залива***.

На Черном море коммерческое судоходство прекратило свое существование уже к концу 1914 г., когда начались активные военные действия. Однако судоходство на нем не остановилось – появилась срочная необходимость поставлять грузы для Батумского отряда войск и Кавказской армии. Рост перевозок был обусловлен подготовкой крупной десантной операции в районе Босфора. Эти причины потребовали начать формирование Транспортной флотилии, в которую вошли все простаивающие торговые суда, захваченные пароходы противника и оставшиеся на Черном море союзные транспорты. Все предназначенные для флотилии суда стягивались в Одесский порт, где происходило их переоборудование для перевозки войск, лошадей и орудий. Судам флотилии пришлось участвовать в ряде военных операций, в том числе Дарданелльской и Трапезундской. В последнем случае пришлось перевезти

* Пузырев В. П. Торговый флот России в Первой мировой войне 1914–1917 гг. С. 46–55.

** Под флагом... С. 267.

*** Пузырев В. П. Торговый флот России в Первой мировой войне 1914–1917 гг. С. 64–70.

по морю (из Новороссийска на Турецкий фронт) две кубанских пластунских бригады общей численностью 18 тыс. человек, более 4300 лошадей, 1400 повозок, 26 орудий и 8 автомобилей. Только в мае 1916 г. флотилия участвовала в переброске на побережье турецкого Лизистана двух пехотных дивизий общей численностью около 35 тыс. человек. Состав Транспортной флотилии в 1916 г. увеличился до 116 судов (войсковые транспорты и госпитальные суда, грузовые угольщики, танкеры и буксирные пароходы). Работа ее продолжилась вплоть до осени 1917 г. С середины сентября до середины октября этого года флотилия перевезла в разных районах моря 50 тыс. человек, 8 тыс. лошадей и скота и 786,5 тыс. т различных грузов*. После октября 1917 г. боевые действия русского флота на Черном море приостановились. 16 декабря 1917 г. между русским и германо-турецким морским командованием было заключено перемирие.

Торговый флот и порты Каспийского бассейна в период войны имели для страны особое значение. Оно определялось тыловым расположением по отношению к Кавказскому фронту и блокированному Черноморскому бассейну. Мобилизованному флоту постоянно приходилось держать связь с российскими войсками, расположенными в Персии. Но самым главным для всех судоходных предприятий являлась перевозка нефти и нефтепродуктов по Каспию и далее по Волге. В Бакинском районе добывался и перерабатывался основной объем нефти, необходимой фронту и народному хозяйству. Война не остановила работу каспийского флота, но осложнила ее из-за значительного сокращения мобилизованного в армию судового состава и грузчиков. Эти причины и кризис на железных дорогах (перезагруженность, пробки на дорогах, нехватка цистерн) сказывались на сроках и ритмичности перевозок. Тем не менее конвейер по доставке нефти морем все годы работал без крупных сбоев. Ежегодно нефтеналивной флот Каспия перевозил свыше 250 млн пудов нефтепродуктов. Пассажирские суда помимо обычных перевозок грузов, в том числе продовольственных товаров, выполняли и оперативные перевозки войск**.

На Дальнем Востоке особое значение приобрел Владивостокский порт; его роль многократно выросла в связи с блокадой Черного и Балтийского морей. Сюда из США стали поступать такие крупногабаритные и тяжеловесные грузы, как паровозы, железнодорожные вагоны, тяжелые артиллерийские орудия и т. д. Владивосток был связан и с японскими портами, откуда также осуществлялась поставка военных грузов. За годы войны во Владивосток прибыло 4,7 млн т импортных грузов и вывезено 2,2 млн т. Объемы и характер грузов потребовали значительной реконструкции порта, что было сделано в кратчайшие сроки. Только за два первых военных года его грузооборот возрос в два

* Там же. С. 97–110.

** Там же. С. 123–128.

раза. Большинство российских судов в районе Тихого океана принадлежало обществу Добровольного флота*.

Война изменила характер деятельности всего транспортного флота России – прекратилось внешнеторговое судоходство на Балтике и на Черном море, значительная часть торговых судов была мобилизована в состав военного флота. В боевых действиях использовались 208 морских пароходов, переоборудованных в тральщики, минные заградители, сторожевые суда. Свыше 200 судов (в т. ч. 62 реквизированных и 21 союзных стран) находились в постоянном составе транспортных флотилий Балтийского и Черноморского флотов, 30 бывших торговых пароходов использовались как учебные, госпитальные, спасательные и гидрографические суда. Значительное количество судов торгового флота вошло в состав флотилии Северного Ледовитого океана. Большое число пароходов обслуживало стратегически важные порты. Осуществлялись каботажные воинские перевозки и перевозки внешнеторговых грузов из Великобритании, США, Франции и Японии через порты Архангельск и Владивосток, которые были срочно модернизированы.

Таким образом, в условиях полной блокады Балтийского и Черноморского бассейнов океанско-морские коммуникации и порты приобрели особое значение. В тяжелых условиях военного времени осуществлялось судоходство Северного бассейна, куда направлялся основной объем стратегически важных грузоперевозок. В целом российский торговый флот потерял 215 пароходов (390 тыс. регистровых тонн) и 69 парусных судов (19,9 тыс. регистровых тонн). Понесенный ущерб удалось возместить за счет ареста судов вражеских государств и последующей закупки тоннажа в союзных и нейтральных странах Европы и США. Если накануне войны, в июне 1914 г., общий тоннаж российского морского торгового флота составлял 850 тыс. тонн, то через два года, в июне 1916 г., – 880 тыс. тонн. Россия имела тогда 1013 пароходов, 91 теплоход и 2524 парусных судна**.

Морской торговый транспорт России в ходе мировой войны достаточно успешно решал задачи, связанные с обеспечением внешнеэкономических перевозок и выступил надежным помощником и резервом для военно-морского флота.

* Дальневосточное морское пароходство (1880–1980) // *Бабиевский И. С.* и др. Владивосток, 1980. С. 100–102.

** Там же. С. 269.

Глава 5. ФИНАНСОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ДО ФЕВРАЛЯ 1917 г. (Ю. А. Петров)

1. Финансирование военных расходов государства

Первая мировая война вызвала дезорганизацию экономической жизни всех воюющих государств, нарушив сложившиеся пропорции и связи мирового общественного хозяйства. Оказались прерваны традиционные каналы международного обмена, финансирования и снабжения сырьем. Мировое хозяйство, в начале XX в. являвшее собой единый экономический организм, распалось на ряд изолированных друг от друга районов. Всякие платежи с враждебными государствами прекратились механически, а расчеты с союзниками и нейтральными странами были отсочены.

Серьезные потрясения произошли также во внутреннем финансовом хозяйстве участников мирового военного противоборства. Были закрыты фондовые биржи, большинство воюющих государств объявило вексельный мораторий, повсеместно был прекращен обмен кредитных билетов на золото. С началом войны центральные эмиссионные банки стали выпускать в обращение все увеличивавшееся количество ничем не обеспеченных кредитных билетов, что породило всплеск инфляции.

Первая мировая война тяжелым бременем легла и на экономику России. Расходы на войну только за вторую половину 1914 г. выразились цифрой 2,5 млрд руб., превзойдя издержки на всю русско-японскую войну. Общий же итог ассигнований на военные нужды с августа 1914 г. по февраль 1917 г. составил гигантскую сумму 30,5 млрд руб., или 9 годовых бюджетов 1913 г., последнего мирного года империи. К сентябрю 1917 г. расходы на войну, по разным данным, достигали 41–50 млрд руб.* В этой связи потребовались экстренные меры, чтобы удержать страну от финансового кризиса и обеспечить покрытие военных расходов.

Покрытие военных расходов обеспечивалось главным образом за счет внутренних ресурсов: к середине 1917 г. на военные нужды было израсходовано

* Дементьев Г. Д. Государственные доходы и расходы России за время войны с Германией и Австро-Венгрией. Пг., 1917. С. 31; Сидоров А. Л. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны. С. 115, 161; Беляев С. Г. П. Л. Барк и финансовая политика России. 1914–1917 гг. СПб., 2002. С. 271.

около 35 млрд руб., из них 7,5 млрд, или около 20 %, получено из внешнего источника (по военным кредитам союзников), а остальные 27,5 млрд – из внутренних поступлений. Одним из главных источников финансирования войны являлась денежная эмиссия, представлявшая собой форму принудительного государственного займа у населения.

Война вынудила российское правительство, равно как и правительства других воюющих стран, за исключением Великобритании, отказаться от золотого стандарта, т. е. от свободного размена бумажных денег на золото. 27 июля 1914 г. Николай II подписал указ, согласно которому «временно, впредь до минования чрезвычайных обстоятельств», прекращался размен кредитных билетов Государственного банка на золото. Это решение, как позднее вспоминал бессменный в годы войны министр финансов Барк, было вызвано необходимостью сохранить золотой запас империи, грозивший исчезнуть при массовом истребовании вкладов перед лицом надвигавшейся войны*. Заметим, что, вопреки временному характеру этого закона, к золотому стандарту России уже не суждено было вернуться. Закон 27 июля 1914 г. увеличил эмиссионное право Государственного банка с 300 до 1500 млн руб. При этом банку было разрешено учитывать краткосрочные казначейские обязательства, под обеспечение которых должны были производиться новые эмиссии кредитных билетов**. Количество бумажных денег (кредитных билетов) в обращении с 1665 млн руб. в канун войны выросло к началу 1917 г. до 9103 млн руб., т. е. в 5,6 раза***. Не обеспеченные золотом кредитные билеты стали едва ли не единственным платежным средством, их доля в общей денежной массе поднялась с 71 % до 98–99 % (см. табл. 1).

Таблица 1

Денежное обращение в России в 1914–1916 гг. (млн руб.)****

Год	Бумажные деньги	Прирост в % (к 1 июля 1914 г.)	Вся денежная масса	Доля бумажных денег (в %)
1.07.1914	1665	100	2335,4	71,3
1.01.1915	2946	180	3187,9	92,4
1.01.1916	5617	344	5668,1	99,1
1.01.1917	9103	558	9263,5	98,3

* См.: Воспоминания П. Л. Барка, последнего министра финансов российского императорского правительства // Возрождение. Париж. 1965. № 162. С. 98–99.

** Русский рубль. Два века истории. XIX–XX вв. М., 1994. С. 170.

*** О денежном обращении в годы Первой мировой войны подробнее см.: Петров Ю. А. Государственный банк. 1914–1917 гг. // История Министерства финансов России: В 4 т. Т. 1. 1903–1917 гг. М., 2002. С. 253–262; Беляев С. Г. П. Л. Барк и финансовая политика России. С. 235–251.

**** Шмелев К. Ф. Денежное обращение России в годы войны и революции (1914–1921) // Денежное обращение и кредит. Т. I. Пг., 1922. С. 12.

К началу войны в обороте помимо бумажных денег находились также и другие денежные знаки: золотая монета на сумму 467,7 млн руб., банковая и разменная серебряная монета на 122,1 млн и медная разменная на 18,5 млн руб. После приостановки размена бумажных денег на золото правительство попыталось изъять из обращения золотую монету для поддержания государственного золотого запаса. Однако население предпочло тезаврировать царские «импералы», не желая возвращать их в казну. В итоге к 1 января 1917 г. на руках оставалось золотой монеты на 436 млн руб., которая в обороте практически не участвовала.

Правительство не раз пыталось извлечь оставшуюся у населения монету из драгоценных металлов, в том числе и через сберегательные кассы. В июле 1915 г. Управление сберегательных касс обратилось к служащим с требованием, «взывая к патриотическому чувству клиентуры», обслуживая вкладчиков золотом вне очереди и т. п., содействовать тем самым обратному притоку в казначейство золотых платежных средств^{*}. Впрочем, эти меры не привели к ощутимым результатам. В 1915–1916 гг. из обращения постепенно выпала и серебряная монета, банковая и разменная, а затем медные деньги, которые также стали использоваться как более надежное по сравнению с обесценивавшимися кредитными билетами средство накопления. Несмотря на усиленный выпуск металлической монеты за первые два года войны, почти вся она (серебряная на сумму 286 млн руб., медная – на 23 млн) осталась на руках у населения. Разменная монета все шире замещалась в обороте бумажными марками достоинством от 1 до 20 копеек, которые принимались в том числе и на денежные вклады сберегательными кассами. «В России, – отмечал в 1916 г. один из ведущих дореволюционных экономистов М. В. Бернацкий, будущий министр финансов Временного правительства, – почти все денежное обращение сверху донизу бумажное»^{**}.

Накачивание оборота бумажными платежными средствами вело к разбуханию денежной массы при одновременном падении ее реальной стоимости. Покупательная способность рубля к 1917 г. упала вчетверо – до 27 копеек к довоенному уровню, в то время как рост индекса цен превысил уровень 1914 г. в 7 раз (разница между курсом рубля и индексом цен объясняется ростом денежных доходов населения вследствие военных заказов и поставок, увеличения заработной платы и т. п.)^{***}. Вместе с тем вплоть до Февральской революции у населения сохранялось доверие к бумажным деньгам, что в определенной степени сдерживало рост цен и темп инфляции.

^{*} ЦИАМ. Ф. 211. Оп. 1. Д. 415. Л. 135–135 об.

^{**} *Бернацкий М. В.* Денежное обращение и займы // Военные займы. Сб. статей / Под ред. М. И. Туган-Барановского. Пг., 1917. С. 85.

^{***} См.: Наше денежное обращение: Сборник материалов по истории денежного обращения в 1914–1925 гг. М., 1926. С. 5–7; *Сидоров А. Л.* Финансовое положение России в годы Первой мировой войны. С. 143–144.

Инфляционный процесс усиливался и в результате уменьшения золотого запаса Государственного банка в связи с выполнением союзнических обязательств. По официальным данным, сумма золотого фонда банка за 1914–1916 гг. выросла с 1695 до 3617 млн руб., однако около $\frac{2}{3}$ государственного запаса значилось как «золото за границу», а именно 2330 из 3617 млн руб. вместе с золотом, отосланным союзникам, но еще не дошедшим до адресата*. Основную часть золотых авуаров Государственного банка за границей к 1917 г. составлял так называемый «английский кредит» на сумму 200 млн ф. ст. (около 2 млрд руб. по довоенному курсу). Кредит этот был предоставлен правительством Великобритании осенью 1915 г. «в качестве покрытия для выпусков кредитных билетов» и был обеспечен обязательствами российского казначейства. Россия не имела права расходовать его на другие цели ни в Соединенном королевстве, ни в других союзнических странах, после заключения мира кредит должен был быть аннулирован. Реального золотого содержания русскому рублю он не добавил**. В обеспечение затрат Банка Англии за счет предоставленного кредита в 1915–1916 гг. из России было вывезено золота на сумму 378,8 млн руб. Это золото предоставлялось Банку Англии «на хранение» и должно было быть возвращено России по окончании войны в ходе межсоюзнических финансовых расчетов***.

Российское золото из подвалов Государственного банка в Петрограде перекочевывало в Англию и Соединенные Штаты и в качестве платы за кредиты на производство вооружения. Первая отправка состоялась осенью 1914 г. на сумму 8 млн ф. ст. (около 80 млн руб.). Если к 1916 г., по данным Государственного банка, его золотой фонд в России составлял 1614 млн руб., то год спустя – уже лишь 1476 млн, причем уменьшение на 138 млн руб. произошло исключительно за счет вывоза российского золота за границу****. Всего в 1914 – начале 1917 г. царское правительство выслало «желтого металла» в обеспечение союзнических поставок на сумму около 640 млн руб., или немногим менее половины предвоенного золотого запаса*****.

Влияние военных расходов становилось решающим фактором во всех областях финансового хозяйства. Основные расходы на войну исчислялись по особому военному («чрезвычайному») бюджету и покрывались из специального военного фонда. Опорой ординарного («обыкновенного») бюджета государства являлись налоги. В 1914 г. под влиянием форс-мажорных факторов,

* Отчет Государственного банка за 1916 год. Пг., 1917. С. 8.

** См.: Сидоров А. Л. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны. С. 138–140.

*** О заграничных займах России периода Первой мировой войны подробнее см.: Сидоров А. Л. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны.

**** Отчет Государственного банка за 1916 год. Пг., 1917. С. 9.

***** РГАЭ. Ф. 7733 (Наркомат финансов РСФСР, Министерство финансов СССР). Оп. 1. Д. 8074. Л. 41; Д. 8516. Л. 127.

связанных с началом войны, «обыкновенный» бюджет стал дефицитным, однако впоследствии правительству удалось добиться профицита за счет привлечения экстраординарных (займовых и налоговых) источников.

Государственный долг России (внутренний и внешний) за 1914 – начало 1917 г. вырос с 8,8 до 39,4 млрд руб., т. е. в 4,5 раза*. Наряду с денежной эмиссией внутренние займы стали важным источником покрытия военных расходов. С их помощью правительство получало у населения свободные средства и в то же время ослабляло негативные последствия выпуска бумажных денег. Займы играли роль антиинфляционного рычага, призванного изъять из обращения часть эмитированных бумажных денег и тем самым стабилизировать состояние государственных финансов. В записке, составленной в Министерстве финансов в начале 1917 г. по поводу займовых операций казны, подчеркивалось, что с помощью этой операции возможно «прочное изъятие кредитных билетов из обращения»**.

Вплоть до Февральской революции было выпущено внутренних займов на общую сумму 8 млрд руб. номинальных, чистая выручка от реализации которых составила 7528,9 млн руб.*** Около половины (4033 млн) эмитировал синдикат акционерных коммерческих банков Петрограда и Москвы, остальные облигации на сумму 3967 млн руб. были размещены Государственным банком и привлеченными им к этой операции государственными и частными учреждениями (сберегательными кассами, городскими общественными банками, обществами взаимного кредита и др.). Государственный банк предоставлял подписавшимся на облигации займов различные льготы (ссуды до 75 % стоимости облигаций, их бесплатное хранение и т. п.), вел активную пропаганду займов, выпустив на собственные средства 1 млн экземпляров плакатов и около 10 млн экземпляров популярных брошюр****.

В деятельности Государственного банка, главного банка страны, центральное место заняли операции, связанные с эмиссией внутренних займов. «До 1914 года, – отмечалось в отчете банка за 1916 г., – главным объектом коммерческих операций банка являлся вексель, а не процентные бумаги; в последние два года наблюдается обратное соотношение, объясняемое не только сокращением в стране вексельного обращения, но и главным образом тем, что ссудная под бумаги операция банка обслуживает теперь нужды государственного кредита, ускоряя и облегчая реализацию военных займов»*****.

* См.: *Петров Ю. А.* Государственный долг России в начале XX в. // История Министерства финансов России. Т. 1. С. 221–233.

** РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 8525. Л. 228.

*** Там же. Д. 8577. Л. 56–57.

**** См.: *Мукосеев В. А.* Военные займы России // Военные займы. С. 177; *Смирнов А.* Деятельность Государственного банка в 1916 году // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1917. № 37. С. 312.

***** Отчет Государственного банка за 1916 год. С. XIV.

Помимо собственно займов средства с внутреннего рынка привлекались также в форме эмиссии краткосрочных 5%-ных обязательств казначейства, представлявших собой векселя российского правительства, которые закладывались в Государственном банке в залог кредитов казне. Указом Николая II от 23 июля 1914 г. одновременно с приостановкой размена бумажных денег на золото Государственному банку предоставлялось право учитывать «краткосрочные обязательства государственного казначейства в размере, вызываемом потребностями военного времени». В итоге краткосрочных 5%-ных обязательств до марта 1917 г. было выпущено на сумму 11,5 млрд руб.^{*} Вместе с внутренними займами они стали главным займовым источником покрытия военных расходов.

При этом ресурсы внутреннего рынка капиталов были далеко не исчерпаны. Объем произведенных казной кредитных операций (долгосрочные займы и учет казначейских обязательств) за 1914–1916 гг. возрос на 3,4 млрд руб., тогда как прирост вкладов в банках только за 1916 г. выразился в сумме 5,3 млрд руб., а эмиссия составила 3,4 млрд руб. Таким образом, денежный рынок имел весьма значительные резервы, не находившие себе помещения в государственных займах^{**}.

Примерно теми же финансовыми приемами пользовались и другие воюющие страны: во Франции внутренние займы принесли в пересчете на русскую валюту 8,4 млрд руб., в Великобритании даже 21,5 млрд руб. по довоенному курсу. Правда, эмиссия союзниками по Антанте использовалась в относительно умеренных размерах: во Франции количество бумажных денежных знаков выросло за годы войны в 3,5 раза, а в Великобритании существенно не увеличилось^{***}.

Российское правительство активно прибегало и к внешним займам в форме правительственных кредитов, используемых для закупки и оплаты заказов по производству вооружения и обмундирования для русской армии. По имеющимся данным, на февраль 1917 г. общий военный долг России «собратьям по оружию» составил 5,2 млрд руб. Львиную долю (70 %) кредитов предоставила Англия, оттеснившая на второе место Францию – главного финансового партнера России в довоенный период^{****}.

В отличие от денежной эмиссии и госдолга налоговые поступления не играли существенной роли в финансировании войны^{*****}. Отечественные

* См.: *Мукосеев В. А.* Военные займы России // Военные займы. С. 17.

** Отчет Государственного банка за 1916 год. С. VII.

*** См.: *Каценеленбаум З. С.* Война и финансово-экономическое положение России. М., 1917. С. 34–35, 71.

**** См.: *Документы внешней политики СССР*. Т. V. М., 1961. С. 304. Данные приведены делегацией РСФСР на Генуэзской конференции 1922 г.

***** О налоговой системе периода войны подробнее см.: *Захаров В. Н., Петров Ю. А., Шацлло М. К.* История налогов в России. IX – начало XX в. М., 2006.

экономисты справедливо отмечали, что из трех возможных источников покрытия военных расходов (повышение налогов, государственные займы и эмиссия бумажных денег) наилучшим в принципе является налоговый, так как война в этом случае ведется на наличные, а не в кредит, и платят за нее современники – участники событий, а не их потомки, вынужденные на протяжении многих лет погашать долги отцов*. Однако в реальной жизни приходилось считаться с обвальным возрастанием военных расходов, с которым налоговая система не была в состоянии справиться. По подсчетам известного русского экономиста С. Н. Прокоповича, за 1914–1916 гг. благодаря введению новых налогов казна выручила всего 1052 млн руб., т. е. сумму, не сопоставимую с размером военных издержек**.

Положение государственных финансов усугублялось тем, что с целью «отрезвления подданных в годину испытаний» (по выражению «высочайшего» манифеста) правительством с сентября 1914 г. было объявлено о прекращении казенной продажи водки. Действовавший на всем протяжении войны «сухой закон» лишил государственный бюджет главного источника поступлений. Казна потеряла около 700 млн руб. годового дохода (за вычетом расходов на винную операцию). Эта потеря в «обыкновенном» бюджете государства была возмещена повышением других видов прямых и косвенных налогов.

В годы войны были увеличены ставки действовавших ранее налогов и введен ряд новых. Уже в 1914 г. сбор с пассажиров и грузов, перевозимых по казенным железным дорогам, был увеличен на 100 %, судебные пошлины также выросли вдвое, был введен специальный налог на ввозимый в страну хлопок в размере 2,5 рубля с пуда, на владельцев телефонных аппаратов (10 руб.). Повышены ставки косвенного налогообложения на сахар (на 14 %), табак (25–167 %), спички (50–100 %), керосин (50 %). Когда стало ясно, что война, которую поначалу воспринимали как кратковременное столкновение, приобретает затяжной характер, налоговый пояс был затянут почти до отказа. В 1915 г. наполовину повышены ставки промыслового налога, на 50–100 % – государственный поземельный налог, на 33 % – налог с городской недвижимости и на 40 % – таможенные тарифы. В 1916 г. действовавшие ставки акцизов, т. е. косвенного обложения, подняты на 100–300 % в зависимости от предмета обложения. Правда, курс на повышение акцизов сталкивался с лимитом покупательной способности населения, приводя, в частности, к сокращению уровня потребления вздорожавших сахара, керосина, спичек и т. д. Кроме того, в 1916 г. был принят закон о налоге на прирост прибыли предприятий и лиц, доходы которых существенно выросли благодаря военным заказам. Правда, официально он вступал в действие только с 1917 г.*** Наконец, в том же 1916 г.

* См.: Прокопович С. Н. Война и народное хозяйство. М., 1918. С. 84–88.

** Там же. С. 89.

*** См.: Михайлов П. А. Государственные доходы и расходы России во время войны. Факты и цифры. Пг., 1917. С. 147–149; Гирифельд А. В., Михеев И. М. К вопросу

был законодательно утвержден подоходный налог, о котором речь пойдет ниже.

На тот же путь усиления налогового бремени вступили и другие участники войны. В Великобритании, например, была втрое повышена ставка подоходного налога, введен налог на «избыточную прибыль» в размере 60 %, втрое повышен акциз на пиво, установлен акциз на столь любимую англичанами минеральную воду, вдвое повышены пошлины на табак, в 6,5 раза – на сахар, в 2 раза – на чай и т. д.*

В целом, вынужденное компенсировать сокращение доходов от ликвидации винной монополии, государство прибегло к резкому повышению налогов и сборов, что позволило к 1917 г. вывести объем собираемых податей на уровень 1913 г. Объем налогов в 1916 г. практически сравнялся с уровнем 1913 г. (соответственно 2166,5 и 2111,3 млн руб.), и казне удалось компенсировать ущерб от введения «сухого закона»**.

Война в то же время обнажила явные слабости российской податной системы. В 1915 г. в Министерстве финансов была подготовлена специальная докладная записка «К вопросу о преобразовании действующей налоговой системы». Ее составители во главе с министром Барком исходили из того, что в серьезном исправлении нуждается уклон в сторону косвенного обложения, и ставили задачу поиска источников «усиления доходных поступлений в области прямых налогов». Выход виделся «в установлении некоторых новых, доселе не существовавших у нас налогов», прежде всего – личного прогрессивно-подоходного***.

К началу XX в. подоходный налог был введен в большинстве стран Европы, за исключением Франции и Балканских государств. В России законодательный проект подоходного налога был разработан накануне войны, но лишь в 1916 г. был подготовлен законопроект, призванный обеспечить равновесие госбюджета. 6 апреля 1916 г., после одобрения Государственной думой и Государственным советом и утверждения императором, закон о прогрессивном налоге вступил в силу. Налог, действие которого начиналось с января 1917 г., распространялся на всю территорию империи, за исключением Финляндии, обложению подлежали как российские, так и иностранные подданные, имеющие постоянное жительство в России. Помимо физических лиц, к плате-

о финансовой подготовке России в войну 1914–1918 гг. // Вестник финансов. 1928. № 9. С. 107–108.

* Доклад П. Л. Барка Николаю II о росписи государственных доходов и расходов на 1917 г. / Публ. Б. А. Романова // Красный архив. Т. 4(27). М.; Л., 1926. С. 57, 60–67.

** См.: Дементьев Г. Д. Государственные доходы и расходы России за время войны. С. 21; Прокопович С. Н. Война и народное хозяйство. С. 92.

*** См.: Михайлов П. А. Государственные доходы и расходы России во время войны. С. 130–133.

жу налога привлекались и юридические: сословные (кроме крестьянских) и биржевые общества, монастыри и церкви, акционерные общества торгово-промышленные и финансовые (банки), трудовые артели, потребительские кооперативы и др.* От налога освобождались по закону только августейшая фамилия (но не великие князья – родственники императора) и официальные дипломатические представители иностранных держав в случае, если российским дипломатам в этих странах предоставлялась аналогичная льгота.

Начальный порог обложения («прожиточный минимум») был установлен на уровне 850 руб. годового дохода. Шкала прогрессивного обложения действовала до суммы 400 тыс. руб. с максимальной ставкой обложения 12 %. Доходы сверх 400 тыс. облагались по пропорциональной схеме: 12 % плюс 1250 руб. с каждых 10 тыс. руб. излишка. Однако закон был принят слишком поздно и не сыграл существенной роли в оздоровлении государственных финансов. 130 млн руб., которые подоходный налог должен был, по расчетам Министерства финансов, принести в государственную казну, так и не были собраны**. Первые поступления намечались на середину 1917 г., но к тому времени в России уже было новое правительство, призванное к власти революционной волной Февраля.

2. Кредитно-банковская система и фондовый рынок

В начале XX в. в России сложилась двухуровневая кредитно-банковская система, которая включала, с одной стороны, госсектор в лице Государственного банка и подчиненных ему казенных кредитных учреждений (Дворянский, Крестьянский земельные банки, сберегательные кассы и др.), а с другой – широкую сеть частных банковских структур (акционерные коммерческие и поземельные банки, общества взаимного кредита и др.).

Под влиянием войны кардинально изменилась функция главного банка страны – Государственного***. В отличие от центральных банков других европейских держав, Государственный банк России находился под непосредственным руководством Министерства финансов, что облегчало правительству задачу использования его в качестве органа финансирования военных расходов. Подобную же трансформацию пережили центральные банки и других

* См.: Положение о государственном подоходном налоге и инструкции по применению сего положения. Пг., 1916.

** См.: *Сидоров А. Л.* Финансовое положение России в годы Первой мировой войны. С. 126.

*** О деятельности Государственного банка подробнее см.: *Петров Ю. А.* Государственный банк России в 1903–1917 гг. // Исторические записки. Памяти академика Александра Александровича Фурсенко / Отв. ред. Б. В. Ананьич. Т. 12(130). М., 2009. С. 245–274.

вступивших в войну держав, прекративших обмен бумажных денег на золото (Франция, Германия). Во Франции после прекращения обмена центральный банк обязывался выдать авансов казначейству на сумму до 9 млрд франков и выпустить бумажных денег на 18 млрд франков*. «Из руководящих учреждений краткосрочного кредита, – отмечали современники, – большинство этих банков превратилось в учреждения, обслуживающие по преимуществу военные финансы государства. [...] Сейчас все почти центральные банки воюющих стран имеют главным своим клиентом-должником государство, затрачивают львиную долю своих средств, получаемых от эмиссионной операции, на финансирование войны»**.

Тому способствовали объективные факторы – сокращение товарного производства и вексельного обращения в связи с государственной мобилизацией промышленности на нужды войны, переход предприятий на наличный расчет, а также активное внедрение государства в область товарообмена, приводившее к свертыванию свободного рынка. «Необходимость продовольствовать армию и распределять недостаточное количество предметов первой необходимости среди населения, – подчеркивалось в официальном отчете банка за 1916 г., – заставило государство взять на себя значительную часть функций торгового аппарата. Это обстоятельство [...] повлекло за собой резкое сокращение оборотов свободной торговли и вытеснение сделок в кредит продаж за наличный расчет»***.

За годы войны кардинально изменились отношения банка с казной. Из должника казначейства центральный банк страны превратился в крупнейшего кредитора правительства, расходы за счет казны составляли подавляющую часть его активов. К 1914 г. средства казны представляли значительную часть банковского баланса (951 млн руб., или 31,3 % всех пассивов), к 1917 г. их доля снизилась до 10,7 % (794,1 млн руб.). Напротив, затраты за счет казны с 1,8 % баланса выросли до 61,6 % (см. табл. 2). Именно «счета казны» стали основной статьей активов банка, увеличившись за 1914–1916 гг. более чем в 150 раз (с 54,3 до 7792 млн руб.).

Таким образом, если до войны Государственный банк направлял свои средства в торгово-промышленный оборот, то в 1914–1916 гг. он, напротив, использовал собранные на денежном рынке ресурсы для финансирования военных расходов государства. Впрочем, подобные процессы были характерны для всех воюющих стран, банки которых в значительной степени утратили свою прежнюю самостоятельность, служа ресурсом казначейства для покрытия военных расходов.

* *Бернацкий М. В.* Денежное обращение и займы. С. 84.

** Цит. по: *Смирнов А.* Деятельность Государственного банка в 1916 году. С. 309.

*** Отчет Государственного банка за 1916 год. С. VI.

Таблица 2

Основные статьи баланса Государственного банка, 1 января 1914 – 1 января 1917 г. (млн руб.)^{*}

	1914	%	1915	%	1916	%	1917	%
АКТИВ								
Золото в России и за границей	1695,4	55,8	1732,5	0,8	2260,2	9,1	3617,3	8,6
Серебро, разменная монета, марки	60,7	2,0	44,9	1,1	39,8	0,5	119,1	0,9
Учетно-ссудные операции	1072,0	35,6	1123,1	26,4	1235,8	15,9	897,1	7,1
Процентные бумаги, принадлежащие банку	107,9	3,5	149,2	3,5	271,7	3,5	138,1	1,1
Счета казны	54,3	1,8	1078,2	25,4	3873,6	49,8	7792,0	61,6
Прочие активы	50,2	1,3	120,5	2,8	92,6	1,2	77,2	0,7
ПАССИВ								
Кредитные билеты в обращении	1665,0	54,8	2946,6	69,3	5616,8	72,7	9103,4	72,0
Капиталы банка	55,0	1,8	55,0	1,3	55,0	0,7	55,0	0,4
Средства казны	951,2	31,3	602,2	14,2	794,1	10,2	1357,4	10,7
Вклады и текущие счета	277,0	9,1	523,3	12,3	1041,2	13,4	1534,7	12,1
Прочие пассивы	92,3	3,0	121,3	2,9	266,6	3,5	590,3	4,7
БАЛАНС	3040,5	100,0	4284,4	100,0	7773,7	100,0	12 640,8	100,0

В годы Первой мировой войны отечественные сберегательные учреждения развивались исключительно динамично, привлекая колоссальные денежные средства** (см. табл. 3). Немалую роль в этом сыграло и увеличение общей денежной массы в стране в условиях сокращения внутреннего товарного оборота.

Сберегательные кассы достигли в годы войны нового уровня развития, что было связано с проведением ряда крупных организационно-технических преобразований. В условиях военного времени они стали эффективнейшим средством аккумуляции денежных капиталов в руках правительства. Развитие сберегательных учреждений стимулировалось целенаправленной политикой Министерства финансов по использованию внутренних накоплений на дело обороны государства.

При этом опережающим темпом, по сравнению с расширением сети и увеличением числа сберегательных книжек, росли масштабы сбережений населения, особенно по операциям с ценными бумагами: остаток денежных вкладов вырос в 2,3 раза (с 1685,4 до 3889,5 млн руб.), вклады в процентных бумагах – в 3,8 раза (с 348,6 до 1335,8 млн руб.). Фонд же процентных бумаг, приобретаемых сберегательными кассами в собственный портфель, достиг 4431,1 млн руб., в 2,3 раза превзойдя довоенный уровень (1906,2 млн руб.).

^{*} Там же. С. 50–51.

^{**} О сберегательных кассах периода войны подробнее см.: Кредит и банки в России до начала XX века: Санкт-Петербург и Москва / Б. В. Ананьич (рук. проекта) и др. СПб., 2005.

Закон от 7 июля 1915 г. отменил предельную сумму вкладов по одному счету, поскольку лимит в тысячу рублей по денежному вкладу отдельного лица, введенный уставом 1895 г., сдерживал развитие сберегательной операции. Отмена предельной нормы вкладов позволила привлечь к услугам сберегательных касс в 1915 г. около 365 тыс. новых вкладчиков, сбережения которых были свыше 1000 руб., в том числе 3,7 тыс. владели вкладами на сумму свыше 10 тыс. руб.*

Таблица 3

Динамика операций российских сберегательных касс, 1914–1916 гг.**

Год (к 1 января)	Число касс	Количество кни- жек (тыс. шт.)	Остаток вкладов (млн руб.)		Фонд процентных бумаг (млн руб.)
			денежных	в процентных бумагах	
1914	8553	8992	1685,4	348,6	1906,2
1915	9053	9241	1835,0	401,0	1845,5
1916	9855	9985	2448,6	664,4	2421,3
1917 (на 1 июля)	14157	12160	3889,5	1335,8	4433,1

В том же июле 1915 г. последовало распоряжение о «введении в сберегательных кассах операций приема государственных процентных бумаг на хранение и управление за плату»***. Прежде такие операции допускались только с бумагами, купленными за счет денежных взносов вкладчиков, и таким образом этой услуги были лишены многочисленные держатели облигаций государственных займов, приобретенных помимо касс. Более того, даже вкладчик кассы не мог поместить обратно на свой счет однажды снятую с него облигацию. Теперь же любой владелец свидетельств государственного долга имел возможность за небольшую плату держать свои ценности в кассе, которая осуществляла с ними все необходимые операции (уплата процентов по купонам, учет бумаг, вышедших в тираж и др.).

Мобилизации народных ресурсов на войну служила и реформа операции покупки и продажи государственных бумаг и выдачи под них ссуд, проведенная также в 1915 г. По новому закону, как и в случае с хранением и управлением бумаг, сделки могли теперь производиться не только вкладчиками касс, но и любым желающим. Согласно уставу 1895 г., чтобы купить бумагу через кассу, нужно было завести денежный вклад, за счет которого и совершалась покупка, причем бумагу клиент получал на руки не сразу, а после длительной процедуры оформления.

В экстремальных условиях военного времени кассы стали не только продавать, но и покупать государственные фонды от публики. Возможность без

* *Беляев С. Г.* П. Л. Барк и финансовая политика России. С. 256.

** Отчет государственных сберегательных касс по сберегательной операции за 1915 г. Пг., 1916; РГИА. Ф. 581. Оп. 1. Д. 295. Л. 22; Д. 878. Л. 47.

*** ЦИАМ. Ф. 211. Оп. 1. Д. 415. Л. 177–181.

хлопот избавиться от облигаций, как ни парадоксально это звучит, способствовала их распространению, так как каждый покупающий был уверен, что «при нужде в наличных деньгах он сможет с удобством продать через те же сберегательные кассы принадлежащие ему процентные бумаги»^{*}.

Характерной приметой времени стала практикуемая кассами выдача ссуд под залог бумаг. Кредитная функция российских касс еще в 1890-х гг. намечалась С. Ю. Витте, но в текст устава 1895 г. включена все же не была. Теперь в интересах эмиссии государственных займов эта операция наконец вошла в арсенал касс, хотя только с облигациями государственного долга. Объем позаймствований устанавливался в размере до 5 тыс. руб. для одного лица на срок до 6 месяцев из процента, определяемого Государственным банком.

В годы войны была подготовлена еще одна важная реформа сберегательного дела – введение чековой операции, призванной, по отзыву руководителей Министерства финансов, «извлечь из общего денежного оборота по примеру касс многих иностранных государств без всякого стеснения и ущерба для хозяйственной деятельности населения много десятков и даже сотен миллионов рублей, переполняющих каналы денежного обращения и застаивающихся в них»^{**}. Чеки как орудие безналичных расчетов рассматривались в качестве средства против инфляционного набухания денежной массы, т. е. в роли дополнительного регулятора расстроенного войной механизма денежного обращения.

Руководители финансового ведомства полагали, что именно «легкость» изъятия вкладов из кредитных учреждений, в том числе из сберегательных касс, должна «отрезвляюще» действовать на публику в моменты финансовых кризисов. Эта точка зрения в октябре 1916 г. получила одобрение Николая II^{***}. Однако поступивший на рассмотрение Государственной думы незадолго до Февральской революции законопроект не успели утвердить, и проблема чекового обращения досталась в наследство Временному правительству.

В круг деятельности российских сберегательных учреждений в годы Первой мировой войны вошла такая операция покрытия военных расходов, как подписка на новые государственные займы. Посетителям, как вкладчикам, так и всем прочим лицам, подписавшимся на облигации, разрешалось оставить бумаги в кассе на хранение и управление, или, по желанию клиента, они выдавались ему на руки. Под свидетельства военных займов держатели имели право получить ссуду на особо льготных условиях, по курсу 88 % от номинала облигаций.

В годы Первой мировой войны исключительно динамично рос фонд приобретаемых сберегательными кассами государственных фондов, основу ко-

^{*} РГИА. Ф. 581. Оп. 1. Д. 481. Л. 3.

^{**} Там же. Д. 317. Л. 46 об.

^{***} *Беляев С. Г.* П. Л. Барк и финансовая политика России. С. 260–261.

того составили облигации военных займов. По внутренним подсчетам Министерства финансов, с июля 1914 по октябрь 1917 г. в портфель сберегательных касс было помещено государственных займов военного времени на сумму более 3,2 млрд руб.* С учетом же размещенных через сберегательные кассы по подписке (856,5 млн руб.) общая цифра переведенных в военные займы народных сбережений составит около 4 млрд руб., или половину всех выпущенных за годы войны займов. Таков был весомый вклад российских сберегательных учреждений в дело финансирования войны.

Гигантские военные заказы оживили торгово-промышленный сектор, а с ним и деятельность коммерческих банков**. Инфляция и рост товарных цен привели к невиданному номинальному росту банковских пассивов. Вклады и текущие счета коммерческих банков с 2,5 млрд руб. в 1914 г. поднялись к 1917 г. до 6,7 млрд. Правда, вследствие обесценивания денег реальные ресурсы остались примерно на прежнем довоенном уровне***.

На характер банковских операций огромное воздействие оказывали товарный дефицит, сосредоточение ряда товарно-распределительных функций в руках государства, расстройство транспорта. Торговля все больше переходила к сделкам на наличные деньги, а вексельное обращение в стране неуклонно снижалось, равно как и учетная операция банков. Зато резкий скачок произошел в товарно-ссудной сфере, где рост цен приносил крупные прибыли. Обычной практикой стало предоставление клиентами в распоряжение банка в обмен на кредит партий товаров для комиссионной продажи, прибыль от которой оседала в кассе банка. Зависимые от учреждений коммерческого кредита торговые фирмы зачастую превращались в товарные отделы банков, использовались в качестве подставных компаний при оформлении товарных сделок. На сахаре, хлопке, угле и других товарах массового спроса многие банки в годы войны получали громадные барыши.

Всевластие банков особенно наглядно проявилось в отраслях промышленности, щедро авансируемой государством по военным заказам. По принятому сразу после начала войны положению банки получили право выступать гарантами перед казной за исполнение торгово-промышленными фирмами заказов в размере не свыше $\frac{2}{3}$ их собственных капиталов. За выдачу гарантийного письма с клиента взимались солидные комиссионные. Таким образом банки страховали казну от риска оказаться в убытке при несостоятельности подрядчика, разумеется, в обмен на значительное вознаграждение. Такое посредни-

* РГИА. Ф. 581. Оп. 1. Д. 330. Л. 181 об.

** Подробнее см.: *Бовыкин В. И., Петров Ю. А.* Коммерческие банки Российской империи. М., 1994; *Кредит и банки в России до начала XX века*: Санкт-Петербург и Москва / Б. В. Ананьич и др.

*** См.: *Шепелев Л. Е.* Акционерные коммерческие банки в годы Первой мировой войны // *Исторические записки*. Т. 73. М., 1963. С. 156–193.

чество зачастую удорожало поставки и одновременно увеличивало срок их исполнения*.

В условиях инфляционного денежного наплыва военных лет, ослаблявшего в принципе зависимость торгово-промышленных компаний от финансовых учреждений, именно гарантийные операции наряду с участием в капиталах акционерных фирм создавали для банков возможность расширять сферу влияния в промышленном секторе. Интерес к инвестициям в промышленные бумаги, ослабший с началом войны, вновь проявился у банков в 1916 г., когда после завершения военной перестройки народного хозяйства произошел всплеск активности на фондовом рынке и связанная с ним полоса учредительства новых компаний. Биржевой подъем лета 1916 г. выразился в необыкновенном росте курсов всех биржевых ценностей.

Спрос на дивидендные бумаги вызвал оживление операций банков с негарантированными ценностями, как это было во время предвоенного подъема, однако тогда эти операции осуществлялись в условиях существования «золотого стандарта», теперь же они проводились в условиях падения покупательной способности рубля, когда вложения в ценные бумаги становились фактором удержания инфляции. С конца 1916 г. и в начале 1917 г., особенно после открытия Петроградской фондовой биржи 24 января 1917 г., спрос на дивидендные бумаги приобрел ажиотажный характер**.

Известный российский экономист профессор П. П. Мигулин 8 февраля 1917 г. в частном письме так описывал эту атмосферу: «В Петрограде тревожно. Мы живем как в пиру во время чумы. На бирже вакханалия. Бедные люди в 1–2 недели делаются богатыми, все идет на повышение. В результате может быть крах, но может и не быть. Уже очень много выпущено в оборот бумажных денег, и все товары, земли и дивидендные ценности должны повыситься в расценке. Но все это печально. Никто не думает о войне, о военных займах т. д., каждый заботится о себе: “Спасайся, кто может”»***.

Подъем 1916 г. подстегнул также учредительство собственно банковское. Прежде всего следует обратить внимание на учреждение банков с участием капитала нейтральных стран, Голландии и США. В 1916 г. были утверждены уставы Русско-Голландского банка с капиталом 10 млн руб. и Нидерландского банка для русской торговли с капиталом 5 млн руб. В конце 1916 г. к операциям в России был допущен один из крупнейших банков США – Нейшнл Сити Бэнк оф Нью-Йорк. Ему позволили открыть в Петрограде официальное представительство, что было связано с надеждами, которые питало русское

* *Ананьич Б. В.* Кредитная канцелярия и правительственный контроль над кредитными учреждениями // *Деньги и кредит.* 1995. № 6. С. 65–66.

** *Шепелев Л. Е.* Акционерные коммерческие банки в годы Первой мировой войны. С. 156–193.

*** Цит. по: *Родина.* 1999. № 11. С. 21–22.

Министерство финансов и деловые круги на сотрудничество с заокеанским индустриальным гигантом.

На волне учредительского бума в Петрограде в 1916 – январе 1917 г. открывают свои действия и новые российские банки: Союзный, Петроградский, Золотопромышленный, Восточный, Русский Коммерческий, причем их капитал был увеличен вдвое почти сразу после начала операций, чему способствовал ажиотажный спрос на дивидендные бумаги.

И все же ввиду сокращения учетных операций не все свободные средства банков находили помещению в сфере производства и обмена. В «Записке о состоянии денежного рынка», подготовленной в 1916 г. на основе отчетов управляющего Государственным банком для министра финансов, отмечалось: «По-прежнему, нисколько не ослабевая, продолжается прилив во все кредитные учреждения, как частные, так и государственные, свидетельствуя об обилии свободных средств на рынке и полной подготовленности последнего для новых кредитных операций государства»*. «Лишние» деньги нашли прибежище в выгодных и сравнительно ликвидных сделках с государственными и гарантированными правительством военными займами.

Серьезные изменения, связанные с ослаблением позиций иностранного капитала в экономике страны и вторжением в банковское дело новых финансово-промышленных групп отечественного происхождения, произошли в рядах российской финансовой олигархии. В годы войны опережающим темпом развивалась московская группа банков, хотя господствующие позиции продолжала сохранять за собой петроградская группа.

Крупнейший, в частности, банк империи, Русско-Азиатский со штаб-квартирой в Петрограде, утратив поддержку французских партнеров, сделал ставку на местные силы и заключил союз с группой поволжских хлеботорговцев И. И. Стахеева и П. П. Батолина. Образовавшийся в итоге военно-инфляционный концерн во главе с Русско-Азиатским банком внедрился в ряд других банковских учреждений (Соединенный, Волжско-Камский банки). К 1917 г. в концерн входило пятьдесят предприятий металлургической, нефтяной, текстильной, хлопковой, лесной, пищевой промышленности и железнодорожных обществ**.

Другие же банки, входившие ранее в сферу влияния Русско-Азиатского банка, его лидер А. И. Путилов предпочел уступить окрепшей на военных поставках группе сахарозаводчика К. И. Ярошинского, который стал хозяином Русского Торгово-Промышленного и Союзного банков. Впоследствии, уже после Февральской революции, влияние группы Ярошинского распространяется на Русский для внешней торговли банк. Операция по овладению послед-

* Цит. по: Кредит и банки в России до начала XX века: Санкт-Петербург и Москва. С. 567.

** См.: Китанина Т. М. Военно-инфляционные концерны в России 1914–1917 гг. Концерн Путилова – Стахеева – Батолина. Л., 1969.

ним стала шагом на пути создания концерна, объемлющего жизненно важные сферы российской экономики*. В руки другого нувориша – Н. Х. Денисова, разбогатевшего на снабжении армии, перешел Сибирский Торговый банк с правлением в Петрограде.

Прочем, некоторые прозорливые отечественные финансисты отнюдь не считали положение достаточно прочным и пророчили скорую революцию, которая «неизбежна, она ждет только повода, чтобы вспыхнуть. Поводом послужит военная неудача, народный голод, стачка в Петрограде, мятеж в Москве, дворцовый скандал... все равно». Так заявлял глава Русско-Азиатского банка А. И. Путилов в беседе с французским послом М. Палеологом в конце 1916 г. Он считал, что в России революция может быть «только разрушительной, потому что образованный класс представляет в стране лишь слабое меньшинство, лишенное организации и политического опыта»**. Правда, вряд ли сам лидер отечественных финансистов ожидал, что его пророчество сбудется так скоро, всего через два месяца...

В банковском мире Москвы изменения в расстановке сил были отчасти следствием развернутой компании «борьбы с немецким засильем». В мае 1915 г. в первопрестольной произошел черносотенный погром, в ходе которого подверглись разграблению магазины и конторы множества фирм, владельцы которых были немцами по происхождению или даже просто носили «немецкие» фамилии. Seriously пострадали среди прочих и фирмы Кнопов и Вогау, игравшие заметную роль в жизни банковской Москвы. Кнопы, лидеры хлопчатобумажной отрасли, реорганизовали после этого свой торговый дом в компанию с «нейтральным» названием «Волокно», но позиции их в финансовом и торгово-промышленном мире оказались подорванными. Над фирмой же «Вогау и К^о» был установлен правительственный контроль, и лидерам «московских немцев» пришлось распродать конкурентам большую часть своих предприятий и отказаться от контроля над Московским Учетным банком, который перешел в руки русских совладельцев***.

Расстаться со своим детищем были вынуждены и московские финансисты немецкого происхождения Юнкеры, которые еще в середине XIX в. организовали в России банкирский дом, в канун войны преобразованный в акционерный коммерческий банк****. В 1915 г. контрольный пакет акций

* *Фурсенко А. А.* Концерн К. И. Ярошинского в 1917–1918 гг. // Проблемы социально-экономической истории России XIX–XX веков: Сб. ст. памяти В. С. Дякина и Ю. Б. Соловьева. СПб., 1999. С. 265–268.

** *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 177–178.

*** Подробнее см.: *Петров Ю. А.* Торговый дом «Вогау и К^о» в Москве // «Большое будущее». Немцы в экономической жизни России / Под ред. Д. Дальманн, Т. Игумновой, К. Хеллера, Ю. Петрова, К. Решке. Берлин, 2000. С. 168–175.

**** Подробнее см.: *Петров Ю. А.* Коммерческие банки Москвы. Конец XIX в. – 1914 г. М., 1998.

Юнкер-банка перекупил известный петроградский финансовый деятель, хозяин Русско-Французского банка, известный своей близостью к Распутину, Д. Л. Рубинштейн, переведя его правление из Москвы в Петроград.

В годы войны все громче заявляли о себе московские финансово-промышленные группы, выросшие из главной отрасли промышленности Центрального района – текстильного производства. Так, после того как Рубинштейн в 1916 г. был арестован по обвинению в финансовых махинациях, новым хозяином Юнкер-банка стал московский фабрикант и торговец мануфактурой, выходец из сибирского купечества Н. А. Второв. Банк, переименованный им в Московский Промышленный, стал обслуживать интересы военно-промышленной группы Второва, которая включала снарядные заводы, хлопчатобумажное производство, предприятия машиностроения и металлургии, в том числе основанный Второвым завод «Электросталь» – одно из первых предприятий такого рода в России.

Не менее широко вели дела Рябушинские, которые, опираясь на свой Московский акционерный коммерческий банк, сумели создать ряд самых разнообразных производств – от первого автомобильного завода в Москве фирмы АМО, предтечи современного автозавода имени Лихачева, до экспорта русского льна за границу, от лесоперерабатывающего завода, ориентированного на потребность в строительных материалах после войны, до стекольного производства и т. п.*

* * *

Представители московского капитала имели все основания считаться новой элитой страны, пришедшей на смену дворянской. Они были убеждены, что XX век в истории России станет веком национального расцвета на основе рыночной экономики и демократического устройства государства, и немало сделали для этого накануне и в годы войны**.

...В конце 1916 г. один из представителей знаменитой деловой династии, Михаил Рябушинский, размышляя о надвигающемся хаосе, симптомы которого все отчетливее проступали в российской действительности, с горечью писал: «Мы переживаем трагическое время, и декабрь 1916 года в истории России навсегда оставит память противоположности интересов родины и правительства. Темно будущее...» Мучил вопрос, что будет со страной, поставленной «в особо тяжелые условия: борьба с врагом внешним и недоверие к своему правительству»?

* Петров Ю. А. Династия Рябушинских. М., 1997.

** См.: Петров Ю. А. Московская буржуазия в начале XX века: предпринимательство и политика. М., 2002.

Московский финансовый олигарх в эти смутные дни написал брошюру, по существу политическое завещание, под названием «Цель нашей работы»^{*}. В ней он с оправданным чувством гордости за свою династию и вообще за всех предпринимателей, «хозяйственных мужиков», к которым Рябушинские причисляли и себя, так сформулировал кредо буржуазного класса: «При всех наших делах и начинаниях мы никогда не рассчитывали на ближайшие результаты нашей работы. Только что окончив одно дело, мы немедленно брались за еще более крупное предприятие. Нашей главной целью была не нажива, а само дело, его развитие и результат, и мы никогда не поступились ни нашей честью, ни нашими принципами и на компромисс с нашей совестью не шли».

Однако в обстановке тяжелой войны и глубокого конфликта власти и общества под угрозой оказывались не только перспективы деловой работы, но и само будущее страны. В своем московском особняке на Спиридоновке (ныне Дом приемов МИД РФ) автор брошюры провидчески наметил три возможных пути разрешения общенационального кризиса: «1) уступка правительства и совместная с народом борьба с врагом; 2) анархия; 3) апатия». «В первом случае, – набрасывал Рябушинский оптимистический сценарий, – если срок, данный нам судьбой, не пропущен, я глубоко убежден, что Россия получит возможность широко развить свои производительные силы и выйти на широкую дорогу национального расцвета и богатства...» Рябушинские деятельно готовились к тому, чтобы после войны Россия стала основным поставщиком ресурсов для Европы (хлеб, лес, лен и пр.) и заняла подобающее ей место лидера в европейском экономическом и политическом бомонде.

Однако приходилось считаться и с иным исходом, результатом которого неминуемо должен был стать «позорный мир» и «политико-экономические потрясения». Свою судьбу представители третьего поколения русских «хозяйственных мужиков» не отделяли от народной: «При анархии нашей ближайшей целью будет сохранить по возможности все то, что уцелеет, и снова начать свою работу. В случае народной апатии – быть среди тех, кто будет стараться растолкать народ для новой работы. Во всяком случае, мы ни при каких обстоятельствах не будем среди тех, у кого опустятся руки».

Удивительной прозорливостью отмечены и наблюдения Михаила Рябушинского о превращении разоренной войной Европы в данницу богатой Америки: «Американцы взяли наши деньги, опутали нас колоссальными долгами, несметно обогатились; расчетный центр перейдет из Лондона в Нью-Йорк. У них нет науки, искусства, культуры в европейском смысле. Они купят у побежденных стран их национальные музеи, за громадный оклад сманят

^{*} *Рябушинский М. П. Цель нашей работы // Материалы по истории СССР. Т. VI. М., 1959 (публикация И. Ф. Гиндина).*

к себе художников, ученых, деловых людей и создадут себе то, чего им не хватало»^{*}.

Реальностью оказались самые мрачные предчувствия Михаила Рябушинского. Победителем в войне политически и финансово действительно стали США, а отечественные «капитаны индустрии», интеллектуальная элита своей страны, в большинстве оказались вынуждены эмигрировать и закончили дни вдали от России^{**}.

^{*} *Рябушинский М. П.* Цель нашей работы. С. 632–633.

^{**} См.: Российские предприниматели в начале XX века: по материалам Торгово-Промышленного и Финансового союза в Париже. Публикация документов / Сост.: Ю. А. Петров, М. К. Шаццлло. М., 2004.

Часть IV

ОБЩЕСТВО В ГОДЫ ВОЙНЫ

Сложносоставный полиэтничный и поликонфессиональный состав российского общества, находившегося еще на далеко не завершенном трансформационном историческом витке от сословного к гражданскому обществу, обусловил в период войны крайние полярности в общественном мнении и массовых настроениях, перепады в самоорганизации, социальной и политической активности, нарастание конфликтности в национальной и религиозной сферах. В данном разделе раскрываются эти процессы в своем логическом единстве.

Глава 1. ОБРАЗОВАННОЕ ОБЩЕСТВО И НАРОД (И. С. Розенталь)

1. Общественное мнение и настроения

Мировая война потребовала от государств-участников помимо мобилизации всех материальных и людских ресурсов национального согласия. Для упрочения в массовом сознании уверенности в том, что речь идет о защите общенациональных интересов, правительства большинства воюющих государств использовали сложившиеся ранее механизмы воздействия на общественное мнение. Партийная и всякая иная дифференциация общества не подвергалась при этом сомнению, тем более что, как одобрительно отметил в начале войны на страницах «Русской мысли» А. С. Изгоев, и «все социал-демократы стали националистами»^{*}.

Война застала страну в неустойчивом состоянии неравномерной и далекой от завершения трансформации. Несмотря на то что проблемы, перспективы и риски этой трансформации по-разному интерпретировались расколотым общественным сознанием, в глазах представителей правящих и консервативных кругов (хотя и не всех), генералитета и прежде всего носителей верховной вла-

^{*} Изгоев А. С. На перевале // Русская мысль. 1914. № 8–9. С. 162.

сти у воюющей России имелось определенное преимущество – жизненность формулы «За веру, царя и отечество»^{*}. Эрозия первых двух составляющих этой формулы началась еще до войны, но исходя из убеждения в достаточной ее прочности можно было не придавать слишком большого значения «так называемому» общественному мнению главным образом горожан, потребности которых в информации удовлетворяла в той или иной мере периодическая печать.

С этой точки зрения было не столь уж важно, что уровень информированности крестьянства, по преимуществу неграмотного, оставался все еще невысоким, и большое место по-прежнему занимала «молва», основанная часто на всякого рода слухах и толках. Правда, подобная информационная архаика имела место и в столице, и даже на верхних этажах общества, но там она порождалась архаическими чертами государственности. Некоторые близкие ко двору аристократические клубы, салоны и кружки состязались друг с другом в качестве центров политических сплетен, так было и в годы войны^{**}.

Элементы оформленных идеологических систем воспринимались или отторгались, попадая на ту или иную социокультурную почву – со своими групповыми интересами, традициями, предрассудками и т. д. Непосредственная реакция на реалии войны, отразившаяся в письмах того времени и реже в дневниках, могла носить, но далеко не всегда следы чтения или пересказа прочитанного. Тем не менее общая ситуация отличалась от того, что было не только в 1881 г., когда К. П. Победоносцев, по-видимому, первым, говоря об общественном мнении, употребил пренебрежительный эпитет «так называемое»^{***}, но и со времени войны с Японией. Круг тех, кто постоянно или изредка обращался к прессе, заметно расширился. В 1895 г. в стране насчитывалось 841 русскоязычное периодическое издание, в 1914 г. – 3111. В сравнении с таким же по продолжительности предшествующим периодом темп роста увели-

^{*} Одним из первых высказался о судьбе этой формулы генерал Деникин, начав с ее анализа свои мемуары. См.: *Деникин А. И. Очерки русской смуты* // Вопросы истории. 1990. № 3. С. 121–130.

^{**} См.: *Стогов Д. И. Правомонархические салоны Петербурга-Петрограда (конец XIX – начало XX века)*. СПб., 2007; *Розенталь И. С. Политические клубы, кружки, салоны* // *Очерки русской культуры. Конец XIX – начало XX века. Т. 2: Власть. Общество. Культура*. М., 2011. С. 192–195, 197–199.

^{***} Победоносцев выразился таким образом об общественном мнении в контексте критики всех пореформенных учреждений – «говорилен», от которых «мы страдаем», и «самой ужасной» из «говорилен» – печати, а именно «негодных, ничего не стоящих журналов»; о газетах еще речи не было. В тот же ряд был включен и проект Лорис-Меликова, якобы предусматривавший создание «говорильни вроде французских *etatsgeneralite*». См.: *Дневник Е. А. Перетца*. М.; Л., 1927. С. 38–40.

чился в 5,7 раз и был вдвое выше, чем прирост городского населения*. Оценить хотя бы отчасти возрастающую роль прессы в формировании общественного мнения сумели немногие из государственных деятелей начала века**, а «допотопная», по мнению критиков, правительственная политика в этой сфере не отличалась гибкостью и не принесла ощутимых результатов. «Временные правила о печати» 1905 г. так и не заменил постоянный закон, следствием репрессий была недолговечность изданий, субсидии отдельным газетам правого толка не окупались, дальше разговоров о желательности «покупки» серьезных органов печати и «приручения» наиболее влиятельных журналистов, создающих общественное мнение, дело не пошло***.

Во время войны газеты и журналы, являвшиеся фактически партийными изданиями, сохраняли круг своих читателей (кадетские «Речь», «Русская мысль», орган прогрессистов «Утро России» и др.) или продолжали их терять («Русские ведомости», октябристский «Голос Москвы», издававшийся до июля 1915 г., правые газеты). Леворадикальные партии лишились своих легальных газет накануне или в начале войны и должны были в лучшем случае довольствоваться выпуском журналов и сборников. Зато сильно выросли тиражи некоторых независимых газет. Если до войны желало быть «газетой для всех», «делающей» общественное мнение, «Новое время», то реально стало таковой «Русское слово», оно превратилось в самую мощную в России «фабрику новостей». В начале войны тираж газеты составлял 569 тыс. экз., а в 1917 г. достиг 1 млн, и 80 % тиража распространялись в провинции****. Пользовалась

* *Дергачева Л. Д.* Периодика // Очерки русской культуры. Конец XIX – начало XX века. Т. 1. Общественно-культурная среда. М., 2011. С. 287–288.

** Официоз правительства П. А. Столыпина газета «Россия», на которую премьер возлагал большие надежды, была, однако, по отзыву Льва Тихомирова, «абсолютно нечитаемой». [Из дневника Л. Тихомирова // Красный архив. 1935. Т. 5(72). С. 133.] По мнению же С. Ю. Витте, авторитетным выразителем общественного мнения было «Новое время» – газета «весьма талантливая и влиятельная», «сравнительно чисто-плотная», «в некотором роде патриотичная». Но известны также многочисленные отзывы противоположного характера, в том числе справа, и в период войны. Признавалось вместе с тем, что, хотя «русское общественное мнение отвернулось давно от суворинского органа», «клеймо общественного презрения не является решающим фактором». См.: *Мельгунов С. П.* «Независимые русские писатели» // Голос минувшего. 1916. № 5–6. С. 400; *Водовозов В. В.* Граф С. Ю. Витте и император Николай II. Пг., 1922. С. 55. См. также: *Абрамова Т. А., Иванов А. А.* «Новое время» // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века. Энциклопедия. М., 2010. С. 318–320.

*** Дневник Г. О. Рауха // Красный архив. 1926. Т. 6(19). С. 90; *Мартынов А. П.* Моя служба в отдельном корпусе жандармов // «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. Т. 1. М., 2004. С. 311.

**** *Жданова И. А.* «Русское слово» // Российский либерализм середины XVIII – начала XX века. Энциклопедия. М., 2010. С. 820.

успехом у «публики», благодаря сотрудничеству видных писателей и ученых, выходявшая с 1916 г. «Русская воля»^{*}.

Приходится вместе с тем иметь в виду, во-первых, военную цензуру и, во-вторых, то, что доступ газет в действующую армию и в тыловые лазареты сужался по усмотрению местных властей. С. П. Мельгунов отметил в апреле 1915 г., что в Москве «в лазаретах читать разрешено только “Московские ведомости” и “Русское слово”»^{**}. На фронте в декабре 1915 г. генерал Шишкин приказал «солдатам купить гармошки, скрипки, выписать газеты, например “Свет” или вроде», а «для офицеров граммофон и также газету и т. д.»^{***} Наконец, в конце 1916 г. и императрица писала с возмущением об ограничениях в доступе на фронт газет, но только правых: «Почему генералы не позволяют посылать в армию “Р[усское] Знамя” (небольшая патриотическая газета)?» Соглашаясь с Дубровиным, который «находит, что это – позор», она добавляла от себя: «Наши начальники, право, идиоты»^{****}.

Беспрепятственно распространялись, следуя двухсотлетней традиции, патриотические лубки, предназначенные как для солдат, так и для городских низов, неграмотных и малограмотных. На выставке «Война и печать», организованной Главным управлением по делам печати по итогам первого военного полугодия, было представлено 300 образцов этого пропагандистского наглядного жанра^{*****}. Но заменить газетную информацию он, разумеется, не мог, в лучшем случае лубочные образы забавляли, не конкурируя с личным опытом зрителей и молвой.

* Газету называли «протопоповской» из-за причастности к ее созданию депутата Думы октябриста А. Д. Протопопова, от которого газета отмежевалась, когда тот стал одиозной фигурой в роли министра внутренних дел. См.: *Чубинский М. П.* Год революции (1917) // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 228, 231, 233, 236–237.

** *Мельгунов С. П.* Воспоминания и дневники. М., 2003. С. 254.

*** Музей современной истории России. № 5609/1; Из дневника офицера русской армии Бакулина / Публ. Т. К. Кудзаевой и Э. П. Соколовой // *Голоса истории. Материалы по истории Первой мировой войны: Сб. науч. трудов. Вып. 24. Кн. 3.* М., 1999. С. 77.

**** Письма Александры Федоровны к Николаю II // Красный архив. 1923. Т. 4. С. 193. См. также: *Ганелин Р. Ш.* Николай II и Александра Федоровна в переписке друг с другом перед убийством Распутина // Россия в XX веке: Сб. статей к 70-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН проф. В. А. Шишкина. СПб., 2005. С. 279–280. Приведенные свидетельства характеризуют положение до Февральской революции, но, очевидно, и после революции не «все солдаты» могли ловить «каждый печатный клочок бумаги». См.: *Соболев Г.* Тайна «немецкого золота». СПб.; М., 2002. С. 95–99.

***** *Слесарев А. П.* Пропагандистские художественные издания в России в период Первой мировой войны // *Голоса истории. Материалы по истории Первой мировой войны...* С. 123–132.

Охранительный подход не позволял также объективно оценить другой важный компонент модернизации общества – рост числа всевозможных самодеятельных ассоциаций, где вырабатывались консолидированные мнения, в том числе по вопросам общественно-политической жизни. Не осознавалось, что количество таких ассоциаций совершенно недостаточно, учитывая масштабы страны. Обновленный в 1905–1907 гг. политический режим так и не сумел должным образом адаптироваться к системе старых и новых общественных институтов, включая те, что были призваны к жизни в связи с потребностями войны*. Практическое исключение из публичной политической жизни на длительные сроки Государственной думы влекло за собой прекращение информирования о ее деятельности через прессу. Такая позиция мотивировалась известным предпочтением императрицы «голоса России» (его «надо слушать») «голосу общества или Думы».

В этом смысле императора и особенно императрицу дезориентировали предвоенные торжества по случаю юбилеев Отечественной войны 1812 года и 300-летия Дома Романовых. Александра Федоровна утверждала даже накануне падения монархии, что, объездив всю Россию (?), она убедилась в том, что «народ любит нашу семью»**. Не были услышаны скептические суждения, в том числе исходящие из консервативных кругов, по поводу того, могут ли эти зрелищные мероприятия служить адекватным показателем массовых умонастроений***. Опасения относительно вероятных последствий надвигающейся войны, когда, «безусловно, вся молодежь пойдет под штыки», высказывались и некоторыми сановниками, не одним только П. Н. Дурново, чьи пессимистические прогнозы – вплоть до того, что побежденная армия, охваченная общим крестьянским стремлением к земле, не будет оплотом законности и порядка, – впоследствии подтвердились****. Опасения высказывались и умеренными либералами, например Д. Н. Шиповым, считавшим, что напрасно надеяться на исчезновение во время войны разлада между властью и обществом, и не исключавшим распад России*****.

Начало войны, на первый взгляд, опровергло все сомнения. Департамент полиции оценивал, например, настроение рабочих в первые месяцы войны

* См. подробнее: Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в. М., 2011.

** Личность Николая II и Александры Федоровны по свидетельствам их родных и близких // Исторический вестник. 1917. Т. CXLVIII. С. 170–175.

*** См.: «Нужны действительные торжества, действительные успехи власти». Отклики на приезд Николая II в Москву в мае 1912 г. // Исторический архив. 2002. № 5. С. 205–210; Розенталь И. С. Москва на перепутье: Власть и общество в 1905–1914 гг. М., 2004. С. 130–155.

**** Из переписки царских сановников накануне войны и революции // Красный архив. 1933. Т. 6(61). С. 134 (письма В. В. Мусина-Пушкина).

***** ГА РФ. Ф. 810. Оп. 1. Д. 498. Л. 31–32.

как не менее патриотичное, чем других социальных групп: «Широкие массы рабочего класса в искреннем и единомышленном стремлении дать отпор дерзкому врагу явили собою образцы высокого патриотизма и сознания своих гражданских обязанностей», вследствие чего среди социал-демократов царяла «очень значительная» растерянность*. О том, что дело обстояло таким образом, свидетельствовало резкое снижение уровня стачечной борьбы и отсутствие массовых протестов против приговора большевикам – депутатам IV Государственной думы в феврале 1915 г. Согласно сообщению из Москвы, ранее намеревались протестовать против их ареста лишь на одном заводе, но часть рабочих заявляла, что «так им и надо», и «хотя таких немного, возражающих еще меньше»**.

Деятели либеральной оппозиции также не отрицали того, что в момент объявления войны наблюдался единовременный взрыв национального чувства, что это не было проявлением только «казенного энтузиазма», но не без основания предполагалось, что чувство государственной общности не является очень сильным по сравнению с чувством локальной принадлежности («мы – калуцкие»)***. Меншевик-оборонец А. Н. Потресов писал о неспособности обывательской массы, в том числе пролетарской, «ощутить своим национально-государственное целое», объясняя это тем, что она еще не прошла пройденную Европой «школу гражданственности»; гражданский патриотизм еще не добрался до толщи народа, не победил «его традиционное неведение того, что существует Россия»****. Но либеральные лидеры, как и правящая элита, не сомневались тогда, что «такие ценности, как Бог и Царь, были ее [массы] ценностями, а не нашими, интеллигентскими», и не предвидели, «что мужицкая масса так мало пожелает заступиться за то, чему казалась преданной...» (В. А. Маклаков)*****.

Неполное по крайней мере представление образованной элиты о народе способствовало тому, что на короткий срок сложилась «единодушная или плюралистическая совокупность позиций и оценочных суждений»*****, соответствовавшая либеральному идеалу, но в реальности не являвшаяся ни раньше, ни позже характерным признаком общественного мнения в России. Единодушные выразилось в изменении тона легальной прессы, отказавшейся

* Большевики. Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 год бывш. Московского Охранного Отделения. Нью-Йорк, 1990. С. 231.

** ГА РФ. Ф. 1167. Оп. 2. Д. 1479. Л. 1 об.

*** Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 390–391.

**** Потресов А. Н. Избранное. М., 2002. С. 177.

***** Спор о России: В. А. Маклаков – В. В. Шульгин. Переписка 1919–1939 гг. / Публ. О. В. Будницкого. М., 2012. С. 119.

***** Филиппова Т. Общественное мнение // Российский либерализм... Энциклопедия. С. 667.

от критики действий правительства во имя национального единства, в стилистике и словаре публикаций. Накануне войны надежды на локализацию конфликта, высказывавшиеся «Речью», ее читатели-офицеры истолковывали как свидетельство того, что газета «продалась Австрии». Теперь же на фоне народных манифестаций с портретами царя опубликованный в «Речи» «манифест» кадетского ЦК, провозглашенный Милюковым и в Государственной думе, – «никаких счетов с правительством» – получил одобрение и правых кадетов, критиковавших ранее лидера партии, и вызвал овации в Думе. К позиции, занятой «Речью», присоединилось и самое распространенное в стране «Русское слово»*.

Воззвание с протестом против немецких зверств в Бельгии, составленное И. А. Буниным в Литературно-художественном кружке, подписали деятели культуры самой разной ориентации, от М. Горького и А. Серафимовича до Л. Тихомирова и братьев Васнецовых**. Напротив, война со стороны России идеализировалась, ей приписывалась высшая духовность, победа над алчностью и национализмом, человеческое отношение к другим народам***. Мало кто расслышал рассуждения насчет вредоносности всей немецкой культуры («от Канта до Круппа»), но другие представители творческой интеллигенции, «надрываясь в патриотизме», как выразилась З. Гиппиус, включились в шапкозакидательную пропаганду, участвуя в изготовлении лубков и плакатов****.

Пойти с самого начала войны против течения решились немногие. Например, С. П. Мельгунов писал, что «растопчинский жаргон... способен лишь возбуждать дурные инстинкты, заложенные в человеческой натуре». Его указание на «психоз» и в литературном мире – не только «газет, потворствующих обывательской улице», одновременно с «некритическим патриотизмом во всех слоях общества» создавало впечатление исчезновения различий между кадетами и Союзом русского народа. Журналист Н. В. Вольский отказался вернуться в редакцию «Русского слова», чтобы не вести газету «с теми шовинистическими и зоологическими ухватками, которых требует газетное обслуживание войны»****. Но это означало, что всплеск национализма не мог совсем скрыть разное понимание народа и разную систему координат,

* Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма / Сост. Н. И. Канищева. М., 2012. С. 142–145.

** Русское слово. 1914. 27 сентября.

*** См.: *Трубецкой Е. Н.* Смысл жизни. М., 1994.

**** См.: *Булдаков В.* Элиты и массовая культура: Россия времен Первой мировой войны // *Историк и Художник.* 2005. № 3(5). С. 182–201.

***** *Мельгунов С. П.* Воспоминания и дневники. С. 246; *он же.* На путях к дворцовому перевороту. М., 2003. С. 21–25; *Валентинов Н. В.* Наследники Ленина. М., 1991. С. 162–163. К числу всегда «потворствующих» улице Мельгунов относил «Утро России», «Русское слово», «Биржевые новости»; к числу тех, кто потворствовал шовинистическому угару «в некоторой степени», – «Речь» и «Русские ведомости».

наличие у интеллигенции взаимоисключающих идей, создававших «гремучую смесь»^{*}.

На фронте сравнительно более прочным было патриотическое уmonoстроение офицерского состава, включая значительную часть его демократического пополнения, на которое влияли, наряду с официальной пропагандой, независимые печатные издания^{**}. Вместе с тем первый же год войны показал, что патриотические настроения не являются всеопределяющим фактором поведения солдат и не отличаются устойчивостью. Война не только поставила крестьян, призванных в армию, в экстремальные условия, но столкнула их с новыми социальными раздражителями. Традиционные и в мирное время способы дисциплинирования солдат воспринимались массой новобранцев как возвращение к дореформенным порядкам. Между тем в исторической памяти даже рабочих петроградских заводов, менее всего связанных с землей, освобождение крестьян в 1861 г. было событием приоритетного значения (в 1913 г. заводчик Э. Л. Нобель говорил генералу А. А. Поливанову, что рабочие желают, чтобы праздничным и оплачиваемым днем предприниматели объявили 19 февраля, но не 21 февраля – 300-летие Дома Романовых^{***}).

Тот же приоритет просматривается при чтении дневниковых записей близкого солдатам ротного командира Бакулина: «У генералов замашек помещиков, когда было крепостное право, много, и все требования сходны» – в том хотя бы, что требования касаются главным образом «казовой стороны», как привыкли видеть все на довоенных смотрах. «Что не нужно – главное, а что нужно – второстепенное, и это везде и во все время моего служения...» Этот вывод иллюстрировался в дневнике словами бригадного генерала «из каптенармусов» Сивицкого, который «только орал, что если солдаты не слушаются, не исполняют приказаний, то бить его по морде, пока морда не вспухнет». О том, что солдат бьют, «как били помещики крестьян», о фактах наказания розгами сообщалось во многих письмах. «Вообще здесь люди нипочем, ибо они ничего не стоят... Людей теряй, сколько хочешь, под суд не попадешь... Кто на передовых позициях – самый несчастный народ...» – заключал Бакулин^{****}.

* См. подробнее: *Пархоменко Т. А.* Творческое сообщество в поисках истины и исторического пути России // *Очерки русской культуры...* Т. 2. С. 295–296.

** Типичный пример, но также и редкое по откровенности в советской мемуаристике признание: маршал А. М. Василевский вспоминал, как он, сын сельского священника, окончивший духовную семинарию, мечтал до Первой мировой войны стать учителем и агрономом, но «неожиданно для себя и для родных», под влиянием захвативших его лозунгов о защите отечества, обуреваемый патриотическими чувствами, стал военным, поступив в офицерское училище, и хотел поскорее попасть на фронт. См.: *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 1974. С. 14–19.

*** *Поливанов А. А.* Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника 1907–1916 г. М., 1924. С. 113.

**** Из дневников офицера русской армии Бакулина... С. 44, 50–52, 60.

В дневнике Бакулина нет ничего о целях войны – защите братьев-славян, овладении проливами, о чем писали постоянно газеты, только неприкрашенная правда о буднях войны. Видно также, что раздражение и возмущение вызывала «бестолковщина страшная» во всем, плохое снабжение, вплоть до приказов самим выделывать кожи для сапог и «использовать местные средства» («это значит посылать солдат воровать»), факты незаслуженного награждения, особенно после поражений и отступления 1915 г. Об этом часто говорилось и в письмах из действующей армии: «Война надоела всем, но есть люди, которые благодаря такому несчастью получают огромные оклады и ни за что – медали, кресты и проч. награды, а от боев находятся в нескольких десятках верст»^{*}. «Огромное зло “Георгий” для генералов. Генерал, не рискуя своей жизнью, то есть не выказывая никакой храбрости, находясь сзади своих частей, имея автомобили и прочие преимущества для своевременного ухода, посылает на бесцельный жестокий убой своих солдат, и это для того, чтобы иметь белый крестик»^{**}. Тяготы позиционной войны также воспринимались через призму враждебного отношения к «начальству». В декабре 1914 г. тот же Бакулин записал: «Невозможно людей так долго держать в окопах, это преступно. Начальство не хочет этого понять. Люди в окопах так устают физически и нравственно, так их заедает вошь, что нет ничего удивительного, что они, доведенные до отчаяния, сдаются в плен целым батальоном. Все это перечувствуешь, когда сам посидишь в окопе и испытаешь на себе, что это значит»^{***}.

О нежелании идти на войну говорили и в тыловых городах, например в Москве «по рынкам, по лавкам» в апреле 1915 г., не скрывая тогда же, в преддверии майских погромов, намерения разграбить лавки и устроить забастовку^{****}. В 1916 г. солдаты уже утверждали, что «у нас единения нет», и это «всем известно»; автор одного из писем напрямую соотносил отношение к войне с тем, что «наш брат мужик, крестьянин, солдат обижен», так как «нет на душу полоски земли, а у помещиков – глазами не окинешь», по этой причине «ужас надоело так страдать и мучиться на свете...» Как явная несправедливость воспринималось отсутствие каких-либо обещаний крестьянам свыше: «...До сего времени нет ни одного манифеста для крестьян – защитников русской земли»^{*****}.

Если в советских публикациях социальная окраска солдатско-крестьянских настроений специально акцентировалась, то в воспоминаниях эмигрантов она нередко затушевывалась. Некоторые мемуаристы связывали упадок среди

* Царская армия в период мировой войны и Февральской революции. (Материалы к изучению истории империалистической и гражданской войны). Казань, 1932. С. 46, 51–61, 75.

** Из дневников офицера русской армии Бакулина... С. 97, 60, 71, 99 и др.

*** Там же. С. 49.

**** Дневник Л. А. Тихомирова 1915–1917 гг. / Сост. А. В. Репников. М., 2008. С. 58.

***** Царская армия в период мировой войны... С. 32, 74.

солдат национального чувства, растущее равнодушие к успехам или неудачам русской армии как с усталостью от войны, так и с увеличивающимся национальным обезличиванием интеллигенции, другие – их в послереволюционной эмиграции было больше – считали единственной причиной разложения армии большевистскую пораженческую агитацию, игнорируя тот факт, что неограниченные возможности для такой агитации большевики получили лишь в 1917 г., но и в этот период большевистские издания составляли пятую часть распространявшихся в армии. Генерал А. И. Деникин, напротив, обращал внимание на то, что большевизм «нашел благодарную почву в систематически разлагаемом и разлагавшемся организме».

Установить здесь какой-то общий для фронта и тыла хронологический рубеж затруднительно. Согласно информации «Петроградского листка», еще в марте 1915 г. толпа рабочих и студентов демонстрировала на Невском проспекте протест против сдачи Перемышля – случай не единственный. Депутат IV Государственной думы С. П. Мансырев (кадет, затем прогрессист) датировал перелом серединой 1915 г.: «Взгляд на наших врагов был совсем иной, чем приблизительно год тому назад; уже без негодования начали говорить об отдельных случаях братания на фронте...»*

Судя по дневнику Бакулина, подобное случалось и раньше: обмен с немцами продуктами, мирные походы групп солдат во вражеское расположение (сначала немецкие офицеры и солдаты пришли «пить чай» и пригласили русских «в гости», после этого «200 солдат с песнями и гармошкой на Рождество [1915 г.] ходили к немцам»), дезертирство, угрозы сдать в плен «при первой же немецкой атаке», если будут варить суп из воблы, и действительная коллективная сдача в плен не в ходе сражений**. Последнее как факт, хорошо известный царю, отметила в дневнике близкая царской семье старшая сестра царскосельского лазарета В. Н. Чеботарева: царь «жалуется на бич – добровольные массовые сдачи в плен» (запись от 8 января 1916 г.)***. В другом царскосельском лазарете можно было услышать от раненых: «Нам все равно, кому служить, немцу или Николаю, у немца, говорят, жить легче». По свидетельству слышавшего это осенью 1916 г. Н. Н. Пунина, приводились «бесчисленные доводы за немцев», «в этих бараках, без исключения», не наблюдалось

* Мансырев С. П. Мои воспоминания о Государственной думе // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 года. М., 1991. С. 95.

** Из дневников офицера русской армии Бакулина... С. 55–56, 66. Уже в феврале 1915 г. Л. А. Тихомиров отметил «скверный признак» – то, что «немцы берут наших в плен больше, чем мы у них». И в феврале 1916 г.: «Масса сдающихся в плен поражает всех» (Дневник Л. А. Тихомирова... С. 38, 210).

*** Музей современной истории России. № 35519/2 а; Чеботарева В. В дворцовом лазарете в Царском Селе. Дневник. 14 июля 1915 – 5 января 1918 // Новый журнал. 1991. Кн. 182.

«никакого понимания и никакого патриотизма»^{*}. Из-за слухов, что «на каждом шагу измена», заключали, что «в такую войну стремиться на фронт, быть патриотом глупо»^{**}.

До низов, по-видимому, не доходили оттенки изменений в настроениях общественности, например, прозвучавшая в сентябре 1915 г. на совещании московской адвокатуры критика в адрес либерального руководства: оно отвлекало «общественное мнение от истинного положения вещей», между тем «немец внутренний не дает нам разбить немца внешнего»^{***}. То же можно сказать о спорах внутри Прогрессивного блока насчет формулировки основного требования – «министерство доверия» или «ответственное министерство», хотя эти споры и находили отражение на страницах «Утра России», «Речи» и других газет. Среди рабочих не нашли большой поддержки проекты прогрессистов и меньшевиков-оборонцев, входивших в рабочую группу Центрального военно-промышленного комитета (социальное партнерство, рабочий съезд – в возможность их осуществления одно время поверили даже заграничные большевики: «того и гляди, “рабочий” съезд им разрешат»; «гвоздевская рабочая партия – это факт, с которым нужно будет считаться после войны»^{****}).

О налаживании помощи армии общественными организациями на фронте отзывались чаще положительно, невзирая на агитацию против них правых и колеблющуюся позицию Николая II. Император отказал черносотенцу Тихановичу-Савицкому, добивавшемуся их запрета («необходимо уничтожить Городской и Земский союзы и военно-промышленные комитеты – это гнезда революционной пропаганды и объединения...» и «убрать» их руководителей – март 1916 г.^{*****}), но в высочайшем рескрипте при назначении последнего премьера Н. Д. Голицына не были упомянуты ни Земский, ни Городской союзы. В армии судили об этих организациях по их делам, безотносительно к политическим моментам. Так, в дневнике Бакулина сообщалось об открытии Земским союзом бань, парикмахерских, о доставке фуража (иначе вся кавалерия погибла бы от бескормицы), в то время как налицо «полное банкротство нашего интендантства». «Вообще что Земский союз устраивает, все хорошо, даже питательные пункты лучше, как для офицеров, [так] и нижних чинов, в особенности, где находится Пуришкевич», – записал в январе 1916 г. Бакулин^{*****}. «Мы о вас слышим с фронта, от наших братьев и детей,

* Пунин Н. Н. Дневник царскосела // Наше наследие. 1998. № 47. С. 80.

** Царская армия в период мировой войны... С. 75.

*** Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту... С. 55.

**** РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1781. Л. 3 об.

***** Правые партии: Документы и материалы. Т. 2. 1911–1917 гг. М., 1998. С. 546.

***** Из дневников офицера русской армии Бакулина... С. 80, 87–88, 100. Ср. рассказ самого Пуришкевича: «27-го февраля мы могли бы стать гражданами...» Тюремные

что, кроме великой благодарности, вы ничего не заслуживаете», – писали тому же Пуришкевичу*.

В 1995 г. на международном научном симпозиуме в Петербурге впервые обсуждался вопрос о том, можно ли говорить о совмещении в сознании рабочих и вообще народных низов патриотизма и политического радикализма, вытеснялся ли патриотизм ростом недовольства и стачечной активности. По мнению Х. Яна, патриотизм не исчез, однако патриотические тенденции были многообразны, ввиду отсутствия в России единой патриотической доктрины, способной отвлечь внимание от социальных и экономических проблем** (обращали внимание на превосходство в этом смысле Германии «Московские ведомости»; Л. Тихомиров, соглашаясь с газетой, называл общенемецкую идею «безбожной» и «бесовской»***).

Обсуждение, не закрыв проблему, выявило широкий диапазон взглядов – от повторения стандартного тезиса советской историографии о «патриотическом угаре», не получившем в России большого масштаба и глубины, до выводов об изменении патриотических представлений на протяжении трех лет войны под влиянием большого количества факторов. Участники обсуждения напомнили, что элементы ксенофобии были присущи русской революционной традиции со времен декабристов и что шовинистическая пропаганда стимулировала развитие революционного движения****. О солдатах речи не шло, но, видимо, и при расширительном толковании понятия «патриотизм» дезертирство и сдача в плен к проявлениям его не причислялись.

Действительно, источники не обнаруживают проявлений идеального патриотизма, очищенного от «примесей». Точнее говорить о переплетении многих из таких «примесей» в разных пропорциях, включая стремление покончить с войной, ксенофобию, социальные ожидания и т. д. Они могли не совпадать, но соприкасаться с позициями интеллигентных кругов и официальной пропагандой, преследовавшей прагматические цели, – как-то объяснить военные и иные неудачи, перенаправить народное недовольство в другую, приемлемую сторону. Тему «немецкого засилья» с первых дней войны муссировала пресса («Вечернее время», «Новое время», «Русское слово» и др.)*****, националисти-

записи В. М. Пуришкевича. Декабрь 1917 – март 1918 г. // Исторический архив. 1996. № 5–6. С. 119, 126–128.

* Правые в 1915 – феврале 1917 г. (По перлюстрированным ДП письмам) / Публ. Ю. И. Кирьянова // Минувшее. Т. 14. М.; СПб., 1993. С. 203.

** Ян Хубертус Ф. Русские рабочие, патриотизм и Первая мировая война // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917 г. СПб., 1997. С. 379–396, 456–457.

*** Дневник Л. А. Тихомирова... С. 62.

**** Дискуссия [по докладу Х. Яна] // Рабочие и интеллигенция России... С. 413–414, 417–418, 420, 426–427, 436, 437–439, 442–443.

***** См.: Соболев Г. Тайна «немецкого золота»... С. 15.

ческую пропаганду подкрепляли дискриминационные меры властей против немцев – российских подданных.

Итогом явился обстоятельно изученный исследователями взрыв агрессивной ксенофобии в Москве и окрестностях 27–29 мая 1915 г. Погром грозил перерасти в неконтролируемое движение против всех имущих слоев, но тем не менее оправдывался как выражение подлинных патриотических чувств. Например, инспирировавшим погром князем Ф. Ф. Юсуповым и лидером правых в Государственной думе А. Н. Хвостовым: причина погрома та, что у рабочих «терпение лопнуло», они «не могли работать спокойно», народ «болеет душою, у него сердце кровью обливается... он говорит, несправедливо, может быть: ...продались и предались» и т. п. Лев Тихомиров в дневнике записал, что основной причиной явилось «полное падение доверия народа к власти, которая... не хочет действовать против немцев». На второе место – это уже домысел – он ставил вмешательство революционеров, так как фабричных рабочих («довольно молодых, прилично одетых») могли поднять «с видом патриотизма» только революционеры*.

Театром военных действий стала черта оседлости, и черносотенцы утратили монополию на открытое антиеврейство. Зверства казачьих частей в захваченной Галиции и на территории России (по словам Бакулина, еврейское «население боится больше казаков, чем немцев») русская пресса замалчивала**. Редакция «Русских ведомостей» не сразу и лишь на последней полосе газеты согласилась опубликовать написанный Л. Андреевым и Ф. Сологубом осторожный протест против «несправедливых обвинений» с указанием, что уравнение евреев в правах – «одно из условий государственного строительства». Протест подписали 216 человек. Но нашлись и отказавшиеся подписать, искавшие в антисемитской кампании властей резоны: шпионы-де среди евреев есть, и пусть даже «явно враждебных действий» со стороны евреев нет, но «нет доброжелательства»; «для солдата они не понятны» и т. д.*** С точки зрения правых, действия властей были недостаточны: раз «две трети» горожан «вторят статьям левых газет», то необходимо эти «еврейские» газеты закрыть, в том числе «полуеврейское» «Русское слово»****.

* См. подробнее: *Деннингхаус В.* Немцы в общественной жизни Москвы: симбиоз и конфликт (1494–1941). М., 2004. С. 327–373; *Розенталь И. С.* «И вот общественное мнение!» Клубы в истории российской общественности. Конец XVIII – начало XX в. М., 2007. С. 305–310; *Дневник Л. А. Тихомирова...* С. 63–70, 80; и др.

** *Ан-ский С. А.* Разрушение Галиции / Публ. И. А. Сергеевой // *Архив еврейской истории.* Т. 3. М., 2006. С. 9–30; Из дневников офицера русской армии Бакулина... С. 70–71, 79–80.

*** См.: *Розенталь И.* Москва начала XX века: евреи, власть, общество // *Вестник Еврейского университета.* 1999. № 1(19). С. 110–116; *Наследие Ариадны Владимировны Тырковой...* С. 147, 159.

**** *Вопросы истории.* 1996. № 4. С. 155.

И московские власти, и Верховное главнокомандование, создавая образ внутреннего врага, разжигая шпиономанию и акцентируя тему измены как все объясняющую, вступили на рискованный путь, не укрепив таким способом ни фронт, ни единство империи, ни авторитет правительства. Ограничить круг «изменников» оказалось невозможно. В августе 1915 г. Л. Тихомиров пытался опровергать «вздор» на сей счет приезжавших в Москву крестьянок, но вскоре сам записывал, что «изменников у нас, несомненно, много, и вряд ли только немецкой или еврейской национальности, а также и русской»^{*}. Бакулин, видимо, выражая не только собственное мнение, заметил по поводу того, достоверна ли «молва», которой питались солдаты: «Всегда если есть какой-то слух между солдатами, бывает правда, хотя не сполна, а частью. Всегда слухи и толки потом оправдываются»^{**}. Напротив, информация газет часто вызывала недоверие: «они только подкрашивают»^{***}.

Когда 1 ноября 1916 г. Милюков повторил то, что уже говорил в Государственной думе летом, – о том, что «из края в край земли русской расползаются темные слухи о предательстве и измене... слухи эти забираются высоко», он констатировал давно известное – наличие и распространенность слухов, не предполагавших приведения каких-либо доказательств. Его речь одобрили и критики Милюкова в партии («не просто парламентская речь, а парламентское действие»), но не только с тактической точки зрения. Намек Милюкова на правдоподобие слухов также был уже общим местом^{****}. По словам Маклакова (декабрь 1916 г.), деревне «немедленно стало известно все то, что знает в Петрограде каждая кухарка и дворник. И ужасное зерно истины деревня стала облекать в невероятные одежды легенды», «она знает в оценке происходящего одно ужасное слово: “измена, предательство русского народа германцам”»^{*****}. Но в письмах из армии писали об измене «в нашем начальстве», на самом верху, начиная еще с дела Мясоедова.

Несмотря на запрет публиковать в газетах отчет с речью Милюкова, он распространялся повсеместно, открыто читался и обсуждался в офицерских собраниях^{*****}. Отсюда не следует, что слово об «измене» «твердо укоренилось», «получило общественную санкцию» именно с 1 ноября 1916 г.,

* Дневник Л. А. Тихомирова... С. 95–96, 106.

** Из дневников офицера русской армии Бакулина... С. 101.

*** Царская армия в период мировой войны... С. 32.

**** Наследие Ариадны Владимировны Тырковой... С. 171; *Ганелин Р. Ш.* Государственная дума и правительственная власть в перлюстрированной переписке кануна 1917 года // *Отечественная история.* 1997. № 1. С. 153.

***** Донесения Л. К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы. Декабрь 1911 – февраль 1917 года // *Вопросы истории.* 2000. № 5. С. 28–29.

***** Деникин А. И. Крушение власти и армии // *Страна гибнет...* С. 30–31; *Заварзин П. П.* Жандармы и революционеры // «Охранка»: Воспоминания... Т. 2. М., 2004. С. 114; Царская армия в период мировой войны... С. 27, 29 и др.

это аберрация зрения современников и историков в свете последующих событий*.

Лев Тихомиров первый раз зафиксировал «разную болтовню публики на тему об изменниках» в марте 1915 г., далее эта тема не сходила со страниц его дневника. 29 января 1917 г. он констатировал широчайшее распространение слухов, связывающих воедино «измену», о которой «трубит весь народ, буквально весь», и недееспособность власти, не исключая верховную, прямо подтвердив, таким образом, то, что сказал в Думе Милюков. «Страна полна слухов, что показывает полное падение доверия к управительским способностям Государя и какое-то прямо желание переворота. В перевороте видят единственный способ уничтожить измену», причем «теперь против Царя – в смысле полного неверия в него – множество самых обычных “обывателей”, даже тех, которые в 1905 г. были монархистами, правыми и самоотверженно стояли против революции»**. Отсутствие доверия к власти как общую черту писем из армии отмечала в 1916 г. и военная цензура.

Очевидно, таким образом, что половодье слухов, пусть приблизительных и нередко далеких от действительности, с концентрацией их на личности царя и царицы как минимум способствовало образованию вокруг режима политического вакуума. При этом, хотя читавшие газеты могли находить в опубликованных речах депутатов нечто близкое их наблюдениям и переживаниям (эти речи «просто разрывают души»), вплоть до февраля в низах не было явного предпочтения Думы правительству, они могли и уравниваться. Давно бы покончили с немцем, если бы не «плохие были у нас министры и представители Государственной думы», – читаем в одном из писем***. Среди русских военнопленных, по свидетельству пленного бельгийского офицера, можно было услышать и громкую критику правительства, и выпады против верховной власти, но даже после Февральской революции явно было больше тех, кому «все равно, от кого, от абсолютной монархии или республики, а дай землицы» – вместе с прекращением войны****.

Из всех проблем, выдвинутых ходом войны, общественность, в том числе партийно организованная, неожиданно получившая власть, так и не осознала как первоочередную задачу выход России из войны. Еще до революции общественное мнение по этому вопросу расслоилось. Так, разное отношение встретил основанный М. Горьким в декабре 1915 г. антивоенный журнал «Летопись». В. Г. Тан-Богораз «видел, как толпа рабочих чувствует Горького

* Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту... С. 76–86. Ср.: Измозик В. С. К вопросу о политических настроениях российского общества в канун 1917 г. // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999.

** Дневник Л. А. Тихомирова... С. 50, 331 и др.

*** Царская армия в период мировой войны... С. 82.

**** ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 38. Л. 306–307; РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 807. Л. 14 об.

(а он пораженец)...»*, тогда как выступление Горького в петроградском межпартийном кружке прогрессиста профессора М. П. Чубинского с докладом, в котором проводились «сдержанно и осторожно» «пораженческие тенденции», не нашло у слушателей поддержки**. Еще более резко реагировали на проповедь Горького армейские офицеры, они прислали писателю в конверте веревку для петли***.

Падение монархии по существу не сдвинуло этот вопрос с места, лозунг «революционного оборончества» оказался неспособным остановить достигшую в 1917 г. крайних пределов деморализацию армии, обусловившую провал летнего наступления русской армии, несмотря на все, в том числе пропагандистские, усилия в ходе его подготовки****.

2. Клубы, салоны, кружки и общественное мнение

Из политических клубов, повсеместно создававшихся в 1905–1906 гг. политическими партиями для привлечения сторонников и формирования общественного мнения в духе партийных программ, ко времени Первой мировой войны уцелели немногие, главным образом из-за официальной нелегализованности этих партий, прежде всего кадетской. Беспрепятственно функционировали, но не проявляли после 1912 г. заметной активности Всероссийский национальный клуб и аналогичные клубы в провинции – в Киеве, Воронеже, Казани и в других городах, задуманные как «общие очаги» «людей русского национального склада», но объединявшие преимущественно цензовую публику****. Продолжал функционировать организованный в 1905 г. октябристами петербургский Клуб общественных деятелей, он также вначале

* Наследие Ариадны Владимировны Тырковой... С. 160.

** Чубинский М. П. Указ. соч. С. 229.

*** Этот достоверный факт отрицал в 1928 г. Л. Н. Войтоловский, рапповский литературный критик, оспаривая воспоминания К. И. Чуковского о Горьком. Упрощая недавнюю историю, он утверждал, что «все до одного ненавидели эту кровавую бойню», «на фронте все обожали» Горького, за исключением лишь «тыловых патриотов». Ему возразил писатель М. Л. Слонимский: «Я тоже воевал и знаю, что тогда было много патриотов, стоявших за войну до конца – особенно из офицерства... Читатели “Речи”, “Русской воли” и пр. и пр. ...ненавидели Горького». См.: Чуковский К. Дневник 1901–1929 / Подг. Е. Ц. Чуковской. М., 1991. С. 438–439 (ср. эпизод, описанный в дневнике в 1916 г. – с. 71).

**** См.: Жилин А. П. Политико-нравственное состояние русской армии летом 1917 года и позиция Верховного командования (по материалам РГВИА) // Голоса истории. Материалы по истории Первой мировой войны... С. 265–275.

***** Иванов А. А., Санькова С. М. Всероссийский национальный клуб // Русский консерватизм... С. 100–102; Хэфнер Л. «Храм праздности»: ассоциации и клубы городских

ставил перед собой задачу «завоевать себе положение влиятельного органа общественного мнения»^{*}.

И до, и во время войны власть, располагая большим объемом информации, предпочитала не считаться с независимым общественным мнением, в согласии с тем, что говорилось на страницах правой прессы: самодержавный царь должен сам угадывать и указывать «органический запрос жизни»^{**}. Обратной стороной половинчатости обновления государственного устройства России, слабости парламентской и партийной системы явилось особое по-прежнему место на верхних этажах власти так называемых безответственных сил, в частности группировавшихся в элитарных столичных ассоциациях – клубах, салонах и кружках. Не будучи в прямом смысле тождественными политическим клубам (но продвигая своих ставленников на государственные должности^{***}), эти закрытые от посторонних привилегированные центры общения оставались и в период войны средоточием политической и иной «молвы», где генерировалось общественное мнение близких власти аристократических кругов. Молчаливо подразумевалось, что как раз учет этого заведомо консервативного мнения помогает угадывать «запрос жизни», не вступая в противоречие с волей самодержца^{****}.

Среди таких центров приемлемой «общественности» выделялись Английский и Новый клубы и особенно Императорский Яхт-клуб, в начале века почти утративший черты спортивного общества. Почетными членами этих клубов были представители императорской фамилии; в 1912 г. в Яхт-клуб входило 10 великих князей^{*****}. Размышляя в августе 1915 г. над тем, «кто нами правит», Л. А. Тихомиров причислял к «нашим правящим силам»

элит в России (на материалах Казани 1860–1914 гг.) // Очерки городского быта до-революционного Поволжья. Ульяновск, 2000. С. 492–493.

^{*} См. подробнее: *Розенталь И. С.* «И вот общественное мнение!» Клубы в истории российской общественности. Конец XVIII – начало XX в. М., 2007. С. 262–274.

^{**} Московские ведомости. 1913. 22 августа.

^{***} *Леонов М. М.* Салон В. П. Мещерского. Неформальные связи и протектирование в чиновничьем мире России рубежа XIX–XX вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». 2008. № 4. С. 118–130; О «протектировании» в период войны из салона С. С. Игнатьевой см.: *Дневник Л. А. Тихомирова. 1915–1917 гг.* М., 2008. С. 58.

^{****} См.: *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967. С. 20–24; *Розенталь И. С.* «И вот общественное мнение!»; *Стогов Д. И.* Правомонархические салоны Петербурга-Петрограда (конец XIX – начало XX века). СПб., 2007 и др. Наиболее полная характеристика «камарильи», но без, как правило, указаний на ее центры см.: *Аврех А. Я.* Царизм накануне свержения. М., 1989.

^{*****} *Хмельницкая И. Б.* Спортивные общества и досуг в столичном городе. Петербург и Москва. М., 2011. С. 164–171.

после императора, императрицы и Распутина не доступный «простецам» Яхт-клуб, представляющий собой «высокое учреждение» – выше, как думал Тихомиров, правительства и Думы, имеющий «огромное влияние», ибо «его сила в придворных сферах, а влиятельные лица – великие князья и высшая аристократия»^{*}.

Ввиду состава таких клубов и салонов правительство не могло не интересоваться содержанием «клубных разговоров». Так информировал о них Министерство внутренних дел (кроме основной темы – происходящего в кулуарах Государственной думы) чиновник Л. К. Куманин. Он полагал, что в клубах и салонах «рассказывают много басен», но все же эти образования «весьма чутко и правильно реагируют даже на мимолетные политические перегруппировки...»^{**} Открыты были салоны и клубы и для дипломатов союзных держав, они считали нужным посещать их, чтобы быть в курсе умонастроений кругов, приближенных к вершине власти, наряду с домами великих князей и других высокопоставленных лиц, приглашавших дипломатов.

Объявление войны Германии вынудило крайне правых, поддержавших внешнеполитический курс правительства, резко переориентироваться. Война показала и иллюзорность надежд умеренно-правых на примирение интересов великих держав^{***}. В начале войны французский посол Морис Палеолог обратил внимание на то, как изменились настроения «в высшей степени консервативной» среде обычно прогермански настроенных членов Яхт-клуба. Теперь здесь говорили, что Германия и Австро-Венгрия нанесли своими действиями оскорбление славянскому миру и тем самым смертельный удар монархическому принципу в Европе. Подобная же метаморфоза, как рассказывал Палеологу либерал Стахович, произошла с крайне правыми в Государственной думе и Государственном совете, он уверял, что доктрина соглашения с германским императором, которую проповедовали до войны князь Мещерский, Щегловитов, Марков и другие лидеры «этой влиятельной и многочисленной партии», сей-

^{*} Дневник Л. А. Тихомирова... С. 111. По сути дела о такой же иерархии, но рассматривая царскую власть и ее окружение как единое «безответственное» целое, писал после Февральской революции Александр Блок, опиравшийся на материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: «Старая русская власть делилась на безответственную и ответственную. Вторая несла ответственность только перед первой, а не перед народом» (Блок А. Последние дни императорской власти. М., 2012. С. 115).

^{**} Донесения Л. К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 – февраль 1917 года // Вопросы истории. 1999. № 7. С. 8.

^{***} А. С. Суворин, например, реагируя на негативное отношение к России на Западе во время русско-японской войны, предлагал им примириться на основе согласия вокруг «общего культурного дела белой расы» в Азии и Африке (Дневник А. С. Суворина. М., 1992. С. 367).

час разрушена. По собственным наблюдениям Палеолога, среди членов Яхт-клуба были тем не менее предпочитавшие по этому поводу промолчать*.

Этот факт, как и ряд других, не позволяет считать совокупность привилегированных клубов и салонов, и еще шире – консервативную среду, во всем однородной и, следовательно, способной служить прочной опорой власти в экстремальных условиях войны. Невозможно было такое желательное власти единодушие и потому, что это была по-прежнему среда соперников в борьбе за информацию и влияние. Как позднее свидетельствовал Н. Ф. Бурдуков, унаследовавший политический салон умершего в 1914 г. князя В. П. Мещерского (вместе с доверием императора и императрицы), салоны и клубы состязались между собой в качестве центров сплетен, оспаривая в этом друг у друга пальму первенства**. Точно так же характеризовал британский посол Бьюкенен дворец великого князя Павла Александровича в Царском Селе: дворец «славился повсюду как обильный источник сплетен». Жена великого князя княгиня О. В. Палей называла себя «октябристкой», а Бурдукова «черносотенцем», о его шефе Протопопове говорила, что «это подлец и мерзавец», «которого надо повесить», – выразительное подтверждение того, что и родственные связи Романовых не обеспечивали сами по себе полного политического единомыслия***.

Немаловажно, что критически, как и до войны, отзывались о петербургском Яхт-клубе и «легкомысленных» салонах, решающих судьбы России между чашкой чая и партией в бридж, консерваторы и тоже по преимуществу аристократы, объединившиеся на основе идей неославянофильства, особенно в Москве, например кружок Ф. Д. Самарина****. Разделяло их, помимо всего прочего, отношение к Распутину и к «раболопству» перед ним Синода. Лишь эпизодически могли проникать в центры «камарильи» самые известные тогда лидеры черносотенных союзов*****.

* Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 70–72.

** Студенской-Бурдуков Н. Отклики пережитого // Иллюстрированная Россия. Париж, 1939. № 27. С. 23. О Бурдукове и его мемуарах см. подробнее: Розенталь И. С. Заметки об истории и идеологии // Историк и его время: Сб. статей. К 70-летию проф. В. В. Шелохаева. М., 2011. С. 423–427.

*** Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., 1991. С. 229, 231; ГА РФ. Ф. 613. Оп. 1. Д. 261.

**** См.: Киреев А. А. Дневник 1905–1910. М., 2010. С. 51, 206, 332 и др.; Палеолог М. Указ. соч. С. 112; Дневник Л. А. Тихомирова... С. 154, 159–160, 182, 262 и др.

***** Бывший предводитель Союза русского народа А. И. Дубровин утверждал на допросе в ВЧК в 1920 г., что он «по убеждению коммунист-монархист»: «...В верхи я не лез, в салонах я не был, и на чердаки и в подвалы шел и старался помочь, чем мог...» и т. д. (Следственное дело доктора Дубровина / Публ. В. Г. Макарова // Архив еврейской истории. Т. 1. М., 2004. С. 280). Между тем еще в начале существования Союза русского народа, 6 декабря 1905 г. вместе с П. Ф. Булацелом и А. А. Майковым

Вследствие всего сказанного, единообразия суждений по важнейшим вопросам, выдвинутым войной, наблюдалось не всегда. Когда в связи с обещанием в начале войны автономии Польше Палеолог отмечал враждебное отношение к Польше русского общественного мнения, в том числе «национальных и бюрократических кругов», он, скорее всего, не отделял от них «безответственные» клубы и салоны. Муссировалась там и «мысль о присоединении Константинополя», но далее происходило почти как во всех слоях общества «прогрессивное выцветание» этой, по выражению посла, «византийской мечты», «старой утопии», на которой продолжало настаивать правительство; она жила «еще только в довольно немногочисленном лагере националистов и в группе либеральных доктринеров»^{*}. При этом не видно, чтобы собеседников в клубах и салонах особо занимали факты, относящиеся к чисто военной стороне дела, тем более к прозе войны.

Ход войны неизбежно актуализировал во всех без исключения «говорильнях» вопрос о дееспособности власти. Атмосфера в элитарных клубах и салонах становилась более тревожной по мере того, как война приобретала затяжной характер. Разноречивые отклики вызвали поражения 1915 г. и их последствия, усилилась критика действий императора и императрицы. В Новом клубе один из членов уже тогда назвал безумием продолжение войны и заявил, что следует спешить с заключением мира, «один из самых близких к государю людей» (имя его Палеолог не указал). Николай II знал, что в клубах и салонах «сильно волнуются», знал и о том, что именно там можно услышать. Его комментарии (в частности, в «интимной» беседе с Палеологом 10 октября) отличались необычной для императора резкостью; ранее он ограничивался снисходительными отзывами^{**}.

На этот раз он посочувствовал послу в том, что ему приходится дышать «петербургскими миазмами», жить «в среде, обьятой подавленностью и пессимизмом», но подчеркнул при этом, что «наихудшие запахи исходят не из народных кварталов, а из салонов. Какой стыд! Какое ничтожество! Можно ли быть настолько лишенным совести, патриотизма и веры?» Напротив, с фронта император в качестве нового Верховного главнокомандующего привез «превосходные» впечатления: «Как великолепен русский солдат! И у него такое желание победить, такая вера в победу»^{***}. В 1916 г. командор клуба и

Дубровин встречался в Яхт-клубе с великим князем Николаем Николаевичем («все довольно и сияли», – записал свидетель встречи), и это было не первое посещение ими клуба. Только после этих предварительных «смотринок» их принял Николай II (см.: *Розенталь И. С.* «И вот общественное мнение!»... С. 245–246, 255).

^{*} Палеолог М. Указ. соч. С. 270–271, 345, 395–396.

^{**} Коковцов В. Н. Из моего прошлого: Воспоминания 1903–1919 гг. Кн. 1. М., 1992. С. 173–174, 182.

^{***} Палеолог М. Указ. соч. С. 216, 227, 422.

министр императорского двора В. Б. Фредерикс отметил в своем дневнике, что царь снова выражал крайнее недовольство «разными разговорами в Яхт-клубе даже носящими аксельбанты Его величества»^{*}.

Возможно, что в салоны и клубы просачивались сведения о неофициальных контактах с начала 1916 г. с представителями Германии, преследовавшими цель выяснения условий будущего мира^{**}. С другой стороны, очевидно, что осуждением «клубных разговоров» император не просто хотел успокоить союзников по Антанте насчет решимости России продолжать войну. Известные высказывания императрицы характеризовались тем же искренним, но далеким от действительности различием отношения к войне и к правителям России народа и аристократии, вплоть до их противопоставления. «Против нас лишь Петроград, кучка аристократов, играющих в бридж и ничего не понимающих», – заявила она 26 ноября 1916 г.^{***}

Подобным же образом противопоставлял общественную индифферентность аристократии народному патриотизму председатель фракции правых в Государственной думе А. Н. Хвостов, по всей вероятности, осведомленный, какого мнения придерживается на сей счет правящая чета. Фактически он оправдывал антинемецкие погромы в Москве как выражение патриотизма, но членов элитных клубов, которые Хвостов сам, несомненно, посещал и о составе которых знал, он считал возможным обличать публично, с думской кафедры; правые в Думе пошли на это впервые. Народ, по словам Хвостова, «болеет душой, у него сердце кровью обливается», и в это же время если «где-нибудь в уютной гостиной Нового или Английского клуба люди после сытного обеда начнут говорить о политике, они ограничатся или остротами, или прочтут какое-нибудь стихотворение Мятлева, или скажут: бывший министр внутренних дел, конечно, не мог внести какой-нибудь хороший проект, потому что это человек несерьезный»^{****}

^{*} Хмельницкая И. Б. Указ. соч. С. 168.

^{**} См.: Соколов Б. В. К вопросу о возможности русско-германского сепаратного мира в феврале 1917 г. // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 38–44; Лебедев В. В. Проблема выхода из войны и кризис самодержавия (конец 1916 г. – начало 1917 г.) // Там же. С. 45–58.

^{***} Русские ведомости. 1917. 25 марта.

^{****} Борьба с немецким засильем. Речь члена Государственной думы А. Н. Хвостова в заседании 3 августа 1915 г. Пг., 1915; Ср. Джунковский В. Ф. Воспоминания. Т. 2. М., 1997. С. 619–620. Хвостов намекал на сатирическое стихотворение члена петербургского Английского клуба В. П. Мятлева, высмеивавшего ответственного за погромы «главноначальствующего» Москвы князя Ф. Ф. Юсупова (старшего). В речи он не был упомянут, так как способствовал карьере Хвостова. Характерно, что не упомянул Хвостов и Яхт-клуб.

Л. А. Тихомиров, выражая, видимо, и мнение кружка консерваторов-москвичей, в который входил, нашел, что Хвостов «очень хорошо очертил различие “петроградской” психологии и народной». Вместе с тем Тихомиров считал, что Хвостов сам поддался петроградской психологии, не реабилитировав народный самосуд полностью и назначив расследование по делу о погромах. «Петроград» в таком понимании объединял правительство («правительственный слой» и «командный состав армии») с салонами и клубами и, как замечал Тихомиров в другом месте, он «всякого может лишить духа»^{*}, – оценка, близкая либеральной оценке «смрадной атмосферы Петербурга» в целом, не исключая двор, салоны, военных и государственных деятелей**.

Но критика петроградских клубов не затрагивала кружки «распутинцев» и высказывания тех, кто собирался, например, в салоне графини С. С. Игнатьевой. Их Палеолог считал «черными поборниками самодержавия и теократии», это были и «первые сановники церкви» (члены Святейшего Синода). Сам Распутин, вернувшись в сентябре 1914 г. в Петроград, повторял то, что ему говорил перед войной князь Мещерский. Господствовало вначале мнение, что войны можно было бы избежать, будь Распутин в столице, так говорила А. А. Вырубова, видимо, вслед за Распутиным. В тех же кругах имели хождение мысли, созвучные внутривластным устремлениям царя и царицы. Так, в Новом клубе в мае 1916 г. продолжали отстаивать как выход из военных трудностей идею реставрации порядков, существовавших до 1905 г.: «Если Дума не будет разогнана, мы пропали», необходимо «вернуть царскую власть к чистым основам московского православия» (т. е. к допетровской Руси)***, а Бурдуков предлагал нечто подобное императрице даже 26 февраля 1917 г.****

Идею пересмотра с этой целью Основных законов 1906 г. обсуждали в кружке бывшего ярославского губернатора А. А. Римского-Корсакова. Этот кружок возник осенью 1914 г., а затем обосновался в существовавшем с 1905 г. салоне Б. В. Штюрмера. Кружок объединял консервативных бюрократов, деятелей правомонархических партий, членов правой группы Государственного совета, посещали его и некоторые действующие министры. Составленные в кружке записки с советами правительству передавались императору, императрице, министрам через таких деятелей, как сохранявший влияние на Николая II бывший министр внутренних дел Н. А. Маклаков и последний до

* Дневник Л. А. Тихомирова... С. 91, 96, 167, 181, 191.

** ОР РГБ. Ф. 75. Т. 30. Л. 438 и об.; *Розенталь И. С.* Прогрессист Голицын и его дневник // *Россия XXI*. 2007. № 4. С. 127–128.

*** *Палеолог М.* Указ. соч. С. 79–80, 104–105, 109, 293, 316.

**** «В четыре часа разразился неожиданный ураган...» Письмо Н. Ф. Бурдукова императрице Александре Федоровне // *Голоса истории. Материалы по истории Первой мировой войны: Сб. науч. трудов. Вып. 24. Кн. 3. М., 1999. С. 216–217, 223.*

Февральской революции глава правительства князь Н. Д. Голицын. Они же участвовали в составлении записок, предлагавших подавить как революционное движение, так и либеральную оппозицию, удалить таких недостаточно правых, с их точки зрения, министров, как А. А. Поливанов и П. Н. Игнатьев (этого кружок добился, но не большего)*.

Впоследствии в послеоктябрьской литературе, как советской, так и эмигрантской, недооценивалась сложность ситуации в верхах накануне Февральской революции. Ю. С. Карцов, один из монархистов-эмигрантов, искавших задним числом причины падения монархии, считал главной из них, наряду с тем, что война затянулась, поведение высшей аристократии, включая великих князей: «Выгодами своего положения... они дорожили, но бороться за них и жертвовать жизнью они отказывались. О преданности царю... беззаветной и слепой, не было и помину**». Последнее справедливо, но какие жертвы имел в виду Карцов, не ясно. Н. Е. Марков включал в длинный перечень виновников революции «князей, графов, камергеров и высших российских орденов кавалеров». Бурдуков писал о заговорах против царя, «его верного друга и жены», которых было больше всего «в активе русского аристократического общества, двора и императорской фамилии»; одним из гнезд заговоров был Яхт-клуб, откуда распространялась клевета на Распутина***.

В 1916 – начале 1917 г. беспокойство за судьбы монархии выразилось уже в личных и коллективных обращениях членов династии к царю и царице, они безуспешно пытались склонить их к уступкам Государственной думе. Суждения некоторых посетителей элитарных клубов принимали характер откровенной фронды. Известно, что в Яхт-клубе охотно слушали едкие высказывания великого князя Николая Михайловича. Согласно донесению Куманина от 21 января 1917 г., он был «душой великокняжеской оппозиции», особенно антипатичным императрице («скверный он человек, внук еврея!» – писала она мужу****). По его инициативе и, возможно, по совету английского посла Бьюкенена, «враждебного династии Романовых», было составлено коллективное письмо членов императорской фамилии в защиту убийц Распутина, переданное царю в конце декабря 1916 г. Копии этого письма великий князь «предъявлял в Яхт-клубе нескольким из членов этого клуба, а равно высказывал за общим клубным столом резкие суждения по адресу «немецкой» политики «Алисы Гессен-Дармштадтской» и сетования «на безвольность и недальновидность самого монарха», встречая если не всеобщее, то частичное сочувствие.

* Дякин В. С. Указ. соч. С. 183–184, 247, 260, 266, 270–271.

** Репников А. В. Карцов Ю. С. // Русский консерватизм... Энциклопедия. С. 228.

*** Богояленский Д. Д., Иванов А. А. Марков Н. Е. // Там же. С. 285; Студенской-Бурдуков Н. Указ. соч.

**** Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. М.; Л., 1927. С. 130.

Это «политическое движение против монарха и особенно против Александры Федоровны», утверждал Куманин, «объемлет верхи общества, высший служилый класс, в большой степени командный военный состав и особенно императорскую фамилию»*. Как и ранее, в салонах и клубах оно сводилось не к «заговорам», а к распространению «молвы», но с акцентированием ее на личностях носителей верховной власти, сближаясь с «молвой» в средних социальных слоях и с «молвой» улицы, вплоть до домыслов об измене императрицы, хотя, как очевидно, основным мотивом аристократической фронды было самосохранение.

Из того, что жандармский офицер Заварзин узнал в поездке по России от случайного попутчика, видно, что слухи, распространявшиеся в провинции, не отличались от столичных. Речь шла о «солидной и приличной» публике в Батумском клубе, где в начале 1917 г. «почти открыто порицали Царя и Царицу» и предсказывали скорое отречение Николая II с регентством Михаила Александровича или Николая Николаевича**.

Не успел себя как-то проявить и не вызвал доверия императрицы открытый уже на финальной стадии кризиса, в ноябре 1916 г., в Петрограде клуб «Экономическое возрождение России», противопоставленный Прогрессивному блоку. Его учредитель, лидер фракции центра в Думе П. Н. Крупенский, связанный как с банковскими, так и с придворными кругами, заявил, что клуб должен сблизить все проправительственные силы. В клуб записалось до 900 человек, в совет клуба вошли бывшие министры Н. Б. Щербатов и А. В. Кривошеин и видные представители финансового мира, его поддержал очередной премьер А. Ф. Трепов***. Если и это начинание не было объективно оценено как дружественное власти, то тем более не могла вызвать сочувствия последняя «славянская трапеза» в Клубе общественных деятелей с участием других, оппозиционных сил – депутатов Государственной думы и Государственного совета, финансистов, писателей, журналистов (конец января 1917 г.), с речами, выдержанными в критической по отношению к правительству тональности****.

Верхушечная общественность оказалась, таким образом, расколотой и не стала в период войны стабилизирующим фактором, взамен массовых партий, общественных организаций и соответствующего общественного мнения.

* Донесения Л. К. Куманина... // Вопросы истории. 2000. № 4–5. С. 17. См. также: Гавриил Константинович, великий князь. В Мраморном дворце. М., 2001. С. 130; *Палеолог М.* Указ. соч., С. 406, 421, 428, 432; О позиции Николая Михайловича см.: *Аврех А. Я.* Указ. соч. С. 56 и др.

** *Заварзин П. П.* Жандармы и революционеры // «Охранка»: Воспоминания руководителей политического сыска. Т. 2. М., 2004. С. 114–115.

*** Речь. 1916. 7 ноября; Финансовая газета. 1916. 19 декабря; Падение царского режима. Т. 4. М.; Л., 1926. С. 33.

**** Донесения Л. К. Куманина... // Вопросы истории. 2000. № 4–5. С. 23.

* * *

Первая мировая война обострила и усугубила проблемы довоенной России, которые выражались в крайне низкой консолидации общества по сравнению с союзными странами. Провозглашенные и активно пропагандировавшиеся цели войны оказались ничуть не ближе народному сознанию, чем ранее цели несравненно менее тяжелой русско-японской войны. Овладение Константинополем не превратилось в реально сплывающую верхи и низы «национальную идею», которая могла бы прибавить войне популярности – ни после того, как союзники пошли навстречу притязаниям царской дипломатии, ни после Февральской революции.

Напротив, в массовых настроениях – при всей их пестроте и неустойчивости – набирала силу пацифистская тенденция, переплетаясь с падением престижа власти и боеспособности армии. В итоге стремление прекратить войну любым способом стало ощущаться как насущное, такое же, как стремление радикально решить, наконец, в пользу крестьян вопрос о земле. Эти настроения людей, выбитых войной из привычной колеи, вылились в конце концов (но, вопреки предсказаниям, уже в ходе войны) в социальную агрессию.

Глава 2. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

(А. С. Туманова)

Как известно, накануне Первой мировой войны в России насчитывалось более 10 тыс. добровольных обществ, в т. ч. почти 5,8 тыс. сельскохозяйственных, около 5 тыс. благотворительных, сотни ассоциаций других типов (просветительных, научных, объединений в области литературы и искусства и др.)^{*}. Понятие «общественный» в начале прошлого века означало «негосударственный» и «небюрократический», а под общественными организациями помимо собственно добровольных обществ, занимавшихся реализацией проектов в сфере науки, благоустройства, социальной помощи и др., подразумевались также органы местного самоуправления.

В данной главе речь пойдет об объединениях обеих групп, причем будут выделены наиболее крупные и эффективно действующие организации военного времени наподобие Всероссийского земского союза (ВЗС), Всероссийского союза городов (ВСГ), Земгора, Военно-промышленных комитетов (ВПК), а также обществ частной инициативы (Общество имени А. И. Чупрова для разработки общественных наук при Московском университете, Общество взаимопомощи торговых служащих Москвы и др.). Основное внимание уделено характеристике принципов, согласно которым общественные организации функционировали, и задач, которые они были призваны решать.

1. На волне патриотизма: создание и функционирование публичных организаций

Мобилизация общества на нужды военного времени, приведшая к становлению новых общественных организаций и активизации деятельности ранее существовавших, происходила в условиях патриотического подъема и настроения «священного единения». Либеральное общество, по словам его видного деятеля Н. И. Астрова, «устремилось на помощь власти в организации побе-

^{*} Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX века / Отв. редактор А. С. Туманова. М., 2011. С. 839–842; *Bradley J. Voluntary Associations in Tsarist Russia: Science, Patriotism, and Civil Society. Cambridge, 2009. P. 1.*

ды». Тогда и возникли крупнейшие общественные Союзы военного времени – ВЗС и ВСГ. Сам факт создания этих организаций стал ярким примером мобилизации общества на нужды войны.

Исследователи показали различные оттенки социального патриотизма и разнородное понимание лозунга «священного единения» между властью и общественностью. Для либеральной общественности создание Союзов было проявлением как патриотизма, так и оппозиционности, стремлением «воочию показать преимущество “общественной работы” над “бюрократической”»*. Для правительства было характерно стремление использовать Союзы для закрытия «брешей» в собственном хозяйстве**. И вместе с тем «священное единение» воздействовало на поведение обоих, оно вело к освобождению общественной инициативы и побуждало бюрократию к «масштабным уступкам оппозиции»***. Выразителями идеологии социального патриотизма стали либералы, работавшие на победу и готовые к жертвам во имя ее****.

Лидер и основатель Союза городов, историограф этой организации Н. И. Астров описал возникший у московской общественности еще до официального объявления войны «естественный душевный порыв... участия всех живых сил в работе на помощь государству». На чрезвычайном собрании Московской городской думы 18 июля 1914 г. прозвучал призыв ко всем национальным силам объединиться около власти в борьбе по спасению страны. Роль собирательницы общественных сил отводилась Москве, ставшей «центром, вокруг которого сплотились русские города в их стремлении помочь родине». В Москве возникли оба Союза для оказания помощи пострадавшим на войне*****.

По мере образования союзов выяснилось, что они были вызваны к жизни не только патриотическим порывом московской общественности, но и объективной потребностью в организации помощи жертвам войны. Помощник управляющего делами Совета министров А. Н. Яхонтов вспоминал, что «пер-

* *Гайда Ф. А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914–1917 гг.). М., 2003. С. 54, 58.

** *Шевырин В. М.* Власть и общественные организации в России (1914–1917). М., 2003. С. 29–34, 130–131.

*** *Куликов С. В.* Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004. С. 394.

**** *Stockdale M.* Russian Liberals and the Contours of Patriotism in the Great War // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. Мат-лы междунар. науч. конф. М., 1999. Р. 288; *Stockdale M. K.* 'My Death for the Motherland Is Happiness': Women, Patriotism, and Soldiering in Russia's Great War, 1914–1917 // *The American Historical Review*. Vol. 109. No. 1 (February 2004). Р. 82–83.

***** *Астров Н. И.* Из истории городских самоуправлений в России // Местное самоуправление. Труды общества для изучения городского самоуправления в Чехословацкой республике. Прага, 1925. С. 312–313.

вые же боевые столкновения дали огромное количество раненых, которого не могли предвидеть даже самые пессимистические расчеты, основанные на опыте прежних войн»; возникла потребность в создании «поездных составов для санитарной службы» и в вывозе пострадавших воинов «все дальше вглубь страны», поскольку все близкие к фронту госпитали и лазареты были переполнены*. «Патриотический подъем и возвышенное настроение, – писал Яхонтов, – вылились у тех общественных деятелей, которые... не пошли на фронт, в стремление к объединению для помощи больным и раненым воинам»**.

Вынужденное поддержать инициативу московской общественности, правительство предприняло попытку разделить сферы влияния между нарождавшимися общественными организациями и военным ведомством. Забота о раненых и населении в зоне боевых действий была передана попечению военного командования, тогда как помощь больным и раненым воинам в тылу возлагалась на общественные организации. Между тем на деле такое разделение длилось лишь первые недели, и очень скоро союзы стали всероссийскими организациями как по значению разрешаемых ими задач, так и по территории, на которую распространялось их влияние***.

Одним из первых возник ВЗС. 25 июля 1914 г. Московская губернская земская управа внесла в экстренное земское собрание предложение о создании общеземской санитарной организации помощи больным и раненым воинам, телеграфировав о новом коллективном деле земским учреждениям. Ответные телеграммы были получены практически от всех земских собраний. 30 июля на Всероссийском съезде представителей губернских земств в Москве было выработано и одобрено соглашение, определившее принципы организации ВЗС, а также образован сам союз, куда вошли все губернские земские собрания, за исключением Курского. В состав ВЗС вошла общеземская организация для помощи больным и раненым воинам под началом Г. Е. Львова, образованная в 1904 г. Деятельность ВЗС была разрешена высочайшим повелением от 12 августа 1914 г., т. е. выработанное земским съездом соглашение было санкционировано верховной властью****.

Вскоре почин земцев был подхвачен деятелями городских самоуправлений, которые 8–9 августа 1914 г. на съезде городских голов в Москве учреди-

* Яхонтов А. Первый год войны (июль 1914 – июль 1915 г.). Записки, заметки, материалы и воспоминания бывшего помощника управляющего делами Совета министров // Русское прошлое. СПб., 1996. Кн. 7. С. 276–277.

** Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А. Н. Яхонтова (записи заседаний и переписка). СПб., 1999. С. 298.

*** Астров Н. И. Указ. соч. С. 314.

**** Загряцков М. Д. Всероссийский земский союз (Общие принципы организации и юридическая природа). Пг., 1915. С. 13–14; Краткий очерк деятельности Всероссийского земского союза. М., 1916. С. 6–7.

ли ВСГ. Целью ВСГ также была помощь больным и раненым воинам. Между тем Союз не собирался ограничивать свою деятельность только этой задачей, считая, что война предъявит городам новые неотложные требования, такие как борьба с дороговизной и снабжение продуктами питания, регулирование транспорта и т. п. Жизнь показала верность подобного предположения, и на IV съезде ВСГ в марте 1916 г. цель Союза была обозначена значительно шире, чем в 1914 г., как «объединение деятельности городов в области мероприятий, вызванных войной и ее последствиями». Формального юридического признания в законодательном порядке ВСГ не получил. Санкция последовала 16 августа 1914 г. в форме императорского соизволения городам вступать в Союз. Высочайшее разрешение от 16 августа было актом признания ВСГ и введения его в круг официально разрешенных организаций, призванных оказывать помощь государству в связи с начавшейся войной. Этим актом определялись цель организации (помощь больным и раненым воинам в тылу) и срок ее деятельности^{*}.

Статус разрешенных властью особым порядком организаций, решавших задачи государственного значения, давал союзам определенные преимущества. Не будучи связанными рамками Городового и Земского положений, союзы создали свои учреждения без указаний правительства, пригласили, не оглядываясь на цензы, наиболее полезных для дела работников, оперативно приводили в исполнение свои решения^{**}. Неопределенность их правового положения придала им независимость. Так, Астров подчеркивал, что работа ВСГ основывалась на принципе полной гласности и протекала под контролем общественного мнения^{***}. Руководивший передовым санитарным отрядом ВСГ на Западном фронте В. А. Оболенский отмечал эластичность конструкции городских и земских санитарных отрядов, их способность мобильно приспособляться к условиям войны, отклоняться от установленной схемы и действовать эффективно^{****}.

Вместе с тем деятели Союзов обращали внимание на уязвимость этих организаций в правовом отношении. Как известно, решения руководящих органов Союзов не были обязательными для городских дум и земских собраний, нередко подвергались критике на местах^{*****}.

На неопределенность положения Союзов указывали также представители власти, особенно те чиновники, которые видели в Союзах политических противников. Так, спустя четыре месяца после их открытия они вновь завели речь о том, что ВЗС и ВСГ не были предусмотрены действующим законодатель-

^{*} Астров Н. И. Указ. соч. С. 314–317, 324.

^{**} Особый журнал Совета министров 25 ноября 1914 г. // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1914 год. М., 2006. С. 548–549.

^{***} Астров Н. И. Указ. соч. С. 325, 330.

^{****} Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники. М., 1988. С. 462–464.

^{*****} Астров Н. И. Указ. соч. С. 320, 330.

ством. В заседании Совета министров 25 ноября 1914 г. Союзы были определены как учреждения «*sui generis*» (единственные в своем роде. – *Ред.*), действующие в силу специальных актов верховного управления и располагающие лишь теми прерогативами правительственных установлений, которые найдет возможным предоставить им правительство. Подобные высказывания порождались боязнью, что деятельность Союзов «отклонится от законного русла» и приведет к «самовольному расширению круга прав, предоставленных местному представительству». Эта полемика возникла в ответ на записку министра внутренних дел Н. А. Маклакова от 18 ноября 1914 г., в которой он обращал внимание правительства на стремление ВЗС и ВСГ к расширению своих задач и независимости от правительственных органов. Маклаков был сторонником подчинения Союзов контролю губернаторов^{*}.

Тем не менее на первых порах деятельности ВЗС и ВСГ исполнительная власть отнеслась к ним достаточно лояльно. Им предоставлялись солидные субсидии, не оговоренные особыми условиями и отчетностью^{**}. С августа 1914 г. по сентябрь 1916 г. ВЗС и ВСГ получили от Совета министров почти 553,5 млн рублей, а за 38 месяцев войны казенные субсидии союзам составляли 1,5–2 млрд руб. Капиталы Союзов складывались также из ассигнований местных организаций и пожертвований. Однако правительственные субсидии составляли основной источник денежных средств Союзов, тогда как общественные пожертвования с августа 1914 г. по сентябрь 1916 г. составляли всего 9,6 млн руб.^{***}

В августе 1914 г. Союзы были приняты в организацию Красного Креста и стали действовать под ее флагом. Новый статус дал им определенные привилегии, которыми пользовались учреждения Красного Креста: право на бесплатную перевозку грузов и пересылку корреспонденции, возмещение казной расходов по призрению больных и раненых, содержанию лечебных заведений и др.^{****} В августе 1915 г. представители обоих Союзов были включены в состав правительственных органов: Особых совещаний по обороне, топливу, продовольствию, перевозкам и устройству беженцев^{*****}.

Для ВСГ и ВЗС было характерно четкое организационное устройство. Высшим распорядительным органом ВСГ был съезд уполномоченных – представителей городов, избравшихся городскими думами пропорционально

* Особый журнал Совета министров 25 ноября 1914 г. ... С. 545–552, 554. См. также: *Власть и реформы. От самодержавной к Советской России.* СПб., 1996. С. 562.

** *Астров Н. И.* Указ. соч. С. 316.

*** *Куликов С. В.* Указ. соч. С. 394.

**** *Высочайшие законы, указы и распоряжения военного времени / Сост. С. М. Левин.* Пг., 1915. С. 129, 193; *Особые журналы Совета министров / 1914 г.* С. 239, 535–536.

***** *Астров Н. И.* Указ. соч. С. 316, 324–325.

численности населения городов. Съезд уполномоченных определял направление деятельности ВСГ, утверждал его сметы и отчеты, ревизовал действия его органов. Текущая работа ВСГ была возложена на исполнительные органы, подразделявшиеся на управляющий центр, органы фронта и тыла. К центральным органам относился Главный комитет во главе с его председателем – главноуполномоченным, насчитывавший летом 1914 г. 17, а в 1916 г. 72 человека, руководивших отдельными сферами деятельности. Фактическое руководство текущей работой Союза городов осуществляло исполнительное бюро. Деятельность ВСГ на фронте направлялась фронтовыми комитетами с уполномоченными по фронтам во главе, в тылу – городскими управлениями. Ввиду масштабности стоявших перед городскими управлениями задач в сфере помощи раненым, лишь поначалу они рекрутировались из среды цензовых элементов, а затем стали активно приглашать к себе специалистов, не имевших имущественного ценза – врачей, инженеров, юристов и др.*

Членами ВСГ становились губернские и областные города, а также города, на которые по условиям военного времени были возложены особые функции. Спустя месяц после своего образования, в сентябре 1914 г., ВСГ насчитывал 195 городов, к январю 1915 г. он возрос более чем в два раза, присоединив к себе еще 428 городов. К сентябрю 1917 г. в ВСГ входило уже 630 городов, что составляло около 75 % городов империи за вычетом занятых неприятелем**.

Главноуполномоченным ВСГ был избран исполнявший обязанности московского городского головы В. Д. Брянский, с сентября 1914 г. по октябрь 1917 г. эту должность занимал московский городской голова М. В. Челноков. В руководящий состав (временный комитет) Союза вошли Н. И. Астров, Н. И. Гучков, Н. Н. Щепкин, В. Д. Кузьмин-Караваев и др. Высшим органом ВЗС являлся съезд (собрание) уполномоченных земств, избиравшихся от каждой земской губернии и собиравшихся периодически в Москве. Собрание представителей земств осуществляло общее руководство ВЗС, издавало обязательные постановления, распоряжалось средствами союза, а также избирало его руководство – главноуполномоченного и главный комитет. Главный комитет, состоявший из 10 членов во главе с главноуполномоченным, ведал делами Союза в перерывах между съездами***.

В Главный комитет ВЗС вошли либерально настроенные земские деятели, преимущественно кадеты и октябристы. Возглавил его близкий к кадетам князь Г. Е. Львов. Главный комитет осуществлял основную работу Земского союза по эвакуации больных и раненых, организацию госпиталей и лазаретов, устройство складов и др. Вокруг него сформировались отделы: медико-санитарный, эвакуации, санитарных поездов, заготовительный, по сбору по-

* Там же. С. 314–315, 325–330.

** Там же. С. 331.

*** Краткий очерк деятельности Всероссийского земского союза. С. 7.

жертвований, по изготовлению белья и одежды, помощи беженцам, увечным воинам и др. За 2,5 года было образовано около пятидесяти отделов. Местными органами ВЗС были губернские и уездные комитеты, организация которых определялась постановлениями земских собраний, местными условиями и не зависела от Главного комитета. В компетенцию местных комитетов входило распределение раненых и больных по губерниям и уездам, создание лечебных учреждений и др. К концу 1916 г. число учреждений ВЗС достигло 7728, в т. ч. главных комитетов – 174, губернских комитетов – 3454, фронтовых комитетов – 4100*.

В исторической литературе ведется дискуссия по поводу того, кто был «архитектором» Союзов и участвовали ли в их создании либеральные партии**. На наш взгляд, Союзы были детищем цензовой общественности, основавшей их без непосредственного участия партий. Так, организатор ВСГ Астров писал, что у Союза городов не было определенной политической программы: «...Мы никогда не проводили в Союзе какие-то политические программы той или иной политической партии. Мы были свободны от директив партий. Таково было молчаливое соглашение между нами, участниками в работах Союза, и партиями, к которым мы принадлежали. В наших ответственных политических выступлениях мы выражали настроения тех общественных кругов, которые объединял Союз городов, и формулировали эти настроения»***.

Союзы были организациями, чутко реагиовавшими на насущные нужды и быстро к ним приспособившимися. Их действия строились на таких ключевых принципах самоуправления, как гласность, отзывчивость к новому и демократизм. Инициативы становились результатом публичного обсуждения, а деятели союзов отмечали, что они ориентировались на общественный почин и обозначившуюся потребность, не дожидаясь разрешений и утверждения своих планов высшим начальством****.

Поначалу Союзы занимались помощью больным и раненым в тылу, устраивая госпитали, лазареты, питательные пункты по пути следования раненых, закупая для них белье и медикаменты, организуя сборы пожертвований. Между тем уже в первые месяцы войны обнаружилась потребность в организации санитарной работы на фронте, и союзы моментально, по образному выражению Астрова, «перешли линию фронта». С осени 1914 г. они стали обслу-

* Шевырин В. М. Указ. соч. С. 71–72; Абрамов В. Ф. Указ. соч. С. 124–126.

** По мнению Н. Г. Думовой, общественные организации были образованы при прямом участии буржуазных партий, а ВСГ находился под рукой кадетского руководства // Думова Н. Г. Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988. С. 32–34; В. М. Шевырин, следуя за В. С. Дякиным, считает, что союзы были созданы цензовой общественностью без прямого участия партий // Шевырин В. М. Власть и общественные организации... С. 30.

*** ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 16. Л. 30–31.

**** Астров Н. И. Указ. соч. С. 321.

живать фронтовые тылы, направляя туда своих уполномоченных и создавая фронтовые комитеты. Вслед за лазаретами, санитарными поездами, складами перевязочных средств и медикаментов, врачебно-питательными пунктами по пути следования раненых в тыл аналогичные учреждения стали создаваться Союзами в зоне боевых действий. В ведение Союзов были переданы распределительные и эвакуационные пункты, а вместе с ними и задача организации приемки раненых*.

Весеннее отступление 1915 г. обнажило проблему нехватки вооружения, поэтому Союзы наряду с традиционной для них «краснокрестной» военно-санитарной работой стали активно участвовать в деле снабжения армии военным снаряжением, а также выполнять заказы главного интендантства на поставки одежды и обуви для армии. В конце мая 1915 г. были образованы военно-промышленные комитеты (ВПК), поставившие задачей мобилизовать промышленность для работы на войну.

ВПК были общественными организациями, созданными решением IX съезда Советов представителей промышленности и торговли для мобилизации промышленности на дело снабжения армии. Они были образованы по предложению известных московских промышленников П. П. Рябушинского, С. Н. Третьякова, С. И. Четверикова и др. Центральный военно-промышленный комитет (ЦВПК), созданный в июле 1915 г., возглавил лидер октябристов А. И. Гучков, а его заместителем стал А. И. Коновалов. В него вошли представители Совета торговли и промышленности, Земского и Городского союзов (Г. Е. Львов, М. В. Челноков и др.), городских дум Москвы и Петрограда. Московский ВПК, созданный 11 июня 1915 г. при Московском биржевом комитете, возглавил П. П. Рябушинский. Он объединил 10 губерний Центральной России**.

ВПК были легализованы высочайше утвержденным Положением от 27 августа 1915 г. Эти организации наделялись функциями содействия правительственным учреждениям в деле снабжения армии и флота необходимыми предметами снаряжения и довольствия путем планового распределения заказов и сырья, своевременного их выполнения и установления цен. Между тем обозначенный спектр направлений работы казался предпринимателям узким. Они подумывали о превращении ЦВПК в Министерство снабжения, мобилизующего работу промышленности на оборону и распределяющего правительственные заказы. ВПК контактировали с правительственными учреждениями

* Там же. С. 316–318; Краткий очерк деятельности Всероссийского земского союза. С. 9–11.

** Кюнг П. А. Мобилизация экономики и частный сектор в России в годы Первой мировой войны. М., 2012. С. 24, 68–80; Юрий М. Ф. Центральный военно-промышленный комитет (1915–1917 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1981; Петров Ю. А. Московская буржуазия в начале XX века: предприниматели и политика. М., 2002. С. 276–281. С. 278.

и финансировались государством. По данным М. Ф. Юрия, ВПК получили 17 % всех денежных средств, затраченных на производство вооружения и предметов снаряжения в годы войны^{*}. В масштабах империи система ВПК окончательно сложилась к середине 1916 г.^{**}

С момента своего основания лидеры ВПК установили контакты с либеральными политиками из ВЗС и ВСГ и начали проявлять оппозиционность правительственному курсу. Г. Е. Львов и М. В. Челноков вошли в созданное при Московском ВПК бюро по распределению заказов, что способствовало координации деятельности общественных организаций. Политический радикализм выражал ЦВПК, большинство лидеров которого – предпринимателей и руководителей оппозиционных организаций – не скрывали неприятия режима^{***}. Председатель Московского ВПК П. П. Рябушинский являлся одним из идеологов создания правительства, пользующегося доверием общества, и наделения его всей полнотой власти. ВПК стали органами консолидации буржуазии на платформе Прогрессивного блока^{****}.

На проходивших в июне 1915 г. съездах Союза городов и уполномоченных губернских земств было решено создать объединенный комитет ВЗС и ВСГ по снабжению армии, а 10 июля 1915 г. возник Главный по снабжению армии комитет (Земгор). В литературе существует ошибочное мнение о якобы слиянии Союзов в Земгор. На деле ВЗС и ВСГ продолжали существовать самостоятельно и ведать санитарным делом и снабжением армии. Земгор был специализированной организацией по снабжению армии, сосредоточившейся на перестройке мелкой и кустарной промышленности и поставках в армию производимых ими военного снаряжения и предметов первой необходимости. Руководители ВЗС и ВСГ Г. Е. Львов и М. В. Челноков стали сопредседателями Земгора, Львов играл там ведущую роль^{*****}.

Инфраструктура Земгора была создана по образцу Союзов. Она включала Главный и местные (областные, губернские, уездные и городские) комитеты по снабжению армии. Со временем Земгор превратился в ведомство с большим штатом чиновников и специалистов, с разветвленной сетью органов, тесно взаимодействовавших с государственными учреждениями. Он принимал заказы от военного и морского министерств, распределял их между земствами

^{*} Юрий М. Ф. Указ. соч. С. 187.

^{**} Кюнг П. А. Указ. соч. С. 30, 72–73.

^{***} Куликов С. В. Центральный военно-промышленный комитет накануне и в ходе Февральской революции 1917 года // Российская история. 2012. № 1. С. 70.

^{****} Петров Ю. Рябушинские. Фабрики и банки знаменитой династии России. М., 2011. С. 128–140; *он же*. Московская буржуазия в начале XX века: предприниматели и политика. С. 276–281.

^{*****} Акимова Г. С. Российская буржуазия в годы Первой мировой войны (деятельность Земгора) // Вопросы истории. 1974. № 10. С. 68–69; Абрамов В. Ф. Указ. соч. С. 132.

и городами, следил за их выполнением, передавал изготовленную продукцию и испрашивал у правительства целевые кредиты. Поначалу Земгор поставлял в армию военное снаряжение простейшего типа, а с 1916 г. стал поставлять гранаты, бомбы и артиллерийские снаряды. Он содействовал эвакуации промышленных предприятий и их восстановлению, использовал оборудование эвакуированных предприятий для устройства собственных фабрично-заводских производств. В его ведении находились предприятия по обработке металла, машин и продовольствия. По мнению историка Земгора Г. С. Акимовой, он недостаточно оправдал себя как поставщик Военного министерства, поскольку не обладал достаточной производственной базой и техникой. Занимался Земгор также созданием фортификационных сооружений и строительством дорог в прифронтовой зоне. Поскольку функции Земгора выходили за рамки традиционной общественной деятельности, его следует рассматривать как общественный орган, наделенный государственно-хозяйственными прерогативами. Юридический отдел Земгора характеризовал его как общественную (земскую и городскую) организацию, состоящую в публично-правовых отношениях с правительством в сфере исполнения казенных заказов*.

В условиях нараставшего общеполитического кризиса правительство вынуждено было согласиться с созданием Земгора и ВПК. В то же время оно предприняло меры по усилению контроля над экономикой. Однако создание Особых совещаний в августе 1915 г. несколько стеснило деятельность Союзов и ВПК, поскольку большинство правительственных заказов стало проходить через Совещания, минуя общественные организации. Как видно, правительство, с одной стороны, сотрудничало с общественными организациями, работавшими на войну, а с другой – ограничивало масштаб их активности. Сотрудничество выражалось во включении представителей Союзов и Земгора в состав Особых совещаний. Так, в комиссиях Особого совещания по обороне в середине 1916 г. работало 25 представителей Земгора, в Особом совещании по перевозкам – 12, по продовольствию – 18 человек. Противостояние же выражалось в цензурных и иных стеснениях, которым подвергались Земгор и Союзы**.

Деятельность ВЗС и ВСГ по оказанию помощи раненым и больным войнам будет подробно охарактеризована в следующей главе. Здесь же ограничимся приведением суммарных данных, характеризующих общие итоги деятельности. За 38 месяцев войны расходы ВСГ составили около 2 млрд руб. За 2,5 года его санитарные поезда перевезли 2,5 млн больных и раненых***. Смета Союза городов на второе полугодие 1916 г. на лечение больных и раненых, транспорт и общесанитарные мероприятия составляла 41,5 млн руб., превосходя сметные ассигнования по трем фронтам, исчислявшиеся в 31 млн руб. Под флагом

* Акимова Г. С. Указ. соч. С. 69–73, 80; Абрамов В. Ф. Указ. соч. С. 133.

** Акимова Г. С. Указ. соч. С. 74, 76.

*** Шевырин В. М. Указ. соч. С. 71–72.

Союза городов на фронтах работали 68 врачебно-питательных и санитарно-технических отрядов. На питательных пунктах Союза было накормлено 4,9 млн раненых и 8,6 млн беженцев, в 13 санитарных поездах ВСГ было перевезено 340 тыс. раненых*.

Деятели Союзов объясняли результативность работы организаций высоким потенциалом российской общественности, имевшимся у нее организационным талантом и умением применять его в широких размерах. По мнению главноуполномоченного Союза городов М. В. Челнокова, общественные организации во время войны вполне справились с добровольно взятой на себя трудной задачей**.

Взаимоотношения Союзов с правительством прошли в своем развитии несколько этапов: от сотрудничества с нотами недоверия до откровенной конфронтации. По мере того, как сфера полномочий ВЗС и ВСГ расширялась, а количество их учреждений множилось, правительство вынуждено было все больше с ними считаться. В то же время росла и настороженность по отношению к организациям цензового общества. Если на первом этапе деятельности союзов отношение к ним правительства было сочувственное, то начиная с весны 1915 г. между ними все чаще стали возникать разногласия. Между тем отношение к Союзам военного командования было несколько иным. Ставка нуждалась в практической работе Союзов, снабжала их разнообразными заказами и поручениями, заступалась за них перед МВД***.

Критические высказывания в адрес власти были обнародованы союзной общественностью весной – летом 1915 г., в период отступления из Галиции. 5 апреля и 5 июня 1915 г. Союзом городов были созваны совещания городских голов. Совещания обнажили промахи правительства и военного командования в снабжении армии (нехватка снарядов и амуниции), а также в эвакуации раненых и беженцев. Союз городов обвинил правительство в «незаслуженном недоверии», которое он, а также Земский союз встречали в Петрограде при «желании расширить свою деятельность для помощи армии и ограждения страны от заноса заразных болезней». Речь шла о промедлениях, а также отказах в ассигновании Союзам средств для работы на фронте и в тылу****.

На экономическом совещании, созванном Союзом городов на исходе первого года войны, 11–13 июля 1915 г., нарекания в адрес правительства усилились. В принятой совещанием резолюции впервые было заявлено требование создания правительства из лиц, пользующихся доверием страны. По словам

* ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 16. Л. 35.

** Из выступления главноуполномоченного Союза городов М. В. Челнокова в 1916 г. // *Астров Н. И.* Указ. соч. С. 321.

*** Власть и реформы... С. 562.

**** ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 16. Л. 36; *Астров Н. И.* Указ. соч. С. 340.

организатора совещания Н. И. Астрова, то было «предупреждение и предостережение», тогда как общий тон выступлений, как и резолюция большинства, высказавшаяся за «единение всех сил страны» в работе по защите государства, были еще «чрезвычайно умеренными»^{*}.

В начале осени 1915 г., после объединения представителей ряда фракций Государственной думы и Государственного совета на платформе либеральных реформ в Прогрессивный блок, тон выступлений руководителей ВСГ и ВЗС стал более настойчивым. Импульс вновь был дан Москвой, где Городская дума приняла 18 августа 1915 г. постановление с требованием формирования «правительства доверия». Этот лозунг был поддержан на сентябрьских съездах Союзов 1915 г. Тем не менее общее настроение съездов в этот период продолжало оставаться мирным. Так, Съезд ВСГ отверг резолюцию меньшинства, требовавшую ответственного министерства, и продолжал призывать к установлению «внутреннего мира» и забвению политической борьбы. Оба Союза приняли на своих съездах решение об избрании делегации к Николаю II, в которую вошли кн. Г. Е. Львов, М. В. Челноков, П. П. Рябушинский и Н. И. Астров. Однако делегация не была принята царем. По словам Астрова, депутация к царю была для цензовой общественности последней попыткой «вернуть и, если можно, закрепить единение царя с народом, к которому в начале войны призывал престол и Москва». Отказ царя выслушать представителей организаций, работавших на армию, произвел, по его словам, на общественность сильное впечатление, еще более отдалив ее от власти, вокруг которой «создавалась угрожающая пустота»^{**}.

Отказ цензовой общественности в аудиенции в сентябре 1915 г. стал поворотным пунктом в переходе широких общественных кругов к оппозиции власти. На съездах ВЗС и ВСГ, созванных в марте 1916 г., действия правительства критиковались уже в резкой форме. На съезде Союза городов поведение власти признавалось безответственным, не согласующимся «с волей большинства Государственной думы и явно выраженными потребностями... страны». Действия власти были квалифицированы как намеренно возбуждавшие внутреннюю рознь и препятствующие сосредоточению общенародных усилий в доведении войны до победы. Та же риторика отмечалась на съезде Земского союза, где Львов обвинил правительство «в забвении великого дела победы и нравственного долга перед родиной», охарактеризовав истекшее после предыдущего съезда полугодие как «полугодие решительного натиска власти на общественность». На мартовских съездах Союзов 1916 г. выносились постановления об укреплении связей общественных организаций со страной, говорилось о необходимости присоединения к земским и городским силам ор-

^{*} ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 16. Л. 37; *Астров Н. И.* Указ. соч. С. 340.

^{**} ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 16. Л. 38–39; *Астров Н. И.* Указ. соч. С. 341.

ганизованной промышленности, крестьянской деревни, кооперации, рабочего труда и торговли*.

В то же время в требованиях «земцев» и «горожан» весной 1916 г. наблюдались заметные разночтения. Так, если съезд Союза городов заменил формулу «правительства доверия» на более радикальное требование «ответственного министерства», т. е. правительства, ответственного перед Государственной думой, то ВЗС этой новой формулы не принял и остался на более умеренной платформе правительства доверия. Лозунг министерства доверия был лозунгом кадетов и устраивал октябристов и националистов, не приемлющих парламентской ответственности кабинета**.

Ввиду роста критических выпадов Союзов в адрес правительства весной 1916 г. перспективы взаимодействия общественных организаций с властью становились все более призрачными. Подтверждением тому могут служить оценки деятельности Союзов, данные высокопоставленными чиновниками центрального аппарата МВД и губернаторами на совещании у министра внутренних дел Б. В. Штюрмера в мае 1916 г. Правительственные чиновники отзывались о Союзах как об организациях бесполезных и терпимых в условиях войны «во имя так или иначе налаженного дела», однако чрезмерно политизированных. Губернаторы говорили, что в Земском союзе «политика... процветает и занимаются ею не меньше, если не больше, нежели делом». Присоединение земских собраний к политическим выступлениям Союза объяснялось влиянием в них «третьего элемента». Наибольшее число приверженцев наблюдалось у Земского союза в Тульской губернии, землевладельцем которой являлся лидер ВЗС кн. Г. Е. Львов, в силу предоставляемых Союзом льгот по воинской повинности и субсидий, а также в Костромской губернии, дворянское собрание которой единогласно присоединилось к резолюции Союза о министерстве доверия. Земский союз раздражал губернаторов и нарочитой позицией его руководства, контактировавшего только с центральными учреждениями МВД. В условиях войны такое положение дел представлялось чиновникам терпимым, однако по ее окончании они предлагали немедленно закрыть ВЗС. Высказанное участниками совещания убеждение, что правительственные органы справились бы с делом, которым занимались Союзы, лучше них, если бы были наделены надлежащим личным составом и кредитами, являлось очередным доказательством недоверия правящей элиты к обществу***.

Осенью 1916 г. правительство вступило на путь открытого ограничения деятельности общественных организаций, что выразилось в сокращении заказов через ВПК, в попытках препятствовать координации действий Союзов и ВПК

* ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 16. Л. 40; *Астров Н. И.* Указ. соч. С. 342; *Абрамов В. Ф.* Указ. соч. С. 140.

** Власть и реформы... С. 564.

*** РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 1165. Л. 321 об.–323, 333–333 об.

по снабжению армии, а также контактам центральных органов этих организаций с их местными отделениями. В ноябре 1916 г. министр внутренних дел А. Д. Протопопов отклонил ходатайство Главного комитета Союза городов о созыве совещания по продовольственным вопросам, намеченного на 5–7 ноября. Отказ был аргументирован соображением несвоевременности совещания ввиду предстоящего обсуждения продовольственного вопроса законодательными учреждениями. Обращение М. В. Челнокова к председателю Совета министров Б. В. Штюрмеру не дало результата*. 4 декабря 1916 г. решением командующего войсками Московского военного округа И. И. Мрозовского, согласованного с МВД и Военным министерством, Земскому союзу и Московскому областному ВПК было воспрещено созывать съезды и собрания в Москве**.

Нажим на организации цензовой общественности осуществлялся по прямому указанию Николая II, который высказывал одобрение намерению Совета министров взять съезды Союзов и ВПК под строгий контроль***. Земский союз обвинялся в распространении «противогосударственного направления умов», а военно-промышленные комитеты – в связях с рабочими****.

Все это привело к дальнейшей конфронтации между властью и обществом. Если в марте 1916 г. Союзы обвиняли правительство в безответственности, то в октябре 1916 г. они признавали уже его действия преступными, ведущими к полному параличу власти. Общественность упрекала власть в преступной растрате людских и материальных ресурсов, в непрерывной смене высших должностных лиц («министерская чехарда»), в постоянном изменении политического курса, в зависимости от «темных и враждебных России влияний»*****.

Ответом правительства на растущую политическую активность Союзов стали очередные санкции. По словам Н. И. Астрова, то были «последние судорожные движения агонизировавшей власти». Запланированный на декабрь 1916 г. съезд Союза городов не был разрешен администрацией, а собравшиеся на частное собрание члены Союза были разогнаны полицией. На заседа-

* РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 1165. Л. 15–16; Центральный исторический архив г. Москвы (далее – ЦИАМ). Ф. 16. 1915 г. Оп. 152. Д. 6. Л. 74, 105.

** ЦИАМ. Ф. 16. 1915 г. Оп. 152. Д. 6. Л. 84, 86; ГА РФ. Ф. 102. 00. 1916 г. Д. 343. Л. 4.

*** Так, на Особом журнале Совета министров, содержащем предложения по ужесточению порядка созыва собраний союзных организаций и ВПК, имелась пометка императора, датированная 27 июня 1916 г.: «Одобряю и требую, чтобы намеченные здесь мероприятия не остались мертвой буквой»; ГА РФ. Ф. 102. 00. 1916 г. Д. 104. Т. 1. Л. 215.

**** Власть и реформы... С. 566–567.

***** Такие упреки были высказаны в письмах главноуполномоченного ВЗС Г. Е. Львова и лидеров ВСГ председателю Государственной думы М. В. Родзянко в октябре 1916 г.: ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 16. Л. 40; Астров Н. И. Указ. соч. С. 342.

ния Главного комитета ВСГ стали являться представители градоначальства. Заседания местных комитетов ВСГ прерывались чиновниками местных администраций. Союзы были обвинены в расточительстве и создании хозяйственной разрухи. Правительство сократило их представительство в Особых совещаниях и начало принимать меры по сужению их деятельности на фронте и в тылу. Фронтные комитеты Союзов были взяты под наблюдение разведывательными отделами армии. В январе 1917 г. была арестована рабочая группа Центрального военно-промышленного комитета, руководители которого были убежденными сторонниками революционных действий^{*}.

Подводя итоги работы Земского союза, покрывшего сетью организаций все фронты и всю «внутреннюю» империю, кн. Г. Е. Львов на собрании уполномоченных губернских земств 9 декабря 1916 г. говорил: «Мы исполняли наш долг; все, что не одолевал сделать старый аппарат государственной власти, делали мы – общественные силы. Но в этом все возрастающем росте горячей общественной работы на мировом пожаре, в этой организованной общественности власть видела и видит не... спасительное явление, а личную себе гибель, гибель старому строю управления... Страна жаждет полного обновления и перемены самого духа власти и приемов управления... В такие роковые минуты нечего искать, на кого возложить ответственность, а надо принимать ее на самих себя». Свое выступление Львов закончил словами: «Оставьте дальнейшие попытки наладить совместную работу с настоящей властью. Они обречены на неуспех... Не предавайтесь иллюзиям. Отвернитесь от призраков». Правительство Львов аттестовал как «злейшего врага России и престола, приведшего... к пропасти»^{**}. Это был уже полный и окончательный разрыв с властью.

* * *

История Союзов времени Первой мировой войны характеризует путь, который прошла российская общественность в своем отношении к власти: от единения с ней в 1914 г., критики отдельных ее промахов и предостережения от ошибок в 1915 г. к борьбе в ответ на попытки устранения общественных сил из сферы публичной жизни в 1916 г. Сотрудничество с властью и противостояние ей были тесно взаимосвязаны: то и другое, как справедливо заметил Н. И. Астров, осуществлялось во имя достижения «главной и покрывающей все цели, ради доведения войны до благополучного конца»^{***}.

^{*} ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 16. Л. 41; *Астров Н. И.* Указ. соч. С. 342; *Абрамов В. Ф.* Указ. соч. С. 141–142; *Куликов С. В.* Центральный военно-промышленный комитет накануне и в ходе Февральской революции 1917 года... С. 69.

^{**} Речь главноуполномоченного кн. Г. Е. Львова // Доклад Главного комитета Всероссийского земского союза Собранию уполномоченных губернских земств 9 декабря 1916 г. С. 2–3, 5.

^{***} ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 16. Л. 42.

2. Мобилизация под эгидой добровольных обществ

Видную роль в мобилизации российской общественности в период войны играли общества «частной инициативы» – добровольные ассоциации, деятельность которых была нацелена на снабжение армии, помощь пострадавшим от военных действий, подготовку новобранцев, сохранение ресурсов тыла, преодоление кризиса и дороговизны. В мобилизации ресурсов публичной сферы на нужды войны ключевой фигурой являлись профессионалы: ученые, статистики, артисты, торговые служащие и др. Представлявшие их интересы ассоциации консолидировали свои усилия на организации публичной поддержки русской армии и жертв войны.

Деятельным участником подобных мероприятий была театральная интеллигенция, отличавшаяся массовостью, сплоченностью, наличием сильных корпоративных организаций. Под эгидой московской организации театральных артистов – союза «Артисты Москвы – русской армии и жертвам войны» – устраивались кружечные сборы «На табак – солдату». Первый сбор был организован в январе 1915 г. Готовился он комитетом союза и тремя комиссиями: фургонной, разделившей Москву на районы, организовавшей сборщиков и фуры; редакционной, составлявшей воззвания к москвичам и контактировавшей с органами печати, концертной, курировавшей культурную работу.

Участники сбора на подводах, оснащенных флагом и трубой (трубили, чтобы привлечь к себе внимание), объезжали районы Москвы. Останавливались у каждого дома, артисты обходили квартиры и торговые помещения. Москвичи жертвовали табак, папиросы, сахар, мыло, деньги. Артисты обещали собственноручно отвезти подарки на фронт, и не было опасений, что что-то потеряется. От сбора было получено 87 тыс. руб. деньгами, 13 тыс. фунтов табака, 4 тыс. коробок спичек, 1,5 тыс. папирос и т. п. В феврале 1915 г. артистический союз Москвы устроил сбор на покупку для солдат белья, обуви и мыла к празднику Пасхи. Эти акции московской театральной общественности с энтузиазмом были встречены на фронте, о чем свидетельствовали многочисленные благодарственные письма солдат, поступавшие в Союз*.

Устроителями благотворительных акций помощи фронту являлись также общества торговых служащих. В ноябре 1915 г. в рамках «дня торговых служащих», в организации которого участвовали пятнадцать организаций торговых служащих Москвы, собирались средства на нужды армии и жертв войны. Почти все служащие банков и торгово-промышленных фирм перечислили свой однодневный заработок, в крупных фирмах Китай-города было собрано около 20 тыс. руб. Кружечный сбор вместе с поступившими пожертвованиями

* *Кутцова И. В.* Художественная жизнь Москвы и Петрограда в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 г.). СПб., 2004. С. 75–77.

дал 80 тыс. руб. Они были направлены на нужды солдат на передовой и в фонд обществ помощи жертвам войны*.

Сбор пожертвований сопровождался культурными мероприятиями, докладами известных общественных деятелей Москвы. Так, своими впечатлениями о посещениях передовых позиций на фронте поделился член ЦК кадетской партии В. А. Маклаков. «Теперь всякий из нас, – говорил Маклаков, – так или иначе участвует в войне. Настанет время, когда страна каждого из нас спросит: “А ты что сделал для войны?” И давать ответ на это придется всем – и власть имеющим, и власть критикующим**». Активная просветительская деятельность торговых служащих Москвы и выражавшего их интересы Общества взаимопомощи, насчитывавшего 1,4 тыс. членов, пришлась не по душе московским властям, которые в декабре 1915 г. приняли решение о закрытии этого общества***.

Определенный вклад в поддержку действующей армии внесли российские общества покровительства животным, устраивавшие сборы пожертвований на противогазы и медикаменты для армейских лошадей и санитарных собак****. Общества поощрения санитарных собак готовили специальные отряды санитарных собак, которые использовались в действующей армии. Императорское российское пожарное общество устраивало в Петрограде и Петроградской губернии сборы на усиление военно-санитарной работы под названием «Пожарные – солдатам». На собранные средства были образованы три военно-санитарных поезда и открыт ряд лазаретов*****.

Важную роль сыграла российская общественность в деле организации допризывной подготовки новобранцев. Их подготовка осуществлялась в рамках кампании «мобилизации спорта», инициированной правительством и поддержанной Николаем II в ноябре 1915 г. Ресурсы спортивных организаций (а их насчитывалось около шестисот) активно использовались государством. По инициативе главнонаблюдающего за физическим развитием народонаселения Российской империи генерал-майора В. Н. Воейкова на базе существующих спортивных и гимнастических обществ создавались военно-спортивные комитеты. Они были призваны прививать призывникам навыки общефизической подготовки, хождения на лыжах, стрельбы из винтовки военного образца, езды верхом и др. За каждого успешно сдавшего экзамен по курсу обучения призывника государство выплачивало обществам по 20 руб., а за получившего

* Русское слово. 1915. 4, 6 и 7 ноября.

** Там же. 5 ноября.

*** Русские ведомости. 1915. 8–9 декабря.

**** Русское слово. 1916. 10 ноября.

***** «Пожарные солдатам» // Русское слово. 1915. 17 марта.

статус инструктора – 50 руб. Лица, прошедшие курс допризывной подготовки, пользовались льготами на военной службе*.

Помимо материально-организационной поддержки действующей армии, общественностью инициировались акции, нацеленные на экономию ресурсов тыла. Так, деятели союза «Артисты Москвы – русской армии и жертвам войны» в апреле 1916 г. выступили с предложением об учреждении «Лиги бережливости»**. Общественники опередили правительство, издавшее в октябре 1916 г. постановление об ограничении ввоза в Россию предметов роскоши. В перечне предметов роскоши, наряду с золотыми и серебряными изделиями, драгоценными и полудрагоценными камнями, значились косметика и благовония, перчатки и шелковые материи, бархат, плюш, кружева, белье, готовые платья, дамские шляпки, зонтики, трости и др.***

Со вступлением в войну общественность столкнулась с таким явлением, как дезорганизация экономической жизни. Важную роль сыграли научные общества, занимавшиеся изучением экономических вопросов. Общество имени А. И. Чупрова для разработки общественных наук при Московском университете с функционировавшим при нем статистическим отделением, используя богатый научный и практический опыт своих членов, подошло к изучению проблемы комплексно, начав с исследования экономических последствий введения «сухого закона». Член Общества А. К. Витт, политехник и экономист, управлявший делами Общества хлопчатобумажных фабрикантов Московского района, исследовал данную проблему на примере ткацкой промышленности Центрального района России. В проведенной Виттом анкете были использованы материалы одиннадцати прядильных фабрик с более чем 50 тыс. рабочими. Результаты исследования были представлены в годовом заседании Чупровского общества 24 февраля 1915 г. Они показали, что хотя на предприятиях прядильно-ткацкой промышленности с началом войны число мужчин сократилось, трезвый образ жизни способствовал повышению производительности труда****.

С весны 1915 г. Общество имени А. И. Чупрова приступило к изучению проблем, связанных со стремительным ростом цен. Совет Общества обратил-

* РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1915 г. Д. 49. Л. 27, 28, 64; Особый журнал Совета министров 20 ноября 1915 года по проекту положения о мобилизации спорта // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1915 год. М., 2008. С. 549–550; Хмельницкая И. Б. Спортивные общества и досуг в столичном городе начала XX века: Петербург и Москва. М., 2011. С. 79.

** Русские ведомости. 1916. 26–27 апреля.

*** Особый журнал Совета министров 13 сентября и 4 октября 1916 г. об ограничении ввоза в Россию предметов роскоши // Особые журналы Совета министров Российской империи... 1915 год. С. 474.

**** Годичное собрание Чупровского общества // Русские ведомости. 1915. 25 февраля.

ся с предложением обсудить перспективы изучения этой проблемы к ВЗС и ВСГ, к исполнительным органам московского губернского и уездного земства, а также к ряду обществ: Московскому обществу сельского хозяйства, Московскому отделению Русского технического общества, Обществу помощи жертвам войны и др. Была составлена предварительная программа действий, включавшая регистрацию явлений, обусловливавших дороговизну, научное их освещение, а также научную экспертизу мер борьбы с ней. Исследование планировалось осуществлять комплексно, с учетом факторов, ее сопровождавших: объемы производства продуктов потребления, условия их транспортных перевозок, состояние торговых и банковских операций, денежного обращения, посевных площадей и др. Вследствие разнообразия проявлений дороговизны в различных районах империи было решено изучать ее повсеместно, уделяя внимание обеим столицам как крупным потребительским центрам. Планировалось привлечь к этому делу специалистов разных областей экономического знания. Организация работ была возложена на президиум в составе председателя А. А. Мануйлова, товарища председателя С. Н. Прокоповича, членов П. П. Маслова и С. В. Сперанского. Под эгидой Общества имени А. И. Чупрова и при участии представителей ряда научных и технических организаций была создана специальная Комиссия по изучению дороговизны*.

Задачи Общества имени А. И. Чупрова в области борьбы с дороговизной были определены на совещаниях статистиков, проходивших в Москве с 25 по 29 марта 1915 г. По данным Московского охранного отделения, в них приняло участие 150–200 статистиков, представлявших практически все земства империи. В работах совещаний участвовали Н. И. Астров, В. Г. Громан, А. В. Чайнов, А. А. Мануйлов, С. Н. Прокопович, Н. А. Сваицкий и другие видные экономисты и статистики**.

В ходе московских совещаний Н. И. Астров признал мероприятия городов по борьбе с дороговизной бессистемными и предложил статистикам-чупровцам не только выяснить вопросы, с которыми ВСГ надлежало обратиться к городам, чтобы помочь им выработать конкретные меры по устранению дороговизны. Создаваемые организации по исследованию дороговизны были призваны положить начало постоянной связи земств и городов, которую, как и сами Союзы, планировалось сохранить и после окончания войны. Исследования причин дороговизны и мероприятий по борьбе с ней решено было проводить силами ВЗС, ВСГ и научных обществ. В докладе А. А. Мануйлова была обоснована разработанная при участии чупровцев программа исследований дороговизны. Она была разбита на три блока вопросов, связанных с изучением проявлений дороговизны, ее причин и следствий, практических мер борьбы с ней. Мануйлов отмечал, что, хотя дороговизна представляет исключительный

* Выработка общего плана работ по изучению современной дороговизны. М., 1915. С. 3–5, 8.

** ГА РФ. Ф. 102. 00. 1915. Д. 104. Л. 43–50 об.

научный интерес, ее крайняя острота отодвигает теоретические вопросы на задний план и требует скорейшего практического рассмотрения*.

На мартовских совещаниях при Обществе имени А. И. Чупрова обсуждалось также влияние войны на состояние крестьянского хозяйства. Была учреждена комиссия по анкетированию населения о размерах посевных площадей, состоянию скотоводства, объемах урожая по отдельным губерниям и империи в целом. К сбору сведений приглашались земские статистические бюро**.

Призывы статистиков к консолидации общественности на решение экономических вопросов вызвали раздражение правительства. Начальник Московского охранного отделения доносил в Департамент полиции, что «об истинном идейном основании совещания» позволяли судить речи С. Н. Прокоповича, В. Г. Громана и С. С. Жилкина на прощальном обеде участников 29 марта 1915 г. Они касались необходимости улучшения положения земских тружеников: объединения работ по земской статистике, проектирования общеимперской пенсионной кассы для земцев. Преступный мотив усматривал начальник московской «охранки» и в резолюциях совещаний о необходимости объединения усилий земских статистиков в изучении дороговизны, урожаев, влияния войны на крестьянское хозяйство. Объединяя силы земских служащих, статистики и экономисты, по словам полицейского чиновника, работали на подготовку аграрной революции, способствовали устранению разногласий в земельном вопросе между народниками и марксистами. Действия чупровцев, по мнению правительства, были откровенной демонстрацией «бессилия официальной статистики и мероприятий официальных сфер» и доказательством значимости их оппонентов – Городского и Земского союзов как в вопросах помощи раненым и увечным воинам, так и в сфере разрешения «общественных задач»***.

Ревность официальных структур к действиям общественников обуславливалась осознанием ими большого значения произведенных последними статистических работ. Статистики из Чупровского общества получили весной 1915 г. общественное признание важности своих исследований, показывавших масштабы кризиса****. Вопрос о мерах борьбы с дороговизной занял центральное место в работе Особого совещания по продовольствию и его комиссий, причем решался он в направлении, на котором настаивали представители обоих Союзов и ряда научных обществ (организация перевозок по «разрешитель-

* Выработка общего плана работ по изучению современной дороговизны. С. 6–13; Совещание статистиков при Чупровском обществе // Русское слово. 1915. 29 марта.

** ГА РФ. Ф. 102. 00. 1915. Д. 104. Л. 43 об.–44; Русские ведомости. 1915. 27 марта.

*** ГА РФ. Ф. 102. 00. 1915. Д. 104. Л. 51–52.

**** Тропов И. А. К вопросу о восприятии власти российской интеллигенцией накануне и в годы Первой мировой войны // Первая мировая война: история и психология: Мат-лы росс. науч. конф. / Ред. В. И. Старцев и др. СПб., 1999. С. 87.

ному принципу», установление твердых оптовых и розничных цен и такс и т. д.)^{*}.

В 1916 г. помыслы статистиков-общественников были сосредоточены на идее создания в России единого органа для проведения статистических работ, ввиду подготовки к общеимперской сельскохозяйственной переписи, призванной выяснить общероссийские запасы продуктов питания. Планировалось создание общеимперского органа в составе представителей правительственных, муниципальных учреждений и общественных организаций при непосредственном участии ученых – экономистов и статистиков^{**}.

Инициативы власти и объединенной в добровольные организации общественности военного времени в целом ряде областей совпадали и дополняли друг друга. Такими сферами были снабжение действующей армии, помощь жертвам войны и членам их семей, подготовка новобранцев, борьба с последствиями экономического кризиса и дороговизной. Наблюдались факты консолидации усилий правительственных чиновников, деятелей земского и городского самоуправления и добровольных обществ. В то же время действия общественников, выходящие за рамки филантропии в сферу политической жизни, властью пресекались.

* * *

Война сформировала новые горизонты для развития российской публичной сферы. Она создала институциональные рамки для укрепления личных связей между общественными деятелями, работавшими в ВЗС и ВСГ, в добровольных обществах и в Особых совещаниях по обороне и сельскому хозяйству. Участие в совместной деятельности по мобилизации ресурсов упрочивало горизонтальные связи внутри организаций, помогавших фронту и тылу, порождало взаимодействие между организациями публичной сферы и государственными учреждениями.

Общественные организации воздействовали на ход мобилизационной кампании, дополняя действия государственных структур, а в целом ряде случаев даже предвосхищая их. Служа потребностям войны и решая вопросы государственного значения, они помогали правительственной власти и ожидали признания своих заслуг. Между тем сплотившаяся вокруг власти общественность была не просто пассивным участником мобилизации. Она занимала в ней активную позицию, пристально следила за действиями власти, судила о ее проблемах и неудачах, включилась в критику экономической и оборонной политики, стала высказывать пожелания о либерализации политического строя.

^{*} Шевырин В. М. Указ. соч. С. 70–71.

^{**} Тропов И. А. Указ. соч. С. 88; Общество имени А. И. Чупрова. Комиссия по изучению современной дороговизны // *Агрономический журнал*. Издание Харьковского общества сельского хозяйства. Вып. 5 (1915). С. 130; ГА РФ. Ф. 102. 00. 1915. Д. 104. Л. 49.

Выход общественников за рамки практических мероприятий в сферу оценки правительственных действий по обеспечению фронта и содержанию тыла пресекался. Таким образом, общество поддерживало власть и в то же время ослабляло ее своим растущим авторитетом и инициативой.

Важнейшее противоречие в развитии российского общества в годы войны состояло в том, что его мобилизация на участие в войне была изначально нацелена на поддержку правительства и проходила под патриотическими лозунгами, но в конечном итоге она обернулась против власти, вылилась в политический кризис 1917 г. Общественные организации и их лидеры эволюционировали от реализации конкретных социальных проектов к требованиям правительства доверия и ответственного министерства.

Большая доля ответственности за радикализацию общества лежала на власти. Пытаясь мобилизовать общественность на решение задач военного времени, правительство не учитывало изменения ее умонастроений, не принимало во внимание ее потребности. Стремясь к мобилизации при общественном участии, власть продолжала рассматривать общественные организации не как своего союзника в период войны, но как конкурента. Она была готова приостановить даже авторитетное и эффективное с точки зрения текущих задач начинание в случае малейшего подозрения в его нелояльности. Такая политика вела к разочарованию властью в общественной среде и, как следствие, к политизации общественности.

Глава 3. ФИЛАНТРОПИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ ОБЩЕСТВА (Г. Н. Ульянова)

В годы Первой мировой войны перед благотворительным движением встали проблемы организации госпиталей на фронте и в тылу, медицинских складов, подготовки медицинских кадров и переброски их на фронт. Волна беженцев, количество которых по экспертным оценкам составило от 6 до 7 млн человек*, стала огромной нагрузкой на население тыловых губерний. Власть не препятствовала филантропическому движению в помощь жертвам войны, тем более что в числе руководителей ведущих благотворительных институций были представители царской семьи, привлечшие к руководству филантропическими комитетами многих высших сановников. За три с половиной года войны помощь раненым и беженцам приняла всенародный характер.

В 1914–1917 гг. помощью раненым фронтовикам, семьям воинов, беженцам занимались как уже существовавшие благотворительные ведомства и общества – Российское общество Красного Креста, Императорское Человеколюбивое общество, так и вновь созданные – ВЗС и ВСГ, о которых шла речь выше, Комитеты по оказанию помощи семьям лиц, призванных на войну (например, великой княгини Елисаветы Федоровны, великой княжны Ольги Николаевны), Комитет великой княжны Татианы Николаевны по оказанию помощи беженцам.

В годы Первой мировой войны напряжение сил народа было столь велико, что наряду с работой, осуществляемой на пожертвования, огромные средства в помощь жертвам войны выделялись из казны**. Но сами государственные институции могли обратить эти средства в госпитали, детские приюты, бесплат-

* Британский историк П. Гэтрелл, являющийся наиболее авторитетным специалистом по проблеме, пишет: «По осторожным подсчетам, сделанным на основе регистрации, общее число беженцев к началу 1917 г. превышало шесть миллионов человек... Беженцы, таким образом, составляли приблизительно 5 % от всего населения Российской империи накануне ее распада». См.: *Гэтрелл П. Беженцы в России в годы Первой мировой войны // Исторические записки. М., 2001. № 4(122) С. 46–47.*

** См.: *Куликов С. В. Финансовые аспекты деятельности Российских благотворительных организаций военного времени (июль 1914 – февраль 1917 г.) // Благотворительность в истории России. Новые документы и исследования / Под ред. Л. А. Булгаковой. СПб., 2008. С. 369–396.*

ные столовые, мастерские трудовой помощи только с помощью общественных организаций, органов местного управления. Значительная часть деятельности по устройству благотворительных заведений в военное время осуществлялась личным бесплатным трудом общественности – в этом смысле мы относим к сфере благотворительности и те заведения, которые частично финансировались из земского и муниципального бюджетов с известной долей средств, поступивших в местные бюджеты из казны.

1. Благотворительность и высшие сферы

Согласно именному Высочайшему указу императора Николая II от 11 августа 1914 г. «Об образовании Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов»*, в стране был создан верховный орган для помощи семьям фронтовиков. Его возглавляла императрица Александра Федоровна. Вице-председательницами Верховного совета стали вел. княгиня Елизавета Федоровна и вел. княжна Ольга Николаевна, соответственно возглавившие помощь в Москве и Петрограде.

Совет стал временным органом для координации в начальный период войны работы по «объединению правительственной, общественной и частной деятельности по призрению семей воинов»**. То, что участие общественных сил и привлечение благотворительных денег признавалось важным, показывал высокий статус лиц, включенных в Совет. Среди них были председатель Совета министров, член Государственного совета И. Л. Горемыкин, а также председатель и два члена Государственного совета (по избранию императрицы), председатель и два члена Государственной думы (по избранию императрицы), министры внутренних дел, финансов, путей сообщения, главноуправляющий землеустройством и земледелием, государственный контролер, секретарь императрицы Александры Федоровны, председатели Алексеевского главного комитета, Романовского комитета и главного управления Российского общества Красного Креста, вице-председатель комитета Попечительства о трудовой помощи, главноуполномоченные Всероссийских Земского и Городского союзов***.

* Полное собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1914. № 224. Ст. 2239.

** Там же.

*** См.: Именной Высочайший указ «Об образовании Верховного Совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов» // Призрение и благотворительность в России. 1914. № 6–7. С. 823–824; Именной Высочайший указ Правительствующему Сенату (10 января 1915 г.) // Призрение и благотворительность. 1915. № 1–2. С. 123–124; *Югель С. К.* Верховный Совет и Комитет с отделениями по призрению семей лиц, призванных на войну, а также ра-

Первое заседание Совета, на котором председательствовала императрица Александра Федоровна, состоялось 18 августа 1914 г. Первоочередными задачами были признаны установление нормы пособий, выяснение круга лиц, которым надо помогать, включая внебрачные семьи, упорядочение пожертвований на нужды воинов. Было также признано желательным расширить действие закона 25 июля 1912 г. «О призрении низших воинских чинов и их семейств». Как известно, этот закон провозглашал обязанностью государства обеспечение семей воинов, прежде всего вдов и сирот, а также ветеранов, утративших полностью или частично трудоспособность^{*}.

29 августа 1914 г. был издан указ Правительствующему Сенату «О порядке приведения в действие закона 25 июня 1912 г. в части, касающейся призрения семейств нижних чинов, призванных на действительную военную службу»^{**}. В нем отмечалось, что наряду с правительственными учреждениями надо привлечь земские и городские органы «к благому делу обеспечения семейств запасных воинских чинов и ратников ополчения». Следовало на местном уровне организовать городские и уездные попечительства с участием представителей губернских и городских управ, предводителей дворянства, гласных городских дум, церковно-приходских попечительств, для учета нуждавшихся и выдачи им пенсий, казенных «пайков» (т. е. денежных пособий) из средств казны.

Во исполнение закона в годы войны пособия получили около 10 млн человек из солдатских семей, при этом ежемесячно отпускалось из казны 40 млн руб.^{***} Однако пенсии были небольшими (инвалиду войны при полной утрате трудоспособности 216 руб. в год, вдове от 48 до 84 руб. в год), а в условиях быстрой инфляции покупательная способность денег падала и не обеспечивала даже минимальные жизненные потребности^{****}.

Верховным советом также был поставлен вопрос о выдаче из казны 1 млн руб. на пособия семьям и об организации по всей стране сбора пожертвований. Воззвание о сборе пожертвований гласило: «Русские воины, подвигающиеся на поле брани, не должны тревожиться за судьбу оставшихся дома детей и жен своих. Заботу о них возьмут на себя те, кто не призваны на войну»^{*****}. Любой

ных и павших воинов // Призрение и благотворительность в России. 1914. № 6–7. С. 597–609.

* Подробный анализ правовой базы содержится в работе: *Грицаева А. Н.* Благотворительность в России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.): опыт помощи пострадавшим от военных действий: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2008.

** Полное собрание узаконений и распоряжений Правительства. 1914. № 247. Ст. 2345.

*** Известия Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. 1915. Вып. 9. С. 37.

**** Призрение и благотворительность в России. 1914. № 6–7. С. 752, 760, 768.

***** *Югель С. К.* Указ. соч. С. 609.

человек мог передать пожертвования через конторы Государственного банка и казначейства в своей местности.

В последующий период заседания Верховного совета проходили ежемесячно. Патронат царской семьи обеспечивал быстрое принятие решений по большинству вопросов. Верховный совет отмечал, что главными благотворительными институциями помощи семьям воинов являются «приходские попечительства, городские и земские учреждения, благотворительные общества и отдельные лица»^{*}. Деятельность Совета заключалась в объединении этих сил, чтобы «святое дело призрения семей воинов творилось повсюду без промедления, равномерно и справедливо».

Важную роль в деле благотворительности сыграл патронат правящей династии над многими филантропическими акциями и отдельными учреждениями^{**}. В годы войны члены императорской семьи неумолимо участвовали в филантропии, предоставляя свои дворцы под склады вещей для фронта, финансируя и снаряжая санитарные поезда и передвижные госпитали. В благотворительной деятельности царской семьи в годы Первой мировой войны тон задавала мать-императрица Мария Федоровна, которая руководила Российским обществом Красного Креста (в 1877–1917 гг.) и Ведомством учреждений императрицы Марии (в 1880–1917 гг.).

Под эгидой Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов действовало несколько комитетов, возглавляемых членами императорского дома. Наибольший вес имели Елисаветинский, Ольгинский и Татианинский (Татьянинский) комитеты.

«Комитет великой княгини Елисаветы Федоровны по оказанию помощи семьям призванных» начал свои действия сразу после издания «Положения 11 августа 1914 г.» За первый год войны – с 11 августа 1914 г. по 11 августа 1915 г. – Комитету поступили частные пожертвования на сумму 376,2 тыс. руб. Наряду с пожертвованиями, бюджет Комитета был сформирован из субсидий от государственных фондов – в частности, 1522 тыс. руб. от Верховного совета по призрению лиц, призванных на войну; 623 тыс. руб. от московского интендантского управления в счет работы за пошив белья для армии^{***}.

^{*} Там же. С. 610.

^{**} См.: *Матвеева Н. М.* Благотворительность и императорская семья в годы Первой мировой войны: Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2000; *Сенина М. А.* Благотворительность власти и общества: деятельность великих князей Романовых в Петрограде и на фронте: июль 1914 – февраль 1917 г.: Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2010.

^{***} Подсчитано по изд.: Ведомость о движении денежных сумм Комитета Ее Императорского Высочества великой княгини Елисаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну. За время с начала деятельности комитета по 11 августа 1915 г. // Известия Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. 1915. Вып. 9. Декабрь. С. 92–95.

Из бюджета Комитета, составившего в первый год действий 3,2 млн руб., около трети (1,1 млн руб.) было передано местным комитетам для помощи семьям призванных на фронт и ратников ополчения в провинции, столько же потрачено в Москве и губернии – основном районе действий Елисаветинского комитета, в том числе 840 тыс. руб. на создание швейных мастерских, 165 тыс. руб. на наем дешевых квартир и квартирные пособия, 50 тыс. руб. на приюты и ясли для детей, 7 тыс. руб. на дешевые и бесплатные столовые*. Но эти траты предназначались не только для московских уроженцев – Москва была ключевым перевалочным и распределительным пунктом для раненых и беженцев, прибывавших в первопрестольную столицу со всей страны.

Поскольку до войны Комитет осуществлял заботу о детях, то прежде всего под его эгидой был создан разборный пункт для бездомных детей (полусирот без матери, чьи отцы ушли на войну). На разборном пункте, находившемся в Москве, в Спасоглинищевском переулке, с детьми занимались сестры из Марфо-Мариинской обители сестер милосердия. Уже в августе 1914 г. в Москве было открыто два Марфинских приюта для детей из семей вдовцов – на 300 человек (в возрасте от 2 до 13 лет) в Останкине под патронатом Богоявленского монастыря и на 50 человек младенцев (в возрасте от 6 недель до 2 лет) на Ордынке, в доме, предоставленном благотворительницей, женой купца Т. С. Ижболдиной**. Позже было открыто еще несколько приютов.

Важнейшим направлением стало обеспечение заработком жен воинов. Швейные работы раздавались на дом, а также шли в устроенных мастерских. Одна из мастерских была организована в доме московского генерал-губернатора на Тверской, и там же был ясельный приют, где матери могли оставить детей, пока работали. Комитет получил заказ на 4 млн штук белья от Московского склада Красного Креста и окружного интендантского управления. За пять месяцев, с августа по декабрь 1914 г., Елисаветинскому комитету удалось обеспечить работой 3338 женщин, сшивших более 1,1 млн штук белья***. 90 % швей работали на дому и 10 % в мастерских; им было выплачено в виде заработной платы 81,5 тыс. руб., в среднем 24 руб. 40 коп. каждой (что равнялось казенному продовольственному пособию, составлявшему 4 руб. в мес.).

* Известия Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. 1915. Вып. 9. Декабрь. С. 94–95.

** Деятельность Комитета великой княгини Елисаветы Федоровны по оказанию помощи семьям призванных, с начала войны по 1 января 1915 года // Призрение и благотворительность в России. 1915. № 1–2. С. 9. Подробно деятельность Елисаветинского комитета освещена в книге: *Макимова Л. Б.* Вклад великой княгини Елисаветы Федоровны в благотворительное движение России (конца XIX – начала XX в.). М., 1998.

*** Деятельность Комитета великой княгини Елисаветы Федоровны по оказанию помощи семьям призванных, с начала войны по 1 января 1915 года. С. 10.

В адрес Комитета поступал большой объем частных пожертвований. Среди жертвователей, передавших деньги Елисаветинскому комитету в августе 1914 г., были московские предприниматели: В. А. Морозова (15 тыс. руб.), М. Н. Бардыгин (25 тыс. руб.), Сергей Т. Морозов (10 тыс. руб.). К маю 1915 г. в местные кассы комитета поступили пожертвования на помощь семьям запасных – 2,8 млн руб., на помощь увечным и их семьям – 80 тыс. руб., без указания назначения – 853 тыс. руб., на детские приюты – 136 тыс. руб., на содержание дешевого жилья – 151 тыс. руб.*

В ноябре 1915 г. под патронатом вел. кн. Елисаветы Федоровны был создан также «Комитет по снабжению искусственными конечностями, протезами и механическими приспособлениями увечных воинов и неимущих людей»**. В Комитет вошли представители Российского общества Красного Креста, московского дворянства и биржевого купечества, епархиального начальства, московского муниципального и земского управления.

В Петрограде с 20 августа 1914 г. действовал Особый Петроградский Комитет вел. княжны Ольги Николаевны по оказанию помощи семьям лиц, призванных на войну. Он работал в тесном контакте с городскими и земскими попечительствами о бедных, создавая как новые заведения, так и поддерживая уже существовавшие. Главное место в его деятельности с самого начала заняла трудовая помощь – обеспечение швейным трудом жен призванных в армию воинов. Поскольку интендантство, Красный Крест и Военное ведомство нуждались в большом объеме белья, то Комитетом был создан Центральный склад-мастерская для распределения и приема работ по шитью***. Работу получали 3,5 тыс. женщин, большинство из которых оставляли заявления о желании получить работу в участковых попечительствах о бедных. Комитету был дан заказ от Интендантства на пошив 1 млн штук белья. За пошив пары белья (рубашки и кальсон) швеи получали по 23,5 коп. Под эгидой центрального склада были организованы мастерские в Ораниенбауме, Петергофе, Шлиссельбурге, Ямбурге, Нарве. Комитетом было получено и передано в мастерские 180 швейных машин, ранее полученных в качестве дара от Российского общества Красного Креста и компании «Зингер».

В январе 1915 г. Комитетом был открыт также Трудовой дом в Петрограде с раздаточным отделом и швейными машинами. Заведение было открыто в районе между Лиговским проспектом и Обводным каналом, заселенном бедным населением, зачастую не имевшем других средств к пропитанию, кроме

* Известия Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. 1914. Вып 1. Ноябрь. С. 89–90; 1915. Вып. 9. Декабрь. С. 147.

** Собрание узаконений. 1915. 2 ноября. Отд. I. № 357. Ст. 2696.

*** Особый Петроградский Комитет Ее Императорского Высочества великой княжны Ольги Николаевны по оказанию помощи семьям лиц, призванных на войну // Призрение и благотворительность в России. 1915. № 1–2. С. 13.

казенного пособия. Наряду со швейной была открыта картонажная мастерская после получения от Военного ведомства заказа на изготовление 2 млн пачек для патронов. При Трудовом доме, где 24 комнаты были отведены под мастерские, были устроены ясли и детский сад для детей от года до 10 лет, чтобы женщины могли бесплатно оставить детей на время работы. Работала и дешевая столовая, где кормились женщины и дети.

Для слабых и рахитичных детей из семей воинов под эгидой Комитета Ольги Николаевны был создан санаторий в Териоках, куда были взяты из семей дети-инвалиды. Здесь 45 детей получали лечение и усиленное питание. Это позволяло их матерям отправляться на заработки. Помещение для санатория было бесплатно предоставлено благотворителем А. П. Гронмейером. В сотрудничестве с Воскресенско-Покровской пустыней (монастырем в 180 км от Петрограда) Комитет устроил приют для детей из семей, где отцы, ушедшие на фронт, воспитывали детей без матерей. Был создан детский сад на 25–30 детей в Петрограде, детям фронтовиков были предоставлены места в других детских учреждениях: 100 вакансий в яслях Плотниковой, 15 мест в Царскосельском приюте княгини А. А. Голицыной, 10 мест – в детском саду Общества доставления дешевых квартир*.

Комитет снабжал беднейшие семьи одеждой и обувью, в том числе со склада в Царском Селе. Вещи приобретались на пожертвования от частных лиц. Использованы были и средства от церковного сбора в церквях Петрограда в пользу Комитета (примерно 1–1,2 тыс. руб. в месяц). Зимой помогали также дровами. Капиталы Комитета Ольги Николаевны в значительной степени складывались из пожертвований. В частности, в 1915 г. императрицей Александрой Федоровной было передано 133 тыс. руб., 300 пудов чая, 540 пудов табака от российского консульства в Руссуке**. За август 1914 – сентябрь 1915 г. Ольгинским комитетом было рассмотрено более 30 тыс. прошений, оказана помощь 13 709 семействам в Петрограде на сумму около 2 млн руб. – деньгами и одеждой. Работа была предоставлена 19,5 тыс. женщин***.

Под председательством великой княгини Марии Павловны действовал Комитет по снабжению одеждой нижних чинов, увольняемых из всех лечебных заведений Империи. Комитетом заготавливалась теплая и меховая одежда, обувь, теплое белье. Комитет сотрудничал с Земским и Городским Союзам по вопросам изготовления одежды и связи с поставщиками****. Петроградский склад, расположенный во Владимирском дворце на Дворцовой набережной

* Призрение и благотворительность в России. 1915. № 1–2. С. 18.

** Деятельность Особого Петроградского Комитета Ее Императорского Высочества великой княжны Ольги Николаевны // Известия Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. 1915. Вып. 9. Декабрь. С. 117.

*** Там же. С. 120, 126–127.

**** Там же. С. 132–133.

(сейчас Петербургский Дом ученых) за лето 1915 г. заключил договоры на поставку 45 тыс. полушубков и 20 тыс. длинных шуб, 60 тыс. пар валенок, 60 тыс. пар кожаных сапог и 50 тыс. пар галош, 10 тыс. меховых шапок и 30 тыс. папах, 30 тыс. комплектов нижнего шерстяного нательного белья, 25 тыс. пар шерстяных перчаток*. На приеме и сортировке вещей на складе работали в качестве волонтеров представительницы многих аристократических семейств: княжна Т. А. Гагарина, О. А. Рейтерн, С. П. Дурново, М. Л. Львова и др.**

Под эгидой Романовского комитета по оказанию помощи детям воинов в январе 1916 г. состоялось в городах 63 приюта, где призревало 4402 ребенка, и в сельской местности – 380 на 13 322 детей. Романовский комитет финансировал не только подведомственные детские приюты, но также приюты других организации. Например, в 1916 г. в помощь детским приютам, преимущественно сельским, где в основном призревались дети лиц, находившихся на фронте, были переданы следующие суммы: земским – 363,4 тыс. руб., Ведомства учреждений Императрицы Марии – 469,7 тыс. руб., Ведомства православного исповедания – 285,8 тыс. руб., Попечительства о трудовой помощи – 187,3 тыс. руб., частным заведениям – 998,9 тыс. руб., всего 2 724 255 руб. Бюджет Романовского комитета складывался на 80 % из казенной субсидии и на 20 % из благотворительных пожертвований, в числе которых был церковный кружечный сбор «В помощь сиротам» во всех храмах Империи (80 тыс. руб. ежегодно)***. Многие приюты Романовского комитета имели в программах ремесленное обучение, чтобы дети-сироты, потерявшие отцов, в дальнейшем могли прожить своим трудом.

Особое место среди благотворительных институтов, находившихся под патронатом лиц императорской семьи, занимал Комитет Великой Княжны Татианы Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных действий. Комитет начал действовать 14 сентября 1914 г. и сосредоточился на помощи беженцам. Он стал координирующим органом в первый год войны до издания закона 30 августа 1915 г. «Об обеспечении нужд беженцев», по которому было создано Особое совещание по устройству беженцев. Но и после устройства Особого совещания Татианинский комитет сохранил ведущую роль в деле помощи беженцам****.

Важной работой комитета стал розыск потерявших друг друга родственников, для чего было создано Центральное всероссийское бюро по регистрации беженцев****. В 1916 г. местные отделения Комитета, зачастую возглавляемые губернаторами, составили и опубликовали списки беженцев, находившихся

* Там же. С. 141–143.

** См.: Столица и усадьба. 1915. № 30. С. 11.

*** Отчет о деятельности Романовского Комитета за 1916 г. СПб., 1917. С. 7, 17, 24.

**** Руководящие положения по устройству беженцев. Пг., 1916. С. 116.

***** Журнал заседаний Особого Комитета Ея Высочества Великой Княжны Татианы Николаевны по регистрации беженцев. Сентябрь 1915. СПб., 1915. С. 2–8.

ся на подведомственных территориях. Основной целью регистрации было стремление местной власти определить половозрастной состав беженцев, их трудоспособность, распределение в городах и селениях – чтобы максимально трудоустроить пострадавших, а нетрудоспособным (детям, старикам, инвалидам) предоставить общественное призрение. Под эгидой Комитета находилась разветвленная сеть учреждений: губернские отделения, городские и уездные комитеты, национальные комитеты (наиболее часто – латышский, литовский, польский, еврейский, представлявшие собой основные этнические группы, проживавшие в Западных фронтовых губерниях).

Татианинский комитет пользовался казенной субсидией (в 1915 г. получено 425 тыс. руб.), а также пожертвованиями. Всего за октябрь 1914 – март 1917 г. поступило пожертвований на сумму около 11,8 млн руб., в том числе вещами на 1 млн руб. С добавлением казенной субсидии расходы Комитета с 19 сентября 1914 г. по 1 апреля 1917 г. исчислялись в 76 млн руб., из которых было направлено беженцам всех национальностей и вероисповеданий 49,4 млн руб., а кроме того целевым назначением национальным беженским организациям: полякам – 12,3 млн руб., литовцам – 3,4 млн руб., армянам – 3,2 млн руб., латышам – 2,1 млн руб., русским – 2,1 млн руб., галичанам – 1,7 млн руб., евреям – 1,6 млн руб., грузинам 173 тыс. руб., мусульманам – 5,2 тыс. руб.* Средства направлялись на устройство общежитий, столовых для беженцев и выдачу денежных пособий. Татианинским комитетом в 1915–1916 гг. было открыто несколько сот детских приютов, общежитий, столовых. Например, в Царском Селе при участии вел. кн. Татьяны Николаевны в мае 1916 г. был открыт санаторий на 50 детей беженцев**.

Наиболее ярким примером соединения «монаршей» и народной благотворительности стала деятельность Российского общества Красного Креста (далее РОКК), руководимого вдовствующей императрицей Марией Федоровной***. Красный Крест первоначально был создан как организация общественной помощи населению во время войн. Сестры милосердия Российского Красного Креста в мирное время постоянно работали в больницах и амбулаториях, а в чрезвычайных ситуациях вливались в состав «летучих» отрядов.

К 1914 г. в рядах РОКК насчитывалось 39 тыс. членов. К началу войны общество ведало 888 учреждениями, в том числе 109 общинами сестер милосердия, 84 больницами, 120 амбулаториями, 10 аптеками, 5 санаториями, а так-

* Сведения приведены по изд.: Труды Второго Всероссийского съезда представителей местных отделений Всероссийского Комитета помощи пострадавшим от войны (Татианинского) 16–19 апреля 1917 года. Пг., 1917. С. 172–176.

** Вестник Всероссийского общества попечения о беженцах. 1916. № 4. Январь. С. 12–14; 1916. № 20. Июнь. С. 9.

*** См. подробнее: Ульянова Г. Н. Императрица Мария Федоровна в российской благотворительности: материнское попечение о страждущих // Императрица Мария Федоровна. Жизнь и судьба. СПб., 2006. С. 103–119.

же приютами для увечных воинов, домами призрения для взрослых и детей^{*}. Наличие серьезной материальной базы и квалифицированных медицинских кадров позволило РОКК сыграть выдающуюся роль в развертывании помощи воинам и беженцам.

5 августа 1914 г. Николаем II было утверждено «Временное положение об эвакуации раненых и больных», а 12 августа вышел приказ по Военному министерству за подписью министра В. А. Сухомлинова. В приказе было отмечено, что «участие общества Красного Креста, общественной и частной благотворительности в эвакуации раненых и больных, в соответствии с указаниями военного начальства, может выразиться в следующих видах: 1) в помощи разного рода эвакуационным учреждениям военного ведомства бельем, одеждою, перевязочным материалом, пищевыми припасами и проч.; 2) в формировании и оборудовании перевозочных средств; 3) в устройстве по пути следования эвакуируемых питательных и ночлежных пунктов; 4) в организации доставки эвакуированных раненых и больных с окружных эвакуационных пунктов в избранные ими места жительства; в устройстве лечебных мест и заведений; в призрении и попечении об эвакуированных раненых и больных на местах»^{**}.

На фронте и в тыловых медицинских учреждениях трудились врачи и сестры 109 общин сестер милосердия РОКК^{***}. Под знаменем Красного Креста действовали санитарные поезда, передвижные госпитали, бесплатные столовые. Красному Кресту по настоянию Марии Федоровны был предоставлен льготный тариф для железнодорожных перевозок. В госпиталях РОКК трудились лучшие российские врачи, применявшие новаторские методы помощи раненым бойцам, например, выдающийся хирург Н. Н. Бурденко, который поставил вопрос о сортировке раненых по тяжести ранения, оказанию первой помощи на передовых перевязочных пунктах и быстрой их доставке в полевые лечебные учреждения РОКК. Сестрами милосердия после окончания специальных курсов стали императрица Александра Федоровна и ее дочери Ольга и Татьяна, которые ухаживали за ранеными в Царскосельском лазарете Красного Креста^{****}.

Практически все эти заведения – стационарные и подвижные – являлись плодом филантропической активности граждан в помощь фронту. Императрица Мария Федоровна на личные средства с добавлением взносов представителей петербургской аристократии финансировала два военно-санитарных

^{*} Чистяков О. В. Российское общество Красного Креста в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2009. № 12. С. 67.

^{**} Полное собрание узаконений и распоряжений Правительства. 1914. № 252. Ст. 2358. Гл.V. П. 92.

^{***} Деятельность сестер милосердия, во многом близкая традиции православного монашества с его постулатами самопожертвования во имя спасения ближнего, освещена в книге: *Постернак А. В. Очерки по истории общин сестер милосердия*. М., 2001.

^{****} См.: Российский Красный Крест после 1917 г. Париж, 1925.

поезда. Передовые отряды – так назывались санитарно-питательные добровольные подразделения – были снаряжены на деньги частных лиц, в том числе владельцев гастрономов в обеих столицах С. П. и В. С. Елисеевых, Е. М. Терещенко, графини Н. В. Толстой, графини Е. А. Воронцовой-Дашковой. Ряд персональных и коллективных пожертвований был использован на создание автомобильно-санитарных транспортов, которые отправлялись на фронт из крупных городов, укомплектованные врачами, сестрами милосердия, грузом одежды и медикаментов для воинов, полевыми кухнями и банями. Автомобильные отряды носили имена жертвователей: Московского Румянцевского музея, Русского учительства, Балтийского клуба автомобилистов, Духовно-учебных заведений во имя преподобного Серафима Саровского и др.*

К 1917 г. в ведении РОКК находился огромный комплекс военно-санитарных заведений, обладавший разветвленной инфраструктурой. В значительной степени он был создан по общественной инициативе и за счет благотворительных пожертвований. В составе РОКК имелось 65 госпиталей, 55 этапных лазаретов, 94 подвижных лазарета, 59 санитарных поездов, 17 плавучих госпиталей, 47 полевых складов, 150 передовых отрядов, 97 санитарных транспортов, 11 санитарно-автомобильных колонн, 23 перевязочно-питательных и питательных поездов, 7 хирургических и 11 рентгеновских отрядов, 47 перевязочно-питательных отрядов, 85 питательных пунктов и 29 чайных пунктов, 40 психиатрических пунктов, 19 бань, 4 гаража и авторемонтных мастерские, а также 195 дезинфекционных и эпидемиологических учреждений**. В стационарных учреждениях РОКК на фронте в 1914–1915 гг. находилось на излечении 779 832 человека, включая 20 170 военнопленных***.

2. Деятельность Земского союза и Союза городов

Как отмечалось в предыдущей главе, ВЗС и ВСГ явили собой впечатляющий пример всенародной помощи жертвам войны. В данном параграфе подробнее остановимся на их филантропической деятельности.

В докладе кн. Г. Е. Львова на имя императрицы Марии Федоровны 30 ноября 1914 г. отмечалось, что земский союз «был принят под флаг Российского общества Красного Креста, где он неизменно встречает самое внимательное отношение к своим нуждам и ценное содействие во всех начинаниях».

* Сведения приведены по изд.: Список учреждений Российского общества Красного Креста на театре военных действий (на 1 июля 1917 г.). Пг., 1917. С. 4–5.

** Там же. С. 21–24.

*** Чистяков О. В. Организационное устройство и деятельность Российского общества Красного Креста в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Автореферат... канд. ист. наук. М., 2009. С. 23.

За первые 4 месяца войны ВЗС были открыты госпитали на 125 тыс. коек во внутренних районах страны и до 35 тыс. коек в районе действующей армии, оборудовано 40 санитарных поездов, по пути следования этих поездов организованы 40 питательных пунктов (чтобы «раненые во время их перевозок были своевременно накормлены»), заказаны недостающие хирургические инструменты и медикаменты в Англии, Америке и Японии. Кроме того, ВЗС взялся выполнить заказ интендантства на пошив 7 млн комплектов белья для нужд армии. Для этого были организованы мастерские, в которых нашли работу 12 тыс. женщин*.

К апрелю 1915 г. число санитарных поездов возросло до 50, а врачебно-питательных отрядов – до 19. Для быстрого развертывания и последующего обеспечения госпиталей были устроены склады белья, теплых вещей, кроватей, медицинского оборудования и проч. Только за первые полгода войны московские склады запасли вещей на 26,1 млн руб. и отпустили на 20,2 млн руб., в том числе белья и теплых вещей на 13 млн руб., марли и перевязочных средств на 5,8 млн руб., медикаментов на 1 млн руб. На улице Поварской перед воротами склада «ежечасно и ежедневно стояли вереницы подвод, с одной стороны, вливающих в недра его эти сотни тысяч и миллионы штук различного белья, а с другой – обозы отъезжающих от склада подвод с готовыми в дорогу и запакованными в короба кипами этого белья для госпиталей». К апрелю 1915 г. под эгидой Земского союза было изготовлено по заказам интендантства 17,4 млн штук вещей**.

Деятельность Земского союза в деле помощи на театре войны заключалась в организации передовых врачебно-питательных отрядов, санитарных поездов, этапных пунктов, врачебно-питательных пунктов и бань. Кормить и лечить приходилось не только войска, но и местных жителей, чтобы не вызвать эпидемий. Здесь сообща действовали ВСГ и ВЗС. Ими были организованы отряды помощи местным жителям в прифронтовой зоне: отряд имени Государственной думы во главе с И. П. Демидовым и отряд ВСГ во главе с кн. П. Д. Долгоруковым***. Помощь концентрировалась в двух направлениях: во-первых, производились прививки населения и солдат от эпидемических заболеваний, во-вторых, оказывалась помощь едой и одеждой самым бедным семьям из местных жителей.

Земский союз развернул сеть так называемых «этапных пунктов» на пути основных маршрутов колонн призванных в действующую армию. Обратное по этим же маршрутам вглубь России шел поток пленных. Исходя из требований санитарии и гуманности этапные пункты представляли собой помещения, где могли отдохнуть, получить медицинскую помощь, поесть и переночевать дви-

* ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 420. Л. 1–5.

** Известия Главного комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. 1915. № 12–13. С. 18, 21, 22, 28, 33.

*** Там же. С. 45.

гавшиеся пешком солдаты и военнопленные. Этапные пункты финансировались военным ведомством, которое поставляло туда и кашеваров. Но организация, надзор за потоком солдат, качеством пищи были возложены на Земский союз. На многих этапных пунктах были устроены бани и прачечные. Главной целью этапных пунктов было выявление и изоляция заразных больных, чтобы они не переносили инфекцию во внутренние районы и в действующую армию. Зимой 1914–1915 гг. только на Юго-Западном фронте действовало 6 передовых врачебно-питательных отрядов и 21 этапный пункт Земского союза*.

С весны 1915 г. врачебно-питательные отряды стали направляться во фронтовые районы не только из столиц, но и из провинции. Их формировали и снаряжали местные организации Земского союза. В «летучих банях» солдаты, проходившие до фронта сотни километров, зачастую сутками сидевшие в затопленных водой окопах, могли согреться, помыться, получить чистое новое белье. Это поднимало боевой дух в войсках и создавало заслон для заразных болезней. Один из начальников пехотной дивизии писал в благодарственном письме, что мытье солдат является одной из насущных задач, и «помощь, оказываемая войскам во все время войны Всероссийским Земским союзом незаменима»**.

Важной миссией был также сбор и доставка подарков в действующую армию. В феврале 1915 г. последовало воззвание кн. Г. Е. Львова «Поможем солдатам встретить Пасху». Оно вызвало поток пожертвований деньгами и вещами. В результате на фронт из Москвы от ВЗС был отправлен поезд из 20 товарных вагонов. Кроме пасхальных подарков (22 тыс. кисетов с иконками, 16,5 тыс. пасхальных яиц и др.) поезд доставил на фронт 34 тыс. шт. рубашек, 32,4 тыс. шт. кальсон, 20 тыс. портянок и носков, 5,5 тыс. полотенец, 1,1 тонны мыла, 417 тыс. папирос, 2 тонны колбасы и ветчины, 200 мешков сухофруктов и т. д.

С 1 августа 1914 по 1 июня 1915 г. Земскому союзу поступило пожертвований от населения 370,9 тыс. руб.*** Это была небольшая доля в оборотах ВЗС, роль союза выразилась в большей степени в мобилизации огромной армии добровольцев, которые в тылу разворачивали лазареты, собирали подарки, организовали мастерские, а с лета 1915 г. начали помощь беженцам, прибывавшим в огромном количестве во внутренние губернии. Земства занимались и помощью семьям крестьян, ушедших на войну, беднейшим и безлошадным семействам помогали засеять поля****. Для вернувшихся из армии инвалидов земство развертывало мастерские, например резьбы по дереву, для увечных воинов, чтобы инвалиды могли работать на мебельных предприятиях.

* Известия Главного комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. 1915. № 12–13. С. 53.

** Там же. С. 75.

*** Там же. 1915. № 16. С. 94.

**** Там же. № 12–13. С. 77.

Жесткая реальность войны побуждала Земский союз расширять свои функции. В речи на собрании уполномоченных губернских земств 12 марта 1915 г. кн. Г. Е. Львов подчеркивал: «Вспомните наше первое заседание 30 июля [1914 г.]. Мы предполагали помочь нашим посильным трудом и средствами делу эвакуации больных и раненых воинов. Мы не должны были нести никаких самостоятельных задач, а лишь ставили себе целью помочь делу, которое является функцией правительственной власти. Вспомните данные нам тогда объяснения по поводу плана эвакуации, разработанного за последние 10 лет после японской войны и очертившего границы нашей работы. 40 военных госпиталей должны были удовлетворить всю потребность; земство же должно было только помочь при перевозке раненых и открыть дополнительные лазареты. Известная вам линия, отделяющая сферу деятельности в районе действующей армии, от внутренней части империи, должна была быть демаркационной линией, за которую, кроме военного ведомства и Красного Креста, никто не должен был иметь доступа. Но сразу же, с первых дней войны, стало ясно, что эти границы слишком узки»^{*}.

Аналогичную эволюцию за годы войны пережил и Всероссийский союз городов (ВСГ). Предполагалось, что ВСГ будет заниматься исключительно помощью доставляемым с фронта в тыловые губернии раненым. Но уже с первых месяцев стало очевидно, что «разруха, внесенная войной, поставила Союз перед необходимостью приложить свою энергию к смягчению ее последствий в жизни городов»^{**}. ВСГ пришлось устраивать беженцев, бороться с продовольственными затруднениями, дороговизной, расстройством транспорта, угрозой эпидемий, а позже заняться снабжением и снаряжением армии. Под эгидой ВСГ в эти годы трудилось 65 тыс. человек, занимавшихся каждодневной рутинной работой помощи населению^{***}.

Деятельность ВСГ шла в нескольких направлениях. Так, одним из первых начал свою деятельность Отдел пожертвований. Первым крупным пожертвованием, поступившим 21 августа 1914 г., московский предприниматель Сергей Т. Морозов передал 200 тыс. руб. «на общегородскую организацию в связи с нуждами военного времени» (всего в течение войны Морозов пожертвовал 500 тыс. руб.) городскому общественному управлению через Московскую губернскую земскую управу^{****}.

Продовольственный отдел занимался закупкой продовольствия, заготовкой дров для фронтовых и тыловых учреждений. Отдел по заготовке материа-

^{*} Известия Главного комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. 1915. № 14. С. 5.

^{**} Всероссийский Союз Городов. Обзор деятельности. К VII съезду ВСГ. М., 1917. С. 4.

^{***} Там же. С. 8.

^{****} Стенографический отчет о собраниях Московской городской думы за 1914 г. М., 1914. С. 811.

лов и белья занимался «Складом белья и теплых вещей», открытым в Москве в начале сентября 1914 г. и снабжавшим госпитали, благотворительные учреждения (детские приюты, общежития семей раненых и беженцев). Если в первый год действий оборот склада составлял 100 тыс. руб. в год, то уже через два года, в 1916 г., он стал огромной разветвленной организацией с девятью складскими помещениями в Москве, кожевенным заводом, швейными мастерскими. На склады поступали свежеизготовленные и пожертвованные вещи, которые далее распределялись солдатам на фронт, семьям призванных на войну, беженцам, нуждавшимся местным жителям.

Только в Москве было организовано две огромные швейные мастерские, на которых (дома и в специальных помещениях) работало 4 тыс. женщин, изготовлявших 800 тыс. комплектов белья в год. Общий оборот заготовки и снабжения бельем и вещами составил за три военных года 132 млн руб.*

Отдел питательных пунктов был организован после состоявшегося 8–9 сентября 1914 г. съезда городских голов. Его главной целью было питание раненых, перевозимых с фронта в тыловые госпитали в поездах, не имевших кухонь. Уже к концу 1914 г. на станциях, где проходили поезда с фронта, было организовано 100 питательных пунктов. В 1915 г. деятельность по «пропитанию жертв войны» пришлось расширить**. В течение второй половины 1915 г. было выдано 8,8 млн порций. Но с 1916 г. деятельность питательных пунктов стала угасать из-за снижения потока перемещавшихся по железным дорогам, а главное, из-за продовольственного дефицита и роста дороговизны на продукты питания.

С сентября 1914 г. ВСГ занимался оборудованием собственных санитарных поездов, которые являлись «госпиталями на колесах». К февралю 1915 г. имелось 5 тыловых и 4 полевых санитарных поезда, на оборудование которых Союз городов потратил 225 тыс. руб.*** Стоимость переоборудования поезда под санитарный обходилась в среднем в 22–27 тыс. руб., без стоимости медикаментов, белья и хозяйственных принадлежностей. В поездах часть вагонов была отведена под операционную, столовую с кухней и складом еды, бельевого склад, палаты для тяжелораненых с особыми кроватями. Если во время русско-японской войны комплект санитарного поезда был рассчитан на одновременный прием 400 раненых, но фактически, после тяжелых боев поезда забирали до 900 человек (конечно, при нарушении санитарных норм размещения раненых), то в новых конструкциях поездов за счет устройства трех ярусов коек вместо двух и большего количества вагонов можно было разместить до 750 раненых. В ходе боев санитарные поезда делали по 9 рейсов в месяц, перевоза раненых в городские госпитали.

* Всероссийский Союз Городов. Обзор деятельности. К VII съезду ВСГ. С. 16.

** Там же. С. 21–22.

*** См.: Доклад Второму Съезду представителей Всероссийского Союза Городов 15 февраля 1915 г. по отделу санитарных поездов. М., 1915. С. 1–8.

Под эгидой ВСГ была проведена перестройка муниципальных лечебных и благотворительных заведений. Так, в Солдатёнковской больнице в Москве (ныне Боткинской), построенной за три с половиной года до войны, в декабре 1910 г. на пожертвование (2,8 млн руб.) известного предпринимателя и мецената К. Т. Солдатёнова, 150 штатных коек (из 505) было отдано тяжелораненым. В хирургическом корпусе в палаты на 8 коек стали ставить по 10 и по 12 кроватей. Врачи отмечали, что применяемые на фронте виды огнестрельного оружия делали ранения тяжелыми для излечения из-за разрывов и разможжения тканей, широких очагов инфекции*. Излечение раненных разрывными пулями и осколками артиллерийских снарядов требовало специальных хирургических приемов, инструментов, новейших медикаментов и средств реабилитации.

На нужды военного времени было переориентировано еще одно крупнейшее благотворительное заведение Москвы – шестиэтажный Ермаковский ночлежный дом на Каланчёвке. Это заведение, введенное в строй в 1909 г., было построено с учетом европейского опыта подобных учреждений и стоило (вместе с покупкой земли) 450 тыс. руб. Руководство ночлежным домом по решению Городской думы осуществляло Попечительство о бедных Хитрова рынка, возглавляемое графиней В. Н. Бобринской, – видной общественной деятельницей и журналисткой**.

На пяти верхних этажах размещалось по шесть палат на этаже – каждая на 50 человек, площадью около 80 кв. метров и высотой потолков 3,6 метра, с электрическим освещением. Палаты шли по одной стороне широкого коридора, а по другой находились умывальни, раздевалки со специальными шкафами для сушки одежды, а также ватерклозеты с автоматическим сливом – чуть ли не первые такого типа в общественных заведениях России***. Во время войны в помещениях Ермаковского ночлежного дома находился центральный распределительный госпиталь. Сюда привозили с вокзала раненых фронтовиков – а число их, прошедших через московские учреждения, за три года составило 1,2 млн человек; проводили медицинский осмотр, оперировали в случае острой необходимости и затем отправляли в другие московские лечебницы.

Помощь семьям воинов и беженцам на местах в Москве, Петрограде и ряде других городов с развитым самоуправлением легла на участковые попечительства о бедных. В Москве 29 попечительств, в предшествующие 20 лет помогавшие бедным в своем районе, уже после объявления мобилизации в июле 1914 г. решили скоординировать свою деятельность в масштабах города. Для этого была избрана комиссия для объединения деятельности городских попечительств и городской управы по оказанию помощи семьям призванных

* Отчет московской городской больницы имени К. Т. Солдатенкова за 1914 год. М., 1916. С. 44–45.

** ЦИАМ. Ф. 179. Оп. 57. Д. 1074. Л. 6.

*** Общественное призрение Московского городского управления. М., 1914. С. 35.

на фронт. В комиссию вошли члены попечительств – супруга городского головы Ю. М. Астрова, профессор-историк С. В. Бахрушин, предприниматели П. А. Бурышкин и Н. Н. Шустов, С. М. Вакуров, юрист, деятель кадетской партии Г. А. Мейнгард, П. А. Рождественский и член Управы В. Е. Григорьев*. При городской управе было образовано Центральное бюро по оказанию помощи лицам, пострадавшим от войны.

В вопросе выдачи ежемесячных пособий (пайка) семьям призванных на фронт, городское управление Москвы стало действовать незамедлительно, не дожидаясь отпуска сумм из казны. Пособия выдавались в размере 5 руб. в месяц на взрослого члена семьи и 3 руб. на ребенка моложе 5 лет. Размер муниципальных пособий был выше, чем определенный казной (соответственно 3 руб. 60 коп. и 1 руб. 80 к.)**. Более гибкой, чем казенная, была и система охваченных пособием – городское управление приняло решение платить пособия тем, кто до войны был на иждивении фронтовиков, например племянникам, а также гражданским семьям лиц, призванных на военную службу.

Серьезное внимание муниципальные деятели уделяли заботе о детях мобилизованных в армию. Особенно остро стояла проблема, когда отцы, ушедшие на войну, были вдовцами или жены их были серьезно больны. Для призрения таких детей были устроены приюты во всех частях города. Каждый приют был под патронатом частного благотворителя, который брал на себя обязательство целиком содержать детей на все время войны. В течение первых двух месяцев войны в городе были учтены все дети, оставшиеся без родителей, и распределены по муниципальным учреждениям.

Встала также задача устройства яслей для грудных детей и дневных детских садов для детей, живущих при матерях, чтобы те могли найти себе заработок. Почти во всех 29 попечительствах были созданы детские столовые (или расширены ранее существовавшие) и организована выдача молока детям. К устройству столовых подключились благотворительные организации и частные лица: Императорское Человеколюбивое общество организовало детские столовые при Мещанском попечительстве (выдавалось до 100 обедов в день) и при одном из Хамовнических попечительств (25 обедов). Две другие столовые в Хамовниках были устроены руководством Усачевско-Чернявского училища (на 100 детей) и попечителем детского сада имени Кельиной, литературоведом и переводчиком В. Ф. Кельиным (на 50 детей). Многие семьи москвичей выразили желание взять к себе детей фронтовиков на время войны – отдачей детей на временное воспитание тоже занимались попечительства под контролем городской управы.

* Деятельность Московских городских попечительств о бедных по оказанию помощи семьям призванных на действительную военную службу (с 18 июля по 27 августа 1914 года) // Призрение и благотворительность в России. 1914. № 6–7. С. 659.

** Там же. С. 660.

После ухода мужчин на фронт для их семей встал вопрос жилья, которое женщинам с детьми нанимать было не на что. В некоторых попечительствах были устроены дешевые и бесплатные квартиры в помещениях, предоставленных домовладельцами в виде благотворительной помощи, например на Пресне, где таким образом были размещены 15 семей. Из-за трудности вопроса, в конце концов, попечительства решили заменять предоставление квартир выдачей квартирных денег, чтобы нуждавшиеся сами искали жилье, а не занимали муниципальные учреждения (куда временно были поселены), необходимые для приема раненых. Квартирная комиссия при Центральном бюро по оказанию помощи лицам, пострадавшим от войны, сочла неудачным решение создавать в попечительствах общежития для семей, полагая, что «жизнь в учреждениях деморализует семью, лишает ее свободы и самым пагубным образом отражается на психике, создавая привычку жить под попечением и на счет благотворителей»*.

Семьи призванных на фронт надо было кормить, потому что в большинстве из них женщины не работали, занимаясь воспитанием детей. Хамовническим и Мещанским попечительствами были устроены столовые, выдававшие несколько сотен обедов за половинную плату (другую половину оплачивали попечительства из пожертвованных средств). Бесплатную столовую при Арбатском попечительстве финансировала М. С. Морозова – представительница известной семьи фабрикантов-текстильщиков**.

Еще до войны в большинстве попечительств существовали закройные и швейные мастерские, работавшие по заказам городских учреждений по шитью постельного белья и одежды для больниц, богаделен и сиротских приютов. Часть женщин, чтобы быть дома с детьми, брала портновскую работу на дом. В условиях войны было решено расширить раздачу работы нуждавшимся. Московская городская управа предоставила попечительствам большие заказы белья для лазаретов. За первые два месяца войны попечительства обеспечили работой несколько тысяч женщин, получавших в день в среднем 1 руб. 26 коп. при работе дома и 63,4 коп. при работе в мастерских на швейных машинах, приобретенных на деньги попечительств.

Столь же энергично, как и московские, включились в дело помощи семьям воинов 20 петроградских попечительств. Проведенная волонтерами в конце июля – начале августа 1914 г. перепись по районам города показала, что пособие следует выдавать 53 тыс. семей***. Поскольку в Петрограде было много семей фабричных-отходников, то попечительства изыскивали средства, чтобы

* Деятельность Московских городских попечительств о бедных по оказанию помощи семьям призванных на действительную военную службу (с 18 июля по 27 августа 1914 года) // Призрение и благотворительность в России. 1914. № 6–7. С. 670.

** Там же. С. 671–672.

*** Александровский Н. Деятельность Петроградских городских попечительств о бедных по оказанию помощи семьям призванных на действительную военную

желающие могли вернуться на место постоянного жительства. Размер пособий составлял от 3 руб. до 10 руб. на семью.

Особенно остро стояла в Петрограде проблема квартирной нужды, ведь пособий едва хватало на пропитание. Большинство попечительств обратилось к домовладельцам с просьбой предоставить одну или несколько квартир в доходных домах бесплатно для проживания семей фронтовиков «как пожертвование в пользу нуждающихся семейств воинов». Многие домовладельцы откликнулись на просьбу, были устроены и семейные общежития в помещениях, принадлежавших попечительствам. Ряд семей остались жить на прежних квартирах, если домовладельцы выразили желание не брать плату с семей фронтовиков.

С самого начала войны все попечительства в Петрограде стали развивать трудовую помощь*. Как и в Москве, заказы по шитью белья частью раздавались женщинам на дом, частью выполнялись в мастерских женщинами, не имевшими дома швейных машинок. При обеспечении матерей семейств работой встал тот же вопрос, что и в Москве, – домохозяйки часто не умели шить, поэтому им предлагались вакансии прислуги, а также была организована артель женщин-полотеров.

Дешевые и бесплатные столовые были открыты во всех попечительствах и уже в августе 1914 г. кормили около 6 тыс. человек. Обеды стоили 4–11 коп., а многодетным семьям выдавались бесплатно. Детям до года бесплатно выдавалось пастеризованное молоко. В ряде попечительств нуждавшимся выдавали «сухие пайки»: во взрослый паек входило 150 г капусты, 1,5 кг картофеля, две свеклы, луковица, один фунт (450 г) крупы, фунт хлеба, а детский состоял из 100 г манной крупы, пол-литра молока, одного яйца и французской булки**.

Попечительства создали сеть детских учреждений, чтобы матери, оставив днем детей в яслях и детских садах, могли заработать деньги на пропитание. Попечительства предоставляли помещения, платили зарплату воспитателям, нанятым для занятий с детьми, собирали пожертвования на обеспечение детей 3–4-разовым питанием.

службу (с 18 июля по 27 августа 1914 года) // Призрение и благотворительность в России. 1914. № 6–7. С. 644.

* О благотворительности в Петрограде подробнее см.: *Иванова Н. М.* Милосердие и благотворительность в годы Первой мировой войны 1914–1917 гг.: На материалах Петрограда: Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2002.

** *Александровский Н.* Деятельность Петроградских городских попечительств. С. 654.

3. Частные пожертвования

Огромную роль в деле помощи жертвам войны сыграли частные пожертвования. Они поступали благотворительным организациям вещами и деньгами, в том числе в форме выручки от лотереи. В октябре 1914 г. было решено по примеру лотереи 1891 г. в пользу местностей, пострадавших от голода, провести благотворительную лотерею «для оказания помощи жертвам войны». Всего было продано около 3,8 млн билетов из 4 млн шт. заготовленных. Чистый доход составил 16,8 млн руб. Из вырученных средств 1 млн руб. был передан учреждениям Красного Креста, 1 млн руб. – санитарному складу императрицы Александры Федоровны, 3 млн руб. – Татианинскому комитету. Остальные средства были розданы правительственным и частным учреждениям для помощи членам семей лиц, призванных на войну, раненых и инвалидов*.

Массовые сборы во многих губерниях были проведены в День союзных флагов 28–29 августа 1914 г. – сборщики за пожертвование давали благотворителям специально изготовленные в виде значков бумажные и матерчатые миниатюрные флажки союзнических держав или ленточки цветов этих флагов**. В Москве в день флагов было собрано 51 тыс. руб., на которые с добавлением средств Братолюбивого общества уже в 1915 г. были построены в Соколовском пер. два трехэтажных дома с 78 комнатами для вдов и сирот убитых воинов***.

Пожертвования различались от гигантских сумм крупных предпринимателей до скромной «вдовьей лепты». К примеру, Ярославскому городскому комитету помощи больным и раненым воинам поступили 1 руб. 40 коп. (от мальчика Бори Буйновского), 3 рубля («от Зины, Мари и Оли вместо ёлки»), 3 руб. от учительницы N (не назвавшей имени), 1 руб. 20 коп. «от детей Кати, Сони, Дины и Сережи»****.

Обратимся к группе крупнейших частных пожертвований. Вдова серпуховского текстильного фабриканта, владелица роскошного особняка на Пречистенке (сейчас Дом ученых) Александра Ивановна Коншина пожерт-

* Отчет по Высочайше разрешенной благотворительной лотерее 1914 года. Пг., 1917. С. 5–7, 11–13, 20–21, 59.

** Известия Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. 1914. Вып. 1. С. 207, 210, 220, 227; Вып. 2. С. 234–239.

*** См.: Коллекция филокартиста С. Власова. Почтовая карточка «Жертвуйте на призрение вдов и семейств убитых воинов».

**** См.: *Ульянова Г. Н.* Благотворительность московских предпринимателей. 1860–1914. М., 1999; Отчет о деятельности Ярославского городского комитета помощи больным и раненым воинам с 24 июля 1914 г. по 1 января 1915 г. Ярославль, 1916. С. 45–48; Известия Главного комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. 1915. № 17. С. 89.

вовала Московскому городскому общественному управлению по завещанию дачу в Петровском парке под лазарет-санаторий для воинов и капитал 300 тыс. руб. на его содержание, а также дом на Большой Якиманке и капитал 1,2 млн руб. для устройства приюта для раненых и увечных на 200 чел. с больницей на 100 чел. Дача и дом на Якиманке были приняты в ведение города в октябре 1914 г., вскоре душеприказчиками были внесены суммы в 300 тыс. руб. и 1,2 млн руб. Фактически санаторий в Петровском парке был открыт в сентябре 1914 г.*

Один из богатейших москвичей Леван Зубалов, владелец нефтяных промыслов в Биби-Эйбате близ Баку и директор страхового общества «Якорь», пожертвовал, как сообщала в начале декабря 1914 г. газета «Московские ведомости», «450 тысяч рублей на оборудование в Москве земского и городского лазаретов для раненых воинов». Эти деньги были израсходованы московским муниципальным управлением согласно воле жертвователя следующим образом: 200 тыс. руб. стоило оборудование и содержание госпиталя на 150 коек в доме Зубалова на Николо-Ямской ул. Еще 200 тыс. руб. было использовано на оборудование и содержание второго госпиталя на 150 коек в имении Зубалова близ ст. Одинцово Звенигородского уезда Московской губернии. 50 тыс. руб. пошли на пособия семьям фронтовиков, выдаваемые через комитет вел. кн. Елисаветы Федоровны**. После смерти Л. К. Зубалова в начале декабря 1914 г., в 1915 г. поддержку госпиталю оказывала его вдова, О. И. Зубалова, которая пожертвовала Московскому городскому общественному управлению 50 тыс. руб. на содержание госпиталя имени Л. К. Зубалова.

Вятский миллионер-судовладелец, один из владельцев товарищества Вятско-Волжского пароходства Т. Ф. Булычев пожертвовал роскошный дом и 200 тыс. руб. на устройство первого в России «Дома инвалидов и сирот великой войны»***. В открытом в мае 1915 г. благотворительном заведении было размещено 100 инвалидов и 100 сирот. В Спасске Казанской губернии благотворитель Сазонкин пожертвовал городскому управлению большой дом и капитал 55 тыс. руб. для устройства дома призрения увечных воинов. Наследники купца Орлова пожертвовали Костромскому губернскому земству капитал 150 тыс. руб., дом и 286 дес. земли в Солигаличском уезде для создания «приюта имени Василия Орлова для сирот воинов»****. В доме, по-

* ЦИАМ. Ф. 179. Оп. 59. Д. 131; Д. 293. Л. 112–116; Стенографический отчет о собраниях Московской городской думы за 1914 г. М., 1914. С. 1059 и 1061; Сорок сороков. Краткая иллюстрированная история всех московских храмов. Т. III. М., 1995. С. 409–410; *Власов П. В.* Обитель милосердия. М., 1991. С. 142.

** ЦИАМ. Ф. 179. Оп. 59. Д. 149. Л. 1, 4–8; Московские ведомости. 1914. 7 декабря.

*** Русское слово. 1915. 22 мая; Призрение и благотворительность в России. 1915. № 1–2. С. 372–372.

**** Деятельность частных организаций, благотворительных обществ и отдельных лиц в области призрения лиц, призванных на войну и их семейств // Известия

жертвованном Московскому городскому общественному управлению купцом А. В. Бурьшкиным в 1915–1916 гг., дети Бурьшкина – сын Павел и дочери Надежда и Александра – устроили лазарет для раненых воинов, где главным врачом стала хирург Н. А. Бурьшкина*. Примеры подобных деяний можно было бы множить и множить...

Пожертвования совершались не только частными лицами, но и организациями, например московскими Купеческим и Биржевым обществами, которые давали средства и на переоборудование имевшихся в их распоряжении благотворительных заведений для нужд военного времени. С началом войны в экстренном порядке был открыт Самойловский лазарет московских Биржевого и Купеческого обществ на 42 кровати в особняке, где ранее помещалась богадельня монахинь-сборщиц**. Таким образом, дом Самойлова вошел в число благотворительных заведений Купеческого общества (наряду с богадельней Новиченкова и Александровской больницей), которые были оснащены для приема раненых. Лазареты, созданные в этих заведениях под эгидой Соединенного комитета Московских Биржевого и Купеческого обществ, к октябрю 1914 г. насчитывали 4073 оборудованных кровати, из которых 3600 уже были заняты ранеными***.

* * *

В годину военных испытаний благотворительность, государственная, общественная и частная, сыграла важнейшую роль в деле сохранения физических и нравственных сил народа. К сентябрю 1915 г. в 34 внутренних и 13 прифронтовых губерниях государственными ведомствами и благотворительными организациями было развернуто 467,4 тыс. коек, из которых Земский союз обеспечил в своих госпиталях 161,8 тыс. коек, Военное ведомство – 125,7 коек, Союз городов – 111,7 тыс. коек., Красный Крест – 45,6 тыс. коек, прочие 22,6 тыс.**** При этом сложилось тесное единение государственной и общественной инициативы: частные пожертвования поступали в филантропические ведомства, имевшие государственные дотации, и наоборот, субсидии из казны направлялись органам местного самоуправления и частным благотворительным обществам.

Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. 1915. Вып. 9. Декабрь. С. 242–243.

* Архив Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (ГМИИ). Ф. 43. Оп. 6. Д. 3; ЦИАМ. Ф. 179. Оп. 59. Д. 81; *Бурьшкин П. А.* Москва купеческая. М., 1991. С. 213–215.

** История Московского купеческого общества. Т. V. Вып. 3. С. 910.

*** ЦИАМ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2838. Журналы собраний выборных за 1914 год. Л. 105.

**** Подсчитано по изд.: Собрание уполномоченных губернских земств в Москве. 7–9 сентября 1915 г. М., 1916. С. 37.

Следует подчеркнуть, что огромные казенные субсидии Земскому союзу, Союзу городов, Красному Кресту остались бы мертвым грузом, если бы не самоотверженный труд тысяч сограждан, представителей общественных организаций и органов местного управления. Не менее важно, что на собственные средства частных лиц и общественных организаций были созданы сотни госпиталей, детских приютов, бесплатных столовых, мастерских трудовой помощи. Российская филантропическая общественность показала себя на высоте и завоевала высокий авторитет у народа.

Глава 4. КОНФЕССИИ, ДУХОВЕНСТВО, ВЕРА (Т. Г. Леонтьева)

1. Духовенство накануне и в начале войны

Вступление России в войну подтвердило справедливость старой истины: серьезные потрясения либо сплачивают общество на почве веры и традиции, либо, напротив, ускоряют его распад. К 1914 г. в России насчитывалось 117 млн православных и от 95 до 100 тыс. монашествующих. Представители иных конфессий, включая служителей культа, составляли меньшинство. Так, католиков на территории Российской империи насчитывалось около 11,5 млн (около 8 % населения), иудеев – более 5 млн (4 %), исповедующих ислам – почти 11 %, протестантов – 4,8 %, буддистов – 0,3 %*. К началу войны социальный статус православного духовенства оставался невысоким. Бедность массы рядовых священников, усилившаяся в военные годы, внутрипричтовые склоки, аграрные споры священников с крестьянами отнюдь не способствовали единению пастырей и паствы**.

Лишь отдельные архиереи обладали запасом харизматичности. Так, непрекаемый авторитет имел епископ Херсонский Иннокентий: накануне войны его усилиями из парижского собора Нотр-Дам был возвращен 150-пудовый колокол, вывезенный во время Крымской войны 1853–1856 гг.*** Тверской владыка Серафим (Чичагов) обладал редким литературным даром, его сочинение о Серафиме Саровском оказало решающее влияние на канонизацию старца. Но настоящих подвижников все же было мало. В духовной среде больше ценились иереи «покладистые, спокойные... безынициативные и... беспринцип-

* Статистический ежегодник России. 1913. СПб., 1914; История религий в России. М., 2004. С. 346, 419; *Герштейн С.* Экономическая структура еврейского населения России. СПб., 1906. С. 5.

** *Леонтьева Т. Г.* Духовенство и сельский мир. 1905–1922 // Академик П. В. Волобуев. Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи. М., 2000. С. 279–299.

*** *Вениамин (Федченков), митр.* Божьи люди. Мои духовные встречи. М., 1998. С. 253–254.

ные» – таковых обычно назначали петербургскими митрополитами, первенствующими в Св. Синоде и близкими к обер-прокурору*.

Снижение уровня религиозности и приходской активности не исключали наличия «истинно благочестивых» православных анклавов. Практически в каждой епархии находились усердные христиане, которые регулярно причащались и исповедовались, жертвовали на храмы и попечительские нужды, нарушая заповеди лишь «по опущению»**. Особую проблему составляли приграничные епархии. Согласно отчетам обер-прокурора Св. Синода, они были достаточно благополучны. Однако митрополит Евлогий (в 1912–1914 гг. архиепископ Холмский) отмечал, что там встречались бедные сельские приходы, возглавляемые морально подавленными и пьющими священниками. В «образцовой» Почаевской лавре одни из насельников почитали себя аристократами, других же считали «мужичьем и дармоедами»***.

На западных окраинах империи сохранялись трения между католиками, униатами и православными, не говоря уже о распространении антисемитизма****. Один из почаевских архиереев, не стесняясь, заявлял: «Мы все черносотенцы»*****. Словом, «братское единение и христианское смирение» оставалось скорее официальной декларацией.

Не было уверенности в лояльности мусульман – призрак панисламизма беспокоил светские и церковные власти. Однако, рассчитывая на их законопослушность, власть не забывала финансировать журнал «Мир Ислама»*****.

Не могла совладать церковь и с размножением сект, и расползанием их «зловредных проповедей». Настоятели православных приходов докладывали, что «раскольников и сектантов нет, а равно не заметно и сектантского движения»*****. Однако Св. Синоду было известно об «устойчивом росте сектантского, старообрядческого и атеистического движений»*****.

* Шавельский Г., протопр. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 2. М., 1996. С. 136–137.

** Новгородские епархиальные ведомости. 1915. № 41. С. 1343–1344.

*** Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. М., 1994. С. 214–217, 225, 228, 227.

**** Амвросия (Оберучева), мон. История одной старушки. М., 2008. С. 195, 201, 210–211.

***** Евлогий (Георгиевский), митр. Указ. соч. С. 226.

***** ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 816. Л. 26.

***** Например, см.: Новгородские епархиальные ведомости. 1915. № 41. С. 1343–1344.

***** См.: Журналы съездов окружных миссионеров Курской епархии // Курские епархиальные ведомости. 1913. № 1–2. С. 12. Бунин А. Ю. Миссионерская деятельность курского православного духовенства в 1915–1916 гг. // Церковь и общество: проблема взаимодействия религиозного и научного знания. Т. 2. Курск, 2007.

В 1912 г. от православия отпало 11 629 человек, из них к старообрядцам присоединилось 4249 человек, ушло к сектантам 4915 (по преимуществу в Харьковской, Владимирской и Курской губерниях)^{*}. Активизировались перед войной некоторые мусульманские секты (например, староверов-ваисовцев)^{**}. Что касается верноподданнически настроенных скопцов, то они упорно стремились донести до «добротого царя» пророчество о грядущей войне, тяжелых испытаниях, ожидающих Россию за грехи ее, пришествии «Второго Искупителя»^{***}. Ранее адептов этой «варварской секты» регулярно ссылали в Сибирь, но после указа о веротерпимости 1905 г. их общины начали возрождаться.

Противостоять сектантскому движению становилось все труднее – одни только общины евангельских христиан баптистов выросли в разы. Так, за пять лет в Петербурге от православия отпало более 400 человек^{****}. Однако и анти-сектантская деятельность усиливалась. В 1913 г. Св. Синод создал орган, координирующий деятельность всех миссионерских сообществ, – Миссионерский совет^{*****}. Активизировались также церковные братства, деятельность которых получила высокую монаршую оценку в ходе празднования их юбилея.

В начале XX в. обнаружили проблемы и в военном духовном ведомстве. Приходские служители считали военных «собратьев» своего рода «белой костью». Однако при ближайшем рассмотрении оказывалось, что престиж армейских и судовых батюшек также был невысок. Военное командование, сознавая значение института военного духовенства для «окормления» личного состава, стремилось поддержать престиж священников, но офицерское сообщество их упорно не принимало. Обычно офицеры позволяли себе вульгарно-снискнительное, реже – корректно-холодное отношение к священникам^{*****}.

Это не удивительно. В ходе русско-японской войны беспомощность полковых батюшек стала настолько очевидной, что одни иереи заговорили о бесполезности этого института, другие – о необходимости реформ в Ведомстве военного протопресвитера. За реформы активно взялся назначенный в 1911 г. на должность протопресвитера^{*****} Георгий Шавельский, зарекомендовавший себя опытным полковым священником.

* Миссионерское обозрение. 1914. № 1. С. 155–156.

** Усманова Д. Мусульманское «сектантство» в Российской империи. Казань, 2009. С. 116–123.

*** См.: *Энгельштейн Л.* Скопцы и Царство Небесное. М., 2002. С. 226–229.

**** История евангельских христиан баптистов России. М., 2007. С. 86.

***** Православный благовестник. 1913. № 10. С. 293–295.

***** *Вениамин (Федченков), митр.* На рубеже двух эпох. М., 2004. С. 320.

***** В соответствии с Табелью о рангах титул приравнялся к званию генерал-майора в военном ведомстве, в церковном – архиепископа.

Вновь назначенный глава ведомства продолжил все разумные начинания своих предшественников. К началу войны удалось провести ревизии практически во всех военных церквях и воинских частях империи. Протопресвитер несколько дней провел в плавании на корабле Балтийского флота, чтобы лучше представлять службу судового священника. Наряду с этим он существенно обновил кадровый состав ведомства*. Опираясь на опыт русско-японской войны, Шавельский отмечал, что военные священники в экстремальных условиях ведут себя порой «неразумно и дико», а потому необходимо специально готовить их для работы на поле брани**.

По его инициативе 1–11 июля 1914 г. в Петербурге состоялся Всероссийский съезд военного и морского духовенства – первый за сто лет существования ведомства. 49 священников-делегатов от всех 12 военных округов России разработали подробную инструкцию (памятку). Военным священникам кроме исполнения привычной работы (требы, проповеди, распространение духовной литературы, борьба с сектантами и пьяницами) предписывалось помогать в перевязке ран, выносе с поля боя убитых и раненых, извещать родных о смерти солдат, создавать общества помощи семьям убитых и увечных воинов, заботиться об уходе за воинскими могилами и кладбищами, устраивать походные библиотеки***. Военные священники должны были наблюдать за политическими настроениями в армии. Гражданскому духовенству рекомендовалось вести пропаганду среди отпускиников и запасников для поддержания верноподданнических чувств.

Духовному правлению при протопресвитере было поручено разработать правила организации обществ трезвости, а полковым священникам – основательно подготовиться к антиалкогольной пропаганде****. Новые начинания встретили в обществе несколько иронично. Но, как оказалось, решения съезда пришлось очень кстати – не успели делегаты разъехаться по домам, как была объявлена мобилизация. Считается, что трезвеннические начинания были положительно встречены в народе. Пресса сообщала, что 24 августа 1914 г. по инициативе трезвенников Путиловского завода из местной церкви к домику Петра Великого состоялся грандиозный крестный ход, в котором приняло участие несколько десятков тысяч человек****. В октябрьском послании Св. Синода прозвучал призыв избавиться от рабства порокам – пьянства, сквернословия, буйства, бунтов против власти, грабежей, самоубийств*****.

* Шавельский Г., *протопр.* Русская церковь перед революцией. М., 2005. С. 417, 424–425.

** Шавельский Г. Воспоминания... Т. 1. С. 79.

*** Подробнее см.: Вестник военного и морского духовенства. 1914. № 17.

**** Подробнее см.: Приказы по военному ведомству. СПб., 1914.

***** Новое время. 1914. 25 августа.

***** Трезвая жизнь. 1914. № 10–11. С. 228.

Организаторы антиалкогольной кампании поначалу полагали, что обет, данный перед иконой 29 августа (день, обозначенный как Праздник трезвости), распространение антиалкогольной литературы и иконок поможет армии избавиться от порока. Позднее в приказе «О мерах против потребления спиртных напитков в армии» наряду с просветительскими мероприятиями предусматривалась система мер дисциплинарно-административного характера в отношении офицеров, военных врачей и священников, отклоняющихся от трезвого образа жизни*. По «горячим следам» вышел первый номер армейской газеты «Трезвость».

В духовном ведомстве войну ожидали. Митрополит Евлогий вспоминал, что через несколько дней после трагических событий в Сараево он получил телеграмму от обер-прокурора В. К. Саблера: «Берегите святую икону». Речь шла о чудотворной иконе Почаевской Божьей матери – достоянии Почаевской лавры, расположенной в семи верстах от границы. Евлогий отмечал, что здесь в это время настроение было тягостное, а икону, которую под благовидным предлогом перевезли в Житомир, люди провожали с заупокойными настроениями. Когда же в день почитания Ильи пророка (20 июля по ст. ст.) пришло известие о начале войны, оно «всколыхнуло всех», но не удивило. В православных церквях всю ночь шли службы с крестными ходами, «народ молился и плакал»**.

С началом войны ведомству протоиерея Шавельского, Св. Синоду и тыловому духовенству пришлось решать непростую задачу: вдохновлять народы империи на служение верой и правдой царю и Отечеству. Ситуация усугублялась разномыслием внутри «господствующей и первенствующей церкви». Даже Синод оказался в эпицентре скандалов, связанных с Г. Распутиным. Характерно, что епархиальные архиереи стали уклоняться от контактов с неуважаемым высоким начальством***. Между тем от их слаженного взаимодействия во многом зависел боевой дух армии.

В первый день войны после молебна о даровании победы русскому воинству в Казанском соборе состоялось экстренное заседание Св. Синода, посвященное координации деятельности церковных структур****. После повеления императора особо праздновать каждую победу, Св. Синод принял определение о совершении служб с колокольным звоном во всех церквях империи. Предписывалось также формировать контингент армейского духовенства

* Приказ № 309 «О мерах против потребления спиртных напитков в армии» // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://orenkazak.ru/altepapire-ustavtrezv.html>

** *Евлогий, митр.* Указ. соч. С. 228–230.

*** Цит. по: *Никон (Риклицкий), арх.* Антоний (Храповицкий) и его время. 1863–1936. Кн. вторая. Н. Новгород, 2004. С. 401–402.

**** *Рункевич С. Г.* Великая отечественная война и церковная жизнь. Кн. 1. Распоряжения и действия Святейшего Синода в 1914–1915 гг. Пг., 1916. С. 9.

с привлечением служителей культа тех епархий, где организовывались или квартировали воинские части.

Активизировалась церковная пресса. Ей приходилось решать непростую с точки зрения христианского этоса задачу – обосновывать необходимость и даже «полезность» войны, разоблачать враждебные замыслы государств-противников и «внутренних врагов». Многие иереи преуспели в данном направлении. Так, кишиневский миссионер в полемике с баптистами доказывал, что «война за правое дело есть дело Божие, есть дело священное... наивысший долг любви, заповеданной Спасителем... и всякий, говорящий иное, есть изменник Богу, царю, вере, родине и всей нашей русской христианской жизни и самый коварный враг и предатель дорогой родины»^{*}.

Пропагандистская кампания началась с попытки обоснования вступления России в войну. Идеологи церкви с самого начала поддержали идею «решающей схватки» славянства с германизмом. При этом решительно отбрасывалась либеральная идея о «борьбе права с произволом» (право представляла Антанта, произвол – «тевтоны»), упор делался на расовый (противный христианству) компонент мирового столкновения. С другой стороны, война якобы велась во имя торжества православия над протестантством (но православная Болгария, как и неславянская Румыния, еще не определилась со своей ориентацией). В любом случае противоречивость официальных пропагандистских установок заставляла усомниться в целях войны не только российских лютеран, но и всех христианских неславян (грузин, армян, не говоря уже о малых народах).

Непросто было православной церкви определить свои позиции по отношению к исламу. Со страниц академического издания «Церковный Вестник» обывателю внушалась довольно экзотическая мысль: «два «ислама», протестантский и мусульманский в лице Германии и Турции, фанатично ненавидящих восточное христианство», «заставляют Россию взять в руки меч Олега и Игоря». «Истинно христианской» России противопоставлялся образ жестокого врага-нехристя с «дикой, варварской, хищной и кровожадной» душой. Только победа над ним сулила «мирное царство Божие». Разумеется, писали о застарелом конфликте культур Запада и Востока, кризиса «веры во всесторонний и неукоснительный прогресс человечества», которая якобы стала «подлинной религией значительной части... образованного общества»^{**}. Читателю попроще внушалась идея войны не только как «ратного подвига», но и искупления греха. Особенно часто этот сюжет мелькал в епархиальной прессе^{***}.

^{*} Миссионерское обозрение. Журнал внутренней миссии. 1914. № 11. С. 236.

^{**} См.: Церковный вестник. 1914. № 44. Стб. 1324; № 47. Стб. 1426–1427; № 39. Стб. 1162; № 40. Стб. 1190; 1914. № 46. Стб. 1395; № 48. Стб. 1448; № 52. Стб. 1573.

^{***} Подробнее см.: Ярославские епархиальные ведомости. 1914. № 31; Орловские епархиальные ведомости. 1914. № 43; и др. Также см.: Букалова С. В. Православная печать о причинах Первой мировой войны (по материалам «Орловских епархиальных

Война вызвала несомненный подъем религиозных чувств – как искренних, так и фарисейских. Даже секуляризированная столичная интеллигенция склонялась к мнению, что «войну надо принимать религиозно», хотя такая позиция явно походила на презируемый интеллектуалами казенный патриотизм*. Поэт Сергей Городецкий в стихотворении «Подвиг войны» взывал: «Война! Война! Так вот какие / Отверзлись двери пред тобой, / Любвеобильная Россия, / Страна с Христовой судьбой!»** Члены петербургского Религиозно-философского общества и вовсе полагали, что «ошибочно оценивать войну, как дело жестокости и бойни; ее надо оценивать по преимуществу как дело подвига и жертвы. Тогда едва ли можно будет сказать, что война есть шаг назад в истории человечества»***.

Порой «оправдания войны» из уст духовных пастырей для масс звучали сомнительно. Так, епископ Анастасий, ректор Петроградской духовной академии, осенью 1914 г. при погребении офицеров Павловского полка призывал: «Радуйся, русский народ, что твоею кровию и кровию народов, в союзе с нами сущих, побеждается гордыня милитаризма... Радуйся и веселись русский народ: на крови твоих мучеников создается спокойствие и мирное благополучие России и всего православного славянства! ...Радуйся, молись и смиренно благодари Бога, Русь православная, за его великую милость к тебе!»****

Хотя причины и цели войны остались малопонятными русскому воинству, в городах центральной России проходили массовые патриотические манифестации. Непременными их участниками становились семинаристы и воспитанницы епархиальных училищ. Практически в каждой духовной семинарии и академии нашлись добровольцы****. Получив «Молитвенную памятку воину, идущему на поле брани», они уходили на фронт с надеждой, что война закончится к Рождеству взятием Берлина.

По мере того как война принимала затяжной характер, вырос авторитет протопресвитера Шавельского. Он вошел в число присутствующих на Военном совете и в Ставке Верховного главнокомандующего, получил право личного доклада императору (чего не достаивались его предшественники),

ведомостей») // Первая мировая война: Взгляд спустя столетие. М., 2011. С. 345–348; Церковный вестник. 1914. № 45. Стб. 1346.

* Гиттиус З. Живые лица. Воспоминания. Тбилиси, 1991. С. 294.

** Цит. по: Отзвуки войны. Литературно-художественный альманах / Под ред. Юрия Зубовского. Кн. 1. Киев, 1914. С. 117.

*** Церковный вестник. 1914. № 46. Стб. 1387.

**** Там же. № 40. Стб. 1187–1188.

***** См.: Вениамин (Федченков), митр. На рубеже двух эпох. С. 170–171; Ярославские епархиальные ведомости. 1914. № 46; и др.

стал присутствующим членом Св. Синода*. Побывав на фронте, о. Георгий лишний раз убедился в несовершенстве системы взаимоотношений в среде армейского духовенства. Обнаружились также изъяны поспешной «церковной мобилизации»: епархиальные архиереи, пользуясь случаем, избавлялись от неугодных подчиненных; на фронт отправлялись престарелые, скандальные, а порой и запрещенные в служении священники и дьяконы. Случалось, что иные из них за определенную мзду «заменяли» священников, не желавших покидать насиженный приход. Протопресвитеру приходилось разъяснять, что «действующая армия не приют для престарелых и не духовный дисциплинарный батальон»**. Были и иные, ободряющие примеры: в один из полков, стоявших под Гродно, прибыл пресвитер с университетским дипломом А. Введенский, будущий лидер обновленцев***. В составе санитарно-питательного отряда отправился на войну молодой монах (в будущем известный митрополит) Николай (Ярушевич)****. Однако в большинстве своем мобилизованные священники сами нуждались в «надзоре и руководстве».

Протопресвитер, подчиненный военному министру, назначал главных священников фронтов (утверждались Св. Синодом), которым подчинялись штабные священники (в статусе благочинных), им в свою очередь – госпитальные и добровольцы*****. Согласно статистике, в рядах «духовного воинства» к 1914 г. насчитывалось около 730 священников, 150 дьяконов и псаломщиков, а в разгар войны – до 5 тыс. человек*****. Но и последнюю цифру нельзя признать значительной: в рядах не столь многочисленной французской армии насчитывалось 16–20 тыс. католических священников, были среди них и добровольцы, отправившиеся в армию капелланами за свой счет*****. В русской армии духовных пастырей не хватало, хотя в некоторых подразделениях вводились должности римско-католических капелланов, евангелическо-лютеранских проповедников, мулл, армяно-грегорианских священников, ламаистского духовенства и раввинов. Впервые

* Шавельский Г., протопр. Русская церковь перед революцией. С. 14; *его же*. Воспоминания... Т. 1. С. 100.

** Шавельский Г., протопр. Русская церковь перед революцией. С. 445–446.

*** Левитин-Краснов А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996. С. 23.

**** Колокол. 1914. № 43. Стб. 1303.

***** Шавельский Г., протопр. Воспоминания... Т. 1. С. 100; *его же*. Русская церковь перед революцией. М., 2005. С. 419, 420, 422, 444.

***** Сенин А. С. Армейское духовенство России в Первую мировую войну // Вопросы истории. 1990. № 10. С. 161; Катков К. Г. Памятная книга Российского военного и морского духовенства XIX – начала XX века: Справочные материалы. М., 2008. С. 38.

***** Церковный вестник. 1914. № 43. Стб. 1310.

учреждались должности старообрядческих священнослужителей. В среднем на одного священника приходилось более 2500 человек, а к 1917 г. – 3200*.

Уже первые соприкосновения с военной действительностью показали, что империя, позиционирующая себя «мировым ктиторм и защитником православия», недостаточно заботливо относилась к нуждам своей церкви и духовенства. Не удивительно, война стала рассматриваться ее служителями как наиболее благоприятный момент, чтобы поднять свой авторитет**.

2. Духовенство в действующей армии

Армейскому духовенству всех вероисповеданий предстояло выполнять свой служебный долг перед Отечеством. Служители культа стремились поддерживать бодрое настроение в войсках: стирать болезненную остроту разрыва с семьей, отвлекать от мрачных предчувствий, помогать преодолевать страх. Основная роль в деле «духовной мобилизации» военного и гражданского населения империи отводилась православной церкви. Ее задачи осложнялись тем, что на «христианском пространстве» России сохранялись многочисленные анклавные верующих-сектантов (духоборов, меннонитов, баптистов, евангельских христиан и т. д.), мировоззрению которых чужда была сама идея войны. Проповедникам слова Божьего предстояло не просто наставлять «христостлюбивое воинство», но и способствовать формированию особой надконфессиональной идентичности и единой воли к победе. Прочие конфессии эту цель активно поддержали. Главный московский раввин Яков Мазе докладывал императору о готовности евреев к защите Отечества, муфтии России объявили «священным долгом» мусульман-воинов сражаться за «царя и Отечество», буддийские монахи заявляли: «Немцы – наши враги»***. Крымские мусульмане, вызывавшие особые подозрения, ходатайствовали об открытии лазарета на вакуфные средства мечетей и медресе, ими был создан комитет по сбору пожертвований теплыми вещами. Ставропольские мусульмане содержали на свои средства подвижный госпиталь на передовых позициях****.

Правда, мусульманские печатные издания публиковали списки жертвователей не только в пользу российских, но и раненых турецких солдат*****. Что

* Катков К. Г. Указ. соч. С. 40, 46–47, 39.

** Левитов П. В. Война и духовенство // Церковный вестник. 1914. № 47. 20 ноября. Стб. 1423.

*** Амросия (Оберучева), мон. Указ. соч. С. 235.

**** Арапов Д. Ю. «Можно отметить ряд высоких подвигов воинской доблести, проявленных мусульманами». Российские мусульмане героически сражались в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2004. № 11. С. 42.

***** Котюкова Т. В. Турецкая агентура в России накануне Первой мировой войны по документам ЦГА Республики Узбекистан // Последняя война Российской империи.

касается сектантов, то они избегали прямой проповеди пацифизма. Так, издаваемый И. С. Прохановым журнал евангельских христиан ограничился описанием случаев «нехристианского» поведения врага*. Православные миссионеры признавали, что «вторая половина 1914 и первая половина 1915 г. ...ознаменовалась упадком открытой баптистской, а отчасти и адвентистской пропаганды»**.

Ситуация с исламом была сложнее. Российские мусульмане не были едины, здесь были свои реформаторы и консерваторы. Полицейские источники сообщали, что в «мусульманских прогрессивных кругах» большую тревогу вызвал слух об учреждении Всероссийского мусульманского народного союза Сыратуль-мустахим (Правильный [правый] путь). После смерти в июне 1915 г. муфтия духовного собрания мусульман средней России Мухаммеда Яра Султанова началась борьба за избрание его преемника. Появление на этом посту Мухаммеда Сафа Баязитова, по информации МВД, «произвело ошеломляющее впечатление на прогрессивных мусульман»***.

20 октября 1914 г. Россия объявила войну Турции, которая попыталась по своему воздействовать на внешний мир. В ноябре 1914 г. стамбульский шейх-уль-ислам издал фетву, в которой указывалось, что поскольку «Россия, Англия и Франция враждебны исламскому халифату», то их подданные-мусульмане обязаны объявить им «священную войну». В ответ оренбургский муфтий М. Султанов призвал мусульман защитить «свое российское отечество» и выступить против Турции, правители которой под влиянием Германии совершили необдуманный шаг****. Российская пресса в связи с этим выражала восторг. «Расчет турок на восстание русских мусульман оказался неверен», – писала провинциальная газета*****. В ходе визита на Кавказ в ноябре 1914 г. Николай II посетил в Тифлисе суннитскую и шиитскую мечети*****. Этот шаг не остался без внимания: бакинская газета приводила массу примеров жертвований мусульман с их стороны*****.

Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов. М., 2006. С. 204.

* Христианин. 1914. Ноябрь. С. 1–2.

** Церковный вестник. 1916. № 25–27. Стб. 551.

*** ГА РФ. Ф. 1693. Оп. 1. Д. 72. Л. 87–89.

**** Иностранное обозрение. 1914. Кн. 9. С. 606–610.

***** Наше утро (Гродно). 1914. 31 октября. Цит. по: *Булдаков В. П.* Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010. С. 55.

***** *Воейков В. Н.* С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1995. С. 143–144.

***** Каспий. 1914. 22 ноября.

Было ли российское военное духовенство готово к работе в военных условиях? Применение новейшей техники – аэропланов, цеппелинов, отравляющих газов, тяжелой артиллерии – требовали особой психологической адаптации: преодолевать страх приходилось не только солдатам, но и самим священникам. Формально священник и солдат находились рядом на протяжении всей войны. Приходской батюшка провожал новобранцев, внушая, что благодаря простому русскому воину «война окончится победой Православия, что Святой Крест наконец водрузится над св. Софией»^{*}. Соответственно выстраивался сценарий проводов. Так, в Твери многочисленные объявления извещали об архиерейском служении, напутственных молебнах по случаю выступления в поход гренадерского полка. Предпринимателям рекомендовалось закрыть свои заведения на время молебствия^{**}. Уходящих на фронт щедро одаривали назидательными книжками, иконками, крестиками – синодальное руководство предписывало не скупиться на военные нужды. На фронте полковой наставник встречал новобранцев молебном и пением наиболее «востребованной» молитвы: «Спаси, Господи, люди твоя». Он же провожал их в последний путь.

Но жить по этой схеме в военных условиях, даже опираясь на грамотно составленную инструкцию, священникам было непросто. Эйфория первых дней быстро развеялась. Слова о «силе духа» русского солдата вряд ли доходили до крестьян, оказавшихся под огнем тяжелых орудий. Священникам предстояло сформировать «религиозное отношение к войне»: смотреть на нее как на «пущение Божие, необходимое для благих конечных целей Промысла»^{***}.

Потребность в ритуале в начале войны была велика. Высшее военное начальство, офицеры, солдаты рядом стояли на молебнах, регулярно причащались^{****}. Солдаты помогали полковым священникам устраивать походные часовни, организовать хор на общей молитве или панихиде. Военврач А. Оберучева вспоминала, что однажды за ночь они построили церковь из оконных рам и молодых деревьев, раздобыли облачения, местнотчимые иконы и сосуды для службы^{*****}. Раненых прямо на кроватях и носилках выносили к алтарю

^{*} *Амвросия (Оберучева), мон. Указ. соч. С. 239; Откровенные рассказы странника духовному своему отцу. М., 1992. С. 84–85.*

^{**} Тверская губерния в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг.: Сб. док-в / Науч. ред. В. П. Булдаков. Тверь, 2009. С. 46.

^{***} Церковный вестник. 1914. № 39. Стб. 1165.

^{****} См.: *Амвросия (Оберучева), мон. Указ. соч. С. 185; Вениамин (Федченков), митр. Божьи люди. С. 275.*

^{*****} Только в 1916 г. был открыт Комитет по сооружению подвижных храмов, налажен выпуск военно-походных и плавучих церквей (*Сенин А. С. Указ. соч. С. 163*). Их производство организовал фабрикант С. С. Мешков. См.: *Поляков Г., протоиер. Военное духовенство России. М., 2002. С. 300.*

для участия в богослужении. Отзываясь на просьбы солдат на передовой, священники проводили службы прямо в окопах, куда приходилось пробираться по ночам с риском для жизни*. Военный корреспондент А. Ксюнин так описывал службу на фронте: «Походная церковь. Двери убраны ельником, прибиты зеленые кресты. В небольшой с низким потолком комнате шла Вечерня. Молились одни солдаты. Впереди несколько офицеров. Церковь устроена по военному, но с любовью... С молитвою начинал русский воин всякое дело и ею завершал каждый прожитый день...»**

Тяжелым испытанием для священников стала служба в госпиталях: приходилось самим искать место для проведения служб и исполнения треб умирающих. Случалось и такое: «...Батюшка очень спешил, так как раненые умирали; он весь дрожал от утомления и сильных переживаний. Картина была ужасная: на полу, сплошь залитом кровью, лежали раненые, у многих сильно поврежден череп, виден был мозг, липкая кровь обливала лицо, прилипали надоедливые мухи»***.

Особое место в деятельности армейского клира занимали похороны погибших. Сохранились свидетельства о трепетном отношении к похоронной процедуре всех ее участников – ее воспринимали как проводы на вечный покой****. Когда удавалось, на месте погребения специально сооружали часовни, их убрали белым коленкором, рисованными иконами, еловыми ветками. Раненые и верующие из персонала настаивали, чтобы священники сопровождали погибших воинов до кладбища*****. Но чаще приходилось хоронить в братских могилах, причем даже в таких случаях офицеров и нижних чинов хоронили отдельно*****. Порой отпевали вместе православных и солдат противника. Описывали это так: на носилках семь русских солдат и один немец в синей шинели. Немца похоронили рядом, поставили над ним особый крест*****. Мало-помалу откровенно-простодушный цинизм войны брал свое, на панихидный ритуал взирали как на обычную «работу»*****.

Иные военные священники сближались с нижними чинами и на бытовой основе. Мало кому из них удавалось устроиться с комфортом. Размещаться приходилось где придется, чаще всего под одной крышей с военными врачами.

* *Амвросия (Оберучева), мон. Указ. соч. С. 203, 225; Церковный вестник. 1914. № 44. Стб. 1334.*

** *Ксюнин А. И. Народ на войне. Пг., 1916. С. 151.*

*** *Амвросия (Оберучева), мон. Указ. соч. С. 174.*

**** Там же. С. 240–245.

***** *Варнек Т. Воспоминания сестры милосердия // Добровольцы. М., 2001. С. 21.*

***** *Вестник военного и морского духовенства. 1915. № 5. С. 136.*

***** *Ксюнин А. И. Указ. соч. С. 120.*

***** Письма прапорщика Е. Г. Герасимова с фронта Первой мировой войны // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://vladregion.info/articles/pisma...>

Последние порой задавали «неловкий» вопрос: война есть нарушение Божьих заповедей, зачем священникам отправляться на войну? Один из полковых батюшек сокрушался, что, отлучаясь к раненым, ему приходилось передавать на хранение случайным людям Святые дары и богослужебную утварь, так как врачи порой демонстративно раздевались рядом со святынями, бросали на них свою одежду. К тому же они «неподобающе вели себя с сестрами». Подобный образ жизни медицинского персонала не могли пресечь даже священники**.

Военная повседневность скрашивалась праздниками. Медсестра Т. Варнек вспоминала, как в госпиталях на Юго-Западном фронте на первую военную Пасху побывали члены царской семьи. По ее словам, после августейшего визита несколько дней все пребывали в состоянии зачарованности и страстно молились за императора***. Ностальгия по домашнему празднику вытесняла настороженное отношение к инославному окружению. В Польше в одном храме в пасхальные дни оказались православные медсестры и женщины-католички****. Пресса публиковала трогательные рассказы о совместных молениях солдат с галичанами «в бедной униатской церкви»*****. Генерал А. Е. Снесарев, поприбывав на совместных рождественских службах в Галиции, заявил: «Если наши духовные вожди не будут слишком формальными, возврат униатов в лоно Православной Церкви совершится скоро и сам собою»*****. Формальная обрядность уступала место естественной вере, обостренной близостью смерти. Враждующие комбатанты уже в 1915 г. на Пасху выходили друг к другу, христосовались, обменивались угощениями*****.

Как обычно, в канун праздников возрастало число исповедующихся. Один из священников сообщал: «Более высокого и чистого состояния на исповеди, чем со своими солдатами, я никогда не переживал... Душа открытая, раскаяние легкое... замечательные лица... Таково христоролюбивое воинство...»*****. Первое время все священники подчеркивали «истинно христианскую» незлобивость русских солдат. Известный проповедник В. Востоков в светской газете приводил якобы типичный случай: русский солдат просил в госпитале: перевяжите сначала друга-немца, мы нанесли раны друг другу, но он страдает

* Вестник военного и морского духовенства. 1915. № 6. С. 163.

** *Амвросия (Оберучева), мон. Указ. соч. С. 179–180.*

*** *Варнек Т. Указ. соч. С. 21, 23.*

**** *Амвросия (Оберучева), мон. Указ. соч. С. 194–195.*

***** Вестник военного и морского духовенства. 1915. № 4. С. 105.

***** *Снесарев А. Е. Письма с фронта. 1914–1917. М., 2012. С. 76.*

***** *Локтева Н. А. Фронтовые письма как источник для изучения морально-го и патриотического духа солдата // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://august-1914.ru/lokteva.html>*

***** Церковный вестник. 1914. № 50. Стб. 1519, 1520.

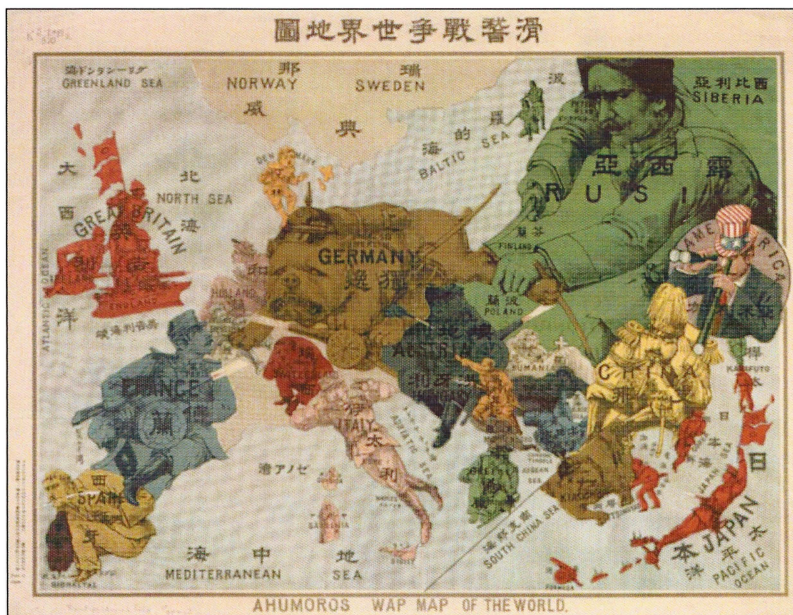
Плакат «С нами Бог! Да здравствуют великие союзники». 1914

Плакат «Согласие (Антанта)». Художник не известен. 1914

«Театр европейской войны». Французская юмористическая карта Европы. 1915

Японская юмористическая карта мира

Плакат «Подпишитесь на военный 5 1/2 % заем»

Плакат «Мировой пожар. Вторая Отечественная война». Художник не известен. 1914

Плакат «Покупайте военный
5 1/2 % заем».
Художник В. Варжанский. 1916

Плакат «Военный заем».
Художник И. А. Владимиров. 1916

ВСЕ ДЛЯ ПОБѢДЫ!

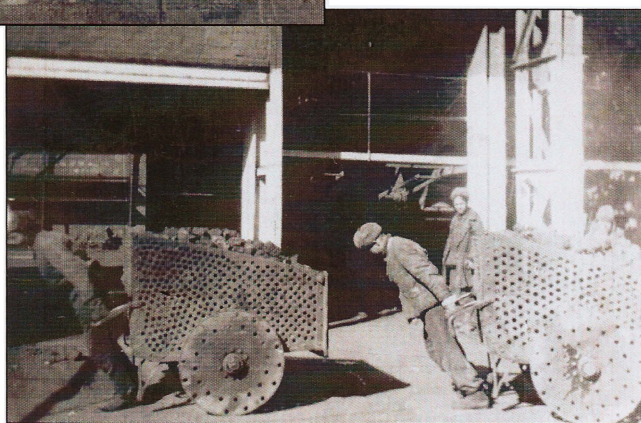
Плакат «Подписывайтесь на военный 5 1/2 % заем». Художник И. А. Владимиров. 1915

Плакат «Подписывайтесь на военный 5 1/2 % заем». Художник Е. М. Чепцов. 1916

Донецкий металлургический завод

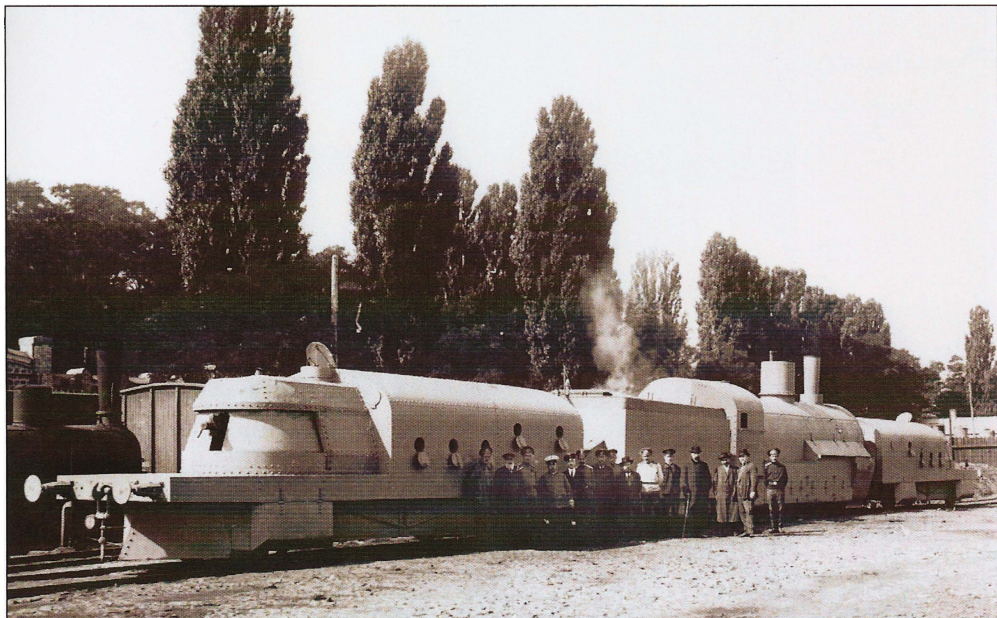
Енакиевский металлургический завод

Краматорский завод

Осмотр автомобилей, подлежащих мобилизации по военно-автомобильной повинности. Петроград, 1914 г.

Общий вид типового бронепоезда 2-й Заамурской железнодорожной бригады «Хунхуз», построенного в Киевских мастерских. 1 сентября 1915 г.

Бронепоезд Морского полка особого назначения. Лето 1915 г.

М. Шагал. Война. 1915

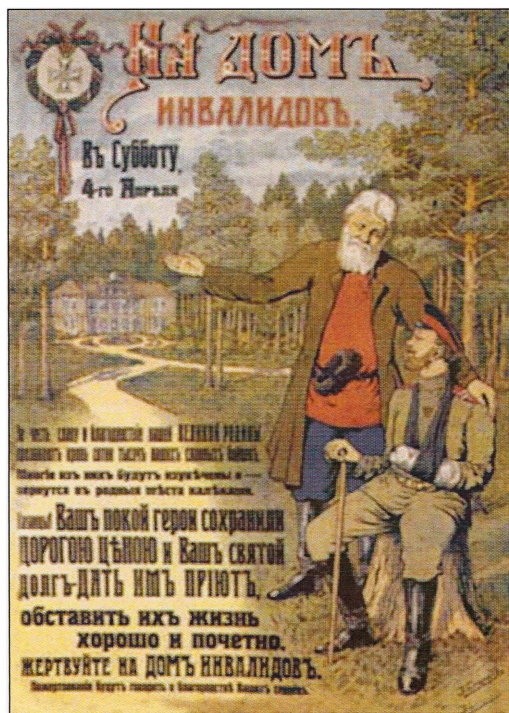
Плакат «Покупайте военный 5 1/2 % заем». Художник Р. Г. Заррин. 1916

Плакат «Во всех залах благородного собрания...». Художник В. М. Васнецов. 1914

Плакат «Военный заем». Художник не известен. 1916

Плакат «На дом инвалидов». Художник Э. Спориус. 1914

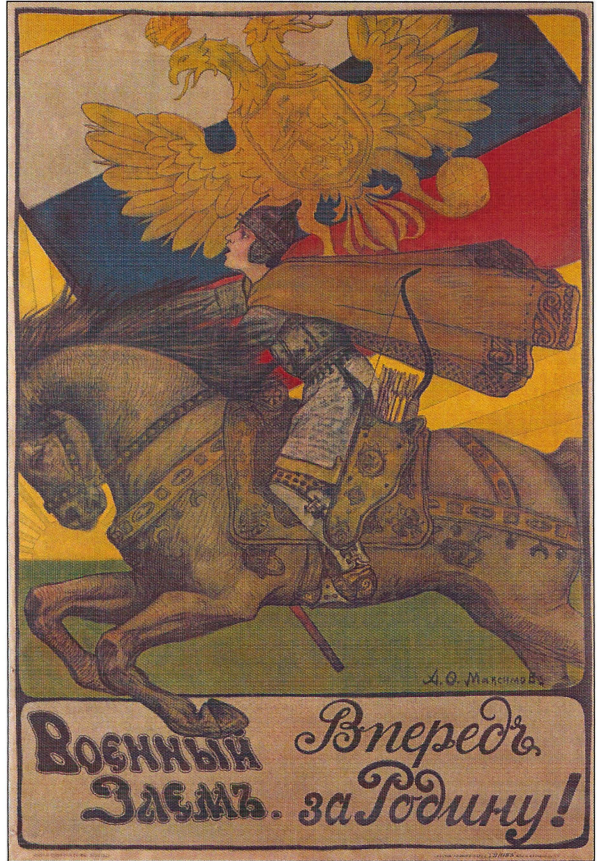
Плакат «Военный
5 1/2 % заем».
Художник
не известен. 1916

Плакат «5 1/2 % военный
заем». Художник
И. А. Владимиров

Плакат «Кто подпишется на военный $5\frac{1}{2}\%$ заем, тот поможет нашим героям уничтожать врагов». Художник не известен. 1916

Плакат «Военный заем.
Вперед за Родину!».
Художник А. Ф. Максимов.
1915

Плакат «На табак солдату».
Художник А. П. Апсит. 1915

Плакат «На помощь жертвам войны». Художник С. А. Виноградов. 1914

Плакат «Для раненых на передовых позициях». Художник А. Е. Архипов. 1914

Плакат «Помогите детям воинов».
Художник В. Лебедев. 1914

Плакат «Выставка картин и скульптуры. Художники товарищам воинам».
Художник Г. П. Пашков. 1915

Плакат Всероссийского земского союза помощи больным и раненым.
Художник К. А. Коровин. 1914

**ЛЕТОПИСЬ ВОЙНЫ
1914 ГОДА**

ВЪ ДВѢХЪ СЪСЛАВѢХЪ ЛѢТѢХЪ 1914,
и 60 ЛѢТЪСЛѢНІИ ЛѢТѢ 1914-22.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ЖУРНАЛЫ, КЛАССИЧЕСКИ НА ПРИБЛИЖИТЕЛЬНО
ЛЕТОВЫХЪ ИЗДАВАНІИ ПО СЪВѢДѢНІИХЪ ПРОГРАММѢ:

1. Оперативный отчетъ (ИСТОРИЧЕСКІЕ, военныя, артиллерійскія, инженерныя и проч.); 2. Оперативныя документы съ войны; 3. Статьи, разсказы, очерки, корреспонденція съ войны; 4. Карикатуры, юмористическія рисунки; 5. Описанія войны на Русіи; 6. Разныя анекдоты и статьи и матеріалы, собранныя и по ходу войны.

Каждый номеръ за мѣсяцъ 28 страницъ большого формата богато снабженъ рисунками, картинками, портретами, планами, картами, таблицами.

ИЗДАВАНІЯ (1914) съ доставкой и пересылкой по заказу 1 рубль. 1-я. Обыкновенный номеръ 20 к., съ пересылкой 25 коп., исключительнаго выходящаго 30 коп.

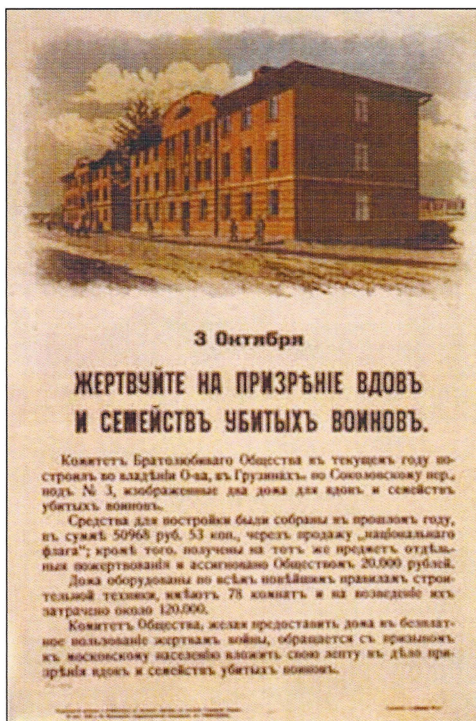
ИЗДАВАНІЯ ПРИБЛИЖАЮТСЯ Въ Редакціи и Книжной торговлѣ С.П.Б. Невьянское ул. 21.
Телеръ 427-05 и по всѣмъ областямъ по адресу издательства по газетамъ и журналамъ.

Редакторъ-издатель: Д. Д. Дризенскій

Плакат «Летопись войны 1914 г.»

Плакат «Жертвуйте на устройство дома для увечныхъ воиновъ». Художник А. В. Моравов. 1916

Плакат «Жертвуйте на призрѣніе вдовъ и семействъ убитыхъ воиновъ». Художник не известен. 1916

Плакат «Москва русским воинам в плену». Художник С. А. Виноградов. 1915

Плакат «Среди цветов».
Художник А. В. Моравов. 1916

Плакат «Выставка картин и скульптур русских художников». 1915

Плакат «Русской армии артисты Москвы». Художник Н. А. Андреев. 1915

Плакат «Почта. Телеграф. Телефон». 1916

Временный госпиталь в частном училище Мезинга

Плакат «Помогите увечным воинам».
Художник С. А. Виноградов. 1916

Плакат «Торговцы Москвы солдатам-инвалидам». Художник Д. И. Мельников. 1915

Плакат «Пасхальный базар». Художник Б. В. Зворыкин. 1916

Плакат «Жертвуйте семействам павших воинов-артистов варьете и цирка». Художник С. М. Мухарский. 1916

Плакат «Жертуйте на переносные бани в окопы».
Художник С. М. Мухорский.
1916

Плакат «Жертуйте на книгу солдату».
Художник С. М. Мухорский. 1914

Военнопленные (из журнала «Нива»)

Николай II с сыном

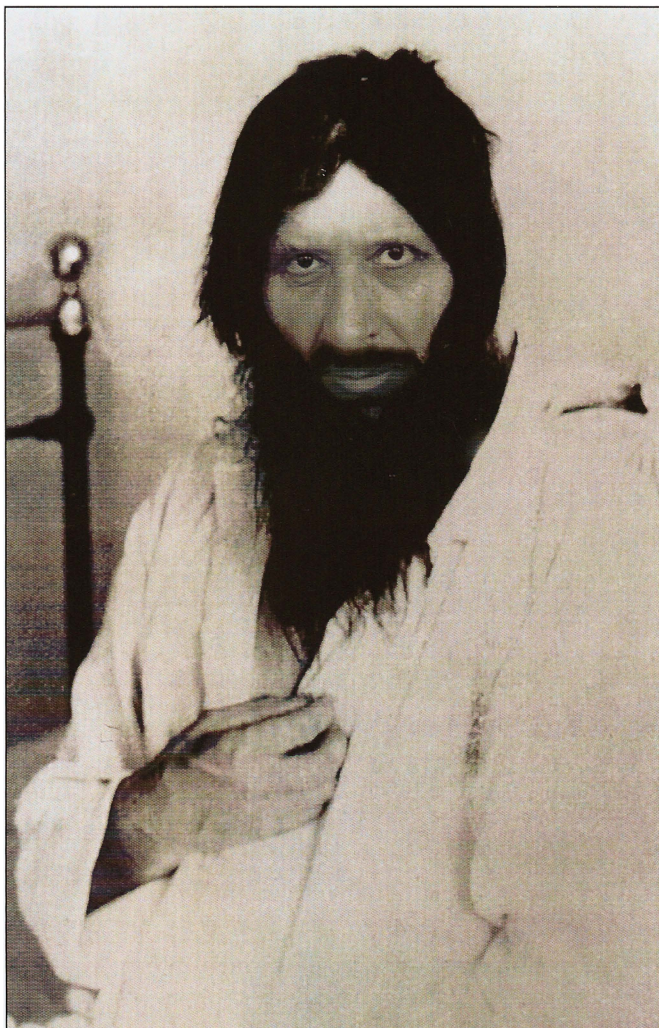
Императрица Александра Федоровна

Великий князь Николай Николаевич

И. Л. Горемыкин

Г. Е. Распутин

Н. А. Маклаков

Б. В. Штюрмер

В. В. Шульгин

Н. Е. Марков

П. Н. Милюков

И. И. Петрункевич, В. И. Вернадский, Д. И. Шаховской

А. И. Шингарев

В. А. Маклаков

А. Ф. Керенский

Фасад Таврического дворца

Баррикады на Литейном проспекте в феврале 1917 г.

Войска у Государственной думы в феврале 1917 г.

Открытка, посвященная Февральской революции. 1917

Похороны погибших в ходе Февральской революции. 23 марта 1917 г.

Депутаты на Марсовом поле. В первом ряду третий слева – М. А. Аджемов, четвертый – М. В. Родзянко, пятый – А. И. Гучков. 23 марта 1917 г.

ДА ЗАРАВСТВУЕТЬ СВОБОДНАЯ РОССИЯ!
2 МАРТА 1917 г.
НОВОЕ ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО.

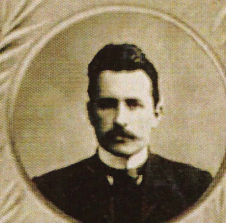
П. Н. МИЛЮКОВЪ.
МИНИСТРЪ ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ.

К. Г. Е. ЛЬВОВЪ.
ПРЕДСѢДАТЕЛЬ СОВѢТА МИНИСТРОВЪ
И МИНИСТРЪ ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

Д. Ф. КЕРЕНСКІЙ.
МИНИСТРЪ ЮСТИЦІИ.

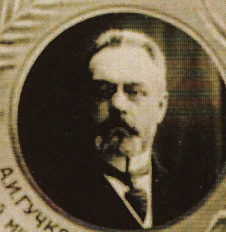
Н. В. НЕКРАСОВЪ.
МИНИСТРЪ ПУТЕЙ СООБЩЕНІЯ.

А. И. КОНОВАЛОВЪ.
МИНИСТРЪ ТОРГОВЛИ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

ПРОФ. А. А. МАНУИЛОВЪ.
МИНИСТРЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

А. И. ГУЧКОВЪ.
ВѢДЕННЫЙ МИНИСТРЪ.

А. И. ШИНГАРЕВЪ.
МИНИСТРЪ ЗЕМЛЕДѢЛІЯ.

М. И. ТЕРЕЩЕНКО.
МИНИСТРЪ ЭКОНОМИКИ.

И. В. ГОДНЕВЪ.
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЕРЪ.

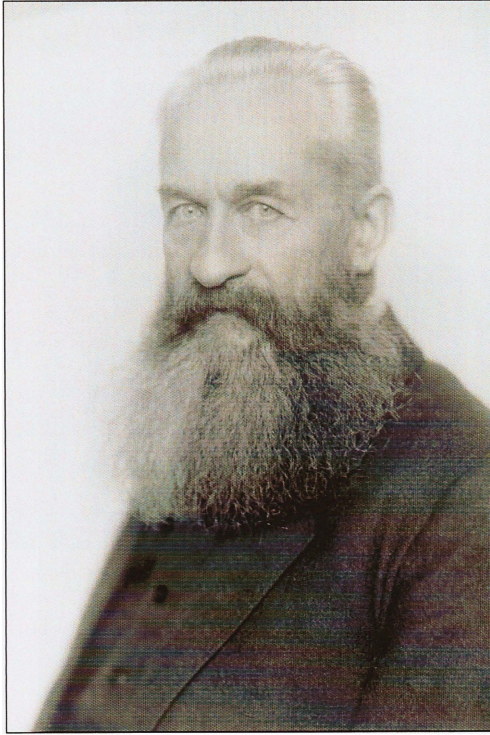

В. Н. ЛЬВОВЪ.
ОБЕРЪ-ПРОКУРОРЪ СВ. СИНДА.

В. И. РОДИЧЕВЪ.
МИНИСТРЪ ПО ДѢЛАМЪ ФИНЛЯНДІИ.

Первый состав Временного правительства. 2 марта 1917 г.

Г. Е. Львов

А. Ф. Керенский (сидит в центре). 1917

Митинг на Невском проспекте. 1917

И. Г. Церетели

В. М. Чернов

Арх. Тихон (будущий патриарх). 1916

Епископ Евлогий

Плакат «Заем свободы». Художник Б. М. Кустодиев. 1917

Плакат «Заем свободы. Война до победы». Художник П. Д. Бучкин. 1917

НАБРОСОКЪ СЪ НАТУРЫ.

(Русской, конечно.)

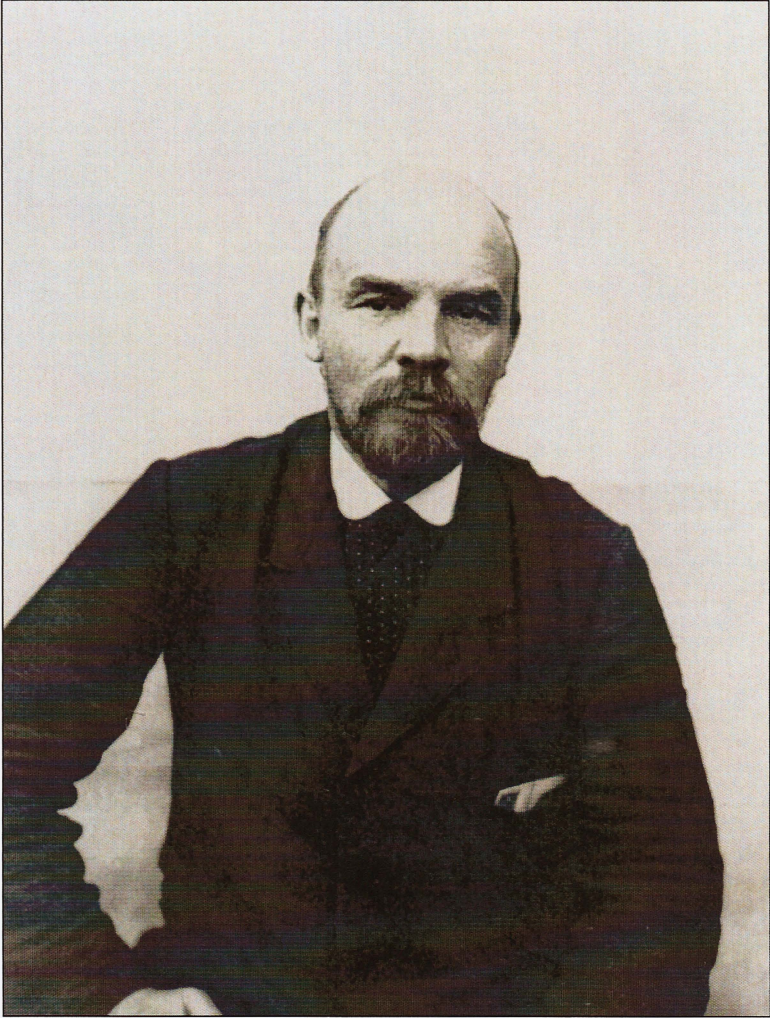
Рис. В. Лебедева.

ВСЕ ЗАБЫТО.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Колумбовъ В. И. Москва

Карикатура «Все забыто». Художник В. Лебедев. Из журнала «Сатирикон». 1917

В. И. Ленин

Карикатура «Как немцы большевика на Россию выпускали». Художник И. Билибин. 1917

Предвыборный плакат социал-демократов. 1917

3 марта 1918 г. Празднование мира

сильнее*. Но отмечались и другие пропагандистские крайности. «Ваши деньги превратятся в патроны и снаряды», – взывал к жертвователям в апреле 1916 г. один из многочисленных «Приходских листков»**.

Благостные настроения скоро сошли на нет. Письма с фронта отразили перемены в религиозных переживаниях солдат: упование на Бога, вера в силу молитвы и охранительную мощь креста исчезали. Боевые неудачи, голод, вши, плохое обмундирование, инфекционные болезни, а равно и слухи об «измене» царя и царицы, похождения Распутина резко снизили уровень «окопной религиозности». Все чаще у солдат и матросов обнаруживались антицерковные настроения, религиозная благость вытеснялась циничным взглядом на веру, а «потеря души» оборачивалась пьянством, депрессией и откровенным богохульством. Известны случаи, когда солдаты сжигали кресты на братских могилах***. Религиозно-протестные настроения фронтовиков обострялись: если в 1915 г. священников и церковь порой лишь обвиняли в отступлении от заповедей Христовых****, то в 1916 г. случались массовые уклонения от исполнения обрядов, переходящие в отрицание Бога*****. Образ героя-священника, крестом поднимающего на подвиг, в сознании солдат сменился образом попа, к «традиционным» порокам которого добавились новые прегрешения. К примеру, в солдатском фольклоре появляется фигура попа-волокиты за сестрами милосердия*****.

Разумеется, потребность в вере не исчезала. Сохранилось «коллективное завещание» офицеров и воинов 464-го пехотного Селигерского полка, подписанное полковым священником о. Василием (Беляевым). Солдаты и офицеры, ожидавшие отправки на фронт, просили губернатора установить постоянную молитву в храмах и обителях о здравии воинов, а после их гибели – непрестанное поминовение*****. Предполагалось, что так можно установить «молитвенное единение... с населением местности», где дислоцировался полк. Такое

* Друг пахаря. 1915. № 3. С. 4–5.

** Цит. по: *Кандидов Б.* Империалистическая война 1914–1918 гг. и религия. (Пояснительный текст к серии диапозитивов на стекле). М., 1936. С. 9.

*** См.: *Федорченко С. З.* Народ на войне. Фронтовые записки. Киев, 1917; *Войтоловский Л.* По следам войны. Походные записки. М.; Л., 1928. С. 135; *Асташов А. Б.* Русские солдаты и Первая мировая война: Психоисторическое исследование военного опыта // *Социальная история. Ежегодник. 2001/2002.* М., 2004. С. 412.

**** *Поршинева О. С.* Социальное поведение солдат русской армии в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) // *Социальная история. Ежегодник. 2001/2002.* М., 2004. С. 394.

***** *Федорченко С. З.* Указ. соч. С. 100, 111, 120.

***** *Колоницкий Б. Н.* «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. С. 336–337.

***** Тверская губерния в годы Первой мировой войны. С. 140–142.

предложение, вероятно, было связано с тем, что бытовые скандалы с участием военных, увы, становились заурядным явлением.

Инициатива священника получила широкую известность, и вскоре командование полка прислало с фронта благодарность тверичанам, деликатно намекая при этом на переизбыток подарков – икон, крестиков и предметов обихода^{*}.

По мнению протопресвитера Шавельского, многие священники достойно выполнили свой долг^{**}. По отзывам тех, кто был с ними в окопах и госпиталях, их деятельность возрождала «христианскую любовь первых веков»^{***}. Но нельзя забывать и о других мнениях. «Духовенству не удалось вызвать религиозного подъема среди войск... вера не стала началом, возбуждающим на подвиг или сдерживающим от развития... звериных инстинктов», – констатировал А. И. Деникин^{****}. Представляется, что генерал преувеличивал степень ответственности церкви и ее пастырей за просчеты военного командования и самодержавия.

3. Конфессии, общественность и религиозные настроения в тылу

Приоритеты служения всех конфессий Российской империи определялись общим принципом: влить в горькую чашу народной скорби бальзам утешения и упования на милость Божию. Православные приходские батюшки и епархиальные архиереи, равнины и муллы, пасторы и ксендзы на протяжении всей войны лично благословляли уходящих на фронт, произносили вдохновенные проповеди, объезжали госпитали или пристанища беженцев, поминали погибших, неустанно увещевали тыловое население^{*****}. Как сказывалось это на религиозных настроениях?

Факты, характеризующие тыловую религиозность, противоречивы. Через год после начала войны церковная пресса отмечала, что «примирить и объединить церковные элементы, сблизить их, сплотить хотя бы во имя патриотической цели» все еще не удалось^{*****}. Разумеется, не обошлось при этом без ханжества, инициированного официальными лицами. Так, благотворительными сборами по церквям занялась А. И. Горемыкина, супруга премьера, а жена скандально прославившегося военного министра Е. В. Сухомлинова требо-

* Там же. С. 145–146.

** *Шавельский Г., протопр.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 2. С. 91–108.

*** *Амвросия (Оберучева), мон.* Указ. соч. С. 171, 174.

**** *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль–сентябрь 1917. М., 1991. С. 79–80.

***** *Никон (Рклицкий), арх.* Указ. соч. С. 385.

***** Церковный вестник. 1915. № 31. Стб. 923.

вала содействия церкви в проведении уличных сборов^{*}. Супруги этих дам не пользовались, мягко говоря, общественным доверием.

Несомненно, православное духовенство увидело в войне возможность укрепить свои позиции: как отмечали сами служители культа, «народ духовно воскрес». В ужасах войны (мобилизация, реквизиции, наплыв беженцев и военнопленных, первые потери и призрак голода) людям виделась кара Божья, а редкие удачи на фронте вселяли надежду на прощение. Повсеместно отмечался наплыв народа в храмы, участились обращения к исповеди и покаянию, а «в окнах деревенских изб светились лампадки... перед которыми россиянки молились по ночам». Приходские настоятели наблюдали увеличение «показателей обрядности»: росли продажи просфор, чаще заказывались молебны с акафистами^{**}, а «частичные проявления безверия, распущенности и хулиганства», по их мнению, «гасли в общем массовом благочестии»^{***}. Были отмечены массовые венчания перед отправкой на фронт, «дабы встретиться хотя бы на небесах»^{****}. На деле подобные явления относились скорее к области магического, нежели религиозного. Было заметно распространение всякого рода суеверий: женщины обращались к прорицателям и гадалкам, верили в скорый конец света^{*****}. В Тверской губернии «старые бабы пророчествовали пришествие антихриста и анчутки беспятого, свержение царств и бедствия народные»^{*****}. В армии распространялись слухи об избавлении от смерти с помощью молитв, солдат посещали небесные видения^{*****}.

Общественности, как светской, так церковной, казалось, что большую роль сыграло «благодетельное отрезвление народа по Царскому слову» – прекращение торговли вином. Такую иллюзию вызвали первые итоги мобилизации. «Отовсюду идут сообщения, что за один месяц русский народ духовно совсем переродился», осознав, «каким великим благом может быть... трезвость», – с восторгом заключал корреспондент «Вестника военного и морско-

* Рункевич С. Г. Указ. соч. С. 58.

** Щербинин П. П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX века. М., 2004. С. 252–253.

*** ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 34378. Л. 32.

**** Так, в селе Адашево в 1914 году венчались 19 пар. См.: Приход Троицкой церкви с. Адашево Кадошкинского района. Республика Мордовия // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://troickaya.adashevo.ru/istoriay/page5.htm>. Подобные случаи известны также в Тамбовской губернии и других регионах России // Щербинин П. П. Указ. соч. С. 244.

***** Щербинин П. П. Указ. соч. С. 251.

***** Тверской край в XX веке: Документы и материалы. Вып. 2. 1907 – февраль 1917 / Науч. ред. М. М. Червякова. Тверь, 1995. С. 117.

***** Вестник военного и морского духовенства. 1915. № 13–14. С. 407, 443.

го духовенства»*. В деревне вроде бы исчезли такие обычные прежде явления, как ссоры, кражи; сельские и волостные сходы стали проходить спокойнее**. На время простые люди словно забыли житейскую мудрость: «До Бога высоко, до царя далеко», перестали уповать на собственные силы и потянулись к церкви (символу Бога), к священнику (символу власти). На начальном этапе войны даже сократилась численность нищих и бродяг. Полицейские сводки рисовали трогательную картину осознания народом необходимости «войны на благо Родины»***.

Первые церковные праздники в августе 1914 г. прошли скромно и даже уныло. В день Успения Божьей Матери собиравшиеся в храмах богомольцы, особенно женщины, поговаривали, что война – наказание за грехи, особенно за разлады в семейной жизни. Священники также чувствовали себя неуверенно. Справиться со страхом непредсказуемости помогало «деятельное» отношение к войне. Прежде других осознали это священнослужители прифронтовых областей, они же преподнесли образцы христианского бескорыстия. Так, при больнице Почаевской лавры открылся перевязочный пункт, монахи поголовно стали братьями милосердия, приобретавшими при этом на свои средства перевязочные материалы, необходимый инвентарь, продукты питания. В Житомире был спешно создан церковно-общественный комитет во главе с Евлогием для координации деятельности госпиталей, размещенных в зданиях духовного ведомства. Врачи и священники, городские «дамы высокой души» зачастую обслуживали раненых прямо на вокзалах при транспортировке их по месту жительства. Скоро появились раненые и в центральных губерниях. Первых из них население встречало цветами, восторженными приветствиями, вкусной едой. Однако, когда по дорогам потянулись перегруженные подводы с изуродованными телами солдат (железнодорожного транспорта не хватало), которых по прибытии на место попросту сваливали на землю, стало ясно, что требуется серьезная организация помощи страждущим на всем пути их следования****. Между тем организация лечения больных и раненых находилось в состоянии беспорядка*****. Сказывалась неподготовленность ответственных служб и хаотичность общественной благотворительности.

* Цит. по: *Сенин А. С.* Указ. соч. С. 162; Церковный вестник. 1914. № 44. Стб. 1313.

** См.: *Карпачев М. Д.* Воронежское крестьянство в годы Первой мировой войны // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX вв. Тамбов, 2002; *Никон (Рклицкий), арх.* Указ. соч. С. 403–404; ГАТО. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 3034. Л. 1–1 об.

*** ГАТО. Ф. 927. Оп. 1. Д. 1892. Л. 241–242.

**** *Варнек Т.* Указ. соч. С. 23–25.

***** *Валдрон П.* Образ раненого солдата в официальной пропаганде и народном восприятии во время Первой мировой войны // *Маленький человек и большая война в*

Со страниц церковной прессы раздались призывы к милосердию и оказанию общественной помощи пострадавшим^{*}. К делу призрения раненых, беженцев, членов семей мобилизованных присоединились практически все епархии^{**}. В Твери на августовском съезде монастырей было решено открыть лазарет при архиерейском загородном доме и выделить на его содержание 40 тыс. руб. из монастырских капиталов. Под помещения лазаретов отвели здания Тверской духовной семинарии (на 500 кроватей), двух духовных училищ – в Торжке и Красном Холме, а также помещения нескольких монастырей^{***}. Нечто подобное происходило повсеместно. Студенты Петроградской духовной академии на собственные средства организовали лазарет на десять коек^{****}. Московские монастыри постановили ежемесячно отпускать 12 000 руб. на содержание раненых, а в Сергиевой лавре устроили лазарет на 200 кроватей^{*****}. В Московской губернии практически все духовные школы разместили в своих классах раненых и больных инфекционными болезнями^{*****}. Уже в августе лазареты, открытые на епархиальные средства, появились в Перми, Томске, Барнауле, Пензе^{*****}. В Тамбове санитарные поезда на вокзале встречал сам архиепископ Тамбовский и Шацкий Кирилл (Смирнов).

В сентябре 1914 г. в Томске под руководством одного из протоиереев был открыт «Благотворительный в пользу раненых воинов кружок дам духовного звания», а вслед за ним подобные организации появились в Барнауле, Ново-Николаевске. В лазареты и в действующую армию направлялись вещевые посылки, в тылу открывались приходские школы для детей беженцев. Аналогичная деятельность развернулась в Пермской епархии^{*****}. Духовенство Пензенской епархии, возглавляемое архиепископом Митрофаном, уже в начале сентября собрало 2400 руб. на нужды военного времени и врачевание пострадавших^{*****}. Отдельные причты, епархиальные

истории России. Середина XIX – середина XX века. Научные доклады. СПб., 2013. С. 84.

* Церковный вестник. 1914. № 48. Стб. 1453–1454.

** Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 2787. Л. 10 об.

*** ГАТО. Ф. 128. Оп. 1. Д. 17. Л. 22–22 об.; Церковный вестник. 1914. № 43. Стб. 1301.

**** Церковный вестник. 1914. № 44. Стб. 1337.

***** Там же. № 41. Стб. 1238.

***** Московские церковные ведомости. 1917. № 3–4. С. 55.

***** См.: Пензенские епархиальные ведомости. 1914. № 23. 1 декабря. С. 981; Пермские епархиальные ведомости. 1915. Сентябрь.

***** Святомученик Андроник, Архиепископ Пермский и Кунгурский // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.rodion.perm.ru/articles.php?lng...>

***** Пензенские епархиальные ведомости. 1914. № 23. С. 981.

архиереи, жены священников жертвовали деньги и вещи – соответствующими сообщениями пестрели страницы епархиальной прессы*. Только в 1915 г. силами православного духовенства на нужды фронта было собрано 6,1 млн руб.**

Активно включились в попечительскую деятельность евангельские христиане-баптисты. Они открыли несколько лазаретов в Петрограде, Москве, Балашове, Астрахани; на нужды Красного Креста регулярно жертвовали общины Тифлиса, Житомира, Риги; латышские евангелисты открыли мастерскую по пошиву одежды для солдат, а двух своих «братьев» направили санитарями на фронт***.

В госпитальном движении активно участвовала и православная молодежь. В 1914 г. в составе санитарных семинарских дружин добровольцами на фронт направились воспитанники духовных семинарий и училищ. Даже в 1916 г., когда военно-патриотическая эйфория угасла, семинаристы продолжали рваться в действующую армию****.

Искренний энтузиазм не мог остаться незамеченным. Не случайно в официальной пропаганде постоянно использовалась православная символика: на плакатах, открытках и фотографиях раненый солдат непременно помещался на фоне церкви*****. Однако общая картина бедствий войны становилась все более неприглядной. В госпиталях уже осенью 1914 г. свирепствовали сыпной тиф, дизентерия, холера*****. Число умирающих от ран и болезней нарастало.

Недостаток должного ухода за ранеными возбудил в прессе вопрос о восстановлении древнего института диаконис, которые могли бы стать квалифицированными наставницами сестер милосердия*****. Церковное руководство готово было откликнуться на это предложение. Но развитие событий, как в тылу, так и на фронте, стали определять иные факторы.

* Смоленские епархиальные ведомости. 1914. № 23, С. 719; № 24. С. 751–753; *Кижаяева Т. А.* Социально-карикативная деятельность православных учреждений Томской епархии в годы Первой мировой войны // <http://new.hist.asu.ru/biblio/borod5/got/70.html>; *Никон (Рклицкий), арх.* Указ. соч. С. 403.

** См.: Церковно-общественный вестник. 1915. № 2.

*** История евангельских христиан баптистов России. С. 88–89.

**** ГАТО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 1550. Л. 83.

***** *Валдрон П.* Указ. соч. С. 89–90.

***** *Амеросия (Оберучева), мон.* Указ. соч. С. 181, 229.

***** Церковный вестник. 1914. № 41. Стб. 1236.

4. Динамика межконфессиональных и внутриконфессиональных конфликтов

Вопреки официальной установке на преодоление конфессиональных противоречий и этнических конфликтов, с началом военных действий временное «религиозное перемирие», связанное с принятым в 1905 г. законом о веротерпимости, так или иначе закончилось. Правительство, а вслед за ним и официальная церковь все более подозрительно относились к представителям неправославных конфессий и всякого рода сектантам. Образ иноверца как внутреннего врага вольно или невольно усиливался в результате миссионерской деятельности, как правило, весьма агрессивной.

В условиях войны все граждане стараются выглядеть верноподданными – хотя бы из потребностей самосохранения. Их поведение убеждало далеко не всех. Так, с началом войны потепление отношения к евреям было заметно лишь на уровне официальных деклараций и журналистских публикаций. В мусульманских анклавах расцвели подозрения в пантюркизме и панисламизме, которые якобы «подогревались» мусульманским духовенством*. Русские протестанты, как последователи «немецкой веры», все откровеннее рассматривались как потенциальные и явные немецкие агенты**. Пропаганда подкреплялась соответствующей изопродукцией для простонародья.

Между тем отголоски традиционной взаимной конфессиональной подозрительности дали о себе знать уже в первые месяцы войны. А. Оберучева отмечала, что успешная работа русских госпиталей и питательных пунктов в юго-западной прифронтовой полосе во многом зависела от отношения к их сотрудникам местного католического духовенства. Подчас взаимопонимание достигалось с трудом. Так, в монастыре Яна Собесского расположился питательный пункт и его персонал, состоявший по преимуществу из молодых людей. Не испытывая уважения к чужим святыням, они развлекались, запуская из окон ракеты, устраивая шумные игрища, а на статуях святых демонстративно или по невежеству развешивали одежду и оружие. Набожная Оберучева отмечала, что она скорее находила общий язык с местными ксендзами, чем с такими «православными»***.

Однако война не только разъединяла, но духовно сближала людей. В ряде случаев военнопленные славяне, особенно униаты, обнаруживали желание перейти в православие или просто посещали православную службу****.

* Тихонов А. К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в. СПб., 2007. С. 259–260.

** Никольская Т. Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 годах. СПб., 2009. С. 43.

*** Амвросия (Оберучева), мон. Указ. соч. С. 192–193, 204–205.

**** Рункевич С. Г. Указ. соч. С. 190–191.

В порядке привлечения симпатий чехов православная пресса даже попыталась подправить образ Яна Гуса – получалось, он был «по преимуществу христианским моралистом»^{*}.

В силу официальной установки на «единство славянства» в начальный период войны в церковных кругах возник соблазн решить так называемый униатский вопрос. Однако руководители униатов во главе с митрополитом А. Шептицким слышать не хотели о переходе под омофор православной церкви. Тем не менее Евлогий по личному распоряжению императора и повелению Синода занялся воссоединительным делом в Восточной Галиции. Позднее он объяснял свое рвение тем, что накануне мировой войны в Карпатской Руси и Галиции «стало побуждаться стремление вернуться к вере своих отцов», но русское общество и правительство равнодушно отнеслось к этому вопросу^{**}.

Официальная вероисповедная политика в Галиции, принципы которой были изложены в местной прессе, выглядела достаточно противоречиво. С одной стороны, провозглашалась «полная веротерпимость», отказ от насильственных обращений в православие. Вместе с тем было решено не допускать возвращения скрывшихся униатских и католических священников на прежние места службы как «недостойных иереев, бросивших паству»^{***}. Местному населению приходилось выбирать между перспективой остаться без пастырей и согласием на православного священника. Сам Евлогий, как считал Шавельский, сформировал «целый полк сподвижников, огромный процент которых составляли иеромонахи Почаевской Лавры, полуграмотные, невоспитанные, невежественные». Им предстояло заменить прежних священников, которые «почти все имели университетский диплом и блестящую практическую выучку». Генерал-губернатор Галиции гр. Г. А. Бобринский «считал работу Евлогия вредной для русского дела, опасной для местного населения». Его пришлось удалить из Галиции. Тем не менее он все же получил за свои воссоединительные деяния высокую (особенно для его возраста и стажа работы) награду – бриллиантовый крест на клобук^{****}. А в столице упорно напоминали о разрыве с униатством 17 галичан (это были дети-сироты) как о «торжестве православия»^{*****}. Цитировалась речь протоиерея Мануила Немечека по случаю присоединения московских чехов к православию в храме Христа Спасителя: «...Главнейшим источником величия, мощи и благоденствия русского госу-

^{*} Церковный вестник. 1915. № 26. Стб. 792.

^{**} *Евлогий (Георгиевский), митр.* Указ. соч. С. 235.

^{***} См.: Львовское военное слово. 1914. 26 сентября; Прикарпатская Русь. 1914. 26 сентября.

^{****} *Шавельский Г., протопр.* Воспоминания последнего протопресвитера... Т. 1. С. 169, 181.

^{*****} Церковный вестник. 1914. № 51. Стб. 1543.

дарства была именно вера православная»*. В Одессе к концу 1916 г. присоединилось к православию 767 униатов и до 10 католиков из числа беженцев**.

Все чаще публиковались «пастырские беседы» особого рода. Получалось, что у России три врага – лютеранство, католицизм, мусульманство. Первого духовного противника представляют кичливые, ставящие себя выше других народов немцы; католиков, которые стремятся навязать свою веру всему миру, представляет Австро-Венгрия, а ислам, «насажденный в странах востока арабским лжепророком Магометом», исповедуют турки. На Кавказском фронте с мечетями не считались – сбросив полумесяц, водрузив крест и наскоро освятив, устраивали в них моления, к которым присоединялись даже старообрядцы-беспоповцы***.

Между тем осенью 1915 г. иллюзиям православного единения был нанесен ощутимый удар: Болгария выступила на стороне противников Антанты. «При первом известии о союзе болгар с Турцией дрогнуло русское сердце, почувало оно грех и затрепетало, – писал священник Н. Сосунцов. – Онемеченное болгарское правительство толкает народ на ужасное преступление, и коварное стадо бессмысленно марширует прямо в геенну огненную...»**** В этих словах звучало чувство, близкое к отчаянию. Логика войны все более расходилась с панславистскими и православно-мессианскими иллюзиями.

К числу острых вопросов конфессиональной политики относился и еврейский вопрос. Привычные заверения еврейских общин в лояльности императору и всему царствующему дому теперь не убеждали антисемитов. Миссионеры утверждали, что евреи, обосновавшиеся в госпиталях Земского союза, не позволяют вывешивать в палатах иконы****. В обывательской среде бытовало мнение, что «евреи, особенно в Галиции, больше сочувствовали австро-германской армии, нежели русской». Более того, из Ставки сообщали, что «среди еврейского населения имелось наибольшее количество неприятельских шпионов... доставлявших сведения через фронт или путем сигналов, либо поджидавших прихода неприятеля с готовыми данными о численности и вооружении русских войск»*****. Бытовой антисемитизм усугублялся тем, что верующие евреи неукоснительно исполняли обряды. Персонал русских госпиталей тщетно обращался к раввинам с просьбой убедить санитарок-евреек (а их было немало) выходить на работу по субботам. Для решения проблемы Красный Крест вынужден был заменять персонал. Польское насе-

* Прибавления к Церковным ведомостям. 1915. № 41. С. 2176–2177.

** Церковный вестник. 1916. № 49–50. Стб. 842.

*** Вестник военного и морского духовенства. 1915. № 13–14. С. 404–405; № 20. С. 634.

**** Церковный вестник. 1915. № 40–52. Стб. 1219.

***** Там же. 1916. № 35–36. Стб. 685.

***** *Ольденбург С. С.* Царствование императора Николая II. М., 2003. С. 554.

ление, поддерживаемое ксендзами, отказывалось контактировать с ранеными солдатами-евреями^{*}. А тем временем православный миссионерский журнал устами С. Бродского призывал евреев «проливать свою кровь, отдавать свою жизнь за человечность – во имя настоящей христианской культуры»^{**}.

В центральной России под особым подозрением оказались евангельские христиане-баптисты. Им запрещалась проповедь, один за другим закрывались молитвенные дома, последовали аресты и ссылки активистов, как «пособников Германии» и «врагов русского царя»^{***}. Антисектантские проповедники (в их ряды встали даже преподаватели духовных учебных заведений) отмечали усиление пропаганды сектантства, в особенности баптизма и штунды, в армии и госпиталях^{****}. В церковной прессе указывалось, что «кивания на европейскую культуру, особенно когда затрагивается [вопрос] о свободе совести», также связаны с баптистами; отмечалось при этом, что с думской трибуны их защищает П. Н. Милюков. Здесь же приводился отзыв английского корреспондента о России, опубликованный баптистским журналом: «Там камни к земле привязаны. Зато бешеные собаки на свободе гуляют!»^{*****} По отношению к союзникам это звучало не вполне корректно.

Повторяющиеся рассказы о зверствах немцев на оккупированных территориях, разрушениях и осквернениях православных храмов, надругательствах над православными священниками призваны были внушить обывателю, что этнические немцы – прирожденные враги русского народа^{*****}. Штундобаптизм объявлялся «порождением воинствующего германизма, сектой социально-религиозной, сулившей даровое спасение, святость, возможность прийти к Христу и во всей своей грязи», орудием «пангерманизма»^{*****}.

Борьба «с немецким засильем» развернулась и на конфессиональной почве. Так, от антинемецких настроений пострадали 84 лютеранских пастора (30 из них были сосланы в Сибирь, остальные принудительно выселены)^{*****}. Осенью 1915 г. заволновались баптисты: прошел слух, что вслед за немцами их вышлют в Сибирь. Баптистские проповедники активизировались в Тифлисской и Елизаветпольской губерниях, в Тифлисе они даже выступали

^{*} Амвросия (Оберучева), мон. Указ. соч. С. 191–193.

^{**} Церковный вестник. 1916. № 25–27. Стб. 544.

^{***} История евангельских христиан баптистов России. С. 89.

^{****} Церковный вестник. 1914. № 51. Стб. 1554.

^{*****} Прибавления к Церковным ведомостям. № 44. 1915. С. 2263.

^{*****} Вестник военного и морского духовенства. 1915. № 7–8. С. 199; Письма прапорщика Е. Г. Герасимова...

^{*****} См.: Миссионерское обозрение. Журнал внутренней миссии. 1914. № 12. С. 394, 409; Айвазов И. Г. Баптизм – орудие пангерманизма. М., 1915.

^{*****} Никольская Т. Указ. соч. С. 43.

перед солдатами^{*}. Добровольные пожертвования, благотворительные акции баптистов не меняли отношения к ним. Их лидеров стали выдворять за границу. В результате почти безграничное поле для прозелитизма сектанты нашли в лагерях для русских военнопленных: после окончания войны в Россию вернулось более двух тысяч новообращенных свидетелей Христа^{**}.

Время от времени сектанты давали поводы для нападок. Так, в Сибири секта ваисовцев саботировала сбор пожертвований в пользу Красного Креста, мотивируя это тем, что это христианская организация^{***}. Наибольшие подозрения вызывали религиозные пацифисты. Был составлен список антимилитаристов 18 исповеданий (духоборов, толстовцев, молокан, квакеров, адвентистов седьмого дня, баптистов, евангельских христиан и др.), который содержал несколько сот фамилий. Оказавшись в армии, они могли разлагающе действовать на окружение, в частности склонять к дезертирству. Постоянные «сращения» происходили и в тылу^{****}. Православные миссионеры в связи с этим все агрессивнее нападали не только на «Биржевую газету» и кадетскую «Речь», но и прогрессистское «Утро России», именуя эту газету «раскольнически-живой». Под огнем их критики оказалось не только Общество 1914 г., якобы неспособное вести борьбу «с немецким засильем» в церкви, но и «примитивный» циркуляр министра внутренних дел А. А. Хвостова «о незаконном проявлении сектантства»^{*****}.

Характерно, что местные иереи вели себя по отношению к иноверцам довольно пассивно. Так, Казанская епархиальная власть довольно либерально отнеслась к массовым молениям черемисов (марийцев)^{*****}. Некоторых «ревнителей православия» архиереи одергивали, заявляя, что иной «миссионер в сюртуке ничем не отличается от сектантского безблагодатного наставника»^{*****}. Действительно, подчас миссионеры вели себя так, словно единственная цель войны – избавление от всевозможных «еретиков» внутри страны.

В донесениях губернских жандармских управлений обычно отмечалось, что «сектантства... не наблюдается, штунды, баптизма и адвентизма ...не заметно»^{*****}. Для людей подозрительных это могло означать, что «вредоносные иноверцы» ушли в подполье. Миссионеры не без оснований подозре-

* Церковный вестник. 1916. № 25–27. С. 551.

** Там же. № 46–48. Стб. 807; История евангельских христиан баптистов России. С. 90, 92.

*** Усманова Д. Указ. соч. С. 149.

**** См.: Никольская Т. Указ. соч. С. 47–49.

***** Церковный вестник. 1916. № 40–42. Стб. 745, 778–750; № 37–39. Стб. 717–718.

***** Там же. № 32–34. Стб. 655–656.

***** Там же. № 43–45. Стб. 778.

***** Тверская губерния в годы Первой мировой войны. С. 330.

вали, что демонстрации лояльности иноверцев порой носили чисто показной характер. Когда в мае 1915 г. в Москве начались немецкие погромы, некоторые немцы и евреи выставляли в окна квартир и лавочек портреты царя, российские национальные флаги^{*}.

Миссионерская пресса возмущалась: дела о сектантах, даже скопцах, рассматриваются в судах слишком «либерально». Между тем возникла «целая народная литература... о близкой кончине мира и пришествии на землю антихриста в лице кровавого Вильгельма». В Бессарабской губернии сектанты-иннокентьевцы утверждали, что война «послана Богом России как наказание за непризнание иеромонаха Иннокентия Святым духом, Спасителем мира». Дело дошло до того, что они принялись молиться «о скорейшем даровании туркам победы над русскими, чтобы скорее водвориться в новом царстве Иннокентия»^{**}.

Православно-политическая общественность становилась все более агрессивной. Съезд монархических организаций и правых партий в ноябре 1915 г. в присутствии известных православных епископов постановил «для спасения государства» объявить «жидовство» изуверской религией и всех евреев изгнать из России. Протестантов, как еретиков, предлагалось изгнать с государственной службы и конфисковать их земли^{***}. К счастью, у Синода хватило благоразумия не заметить этих подсказок.

Духовная жизнь страны неуклонно политизировалась. Православные миссионеры объявили настоящий крестовый поход против «социализма, еврейства, масонства и неверия». Аргументация была проста: Карл Маркс и Фердинанд Лассаль были «типичными евреями со всеми свойственными этой расе нравственными недостатками»^{****}. Трудно сказать, какая часть духовенства поддерживала подобные установки. В любом случае в главенствующей православной церкви назревала настоящая смута по центральному, как казалось, вопросу внутриконфессионального бытия. В августе 1916 г. в либеральной печати выступил профессор П. Верховский, усомнившийся в том, что грядущая церковная реформа должна увенчаться избранием патриарха. Как известно, в свое время Николай II запретил проведение Поместного собора РПЦ, побоявшись разобщения светской и духовной власти. Теперь же либеральный профессор принялся убеждать, что лишь до Петра I цели государства и церкви совпадали, затем последовала естественная секуляризация государственности. Поэтому «при современных изменившихся обстоятельствах восстановление

* *Lohr E.* Nationalizing the Russian Empire. The Campaign against Enemy Aliens during World War I. Cambridge (Mass.), L., 2003. P. 36–37, 39.

** Церковный вестник. 1916. № 30–31. Стб. 605–606; № 32–34. Стб. 651–653.

*** *Никольский Н. М.* История русской церкви. М., 1988. С. 434.

**** Церковный вестник. 1914. № 42. Стб. 1264; 1915. № 3. Стб. 76; № 46. Стб. 1384–1385; 1916. № 25–27. Стб. 540; № 43–45. Стб. 773–776.

патриаршества надо считать опасным делом прежде, чем не будет должным образом обеспечена полнота законодательной компетенции Гос. думы и Гос. совета». В противном случае церковь станет оплотом «иерархического бюрократизма» и «клерикализма»^{*}. Консервативная церковная пресса восприняла это заявление как стремление к «полному изгнанию не только православной, но и всякой другой религии из государственной, общественной и семейной жизни и провозглашение государственного верховенства над всеми церквями и культурами»^{**}. В обществе считали по-другому. «Наши епископы... в сущности чиновники, подписывающие бумаги и чуждые горячего религиозного порыва», – считал историк М. Богословский^{***}. Подобная полемика способствовала дальнейшему разобщению духовного пространства империи.

5. Упадок веры и появление антиклерикальных настроений

Религиозный аффект первых месяцев войны постепенно сменился растерянностью, перерастающей в отчаяние. Ежедневные заботы вытеснили страх Божий, в тылу нарастал разгул страстей отнюдь не христианского свойства. «Вера православная расшатывается, приход разлагается, влияние духовенства падает, сектантство растет, усиливается», – это заявление приходского священника Тихомолова в ноябре 1914 г. на фоне ура-патриотических публикаций смотрелось несколько необычно^{****}. Однако уже в начале 1915 г. настоятели приходов отмечали снижение уровня даже внешнего благочестия: торжища по воскресеньям, уклонение от храмовых служб и исполнения треб, непочтительность к церковной братии^{*****}. Протоиерей И. Восторгов отмечал, что «все сознают, что современная война во многом нас разочаровала, много верований и воззрений поколебала»^{*****}. Священнослужители–депутаты Государственной думы в записке обер-прокурору Св. Синода В. К. Саблеру констатировали «оскудение в церкви религиозного духа и охлаждение к ней всех слоев общества»^{*****}. Подобные настроения отмечали епископы Вятской, Московской, Нижегородской, Вологодской, Рижской и Харьковской епархий^{*****}.

* Биржевые ведомости. 1916. 14 августа.

** Церковный вестник. 1916. № 30–31. Стб. 616.

*** Богословский М. М. Дневники (1913–1919): Из собрания Государственного исторического музея. М., 2011. С. 281–282.

**** Церковный вестник. 1916. № 46. Стб. 1390.

***** ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 11169. Л. 150–163.

***** Прибавления к Церковным ведомостям. 1915. № 51. С. 2495.

***** Христианская мысль. 1916. № 6. С. 141–142.

***** Емелях Л. И. Крестьяне и церковь накануне Октября. Л., 1976. С. 46–48.

Епархиальные архиереи наперебой предлагали меры противодействия духовным настроениям. Тверской епископ Серафим (Чичагов), предвидя негативные последствия возвращения фронтовиков, озлобленных войной и казармой, призывал приходское духовенство вести работу в семьях мобилизованных, чтобы сдерживать «размахавшихся в штыковых боях» солдат*.

Безверие было связано и с другим фактором. Курский архиерей констатировал: «Хулиганство и легкомысленное отношение к вере встречаются по преимуществу среди той части молодежи, которая занимается отхожими промыслами». «Почти все молодые люди обоего пола из нашего края уходят на заработки... забывают храм Божий, и многие совершенно нравственно падают», – вторил ему нижегородский епископ**. Отмечалось, что молодежь стремительно проникается чувством вседозволенности и безнаказанности. В связи с этим поступали даже необычные для священников предложения соединить усилия церкви и земства, актуализировать тематику проповедническо-назидательных беседований с молодежью***. В Харьковской губернии также отмечалась распущенность «пролетарской» молодежи, непочтительной «к родителям и вообще к старшим»****.

Некоторые иереи ополчились на редакции газет, которые, по их мнению, «захвачены в плен в огромном большинстве неверами, чаще – врагами Церкви, явными и тайными»****. Другие заявляли, что «распространение в народе неверия – результат работы деревенских просветителей». Деревня читает все, что попадет под руку, книжный рынок наполнен брошюрами и листками сомнительного содержания, и к этому склоняются те, «кому хочется оторвать народ от церкви»*****. Считалось, что горожане развращаются чтением газет либерального содержания, кинематографом; как результат иные из них даже отказываются держать в домах иконы.

Возникали споры между светскими авторами и рьяными борцами с ересью: первые обвиняли вторых в том, что они используют «сомнительные в научном отношении материалы» и склонны выдавать за сектантов обыкновенных параноиков*****.

Наиболее решительные служители культа считали, что «причину надо искать в самом духовенстве»*****, намекая на внутриверные раздоры

* РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2793. Л. 5.

** Цит. по: *Емелях Л. И.* Указ. соч. С. 45–47.

*** РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2752. Л. 14 об.

**** Церковный вестник. 1916. № 25–27. Стб. 544.

***** Прибавления к Церковным ведомостям. № 26. 1915. С. 729.

***** Церковный вестник. 1914. № 46. Стб. 1398.

***** См.: Современный мир. 1916. № 4. С. 135–145; *Айвазов И. Г.* «Сектоведы» нашего времени. Пг., 1916. С. 10, 29.

***** Церковный вестник. 1914. № 46. Стб. 1390.

довоенного времени. Действительно, иные из числа «духовных» давали повод усомниться в праве проповедовать слово Божье. Дурной репутацией пользовались некоторые монахи. Наиболее одиозный их представитель – иеромонах Илиодор (Труфанов) проявил себя не только как праворадикальный политик, некоторое время близкий к Распутину, но и как интриган, распускавший антидинастические слухи*. Ходили разговоры о ставленнике Распутина епископе Тобольском Варнаве (Накропине), который принимал в псаломщики для освобождения от военной службы, грубо обращался со священниками, а семинаристов обзывал «ослами»**. «В Москве суд над живым и талантливым священником Востоковым – судьями... состоят его злейшие враги», – грустно констатировал историк М. М. Богословский. Разумеется, В. Востоков духовным судом был наказан***. Авторитет церковных верхов катастрофически падал.

Грехи – реальные и приписываемые – приходских настоятелей обычно бывали попроще. Иные из них неоправданно завышали стоимость треб – благо панихид становилось все больше и больше****. В обращении к пастве пермский владыка Андроник (Никольский) скорбно признавал: «Братья-воины, на короткое время появляющиеся среди нас с поля брани, почти с омерзением наблюдают преступное легкомысленное и развеселое житие одних и унылое нытье от пустой праздности других». Епископ вынужден был признать, что в глубоком тылу наблюдались и «подлое хищничество, взяточничество», и стремление «нажиться на чужой беде»*****.

Даже женщины, усердно посещавшие церковь, подчас проникались едва ли не ненавистью к ее служителям*****. Это не удивительно. Непопулярная война все больше ассоциировалась не только с продажным правительством и бездарным командованием, но и беспринципным духовенством. Антипоповские настроения захватывали в первую очередь солдаток. Одни из них, отчаявшись, уже не находили в вере утешения. Другие, получая немалое пособие за мобилизованных мужей, забрасывали хозяйство и предавались сомнительным развлечениям с расквартированными в городах военными*****.

В конце 1915 г. архиепископ Никон уверял, что воевавшие солдаты горят желанием «избавиться от беспутства, очиститься от скверны»*****.

* Колоницкий Б. Н. Указ. соч. С. 538–539.

** Дневник Л. А. Тихомирова. 1915–1917 гг. / Сост. А. В. Репников. М., 2008. С. 71.

*** Богословский М. М. Указ. соч. С. 206, 520–531.

**** Щербинин П. П. Указ. соч. С. 255.

***** Святомученик Андроник...

***** См.: Емелях Л. И. Указ. соч. С. 52; ГАТО. Ф. Р–478. Оп. 1. Д. 70.

***** Щербинин П. П. Указ. соч. С. 254–255.

***** Церковные ведомости. 1915. № 51. С. 2490.

Напротив, в 1916 г. многие архиереи сетовали на то, что их прихожан «смущают» не только отходники и партийные пропагандисты, но и фронтовики^{*}.

Повидавшие виды односельчане всегда впечатляли деревню. Но теперь рассказы бывалых людей обретали социально деструктивное качество. Со слов вятского преосвященного Феофана, проявления массовой деморализации обнаруживались постоянно: солдаты, раненые, отпускные «проповедают гнусные идеи, прикидываются неверующими атеистами; доходят до богохульства и святотатства». Еще большее зло он усматривал в быстро распространявшейся привычке впрыскивать морфий, которая захватила и часть священников. «Я предвижу великие несчастья для нашей святой церкви», – пророчествовал Феофан. В тех же выражениях высказывались архиепископы Пензенский Владимир (Путята) и Уфимский Андрей (Ухтомский)^{**}. Не удивительно, что в будущем они отошли от официальной церкви.

Потерявшие страх Божий ратники, оказавшись на время в тылу, бесстыдно воровали, позволяли «себе безобразные выходки, брань, угрозы и даже насилие». Так, нижние чины запасного батальона в Зубцове Тверской губернии «превратили кладбище в место общественных гуляний» и разгромили его так, что «стали видны кости покойников»^{***}. Духовенство уже не могло противостоять всему этому. Практикующие священники признавали, что даже в праздники не наблюдалось былого благочестия, верующие демонстративно игнорировали посты, отказывались охранять храмы по ночам^{****}.

Вызывало беспокойство церковного сообщества «размывание» духовного сословия. Писали даже о «полном подавлении и порабощении православно-русской богословской мысли чуждою немецко-протестантскою»^{*****}. На епархиальном съезде московского духовенства в 1916 г. владыка признал, что воспитанники духовных школ «уходят и для дальнейшего образования, и для практической служебной деятельности из-под крыла их Матери-Церкви»^{*****}. Действительно, проблема кадрового дефицита обострилась. Пытаясь решить ее, Св. Синод разрешил в 1916 г. епархиальным архиереям допускать женщин к исполнению обязанностей псаломщиков (естественно, с каноническими ограничениями) и поручать им церковное делопроизводство. Первыми псаломщицами становились, как правило, жены священников^{*****}.

В 1916 г. в специальном послании московской пастве митрополит московский и коломенский Макарий, поддержанный депутатами съезда благо-

* См.: *Емелях Л. И.* Указ. соч. С. 47–49, 51–52, 55–56.

** *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 332–334.

*** Тверская губерния в годы Первой мировой войны. С. 374–375, 380–389.

**** РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2793. Л. 9 об.

***** Церковный вестник. 1915. № 2. Стб. 47.

***** Журналы епархиального съезда... Московской епархии 1916 года. С. 61.

***** *Щербинин П. П.* Указ. соч. С. 230.

чинных, взывал уже не к патриотическим чувствам и христианской любви, а к здравому смыслу, откровенно признавая, что общественное недовольство войной и дороговизной «подрывают силы всего Царства». Иереи умоляли состоятельных москвичей, торговцев, благотворителей больше жертвовать на нужды ослабевших телом и духом сограждан, страдая при этом пагубными последствиями «всеобщего озлобления»^{*}.

Все чаще со стороны духовенства звучали мрачные пророчества. Пермский владыка Андроник в середине 1916 г. в своих «Размышлениях епископа после путешествия по епархии» с горечью предрекал: «...Сама Церковь от нас – русских – может уйти... и даже весьма скоро»^{**}.

* * *

Приняв на себя моральную ответственность за бремя войны, Русская Православная Церковь разделила печальную судьбу монархии. Героизм многих священников не спасал ситуации. В массе своей лица духовного звания оставались с народом, разделяя с ним тяготы невиданной войны. Доходы приходского духовенства упали более значительно, чем у других слоев населения^{***}. В 1914–1918 гг. военное духовенство понесло немалые людские потери: около 40 священников погибло, около 400 были ранены или контужены, более 200 оказались в плену^{****}. Погибали священники не только на поле боя, но и на оккупированных территориях^{*****}.

Подвиги духовенства были отмечены наградами. Священники получили 227 золотых наперсных крестов на георгиевской ленте, 14 орденов Святого великомученика Георгия, 85 орденов св. Владимира 3 степени с мечами, 203 ордена св. Владимира 4 степени с мечами, 304 ордена св. Анны 2 степени с мечами, 239 орденов св. Анны 3 степени с мечами. Сам протопресвитер был награжден орденами Александра Невского и св. Владимира 2 степени^{*****}. Но их духовные чада, с которыми они вместе оказывались под пулями, видели в них теперь своих врагов. Этому способствовала и светская пресса, «требовавшая от церкви продать на нужды войны драгоценные священные чаши и ризы с икон»^{*****}.

Как оказалось, государственная идеология, опиравшаяся на духовные ценности различных конфессий, не смогла в полной мере вдохновить фронт и тыл на победу. Сказывалось и сохранившееся с довоенных времен разномыслие –

^{*} Журналы епархиального съезда... Московской епархии 1916 года. С. 71–76.

^{**} Святомученик Андроник...

^{***} Рункевич С. Г. Указ. соч. С. 338.

^{****} Шавельский Г., *протопр.* Русская церковь перед революцией. С. 453.

^{*****} Церковный вестник. 1914. № 50. Стб. 1531–1532; № 39. Стб. 1167.

^{*****} Шавельский Г., *протопр.* Воспоминания... Т. 1. С. 186.

^{*****} Рункевич С. Г. Указ. соч. С. 332.

в православной среде за формальным благочестием таилось и двоеверие, и отголоски язычества. Сказывались и лежащие под спудом межконфессиональные противоречия. Солдаты-мусульмане, не понимавшие официальных целей войны, воспринимали ее «как могилу, как приключившееся с ними несчастье, которого невозможно было избежать»*. Непродуманная конфессиональная политика, социальная и политическая напряженность, кризис верхов шаг за шагом вытесняли «казенную» веру.

Война, помимо всего, обернулась крушением многовекового союза государства и православной церкви. Не случайно после февраля 1917 г. «духовенство в массе своей... легко поддалось революционному психозу»**. И даже обретение церковью долгожданной самостоятельности не привело к ее возрождению и, как результат, не спасло от «апокалипсических гонений» со стороны большевистской власти.

* Росс Д. Гог, Магог и аэроплан: татарская народная литература как ответ на войну (1914–1917) // Маленький человек и большая война в истории России. С. 56.

** Священный собор Православной российской церкви 1917–1918 гг. Обзор деяний. Первая сессия. М., 2002. С. 425–429.

Глава 5. ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ РОССИЙСКОГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА

(на материале Поволжья)

(*Е. Ю. Семенова*)

1. Меры чрезвычайного характера

Жизнь российской провинции в годы мировой войны представляет собой особый пласт исторического наследия. На территории тыловых районов страны, где не велись бои, война нашла выражение не только в мобилизации в действующую армию части мужского населения, но и в реализации политики чрезвычайных мер, изменивших повседневную жизнь общества, вызвала появление новых национальных и социальных групп населения, оказала влияние на социокультурное пространство, обеспечивавшее досуг жителей.

В первые дни и месяцы войны население было охвачено патриотическим подъемом. Даже в небольших населенных пунктах наблюдалось оживление общества в форме проведения торжественных молебнов и манифестаций по случаю начала войны. С папертей церковей зачитывался императорский Манифест о войне с Германией. Публика встречала его криками «ура». Организовывались шествия с национальными флагами России и союзных держав, транспарантами с надписями: «Да здравствует армия и флот!», «Да здравствует Франция!», «Долой Австрию и Германию!», портретами императора, императрицы и наследника престола. В адрес Николая II и высокопоставленных чиновников направлялись телеграммы с выражением веры в победу России и пожеланием успехов российской армии, выражением верноподданнических чувств. Как отмечалось в костромской газете в августе 1914 г. жизнь стала «лихорадочной», всюду наблюдалось воодушевление, газеты и телеграммы переходили «из рук в руки», всем хотелось быть связанными с разворачивающимися событиями*.

Ход мобилизаций в сборных пунктах, где были подготовлены необходимые условия (помещения, питание, присутствовало достаточное количество сил по наведению порядка), осуществлялся без эксцессов, на волне эмоционального подъема. Жители тыловых районов страны выражали недовольство наличием

* Костромская жизнь. 1914. 9 августа. С. 3.

«белого билета» для отдельных категорий населения. Однако некоторые обыватели высказывали нежелание идти на фронт и пытались избежать призыва путем членовредительства, устройства на работу на оборонное предприятие. Данное явление стало распространяться и по религиозным причинам среди мусульманского населения, чтобы не допустить возможности применения оружия против единоверцев – турок, и среди представителей старообрядчества, не желавших использовать оружие.

Мобилизации сопровождалась временным притоком в города призывников. В результате в ряде населенных пунктов их сосредоточилось больше, чем проживало местного населения. Так, в период июльского призыва 1914 г. в Бугульме оказалось до 11 тыс. призывников (при собственном населении города менее 9 тыс. человек), в Саратове – до 30 тыс. запасных (при численности жителей в 242,4 тыс.), в Аткарске – до 35 тыс. призывников (при количестве местного населения около 14 тыс. человек).

Мобилизованные и призывники размещались в казенных и городских казармах, частных помещениях, распределялись по частным квартирам. «Квартирная повинность» часто ложилась на плечи местного населения. Так, в Свяжске при количестве жителей в 3 тыс. человек были расквартированы 4 тыс. нижних чинов, за предоставление помещения которым и его отопление городу были выделены средства, но их сумма оказалась ниже, чем затраты населения на постой.

Не везде местные власти успели подготовить все необходимые условия для мобилизации. Погромы торговых лавок, магазинов и даже административных учреждений при участии призывников и членов их семей происходили из-за отсутствия достаточного количества продовольствия, мест размещения призывников, организации структур по охране порядка во многих центрах проведения мобилизаций*.

В годы войны тыловые губернии переводились на положение «чрезвычайной охраны». Губернатор получал полномочия главноначальствующего с правом издавать обязательные постановления, регламентировавшие жизнь населения на территории губернии. Спектр ограничительных норм был весьма широк. Охране порядка содействовало введение запрета на организацию выступлений, «шествий по улицам».

Согласно обнародованному 17 февраля 1915 г. положению Совета министров, командующие войсками военных округов получали право при необходимости реквизировать продовольствие по установленным ими ценам, запрещать вывоз продовольствия и фуража с территории округа. Такое же право закреплялось и за губернаторами, позже за губернскими комиссара-

* Семенова Е. Ю. Мировоззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1918 г.): социальный, экономический, политический аспекты. Самара, 2012. С. 108–109.

ми Временного правительства^{*}. На продукцию для бытовых нужд, закупки для армии устанавливались твердые цены, нарушение которых вело к штрафу или аресту. К такой продукции были отнесены хлеб, мука, сахар, мыло, керосин, мясо, крупы, яйца, молоко, рыба, дрова, овощи, дешевые ткани. Данный перечень различался в разных местностях на протяжении 1914 – начала 1918 г.

Начиная с июля 1914 г. в соответствии с высочайшим указом на территории России запрещалась продажа спиртных напитков, их отпуск лицам, не имеющим на это разрешения, распитие крепких напитков на улицах, дорогах и в других открытых местах, появление в открытых местах в состоянии алкогольного опьянения, хранение, домашнее приготовление, подвоз, продажа, передача, приобретение и употребление напитков, получаемых путем брожения и перегонки.

«Сухой закон» большинством населения был воспринят оптимистично. По итогам опроса, например, служащих кредитного товарищества г. Семенов Нижегородской губернии, проведенного осенью 1915 г. с целью выяснить отношение к мерам по борьбе с пьянством, введенным с начала войны, отмечалось: «Радость была великая! Радовались отцы и дети, мужья и жены, старые и малые... Уменьшились ссоры, драки, пожары, убийства и всякого рода хулиганства. Народ стал больше работать»^{**}.

В годы войны «неблагонадежному элементу» циркулярами МВД (по ходатайству местных властей) запрещалось проживать на территории ряда губерний. Это объяснялось их «исключительным положением» – статусом центров снабжения армий. Например, в июле 1915 г. в число таких местностей вошла Астраханская губерния, в ноябре 1915 г. – Ярославская, с 1916 г. – Самарская. Высылка неблагонадежных лиц из одного населенного пункта сопровождалась их переселением в другой. Таким образом, участники революционного движения перемещались по разным городам при помощи самой власти.

С конца июля 1914 г. все австрийские и германские подданные мужского пола в возрасте 18–45 лет считались военнопленными и подлежали аресту и высылке, за исключением состоявших на действительной военной службе. Представителей последней категории следовало передать под стражей в распоряжение военного начальства, а признанных благонадежными – перевести из-под ареста под надзор полиции^{***}. В начале августа 1914 г. были определены места для водворения военнопленных в России. На территории европейской части и Кавказа к ним были отнесены Вологодская, Вятская, Оренбургская, Заволжская, часть Казанской (кроме прилегающих к р. Волга и р. Кама тер-

^{*} ГКУ ЯО ГАЯО. Ф. 73. Оп. 7. Д. 985. Л. 56.

^{**} Анкета Нижегородского губернского акцизного управления о положительных и отрицательных сторонах прекращения торговли спиртными напитками. Н. Новгород, 1916. С. 4–5.

^{***} НАРТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 997. Л. 25.

риторий) губернии. С марта 1915 г. славянам-военнообязанным, подданным враждебных России государств, разрешалось жить в России на территориях, не включенных в театр военных действий и объявленных на военном положении, под надзором полиции, если они не обвинялись в шпионаже. В условиях войны была ограничена занятость на частной службе иностранцев, она допускалась только по разрешению губернатора и при условии, что «это не отнимает заработка от русских людей»^{*}.

На предотвращение шпионажа, активизацию бдительности населения были направлены директивы МВД, ведомств полиции и жандармерии, публикации в прессе. Например, в приказе по Самарской городской полиции от 14–16 августа 1914 г. указывалось на недопущение «хождения по улицам и дворам города фокусников-китайцев, с шарманками, разных бродячих музыкантов и др. лиц», не имевших на это разрешения^{**}. В Астраханской губернии по постановлению астраханского губернатора от 25 октября 1915 г. запрещалось содержать почтовых голубей^{***}. Данные ограничения спровоцировали «шпиономанию», которая отмечалась, например, в Самаре, Казани, Нижнем Новгороде, Царевококшайске и др. поволжских городах^{****} и выражалась в подозрительном отношении к лицам немецкого происхождения, навязчивых идеях о полетах немецких аэропланов над городом.

Введенные в период войны новые нормы цензуры изменили информационную среду в тылу. 26 июля 1914 г. в «Собрании узаконений и распоряжений Правительства» № 203 был опубликован перечень сведений и изображений, касавшихся военной безопасности России, военно-морской и сухопутной обороны. Запрещалось «неосмотрительное оглашение или публичное распространение каких-либо статей или иных сообщений, возбуждающих враждебное отношение к правительству».

Чтобы ограничить распространение посредством почтовой корреспонденции нежелательной в условиях войны информации в губернские и некоторые уездные города приказом командующих военными округами назначались военные цензоры. Они должны были вскрывать письма и проверять их содержание, удалять (вырезать, зачеркивать) нежелательные для распространения сведения или задерживать корреспонденцию. На деле цензура, призванная не допустить беспокоивших население толков, слухов, путем исключения из писем и печати сведений о взрывах, катастрофах, неудачах на фронте, сама их и провоцировала. В письмах современников прослеживается опасение по поводу возможности вскрытия частной переписки военными цензорами, нелицеприятные выражения в адрес перлюстрирующих корреспонденцию, обида

* ГКУ АО ГААО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 1273. Л. 1, 7.

** ГБУСО ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 61. Д. 34. Л. 60.

*** ГКУ АО ГААО. Ф. 290. Оп. 2. Д. 415 а. Л. 82.

**** ГКУ ЯО ГАЯО. Ф. 906. Оп. 2. Д. 24. Л. 112–112 об.–113 об.; ОГУ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9388. Л. 111; Д. 9444. Л. 106; Ф. 53. Оп. 1. 1915 г. Д. 10. Л. 37, 284.

на сложившуюся практику, оскорбительную как для гражданских, так и для военных*.

Политика «чрезвычайных мер» в условиях Первой мировой войны, с одной стороны, в определенной мере предотвращала загрязнение городов, распространение эпидемий, неконтролируемость народонаселения, вывоз за пределы губернии необходимого продовольствия, препятствовала развитию шпионажа, массовой истерии, содействовала снабжению продовольствием армии. Но одновременно «чрезвычайщина» подрывала позитивный настрой общества, на фоне экстремальной ситуации внешнеполитического конфликта формировала бытовые проблемы, с которыми житель тыла сталкивался ежедневно.

Чрезвычайные меры стали частью жизни практически каждого человека. Они содействовали разочарованию обывателей в действительности, вызывали оппозиционное настроение в отношении происходившего и этим подрывали доверие к власти.

2. Коренное население и новые группы

Важным аспектом повседневной жизни являлось взаимодействие коренного населения с новыми группами. В годы войны на территорию тыловых губерний России хлынул поток фронтовиков, которые проходили в тылу лечение, а также беженцев, эвакуированных, военнопленных.

Территория России была разделена на эвакуационные районы. При крупных городах открылись распределительные эвакуационные пункты (РЭП) и окружные эвакуационные пункты (ОЭП), через которые больные и раненые фронтовики направлялись на лечение в тыл. Первоначально были учреждены 12 ОЭП в городах Кострома, Нижний Новгород, Казань, Саратов, Владимир, Калуга, Тула, Рязань, Орёл, Тамбов, Воронеж и Ростов-на-Дону. Но уже через несколько месяцев их количество увеличилось. К концу 1914 г. губернии и уезды внутреннего района империи распределили между ОЭП и РЭП. Были разработаны эвакуационные маршруты, эвакуация больных и раненых до железнодорожных городов – станций осуществлялась на специальных эвакуационных поездах. Например, в ОЭП, расположенный в Самаре, эвакуация проходила через Рязань, а из Самарского ОЭП поезд с ранеными и больными воинами следовали в Уфу и Оренбург. В соответствии с циркуляром Главного управления Генерального Штаба от 12 августа 1914 г. были назначены к формированию полевые сводные госпитали. Уже к 30 сентября 1914 г. сводные эвакуационные госпитали размещались в 20 городах, в том числе в

* ГБУСО ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 2053. Л. 264; РГВИА. Ф. 13842. Оп. 1. Д. 2. Л. 154.

Рыбинске (3), Костроме (3), Нижнем Новгороде (4), Казани (3), Самаре (3), Саратове (4)*.

Еще в первые месяцы войны в тыловых районах сосредоточилось большое количество фронтовиков. Например, в Ярославской губ. к 1 декабря 1914 г. только через городские госпитали прошли в Ярославле – 2151 фронтовиков, в Ростове – 954, в Рыбинске – 895, в сельскую местность были отправлены 622 раненых фронтовика**.

Прибытие в тыловые города раненых и больных воинов привлекало внимание местного общества. Приезд в город каждой партии фронтовиков, особенно в начале войны, был значимым событием. Его ожидали, он вызывал у людей бурю эмоций, в которых радость сочеталась с переживанием и состраданием. Когда в маленький город Плес в начале 1915 г. прибыла первая партия раненых, в региональной газете об этом сообщалось: «...После долгих ожиданий и многократных просьб... город Плес к великой своей радости наконец... получил 29 человек раненых, которые и размещены в давно приготовленные для них помещения»***.

В городах, на территории которых появлялись раненые, наблюдался подъем благотворительности. Например, в Казани для перевозки раненых к вокзалу была подведена трамвайная линия и несколько трамваев оборудованы кроватями-носилками. Была создана студенческая добровольная санитарная дружина для приема раненых фронтовиков. Тяжелобольными воинами занималась Казанская община сестер милосердия Красного Креста. В помещении Казанского университета работал лазарет на 75 коек. Купеческо-биржевым обществом были открыты в двух зданиях два лазарета на 20 кроватей, обеспечивалось 402 больничных койки****.

В условиях войны население губернских и ряда уездных городов тыловых районов столкнулось с новой реальностью – военнотружущими, которые на длительный период, а не кратковременно, как мобилизованные призывники и запасные, вливались в состав городского социума. Это было связано с расположением в городах гарнизонов и запасных частей.

Так, в Саратовской губ. в 1915 г. воинские формирования размещались в городах: в Саратове (3 пехотных и 2 пулеметных полка, 2 артиллерийские бригады, 2 отдельных артиллерийских дивизиона и пешая дружина); в Царицыне

* РГВИА. Ф. 11502. Оп. 1. Д. 7. Л. 9, 16–17, 237, 448 об.–449.

** Деятельность губернских и уездных комитетов Ярославской губернии по оказанию помощи больным и раненым воинам в 1914 году. Ярославль: Типография губернского земского управления, 1915. С. 29.

*** Костромская жизнь. 1915. 14 января. С. 3.

**** Великая Отечественная война. Казанская губерния. Казань, 1915. С. 81–91.

(3 полка и студенческий батальон); в Балашове, Кузнецке и Петровске – по 2 запасных пехотных полка и в Аткарске – 1*.

Пребывание гарнизонов и запасных частей в городе вызывало неудобства для местного населения. Среди них отметим невозможность использовать, как прежде, некоторые общественные учреждения, в первую очередь учебные заведения и кинотеатры, в помещениях которых разместили военнослужащих. Горожане были вынуждены размещать солдат и офицеров у себя на квартирах на постой, в том числе при ощутимых материальных затратах. Встречались случаи задержки в выплате населению денег за постой военнослужащих. Часть финансовых средств города, на территории которого находились воинские части, шла на их обеспечение. Так, в Карсуне на размещение войск в 1916 г. было израсходовано более 38 тыс. рублей из средств муниципалитета, в Алатыре – более 64 тыс.**

Пребывание в городе военнослужащих гарнизонов и запасных частей создавало проблему перенаселения. Например, в Симбирске к середине августа 1915 г. состав гарнизона включал порядка 40 тыс. человек, т. е. 40 % от собственно городского населения***. В Царицыне в 1916 г. размещались три запасных полка – 93-й, 155-й и 141-й, в каждом из которых состояли на службе не менее 6 тыс. солдат и офицеров, т. е. их общая численность составляла 15 % от численности городского населения****.

Поскольку состав воинских частей, размещенных в городах, в течение военных лет менялся, в городскую среду постоянно вливался новый социум. По мере изменения состава гарнизона, уменьшения числа кадровых офицеров и солдат, прошедших армию в предвоенные годы, порядки, царившие среди военнослужащих, переставали соответствовать понятиям дисциплины и субординации*****.

Опасение за жизнь и здоровье у местного населения вызывали постоянные бесчинства с участием военнослужащих. Повсеместно наблюдались азартные игры, посещение проституток, драки, проявление неуважения к представителям власти и неподчинение им, открытое проявление неуважения солдат к офицерам, торговля интендантским имуществом, словесные оскорбления

* Максимов Е. К., Тотфалушин В. П. Саратовский край в годы Первой мировой войны // Энциклопедия Саратовского края (в очерках, фактах, событиях, лицах). Саратов, 2002. С. 272.

** ОГУ ГАУО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 318. Л. 29, 47.

*** Там же. Д. 309. Л. 4; Ф. 76. Оп. 7. Д. 1422. Л. 135.

**** ГБУСО ЦГАСО. Ф. Р-3947. Оп. 2. Д. 1. Л. 25–31; Статистический обзор Саратовской губернии за 1914 год. Саратов, 1915. Ведомость № 7.

***** Плешаков И. Н. Тыловые гарнизоны Первой мировой войны (на примере Саратовской губернии) // Доклады академии военных наук. Военная история. 2006. № 5(23). С. 93.

обывателей, использование в качестве угрозы против гражданских лиц холодного оружия, стрельба из револьверов, кражи и грабежи. Причем в большинстве случаев военные находились еще и в состоянии алкогольного опьянения. Человек с ружьем становился символом анархии и дестабилизации.

Рассказы фронтовиков рождали в сознании тылового населения чувство патриотизма, но одновременно они способствовали формированию представлений о несостоятельности правительства, необходимости его замены, о необходимости прекращения войны. Военные вносили в жизнь горожан ощущение беспокойства, нестабильности, хаоса. Однако они же вызывали в обществе чувство сострадания, желание оказать посильную помощь. Помогая фронтовикам, горожане включались в полезную для общества работу, что позволяло ощущать свою нужность, причастность к общегосударственному делу.

С начала войны на территорию тыловых районов России стали прибывать беженцы. С июля 1915 г., в связи с отступлением русской армии, началось массовое перемещение переселенцев во внутренние губернии России, кульминацией которого стал октябрь 1915 г.* Прибывшие в тыл беженцы в ряде населенных пунктов составили существенную долю населения. Например, в Ярославской губ. массовое расселение беженцев началось с конца августа 1915 г., а в сентябре их уже насчитывалось до 5–8,5 % населения губернии**. В губернском городе Самара на 28 августа 1915 г. насчитывалось 7,5 тыс. беженцев, а к 21 февраля 1916 г. – более 36 тыс.

С началом войны на территорию тыловых районов осуществлялся переезд эвакуированных из западных губерний рабочих и служащих. Так, в Нижний Новгород в 1915 г. были перевезены заводы «Фельзер», «Новая Этна» и другие предприятия из Риги, военно-санитарная фабрика наследников Г. Эпштейна из Вильно, обмундировочная мастерская из Варшавы***. К 1 декабря 1915 г. в состав пунктов эвакуации учреждений и должностных лиц МВД губерний, находившихся в составе района военных действий, входили ряд городов, в том числе Саратов, Казань, Кострома.

В связи с эвакуацией и огромным наплывом беженцев изменился национальный состав населения тыловых губерний****. Среди беженцев было много русских, латышей, евреев, поляков, литовцев. Беженцы выступали как фактор полиэтничности и маргинализации городской среды, привносили в нее соб-

* Лаврентьев В. М., Хасин В. В. Миграционные процессы в России в Первую мировую войну // Военно-исторические исследования в Поволжье: Сб. науч. тр. Вып. 2. Саратов, 1997. С. 139–140.

** Справочная книга Ярославской губернии на 1916 год. Ярославль, 1916. С. 32.

*** История города Горького. Краткий очерк. Горький, 1971. С. 248.

**** Гермашев Г. Н. Разрешение национального вопроса в Нижнем Поволжье в период борьбы за установление и упрочение советской власти (1917–1918 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 1963. С. 27.

ственное видение национального вопроса в России. Прибывающих беженцев было необходимо обеспечивать жильем, работой, содержанием, что создавало дополнительные сложности для местного общества. Зачастую беженцам приходилось жить и в антисанитарных условиях, без необходимой обстановки и при большой скученности*.

Появление беженцев в тыловых районах было воспринято местным населением неоднозначно. По отношению к ним проявлялось не только сочувствие, оказывалось содействие в размещении, материальная помощь. Но со временем горожане стали выражать настороженность, сомнение в возможности разместить приезжих, боязнь роста дороговизны и сложностей в трудоустройстве, поскольку беженцам платили меньше, что перебивало цены на рабочие руки для местных жителей**.

Часто беженцы воспринимались как тунеядцы, потому что многие из них были нетрудоспособны по состоянию здоровья или не имели работы. Так, в Астрахани в феврале 1916 г. трудоспособными были только 72–86 % из осевших в городе мужчин-беженцев***. В Самаре с августа 1915 г. до февраля 1916 г. количество работавших беженцев уступало их общей численности в 15–30 раз. В Ярославской губ. к началу 1916 г. среди беженцев нетрудоспособных лиц было 51,1 %, отчасти трудоспособных – 18,1 %, вполне трудоспособных – 30,8 %****. Беженцы влияли на формирование у населения настроений недовольства местной и центральной властью. Проблема беженства в годы войны находила выражение в желании помочь пострадавшему человеку, в социальной практике – участии в благотворительной деятельности. Но вместе с тем росли зависть, озлобление, недовольство местной властью и правительством в преодолении кризисных явлений.

Еще одной новой социальной группой, появившейся в тыловых губерниях России в годы войны, были военнопленные, к которым относились захваченные в плен в ходе боев военнослужащие армий государств-противников; германские и австро-венгерские подданные, состоявшие на действительной военной службе и в запасе; германские и австрийские подданные мужского пола 18–45 лет. Внутренние сборные пункты мест постоянного водворения военнопленных в европейской части России находились в Москве и в Пензе,

* Известия Саратовской Городской Думы. 1915. № 4. С. 285; Угличская мысль. 1915. 30 августа. С. 2.

** Деятельность Астраханского Городского Комитета по устройству беженцев. 1915–1916. Астрахань, 1916; *Ухтомский А.* День ожидаемого огня. Письма к В. А. Платоновой // *Ухтомский А.* Интуиция совести. Письма. Записные книжки. Заметки на полях / Отв. ред. А. С. Батуев. СПб., 1996. С. 76.

*** Деятельность Астраханского Городского Комитета по устройству беженцев... С. 34.

**** *Савинский Д.* Беженцы в Ярославской губернии. (Статистический обзор.) Ярославль, 1916. С. 8, 9.

а лагеря для сосредоточения плененных военных располагались в основном за Уралом*.

Появление военнопленных – гражданского населения и военных – в тыловых районах страны отмечалось с конца лета 1914 г. – весны 1915 г. В этот контингент записывались проживавшие на месте лица, попавшие в категорию военнопленных, а также плененные в ходе боевых действий и перемещенные из западных районов страны. Многие из них имели ранения и размещались в лазаретах. Количество военнопленных и военнообязанных в тыловых губерниях составляло в разные периоды от нескольких десятков и сотен до двух и даже более пяти тысяч человек**. Национальный состав военнопленных был пестрым. Например, среди доставленных в уездный город Чистополь Казанской губернии в мае–июне 1915 г. 2,2 тыс. плененных были чехи, итальянцы, хорваты, поляки, русины, словенцы, сербы, немцы, венгры (мадьяры)***.

Содержались военнопленные в городах Поволжья в соответствии с российским законодательством, международными правилами и условиями, существовавшими в конкретном пункте. Вопрос о размещении военнопленных решался неодинаково. Рядовых часто селили в казармах, на частных квартирах, в других свободных помещениях, а офицеров – на квартирах и в гостиницах. Например, в Казанской губернии в конце 1914 г. военнопленных собирались размещать по казармам. В январе 1915 г. места были заполнены, и плененных было решено поселить у местных жителей «с довольствием от обывателей за кормовой оклад»****.

Порядок привлечения военнопленных на работы определялись специальными «Правилами» от 16 сентября 1914 г., «Правилами» от 17 марта 1915 г. и др. Согласно им, количество военнопленных, которые могли работать на конкретном объекте, ограничивалось в пределах 15 % от общего состава работников. Труд военнопленных был востребован местными властями и частными лицами. На различные работы к 1916 г. были распределены в Московском военном округе более 90 тыс. плененных, в Казанском – 170,8 тыс.***** Военнопленные использовались в разных сферах. Например, в Аткарске Саратовской губ. в середине 1916 г. на работах в качестве прислуги и рабочих (дворников, лакеев, кучеров, столяров, колбасников) находились 16 плененных австро-венгерской армии*****. В Астрахани к марту 1917 г. на

* РГВИА. Ф. 2000. Оп. 6. Д. 167. Л. 12.

** Великая Отечественная война. Казанская губерния... С. 105–107, 109, 111; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 6. Д. 167. Л. 1–4 об.; НАРТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1160. Л. 47.

*** НАРТ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 1570. Л. 1, 8.

**** Великая Отечественная война. Казанская губерния... С. 109, 111.

***** РГВИА. Ф. 2000. Оп. 6. Д. 167. Л. 9–9 об.

***** ОГУ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10063. Л. 323–330 об., 341–343, 378–378 об., 402–404 об.

поденных работах состояли 679 военнопленных, прикрепленных к 47 заведениям, мастерским и заводам*.

Отношение местного населения к военнопленным в годы войны изменялось. Военнопленные вызывали у обывателей любопытство, меняли представление о том, что война – это нечто далекое, не касающееся тыла, имели место случаи скопления публики при встрече и размещении военнопленных по квартирам**. В начальный период войны в ряде местностей жители восприняли появление военнопленных сочувственно, относились к ним с состраданием, как это было в Костромской, Симбирской, Казанской, Самарской, Саратовской, Астраханской губерниях. Особенно военнопленные вызывали сочувствие у горожанок, которые оказывали им помощь продуктами и деньгами, встречались и проявления личной симпатии, получившие скандальную славу***.

Часть жителей раздражало подобное, слишком «дружественное» поведение земляков. В феврале 1915 г. в казанской газете даже был опубликован материал с укором в адрес проявлявших чрезмерную заботу о раненых военнопленных, в то время как российские пленные терпят страдания****. Конечно, по отношению к военнопленным преобладали в целом отрицательные эмоции. Проблемы, вызванные войной, прежде всего рост дороговизны и ограничение потребления продовольствия в связи с введением «мясопустных» дней, нормированного ввоза продовольствия в ряде населенных пунктов послужили основой негативного отношения жителей к военнопленным. В пленных стали видеть «дармоедов» и конкурентов, отбиравших у местных жителей возможность заработка. Затягивание войны также превращало военнопленных в обузу для местных жителей и влияло на дестабилизацию ситуации*****.

3. Реальности повседневной жизни

Повседневная жизнь городского населения тыловых районов страны в условиях военного времени претерпела серьезные изменения. Во многих городах основным способом передвижения к началу войны продолжал оставаться гужевой транспорт, хотя в ряде населенных пунктов с начала XX в. появились конка и трамвай. В годы войны расширилась потребность в трамвайном сообщении для осуществления перевозок увеличившегося пассажиропотока в

* ГКУ АО ГААО. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 30. Л. 9–10.

** Рыбинский листок. 1915. 18 января. С. 3; Северная газета. 1914. 7 октября. С. 4.

*** ОГУ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9623. Л. 29–32; Д. 9635. Л. 19–19 об.; Рыбинский листок. 1915. 27 мая. С. 3.

**** «Стыдно» // Казанский телеграф. 1915. 10 февраля. С. 3.

***** *Зубаров И. Е.* Деятельность коллегии по делам военнопленных и беженцев Симбирской губернии в 1914–1922 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. Пенза, 2006. С. 27.

связи с притоком в города новых групп жителей, в том числе беженцев, раненых и больных фронтовиков, рабочих на крупных производственных объектах. В Самаре впервые трамвай был пущен в феврале 1915 г. Однако полностью проблемы это не разрешило. Осенью 1916 г. в городе отмечались частые случаи нарушения публикой правил пользования электрическим трамваем, отмечалось, что пассажиры «висят на ступеньках, на предохранительных сетках, на щитках и буферных фонарях», поскольку по городу курсируют только 12 вагонов, а 30 пришли в негодность*.

Горожане столкнулись со сложностями и иного рода, так как ряд общественных зданий был занят под постой воинских частей. В Саратове уже в сентябре 1915 г. оказалось, что помещения всех учебных заведений отведены под постой войск, которые продолжали прибывать в город**. Горожанам стало сложно снимать жилье из-за растущей дороговизны. Наиболее сложным в восприятии новой повседневной реальности стал «продовольственный вопрос», связанный с ограничением свободной купли-продажи продовольствия, дороговизной продуктов питания, связанной с растущей спекуляцией. Цены на товары повседневного спроса в годы войны постоянно росли. Например, в Саратове по ряду товаров за период 1915–1917 гг. они увеличились в 2–22 раза.

Зарплата рабочих и служащих в абсолютных показателях в годы войны также увеличивалась, однако рост цен опережал рост заработной платы. Материалы по уездному городу Спасску Казанской губернии показывают, что за 1915–1917 гг. цены на основные продукты питания возросли значительно больше (на 280–400 % и даже на 800 %), чем зарплата рабочих, трудящихся на сельскохозяйственных работах (250 %), и покупательная способность населения в итоге сократилась, что отражено в табл. 1.

Таблица 1

Вид продовольствия	Количество продовольствия, которое мог приобрести на дневной заработок работник/работница в марте 1915 г., марте 1916 г., марте 1917 г.					
	Мужчина			Женщина		
	1915 г.	1916 г.	1917 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
Рыба свежая, фунт	4,2	4,0	3,75	2,8	2,0	2,5
Сало говяжье, фунт	3,75	3,3	2,1	2,5	1,7	1,4
Масло подсолнечное, фунт	4,0	2,9	1,25	2,6	1,5	0,8
Масло скоромное, фунт	1,3	1,4	0,8	0,9	0,7	0,55
Сахар, фунт	3,5	3,5	–	2,3	1,8	–
Капуста белая, ведро	1,5	3,3	1,8	1,0	1,3	1,25
Картофель, пуд	2,0	2,0	1,5	1,3	1,0	1,0
Яйца, штук	–	33,3	15,0	–	16,6	10,0

Составлено по данным: НАРТ. Ф. 1153. Оп. 1. Д. 433. Л. 15–18, 78–81, 131–134.

* Известия Саратовской Городской Думы. 1916. № 7. С. 254.

** Там же. 1915. № 4. С. 336.

Во многих городах с осени 1915 г. по причине дороговизны рабочие выдвигали требования к руководству предприятий о повышении зарплаты, организовывали забастовки, обычно завершавшиеся повышением зарплаты или увольнением недовольных.

Проблемы, связанные с обеспечением необходимыми продуктами, привели к формированию среди горожан различных поведенческих практик, не свойственных жителям города в довоенный период. Столкнувшийся с дороговизной и дефицитом потребитель стал искать способы приготовления недорогого обеда из доступных продуктов. В связи с недостатком мясной продукции в газетах стали публиковать рецепты обеда из овощей (суп-пюре из капусты, пирог из теста сдобного с рисом и яйцами, запеканка из моркови и т. п.)^{*}.

С осени 1915 – весны 1916 г. жители ряда городов тыловых губерний были вынуждены стоять в так называемых «хвостах» – очередях, чтобы приобрести продовольствие. Пресса сообщала об этом явлении: «Длинные “сахарные хвосты” у магазинов за последнее время – обычное явление. Публика собирается к 4 ч. утра... простоять на улице 5–6 часов, дожидаясь очереди, получить 2 фунта... песку – удовольствие не из приятных»^{**}.

Распространенным явлением в сфере торговли в годы войны стала спекуляция различных видов. Практиковалась продажа товаров по ценам, завышенным в сравнении с установленной таксой (максимальным размером цены на данный вид продукции). Например, в Самаре только в феврале 1916 г. за торговлю мясом и молоком по цене выше таксы были оштрафованы более десятка человек. Другим способом наживы стало сокрытие торговцами товаров до их подорожания. Особого рода спекуляцией являлась продажа товаров «скопом», т. е. в нагрузку. «В крупных бакалейных магазинах, – писала “Северная газета”, – сократили отпуск сахара... 10 фун. сахара отпускается лишь в том случае, когда покупается не менее 1 фун. чаю»^{***}.

Явная и скрытая спекуляция «будоражила» обывателей, вызывала поток негативных эмоций и настроений, которые отражались в прессе, пестревшей заметками, критиковавших спекулятивную деятельность торговцев, именуемых «Кит Китычами», «шкуродерами», «кровожадными акулами», «жирующими мародерами»^{****}.

Постепенно раздражение находило выражение в лозунгах наказания торговцев. Горожане призывали: «И чем власть беспощадней поступит, тем будет справедливее!»; предлагали применить меры «от реквизиции и спекуляции реквизируемых предметов до высылки... спекулянтов из пределов данной

* Казанский телеграф. 1916. 4 августа. С. 4; 21 августа. С. 3.

** Казанский телеграф. 1916. 15 мая. С. 3.

*** Северная газета. 1914. 27 июля. С. 3.

**** Волгарь. 1914. 30 ноября. С. 2; Казанский телеграф. 1916. 28 июля. С. 3; Козьма Минин. 1915. 14 марта. С. 3; Рыбинец. 1916. 28 сентября. С. 2; Северная газета. 1914. 30 июля. С. 3.

местности включительно», дискредитировать и саботировать спекулянтов*. С осени 1915 г. стали также практиковаться анонимные письма в адрес торговцев, содержавшие угрозу поджога лавок, магазинов и домов. В некоторых городах произошли погромы торговых заведений. Беспорядки на основе «продовольственного вопроса» отмечались, например, в Костроме, Самаре, Симбирске, Астрахани**.

4. Пространство досуга

В жизни тылового населения в военный период находилось место и досугу. Его возможности зависели от социокультурного пространства конкретного города. Однако можно выделить и типичные формы досуговой практики, связанные с обстоятельствами военного времени.

Досуговое пространство тылового города в годы войны включало разнообразные формы: развлекательные учреждения (кинотеатры, мюзик-холлы, рестораны), культурно-просветительские учреждения (театры, музеи, библиотеки, концертные площадки), прогулочные зоны, в том числе приспособленные для народных гуляний и концертных программ (сады, парки, скверы) и места спортивно-оздоровительного досуга (яхт-клубы, ледовые катки, футбольные площадки и т. п.), объединения, содействующие саморазвитию и преобразованию социокультурной среды (просветительские общества, любительские театральные коллективы).

Любимой и доступной формой досуга горожан в годы войны являлось кино***. В губернских городах действовала сеть кинотеатров. В Ярославле, Астрахани и Казани их было по 6, в Самаре – 16, в Саратове – 17. В уездных и заштатных городах количество кинотеатров зависело от масштабов города. Так, в населенном Рыбинске их было 5, в небольших Угличе и Мышкине – по 1. Киносеансы шли в удобное для горожан вечернее время. В годы войны на экранах появились документальные и художественные картины с «говорящими» названиями: «Цивилизованные варвары», «Война родит героев», «Ужасы Калиша», «Под пулями германских варваров», «Слава нам, смерть врагам», «Братоубийственная война», «Подвиг казака Козьмы Крючкова», «Военная

* ГБУСО ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 2127. Л. 42 об.; ГКУ ЯО ГАЯО. Ф. 906. Оп. 1. Д. 183. Л. 1–7; Казанский телеграф. 1916. 14 июня. С. 3.

** Астраханский вестник. 1916. 1 января. С. 3; ГБУСО ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 2047. Л. 83, 85; ГКУ АО ГААО. Ф. 290. Оп. 2. Д. 415 а. Л. 42; Костромское охранное отделение. Записки жандармского офицера. Кострома, 1917. С. 26–28; ОГУ ГАУО. Ф. 76. Оп. 7. Д. 1488. Л. 97.

*** Семенова Е. Ю. Культура Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1918 гг.). По материалам Самарской, Симбирской, Пензенской и Саратовской губерний. Самара, 2007. С. 141.

биль», «Вооруженный мир», «Лицо войны», «Энвер-паша – предатель Турции», «Бельгия в дни тяжелых испытаний» и другие*. Многие киноленты носили антигерманскую направленность. Особой популярностью пользовались киноленты с трагическим или драматическим сюжетом. Кинофильмы превратились для людей в отдушину, помогавшую перенести трудные бытовые условия, забыть хотя бы на время о жизненных невзгодах. Современники отмечали, что они стали «своеобразным наркотиком», «противодействующим настроениям страха и беспокойства**».

В годы войны в тыловых городах работали разнообразные театральные труппы – драматические, оперные, опереточные. В крупных губернских центрах театральных коллективов было больше, чем в уездных, они работали в разных театрах города. Среди актерских трупп были сезонные, постоянные, гастролеры, местные любительские коллективы. Спектакли являлись востребованным зрелищем в условиях войны. Например, в ярославском Городском театре за сентябрь–октябрь 1914 г. поставили 35 спектаклей, давших сбор больший, чем за весь 1913 год***. По данным нижегородского городского полицейского управления, в 1916 г. в городском театре на спектакли набиралось столько зрителей, что они не только сидели на приставных стульях, но и стояли в проходах. В июле–декабре 1916 г. театр посетила почти 51 тыс. зрителей, или более $\frac{1}{3}$ всего населения города. Актер В. Ф. Торский, современник событий, в воспоминаниях о работе в казанском театре в сезон 1915–1916 гг. отмечал: «Война создавала повсеместно обстановку... беспокойства, повышенного нервного подъема. Люди стремились найти... успокоение, даже и развлечение. Театр был всегда полон****». Билеты на спектакли были вполне доступны для широких слоев населения. Например, в Саратовском городском театре в 1916 г. их стоимость в зависимости от мест составляла от 23 коп. до 11 руб. 50 коп.*****

В начале войны в театральном репертуаре, прежде всего профессиональных драматических трупп, наряду с традиционными постановками появились спектакли на военную тематику. Популярными у зрителей были постановки по пьесам «Король, закон и свобода» Л. Андреева, «Война» М. Арцыбашева, «Позор Германии (Культурные звери)» М. В. Дальского, «Орленок» Э. Ростана, «Старый закал» А. И. Сумбатова (Южина)*****. В городских театрах

* Вестник кинематографии. 1914. № 100(20). С. 1; Казанский телеграф. 1917. 10 марта. С. 1; Костромская жизнь. 1914. 3 сентября. С. 3.

** Цит. по работе: *Теплиц Е.* История киноискусства. 1895–1927. М., 1968. С. 127.

*** Северная газета. 1914. 18 октября. С. 3.

**** РГАЛИ. Ф. 2666. Оп. 2. Д. 24. Л. 12–13.

***** ОГУ ГАСО. Ф. 565. Оп. 1. Д. 1. Л. 1; Весь Саратов: справочник-календарь на 1916 год. Саратов, 1916. С. 169.

***** Волгарь. 1914. 2 октября. С. 3; Городской вестник. 1914. 2 октября. С. 4; Северная газета. 1914. 17 сентября. С. 3.

часто ставились любительские театральные спектакли для сбора средств в помощь фронтовикам, беженцам, семьям фронтовиков^{*}.

Для массового посетителя в городах организовывались просветительские лекции и народные чтения, которые проходили по будням и выходным, в вечернее время, вход был бесплатным или устанавливалась небольшая плата в размере 10–50 коп.^{**} Посещаемость народных чтений была различной, от нескольких десятков до сотен и более слушателей. Тематика народных чтений включала широкий круг общеобразовательных сюжетов. С началом войны лекторы включали в программу выступлений актуальный материал, читались лекции на темы «Великая европейская война», «Насилие над миром. Европейская война и роль в ней России», «Изгнание немецкой культуры», «Для чего нужно продолжать войну», «Война и общественные настроения», «Что такое война и что делать во время войны», «Война народов», «Трезвый бюджет, война и налоги», «Дороговизна и меры борьбы с ней», «Государственная дума в дни войны», «Продовольственная разруха и народное здоровье», «Чему нас учит война», «Ужасы современной войны и надежды на лучшее будущее в русской действительности», «Война и дети»^{***}.

Среди городского населения наблюдался рост интереса к просвещению, что отразилось на посещаемости библиотек. Открывались новые, в том числе бесплатные библиотеки. Например, в августе–ноябре 1916 г. в Самаре появились три новые бесплатные городские библиотеки^{****}. Несмотря на материально-технические и кадровые проблемы, связанные с войной, во многих тыловых городах продолжали функционировать музеи. Коллекции ряда городских музеев расширились, в их составе появились экспозиции о текущей войне. Так, в Самаре в начале 1915 г. коллекционеры и любители истории содействовали открытию в Городском публичном музее отдела европейской войны, где были представлены боевое оружие, обмундирование, сведения о героях войны, их фотографии, письма, вещи. При Царицынском музее в 1917 г. был организован панорамный отдел, представлявший посетителям документальную хронику событий последнего времени^{*****}. В Астрахани при Петровском музее в январе 1917 г. начал работать отдел «памятников участия Астраханской губернии в великой европейской войне»^{*****}.

* Казанский телеграф. 1915. 16 января. С. 4; Костромская жизнь. 1915. 4 января. С. 3; Рыбинская газета. 1914. 19 августа. С. 3; 1917. 1 февраля. С. 3.

** Отчет Астраханского Общества Народных Университетов за 1914–1915 год (с 1 сентября 1914 г. по 1 сентября 1915 г.). Год III. Астрахань, 1916. С. 2–4.

*** Казанский телеграф. 1915. 8 января. С. 1; 11 февраля. С. 3; 1916. 5 апреля. С. 3; Рыбинская газета. 1914. 1 ноября. С. 3; 30 декабря. С. 3; Сурский листок. 1917. 27 июня. С. 1.

**** Городской вестник. 1916. 4 августа. С. 3; 16 ноября. С. 3.

***** Царицынский вестник. 1917. 1 января. С. 1; 29 апреля. С. 3.

***** Астраханский листок. 1917. 29 января. С. 3.

Распространенной формой досуга в годы войны стало участие горожан в деятельности различных обществ просветительской направленности. В деятельности просветительских обществ военного времени можно выделить ряд общих черт. Большинство из них создавались по частной инициативе и не являлись государственными учреждениями. Ведущую роль в культурно-просветительских, научно-просветительских и научно-исследовательских обществах играли представители интеллигенции и служащие. В годы войны многие общества, работа которых ранее ограничивалась лишь узким кругом участников, переориентировались на широкие слои горожан*.

Просветительская деятельность осуществлялась и обществами народных университетов. Ими проводились лекции и чтения, рассчитанные на самую широкую аудиторию, в том числе выздоравливающих фронтовиков. Например, при самарском обществе народных университетов за сентябрь 1914 – октябрь 1915 г. было организовано 17 обычных лекций, которые прослушали почти 12 тыс. человек, и 40 лекций для лечащихся в лазаретах фронтовиков**. На научно-популярных лекциях саратовского общества народных университетов в 1916 г. слушателям часто не хватало билетов***.

В деятельности музыкально-, литературно-, художественно-драматических обществ основным направлением было культурно-просветительское в виде лекций о литературе, художественном творчестве, музыкальных программ, театральных постановок. Например, Сердобский литературно-музыкальный и драматический кружок признавался единственным источником знакомства жителей этого городка с театром, одним из немногих средств «заполнения досуга самой разнообразной публики»****.

Несмотря на материальные затруднения, сотрудники ряда обществ продолжали деятельность в период 1914 – начала 1918 г., по инициативе активных горожан были образованы новые общества. Так, деятели Самарской губернской ученой архивной комиссии описывали в годы войны храмы и монастыри губернии, изучали историю ряда населенных пунктов края, собирали материалы по истории театра, родословной Самарского дворянского собрания, участвовали в создании отдела истории войны в Городском музее. В 1917 г. они спасли архивы бывшего Губернского правления и библиотеку Самарской духовной семинарии.

Горожане, предпочитающие активный отдых, в свободное время могли заниматься спортом. Летом на территории городских садов и загородной зоны устраивались велосипедные гонки, соревнования по гребле, заезды на ипподромах. С началом войны они часто сопровождались массовыми патриотиче-

* Семенова Е. Ю. Культура Поволжья в годы Первой мировой войны... С. 29–84.

** Известия Самарского общества Народных Университетов. Самара, 1915. С. 6; То же. 1916. С. 1–2, 11.

*** Саратовский голос. 1916. 1 ноября. С. 4; 4 ноября. С. 4.

**** Семенова Е. Ю. Культура Поволжья в годы Первой мировой войны... С. 53–54.

скими мероприятиями. Так, в Костроме в июле 1915 г. состоялись велосипедные гонки с участием спортсменов из Ярославля и Москвы, завершившиеся гуляньем с фейерверком, музыкой и исполнением национальных гимнов союзных держав*. В Казани в июне 1915 г. одно из катаний на лодках в Яхт-клубе завершилось фейерверком «Бомбардировка Дарданелл», а в сентябре 1916 г. были организованы соревнования на первенство города в одиночной и парной гребле**.

При наличии средств любители «легкого» досуга могли провести свободное время в ресторане. Например, в Нижнем Новгороде в годы войны к услугам отдыхающей состоятельной публики были предоставлены рестораны «Аполло», «Повар», ресторан Л. Б. Бекназорова, «Россия», «Скалкин» (до войны назывался «Германия»), «Максим». В большинстве ресторанов посетителям предлагались наряду с трапезой и развлечения. Реклама ресторана Бекназорова оповещала, что «во время обедов и ужинов оркестром будут исполнены русские, французские и сербские гимны и марши»***.

Несмотря на экономические сложности большинство учреждений, составлявших социокультурное пространство города, продолжали работать в военный период. Война нашла отражение в содержательной стороне кинематографического и театрального репертуара, лекций и народных чтений. Даже в это экстремальное время горожанин мог заполнить свой досуг как познавательными, развивающими, так и увеселительными программами.

Итак, в годы войны в российской провинции продолжали сохраняться возможности культурно-развлекательного досуга, разворачивались благотворительные акции, патриотическое движение, содействовавшие поддержанию оптимистического настроения. Однако в повседневном быту горожане столкнулись с многочисленными проблемами. Они были связаны с притоком многочисленного, в том числе чуждого населения, трудностями с обеспечением привычного уровня потребления, необходимостью соблюдать чрезвычайные нормы военного времени, регламентирующие поведение, общение, трудоустройство, миграции и т. п. Эти проблемы вызывали у жителей глубокого тыла настроения неудовлетворенности жизнью, которые инициировали поиск виновника неустроенности и в конечном итоге дестабилизировали политическую обстановку в российской провинции, подрывая основы государственности.

* * *

Как уже не раз бывало в исторических экстремальных ситуациях, российское общество, с одной стороны, проявило порыв патриотизма и массового самопожертвования на фронте и тылу, усилилась тенденция к его самоорга-

* Костромской телеграф. 1915. 18 июля. С. 2.

** Казанский телеграф. 1915. 5 июня. С. 2; 1916. 23 сентября. С. 3.

*** Волгарь. 1914. 31 июля. С. 1; Нижегородский листок. 1914. 10 августа. С. 1; Русь. 1914. 25 июля. С. 1.

низации и социальной конструктивной активности, а с другой – отчетливо проявилась тенденция к деструкции, социальному пессимизму и массовым стихийным анархическим действиям. После поражений на фронте и ухудшения положения в тылу вторая тенденция довольно быстро набирала силу, непосредственно угрожая государственности и единству империи.

Эта тенденция нашла свое выражение в дисперсности общественных настроений, разновекторности поведения различных социальных и политических групп в центре и национальных регионах, в размывании ценностных ориентиров, всплеске анархизма и экстремизма. Ни власть, ни здоровые общественные силы оказались не в силах преодолеть данную тенденцию, которая, набирая мощь, привела к катастрофическим последствиям.

Часть V

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ

Первая мировая война стала важным экзаменом для российской многопартийности. Начав формироваться в период революции 1905–1907 гг., многопартийная система стала давать существенные «сбои» еще в период столыпинского конституционного эксперимента, что, в частности, выразилось в развале региональных партийных структур, в разрыве вертикальных и горизонтальных связей между центральными и местными партийными комитетами, в утрате их связей с электоратом.

Начавшаяся война, по сути, завершила этот процесс деструкции многопартийной системы, привела к ее распаду. Этот процесс характерен для всех трех типов политических партий консервативных, либеральных и социалистических, история которых рассматривается в данном разделе. При этом основное исследовательское внимание сосредоточено на анализе стратегического и тактического курса ведущих общероссийских политических партий.

К сожалению, состояние источниковой базы (отсутствие агрегированных данных), недостаточная историографическая проработка целого комплекса проблем не позволяет в данный момент обстоятельно осветить историю некоторых как общероссийских, так и особенно национальных партий.

Глава 1. КОНСЕРВАТИВНЫЕ ПАРТИИ

(А. А. Иванов)

1. Организационное состояние и программа

1914-й год правомонархический лагерь встречал в состоянии кризиса и упадка. Крупнейшая монархическая организация – Союз русского народа, бывшая в 1905–1907 гг. самой многочисленной из всех российских политических партий, уже с 1908 г. стала заметно терять свои позиции, а в последующий период распалась на три самостоятельные организации – Русский народный союз им. Михаила Архангела (В. М. Пуришкевич), Союз русского народа (Н. Е. Марков) и Всероссийский Дубровинский Союз русского народа (А. И. Дубровин). Русское собрание, бывшее в свое время влиятельным

элитарным интеллектуальным центром всего правого лагеря, превратилось к этому времени в обычный клуб сторонников СРН и РНСМА, заметно уступая своему периоду 1905–1911 гг.* Упадок переживали и московские монархические организации – Русский монархический союз (С. А. Кельцев), Союз русских людей (А. И. Соболевский) и др.

Борьба за лидерство внутри правых организаций, их конкурентная борьба друг с другом, а также заметное сокращение поддержки со стороны властей, не нуждавшихся после подавления революции 1905–1907 гг. в своих бывших союзниках, привели к спаду активности и сокращению численности правомонархического лагеря. Ослабленные внутренними расколами и распрями, правые партии и союзы были вынуждены бороться не только с либеральным и революционным движением, но и с внутренними «ересями». В итоге поддержка правых среди населения стремительно сокращалась. Консервативный лагерь пополнялся в основном за счет «глуби народной», как говорилось в одном из очерков деятельности правых. Подавляющее большинство дворянства и интеллигенции осталось в стороне от правомонархического движения, большинство членов которого составляли помещики-землевладельцы, представители православного духовенства и крестьяне.

Правительственная власть перед войной уже не столько помогала правым, сколько терпела их**, пытаясь сдерживать в определенных рамках, обуздывая их активность и самостоятельность, стремясь направить ее в удобное для себя русло. Власть стеснялась ультраправых взглядов своих добровольных защитников, столь непопулярных в «культурном обществе» и пыталась отмежеваться от них, превращая тем самым, по выражению Н. Е. Маркова, полки в академии***.

Не лучше было и положение русских националистов, представленных Всероссийским национальным союзом (ВНС), рядом национальных клубов (Всероссийский национальный клуб, Киевский клуб русских националистов, Воронежский клуб русских националистов и др.), а также родственными ему по духу региональными организациями. Возникнув при активном содействии П. А. Столыпина в 1908 г. и окончательно оформившись в политическую партию к 1910 г. в результате объединения националистов и умеренно правых, ВНС к 1914 г. так и не смог стать массовой всероссийской партией. Трагическая гибель в 1911 г. П. А. Столыпина, бывшего политическим кумиром русских националистов и приход на пост председателя правительства В. Н. Коковцова, придерживавшегося более либеральных взглядов и дистанцировавшегося от «стольпинской партии», привело к тому, что ВНС из «партии власти» стал превращаться по отношению к новому кабинету в оппози-

* См.: *Кирьянов Ю. И.* Русское собрание 1900–1917. М., 2003. С. 9.

** *Кирьянов Ю. И.* Предисловие // Правые партии: Документы и материалы (1905–1917 гг.). М., 1998. Т. 1. С. 20.

*** См.: *Марков Н. Е.* Войны темных сил. [Кн. 1]. Париж, 1928. С. 137.

цию справа, что устраивало далеко не всех его членов. В результате в ВНС с каждым предвоенным годом стали все отчетливее проявляться две тенденции: одна – на сближение с крайне правыми (П. Н. Балашев, Ф. Н. Безак и др.), вторая – на сближение с октябристами (В. В. Шульгин, А. И. Савенко, В. А. Бобринский и др.). Даже в период своего расцвета являясь немногочисленной организацией с небольшим количеством местных отделов, «к началу Первой мировой войны националисты представляли собой штаб без армии – влиятельную думскую фракцию, сеть клубов, сочувствующую прессу, но чисто партийных организаций фактически не существовало»*.

Процессы, происходившие накануне Первой мировой войны в лагере правых и националистов, в полной мере сказались и на их объединениях в представительных учреждениях. В результате расколов правым не удалось обеспечить единства позиции по отношению к выборам в IV Государственную думу. Попастъ в нее стремились лишь представители СРН, РНСМА и ВНС. Более консервативные партии (ВДСРН, Астраханская народно-монархическая партия), т. е. сторонники возвращения к порядкам, существовавшим в России до издания Манифеста 17 октября 1905 г., во время выборной кампании нападали на своих недавних соратников не меньше (если не больше), чем на оппозиционные силы, считая монархизм баллотирующихся в Думу чисто внешним, «маргариновым» в отличие от монархизма «истинного». «Истинные» монархисты, считал, например, лидер АНМП Н. Н. Тиханович-Савицкий, должны были вообще бойкотировать думские выборы и «дать гг. министрам левую Думу из социалистов и кадетов», вынудив тем самым правительство распустить неработоспособную Думу. Иных взглядов придерживалось руководство СРН и РНСМА, не говоря уже о такой чисто думской партии, как ВНС. «Как ни неудачно, как ни ошибочно составлено положение о выборах в Гос. думу, все же иного, кроме Гос. думы выразителя голосов всей русской земли нет», – писала 18 июня 1915 г. проводящая взгляды СРН газета «Курская бль». А член Главной палаты РНСМА Г. А. Шечков неоднократно заявлял, что быть в Думе – прямая обязанность правых**.

В результате упадка как численности, так и активности правого лагеря представительство правых в IV Государственной думе не могло быть значительным. В итоге численность фракции правых (председатель А. Н. Хвостов, с 1913 проф. С. В. Левашев) составила 64 чел. и одного примыкавшего. Во фракцию русских националистов (председатель П. Н. Балашев) вошли 88 депутатов. В так называемую группу центра (председатель П. Н. Крупенский), являющуюся преемницей фракции независимых националистов, – 33 депутата. Таким образом, хотя консервативное крыло в нижней законодательной палате и усилилось по сравнению с III Государственной думой, но преобладающе-

* *Лебедев С. В.* Русские идеи и русское дело. Национально-патриотическое движение в России в прошлом и настоящем. СПб., 2007. С. 171.

** *Стрелков А. Т.* Черная сотня в Центральном Черноземье. Курск, 2000. С. 73.

го большинства правых так и не получили и практически сразу же оказались в изоляции. Даже союзники правых – националисты вскоре большинством голосов постановили, что работа в Думе должна вестись совместно с октябристами. По вопросу о взаимодействии с фракцией правых большинство националистов встало на точку зрения, что возможны совместные действия лишь с ее отдельными членами, но не с фракцией в целом*.

В Государственном совете накануне войны консервативные силы были представлены двумя объединениями – правой группой (лидер П. Н. Дурново) и группой правого центра (лидер А. Б. Нейдгарт). Первая из них стояла на самодержавно-монархических позициях и была довольно близка фракции правых Государственной думы, а вторая – думской фракции националистов и умеренно-правых и, несмотря на наличие в ней отдельных правых монархистов, в целом была группой консервативно-либеральной. Если небольшую группу нейдгартовцев (19 чел.) отличали единство и сплоченность, то правая группа Государственного совета (68 чел.) не была идеологически монолитной, являя собой по сравнению с правой фракцией Государственной думы довольно аморфное объединение: в ее рядах находились представители как либеральных консерваторов, так и крайне правых (черносотенцев)**. Впрочем, все эти расхождения внутри правой группы не получили какого-то оформленного выражения.

Хотя вооруженное столкновение с Германией было для подавляющего большинства правых крайне нежелательным, с первых дней войны они выказали патриотическую позицию и полное доверие власти. Консервативный лагерь полностью поддержал призыв к «священному единению», предполагавший прекращение партийной борьбы в стране до окончательной победы над внешним врагом. Условием внутреннего мира правые выдвигали отказ либеральных и левых сил от каких-либо реформаторских проектов в период войны, непосредственно не связанных с военными нуждами страны. «Такая небывалая война, как настоящая, требует напряжения всех сил народа, мы не можем одновременно разрабатывать спорные вопросы, а только такие, по отношению к коим наше единогласие обеспечено», – писал, обращаясь к представителям либерального лагеря, правый депутат В. Н. Снежков***. «Нам больше всего нужны пушки, пушки и пушки», – вторил ему Н. Е. Марков, отмечавший далее, что если Государственная дума начнет во время войны рассматривать вопросы о реформах, то непременно рухнет шаткое единение, выраженное думским большинством в патриотическом подъеме чувств, поскольку такие вопросы,

* Донесения Л. К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 – февраль 1917 года // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 25; Там же. № 10. С. 11.

** Куликов С. В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004. С. 124.

*** РГИА. Ф. 1090. Оп. 1. Д. 162. Л. 1 об.

как реформирование российской жизни, гладко пройти не могут и неизбежно вызовут споры и дебаты*. Кроме того, правые требовали от оппозиции полного отказа от критики действий правительства и армейского командования.

Практически сразу же правым лагерем была сформулирована внешнеполитическая программа требований к войне. Ее лейтмотивом было полное уничтожение германского империализма и милитаризма. При этом германский милитаризм понимался правыми не как итог определенного политического и экономического развития рейха, а как порождение немецкой культуры и национального характера. Правыми также отмечалось, что Россия обязана воспользоваться судьбоносным моментом для достижения своих исторических задач как внешне-, так и внутривнутриполитических.

В итоге на суд общества была представлена «уточненная» и дополненная версия правительственной декларации, включавшая следующие требования: превращение Германской империи в прежний союз немецких государств с низведением Пруссии «на ее прежнее скромное место», с восстановлением всех областей и государств, «проглоченных» ею ранее (Ганновер, Шлезвиг, Гольштейн и др.); присоединение к России Галиции, Буковины и Закарпатской Украины, находившейся под властью Австро-Венгрии; освобождение славянских народов от «тевтонского ига» с последующим вовлечением их в орбиту влияния Российской империи; получение Россией проливов, составляющих выход к Черному морю с соответствующими участками суши на европейском и азиатском берегах (Константинополя, Адрианополя и соответствующих областей с Галлиполи, а также солидной областью, прилегающей к Мраморному морю в Малой Азии); присоединение Армении с Трапезундом и северной половиной Персии к России; совместное с союзниками владение и управление Святой землей (Палестиной).

«И если мы, Русский Народ, в этой войне победим, – с пафосом резюмировал лидер СРН Н. Е. Марков, – то на всю вселенную раздастся радостный могучий Русский глас:

Прошла Русь варяжская – Новгородская!

Прошла Русь византийская – Киевская!

Прошла Русь татарская – Московская!

Прошла Русь немецкая – Петербургская!

*Да здравствует Русь Славянская – Цареградская!»***

О необходимости усиления коренной Руси в «племенном, экономическом и стратегическом отношении» путем присоединения Галиции, северной Буковины и Угорской Руси говорилось и в записке (ноябрь 1914 г.) И. Г. Щегловитова, М. А. Таубе и Н. А. Маклакова. Авторы ее, также поддерживая и другие требования, выдвинутые правым лагерем, дополняли их «вы-

* Новое время. 1915. 8(21) августа.

** ГА РФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 9. Л. 610; Вестник СРН. 1915. 9 августа.

прямлением границы в Восточной Пруссии», освобождением всех австрийских славян и объединением всех польских территорий в их этнографических границах под скипетром России».

При этом русские правые настоятельно рекомендовали правительству следовать примеру союзников, прежде всего Англии, «которые при всей необходимости отражать врага, при всей необходимости вести войну до конца, тем не менее мудро и разумно берегут свои войска, дабы к моменту заключения мира не быть окончательно обессиленными»^{**}. Как отмечалось в жандармском отчете о настроениях политических партий, правых сильно беспокоил риск того, что в войне, ведущейся преимущественно русскими силами, «победа достанется англичанам»^{***}. П. Ф. Булацель в связи с этим выражал обеспокоенность, что России в очередной раз отводится роль фессалийцев, которые вынесли на своих плечах всю тяжесть союзной троянской борьбы, но были обделены при дележе военной добычи. «Пять лет тому назад у нас боялись всего, что могло не понравиться в Берлине, а теперь настолько же боятся всего, что может не понравиться в Лондоне, что заранее изъявляют согласие не поднимать никаких вопросов, предварительно не испросив на это разрешение у Англии... Такое направление угрожает России самыми тяжелыми ударами! Долг каждого любящего свою родину российского гражданина предостеречь от этого наше правительство, пока еще не поздно», – отмечал публицист^{****}. Другой видный представитель правого лагеря – А. А. Римский-Корсаков указывал правительству: «Необходимо использовать все силы союзников, не упуская из виду, что гнет Англии в итоге так же недопустим, как и немецкий»^{*****}. Запрос перед Министерством иностранных дел о том, насколько добросовестно Британия выполняет свой союзнический долг по отношению к России, делал и председатель фракции правых в Государственной думе С. В. Левашев^{*****}.

Опасаясь, что российская дипломатия может «дать слабину» на мирном конгрессе, когда речь пойдет о компенсациях для России, и уступить давлению стран-союзниц, В. М. Пуришкевич в 1916 г. учредил «Общество русской государственной карты», имевшее целью «выработку основных положений, на которых Россия после победоносной войны может заключить мир, осуществляющий ее исторические, национальные, государственные и славянские

* Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX в.). СПб., 1998. С. 406.

** История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века (от русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1999. С. 512.

*** Политическое положение России накануне Февральской революции в жандармском освещении / Публ. М. Покровский // Красный архив. 1926. Т. 4(17). С. 23.

**** Булацель П. Ф. Дневник // Российский гражданин. 1916. № 5. С. 14.

***** Программа Союза русского народа перед Февральской революцией / Публ. И. Тоболин // Красный архив. 1927. Т. 1(20). С. 243.

***** См.: Арсеньев К. На темы дня // Вестник Европы. 1915. № 2. С. 346.

задачи»^{*}. По задумке Пуришкевича, общество, для участия в котором им были приглашены эксперты из разных областей, должно было «нарисовать русскому народу будущую карту России и обосновать исторически, географически и этнографически ее возможные границы, дабы в момент заключения нами мира русский народ понимал бы, чего он имеет право требовать»^{**}. «Необходимо, чтобы народ был осведомлен об истинных задачах воинствующего империализма тевтонов и об истинных исторических своих задачах, дабы в момент мира он не продешевил, не проиграл, не продал за чечевичную похлебку свои права тем союзникам, которые сейчас с нами в дружбе, а потом будут требовать каждый для себя побольше», – указывал Пуришкевич в одной из своих работ^{***}.

Из приведенных выше внешнеполитических взглядов правых очевидно, что разразившаяся война толкнула их, вопреки желанию, к сближению во взглядах с представителями либерального лагеря, в том числе и с конституционными демократами (за исключением, конечно же, отношения к Англии), тоже «брeдивших Константинопольским призом». Но во внутривполитических установках между ними лежала пропасть. Либералы рассматривали войну прежде всего как войну «освободительную», которая должна была привести к свободе как внешней, так и внутренней^{****}. Консервативный же лагерь чаял отвлечь народ от революционной борьбы посредством вызванного войной патриотического подъема и стабилизировать внутреннее положение в стране победоносным ее окончанием. Поэтому доведение войны до половины без достижения решительной, окончательной победы над врагом, преждевременное заключение мира было для большинства правых решительно невозможно. Это бы привело, как отмечали они, к неисчислимым бедствиям России в будущем. Несмотря на расхожие обвинения правых в «германофильстве»^{*****}, звучавшие со стороны их политических оппонентов, подавляющее большинство представителей консервативного лагеря не рассматривало возможности сепаратного мира, а те немногие, кто по мере затягивания войны и усугубления системного кризиса в стране стал склоняться в пользу такого сценария, руководствовались не какими-то романтическими симпатиями к Германии,

^{*} ГА РФ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 698. Л. 7.

^{**} *Пуришкевич В. М.* Дневник // Последние дни Распутина. М., 2005. С. 51–52.

^{***} *Пуришкевич В. М.* Чего хочет Вильгельм II от России и Англии в великой битве народов. Пг., 1916. С. 70. Подробнее о деятельности «Общества русской государственной карты» см.: *Иванов А. А.* В. М. Пуришкевич и «Общество русской государственной карты» // Вестник Чебоксарского кооперативного института. 2010. № 1(5). С. 158–163.

^{****} Речь. 1915. 24 ноября.

^{*****} См.: *Иванов А. А.* «Германофильство» русских правых накануне и во время Первой мировой войны: мифы и факты // Вестник Чебоксарского кооперативного института. 2009. № 1(3). С. 202–212.

а исключительно русскими национальными интересами в том виде, как они ими понимались.

Определенно, что для большинства правых вынужденная смена ориентации с условно прогерманской на страны Антанты не привела к смене симпатий. Но чувство долга перед Отечеством и монархией вынуждало их действовать согласно воле самодержца. Поэтому довоенные симпатии лидеров правых во все не означали, что в своем большинстве они желали сепаратного, преждевременного мира с Германией, и тем более поражения России. Большинство правых приняли нежелательную для них войну с пониманием необходимости выполнить свой долг перед Отечеством и монархом до конца. Победа России над Германией была для них куда желательнее, нежели заключение сомнительного и позорного мира. Поэтому вне зависимости от того, на чьей стороне Россия вступила бы в Первую мировую войну, конечная цель у русских правых была одна – победа России. Это хоть и несколько грубовато, но достаточно справедливо выразил В. И. Ленин, подчеркивавший, что «на деле и царизм, и все реакционеры в России <...> хотят одного: ограбить Германию, Австрию и Турцию в Европе, побить Англию в Азии. <...> Спор идет <...> только из-за того, когда и как повернуть от борьбы против Германии к борьбе против Англии. Только из-за того, когда и как»^{*}. Когда же монархия в России рухнула, империя стала рассыпаться, а новые революционные власти стали отказываться от целей, ранее провозглашенных царским правительством, часть правых сочла бессмысленным продолжение войны во имя интересов союзников, отмечая, что при сложившихся условиях последние не должны решать свои проблемы за счет России.

Относительно внутренней политики правый лагерь также сформулировал ряд требований, вызванных к жизни войной. Как уже отмечалось выше, ключевым из них было утверждение, что все вопросы, не имеющие прямого касательства к войне, должны быть отложены ради внутреннего мира до победы над Германией. А. А. Бобринский так сформулировал это требование: «В переживаемую нами тревожную годину России нужны не слова, а дело. “Все для войны, все для успеха” – вот тот лозунг, который мы готовы неизменно повторять при каждом случае, доколе не закончится международная борьба»^{**}. Поэтому программа правых в годы Первой мировой войны практически не касалась вопросов социального и политического устройства общества. Основными положениями, вокруг которых она выстраивалась, являлись борьба с «немецким засильем», с дороговизной, с политическими требованиями либерального лагеря.

В рамках этой программы правые предлагали воплотить в жизнь серию мер, общий смысл которых состоял в том, чтобы «перекрыть» программу

^{*} Ленин В. И. О сепаратном мире // Полн. собр. соч. М., 1973. Т. 13. С. 188.

^{**} Государственный совет. Стенографический отчет. 1916 г. Сессия XII. Пг., 1916. Стб. 51.

Прогрессивного блока, подорвать влияние либеральной буржуазии и левых партий, ослабить рост недовольства среди населения. Целью всей внутриполитической программы правых было сохранение «вековых устоев» русского общества, исторически сложившейся российской государственности с неограниченной самодержавной властью, и победоносное завершение войны, призванное укрепить существующей строй и содействовать разрешению накопившихся социально-экономических и политических противоречий. Остальным вопросам уделялось гораздо меньшее внимание.

Среди программных установок русских правых, ставших непосредственным откликом на войну, было требование борьбы с «немецким засильем», которое отмечалось правыми, главным образом, в трех областях русской жизни: в области землевладения, торгово-промышленной и банковской. Такая политика, как казалось правым, позволяла одновременно достигнуть нескольких целей: отбиться от обвинений в «германофильстве», продолжавших сыпаться на них из либерального лагеря; за счет земель немецких колонистов смягчить остроту аграрного вопроса; поддержать отечественных промышленников и предпринимателей путем административного удаления немцев-конкурентов; поднять патриотические чувства в русском народе*. «Народ тяготеет к земле, а не к ограничению власти Государя, – писал в письме к Н. Е. Маркову А. С. Вязигин. – Удовлетворение этой тяги Царем должно быть первым и очередным делом, ибо искалеченные, потерявшие трудоспособность люди должны быть обеспечены не 2 руб. 50 коп. годовой пенсии, а по старинке – раздачей неотчужденной земли, отобранной у немецких колонистов, вознаграждение коих по мирному договору должно быть возложено на немцев. Иначе вся ненависть будет направлена на помещиков»**.

В итоге требования правых в вопросе борьбы с «немецким засильем» были сведены к следующему: совершенное упразднение немецких колоний на всей территории Российской империи с отчуждением земель от подданных враждебных России стран, лиц, имеющих двойное подданство (русское и одного из враждебных государств) и всех немцев-колонистов с русским подданством, уклоняющихся от выполнения воинского долга***; создание из отчужденного имущества земельного фонда для наделения на льготных условиях отличившихся на войне солдат и офицеров; отчуждение всех видов недвижимости, принадлежащих германским и австро-венгерским подданным (предприятий, фабрик, магазинов, банков, частных пансионатов), в пользу государства; недопущение иностранных подданных к управлению предприятиями, работающими на государственную оборону; передача всех страховых обществ, принадле-

* *Соболев И. Г.* Борьба с «немецким засильем» в России в годы Первой мировой войны. СПб., 2004. С. 7–8.

** *Кирьянов Ю. И.* Русское собрание 1900–1917. М., 2003. С. 126.

*** Земщина. 1914. 30 ноября.

жащих немцам, в монопольное владение государству; ликвидация немецких образовательных учреждений*.

Также правыми предлагалась усиленная борьба с протестантизмом (лютеранством и баптизмом) и различными протестантскими сектами как носителями идеологии германизма (прежде всего, с сектантами-меннонитами, уклоняющимися от воинской повинности). «У всех этих хищных германцев, – резюмировал позицию правых Н. Е. Марков на XI съезде Объединенного дворянства (1915), – надо вырвать зубы, надо отнять у них возможность пожирать русское достояние. И не следует заботиться вопросом: справедливо это или не справедливо; по германцам надо ударить одним мощным взмахом русского законодательства**». «Государство <...>, которое вступает в войну, не может руководствоваться исключительно гуманитарными правилами», – вторил ему А. Н. Хвостов***.

При этом важно отметить, что хотя правые в своих требованиях рассуждали о необходимости мер против германских и австрийских *подданных*, в народе популистские лозунги борьбы с «немецким засильем» зачастую воспринимались как призыв к борьбе с *русскими немцами*. Кроме того, эти требования правых так и не переросли в осуществленные проекты. Однако даже если бы программа правых в данном вопросе была реализована в полном объеме, она не могла удовлетворить потребности всего крестьянства. Возбуждение же ненависти по отношению к немцам, попытка выставить их главными эксплуататорами русского крестьянства и обещания щедро наградить немецкими землями крестьян-фронтовиков помимо возможного частичного решения наболевшего аграрного вопроса разжигали аппетиты крестьянства. «Тот, кто начнет с колониетских земель, непременно кончит вашими землями», – предупреждал правых П. Н. Милюков****. Помимо этого, втянувшись в популярную в распропагандированном обществе антигерманскую кампанию и желая получить с нее определенные дивиденды, правые упустили из виду еще один очень важный момент. «Откуда, – писал член РНСМА Ю. С. Карцов, – взялась она, повальная ненависть к немцам, сверху и донизу охватившая русское общество? В основе ее лежало стремление революционное и антидинастическое. Царь наш не русский, не Романов, а немец Гольштейн-Готторп, царица гессенская принцесса, или, как ее в интеллигентских кругах называли, на русские хлеба севшая гессенская муха. Но государь и государыня не допускали, [что] движение направлено против них»*****. Не допускали этого, за редким исключе-

* Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. Пг., 1915. Стб. 1269.

** Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916 гг. Т. 3. М., 2001. С. 528.

*** Борьба с немецким засильем. Речь члена Государственной думы А. Н. Хвостова в заседании 3 августа 1915 г. Пг., 1915. С. 20.

**** Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. Стб. 503.

***** Архив ДРЗ. Ф. 1. Ед. хр. М–76 (1). Л. 203.

нием, и большинство правых, невольно способствовавших своей риторикой росту антидинастических настроений в русском обществе.

Экономическая программа правых в годы войны была весьма скромной и выдержанной в консервативном духе. Ее основополагающим постулатом стал лозунг борьбы с дороговизной, вызванной тяготами войны. Говоря о дороговизне, правые подразумевали не столько повышение цен, необходимое государству для продолжения военных действий, сколько злоупотребления, спекуляцию и сокрытие товара. Признавая неизбежность и необходимость жертв во время войны, правые подчеркивали, что готовность народа претерпеть лишения во имя победы не должна использоваться мародерами, которые «продают Родину оптом и в розницу ради набивания своих бездонных карманов»^{*}. Основными виновниками спекуляций и повышения цен на предметы первой необходимости правыми традиционно выставлялись евреи. Впрочем, не меньшая вина возлагалась на прежних министров финансов С. Ю. Витте и В. Н. Коковцова, разрушивших, по мнению правых, финансовую систему страны накануне военных потрясений.

Борьба с растущей дороговизной в трактовке правых кругов представляла собой следующий комплекс мер: немедленное запрещение банкам выдач ссуд под товары свыше 50 % их действительной стоимости (для предотвращения торговли предметами первой необходимости под видом залога); запрещение банкам представлять на общем собрании акционеров какие-либо акции, кроме акций данного банка (это должно было предотвратить захват банками промышленных предприятий); конфискация всех акций русских банков, явно или через подставных лиц находящихся в германских руках; установление «благожелательного» кредита Государственного банка для производителей и потребителей предметов жизненной необходимости, в особенности пищи, топлива, одежды; учреждение на государственном уровне торгово-промышленных и сельскохозяйственных банков, способных конкурировать с коммерческими банками; упорядочивание деятельности земских и городских союзов по скупке и поставке предметов жизненной необходимости; установление правительственных такс на предметы первой необходимости; учреждение предельной нормы торгово-промышленной прибыли до окончания войны; установление уголовной ответственности по законам военного времени для лиц, виновных в злонамеренном сокрытии или задержке предметов первой необходимости^{**}. В рамках борьбы с дороговизной также признавалось необходимым установление казенной монополии на торговлю всеми предметами первой необходимости, в особенности хлебом. Продовольственный вопрос признавался первоочередным, поскольку «программа сытого обывательского желудка – это залог спокойствия <...>, залог победы»^{***}.

^{*} Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. Стб. 602.

^{**} См.: Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. Стб. 1270–1271, 1539; Правые партии: Документы и материалы (1905–1917 гг.). М., 1998. Т. 2. С. 492–493.

^{***} Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. Стб. 267–268.

Из приведенных выше пунктов программы по борьбе с дороговизной сразу бросается в глаза неприкрытое желание правых всячески ограничить деятельность банков и синдикатов, нарушавших интересы помещиков, ведущих традиционное хозяйство, и по сути разрушавших его в пользу капиталистических отношений. Не последнюю роль играло и стремление крупного капитала прибрать политическую власть в стране к своим рукам, изменив существующее законодательство в свою пользу. «По Москве, – говорил Н. Е. Марков на Особом совещании по обороне 5 февраля 1917 г., – ходят разжиревшие либеральные купцы, которые требуют политической свободы, стремясь принести вред государственным интересам. Москва нажила на войне миллиарды, а оказалась неспособной покрыть миллионный займ». Указывая на кадета М. В. Челнокова, владельца заводов, бывшего с начала войны главноуполномоченным Всероссийского союза городов, Марков заключал, что самым эффективным способом борьбы с теми, кто наживается на войне, является виселица*. Поэтому нет ничего удивительного, что правая печать развернула мощную кампанию против «власти капитала».

Прекрасно понимая всю сложность реализации данной программы на практике, консервативные круги настаивали на самой решительной борьбе правительства с подорожанием предметов «тепла и пищи», вплоть до объявления в стране военного положения и применения военных законов. «Нельзя безнаказанно жить при условиях военного времени, но не по законам военного времени, – писал Г. А. Шечков А. С. Вязигину. – Мы все живем в осажденной стране <...>. Все ропщут не на войну, а на безнаказанность хищников, предателей, на безвластие. Введите полевые законы, и население благословит вас, как спасителей. Но, увы, это невыгодно предателям. Это нелиберально, неконституционно**». Справиться с дороговизной и спекуляцией под силу только царскому правительству – выражали уверенность правые. Либералам они не верили, считая, что те никогда не пойдут на бескомпромиссную борьбу с экономическими преступлениями, поскольку в них замешана та же либеральная буржуазия. «Слишком много спекулянтов и мародеров в прогрессивных кругах – в этом и несчастье. Бороться вам хочется, – заявлял, обращаясь к думской кафедре к либералам Н. Е. Марков, – а когда бороться приходится – приходится бить по своим собственным дельцам, и тут у вас духа не хватает***». В итоге выход для успешной борьбы с растущей дороговизной виделся только один: экономическая диктатура, «чисто правительственная, строгая, суровая, ответственная, но властная, и которая может тут же карать, тут же наказывать и тут же конфисковывать****». Пока такой власти в стране не будет, предупреждали правые, не будет и борьбы с дороговизной.

* Утро России. 1917. 7 февраля.

** Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914–1917 годах // Вопросы истории. 1996. № 8. С. 81.

*** Государственная дума. Созыв IV. Сессия V. Стб. 110.

**** Там же.

Отдельные голоса в консервативном лагере звучали в пользу введения в стране твердого государственного протекционизма в отношении отечественной промышленности, так как «Великая европейская война слишком наглядно показала, что главной причиной наших прошлых неудач явилась наша техническая или промышленная отсталость. А сия последняя происходила от недостатка протекционизма»^{*}.

Для поднятия боевого духа армии правые также требовали от правительства немедленно провести закон, который бы после победоносного окончания войны гарантировал государственные пенсии всем раненым, лишившимся трудоспособности, семьям погибших воинов и георгиевским кавалерам, а также предоставлял единовременное пособие тем солдатам-крестьянам, хозяйства которых пришли в полный упадок в результате войны. Поскольку предложенные меры требовали значительного финансирования, проводить их в жизнь предлагалось после войны за счет взысканной с побежденного врага контрибуции^{**}.

Также консервативные круги обращали внимание властей на то, что «святое дело помощи беженцам должно быть постановлено возможно шире». При этом особо подчеркивалось, что речь идет о беженцах русских, так как различные «национальные инородческие организации» и так пользуются широкой государственной финансовой поддержкой. «Хотя среди русских беженцев наиболее бедственной была участь крестьян и вообще простонародья, но весьма тяжелая судьба постигла также мелких правительственных служащих и православное духовенство, в отношении которых правительство уже отнюдь не обнаружило той отзывчивой щедрости, которую оно проявило для инородческих комитетов, оставив в тяжелую минуту бедствия и разорения тех, кто служил ему верою и правдою, почти без всякой поддержки», – утверждали правые^{***}. В связи с этим монархические организации требовали от правительства «восстановить в деле помощи беженцам нарушенную справедливость» и принять меры, чтобы «правильным и планомерным возвращением русского населения западного края на родные места после изгнания неприятеля быстро и прочно вновь утвердить разрушенную там врагом русскую государственность»^{****}.

«Рабочий вопрос» в условиях резкого падения благосостояния рабочих и, как следствие, их радикализации, также обращал на себя внимание консер-

^{*} *Иловайский Д. И.* Покровительство, покровительство и покровительство // Кремль Иловайского. 1916. 26 марта.

^{**} Труды Всероссийского монархического совещания в г. Нижнем Новгороде уполномоченных правых организаций с 26 по 29 ноября 1915 г. Петроград, 1916. С. 14.

^{***} Совещание монархистов 21–23 ноября 1915 года в Петрограде. Постановления и краткий отчет. М., 1915. С. 35.

^{****} Там. С. 36.

вативного лагеря. Правые не раз говорили о необходимости увеличения заработной платы рабочих в соответствии с прогрессирующей инфляцией, об улучшении условий труда, но при этом указывали, что добиваться этого можно только «мирными» средствами, полностью отвергая тактику забастовок и перевода экономических требований в политическое русло. Причем за военные годы отношение к забастовкам и прочим выступлениям рабочих стало еще более суровым, так как любая забастовка в условиях войны трактовалась ими как государственное преступление, поскольку, когда простаивает завод, войска недополучают оружие. Кроме того, подчеркивали правые, рабочие – такие же военнообязанные, как и другие подданные царя, но только «одного солдата оторвали от семьи, отправив в окопы без всякого жалования», другого же, знающего ремесло, «избавили от возможности каждый день получать пулю в лоб», оставили в кругу семьи и выплачивают жалование. Отсюда делался вывод: рабочие, не желающие добросовестно исполнять свой долг в тылу, должны отправляться исполнять свой долг в окопы». В. М. Пуришкевич, неоднократно призывавший рабочих не вникать в агитации левых партий, призывающих к «праздности» (восьмичасовому рабочему дню), заявлял, что такие требования преступны, когда русские солдаты бесшумно сидят в холодных окопах». К тому же причины забастовок виделись правым больше в агитации левых и немцев, чем в ухудшающихся экономических условиях, поскольку, говорили они, подорожание жизни «все испытывают, и телеграфисты, и почтальоны, и кондуктора, и чиновники мелкие <...>, но мы никогда не слышим о забастовках <...>. Почему же такое нетерпение допустимо для рабочих и недопустимо для всех остальных?»***

Не раз в годы войны правые обращали внимание на вопросы, касающиеся свободы слова, военной цензуры и политики, проводимой оппозиционными органами печати. Если члены Прогрессивного блока настаивали на необходимости освещать все события тыла и фронта во всей их полноте, категорически возражая против действий военных цензоров, изымающих из газет целые статьи и полосы, то правые проявили полное понимание действий властей, выступив защитниками военной цензуры и противниками широкого осведомления армии обо всех темных сторонах жизни общества и государства. Такие вопросы, как свобода печати, полагали они, могут подниматься лишь в послевоенное время, когда первоочередной задачей перестанет быть борьба с внешним врагом. «Думается мне, – отмечал в начале 1917 г. в частном письме член правой группы Государственного совета Н. В. Плеве, – что по нынешним временам не придумаешь тут ничего другого, как подчинение непокорных газет

* РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 237. Л. 94–96.

** ГА РФ. Ф. 1463. Оп. 1. Д. 248. Л. 1.

*** РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 237. Л. 93–94.

предварительной цензуре и затем наблюдение, чтобы последняя действительно делала свое дело и не пропускала непозволительных статей»^{*}.

Правые признавали обилие прискорбных фактов как в тылу, так и на фронте, но не считали возможным, чтобы все новости, будь они даже проверенными и достоверными, сообщались мирному населению и армии. «Надо прекратить сообщения газетами разных необоснованных, выдуманных и преувеличенных слухов, нарочно печатаемых для возбуждения населения, с целью держания его в постоянной тревоге и в недоверии к власти», – отмечалось в постановлениях монархического совещания в Саратове (1915)^{**}. По твердому убеждению правых, на фронт совершенно не должны были поступать сведения о проблемах тыла, поскольку говорить им о том, что у них «сади министры друг с другом ссорятся, один другого валит, правительства никакого нет, в Государственной думе занимаются кооперативами, вводят на Камчатке земство, а о вас никто не думает», просто преступно^{***}. Предупреждая об опасности антиправительственной пропаганды в армии, правые справедливо считали, что если солдат удастся убедить, что над ними изменники, предатели и враги, «то ради врага воевать никто не будет»^{****}. Кроме того, постоянно отмечался тот факт, что пресса освещает вопросы не согласно их действительной природе, а согласно требованиям и пожеланиям ее издателей. А поскольку многие российские либеральные газеты издавались евреями или при участии евреев, то, с точки зрения правых, невозможно было дать таким изданиям свободу от цензуры^{*****}.

Предшествующий опыт указывал правым на то, что непредвзятости от оппозиционных газет ожидать не приходится. В отличие от речей деятелей Прогрессивного блока выступления правых, как правило, не приводились либеральными газетами целиком, а давались либо тенденциозными выдержками или в пересказе, создающем выгодное для оппозиции представление о правых. «Прямо беда! Приходится терять много времени на то, чтобы ездить в Государственную думу, потому что следить за думскими речами по газетным отчетам стало немыслимо. Каждая газета теперь излагает речи членов Думы по-своему, выпуская, переставляя и добавляя не только отдельные слова, но и целые предложения. Поэтому истинного представления о произносимых

^{*} ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1068. Л. 91.

^{**} Труды Всероссийского монархического совещания в г. Нижнем Новгороде уполномоченных правых организаций с 26 по 29 ноября 1915 г. Петроград, 1916. С. 13.

^{***} Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. Стб. 1680.

^{****} Там же.

^{*****} В связи с этим еще до войны правые предлагали правительству ввести закон, согласно которому ответственными редакторами повременной печати евреи могут быть только в черте оседлости (Проект новых правил о печати, внесенный на рассмотрение Государственной думы фракцией правых в марте 1913 года. СПб., 1913).

в Государственной думе речах иметь никто не может, кроме тех, кто их сам слушает», – сетовал П. Ф. Булацель*. Как вспоминал Н. Е. Марков, «то, что в действительности происходило в Таврическом дворце, видела и слышала какая-нибудь тысяча человек», а «сотня миллионов русского народа узнавала обо всем лишь через газеты, телефонные агентства и журналы». В результате переработок, сделанных оппозиционными изданиями, отмечал Марков, «речи враждебных монархии и властям ораторов подавались в улучшенном и дополненном в газетных редакциях виде, с выпусканьем слабых или неудачных мест, с вставлением никогда не сказанных фраз», а речи в защиту правительства или вовсе замалчивались, или искажались. В результате такой газетной кампании, констатировал Марков, «почти вся думающая и читающая Россия исполнилась доверием и уважением к тем партиям, которые восхвалялись и подавались “русской” печатью в качестве бескорыстных защитников народа, героически борющихся с “тиранией самодержавия”, и недоверием, почти ненавистью к тем, кто <...> отстаивал благодетельный для России исторический самодержавный строй»**.

Свое отношение было у правых и к так называемым «пустотам» в газетах. Н. Е. Марков настаивал на обязательном закрытии газет, которые пестрят белыми пятнами: «заполняй объявлениями, хотя бы о рашении волос, но не смей давать пустот <...>. Если газеты будут продолжать мутить народ, смущать армию, закройте все газеты до последней, ни одной газеты не должно быть», – наставлял лидер СРН редакторов***. Парадоксальным при такой твердой и решительной позиции выглядит тот факт, что газеты правых также подвергались цензуре и были далеко не свободны от пустот на своих страницах. Впрочем, некоторые правые депутаты сомневались, что военная цензура редактирует и изымает именно то, что нужно, и не пропускает недозволенного. Причина этого виделась в том, что в списках чинов военной цензуры немецкие фамилии встречались гораздо чаще, чем русские****.

Свое внимание правые также обращали и на необходимость осуществления специального контроля над кинофильмами, особенно зарубежными (путем цензуры и специальных высоких налогов на иностранные киноленты), так как «кинематографы <...> обратили в орудие революционного пропагандирования народа»*****. Особенно вредными представлялись правым кинокартины, посвященные французской революции, наводнившие отечественный кинопрокат. А тот факт, что показ подобных кинолент осуществлялся в самых дешевых кинотеатрах, т. е. был доступен рабочим и другой простонародной

* Булацель П. Ф. Дневник // Российский гражданин. 1916. № 6. С. 14.

** Марков Н. Е. Войны темных сил. Статьи. 1921–1937. М., 2002. С. 164–166.

*** Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. Стб. 201.

**** Там же. Стб. 1182–1183.

***** Земщина. 1917. 12 февраля; Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. 1911–1917. М., 2001. С. 323.

публике, заставлял правых регулярно поднимать вопрос о революционизировании народных масс зарубежными кинофильмами. Протестовали правые и против показа народу документальных съемок ужасов войны. «Покажите нашему народу <...>, – писала «Курская быль», – красоту и величие подвигов наших воинов <...>, покажите чудеса техники <...>, покажите работу наших санитаров на поле боя и жизнь наших воинов на позициях; дайте ряд снимков, сделанных во время посещения городов нашим Державным Вождем и членами Его семьи; покажите великую самоотверженную работу наших Августейших Сестер милосердия...»*

Таким образом, правые расценивали медийную политику либеральной оппозиции как информационную войну, развязанную против самодержавного строя и ее защитников, а потому выступали за усиление правительственного вмешательства в данной сфере. Но, несмотря на то что позиция правых в вопросе о допустимых пределах свободы слова в годы войны во многом смыкалась с позицией правительства, отношение их к военной цензуре было все-таки двойственным: с одной стороны, правые считали ее необходимой и даже высказывались за меры по ее усилению, с другой – находили ее несовершенной и даже прогермански настроенной, когда дело касалось санкций в отношении правых изданий.

Среди правительственных инициатив, активно поддержанных правыми в годы войны, стало введение «сухого закона». Антиалкогольная политика правых всегда была тесным образом связана со стремлением улучшить народное благосостояние, поскольку именно в народном пьянстве им виделась одна из главных причин материального неблагополучия простонародья. В первые дни войны правые с удовлетворением отмечали положительное действие царского закона, запрещавшего продажу крепких спиртных напитков, что позволило, в отличие от событий Русско-японской войны, спокойно и без эксцессов провести мобилизацию. Как следовало из доклада, прочитанного членом правой группы Государственного совета А. И. Мосоловым перед Объединенным дворянством, хулиганство в стране прекратилось, семейная жизнь наладилась, «прекратились грабежи, драки и скандалы. Не стало слышно безобразной ругани. На улицах исчезли босяки, и нищие стали редким явлением». «Это ли не чудо!» – восклицал докладчик**. «Зеленый змий», казалось правым, был поражен, «шевелились» лишь «змееныши» – пиво и вина. «Добейте змеенышей, – призывали они, – тогда вы увидите тот колоссальный рост, какой примет Россия»***. Таким образом, антиалкогольная кампания, предпринятая правыми, шла даже дальше принятого императором «сухого закона».

* Курская быль. 1915. 27 января.

** Доклад Постоянному совету Объединенных дворянских обществ товарища председателя А. И. Мосолова. [Пг., 1915]. С. 4; РГИА. Ф. 1675. Оп. 1. Д. 33. Л. 2–2 об.

*** Новое время. 1915. 29 января (11 февраля).

Однако довольно скоро правым пришлось признать иллюзорность своих надежд. Уже осенью 1914 г. в монархических газетах появились статьи, полные негодования по поводу потребления народом денатурированного спирта, «киндер-бальзама», политуры, «ханжи» и тому подобных «напитков»^{*}. Местами доходило до того, что определенная категория людей, не имевшая возможности достать спиртное, стала потреблять лаки и краски, свободная продажа которых в отдельных регионах империи тут же была запрещена^{**}. В итоге, в 1915 г. один из постоянных ораторов думской фракции правых по данному вопросу – А. П. Вишневский вынужден был открыто признать, что пьяные в России есть и, по всей видимости, будут, поскольку торговля денатуратом, «одурманивающими квасами» и одеколоном идет бойко. Аптека же, по его словам, и вовсе превратилась в кабак, «где покупают к свадьбам и ко всем пиршествам всевозможные капли, всевозможные настойки, но вовсе не в миниатюрных флакончиках»^{***}. Через полгода тот же депутат признал, что пьянство не только не сократилось, а продолжает прогрессировать в самой опасной степени^{****}.

Выход из сложившейся ситуации виделся правым в следующем: 1) довести производство денатурата до полной невозможности его употребления как напитка; 2) ввести самые строгие условия отпуска чистого спирта; 3) ужесточить наказание за продажу вредных спиртосодержащих смесей вплоть до каторги; 4) признать пьяное состояниеотягчающим, а не смягчающим обстоятельством при совершении правонарушений; 5) карать тайное винокурение^{*****}. Эти меры были полностью поддержаны съездом Объединенного дворянства.

Война также заставила правых внести некоторые коррективы в их политику по национальному вопросу. Отношение к еврейству несколько не изменилось, однако в какой-то мере «еврейский вопрос» в силу обстоятельств был потеснен в риторике правых «немецким вопросом». В целом же в годы войны правые рассматривали евреев исключительно как спекулянтов, мародеров, германских шпионов, проводников революционных идей, людей, не способных (или не желающих) защищать Россию и страстно жаждущих ее поражения. Исходя из этого правые продолжали проводить юдофобскую политику, не допуская и мысли о возможном равноправии евреев и отмены черты оседлости. «За предательство ли и шпионство хотят жидам дать право их народу? Не равноправие заслужили они, а кнут и виселицу! Зачем эвакуируют евреев и заселяют ими внутренние губернии, откуда их потом трудно будет выжить? Пусть их оставляют на местах, где они отлично уживутся с немца-

* Земщина. 1914. 21 октября, 16 ноября.

** Пашков Е. В. Антиалкогольная кампания в России в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 2010. № 10. С. 89.

*** Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. Стб. 969.

**** Там же. Стб. 1830.

***** РГИА. Ф. 1675. Оп. 1. Д. 33. Л. 4–4 об.

ми, которым служат», – восклицал в 1915 г., выступая в Русском собрании, В. М. Пуришкевич*.

Между тем в результате захвата немцами территорий, входивших в черту оседлости, евреи (беженцы и выселенцы) стали массово продвигаться вглубь России, что де-факто привело к ликвидации черты оседлости и заставило правых разрабатывать вопросы, касающиеся правил проживания еврейского населения в новых условиях. Один из таких проектов решения «еврейского вопроса» был озвучен на монархическом совещании в Саратове в августе 1915 г. «Евреев-беженцев и евреев, выселяемых из опасения их предательства и шпионства из района военных действий, следует сосредоточить в гг. Баку, Эривани, Шуше, Тавризе, Тифлисе, Александрополе, Ахалцихе, Ахалкалаки, в которых население не так легко поддается к их засилью, а не высылать во внутренние губернии, где от них пострадает слабое русское население», – говорилось в документе**.

Неоднократно в годы войны правые касались привилегированного положения Великого княжества Финляндского, жители которого были освобождены от воинской повинности. Г. Г. Замысловским был поднят вопрос о неправомерности положения, при котором Финляндия «не дает ни одного солдата и не платит ни одной копейки на военные расходы», в то время как русский народ проливает свою кровь и тратит свои средства, в том числе и «ради покоренных же им инородцев». Замысловский предлагал лишить ничем не обоснованной привилегированности «чухонских аристократов», введя для них такие же повинности, как и для остальных народов империи***. Однако правительство, опасаясь проявления недовольства со стороны финнов и, как его следствия, возможного вмешательства в финляндские дела соседней Швеции, несмотря на объявленный нейтралитет поддерживающей Германию, от предложений правых воздержалось.

Другой проблемой, по которой правые имели особое мнение, был вопрос о будущем Польши. Если до 1915 г. правые всячески подчеркивали, что разрешение польской проблемы – «вопрос второстепенный», то после того, как Германия, оккупировав Польшу, объявила о создании из польских областей столь желанного поляками независимого государства, тон в этом вопросе пришлось заметно менять. Не допуская в принципе какого-либо разрешения национальных вопросов (в том числе и польского****) в условиях войны, правые

* Итоги первого боевого года в тылах и на фронте. Доклад В. М. Пуришкевича в Русском Собрании 4 сентября 1915 г. Пг., 1915. С. 16–17.

** Труды Всероссийского монархического совещания в г. Нижнем Новгороде уполномоченных правых организаций с 26 по 29 ноября 1915 г. С. 13.

*** ГА РФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 9. Л. 575–575 об.; Вестник СРН. 1915. 7 марта.

**** «При таком условии русскому правительству издавать проект будущего автономного устройства Польши с обязательством выполнить его во что бы [то] ни стало, это было бы совсем не согласно с достоинством великой державы, и такой акт мог

заявляли, что после победы, когда будут рассмотрены заслуги тех или иных народов, им «будет дана награда от России, но русский народ при этом не должен быть обижен»^{*}. Поэтому, подчеркивали они, «Россия в настоящее время может разрешить польский вопрос только силою оружия на полях сражения»^{**}. Однако после того, как император повелел Совету министров разработать законопроекты о предоставлении Польше по завершении войны «права свободного строения своей национальной, культурной и хозяйственной жизни на началах автономии под державным скипетром государей российских и при сохранении единой государственности»^{***}, взгляд правых на польский вопрос стал значительно мягче. Избегая каких-либо конкретных обещаний Польше до победоносного окончания войны (кроме подтверждения заверений о том, что единство польского народа будет восстановлено, но в границах империи), правые как бы намекали полякам, что если они и дальше верно будут служить интересам России, то их ждет благодарность русского народа, однако в чем она будет выражаться, умалчивали.

Довольно часто обращались правые и к так называемой «украинской» проблеме, подразумевая под ней стремление Германии и Австро-Венгрии при помощи местных националистов-сепаратистов («мазепинцев») отколоть от империи малороссийские земли. Нижегородское совещание монархистов осенью 1915 г. особым пунктом отмечало, что так называемое «укаинофильство», или «мазепинство», является крайне опасным и имеет целью «расчленение Руси и создание несуществующей “украинской” народности, воспитанной в ненависти ко всему русскому». «Поведение “украинцев” в Галиции при отступлении русских войск является доказательством яркой ненависти “украинцев” к России и русскому народу. Ввиду того недопустимо существование украинской литературы, украинских книжных магазинов (книгарен), комитетов помощи беженцам-украинцам и каких бы то ни было учреждений, поддерживающих и развивающих это пагубное движение», – отмечалось в документе^{****}. При этом консервативный лагерь особо подчеркивал, что «мазепинство» является «политическим движением, всецело созданным, субсидируемым и руководимым Австро-Германией»^{*****}.

бы вызвать только глумление наших врагов» (*Иловайский Д. И.* Польский вопрос // Кремль Иловайского. 1916. 10 декабря).

^{*} Государственная дума. Созыв IV. Сессия III. Стб. 130.

^{**} Там же. Сессия V. Стб. 26.

^{***} Государственный совет. Стенографический отчет. Сессия XI. Стб. 9.

^{****} Труды Всероссийского монархического совещания в г. Нижнем Новгороде уполномоченных правых организаций с 26 по 29 ноября 1915 г. С. 61.

^{*****} Совещание монархистов 21–23 ноября 1915 года в Петрограде. Постановления и краткий отчет. С. 30.

В целом политика правых в национальном вопросе сводилась к лозунгу великой, единой и неделимой России, поэтому они всячески старались оттянуть решение данного вопроса, не соглашаясь ни на какие уступки до окончания войны.

Таким образом, Первая мировая война внесла ряд корректив в программу правых, сделавших упор на том, что любые вопросы, непосредственно не связанные с войной, не должны обсуждаться и рассматриваться до победы над внешним врагом. Именно в этом консервативному лагерю виделось важнейшее условие для отказа от политической борьбы и, как следствие, сохранения внутреннего мира в стране. Однако их попытки «перекрыть» программу либеральной оппозиции и ослабить рост недовольства среди населения оказались неудачными. Кроме того, традиционно свойственная консерваторам политика скромных, но достижимых без радикальной ломки политического строя и сложившихся институтов мер, нацеленных на постепенное улучшение народной жизни, в условиях системного кризиса, а также левой и либеральной пропаганды, сулившей радикальное и эффективное решение наболевших вопросов, оказалась малопривлекательной и неконкурентоспособной.

* * *

Война внесла изменения не только в программные установки, но и оказала большое влияние на деятельность и численность правых. Падение последней было катастрофичным. Если в период своего могущества общая численность всех правых организаций составляла приблизительно 400–450 тыс. человек*, то к 1916 г. она сократилась примерно до 45 тыс. человек (без учета численности Отечественного патриотического союза)**. Что касается ВНС, то и до войны не бывший многочисленной структурой, к ее концу он был представлен преимущественно депутатами-националистами в Государственной думе, разделенными к тому же на три фракции (националистов и умеренно-правых, прогрессивных националистов и центр).

В целом, как справедливо отмечает отечественный исследователь Ю. И. Кирьянов, если для большинства партий начало войны было временем собирания сил, то для правых это был период «настоящего распада под влиянием условий военного времени, мобилизаций в действующую армию, переключения оставшихся в тылу членов на иные вопросы и т. д.»*** Несколько оживившись в связи с возникновением Прогрессивного блока и предприняв ряд шагов для объединения и восстановления своего прежнего влияния, правые тем не менее не смогли достигнуть даже предвоенного уровня.

* Первая цифра взята из работы: *Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. 1911–1917 гг. М., 2001. С. 82*; вторая – из монографии: *Омельяничук И. В. Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Киев, 2006. С. 85.*

** *Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. С. 82–83.*

*** Там же. С. 296.

2. От германской ориентации к антинемецким настроениям

Война вызвала закономерную реакцию интеллектуальной элиты России, пытавшейся осмыслить причины, характер и последствия небывалого по своим масштабам конфликта. Не были исключением и представители консервативного лагеря, внесшие свой вклад в осмысление и трактовку этого военного противостояния и пытавшиеся убедить российское общество в правильности своих целей и приоритетов.

Накануне войны правые выступали с критикой внешнеполитического курса правительства, который, по их мнению, толкал Россию к не выгодному для нее конфликту с Германией. При этом консервативные круги не питали особых иллюзий на счет Германии, которая, по словам председателя фракции правых в III Государственной думе А. С. Вязигина, готовила свою армию «не только для смотров и парадов»^{*}. У правых вызывало серьезное опасение то обстоятельство, что русская армия к войне не готова, «не имеет ни гранат, ни пуль, ни прицелов, ни повозок и обречена на безусловное поражение»^{**}. Незадолго до войны председатель Главной палаты Русского народного союза имени Михаила Архангела (РНСМА) В. М. Пуришкевич заявлял с думской кафедры: «Нам необходимо поставить армию на должную высоту, чтобы военному министру не задержали отпуск кредитов на военные надобности <...> необходимо увеличить количество пулеметных команд при наших частях, ибо у нас их гораздо меньше, чем в Германии»^{***}.

В связи с этим правые были противниками активной политики России на Балканах, справедливо опасаясь, что она неизбежно втянет империю в ненужный для нее военный конфликт. В. М. Пуришкевич предупреждал, что необходимо углубиться во внутреннюю работу и не ввязываться «в те дела, которые <...> могут привести к европейскому пожару и заставить нас втянуться в авантюру, о которую разлетится, может быть, наша слава, наше могущество вконец»^{****}. Лидер СРН Н. Е. Марков, уже находясь в эмиграции, так комментировал предвоенную позицию правых: «Бросаться в войну, не подготовившись к победе, лишь для того, чтобы не сомневались в благородстве наших чувств, было простительно Дон-Кихоту, но ведь Дон-Кихоты потому и вывелись, что слишком часто пытались защитить угнетенных, не справляясь

* Правые партии: Документы и материалы (1905–1917 гг.). С. 33.

** Там же. С. 34; Переписка и другие документы правых (1911–1913) // Вопросы истории. 1999. № 10. С. 105.

*** Цит. по: *Дорошенко А. А.* Правые в Государственной думе Российской империи. Самара, 2004. С. 156.

**** Цит. по: *Ромов Р. Б.* Фракция правых в III Государственной думе (1907–1912): Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 335.

со своими действительными возможностями победить подчас воображаемых угнетателей»^{*}.

Наиболее трезвое и аргументированное обоснование катастрофичности для России столкновения с Германией дал накануне войны лидер правой группы Государственного совета П. Н. Дурново. Этот опытный царский бюрократ в феврале 1914 г. представил на имя императора «Записку», пророческий характер которой неоднократно привлекал внимание отечественных историков. Содержание этого документа предельно ясно отражено в заголовках разделов «Записки», видимо, данных уже при ее публикации М. П. Павловичем в 1922 г.: 1. Будущая англо-германская война превратится в вооруженное столкновение между двумя группами держав; 2. Трудно уловить какие-либо реальные выгоды, полученные Россией в результате сближения с Англией; 3. Основные группировки в грядущей войне; 4. Главная тяжесть войны выпадет на долю России; 5. Жизненные интересы Германии и России нигде не сталкиваются; 6. В области экономических интересов русские пользы и нужды не противоречат германским; 7. Даже победа над Германией сулит России крайне неблагоприятные перспективы; 8. Борьба между Россией и Германией глубоко нежелательна для обеих сторон, как сводящаяся к ослаблению монархического начала; 9. Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой трудно предвидеть; 10. Германии, в случае поражения, предстоит пережить не меньшие социальные потрясения, чем России; 11. Мирному сожительству культурных наций более всего угрожает стремление Англии удержать ускользающее от нее господство над морями.

Четко обозначив расстановку сил, автор «Записки» предупреждал, что начало военного конфликта, который неминуемо разразится из-за соперничества Англии и Германии и перерастет в мировой в случае вовлечения в него России на стороне Британии, приведет к тому, что ей придется выступить в роли оттягивающего пластыря. «Главная тяжесть войны, несомненно, выпадет на нашу долю, так как Англия к принятию широкого участия в континентальной войне едва ли способна, а Франция, бедная людским материалом, при тех колоссальных потерях, которыми будет сопровождаться война при современных условиях военной техники, вероятно, будет придерживаться строго оборонительной тактики. Роль тарана, пробивающего самую толщу немецкой обороны, достанется нам, а между тем сколько факторов будет против нас и сколько на них нам придется потратить сил и внимания», – предупреждал правый политик^{**}. Предвидя целый ряд осложнений в результате войны, Дурново констатировал: «Готовы ли мы к столь упорной борьбе, которой, несомненно,

^{*} Марков Н. Е. Войны темных сил. Статьи. 1921–1937. С. 171.

^{**} Дурново П. Н. Записка / Публ. и вступ. ст. М. Павловича // Красная новь. 1922. № 6(10). С. 187.

окажется будущая война европейских народов? На этот вопрос приходится, не обинуясь, ответить отрицательно»^{*}.

При этом Дурново указывал, что союз между Англией и Россией не открывает перед последней абсолютно никаких выгод, но сулит явные внешнеполитические проблемы. Анализируя притязания Российской империи и возможности их достижения, Дурново приходил к заключению, что «жизненные интересы России и Германии нигде не сталкиваются и дают полное основание для мирного сожительства двух государств»^{**}. Поэтому, считал он, ни труднодостижимая победа над Германией, ни тем более поражение от нее не сулили России никаких благ – ни во внутринеополитической ситуации (ослабление монархического начала, рост либеральных и революционных настроений), ни в экономике (развал народного хозяйства и большие долги по займам), ни во внешней политике (естественное желание союзников по Антанте ослабить Россию, когда в ней уже не будет нужды).

В результате Дурново пришел к следующему выводу: «С Англией нам не по пути, она должна быть предоставлена своей судьбе, и ссориться из-за нее с Германией нам не приходится. Тройственное согласие – комбинация искусственная, не имеющая под собой почвы интересов, и будущее принадлежит не ей, а несравненно более жизненному тесному сближению России, Германии, примиренной с последней Францией и связанной с Россией строго оборонительным союзом Японией»^{***}.

Одновременно Дурново указывал и на слабость российского либерализма, который в случае глубокого кризиса, вызванного грядущей войной, не сможет сдержать революционного выступления. Если самодержавной власти хватит воли пресечь оппозиционные выступления достаточно твердо, то «при отсутствии у оппозиции серьезных корней в населении, этим дело и кончится». Но если правительственная власть пойдет на уступки и попытается войти в соглашение с оппозицией (что в итоге и произошло), то она лишь ослабит себя к моменту выступления социалистических элементов. «Хотя это и звучит парадоксально, – писал Дурново, – но соглашение с оппозицией в России, безусловно, ослабляет правительство. Дело в том, что наша оппозиция не хочет считаться с тем, что никакой реальной силы она не представляет. Русская оппозиция сплошь интеллигентна, и в этом ее слабость, так как между интеллигенцией и народом у нас глубокая пропасть взаимного непонимания и недоверия»^{****}.

Говоря о неизбежности революционных выступлений в случае военных поражений, Дурново предрекал: «Начнется с того, что все неудачи будут приписаны правительству. В законодательных учреждениях начнется яростная кампания против него, как результат которой в стране начнутся революци-

^{*} Дурново П. Н. Записка. С. 188.

^{**} Там же. С. 189.

^{***} Там же. С. 199.

^{****} Там же. С. 196.

онные выступления. Эти последние сразу же выдвинул социалистические лозунги, единственные, которые могут поднять и сгруппировать широкие слои населения, сначала черный передел, а затем и общий раздел всех ценностей и имуществ. Победенная армия, лишившаяся, к тому же, за время войны наиболее надежного кадрового своего состава, охваченная в большей части стихийно общим крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованною, чтобы послужить оплотом законности и порядка. Законодательные учреждения и лишены действительного авторитета в глазах народа оппозиционно-интеллигентные партии будут не в силах сдержать расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению»^{*}.

Стремление избежать войны во что бы то ни стало определяло как внешнеполитическую позицию самого Дурново, так и большинства правых. Это нашло свое выражение еще весной 1909 г., когда правая группа Государственного совета выразила свое недовольство дипломатией А. П. Извольского, в частности втянувшего Россию в австро-сербский конфликт. Либерально-оппозиционные круги тогда были вынуждены с недоумением признать «полное отсутствие у правых славянофильских тенденций»^{**}. Как замечает по этому поводу А. В. Шевцов, «не претендуя, в отличие от либералов и славянофилов, на создание славянской федерации и завоевание новых земель, крайне правые хотели навести порядок в собственном доме»^{***}. И это вполне объяснимо, так как свойственный либералам и националистам панславизм неизбежно толкал Россию к военному противостоянию с Османской, Австро-Венгерской и Германской империями, ибо других способов собрать славян, распределенных на пространствах, принадлежащих или контролируемых этими государствами, не существовало.

Впрочем, были среди консервативной элиты не только чуждые всякой сентиментальности прагматики, но и убежденные германофилы. Однако и они обосновывали свою позицию не какой-либо «особой» любовью к Германии, а русскими и общеевропейскими интересами. Характерно в этом отношении высказывание члена РНСМА Ф. В. Винберга. «В Германии желала войны, преисполненная надменности и самомнения, военная партия. <...> Люди этого склада мыслей восторженно и многозначительно распевали свою традиционную песню “Deutschland, Deutschland über alles, über alles in der Welt” (Германия, Германия превыше всего, превыше всего на свете. – *Ред.*). Они забывали, к сожалению, или, вернее, не понимали, что эта прекрасная, вдохно-

^{*} Там же. С. 196.

^{**} См.: *Бородин А. П.* П. Н. Дурново: портрет царского сановника // *Отечественная история.* 2000. № 3. С. 65–66.

^{***} *Шевцов А. В.* Издательская деятельность русских несоциалистических партий начала XX века. СПб., 1997. С. 27.

венная песня только тогда может быть спета с полным успехом и в полной гармонии, когда для ее исполнения соединятся два хора, два объединенных и дружных народа, германский и русский; и тогда они ее будут петь с некоторым изменением или, вернее, с прибавлением нескольких слов. Будет тогда звучать эта песня следующим образом: “Rußland, Deutschland über alles, über alles in der Welt!” (Россия и Германия превыше всего... – *Ред.*). И тогда под вдохновляющие аккорды этой песни оба народа найдут свое настоящее призвание и обретут всечеловеческое, великодушное и благостное стремление к “миру всего мира”, о котором неустанно, но до сих пор несбыточно, молится Христианская Церковь», – размышлял Винберг вскоре после трагического для двух империй окончания мировой войны*. Но проблема заключалась в том, что в отличие от лидеров русских правых необходимость мирного и дружественного сосуществования России и Германии была к 1914 г. уже совершенно не очевидной для влиятельных немецких кругов, стремившихся к развязыванию военного конфликта.

Важно отметить, что вопросы внешней политики накануне войны волновали русских правых прежде всего с точки зрения влияния ее на внутривнутриполитическую ситуацию. Нежелание ссориться с Германией основывалось на комплексе следующих факторов: 1) устойчивость отношений между странами; 2) политическое соответствие государственного устройства; 3) экономический и военно-политический потенциал сотрудничества. Поэтому правые, чувствуя возможность скорой войны с Германией, всячески советовали правительству не ссориться с ней, а искать пути мирного разрешения растущих противоречий. Во-первых, из-за недостаточной подготовленности России к войне, относительной слабости ее вооруженных сил и оборонительных укреплений. Во-вторых, предвидя ужасные последствия, к которым привела война во всех сферах русской жизни. В-третьих, видя в Германии наиболее близкое по духу царской России монархическое государство в Европе. Все это заставляло консервативный лагерь цепляться за шаткие надежды предотвращения войны и мирного сосуществования с кайзеровской Германией в отличие от либералов, настойчиво советовавших правительству ориентироваться на либерально-демократические страны Антанты.

Однако видя, что неизбежность нежелательной для них войны с Германией становится все очевиднее, правые требовали от власти увеличения военного бюджета, военных средств до такой степени, «чтобы миролюбие наше не было истолковано как наша слабость»**. Они искренне желали, чтобы кабинет министров в целом и военный министр в частности не считались при обсуждении вопроса о необходимости увеличения боевых сил с тем, как посмотрят на это за рубежом, т. е. Германия, Австрия и др. «С этой точки зрения, просто

* *Винберг Ф. В.* Крестный путь. Часть I. Корни зла. Репринтное издание. СПб., 1997. С. 49.

** Государственная дума. Созыв IV. Сессия I. Стб. 300.

преступно считаться с воззрениями Запада, как бы они ни косились на каждый шаг по увеличению наших военных сил, как бы ни видели себе вызова <...> Мы хотим мира, но хотим мира не во что бы то ни стало», – подчеркивал В. М. Пуришкевич^{*}. Правые также осознавали, что «Большая программа» по перевооружению и усилению армии и флота требовала нескольких лет для полного ее воплощения (окончательная ее реализация планировалась к 1918 г.), а потому всеми силами стремились если не предотвратить (что было бы для них крайне желательно), то хотя бы оттянуть войну с Германией до того момента, когда русская армия получит явные преимущества перед армией потенциального противника. «Мы говорили, – объяснял уже в годы войны Н. Е. Марков, – попробуйте не ссориться, но в то же время говорили: вооружайтесь до зубов»^{**}.

Объявление Германией войны России нанесло серьезный удар по предвоенным взглядам правых, заставив их стремительно менять риторику. Заняв с первых же дней войны патриотическую позицию, консервативные круги поспешили провозгласить курс на войну до победного конца. Как бы оправдываясь за свою предвоенную «прогерманскую» внешнеполитическую ориентацию, правые широко использовали хорошо отработанный ими ранее пропагандистский прием по формированию образа врага русского народа, которым в силу исторического момента оказывались немцы. Германец «не знает и никогда не знал мирного времени, ибо всегда, постоянно и неуклонно вел работу против нас, до русской собственности жадный и к русскому духу враждебный искони», – заявлял член Русского собрания князь Д. П. Голицын-Муравлин^{***}. Разразившаяся с германцами война, по его мнению, предоставила русскому народу возможность сделать то, что раньше было для него невозможным, – избавиться от «немецкого засилья». Выступая перед членами Государственного совета 30 января 1915 г., князь не смог удержаться от образного пассажа, которым охарактеризовал суть русско-германского конфликта: «Илья Муромец отражает Зигфрида». «Если правда, что сказочный мир каждого народа выражает его стихийную сущность, – замечал Голицын-Муравлин, – то с радостью отметим, что наша стихия сильнее Нибелунговой, воспевающей предательство и злобу»^{****}.

Другой видный представитель правого лагеря – архиепископ Никон (Рождественский) указывал на необходимость для русского народа извлечь из начавшейся войны урок. Охарактеризовав начавшуюся войну как «свершившийся суд Божий над народами земли», владыка перечислял грехи как немецкого, так и русского народа, за которые, по его мнению, эта война и была ниспослана. «Немцы согрешили гордынею – грехом сатаны. Много согрешили

* Там же. Стб. 309.

** Новое время. 1915. 5(18) августа.

*** Государственная дума. Созыв IV. Сессия I. Стб. 70.

**** Там же. Стб. 118.

и мы перед Богом. Бога забыли, от Церкви отвращаются, заветы предков осмеивают. А в верхних слоях господствует практическое язычество». Основной грех немецкого народа, по его мнению, оказался нам чуждым. Если немцы были, по его словам, виноваты в том, что «в гордыни своей вознеслись выше облак небесных», то «русскому народу чужда национальная гордыня». «Для русского человека и немец, и француз, и всякий другой инородец, даже и некрещеный еврей, татарин и даже язычник – все люди, все по образу Божию созданы, и обижать их без крайней нужды не следует – грешно, не по-Божьи». А так как одолеть гордыню можно только смирением, то русскому народу необходимо смириться, покаяться в прежних грехах и тогда придет к нему Божие благословение, и он одолеет германцев. Но чем дольше шла война, чем больше немцы проявляли себя в ней, тем резче становились отзывы архиерея о германцах. Немец, писал он уже в 1915 г., «это настоящий потомок древних гуннов, бессердечный, бесчеловечный эгоист, пропитанный гордостью и самоценом до мозга костей. <...> Немец пьян своею гордынею, буен и шумен от нее, как от крепкого вина. Если еще есть надежда на его отрезвление, то именно война и должна отрезвить его, смирить, вразумить...»*

В своих публичных дневниках-проповедях архиепископ Никон давал такую оценку немецкому народу: «В его глазах только его соплеменники – люди, остальное человечество – что-то вроде животных, коими он может пользоваться как бессловесную тварью. Тут обнаруживается что-то сродное с иудейским талмудическим мировоззрением»**. А лидер СРН Н. Е. Марков, отсылая к философии Ф. Ницше, развивал эту мысль следующим образом: «В образе тевтонов на нас обрушилось нашествие скопищ рабов ветхозаветной морали, людей, которые живут идеалами 2000 лет до нашего времени. Мы видим людей, которые говорят: человек – это германец, человечество – это германский народ, все остальные народы – или выучный скот для германцев, или зверье, подлежащее истреблению. “Падающего толкни”: вот философия истинного германизма»***.

По мнению видного историка и члена Союза русских людей Д. И. Иловайского, война показала, что главным двигателем эпохи стал национализм, а «самый наглядный тому пример представляет собой Германия». Иловайский обращал внимание на крайнее национальное самомнение, появившееся после ряда «победоносных войн, завершаемых объединением Германии и вызвавших последующие затем замечательные успехи промышленности, техники, создание огромного флота, широкое распространение торговли и колонизации, а главное, сознание необычайной военной мощи, – все это так возгордило и вскружило головы немцам, что они совсем зазнались, вообразили себя на-

* Никон (Рождественский), архиеп. Мои дневники. Вып. 5. 1914. С. 119, 122, 123.

** Там же. Вып. VII. 1915. Сергиев Посад, 1916. С. 148.

*** ГА РФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 9. Л. 555 об.; Вестник СРН. 1915. 7 февраля; Новое время. 1915. 29 января (4 февраля).

родом избранным, первым на Земном шаре и предназначенным к мировому господству; а потому стали свысока, пренебрежительно относиться к другим народам, и в особенности к славянам, давно уже обрекая их на роль удобрения для вящего произрастания германской нации». Приходя к выводу, что главный источник войны – «ненасытные национальные стремления и аппетиты немцев», Иловайский утверждал, что «германскому национализму мы должны противопоставить развитие русского национализма и славянской идеи»^{*}.

При этом вплоть до Февральской революции правые постоянно подчеркивали, что война не может быть завершена до полной и решительной победы над германизмом. «В переживаемой нами борьбе народов не на живот, а на смерть, за свое историческое существование, она (война. – *Ред.*) не может быть закончена по воле отдельных лиц преждевременным миром, – писал В. М. Пуришкевич. – Мир будет коротким перемирием, лихорадочным собиранием новых сил для борьбы за священные заветы тех народов, которые борются сейчас между собой. <...> Тевтонский мир идет против славянского, <...> и ничего другого не может быть, кроме поражения, уничтожения и духовной смерти одного из этих миров...»^{**}

Другое дело, что в правом лагере не было единства в вопросе о том, что считать полной победой и преждевременным миром. Для одних из них было очевидно, что война должна была продолжаться до полного торжества антигерманской коалиции, другие же отмечали, что достаточным является продолжение войны «до тех пор, пока наши упорные, храбрые и сильные враги – германцы признают себя сломленными и согласятся на выгодный и почетный для России мир»^{***}. Ситуация изменилась лишь после свержения в России монархии, когда часть ультраправых высказалась в пользу сепаратного мира. Однако эта позиция была далека от приписываемого правым «германофильства».

Однако, несмотря на явно выраженную патриотическую позицию правых и антигерманский пафос их выступлений вплоть до 1917 г., либеральный лагерь с исключительной настойчивостью создавал миф о «германофильстве» монархистов, используя в качестве «доказательства» довоенную «прогерманскую» ориентацию большинства консервативных лидеров, на протяжении всей войны обвиняя их в стремлении к сепаратному миру. Очевидно, что цель этих обвинений была сугубо политической – установление истины мало кого занимало во время партийной схватки. Поэтому для подобных обвинений использовался любой повод, который мог послужить дискредитации политического противника.

В действительности правый лагерь не был един в своей позиции по отношению к Германии и странам Антанты. Если в начальный период войны

^{*} *Иловайский Д. И.* Великая освободительная война и задачи внешней политики.

^{**} *Пуришкевич В. М.* Чего хочет Вильгельм II от России и Англии в великой битве народов. Пг., 1916. С. 8.

^{***} *Булацель П. Ф.* Дневник // Российский гражданин. 1916. № 29. С. 13–14.

все правые высказывались за верность странам-союзницам, за борьбу до победного конца, то затем ситуация заметно менялась. К 1915 г. среди русских правых сложились три взгляда на эту проблему: позиция ультраправого Всероссийского Дубровинского союза русского народа, склонявшегося с каждым годом войны в пользу сепаратного мира с Германией (в связи с этим название печатного органа союза «Русское знамя» было переименовано политическими противниками в «Прусское знамя»); позиция СРН, возглавляемого Н. Е. Марковым, до конца войны отстаивавшего необходимость борьбы до полной победы над врагом, но в то же время с недоверием взиравшего на страны Антанты; позиция РНСМА во главе с В. М. Пуришкевичем, который неожиданно для многих принял открытую просоюзническую ориентацию.

3. В преддверии революционного взрыва

Крупные общественные организации, созданные в годы войны для помощи правительству в обеспечении всем необходимым фронта и тыла (земский и городской союзы, военно-промышленные комитеты), довольно быстро превратились в политизированные союзы либеральной оппозиции, что не могло не волновать правых. Монархический лагерь обращал внимание власти на то, что данные организации, осуществляющие свою деятельность в основном за счет казенных субсидий, во-первых, не справляются со взятыми на себя обязательствами; во-вторых, усилившись, благодаря государственному финансированию, ведут антиправительственную пропаганду; в-третьих, нецелесообразно используют полученные от власти средства, а порой и сознательно наживаются на выполнении военных заказов.

На совещании монархистов в Петрограде в ноябре 1915 г. лидер думской фракции правых С. В. Левашев говорил о создавшейся вокруг военно-промышленных комитетов «колоссальной вакханалии наживы» и призывал к ужесточению контроля над общественными организациями (включая земский и городской союзы), которые, по мнению правых, присваивая себе задачи государственной власти, явно с ними не справлялись*. Правые постоянно выражали сожаление, что правительство из-за неспособности казенных заводов полностью обеспечить потребности фронта вынуждено прибегать к помощи частных предприятий дорогой для России ценой**. Критику правых вызывал и Земгор, быстро ставший превращаться в политический центр либеральной оппозиции, имевший к тому же возможность аккумулировать в своих руках большие казенные денежные средства и говорить через средства массовой

* См.: Совещание монархистов 21–23 ноября 1915 года в Петрограде. Постановления и краткий отчет. М., 1915. С. 14; Семенников В. П. Политика Романовых накануне революции (от Антанты к Германии) по новым документам. М.; Л., 1926. С. 100–101.

** Государственная дума. Созыв IV. Сессия V. Стб. 120.

информации от лица едва ли не всей российской общественности. В связи с этим правые постоянно требовали от правительства, щедро субсидировавшего общественные организации, установить над ними строжайший государственный контроль. «Раз выдаются миллионы, то надо за ними следить», – заявлял Н. А. Маклаков*.

При этом неверно было бы считать, что правые вообще были против любой общественной инициативы. Возглавлявший в годы войны один из лучших санитарных поездов В. М. Пуришкевич утверждал, что без общественных сил в области санитарного дела «Россия не могла бы бороться так, как борется в настоящее время, и участь раненого солдата была бы горькой участью, если бы была предоставлена только одним чинам военного ведомства»**. Признавая недостатки в работе общественных организаций, Пуришкевич тем не менее считал возможным закрыть на них глаза, чтобы «не умалять импульса воли тех, кто работает во имя победы, во имя светлых надежд русского народа»***. Поэтому точнее было бы сказать, что правым была присуща подозрительность и скептическое отношение к возможностям и реальному вкладу в дело победы со стороны общественных организаций. Правые никогда не требовали запрета этих организаций, а лишь настаивали на жестком государственном контроле над их деятельностью. Их пугал не тот факт, что общество стремится помочь нуждам войны, а то, в каких целях это делается и насколько эффективна будет такая помощь.

Двойственным и неоднозначным было отношение консервативного лагеря к правительственной власти. Несмотря на то что представители оппозиции постоянно выставляли правых в качестве «лакеев» терявшего общественную поддержку правительства, дело обстояло несколько иначе. Отношение правых к правительству во многом зависело от конкретных лиц, занимавших ключевые министерские посты и изменения общественно-политической ситуации в стране. Защищая власть в годы войны от нападков либеральной оппозиции, правые не являлись силой, слепо следующей правительственному курсу, и позволяли себе критиковать отдельных членов кабинета и некоторые направления его деятельности. Более того, на частных совещаниях и в письмах они довольно часто выражали свое недовольство излишне либеральным, по их мнению, курсом власти, сомневались в адекватности принимаемых правительством мер и «награждали» не вызывавших у них поддержки министров весьма не лестными эпитетами. «Посмотрите, как власть презренно себя держит, – писал осенью 1915 г. в частном письме к Н. Ф. Бурдукову член правой группы Государственного совета Н. А. Маклаков. – Ни туда, ни сюда.

* Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны (записи заседаний и переписка) / Публ. Р. Ш. Ганелина, С. В. Куликова, В. В. Лапина, М. Ф. Флоринского. СПб., 1999. С. 40.

** Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. Стб. 1500.

*** Там же.

Разрабатывают законопроект о предварительной цензуре и отрекаются, когда поднимается шум; созывают Думу и распускают; берут на себя устройство судьбы беженцев, учреждая даже новую должность директора департамента, и передают вслед за сим все это дело земскому и городскому союзу; борются против программы “желтого блока” и в то же время разрешают соединенный общеземский и общегородской съезд, который – что должно быть понятно всякому дураку – собирается только с политическими видами. <...> Страшно, что, по-видимому, одно правительство и по сей день стоит в испуге разиня рот перед скоморохами новой революции. <...> Бедная Россия, у которой императорское правительство ведет себя как школьники, не знающие букваря и боящиеся строгого учителя. И учитель их – улица... Что за стыд»^{*}.

В годы войны правительство в целом не отвечало ожиданиям консервативного лагеря, который оказался хоть и в умеренной, но оппозиции – оппозиции справа. Однако в отличие от либералов, желавших «министерства общественного доверия», правые преследовали другую цель – путем дискредитации вынудить уйти в отставку не угодных консервативному лагерю министров и тем самым заставить правительство отказаться от лавирования между интересами либеральной оппозиции и правыми кругами в пользу последних. Правые желали делового совещания с властью, чтобы помочь ей найти средства для выхода из кризиса. «Преступно в тревожное военное время вселять недоверие к власти и этим вносить в население растерянность, упадок духа и смуту. Критиковать действия Правительства должно спокойно и убедительно. И такая критика ободрила бы население и внесла бы в него уверенность», – подчеркивалось в постановлении Совещания уполномоченных монархических организаций, состоявшегося в августе 1915 г.^{**} Записка подобного содержания была передана в правящие сферы^{***}.

Вместе с тем, добиваясь в годы войны от верховной власти формирования кабинета из консервативных деятелей, правые, получая назначения на ключевые государственные посты (А. Н. Хвостов, Н. Д. Голицын), упустили предоставленные им шансы переломить ситуацию в свою пользу. В итоге получался замкнутый круг, выхода из которого охранительными политическими силами найдено не было.

Крайне негативным было отношение правых к сформировавшемуся во второй половине 1915 г. Прогрессивному блоку. Требование блоком реформ, не имевших прямого отношения к войне, было расценено правыми исключительно как попытка в самый тяжелый для власти момент добиться от нее либеральных преобразований. Категорически отвергался правыми выдвинутый либералами лозунг «министерства общественного доверия». «Правительство

^{*} ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1032. Л. 1482–1482 об.

^{**} Труды Всероссийского монархического совещания в г. Нижнем Новгороде уполномоченных правых организаций с 26 по 29 ноября 1915 г. С. 13.

^{***} *Кирьянов Ю. И.* Правые партии. С. 365.

не имеет права предавать благополучие русского народа и будущность России в руки людей беспочвенных, от народа оторванных, не понимающих его мирозерцания, всеми силами добывающихся навязать не свойственные ему, а, значит, вредные для него формы правления, – говорилось по этому поводу в одном из постановлений монархистов. – Такими людьми является большинство нашей интеллигенции, не могущей даже своих дел устроить, как следует, а не только управлять государством, и за спиной которой стоят синдикатчики, банки, разные промышленники и богачи, рассчитывающие при помощи подкупных и безответственных депутатов (членов Гос. думы) издавать подходящие для себя законы для обирания населения, как это мы видим во Франции, Америке и др. парламентских странах*. При этом правые особо подчеркивали, что дело вовсе не в политическом строе, так как, несмотря на то что во Франции – демократическая республика, а в Англии торжествует парламентаризм, они точно так же не могут одолеть Германию, в которой нет никакого ответственного министерства**.

Так как попытки убедить политических противников в несвоевременности развязывания борьбы с властью в военное время не принесли результатов, в консервативном лагере заговорили о необходимости консолидации всех проправительственных сил. После длительного затишья состоялся ряд совещаний правых деятелей. Делались попытки к примирению между враждующими друг с другом монархическими организациями с целью противопоставить Прогрессивному блоку свой монархический, охранительный, так называемый «Черный блок»***. Однако попытки собрать в единый кулак все консервативные силы Государственной думы и Государственного совета не увенчались успехом. Предложение лидера думской фракции националистов и умеренно-правых П. Н. Балашева пойти на сближение с правыми для противодействия Прогрессивному блоку обернулось расколом фракции на прогрессивных националистов (лидеры В. В. Шульгин, В. А. Бобринский), примкнувших к либеральной оппозиции, и националистов-балашевцев, выступавших с критикой блока, но в то же время отказавшихся действовать с крайне правыми в рамках какого-либо общего объединения.

Не получила поддержки идея «Черного блока» и в группе правого центра Государственного совета. Ее лидер, А. Б. Нейдгарт (шурин П. А. Столыпина, националист по своим политическим взглядам) заявил, что намерения вступить

* Труды Всероссийского монархического совещания в г. Нижнем Новгороде уполномоченных правых организаций с 26 по 29 ноября 1915 г. С. 14.

** См.: Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. Стб. 1441–1442; *Васюков В. С.* Внешняя политика России накануне Февральской революции. 1916 – февраль 1917 г. М., 1984. С. 40.

*** Подробнее см: *Иванов А. А.* «Черный блок»: неудавшаяся попытка консолидации правых парламентских групп в 1915 году // *Известия РГПУ им. А. И. Герцена: Научный журнал.* 2009. № 99. С. 9–17.

в блок с правыми у него нет, но каждый отдельный член группы имеет полное право вступать в личные соглашения с кем считает нужным. Официальным же курсом группы Нейдгарта стало сохранение независимости как от правых, так и от Прогрессивного блока*. По словам члена Государственного совета А. Ф. Кони, группы правых и группу правого центра разделила заметная рознь**.

Серьезные внутренние противоречия были и в парламентских группах крайне правых, выступавших в поддержку объединения консервативных сил. Внутри правой группы Государственного совета, лидера которой П. Н. Дурново считали главным идеологом организуемого «Черного блока», в ходе переговоров о консолидации с другими парламентскими объединениями наметились шатания. Часть правой группы потребовала от своего президиума изменения курса групповой политики и более благожелательного отношения к Государственной думе, а после отказа руководства удовлетворить эти требования заявила, что не поддержит объединения, основанного на крайне правых установках. В результате несколько членов Госсовета покинули правую группу, перейдя в группу правого центра и кружок внепартийного объединения***. Более того, значительная часть членов правой группы, будучи недовольной действиями ее руководства, решила образовать новое объединение, условно названное «второй правой группой»****, что было связано с недовольством ее членов «ретроградным» и непримиримым к оппозиции курсом П. Н. Дурново. Однако группа эта так и не была создана благодаря решению Дурново отказаться от лидерства и передать в августе 1915 г. бразды правления графу А. А. Бобринскому, «как лицу более гибкому в смысле убеждений»*****. Сходные процессы нестроения происходили и в думской фракции правых, в которой образование Прогрессивного блока и раскол во фракции русских националистов также привели к потери части членов, перешедших как к прогрессивным националистам, так и в беспартийную группу. В результате «Черный блок» из-за огромного количества разногласий между правыми так и не был создан.

* Вечернее время. 1915. 11(24) сентября.

** Кони А. Ф. Из недавнего прошлого (И. Я. Голубев) // Прошлое и настоящее. 1924. № 1. С. 6.

*** Демин В. А. Верхняя палата Российской империи. 1906–1917. М., 2006. С. 324–325; РГАДА. Ф. 1412. Оп. 2. Д. 61. Л. 2–4.

**** РГАДА. Ф. 1412. Оп. 2. Д. 62. Л. 1.

***** Новикова Е. Э. Государственный совет в годы Первой мировой войны. 1914–1917 гг. (из истории кризиса «верхов» накануне буржуазно-демократической революции): Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1985. С. 60. Подробнее о правых Государственной думы и Государственного совета в годы Первой мировой войны см.: Иванов А. А. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917). М.; СПб., 2013.

Однако правые не оставляли попыток консолидации монархического лагеря вплоть до февраля 1917 г. В 1915 г. ими было проведено три монархических совещания (в Саратове, Нижнем Новгороде и Петрограде), на которых поднимались сходные вопросы: о необходимости консолидации всех правых сил; о принятии мер для борьбы с надвигающейся революцией; о принятии мер к решению вопросов, вызывающих недовольство населения (рост дороговизны, «немецкое засилье» и др.). В ходе совещаний произошло сближение враждовавших ранее А. И. Дубровина и Н. Е. Маркова. Однако с резкой критикой любых монархических съездов выступил лидер РНСМА В. М. Пуришкевич, вскоре примкнувший в своей риторике к оппозиционному лагерю. Не способствовало единению и возникновение в 1915 г. новой монархической организации – Отечественного патриотического союза (лидер В. Г. Орлов), программа которого допускала принятие в число членов партии евреев, что вызвало общее бойкотирование этой структуры со стороны других черносотенных союзов. Итогом монархических совещаний, призванных объединить разрозненные силы, стало создание двух параллельных структур, претендующих на лидерство во всероссийском правом движении, – Совета монархических съездов, в состав которого вошли лидеры правых объединений законодательных учреждений и Президиума монархического движения, у руля которого встали А. И. Дубровин и его сторонники. Предполагалось, что все разногласия будут устранены в ходе всероссийского монархического съезда, который планировалось провести сначала в конце 1916 г., а потом в начале 1917 г., однако Февральская революция не позволила этим планам осуществиться.

Между тем 1916 г. принес лишь усугубление кризисных процессов в правом лагере. «Историческая» оппозиционная речь лидера РНСМА В. М. Пуришкевича в Государственной думе, произнесенная им 19 ноября, и его разрыв с правыми, а затем скандальная выходка Н. Е. Маркова, позволившего себе в запале оскорбить председателя Государственной думы М. В. Родзянко*, привели к расколу (по сути, распаду) фракции правых в Государственной думе. Выделившаяся в конце ноября – начале декабря из фракции правых группа независимых правых (председатель Б. А. Голицын) никак себя проявить не успела. Пассивно вели себя и правые националисты, отказавшиеся примыкать к Прогрессивному блоку. В Государственном совете правая группа хоть и усилилась за счет назначенных в январе 1917 г. новых членов и решения императора сделать председателем верхней палаты ее лидера И. Г. Щегловитова, однако также пребывала в состоянии глубокого кризиса, что проявилось в сложности избрания ее последнего председателя, которым накануне револю-

* *Иванов А. А.* Провокация или эмоциональный срыв? Выходка Н. Е. Маркова в Государственной думе 22 ноября 1916 г. // Таврические чтения 2010. Актуальные проблемы истории парламентаризма. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 7 декабря 2010 г.: Сб. науч. ст. / Под ред. А. Б. Николаева. СПб., 2011. С. 220–230.

ции в качестве компромиссной фигуры стал А. Ф. Трепов*. Выходило, что численное усиление правой группы не гарантировало ее единства. Да и времени на то, чтобы преодолеть внутренний разлад, уже не оставалось.

Вместе с тем создание правого большинства в Государственном совете, назначение председателя верхней палаты (И. Г. Щегловитова) и председателя Совета министров (Н. Д. Голицына) из числа членов правой группы Совета на какое-то время оживило деятельность правых на местах. Подготовка манифеста о роспуске Думы породила предположения о готовящемся властью с подачи консервативных кругов государственном перевороте, призванном изменить существующую политическую систему вплоть до низведения Государственной думы до статуса законосовещательной. Это предположение как будто подтверждают записки правых к императору, вышедшие в конце 1916 – начале 1917 г. из кружка А. А. Римского-Корсакова.

Видный правый деятель, товарищ председателя Совета монархических совещаний Римский-Корсаков летом – осенью 1915 г. возглавил кружок правых, собиравшийся у него на квартире**. Характерной особенностью кружка, отличавшей его от других правых салонов, было то, что работал он в условиях практически полной конспирации, и как позже признавал лидер кадетской партии П. Н. Милюков, до либерального лагеря доходили лишь «какие-то слухи» о существовании этого неформального правого объединения, о том же, что там обсуждалось, было неизвестно***. При этом Министерство внутренних дел было осведомлено о существовании кружка и оказывало его хозяину материальную поддержку в виде субсидии.

Основное направление деятельности кружка – обмен мнениями по вопросам внутренней политики, сбор материалов для предстоящего съезда монархистов и подготовка аналитических записок в высшие сферы. В ноябре 1916 г. кн. Н. Д. Голицыным от своего имени была передана императору «Записка», составленная членами кружка А. А. Римского-Корсакова****. В ней были намечены следующие меры выхода из кризисной ситуации: 1) назначение на высшие государственные и командные должности верных самодержавию единомышленников и энергичных лиц; 2) немедленный роспуск Думы без указания срока нового ее созыва, но с упоминанием предстоящего «коренного изменения»

* *Иванов А. А.* Правая группа Государственного совета в 1917 году: «председательский кризис» // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. Научный журнал. Серия «История». 2011. № 1. С. 92–100.

** *Стогов Д. И.* Правомонархические салоны Петербурга – Петрограда (конец XIX – начало XX века). СПб., 2007. С. 208.

*** Там же. С. 210.

**** Записка эта была, согласно показаниям С. П. Белецкого, составлена в конце премьерства Б. В. Штюрмера, но последний отказался подавать ее царю, ссылаясь на то, что «она не отвечает либеральному настроению его декларации». (См.: *Стогов Д. И.* Правомонархические салоны Петербурга – Петрограда... С. 217.)

законов и положений о выборах в законодательные учреждения; 3) введение военного положения в Петрограде и Москве; 4) концентрация в обеих столицах надежных войск, вооруженных пулеметами; 5) немедленное закрытие всех органов левой печати с одновременным усилением правых газет; 6) милитаризация всех предприятий, работающих на оборону, с подчинением всех их работников законам военного времени; 7) назначение правительственных комиссаров во все главные и местные комитеты союзов земств и городов; 8) предоставление права генерал-губернаторам и губернаторам отстранять от должности «чины всех рангов», замешанных в антиправительственной деятельности; 9) усиление Государственного совета правыми элементами и прекращение назначения в него лиц, поддерживающих Прогрессивный блок*.

По утверждению Н. А. Маклакова, текст записки был составлен членом Главного совета СРН М. Я. Говорухо-Отроком. Несколько позже, 8 января 1917 г., Маклаковым была передана императору вторая «Записка», полученная им от Говорухо-Отрока как дополнение к первому документу. В ней отмечалось, что компромиссные решения в отношении Государственной думы не принесут успокоения, поскольку государственный строй, утвердившийся в стране с введения основ парламентаризма, является «нетерпимым». Выходов из сложившейся к 1917 г. ситуации автор записки видел два: либо остановить решительными мерами поступательное движение России в сторону демократической республики, либо «спокойно ждать государственной катастрофы»**.

В «Записке» отмечалось, что уступки в виде дарования министерства общественного доверия и введения конституционных начал не приведут страну к выходу из политического кризиса, поскольку кадеты и октябристы, домогающиеся власти, «столь слабы, столь разрозненны <...>, столь бездарны, что торжество их было бы столь кратковременно, сколь и непрочно»***. Вместе с тем в «Записке» признавалось, что и «правые партии находятся в состоянии летаргии». Причину этого автор документа объяснял ошибкой правых, заключавшейся в том, что они «сразу и бесповоротно не устранили себя от участия в осуществлении Манифеста 17 октября, основанного на началах, совершенно противоречащих их государственному самосознанию», а поддались парламентской игре, в которой неизбежно были разбиты****. Реальная сила виделась автору «Записки» только у левых, поскольку у них «есть идея, есть деньги и есть толпа, готовая и хорошо организованная». «Эта толпа часто меняет свои

* Записка, составленная в кружке Римского-Корсакова и переданная Николаю II кн. Голицыным в ноябре 1916 года // *Блок А. А. Последние дни императорской власти*. Пг., 1921. С. 122–125; *Архив русской революции*. Т. 5. Берлин, 1922. С. 337–338; *Правые партии: Документы и материалы*. Т. 2. С. 586–587.

** Объяснительная записка к пункту II предыдущей записки, составленной в кружке Римского-Корсакова // *Последние дни императорской власти*. С. 126.

*** Там же. С. 127.

**** Там же. С. 130.

политические устремления, с тем же увлечением поет “Боже, Царя храни”, как и орет “Долой Самодержавие”, но в ненависти к имущим классам, в завистливом порыве разделить чужое богатство, в так называемой классовой борьбе толпа эта крепка и постоянна; она вправе притом рассчитывать на сочувствие подавляющего большинства крестьянства, которое пойдет за пролетарием тотчас же, как революционные вожди укажут им на чужую землю”.

Поэтому, резюмировал автор документа, торжество либералов обернулось бы «полным и окончательным разгромом партий правых», а затем постепенным уходом с политической сцены «партий промежуточных» и, как финал, полным разгромом партии кадетов, которая ненадолго получит решающее значение в политической жизни страны. «...Последние, бессильные в борьбе с левыми и тотчас утратившие все свое влияние, если бы вздумали идти против них, оказались бы вытесненными и разбитыми своими же друзьями слева <...>. А затем... Затем выступила бы революционная толпа, коммуна, гибель династии, погром имущественных классов и, наконец, мужик-разбойник», – предупреждал Говорухо-Отрок”.

Помимо прогноза развития политических событий «Записка» М. Я. Говорухо-Отрока содержала и довольно развернутую программу выхода из предреволюционной ситуации. Выход этот виделся автору «Записки» в следующих мерах: изменении статей Основных законов Российской империи, умаляющих значение императорской власти и восстановление неограниченности царского самодержавия. «Несмотря на все пережитое, а быть может, благодаря именно этому, формула “народу мнение, а Царю решение” является единственно приемлемой для России», – говорилось в «Записке»^{***}. Столь же коренным образом предлагалось изменить и систему выборов в обновленную, законосовещательную Думу. Критикуя существующий избирательный закон, смешивающий избирателей «в одну общую бесформенную толпу» и вводящий замену бытового деления различных социальных групп делением на политические партии, «Записка» предлагала отказаться от этой системы в пользу выборов от городских и уездных бытовых и сословных групп. «Иначе говоря, каждое волостное крестьянское общество, уездное дворянское собрание, собрания купеческие, мещанские, уездное духовенство, казачьи станицы, городское чиновничество и т. д. должны выбрать каждое по одному своему представителю и этим избранием вся процедура выборов должна быть закончена»^{****}.

* Объяснительная записка к пункту II предыдущей записки, составленной в кружке Римского-Корсакова. С. 131. «...Ярый защитник своей собственности и такой же консерватор в своем быту, русский мужик делается самым убежденным социал-демократом с той минуты, когда дело коснется чужого добра», – замечал автор «Записки» (там же).

** Там же. С. 132.

*** Объяснительная записка... С. 135.

**** Там же. С. 135–138.

Избыток же выбранных таким путем кандидатов в депутаты предлагалось сократить путем выбора из них в Государственную думу либо по жребию, либо по выбору императора. Такой порядок, уверял Говорухо-Отрок, был бы прост, дешев, сохранил бы корпоративный принцип, не допуская смешения депутатов по политическим группам, и дал бы власти прекрасную возможность административного устранения нежелательных элементов, без ущерба для интересов той или иной сословно-бытовой группы. Такого же взгляда придерживался в 1917 г. и Н. Е. Марков, предлагавший изменить избирательный закон «по примеру 3 июня 1907 года», который должен был установить выборы по сословиям, «ибо сословия являются бытовыми, жизненными ячейками русского народа». Кроме того, уверял Марков, сословная Дума ни партийной, ни либеральной уже не будет, так как «каждое сословие будет защищать только свои эгоистические интересы»^{*}.

Последней мерой преобразования государственного строя в «Записке» предлагалось не бросать депутатов Думы «на произвол собственных страстей и интриг», а путем поощрения и административного воздействия добиваться при помощи «особой и притом серьезно поставленной организации» и умелой «внутренней политики» власти в Думе создания благоприятного правительству большинства, гарантирующего политическую систему будущего от появления оппозиционных прогрессивных блоков»^{**}.

Как показывал позже на допросах ЧСК Н. А. Маклаков, мысли о необходимости что-то делать в отношении оппозиционной Думы высказывали в частных беседах и другие правые, однако единства во мнениях не было. «Настроение было сплошь тревожное, видно было, как все таяли; доходила до бортов вода. <...> Все спрашивали, что можно сделать, и все сходились к тому: одни говорят – роспуск и новые выборы; другие (в той же группе) – дотянуть до конца, так как полномочия естественным порядком истекают; не созывать Думу до того времени, а когда пройдет срок, еще полгода пройдет, и некоторое время будет передышка. Об этом не только Говорухо-Отрок, но и все говорили, все тревожились, видя клокочущий Везувий...»^{***}

Еще две «Записки» сходного содержания были составлены А. А. Римским-Корсаковым и М. Я. Говорухо-Отроком в середине января 1917 г.^{****} Главный смысл требований, выдвинутых кружком Римского-Корсакова, заключался во введении в стране режима военной диктатуры, призванной оградить страну от революции, роспуск Государственной думы и изменение Основных законов в плане восстановления прав самодержца, утраченных им в результате предшествующих реформ. Как справедливо замечает отечественный историк А. В. Давиденко, «наличие такого дестабилизирующего фактора, как

* Программа Союза русского народа перед Февральской революцией. С. 242.

** Там же. С. 139–140.

*** Падение царского режима... Т. 5. С. 289.

**** Программа Союза русского народа перед Февральской революцией. С. 243–244.

Государственная дума, дирижируемая Прогрессивным блоком, все больше раздражало правых», в результате чего они «вновь вернулись к проектам ликвидации парламента, говорильни, которая лишь ослабляет Верховную власть перед лицом внешнего врага»^{*}.

Будь комплекс мер, предлагаемый сторонниками Римского-Корсакова, воплощен в жизнь, он действительно стал бы государственным переворотом, однако ни император, ни председатель Совета министров, ни председатель Государственного совета следовать предложенному крайне правыми курсу не собирались, полагаясь больше на скорую победу, в которой они не сомневались. Да и решиться в сложившихся условиях (политический кризис, общественное недовольство, давление союзников) на государственный переворот и установление диктатуры власть едва ли могла. Попытаться осуществить подобные меры можно было только в ответ на реальную попытку дворцового переворота или революции; нанесение превентивного удара неизбежно закончилось бы провалом, ибо не встретило бы никакой общественной поддержки.

Вместе с тем, как справедливо замечает отечественный исследователь А. П. Бородин, гадать о том, как пошло бы развитие России, если бы правым удалось убедить монарха воплотить в жизнь их рецепты по спасению России от революционного взрыва, бессмысленно, но нельзя не признать, что ими была выражена «объективная возможность правой альтернативы Февралю»^{**}. Придерживавшийся правых взглядов бывший военный министр А. Ф. Редигер вспоминал, как Н. А. Маклаков «высказал общую нам всем мысль, что положение нашей партии крайне трудно вследствие того, что с высоты престола делается точно нарочно все, чтобы подорвать доверие к тем монархическим началам, за которые стояла наша партия!»^{***} «Даже среди самых ярых правых, – писал современник, – царь встречал отрицательное к себе отношение»^{****}. Таким образом, колебания власти, в том числе и верховной, вызывали раздражение правого лагеря и приводили к росту оппозиционных настроений уже и внутри него.

* * *

Период с ноября 1916 по февраль 1917 г. стал временем стремительной дискредитации правых в общественном сознании и, как следствие, полного их краха. Накануне Февральской революции стало очевидно, что дело правых проиграно. Это понимали и сами консерваторы, отличавшиеся довольно трезвым взглядом на будущее. Трагедия консервативного лагеря во многом

^{*} Давиденко А. В. Правомонархические интерпретации думской монархии. Хабаровск, 2006. С. 174.

^{**} Бородин А. П. Государственный совет России... С. 168.

^{***} Редигер А. Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. М., 1999. Т. 2. С. 430.

^{****} Цит. по: Куликов С. В. Бюрократическая элита Российской империи... С. 350.

заключалась в том, что, хотя правым нередко удавалось справедливо критиковать своих политических противников, находить слабые места в их программах, показывать с удивительной прогностической точностью последствия, к которым вели действия оппозиционного лагеря, сами они не смогли избежать роковых ошибок, преодолеть внутреннего разлада, восстановить свое былое влияние на народные массы, предложить рецепты для вывода страны из системного кризиса и спасения монархии от краха.

Глава 2. ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ПАРТИИ

(В. В. Шелохаев)

1. Оценки войны и коррекция программы

В отличие от идеологов консерватизма, теоретики либерализма давали более научно обоснованную и политически взвешенную оценку причин, характера и последствий мировой войны. Они рассматривали ее как следствие предельно обострившихся противоречий мирового капитализма. Анализируя структурные сдвиги, которые имели место тогда в системе мирового капиталистического хозяйства, либералы обращали внимание на тот факт, что она в данных формах организации и функционирования достигла своего предела, за которым «начинается капиталистический катаклизм»^{*}. В отличие от многих ведущих теоретиков международной и российской социал-демократии, увидевших в империалистической стадии развития капитализма канун мировой социалистической революции, либералы все же считали, что на данном этапе речь может и должна идти не о крахе капиталистической системы как таковой, а всего лишь о крахе устаревших форм организации частного хозяйства. Капиталистический катаклизм, о котором так много говорят социал-демократы, считал С. Н. Булгаков, будет принципиально иного порядка, чем тот, которого «ожидал Карл Маркс»^{**}.

По мнению либералов, данная стадия развития капитализма, сохранявшая в себе многие «родимые пятна» предшествующих эпох, продолжала оставаться источником, постоянно провоцирующим возникновение международных конфликтов. Для нее характерны экономическая экспансия, с логической неизбежностью ведущая к столкновениям между государствами в их борьбе за новые колонии и рынки сбыта, а также милитаризация хозяйства и общества и как следствие – война и возможные за ней глобальные социальные и национальные конфликты. Именно в такой системе координат либералы рассматривали мировую войну, считая ее результатом «объективной потребности крупного капиталистического государства в расширении национальных

^{*} Булгаков С. Русские думы // Русская мысль. 1914. Кн. XII. С. 109.

^{**} Там же.

хозяйственных границ^{*}. И до тех пор, пока не произойдет смены одного типа организации капиталистического хозяйства другим, более совершенным типом, пока в мире не установится цивилизованный характер международных отношений, будет, по их мнению, сохраняться опасность как локальных, так и мировых вооруженных конфликтов.

Участие России в войне рассматривалось либералами через призму понятий «оборонительная», «справедливая» и «общенародная». Такой подход к оценке войны со стороны России преследовал определенную политическую и идеологическую цель: смягчить социальные и национальные противоречия, привлечь на сторону либеральной оппозиции как круги пацифистски настроенной интеллигенции, так и народные массы, объединив их под общим лозунгом: «Война до победного конца». Известно, что даже пацифисты признавали «печальную необходимость» войн оборонительного характера для защиты государства от нападения со стороны неприятеля^{**}. Выступая на заседании московского «Общества мира», его председатель кн. Павел Д. Долгоруков заявил: «Мы, как реальные политики, вынуждены считаться с современной государственностью, с современным человечеством. Эта война будет последней. Поэтому, сокрушив навсегда германский милитаризм, народам Европы не придется более прибегать к оружию»^{***}.

В отличие от периода русско-японской войны, когда значительная часть «освобожденцев» занимала пораженческие позиции, в 1914–1917 гг. среди российских либералов ни пораженцев, ни сторонников сепаратного мира, как правило, не было. Давая сравнительный анализ русско-японской и мировой войн, либералы неизменно подчеркивали: первая из них противоречила внешнеполитическим национальным задачам России, ибо шла вразрез со всем ее «историческим прошлым» и всеми «живыми культурными традициями», вторая же должна была привести к завершению процессов складывания «национально-территориального тела России».

В наиболее концентрированном виде территориальные притязания либеральной оппозиции нашли свое отражение в программной статье лидера кадетской партии П. Н. Милюкова «Территориальные приобретения России». Их можно свести к следующим положениям:

- присоединение к России и объединение в этнографических границах русских народностей Галиции и Угорской Руси;
- освобождение и объединение в этнографических границах Польши, предоставление ей автономии в составе Российской империи;
- приобретение в «полное обладание» Россией проливов Босфор и Дарданеллы с «достаточной частью прилегающих берегов», а также Константинополя;

^{*} Вопросы мировой войны. Пг., 1915. С. 267.

^{**} См.: Общество Мира в Москве. Вып. 1. 1909–1910 гг. М., 1910. С. 32.

^{***} Утро России. 1915. 6 июня.

– объединение в этнографических границах Армении под протекторатом России^{*}.

Из всей совокупности аннексионистских устремлений либералов центральное место занимал вопрос о черноморских проливах и Константинополе, в решении которого они видели главную национальную задачу России. Так, Милюков считал, что только овладение проливами, а не их «нейтрализация» под международным контролем позволит окончательно и бесповоротно решить проблему выхода России к южным морям, без чего «не может быть закончено строение великого государственного организма». В противном случае, по его мнению, «организм этот будет постоянно потрясаться судорогами обмена и не выйдет из чужой зависимости»^{**}. Один из крупных специалистов в области международного права, профессор С. А. Котляревский подчеркивал, что русское общественное мнение «без различия политических оттенков» единодушно разделяет заинтересованность в проливах, ибо с их приобретением «связано экономическое развитие всего нашего юга, куда постепенно передвигается центр тяжести хозяйственной жизни»^{***}.

Либеральные идеологи пытались доказать, что приобретение Константинополя и проливов не противоречит освободительным целям войны и не может быть «приравнено к империализму» в том отрицательном смысле, в котором иногда это слово употребляется^{****}. Выступая 20 февраля 1916 г. на VI съезде партии кадетов, Милюков заявил: «Если стремление к проливам – империализм, тогда мы в нем виновны». Правда, он тут же сделал оговорку, что «требование открытого моря – это не что-то новое, не империализм, а завершение старого нашего незавершенного органического процесса»^{*****}.

Идеологи либерализма обосновывали свои внешнеполитические устремления рассуждениями о необходимости укрепления стратегических позиций России, усиления ее экономического и политического потенциала, а также защитой интересов малых, прежде всего, славянских народов. «Мы, – писал Е. Н. Трубецкой, – боремся за освобождение всех народов вообще, всех тех, кому угрожает поглощение и угнетение, без различия племени и вероисповедания. Мы сражаемся за права национальностей вообще, за самый национальный принцип в политике в полном его объеме»^{*****}. По мнению А. С. Изгоева,

* См.: Чего ждет Россия от войны: Сб. статей. Пг., 1915. С. 50–62.

** *Милюков П.* Тактика фракции народной свободы во время войны. Пг., 1916. С. 8.

*** *Котляревский С. А.* Основные задачи русской внешней политики // Проблемы Великой России. 1916. № 1. С. 8.

**** *Милюков П.* Константинополь и проливы // Вестник Европы. 1917. Кн. 1. С. 355–356; *он же.* Тактика фракции народной свободы во время войны. С. 7.

***** Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. 1915–1917 гг. Т. 3. Кн. 1. М., 2000. С. 313.

***** *Трубецкой Е.* Война и мировая задача России // Русская мысль. 1914. Кн. XII. С. 89.

одним из важнейших итогов войны должно было стать то, что Россия введет «славянство и все десятки остальных своих народов в основное русло европейской культуры»^{*}. В своем публичном докладе «Война и малые народности» Милюков говорил: «Мы воюем для того, чтобы обеспечить права малых народностей, чтобы покончить с господством сильного над слабым»^{**}. Однако, находясь в узком кругу единомышленников, тот же Милюков несколько иначе оценивал роль славянских народов в борьбе против австро-германского блока. По его мнению, славянские народы следует поддерживать постольку, поскольку это совпадает с собственными национальными интересами России.

По мнению либералов, Россия вместе с другими странами Антанты должна была в ходе войны осуществить свою освободительную миссию, открыть путь к принципиально иной международной организации Европы. Одновременно война должна была решить комплекс внешнеэкономических проблем: освободить внутренний рынок от «германского влияния», ликвидировать германскую посредническую торговлю, пересмотреть русско-германский торговый договор. Во внутренней политике России также должны быть проведены системные реформы. Вместе с тем Россия должна защитить общечеловеческие культурные и духовные ценности от «бронированной» германской милитаризованной машины и т. п. Иными словами, с победоносным исходом войны российские либералы связывали дальнейший экономический, социальный, политический и культурный прогресс страны, перспективу укрепления ее международного авторитета, сближение со странами западной демократии. Из этих общетеоретических замыслов логически вытекал и лозунг «Война до победного конца». Только с таким исходом войны теоретические рассуждения либеральной оппозиции приобретали практическое значение. Вот почему этот лозунг стал императивом для всех течений и направлений в русском либерализме.

Война поставила на повестку дня ряд общетеоретических и программных вопросов, которые стали интенсивно дебатироваться в либеральной оппозиционной среде. Среди них центральное место занимал вопрос о взаимосвязи войны и революции. Если для октябристов и прогрессистов революция как способ разрешения системных политических кризисов была в принципе неприемлема, то в кадетской среде эта проблема решалась не столь однозначно. Напомним, что еще накануне войны кадеты испытывали тревогу, что в случае ее начала и сопряженных с ней возможных потрясений «не к.-д. будут на гребне войны, а крайние левые, которые первыми утопят к.-д.-тов, а затем и меньшевиков»^{***}. Осознавая логическую связь между войной и революцией, кадеты предупреждали, что подготовка к масштабному международному воору-

^{*} Изгоев А. С. На перевале. Перед спуском // Русская мысль. 1914. № 8–9. С. 161.

^{**} Речь. 1914. 2 декабря.

^{***} Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. 1912–1914 гг. Т. 2. М., 1997. С. 283.

женному конфликту является рискованным шагом, чреватым социальными и политическими катаклизмами, усилением национально-освободительных движений. Недаром В. А. Маклаков еще в 1912 г. заявлял с думской трибуны: «Новая война – это новая революция»*. Этот прогноз оказался пророческим.

По мере поражений русской армии на фронтах и стремительного ухудшения материального положения народа, произошел перепад в массовой психологии, выразившейся в переходе от верноподданнических чувств первых дней войны к массовым протестным выступлениям. Начиная с осени 1914 г. вопрос о возможности в России новой революции уже не сходил с повестки заседаний ЦК партии кадетов. Так, в своем выступлении 14 ноября 1914 г. на заседании ЦК А. М. Коллюбакин заявил, что революционный взрыв в стране вполне реален и поэтому на «разумные общественные слои» должна лечь обязанность принять необходимые меры к его предотвращению. Однако в представлении П. Б. Струве возможность «грозящего будто бы в стране революционного взрыва» была маловероятной. «Если бы мы, – заявил Струве, – видели, что взрыв действительно назревает, невозможно было бы молчать и сидеть – но в стране ничего подобного нет»**. Подводя итоги дискуссии, Милюков пытался убедить участников заседания в том, что «говорить о революции по окончании войны еще труднее, чем во время войны, – и все эти разговоры о революции есть отражение старого шаблона»***. Он пытался представить дело таким образом, что опасность революции есть не что иное, как фикция, которая якобы придумана левыми партиями. В отличие от Маклакова, который, образно говоря, обладал чутьем на революционную опасность, Милюков и особенно Струве уже не раз демонстрировали иллюзорность своих прогнозов.

В отличие от представителей провинциальных партийных комитетов, близко контактирующих с демократическими массами и заявлявшими, что ситуация в стране уже стала напоминать события 1905 г., Милюков продолжал уверять своих однопартийцев, что «в повторение революции 1905 г. мы не верим». В противовес провинциальным кадетам, настаивавшим на сближении с левыми партиями, он заявил, что партии ни в коем случае нельзя опять идти «за стихийной волной революции». Учитывая опыт прошлого, она должна сильнее прежнего «опровергать поведение с.-д.»**** Одним из аргументов, которым часто пользовались кадетские идеологи для доказательства, что во время войны революции быть не должно, являлось утверждение о том, что якобы армия с «крайними левыми не пойдет». Оставаясь в рамках концепции эво-

* Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия II. Часть IV. СПб., 1914. Стб. 505.

** Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. Т. 2. С. 435.

*** Там же. С. 436.

**** Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. 1915–1920 гг. Т. 3. М., 1998. С. 43.

люционного общественного развития, идеологи либерализма предпочитали верить, что массовые выступления получают мирную форму самовыражения. Однако реальная жизнь на каждом шагу «взрывала» либеральную теоретическую схему, заставляла вновь и вновь обращаться к обсуждению вопроса о революции.

В плане понимания либеральными теоретиками и идеологами реальной угрозы новой революции интерес представляет доклад Ф. Ф. Кокوشкина «Об общем политическом положении», с которым он выступил 3 января 1916 г. на съезде кадетских комитетов подмосковных губерний. Проанализировав политическую ситуацию в стране, Кокوشкин заявил о том, что русское общество, полностью разочаровавшееся в попытках либеральной оппозиции «образумить» путем разных мирных комбинаций исполнительную власть, вновь вернулось «к старой мысли о революционном перевороте». Хотя докладчик не раз заявлял о нежелательности революции во время войны, тем не менее он все же вынужден был признать, что «нельзя отрицать возможности революции после войны, хотя нельзя считать доказанной ее неизбежность». Суть проблемы, по его мнению, состоит «не в том, что будет или не будет революция, а будут ли достигнуты те цели, для достижения которых многие считают революцию необходимой».

В общественном сознании, по словам Кокوشкина, всегда придавали революции «слишком большое значение», причем расценивали ее «исключительно как отрицательную разрушительную силу», которая должна была смести существующий режим. Однако при этом, к сожалению, мало думали о том, чем же можно заменить старый режим. В результате Кокوشкин пришел к крайне пессимистическому выводу о том, что если все же произойдет революционное разрушение старого строя, то в стране неизбежно установится «военная диктатура и реакция». Поэтому, считал он, «революция тогда только имеет значение, когда общество внутри себя готово к созданию нового строя, когда оно сговорилось и относительно основ этого строя, и относительно способа его осуществления». В настоящий же момент такой готовности у общества нет. Поэтому, как и в 1905 г., получится та же самая картина, а именно власть вновь окажется в руках организованных сил – дворянства и бюрократии.

Итоговый вывод доклада Кокوشкина гласил: «Не нужно возлагать преувеличенных надежд ни на революцию, ни на переворот иного рода. Дело не только в устранении от власти тех элементов, которые сейчас ею обладают, а во внутренней готовности общества взять власть в свои руки». Сейчас же русское общество «не имеет внутри себя готового плана новой организации. Оно не сговорилось и не сможет сговориться в короткий срок о новом строе». В самый решительный момент, как это уже было в 1905 г., в обществе опять будут выставлены одновременно самые разнообразные требования: «Одни будут стремиться к парламентской монархии, другие к республике, третьи к социальному перевороту, четвертые к федерализму. Не будет также и тактической согласованности. В результате явится военная диктатура». Поэтому в создавшейся ситуации «самая важная и настоятельная внутривластная

задача» состоит не в подготовке революции, а в организации и объединении всех общественных сил страны. В ходе реализации этой стратегической задачи «мы одновременно и поможем обороне, и подготовим различное участие общества во власти»^{*}. Представляется, что в своих основных положениях наблюдения Кокошкина были, безусловно, правильными. По сути, он, как по нотам, «проиграл» ситуацию послефевральского периода.

Как видим, либеральные идеологи, имевшие за своими плечами опыт Первой российской революции, прекрасно понимали, что революционные методы борьбы с авторитарным режимом для них неприемлемы. Признавая революцию 1905 г. как свершившийся политический акт, к которому в те годы они приложили руку, либералы прекрасно понимали, что следующая революция, независимо от того, начнется ли она в период войны или же после нее, с логической неизбежностью выйдет за привычные рамки политической революции, будет наполнена социальным содержанием. Признавая политическую революцию и последующие социальные реформы, либеральные теоретики самым решительным образом отвергали социальную революцию, на которой настаивали леворадикальные социалистические партии. Постоянно возвращаясь на заседаниях ЦК, партийных конференциях и съездах к проблеме революции, кадетские лидеры также прекрасно понимали, что не имеют в своем распоряжении сил, способных контролировать развитие революционного процесса в стране, а главное удержать его в мирных рамках. Поэтому лишены смысла утверждения о том, что якобы не только кадеты, но и либералы в целом сознательно вели подготовку революции в России.

Экстремальные условия мировой войны с особой остротой выявили наличие глубоких противоречий, с одной стороны, между теоретическим осознанием либеральными идеологами и политиками связи между войной и революцией, а с другой – их практическим неприятием насильственного переворота в стране. В своей повседневной политической деятельности лидеры либерализма максимально стремились к тому, чтобы предотвратить революцию в России. Во имя этого они сознательно шли на постоянные компромиссы с монархией, рассчитывая на ее благоразумие во имя собственного сохранения пойти хотя бы на минимальные уступки требованиям оппозиционной общественности.

Война с логической неизбежностью поставила и вопрос о необходимости единения всех национальностей, населяющих империю. «Идущие в бой инородцы, – подчеркивал Кокошкин, – должны знать, что они идут на защиту общего отечества, которое для них не чужой, а свой дом, в котором есть место для свободной жизни и развития их народности. Население окраин, угрожаемых неприятельским нашествием, должно чувствовать себя живой неразрыв-

^{*} ОР РГБ. Ф. 225. Оп. 5. Д. 15. Л. 1–6.

ной частью государственного организма, связанной с его центром своими настоящими жизненными интересами»*.

В логике концепции «единой и неделимой России» либералы активизировали разработку национального вопроса. Так, при ЦК кадетской партии были созданы и активно работали комиссии: по еврейскому вопросу (председатель М. М. Винавер), украинскому (А. А. Корнилов, В. И. Вернадский), польскому (П. Н. Милюков, Ф. Ф. Кокошкин, А. А. Корнилов, Д. Д. Протопопов), армянскому (П. Н. Милюков, М. С. Аджемов, А. К. Дживелегов, М. И. Пападжанов), литовскому (П. С. Монас, М. М. Винавер, Ф. Ф. Кокошкин, П. Н. Милюков и др.).

Из национальных проблем, по которым были созданы специальные комиссии, наиболее слабо разработанными оказались еврейский и украинский вопросы. Проявлять инициативу их постановки в Думе либералы не спешили. Что касается еврейского вопроса, то опасались роста антисемитизма, искусственно раздуваемого черносотенной пропагандой, а украинского – в связи с событиями в Галиции и позицией правительства и националистов в отношении западных украинцев. Три других вопроса (польский, армянский и литовский) в годы войны приобрели еще и международный характер. 7 декабря 1914 г. Милюков сосредоточил внимание присутствующих на разъяснении различных точек зрения на польский вопрос, которые циркулируют в русском обществе. Причем амплитуда этих мнений колеблется от полной политической независимости Польши до признания достаточности предоставления ей прав местного самоуправления. Сам Милюков высказался категорически против предоставления Польше политической независимости. «Сейчас, – заявил он, – независимая Польша в силу тех или иных обстоятельств могла бы занять враждебную позицию по отношению к России, и надо пока ее придержать»**.

Соглашаясь с мнением о возможности предоставить Польше автономию в этнографических границах, Милюков подчеркнул, что это решение должно быть обязательно проведено «через российские законодательные учреждения, через органы российского народного представительства»***. Иной путь предоставления Польше автономии (например, в обход Думы по ст. 87 Основных законов или тем более в ходе революционного переворота) лидер кадетов считал неприемлемым. «Все подобные экстраординарные способы решения вопроса, – заявил он, – действительно находились бы вне пределов партийной программы к.-д.»**** Предоставление автономии Польше исключительно

* Цит. по: *Думова Н. Г.* Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988. С. 25.

** Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. Т. 2. С. 476.

*** Там же. С. 470.

**** Там же.

законодательным порядком позволило бы, по его мнению, с одной стороны, разработать перечень вопросов, ограничивающих права сейма, а с другой – вывести польских представителей из Государственной думы, избежав тем самым возможности их «вредного влияния на чисто русские дела»*.

Кокошкин подготовил специальный проект по польскому вопросу, основное содержание которого сводилось к следующему. Царство Польское должно было и впредь составлять «нераздельную часть государства Российского» и, следовательно, подлежало «действию общегосударственных законов и установлений». Согласно проекту, Польша в этнографических границах выделялась в особую автономную единицу с законодательным однопалатным сеймом, избранным на основе всеобщего избирательного права. К компетенции сейма были отнесены такие вопросы, как установление и отмена налогов, податей и повинностей (за исключением государственных монополий, таможенных пошлин и акционерных обществ), рассмотрение и утверждение бюджета и др. Посреднические функции между сеймом и царем предстояло осуществлять особому статс-секретарю, который назначался монархом. Во главе управления Польши должен был находиться наместник, назначаемый и увольняемый царем. Наместнику передавались вопросы назначения и увольнения министров, а за монархом оставались права роспуска сейма и утверждения всех принимаемых им законов. Проект Кокошкина предусматривал также отмену вероисповедных ограничений, вводил употребление «местных языков» как в делопроизводстве, так и в преподавании. Однако официальным языком сношений между польскими общегосударственными учреждениями, а также ответов на обращения русских подданных оставался исключительно русский**.

После обсуждения проекта Кокошкина в партийных инстанциях было решено передать его в думскую кадетскую фракцию, а также попытаться опубликовать в печати. Но тут перед кадетским руководством возникли непреодолимые трудности. Суть дела состояла в том, что в это время в завершающую фазу вступил процесс создания думского Прогрессивного блока. Партнеры кадетов по блоку (октябристы, националисты) оказались противниками «всяких автономий». Поэтому они могли расценить кадетский проект об автономии Польши как своего рода революционную меру, направленную на развал «единой и неделимой» Российской империи. Учитывая эти обстоятельства, кадетские лидеры не слишком стремились афишировать проект Кокошкина.

Вместе с тем они не могли игнорировать и позицию некоторых членов собственного ЦК. Выступая на заседании ЦК 31 марта 1916 г., А. Р. Ледницкий выразил несогласие с проектом Кокошкина и вполне определенно высказался за предоставление Польше полной политической независимости. «Для поля-

* Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. Т. 2. С. 470.

** Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 1. С. 177–181.

ков же, – говорил он, – точка зрения автономии создает прямо критическое положение, она ставит их против России»^{*}. Ледницкий предупредил, что в случае опубликования проекта Кокошкина в печати «его личное положение как поляка было бы безвыходным, и он принужден был бы уйти из партии»^{**}. В свою очередь, кн. Д. И. Шаховской, стремясь как-то разрядить ситуацию, заявил: «Если демократия в России возобладает, надо думать, что демократическая Россия выскажется за самостоятельность Польши; но это еще вопрос будущего, относительно которого партия не может брать на себя никаких обязательств»^{***}.

Военные поражения России, ослабление ее международного престижа, появление разного рода проектов о внесении существенных коррективов в политическую карту Европы, разрабатывавшиеся в странах как австро-германского блока, так и Антанты, заставляли кадетов вновь и вновь возвращаться к польскому вопросу. В мае 1916 г. был заслушан доклад кн. Павла Д. Долгорукова о Польше. Считая польский вопрос «скорее тактическим, чем программным», докладчик подчеркнул, что его решение самым непосредственным образом связано с тем или иным исходом войны. Далее он наметил три возможных варианта ее завершения: 1) условия мира будут продиктованы державами австро-германского блока; 2) Россия вместе со своими союзниками продиктует условия мира Центральным державам; 3) война кончится вничью, и победителей вообще не будет.

При осуществлении первого варианта кадетская партия будет не в состоянии «повлиять на решение польского вопроса». Во втором случае все три части Польши должны быть соединены в самостоятельное государство, которое получит выход к Балтийскому морю. Учитывая такую возможность, ЦК кадетов должен заранее разработать и внести от имени России на рассмотрение международного мирного конгресса специальный акт о восстановлении независимости Польши в ее этнографических границах. «Выработать условия польского учредительного собрания, – отмечал Долгоруков, – должна международная конференция, которая учреждает орган для контроля за правильностью выборов в это собрание. Учредительное собрание устанавливает образ правления Польши». И наконец, при отсутствии победителей в войне возможен лишь *status quo ante bellum*, и Россия в состоянии будет иметь влияние только в той части Польши, которая входила в ее состав до этого. Ратуя на словах за предоставление Польше широкой автономии, Долгоруков вместе с тем подчеркнул, что к желанию поляков «восстановить самостоятельное польское государство, хотя в пределах русской Польши, следует отнестись отрицательно»^{****}.

* Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. Т. 3. С. 286.

** Там же. С. 285.

*** Там же. С. 287.

**** Там же. С. 305–306.

В еще более «обнаженном» виде позиция кадетов по польскому вопросу проявилась на заседании МО ЦК 8 ноября 1916 г. После обсуждения доклада Кокошкина, посвященного этому вопросу, были приняты специальные тезисы, суть которых заключалась в следующем. Во-первых, в них подчеркивалось, что выступление партии с признанием независимости или вообще с какими-либо проектами устройства Польши несвоевременно, ибо нельзя «забывать, что независимость Польши означает известное ослабление военного могущества России», и поэтому никто не дает «нам права от имени России соглашаться на такое умаление ее силы». Во-вторых, признание независимости Польши «навлечет на партию нападки справа и со стороны правительства», и в связи с этим позиция партии будет ослаблена, а «мы сильны сейчас именно тем, что стоим на почве охраны интересов государства». В-третьих, так как польский вопрос уже приобрел в настоящее время международный характер, то для его решения потребуются соответствующий международный акт. В-четвертых, каким бы ни оказалось в будущем устройство Польши, «во всяком случае, мы не можем себе представить ее иначе как соединенной известной связью с Россией»*. В этом итоговом документе, принятом за два месяца до Февральской революции, с предельной откровенностью была изложена окончательная позиция кадетской партии по польскому вопросу.

По армянскому вопросу в ноябре 1914 г. на заседаниях ЦК были заслушаны и обсуждены два сообщения Милюкова, в которых были изложены три возможных варианта. Во-первых, среди определенной части армянской интеллигенции циркулирует мысль о вероятности создания после войны политически независимого «Великого Армянского государства», в состав которого войдут как русские, так и турецкие территории. Во-вторых, более широкое распространение получила идея об образовании в составе шести вилайетов автономной Армении под протекторатом Турции. И наконец, третья комбинация заключается в аннексии турецкой части Армении Россией. Возможная реализация этих комбинаций, подчеркнул Милюков, имеет трудности международного характера, ибо в этом регионе сталкиваются интересы многих стран. Однако более выгодным в политическом смысле решением для России явилась бы аннексия Армении, ибо «нам надо иметь армян вместе, иначе они будут игральным и орудием против нас, как и поляки до сих пор. Конечно, при объединении армян надо было позаботиться, чтобы это не было объединением на русском бесправии»**. Две другие комбинации Милюков считал невыгодными. Позицию кадетского руководства в армянском вопросе разделяли видные либеральные представители армянской интеллигенции – М. С. Аджемов, А. К. Дживелегов, М. И. Пападжанов и др.

* Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. Т. 3. С. 335–336.

** Там же. Т. 2. С. 422–423.

В 1916 г. комиссия по литовскому вопросу обсудила проект П. С. Монаса об автономном устройстве Литвы*. Документ строился на тех же исходных принципах, что и проект об устройстве Польши Кокошкина. Литва в этнографических границах выделялась в особую автономную единицу и составляла «нераздельную часть Российского государства». На нее распространялись «общие гарантии гражданской и политической свободы, установленные общегосударственными законами», которые в случае необходимости могли быть расширены местным литовским законодательством в соответствии «с местными условиями края». В своих внутренних делах Литва должна была управляться особыми установлениями, опирающимися на специальное законодательство.

Литовский однопалатный сейм избирался на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Принятые сеймом законопроекты подлежали утверждению царем. Причем из компетенции сейма исключался значительный круг вопросов: внешняя политика, бюджет, средства коммуникации общероссийского характера, армия и флот, дела православной церкви, уголовное законодательство. По существу, в сфере его компетенции оставались лишь местные налоги, подати, пошлины, сборы и повинности, а также смета и роспись доходов и расходов казны Литвы. В проекте отмечалось, что литовское население имеет право отбывать воинскую повинность в сухопутных войсках, расположенных в Литве. На литовском языке должно было вестись и делопроизводство в законодательных, судебных, административных, а также казенных учебных заведениях. Верховная власть назначала из числа граждан Литвы статс-секретаря и наместника. Первый выступал в роли посредника между царем и сеймом и представлял на одобрение царя законопроекты, принятые сеймом. Второй возглавлял особое управление в Литве. Высшим судебным учреждением Литвы должен был стать Сенат.

Итак, в годы войны либеральные теоретики и идеологии активно включились в разработку национальных проблем, которые требовали настоящего решения, ибо становились факторами, дестабилизирующими политическую ситуацию в России. Предлагаемые либералами варианты разрешения национального вопроса должны были, с их точки зрения, ослабить сепаратистские тенденции, которые в этот период стали набирать силу, и по возможности предотвратить распад Российской империи. Нарботки по национальному вопросу были использованы либеральной оппозицией после Февральской революции 1917 г.

2. Организационное состояние и внепарламентская деятельность

В условиях войны ускорился процесс развала организационных структур либеральных партий. Так, октябристы еще в канун войны по сути превратились в рассыпанную храмину. В декабре 1913 г. думская фракция партии расколо-

* ГА РФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 21.

лась на три части: земцев-октябристов (65 чел.), собственно «Союз 17 октября» (22 человек) и группу беспартийных (в нее вошли 15 бывших членов октябристской фракции). Далее последовал и раскол собственно партии, что поставило ее на грань катастрофы. Медленно агонизировали местные отделы, по существу прекратив всякую политическую деятельность. Довольно беспомощно выглядели в Думе и обломки некогда единой и многочисленной октябристской фракции. Так называемая нефракционная группа, объединявшая правых октябристов, неизменно ориентировалась на правоконсервативное крыло Думы. Фракция земцев-октябристов представляла собой своеобразный маятник, качавшейся в зависимости от обстоятельств то вправо, то влево. Левые же октябристы держали курс на создание думского Прогрессивного блока, не решаясь, однако, на окончательный разрыв с правительством.

Война привела «Союз 17 октября» к окончательной дезорганизации. 1 июля 1915 г. прекратилось издание центрального органа партии – газеты «Голос Москвы». Вскоре окончательно заглохла деятельность Центрального комитета и региональных отделов. Оставшиеся в ряде мест небольшие группки октябристов, прекратив всякую политическую деятельность, включились в работу общественных организаций – ВЗС, ВСГ и ВПК. Фактически «Союз 17 октября» как политическая партия прекратил свое существование.

В отличие от него партия прогрессистов проявила себя более организованной и мобильной. Будучи партией парламентского типа, прогрессисты сделали акцент на работе в представительных учреждениях – Думе и Государственном совете. Высказавшись на заседании Думы 26 июля 1914 г. за поддержку правительства, фракция прогрессистов проголосовала за военные кредиты, а ее представители вошли в состав правительственных совещаний. Однако в связи с военными поражениями и неспособностью правительства справиться с возникшими трудностями в деле снабжения армии, прогрессисты перешли в оппозицию режиму. Кроме того, прогрессисты активно участвовали в создании и деятельности ВЗС и ВСГ, ВПК, Земгора и других общественных организаций, взявших на себя обязанности снабжения армии, организации помощи больным и раненым воинам, беженцам.

Что касается ведущей партии либеральной оппозиции – кадетов, то им удалось сохранить центральные и определенную часть региональных структур. По сравнению с кануном войны, когда функционировало 80 местных организаций, к марту 1917 г. продолжали действовать 50 региональных комитетов. В отличие от октябристов и прогрессистов, кадетам удалось даже провести один общепартийный съезд (февраль 1916 г.), две общепартийные конференции (июнь 1915 г. и октябрь 1916 г.) и областные съезды в Москве, Киеве, Самаре и Саратове. Вместе с тем война стала фактором, усугубившим процесс кризиса организационных структур кадетской партии.

В отчетном докладе А. А. Корнилова на VI съезде кадетской партии в феврале 1916 г. признавалось, что «партийные учреждения не проявляют в большинстве случаев достаточной энергии в деле расширения организационной партийной работы», что «приходится иногда слышать, что деятельность эта не

входит в число коренных задач партии как учреждения исключительно политического. Между тем с этим вопросом связано, несомненно, в значительной мере и будущее партии народной свободы как таковой, и достижение успеха в той политической борьбе, которую она ведет в настоящее время и которая лишь временно замерла и отодвинулась на задний план из-за войны»^{*}.

В ходе обсуждения доклада Корнилова представители регионов обратили внимание на то, что их «недоработки» в организационной сфере во многом обусловлены неопределенностью политической линии кадетского руководства. Взяв курс на «священное единение» с правительством, оно при этом забыло как о постановке насущных программных вопросов (аграрного и рабочего), так и о необходимости упрочения связей партии с массовым демократическим движением в стране. Так, делегат из Саратова А. А. Никонов заявил, что «волею судеб после 1906 г. кадеты оказались оторванными от широких масс, оставаясь “демократами без демократии”, а это положение не может не отражаться и на психологии»^{**}. Киевский делегат Н. П. Василенко подчеркнул, что «наша партия не растет, а уменьшается, хотя и есть элементы, которые могли бы к нам примкнуть». По его мнению, «мы не умеем к ним подойти, и это, по-видимому, даже мало нас озабочивает»^{***}. В заключительном слове Милюков попытался очередной раз «сгладить углы», призвал партию «идти в демократическую гущу».

Избранному на съезде новому составу ЦК поручалось активизировать работу по укреплению связей с местными партийными организациями. В конце марта был поставлен вопрос о проведении специальной анкеты, которая дала бы возможность выявить, наконец, подлинную картину состояния местных партийных организаций. Кн. Д. И. Шаховской, объездивший перед съездом ряд губерний, заявил: на местах партийные организации развалились, все «партийные силы поглощены работой в непартийных организациях» и их уже никак «нельзя отрывать от важных практических работ для искусственных партийных дел». По его мнению, восстановить провинциальные партийные ячейки невозможно будет до тех пор, пока не наладится организация в столицах и не организуется сам «партийный центр», который и должен установить «контакт с почвой», что, в свою очередь, даст шанс восстановить «партийные клеточки» и активизировать их работу. Однако на практике сплотить вокруг себя демократические элементы страны либеральной оппозиции не удалось.

По сути, в более или менее ритмичном режиме работали лишь ЦК и думская партийная фракция кадетов. Что же касается самого «тела» партии – ее местных партийных структур, то они находились в состоянии полной «орга-

^{*} Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. Т. 3. С. 242.

^{**} Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. 1915–1917 гг. Т. 3. Кн. 1. С. 271.

^{***} Там же. С. 283.

низационной разбалансировки». С одной стороны, распались прежние горизонтальные и вертикальные связи между центральными и губернскими органами, с другой – между губернскими и низовыми партийными структурами.

На работе кадетской партии отрицательно сказывались и усилившиеся трения между течениями внутри самого ЦК (правые, «центр», левые), из состава которого в 1915 г. вышел П. Б. Струве, временно покидал Н. В. Некрасов, не раз устраивавший демарши против милюковской политической линии. В ряде региональных кадетских организаций также имело место нарастающее противостояние между правыми и левыми кадетами, причем дело неоднократно доходило до выхода из состава местных комитетов. Все эти процессы, в целом естественные для жизни всех без исключения общероссийских и национальных политических партий, приобрели в годы войны особую остроту, которая нарастала по мере ухудшения политической и экономической ситуации в стране, когда потребовалось оперативно искать выход из системного политического кризиса.

Ослабление организационного состояния кадетской партии не могло не сказаться на масштабах ее практической деятельности. Правое крыло кадетской партии считало, что в условиях войны следует вообще отказаться от использования нелегальных форм борьбы с режимом, окончательно и бесповоротно разорвать с левыми партиями и организациями, сосредоточить внимание на внепартийной легальной работе. Убежденные, что их партия может успешно работать только в легальных условиях, правые кадеты считали, что на нелегальном поприще «ей никогда не угнаться за революционными и социалистическими партиями»^{*}. Поэтому, по их мнению, целесообразнее было сосредоточиться на работе в таких легальных общественных организациях, как ВЗС, ВГС, ВПК, а также разного рода комитетах, кооперативах и профсоюзах. При этом они настаивали на обязательном соблюдении одного условия, а именно, не создавать там своих фракций и не вести партийную работу. Правые кадеты подчеркивали, что основной источник силы кадетской партии заключается прежде всего в Государственной думе и законодательной работе^{**}.

В свою очередь, немногочисленная группа левых кадетов продолжала выступать за взаимодействие с демократическими партиями, создание народной прессы, распространение партийной деятельности на рабочих, крестьян, студенчество, интеллигенцию, «третий» земский элемент, служащих. Левые кадеты считали необходимым не только не порывать, но, наоборот, расширять и укреплять контакты с левыми партиями и организациями, согласовывать с ними действия либеральной оппозиции. По мнению кн. Д. И. Шаховского, «демократическая партия могла бы осуществиться», во-первых, путем привлечения в нее мелких ремесленников, приказчиков, кооперативных деятелей,

^{*} Русская мысль. 1916. № 3. С. 34.

^{**} Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. Т. 3. С. 56.

представителей больничных касс и профессиональных союзов, а во-вторых, путем постановки и обсуждения жизненно важных вопросов (дороговизна жизни, мелкая земская единица, кооперация и т. п.). «Все теперь волнуется, все кипит, – заявил он на пленарном заседании ЦК 21–23 августа 1915 г., – надо смело идти в самую гущу жизни, ни в чем не отрекаясь от самих себя, если мы не сделаем этого, другие займут место, которое по праву принадлежит нам»*.

Какие же имелись в распоряжении либералов средства и каналы идеологического воздействия на массы? Прежде всего, им удалось сохранить (а в ряде случаев и увеличить) число своих центральных периодических изданий. В рассматриваемые годы возникла серия новых журналов и газет: «Проблемы Великой России», «Национальные проблемы», «Известия ВЗС», «Известия ВСГ», «Защита» и «Оборона». Выпущены были специальные сборники: «Вопросы мировой войны», «Война и жизнь», «Что ждет Россия от войны», научно-популярные брошюры кн. Е. Н. Трубецкого («Смысл войны», «Война и мировая задача России», «Национальный вопрос», «Константинополь и святая София») и С. Н. Булгакова («Война и русское самосознание») и др.

Несмотря на запреты правительства, кадеты продолжали вести, правда, в сравнительно ограниченных размерах, лекционную пропаганду. Видные деятели партии выступали не только в столицах, но и выезжали на периферию. Особой популярностью пользовались лекции П. Н. Милюкова («Война и европейская интеллигенция», «Турция, Константинополь и проливы», «Война и малые народности»), А. И. Шингарева («Дороговизна жизни»), П. Б. Струве («Война и идея Великой России») и др. Милюков, Гредескул, Изгоев, Шингарев выступали с лекциями в Киеве, Харькове, Казани, Уфе, Самаре, Царицыне и многих других городах. Значительную лекционную работу кадеты проводили в Вольном экономическом обществе, Обществе грамотности, университете Шанявского и т. д.

В печати и лекционной пропаганде идеологи и политики либерализма акцент делали на необходимости доведения войны до победного конца. По их мнению, такой исход позволил бы решить целый комплекс проблем, связанных с национальными задачами России и всего славянства; создать предпосылки для проведения объективно назревших реформ; улучшить материальное положение народа и т. п. Считая любые массовые выступления во время войны «вредными» и «деструктивными», либералы призывали все слои российского общества к мирному сотрудничеству, консолидации сил во имя защиты отечества и победы.

В отличие от октябристов, которые были вынуждены прекратить издание своего партийного рупора – газеты «Голос Москвы», кадетам в июне 1915 г. даже удалось восстановить деятельность своего бюро провинциальной печат-

* Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. Т. 3. С. 158.

ти, закрытого в сентябре 1914 г. По инициативе и на средства кн. Шаховского в 1914 г. в Москве некоторое время издавалась газета «Защита», имевшая около тысячи подписчиков. Именно ее левые кадеты и предлагали превратить в народное издание. 9 октября 1914 г. на заседании ЦК А. А. Корнилов заявил, что «без подобных изданий партии никогда не удастся сколько-нибудь широко опереться на народные массы»^{*}. Иначе оценивали попытку Шаховского издать народную газету правые кадеты. По мнению Н. А. Гредескула, газета «Защита» производит впечатление «дела безнадежного, вряд ли окупающего затраченную энергию». Струве считал, что «народная газета – это химера», и поэтому вообще следует прекратить всякие попытки подобного рода партийных изданий. Против издания народной газеты выступил и Милюков. Фактически ЦК отказал газете в материальной поддержке, и вскоре «Защита» прекратила свое существование.

Не дали результатов попытки либералов привлечь на свою сторону рабочих и крестьян. Кадетами была разработана обширная программа по рабочему вопросу, включавшая в себя пункты: об организации примирительных камер; создание профсоюзов и кооперативов; организация бирж труда и создание института фабрично-заводских старост; об урегулировании рабочего времени и заработной платы и т. д. Одним из каналов либерального воздействия намечались рабочие группы при ЦВПК и местных военно-промышленных комитетах. Эти группы, подчеркивал на VI съезде партии Шаховской, представляют собой «всероссийский рабочий центр, с которым мы можем войти в отношения и вообще поставить определенные задачи»^{**}.

Вместе с тем кадеты отдавали себе отчет в том, что рабочие группы преследовали собственные цели, отличные от целей либеральной оппозиции, что они в любой благоприятный для них момент превратятся из «временных союзников» в политических противников. И действительно, по мере обострения политической ситуации среди реформистских элементов внутри рабочего класса рушились иллюзии о возможности сотрудничества с буржуазией. Руководство ВЗС и ВСГ крайне скептически относилось к экспериментам московских капиталистов А. И. Гучкова и А. И. Коновалова, пытавшихся привлечь рабочих к сотрудничеству с ВПК. 7 сентября 1915 г., когда в Московской городской думе проходило пленарное заседание съездов ВЗС и ВСГ, главноуполномоченные этих союзов кн. Г. Е. Львов и М. В. Челноков категорически отказали в просьбе группе рабочих (около 70 чел.) допустить их на заседание, хотя бы с правом совещательного голоса. В ответ на эту недружелюбную акцию рабочие приняли резолюцию протеста, в которой осу-

^{*} Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. Т. 2. С. 412.

^{**} Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 1. С. 282–283.

дили поведение руководителей союзов земств и городов и потребовали созыва Учредительного собрания*.

Вопрос об отношении к рабочим неоднократно обсуждался и на заседаниях кадетского ЦК. В сентябре 1915 г. ЦК избрал специальную рабочую комиссию под председательством В. А. Степанова. Комиссия планировала через посредство технического персонала ряда крупных фабрик и заводов Петрограда, а также представителей больничных касс войти в контакты с рабочими, чтобы оказать им помощь в восстановлении профессиональных союзов. Была ли реализована эта попытка – сказать трудно, ибо больше на заседаниях ЦК к этому вопросу не возвращались.

Гораздо чаще на заседаниях ЦК рассматривались меры, направленные на предотвращение забастовочного движения во время войны. При этом прослеживается стремление кадетов ни в коем случае не втягивать рабочих в политическую борьбу. 15 сентября 1915 г. на заседании ЦК В. И. Вернадский предложил обратиться к рабочим со специальным воззванием, в котором предполагалось дать разъяснение позиции кадетов по отношению к роспуску Думы и правительственному курсу. Однако большинство присутствующих высказалось против публикации воззвания к рабочим, считая это «рискованной мерой»**. Между тем рост стачечного и демонстрационного движения рабочих и их все большая политизация свидетельствовали о безуспешности попыток кадетов канализировать набиравшее силу пролетарское движение в парламентское русло.

Практически мало что было сделано либеральными партиями и в отношении деревни. В отличие от октябристов и прогрессистов, по сути игнорировавших партийную работу в крестьянской среде, кадеты продолжали предпринимать в этом направлении некоторые усилия. На совместных совещаниях думской фракции с представителями местных групп в феврале–июне 1915 г. представители из Орла, Рязани, Уфы, Самары, Казани обратили внимание на тот факт, что крестьяне с большим нетерпением ждут наделения их земель, охотно читают политические новости, публикуемые в газетах. Делегаты из Саратова и Екатеринбурга считали необходимым вновь выдвинуть программный лозунг принудительного отчуждения помещичьих земель. Однако большинство ЦК кадетов самым категорическим образом высказалось против этого лозунга во время войны. Резюмируя позицию кадетского руководства, Ф. Ф. Кокошкин сказал: «Нельзя сейчас отбросить классы землевладельцев и промышленников, ибо нельзя обойтись без их сотрудничества»***.

В марте 1916 г. охранкой была зафиксирована попытка левых кадетов во главе с кн. Шаховским воссоздать Всероссийский крестьянский союз (ВКС). На квартире князя состоялся ряд частных совещаний, в которых приняли участие социалисты Н. В. Чайковский и С. Н. Прокопович. Рассматривался

* Буржуазия накануне Февральской революции. М.; Л. 1927. С. 52.

** Там же. С. 34–36.

*** ГА РФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 18. Л. 19.

вопрос о путях и средствах организации ВКС. Чайковский считал, что «единственный подход к крестьянской деревне лежит через мелкие кооперативные организации». Прокопович предлагал пойти по пути привлечения «третьего» земского элемента, а также использования Московского общества сельского хозяйства. Под флагом этого общества, считал он, можно было бы «созвать Всероссийский сельскохозяйственный съезд с участием представителей крестьянства и на этом съезде заложить основы крестьянского союза»^{*}. В какой мере были проведены в жизнь эти идеи, выяснить пока не удалось.

Определенные результаты были достигнуты либералами в социально однородной для них среде. Им удалось внедриться в организации, связанные с решением острейшего продовольственного вопроса. Значительных успехов достигли они и в кооперативном движении, масштабы которого неизмеримо возросли в годы войны. По данным С. Н. Прокоповича, в 1915 г. в стране функционировало 35 тыс. кооперативных организаций различного типа, объединивших в своих рядах более 12 млн человек. Один только Московский союз потребительских обществ, в котором пользовались влиянием кадеты, к июлю 1915 г. объединил 1390 обществ с 345,8 тыс. руб. паевого капитала.

Была создана широкая и разветвленная сеть потребительских союзов в областных, губернских и уездных городах; в ней большую работу вели представители либеральной оппозиции. По инициативе кадетов в конце 1915 г. в Москве была заложена основа для создания потребительского общества «Кооперация». Учредителями общества и членами его исполнительного бюро являлись кадеты Ф. А. Головин, кн. Д. И. Шаховской, П. П. Садырин, Н. И. Астров и др. Председателем совета был избран кн. Шаховской^{**}. Руководящая роль принадлежала кадетам также в Обществе помощи жертвам войны (председатель Ф. А. Головин), в Обществе помощи полякам – жертвам войны (председатель А. Р. Ледницкий), в Самарском обществе «Самопомощь» (председатель Н. А. Гладыш) и т. д. Под идейным влиянием кадетов находились журналы «Кооперативная жизнь» и «Вестник кооперации».

Значительного влияния добились либералы в центральных и местных органах ВЗС. Земским союзом руководили в основном октябристы и прогрессисты, однако в его работе принимало участие и значительное число кадетских лидеров. Немало членов кадетской партии было и среди работников ВЗС на местах. Участие либералов в деятельности центральных и местных учреждений ВЗС расширяло их связи с земскими кругами, придерживавшихся октябристской ориентации^{***}. В 1917 г. многие из этих элементов влились в состав партии народной свободы.

^{*} Буржуазия накануне Февральской революции. С. 97, 98.

^{**} Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967. С. 155.

^{***} Подробно эта проблема получила освещение в монографии Н. Г. Думовой «Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции». С. 33–51.

Более значительным и активным было участие кадетов в организации и деятельности ВСГ. Как известно, главноуполномоченным ВСГ был избран М. В. Челноков, а его заместителем Н. М. Кишкин. В центральный комитет Союза городов входили 5 кадетов (Астров, Кишкин, Н. Н. Щепкин, А. Д. Алферов и Н. В. Тесленко), 4 прогрессиста (В. Д. Кузьмин-Караваев, М. М. Федоров, С. А. Смирнов, Д. В. Сироткин) и лишь один октябрист (Н. И. Гучков). Кадеты верховодили и в местных отделениях ВСГ*. При ВСГ существовал специальный комитет «Война и культура», организовавший в провинции лекции на военно-патриотические темы Милюкова, Шингарева, Котляревского, Струве и др. кадетских лидеров.

Таким образом, несмотря на определенные успехи внепарламентской деятельности, либералам в годы войны, как, впрочем, и ранее, не удалось найти общего языка с широкими массами рабочих и крестьян, нейтрализовать идейно-политическое воздействие на них со стороны леворадикальных социалистических партий и организаций. Не смогли они привлечь на свою сторону и подчинить своему влиянию даже реформистски настроенные элементы среди рабочих, которые утвердились в убеждении о полной неэффективности мирных парламентских форм борьбы как с царским режимом, так и с крупной торгово-промышленной буржуазией.

Вместе с тем либералам кадетского толка все же удалось укрепить и значительно расширить свое влияние в кругах средней и мелкой буржуазии, среди интеллигенции и демократических городских слоев населения. Участие в работе союзов и общественных организаций способствовало вовлечению в активную деятельность наиболее дееспособных элементов либеральной оппозиции, расширению сферы ее влияния в демократических городских слоях населения. В процессе совместной работы в легальных союзах и общественных организациях шло укрепление связей кадетов как с демократическими, так и с земскими элементами прогрессистского и октябристского толка, которые после Февральской революции 1917 г. хлынули в партию народной свободы, получив название «мартовские кадеты». Создание по инициативе и под руководством либеральной оппозиции разветвленной сети массовых союзов и общественных организаций способствовало довольно быстрому переходу власти в руки Временного правительства в февральско-мартовские дни 1917 г.

3. От «священного единения» к конфронтации с властью

В начале войны либералы разделяли распространенное тогда мнение о том, что она будет кратковременной. Такое представление не могло не наложить свой отпечаток и на выработку ими тактической линии по отношению к исполнительной власти. Вслед за царским манифестом об объявлении войны

* Там же. С. 36–37.

кадеты издали воззвание «К единомышленникам», в котором говорилось: «Каково бы ни было наше отношение к внутренней политике правительства, наш первый долг сохранить нашу страну единой и нераздельной и удержать за ней то положение в ряду мировых держав, которое оспаривается у нас врагами. Отложим же внутренние споры, не дадим врагу ни малейшего повода надеяться на разделяющие нас разногласия и будем твердо помнить, что теперь первая и единственная задача наша – поддержать борцов верой в правоту нашего дела, спокойной бодростью и надеждой на успех нашего оружия»^{*}. Аналогичной была реакция октябристов и прогрессистов, выступивших с соответствующими воззваниями.

Тактика «внутреннего мира» нашла свое отражение в выступлениях лидеров либеральных фракций в заседании Государственной думы 26 июля 1914 г. Ее суть предельно четко сформулировал Милюков. В своей речи он заявил: «В этой борьбе мы все заодно: мы не ставим условий и требований: мы просто кладем на весы борьбы нашу твердую волю одолеть насильника»^{**}. Это заявление лидера думской кадетской фракции, отразившее общее настроение либеральной оппозиции, налагало на нее не только огромную политическую ответственность, но и сковывало ее «по рукам и ногам» во всех ее последующих действиях в ближайшей перспективе. По мнению кн. Шаховского, власть поняла заявление 26 июля как своего рода «раскаяние» русского общества «в его прегрешениях против существующего правительства и как его готовность беспрекословно следовать за ним».

Признав, что всякие выступления от имени партии представляются несвоевременными, кадетский ЦК тем не менее считал желательным усилить «практическую работу в общественных организациях». Кн. Шаховской предложил согласовать «действия трех армий: земского союза, кооперации и интеллигенции», что, с одной стороны, позволило бы объединить «все живое в России», а с другой – «воздействовать и на направление курса политики». Однако Ф. И. Родичев самым категорическим образом заявил, что в данный момент было бы вообще «делом фантастическим» навязывать «того или иного министра», а следует сосредоточиться на разработке финансовых вопросов, оказании помощи военному ведомству, организации мелкой земской единицы. В целом позицию Родичева поддержал и левый кадет Н. В. Некрасов, посчитавший преждевременным возбуждать общественное мнение «против ошибок правительства». Вместе с тем Некрасов считал, что кадетам все же следует «очистить с себя ответственность за то единение, которое было вотиновано в Гос. думе» 26 июля, ибо она может быть распространена «на все недопустимые действия власти». Не предрешая формы подобного «очищения», Некрасов заявил, что лично он все же «является сторонником какого-нибудь

^{*} Милюков П. Н. Тактика фракции народной свободы во время войны. Пг., 1916. С. 5.

^{**} Там же. С. 6.

определенного шага со стороны общества по направлению к носителю власти в смысле выяснения общего положения».

Рассуждения Некрасова о гипотетической возможности обращения к верховной власти самым категорическим образом были отвергнуты А. И. Шингаревым, назвавшим некрасовскую позицию «маниловщиной». По его мнению, «задачу обороны страны, намеченную в Гос. думе, нельзя совместить с борьбой против существующего курса. Совершенно отпадает и страстная критика, и надежда на смену лиц; единственное, что сейчас остается, – практическая черновая работа. Даже организация волостных попечительств не везде осуществима и может путать практическую работу. Надо совсем бросить разговоры о возможности политической борьбы». Шингарев считал неприемлемыми какие-либо меморандумы и послышки депутатий к царю. «Нам незачем и не перед кем оправдываться, – утверждал он, – так как на правительстве, а не на нас лежит долг достичь объединения страны в общем порыве. Левые напрасно стараются толкать к.-д.-тов на посылку депутации и т. п. шаги, от которых сами они тщательно себя отгораживают»^{*}.

В отличие от прогрессистов и особенно октябристов, ухватившихся, как утопающий за соломинку, за необходимость во что бы то ни стало поддерживать «курс единения» с властью, кадеты уже с августа 1914 г. на заседаниях ЦК стали дебатировать вопрос о необходимости выработки более определенной политической линии по отношению к правительству. Обобщая результаты дебатов 19 августа 1914 г., П. Н. Милюков, во-первых, отметил, что считает нецелесообразным противопоставлять практическую работу политической («надо лишь разделить и сочетать ту и другую так, чтобы они не мешали одна другой»); во-вторых, настало время обратить серьезное внимание на «земские и другие союзы», однако, не забывая при этом «подводных камней на этом пути»; в-третьих, из «трех армий», названных Шаховским, он отдает предпочтение волостным и городским попечительствам («надо лишь остерегаться, чтобы этой позиции не отбили у к.-д. левые»); в-четвертых, «воздействие на сферы в их нынешнем составе – дело безнадежное», а беседы с министрами (например, С. Д. Сазоновым) могут носить исключительно осведомительный характер; в-пятых, всякие разговоры о смене лиц в правительстве в данный момент являются «бесполезными даже в тесном партийном кругу»^{**}.

Как видим, кадетская партия в августовские дни 1914 г., не говоря уже об октябристах, продолжала упорно «цепляться» за лозунг «священного единения», демонстрируя лояльность власти своим участием в обсуждении с представителями отдельных министерств (например, финансов) вопросов о введении винной монополии, реформы финансовой системы (введение подоходного налога; налога на наследство; монополии на табак, спички, нефть; уве-

^{*} Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. Т. 2. С. 361–363.

^{**} Там же. С. 363–367.

личение вывозных пошлин и железнодорожных тарифов). Результаты этих встреч с правительственными чиновниками затем становились предметами обсуждения в ЦК, заседания которого превращались в научные дискуссии по вопросам экономического и финансового развития страны. Правда, эти «чисто деловые вопросы» нередко прерывались «чисто политическими».

Так, 25 августа 1914 г. Н. В. Некрасов, принявший участие в обсуждении доклада А. И. Шингарева о монополиях, заявил о необходимости выдвижения лозунга о созыве Думы, который, по его мнению, позволит объединить широкие круги населения. Однако кн. Шаховской посчитал, что выдвижение этого лозунга преждевременно, ибо у оппозиции до сих пор нет «хорошо разработанной положительной программы реформ», что вызвало бы разочарование Думой в общественном мнении страны. Милюков «находил вопрос о созыве в настоящее время Гос. думы крайне затруднительным», ибо общество, для которого уже стали очевидными «прорехи в деловой подготовке к войне», «сознательное нежелание правительства сделать необходимые шаги навстречу справедливым требованиям общества», уже не может ограничиться постановкой вопросов «о технических улучшениях в бюджете», а потребует у правительства отчета за свою неэффективную политику. По мнению Милюкова, «трудно ожидать, чтобы и сама Г. дума готова была снова оказать правительству тот кредит, какой оказала она ему 26 июля», что фракциям «нельзя будет уклониться от вскрытия тех прорех, о которых говорилось», а если это так, то «критика расколет то единство, которое проявлено было 26 июля, – единство, как оказывается, довольно фиктивное, но его надо все же некоторое время поддерживать, так как демонстрация расхождения между властью и народом сейчас была бы очень неудобна с общей точки зрения. Положение оппозиции было бы очень трудное: с одной стороны, мы как бы обязались 26 июля оказать правительству поддержку, и притом, как здесь говорят, безо всяких задних мыслей, с другой же – оставить действия правительства без критики значило бы принять на себя часть той ответственности, которая сейчас целиком лежит на правительстве»^{*}.

Демонстрируя чудеса политической эквилибристики, Милюков отметил, что «с объективной точки зрения на созыве Думы необходимо настаивать», но «он должен сознаться, что отказом в созыве Думы правительство сильно облегчило бы затруднительное положение оппозиции, к тому же можно быть уверенным, что чем сильнее и настойчивее будут раздаваться требования общественных организаций о созыве Думы, тем менее склонно будет правительство удовлетворить это требование. Наконец, надо учесть и то обстоятельство, что на практике, что бы ни говорилось в Думе, ближайший результат будет один: тем или иным большинством Дума вынесет одобрение политике Барка и правительства»^{**}.

^{*} Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. Т. 2. С. 368–370.

^{**} Там же. С. 371–373.

Столь откровенное, если не циничное, разъяснение Милюкова относительно нежелательности выдвинуть лозунг созыва Думы, привело к острой дискуссии. Так, Шаховской не согласился с милюковским тезисом о том, «будто 26 июля русский народ и общество приняли на себя обязательства поддерживать правительство во всем и без всякой критики. Дело идет о слишком серьезных интересах страны, и надо совершенно искренно, без всяких задних мыслей, выявить в Думе все, что надо, не боясь принять на себя ответственность. Пусть наш голос свободно раздастся – по всей политике: финансовой и экономической... И почему думать, что Г. дума способна будет только вслепую санкционировать детские мероприятия Барка? Не значит ли это недостаточно оценивать здравый смысл русского народа. Сейчас не такое время, чтобы закрывать глаза и спокойно ждать»*.

Позицию Шаховского поддержали А. М. Коллюбакин («надо совершенно искренно желать созыва Думы», а критика правительства «может сохранить единство общественного настроения»), Н. В. Некрасов («созвать Думу было бы полезно для того, чтобы, быть может, предотвратить взрыв где-либо в другом месте»). На следующий день, 26 августа, дискуссия была продолжена. В «бой» вступил патриарх кадетской партии И. И. Петрункевич, который рекомендовал «воздержаться от пропаганды немедленного созыва Думы». Амбивалентную позицию занял А. И. Шингарев: «...не агитировать за созыв Думы неловко, агитировать – значит идти навстречу опасностям, и ясного выхода нет; поэтому следовало бы на некоторое время отложить решение этого вопроса, пока обстоятельства более выяснятся». Позиция Шингарева возмутила темпераментного Коллюбакина, который заявил: «Молчание, к которому нас приглашают, было бы не выигрышем, а проигрышем с точки зрения интересов страны»; «и, может быть, теперь последний момент сказать правительству последнее слово предостережения. Выбор момента для созыва Думы зависит не от нас – мы только можем напирать; но отмахиваться от тяжести и трудностей момента нельзя, надо иметь решимость взять на себя риск и ответственность»**.

Выступление Коллюбакина явно задело Милюкова, который заявил: «Сторонники созыва говорят, что не следует бояться принять бой в чистом поле, но это не равносильно принятию боя, если у вашего противника все шансы, а у нас связаны руки; дело сведется не к бою, а [к] бессильной жестикуляции. А. М. Коллюбакин ставит вопрос иначе; он хочет сейчас выставить все политические вопросы...» Прервав на этой фразе Милюкова, Коллюбакин заявил, что «он ставит лишь те требования, которые находятся в связи с обороной страны» (свобода печати, национальный вопрос, политическая амнистия). Милюков нашел этот перечень вопросов не относящимся к обороне, а имеющий политический характер. Выразив свое согласие, что «если полити-

* Там же. С. 373.

** Там же. С. 376–377.

ческий вопрос не будет поставлен, а только финансовый, то страна не поймет этого и будет так же разочарована», Милюков заявил, что если это так, то с политическими выступлениями следует подождать до тех пор, пока не «завопит вся страна и потребует от нас сильных выступлений, и мы будем знать, что нам делать, и всякие противоречия исчезнут. А сейчас нам все же не дают точных указаний, что говорить и делать в Думе»^{*}. Ухватившись за эту милюковскую фразу, Н. В. Некрасов парировал: «До сих пор мы умели угадывать нужды страны, надо думать, что и теперь не разойдемся с ней». «Ждать, пока страна завопит, – заявил Шаховской, – нет надобности; мы и сами можем завопить, если надо. Роль молчаливых прикладывателей штемпелей в Думе нам не приличествует, так не будем их прикладывать»^{**}.

Приведенная выше полемика свидетельствовала о том, что внутри кадетского ЦК уже в августе 1914 г. начал назревать конфликт, который мог привести к расколу партии. Чтобы его избежать, Милюков попытался впредь избегать постановки политических вопросов. Характерно, что в последующие месяцы внимание членов ЦК было переключено на обсуждение национальных и организационных проблем, о которых уже говорилось выше. Лишь спонтанно на заседаниях ЦК политические вопросы, как правило, ставили левые кадеты, настаивавшие на необходимости «прервать молчание руководящих органов партии» и более четко определить политическую линию по отношению к правительству.

Милюков с прежним упорством продолжал твердить, что партия, учитывая «динамику настроений», происходящих в обществе, все же не должна совершать каких-либо неосторожных шагов, которые будут играть на «руку левым», что если сейчас потребовать созыва Думы, то она «уже не обойдется одним актом лояльности», а это «может дать огромный толчок стране в обратную сторону»^{***}. Поэтому созывать ее сейчас несвоевременно. Такой же позиции придерживался Ф. И. Родичев и П. Б. Струве. Дискуссия очередной раз зашла в тупик. Лишь 21 декабря 1914 г. Милюков по собственной инициативе затронул вопрос о Думе в связи с приближением официального срока ее созыва. Одновременно он проинформировал членов ЦК о разговоре И. П. Демидова с А. В. Кривошеиным, который высказался за созыв Думы.

В связи с этим у 8 депутатов кадетской фракции возникла идея встретиться с членами ЦК и обсудить вопрос о предметах занятия Думы, прежде всего о принятии ею бюджета, что, в свою очередь, и должно «явиться неременным условием сколько-нибудь правильного сотрудничества с правительством». Общим мнением этой группы думских депутатов являлось, что в данный момент «еще не время для резкой оппозиционной критики, что отношение к пра-

^{*} Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. Т. 2. С. 380.

^{**} Там же. С. 379–381.

^{***} Там же.

вительству должно быть сдержанным». Комментируя позицию членов фракции, Милюков выражал готовность довести при их содействии до сведения правительства позицию кадетской фракции в предстоящую сессию: внесение бюджета и чтобы «в декларации правительства заключались шаги навстречу общества» или же чтобы «по крайней мере в этой декларации не заключалось никакой провокации»^{*}.

Лидер кадетской фракции продолжал настаивать на том, что созыв Думы несвоевременен, ибо при «настоящих условиях оппозиция должна воздержаться в Думе от тех открытых и ярких выступлений, каких заслуживает реакционная деятельность правительства». С другой же стороны, «несозыв Г. думы в течение продолжительного времени привел бы к огромному понижению настроения в стране, в котором и сейчас уже чувствуются неблагоприятные признаки». Принимая в расчет информацию И. П. Демидова о наличии внутри правительства нескольких течений, в том числе и за созыв Думы (по сути, речь шла об одном А. В. Кривошеине, который считал, что Думу можно созвать при условии демонстрации ею «священного» единения 26 июля и рассмотрения незначительных 2–3 правительственных законопроектов. – В. Ш.), Милюков, заявил, что «этого для страны слишком мало» и лучше «совсем не созывать Думу, чем созывать ее для одних этих целей».

Он соглашался на созыв Думы лишь в том случае, если она рассмотрит бюджет, что уже само по себе явится способом «укрепления Конституции», а если правительство не пойдет на это, то оно «развяжет руки оппозиции для беспощадной критики». Если Дума все же будет созвана на этих условиях, то «непоследовательно было бы делать боевые оппозиционные выступления против правительства, так как борьба с внешним врагом далеко еще не закончена и та цель, какая заложена была в объединении 26 июля 1914 г. всех слоев и народностей, еще не достигнута...» У партии к.-д. слишком достаточно врагов, которые рады были бы всякому неосторожному шагу партии, чтобы спихнуть ее с той «недостигаемой высоты, на которую, – по словам того же Кривошеина, – поставила партию ее линия поведения в июльские дни 1914 г.» Поэтому, если «можно было предвидеть, что заседания Думы обратятся в ряд оппозиционных выступлений против правительства», то, по мнению Милюкова, надо «всеми силами противиться созыву Думы»^{**}.

В поддержку Милюкова высказалось большинство участников заседания. Так, А. А. Корнилов заявил: «Основная задача – победа над германцами, и партия должна стоять на этом, пока задача не будет выполнена. До тех пор ни о каком торге не может быть и речи, и само слово “оппозиция” должно быть на время устранено»^{***}. В результате было принято решение просить И. П. Демидова довести до сведения А. В. Кривошеина позицию кадетской

^{*} Там же. С. 478–479.

^{**} Там же. С. 484.

^{***} Там же. С. 488.

партии в отношении созыва Думы и желательной ее повестки дня (обсуждение бюджета, благожелательная правительственная декларация и недопущение каких-либо провокаций). В свою очередь Милюков заявил, что он лично не намерен вести переговоры «с теми или иными членами кабинета»^{*}.

Однако Милюков явно лукавил. В воспоминаниях он рассказал о своем участии вместе с представителями других думских фракций во встрече с А. В. Кривошеиным, который, по его словам, лучше других понимал ситуацию и даже рассчитывал занять пост И. Л. Горемыкина. На этой встрече Милюков заявил о желании Совета старейшин поставить перед правительством вопрос об ускорении сроков созыва Думы. «Кривошеин, – вспоминал Милюков, – согласился, что необходимо для поддержания создавшегося настроения приблизить срок созыва, и доложил об этом Совету министров. Горемыкин пошел на уступку, и созыв Думы был определен “не позднее февраля” 1915 г.»^{**}

Обещанная сессия Думы была назначена на 27 января 1915 г., продолжалась всего три дня и была посвящена исключительно обсуждению и принятию бюджета. Накануне, 26 января, состоялось частное совещание думской комиссии по обороне с участием министров, на котором П. Н. Милюков и А. И. Шингарев выступили с критикой политики министра внутренних дел Н. А. Маклакова в отношении печати и национальностей (поляков, евреев, административной политики в Галиции) и потребовали от правительства внесения законопроекта о польской автономии и отставки Маклакова, как «нарушителя “священного единения”», а также политической амнистии^{***}.

Однако на заседании Думы 27 января 1915 г. в своем выступлении Милюков ограничился высокопарными хвалебными словами в адрес армии, воюющих народов России и союзников по Антанте, вообще избежав каких-либо резких высказываний в адрес правительства. Во время обсуждения бюджета либеральные думские фракции заявили о полной поддержке своего прежнего отношения к войне и своей лояльности к правительству. Однако, как пишет Милюков в воспоминаниях, «мы прибавили, в осторожных выражениях, что правительство со своей стороны этого перемирия не соблюдает и пользуется им, чтобы укрепить свои позиции во внутренней политике»^{****}. В своем выступлении с думской трибуны А. И. Шингарев прямо заявил, что «в настоящий момент наш долг повелевает нам, невзирая на политические и технические особенности бюджета 1915 г., дать в руки государственной власти все сред-

^{*} Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. Т. 2. С. 493.

^{**} Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 395.

^{***} Там же С. 397. См.: Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. 1915–1917 гг. Т. 3. Кн. 1. С. 116–117.

^{****} Там же.

ства, необходимые ей [для] успешного окончания великого национального дела»^{*}.

Тактика кадетской фракции, которую Милюков охарактеризовал в своем думском выступлении 27 января 1915 г. как «не жест политика, а твердое решение гражданина»^{**}, с похвалой встреченная октябристами и прогрессистами, критически была воспринята представителями провинциальных партийных комитетов, которые 22–23 февраля 1915 г. были приглашены на расширенное заседание ЦК. Пытаясь разъяснить непонимающим «мудрость» тактической линии кадетского руководства, Милюков заявил, что она вообще «оказалась сюрпризом для наших врагов», что, выдвинув лозунг «война до победного конца», партия заняла позицию «не мешать тому правительству, которое стоит сейчас во главе. Мы от него ничего не ждем и не ведем поэтому с ним переговоров. Нам было видно, что кое-что мы, конечно, могли выхлопотать, и мы выхлопотали, например созыв Гос. думы в январе. Амнистии выхлопотать мы не могли, хотя попытки были. С трибуны мы тоже не все можем сделать. В самом правительстве идет сейчас борьба. При этой борьбе всякая вспышка оппозиционного настроения дает плюс стороне Маклакова... Нами в январе руководили те внутренние соображения, что и 26 июля. Мы от правительства ничего не ожидали тогда, ничего не ожидаем и теперь... Нам нужно было подбодрить солдат в окопах, и мы в этом успели. Мы считали своим долгом сказать слово одобрения нашим защитникам. Но кроме солдат нас слушали наши враги. Всякое слово критики было бы в Германии всячески использовано. Ослаблять себя перед лицом врага и перед союзниками нельзя. Эти соображения и заставили нас остаться на позиции 26 июля». Перечислив вопросы, которые можно было бы поставить в Думе (украинский, еврейский, польский, запрос о социал-демократической фракции), Милюков высказал убеждение, что если бы они были поставлены, то кадеты, зная настроения правительства, могли бы его критикой «ослабить Россию»^{***}.

Выступление Милюкова разочаровало местных партийных функционеров, близко и непосредственно соприкасавшихся с демократическими массами. Так, у представителя из Нижнего Новгорода осталось «самое безотрадное впечатление от разъяснения Милюкова. На к.-д. смотрят как на мудрую политическую группу, которая должна вывести Россию, но пока она этого не сделала». Представитель из Казани констатировал: «...на местах ждали, что фракция выступит с заявлением, но ожидания не оправдались». Однако члены ЦК встали горой в поддержку своего лидера. А. А. Кизеветтер заявил, что «линия поведения нашей фракции есть линия народного инстинкта. Она

^{*} Государственная дума. Созыв IV. Сессия III. Стенографические отчеты. Пг., 1915. С. 150–151.

^{**} Милюков П. Н. Тактика фракции народной свободы. С. 6.

^{***} Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. Т. 3. С. 38. С. 38–42.

производит поэтому впечатление силы, а не слабости». А. Р. Ледницкий особо подчеркнул: «Речь П. Н. Милюкова в Гос. думе была речь государственного человека»^{*}. После этих выступлений представители с мест несколько сбавили критический тон. В результате расширенное заседание ЦК признало «характер выступления фракции в заседании Думы» вполне соответствующим «условиям момента» и заслуживающим одобрения^{**}.

Всячески избегая конфронтации с правительством, думские либеральные фракции явно проигрывали в глазах общественности, которая, активно участвуя в деловых мероприятиях по обороне государства, стремительно стала наращивать оппозиционный потенциал против исполнительной власти на всех уровнях. Через формирующуюся систему общественных организаций и разного рода общественных инициатив в оппозиционный процесс втягивались все более широкие и активные слои населения, включая молодежь, которых уже не могла удовлетворить позиция, занятая думскими либеральными фракциями. Разумеется, либеральные лидеры понимали, что тенденция к нарастанию «аритмии» между настроениями широкой общественности и их собственной думской линией поведения чревата для них утратой прежнего положения в острой конкурентной борьбе с леворадикальными партиями за демократические слои населения.

Чтобы удержать общественное движение под своим контролем, лидеры либеральной оппозиции активизировали разработку актуальных вопросов положения в стране. На июньской партийной конференции 1915 г. были заслушаны доклады о финансовом положении (А. И. Шингарев), по аграрному вопросу (А. А. Мануйлов), «Война, трезвость и финансы» (А. И. Шингарев), о пособиях увечным воинам (кн. Павел Д. Долгоруков и М. М. Новиков), по еврейскому вопросу (М. М. Винавер). Если суммировать сказанное докладчиками, то они дали в целом емкую картину неспособности правительства эффективно решать проблемы, обусловленные экстремальной ситуацией военного времени. Из докладов со всей очевидностью следовало, что без немедленного осуществления политических реформ довести войну до победного конца становится проблематичным.

Учитывая эту реальность, Милюков вынужден был внести коррективы в тактический курс партии и думской фракции. В своем докладе он сделал акцент на критике правительства, которое не желает идти навстречу пожеланиям общества, на его органической неспособности организовать должным образом оборону страны («правительство проявило преступную бездеятельность и нераспорядительность»). В сложившихся обстоятельствах, считал Милюков, Государственная дума («при всех своих недостатках») остается единствен-

^{*} Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. Т. 3. С. 45, 46.

^{**} Там же. С. 49.

ным организованным центром «национальной мысли и воли», единственным учреждением, которое «можно противопоставить бюрократии». Именно от Думы, а не от каких-либо иных структур (бюрократических, партийных, общественных) «народ хочет услышать, прежде всего, знакомый голос его представителей, от них ждут открытого, полного диагноза болезни и столь же публичного лечения». Дума, «оставаясь в пределах своей контролирующей власти», имеет «возможность призвать правительство к исполнению его долга и указать ему всенародно, в чем этот долг заключается»^{*}.

Одной из главных задач текущего момента, по мнению Милюкова, являлось устранение препятствий «к согласной деятельности, к полному использованию всех сил страны». Главным из таких препятствий, считал он, был «данный состав правительства». Чтобы избежать открытого «столкновения двух сил в случае немедленного созыва законодательных учреждений», следовало предварительно устранить наиболее опасные элементы из состава нынешнего кабинета министров. Прекрасно осознавая, что решение данного вопроса находится вне компетенции Думы, Милюков заявил, что возможный конфликт по данному вопросу все же представляется «менее опасным для национального дела», чем «сохранение данного правительства, оказавшегося неспособным удовлетворить хотя бы минимальные требования, связанные с потребностью национальной самообороны и с мобилизацией всех народных сил». Поэтому устранение одиозных элементов из данного состава правительства еще накануне созыва новой сессии позволило бы избежать конфликта.

Подчеркивая, что потребность «смены правительства чувствуется в населении не менее широко, чем потребность в созыве Государственной думы», Милюков обратил внимание на циркуляцию в общественном мнении двух подходов к решению данной проблемы, нашедших свое выражение в двух формулах – «министерство общественного доверия» и «ответственное министерство». Раскрывая различия между этими двумя формулами, он обратил внимание, что партийный лозунг «ответственного министерства» может быть реализован либо путем изменения «конституции» (имеются в виду Основные законы 23 апреля 1906 г. – *В. III.*), либо «путем создания неписаной практики». При этом кадеты не исключают ни ту, ни другую возможность. Требование «ответственного министерства», считал Милюков, должно идти в «одной связке» с двумя другими требованиями: изменением избирательного закона и коренной реформы Государственного совета. В противном случае требование «ответственного министерства» означало снятие одного из «трех замков», что, по сути, означало сохранение двух других, что противоречило партийной тактике. Кадеты, отложив «внутреннюю борьбу до заключения мира», отложили и «борьбу за эти три лозунга». «Это, конечно, не значит, – продолжал Милюков, – что, отказываясь в данный момент от требования “ответственного

^{*} Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 1. С. 17–18.

министерства” в своем смысле, партия отказывается и вообще от требования о смене министерства”^{*}.

Напомнив делегатам партийной конференции английскую поговорку, что «лошадей не перепрягают во время переправы», Милюков заявил, что «перемены в министерстве мы признаем возможным ограничить для текущего момента пределами, безусловно, необходимыми». Такая постановка проблемы отличается не только от требования «ответственного министерства», но и от требования «коалиционного министерства», которое «предполагает наличие нескольких политических партий, так сказать, равноправных в политическом отношении, т. е. привыкших меняться местами в роли то правительства, то оппозиции». В российском политическом пространстве, по мнению Милюкова, «противопоставляется не одна партия другой: правительственная – оппозиционной, у нас противопоставляются бюрократия и общество».

Общий вывод доклада сводился к следующей посылке: политическая ситуация, расстановка общественных и партийных сил позволяют поставить вопрос лишь о формировании «министерства общественного доверия». «Вот чего, в сущности, требует теперь страна. Это – идеал, приближения к которому мы должны добиваться. Не требуя “ответственного” или “коалиционного” министерства, – подчеркнул Милюков, – мы тем самым не ставим формальных требований, не навязываем определенных людей, но, с другой стороны, мы и не принимаем никаких обязательств. Наш основной принцип, установленный в июле прошлого года, – не торговаться с властью – сохраняется в полной силе. Теперь, как и в январе, мы указываем власти исход. Повлиять на нее, побудить ее избрать этот исход мы бессильны. И даже если бы мы имели силу, то применить ее – значило бы вступить на почву внутренней борьбы, которой мы в настоящую минуту избегаем. Наша сила в данном случае есть сила очевидности, сила общего суждения. Сила фактов, говорящих сами за себя. Правительство, идущее наперекор этой силе, стоять не может, или, если оно останется на месте, оно берет на себя слишком тяжелую ответственность. Правительству, которое уступает, мы не говорим: вот те, кто вас заменит. Мы не говорим этого потому, что наши указания в данную минуту едва ли будут использованы, а за чужие решения мы отвечать не можем. Мы говорим, напротив: вот что вы должны делать. Те из вас, которые по горькому опыту и убеждению партии этого делать не могут и не хотят – уйдите. Те, кто их заменит, пусть именем и деятельностью заслужит общественное доверие”^{**}.

Предложенная лидером кадетской партии линия предоставляла, с одной стороны, возможность послать сигнал лично монарху, который единолично мог перетасовать любую «министерскую колоду», а с другой – как бы устраняла Думу от участия в «министерском пасьянсе», памятуя о ее происхождении

^{*} Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 1. С. 121.

^{**} Там же.

от избирательного закона «3 июня» и о наличии в ней крайне правых элементов. Если бы Думе пришлось формировать министерство, то не было никаких гарантий, что оно оказалось бы лучше чисто бюрократического министерства. Считая Думу «единственным организующим центром страны», Милюков сомневался, что Дума «3 июня» сможет сформировать министерство, которое бы всецело могло удовлетворить либеральную оппозицию. В замысле Милюкова было сконструировать такое думское большинство, с помощью которого можно было наладить конструктивную законодательную работу. Недаром он активно включился в формирование Прогрессивного блока, который, по его мнению, позволил бы провести в Думе законопроекты, отвечающие потребностям обороны страны и установлению в ней социального мира. Разумеется, это в известной мере был «шахматный ход», и при определенном раскладе сил либеральная оппозиция могла рассчитывать на выигрыш в этой игре.

На первых порах казалось, что последовавшие перестановки в составе кабинета министров накануне созыва Думы сделаны под влиянием общественности. Это способствовало распространению иллюзий в либеральной общественной среде о благоразумии верховной власти. В связи с этим в кадетских кругах не получила поддержки шингаревская идея о создании «Союза национальной обороны», суть которой состояла в том, чтобы создать некое надпартийное объединение, которое могло бы «осуществлять контроль над деятельностью правительственных органов». Однако В. А. Маклаков считал, что «момент захвата обществом власти еще не пришел, и поэтому – ввиду грозящей опасности – надо правительству помогать вести войну», хотя в ряде случаев «надо организовать целесообразное давление общества на власть»*. Полное согласие с этим мнением выразил Ф. И. Родичев, который в качестве дополнительного аргумента напомнил о периоде французской революции, когда из якобинских клубов образовалось новое правительство. «Наши союзы поневоле также обратятся в новое правительство, но это процесс органический, и его торопить нельзя»**.

По мнению же Милюкова, предложение Шингарева запоздало, ибо в стране уже «образовались группы на чисто деловой работе для удовлетворения отдельных нужд обороны и работают уже совместно с органами правительства, и все это поплывет мимо нас, если сами не войдем туда же». Вместо того чтобы организовывать других, считал Милюков, нам надо «организовать самих себя. Если есть надежда, что Дума будет созвана, начнем готовить законопроекты. Теперь мы склонны с усмешкой относиться к мысли о “законодательствовании”, – и в этом надо себя дисциплинировать»***. Эта мысль пришлась по душе даже Маклакову, который призвал готовиться в Думе к деловой работе, для

* Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 1. С. 101.

** Там же. С. 107.

*** Там же.

чего необходима «деловая программа», которая может стать основой для переговоров с октябристами и прогрессистами.

16 июня 1915 г. Шаховской выступил на заседании ЦК с подробным докладом, в котором изложил «деловую» программу деятельности кадетской партии в стране и Думе. Суть программы сводилась к следующему: 1) организация ответственной власти и создание шести новых министерств (снабжения армии, продовольствия, местного самоуправления, труда, землеустройства, полиции); 2) обновление губернаторского корпуса – «маленьких Маклаковых» – за счет привлечения председателей земских управ, городских голов, представителей контрольных и казенных палат; 3) пополнение личного состава земства; 4) распространение земства на окраины (Сибирь, Кавказ); 5) финансы земств; 6) создание министерства местного самоуправления; 7) подготовка закона о кооперативах; 8) выработка законодательства о труде и создание профессиональных союзов; 9) борьба с экономической дезорганизацией; 10) преобразование государственного контроля; 11) развитие внешкольного образования; 12) создание комиссии для расследования действий преступных лиц, ответственных за недостаток снарядов.

По мнению Милюкова, «это программа-минимум настоящего момента», ее надпартийный характер позволит объединить вокруг нее, с одной стороны, представителей оппозиционных думских фракций, а с другой – представителей различных направлений общественности в стране. По сути, в этой программе, основные идеи и положения которой легли в основу программы Прогрессивного блока, кадетам удалось сублимировать идеи и требования широких кругов либеральной общественности.

Выступая в Думе 19 июля 1915 г., Милюков, изложив программу формирующегося Прогрессивного блока, заявил: «Народ хочет сам теперь приниматься за дело и исправить упущенное... Страна не ждет. В стране уже сейчас происходит огромная организационная работа во всех слоях, сверху донизу русского общества... Нужна политика власти, не связывающая живых сил народного почина». Подчеркнув, что изменение лиц в составе правительства никак не сказалось на его внутренней политике, Милюков вместе с тем, следуя решениям партийной конференции, не ставил вопроса ни о «министерстве общественного доверия», ни тем более об «ответственном министерстве». Характерно, что кадетская фракция присоединилась к формуле перехода консервативных фракций, в которой говорилось о доверии данному составу правительства. В этой логике решался кадетами и вопрос об участии в четырех правительственных совещаниях (по обороне, топливу, перевозкам и продовольствию). В результате им удалось получить два места в Особом совещании по обороне и по одному месту в остальных совещаниях.

Летняя думская сессия оказала стимулирующее воздействие на активизацию деятельности общественных организаций, которые все более стали заострять вопрос о необходимости смены правительства и формировании разного типа министерств («министерство общественного доверия», «коалиционное министерство», «ответственное министерство»), подчеркивая тем

самым недоверие к бюрократическому кабинету, продолжавшему вести прежнюю политику.

Эти же вопросы неоднократно обсуждались на заседаниях думских либеральных фракций и партийных органов. Так, на заседании ЦК кадетской партии 19 августа 1915 г. Кокошкин проинформировал о том, что в Петрограде и Москве в общественных кругах активно обсуждается вопрос о кандидатурах главы кабинета, при этом называют имена А. И. Гучкова, Г. Е. Львова и А. В. Кривошеина, предлагают различные варианты обращений как к царю, так и Думе. По его мнению, «лучше уж пусть царь без посредников назначит министров» и вместе с тем нельзя игнорировать и Думу, ибо «только от нее могут министры получить полномочия, она и деньги ассигновать может». Кокошкин в качестве примера привел выступление В. А. Маклакова, который считал требование общественного министерства крайне опасным, ибо «люди, взявшие министерский пост, погибнут и дадут сигнал к выступлению улицы помимо легальных органов... Нужно, – говорил он, – оставить все как есть, поставить Кривошеина премьером, и общественные деятели могут быть там, как сведущие лица». «Собрание, – заявил Кокошкин, – было раздражено этой речью Маклакова». А. Р. Ледницкий также считал, что нельзя сразу делать «скачок» от министерства Горемыкина к министерству Львова, требуется промежуточный кабинет Кривошеина.

Однако Шаховской настаивал на том, что кадетское руководство должно поддержать решение московских общественных кругов о выдвижении кандидатуры кн. Г. Е. Львова в качестве главы «министерства общественного доверия». «Все теперь волнуется, все кипит, – отмечал Шаховской, – надо смело идти в самую гущу жизни, ни в чем не отрекаясь от самих себя; если мы не сделаем этого, другие займут место, которое по праву принадлежит нам»^{*}. В ответ на страстный призыв Шаховского большинство членов кадетского ЦК проявило скепсис в отношении способности партии к решительным действиям. «Подойти к левым, – заявил Шингарев, – это значит пойти на социальные реформы, поддерживать же Львова – это значит отказаться от них. В Думе сейчас происходит равнение не по демократическим силам, а по умеренным, и именно с ними мы вступаем в блок»^{**}. Прогрессивный блок становился для кадетского руководства, образно говоря, той «священной коровой», которую, во-первых, нельзя трогать ни при каких обстоятельствах, а во-вторых – приносить ей в жертву программные требования и моральную репутацию всей либеральной оппозиции.

После роспуска Думы 3 сентября 1915 г. конфликт либералов с правительством вступил в новую фазу и превратился, по словам Милюкова, в «открытый

* Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 1. С. 147–148.

** Там же. С. 155.

*** Там же. С. 157–158.

разрыв». Однако, продолжая оставаться в рамках концепции эволюционного общественного развития, либеральная оппозиция всячески стремилась направить назревающий в стране стихийный массовый взрыв в мирное парламентское русло. В ходе дебатов на заседаниях Прогрессивного блока и кадетского ЦК выявились три точки зрения. Подавляющее большинство Прогрессивного блока, включая Милюкова, на первых порах ограничивалось по преимуществу лозунгом «делового кабинета» (лишь в отдельных случаях прорывалось требование «министерства общественного доверия» из умеренных представителей оппозиции и либеральных бюрократов). Лозунг «делового кабинета», по мнению Милюкова, вполне мог быть приемлем и для верховной власти, ибо ни в коем случае не предусматривал какого-либо политического переворота и одновременно мог бы рассматриваться в качестве «ступеньки» к «министерству общественного доверия», а в перспективе и к «ответственному министерству».

Однако для более радикальных представителей Прогрессивного блока во главе с прогрессистами И. Н. Ефремовым и А. И. Коноваловым, имеющими тесные связи с московскими оппозиционными общественными кругами, лозунг «министерства общественного доверия» в данный момент казался уже недостаточным, и они настаивали на перехваченном у кадетов партийном лозунге «ответственного министерства». Этот лозунг, по мнению прогрессистов, более соответствовал требованиям момента и повышал шанс предотвратить стихийный революционный взрыв. И наконец, крайне незначительная часть сторонников Прогрессивного блока во главе с лидером октябристов А. И. Гучковым в общих, довольно смутных контурах стала вынашивать мысль о подготовке дворцового переворота.

Дебаты вокруг формул разного типа министерств («делового кабинета», «министерства общественного доверия», «ответственного министерства»), обсуждение списков различных составов будущего правительства, муссирование идеи дворцового переворота, а также попытки направить депутации и адреса царю стали структурными элементами либерального общественного сознания и оппозиционного движения вплоть до Февральской революции 1917 г.

В ходе этих утомительных и в целом бесплодных дискуссий лидеры кадетской партии занимали, как правило, более умеренные позиции, чем прогрессисты. Такая «осторожная» позиция не устраивала тех членов кадетского ЦК, которые, в отличие от членов думской фракции, начинающих с головой увязать в блоковских комбинациях, находились в постоянном контакте с общественными организациями и гораздо лучше, чем думцы, знали настроения в демократических слоях населения. Именно поэтому Шаховской выражал свое несогласие «с осторожной политикой» ЦК и фракции и призывал «не бояться ответственности» и «всю энергию партии направить на организацию общественных сил». По его мнению, задача партии должна состоять в возобновлении борьбы за власть: нужно коалиционное министерство во главе с кн. Г. Е. Львовым. Однако лидер партии и думской фракции Милюков во имя

сохранения своего детища – Прогрессивного блока – готов был принести в жертву многие программные требования, ибо считал, что кадеты не имеют поддержки в массовом демократическом движении и не могут контролировать политический процесс.

Лишь небольшая часть левых кадетов типа кн. Шаховского и Кишкина, которым надоело, по их собственному признанию, «сидеть на прежних позициях», продолжала настаивать на требования «ответственного министерства» и осуществления реформ в интересах демократического большинства. В постановлении, принятом на пленарном заседании ЦК 10–11 мая 1916 г., состоявшемся в Москве, было признано желательным, чтобы «независимо от законодательства в Думе велась борьба с правительством всеми парламентскими способами»^{*}.

В условиях стремительно назревающего общенационального кризиса лидеры российского либерализма вынуждены были признать, что все их благие надежды на примирение и сотрудничество с правительством оказались иллюзорными. Так, на заседании Прогрессивного блока 20 октября 1916 г. И. Н. Ефремов заявил: «Наш долг произвести переворот, чтобы добиться победы. Но это производство переворота предательство. Я не хочу приходить к выводу: братцы, свергайте правительство. Но возможно говорить, чтобы не вытекал призыв к революции: этого не может быть из любви к отечеству». 31 октября 1916 г. Ефремов довел до сведения участников Прогрессивного блока решение фракции прогрессистов о выходе из блока^{**}.

Некоторые подвижки влево наметились и на октябрьской партийной конференции 1916 г. По мнению левых кадетов, осторожная тактика Милюкова «убивает партию в глазах в последнее время стихийно левеющего провинциального общества». В отличие от партийного лидера, который «центр тяжести видит в парламентской борьбе с правительством», местные партийные организации «считают необходимым перенести центр тяжести в организацию масс, в сближение с левее стоящими политическими группами, в более решительной борьбе с правительством не только на парламентской почве, но и при посредстве всевозможных общественных организаций»^{***}. Учитывая рост оппозиционных настроений в стране, Милюков вынужден был признать необходимость более активного применения «всех парламентских средств для скорейшего устранения препятствий, стоящих на пути к победе». Вместе с тем он продолжал настаивать на том, что фракция будет до конца поддерживать связь с Прогрессивным блоком, «поскольку настроение последнего остается гармонизирующим с поставленными текущим моментом задачами националь-

^{*} Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 1. С. 303.

^{**} Там же. 304.

^{***} Красный архив. 1933. № 1. С. 90.

ной политики»*. Как историк и как политик Милюков прекрасно понимал, что в условиях стихийного массового движения, которое стало все более активно проявлять себя, Дума являлась единственным якорем спасения для либеральной оппозиции. И этот якорь следовало во что бы то ни стало сохранить. Это понимали и критикующие фракционную тактику Милюкова левые кадеты, вынужденные каждый раз идти на попятную и, в конечном счете, голосовать за предложения партийного лидера. Из этого порочного круга реального выхода не было. Оставалась лишь словесная эквилибристика, мастером которой и был Милюков.

Классическим образцом речи, в которой содержалась, с одной стороны, предельно острая критика правительства, а с другой – не было призыва к революции, явилось выступление Милюкова 1 ноября 1916 г. в Думе. «Теперь мы видим и знаем, – говорил он, что с этим правительством мы так же не можем законодательствовать, как не можем с ним вести Россию к победе». Однако Милюков был далек от призыва к свержению правительства, оставляя право на борьбу с ним исключительно либеральной оппозиции. «Мы, – продолжал он, – говорим этому правительству, как сказала декларация блока: мы будем бороться с вами; будем бороться всеми законными средствами до тех пор, пока вы не уйдете... Вы спрашиваете, как же мы начинаем бороться во время войны? Да ведь, господа, только во время войны они и опасны. Они для войны опасны, и именно поэтому во время войны и во имя войны, во имя того самого, что нас заставило соединиться, мы с ними теперь боремся**».

Речь Милюкова 1 ноября, в которой набатом звучал вопрос: «Что это, глупость или измена», – произвела огромное впечатление как на депутатов Думы, так на все российское общество. «Впечатление получилось, – вспоминал Милюков, – как будто прорван был наполненный гноем пузырь и выставлено напоказ коренное зло, известное всем, но ожидавшее публичного обличения***». Растиражированная в миллионах экземпляров, речь Милюкова стала, по его выражению, «мультипликатором полученного впечатления». Но все же было бы явным преувеличением ее считать «штурмовым сигналом» к революции. Она скорее была «громоотводом» от революции, которой лидер кадетской партии в принципе не хотел, ибо предчувствовал, что она неминуемо примет социальный анархический характер, а это как раз и не входило ни в текущие, ни в перспективные политические планы партии народной свободы.

Милюкова поддержал выступивший на том же памятном думском заседании В. А. Маклаков, который заявил: «Мы заявляем этой власти: либо мы,

* Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 1. С. 348, 350.

** Там же. С. 359.

*** Государственная дума. Созыв IV. Сессия V. Стенографические отчеты. Пг., 1916. Стб. 46, 47.

либо они. Вместе наша жизнь невозможна»^{*}. В ноябрьские дни лозунг «ответственное министерство» стал лозунгом всей либеральной оппозиции, рассчитывавшей на то, что, поднявшись на следующую ступеньку, можно предупредить революцию. «Правительство думает, что мы делаем революцию, а мы ее предупреждаем», – говорил на заседании Прогрессивного блока 16 ноября октябрист С. И. Шидловский^{**}.

Боязнь, что революция примет анархические формы, заставляла кадетов усиливать накал словесной критики в адрес правительства, тем более что они видели некоторые подвижки со стороны монарха, который наконец расстался с премьер-министром Б. В. Штюрмером. Либералам казалось, что если они еще чуть-чуть усилят напор, то не исключено, что можно «сверху» получить «ответственное министерство». При этом раскладе они рисковали гораздо меньше, чем своим вступлением в «игру» с подготовкой революции. Анализируя сложившуюся ситуацию, Милюков, выступая в Думе 16 декабря, подчеркнул: «Мы переживаем теперь страшный момент. На наших глазах общественная борьба выступает из рамок строгой законности, и возрождаются явочные формы 1905 года». Политическое движение в стране, считал он, снова «приобрело то единство фронта, которое оно имело до 17 октября 1905 года». Но за эти десять лет произошли серьезные подвижки в общественном сознании. Поэтому, по мнению Милюкова, «масштабы и формы борьбы, наверное, будут теперь иные». И в этой-то по существу уже ставшей экстремальной ситуации «кучка слепцов и безумцев пытается остановить течение того могучего потока, который мы в дружных совместных усилиях со страной хотим ввести в законное русло. Господа, я еще раз повторяю – это еще можно сделать. Но время не ждет. Атмосфера насыщена электричеством. В воздухе чувствуется приближение грозы. Никто не знает, господа, где и когда грянет гром. Но, господа, чтобы гром не разразился в той форме, которой мы не желаем, – наша задача ясна, мы должны в единении с общими силами страны предупредить этот удар»^{***}. Однако надежд на мирный исход борьбы с правительством оставалось все меньше и меньше. Это толкало к поискам иных, непарламентских средств воздействия на власть. Причем эти поиски велись как правыми монархистами, подталкивающими монарха к роспуску Думы, так и либералами типа октябриста А. И. Гучкова и прогрессиста А. И. Коновалова.

К началу 1917 г. лидеры либеральной оппозиции почувствовали свое бессилие изменить ход событий и оказались, по признанию Милюкова, «утомлены в бесплодной борьбе» с правительством. В то время, когда требовалась решительность в действиях, они упустили из своих рук «руководство событиями»,

^{*} Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 445.

^{**} Государственная дума. Созыв IV. Сессия V. Стенографические отчеты. Стб. 135.

^{***} Красный архив. 1933. № 1. С. 125.

которые перешли к более левым течениям*. На заседании Думы 15 февраля 1917 г. Милюков, отвечая на призыв левых фракций действовать «смело, и страна будет с вами», заявил: «Эти призывы, эти надежды нас глубоко трогают, но я должен сказать, и несколько смущают. Наше слово есть уже наше дело. Слово и вотум суть пока наше единственное оружие»**.

Однако на царских бюрократах словесные угрозы представителей либеральной оппозиции оказывали противоположное воздействие. Понимая, что Дума без поддержки масс бессильна и что без нее в принципе можно обойтись, правительство накануне Февральской революции пыталось ужесточить репрессивные меры (например, арест членов группы ЦВПК), спровоцировать выступления рабочих, а затем подавить их силой оружия. Вполне понятно, что царские министры никак не отреагировали на одно из последних и наиболее ярких думских выступлений одного из старейших депутатов Думы члена кадетской фракции Ф. И. Родичева. На заседании Думы 24 февраля 1917 г. он сказал: «Мы требуем в настоящую минуту, именем голодного народа, именем народа, который боится за судьбу во внешней борьбе, именем этого народа мы требуем власти, достойной судеб великого народа, достойной значения той минуты, которую страна переживает, мы требуем призыва к ней людей, которым вся Россия может верить, мы требуем, прежде всего, изгнания отсюда людей, которых вся Россия презирает»***.

Но обитатели Царскосельского и Мариинского дворцов, предпочитавшие расправляться с народом традиционными методами насилия, понимали силу не словесного, а исключительно материального воздействия. В распоряжении либеральной оппозиции таких сил, естественно, не было. В показаниях Чрезвычайной следственной комиссии 4 августа 1917 г. Милюков признал: «События 26 и 27 февраля застали нас врасплох»****. Размышляя над ходом Февральской революции 10 лет спустя, Милюков справедливо писал: «Дума не создала новой революции: для этого она была слишком лояльна и умеренна. Но она и не отвратила опасности этой революции»*****.

Конечно, было бы неверно сбрасывать со счетов значение оппозиционных выступлений представителей либеральных партий. Своими парламентскими действиями она вкуче с демократическими фракциями, безусловно, способствовала разоблачению пороков бюрократического режима, что, в свою очередь, вело к дальнейшему углублению общенационального кризиса в стране.

* Падение царского режима. Т. 6. С. 262.

** Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. Т. 3. С. 342–346.

*** Государственная дума. Созыв IV. Сессия V. Стенографические отчеты. Стб. 1343–1344.

**** Там же. Стб. 1714.

***** Падение царского режима. М.; Л., 1926. Т. 6. С. 351–352.

В этом процессе определенную роль сыграла и Государственная дума, которая, по словам Милюкова, «сделалась как бы аккумулятором общественного недовольства и могущественным рупором, через который глухое и бесформенное чувство недовольства и раздражения возвращалось народу в виде политически осознанных, определенно отчеканенных политических формул»*. И хотя эти «либеральные формулы» в общем и целом имели умеренный характер, тем не менее они способствовали созданию определенного оппозиционного настроения, прежде всего в тех слоях населения, которые в силу разных причин еще не были затронуты революционным движением. Социальные страты и политические партии преследовали различные цели и по-разному видели перспективу дальнейшего развития страны. Но на определенном, хотя и весьма коротком историческом отрезке времени их усилия слились воедино, обеспечив победу Февральской революции.

* * *

Таким образом, период мировой войны стал завершающим этапом в процессе формирования не только отдельных структурных элементов либеральной идеологии, но и либеральной концепции общественного развития России в целом. Условия войны с особой остротой выявили наличие глубоких противоречий, с одной стороны, между теоретическим осознанием либеральными идеологами и политиками связи войны с революцией, а с другой – их неприятием насильственного переворота в стране. В своей повседневной практической деятельности представители либеральных партий немалые усилия предпринимали к тому, чтобы предотвратить назревание в стране массовых революционных выступлений. Во имя этого они сознательно шли на постоянные компромиссы с властью, рассчитывая, вплоть до последнего момента ее существования, на хотя бы минимальные уступки с ее стороны. Только под непосредственным влиянием Февральской революции либералы вынуждены были изменить свой прежний политический курс.

* Милюков П. Н. Россия на переломе. Т. 1. Париж, 1927. С. 11.

Глава 3. СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ

(С. В. Тютюкин)

Панорама политических партий России в годы мировой войны была бы неполной без обзора деятельности трех главных, наиболее сильных революционных союзов – большевиков, меньшевиков и эсеров, хотя кроме них в те же годы существовал и ряд более мелких национальных объединений (Социал-демократия Польши и Литвы, Всеобщий еврейский рабочий союз Бунд, Украинская рабочая социал-демократическая партия и др.).

Особенно опасными для царизма в годы войны были социал-демократы – две родственные, большевистская и меньшевистская*, марксистские рабочие партии под общим названием Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП). При этом большевики мало чем отличались по социальному составу (демократическая интеллигенция и рабочие) и приверженности к марксизму от меньшевиков, но их революционная тактика носила гораздо более радикальный характер, а ее ближайшие демократические задачи не были отделены «китайской стеной», как у меньшевиков, от задач более фундаментальных – социалистических. Большевиков отличала также и более жесткая, в том числе и идеологическая, дисциплина. Что касается более «мягких» марксистов – меньшевиков, то они тяготели к более европеизированному типу социал-демократической работы и использованию крайне многочисленных в условиях России легальных общественных организаций. Наконец, неонародническая Партия социалистов-революционеров (ПСР, эсеры) имела близкий к РСДРП социальный состав, пережила до войны позор пресловутой «азефовщины», прошла через период широкого применения индивидуального террора и экспроприаций и с трудом находила свой новый, более цивилизованный облик. При этом правые эсеры сближались в годы войны с меньшевиками-«оборонцами», а левые – с большевиками, союз с которыми сохранялся и в 1917 – первой половине 1918 г.

* Названия «большевики» и «меньшевики» носили чисто случайный характер, связанный с итогами голосования при выборах руководящих органов РСДРП (1903 г.), и не отражали количественного соотношения членов тех и других. Обе партии существовали сначала под общим названием РСДРП и часто имели общие организации, особенно на периферии, и лишь в 1917 г. окончательно раскололись.

Все три названные революционные партии были членами II Интернационала (ПСР с 1904 г.). Различия между «правыми» и «левыми» коренились у них не столько в социо-культурном облике их членов, сколько в факторах психологического и национального характера. В многонациональной России и в РСДРП, и в ПСР были люди самых разных национальностей, причем среди большевиков и эсеров явно преобладали русские, а среди меньшевиков было много евреев и грузин. Во всех указанных партиях преобладала демократическая интеллигенция и в гораздо меньшей степени рабочие (причем не так называемая «рабочая аристократия», а их средние слои) и до 1917 г. особенно крестьяне. Сколько-нибудь надежных статистических данных о численном составе РСДРП и ПСР в дореволюционный период не существует.

В годы войны во всех этих трех партиях сильно выросла роль эмигрантской периферии, где в более благоприятных условиях западноевропейской или частично американской демократии в основном и жили их лидеры и теоретики. Но это сильно затрудняло их связь с родиной и возможность оказывать руководящее влияние на всю массу оставшихся там однопартийцев. Почти полностью заморожена была царскими властями и легальная деятельность РСДРП и эсеров в самой России. Исключение составляла только работа в IV Государственной думе у меньшевиков, так как депутаты-большевики в ноябре 1914 г. были арестованы, а эсеры еще после 1907 г. Думу, как известно, бойкотировали. Кроме того, «оборонцы» из числа меньшевиков и правых эсеров использовали возможность работать в военно-промышленных комитетах (ВПК) в составе их «рабочих групп», частично используя последние и для пропаганды подготовки к новой революции.

Все российские революционеры были убежденными противниками царизма и сторонниками демократии и социализма. К 1914 г. они уже имели также и серьезные антивоенные традиции. Так, «отец русского марксизма» Г. В. Плеханов еще в 1904 г. (тогда он поддерживал меньшевиков) горячо осуждал русско-японскую войну и даже считал, что поражение царизма и его войск в ней было бы «меньшим злом», чем их победа*. А на Амстердамском конгрессе II Интернационала в том же году он демонстративно обменялся рукопожатием с японским социалистом Сэн Катаямой, показывая этим, что социалисты двух воюющих стран остаются единомышленниками и товарищами. В августе 1907 г. на следующем, Штутгартском, конгрессе было принято важное дополнение В. И. Ленина, Р. Люксембург и Ю. О. Мартова к резолюции А. Бебеля. Согласно ему в случае возникновения войны социалисты были обязаны приложить все усилия к тому, чтобы скорее ее прекратить и стремиться использовать вызванный ею кризис, чтобы пробудить политическое сознание пролетариата и ускорить «крушение класса капиталистов». Антимилитаристский курс II Интернационала был подтвержден и на Копенгагском и Базельском конгрессах II Интернационала в 1910 и 1912 гг. В то же время было отвергну-

* См.: Плеханов Г. В. Соч. Т. XIII. М.; Л., 1926. С. 99–100.

то, как совершенно нереальное и авантюристическое, предложение некоторых западных социалистов (француз Г. Эрве и др.) ответить уже на объявление любой войны стачкой и восстанием. Однако к реализации на практике антивоенных рекомендаций II Интернационала сумели реально подойти в 1914 г. только большевики и часть меньшевиков и левых эсеров в России, тогда как сам он в годы войны буквально развалился под напором национализма и соглашательства большинства европейских социалистов со своими правительствами и буржуазией.

Как же определяли характер и цели начавшейся мировой войны и пути выхода из нее лидеры и идеологи большевиков, меньшевиков и эсеров и что эти партии сделали для реализации своих антивоенных программ?

1. Большевики

Переход от мира к войне всегда бывает непростым, но в июле 1914 г. он оказался для наиболее последовательных российских революционеров-большевиков особенно тяжелым. Закрытие властями 8 июля их главной газеты «Правда»; резкая смена июльских стачек даже с отдельными баррикадами в столице империи настоящим патриотическим подъемом, захватившим и часть рабочих; неожиданный и оставшийся тогда без объяснения отъезд за границу в мае руководителя думской фракции большевиков Р. Малиновского и новые затруднения с организацией связи сторонников Ленина со своим находившимся в эмиграции вождем – все это затрудняло переориентацию большевиков на работу в экстремальных военных условиях, чего в России не видели со времен войны с Японией 1904–1905 гг. Сильный психологический шок у большевиков, как и у других членов РСДРП, вызвало сообщение о голосовании германских социал-демократов в рейхстаге за военные кредиты, означавшее резкий поворот этой эталонной партии II Интернационала от интернационализма к национал-шовинизму, что многие расценили тогда чуть ли не как откровенную идеологическую подлость.

На 26 июля правительство назначило и чрезвычайную однодневную сессию IV Государственной думы, во время которой ожидалось выступление лидеров ее важнейших партийных фракций с изложением их принципиальных позиций в вопросе о войне. Это касалось и большевиков, которые с конца октября 1913 г. выступали в царском парламенте уже отдельно от меньшевиков. Вся пятёрка большевистских депутатов решительно осуждала уход Малиновского, а точнее его паническое бегство из Думы за рубеж, и тяжело переживала, тем более что в РСДРП уже стали распространяться не ясные пока слухи о связи этого нового любимца Ленина с полицией. Внешне очень видный 33-летний поляк Малиновский был уроженцем Варшавской губернии, но грамотно говорил и писал по-русски. У него была специальность токаря, причем он даже активно работал и в столичном профсоюзе металлистов. В 1912 г. Малиновский попал на Пражскую конференцию большевиков, произвел хорошее впечатление на

Ленина и был – факт беспрецедентный – избран в состав ЦК РСДРП. Никто тогда не знал, что с 1910 г. он уже стал платным агентом полиции. Однако опасаясь его разоблачения и крупного политического скандала в Думе (ее депутатом Малиновский был избран от рабочих в конце 1912 г.), руководство МВД потребовало в мае 1914 г., чтобы он немедленно и без всяких объяснений уехал за границу. Большевики, включая находившегося тогда в эмиграции Ленина, не смогли раскрыть на оперативно проведенном ими партийном расследовании грязную игру Малиновского. Ее факт был бесспорно установлен уже только после Февральской революции 1917 г. Будучи мобилизован с началом войны в царскую армию и попав в германский плен, Малиновский вернулся оттуда в ставшую уже советской Россию только в конце 1918 г. и был сразу же расстрелян в Москве по приговору суда*.

Вся оставшаяся пятерка большевистских депутатов IV Думы, возглавляемая теперь Г. И. Петровским, работавшим прежде слесарем на ряде украинских заводов, также состояла еще из одних рабочих: столичного слесаря А. Е. Бадаева, тоже слесаря харьковчанина М. К. Муранова, рабочего текстильной фабрики из Иваново-Вознесенска Ф. Н. Самойлова и ткача из Костромской губ. Р. Н. Шагова. Все они были в возрасте от 31 года до 36 лет и имели только начальное образование. При этом Самойлов и Шагов были еще и тяжело больны. После долгих колебаний Петровский и его товарищи, попробовав срочно связаться с петербургскими большевиками-интеллигентами, решили в конце концов выступить совместно с меньшевиками, чего раньше в IV Думе с конца 1913 г. уже не бывало. Вероятно, сказалось на этом решении и отсутствие в тот момент в столице члена ЦК большевиков Л. Б. Каменева, которому Ленин поручил руководить газетой «Правда» и думской фракцией большевиков.

Как пишет в своих воспоминаниях Бадаев, большевики участвовали в подготовке текста думской декларации РСДРП и спорили по некоторым вопросам с меньшевиками**, но следов этих споров не сохранилось, и ведущая роль принадлежала здесь все же последним. По предложению трудовика А. Ф. Керенского обсуждался и вопрос о еще одном варианте участия думских левых в заседании 26 июля: речь шла о подготовке совместной декларации сразу трех фракций, включая РСДРП и Трудовую группу, но Керенский заранее предупредил, что он будет выступать и как «оборонец», и как противник царизма, но социал-демократы на такую комбинацию не пошли. В итоге 26 июля, когда по замыслу верховной власти и председателя Думы М. В. Родзянко в российском парламенте должен был состояться настоящий патриотически-

* Подробнее см.: *Розенталь И. С.* Провокатор Роман Малиновский: судьба и время. М., 1996.

** См.: *Бадаев А. Е.* Большевики в Государственной думе. Воспоминания. 8-е изд. М., 1954. С. 345.

верноподданнический торжественный спектакль, слово от РСДРП получил рабочий-меньшевик из Уфы В. И. Хаустов.

О самой совместной декларации большевиков и меньшевиков будет подробнее сказано ниже. Здесь же отметим, что даже с учетом осторожности социал-демократов в обстановке царивших 26 июля в Думе патриотически-государственных настроений и жесткой правки Родзянко стенограммы речи Хаустова перед ее публикацией в печати декларация РСДРП выглядела все же как явный протест против войны и не оставляла сомнений в ее анти-милитаристской направленности и враждебности власти.

В программе думского заседания 26 июля было еще и голосование депутатов по вопросу о предоставлении Совету министров права сокращать текущие бюджетные расходы с целью экономии таким путем средств для финансирования военных расходов (это голосование чаще всего именуется в литературе «голосованием за военные кредиты»). Обе фракции РСДРП в полном составе демонстративно покинули перед этим зал заседаний, что, безусловно, произвело впечатление на остальных депутатов и представителей царской власти. Подобной же тактики уже после ареста депутатов-большевиков в ноябре 1914 г. меньшевики придерживались и в 1915–1916 гг. при обсуждении в Думе аналогичных вопросов.

Следующую возможность выразить свое отношение к войне большевистские депутаты использовали в августе–октябре 1914 г. при подготовке ответа на телеграмму председателя Международного социалистического бюро II Интернационала социалиста, а с началом войны и королевского министра Бельгии Э. Вандервельде. Он адресовал ее обеим думским фракциям РСДРП и предлагал им строить свою тактику в период войны с учетом интересов европейской демократии, вынужденной, как выразился Вандервельде, опираться в борьбе с Германией и Австро-Венгрией на военную помощь России.

В последних числах сентября на территории Финляндии, где жил тогда Каменев, текст ответа Вандервельде был всесторонне обсужден, принят и отредактирован. В нем подчеркивалось, что «русский пролетариат не может ни при каких условиях идти рука об руку с нашим правительством, не может заключать с ним никаких, хотя бы и временных, перемирий, не может оказывать ему никакой поддержки... Напротив, мы считаем своей неотложной задачей вести с ним непримиримую борьбу». Бедствиям же войны, говорилось далее, большевики будут противодействовать путем развития классовых организаций пролетариата и широких слоев демократии и использования военного кризиса для «прояснения народного сознания», облегчающего скорейшее осуществление народными массами задач 1905 г. Это сослужит службу и русскому рабочему классу, и всемирной демократии, и Интернационалу.

Ответ большевиков Вандервельде обсуждался и партийной интеллигенцией, находившейся тогда в Петрограде, а также рабочими ряда столичных заводов и большевиками из других городов страны. Затем он был переправлен за границу Ленину и опубликован 1 ноября 1914 г. в большевистской загранич-

ной газете «Социал-демократ», где печатались тогда важнейшие большевистские партийные документы.

Нельзя сбрасывать со счетов и около 70 антивоенных листовок, выпущенных только за первые три месяца войны большевистскими организациями Петрограда, Москвы, Киева, Самары, Уфы, Риги и других городов России. Конечно, это была не совсем равноценная замена антивоенным митингам, демонстрациям и регулярно выходящим большевистским газетам, запрещенным теперь властями, но голос большевиков все-таки звучал даже в то трудное время. На примере августовской листовки Петербургского комитета большевиков можно видеть, к чему помимо осуждения начавшейся войны призывали они народ: «Долой самодержавную монархию! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует Учредительное собрание! Да здравствует равноправие национальностей! Амнистию всем мученикам свободы! Да здравствует РСДРП!» При этом листовка звала «не растрачивать силы в партизанских и частичных действиях, а спокойно и обдуманно укреплять их и запастись оружием для окончательного расчета с самодержавным режимом»^{*}.

Однако члены большевистской партии с нетерпением ждали, какую оценку даст войне их лидер, как сформулирует он конкретные задачи и антивоенные лозунги своей партии, к чему призовет ее членов? Вплотную взяться за это важное дело Ленин, проживавший к моменту начала войны на польской территории Австро-Венгерской империи в местечке Поронин, смог только после выхода из тюрьмы, где он находился с 26 июля по 6 августа 1914 г. Предлог для ареста был поистине смехотворен: в Ленине неожиданно признали русского шпиона, так как в его рукописях полиция приняла статистические выкладки за шифрограммы. Освободили Ленина лишь под поручительство двух депутатов австрийского парламента, и он через Вену выехал в Швейцарию. Поэтому ему понадобилось время, чтобы обдумать, написать и обсудить с товарищами-эмигрантами сначала свои краткие тезисы о войне, затем переработать их в Манифест «Война и российская социал-демократия» и наконец опубликовать его в газете «Социал-демократ».

Манифест был написан в очень сильных, подчеркнуто резких и решительных выражениях, и главной его мыслью была уверенность Ленина в том, что война приблизит новую революцию в России. Он возлагал ответственность за развязывание войны на всех ее участников, включая и Россию, и подчеркивал, что, кто бы ни начал этот чудовищный конфликт, он носит несправедливый с обеих сторон, захватнический характер, и в основе его лежит борьба за чужие территории и колонии, рынки сбыта и сферы влияния. Из Манифеста было совершенно очевидно, что пролетариату подобная война глубоко органически чужда, причем ее окончание Ленин, заглядывая в будущее, прямо связывал с демократическими и социалистическими революциями в ряде воюющих

^{*} См.: *Бадаев А. Е.* Указ. соч. С. 350–352.

стран, включая и Россию, считая их, бесспорно, назревшими и, по его убеждению, совершенно необходимыми в интересах всего человечества.

Не придавая большого значения вопросу о непосредственных виновниках нового военного конфликта – Германии и Австро-Венгрии, Ленин как бы уравнивал меру ответственности всех великих держав за развязанную ими войну, но все же предлагал российским социалистам особо выделить крайне неприглядную, по сравнению с более развитыми воюющими странами, роль России с ее «диким» царизмом – этой «самой реакционной и варварской монархией Европы», которая «душит Украину, Польшу и т. д.» И здесь он вплотную подходит к одному из центральных тезисов Манифеста и прямо заявляет: «При данном положении нельзя определить, с точки зрения международного пролетариата, поражение которой из двух групп воюющих наций было бы наименьшим злом для социализма. Но для нас, русских с.-д., не может подлежать сомнению, что, с точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России, наименьшим злом было бы поражение царской монархии... угнетающей наибольшее количество наций и наибольшую массу населения Европы и Азии»*.

В своей антивоенной платформе Ленин не мог не коснуться и реальных задач революционного движения в России, которое, по его мнению, должно было продолжаться и со временем даже нарастать, несмотря на войну. Для большевиков аксиомой было тогда, что на родине им предстоит прежде всего закончить буржуазно-демократическую революцию, оставшуюся незавершенной после первого штурма царизма в 1905–1907 гг., провозгласить в России вместо монархии демократическую республику при полном равноправии и соблюдении права всех наций на самоопределение, а в социально-экономической сфере провести в первую очередь конфискацию всех помещичьих земель и ввести 8-часовой рабочий день. В развитых же странах Западной Европы и США речь могла идти уже прямо о революциях социалистических. Кроме того, необходимо было вместо обанкротившегося с началом войны II Интернационала, где на место пролетарского интернационализма и призыва к революции пришли национализм и оппортунизм, создать новый, социалистический по своему духу III Интернационал.

Откликнулся в Манифесте Ленин и на имевшую к 1914 г. почти вековую традицию идею европейской интеграции, вылившуюся еще до мировой войны во II Интернационале в проект создания республиканских Соединенных Штатов Европы. Лидер большевиков включал в грядущие США и Россию, но летом 1915 г. этот лозунг после тщательной проработки и учета различных мнений, высказывавшихся, в частности, и на февральской того же года Бернской конференции заграничных секций большевиков, Лениным был снят, так как явно опережал время и касался ситуации, которая возникла бы

* Ленин В. И. ПСС. Т. 26. С. 21.

уже после победы социалистической революции, возможной, по Ленину, сначала в немногих и даже в одной, отдельно взятой стране*.

Подводя итог изложению взглядов Ленина на начавшуюся летом 1914 г. войну, нужно сказать, что сейчас находится все меньше историков, готовых с позиций современности безоговорочно поддерживать все ленинские оценки и лозунги 1914 г. Они предпочитают более дифференцированный подход к определению степени виновности в случившемся тогда и к оценке поведения отдельных ее участников, прежде всего Германии и России, во время этого мирового конфликта. С учетом всей последующей истории России историки вновь и вновь стараются проанализировать, каким образом мировая война стала могильщиком почти 200-летней Российской империи, как последняя упустила победу, на которую вроде бы имела к концу 1917 г. право наравне с другими странами Антанты, оказавшись вдруг среди побежденных и униженных. Не нравится кому-то и более чем прохладное отношение Ленина к давно ставшему уже неотъемлемой принадлежностью нашего времени лозунгу мира, и его непримиримость к лидерам II Интернационала, которые не кажутся ныне изменниками делу пролетарского интернационализма, а представляются скорее лишь обычными политиками-прагматиками.

Между тем в жизни большевистской партии поздней осенью 1914 г. назревали серьезные события, знаменовавшие собой крайнее усиление ее конфронтации с царской администрацией и российскими политиками всех мастей от ультраправых до либеральных, буквально взбешенных отношением Ленина к так называемому «пораженчеству». 4 ноября 1914 г. в Озерках под Петроградом по наводке провокаторов полицией были арестованы большинство участников тайного партийного совещания, в котором принимали участие представители большевистских организаций Петрограда, Харькова, Иваново-Вознесенска и Риги, пятерка большевистских депутатов Думы и Л. Б. Каменев. Правда, сами депутаты, пользовавшиеся правом депутатской неприкосновенности, были сначала отпущены полицией, но на следующий же день все-таки тоже арестованы, несмотря на их обращения за помощью к председателю Думы М. В. Родзянко и руководителю думских меньшевиков Н. С. Чхеидзе.

Еще до полицейского налета на Озерки депутаты успели обсудить с Каменевым ленинские антивоенные документы, причем Каменев предложил (а Петровский и его товарищи с ним согласились) новую, гораздо более осторожную и «замаскированную» формулировку пункта о «пораженчестве»: «Особенно опасно усиление победоносной царской монархии», что не давало, впрочем, полной уверенности в их относительной безопасности в случае ареста. Возможность же передачи дела депутатов военному суду с правом вынесения им смертных приговоров за государственную измену, которой считалось и «пораженчество», до предела взвинтила обстановку перед началом про-

* Там же. С. 353.

цесса. Правда, сами же высшие военные круги России посоветовали царским властям ограничиться обычным гражданским судом без права вынесения им смертных приговоров, что и было сделано, но это не афишировалось, так что настроение у депутатов и других подсудимых было крайне тревожным.

Открывшийся 10 февраля 1915 г. судебный процесс проходил при участии экс-премьера России С. Ю. Витте, кадетов П. Н. Милюкова и Ф. И. Родичева и целой группы именитых адвокатов, включая депутата Думы А. Ф. Керенского, и, бесспорно, привлек к себе внимание всех политических партий. Каменев вел себя на суде особенно трусливо, тщетно добиваясь вызова в качестве свидетеля «плекхановца» Н. И. Иорданского – автора статьи в легальной печати под знаменательным названием «Да будет победа!», чтобы тот мог подтвердить их солидарность в данном вопросе*. Руководитель большевистской думской фракции Петровский тоже фактически отрекся от Ленина, заявив, что он и его товарищи стоят на позиции, озвученной 26 июля 1914 г. в Думе в декларации РСДРП, где, естественно, не было ни слова о «пораженчестве». Об этом же говорил в своей речи в пользу обвиняемых и Керенский. В итоге депутатов и Каменева судили уже не за измену, а за принадлежность к РСДРП как «преступному сообществу», приговорив их к бессрочной ссылке в Сибирь. Приговор остальным подсудимым был гораздо мягче. Большевикам Петрограда не удалось тогда поднять рабочих на проведение хотя бы однодневной забастовки и митингов протеста в защиту депутатов, что было обусловлено резким спадом рабочего движения после начала войны.

Одновременно процесс над депутатами показал, что большевикам нужно еще раз – и на этот раз лучше коллективно – обсудить ленинское положение о поражении царизма как меньшем для России зле в ходе начавшейся большой европейской войны. Становилось ясно, что не только крестьянство, средние городские слои и демократическая интеллигенция, но и рабочие не готовы согласиться с поражением России (а значит, победой Германии и ее союзников) ради ускорения прихода новой демократической революции. Ведь даже кратковременные поражения России были чреваты целыми потоками беженцев из оккупированных врагом западных районов страны и реальной угрозой лишения миллионов россиян даже самых мизерных правовых, житейских и культурных благ, отпущенных им по существующим царским законам, с чем мириться они явно не хотели. Кроме того, социалисты ни одной другой воюющей страны, кроме русских большевиков, не хотели последовать их примеру и выдвинуть аналогичный «пораженческий» лозунг для себя и трудящихся своих национальных отечеств.

* Характерно, что и после суда, уже в Сибири, Каменев пытался всю ответственность за случившееся взвалить на депутатов, проявивших «нестойкость» во время следствия и суда [см.: *Шерстяников Н. А. История меньшевистской фракции РСДРП (1903 – февраль 1917 г.).* М., 2003. С. 178–179].

Не мог не знать Ленин и о некоторых фактах критики его тезиса о «пораженчестве» товарищами по партии. Так, один из крупнейших партийных работников среди большевиков-эмигрантов М. М. Литвинов писал из Лондона: «В чем мы все тут не согласны с “Социал-демократом”, это в вопросе о пораженчестве. Впрочем, никто из большевиков, приезжавших сюда из России и Швейцарии, не солидаризировался с позицией Центрального органа (газеты «Социал-демократ. – Ред.). Не то, чтобы мы не соглашались с мыслью, лежащей в основе этого лозунга, но формулировка его крайне неудачна...»^{*} В большевистских листовках, выпускавшихся нелегально в России, лозунг «пораженчество» практически не встречался. Да и сам лидер большевиков в известной статье «О национальной гордости великороссов» вынужден был уже в ноябре 1914 г. разъяснять, что ни о каком отрицании большевиками и сознательными рабочими любви к родине и чувства национальной гордости за ее революционные традиции не может быть и речи^{**}.

После процесса депутатов Ленин созвал в швейцарском Берне 14–19 февраля 1915 г. конференцию шести заграничных секций большевиков-эмигрантов^{***}, принявшую по его предложению специальную резолюцию «Поражение царской монархии»^{****}, где он постарался в первую очередь несколько смягчить свои первоначальные резкие формулировки и как бы «интернационализировать» данный тезис, выбив почву под ногами у тех, кто считал «пораженчество» чуть ли не синонимом сочувствия большевиков германской победе и находил в нем почву для обвинений их в измене России.

В резолюции Бернской конференции данный тезис из Манифеста о войне звучал уже так: «В каждой стране борьба со своим правительством, ведущим империалистическую войну, не должна останавливаться перед возможностью в результате революционной агитации поражения этой страны. Поражение правительственной армии ослабляет данное правительство... и облегчает гражданскую войну против правящих классов». Однако далее Ленин особо подчеркнул, что применительно к России такое поражение, облегчающее начало гражданской войны против правящих классов, «при всех условиях представляется наименьшим злом»^{*****}. Таким образом, он уже прямо указал здесь, что тактика «пораженчества» относится, во-первых, лишь к сфере ведения революционной агитации; во-вторых, применима не только к России, но и к социалистам всех воюющих стран; в-третьих, она лишь «не должна оста-

^{*} Цит. по кн.: Тютюкин С. В. Война, мир, революция. М., 1972. С. 147.

^{**} См.: Ленин В. И. ПСС. Т. 26. С. 106–107.

^{***} Они существовали в Париже, Цюрихе, Берне, Лозанне, Женеве и Лондоне, а в местечке Божы была маленькая группа вокруг молодого большевика-эмигранта москвича Н. И. Бухарина.

^{****} См.: Ленин В. И. ПСС. Т. 26. С. 106–107.

^{*****} Там же. С. 168.

навливаться» (а не является неким партийным законом) перед возможностью поражения правительств этих *стран*; наконец, в-четвертых, Ленин впервые признал, что речь идет о поражении не только *правительств* (в том числе и царизма), но и целых воюющих *стран*, о чем раньше у него не говорилось. Ведь русские солдаты, например, на фронте защищали не столько царизм, сколько родную землю и ее жителей, а также не в последнюю очередь и собственную жизнь.

Важную роль играла при этом и одновременно принятая на Бернской конференции резолюция «Лозунги революционной социал-демократии», где намечались первые шаги на пути к превращению войны в революцию, ускорить которую должна была тактика «пораженчества»: создание нелегальных организаций там, где вводится военное положение и отменяются конституционные свободы; поддержка братания солдат сражающихся армий; поддержка «всякого рода революционных массовых выступлений пролетариата вообще»^{*}. Что касается пункта об отказе от вотиrowания военных кредитов в парламенте и выхода из буржуазных министерств, то в связи со ссылкой большевистских депутатов в Сибирь к большевикам он уже не относился. Об уклонении от мобилизации и дезертирстве из армии, диверсиях, саботаже, покушениях на должностных лиц и антиправительственном терроре в резолюции, естественно, речи идти даже не могло, поскольку любые проявления анархизма в ней отвергались.

В дальнейшем вопрос о «пораженчестве» постепенно начал терять со второй половины 1915 г. остроту, когда война приняла затяжной, позиционный характер и на первый план для масс стало выходить уже снижение уровня их жизни. Характерно, что в феврале 1916 г. ленинский «Социал-демократ» прямо писал, что по существу не обязательно включать в большевистские резолюции пункт о «пораженчестве»: «И в русско-японскую войну все революционные с.-д. России были “пораженцами”, но это не значит, чтобы они говорили об этом во всех листовках и всех резолюциях»^{**}. Патриотические настроения масс первых месяцев войны начали уступать место безразличию к победам русской армии и даже желанию поражения.

Характерно, что меньшевики и эсеры лозунг «поражения» России в годы войны не выдвигали, а Л. Д. Троцкий даже предложил как антитезу ленинскому «пораженчеству» собственный оригинальный лозунг – «Ни побед, ни поражений», подчеркивая этим, что планы революционеров отнюдь не зависят целиком от ситуации на фронтах, а играть в своей агитации на любви народа к Родине, ее языку и культуре – дело для политиков неблагоприятное. В итоге после Бернской конференции 1915 г. Ленин не затрагивал больше в своих работах вопрос о «пораженчестве», ибо оно явно работало не *за* большевиков, а *против* них и грозило еще более снизить и без того невысокую попу-

^{*} Ленин В. И. ПСС. Т. 26. С. 164.

^{**} Социал-демократ. 1916. 18 февраля.

лярность членов ленинской партии в народных массах. И если в начале марта 1915 г. Ленин в одном из писем еще писал о поведении депутатов на процессе: «Они вели себя *плохо*»*, то в дальнейшем он уже никогда не напоминал ни им, ни Каменеву об этом эпизоде.

Весьма непросто было положение большевиков в самой России, где им приходилось оперативно принимать решения по ряду сложных практических вопросов, оказавшихся на повестке дня после отступления русской армии из западных районов империи на восток. Одним из них был вопрос об участии рабочих в военно-промышленных комитетах (ВПК). Как известно, при комитетах планировалось создать «рабочие группы», которые должны были помогать улаживать трудовые конфликты на оборонных предприятиях и повышать их производительность. Эту новую для России кампанию особенно поддерживали представители европеизированной и более современно мыслящей «молодой» российской буржуазии (А. И. Гучков, П. П. Рябушинский, А. И. Коновалов, М. И. Терещенко и др.), выступавшие за «союз капитала и труда», превращение рабочих в настоящих «граждан» и их социальное партнерство с предпринимателями.

Поскольку новую кампанию предполагалось начать с открытых выборов сразу двух «рабочих групп» в столице (в Центральном и Петроградском областном ВПК), МВД тоже решило несколько изменить свою привычную, откровенно антирабочую тактику и разрешить проведение выборов в столице более демократическим, чем обычно, путем: сначала избрать на отдельных предприятиях, где были заняты не менее 500 рабочих, уполномоченных от них, а на втором этапе 27 сентября 1915 г. на общегородском собрании последних выбрать сами «рабочие группы», отказавшись вдобавок от массовых превентивных арестов неугодных рабочих кандидатов. Что касается революционных партий, то их тактика в сложившейся ситуации была вполне предсказуема: «оборонцы» из числа правых меньшевиков, правых эсеров и части беспартийных готовы были положительно откликнуться на призывы властей и буржуазии, но при этом несколько поторговаться за определенную политическую «компенсацию» своего соглашения с ними. Большевики же, левые меньшевики и левые эсеры, а также другая часть беспартийных с самого начала стояли за полный бойкот ВПК, рассчитывая при этом в ходе выборов довести свои взгляды на войну и на политику правительства до сознания широких рабочих масс.

Большевики и их столичное руководство – Петербургский (ПК, его принципиально не переименовывали в Петроградский) комитет РСДРП исходили из того, что пролетариат никак не заинтересован в происходящей войне, не доверяет ни правительству, ни буржуазии и целиком отвергает внутреннюю и внешнюю политику царизма. К самому концу августа была выработана и конкретная тактика большевистского ПК РСДРП, хотя в ней чувствовалось

* См.: Ленин В. И. ПСС. Т. 49. С. 68.

явное забегание вперед в оценке общей сложившейся в России ситуации как якобы уже революционной (чего на деле не было), а также в рекомендации рабочим массам некоторых действий ультрарадикального характера (всеобщая забастовка, захват фабрик, заводов, госучреждений и железных дорог, создание Советов рабочих депутатов, Временного революционного правительства и созыв Учредительного собрания). Автором подобного плана был член ПК С. Я. Багдатыев*, но тут в дело вмешались другие его товарищи, так что наиболее нелепо выглядевшие осенью 1915 г. «ультрареволюционные» пункты указанной программы 27 сентября из нее уже исчезли. Сама же бойкотистская тактика большевиков по отношению к «рабочим группам» ВПК Лениным в целом была поддержана**.

В меньшевистском лагере мнения о возможности участия рабочих в ВПК разделились: интернационалисты-мартовцы были против этого, «оборонцы» плехановского и более умеренного потресовского типа выступали «за», а думская фракция Чхеидзе, прямо не советуя рабочим участвовать в этой кампании, рассчитывала все же использовать ее в агитационных целях и превратить «рабочие группы» в определенное легальное прикрытие для РСДРП.

На ряде крупных заводов столицы, и прежде всего на Путиловском, большевики сумели провести в состав уполномоченных своих кандидатов. Но были в столице и такие явные «оборонцы», которые уже на первой стадии выборов продемонстрировали, с одной стороны, свои вновь ожившие к осени 1915 г. патриотические настроения, а с другой – стремление способствовать через ВПК организации и политическому просвещению еще недостаточно развитых и организованных рабочих масс. Буквально накануне общего собрания 27 сентября меньшевики и эсеры-«оборонцы» тоже выработали общую совместную декларацию, где говорилось, что рабочим нужно спасти Россию от военного разгрома и гибели, передав для этого власть в руки самого народа. При этом ради успеха предвыборной агитации они, как и большевики, охотно акцентировали внимание рабочих на своем якобы политическом радикализме, требуя демократических свобод, созыва Учредительного собрания, 8-часового рабочего дня, земли для крестьян и права всех наций на самоопределение.

Собрание 27 сентября продолжалось более 12 часов, проходило довольно неорганизованно (ряд выборщиков досрочно ушли по домам) и закончилось при голосовании итогового документа победой большевиков, левых эсеров и части беспартийных над сторонниками участия в ВПК с результатом 90:81***. Большевистский итоговый документ, принятый большинством выборщиков 27 сентября, по-ленински отвергал деление участников мировой войны на агрессоров и их жертв, поскольку все они несут свою долю ответственности

* См.: Исторический архив. 1961. № 5. С. 87.

** См.: Ленин В. И. ПСС. Т. 27. С. 48.

*** См.: Шляпников А. Г. Канун семнадцатого года. М., 1992. С. 115.

за это преступление господствующих классов перед своими народами, причем главный враг каждого народа, как считал Ленин, находится в его собственной стране. В России это царизм, крепостники-помещики и империалистическая буржуазия, и долг русского народа – бороться с этим врагом. Диктовать же условия мира пролетариат сможет лишь в том случае, если власть будет уже в его руках. Поэтому лозунг «Долой войну!» должен быть дополнен лозунгом «Да здравствует социальная революция!», хотя в России нужно прежде еще добиться установления демократической республики. Но об участии рабочих в ВПК даже речи быть не может*.

Однако меньшевики добились признания результатов собрания 27 сентября недействительными, поскольку среди «выборщиков» оказались двое «посторонних» (два рабочих с Путиловского завода передали свои права членам большевистского ПК Багдатьяну и В. Н. Залежскому). Поэтому через месяц состоялось повторное общегородское собрание, принесшее на этот раз успех меньшевикам, так как большевики демонстративно покинули его, заклеив своих соперников кличкой изменников рабочему делу. Большевикам и левым эсерам удалось также сорвать затем выборы «рабочих групп» в ряде крупных городов страны – Харькове, Нижнем Новгороде, Саратове, Баку, Тифлисе, Твери, Екатеринославе, еще раз продемонстрировав свои антивоенные и антибуржуазные убеждения.

Однако даже в масштабах Петрограда, не говоря уже о России в целом, большинство рабочих шло тогда не за сторонниками Ленина, а за «оборонцами» из числа меньшевиков и эсеров. Уже в 1915 г. рабочее движение в России начало оправляться от спада второй половины 1914 г., а 1916 г. принес новый подъем стачечной активности, затем ознаменовался началом крупных выступлений в Средней Азии и Казахстане и октябрьским взрывом протестного движения рабочих, особенно в Петрограде. Продовольственные затруднения в стране, включая и столицу, все больше били по карману рабочих, небольшой рост зарплаты которых во время войны сильно отставал от роста цен.

Все активнее становилась и деятельность партии большевиков, хотя в самой России им очень не хватало опытных революционных кадров. Что касается Ленина, то он использовал вынужденное пребывание в эмиграции для систематической научной работы в области экономической теории и философии, продолжая, прежде всего, непрерывно заниматься и текущей политикой. Много времени отдавал он также поддержанию связей с деятелями социалистического движения в странах Западной Европы: в сентябре 1915 г. Ленин вместе со своим постоянным спутником в эмиграции, членом ЦК большевиков Г. Е. Зиновьевым участвовал в Швейцарии в Циммервальдской конференции европейских социалистов-пацифистов, выступавших за скорейшее заключение мира без аннексий и контрибуций, но не торопившихся вслед за Лениным создавать новый, III Интернационал. В апреле 1916 г. Ленин несколько уси-

* Там же. С. 117–118.

лил свои позиции, но еще не смог возглавить работу участников следующей конференции циммервальдцев в Кинтале (Швейцария).

Большевикам очень не хватало в годы войны молодых политиков и теоретиков, журналистов и пропагандистов, но особенно партийных организаторов-практиков с ленинским стилем работы. Ведь рядом с Лениным давно уже не было отошедших по разным причинам от большевиков А. А. Богданова и Л. Б. Красина, находившихся в тюрьмах виртуоза-подпольщика Камо (С. А. Тер-Петросяна) и Ф. Э. Дзержинского, сосланного в Сибирь Я. М. Свердлову и др. Временной неудачей закончилась попытка Ленина ввести в эмиграции в круг своих ближайших соратников 27-летнего Н. И. Бухарина, специализировавшегося в области экономической теории, социологии и текущей политики, но проявлявшего излишнюю амбициозность, самоуверенность и строптивость, не давая «дозреть», по выражению Ленина, своим смелым и оригинальным мыслям. В 1916–1917 гг. он уже жил в США, где сблизился с тоже перебравшимся туда Троцким и вернулся в Россию только весной 1917 г.

Поэтому не приходится удивляться, что Ленин так высоко ценил уже ранее появившегося на его горизонте явно незаурядного молодого революционера А. Г. Шляпникова. Он вышел из старообрядческой семьи в г. Муроме (Владимирская губ.), с 11 лет работал по найму, а с 16 уже был связан с социал-демократами и не раз подвергался арестам. Из Шляпникова с годами вышел высококвалифицированный токарь, работавший в России, а в 1908–1916 гг. с перерывами и за границей (Франция, Англия, Германия, Скандинавские страны, США). С 1903 г. он связал свою судьбу с большевиками, а потом был за границей также членом Французской и Германской социал-демократии. С 1908 г. Шляпников был уже лично знаком за границей с Лениным и в мае 1914 г. послал ему из Петербурга, куда он только что вернулся из Европы, первое письмо о ситуации в столице. Когда в сентябре того же года петербургские большевики специально послали Шляпникова в Западную Европу для установления регулярной связи с Лениным, его переписка с вождем стала очень оживленной и регулярной, причем письма Шляпникова помогали лидеру большевиков лучше ориентироваться в российской ситуации. Переписывался он также с Н. К. Крупской и Г. Е. Зиновьевым.

В 1915 г. и ноябре 1916 г. Шляпников дважды восстанавливал Русское бюро ЦК большевиков, причем во второй раз туда кроме него до самой Февральской революции входили В. М. Молотов и П. А. Залуцкий. Между столицей и провинциальными промышленными центрами России были установлены регулярные партийные связи, главную роль в поддержании которых играл все тот же Шляпников, практически возглавлявший в конце 1916 – начале 1917 г. всю работу большевиков в России.

В феврале 1917 г. большевики еще не могли возглавить новую революцию в стране и отнюдь не были популярны в массах, но сохранили свою бескомпромиссность в борьбе с режимом и буржуазией, умение быть в гуще народных масс и пусть не сразу, но находить с ними общий язык.

2. Меньшевики

Летом 1914 г., незадолго до войны, меньшевики в лице их существовавшего с 1912 г. Организационного комитета, думской фракции Чхеидзе, особенно близкого к ним Бунда, а также трех «внефракционных», но явно небольшевистских групп – плехановского «Единства», троцкистской «Борьбы» и бывшего богдановского объединения «Вперед» при поддержке еще нескольких национальных партий из Прибалтики и Царства Польского (всего 11 подписантов этого письма) обратились в Международное социалистическое бюро (МСБ) II Интернационала с ходатайством оказать содействие в объединении с большевиками, как это имело место в 1906–1911 гг. Разумеется, меньшевистские лидеры не были настолько наивны, чтобы попытаться полностью «обуздать» Ленина, явно стремившегося, наоборот, к окончательному расколу РСДРП. Но они считали полезным поставить большевиков под определенный международный контроль, осуществляемый под популярным в Интернационале лозунгом единства в каждой стране всех ее социалистических сил, чтобы «растворить» большевиков во внешне единой марксистской всероссийской партии.

3–4 июля в Брюсселе состоялось представительное совещание с участием МСБ, меньшевиков, большевиков и ряда других организаций, на котором присутствовали, в частности, Г. В. Плеханов, Ю. О. Мартов, Л. Д. Троцкий, К. Каутский, Э. Вандервельде и К. Гюисманс. В итоге было решено отложить окончательный ответ Интернационала меньшевикам до очередного, августовского конгресса в Вене. Проведению этого форума помешала, однако, начавшаяся война, так что данный вопрос решался уже в самой России весной 1917 г., причем решен был отрицательно, по-ленински.

Известно, что Ленин был категорически против объединения, не меняя своей оценки меньшевиков как оппортунистов. Поэтому он и не поехал в Брюссель, направив туда в чисто информационных целях от большевиков И. Ф. Арманд. Можно даже не сомневаться в том, что Венский конгресс Интернационала, если бы он состоялся, принял бы решение об объединении всех российских социал-демократов, но Ленин расценил бы его как сугубо формальное и выполнять не стал. Правда, меньшевики торжественно обещали на словах в Брюсселе, что РСДРП останется в России партией тайной, участие социал-демократов в любых легальных организациях будет ею контролироваться, а никакие блоки с буржуазными партиями недопустимы. Это являлось молчаливым признанием несостоятельности пресловутого «ликвидаторства» и должно было как-то примирить Ленина с меньшевизмом. Было, однако, и еще одно условие объединения: меньшинство в объединенной партии должно было обязательно подчиняться большинству, что меньшевики, вероятно, хотели обязательно использовать в свою пользу*. Прельщала их и

* См.: Меньшевики: Документы и материалы. 1903 – февраль 1917 г. М., 1996. С. 348.

возможность пользования наравне с большевиками общей партийной кассой. Так или иначе, все подобные намерения остались в 1914 г. только на бумаге, что было, вероятно, лучше, чем сугубо формальное единство двух партий.

Первой официальной реакцией меньшевизма на начавшуюся войну была уже упоминавшаяся выше декларация РСДРП, обнародованная 26 июля 1914 г. в Государственной думе. Меньшевистская ее фракция состояла в 1912–1913 гг. из 7, в 1914 – из 6, а в 1915 – из 5 депутатов. Их руководителем стабильно был 50-летний грузин с высшим зарубежным негуманитарным образованием Н. С. Чхеидзе, а членами – 40-летний грузинский журналист из семьи священника с высшим образованием А. И. Чхенкели, 29-летний «купец» 2-й гильдии, совладелец мукомольного предприятия в Баку со средним образованием М. И. Скобелев (будущий министр труда Временного правительства в 1917 г.), молодой уфимский токарь с начальным образованием В. И. Хаустов и слесарь тоже с начальным образованием И. Н. Туляков из Донбасса. Не «прижились», как видим, во фракции «плехановец» токарь А. Ф. Бурьянов, объявивший себя в начале 1914 г. беспартийным, и конторщик И. Н. Маньков, исключенный в 1915 г. из меньшевистской партии как явный «оборонец». Наиболее активны на думских заседаниях и в комиссиях были Чхеидзе, Чхенкели, Скобелев и Туляков.

Декларация РСДРП от 26 июля не была, да по условиям времени и места своего оглашения и не могла быть ярким политическим документом, конкретных авторов (или автора) которых мы так и не знаем. Справедливости ради нужно сказать, что хотя сами меньшевики никогда этой декларацией особенно не кичились, в ней все же кратко было сказано немало верного: 1) начавшаяся война – страшное бедствие для народов всех стран мира; 2) рабочие России «по ряду обстоятельств» не смогли поддержать еще накануне войны антивоенный протест своих западноевропейских товарищей, но были солидарны с ними; 3) ответственность за войну, идущую лишь ради новых захватов, несут правящие круги всех воюющих стран; 4) пролетариат – постоянный защитник свободы и интересов трудящихся – «во всякий момент будет защищать культурные блага народа от всяких посягательств, откуда бы они ни исходили» (аплодисменты депутатов); 5) война раскроет глаза народам Европы на истинный источник насилий над ними и всяческого угнетения; 6) условия будущего мира будут продиктованы не правительственными дипломатами, а самими народами; 7) теперешняя «вспышка варварства и одичания» будет последней их вспышкой (аплодисменты на отдельных местах крайней левой; шиканье справа)*.

В советской историографии осуждение вызывал пункт 4 декларации, в котором видели предвестник меньшевистского социал-шовинизма. Но в нем не шла речь о защите царизма от врага, и поэтому видеть здесь идеологический

* Государственная дума 1906–1917. Стенографические отчеты. Т. IV. М., 1995. С. 21–22.

«криминал», да еще в первые же дни войны вряд ли правомерно. Кроме того, нельзя упускать из вида, что перед сдачей в печать информации о заседании 26 июля стенограмма речи Хаустова, как уже говорилось, была жестко сокращена председателем Думы Родзянко*. В частности, он вычеркнул из нее следующие места: о «ряде насилий над рабочей печатью и рабочими организациями непосредственно перед войной»; о «фальшивом патриотизме» господствующих классов России; о том, что культурным благам народа могут грозить посягательства как извне, так и изнутри (читай: от врага и от власти) и что не может быть «единения народа с властью», когда он поработен и бесправен, рабочая и крестьянская печать задушена, рабочие организации разгромлены, а тюрьмы переполнены. Исчезло и упоминание о том, что многочисленные народности России «живут в атмосфере насилия и угнетения»**. Но все же и текст думской декларации (даже с учетом купюр Родзянко), и отказ всех 11 депутатов от РСДРП (и меньшевиков, и большевиков) вотировать военные кредиты оставляли впечатление, что все они – совсем не «ура-патриоты» и безоговорочные союзники царского правительства. Был в декларации РСДРП и открытый пацифизм, и интернационализм, причем это уловили не только члены правых фракций, но и либералы во главе с Милюковым.

Но помимо думской фракции Чхеидзе у российских меньшевиков была тогда и еще одна руководящая инстанция – Организационный комитет РСДРП, крайне нерегулярно действовавший в самой России. Руководить им должен был Ф. И. Дан, но его вскоре после начала войны арестовали и сослали в Сибирь, а равноценной замены ему не нашлось. Это хорошо видно из обширной, но полной лишь риторики октябрьской листовки ОК РСДРП «Война и пролетариат»***. В ней подчеркивались необходимость требовать скорейшего прекращения войны, развернуть в России борьбу с шовинизмом, панславизмом и германофобией, просвещать широкие народные массы по вопросу о захватническом характере войны (включая и истинные цели России) и, наконец, вести борьбу за демократизацию страны под лозунгами мира, братства народов и международного социализма.

В итоге прошло немало времени, пока главные идеологи меньшевизма предложили своим сторонникам несколько моделей возможного поведения в военное время, которые соответствовали бы их социал-демократическим убеждениям. Довольно оперативен, несмотря на свои 58 лет и ставшую уже хронической болезнь, оказался «патриарх» российской социал-демократии Г. В. Плеханов. Он уже стоял в 1914 г. вне всяких фракций, но все же явно тяготел к меньшевизму и органически не принимал ленинизма. В начале августа

* Это признавали и Бадаев в кн. «Большевики в Государственной думе» (с. 346), а еще ранее – меньшевик Чхеидзе (см.: Государственная дума. IV созыв. Сессия IV. Стенографические отчеты. Т. 1. Пг., 1915. Стлб. 538).

** Полный, без купюр текст Декларации РСДРП см.: Меньшевики. С. 350–351.

*** См.: Там же. С. 353–357.

1914 г. Плеханов оказался в Париже, где пережил вместе с французами настоящий взрыв франкофильского патриотизма и германофобии, став свидетелем и участником формирования многотысячного отряда российских эмигрантов, включая и членов революционных партий, уходивших прямо на фронт, чтобы сразиться с «проклятыми бошами». При этом он откровенно говорил, что сам вступил бы во французскую армию, если бы не был так стар и болен.

Оставаясь принципиальным антимилитаристом, Плеханов тем не менее без колебаний стал летом 1914 г. безусловным сторонником поражения в данной войне именно Германии, так как ее победа привела бы к превращению России в экономического вассала германских юнкеров и капиталистов, тем более что российский пролетариат, по его словам, пока еще сильно отстает в своем развитии от большинства западноевропейских собратьев. Замедлилось бы и продвижение России к главной на данном этапе ее истории цели – демократической республике. Характерно, что о новой революции «дома», в России Плеханов замолчал тогда на целый год – до осени 1915 г., называя ее ставшим модным словечком «грезофарс», изобретенным поэтом И. Северянином. В годы войны Плеханов продолжал начатую еще в 1909 г. чисто кабинетную работу над многотомной «Историей русской общественной мысли» (первые три ее тома были опубликованы в России в 1914–1917 гг.), доведенной, однако, автором только до конца XVIII в.

В итоге Плеханов безоговорочно советовал всем российским рабочим драться на фронте за родину или честно работать на нужды армии в тылу, ибо без этого и России, и им самим придется плохо. При этом в октябре 1914 г. он во время своего публичного реферата в Лозанне столкнулся лицом к лицу со специально приехавшим туда Лениным, который заявил, что ответом на политику царского правительства должна быть социальная революция в России. Не затрагивая лично Плеханова, Ленин дал понять, что сам он решительно против «оборончества».

Среди меньшевиков число сторонников Плеханова было тогда очень невелико, ибо ряд положений его программы был близок в 1914 г. к проправительственной. Но он оказался в начале войны своеобразным рупором российского, по выражению Ленина, «народного патриотизма», который был широко распространен среди солдат, части рабочих, крестьян и средних слоев городского населения, а также интеллигенции, с чем должны были считаться и все противники войны. Вот почему он требовал от большевиков не оставлять ни одного важного выступления Плеханова без ответа*.

Полной противоположностью плехановской была позиция, которую занял во время войны один из основателей меньшевизма и лидер его левого крыла Ю. О. Мартов. Уже с 19 лет, проучившись всего год в университете, он до конца жизни связал себя с марксизмом, русской и международной революцией и социализмом. Его интеллект, честность и быстрота реакции на все проис-

* См.: Ленин В. И. ПСС. Т. 49. С. 150–151.

ходившее в мире были поистине уникальны, причем уже с первых лет XX в. Мартов стал постоянным оппонентом своего бывшего друга Ленина. Правда, события мировой войны опять сблизили на время их интернационалистские и революционные позиции, так как оба считали, что в этом мировом конфликте виноваты империалисты всех стран-участниц, включая и их родину – Россию. Ленин, в частности, высоко оценил статьи Мартова в парижской русскоязычной социал-демократической газете «Голос», где с осени 1914 г. вокруг него стали группироваться и другие левые меньшевики, в том числе будущие большевики Г. В. Чичерин, А. В. Луначарский, В. А. Антонов-Овсеенко, Д. Б. Рязанов, С. А. Лозовский, Д. З. Мануильский и др. В начале 1915 г. существовал даже проект совместного выступления большевиков и меньшевиков-мартовцев из газеты «Наше слово» на февральской Лондонской конференции социалистов стран Антанты, но до его реализации дело так и не дошло.

Быстро выяснилось, что с Лениным Мартова разделяет довольно многое: отрицание революционного «пораженчества»; лозунг мира как квинтэссенция позиции многих представителей меньшевизма в противовес большевистскому лозунгу превращения войны империалистической в войну гражданскую; враждебность к ленинизму как разновидности анархо-синдикализма и отказ поддерживать ленинский лозунг создания III Интернационала, хотя в чисто человеческом плане Мартова продолжали связывать с лидером большевиков много общих воспоминаний молодости и страстное желание радикального обновления России. С конца января 1915 г. вместо «Голоса» в Париже стала издаваться газета «Наше слово» с тем же коллективом авторов при руководящей роли в редакции Мартова. Однако в апреле 1916 г. его вытеснил оттуда появившийся еще в 1915 г. в газете в качестве автора «внефракционный» Л. Д. Троцкий.

Этот блестящий оратор и публицист левоцентристского направления быстро запомнился читателям выше упомянутым оригинальным лозунгом «Ни побед, ни поражений», отрицанием наличия в России почвы для национальной чисто буржуазной революции, прямым повторением призыва к формированию по примеру 1905 г. революционного рабочего правительства, твердой верой в возможность создания в результате войны Соединенных Штатов Европы и др. В ноябре 1914 г. в Цюрихе, куда Троцкий перебрался из Вены, вышла в свет на немецком языке его брошюра «Война и Интернационал» с резким осуждением всех ее участников, включая русский царизм. Автор подчеркивал, что человечество уже стоит перед альтернативой – либо бесконечное продолжение бессмысленного кровопролития, либо пролетарская революция европейского масштаба и размаха, которая даст народам прекращение войны и интеграцию сначала крупнейших европейских стран, а затем и всего мира. Вместе с тем Троцкий отличался интригами против Мартова, связанными с борьбой за лидерство среди левых меньшевиков и недоброжелательными отзывами о Ленине и большевиках. В итоге лидерами меньшевизма Мартов и Троцкий, взгляды которых казались многим слишком левыми, не стали.

В условиях России многим меньшевикам больше подходили, с одной стороны, взгляды членов думской фракции Чхеидзе, а с другой – гораздо менее вызывающий, чем плехановский, но очень искренний и убежденный социал-патриотизм А. Н. Потресова. Этот 45-летний генеральский сын с двойным (полученным на естественном и юридическом факультетах) столичным университетским образованием был наиболее аристократичным русским марксистом. Он прошел в молодые годы через увлечение этим учением, тюрьму, ссылку, эмиграцию и в 1903 г. стал в РСДРП постоянным настоящим антиленинцем. В октябре 1905 г. Потресов по амнистии вернулся из-за границы на родину и с тех пор плодотворно работал в сфере легальной общественно-политической публицистики (этюды о русской интеллигенции, история развития марксистской общественной мысли и др.). Это привело его к идеям «ликвидаторства» и признанию необходимости, в частности, полного отхода РСДРП от связей с революционным подпольем. На этой почве произошел его полный разрыв в 1909 г. с Плехановым, которого он прежде боготворил. С особым удовольствием Потресов работал с 1910 г. в столичном журнале «Наша заря» и печатался также в ряде меньшевистских партийных газет, включая «Голос социал-демократа» и «Луч».

Читатель уже сталкивался в разделе о большевиках с их отрицательным ответом на телеграмму Э. Вандервельде. Аналогичное обращение этого бельгийского социалиста и секретаря МСБ получила в августе 1914 г. и меньшевистская фракция Думы, но она дипломатично «затруднилась» с ответом ему и попросила сделать это редакцию журнала «Наша заря» и, естественно, лично Потресова. По его мнению, расстановка сил среди участников войны выглядела так: агрессор Германия – это носитель наибольшего зла вдобавок еще и с рядом некоторых «сверхсметных» грехов, Англия и Франция олицетворяют, наоборот, прогрессивное начало, а вот перед социалистами России стоит более сложная задача, ибо они хотят придерживаться тактики «непротиводействия» начавшейся войне и русской армии, но сохранение царизма не позволяет им идти по пути англо-французских товарищей и во всем поддерживать свое правительство.

В итоге в ответе Вандервельде Потресов решил успокоить бельгийского министра-социалиста, дав понять, что мешать войне (а тем самым и союзникам России по Антанте) социал-демократы России не будут, хотя царское правительство – это отнюдь не демократическая буржуазная власть западноевропейского типа. «В своей деятельности в России мы (т. е. РСДРП. – С. Т.) не противодействуем войне»*, – говорилось в августовском ответе меньшевиков Вандервельде, причем специально подчеркивалось: РСДРП «надеется» (? – С. Т.), что военный конфликт «разрешится в интересах международного социализма». О сохранении же меньшевиками своей оппозиционности по отноше-

* См.: *Меньшевики*. С. 352. Неопределенность терминологии допускала и умеренно оборонческое толкование позиции меньшевизма.

нию к царизму из ответа можно было только догадываться, их желание якобы совместить «непротиводействие войне» с «противодействием царизму было на практике просто неосуществимо, так как любая серьезная оппозиция власти обязательно была бы в той или иной мере и форме способна мешать делу обороны страны. Правда, уже в заключительных строках ответа Вандервельде Потресов сделал попытку все же придать ему оттенок «антиимпериализма»: «Мы считаем, однако, нужным обратить Ваше внимание, – говорилось там, – на необходимость теперь же готовиться к энергичному противодействию уже намечающейся сейчас захватной политике великих держав и требовать при всякой аннексии предварительного опроса и согласия народа, населяющего присоединяемую область».

Но уже в январе 1915 г. Потресов решил направить в адрес Копенгагенской конференции социалистов нейтральных северных стран письмо специально о тактике российских меньшевиков, несколько «расшифровав» свой прежний ответ Вандервельде. Он, хотя и в весьма обтекаемых выражениях, призывал не дать войне перерасти со стороны России в захватническую и свести к минимуму возможные отрицательные последствия побед царизма на международной арене. Считал, что не нужно голосовать в Думе за военные кредиты, призывал развивать общественную помощь раненым, беженцам из западных районов страны и солдатским семьям, критиковать захватнические планы буржуазии и царского правительства, ставить в будущем вопрос о разоружении и международном арбитраже в случае назревания новых военных конфликтов и даже требовать замены постоянных армий народной милицией.

Поэтому, несмотря на всю свою осторожность, Потресов все же рассматривался царскими властями как потенциальный «неблагонадежный элемент»: журнал «Наша заря» уже в октябре 1914 г. был закрыт, в начале 1915 г. Потресова выслали из Москвы, а в январе 1916 г. – из Петрограда, так как он по-прежнему выступал как убежденный демократ, не отказывался от критики царского правительства и выработки условий будущего демократического мира. В 1915–1916 гг. Потресов участвовал в сборнике «Самозащита», печатался в журнале «Наше дело», а затем редактировал его преемника – журнал «Дело».

Но обратимся снова к работе Государственной думы и месту в ней меньшевиков. Очередная, трехдневная сессия Думы состоялась 27–29 января 1915 г. – к полугодию ведения Россией войны. Протянутая 26 июля 1914 г. абсолютным большинством депутатов царю и его администрации рука сотрудничества повисла в воздухе. Правительство не пошло на смягчение в стране по случаю начала войны унижительного положения ряда национальных меньшинств, особенно евреев, арестовало пятерку большевистских депутатов Думы, не пошло на прекращение преследования рабочих организаций и печати. В итоге имя министра внутренних дел Н. А. Маклакова стало олицетворением жесткого репрессивного курса Совета министров в отношении всех «инакомыслящих». Поэтому выступление 27 января в Думе Чхеидзе носило ярко выраженный характер принципиального несогласия оратора и его партии со всей внутренней

политикой царизма. Чхеидзе призывал к скорейшему прекращению войны и прямо упомянул об аресте депутатов-большевиков как о новом акте беззакония властей, но из-за позиции кадетов не собрал нужного числа подписей под официальным запросом правительству о судьбе Петровского и его товарищей. За утверждение же бюджета на 1915 г. меньшевики, кроме Манькова, опять не голосовали, как и в июле 1914 г.

Таким образом, позиция думской меньшевистской фракции носила пацифистско-интернационалистский, но, естественно, умеренный в условиях царского парламента, да еще в военное время характер, причем Чхеидзе, как и трудовик Керенский, стали выдвигаться на роль главных оппозиционеров в Таврическом дворце, где заседала Дума. При этом их оппозиционность явно шла во время войны по нарастающей.

Об этом, в частности, свидетельствует выступление Чхеидзе 19 июля 1915 г., которое было довольно продолжительным и очень эмоциональным, чего обычно его речам явно не доставало*. Он прямо обвинил во всем случившемся правительственную бюрократию (личность Николая II тогда еще прямо не затрагивалась), подробно говорил о преследованиях рабочих и национальных меньшинств, майском 1915 г. антинемецком погроме в Москве, издевательствах над политическими ссыльными и т. д. При этом Чхеидзе возлагал часть ответственности за все происходящее в стране и на Государственную думу. Выход из возникшего политического тупика он видел в полной демократизации России и заключении ею мира без аннексий и контрибуций. В заключение Чхеидзе зачитал заявление думской фракции РСДРП, где, в частности, говорилось: «Если народ не очнется, не возьмет в свои руки судьбы страны, разгром неизбежен. Или Государственная дума сознает эту основную задачу, или народ перешагнет через Думу... Правительство должно уйти, народ должен взять в свои руки судьбу страны»**. Так смело меньшевики в Думе еще не выступали.

Но уже на следующий день, 20 июля Родзянко не дал возможности меньшевику Тулякову огласить от имени фракции РСДРП критическую формулу перехода Думы к очередным делам, выдержанную в духе выступления Чхеидзе. Это опять создавало явно конфликтную ситуацию, выразившуюся в отказе меньшевиков голосовать за переизбрание Родзянко на пост председателя Думы. 1 августа 1915 г. при обсуждении вопроса о создании Особого совещания при военном министре Чхенкели прямо заявил, что Дума не может возвыситься до понимания своих элементарных задач – говорить правду о положении в стране, стать настоящей законодательной властью и демократизировать Россию (за это он был удален на три последующих заседания Думы). 3 августа Скобелев выступал по злободневному вопросу о немецком засилье, а Чхеидзе обосновал запрос правительству о бесправии евреев. Таким обра-

* См.: Большевики. С. 375–381.

** Государственная дума. IV созыв. Сессия IV. Стб. 119–130.

зом, в Думе были активно задействованы все три главных меньшевистских оратора.

8 августа 1915 г. Хаустов внес запрос правительству об июньском расстреле костромских рабочих, 13 августа Скобелев требовал введения в России подоходного налога, а на следующий день состоялось наконец горячее обсуждение запроса 32 депутатов о возможности пересмотра дела большевистских депутатов, попавших в Сибирь. Тон задали меньшевики Чхенкели и Чхеидзе и трудовик Керенский, говорившие о допущенном властями беззаконии в отношении их товарищей по депутатскому корпусу. При этом вопрос ставился очень жестко: поступок правительства является оскорблением всей Думы и всего российского пролетариата, пославшего в парламент своих законных избранников. Были оглашены и мнения петроградских и московских рабочих, возмущенных грубым насилием над депутатами, а также письмо последних из сибирской ссылки в меньшевистскую фракцию Думы с выражением протеста по поводу их ареста, суда и его приговора. Это, кстати, опровергает и широко распространенное прежде утверждение, будто из-за идеологической нетерпимости Ленина имела место постоянная вражда между большевиками, меньшевиками и эсерами, начисто исключавшая якобы саму возможность какой бы то ни было их солидарности по тем или иным конкретным вопросам, в частности по поводу судьбы большевистских депутатов Думы.

Однако совершенно новым моментом в дискуссии 14 августа было то, что известный кадет В. А. Маклаков (родной брат министра внутренних дел) и прогрессивный националист В. В. Шульгин публично впервые признали, что арест большевистских депутатов был незаконен и ошибочен. Правда, поддержать внесение запроса правительству по этому поводу они отказались, мотивируя свою позицию тем, что принят запрос к обсуждению все равно не будет, а депутатам-большевикам станет только от этого хуже, ибо пока их имена не вычеркнуты из списка депутатского корпуса, а если это будет сделано, как принято в отношении осужденных членов Думы, то отношение к ним изменится только к худшему. В разговор тут же вмешался и дежурный думский защитник власти Н. Е. Марков 2-й, заявив, что никакого милосердия отправленные в ссылку депутаты не заслуживают, так как идут против российского государственного строя. Между ним и Керенским произошел и обмен резкими репликами: последний назвал всех проправительственных депутатов Думы «пораженцами, предателями и продажными людьми», а Марков 2-й в ответ окрестил Керенского «подстрекателем к убийствам». Наконец 18 августа, говоря о финансовом положении страны, Скобелев вновь заявил, что правительство должно немедленно уйти*.

В такой обстановке 25 августа в Думе родился долгожданный оппозиционный Прогрессивный блок, но ни меньшевики, ни трудовики туда не вошли,

* Государственная дума, IV созыв. Сессия IV. Стлб. 192, 194, 197–198, 267–277, 404–411, 439–441, 537–539, 541–543, 939–943.

так как хотели видеть в его программе больше необходимых стране крупных социальных реформ, а от приверженцев блока – более смелых выступлений с думской трибуны. Однако уже 3 сентября Государственная дума была в очередной раз распущена опять почти на полгода. Депутаты недружно прокричали «ура!», и лишь Керенский выкрикнул: «Да здравствует русский народ!» Тем не менее летняя сессия Думы 1915 г. запомнилась России надолго, причем не только своими бурными дебатами, но и принятием законов о создании пяти Особых совещаний по обороне страны, помощи беженцам, введении подоходного налога и др., хотя новый кабинет министров, как ожидали многие, создан не был из-за несогласия с этим Николая II и престарелого премьера И. Л. Горемыкина.

Сентябрь 1915 г. стал временем, когда меньшевики, учитывая изменения обстановки в стране, решили скорректировать в более решительном и наступательном духе свои тактические позиции. Так, Г. В. Плеханов еще летом уже считал, что в Думе социал-демократам пришло время голосовать за военный бюджет (но меньшевистская фракция на это принципиально не пошла), а в первой декаде сентября возглавил в Женеве совещание нескольких социал-демократов и правых эсеров, принявших написанное им воззвание «К сознательному трудящемуся населению России». Так, начав свой путь в 1870-х гг. как народник, Плеханов пришел теперь к мысли о целесообразности союза правых меньшевиков и эсеров-«оборонцев» во имя спасения России. Он в основном повторял (только в более заостренной форме) свою прежнюю оборонческую аргументацию, придавая ей, однако, уже подчеркнуто антицаристскую, народно-патриотическую окраску, хотя даже в этот момент Плеханов по-прежнему отрицал всякое «вспышкопускательство» большевистского типа, призывая рабочих быть «мудрыми, как змии», так как иначе легко было бы даже «непродуманными стачками» оказать услугу внешнему врагу. Но было в этом документе и нечто для Плеханова новое: вполне возможно, писал он, что свержение врага внутреннего (т. е. царизма) станет *«предварительным условием и залогом избавления России от германской опасности»*. При этом он добавлял, что военное поражение России, наоборот, явилось бы и ее поражением в борьбе за свободу*.

Текст этого обращения (за исключением последних «крамольных» строк) с разрешения цензуры перепечатывался даже в русских легальных изданиях. В октябре 1915 г., в связи с 10-летием знаменитого царского манифеста 1905 г., Плеханов опубликовал в парижской газете «Призыв», инициаторами выпуска которой были участники упомянутого женевского сентябрьского совещания социал-демократов и эсеров, статью «Две линии революции», где развивал мысль о недопустимости отбрасывать с порога думский Прогрессивный блок в лагерь противников революции. Он писал, что предпочтительнее всего в России было не создание сразу революционного правительства, а постепен-

* Россия и свобода (Париж). 1915. 10 сентября.

ная смена состава кабинета справа налево – от октябристов к эсерам и социал-демократии. Приход к власти последних сразу, «вне очереди», был бы чреват, по Плеханову, откатом революции к реакции и дискредитацией самой социалистической идеи. Эту позицию Плеханов с завидным постоянством сохранял и в 1917 г.

Более решительно заговорил в сентябре 1915 г. и Потресов, подготовивший «Воззвание петроградских социал-демократов – сторонников народной самозащиты». Обращает на себя внимание уже само название этого документа, где речь шла не о защите самодержавной России силами ее старой армии, а о «народной самозащите» новой, демократической России после устранения прежней царской администрации, а возможно, и самого царя. «Самозащиту» же Родины должна была осуществлять уже демократизированная русская армия, а возможно, даже добровольцы из самых разных слоев населения после объявления России республикой.

Таким образом, Потресов как бы предвидел появление нового, демократического «оборончества» 1917 г., хотя прямо об этом в обращении по вполне понятным причинам и не говорилось. «Самозащиту» же страны Потресов связывал теперь только с патриотизмом народа, а не с правящим режимом – душителем в России всего передового. Потресов выступал за переход власти от царизма и дворянской реакции в руки буржуазных классов, причем подчеркивал, что демократизация страны неотделима от ее защиты от внешнего врага. Главную же роль в этом процессе Потресов отводил, однако, не буржуазии, а российскому пролетариату, тогда как судьбу царизма он более осторожно определял как «устранение, свержение или уничтожение». Новым было и его предупреждение об опасности сепаратного мира России с Германией. Так или иначе, новый программный документ Потресова свидетельствовал о его совершенно очевидном сдвиге влево.

Среди российских левых меньшевиков, которые жили и в эмиграции, и в самой России, наряду с более умеренными сторонниками думской фракции Чхеидзе были и радикалы-мартовцы. Их возглавил к концу лета 1915 г. находившийся в эмиграции Заграничный секретариат ОК РСДРП в составе Ю. О. Мартова, П. Б. Аксельрода, А. С. Мартынова, С. Ю. Семковского и И. С. Астрова. Они выпустили сначала «Письмо к товарищам в России», датированное 21 августа 1915 г. и называвшееся «Задачи российского пролетариата», а потом ноябрьский проект платформы, который упомянутый Заграничный секретариат предлагал теперь всем меньшевистским организациям*. Спасение России, которая попала в катастрофическое положение, близкое к военному разгрому, состояло, по мнению авторов названных документов, в борьбе за мир и свержение царской власти. Поэтому ближайшим лозунгом российского пролетариата должен был стать созыв всенародно избранного Учредительного собрания для ликвидации войны и царизма. К нему

* См.: Меньшевики. С. 381–388, 394–405.

могли бы привести массовые организованные революционные выступления, в русле которых нужно было стремиться ввести и стихийные вспышки возмущения рабочих на почве дороговизны, безработицы и ухудшения условий труда.

В очень осторожной форме «заграничные секретари» выражали, правда, сомнение, «сможет ли буржуазия – эта ближайшая “наследница” царской власти в России – удовлетворить обоснованные требования пролетариата? Но чувствовалось, что сказать по данному вопросу что-либо более определенное авторы указанных документов не могут (да, возможно, и не хотят), так как иначе неизбежно мог встать вопрос о перспективах уже следующей, социалистической, революции в России, явно пока к ней не готовой.

Внутри России наиболее сильной организацией левых меньшевиков была Петроградская Центральная инициативная группа (руководитель О. А. Ерманский). Она порвала отношения с «рабочей группой» ЦВПК, выдвигала лозунги Учредительного собрания, демократической республики, 8-часового рабочего дня, конфискации помещичьих земель и выпускала довольно много революционных листовок. Однако о каком-либо соглашении с большевиками речи в группе не было. Такой же линии придерживались и довольно близко подошедшие к большевизму столичные «межрайонцы», большинство которых отошло еще в 1913–1914 гг. от ленинской партии. По своему социальному составу эта организация, предпочитавшая занимать самостоятельное положение между большевизмом и меньшевизмом, была пролетарской и в июле 1917 г. целиком пришла к большевикам.

В начале сентября 1915 г. российские меньшевики-интернационалисты вышли вместе с большевиками и частью эсеров на международную арену. Мартов и Аксельрод приняли участие в Циммервальдской социалистической конференции ряда европейских стран, участники которой выступали за скорейшее заключение мира без аннексий и контрибуций. Ее продолжением стала в апреле 1916 г. Кинтальская конференция (тоже в Швейцарии), оставшаяся, однако, вопреки желанию Ленина на тех же позициях социал-пацифизма и не поддерживавшая его идею создания нового, революционного III Интернационала. На аналогичных, циммервальдско-кнтальских пацифистских, позициях стояли и так называемые «сибирские циммервальдцы» во главе с лидером фракции РСДРП во II Государственной думе И. Г. Церетели, находившимся после ареста в 1907 г. на поселении в Сибири (там же был уже упоминавшийся выше Ф. И. Дан и др.).

Между тем в России с осени 1915 г. уже полным ходом шла кампания по выборам «рабочих групп» военно-промышленных комитетов, во многом затрагивавшая и интересы меньшевизма. При этом в настоящем разделе основное внимание будет уделено уже не выборам «рабочей группы» ЦВПК, рассмотренным ранее, а конкретной деятельности «военно-промышленных социалистов» в конце 1915–1916 гг.

Лидером их называли сторонника Потресова, правого меньшевика К. А. Гвоздева. Это был 32-летний кадровый питерский рабочий завода теле-

фонных аппаратов Эриксона – крестьянский сын из Пензенской губ., начавший с 13 лет работать в железнодорожных мастерских и рано узнавший, что такое арест и ссылка. До прихода к меньшевикам он с 1903 г. по 1907 г. был эсером, а потом с 1909 г. трудился на столичных предприятиях, завоевал популярность в рабочей среде и даже стал председателем Союза металлистов. Его характерными чертами были немалый здравый смысл и сила убеждения товарищей. В годы войны Гвоздев стоял на умеренно оборонческих позициях, считая, что к власти в России нужно привести буржуазию и побыстрее преодолеть неорганизованность рабочих. «Социальная» же (т. е. социалистическая) революция в России, по его твердому убеждению, на очереди еще не стоит, ибо речь идет пока лишь о революции буржуазной. «Для рабочих России, – говорил Гвоздев, – нежелателен разгром ни России, ни Германии», но им нужна борьба с германской агрессией, с одной стороны, и с царизмом – с другой. А для этого пролетариату необходимо «деятельное участие» в работе ВПК*.

Такая программа действий и была одобрена 29 ноября на повторном общегородском собрании «выборщиков» в Петрограде. За это проголосовали, однако, лишь 95 его участников при 8 воздержавшихся из 218 избранных еще в сентябре рабочих уполномоченных, более половины из которых на выборы самих членов «рабочей группы» ЦВПК в ноябре уже вообще не пришли. Больше всех голосов получил Гвоздев, а затем по степени популярности шли меньшевики Г. Е. Брейдо, Е. А. Гудков и В. А. Абросимов (он оказался провокатором). Всего в «рабочей группе» ЦВПК было 9 меньшевиков и 1 эсер. В секретариат «рабочей группы» ЦВПК, который готовил все ее документы, а также материалы для «Бюллетеня» группы, издававшегося в 1915–1916 гг., вошли видные меньшевики Б. О. Богданов и В. А. Гутовский (Евг. Маевский).

17 февраля 1917 г. зампред ЦВПК прогрессист А. И. Коновалов озвучил в Государственной думе итоговые данные о функционировании 58 «рабочих групп» в 244 ВПК (24 %) по стране в целом**, хотя данных конкретно о всех или хотя бы о большинстве из них в исторической литературе до сих пор нет, тем более что 27 подобных ВПК существовали в очень маленьких городах типа Геленджика, Туапсе, Сочи или Сарапула, где трудно предположить даже самую возможность существования в годы войны какого-либо рабочего движения. Всего в выборах членов «рабочих групп», по данным того же Коновалова, участвовали 219 тыс. рабочих 101 предприятия***. Точное количество в «рабочих группах» меньшевиков и эсеров в масштабах всей страны неизвестно.

Наиболее интересна, конечно, деятельность «рабочей группы» ЦВПК, которая пыталась решить сразу две задачи – «оборонческую», направленную на повышение эффективности деятельности ВПК путем предотвращения трудовых конфликтов на подчиненных им предприятиях, и социально-политическую, за-

* См.: Шлятников А. Г. Указ. соч. С. 133–135.

** См.: Государственная дума. 1906–1917. Стенографические отчеты. Т. IV. С. 291.

*** Там же. С. 290.

ключавшуюся в улучшении экономического положения рабочих, повышении степени их организованности, а также в разъяснении пролетариату общеполитической ситуации в стране. При этом «рабочие группы» ВПК, как оказалось, в конечном счете объективно частично работали на подготовку Февральской революции. Члены «рабочей группы» ЦВПК совершили в 1916 г. 41 поездку в 35 городов России, регулярно выпускали информационные бюллетени, сформировали 10 комиссий, в том числе профсоюзную и кооперативную, занимались продовольственным вопросом и устройством столовых для рабочих. Сам Гвоздев был председателем рабочего кооператива на Выборгской стороне в Петрограде с 11 тыс. членов^{*}. Однако торжественно разрекламированные «гвоздевцами» и поддерживавшей их меньшевистской интеллигенцией созыв Всероссийского рабочего съезда, организация бирж труда для подыскания рабочих мест безработным и примирительных камер для разрешения постоянно возникающих трудовых конфликтов между рабочими и предпринимателями, введение института рабочих старост, установление минимума заработной платы, кардинальное решение продовольственного вопроса в масштабах всей страны – все это, к сожалению, осуществлено так и не было.

Более успешной оказалась агитация членов «рабочей группы» ЦВПК в сфере текущей политики. 3 декабря 1915 г. группа осудила шедшую уже третий год войну, поддержала призыв социалистов всей Европы из Циммервальда к миру без аннексий и контрибуций, требование меньшевиками созыва Учредительного собрания и предоставления россиянам всех гражданских свобод. На втором Всероссийском съезде ВПК в феврале–марте 1916 г. группа Гвоздева заявила, что выступает за устранение бюрократического режима и «ликвидацию войны на условиях, приемлемых для демократии», под лозунгом организации «самозащиты» России от врага. А в декабре 1916 г. она же предложила рабочим на своих собраниях требовать создания правительства «спасения страны» и проведения всеобщей и полной политической амнистии^{**}. Как своеобразная эпитафия всему «гвоздевскому» движению звучат слова самого Гвоздева еще из его мартовского письма 1916 г. А. И. Гучкову: «...Ни мира, ни перемирия с руководителями того устаревшего уклада русской жизни, который был всегда враждебен интересам страны и привел ее в настоящее время к катастрофе, мы не признаем. Что касается сохранения социального мира между предпринимателями и рабочими, то... трудно говорить о сохранении того, чего нет и не было»^{***}.

В 1916 г. активизировалась деятельность меньшевиков в Государственной думе. 10 февраля 1916 г. Чхеидзе вновь напомнил, что либо власть под напором всех общественных сил перейдет в руки народа, либо России предсто-

^{*} См.: Государственная дума. 1906–1917. Стенографические отчеты. Т. IV. С. 293.

^{**} См.: Меньшевики. С. 408–409, 410–419, 429–457.

^{***} Там же. С. 427.

ит пойти по пути разложения и экономического вырождения, так как спасти страну может лишь сам народ^{*}. Традиционно отвергая проект государственного бюджета на 1916 г., Скобелев назвал его «двусмысленной и тройной бухгалтерией» и выразил уверенность, что пробьет час, придет демократия и тогда будущее России будет наконец в настоящих руках^{**}.

После летнего перерыва Дума возобновила заседания лишь 1 ноября, и сразу грянул гром, когда Милюков с известной долей демагогии произнес свою знаменитую речь, заклеив политику правящих «верхов» либо как глупость, либо как измену. В тот же день (еще до Милюкова) резко выступал Чхеидзе, ребром поставив перед депутатами вопрос: либо вы с народом против правительства, либо с правительством против народа? 4 ноября эстафету критики власти принял Скобелев, который затем 19 ноября вместе с Хаустовым, Чхенкели и трудовиками участвовал в обструкции, устроенной левыми депутатами премьеру А. Ф. Трепову, причем все они и Чхеидзе были исключены Родзянко из думской работы на восьми следующих заседаниях.

8 декабря снова отличился отбывший срок наказания Чхенкели, доказывая, что настоящим законодателем в России является правительство, а не Дума, которую он под смех аудитории назвал «вермишелистами» (мелкие второстепенные и даже третьестепенные законы в России презрительно называли «законодательной вермишелью»). Закончил же Чхенкели свое выступление словами: «Мы идем к неминуемой катастрофе, если все останется по-старому... Мы упираемся в тупик, откуда один выход – революция». Скобелев же вместе со многими другими депутатами протестовал против недопущения московскими властями 9 декабря 1916 г. проведения в Первопрестольной общероссийских съездов Земского союза и Союза городов. Не будет преувеличением сказать, что никогда раньше члены меньшевистской фракции Думы не выступали так часто и так резко, как в ноябре–декабре 1916 г., причем от них порой не отставали не только либералы, но даже некоторые правые. Россия выходила на финишную прямую к новой после 1905 г. революции^{***}.

Меньшевики были важной составной частью всего демократического лагеря страны, используя для настоящей «осады» правительства возможности и Государственной думы, и ВПК, и немногочисленных еще сохранявшихся в России легальных общественных организаций. Они выступали за скорейшее прекращение войны при условии заключения справедливого демократического мира между всеми воюющими странами, требовали ликвидации царизма и полной демократизации России, отводя главную роль в этом процессе рабочему классу и демократической интеллигенции. Их лозунгом было и достижение

* Там же. С. 422.

** Там же. С. 427.

*** См.: Государственная дума. 1906–1917. Стенографические отчеты. Т. IV. С. 34–38, 70–73, 80–84, 114–115, 164–165, 174–176, 182–184, 196–202.

равноправия всех населявших ее народов. В отличие от многих западноевропейских социалистических партий меньшевики никогда не были «ручными» для властей, «игрушечными» революционерами, оставаясь в целом марксистами, социалистами и интернационалистами.

3. Социалисты-революционеры (эсеры)

К началу войны эсеры так и не смогли оправиться от шока, вызванного в 1908 г. разоблачением руководителя террористической Боевой группы партии Евно Азефа. Это еще больше усиливало сомнения в том, что эсеровская тактика бойкота Государственной думы якобы лучше всего служит делу подготовки новой революции в России, а вера в крестьянскую общину и потенциальный коллективизм ее членов остается основой всего социально-экономического курса этой партии. Правда, в ней появилось и набирало силу правое, «починовское» (от названия парижской группы «Почин») крыло во главе с доктором философии Н. Д. Авксентьевым и И. И. Бунаковым (Фондаминским) с их ставкой на крестьянскую кооперацию при полном отказе от политического терроризма. Это позволило ПСР расширить в 1912–1914 гг. свое влияние на рабочих, особенно в Петербурге, но начавшийся процесс перестройки всей ее деятельности имел и своих противников, и был еще далек перед войной от завершения.

К уже упоминавшемуся выше Венскому конгрессу II Интернационала, намеченному на август 1914 г., ПСР подготовила, как было принято, доклад, где говорилось, что она, увы, похожа на армию, рассеянную маленькими отрядами и ведущую партизанскую войну, причем отдельные группы или даже отдельные ее члены действуют по своей инициативе и на свой страх и риск*. В итоге ПСР встретила войну без единой стратегии и тактики, в обстановке идейного и организационного разброда и шатаний. У нее не было ни постоянно действующего ЦК (была лишь Заграничная делегация партии), ни регулярно выходящей общепартийной газеты, а ее руководитель 40-летний В. М. Чернов, уже много лет находившийся в эмиграции, был человеком совсем другого склада, чем, например, Ленин.

Чернов вышел из самарских дворян (хотя отец до этого был крепостным), закончил гимназию и имел незаконченное высшее юридическое университетское образование. Он испытал на себе сильное влияние народолюбия, в 21 год уже был арестован за оставшуюся не доказанной принадлежность к партии «Народное право», но в 1895 г. освобожден под залог, выйдя из тюрьмы убежденным социалистом. В дальнейшем вел революционную работу среди рабочих и крестьян, а в 1899 г. легально выехал с семьей за границу.

В начале XX в. Чернов заложил философские и социологические основы неонародничества, стараясь соединить его с марксизмом, и разработал теорию

* См.: Накануне мировой войны. М., 1917. С. 8.

некапиталистического развития российской деревни и программу социализации земли. В декабре 1901 г. он оказался у истоков эсеровской партии, разработал ее программу, с 1903 по май 1909 г. был членом ЦК ПСР, добровольно выйдя из него в связи со скандальным делом Азефа. Осенью 1905 г. Чернов возвратился в Россию, а затем вновь перебрался за границу, где и находился до апреля 1917 г. Роль Чернова в истории ПСР была поистине огромна. Он был талантливым литератором и идеологом, блестящим полемистом. Однако у него никогда не было достаточной твердости в отстаивании своих взглядов, и в политике он был всегда мягок и уступчив, а партийное единство превращал в некий фетиш. При этом указанные личные особенности Чернова лишь усугубляли сложное положение и начавшийся уже в самом начале войны раскол ПСР на «оборонцев» и интернационалистов.

В последней декаде августа 1914 г. раньше, чем большевики и меньшевики, группа эсеров-«заграничников» сумела провести в местечке Божии (Швейцария) представительное по составу участников совещание, где обсуждались вопросы о характере войны и задачах эсеров на родине. В нем участвовали Чернов, старый народоволец М. А. Натансон, Авксентьев, А. А. Аргунов, Фондаминский и др. При этом последние трое, нисколько не идеализируя политику царизма, но считая, что союзники России по Антанте будут смягчать крайности его политики, выступали как сторонники обороны страны от Германии и Австро-Венгрии, а борьбу с российской властью допускали лишь в таких формах, которые не повредят защите страны от внешнего врага. При этом в Божии сторонники «оборончества» были в большинстве.

Натансон же и Чернов, напротив, подчеркивали свой интернационализм и заявляли себя сторонниками поражения царизма, без чего, по их мнению, трудно было представить себе подготовку новой революции на родине. При этом Чернов прямо говорил, что поражение России будет поражением только правительства, а не всей русской нации, тогда как ее победа приведет, образно говоря, только к появлению российского флага еще и над Константинополем. Поэтому лидер эсеров призывал протестовать против любой формы национализма, как это делают в Германии К. Либкнехт и Р. Люксембург. Нашим лозунгом, сказал он, должно быть торжество «третьей силы», т. е. восстановленного II Интернационала, и всей европейской демократии, добывающихся всеобщего мира без аннексий и контрибуций.

Не случайно именно Чернов предложил в Божии направить в Россию группу партийных кадров ПСР, на что Бунаков, правда, моментально возразил, сказав, что ее тут же объявят там «антирусской», а полиция их всех просто переловит. Да и какой смысл говорить в самом начале войны о социализме и социалистах, добавил он, и какое значение имеет сейчас в России даже простая экономическая классовая борьба? В итоге на совещании в Божии эсерам

* См.: *Melancon M. The Socialist Revolutionaries and the Russian Anti-War Movement. 1914–1917. Ohio, 1990. P. 22–26.*

не удалось выработать единого взгляда на начавшуюся войну. Аналогичная ситуация возникла позже, в феврале 1915 г. уже на Международной конференции социалистов стран Антанты в Лондоне, где Чернов и Натансон заявили, что эсеры-интернационалисты выступают в России за мир и «трудовая Россия воспользуется первым благоприятным моментом, чтобы освободиться от позорящего ее режима и тем устранил нависшую над прогрессом Европы новую угрозу – царский милитаризм». В итоге они воздержались при голосовании официальной резолюции конференции, выдержанной в духе проантантовского социал-патриотизма. А два других участника Лондонской конференции от России Аргунов и И. А. Рубанович, наоборот, высказались за отказ от любых действий, которые могли бы «повредить защите России и общему делу ее союзников»^{*}.

В самой России «оборонцы» преобладали в 1914 г. в Москве, Кронштадте, Полтаве, Могилеве, Поволжье, Уфе, Екатеринбурге, Красноярске. При этом они ссылались на то, что партии нужно беречь силы до окончания войны, которая, по их мнению, носит освободительный характер, идет за веру и против национального угнетения. Однако несколько организаций (Киев, Чернигов, Ростов-на-Дону, Воронеж, Харьков, Пенза) выступали уже в 1914 – начале 1915 гг. с интернационалистских позиций и выпускали антивоенные листовки^{**}. При этом эсеры-интернационалисты прямо опирались в ряде случаев на рабочих, а по количеству выпущенных антивоенных листовок стояли на втором месте после большевиков. В Заграничной же делегации ЦК эсеров силы «оборонцев» и интернационалистов оказались равными, что полностью парализовало работу этого единственного на момент начала войны общепартийного органа ПСР.

Очень характерны для правого крыла эсеровской партии в начале войны были взгляды известного эсера-террориста Б. В. Савинкова. Выходец из дворянской семьи, получивший высшее образование в России и за границей, он от увлечения марксизмом пришел сначала к эсеровскому терроризму, а после «азефовщины» занялся литературным трудом и даже написал несколько ставших модными романов. В конце 1914 г. Савинков публично объявил в парижской черновской газете «Мысль», что «после войны настанет время социальной и революционной борьбы. Во время войны мы не вправе бороться»^{***}, вступив добровольцем во французскую армию.

* За рубежом. 1915. 22 марта.

** См.: Шалагинова Л. М. Эсеры-интернационалисты в годы Первой мировой войны // Первая мировая война. М., 1968. С. 324.

*** Мысль. 1914. 8 декабря. В редакцию этой парижской эсеровской газеты входили В. М. Чернов, Н. И. Ракитников, Б. Д. Камков и др. На смену ей в марте 1915 – январе 1916 г. пришла эсеровская газета «Жизнь» (Париж, Женева), редакторами которой были Чернов, Натансон и Ракитников.

В газете «Мысль» Чернов в конце 1914 г. выступил с целой серией антивоенных тезисов: «Война и капитализм», «Социалистическая оценка войны» и др., как бы вписав свои антивоенные взгляды в более общую теорию вступления мирового капитализма в свою империалистическую фазу. Тогда же совершилось, по его мнению, и массовое «националистическое грехопадение социализма», сопровождавшееся кризисом и деморализацией большинства членов II Интернационала. Их преодоление Чернов связывал с очищением господствующего в Интернационале марксистского, пролетарского учения о социализме от негативных влияний на него «односторонне-индустриалистской и национально-империалистической фазы капитализма» и возвращением к социализму интегральному (и рабочему, и крестьянскому), который разделяют как раз эсеры. Большевики и меньшевики подобные взгляды Чернова, естественно, не разделяли, что еще больше осложняло их взаимоотношения с эсерами.

На основе ряда статей Чернова в газете «Мысль» в 1915 г. в Женеве вышел из печати сборник его работ под названием «Война и “третья сила”», в котором, в частности, был и такой принципиально важный пассаж: «Что же делать русской трудовой демократии, что делать социалистическим партиям? Неужели трусливо упираться, неужели позволять безверию и панике овладеть собой до полного паралича воли? Нет, нет и тысячу раз нет! Но [нужно] броситься в поток событий с готовностью и решимостью настоящих революционеров и с твердою верою в то, что революционное потрясение такой огромной и великой страны, как Россия, не может остаться без отклика в потрясенной мировой катастрофой Европе, не может не оказать самого могучего заразительного действия на трудовые массы всех стран. Если даже в относительно спокойное первое десятилетие нового (XX. – С. Т.) века русский революционный взрыв 1905 г. повсюду вызвал известный подъем политического брожения масс, то насколько же подготовленнее этот сочувственный резонанс теперь, когда под ногами правящих классов уже колеблется почва, минированная хозяйственной разрухой и взбудораженная экспериментами “военного социализма”? И как же не пойти этим единственным достойным путем, когда, кроме него, есть еще только один путь – пассивного подчинения стихии, паралича собственной деятельной воли и фактического отказа от своей духовной сущности, от своей социально-революционной миссии?»* При этом Чернов подчеркивал, что эпоха относительно мирной и спокойной эволюции Европы осталась позади и на повестке дня стоит превращение кризиса военного в революционный. Он будет событием международного масштаба, причем обязательно встанет вопрос: кто же начнет европейскую революцию, кто даст этому процессу первый толчок? И почему знать, спрашивал Чернов, быть может, это будет Россия?»**

* Чернов В. М. Избранное. М., 2010. С. 624.

** Там же. С. 618, 623.

Однако судьбы организаций ПСР в самой России оказались в 1915 г. связаны не столько со взглядами и реальной политической деятельностью Чернова или, наоборот, его оппонентов-«оборонцев», находившихся за рубежом, сколько с такой оригинальной, очень энергичной и крайне амбициозной фигурой, как депутат IV Государственной думы и лидер ее крестьянской Трудовой группы молодой адвокат А. Ф. Керенский*. В 1905–1906 гг. он был непосредственно связан с эсерами и даже отсидел за эту связь несколько месяцев в тюрьме, но на нисходящей стадии Первой российской революции отошел от ПСР, хотя сохранял возникшую у него симпатию к ней. С весны–лета 1915 г., оставаясь «оборонцем», Керенский значительно полевел и стал одним из представителей «революционного оборончества», соединяя призыв к защите России от врага с идеей демократической революции. Керенский восстановил свои прежде нелегальные связи с эсерами, обнаружив одновременно честолюбивые претензии на руководство неонародническим лагерем в масштабах всей страны. При этом своими контактами с эсерами и народными социалистами (энесами) он как бы пытался возместить отсутствие у них, и особенно у ПСР, самостоятельного представительства в Государственной думе, что, наверное, действительно было тогда уже ошибкой. Ведь там голос многомиллионного российского крестьянства должен был бы звучать во время войны обязательно и притом достаточно громко, что как раз хорошо умел делать Керенский.

16–17 июля 1915 г., в преддверии открытия в Петрограде после полугодового перерыва очередной сессии IV Государственной думы, в столичной квартире Керенского собрались около 30 делегатов из Петрограда, Москвы, Самары, Саратова, Вологды, Вятки, Нижнего Новгорода, Екатеринбурга, Томска и Красноярска. Их целью, по замыслу хозяина, было подтолкнуть эсеров, энесов и трудовиков, которых они представляли на совещании, к активизации своей политической деятельности и борьбе с царским правительством. Здесь были и «оборонцы», и «пораженцы», причем Керенский предварительно объезжал, пользуясь своей депутатской неприкосновенностью, различные провинциальные города страны и сам сделал на начавшейся конференции два политических доклада. Он убедил слушателей в том, что Россия остро нуждается в мире, но до окончания войны ее нужно тем не менее защищать на фронтах от врага. Поскольку же царизм уже доказал свою полную политическую и военную недееспособность, для революционных партий наступил наконец момент, когда они должны начать решительную борьбу за власть. Ее главным лозунгом должен был стать, по Керенскому, созыв Учредительного собрания и предоставление всем россиянам политической свободы.

Выдвигались им и более конкретные лозунги: амнистия всем пострадавшим за свои политические и религиозные убеждения, демократизация государственного управления сверху донизу, свободная деятельность профессио-

* См.: *Тютюкин С. В.* Александр Керенский. Страницы политической биографии (1905–1917 гг.). М., 2012.

нальных и кооперативных организаций в стране и справедливое распределение налогов между всеми классами общества. При этом резко критиковалась и пассивность Государственной думы, но до созыва «истинного народного представительства» предлагалось все же пользоваться думской трибуной в целях организации народных сил. Было избрано и Центральное бюро народнических организаций, а их сторонникам на местах рекомендовалось активнее работать во всех легальных общественных организациях, чтобы в момент предстоящих решающих событий в стране сделать их опорными пунктами борьбы с царизмом. От петроградской группы эсеров в Бюро вошел М. А. Брагинский*.

В начале сентября 1915 г. в Циммервальде (Швейцария) прошла международная конференция социалистов-интернационалистов с участием Ленина, Троцкого и Мартова от РСДРП, а также Чернова и Натансона от ПСР. Манифест о борьбе с войной за мир без аннексий и контрибуций от эсеров подписал только Натансон, поскольку у Чернова были некоторые поправки к тексту этого документа, отклоненные другими участниками (он, в частности, был недоволен тем, что в манифесте был упомянут только российский пролетариат и не было ни слова о крестьянстве). Сразу скажем, что на следующей конференции циммервальдцев в швейцарском Кинтале (апрель 1916 г.) ПСР представляли уже только Натансон и еще два эсера, а Чернов в ней не участвовал.

Одновременно с Циммервальдской конференцией в сентябре 1915 г. в Женеве прошло совещание с участием 5 видных «оборонцев» из ПСР – Аргунова, Авксентьева, Бунакова и др. и нескольких меньшевиков-«плехановцев» во главе с самим «отцом русского марксизма», о чем уже говорилось выше. Под угрозой превращения России в германскую колонию и выплаты ею огромной контрибуции врагу, как подчеркивали участники этой женеvской встречи, развернувшееся летом 1915 г. широкое движение буржуазии и пролетариата за долгожданную свободу их родины может совпасть с организацией ими народной «самообороны» страны, поскольку царизм уже неспособен на это, как предварительное условие победы России в мировой войне.

В самой России 17 сентября 1915 г. были продолжены контакты Керенского теперь уже с одними только столичными эсерами. На его квартире опять собрались 30 эсеров, и хозяин уже прямо сказал им, что без революции Россия войну проиграет. По его мнению, короткий (2–3 дня) удар по правительству в форме всеобщей забастовки мог бы привести власть к полному краху, причем эту забастовку можно было бы провести под оборонческим флагом, что позволило бы снять с социалистов обвинение в «пораженчестве». Характерно, что Керенский, будучи сам «оборонцем», выступал против участия рабочих

* См.: История политических партий России. М., 1994. С. 180–181; Сытченко А. В. Народно-социалистическая партия в 1907–1917 гг. М., 1999. С. 172–174.

в ВПК*, тогда как Плеханов, наоборот, ратовал за это самым энергичным образом, причем с ним солидаризировались и участники упомянутой выше женеvской встречи меньшевиков и эсеров-оборонцев.

Между тем на сентябрьских выборах в «рабочие группы» ЦВПК и Петроградского областного ВПК эсеры блокировались с большевиками и принципиально отказались от участия в них, а на повторных, ноябрьских – уже голосовали за участие в этих комитетах, чтобы добиваться через них созыва Рабочего съезда или даже создания Совета рабочих депутатов, что было тогда совершенно несвоевременно**. Характерно, что после этого столичная группа эсеров выпустила гектографированное приветствие большевикам, где выборы в ВПК объявлялись незаконными, а тем, кто в них участвовал, объявлялось порицание. Одновременно были выпущены еще две листовки, агитировавшие рабочих против участия в ВПК там, где выборы еще не состоялись. 8 декабря 1915 г. на общегородской конференции эсеров в Петрограде, организованной при участии Керенского, прозвучал прямой призыв к рабочим-эсерам, избранным в ЦВПК и Петроградский ВПК, сложить с себя полномочия членов «рабочих групп». В противном случае участники конференции грозили снять с себя всякую ответственность за «гвоздеvцев»***.

Добавим, что бакинские, харьковские и луганские (Донбасс) левые эсеры тоже отказались от участия в местных ВПК. В целом же данный вопрос исследован до сих пор крайне слабо, но нужно подчеркнуть, что ни один эсер не вошел в историю российского рабочего движения как «военно-промышленный социалист» масштаба Гвоздева. Трудно восстановить и фактическую канву событий, связанных с участием ПСР в выборах «рабочих групп» ВПК в российской провинции.

С конца 1915 г. столичные эсеры на время возвратили себе с помощью Керенского (его популярность и в Думе, и в стране явно росла) лидирующую роль в эсеровском подполье в масштабах всей страны. На упомянутой декабрьской конференции ПСР в Петрограде была принята написанная Керенским в духе решений, принятых в Циммервальде, декларация, где, в частности, говорилось: «Не к сотрудничеству с властью в деле обороны страны призываем мы... Возвращайтесь, товарищи, в ряды партии. Восстанавливайте организации трудовых масс. Организуйтесь для единого и решительного удара... Да здравствует борьба за мир соединенными силами всей демократии! Да здравствует революция! Да здравствует Партия социалистов-революционеров!» – говорилось в этом документе****.

* См.: *Melancon M.* Op. cit. P. 99.

** См.: *Ерофеев Н. Д.* Социалисты-революционеры // Политические партии и общество в России. 1914–1917 гг. М., 2000. С. 71.

*** См.: *Шалагинова Л. М.* Указ. соч. С. 327, 329–330.

**** См.: Александр Федорович Керенский. По материалам Департамента полиции. Пг., 1917. С. 26–35; *Сытченко А. В.* Указ. соч. С. 178–179.

Тем не менее признание заслуг и авторитета Керенского на этой конференции было далеко не единодушным, так как некоторые участвовавшие в ней рабочие стремились занять еще более левые, чем он, антиоборонческие позиции. Им, в частности, не нравилось, что Керенский публично не отрекся от своего бывшего «оборончества» (а это была его главная позиция в Думе в 1914–1915 гг.), но тут же (не конъюнктурно ли?) объявил себя сторонником Циммервальда. Однако большинство делегатов петроградской конференции все же решили отложить дискуссию о позиции Керенского и о возможном расколе ПСР на две партии – «оборонцев» и интернационалистов (как в свое время РСДРП раскололась на большевиков и меньшевиков) до проведения будущей Всероссийской конференции ПСР.

В 1916 г., после тяжелой болезни и сложной хирургической операции Керенский на время прекратил свои связи с ПСР, что было вызвано и его крайней увлеченностью публичной депутатской деятельностью в Государственной думе, которая проходила очень успешно и носила ярко выраженный по отношению к царизму оппозиционный характер. Сразу же после Февральской революции 1917 г. Керенский «самопровозгласил» себя эсером, и прочно закрепившаяся за ним в Думе кличка «эсер» получила, таким образом, реальное подтверждение.

Избранный 8 декабря 1915 г. новый состав ПК ПСР, фактически выполнявший функции ЦК партии, поддерживал связи с эсеровским подпольем в Москве, Харькове, Твери, Ростове-на-Дону, Нижнем Новгороде, Пензе, Красноярске, Иркутске. Велась и переговоры с московскими большевиками о совместном проведении 9 января 1916 г. уличных демонстраций в память о трагических событиях «Кровавого воскресенья» 1905 г. Однако это и ряд планировавшихся аналогичных последующих мероприятий сорвались из-за налетов полиции*.

29 мая 1916 г. Петербургский комитет ПСР был переизбран на том основании, что из-за политических преследований он недостаточно активно борется с войной. Новый состав комитета принял декларацию, где был поставлен вопрос о «выходе демократии к власти» в результате революционного переворота. «Не братоубийственной борьбой народов, а гражданской войной против буржуазии и помещиков добудет свою лучшую долю трудовой народ», – говорилось там. А 14 июля в письме Натансону ПК ПСР сообщил о своем присоединении к решениям Кинтальской конференции. Однако комитет осенью был снова арестован. Следующую попытку восстановления ПК предприняли один из будущих основателей партии левых эсеров П. А. Александрович (Дмитриевский) и Н. В. Святицкий под девизом «Долой войну!» и «Скорейшее заключение справедливого мира без аннексий и контрибуций!», но ее тоже постигла неудача**.

* См.: *Шалагинова Л. М.* Указ. соч. С. 327–328; *Melancon M.* Op. cit. P. 102–111.

** См.: *Святицкий Н. В.* Война и предфевралье // *Каторга и ссылка.* 1932, № 2. С. 29–37.

Уже в начале 1916 г. эсеры пришли к мысли о необходимости отказаться от бойкота Государственной думы и принять участие в выборах в следующую, V Думу, намечавшихся на осень 1917 г. С весны 1916 г. они начали готовиться к ним и даже наметили в качестве 13 кандидатов в депутаты Керенского, В. М. Зензинова, Святицкого, И. З. Штейнберга и др., причем их неодинаковое отношение к войне в расчет не принималось. В избирательный блок должны были войти эсеры, энесы и трудовики, однако состояться этим выборам в 1917 г. было уже не суждено.

Февральскую революцию ПСР встретила даже в более тяжелом состоянии, чем РСДРП. Друг Керенского видный эсер В. М. Зензинов считал, что в 1917 г. «почти нигде не существовало организаций партии эсеров, все попытки в этом направлении пресекались в самом начале и серьезного характера не имели»^{*}. Тем не менее подобные оценки вряд ли можно понимать буквально: не потеряли своего значения идеи ПСР, не исчезли шедшие за ней массы, а главное – сохранились лучшие кадры партии^{**}. Она вела работу среди рабочих, студентов, солдат и матросов (Северная военная организация в Новгороде и Южная военная организация в Чернигове, а также военные группы в Кронштадте, Владивостоке, Пскове). С июля 1914 г. по февраль 1917 г. эсеры выпустили свыше 100 только выявленных историками антивоенных листовок^{***}, причем эти сведения явно неполны.

В годы войны наметилась и еще одна очень важная тенденция деятельности ПСР: были заложены основы реального организационно-политического союза и сотрудничества левых эсеров (в значительной мере это были эсеры-рабочие) с большевиками, зафиксированные в Туле, Сормове, Смоленске, Оренбурге, на Украине (Харьков, Екатеринослав, Одесса, Луганск), в Сибири (Томск, Иркутск, Красноярск), причем этот список может быть расширен^{****}. В полной мере сотрудничество большевиков с левыми эсерами получило развитие в 1917 и особенно в 1918 г., когда эти две партии вместе шли сначала на октябрьский переворот, а потом активно работали в советском правительстве. Но и то, чего они достигли уже в 1915 г. и особенно в 1916 г., тоже сбрасывать со счетов нельзя. В годы войны они занимались не только политической деятельностью, но и работали в сельскохозяйственной кооперации, которую сами власти считали важным элементом в процессе революционизирования и объединения крестьянства^{*****}, а также в некоторых других легальных хозяйственных и общественных организациях.

^{*} См.: *Зензинов В. М.* Из недавнего прошлого // Дело народа (Петроград). 1917. 11 августа.

^{**} См.: *Ерофеев Н. Д.* Указ. соч. С. 75.

^{***} См.: *Шалагинова Л. М.* Указ. соч. С. 328.

^{****} См.: *Melancon M.* Op. cit. P. 124, 129, 133, 136, 142, 150, 152, 153–155 и др.

^{*****} См.: *Ерофеев Н. Д.* Указ. соч. С. 76.

Деятельность всех революционных партий вызывает в настоящее время очень разноречивые оценки историков и общества вплоть до весьма негативных, а сохранение в России самодержавной власти, наоборот, некоторыми даже приветствуется. Но подобная разногласия не меняет того факта, что Февральская революция 1917 г. победила в России фактически почти мирно и приветствовалась абсолютным большинством народных масс, уставших от изнурительной войны, царившего в стране хаоса, беззакония, социальной несправедливости и национального неравенства. На фоне общего кризиса европейского социализма в годы мировой войны российские революционные партии, хотя порой и не без значительных потерь, в основном все же остались верны принципам демократии, пролетарского интернационализма и социализма. Это позволило им занять значимое, а во многом и решающее место в сложных и подчас заранее непредсказуемых политических процессах 1917 г.

* * *

Анализ состояния ведущих общероссийских политических партий показывает, что в условиях назревания в стране общеполитического кризиса в экстремальной ситуации мировой войны они не смогли выработать адекватной стратегической и тактической линии. Война довершила полный развал консервативных партийных структур, которые окончательно сошли с политической арены вместе с крушением монархии. Серьезное испытание войной не пережили праволиберальные партии (октябристы) и центристы (прогрессисты), немногочисленные члены которых либо вошли в состав кадетской партии («мартовские кадеты»), либо создали другие эфемерные партийные объединения. Из либеральных партий лишь кадеты сумели не только удержаться «на плаву», но, сыграв определенную роль в дестабилизации авторитарного режима, временно прийти к власти после Февральской революции. Что касается социалистических партий, то их положение в годы войны оказалось не менее сложным. Однако в процессе нарастания общенационального политического кризиса их влияние на демократические массы стало постепенно возрастать, что позволило им в ходе стихийного революционного процесса упрочить свое положение в стране и оказывать серьезное влияние на выработку политического курса Временного правительства.

Часть VI

НАЗРЕВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Мировая война стала проверкой на прочность экономики, социальных и, прежде всего, политических систем европейских государств, включая и Россию. Политическая жизнь империи в преддверии войны переживала стремительные метаморфозы. Ведущие политические игроки (включая и императора) не осознавали новую реальность, складывавшуюся у них на глазах, и продолжали мыслить категориями тех лет, когда не было представительных учреждений и, следовательно, правовых рамок диалога власти и общества. Партийная же система, сложившаяся в годы Первой русской революции, к началу войны, как уже отмечалось в предыдущем разделе, была рыхлой и не соответствовавшей требованиям момента.

В итоге складывалось «пространство неопределенности» во взаимоотношениях законодательной и исполнительной власти, императора и Совета министров, бюрократии и депутатского корпуса. Политические процессы в пределах одной системы становились асинхронными и разнонаправленными, а в экстремальных условиях военного времени – и малоуправляемыми. На фоне же экономических проблем, маргинализации многих групп населения, нараставшего социального недовольства это имело роковое значение для правящего режима.

Кризисы бывают разные. Далеко не всегда они предвещают крах сложившейся политической системы. Напротив, очень часто они становятся тем вызовом, который обеспечивает ей стремительное развитие. Однако кризисы целительны лишь для гибкой системы, в которой есть место для диалога и компромисса. Она должна предполагать механизм эволюции. В противном случае острая кризисная ситуация ставит вопрос о демонтаже всей существующей модели политических отношений*. Иными словами, с неизбежностью возникающие конфликты предпочтительно разрешать в имеющихся правовых рамках. Это возможно до тех пор, пока многочисленные противоречия, существующие, впрочем, в любом обществе, не сошлись в линии раскола**, когда возникают «мы» и «они», «свои» и «чужие»: например, бюрократия и общественность. Тогда внутри самого общества воздвигаются невидимые «баррикады», что особенно опасно в условиях внешней войны.

* Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С. 117.

** Теория и методы в современной политической науке / Под ред. С. У. Ларсена. М., 2009. С. 443–444.

Глава 1. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ

(К. А. Соловьев)

1. Верховная власть

Согласно Основным государственным законам, утвержденным 23 апреля 1906 г., монарх в России оставался самодержцем. Некоторые видели в этом лишь «букву» закона, продолжение традиции, восходившей еще к XV столетию, когда Московское княжество, заявляя о самодержавии государя, фактически декларировало свой внешнеполитический суверенитет. Согласно этой точке зрения, самодержец – отнюдь не обязательно абсолютный монарх. Он мог быть ограничен конституцией. Статья 86 «новых» Основных законов, казалось бы, снимала всякие сомнения на сей счет: «Никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного совета и Государственной думы и воспринять силу без утверждения государя императора»^{*}. Таким образом, нельзя было законодательствовать без учета мнения представительных учреждений. Однако эта статья далеко не исчерпывающим образом описывала юридическую ситуацию. Российской правовой системе было свойственно сложное «геологическое» строение, когда «новые породы» наслаивались на старые, отнюдь не упраздняя их. Соответственно, и после издания Основных законов механизм законотворчества во многом оставался весьма архаичным, продолжая традиции дореформенных времен.

В рамках новой политической системы вставали старые, пока не разрешенные вопросы. Один из них волновал юристов еще до 1906 г.: понятия «указ» и «закон» не были разведены в российском законодательстве^{**}. Следовательно, не было ясно, какие акты должны были утверждаться представительными учреждениями, а какие нет. Политическая практика однозначного ответа не давала. Показательно, что в Продолжениях Свода законов, издаваемых уже после 1906 г., публиковались не только правовые нормы, утвержденные в общем законодательном порядке, но и Высочайшие повеления, решения Военного совета, Адмиралтейств-совета, постановления Совета министров. Собственно законы составляли незначительную часть корпуса публикуемых

* Савич Г. Г. Новый государственный строй России. СПб., 1907. С. 76.

** См.: Коркунов Н. М. Указ и закон. СПб., 1894. С. 257–270; Дякин В. С. Был ли шанс у Столыпина. СПб., 2002. С. 96.

текстов*. Иными словами, вопросы решались с участием представительных учреждений или без всякой их санкции, прежде всего в зависимости от сложившегося обычая**.

Ситуация в России осложнялась еще и тем, что эти обычаи формировались в условиях авторитарного режима: до 1906 г. любой вопрос мог быть разрешен в порядке управления и не требовал издания особого закона***. Складывавшаяся тогда традиция и в дальнейшем определяла сферу компетенции императора. Он и после 1906 г. сохранял верховную власть управления – правом создавать и упразднять министерства и прочие высшие административные учреждения, назначать и увольнять министров, в том числе и главу кабинета****. Исключительно в его ведении оставались международные отношения: от его имени заключались договоры, объявлялись война и мир. Император оставался «державным вождем армии и флота», принимал решения относительно дислокации войск, строевых, административных и хозяйственных вопросов ведения военного дела. Он же своей волей объявлял ту или иную местность империи на военном или чрезвычайном положении*****.

Царь ревниво относился к своим прерогативам в сфере обороноспособности страны. Показателен случай, когда в апреле 1909 г. он отказался утверждать законопроект о штатах Морского генерального штаба, внесенный в Думу правительством и одобренный представительными учреждениями. Это поставило Совет министров в двусмысленное положение: он невольно оказывался в оппозиции к верховной власти*****. Проблема объяснялась 96-й статьей Основных законов, породившей многочисленные споры среди юристов. Именно она сохранила за императором ничем не ограниченное право принимать решения по строевой, технической и хозяйственной частям военных сил России*****. Эта норма создавала неразрешимые коллизии, так как представительные учреждения неизбежно вмешивались в военные дела, размер финансирования которых им приходилось определять. В итоге в каждой конкретной ситуации надо было решать, относится ли та или иная мера, проходившая по

* Труды Юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. 1909. Т. 2. СПб., 1911. С. 218.

** *Лазаревский Н. И.* Русское государственное право. Т. 1. СПб., 1913. С. 311.

*** Там же. С. 319.

**** Там же. С. 332. Свод законов Российской империи. Изд. 1906 г. Т. 1. Ч. 1. Б. г. Ст. 10, 16.

***** Свод законов... Ст. 14, 15.

***** Исход министерского кризиса с юридической точки зрения // *Право*. 1909. 17 мая. № 20. Стб. 1245–1246.

***** *Савич Г. Г.* Новый государственный строй России: Справочная книга. СПб., 1907. С. 77–78.

военному и морскому ведомствам, к исключительной прерогативе верховной власти*.

Многие значимые решения по военному и морскому ведомству принимались именно по инициативе императора. Так, он настаивал на увеличении финансирования прежде всего Морского министерства. Причем противники новых кредитов оказались отнюдь не из числа оппозиции. Весной 1909 г. против этого выступили адмиралы, члены Государственного совета А. А. Бирилев, Ф. В. Дубасов, Н. М. Чихачев. Более того, схожую позицию занимали и многие министры: министр финансов В. Н. Коковцов, министр торговли и промышленности С. И. Тимашев, государственный контролер П. А. Харитонов**. Сам Столыпин убеждал императора пойти навстречу требованиям депутатов, которые в среде морских офицеров признавались вполне оправданными***. По сведениям А. А. Поливанова, на заседании Государственного совета 24 мая 1909 г. министры в соответствии с указаниями П. А. Столыпина голосовали против кредитов на судостроение****.

И все же и министрам, и депутатам пришлось в этом вопросе пойти на уступки. В 1910 г. во время обсуждения в Думе «Малой морской программы» лидеры фракций П. Н. Балашев, А. И. Гучков, В. В. Шульгин и др. были вызваны к П. А. Столыпину, который ознакомил их с настроениями в ближайшем императорском окружении. Согласно воспоминаниям В. В. Шульгина, депутатам было заявлено, что верховная власть готова даже пойти на роспуск Думы, если последняя откажется поддержать планы по перевооружению флота. При этом сам П. А. Столыпин признавался, что он критически относился к проектам Морского министерства и считал своим большим успехом сокращение суммы будущих расходов с 3 до 1,5 млрд руб. «Я, – говорил Столыпин, – всецело стою на стороне так называемого флота малых крейсеров и в особенности подводных лодок. Но и сделать ничего не могу. Думу распустят, а я уйду в отставку. Вот почему я должен держаться этого компромисса и прошу вас хорошенько об этом поразмыслить»*****. В итоге было принято решение вносить в смету необходимые суммы в качестве условных кредитов. В этом случае Дума не брала бы на себя какие-либо дополнительные обязательства и в будущем сохраняла бы свободу маневра.

* Особые журналы Совета министров Российской империи. 1914 год. М., 2006. С. 51–55.

** Григорович И. К. Воспоминания бывшего морского министра. 1853–1917. Кронштадт; М., 2005. С. 30, 32.

*** Столыпин П. А. Переписка. М., 2004. С. 45–48.

**** Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907–1916 гг. М., 1924. С. 73.

***** Шульгин В. В. Последний очевидец. М., 2002. С. 100. В. В. Шульгин, очевидно, ошибается, приписывая эти события 1908 г., когда Малая морская программа в Думе не обсуждалась.

Когда в 1912 г. вновь встал вопрос об утверждении кредитов на судостроение, в Морском министерстве были настроены крайне решительно. Министр И. К. Григорович полагал, что, если нижняя палата в очередной раз откажет его ведомству в необходимом финансировании, оно должно пройти решением императора, т. е. чрезвычайно-указным путем по 87-й статье Основных законов. Один из сотрудников министра А. Е. Конкевич писал 21 мая 1912 г.: «Пусть Кабинет просит государя, руководствуясь 87 статьей, повелеть дать 502 млн [руб.]. В нашей истории бывали примеры подобного рода. И затем, получив такой всеподданнейший доклад и ходатайство Кабинета, объявить его и распустить немедленно Государственную думу как не вполне осведомленную, не озабоченную безопасностью страны и т. д.»*

Такого рода решительность «подпитывалась» слухами о настроениях в ближайшем окружении императора. Дочь председателя Думы А. Родзянко писала 24 мая 1912 г., что, по ее сведениям, успешное прохождение сметы Морского министерства в нижней палате было условием сохранения В. Н. Коковцова в должности премьер-министра**. В итоге, вопреки мнению А. И. Гучкова, октябристы (а вместе с ними и думское большинство) поддержали смету морского ведомства***.

Ст. 96 Основных законов вызывала большие споры. Однако особое внимание и юристов начала XX в., и современных исследователей привлекала 87 ст. Она позволяла верховной власти принимать указы, имевшие силу закона, в перерывах между сессиями представительных учреждений. Причем это решение должно было быть внесено в Думу не позже чем через два месяца с момента возобновления ее работы. В противном случае указ прекращал действие. Однако до того момента, пока он оставался в силе, единоличное решение императора фактически приравнивалось закону, и даже в случае его отклонения депутатами никто не мог поставить под сомнение все юридические последствия высочайшего решения****.

Ключевое значение имел сам порядок применения этой нормы. По мнению М. М. Ковалевского, 87-я статья восходила к временным правилам, к которым прибегали еще и до 1906 г. С их помощью министры «обходили» Государственный совет, в котором часто заседали оппоненты действовавших руководителей ведомств. «Чем были в самом деле эти временные правила, незаметно переходившие в постоянные? Да не более как единоличными докладами министра царю, получившими его санкцию, помимо всякого участия

* ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 569. Л. 1310.

** Там же. Л. 1336.

*** Там же. Л. 1355.

**** *Лазаревский Н. И.* Указ. соч. С. 350.

Государственного совета даже совещательным голосом»*. И в дальнейшем 87-я статья расширяла пределы, прежде всего, министерской власти. Чрезвычайно-указное право было важным инструментом в руках Совета министров, что даже позволило Ф. Ф. Кокошкину охарактеризовать правительство как законодательное учреждение**. М. М. Ковалевский в шутку предлагал отличать «летний» и «зимний» государственный строй Российской империи. Зимой, когда работали Дума и Государственный совет, «не дремала» периодическая печать, в России была конституционная монархия. Летом, когда и депутаты, и ведущие журналисты столичных изданий отправлялись отдыхать, беспрепятственно законодательствовали министры, и Россия представляла собой типичное «полицейское государство»***.

Однако не следует и преувеличивать значение 87-й статьи. Даже правоведы, относившиеся к ней в высшей степени критически, признавали, что чрезвычайно-указное право неизбежно при любом конституционном порядке. Это было тем более характерно для монархических государств, где верховная власть оставалась блюстителем интересов государства. «И когда... эти интересы требуют безотлагательного установления норм, то монарх не только имеет право, но и обязан избрать для их издания кратчайший путь, т. е. установить их административным распоряжением, другими словами, издать чрезвычайный указ»****. Я. М. Магазинер приводил пример Италии, где конституционное законодательство его в принципе не допускало. Вместе с тем в 1848–1849 гг. там было принято 66 законодательных актов чрезвычайно-указного характера****. В России же за все время работы III Думы правительство прибегло к 87-й статье лишь шесть раз*****.

И наконец, в отличие от многих других правовых норм, 87-я статья лишь подчеркивала обновленный характер политической системы, в соответствии с которым любой закон, даже изданный в чрезвычайных обстоятельствах, нуждался в санкции представительных учреждений. В этом отношении «по

* Ковалевский М. М. 87-я статья: ее прошлое, ее настоящее и будущее // Русские ведомости. 1908. 12 февр. № 35.

** Кокошкин Ф. Ф. Совет министров // Русские ведомости. 1910. 1 янв. № 1; Право. 1910. 24 янв. № 4. Стб. 263; Магазинер Я. М. Чрезвычайно-указное право в России (87-я ст. Основных законов). СПб., 1911. С. 50–51.

*** Ковалевский М. М. Писаная и действующая конституция // Русские ведомости. 1 янв. 1910. № 1. С. 3.

**** Алексеев А. С. Происхождение чрезвычайно-указного права и его политическое значение // Юридический вестник. 1913. № 1. С. 67–68.

***** Право. 1910. 24 янв. № 4. Стб. 262; Магазинер Я. М. Указ. соч. С. 9–10.

***** Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва. 1907–1912 гг. Ч. 1. Общие сведения. СПб., 1912. С. 174–178.

своему тексту и подлинному смыслу 87-я статья выражает в большей степени готовность признавать естественное право народного представительства, чем многие другие статьи Основных законов»^{*}.

Несмотря на то что Основные законы чрезвычайно подробно описывали сферу компетенции императора, они не позволили в полной мере избежать пробелов в праве. Это касалось и 87-й статьи, в которой не уточнялось, что такое «чрезвычайные обстоятельства» или же «прекращение» работы законодательных учреждений». «Представительный строй» надстраивался на фундаменте самодержавной монархии. По этой причине многое зависело от того, как оценивал складывавшуюся политическую систему император. Вроде бы Манифестом 17 октября 1905 г. основной вопрос был разрешен: Россия переходила к конституционной монархии. 15 октября 1905 г. С. Ю. Витте четко обозначил императору имевшиеся альтернативы: диктатура или конституция^{***}. Накануне подписания Манифеста, 16 октября, царь писал Д. Ф. Трепову: «Я сознаю всю торжественность и значение переживаемой Россией минуты и молю милосердного Господа благословить Промыслом Своим нас всех и совершаемое рукой моей великое дело. Да, России даруется **конституция**. Немного нас было, которые боролись против нее. Но поддержка в этой борьбе ниоткуда ни пришла. Всякий день от нас отворачивалось все большее количество людей, и в конце концов случилось неизбежное. Тем не менее, по совести, я предпочитаю даровать все сразу, нежели быть вынужденным в ближайшем будущем уступать по мелочам и все-таки прийти к тому же»^{****}.

Однако настроения в Петергофе менялись. С. Ю. Витте их чутко улавливал. И в декабре в беседе с А. И. Гучковым и Д. Н. Шиповым Витте так инструктировал общественных деятелей перед совещанием, которое должно было подготовить избирательный закон в Государственную думу: «В числе аргументов, которые вы будете приводить, вы не указывайте на то, что Манифест 17 октября уже предreshает введение конституционного образа правления в России и что этот манифест уже связывает верховную власть, как что-то уже сделанное». Те же советы премьер давал гр. В. А. Бобринскому

^{*} *Котляревский С. А.* Конституционное государство. Юридические предпосылки Русских Основных законов. М., 2004. С. 247; *Штильман Г. Н.* Статья 87-я и условия и ее применения // Русская мысль. 1907. № 9. С. 84.

^{**} Право. 1910. 24 янв. № 4. Стб. 263–264; *Магазинер Я. М.* Указ. соч. С. 56–79.

^{***} [*Витте С. Ю.*] Из архива С. Ю. Витте: Воспоминания. СПб., 2003. Т. 2. С. 217. Согласно воспоминаниям И. И. Колышко, в начале октября 1905 г. Витте открыто говорил о необходимости конституции. (*Колышко И. И.* Великий распад: Воспоминания. СПб., 2009. С. 151.) Это слово будет табуировано премьер-министром лишь в дальнейшем.

^{****} ГА РФ. Ф. 595. Оп. 1. Д. 45. Л. 7.

и бар. П. Л. Корфу*. Это объяснялось одним: С. Ю. Витте был убежден, что «царь не хочет конституции»**.

9 апреля 1906 г. Николай II поделился с участниками царскосельских совещаний своими колебаниями относительно определения монаршей власти как неограниченной: «Имею ли я перед моими предками право изменить пределы власти, которую я от них получил»***. В итоге в последние минуты работы совещаний император, как будто бы преодолев свои сомнения, принял решение исключить слово «неограниченный» из Основных законов****.

Однако едва ли тот час стал поворотным в понимании царем пределов собственных полномочий. Оно оставалось чрезвычайно далеким от рациональных оснований конституционализма. В письме П. А. Столыпину от 10 декабря 1906 г. Николай II, обосновывая невозможность снять правовые ограничения с еврейского населения, так определял характер царской власти: «До сих пор совесть моя никогда меня не обманывала. Поэтому и в данном случае я намерен следовать ее велениям. Я знаю, Вы тоже верите, что “сердце царево в руцех Божиих”. Да будет так. Я несу за все власти, мною поставленные, перед Богом страшную ответственность и во всякое время готов отдать ему в том ответ»*****.

Впоследствии император не раз возвращался к вопросу, который был перед ним поставлен 9 апреля 1906 г., но отвечал иначе: власть царя должна быть в полной мере неограниченной. В 1909 г. император говорил военному министру В. А. Сухомлинову: «Я создал Думу не для того, чтобы она мне указывала, а для того, чтобы советовала»*****. В беседе с министром юстиции И. Г. Щегловитовым в 1909 (или в 1910) г. император поднял вопрос о несуразности положения, когда вотум одной из законодательных палат может лишить государя возможности рассмотреть и утвердить тот или иной законопроект. На уклончивый ответ Щегловитова Николай II заметил, что было бы неплохо обдумать этот вопрос и обсудить его с председателем Государственного совета М. Г. Акимовым. Сразу же после аудиенции, едва успев переодеться, Щегловитов отправился к Акимову. Последний был в ужасе от императорской инициативы: «Я в первую же аудиенцию, которая мне будет дана, этот

* Александр Иванович Гучков рассказывает... М., 1993. С. 37.

** Миллюков П. Н. Воспоминания: В 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 331.

*** Русский конституционализм: От самодержавия к конституционно-парламентской монархии. М., 2001. С. 119.

**** Там же. С. 162.

***** Столытин П. А. Переписка. С. 22. Политическое сознание, чуждое институциональной организации конституционного государства, было характерно для членов августейшей фамилии. Уже в сентябре 1916 г. императрица Александра Федоровна заявила новому министру внутренних дел, что она «никаких партий не признает, а знает лишь два сорта людей: за царя и против царя» (РГАЛИ. Ф. 389. Оп. 1. Д. 46. Л. 74).

***** Поливанов А. А. Указ. соч. С. 69.

вопрос тоже покончу, чтобы он не возникал». Акимов так объяснил свою позицию императору: «Худ или хорош этот порядок, но на нем помирился весь мир, и поэтому мириться с ним нужно и Вам. И нечего рассуждать, что его нужно ломать»*.

И все же спустя три года Николай II вернулся к этой идее. В письме министру внутренних дел Н. А. Маклакову от 18 октября 1913 г. он предлагал внести поправку в Учреждение Государственной думы. Его удивляло, что Дума, голосуя против редакции верхней палаты, отвергает и сам законопроект. «Это, *при отсутствии у нас конституции* (курсив наш. – К. С.), есть полная бессмыслица. Предоставление на выбор и утверждение государем мнения большинства и меньшинства будет хорошим возвращением к прежнему спокойному течению законодательной деятельности и притом в русском духе**». Иными словами, император ставил вопрос об обращении Думы в законосовещательное собрание. Это было неожиданностью даже для Маклакова, который прежде просил «просто» распустить нижнюю палату. В итоге министр не решил даже сообщить коллегам о столь смелом предложении императора***.

Тем не менее слухи об этом доходили до общественных кругов. Еще в феврале 1911 г. А. Ф. Кони предсказывал возможное упразднение Думы в самом скором времени: «Знаете, если бы теперь наше правительство решилось выступить с указом о распусчении Государственной думы и преобразовании Государственного совета в совещательный орган, то, право, никто этому не удивился бы и даже особенно не возмутился – насколько охладели... к государственной и общественной деятельности»****. В ожидании такого решения член фракции правых П. В. Новицкий заявлял депутатам, принадлежавшим к социал-демократии, что они будут все повешены, как только Дума будет распущена*****.

В мае 1915 г., т. е. уже в период войны, император вернулся к мысли о превращении Думы в законосовещательное учреждение. Инициатива исходила от Н. А. Маклакова, на письме которого Николай II написал: «Действительно,

* Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. 2. Л.; М., 1925. С. 436. И. Х. Озеров, ссылаясь на свою беседу с И. Г. Щегловитовым, относил этот разговор к 1914 г. По его словам, незадолго до начала Первой мировой войны Николай II заметил министру юстиции, что он «бы хотел изменить положение о Государственной думе и сделать ее не законодательной, а законосовещательной». «Согласитесь Вы это сделать?» – спрашивал император у Щегловитова. Щегловитов ответил отказом, и император не скрывал своего недовольства (ОР РНБ. Ф. 541. Оп. 1. Д. 4. Л. 37).

** Падение царского режима... Т. 5. М.; Л., 1926. С. 196.

*** Там же. С. 197–198.

**** РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 6. Л. 4.

***** Там же. Л. 5 об.

время настало сократить Государственную думу. Интересно, как будут при этом себя чувствовать гг. Родзянко и К^о». Подобные меры вполне соответствовали представлениям о власти, характерным для императора. В январе 1917 г. в беседе с английским послом Дж. Бьюкененом он так формулировал свое понимание природы самодержавия: «Вы мне говорите, господин посол, что я должен заслужить доверие моего народа. Не следует ли скорее народу заслужить мое доверие»^{**}.

С началом войны политическая система Российской империи претерпела существенные изменения. Появился новый авторитетный центр принятия решений – Ставка. Неслучайно еще в начале войны император хотел взять на себя обязанности главнокомандующего. Под давлением ближайшего окружения он временно отказался от этой идеи^{***}. Авторитет императора не должен был быть поколеблен из-за возможных неудач в войне. Однако, проявляя разумную осторожность, царь оказывался в двусмысленном положении. Генерал Ф. Ф. Палицын выражал недовольство, что вел. кн. Николая Николаевича объявили верховным главнокомандующим: «Нельзя из короны государя вырывать перья и раздавать их направо и налево. Верховный главнокомандующий, верховный эвакуационный, верховный совет – все верховные, один государь – ничего. Подождите, это еще даст свои плоды. Один государь – “верховный”, никто не может быть им, кроме него»^{****}. В этих рассуждениях была своя логика. Ставка, принимая ответственность за ход военных действий, получала право принимать во многих случаях самостоятельные решения. Показательно, что в 1915 г. начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Н. Н. Янушкевич отменил решение императора о посылке дивизии в Персию^{*****}.

Это положение тяготило императора и его семью. Николай II с неизбежностью возвращался к ранее отброшенной мысли о необходимости возглавить армию. К тому же в правительстве регулярно обвиняли Ставку в непродуманности тех или иных мер, в отсутствии ясной стратегии управления армией^{*****}. Министр земледелия А. В. Кривошеин неоднократно объяснял, что военное командование стало столь всемогущим из-за Положения о полевом управлении. Ведь оно было принято в расчете на то, что верховным главнокомандую-

* Родзянко М. В. Крушение империи // Архив русской революции. Т. 17–18. М., 1993. С. 99.

** Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 299.

*** Яхонтов А. Тяжелые дни (Секретные заседания Совета министров 16 июля – 2 сентября 1915 г.) // Архив русской революции. Т. 18. Берлин, 1926. С. 92.

**** Военный дневник великого князя Андрея Владимировича Романова (1914–1917). М., 2008. С. 142.

***** Там же. С. 169.

***** Яхонтов А. Указ. соч. С. 16.

щим должен был стать сам царь: «Тогда никаких недоразумений не возникло бы и все вопросы разрешались бы просто: вся полнота власти была бы в одних руках». Это был весомый аргумент в пользу объявления царя верховным главнокомандующим. Председатель Совета министров И. Л. Горемыкин, отдавая себе отчет, что все идет именно к этому, предупреждал своих коллег по правительству, что вел. кн. Николая Николаевича недолюбливали в Царском Селе, а императрица Александра Федоровна была изначально против его назначения: «Огонь разгорается. Опасно подливать в него масло»^{*}. Однако министры не желали мириться с политикой Ставки.

На заседании Совета министров 16 июля 1915 г. было решено «уполномочить И. Л. Горемыкина и А. А. Поливанова представить Его Величеству единодушное ходатайство правительства о неотлагательном созыве Военного совета», причем докладчики были обязаны указать государю, что «мера эта обуславливается не только военной необходимостью, но и соображениями внутренней политики, так как население недоумевает по поводу внешне безучастного отношения царя и его правительства к переживаемой на фронте катастрофе»^{**}. На заседании Совета министров 24 июля вновь был поставлен вопрос о недееспособности Ставки. И вновь Горемыкин предупредил, что говорить об этом императору в сложившихся обстоятельствах чревато последствиями^{***}. Таким образом, министры невольно подыгрывали ближайшему окружению Николаю II, в котором крепла убежденность, что надо менять военное командование. Когда 24 августа 1915 г. спросили императрицу Александру Федоровну о готовившейся отставке вел. кн. Николая Николаевича с должности верховного главнокомандующего, она ответила: «Опять про Николашу, все только о нем и говорят... Это мне надоело слышать: Ники (Николай II. – *Ред.*) гораздо более популярен, нежели он, довольно он командовал армией, теперь ему место на Кавказе»^{****}.

Оказавшись в Ставке, Николай II ограничил свой круг общения. Даже министров он принимал существенно реже, чем прежде. Источников оперативной информации становилось меньше, и, следовательно, царь оказывался в большей зависимости от своего ближайшего окружения, где первое слово принадлежало императрице. Даже у августейших родственников она вызывала резкое раздражение. «В ней все зло, – считал вел. кн. Николай Николаевич. – Посадить бы ее в монастырь, и все бы пошло по-иному, и государь стал бы иным. А так приведет она всех к гибели»^{*****}.

* Яхонтов А. Указ. соч. С. 21.

** Там же. С. 16–17.

*** Там же. С. 25–26.

**** Военный дневник великого князя Андрея Владимировича Романова (1914–1917). С. 176.

***** Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. М., 2010. С. 183.

Выполняя роль «связующего звена» между Ставкой в Могилеве и правительством в Петрограде, императрица сообщала августейшему супругу о событиях в столице, давала ему советы в области кадровой политики, встречалась с министрами, наставляла их. В июле 1915 г. она рекомендовала в качестве будущего министра внутренних дел А. Н. Хвостова, в октябре того же года настаивала на назначении товарищем обер-прокурора Св. Синода Н. Д. Жевахова, в ноябре предлагала заменить А. В. Кривошеина А. Н. Наумовым. В сентябре 1915 г. Александра Федоровна писала императору о необходимости отставки министра внутренних дел Н. Б. Щербатова, крайне резко отзывалась о деятельности обер-прокурора Св. Синода А. Д. Самарина, высказывалась за увольнение С. Д. Сазонова и А. В. Кривошеина. После известной «министерской забастовки» она даже призывала Николая II уволить всех министров, оставив в должности лишь «старика» Горемыкина. В сентябре 1916 г. императрица просила о назначении министром внутренних дел А. Д. Протопопова^{*}. Последний был убежден, что он оставался в должности лишь благодаря заступничеству Александры Федоровны^{**}. По ее же инициативе был назначен военным министром М. А. Беляев^{***}. Царицу интересовал не только Совет министров, но и прочие высшие учреждения Российской империи. В декабре 1916 г. императрица настояла на том, чтобы председателем Государственного совета стал И. Г. Щегловитов^{****}.

Александра Федоровна регулярно принимала министров. Сам император говорил руководителям ведомств: «Если вам что[то] нужно передать, то скажите государыне. Она мне каждый день пишет»^{*****}. В октябре 1914 г. Александра Федоровна потребовала к себе министра внутренних дел Н. А. Маклакова; в июне 1915 г. – И. Л. Горемыкина, А. А. Поливанова; в июле – вновь Горемыкина, который впоследствии регулярно посещал императрицу; в сентябре 1915 г. – председателя Государственного совета А. Н. Куломзина и министра народного просвещения П. Н. Игнатьева; в октябре – А. В. Кривошеина, А. Н. Волжина^{*****}, и т. д. Согласно сведениям В. Н. Коковцова, премьер-министр Б. В. Штюрмер регулярно являлся к императрице с докладами^{*****}. По словам Александры Федоровны,

* Переписка Николая и Александры Романовых, 1914–1915. Т. 3. М.; Пг., 1923. С. 253, 324, 326, 336, 424, 429.

** Падение царского режима... Т. 4. Л., 1925. С. 30.

*** Там же. Т. 1. Л., 1924. С. 47.

**** Переписка Николая и Александры Романовых, 1916–1917. Т. 5. М.; Л., 1927. С. 193.

***** Падение царского режима... Т. 2. С. 298.

***** Переписка Николая и Александры Романовых, 1914–1915. Т. 3. С. 36–37, 226, 238, 256, 297, 395, 401.

***** *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. С. 182.

Распутин приказал премьер-министру являться к ней каждую неделю*. Императрица подолгу беседовала с министром внутренних дел А. Д. Протопоповым по всем вопросам государственного управления**. Она встречалась и с депутатами. В сентябре 1915 г. царица по совету премьер-министра решила побеседовать с лидером Партии центра П. Н. Крупенским, чтобы поговорить с ним о положении дел в Думе***.

Советы Александры Федоровны касались не только кадровой политики. В ноябре 1915 г. она, ссылаясь на мнение Г. Е. Распутина, предложила императору выступить на открытии Думы, удивив тем самым депутатов. Вновь основываясь на точке зрения «друга» (Распутина) и вопреки позиции И. Л. Горемыкина, тогда же, в ноябре 1915 г., императрица высказывалась за скорейший созыв нижней палаты****. Следуя советам жены, Николай II все же посетил Таврический дворец. Это произошло в день открытия сессии Думы 9 февраля 1916 г. В апреле 1916 г. императрица предложила сделать новый внутренний заем. Идея понравилась царю, и он предложил Александре Федоровне переговорить по этому поводу с премьером Б. В. Штюрмером или министром финансов П. Л. Барком*****.

Таким образом, и с переездом Николая II в Могилев Царское Село оставалось важнейшим политическим центром России. Уверенность императрицы в своем праве принимать решения государственного значения передавалась и ее ближайшему окружению. В итоге приказания Министерству внутренних дел раздавались не только Александрой Федоровной, но и близкой к ней А. А. Вырубовой*****.

И все же было бы чрезмерным упрощением сводить политическую историю России военных лет к семейной драме слабохарактерного царя и его крайне властной супруги. Во-первых, некоторые решения, которые принимались императором вопреки всеобщим ожиданиям, оказывались неожиданными и для императрицы. Так был назначен председателем Совета министров нелюбимый Александрой Федоровной А. Ф. Трепов, когда все в Ставке уже поздравляли с утверждением в этой должности И. К. Григоровича. В бюрократической среде такие решения называли «курбетамы Николая II»*****. Во-вторых, на императора могли влиять и другие лица из его ближнего круга, чья позиция могла не совпадать с мнением Александры Федоровны. Так, В. Н. Орлов, настоявший

* Переписка Николая и Александры Романовых, 1916. Т. 4. М.; Л., 1926. С. 408.

** Падение царского режима... Т. 1. С. 166–167.

*** Там же. С. 257.

**** Переписка Николая и Александры Романовых, 1914–1915. Т. 3. С. 463, 477.

***** Там же. 1916. Т. 4. С. 227.

***** Падение царского режима... Т. 1. С. 24.

***** Клячко Л. М. Повести прошлого. Л., 1929. С. 67.

на увольнении обер-прокурора Св. Синода В. К. Саблера, предупредил протопресвитера военного и морского духовенства Г. И. Шавельского: «Должны мы были выехать от вас завтра или послезавтра, но теперь задержимся недели две». «Почему?», – недоумевал Шавельский. «К madame (императрице. – *Ред.*) нельзя скоро на глаза показаться. Вы думаете, она простит отставку Саблера?!»^{*} Новым же обер-прокурором был назначен А. Д. Самарин, к которому императрица не чувствовала никакого расположения.

В условиях деградации лишь начинавшего складываться публичного политического пространства, а также «размывания» прежней традиции законотворчества император и его семья становились объектом влияния различных кружков, групп интересов. Так, можно было пытаться воздействовать на Высочайшую чету через широко известного Г. Е. Распутина. По сведениям Г. И. Шавельского, «старец» чувствовал себя хозяином в императорских покоях до такой степени, что в любой момент мог войти в покои царских дочерей, даже когда они бывали раздетыми или же находились в постели. Против этого восстала фрейлина С. И. Тютчева, за что в итоге поплатилась своей должностью^{**}. Распутин стал центром притяжения чиновников разного уровня, общественных деятелей и в особенности архиереев. По сведениям В. Ф. Джунковского, за месяц, с 9 января по 9 февраля 1915 г., петроградскую квартиру Распутина посетили 53 человека из высших кругов (всего было 253 посещения), среди которых были генерал-адъютант Ранненкампф и супруга бывшего премьер-министра графиня М. И. Витте. Данная «статистика» неполна, так как Распутин в это время предпочитал проживать в Царском Селе^{***}. С ним часто и по многим вопросам советовался министр внутренних дел А. Д. Протопопов^{****}. А. Ф. Трепов при посредничестве А. А. Мосолова пытался добиться от Распутина отставки как раз этого министра^{*****}. Впрочем, посетители у «старца» были самые разные. Сам Распутин описывал ситуацию так: «Поверите ли? С утра одолевают: одна просит достать место племяннику, другой просит помочь деньгами, третий сына устроить. А все больше хлопочут о местах. Ну, как я с кем познакомлюсь из больших лиц, так и даю к нему записки с просьбами устроить. И устраивают. Ко мне и министры с просьбами ходят, и помощники министров – думают, что я им помогу в министры пройти»^{*****}. Сестра императора, вел. кн. Ольга Александровна так характеризовала факт влияния Распутина на августейшую семью: «Это наше семейное

* Шавельский Г. Указ. соч. С. 258.

** Там же. С. 85–86.

*** Джунковский В. Ф. Воспоминания: В 2 т. Т. 2. М., 1997. С. 481.

**** Шавельский Г. Указ. соч. С. 510.

***** Мосолов А. А. При дворе последнего российского императора. М., 1993. С. 236–237.

***** Брандт А. Листья пожелтелые. Передуманное и пережитое. Белград, 1930. С. 60–61.

горе, которому мы не в силах помочь». «Надо с государем решительно говорить, ваше высочество», – настаивал протопресвитер Г. Шавельский. «Мама говорила, ничего не помогает», – парировала великая княгиня^{*}. При этом сам император в письмах к жене выражал сомнения в способности «друга» давать дельные советы, просил не вмешивать «старца» в обсуждение государственных дел^{**}.

Распутин даже своим внешним видом, вызывающим поведением и, конечно же, происхождением привлекал внимание общественности. Но отнюдь не только он обладал рычагами влияния на императорскую фамилию. Это можно сказать и о кружке шталмейстера Н. Ф. Бурдукова, в который входили и чрезвычайно близкий к царю адмирал К. Д. Ниллов, и флигель-адъютант Н. П. Саблин, лицо из близкого окружения императрицы. Распутин периодически приезжал к Бурдукову и, по словам А. Н. Хвостова, получал там подробные инструкции. Использовать Распутина пытались и в кружке Г. П. Сазонова. Кн. М. М. Андронников небескорыстно поддерживал тесные отношения с дворцовым комендантом В. Н. Воейковым. Авантюрист И. Ф. Манасевич-Мануйлов надеялся воспользоваться своими особыми отношениями с премьер-министром Б. В. Штюрмером. Все эти сведения, собранные Чрезвычайной следственной комиссией в 1917 г., с очевидностью подтверждают слова директора Департамента полиции Е. К. Климовича, что не было никакой системы закулисных влияний на императора. Это был хаос, в центре которого, по его мнению, совершенно случайно оказалась А. А. Вырубова^{***}.

Впрочем, в центре хаоса все же был сам император, который во многом его и создал. Царь не скрывал, что он фаталист, «плывший по течению» и не строивший планы на будущее. Николай II любил повторять слова Священного Писания: «Претерпевший же до конца спасется»^{****}. И как-то он заметил министру иностранных дел С. Д. Сазонову: «Я, Сергей Дмитриевич, стараюсь ни над чем не задумываться и нахожу, что только так и можно править Россией. Иначе я давно был бы в гробу»^{*****}.

Ближайшее окружение царя в большинстве своем было глубоко аполитично и тоже предпочитало не задумываться о государственном положении России. Это была Свита императора. Ее составляли старый и во многом утративший способность адекватно реагировать на происходящее В. Б. Фредерикс; лишенный определенных взглядов, путано изъяснявшийся и притом склонный к чрезмерному употреблению спиртного адмирал К. Д. Ниллов; интересовавшийся исключительно парадами и церемониалом, а также собственными коммерческими предприятиями генерал

* Шавельский Г. Указ. соч. С. 91.

** Переписка Николая и Александры Романовых, 1916–1917. Т. 5. С. 146.

*** Падение царского режима... Т. 1. С. 17, 19, 20, 21, 27, 73.

**** Шавельский Г. Указ. соч. С. 82.

***** Там же. С. 297.

В. Н. Воейков; гофмаршал князь В. А. Долгоруков, который был «слишком прост умом», чтобы на что-то влиять; командир конвоя гр. А. Н. Граббе, посвятивший свою жизнь самым разнообразным плотским удовольствиям; флигель-адъютант гр. Д. С. Шереметев, в общении с императором ни в коей мере не выходящий за пределы своих обязанностей и страстно увлекавшийся лишь рыбной ловлей; «бесцветный» генерал К. К. Максимович; близкий к распутинскому кругу капитан I ранга Н. П. Саблин. Сложно что-то определенное сказать о дарованиях вечно молчавшего начальника походной канцелярии К. А. Нарышкина и очень скромного и застенчивого полковника лейб-гвардии Кирасирского полка А. А. Мордвинова. В интеллектуальном отношении выделялся лишь профессор С. П. Федоров, но он следовал принципу «моя хата с краю»^{*}. Именно эти лица постоянно окружали императора, с ними он беседовал по крайней мере несколько часов в день, при этом никогда не касаясь вопросов государственных. «Вы думаете, – утверждал в 1916 г. граф Граббе, – что нас слушают, с нами советуются, – ничего подобного! Говори за чаем или во время прогулки о чем хочешь, тебя будут слушать; а заговори о серьезном, государственном, государь тотчас отвернется или посмотрит в окно да скажет: а завтра погода будет лучше, проедем на прогулку подальше или что-нибудь подобное»^{**}.

И все же Свита влияла на царя. Правда, это влияние не могло быть системным. Оно было случайным, ситуативным, но при этом иногда существенным. Так, с подачи адмирала Нилова и профессора Федорова был отставлен с должности военного министра А. А. Поливанов и назначен В. С. Шуваев. Впрочем, и последний был уволен, скорее всего, по настоянию свиты. По инициативе Федорова было учреждено Министерство народного здравия, главой которого был назначен Г. Е. Рейн. В. Н. Воейков способствовал увольнению В. Ф. Джунковского с поста товарища министра внутренних дел^{***}.

Особое значение ближайшего императорского окружения получило даже юридическое оформление. Так, согласно Высочайше утвержденному докладу от 27 июля 1914 г., главноуправляющий С. Е. И. В. канцелярии получил право «разрешать именем Вашего Величества, не представляя на все милостивейшее благовоззрение следующие дела: отдавание Высочайших приказов, ходатайства о пожаловании наград согласно действующим правилам, а также и вне правил, но в тех только случаях, относительно которых имеются преподанные Вашим Величеством руководящие указания, и, наконец, все вообще дела, не имеющие принципиального значения»^{****}.

^{*} Шавельский Г. Указ. соч. С. 290–293.

^{**} Там же. С. 297.

^{***} Там же. С. 298, 373, 400.

^{****} Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А. Н. Яхонтова (записи заседаний и переписка). СПб., 1999. С. 362.

Итак, к 1914 г. Россия подошла, так и не решив, что представляла собой природа «обновленного» государственного строя. Это был вопрос далеко не академический хотя бы потому, что пределы собственной власти не были очевидны и для императора. Он терпел самодержавие, ограниченное законодательным представительством, рассчитывая когда-нибудь вернуться к тем дням, когда не было законодательной Государственной думы. Положение усугубилось с началом войны, когда возник новый центр власти, соразмерный по своему авторитету с императорской. Это Ставка, активность которой в сфере гражданского управления способствовала его дезорганизации. Но главная угроза со стороны военного командования усматривалась в том, что оно обретало немалый политический вес, который так или иначе мог быть конвертирован в политическую власть. В этой ситуации (и к тому же на фоне военных поражений) замена вел. кн. Николая Николаевича императором была неминуемой.

В результате переезда в Могилев Николай II оказался в большей зависимости от тех немногих каналов информации, которым привык доверять. Заметно ограничивались возможности оперативного управления. Между царем и правительством возникали посредники: императрица, чины Свиты, отдельные министры. Они обретали власть, никоим образом не предусмотренную Основными законами. Главная же проблема заключалась в том, что за этими посредниками стояли кружки, салоны, частные лица, отстаивавшие собственные интересы и зачастую успешно лоббировавшие те или иные правительственные решения. Сфера публичной политики сужалась. Неформальные механизмы влияния на верховную власть приобретали ключевое значение, а политический курс все менее становился последовательным и все более непредсказуемым.

2. Исполнительная власть: центральное и местное управление

В 1905 г. Совет министров создавался как объединенное правительство, однако далеко не во всем соответствовал этой ролевой функции. Юристы начала XX в. отмечали всю двусмысленность законодательной базы, регулировавшей деятельность этого учреждения. Так, все решения правительства должны были приниматься единогласно (что на практике случалось не часто). В противном случае председатель Совета министров был вынужден обращаться к императору, лишь с санкции которого дело могло получить дальнейшее движение. Это явно диссонировало с идеей образования объединенного правительства, обладавшего собственной политической волей*. Установленная законом скрепа министрами актов верховной власти, казалось бы, должна была вводить

* Шалланд Л. А. Русское государственное право. Юрьев, 1908. С. 152.

ответственность администрации за все решения, даже принятые лично императором. Однако правовых механизмов, обеспечивавших такую ответственность, не было*. По словам правоведа Б. Э. Нольде, даже состав Совета министров не был определен в законодательстве, так как не был очевиден статус целого ряда ведомств.

Наконец, сфера компетенции высшего правительственного учреждения не была вполне выяснена. Законодательство неоднозначно решало вопрос о соотношении функций Совета министров и прерогатив верховной власти. Согласно формуле члена Государственного совета С. Ф. Платонова, «до конституции министры правили страной через царя. А после введения конституции царь правит страной через министров**». Иными словами, и до реформы государственного строя 1905–1906 гг., и после нее неформальные механизмы принятия решений имели большее значение, нежели официально установленные процедуры***.

Право всеподданнейшего доклада имел как председатель Совета министров, так и руководители ведомств. Это ставило главу правительства в зависимость от его членов. Премьеру приходилось учитывать, что каждый министр выстраивал собственную линию поведения во время всеподданнейших докладов – в интересах своих и ведомства. В итоге между министром и государем складывались особые, порой неформальные отношения, на которые премьер был не в силах повлиять. При этом многие руководители ведомств назначались без учета мнения (а иногда даже вопреки) премьера. Горемыкину приходилось «терпеть» Н. А. Маклакова в должности министра внутренних дел****. А. Н. Хвостов и Вс. Н. Шаховской стали министрами, несмотря на возражения все того же Горемыкина****. Б. В. Штюрмер настаивал на увольнении министра земледелия А. Н. Наумова и министра народного просвещения П. Н. Игнатьева, но император ему в этом отказал со словами: «Прошу в область моих распоряжений не вмешиваться»*****. Новый премьер А. Ф. Трепов безуспешно добивался отставки А. Д. Протопопова и кн. Вс. Н. Шаховского*****. При этом император был вправе вмешиваться в каждодневную работу правительства. В ряде случаев он считал даже возможным подменять его. Так, в сен-

* Лазаревский Н. И. Скрепя министрами актов главы государства // Право. 1907. 14 окт. № 41. Стб. 2628.

** Клячко Л. М. Повести прошлого. С. 10.

*** Нольде Б. Э. Очерки русского государственного права. СПб., 1911. С. 164.

**** Падение царского режима... Т. 7. М.; Л., 1927. С. 125.

***** Там же. Т. 3. М.; Л., 1925. С. 317–318.

***** Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний, 1868–1917. Кн. 2. N. Y., 1955. С. 430.

***** Шаховской Вс. Н. "Sic transit Gloria mundi" (Так проходит слава мирская), 1893–1917. Париж, 1952. С. 192.

тябре 1915 г. Николай II командировал чинов свиты для ревизии положения оборонных заводов Петрограда^{*}.

И все же было бы неверным отождествлять правительство с императором, считая министров послушными исполнителями его решений. Указ 19 октября 1905 г., учреждавший Совет министров, провозглашал создание высшей правительственной коллегии, обладавшей коллективной волей и отстаивавшей консолидированную позицию даже перед лицом царя. Так, Совет министров объединял и *направлял* деятельность всех ведомств, руководители которых не могли без согласования с правительством проводить меры, имевшие «общее значение». Все законопроекты, внесенные министрами в Думу и Государственный совет, должны были предварительно обсуждаться в этой правительственной коллегии. Через Совет министров следовало проводить министерские доклады императору, касавшиеся интересов сразу нескольких ведомств. Более того, премьер мог присутствовать на таком всеподданнейшем докладе^{**}. Правда, это положение вызывало у правоведов серьезное сомнение в возможности его реализации, так как практически любой ведомственный вопрос имел «общее значение».

Правительство с трудом справлялось с возложенными на него обязанностями. Через Совет министров проходили многочисленные вопросы технического порядка. Как раз для рассмотрения этих проблем был создан так называемый «Малый совет», состоявший из товарищей руководителей ведомств. Однако в период мировой войны он собирался сравнительно редко. В итоге основное бремя работы ложилось на министров, и высшая правительственная коллегия Российской империи была вынуждена собираться чаще, чем прежде^{***}.

При этом важнейшие политические вопросы традиционно рассматривались в Совете министров «без канцелярии». Соответственно, журнал заседания не составлялся, и большая ответственность возлагалась на премьер-министра, который докладывал императору вопрос, разрешенный, по сути, в ходе частной беседы^{****}. В 1916 г., т. е. в период премьерства Б. В. Штюрмера, неформальная, в сущности важнейшая часть заседания Совета министров практически сошла на нет. Н. Н. Покровский впоследствии говорил, что высшая правительственная коллегия все более напоминала ему прежний Комитет министров, который «пропускал» малозначимые законопроекты, утверждал кредиты, а политические вопросы не обсуждал^{*****}. Характерно, что и Горемыкин, и Штюрмер были «бесстрастными» председателями, которые вели себя крайне

^{*} Совет министров Российской империи в годы... С. 277.

^{**} Законодательные акты переходного времени, 1904–1908 гг. М., 2010. С. 141–143.

^{***} Падение царского режима... Т. 4. С. 11.

^{****} Там же. Т. 2. С. 257.

^{*****} Там же. Т. 5. С. 337–338.

пассивно на заседаниях Совета министров и в ход обсуждения тех или иных (преимущественно технических) вопросов вмешивались редко*.

Неспособность правительства оперативно решать значимые вопросы побуждала создавать иные коллегии высших чиновников, фактически дублировавшие Совет министров. Так, 19 декабря 1915 г. по инициативе министра земледелия А. Н. Наумова был создан «Совет пяти министров». Он включал военного министра, министра внутренних дел, земледелия, путей сообщения, торговли и промышленности. Это были те должностные лица, которые отвечали за проблему снабжения гражданского населения и армии топливом и продовольствием. Изначально на этих совещаниях председательствовал А. Ф. Трепов, впоследствии – Б. В. Штюрмер. Деятельность «Совета» продолжалась сравнительно недолго. Он был закрыт 24 мая 1916 г. под давлением Государственной думы и лично М. В. Родзянко, который усматривал в этом учреждении признак надвигающейся диктатуры**.

С формальной точки зрения, с началом войны полномочия Совета министров как будто бы только расширились. 24 июля 1914 г. он получил право принимать многие решения без санкции императора (в т. ч. самостоятельно утверждать некоторые всеподданнейшие доклады). Только особо важные журналы Совета министров подлежали непосредственному утверждению царя. И все же в период войны проблемы, связанные с функционированием «объединенного правительства», стали лишь острее. В силу своих личных качеств все председатели Совета министров в 1914–1917 гг. не обладали должным авторитетом, чтобы консолидировать деятельность ведомств. Министры ориентировались не на позицию премьера, а, прежде всего, императора и его ближайшего окружения. Соответственно, Совет министров оказался неспособным стать более или менее самостоятельным политическим центром, что, в том числе, и обеспечивало господство неформальных объединений, имевших возможность оказывать существенное влияние на решения верховной власти.

Также не были отчетливо размежеваны сферы компетенции Совета министров и Ставки, что обуславливало столкновение интересов этих учреждений. Военному командованию была подчинена гражданская администрация в зоне театра военных действий. При этом данные территории не были изъяты из сферы ведения гражданских властей. Министры узнавали о распоряжениях военной администрации *post factum* и не имели возможности предпринять соответствующие шаги, чтобы действия Ставки не входили в противоречие с общегосударственными мерами***. Территория же, подотчетная военному командованию, была весьма обширна и включала в себя даже столицу. В этой

* Падение царского режима... Т. 6. С. 156.

** Наумов А. Н. Указ. соч. Кн. 2. С. 421–422.

*** Лодыженский А. А. Воспоминания. Париж, 1984. С. 38.

связи рассматривался вопрос о назначении особого лица, который был бы посредником между Ставкой и правительством. В качестве кандидатов на эту должность рассматривались гр. П. Н. Игнатъев и кн. Б. А. Васильчиков, а также бывший министр внутренних дел П. Н. Дурново. Верховный главнокомандующий вел. кн. Николай Николаевич считал, что предполагаемый посредник должен быть непосредственно подчинен военному командованию, и ему казалось крайне желательным, чтобы он был назначен из чинов канцелярии Совета министров или Государственной канцелярии. В итоге в сентябре 1914 г. им стал помощник статс-секретаря Государственного совета кн. Н. Л. Оболенский, который возглавил канцелярию по гражданской части при верховном главнокомандующем. Однако, будучи полностью подотчетным вел. кн. Николаю Николаевичу, он, естественно, не справлялся с обязанностями посредника, что отчасти обесмысливало само это назначение^{*}.

Кн. Н. Л. Оболенскому пришлось практически с нуля формировать штат подчиненных ему чиновников. В самом начале войны обязанности гражданской администрации взвалили на себя дипломаты, состоявшие при Ставке. Однако эти чиновники совсем не были подготовлены к выполнению столь сложных и малоизвестных им функций. А министр внутренних дел Н. А. Маклаков отказывался командировать служащих своего ведомства к верховному главнокомандующему^{**}. Кроме того, гражданские дела «терялись» и в других управлениях Ставки. Поначалу состоявшему при Оболенском А. А. Лодыженскому приходилось собирать в отделах Штаба груды бумаг, остававшихся без всякого движения. Их приходилось разбирать четверем чиновникам, служившим в гражданской части. Причем двое из них занимались исключительно технической работой: подшивали дела и работали на пишущей машинке.

Круг подчиненных Оболенского был крайне ограничен, а сфера компетенции чрезвычайно обширна. Сам он говорил так: «Поле нашей деятельности распространяется на 33 губернии, объявленные на военном положении. Фронт наших армий простирается от Балтийского моря до Черного. К этому надо прибавить завоеванные Галицию и Буковину. Кроме того, еще Кавказ. Но там, на занятой турецкой территории действует Наместничество и нас кавказские дела коснутся мало». Н. Л. Оболенскому пришлось выстраивать систему управления на занятых неприятельских территориях, с чем, согласно воспоминаниям А. А. Лодыженского, даже Министерство внутренних дел не справлялось. Оно переадресовывало эти вопросы губернаторам западных окраин Империи. Те же, в свою очередь, отправляли в Галицию и Буковину худших чиновников своей администрации^{***}.

^{*} Яхонтов А. Указ. соч. С. 10–11, 13.

^{**} Переписка В. А. Сухомлинова с Н. Н. Янушкевичем // Красный архив. 1922. Т. 1. С. 224.

^{***} Лодыженский А. А. Указ. соч. С. 43, 45–48.

Сфера компетенции гражданской администрации при Ставке этим не ограничивалась. Ей надо было решать судьбу пленных. Их предполагалось отправлять на работы во внутренние губернии России взамен мобилизованных в армию русских крестьян. Кроме того, без согласования с Петроградом был решен вопрос о выселении из прифронтовой зоны во внутренние губернии России немцев-колонистов и евреев*. Вскоре после своего утверждения в должности кн. Н. Л. Оболенский был назначен помощником Варшавского генерал-губернатора. В качестве руководителя военной администрации его фактически сменил А. А. Лодыженский. При Лодыженском количество чиновников, занимавшихся гражданскими делами, возросло до пяти, что, конечно, опять же не соответствовало масштабу решаемых им задач. При этом сам Лодыженский, по оценке М. К. Лемке, не был готов к столь ответственной работе. Это был «ничего не знающий юнец»**.

Ставка решала многие вопросы, не ставя в известность Совет министров, практически игнорируя позицию правительства. Показателен случай, когда в марте 1915 г. министр финансов П. Л. Барк получил от Н. Н. Янушкевича телеграмму с указанием к 1 ноября 1916 г. перевести в США 400 млн руб. золотом за заказанные шрапнели. Речь шла о трети всего золотого запаса России. Причем контракты были подписаны без всякой санкции со стороны правительства***. По мнению министра земледелия А. В. Кривошеина, беспорядок в работе железнодорожного сообщения происходил от их двойной подчиненности министерству путей сообщения и Ставке. Причем военные в данном случае не могли эффективно управиться с возложенными на них функциями****. С этим соглашался управлявший министерством внутренних дел кн. Н. Б. Щербатов. Он указывал на безответственность военных властей, которые не считались с общероссийскими интересами. При этом вел. кн. Николай Николаевич, будучи главнокомандующим, отказывался принимать в расчет интересы гражданского населения (в том числе и проживавшего в столице). На замечания министра путей сообщения он отвечал так: «Главное теперь – снабжение армии, защищающей Россию; а если для этого в Петрограде будут мерзнуть, останутся без трамваев или даже без воды, то – что ж делать: придется им жить так или даже помирать»*****.

Впрочем, и военные не были довольны гражданской администрацией. Летом 1916 г. М. В. Алексеев поставил вопрос о передаче начальнику штаба Ставки практически диктаторских полномочий с подчинением ему и граж-

* Яхонтов А. Указ. соч. С. 11–12.

** Лемке М. К. 250 дней в царской ставке (25 сентября 1915 г. – 2 июля 1916 г.). Пг., 1920. С. 273.

*** Военный дневник великого князя Андрея Владимировича Романова (1914–1917). С. 169.

**** Совет министров Российской империи... С. 267.

***** Толстой И. И. Дневник: В 2 т. Т. 2. СПб., 2010. С. 730.

данских властей (включая и Совет министров). На заседании правительства 28 июня 1916 г. под председательством императора амбициозный проект Алексеева, естественно, был категорически отвергнут^{*}.

И все же проблема большей эффективности деятельности администрации оставалась актуальной. В этой связи была сделана ставка на расширение сферы компетенции не начальника штаба, а премьер-министра. 28 июня 1916 г. председатель Совета министров Б. В. Штюрмер был освобожден от обязанности докладывать императору о текущих вопросах хозяйственного управления страной. В публицистике того времени это получило название «диктатура Штюрмера», которое, однако, ни в коей мере не отражало зыбкости положения правительства в системе управления Российской империи. Сам Штюрмер определял «диктатуру» как свое право вмешиваться в деятельность ведомств, которым едва удавалось координировать решения друг друга^{**}. Тем не менее наличие «диктатора» не могло упразднить повсеместное «двоевластие», которое давало о себе знать и в столице. Петроград, бывший в районе театра военных действий, подчинялся командующему 6-й армией. Вместе с тем и министры не собирались устраняться от управления городом^{***}.

В годы войны процедура принятия решений существенно осложнялась из-за постепенного расширения полномочий Особых совещаний: прежде всего, Особого совещания по обороне под председательством военного министра. Компетенция этого учреждения во многом пересекалась с кругом ведения Совета министров. А. В. Кривошеин в этой связи говорил о фактической самоликвидации правительства. По его мнению, и земский и городской союзы (ВЗС и ВСГ) не без успеха вмешивались в дела высшего государственного управления, и в итоге кн. Г. Е. Львов делался фактическим премьер-министром^{****}.

С особыми проблемами сталкивалось и каждое отдельное ведомство. Так, военное министерство, поставленное в принципиально новые условия, было вынуждено мириться с тем, что организация управления досталась ему даже не с довоенных, а с приснопамятных времен. Значительными полномочиями в сфере обороны был наделен Военный совет. Он должен был всячески содействовать военному министру, обсуждая вопросы законодательные и хозяйственные. Однако, по мнению А. А. Поливанова, Совет с этой функцией не справлялся, прежде всего по причине некомпетентности его членов. В итоге его полномочия фактически отошли Особому совещанию по обороне^{*****}.

Были проблемы межведомственного взаимодействия, которые разрешить не удавалось. Как это было и до войны, министерства часто выходили за пределы своей компетенции, принимали решения по тем вопросам, за кото-

^{*} Наумов А. Н. Указ. соч. Кн. 2. С. 359.

^{**} Падение царского режима... Т. 1. С. 242.

^{***} Поливанов А. А. Указ. соч. С. 171.

^{****} Совет министров Российской империи... С. 257.

^{*****} Поливанов А. А. Указ. соч. С. 152.

рые не отвечали. Так, министр иностранных дел С. Д. Сазонов договорился с послами Великобритании и Франции о поставке российского зерна союзникам по Антанте и не поставил об этом в известность министра земледелия А. Н. Наумова. Внешнеполитическое ведомство, не согласовывая свои решения с прочими министерствами, вело переговоры о доставке шведской стали в Румынию, о снабжении последней шинами для автомобилей и лошадьми. Министр внутренних дел А. Н. Хвостов неоднократно пытался вмешаться в решение продовольственного вопроса*.

Своеобразие положения правительства обуславливалось также и тем, что Государственная дума в военные годы не могла регулярно собираться. В итоге исполнительная власть была вынуждена все чаще прибегать к чрезвычайнорезультативному праву, фактически подменяя собой законодательное представительство. В июле–декабре 1914 г. в рамках этого права было принято 108 постановлений, в 1915 г. – 278, в 1916 г. – 254 и только в январе–феврале 1917 г. – 16 (как отмечалось выше, за все время существования III Думы было издано только 6 постановлений в соответствии с 87-й ст. Основных законов). Между тем эти меры касались важнейших проблем жизни страны (повышения налогов, увеличения воинской повинности, установления военной цензуры и др.)**. Иными словами, сфера компетенции Совета министров неуклонно расширялась, а возможностей повлиять на положение в стране стало меньше.

Правительство, поставленное в столь затруднительное положение, не было однородным. Многие министры (А. В. Кривошеин, С. Д. Сазонов, П. А. Харитонов и др.) находились в тесной связи с представителями общественности, поддерживали контакты с оппозицией, иногда согласовывали с ней свои действия. У них постепенно складывалось убеждение, что состав кабинета должен соответствовать настроениям, господствовавшим в общественных кругах и в Государственной думе в частности. Эта точка зрения не находила поддержки у ряда их коллег, в том числе и у председателя Совета министров И. Л. Горемыкина. Руководители ведомств, сторонники компромисса с представителями оппозиции, настаивали на удалении своих оппонентов из правительства. В мае 1915 г. А. В. Кривошеин разработал несколько вариантов состава кабинета, который должен был включать и представителей общественности. Согласно одному из этих вариантов, Совет министров должен был возглавить П. А. Харитонов, согласно двум другим – сам А. В. Кривошеин***.

В июне 1915 г. по инициативе С. Д. Сазонова П. Л. Барк, А. В. Кривошеин, С. В. Рухлов, П. А. Харитонов поставили вопрос о немедленном созыве Думы и изменении состава правительства. Они передали свое прошение И. Л. Горемыкину, который, в свою очередь, должен был представить его импе-

* Наумов А. Н. Указ. соч. Кн. 2. С. 362–363, 418.

** Государственная дума Российской империи, 1906–1917: Энциклопедия. М., 2009. С. 685–686.

*** Кризис самодержавия в России, 1895–1914. Л., 1984. С. 553–554.

ратору. Причем сам Горемыкин в личном разговоре с царем поддержал инициативу своих коллег. В итоге были уволены военный министр В. А. Сухомлинов, министр юстиции И. Г. Щегловитов, министр внутренних дел Н. А. Маклаков и обер-прокурор Св. Синода В. К. Саблер*.

На импровизированном заседании Совета министров в Ставке 13 июня 1915 г. обсуждались кандидатуры будущих министров. В качестве альтернативы И. Г. Щегловитову в должности министра юстиции рассматривались А. А. Хвостов и сенатор П. Н. Милютин. Причем за первого выступал сам И. Л. Горемыкин, что существенно повышало его шансы. Замену обер-прокурору Синода Саблеру видели в А. Д. Самарине. Сразу же после этого совещания Горемыкин был принят императором, который одобрил кандидатуры и Самарина, и Хвостова**. При этом инициаторы этих кадровых перемещений ожидали и скорой отставки самого премьера И. Л. Горемыкина, полагая, что лучшим кандидатом на этот пост должен был стать популярный в Думе и влиятельный в правительстве А. В. Кривошеин. Многие министры склонялись к мысли о необходимости компромисса с сформировавшимся думским большинством – Прогрессивным блоком. Принципиальным же противником этого оставался как раз Горемыкин.

На заседании Совета министров 6 августа 1915 г. руководители ведомств практически единогласно высказались против принятия императором на себя верховного командования армией. Было решено поручить военному министру А. А. Поливанову сообщить данную точку зрения Николаю II. Однако доклад Поливанова не возымел действия. 11 августа информация о взглядах министров по этому вопросу была доложена императору министром иностранных дел С. Д. Сазоновым. 12 августа А. В. Кривошеин, Н. Б. Щербатов и П. А. Харитонов поставили перед военным министром А. А. Поливановым вопрос о необходимости возглавить правительство, обещая ему всяческое содействие в деле управления страной***. К этому моменту Кривошеин отчаялся найти компромисс в правительстве и, по словам гр. А. Н. Игнатьева (брата министра народного просвещения П. Н. Игнатьева), «отшатнулся» от Горемыкина****. На заседании Совета министров 20 августа все его члены, за исключением премьер-министра, просили императора отложить отъезд в Ставку. Однако Николай II эту просьбу отверг. И 21 августа практически все министры (Кривошеин, Харитонов, Барк, Сазонов, Щербатов, Самарин, Игнатьев, Шаховской) подписали письмо императору об опасности сложившегося по-

* По сведениям Г. Шавельского, эти кадровые решения были приняты под давлением вел. кн. Николая Николаевича и кн. В. Н. Орлова (*Шавельский Г. Указ. соч. С. 250*).

** *Поливанов А. А. Указ. соч. С. 134–135.*

*** *Поливанов А. А. Указ. соч. С. 223.*

**** ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1034. Л. 1696.

ложения в связи с принятием им на себя верховного командования, а также невозможности совместной работы с Горемыкиным. Большинство членов правительства фактически выражало свою солидарность с недавно образовавшимся Прогрессивным блоком и настаивало на необходимости исполнить его требования. По мнению С. Д. Сазонова, сформировавшееся объединение думского большинства способствовало господству консервативных настроений в нижней палате. Его распад привел бы к торжеству левого крыла Думы. Однако эта позиция была неприемлема для Горемыкина. Он считал, что правительство могло бы даже следовать программным положениям блока, но оно не имело права связывать себя какими-либо формальными обязательствами. При этом премьер не возражал против возможных переговоров с представителями думского большинства^{*}.

28 августа в Совете министров была составлена мемория, в соответствии с которой состав правительства должен был быть изменен согласно программным целям, стоявшим перед правительством. По сведениям П. Н. Милюкова, как раз тогда И. Л. Горемыкин ездил в Ставку с предложением об отставке Щербатова, Кривошеина, Харитонов, Игнатьева и назначении министром внутренних дел С. Е. Крыжановского^{**}. 16 сентября кабинет в полном составе собрался в Ставке. Председательствовал Николай II. Он говорил глухим голосом, с явным оттенком неудовольствия: «22-го [августа] мы расстались в Зимнем дворце. Накануне вечером я совершенно точно выразил мою волю об отъезде для принятия верховного командования и после этого получил письмо, подписанное многими из вас с просьбой о том, чтобы я не ехал. Высказываю неодобрение за письмо, удивившее и огорчившее меня. Не сбылось мнение, в нем выраженное: вся истинная Россия со мной, а что говорят в Петрограде и в Москве – мне все равно... Я имею полное доверие к председателю Совета министров и надеюсь, что он долго останется председателем и что все будут следовать его руководству...» Поддержанный царем Горемыкин предоставил прочим министрам высказаться. Среди них был А. В. Кривошеин, который доказывал пользу сотрудничества с Думой. Примерно о том же говорили П. А. Харитонов, Н. Б. Щербатов, С. Д. Сазонов. А. Д. Самарин призывал прислушаться к мнению общественных организаций. Все высказывания министров, порой весьма эмоциональные, сопровождались язвительными комментариями Горемыкина. Заседание закончил сам император. «Я вас выслушал, и когда приеду в Царское Село, то там, – деляя жест, как бы разрубая что-то, – решу»^{***}. В конце сентября 1915 г. последовали решения: были уволены А. Д. Самарин и Н. Б. Щербатов, а в октябре – и сам А. В. Кривошеин.

^{*} Совет министров Российской империи... С. 245–247, 249.

^{**} Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. // Красный архив. 1932. Т. 1(52). С. 153.

^{***} *Поливанов А. А.* Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 г. – 13 марта 1916 г.) // Вопросы истории. 1994. № 3. С. 158–159.

Бывший в тот момент помощником управляющего делами Совета министров А. Н. Яхонтов вспоминал: «Совет в августе 1915 г. умно, не без ловкости и с глубоким сознанием сущности переживаемых событий справлялся с безмерно трудной задачей лавирования на трясине, по которой бушевали опасность гибели в окончательном военном поражении и в революционной бездне». Решая эту проблему, правительство оказывалось в еще более конфликтных отношениях с Государственной думой, быстро утрачивало остатки авторитета в общественных кругах, демонстрируя крайнюю неэффективность в вопросах управления.

При этом, несмотря на столь решительные кадровые изменения, Совет министров так и не стал объединенным правительством. А. Н. Наумов, вспоминая о его заседаниях, писал: «Произвол отдельных министров, общая несогласованность, злоупотребление волей и именем государя, явный раскол среди самой коллегии, отсутствие сильного объединяющего лица... “Машина неслаженная”, – так отмечено в дневнике мое первое впечатление о Совете министров». Среди министров «не было общности взглядов; их не связывало единство заранее выработанной программы действий, и, наконец, их не объединяло авторитетное руководство сильного духом творческим государственным умом председателя, а ход коллегиального управления во многих случаях зависел от воздействия на государя того или другого отдельного министра». Дискуссия в Совете министров часто принимала чрезвычайно острые формы. На одном из заседаний А. В. Кривошеин, рассуждавший о даровании автономии Царству Польскому, был даже готов вызвать на дуэль Н. А. Маклакова, неверно интерпретировавшего его слова. Министр внутренних дел А. Н. Хвостов всячески содействовал отставке И. Л. Горемыкина, пытался, хотя и безуспешно, добиться отставки министра финансов П. Л. Барка. Напряженные отношения сложились у него и с главой путейского ведомства А. Ф. Треповым. И. К. Григорович, А. А. Поливанов, С. Д. Сазонов обычно не считались с позицией большинства кабинета».

Помимо этого, многие назначения того времени на высшие бюрократические посты оказывались неожиданными и для общественности, и для чиновничества. Ломались давно сложившиеся представления о карьере государственного служащего. С момента создания «объединенного правительства» и до начала войны было сделано 49 министерских назначений. В 47 случаях должности получили лица, занимавшиеся непосредственно до того бюрократической работой. После начала войны соотношение меняется. В 5 случаях из

* Совет министров в годы Первой мировой войны... С. 430.

** Наумов А. Н. Указ. соч. Кн. 2. С. 350.

*** Там же. С. 358.

**** Судьба века. Кривошеины. СПб., 2002. С. 216.

***** Падение царского режима... Т. 1. С. 270.

27 были назначены лица, не занимавшие непосредственно до того бюрократических должностей*.

Естественно, обращал на себя внимание и тот факт, что министры менялись с калейдоскопической скоростью. Частую смену руководителей ведомств, характерную для России того времени, В. М. Пуришкевич образно назвал «министерской чехардой». За это время сменилось четыре председателя Совета министров, шесть министров внутренних дел, четыре военных министра, четыре министра земледелия, четыре обер-прокурора Св. Синода, три министра иностранных дел, три министра путей сообщения, три государственных контролера, три министра юстиции, два министра торговли и промышленности. Характерно, что средний срок исполнения обязанностей министров, назначенных до войны, – 3,2 года. Руководители ведомств, утвержденные в должности после начала войны, в среднем находились в своем кресле 7–8 месяцев**.

Однако для оценки кадровой политики куда важнее качество назначений. Оно явно свидетельствовало о деградации высшего правительственного аппарата. Весьма показательны, что, по словам начальника петроградского охранного отделения К. И. Глобачева, министры внутренних дел, с которыми он работал, революционным движением в России не слишком интересовались, к своим обязанностям относились весьма легкомысленно. Начальника же Охранного отделения руководитель ведомства периодически отказывался принимать. С февраля по июнь 1915 г. Глобачев докладывал Н. А. Маклакову лишь два раза. Н. Б. Щербатов, по оценке подчиненных, был чрезвычайно мало компетентен в вопросах внутренней политики***. В. Б. Лопухин вспоминал, что кн. Щербатов был «прекрасный человек, но, поскольку долгие годы он сосредоточивался и весьма успешно исключительно на лошадях, представлявший-ся менее всего подготовленным к роли человеческого администратора»****.

* Подсчитано по: *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи, 1802–1917. Биобиблиографический справочник. СПб., 2001. С. 41–42, 60–62, 68–70, 78–81, 85–88, 117–118, 122–134, 168–173, 180–183, 196–199, 217–220, 225–226, 235–239, 266–272, 281–286, 301–306, 330–333, 335–339, 345–346, 353–356, 360–362, 386–393, 451–455, 470–472, 476–478, 529–534, 550–551, 554–565, 570–572, 575–580, 583–585, 587–589, 612–620, 628–633, 650–655, 663–666, 687–691, 695–698, 702–708, 728–731, 733–737, 743–749, 757–762, 765–770.

** Там же. С. 41–42, 60–62, 68–70, 78–81, 85–88, 117–118, 122–134, 168–173, 180–183, 196–199, 217–220, 225–226, 235–239, 266–272, 281–286, 301–306, 330–333, 335–339, 345–346, 353–356, 360–362, 386–393, 451–455, 470–472, 476–478, 529–534, 550–551, 554–565, 570–572, 575–580, 583–585, 587–589, 612–620, 628–633, 650–655, 663–666, 687–691, 695–698, 702–708, 728–731, 733–737, 743–749, 757–762, 765–770.

*** *Глобачев К. И.* Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника петроградского охранного отделения. М., 2009. С. 94, 96.

**** *Лопухин В. Б.* Записки бывшего директора Департамента Министерства иностранных дел. СПб., 2008. С. 246.

Даже слух о назначении Б. В. Штюрмера вызвал ужас среди министров. Они «были так ошеломлены, подобной, показавшейся... совершенно несуразной новостью, что отмахнулись от нее, как от какого-то страшного кошмара, и разошлись по домам, будучи уверены в полнейшей вздорности распущенного досужими озорниками “дикого” слуха»^{*}. Самому Штюрмеру его работа в должности министра внутренних дел показалась чрезвычайно утомительной: «С утра до вечера, во всякое время дня и ночи – справки, телеграммы, телефоны, распоряжения!»^{**} По мнению Климовича, Штюрмер практически не уделял внимания Департаменту полиции. Доклады ее директора продолжались не более 10–15 минут^{***}.

Душевное здоровье министра внутренних дел А. Д. Протопопова у многих вызывало сомнения. По сведениям Н. В. Савича, он резко изменился после курса лечения у П. А. Бадмаева. «Он не только страшно исхудал, подался физически, но и умственно был неузнаваем. Исчезла ясность мысли, последовательность рассуждения». Его раздражал любой шум. По этой причине он не мог жить у себя, на Таврической улице, и предпочитал ночевать в Думе^{****}. Товарищ министра кн. В. М. Волконский как-то заметил ему, что деятельность министра может стать причиной гибели России. «Пусть гибнет, и я торжественно погибну под ее развалинами», – провозгласил Протопопов^{*****}. Поведение руководителя важнейшего ведомства империи давало серьезные основания морскому министру Григоровичу считать Протопопова «ненормальным»^{*****}. По словам самого А. Д. Протопопова, и Б. В. Штюрмер, и А. Ф. Трепов говорили императору о «сумасшествии» министра внутренних дел^{*****}. Его поведение, действительно, порой наводило на подобные мысли. По сведениям М. Палеолога, Протопопов и министр юстиции Н. А. Добровольский в январе 1917 г. регулярно посещали спиритические сеансы, на которых вызывался дух Г. Е. Распутина^{*****}.

Психологическое состояние Протопопова не составляло секрета и для Николая II. 10 ноября 1916 г. он писал императрице: «Мне жаль Протопопова – хороший, честный человек, но он перескакивает с одной мысли на другую и не может решиться держаться определенного мнения. Я это с самого начала заметил. Говорят, что несколько лет тому назад он был не вполне нормален после известной болезни... Рискованно оставлять в руках такого человека

* Наумов А. Н. Указ. соч. Кн. 2. С. 427.

** Падение царского режима... Т. 1. С. 226.

*** Там же. С. 60–61.

**** Савич Н. В. Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 172.

***** Шавельский Г. Указ. соч. С. 509–510.

***** Савич Н. В. Указ. соч. С. 184.

***** Падение царского режима... Т. 1. С. 131.

***** Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 308.

Министерство внутренних дел в такие времена»^{*}. Однако против его отставки категорически возражала Александра Федоровна: ведь Протопопов «честно стоит за нас»^{**}. Впрочем, и императрица подмечала некоторые недостатки министра внутренних дел: «Я знаю, у него не всегда последовательны мысли, но самые идеи хорошие, и он нам так предан. Он не умеет, мне кажется, своих мыслей дисциплинировать и приводить в исполнение именно потому, что у него их слишком много. Ему нужен был бы помощник, менее нервный, чем он, который умел бы выбрать исполнимые мысли и с энергией их проводить»^{***}.

Впрочем, Протопопов был отнюдь не единственной спорной фигурой в правительстве. Министр народного просвещения П. Н. Игнатьев критически отзывался о министре путей сообщения (и будущем премьере) А. Ф. Трепове. 2 ноября 1915 г. он писал: «Мне думается, что недолго меня еще будут держать в этой странной компании. А. Трепов – министр путей сообщения. Можно ли дальше идти? Человек никогда в жизни двумя курицами не управлял. Пробовал в 1892 г. быть предводителем дворянства и провалился»^{****}.

Последний же премьер – кн. Н. Д. Голицын – сам был уверен в своей неспособности занимать столь высокий пост. В «высших сферах» делились слухами, что новый председатель Совета министров целый час рассказывал императору анекдоты о самом себе, которые должны были продемонстрировать всю его непригодность к этой должности. Николай II с этим категорически не соглашался: «Я знаю. Я выбрал. Справитесь»^{*****}.

Дезорганизация системы управления в центре с неизбежностью вела и к беспорядку на местах. И до начала войны губернаторы не могли себя чувствовать безусловными «начальниками губернии». Казалось бы, их полномочия практически не знали пределов. Однако воспользоваться ими было затруднительно: невероятные по трудности задачи приходилось разрешать, опираясь на ограниченный по численности, не всегда компетентный бюрократический аппарат и практически не подотчетные губернатору органы местного и сословного самоуправления^{*****}. Представитель правительства оказывался между «молотом и наковальней»: «дефицитом» бюрократии в губернии и ее сравнительной многочисленностью в столице. Многие требовали отчета от губернатора, но не многие чиновники ему подчинялись. Он олицетворял местную власть и для просителей «снизу», и для ревизоров «сверху». В итоге около 100 тыс. документов в год шли на подпись «начальника губернии»: «Русский губернатор, может быть, самое занятое должностное лицо в мире,

* Переписка Николая и Александры Романовых, 1916–1917. Т. 5. С. 146.

** Там же. С. 149.

*** Мосолов А. А. При дворе последнего российского императора. С. 240.

**** ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1036. Л. 1880.

***** Там же. Д. 1069. Л. 137–138.

***** Robbins R. G. The tsar's viceroys: Russian provincial governors in the last years of the empire. Ithaca; L., 1987. P. 242.

если количество занятий можно измерять числом официальных бумаг, проходящих через губернаторские руки»^{*}. Кроме того, не было очевидно, перед кем отчитывался сам руководитель местной администрации: перед императором, который его назначал, или перед непосредственным начальником – министром внутренних дел^{**}. Вместе с тем губернатор попадал «под надзор» и прочих ведомств: Министерств юстиции, финансов, Главного управления землеустройства и земледелия и др. Ситуация осложнялась еще и тем, что, по словам С. Е. Крыжановского, «территории округов почтово-телеграфных, акцизных, судебных, учебных, таможенных, военных, фабричных, путей сообщения и т. п. не совпадали ни друг с другом, ни с губернией. Вследствие этого губерния не являлась законченной единицей управления и не имела цельности, что порождало многочисленные затруднения в деле поддержания порядка, требующем согласованности и быстроты в действиях всех властей»^{***}. В годы войны все эти многочисленные проблемы только лишь усугубились.

Губернаторы территорий, оказавшихся в зоне военных действий, не знали, кому подчиняться – военной или гражданской администрации. Со стороны Ставки они слышали постоянные угрозы, вплоть до возможного ареста^{****}. Столичная же бюрократия часто себя вела довольно пассивно. Так, минский губернатор к 1916 г. был одновременно в подчинении Министерства внутренних дел, начальника Минского военного округа и главного начальника военного снабжения. При этом в наименьшей степени он зависел как раз от МВД, которое не очень интересовалось делами края^{*****}. Произвол военной администрации чувствовали даже «хозяева» внутренних губерний России. Так, военное командование определяло места водворения эвакуируемых учреждений (чаще всего за пределами театра военных действий) без сношения с гражданской администрацией. Губернаторы узнавали о прибытии поездов с чиновниками и грузами в момент их появления на вокзале. Военные брали ответственность на себя за многие решения. Так, командующий войсками Московского военного округа ген. И. И. Мрозовский, ни с кем не советуясь, запретил вывозить продукты из Московской губернии^{*****}. Верховный главнокоман-

^{*} Головин К. Ф. Наше местное управление и местное представительство. СПб., 1884. С. 117.

^{**} Блинов И. Губернаторы: Историко-юридический очерк. СПб., 1905. С. 337, 343.

^{***} [Крыжановский С. Е.] О характере государственного строя в России (из записок С. Е. Крыжановского 1926 г.) // Вопросы истории. 2008. № 4. С. 19.

^{****} Яхонтов А. Указ. соч. Т. 18. С. 19.

^{*****} Друцкой-Соколинский В. А. Записки русского губернатора, 1914–1918. М., 2010. С. 97.

^{*****} Шлиппе Ф. В. Автобиографические записки // Российский архив. М., 2008. Вып. 17. С. 140.

дующий вел. кн. Николай Николаевич, часто не ставя в известность правительство, вел переписку с губернаторами, давая им все необходимые указания, что вызывало раздражение императрицы^{*}.

Проблема, с которой сталкивались губернаторы, касалась и их подчиненных. Так, полицейские чины не знали, чьи приказания следовало выполнять: губернатора или военного командования. Чаще всего они отдавали предпочтение последнему. При этом в условиях военного времени сильнее прежнего сказалась старая проблема нехватки управленческого аппарата в распоряжении у губернатора. Например, в прифронтовой зоне совершенно не хватало земских начальников. Губернатор был вынужден командировать в участки чиновников своей канцелярии. В результате «обескровливалось» само губернское правление.

* * *

До 1914 г. Совет министров так и не стал объединенным правительством. В особенности это чувствовалось в годы войны. Консолидированного курса у кабинета не было, министры ориентировались на позицию императора, а не премьера. В сложившихся обстоятельствах именно Николай II должен был выполнять роль главы правительства. Однако он и не собирался этого делать. В итоге министры проводили собственную линию, в том числе и в отношении представительных учреждений. Кроме того, не были размежеваны сферы компетенции правительства и Ставки, которая, в свою очередь, не вполне справлялась с возложенными на нее задачами гражданского управления. Была дезориентирована и местная администрация (в особенности в прифронтовой зоне), которая не знала, кому подчиняться и перед кем отчитываться. Таким образом, в военное время была проблема даже не «двоевластия», а многовластия, что становилось значимым фактором нестабильности.

3. Представительные учреждения

Конституционное устройство Российской империи вполне соответствовало правовым «стандартам» немецких дуалистических монархий. Их основополагающий принцип – ответственность правительства перед верховной властью, а не перед законодательным представительством. Точно так же дело обстояло и в России. Совет министров отвечал перед императором и, соответственно, его состав определялся монархом. Кроме того, учреждалось двухпалатное законодательное представительство: избираемая Государственная дума и наполовину назначаемый царем Государственный совет. И, конечно, последнее слово при принятии законов принадлежало императору, который обладал правом абсолютного вето^{**}.

^{*} Переписка Николая и Александры Романовых, 1914–1915. Т. 3. С. 143.

^{**} Законодательные акты переходного периода, 1904–1908 гг. М., 2010. С. 551–557.

При всей ограниченности сферы компетенции представительных учреждений они тем не менее обрели рычаги влияния на принятие решений государственной важности. Депутаты Государственной думы и члены Государственного совета определяли ход и ритм законотворческого процесса, существенно редактировали правительственные законопроекты и, наконец, участвовали в утверждении смет министерств и ведомств, которые оказывались в зависимости от народных избранников*. Так, именно в результате работы представительных учреждений были переломлены тенденции, имевшие место в те годы, когда составление государственной росписи было исключительной прерогативой правительства**.

Именно благодаря бюджетным полномочиям Думы депутаты получили возможность вмешиваться в вопросы обороноспособности страны. В итоге в заслугу III Думы ее бывший председатель Н. А. Хомяков ставил более рациональное распределение войск в пределах империи и совершенствование военного хозяйства России***. Это же отмечал и депутат от фракции октябристов, один из руководителей комиссии по государственной обороне А. И. Звегинцев****. Народные избранники вникали во все детали управления вооруженными силами. 17 июня 1908 г. военный министр А. Ф. Редигер* показал императору доклад бюджетной комиссии, где ставился вопрос о снабжении армии папахами. Николай II чрезвычайно удивился, заметив, что скоро Дума начнет решать, какие использовать типы повозок в армии*****.

Во многом это был результат деятельности думской комиссии по государственной обороне (комиссии по военным и морским делам в IV Государственной думе). Обычно вопросы, связанные с финансированием армии и флота, решались на ее совместных заседаниях с бюджетной комиссией. На пленарном же заседании Думы сметы военного и морского ведомств докладывались представителями обеих комиссий*****.

С этим приходилось считаться и военному министру, который периодически приглашал к себе на «чашку чая» 5–6 самых деятельных сотрудников комиссии по государственной обороне. В ходе этих встреч глава ведомства и депутаты обменивались мнениями по самым разным вопросам, даже выстраивали общую линию поведения по отношению к правительству и, прежде все-

* Соловьев К. А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). М., 2011. С. 317–318.

** Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия III. Ч. 2. СПб., 1910. Стб. 1312.

*** РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 10. Л. 12.

**** Там же. Л. 15.

***** Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника, 1907–1916 гг. С. 47.

***** Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва... Ч. 1. Общие сведения. С. 145–146.

го, министерству финансов. Члены комиссии призывали Редигера настаивать на увеличении окладов офицерам, гарантируя ему безусловную поддержку в Думе: «Вы скажите им заранее, что мы вам даем обязательство, что мы это проведем, а затем если бы вам провести не удалось, то мы в порядке инициативы внесем такой закон и получится, что Дума заботится об офицерстве, а правительство – нет». В итоге этот «министерский» законопроект прошел все инстанции чрезвычайно быстро*.

Комиссия по государственной обороне (в IV Думе – по военным и морским делам) проводила особые «закрытые» совещания, на которые приглашались наиболее влиятельные ее члены и представители военного ведомства. Нередко такие заседания проводились на частных квартирах (например, на квартире П. Н. Крупенского). Кроме депутатов, на них регулярно присутствовал помощник военного министра А. А. Поливанов, иногда объяснения давали представители генеральского корпуса, офицеры Генерального штаба**.

Благодаря такого рода связям возникали неформальные объединения, которые позволяли депутатам получать необходимые сведения, а их негласным информаторам – оказывать влияние на ход дел в стране. Эту роль играла комиссия при Военном министерстве по составлению «Истории русско-японской войны». В нее входили офицеры Генерального штаба. Возглавлял комиссию генерал В. И. Гурко. Ее члены и депутаты (обычно 5–6 с каждой стороны) регулярно собирались на квартирах П. Н. Балашова, В. И. Гурко или А. И. Гучкова. Обсуждались различные аспекты ожидавшейся военной реформы. Причем офицеры находили экспертов по каждому вопросу, которые обладали всеми соответствующими техническими знаниями. Во время таких встреч редактировались законы, поступавшие из военного ведомства, разрабатывались возможные думские инициативы***, анализировались недостатки курса действующего министра****. Во многом благодаря этим беседам Гучков обладал самыми широкими сведениями о состоянии обороноспособности страны, зачастую не подлежащими огласке. В его распоряжении были даже секретные приказы военного министра, что в конце концов стало поводом к отставке А. А. Поливанова с поста помощника военного министра*****.

Морское министерство, оказавшись одним из главных объектов депутатской критики, также было вынуждено искать контакты с думским руководством. Оно регулярно организовало частные совещания законодателей и представителей ведомства. Преимущественно они собирались на квартире одного из лидеров «Союза 17 октября» Ю. Н. Милютин, где товарищ мини-

* Александр Иванович Гучков рассказывает... М., 1993. С. 55–56.

** ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 737. Л. 23, 32.

*** Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 56–57; ГА РФ. Ф. 932. Оп. 1. Д. 132. Л. 10.

**** ОПИ ГИМ. Ф. 444. Оп. 1. Д. 19. Л. 12.

***** ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 737. Л. 23 об.

стра И. Ф. Бострем и его подчиненные давали подробные разъяснения по всем интересующим вопросам. Согласно воспоминаниям Н. В. Савича, в ходе этих заседаний складывались доверительные отношения между депутатами и сотрудниками Морского генерального штаба, весьма критически оценивавшими положение флота. Они и многие другие чиновники ведомства сообщали членам комиссии по государственной обороне разнообразные сведения о состоянии военно-морских сил в стране^{*}.

Таким образом, весьма ограниченная в своих правах Государственная дума все чаще вмешивалась в ту сферу, которая намеренно была ограждена законом от депутатского вмешательства. Сложный генезис обрекал российское законодательство на противоречивость и многочисленные пробелы права, что отмечалось и юристами начала XX в. По словам Я. М. Магазинера, «сочетание феодального правительства с буржуазным парламентом противоречит... природе вещей, и... дуалистический режим не ослабляет, а усиливает... неотвратимую опасность от раздвоения власти»^{**}. Правовед А. С. Алексеев писал, что Основные государственные законы включали «в себя ряд пережитков самодержавного уклада и содержали постановления, стоящие в резком противоречии с элементарными требованиями правового строя»^{***}.

К тому же на каждом этапе обсуждения законопроекта имели место свои правила игры, зачастую противоречившие тем, которых придерживались на других стадиях его утверждения. Депутаты, члены Государственного совета, с одной стороны, и чиновники самого разного уровня – с другой, ради достижения желаемого результата были вынуждены «выстраивать» неформальные механизмы поиска консенсуса^{****}.

Сформировалась сложная система, в которой не было единого центра разработки и принятия решений. Это был «круговорот» мнений, и не всегда было ясно, кто первый высказал ту или иную идею. Министры устанавливали контакты с руководством Думы и ее комиссий, с фракционными бюро и наиболее влиятельными депутатами и членами Государственного совета. В свою очередь, народные избранники поддерживали отношения с премьером, министрами, их товарищами, ближайшими сотрудниками, чиновниками среднего звена. Это были «сетевые связи», объединявшие «политический класс», так или иначе участвовавший в законотворческом процессе. Члены представительных учреждений, министры, их сотрудники на частных совещаниях, «за чашкой чая» приходили к соглашению, которое предreshало судьбу законопроекта. При этом подобные собрания могли заседать одновременно и прихо-

^{*} Савич Н. В. Указ. соч. С. 38.

^{**} Магазинер Я. М. Указ. соч. С. 26.

^{***} Алексеев А. С. Манифест 17 октября и политическое движение, его вызвавшее // Юридический вестник. 1915. № 3(9). С. 19–20.

^{****} Соловьев К. А. Указ. соч. С. 417–418.

дить к прямо противоположным выводам, так как разномыслие имело место и среди депутатов, и среди чиновников.

Эти связи были «горизонтальными», что было нехарактерно для традиционной российской иерархической вертикали. Премьер-министр мог не знать о сотрудничестве своих коллег по правительству с депутатским корпусом. Руководители ведомств часто не были осведомлены о контактах их сотрудников с депутатами Думы и членами Государственного совета. Благодаря такого рода отношениям, как было уже отмечено выше, народные избранники получали дополнительную возможность оказывать влияние на принятие решений государственной важности. Они договаривались с чиновниками о прохождении того или иного законопроекта, согласовывали их детали, получали секретную информацию о работе правительственных учреждений.

Депутаты включались в политическую жизнь, поддерживая одного министра в его противостоянии с другим, согласовывая свою оппозиционную тактику с представителем правительства. За членами Думы и Государственного совета стояли различные группы интересов: земцы, предприниматели, представители региональных элит и др. Они вместе со своими народными избранниками оказались заметно ближе к кормилу власти, обретая реальные возможности влиять на утверждение законов и распределение государственных средств и заказов. Данная ситуация мало кого устраивала. Многие министры не были готовы к диалогу с депутатами.

В начале войны противоречия как будто бы были забыты. И все же депутаты не собирались отказываться от своего участия в деле управления страной, и договариваться с Думой главам ведомств становилось все сложнее. Министры были вынуждены отвечать, в том числе и за то, чего они не делали. Депутаты требовали отчета за решения Ставки, которая свои постановления с правительством чаще всего не согласовывала*.

При этом нижняя палата, как и прежде, оставалась центром притяжения различных общественных сил. Промышленники, недовольные позицией военного ведомства, все чаще апеллировали к Государственной думе и ее председателю М. В. Родзянко. В частности, шли жалобы на чиновников артиллерийского управления, которые, по словам промышленников, отказывались заключать контракты, хотя предприниматели были готовы на всевозможные уступки государству. Защищая интересы просителей, Родзянко непосредственно обратился к верховному главнокомандующему и нашел у него поддержку. Понимая всю бесперспективность совместной работы с Артиллерийским управлением, М. В. Родзянко предложил создать Особое совещание, куда помимо представителей высших бюрократических учреждений были бы приглашены депутаты и промышленники. Вел. кн. Николай Николаевич представил эту идею императору, который с ней согласился**.

* Яхонтов А. Указ. соч. С. 19.

** Савич Н. В. Указ. соч. С. 141–142.

Таким образом, Дума все чаще обращалась к неформальным рычагам влияния на верховную власть, формальных же механизмов давления на нее становилось все меньше по той причине, что нижняя палата собиралась все реже. Депутатам приходилось регулярно просить верховную власть о созыве законодательного собрания. Эта задача стояла перед руководством нижней палаты и летом 1915 г., когда положение Думы становилось качественно иным. 10 июня 1915 г. в кабинете председателя прошло заседание Совета старейшин, которое в большинстве своем (за исключением крайне правых) высказалось за скорейший созыв нижней палаты. Родзянко был уполномочен провести переговоры об этом с Горемыкиным. Председатель Думы 12 июня сообщил Совету старейшин, что премьер не возражает против возобновления работы нижней палаты. 14 июня соответствующее решение было принято императором^{*}. Как раз в это время были сделаны первые шаги по формированию Прогрессивного блока, возникновение которого стало важной вехой в истории Государственной думы: впервые в нижней палате появилось большинство, с которым приходилось договариваться правительству. Причем Прогрессивный блок обрел немалый вес и в Государственном совете, который в 1905–1906 гг. был сохранен как «противовес» радикально настроенной нижней палате^{**}.

По сути, речь шла о создании принципиально нового учреждения – верхней палаты представительной власти. При этом «палата лордов по-русски» должна была иметь свою специфику. В 1905 г. в правительственных кругах пришли к убеждению, что членами Государственного совета, прежде всего, должны оставаться представители бюрократии, так как именно они обладали необходимым управленческим опытом и государственной зрелостью. Дворянство же в России как таковое не самостоятельно как в материальном смысле, и не развито – в интеллектуальном^{***}.

Эта оценка вполне оправдалась. Согласно воспоминаниям В. М. Андреевского, члены Государственного совета разделились на две практически равные части. Половина совершенно уклонилась от какой-либо комиссионной деятельности, зато другая половина работала очень интенсивно^{****}. По преимуществу речь шла о членах по назначению. Их более высокий уровень по сравнению с избранными коллегами отмечали и Д. Н. Шипов, и Н. А. Хомяков, и М. М. Ковалевский. Так, последний писал: «К немалому моему прискорбию, должен сказать, что бюрократические элементы в нашем Совете по уму, та-

* Милюков П. Н. Общественное мнение, парламенты и правительства союзников // Ежегодник газеты «Речь» на 1915 г. Пг., 1915. С. 265.

** Библиотека РГИА. Коллекция печатных записок. № 30. Справка о составе верхних палат, а также о Государственном совете и сходных с ним учреждений. СПб., 1905. С. 25.

*** РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 616. Л. 328.

**** ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 225. Л. 42.

лантливости, знанию и практическому опыту выигрывают по сравнению с общественными деятелями»^{*}.

Благодаря своему чиновному характеру, Государственный совет был весьма авторитетным экспертным сообществом в области законодательства. По мнению М. М. Ковалевского, верхняя палата как законодательная машина в техническом отношении ничем не уступала аналогичным учреждениям Западной Европы и Северной Америки^{**}. Состав Государственного совета предопределял и «социальную психологию» этого органа власти. Члены верхней палаты невольно рассматривали законопроекты с правительственной точки зрения. При обсуждении же вопросов, касавшихся Морского министерства, тон задавали его бывшие руководители и сотрудники (прежде всего, А. А. Бирилев и Ф. В. Дубасов), хорошо осведомленные о положении дел в ведомстве^{***}. По вопросам обороноспособности страны в Государственном совете преимущественно выступали кадровые военные.

В годы мировой войны положение верхней палаты существенно изменилось. Это было связано с новым раскладом сил в Государственном совете, который вполне стал очевиден к лету 1915 г. Большинство, на которое всегда могла рассчитывать верховная власть, уже не было столь предсказуемым. Летом 1915 г. шло брожение даже в правой группе верхней палаты. Некоторые (в том числе В. М. Урусов, А. Н. Наумов, С. И. Зубчанинов) подумывали о том, чтобы выйти из ее состава. Многие члены верхней палаты присоединились к Прогрессивному блоку. По оценке депутата Думы Н. В. Жилина, 26 членов Государственного совета вошли в блок, 6 – были готовы их поддержать, а 34 – тайне склонялись к этому решению^{****}.

Осенью 1915 г. состоялись выборы в Государственный совет. Должна была смениться треть избираемых членов. Результаты кампании в корне изменили расклад сил. Если до выборов определенное преимущество было у противников Прогрессивного блока (99 против 89 голосов), то теперь большинство получили как раз его представители (100 против 90). При этом Государственный совет пополнился такими яркими фигурами, как А. И. Гучков, кн. Е. Н. Трубецкой, П. П. Рябушинский. 26 ноября последовало назначение в Государственный совет пяти новых членов консервативного направления: бывших губернаторов Н. П. Муратова и А. А. Римского-Корсакова, а также Н. П. Гарина, кн. Н. Д. Голицына, И. С. Крашенинникова. В свою очередь, некоторые назначенные члены верхней палаты, которых вполне обоснованно подозревали в членстве в Прогрессивном блоке, всячески открещивались от него. Так, со-

^{*} Ковалевский М. М. Моя жизнь. Воспоминания. М., 2005. С. 400.

^{**} Там же. С. 397–398.

^{***} Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия III. 1907–1908. СПб., 1908. Стб. 1761–1764; Там же. Сессия IV. 1908–1909. СПб., 1909. Стб. 1425; Там же. Сессия V. СПб., 1910. Стб. 2054–2055, 2071.

^{****} ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1037. Л. 1918.

гласно сообщениям «Биржевых ведомостей», кн. А. Д. Оболенский утверждал: «Нам нет надобности выходить из состава Прогрессивного блока, ибо мы в его состав никогда не входили»^{*}. И все же Государственный совет нельзя было считать столь же «благонадежным», как раньше.

Немало зависело от председателя «высокого собрания». У многих верхняя палата как раз ассоциировалась с ее «спикером» – М. Г. Акимовым, который скончался вскоре после начала войны – 9 августа 1914 г. Председателем Государственного совета 15 июля 1915 г. стал А. Н. Куломзин. По мнению А. А. Поливанова, это назначение стало своего рода компромиссом. Верховная власть боялась «раздразнить» правых, выдвинув «конституционалиста» И. Я. Голубева. Куломзин же, умело маневрировавший между противоположными флангами, должен был стать для всех членов высокого собрания более или менее приемлемой кандидатурой^{**}. Расчет не вполне оправдался. Правым новый председатель казался чересчур радикальным и настоящим оппозиционером.

Верховная власть все делала для того, чтобы Государственный совет вернулся к предписанной ему роли охранителя закона и порядка. В начале ноября 1916 г. товарища председателя Государственного совета И. Я. Голубева вызвали в Царское Село, где императрица отчитала его за характер прений в верхней палате. К декабрю 1916 г. был намечен новый председатель верхней палаты – бывший министр юстиции, человек крайне правых убеждений И. Г. Щегловитов. Как раз тогда в беседе с А. Д. Протопоповым он вполне обоснованно жаловался на «полевение» верхней палаты. По оценке Щегловитова, чтобы в Государственном совете вновь установилась гегемония правых, необходимо было назначить к присутствию 15 благонадежных лиц^{***}. В январе 1917 г. император, вняв совету нового председателя, сменил 17 назначенных к присутствию членов Государственного совета, что смутило даже членов правой группы. В итоге расклад сил в верхней палате действительно существенно изменился. По сведениям Ю. А. Иксуля фон Гильдебандта, «в Государственном совете образовалось крепкое “зубровое большинство”, с храброй бестактностью идущее на конфликт с Государственной думой»^{****}.

* * *

Представительные учреждения в России в 1906–1917 гг. обладали довольно ограниченным инструментарием давления на исполнительную власть. Однако его было достаточно для того, чтобы заставить правительство счи-

^{*} Милюков П. Н. Общественное мнение, парламенты и правительства союзников... С. 286, 289.

^{**} Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника, 1907–1916. С. 168–169.

^{***} Падение царского режима... Т. 4. С. 56.

^{****} ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1068. Л. 25; Д. 1070. Л. 93.

таться с собой. Благодаря этому Дума и Государственный совет стали центром притяжения различных общественных сил, которые получили возможность оказывать влияние на принятие законов. Очевидно, эффективное взаимодействие правительства и депутатского корпуса должно было стать результатом диалога бюрократии и сравнительно широких кругов цензовой общественности. В этом случае представительные учреждения были бы важным стабилизирующим фактором во внутренней политике Российской империи. Имела же место обратная ситуация, когда Дума и Государственный совет, консолидируя общественные круги, оказывали давление на правительство, но не встречая с его стороны обратной реакции, соответствующей вызову, стали фактором дестабилизации.

Война застала политическую систему Российской империи в процессе «сборки», во многом стихийной и неупорядоченной. Нарождавшаяся модель выработки решений государственной важности пока не знала ясного распределения ролей. Многие ее элементы противоречили друг другу.

Война потребовала ее скоротечной перестройки, что окончательно запутало положение. Его ухудшало любое решение. Император, передавая верховное командование вел. кн. Николаю Николаевичу, вполне оправданно чувствовал умаление собственной самодержавной власти. Вместе с тем через год, взяв на себя эти обязанности, он фактически устранился от оперативного управления страной, невольно передавая его в руки «посредников». Поэтому Совет министров в эти годы перестал даже казаться объединенным правительством. Министры, как и губернаторы, не знали четких границ сферы своей компетенции, в которую регулярно вторгалось военное командование.

Это затрудняло диалог между законодательной и исполнительной властью. Государственная дума, в которой, наконец, сформировалось большинство, не знала, с кем вести переговоры: в сложившихся обстоятельствах от руководителей ведомств далеко не все зависело. А за депутатами стояли земские собрания и городские думы, чувствовавшие собственную значительную силу и призывавшие к все большей решимости. Клубок противоречий все более наминал «гордиев узел», который едва ли удалось бы распутать.

Глава 2. ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО: СОТРУДНИЧЕСТВО И КОНФРОНТАЦИЯ

(К. А. Соловьев)

1. Исполнительная власть и представительные учреждения: взаимодействие и противостояние

И до начала войны члены правительства, согласно или вопреки своему желанию, тесно взаимодействовали с представительными учреждениями. Правда, преимущественно речь шла о сотрудничестве не столько институтов, сколько отдельных лиц: не Совета министров и Государственной думы, а премьера, министров, их заместителей с депутатским корпусом. В силу этого имевшийся в том числе и позитивный опыт взаимодействия не выливался в определенную систему отношений. Слишком много зависело от частных предпочтений, индивидуальных взглядов. Иными словами, к 1914 г. в этой сфере еще не сформировалось прецедентное право, способное компенсировать «лакуны» в законодательстве. Среди большинства министров не было возражений относительно того, что сотрудничество с Думой жизненно необходимо, однако формы взаимодействия очевидны не были.

Казалось бы, «священное единение» 26 июля 1914 г. должно было внушить правительству уверенность в перспективе сотрудничества депутатов (в том числе оппозиционных фракций) и Совета министров. Однако практика свидетельствовала об обратном, ставя под сомнение искренность сторон даже вскоре после «исторического заседания» нижней палаты. В конце августа 1914 г. думская оппозиция на частных совещаниях предрекала «неизбежность народного “прогрессивного” или даже революционного движения вслед за окончанием войны», которая, казалось, продлится недолго. Причем, согласно прогнозам, это случилось бы вне зависимости от исхода военных действий. Правительство могло избежать будущих потрясений, лишь тесно сотрудничая с Государственной думой, идя навстречу ее требованиям. Пока же депутаты не спешили вступать в конфронтацию с исполнительной властью, понимая, что любое выступление «может быть окрашено правительством в антипатриотический цвет»^{*}.

^{*} Толстой И. И. Дневник: В 2 т. Т. 2. С. 604.

Действительно, в Совете министров относились с подозрением к народным избранникам. По сведениям весьма информированного экономиста, общественного деятеля (а также зятя председателя бюджетной комиссии Думы М. М. Алексеенко) П. П. Мигулина, и в сентябре 1914 г. правительство предпочитало не созывать нижнюю палату, как раз опасаясь доминирования оппозиции в Таврическом дворце. Следовательно, ему приходилось все чаще прибегать к 87-й статье Основных государственных законов, т. е. чрезвычайнo-указному праву. И все же оттягивать созыв Думы до окончания войны не представлялось возможным, хотя бы потому что бюджет нельзя было принять по 87-й статье. При этом было очевидным, что если собирать депутатов, то надо ставить перед ними серьезные задачи. В противном случае их деятельность могла приобрести деструктивный характер. В этой связи в декабре 1914 г. министр земледелия А. В. Кривошеин склонялся к мысли о внесении в нижнюю палату законопроекта о введении в России подоходного налога. Мигулин же предлагал ему провести через Думу военные расходы, даже вопреки действовавшим правовым нормам*.

И все же повестка будущей сессии не была предрешена, и в том числе по этой причине министры опасались созыва депутатов. «Боятся запросов, обструкции со стороны социал-демократов (ареста) и т. д. С другой стороны, хочется провести бюджет и одобрение налогов, проведенных по 87 ст.», – писал Мигулин Алексеенко 12 декабря 1914 г.** Этот страх свидетельствовал в пользу Думы: с ней считались и в ней нуждались.

Еще до открытия сессии, 26 января 1915 г., прошло частное совещание комиссии по военным и морским делам. На нем присутствовали и многие министры, которые в большинстве своем были готовы к сотрудничеству с депутатами. Согласно воспоминаниям П. Н. Милюкова, исключение составили руководитель военного ведомства В. А. Сухомлинов и министр внутренних дел Н. А. Маклаков. Выступление последнего своей грубостью и резкостью поразило даже членов правительства. И. Л. Горемыкин получил записку от председателя Думы М. В. Родзянко с просьбой хоть как-нибудь смягчить всеобщее «отвратительное впечатление». Премьер согласился с этим и произнес в конце несколько примирительных слов***.

Очевидно, большинство руководителей ведомств рассчитывало на поддержку нижней палаты. На открытии сессии присутствовали все министры, которые давали объяснения по статьям бюджета. Как писал один из депутатов 27 января 1915 г., «министерства с нами были очень милы и любезны. Некоторые из наших, конечно левых, все же их понемножку за пейсы драли и правды было много высказано, но так как это было общение Думы с пра-

* ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 996. Л. 1509; Д. 1000. Л. 1985.

** Там же. Д. 1001. Л. 204.

*** Милюков П. Н. Воспоминания: В 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 166–167.

вительством, то весь вечер был проведен в духе примирительном. Министры давали на многие вопросы объяснения и даже во многом вину и много заявлений приняли к делу»^{*}.

Как и было изначально договорено, январская сессия оказалась скоротечной. Однако диалог между министрами и депутатами был продолжен и после ее завершения. В период премьерства И. Л. Горемыкина переговоры с народными избранниками от имени правительства чаще всего вел А. В. Кривошеин, который в частных беседах выступал в пользу расширения контрольных функций нижней палаты. В феврале 1915 г. он даже поставил в правительстве вопрос об установлении думского контроля над деятельностью правительственной администрации. По его мнению, это было необходимым условием победы^{**}.

Война неожиданно для многих затягивалась. Весной 1915 г. Россия потерпела тяжелые поражения. Депутаты не желали оставаться в стороне от этих событий. Они настаивали на скорейшем созыве Думы. В результате переговоров с И. Л. Горемыкиным удалось договориться о дате начала сессии – 19 июля. Премьер намекал, что к этому дню должна была в корне измениться политическая ситуация в стране. Очевидно, он имел в виду предстоящую отставку министров – И. Г. Щегловитова, В. А. Сухомлинова и Н. А. Маклакова^{***}.

Впрочем, положение менялось и в самой Думе. Настроения в ней радикализировались, «центр тяжести» смещался влево. Характерно, что 21 июля 1915 г. комиссию по военным и морским делам возглавил А. И. Шингарев, один из лидеров фракции кадетов. Прежде представителей этой партии предпочитали вовсе не включать в состав столь важной комиссии. «Революция» произошла с подачи прогрессивных националистов – А. И. Савенко и В. В. Шульгина^{****}. Таким образом, при поддержке части правых кадеты постепенно обретали «контрольные высоты» в нижней палате.

Это объясняется не только изменением общественных настроений. Формирование Прогрессивного блока стало следствием «центробежных» сил в Думе: ведь совсем недавно распались фракции октябристов, националистов. Следовательно, сравнительно консолидированные кадеты получили относительное преимущество. А главное, «рядовые» депутаты все хуже посещали заседания нижней палаты. Думские же «водители» меньше прежнего считались с депутатскими настроениями и теперь искали новые организационные формы.

Многое должна была решить летняя сессия, идея созвать которую не устроила многих депутатов. Народные избранники из помещиков и крестьян

* ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1012. Л. 230.

** *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 157–158.

*** *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 2. С. 175–176.

**** ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1025. Л. 399.

в большинстве своем не желали торопиться в столицу, предпочитая ей родные земельные угодья, так что заседания всех комиссий приходилось проводить практически незаконно, при отсутствии кворума. Думский президиум, дождавшись отъезда правых помещиков, перестал давать отпуска всем прочим желавшим вернуться домой, что вызывало резкое раздражение среди депутатов. М. В. Родзянко подписывал заявление на отпуск лишь при наличии визы руководителя фракции*.

В Думе всегда тон задавало работоспособное ядро депутатов. В новых условиях его роль только возросла. Именно благодаря его усилиям в августе 1915 г. сформировалось думское большинство – Прогрессивный блок, с существованием которого пришлось смириться «рядовому думцу». Новый расклад сил в нижней палате не способствовал скорейшему открытию следующей сессии. Но и в период продолжительного перерыва между думскими заседаниями с нижней палатой приходилось считаться в силу хотя бы ее бюджетных полномочий. 15 октября 1915 г. октябрист И. И. Дмитриуков писал кн. А. Д. Оболенскому: «Думу созвать не хотят, снисходят только до созыва на 3 дня для приложения штампа к бюджету. Но И. Л. [Горемыкин] ошибется, он нас не заставит рассматривать бюджет “без рассмотрения”. А бюджет в этом году заслуживает самого серьезного внимания в доходной его части, ибо иначе нам грозит банкротство»**. Нижняя палата, все более чувствуя свою силу, не желала в данном случае идти на уступки правительству. 18 октября 1915 г. председатель бюджетной комиссии Алексеенко полагал, что ускоренное рассмотрение государственной сметы – вопрос скорее политический, который едва ли будет решен фракциями в положительном смысле. Депутаты постановили рассматривать бюджетные вопросы обычным порядком. Канцелярии Думы было вменено в обязанность составлять большие доклады и ставить их на рассмотрение в комиссии. Министры, как и прежде, являлись на заседания бюджетной комиссии, которые случались нечасто. С 15 сентября по 30 ноября 1915 г. прошло только четыре заседания***.

Работа бюджетной комиссии активизировалась в декабре 1915 г. Министры и тогда не забывали посещать ее заседания, давая депутатам пространные объяснения по всем вопросам, интересовавшим народных избранников, и тем самым демонстрировали свою готовность к сотрудничеству. 16 декабря в работе бюджетной комиссии принимал участие министр внутренних дел А. Н. Хвостов, который явился в Таврический дворец вместе со всеми своими товарищами. Показательно, что, подчеркивая свое положение депутата Думы, он вошел не через министерский павильон, подобно прочим министрам, а через главный вход. Сославшись на болезнь, Хвостов предоставил слово своим заместителям, ограничившись лишь отдельными репликами. Это

* ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1028. Л. 1173.

** Там же. Д. 1035. Л. 1712.

*** Там же. Д. 1035. Л. 1738, 1770; Д. 1036. Л. 1807; Д. 1039. Л. 2129.

заседание вызвало большой интерес среди народных избранников. Громадная «тринадцатая» комната не вместила всех желавших участвовать в обсуждении сметы Министерства внутренних дел. В итоге заседание перенесли в Полуциркульный зал. На следующий день в бюджетной комиссии выступал министр путей сообщения А. Ф. Трепов*.

Думская сессия должна была открыться в ближайшее время, но пока никто не знал, как долго она продлится. На заседании Совета министров 11 января 1916 г. И. Л. Горемыкин поставил об этом вопрос. По его мнению, эту проблему следовало обсудить с представителями нижней палаты. Большинство министров высказалось резко против всяких переговоров с депутатским корпусом, считая, что само правительство должно было установить сроки работы Думы. Особенно категоричен был министр финансов П. Л. Барк. Согласно воспоминаниям А. Н. Наумова, в высказываниях сторонников ограничить думскую сессию неделями, а то и днями – сквозило желание по возможности избежать депутатской критики**. Правительство приняло решение оставить нижней палате месяц на обсуждение законодательных проблем: с 5 февраля по 5 марта 1916 г.

В итоге не Горемыкину пришлось решать этот вопрос. 18 января 1916 г. он был отправлен в отставку. Увольнение премьера некоторым представителям общественности показалось победой сил, рассчитывавших на взаимодействие с представительными учреждениями. Действительно, на заседании Совета министров 22 января 1916 г., на котором уже председательствовал Б. В. Штюрмер, было принято решение в скором времени созвать Думу, при этом никак не ограничив длительность сессии***.

Правительство шло на уступки, рассчитывая на ответное «благодущие» депутатов. В конце января 1916 г. министр внутренних дел А. Н. Хвостов проводил консультации с лидерами Прогрессивного блока о перспективах его взаимодействия с обновленным правительством. При этом Хвостов очень интересовался: будут ли депутаты на своих пленарных заседаниях ставить вопрос о Г. Е. Распутине. Тогда же министру внутренних дел не удалось договориться о присутствии членов Думы на рауте на квартире нового премьера – Б. В. Штюрмера. Однако последний все же встретился с М. В. Родзянко и переговорил с некоторыми влиятельными депутатами****.

Начало сессии было ознаменовано «сюрпризом» для народных избранников. 9 февраля 1916 г. император, как было уже сказано, впервые посетил Государственную думу. Как вспоминал сотрудник Министерства иностранных дел В. Б. Лопухин, в Таврическом дворце «пронесся среди гула разгово-

* *Поливанов А. А.* Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 г. – 13 марта 1916 г.). С. 139–140.

** *Наумов А. Н.* Указ. соч. Кн. 2. С. 425.

*** Там же. С. 357–358, 435.

**** Падение царского режима... Т. 6. М.; Л., 1926. С. 322–323.

ров протяжный, как глубокий вздох, покрывший разговоры быстротою своей передачи шепот. Кто-то подскочил к Родзянко, что-то взволнованно сообщил ему. И, как сейчас вижу, – картина незабываемая: грузный Родзянко, широко раздвинув ноги, мчится вскачь через Екатерининский зал к вестибюлю Государственной думы. За ним, рассыпавшись, рысью бежит свора “старейшин”. Через несколько минут появляется в сопровождении отстающего на полшага склонившегося Родзянко царь в походной защитного цвета куртке – маленький перед рослыми фигурами думского председателя и выступающего позади вел<икого> кн<язя> Михаила Александровича, одетого в своеобразную форму состоящей под его командою “дикой дивизии”^{*}. Высочайший визит мог бы закончиться не слишком благополучно. Каким-то образом узнав о предстоящем визите царя, депутаты-социалисты рассчитывали устроить императору обструкцию. Протопопов сообщил об этом крестьянской группе, которая убедила леворадикальные фракции отказаться от своих намерений^{**}.

В тот же день, 9 февраля, и сам Б. В. Штюрмер зачитал в Думе декларацию правительства, которую депутаты невысоко оценили. Своего рода ответом на нее стала декларация Прогрессивного блока, с которой выступил октябрист С. И. Шидловский. Впрочем, «вечный конфликт» правительства с Думой не мешал никогда не прерывавшемуся сотрудничеству депутатов с отдельными руководителями ведомств. Так, А. А. Поливанов снабжал нижнюю палату всеми необходимыми материалами, которые были в распоряжении его министерства и позволяли народным избранникам готовить основательные запросы правительству^{***}.

Министры, заинтересованные в ускоренном прохождении многих законопроектов, были склонны «прощать» депутатов за их просчеты, сделанные в ходе работы над обсуждаемыми документами. В Государственном совете были не столь снисходительны, что порой раздражало как раз правительство. Оно настаивало на более терпимом отношении к депутатскому законотворчеству. Тем не менее круг значимых вопросов, обсуждавшихся в Думе в годы войны, был сравнительно невелик. Депутатам он казался явно недостаточным. П. А. Велихов писал брату 11 мая 1916 г.: «Готового законодательного материала нет, кроме закона об уравнении крестьян, который собственно только подтверждает закон 5 октября 1906 г., проведенный по 87 ст. “Приход” проваливают. Волостного земства не хочет Государственный совет. Городовое положение придется еще проталкивать в комиссии и вряд ли успеем кончить»^{****}.

^{*} Лопухин В. Б. Записки бывшего директора Департамента Министерства иностранных дел. СПб., 2008. С. 263.

^{**} ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1051. Л. 366.

^{***} Лемке М. К. 250 дней в царской ставке (25 сентября 1915 г. – 2 июля 1916 г.). С. 634.

^{****} ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1055. Л. 117.

Все же главным вопросом оставался бюджет, который следовало провести через законодательные учреждения. В связи с этим Б. В. Штюрмер был вынужден поддерживать тесные рабочие контакты с депутатским корпусом. Правда, для этого у него не всегда хватало такта. 13 мая 1916 г. состоялся раут, на который были приглашены члены Думы и Государственного совета. И те, и другие были крайне смущены чрезмерной роскошью этого приема, явно диссонировавшего с трудностями, переживаемыми страной. Депутат В. М. Пуришкевич не скрывал своего возмущения: «Что это? Реклама российского продовольственного благополучия? Зачем же тогда копыя ломать из страха грядущего голода!» Недоумевал и председатель Государственного совета А. Н. Куломзин. «Должен вам сознаться, – говорил он министру земледелия А. Н. Наумову, – что все это пиршество мне поперек горла встает – не ко времени оно и не по карману... Не могу понять, для чего вся эта шумиха»^{*}.

Усилия Штюрмера не давали искомого результата. Он не вызывал симпатий в Думе и чувствовал угрозу со стороны тех министров, которые ею пользовались. В этой популярности ему виделся значимый «козырь» в борьбе за власть в правительстве. Дума же не безмолвствовала, а в лице своего председателя М. В. Родзянко пыталась добиться от императора кадровых изменений в правительстве. В письме Александре Федоровне от 25 июня 1916 г. Николай II отмечал, что Родзянко болтал всякую «чепуху»: предлагал заменить Штюрмера – Григоровичем, Трепова – Б. Д. Воскресенским, Шаховского – А. Д. Протопоповым^{**}. В сентябре 1916 г. последний все же стал министром внутренних дел.

Его назначение было встречено общественностью с энтузиазмом. Нового министра приветствовали все ведущие периодические издания – от «Речи» до «Нового Времени». На бирже даже повысился курс акций. В этом кадровом решении императора виделась обнадеживавшая готовность к диалогу с обществом^{***}. 5–9 октября 1916 г. в Москве на квартире А. И. Коновалова проходили конспиративные совещания, которые оценивали назначение Протопопова как «колоссальную победу общественности, о которой несколько месяцев тому назад трудно было мечтать». По словам А. И. Коновалова, «капитулируя перед обществом, власть сделала колоссальный, неожиданный скачок... Для власти эта капитуляция почти равносильна акту 17 октября. После министра-октябриста не так уж страшен будет министр-кадет. Быть может, через несколько месяцев мы будем иметь министерство Милюкова и Шингарева. Все зависит от нас, все в наших руках». Столь же оптимистично был настроен и А. И. Гучков: «У Протопопова хорошее общественное и политическое прошлое. Оно – целая программа, которая обязывает»^{****}. Пожалуй, единственное

^{*} Наумов А. Н. Указ. соч. Кн. 2. С. 398–399.

^{**} Переписка Николая и Александры Романовых, 1916. Т. 4. С. 342.

^{***} Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту. Paris, 1979. С. 56–57.

^{****} Там же. С. 58.

исключение составил Родзянко, который оценил Протопопова как ренегата. Однако бывший товарищ председателя Думы продолжал регулярно появляться в Таврическом дворце и консультироваться с депутатами (в том числе и с самим Родзянко)*. Впрочем, и некоторые депутаты посещали Протопопова, правда, всячески скрывая от коллег свои визиты к новому министру внутренних дел**.

Протопопов не порывал своих старых знакомств. О готовившейся речи В. М. Пуришкевича, направленной против него, он узнал от П. Н. Крупенского, с которым был знаком еще с учебы в кавалерийской школе. Уже после Февральской революции бывший министр внутренних дел рассказывал Чрезвычайной следственной комиссии: «Он бегал ко мне, и я к нему ездил. Он быстрый человек, всегда больше всех знает». Складывались и новые связи. Протопопов продолжил традиционный министерский курс, направленный на поддержку крайне правых. Они, как и прежде, получали субсидии от МВД. Так, по сведениям Протопопова, Н. Е. Маркову было выдано около 40 тыс. руб. только за время его министерства***.

Министры, вне зависимости от своих личных взглядов и предпочтений, с большим вниманием относились к контактам с депутатским корпусом. Это относилось и к главе правительства. Показательно, что вскоре после своего назначения И. Л. Горемыкин искал встречи с Родзянко, а не наоборот. Аналогичным образом вел себя Б. В. Штюрмер. А. Ф. Трепов, став премьером, тоже торопился встретиться с председателем Думы, с которым имел весьма откровенный разговор. Очевидно, желая понравиться депутатам, новый глава правительства сказал о своем отрицательном отношении к Протопопову и заявил о готовности требовать его отставки****.

К этому моменту у Трепова наладились отношения со многими депутатами. Ведь в начале ноября 1916 г. он, пока только министр путей сообщения, ездил в Думу с просьбой приостановить нападки на правительство. Очевидно, ему в этом вопросе удалось достичь договоренности с лидерами Прогрессивного блока****. И в дальнейшем он призывал хотя бы к временному компромиссу с представительными учреждениями. В декабре 1916 г. А. Ф. Трепов предложил императору распустить Думу 17 декабря и вновь ее собрать уже 19 января 1917 г., тем самым продемонстрировав готовность правительства к диалогу даже с самой оппозиционной частью российской общественности. Если же и

* Падение царского режима... Т. 7. М.; Л., 1927. С. 143–145.

** [Жевахов Н. Д.] Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода князя Н. Д. Жевахова. СПб., 2007. С. 238.

*** Падение царского режима... Т. 1. С. 122–123, 124.

**** Савич Н. В. Воспоминания. С. 184.

***** ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1059. Л. 958.

в январе депутаты будут продолжать «осаду» действовавшей власти, то лишь тогда их следовало немедленно и уже окончательно распустить*.

Мысль о необходимости разгона депутатского корпуса находила сторонников в правительстве. Так, оппонент премьера А. Д. Протопопов выступал за скорейший роспуск Думы, будучи причем уверенным, что новый состав непременно окажется хуже имевшегося. Если бы действительно случилось именно так, то следовало бы вновь распустить законодательное собрание: «Япония одиннадцать раз распускала парламент, и мы распустим**».

По мнению С. П. Белецкого, для Протопопова вопрос стоял просто: либо он, либо Дума, каждое заседание которой оборачивалось для министра внутренних дел громким скандалом. Роспуск нижней палаты давал ему шанс укрепиться на высоком посту. При этом Протопопов находился под сильным влиянием бывшего министра юстиции И. Г. Щегловитова, который настаивал на решительных действиях***.

Однако после бурного ноября 1916 г. далеко не все в нижней палате были готовы к столь же бурному январю или февралю 1917 г. Согласно свидетельству Н. В. Савича, депутаты в большинстве своем склонялись к мысли о необходимости планомерной законодательной работы. С призывами к политическим демонстрациям (например, отклонить государственный бюджет) выступали прогрессисты, но они не встречали поддержки даже среди кадетов****.

Как будто бы и большинство министров – людей разных взглядов, привычек, жизненного опыта – было в той или иной мере готово к сотрудничеству с депутатами, понимая всю его неизбежность. При этом те же руководители ведомств страшились Думы, опасаясь ее критики, воздействия на общественное мнение, не желая приноравливаться к ритму работы представительного учреждения. По этой причине многие из министров стремились минимизировать участие нижней палаты в законотворческом процессе. Они настаивали на сокращении продолжительности думских сессий, на принятии наиболее значимых решений в порядке чрезвычайно-указного права. В результате складывалась парадоксальная ситуация, когда влияние отдельных депутатов в годы войны неуклонно возрастало, а Думы в целом – падало. Это был один из «дисбалансов» политического развития России, который с неизбежностью способствовал обострению кризиса.

* Переписка Николая и Александры Романовых, 1916–1917. Т. 5. С. 186–187.

** Падение царского режима... Т. 2. С. 259.

*** Там же. Т. 5. С. 258.

**** ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1069. Л. 107.

2. Прогрессивный блок:

попытка консолидации консервативных и либеральных сил

Формирование думского большинства давно заботило и правительство, и оппозицию. Несмотря на все усилия представителей общественности и высшей бюрократии, оно так и не было создано в Думе первых трех созывов. Результат был достигнут лишь в годы мировой войны, и это событие качественно изменило «политический ландшафт» Российской империи.

С продвижением линии фронта на восток весной 1915 г. в Государственной думе крепло убеждение, что коренные политические реформы – дело ближайшего будущего. Согласно сведениям чиновников канцелярии Думы, уже в июне 1915 г. М. В. Родзянко готовил состав нового правительства*. В июле он обсуждал с сотрудниками канцелярии свое будущее назначение на должность председателя Совета министров. При этом Родзянко решился принять это возможное предложение только в том случае, если он одновременно станет министром внутренних дел**.

Настроения среди сторонников правых и умеренных взглядов заметно радикализировались. В августе 1915 г. националист А. И. Савенко в беседе с французским послом М. Палеологом высказывался о пользе скорейшей революции в России: «Революция такая, какую я предвижу, какой я желаю, будет внезапным освобождением всех сил народа, великим пробуждением славянской энергии. После нескольких дней неизбежных смут, положим даже – месяца беспорядков и парализованности, Россия встанет с таким величием, какого вы у нас не подозреваете»***. Согласно воспоминаниям генерала А. И. Верховского, еще в 1914 г. А. И. Гучков оценивал возможные в будущем революционные потрясения как неизбежные и в определенном смысле даже полезные: «Я начинаю думать о невозможности выйти из положения обычными средствами. Только перевернув все вверх ногами, можно создать условия, при которых Россия может отстоять свою независимость и право на самостоятельное существование». Конечно же, продолжал Гучков, было бы лучше, если бы удалось сформировать ответственное перед Думой правительство, а во главе армии оказались бы Алексеев или Брусилов. «Но пока шансов на это мало. Император упорен и хитер»****.

Характерно, что лидеры радикального крыла русского либерализма, представленного, прежде всего, кадетами, к революции вовсе не стремились. П. Н. Милюкову приписывались слова: «Лучше поражение, чем революция». На заседании Думы 3 марта 1916 г. он так определил свою позицию: «Я не

* ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1013. Л. 55 об.

** Глинка Я. В. Одиннадцать лет в Государственной думе. М., 2001. С. 143.

*** Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 195.

**** Верховский А. И. На трудном перевале. М., 1959. С. 59–60.

знаю наверное, приведет ли правительство нас к поражению. Но я знаю, что революция в России непременно приведет нас к поражению и недаром этого так жаждет наш враг»^{*}. Таким образом, в то время, как правые смещались влево, левые смещались вправо. Они сближались, и постепенно складывалась платформа для думского большинства.

27 мая 1915 г. открылся съезд представителей торговли и промышленности. Выступавшие на этом форуме М. М. Федоров, П. П. Рябушинский, В. В. Жуковский высказались в пользу «объединения, по примеру наших союзников, всех промышленных и торговых сил страны для того, чтобы дать армии все необходимое и вовремя». Согласно резолюции съезда, создание продовольственного комитета и особого комитета по снабжению армии признавалось недостаточным. Правительство должно было всячески содействовать, чтобы «к участию в действиях новых учреждений привлекались широкие круги: представители земского и городского союзов, промышленных и торговых организаций и ученые силы». Кроме того, съезд настаивал на скорейшем возобновлении работы Государственной думы^{**}. 29 мая в этом же смысле высказалась Московская, а вскоре и Петроградская городские думы. Схожую позицию поддержали и некоторые другие городские самоуправления. 30 мая соединенное заседание Главных комитетов Земского и Городского союзов приняло решение о своем «немедленном и непосредственном участии в деле снабжения армии»^{***}. Эти резолюции предвещали начало подготовительных работ по открытию думской сессии, а также формированию Прогрессивного блока.

В июне 1915 г., примерно тогда, когда Родзянко уже готовился к должности премьера, во фракциях нижней палаты шло обсуждение программы будущих работ Думы. При этом депутаты отталкивались от кадетского проекта, который был специально составлен таким образом, чтобы устроить сторонников самых разных взглядов. Дискуссия продолжалась в течение всего июня, и прежним политическим оппонентам удалось достичь консенсуса^{****}. Это был значимый шаг по пути создания думского большинства.

И все же, по сведениям П. Н. Милюкова, первоначально инициатива образовать это объединение исходила не от думских, а от правительственных кругов (прежде всего, от А. В. Кривошеина, чьим «маклером» в Думе был П. Н. Крупенский). Не случайно, что фамилия министра земледелия «всплыла» первой, когда депутаты подняли вопрос о составе будущего правительства «общественного доверия»^{*****}. Об особой роли Кривошеина при формировании

^{*} Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту. С. 76.

^{**} Милюков П. Н. Общественное мнение, парламенты и правительства союзников... С. 259.

^{***} Там же. С. 260.

^{****} Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 2. С. 179.

^{*****} Там же. С. 180.

Прогрессивного блока писал в своих воспоминаниях и бывший министр торговли и промышленности кн. Вс. Н. Шаховской*.

Лидерам нарождавшегося объединения следовало перехватить инициативу, предложив своим коллегам программу действий. О ее необходимости говорили все думские группы, за исключением крайне правых и крайне левых. Осознавая необходимость общего плана работы, представители большинства фракций собрались 9 августа на квартире М. В. Родзянко. На этом же совещании был составлен список десяти очередных законопроектов, который лег в основу программы Прогрессивного блока**. Ее обсуждали и в дальнейшем. 11 августа состоялось совещание у члена Государственного совета Д. А. Олсуфьева. На следующий день – опять у Родзянко.

В Прогрессивном блоке рассчитывали на те или иные изменения в правительственных верхах. Правда, предлагались разные «рецепты». Верховная власть – вне сферы влияния, объяснял член Государственного совета М. А. Стахович на заседании зарождавшегося Прогрессивного блока в августе 1915 г., поэтому приходится воздействовать на правительство. По мнению же другого члена верхней палаты – В. И. Гурко, основная проблема заключалась в кадровом обеспечении исполнительной власти. Был нужен популярный, пользующийся доверием человек, который бы принял ответственность за решения администрации. Фактически речь шла о диктатуре, возможность которой смутила многих. Октябрист И. И. Дмитриуков поставил вопрос в иной плоскости: нужна диктатура правительства, а не какого-либо отдельного лица.

Кадеты же предпочитали говорить о программе будущего кабинета. А. И. Шингарев настаивал на необходимости скорейших реформ (например, волостной). Д. Д. Grimm доказывал неизбежность политических преобразований, поднимая вопрос о безответственности власти. Гурко с этим подходом категорически не соглашался: по его мнению, в сложившихся обстоятельствах положительная программа имела вторичное значение. «В лицах – центр тяжести». Эти слова не всех убеждали. В. А. Маклаков предупреждал коллег о последствиях такой постановки вопроса. Он отмечал, что «петиция о смене правительства – начало революции». При этом Дума не смогла бы назвать лиц, которых она делегировала бы в исполнительную власть.

Вероятно, Маклаков был прав. Назвать конкретных лиц было сложнее, нежели сформулировать программу, о которой сразу же задумались сторонники Прогрессивного блока. 14–15 августа 1915 г. на квартире у члена Государственного совета А. Н. Меллера-Закомельского обсуждалась возможность амнистии, решения еврейского, финляндского, украинского, польского

* Шаховской Вс. Н. "Sic transit Gloria mundi" (Так проходит слава мирская), 1893–1917. С. 113.

** Милуков П. Н. Общественное мнение, парламенты и правительства союзников. С. 275–276.

вопросов, а также религиозная, рабочая политика. 22 августа шли консультации о перспективах диалога с правительством. Депутаты обсуждали, кому следовало адресовать программу блока – Совету министров или императору. Кроме того, подготавливаемое депутатское заявление должно было стать «добрым советом» или ультиматумом правительству? – на этот вопрос в Прогрессивном блоке тоже не было ответа*.

В итоге члены создававшегося объединения сошлись на необходимости правительства, пользующегося общественным доверием, проведения принципов «строгой законности», обновления кадров губернаторского корпуса, устранения двоевластия гражданской и военной администрации. Кроме того, новоявленное думское большинство настаивало на амнистии по делам, «возбужденным по обвинению в чисто политических и религиозных преступлениях, не отягощенных преступлениями общеуголовного характера»; на возвращении высланных в административном порядке; полном прекращении преследований по религиозным мотивам; на предоставлении прав автономии Царству Польскому; на снятии основных ограничений с еврейского населения; на «примирительной политике» в финляндском вопросе; на прекращении дискриминационной политики в отношении украинской печати; на восстановлении деятельности профсоюзов; на введении волостного земства, органов местного самоуправления на окраинах империи; на изменении Земского положения 1890 г. и Городового положения 1892 г.**

Это было результатом компромисса. Как раз 22 августа 1915 г. прогрессивный националист В. В. Шульгин писал: «Выиграть войну можно, измотав немцев, то есть в затяжку. И победить можно, но только выиграв время. На ближайшее рассчитывать нельзя, но будущее в наших руках, ибо мы можем выдержать дольше. Но выдержать можем только при условии внутреннего мира и добыв денег. Ради сохранения внутреннего мира и ради денег необходимо идти на уступки друг другу». Следовало пойти на уступки по польскому и еврейскому вопросу. Надо было согласиться на частную амнистию. Кроме того, «кадеты внесли массу законопроектов (почти безобидных и мало обидных), и мы согласились, понимая, что это им необходимо, чтобы поддержать в своей публике уверенность, что эта война “освободительная”. Эти проекты, на которые мы даем свое согласие, служат указанием того, что после победной войны мы пойдем в стороны расширения свобод. Кадеты боятся реакции после войны и стараются с этой стороны себя обезопасить. Я выдаю им эту табличку с указательным пальцем, так как считаю, что народ, способный побеждать, достоин расширения своих прав и освобождения от опеки. “За рекой смерти будет освобождение” – вот что нужно кадетам для поддержания их настроения». По мнению Шульгина, все это было в той или иной мере прием-

* Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. С. 122–123, 124–125, 126–133, 138–144.

** *Поливанов А. А.* Девять месяцев во главе Военного министерства. С. 124–125.

лемым, так как формирование левоцентристского большинства должно было стать залогом революционизирования России*.

Прогрессивный блок включил в себя сторонников самых разных взглядов. Он объединил кадетов, прогрессистов, октябристов, представителей Партии центра, прогрессивных националистов. Фактически блок поддерживали крайне левые и Польское коло. Из 397 депутатов, работавших в Думе к сентябрю 1915 г., 236 стали членами Прогрессивного блока**. В Государственном совете новое объединение могло рассчитывать на поддержку группы центра и академической группы.

В связи с формированием думского большинства в историографии нередко поднимается проблема «политического масонства»***. Однако, даже признавая некоторое участие «думской ложи» в возникновении Прогрессивного блока, надо иметь в виду ее сравнительную малочисленность и крайнюю ограниченность влияния этого объединения. Всего в думскую ложу входило 14 депутатов (И. П. Демидов, И. Н. Ефремов, А. Ф. Керенский, А. М. Колубакин, А. И. Коновалов, М. И. Скобелев, Н. С. Чхеидзе и др.). Ее председателем был прогрессист Ефремов****. В сущности, она служила своего рода клубом, позволявшим договариваться левым кадетам и думским социалистам, не имевшим возможности полноценно взаимодействовать в публичной сфере*****. И все же думская ложа не способствовала снятию программных противоречий между фракциями. Н. С. Чхеидзе вспоминал, что «как только мы переходили к вопросу о практических шагах, тотчас же вставали вопросы, которые нас разъединяли и во вне лож»*****. Таким образом, о влиянии масонства на фракции думского центра, о наличии у него отчетливой программы действий, о дисциплине его представителей, а соответственно, о системном характере воздействия на положение дел в нижней палате говорить не приходится.

Образование же Прогрессивного блока действительно кардинально изменило расстановку политических сил, что далеко не сразу оценили в правительстве. В то время, как в августе 1915 г. И. Л. Горемыкин волновался о возможных будущих рабочих беспорядках, С. Д. Сазонов призывал его обратить наибольшее внимание на «беспорядки» в Государственной думе. «Это все рав-

* ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1028. Л. 1183.

** Государственная дума Российской империи, 1906–1917: Энциклопедия. С. 500.

*** Яковлев Н. Н. 1 августа 1914. М., 2003. С. 325–335.

**** Розенталь И. С. Думская ложа // Государственная дума Российской империи, 1906–1917: Энциклопедия. М., 2009. С. 175. Кроме того, следует иметь в виду, что некоторые известные депутаты, не являвшиеся членами думской ложи, тем не менее принадлежали к масонам: В. А. Маклаков, А. И. Шингарев и др.

***** Старцев В. И. Тайны русских масонов. СПб., 2004. С. 119.

***** Розенталь И. С. Указ. соч. С. 175.

но», – заметил премьер-министр. «Не все равно, ибо иначе управлять страной нельзя», – парировал Сазонов^{*}.

На квартире государственного контролера П. А. Харитонова члены Прогрессивного блока провели частное совещание с некоторыми из министров, которые во многом приняли программу оппозиции, согласившись даже с идеей образования «правительства общественного доверия». В итоге по предложению А. В. Кривошеина кабинет принял резолюцию, которая гласила, что «намеченная Прогрессивным блоком программа не встречает серьезных возражений, но Совет министров, не будучи в своем нынешнем составе единодушным, не может брать на себя задачу ее осуществления». Горемыкин, вопреки всем ожиданиям, не стал возражать, но еще более, нежели прежде, настаивал на скорейшем роспуске Думы^{**}. Показательно, что, по словам Л. М. Клячко, за формирование ответственного правительства выступал и государственный секретарь С. Е. Крыжановский. Он полагал, что в сложившихся обстоятельствах этот принцип должен был «с успехом» себя дискредитировать^{***}.

К осени 1915 г. перед депутатами стояла задача принять важнейшие законопроекты (прежде всего, о призыве на войну ратников второго разряда). Чувствуя свою возраставшую силу, Дума не торопилась приступать к этому, требуя от исполнительной власти объяснений о ходе военных действий и объемах поставок на фронт^{****}. Правительство же (прежде всего, в лице его председателя – И. Л. Горемыкина), в свою очередь опасаясь этой силы, настояло на скорейшем роспуске нижней палаты – 3 сентября 1915 г.

Дума была распущена, что вызвало почти моментальную реакцию общественности. 7 сентября в Москве собрались съезды Всероссийских земского и городского союзов. Ключевой вопрос, обсуждавшийся на этих форумах, – прерванная сессия нижней палаты. Председатель съезда кн. Г. Е. Львов так характеризовал ситуацию: «Как светильник в темном лабиринте событий, Государственная дума все время обещала выход из него. И мы не можем не признать, что этот перерыв ослабляет дело нашей обороны, ослабляет армию. Столь желанное всей страной мощное сочетание правительственной деятельности с общественной не состоялось. Но сознание необходимости взаимного доверия... только усилилось»^{*****}.

К этому моменту Львов был фактическим лидером всего общественного движения. Не случайно летом 1915 г. его соратники отмечали, что председа-

^{*} Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А. Н. Яхонтова. С. 252.

^{**} *Поливанов А. А.* Девять месяцев во главе Военного министерства. С. 129.

^{***} *Клячко Л. М.* Повести прошлого. С. 53–54.

^{****} *Яхонтов А.* Тяжелые дни (Секретные заседания Совета министров 16 июля – 2 сентября 1915 г.). С. 38.

^{*****} *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 2. С. 282.

тель Думы М. В. Родзянко неприязненно относился к Всероссийскому земскому союзу, опасаясь неуклонного роста его влияния: «Сейчас князь Львов – некоронованный король всех общественных организаций. Родзянко же сам хочет играть первую скрипку, считая, что председатель Государственной думы – глава и руководитель общественных сил, поэтому он везде и всюду интригует против нас. Но для интриги нужен ум, а им-то Бог не наделил Родзянку, и его попытки подкопаться под нас кончаются полным фиаско»^{*}. Рост влияния общеземской организации отмечали и в Государственном совете. Лидер правой группы П. Н. Дурново на сей счет говорил, «что власть постепенно переходит из слабых рук в твердые, но “которым иметь власть не подобает”». Бывший на тот момент депутат Думы А. Н. Хвостов в целом соглашался с Дурново и при этом отмечал, что дело снабжения армии нельзя оставлять в руках правительства, а надо передавать как раз Всероссийскому земскому союзу”.

Стремительное возвышение кн. Г. Е. Львова многим общественным деятелям казалось неоправданным. Противоречия имели место и среди членов Прогрессивного блока, который с момента своего создания был далеко не устойчивым образованием. Его программа была опубликована в печати практически без обсуждения во фракциях. Некоторые депутаты, входившие в его состав, были неприятно удивлены ключевыми положениями документа. Однако сам факт декларации единства большинства думских фракций придавал Думе большой вес в глазах общественного мнения. С точки зрения теоретиков конституционного права, такое законодательное представительство могло добиться изменения состава кабинета. В ноябре 1915 г. в газете «Утро России» даже был опубликован список будущего правительства, которое должен был сформировать Прогрессивный блок. В качестве премьера намечался М. В. Родзянко. Министром внутренних дел должен был стать ненавистный Царскому Селу А. И. Гучков. В правительство предполагалось включить лидеров думского большинства: П. Н. Милюкова, А. И. Шингарева, Н. В. Некрасова, А. И. Коновалова, Н. В. Савича, И. Н. Ефремова, В. Н. Львова, В. А. Маклакова. Намечались и выходцы из бюрократической или военной среды: А. В. Кривошеин, А. А. Поливанов, П. Н. Игнатъев. Этот список был еще составлен 13 августа 1915 г. на квартире П. П. Рябушинского”^{***}.

Союзы постепенно и неуклонно заслоняли собой Прогрессивный блок. 6 апреля 1916 г. на совещании представителей «левых партий» (эсеров, социал-демократов, кадетов, беспартийных левых) на квартире С. Н. Прокоповича был намечен уже иной состав будущего правительства. В нем, естественно, не нашлось места представителям бюрократии, октябристов должен был представлять лишь А. И. Гучков. Председателем правительства предполагался кн. Г. Е. Львов. Характерно, что представители левора-

^{*} ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1025. Л. 304.

^{**} Там же. Л. 391.

^{***} Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 2. С. 234.

дикальных партий абсолютное большинство мест в будущем правительстве отводили кадетам. Лишь они и должны были представлять Прогрессивный блок. Его правоцентристскому большинству места в правительстве Львова практически не нашлось.

Общественные ожидания, так или иначе связанные с Прогрессивным блоком, побуждали правительство считаться с ним. В начале 1916 г. один из его членов, старший товарищ председателя Думы С. Т. Варун-Секрет вел переговоры с министром внутренних дел А. Н. Хвостовым и его товарищем кн. В. М. Волконским. Они согласовывали требования Прогрессивного блока в связи с предстоявшей думской сессией*.

И все же рутинная законотворческая работа не подходила для блока. Он создавался, прежде всего, в расчете на «штурм власти» и сталкивался всякий раз с проблемами, когда возникала необходимость выступить с законодательными инициативами. Так, Прогрессивный блок не смог подготовить законопроекты о земской реформе, на которой настаивали многие из его представителей. В этой связи 17 марта 1916 г. А. И. Савенко и А. И. Шингарев требовали реорганизации объединения. С ними соглашался и В. В. Шульгин, который подготовил соответствующую записку**.

Постепенно в Прогрессивном блоке нарастали разногласия. 8 марта 1916 г. Варун-Секрет констатировал раскол в объединении, вызванном кадетским запросом по еврейскому вопросу. Он оказался неприемлемым для некоторых октябристов. «Мы увидели, что идем на поводу у кадет. Решаем от них отколоться и будем настаивать на окончании бюджетного рассмотрения к 1-му апреля с тем, чтобы скорейшим образом прервать занятия Думы», – объяснял товарищ председателя нижней палаты***.

В то же самое время либеральная Москва все более радикализировалась, и с этим приходилось считаться. На заседании бюджетной комиссии Думы осенью 1916 г. П. Н. Милюков отзывался об этом так: «Я бы никогда не поверил, что Москва стала говорить таким языком... Можно думать, что настроение Москвы в этом отношении опережает настроение России в целом». При открытии земского съезда 9 октября 1916 г. кн. Г. Е. Львов был весьма резок, по сути обращаясь к членам Думы: «Оставьте дальнейшие попытки наладить совместную работу с настоящей властью. Она обречена на неуспех. Она только удаляет нас от цели». Схожим образом был настроен и Союз городов. Он призывал депутатов «выполнить свой долг и не расходиться до тех пор, пока основная задача создания ответственного правительства не будет выполнена». 11 декабря была принята совместная резолюция Всероссийского союза

* Донесения Л. К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 – февраль 1917 года // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 6.

** Там же. С. 16.

*** Наумов А. Н. Указ. соч. С. 446–447.

городов и Всероссийского земского союза. Она гласила: «Ни компромиссов, ни уступок» (естественно, правительству. – К. С.).

По сведениям С. П. Мельгунова, общественные организации существенно влияли на думские фракции – прежде всего, на кадетов. Г. Е. Львов требовал от П. Н. Милюкова весьма определенной, резко оппозиционной линии поведения. Именно из письма Львова Милюков заимствовал мысль о невозможности сотрудничества с действующей властью по причине государственной измены, в которой будто бы повинны многие ее представители*. Впоследствии эти мысли нашли свое красочное воплощение в известной речи лидера кадетов 1 ноября 1916 г.

* * *

Прогрессивный блок складывался, чувствуя, что под ним был фундамент – широкое общественное движение. Ощукая эту поддержку «снизу», думское большинство считало себя вправе диктовать условия правительству. Однако другой опоры у недавно сформированного объединения не было. Невольно оно оказалось в зависимости от общественных организаций, которые были настроены существенно более радикально, чем сами депутаты. И незаметно стороны поменялись ролями – ведущих и ведомых.

И все же, несмотря на все трудности, Прогрессивный блок просуществовал до февраля 1917 г. Очевидно, каждодневная законотворческая работа в 1915–1916 гг. не стояла на первом месте для депутатов Думы, а правительственная политика этого времени оставалась постоянным раздражителем. Блок рассчитывал на победу над Советом министров. При этом даже составить список членов будущего правительства для него было непростой задачей. Таким образом, относительное единство блока в преддверии грядущей революции лишь оттеняло тот факт, что думская оппозиция к этому времени не приблизилась к решению вопроса о власти.

3. Парламентский штурм

Не будучи слишком удачливыми в деле законотворчества, в Прогрессивном блоке все чаще задумывались о тактике думского «натиска», который был приурочен к открытию сессии 1 ноября 1916 г. Целью «парламентского штурма» было формирование правительства «общественного доверия». В конце октября 1916 г. М. В. Родзянко посетил Б. В. Штюмерера, которому заметил: «Имейте в виду: Дума не будет с Вами работать»**. В скором времени председатель нижней палаты мог удостовериться, что и верховная власть отнюдь не призывала премьера к тесному сотрудничеству с депутатским корпусом. 1 но-

* Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту. С. 78–79, 88.

** Падение царского режима... Л., 1924. Т. 1. С. 228.

ября 1916 г. на имя Родзянко пришло письмо императора, которое было в действительности адресовано председателю Совета министров Б. В. Штюрмеру: «Поручаю объявить председателю Государственной думы, что он может иметь доклад только по делам Государственной думы и не иначе как во время занятий Государственной думы»^{*}.

В это время в Прогрессивном блоке готовили текст декларации. «Надо называть вещи собственными именами», – доказывал П. Н. Милюков. Надо «идти на остановки и даже на белые полосы (в газетах. – К. С.)». Иными словами, надо было резко и определенно заявить свою позицию. Это и есть «парламентская борьба», к которой, по мнению Милюкова, депутаты «до сих пор никогда не прибегали»^{**}. П. Н. Крупенский, исполняя свои привычные обязанности, поспешил сообщить о готовящемся проекте правительству.

1 ноября была произнесена известная речь П. Н. Милюкова, которая запомнилась по рефрену, повторявшемуся в ходе выступления: «Что это, глупость или измена?» На следующий день после речи лидера кадетов в газетах вместо стенограммы его выступления были белые листы. Речь переписывалась вручную. За ее экземпляр платили 25 руб. Только за возможность прочитать – 10 руб.^{***} Сам же Милюков после «исторического выступления» в целях безопасности провел три ночи в английском посольстве^{****}. Кадеты серьезно подошли к вопросу охраны своего лидера. Депутат А. А. Эрн писал: «Организована охрана, ездит теперь всегда в автомобиле в сопровождении членов фракции, обладающих физической силой. Я все же настаиваю на том, что важнее оберегать вход и выходы тех мест, где Милюков появляется»^{*****}.

Министры, не желая быть объектами беспощадной критики со стороны депутатов, на заседаниях Думы чаще всего отсутствовали. 4 ноября 1916 г. перед Думой выступали военный и морской министры – Д. С. Шуваев и И. К. Григорович. Они заявили о своей готовности совместно работать с депутатским корпусом. В Думе их провожали громом аплодисментов. Военного министра окружили народные избранники (в том числе и П. Н. Милюков), пожимали ему руку. Шуваева просили изгнать из правительства ненавистных чиновников (имелись в виду, прежде всего, Б. В. Штюрмер и А. Д. Протопопов). Он не возражал, отвечал только, что, будучи солдатом, не вмешивается в политику. «Вот именно, так как Вы солдат, то выгоните их штыками», – настаивали депутаты^{*****}.

^{*} Глинка Я. В. Одиннадцать лет в Государственной думе. С. 150–151.

^{**} Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. // Красный архив. 1933. Т. 1(56). С. 90–91.

^{***} Глинка Я. В. Указ. соч. С. 151–153.

^{****} ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1061. Л. 1110.

^{*****} Там же. Д. 1067. Л. 1064.

^{*****} Глинка Я. В. Указ. соч. С. 156.

Эти демонстрации не остались совсем бесплодными. 8 ноября Николай II писал императрице, что Б. В. Штюрмер неприемлем для Думы и в целом для общества. Его отставка становилась неизбежной^{*}. 10 ноября Трепов был назначен главой правительства. В тот же день он был у М. В. Родзянко. А к 19 ноября готовилась декларация нового премьер-министра. Характерно, что А. Ф. Трепов согласовал ее с председателем Думы. Тем не менее во время выступления главы правительства представители крайне левой подняли шум, чтобы заглушить его речь. При этом декларацию критиковали не только те, кто решился на обструкцию. Ситуация могла бы окончательно выйти из-под контроля, если бы Трепов не запретил А. Д. Протопопову выступать в Думе в качестве министра внутренних дел^{**}.

Эффект от «думского штурма» ноября 1916 г. оказался весьма сомнительным. Конец 1916 г. многим напоминал конец времен. «Мы накануне таких событий, которых еще не переживала мать Святая Русь, и нас ведут в такие дебри, из которых нет возврата... Необходимо принять быстро некоторые меры, чтобы спасти положение», – писал М. В. Родзянко кн. А. Б. Куракину 26 декабря 1917 г.^{***} На следующий день, 27 декабря, В. А. Маклаков так определял характер и масштабы уже переживаемой катастрофы: «У нас все время говорят о назревающей или, вернее, уже совершенно созревшей революции, но внешних признаков ее пока нет. Это может казаться загадочным, а правым оптимистам внушает даже уверенность, что никакой революции и не будет. Но бесспорно то, что сейчас в умах и душах русского народа происходит самая ужасная революция, какая когда-либо имела место в истории. Это не революция, это – катастрофа, рушится целое вековое мирозерцание, вера народа в Царя, в правду Его власти, в ее идею как Божественного установления. И эту катастрофическую революцию в самых сокровенных глубинах душ творят не какие-нибудь злонамеренные революционеры, а сама обезумевшая, влекомая каким-то роком власть. Десятилетия напряженнейшей революционной работы не могли бы сделать того, что сделали последние месяцы, последние недели роковых ошибок власти». В итоге, по мнению Маклакова, правительство оказалось в абсолютном одиночестве, лишённое каких-либо «точек опоры», какой-либо социальной поддержки: «Сейчас это уже не мощная историческая сила, а подточенный мышами, внутри высохший, пустой ствол дуба, который держится только силой инерции, до первого страшного толчка. В 1905 г. вопрос шел только об упразднении самодержавия, но престиж династии все еще стоял прочно и довольно высоко. Сейчас рухнуло именно это – престиж,

^{*} Переписка Николая и Александры Романовых, 1916–1917. Т. 5. С. 141.

^{**} Глинка Я. В. Указ. соч. С. 156, 165–166.

^{***} ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1055. Л. 210.

идея, вековое народное миросозерцание, столько же государственное, сколько и религиозное»^{*}.

Столь значимые «тектонические сдвиги», которые переживала Россия, требовали решимости от оппозиции. «Довольно терпения!.. Мы истощили свое терпение, – пересказывал слова кадетов французский посол М. Палеолог. – Впрочем, если мы не перейдем скоро к действиям, массы перестанут нас слушать»^{**}. Однако в чем должны заключаться эти решительные действия – далеко не всем было понятно. Еще в конце декабря 1916 г. Маклаков отмечал, что Россия была единодушна лишь в одном – «в жгучей ненависти к правительству». При этом «в смысле способности к активной реализации этой ненависти, в смысле организации, достигнуто все еще слишком мало»^{***}.

Предчувствие скорой смены политического режима стало едва ли не всеобщим. Согласно донесениям начальника Петроградского охранного отделения К. И. Глобачева от 19 января 1917 г., «“обыватель проснулся от десятилетнего сна” и намерен “встать на ноги”». В самых умеренных по своим политическим симпатиям кругах приходится слышать такие оппозиционные речи, какие недавно не позволяли себе даже деятели определенной окраски. В центре всех этих речей одно – Государственная дума»^{****}. Родзянко вновь ставил вопрос о своем будущем премьерстве. 4 января он заявлял чиновникам своей канцелярии: «Один только я и могу сейчас спасти положение, а без власти этого сделать нельзя, надо идти [в премьеры]». В начале 1917 г. в ближайшем окружении председателя Думы, сам он и его собеседники (вел. кн. Михаил Александрович и Н. В. Савич) все чаще задавались вопросом: будет ли революция? Правда, отвечали на него в большинстве случаев отрицательно»^{*****}.

7 января на собрании на квартире Н. М. Кишкина депутат-кадет Н. В. Некрасов пророчествовал: «Сейчас революционного движения в России нет, единственным революционным деятелем в настоящий момент является само правительство. И успех его революционной пропаганды грандиозен... А гроза не за горами. Дай Бог, чтобы она не разразилась до заключения мира... Правительство загипнотизировано кажущимся затишьем и кажущейся покорностью масс. Тем страшнее будет его пробуждение»^{*****}. Некрасов предсказывал, что, когда разразится неминуемая гроза и страна погрузится

* Донесения Л. К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы. С. 28.

** Палеолог М. Царская Россия накануне революции. С. 444.

*** Донесения Л. К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы. С. 30.

**** Глобачев К. И. Правда о русской революции. С. 363.

***** Глинка Я. В. Указ. соч. С. 174–175.

***** Донесения Л. К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы // Вопросы истории. 2000. № 4–5. С. 6.

в хаос, оппозиция будет вынуждена взять на себя ответственность за судьбы России и сформировать правительство. Многие ответственные посты займут руководители Городского и Земского союза, которые послужили школой практической деятельности для русского общества. Схожим образом оценивал ситуацию вел. кн. Александр Михайлович: 1 февраля 1917 г. он писал императору: «Правительство есть сегодня тот орган, который подготавливает революцию, – народ ее не хочет, но правительство употребляет все возможные меры, чтобы сделать как можно больше недовольных, и вполне в этом успевает. Мы присутствуем при небывалом зрелище революции сверху, а не снизу»^{*}.

«Самое удивительное в настоящем настроении, что все идет верх дном. Например, Шингарев чуть не со слезами говорил о том, что надо беречь и охранять... Все начинают понимать, как страшна анархия в настоящую минуту, и стараются ее предотвратить», – писала 8 февраля О. И. Мусина-Пушкина^{**}. 4 февраля на заседании ЦК партии кадетов при обсуждении настроений среди рабочих М. С. Аджемов констатировал усиливавшееся брожение в русском обществе, Ф. И. Родичев предрекал новое «9 января»^{***}. 10 февраля на последней аудиенции у императора Родзянко предвещал царю скорую революцию, которая, по его расчету, должна была случиться через три недели, сокрушив старый порядок^{****}.

Царь же сохранял спокойствие. Министр иностранных дел Н. Н. Покровский после каждого своего доклада императору просил об отставке ввиду невозможности проводить достойный дипломатический курс в условиях глубочайшего политического кризиса. «Вы неправильно осведомлены; никакой революции не будет», – всякий раз успокаивал его Николай II^{*****}.

Кому-то могло показаться, что император в действительности прав. События первых месяцев 1917 г. как будто бы не предвещали скорый крах режима. Наоборот, «ноябрьское выступление» депутатов не принесло ожидаемых плодов. Его инициаторы чувствовали себя неуверенно, опасаясь (напрасно) возможного возмездия. Страстные думские речи не печатались в газетах, а если и публиковались, то с большими купюрами. По впечатлениям депутатов, спала активность комитетской работы. Депутаты не могли собрать даже бюджетную комиссию, которая была наиболее дисциплинированной из всех. Товарищ ее председателя Г. А. Фирсов отмечал, что «вообще нет надобности назначать заседание комиссии, так как нет необходимости

^{*} Николай II и великие князья. Родственные письма к последнему царю. Л.; М., 1925. С. 122.

^{**} ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1070. Л. 37.

^{***} Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии: В 6 т. Т. 3. М., 1998. С. 342.

^{****} Блок А. А. Последние дни императорской власти. М., 2012. С. 30.

^{*****} Лопухин В. Б. Указ. соч. С. 288.

спешить с рассмотрением бюджета»*. Прогрессивный блок не решался выносить наиболее спорные вопросы на ее рассмотрение, опасаясь нового витка конфликта с правительством. Как писал 28 января депутат И. Ф. Половцев, «в бюджетной комиссии работа идет мирно, но это и понятно... трудных, бурно проходящих смет пока не ставили, ну а на переселении, коннозаводстве, таможне и военных нуждах никто шуму делать не захочет. Другое дело – внутренние дела, Синод, народное просвещение – там ручаться ни за что нельзя»**. Над Думой, будто бы дамоклов меч, висела угроза разгона. Новый премьер Голицын заявил одному из лидеров националистов П. Н. Балашеву, что указ (о роспуске. – К. С.) у него в кармане, и он не потерпит ни одной минуты, если надо будет»***.

Сам же Прогрессивный блок был на грани развала. Логика политической борьбы предполагала эскалацию напряжения и соответственно использование более решительных средств давления на правительство. 7 февраля 1917 г. на заседании Прогрессивного блока рассматривалась возможная тактика депутатов во время первого заседания, намеченного на 14 февраля. Однако в ходе дискуссии выяснилось, что далеко не все представители думского большинства были за то, чтобы придать первому заседанию «политически-декларативный» характер. В итоге, вопреки желанию многих членов Прогрессивного блока, 14 февраля прошло весьма буднично. Как доносил чиновник особых поручений Л. К. Куманин, «в связи с провалом плана блока в первый день открытия сессии показать стране ярко оппозиционное лицо Государственной думы, поздно вечером состоялось совещание лидеров фракций, входящих в состав блока, которые просили П. Н. Милюкова значительно усилить оппозиционность его завтрашней речи»****.

Выступление Милюкова лишь обострило противоречия внутри блока. Земцы-октябристы и прогрессивные националисты выступили активно против лидера кадетов и в поддержку критикуемого им министра земледелия А. А. Риттиха. По словам националиста А. И. Савенко, «в блоке ссора из-за продовольственного вопроса. Кадеты в прошлом году посадили нас и всю Россию в лужу твердыми ценами, да еще на все сделки. Теперь они стремятся в своем политическом ослеплении затянуть на шее России петлю твердых цен и проч. Но мы не допустим этого. Милюков резко напал на Риттиха и, между прочим, сравнил его с Сухомлиновым. Это вызвало целый взрыв, и мы решили дать отпор кадетам. И дали его. Теперь все на этом и вертится»*****.

* Донесения Л. К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы // Вопросы истории. 2000. № 4–5. С. 4.

** ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1069. Л. 107, 197.

*** Там же. Д. 1070. Л. 87.

**** Донесения Л. К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы // Вопросы истории. 2000. № 6. С. 5, 13.

***** ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1070. Л. 80.

Политическая система вроде бы не была поколеблена и после чрезвычайно резкого выступления А. Ф. Керенского, которое вошло в стенографический отчет лишь с существенными купюрами. И все же выдержки из этой речи стали известны публике в передаче очевидцев: «Дело не в вас (жест по направлению к ложе министров), а в вашем хозяине... Распутинское самодержавие... На знамени нашей партии написано: террор и оправдание тираноубийства... Система безответственного деспотизма... У нас до сих пор существует представление о государстве как о вотчине, где есть господин и холопы... Сконцентрирование у Верховной Власти всех подонков общественности... Необходимость физического устранения нарушителей закона... Необходимость уничтожения средневекового режима...»^{*}

Вполне закономерно опасаясь санкций, которые могли последовать в отношении Керенского, руководство Думы отказалось предоставить правительству стенографические записи выступления левого оратора, ограничившись официально утвержденным и заметно «почищенным» стенографическим отчетом: «Подлинным стенографическим отчетом следует считать тот отчет, который разрешен к печатанию председателем Государственной думы; стенографическая запись есть только материал для составления отчета, иначе – документ внутреннего распорядка Государственной думы, а потому он не может быть представлен по требованию административных ведомств»^{**}.

Повышение градуса выступлений при отсутствии видимого результата лишь способствовало росту апатии в думской среде. После неудачи нового «наступления» на правительство в блоке заговорили, что все «слова», которые могли быть сказаны, уже сказаны в ноябре, а теперь пора использовать тот арсенал действий, который еще имелся в активе Государственной думы, – это отклонение законопроектов и «нажим бюджетного винта»^{***}. Однако «бюджетный винт» не решались закручивать даже наиболее радикальные представители думского большинства.

Думе лишь оставалось в отчаянии отвергать даже разумные правительственные инициативы, проведенные по 87-й статье Основных государственных законов. Так, это коснулось создания Министерства народного здоровья, против которого восстали депутаты, прекрасно при этом осознавая, что земства не могли нести основное бремя расходов на здравоохранение. Правительство «ужасающе одиноко», – отмечал А. И. Савенко. Как будто подтверждая этот тезис, 3 февраля 1917 г. руководство Думы и члены Прогрессивного блока отказались ехать на раут к председателю Совета министров кн. Н. Д. Голицыну.

^{*} Донесения Л. К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы // Вопросы истории. 2000. № 6. С. 17.

^{**} Там же. С. 21.

^{***} Там же. С. 15.

Вместе с тем в правительстве было принято решение, чтобы премьер-министр не выступал на открытии Думы с декларацией*.

Взаимные «уколы» не позволяли разрешить кризис. Ситуация казалась «патовой». В Думе не видели перспектив дальнейшего противостояния с правительством. «Положение крайне неопределенное, а настроение угнетенно-пониженное», – писал прогрессивный националист А. И. Савенко 16 февраля 1917 г. По его словам, «комиссии работают очень слабо, так что и черной работы мало. Депутаты ходят как заморенные мухи. Никто ничему не верит, у всех опустились руки. Все чувствуют и знают свое бессилие»**.

Оставалось уповать на случай, который чудом мог спасти ситуацию. Некоторые из депутатов рассчитывали на роспуск Думы, ожидая, что беспомощное народное представительство обретет огромную мощь, когда будет разогнано министрами. Оно станет центром притяжения всех недовольных, которых с каждым днем будет все больше и больше. В конце концов, власть окажется перед выбором: либо торжествующая Дума, либо господствующая анархия. Повинуясь инстинкту самосохранения, правительство неминуемо выберет первое***.

Предвидение масштабных потрясений сочеталось с отсутствием каких-либо ясных ориентиров в настоящем. Депутат из фракции кадетов Г. В. Гупо писал 20 февраля: «Тяжко вообще живется здесь. Что голодаем и мерзнем – это бы пустяки. Все перенести легко, когда есть уверенность, что переносишь ради успеха того дела, которому служишь. А вот когда видишь, что во всем – что дальше, то хуже – и не видишь хотя бы вдали малого луча света, трудно жить». В тот же день член фракции земцев-октябристов В. Н. Полунин писал Г. Я. Шахову: «Свершавшиеся события можно было описать словами: никто ничего сказать не может. События идут сами собой; никто не направляет государственного корабля, который идет случайно, и куда его повлекут волны мировой борьбы и внутренних событий. Едва ли кто-нибудь скажет»****.

23, да и 24 февраля, когда в Петрограде начались уличные демонстрации, в Думе практически никто не заметил*****. Мирный ход думской сессии не предвещал ничего чрезвычайного. Заседали думские комиссии, на них приглашались министры, которые по заведенному порядку не игнорировали подобные приглашения. «По внешности ничего не предвещало того катаклизма, от которого нас отделяла лишь одна с небольшим неделя, – вспоминал В. Б. Лопухин. – И Павел Николаевич Милюков любезно и благожелательно допрашивал

* Донесения Л. К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы // Вопросы истории. 2000. № 4–5. С. 26; № 6. С. 4.

** ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1070. Л. 63, 80.

*** Глобачев К. И. Указ. соч. С. 367.

**** ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1070. Л. 89, 90.

***** Мансырев С. П. Мои воспоминания о Государственной думе (1912–1917) // Историк и современник. 1922. № 3. С. 24.

нас о наших делах, едва ли думая, что всего через какие-нибудь десять дней осуществится наконец его давнишняя мечта стать нашим министром – не в путях эволюции, как он мечтал, а все-таки революции. Мы так легко договаривались, такой у нас установился общий язык, что казалось, если и случится революция, но такая, которая приведет к смене царской власти властью правительства, составленного из милюковых, то нам не придется начинать с этим правительством новый разговор, а предстоит лишь продолжать прежние, ставшие уже привычными беседы. Большинство, определенно предвидя революцию, не мыслило в ослеплении своем правительства “левее” милюковского толка»^{*}.

В Прогрессивном блоке все же задумывались, что следует делать, если власть неожиданно окажется в его руках. А. И. Шингарев объяснял В. В. Шульгину: «Чтобы додержаться, придется взять разгон... Знаете, на яхте... когда идешь, скажем, левым галсом, перед поворотом на правый галс надо взять еще левей, чтобы забрать ход... Если наступление будет удачно, мы сделаем поворот и пойдем правым галсом... Чтобы иметь возможность сделать этот поворот, надо забрать ход. Для этого, если власть на нас свалится, придется искать поддержки Прогрессивного блока налево»^{**}.

* * *

События января–февраля 1917 г. не давали думской оппозиции оснований для оптимизма. Социальные недовольства, прошлогодние депутатские выступления, казалось бы, вовсе не подрывали правящий режим. Вместе с тем Прогрессивный блок практически исчерпал свой ресурс: к новому этапу эскалации напряженности в отношениях между Думой и правительством он не был готов. Депутаты ощущали свое полное бессилие. Им оставалось надеяться, что конфликт разрешится сам собой, например в случае революции, и моделировать свое поведение в условиях возможного хаоса и безвластия.

4. Перспективы дворцового переворота

Действительно, арсенал средств, бывший в распоряжении у оппозиции, был крайне ограничен. Это побуждало обращаться к самым примитивным технологиям борьбы за власть, хорошо известным в любом монархическом государстве. Речь шла о дворцовом перевороте, о котором все чаще задумывались даже в ближайшем окружении императора. Об этом много говорили в различных общественных кругах, об этом было немало написано авторами, следовавшими историографической традиции, во многом сформировавшейся благодаря мемуарной литературе. На ее основе, а также на базе личных воспо-

* Лопухин В. Б. Указ. соч. С. 290.

** Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920 год. М., 1991. С. 419.

минаний, бесед со свидетелями событий построены книги С. П. Мельгунова^{*}. «Подслушанные» им в разное время разговоры, сведенные вместе в одном тексте, создают у читателя впечатление наличия разветвленной заговорщической сети, которая, может быть, сыграла немалую роль в падении монархии. Как это не покажется странным, советская историография 1920–1930-х гг. отчасти воспроизводила близкую картину. Так, в работах М. Н. Покровского обосновывалась концепция «двух заговоров» – царизма, представлявшего интересы торгового капитала и стремившегося к сепаратному миру с Германией, и промышленной буржуазии, боровшейся за власть во имя продолжения войны^{**}. Впоследствии позиция Покровского была подвергнута ревизии, но от нее не отказались. Так, В. П. Семенников опроверг особую роль торгового капитала и вместе с тем настаивал на наличии «двух заговоров». Конечно же, в соответствии с авторской концепцией это свидетельствовало о глубочайшем кризисе «правлящих верхов», бессильных сдержать напор революционного движения. Вместе с тем в рамках данного историографического построения «заговоры» – безусловно, важнейший факт политической жизни России этого времени^{***}. Впрочем, «заговор буржуазии» можно было интерпретировать иначе. Так, по мнению Б. Б. Граве, его целью было «путем дворцового переворота спастись от революции»^{****}.

Историографические акценты несколько сместились благодаря изданию «Истории Гражданской войны», в которой «грызня верхов» оказалась на периферии исследовательского интереса. В центре же внимания были «низы». Однако и в этом издании воспроизводилась теория «двух заговоров»^{*****}. Характерно, что сторонники этой концепции не были склонны останавливаться на «мелочах». К «заговору» они относили и деятельность Прогрессивного блока, а «подготовку» дворцового переворота чаще всего специально не исследовали. В силу явного несоответствия этой историографической модели фактическому материалу теорию «двух заговоров» критиковал Е. Д. Черменский. Он отрицал существование заговора буржуазии и при этом признавал наличие заговора царизма^{*****}. Э. Н. Бурджалов, посвятив

^{*} Мельгунов С. П. Указ. соч. С. 165–198.

^{**} Покровский М. Н. Очерки по истории революционного движения России XIX и XX вв. М., 1924. С. 185, 189.

^{***} Семенников В. П. Политика Романовых накануне революции (от Антанты к Германии). М.; Л., 1926; *он же*. Романовы и германские влияния во время Первой мировой войны. М.; Л., 1929.

^{****} Граве Б. Б. К истории классово-борьбы в России в годы империалистической войны. М.; Л., 1926. С. 382.

^{*****} История Гражданской войны в СССР. Т. 1. М., 1935. С. 55–60.

^{*****} Черменский Е. Д. Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России. М., 1947. С. 25; *он же*. Февральская буржуазно-демократическая революция в России. Пособие для учителей. М., 1959. С. 94–95, 97–98.

несколько страниц «подготовке» дворцового переворота, отметил ничтожность всех этих замыслов по сравнению с нараставшим массовым недовольством^{*}. Схожим образом оценил заговорщические планы и В. С. Дякин^{**}. И все же тема «заговоров» в 1915–1917 гг. до сих пор не закрыта. О ней продолжают писать и современные авторы, увлеченные потаенными сторонами истории. При этом наиболее обстоятельной работой о столь интригующем сюжете остается книга С. П. Мельгунова, которая, в сущности, эту тему и открыла.

Историография периодически возвращается и к «заговору самодержавия». Так, получила развитие версия о подготовке сепаратного мира представителями ближайшего окружения императора^{***}. Не вызывает сомнения, что и немецкая, и российская сторона «зондировали почву» относительно возможных условий будущего соглашения. Так, это было предметом забот С. Ю. Витте в последние месяцы его жизни^{****}. Одним из наиболее активных посредников между воюющими сторонами был журналист И. И. Колышко. В 1916 г. он действовал с санкции Б. В. Штюрмера, а, может быть, как полагает И. В. Лукоянов, и императрицы Александры Федоровны. В переговорах с немцами был задействован и кн. Д. И. Бебутов. Сам масштаб личностей, непосредственно участвовавших в «подготовке сепаратного мира», свидетельствует о том, что с российской (как, впрочем, и с немецкой) стороны отношение к этим переговорам было не слишком серьезным. В июле 1916 г. их случайным участником оказался и будущий министр внутренних дел (а тогда товарищ председателя Думы) А. Д. Протопопов. Будучи в Стокгольме, он по инициативе все того же Колышко встретился с «интересным немцем» Ф. Варбургом, который полтора часа доказывал выгоду сепаратного мира для России^{*****}. Согласно донесениям Варбурга, Протопопов, многое узнав, сам ничего определенного не сказал^{*****}. С августа 1916 г. сами немцы стали охладевать к теме сепаратного мира, предпочитая теперь говорить о пропаганде в России

^{*} *Бурджалов Э. Н.* Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 77–80.

^{**} Кризис самодержавия в России, 1895–1917 / Отв. ред. В. С. Дякин. Л., 1984. С. 643–644.

^{***} *Ганелин Р. Ш.* В России двадцатого века. М., 2014. С. 370–400. См. также: Соловьев О. Ф. Указ. соч. С. 136–152; *Лебедев В. В.* Проблема выхода из войны и кризис самодержавия (конец 1916 г. – начало 1917 г.) // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 189–207; *Соболев Г. Л.* Тайный союзник. Русская революция и Германия. 1914–1918. СПб., 2009. С. 199–209.

^{****} *Ганелин Р. Ш.* Указ. соч. С. 375–379.

^{*****} *Лукоянов И. В.* Иосиф Иосифович Колышко и его «Великий распад» // *Колышко И. И.* Великий распад. Воспоминания. СПб., 2009. С. 7–9.

^{*****} *Ганелин Р. Ш.* Указ. соч. С. 390.

в пользу скорейшего выхода из войны*. При этом, по оценке Р. Ш. Ганелина, в «высших российских сферах» продолжали обсуждать перспективы договоренности с Германией. Согласно позднему рассказу Протопопова, в декабре 1916 г. он изложил императору свой план выхода из войны, с которым Николай II будто бы согласился**. Известен рассказ министра иностранных дел Австро-Венгрии О. Чернина, который 26(13) февраля 1916 г. получил от некоего посредника предложение о мире, будучи уверенным, что оно исходило именно от России***. Сложно не согласиться с И. В. Лукояновым, что «вопрос о сепаратном мире – одна из самых загадочных, неясных страниц истории Первой мировой войны»****. И все же на сегодняшний момент нет никаких документальных оснований полагать, что сам император склонился к мысли пойти на сепаратное соглашение с центральными державами.

О планах же тех, кто готовил против него заговор, известно несколько больше. Тогда, в годы войны, сценарии дворцового переворота рассматривались разные. Некоторые из них предполагали главной «жертвой» будущего переворота не царя, а царицу. Так, в Ставке еще верховный главнокомандующий вел. кн. Николай Николаевич и кн. В. Н. Орлов обсуждали вопрос о возможном удалении императрицы из Петрограда. Схожие мысли высказывала и вел. кн. Милица Николаевна****, и сама вдовствующая императрица Мария Федоровна*****.

Брожение в Ставке продолжалось до тех пор, пока «военным вождем» оставался вел. кн. Николай Николаевич. По сведениям могиловского губернатора А. И. Пильца, и в августе 1915 г. там зрел заговор. Ближайшее окружение великого князя настаивало, чтобы он, проигнорировав высочайшую волю, сохранил за собой должность главнокомандующего и арестовал императора, когда тот приехал бы его смещать. Николай Николаевич выслушал протопресвитера Г. И. Шавельского, выступавшего от имени заговорщиков, взял день на размышления, а затем отказал своим сторонникам, сославшись на долг верноподданного. Иными словами, великий князь изначально не исключал возможности дворцового переворота и своего участия в нем*****.

Вполне вероятно, что в том числе и все эти разговоры, слух о которых доходил до Петрограда, в итоге предрешили отставку вел. кн. Николая

* Лукоянов И. В. Указ. соч. С. 10.

** Ганелин Р. Ш. Указ. соч. С. 397.

*** Его передал представитель одной из нейтральных держав, который не имел права распространяться по этому поводу, однако подкрепил предположение Чернина, что речь шла о России (Чернин О. В дни мировой войны. М.; Пг., 1923. С. 156–157).

**** Лукоянов И. В. Указ. соч. С. 7.

***** Шавельский Г. Указ. соч. С. 184, 265.

***** Падение царского режима... Т. 6. С. 386.

***** Друцкой-Соколинский В. А. Записки русского губернатора, 1914–1918. С. 35.

Николаевича. Ему предстояло сменить престарелого гр. И. И. Воронцова-Дашкова в должности наместника на Кавказе. Помощником его назначался как раз кн. В. Н. Орлов, в самом недавнем прошлом ближайший человек к императору. Фактическая «опала» последнего тоже не была случайной. Осенью 1915 г. царский духовник А. П. Васильев рассказывал Г. И. Шавельскому, что в ходе урока Закона Божьего дочери императора говорили ему: «Князь Орлов очень любит папу, но он хотел разлучить папу с мамой»^{*}.

Впрочем, об опасности переворота говорили и после отставки вел. кн. Николая Николаевича. 10 ноября 1915 г. бывший управляющий Министерством внутренних дел кн. Н. Б. Щербатов сообщал новому министру земледелия А. Н. Наумову о готовившемся силовом давлении на императора и его семью. Не случайно, что хорошо осведомленный об этом Николай II весьма подозрительно относился даже к собственному конвою^{**}.

И в дальнейшем альтернатива дворцового переворота казалась вполне вероятной и даже спасительной. К тому же, к концу 1916 г. настроения в «высших сферах» приближались к «точке кипения». Лица из ближнего круга Николая II всячески и безуспешно пытались на него повлиять. 6 ноября 1916 г. протопресвитер Шавельский в личной беседе с императором говорил о критичности политического положения, неэффективности правительства и необходимости принятия экстренных мер. «И ты его слушал!?» – возмущалась императрица Александра Федоровна. «Еще рясу носит, а говорит мне такие дерзости», – поддакивал супруге император^{***}.

Буквально на следующий день царь беседовал с дядей, вел. кн. Николаем Николаевичем. Тот заявил о катастрофическом положении России: «Пока от вас требуется одно: чтобы вы были хозяином своего слова и чтобы вы сами правили Россией». Император заплакал, обнял и поцеловал дядю: «Ничего не выйдет!.. Все в ней, она (очевидно, императрица Александра Федоровна. – К. С.) всему причиной».

9 ноября с императором встречался член Государственного совета П. М. Кауфман. «Благословите меня! Сейчас я иду к государю. Выскажу ему всю горькую правду», – обратился Кауфман к Шавельскому перед высочайшей аудиенцией. «Верите, что я верноподанный ваш, что я безгранично люблю вас?» – спросил Кауфман императора. «Верю», – отвечал царь. «Тогда разрешите мне: я пойду и убью Гришку!» Государь вновь расплакался, обнял и поцеловал уже Кауфмана. Так они простояли несколько минут, молча, в слезах^{****}.

В тот же день с императором говорил и министр народного просвещения гр. П. Н. Игнатьев. Опять же обсуждалась проблема внутривосточного

^{*} Шавельский Г. Указ. соч. С. 280.

^{**} Наумов А. Н. Указ. соч. Кн. 2. С. 351.

^{***} Шавельский Г. Указ. соч. С. 518–521.

^{****} Там же. С. 523–524.

кризиса. Не удивительно, что все сказанное имело своим последствием значимые кадровые изменения в правительстве. Как раз 9 ноября в Ставку приехал Б. В. Штюрмер и министр путей сообщения А. Ф. Трепов. Первый был уволен, второй стал премьером.

Нервное возбуждение, господствовавшее в Ставке, было характерно и для политических кругов столицы. Примерно в то же самое время, в октябре 1916 г., в Петрограде состоялось совещание депутатов Думы «прогрессивного направления». В его работе принял участие и ненавистный Царскому Селу А. И. Гучков. Обсуждался вопрос скорой смены власти. Гучков, Н. В. Некрасов и М. И. Терещенко высказались в пользу дворцового переворота*.

Разговоры о нем в обществе не утихали. Согласно рассказу А. И. Хатисова, 9 декабря 1916 г., после закрытия съезда Всероссийского союза городов, на квартире кн. Г. Е. Львова прошло совещание, в котором, кроме хозяина, приняли участие Н. М. Кишкин, М. М. Федоров и сам Хатисов. На этом заседании кн. Львов заявил, что в настоящий момент готовится план дворцового переворота, в результате которого престол должен был перейти к вел. кн. Николаю Николаевичу. При его воцарении следовало сформировать ответственное правительство. По словам Львова, 29 представителей губернских земских управ и городских голов намечали как раз его в качестве премьера. При этом «будущий глава правительства» рассчитывал на поддержку армии. Он утверждал, что у него есть определенные гарантии со стороны ген. А. А. Маниковского. Для переговоров с вел. кн. Николаем Николаевичем был послан сам Хатисов, человек близкий к бывшему главнокомандующему. Показательно, что Николай Николаевич вновь не стал протестовать против этого плана, опять же попросив два дня на раздумье, после которых отказался участвовать в заговоре**.

И все же в ближайшем окружении императора, включавшим и его родственников, постоянно возвращались к чрезвычайно простым путям решения сложной проблемы. Они были так или иначе связаны с насилием, направленным, например, против Г. Е. Распутина. Его убийство, совершенное в ночь с 16 на 17 декабря 1916 г., лишний раз дало повод задуматься о безволии власти, не решившейся привлечь к следствию представителей высшей аристократии и депутатского корпуса***. По сведениям А. И. Гучкова, участниками содеянного помимо кн. Ф. Ф. Юсупова и вел. кн. Дмитрия Павловича были в той или иной мере вел. кн. Николай Михайлович, Кирилл Владимирович, двое сыновей вел. кн. Александра Михайловича, дети вел. кн. Константина Константиновича и Павла Александровича – то есть почти вся августейшая семья****. Ее представители всерьез рассчитывали взять власть в свои руки после отстранения от престола Николая II. В конце 1916 г. вел. кн. Николай Михайлович делился

* Мельгунов С. П. Указ. соч. С. 146.

** Там же. С. 106–109.

*** Друцкой-Соколинский В. А. Указ. соч. С. 204.

**** ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1067. Л. 1751.

со знакомыми своими сомнениями: «Каково мне, великому князю, готовиться на старости лет в президенты Российской республики. А дело определенно клонится к тому»^{*}.

Последовавшие события как будто бы еще более подталкивали великокняжескую семью к решительным действиям. 23 декабря 1916 г. стало известно о высылке вел. кн. Дмитрия Павловича в Персию в связи с участием в убийстве Распутина. На следующий день вел. кн. Кирилл и Андрей Владимировичи были у М. В. Родзянко и просили его о поддержке. Председатель Думы признавал, что у него нет властных рычагов, чтобы повлиять на решение императора. Однако при этом гарантировал, что морально Дума будет на стороне «потерпевших»^{**}.

Разговоры о дворцовом перевороте все более становились «модными» в политических, военных кругах, аристократических салонах. В начале января 1917 г. генерал А. М. Крымов в обществе депутатов Думы говорил о неминемости государственного переворота. Его поддержали и А. И. Шингарев, и С. И. Шидловский. Вспоминали слова А. А. Брусилова: «Если придется выбирать между царем и Россией – я пойду за Россией»^{***}. В. Н. Коковцов предрекал послу Франции М. Палеологу повторение событий марта 1801 г. Об этом же говорили и великие князья «Владимировичи»: Кирилл, Борис, Андрей. Они были готовы лично принять участие в государственном перевороте. Тогда же, в начале января, вел. кн. Мария Павловна рассуждала с вел. кн. Николаем Михайловичем о необходимости коллективного обращения великокняжеской семьи к императору. «Ограничится ли дело платоническим обращением?» – спросил М. Палеолог, явно намекая на судьбу Павла I^{****}. В великокняжеской семье крепло убеждение, что император и императрица «уступят только силе, в этом нет никакого сомнения, это какое-то фатальное и непонятное заблуждение». Часто повторявшиеся разговоры не могли остаться тайной. В Царском Селе явственно ощущали угрозу со стороны ближайших родственников. В конце января 1917 г. в императорском окружении чувствовали опасность в лице вел. кн. Михаила Александровича. Полагали, что царский брат рассчитывал на роль регента, а может и вовсе императора^{*****}.

«Высший свет», не зная, какие конкретные действия стоило предпринять в сложившихся обстоятельствах, все чаще смотрел в сторону Государственной думы. По сведениям Л. К. Куманина, на 21 января 1917 г. М. В. Родзянко был

^{*} Лопухин В. Б. Указ. соч. С. 285.

^{**} Мельгунов С. П. Указ. соч. С. 133.

^{***} Родзянко М. В. Крушение империи // Архив русской революции. Т. 17–18. М., 1993. С. 157–158.

^{****} Палеолог М. Царская Россия накануне революции. С. 271, 274, 297.

^{*****} Дневники Николая II и императрицы Александры Федоровны, 1917–1918. М., 2012. С. 83, 131.

центром притяжения различных аристократических кругов, которые были настроены оппозиционно по отношению к действующей власти^{*}. По словам В. А. Маклакова, «великие князья не способны согласиться ни на какую программу действия. Ни один из них не осмеливается взять на себя малейшую инициативу и каждый хочет работать исключительно на себя. Они хотели бы, чтобы Дума зажгла порох... В общем итоге они ждут от нас того, чего мы ждем от них»^{**}.

В сложившихся обстоятельствах императорская чета относилась к представительным учреждениям еще более скептически, нежели прежде. 2 января Е. А. Нарышкина была у Александры Федоровны. Они говорили о положении в стране. Нарышкина призывала пойти на уступки обществу. Императрица ответила «потокостом страстных речей»: «Если мы хоть на йоту уступим, завтра не будет ни Государя, ни России, ничего»^{***}. 8 февраля 1917 г. Е. А. Нарышкина записала в своем дневнике следующие слова Николая II: «Никакой возможности жить в мире с Думой, я сам виноват, я их слишком распустил. Мои министры мне не помогали. Протопопов один мне поможет сжать их в кулак (показал сжатый кулак)»^{****}.

Иными словами, о «перевороте», решительных силовых мерах задумались с разных сторон. А. Д. Протопопов действительно собирался «сжать оппозицию в кулак». Согласно записи Е. А. Нарышкиной от 5 января 1917 г., «Протопопов собирается круто повернуть вправо; слово и дело; все союзы под контроль, печать под строгую цензуру». 11 января МВД разослало циркуляр, в соответствии с которым земским собраниям и городским думам запрещалось обсуждать политические вопросы под угрозой привлечения руководителей органов местного самоуправления к уголовной ответственности. У вел. кн. Александра Михайловича были сведения, подтвержденные самим императором, что в середине февраля 1917 г. Протопопов планировал организовать провокации в рабочей среде, чтобы затем решительно покончить с «крамоллой»^{*****}. Как раз с этим связывали необычное происшествие, когда в феврале 1917 г. по заводам Петрограда разъезжал человек, выдававший себя за П. Н. Милюкова. Он призывал рабочих протестовать против войны и выйти на улицы столицы 14 февраля, т. е. в день возобновления сессии Государственной думы. Милюков, узнав об этом, написал обращение к петроградским рабочим, в котором просил не верить «самозванцам», не следовать

^{*} Донесения Л. К. Куманина... // Вопросы истории. 2000. № 4–5. С. 17.

^{**} *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. С. 302.

^{***} Дневники Николая II и императрицы Александры Федоровны, 1917–1918. С. 27.

^{****} Там же. С. 125.

^{*****} Там же. С. 33, 45, 133.

их провокационным советам. Характерно, что это письмо не было опубликовано в газетах по требованию военной цензуры^{*}.

Дума силою обстоятельств и, может быть, даже помимо своей воли становилась центром притяжения различных оппозиционных групп, а следовательно, «мишенью» для беспощадной правомонархической критики. В письме императору от 11 февраля 1917 г. бывший министр внутренних дел Н. А. Маклаков призывал разогнать нижнюю палату, которая «вступила в борьбу за власть с правительством, преисполненным искреннего желания дружной и совместной с ней работы»^{**}.

Едва ли Таврический дворец мог бы стать «штабом» дворцового переворота. Депутаты не были готовы к практическим действиям в этом направлении. Планы же, которые вынашивали сторонники «решительных мер», порой казались фантастическими. В. В. Шульгин впоследствии писал, что он «знал, что бесформенный план существует, но не знал ни участников, ни подробностей. Впрочем, слышал я о так называемом “морском плане”. План этот состоял в том, чтобы пригласить государыню на броненосец под каким-нибудь предлогом и увезти ее в Англию как будто по ее собственному желанию. По другой версии – уехать должен был и государь, а наследник должен был быть объявлен императором»^{***}.

Однако даже мнимая подготовка заговора сыграла свою роль. К разговору о нем с неизбежностью привлекались военные, которые впоследствии должны были сыграть немалую роль в смене власти. В годы войны генералам приходилось вольно, а чаще невольно формулировать собственную политическую позицию, которая становилась реакцией на неурядицы, имевшие место и в тылу, и на фронте. Так, начальник штаба верховного главнокомандующего генерал М. В. Алексеев крайне резко отзывался о несимпатичном ему правительстве: «Это не люди, а сумасшедшие куклы, которые решительно ничего не понимают... Никогда не думал, что такая страна, как Россия, могла бы иметь такое правительство, как министерство Горемыкина»^{****}.

Недовольный правительством начальник штаба шел на сближение с оппозицией. По оценке С. П. Мельгунова, М. В. Алексеев и Г. Е. Львов вели регулярные переговоры с января 1916 г. Среди лиц, близких к Ставке, крепло убеждение, что Алексеев готовил к концу ноября 1916 г. некое подобие военного переворота, который не осуществился в силу болезни генерала. 11 ноября он был вынужден отправиться в Крым на лечение, и был временно за-

* Донесения Л. К. Куманина... // Вопросы истории. 2000. № 6. С. 7–8.

** Дневники Николая II и императрицы Александры Федоровны, 1917–1918. С. 138.

*** Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920 год. С. 421.

**** Мельгунов С. П. Указ. соч. С. 94.

менен В. И. Гурко. При этом и последний поддерживал близкие отношения с А. И. Гучковым – человеком ненавистным для царской четы^{*}.

На Алексеева рассчитывала оппозиция. По его собственным словам, к нему в Севастополь приезжали представители общественности и спрашивали о возможной реакции армии на государственный переворот. Он высказался категорически против подобных «потрясений». Те же лица, очевидно неудовлетворенные этим ответом, посетили Брусилова и Рузского, которые оказались противоположного мнения, нежели Алексеев^{**}. По сведениям А. И. Коновалова, тесные отношения с лидером октябристов А. И. Гучковым поддерживал и Л. Г. Корнилов^{***}. Согласно воспоминаниям М. И. Терещенко, генерал Крымов был сторонником самых решительных действий и призывал к ним общественных деятелей^{****}. Как раз на него полагались и октябристы (например, Б. А. Энгельгардт), считая, что генерал мог сыграть ключевую роль в «предстоявших событиях»^{*****}.

* * *

Так или иначе, к февралю 1917 г. сложился «оппозиционный консенсус», который консолидировал разные «элиты» России. Их объединяло неприятие сложившего политического режима, но при этом они не видели реального выхода из положения. Обращение к наиболее упрощенному сценарию дворцового переворота только подчеркивало отсутствие конкретного плана действий. Оставалось лишь рассчитывать на *deus ex machina*, который бы сделал то, что действовавшие политики, придворные, генералы сделать были не в силах.

* Мельгунов С. П. Указ. соч. С. 95, 99–101, 149.

** Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1. Минск, 2002. С. 38.

*** Верховский А. И. На трудном перевале. М., 1959. С. 158.

**** Мельгунов С. П. Указ. соч. С. 150.

***** Верховский А. И. Указ. соч. С. 147.

Глава 3. МАССОВЫЕ ДВИЖЕНИЯ В 1914–1916 гг.

(А. Б. Асташов, В. П. Булдаков)

1. «Внутренний враг» и погромы

1905 г. приучил власть опасаться забастовочного движения рабочих и «аграрных беспорядков». Однако с началом Первой мировой войны обнаружилось новые, неожиданные формы массового протеста как в городе, так в деревне. То, что принято называть «настроением 1914 г.»*, было в России не столько пробуждением осознанных национально-патриотических чувств, сколько малоизвестным ранее феноменом агрессивной эйфории.

Низы в большинстве своем продолжали жить традиционной, отчужденной от мировых страстей жизнью, надеясь на ее радикальные перемены. Это сразу же проявило себя. Когда в июле 1914 г. неожиданно началась мобилизация с еще более неожиданным запретом спиртного, новобранцы, толпами повалившие на призывные пункты, возмутились. Беспорядки захватили 30 губерний Европейской России и 10 – Азиатской.

Направленность бунтарства была, однако, узнаваемой: перед лицом большой войны хотелось расправиться со старыми обидчиками. В Бугульме толпа, вооружившись кольями, напала на полицейских стражников. В Ставропольском уезде после разгрома лавок и магазинов мобилизованные попытались захватить казначейство; в столкновениях с полицией погибли двое из них. В Пермской губернии было убито 47 бунтовщиков, ранено 68. Наиболее масштабный бунт произошел в Барнауле. Мобилизованные разгромили банк, магазины, дома местных купцов. На их усмирение отправилось три роты солдат, две сотни казаков с двумя орудиями. Было убито 112 человек. В целом в Алтайской губернии было предано суду около 1400 бунтарей. Всего за время с 19 июля по 1 августа 1914 г. в 27 губерниях было убито 12, ранено и избито 94 должностных лица; среди бунтовщиков насчитали 247 убитых, 258 раненых**.

* *Санборн Д.* Беспорядки среди призывников в 1914 г. и вопрос о русской нации // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999. С. 212.

** См.: *Беркевич А. Б.* Крестьянство и всеобщая мобилизация в июле 1914 г. // Исторические записки. М., 1947. Т. 23. С. 16, 19–21, 37–38, 40–41.

В других местностях бунтовщики обычно ограничивались погромом винных и продуктовых лавок. Порой требовали бесплатной выдачи табака, отправки на фронт полицейских, принимались громить еврейское население*. В Могилевской, Минской, Киевской, Волынской и Подольской губерниях пострадало более 50 помещичьих имений. В Саратовской губернии число убитых рекрутов исчислялось десятками; наблюдались случаи хулы в адрес императора. Порой крестьяне заявляли: «Триста лет царствует... его мать, помощи никакой не дает, а на войну берет, он называется не Царь, а кровопивец, когда нас возьмут на войну и дадут эту штуку, то мы с ним справимся»**. Это не было результатом пропаганды социалистов. Их антивоенная деятельность успеха не приносила***. Антивоенные настроения того времени – плод преувеличений последующих лет. В реальности все было гораздо сложнее.

Накопленное социальное недовольство, соединившись со страхом перед неведомым, принимало этнофобское воплощение. Новобранцы распевали: «Уж вы немцы, азиаты, из-за вас идем в солдаты»****. В столице толпа сбросила герб германского посольства и закинула его в Мойку. Погромщиков разгоняли с помощью пожарных брандспойтов*****. «Больше нет фигур на крыше посольства, окна выбиты и чернеют, мебель, картины, белье выкинуто и сожжено, флаг и герб разодраны, портрет Вильгельма сожжен, хрусталь и посуда побиты – бесконечное варварство», – комментировал случившееся искусствовед Н. Н. Пунин*****. И это было лишь началом антинемецкой истерии.

Война подсказала объект «праведного» гнева. В октябре 1914 г. на собрании Московского купеческого общества было решено расследовать деятельность австрийских и германских фирм. Пошли соответствующие слухи. Было разграблено несколько продовольственных лавок и магазинов, пострадали кондитерские магазины Эйнем. Нападение на последние было спровоцировано заявлением одного из владельцев (единственного российского подданного из четырех братьев, этнических немцев Гейс) о том, что их фирма «русская». Газеты тут же раскрыли «правду» и призвали к бойкоту товаров Эйнем. Полиция не нашла в этих публикациях ничего предосудительного. И лишь

* Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С. 728.

** Посадский А. В. Крестьянство во всеобщей мобилизации армии и флота 1914 года (по материалам Саратовской губернии). Саратов, 2002. С. 98, 106, 32.

*** Белова И. Б. Социалисты в российской провинции в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.) // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. М., 2011. С. 93–94.

**** Асташов А. Б. Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны // Отечественная история. 2003. № 2. С. 78.

***** Толстой И. И. Дневник. 1906–1916. СПб., 1997. С. 526.

***** Пунин Н. Н. Мир светел любовью. Дневники. Письма. М., 2000. С. 62.

когда дело дошло до уголовщины, полицейские арестовали 21 погромщика, обнаружив среди них людей, замеченных ранее в попытках грабежа^{*}.

По иронии судьбы толчок погромному настрою дал сам император, как-то заявивший столичному городскому голове: «Отчего много у вас немцев?.. Я приказываю всех выслать...»^{**} Сыграло свою роль и предвоенное недовольство остзейскими баронами. Ситуация накалилась настолько, что Верховный главнокомандующий Николай Николаевич потребовал от газетчиков прекратить нападки на «обладателей нерусских фамилий... честно несущих службу царю и родине»^{***}. Однако германофобия усиливалась. «Слыхал, что командовал X армией Сиверс, балтийский немец, – записывал в дневнике известный правый деятель Л. А. Тихомиров 14 февраля 1915 г. – Раньше командовал Эверт – православный... Что это за манера назначать балтийцев?» Впрочем, слухи о «предателях» Тихомирову тоже не нравились^{****}. Сам он уже не мог понять, где правда, а где ложь. Между тем всякое неординарное событие подогревало страсти. «...Говорят, вчера у Преображенской заставы было побоище из-за дороговизны, вмешалась полиция, и Модлю (злословили, что этот жандармский полковник сменил фамилию на Марков) проломил голову», – записывал в дневнике историк А. В. Орешников в апреле 1915 г.^{*****}

Печально знаменитый московский немецкий погром случился в атмосфере всеобщего разочарования, вызванного отступлением русских армий от Перемышля. Возможно, сказалось и то, что верховный главнокомандующий не ко времени был награжден бриллиантовой саблей «за освобождение Червонной Руси». Появились характерные наветы: евреи якобы распускают слухи о том, что русские генералы сдали крепость немцам за 14 млн рублей^{*****}. Однако ради показного «единения народов России» евреев трогать не полагалось. Зато о предстоящем «погроме немцев» заговорили еще 16 мая^{*****}. Рабочие принялись составлять списки лиц, подлежащих увольнению (включая в них не только этнических немцев)^{*****}.

^{*} ГА РФ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 59. Л. 331 об.–334, 330.

^{**} Совет министров Российской империи... С. 85.

^{***} Цит. по: *Андреева Н. С.* Прибалтийские немцы и российская правительственная политика в начале XX века. СПб., 2008. С. 224.

^{****} Дневник Л. А. Тихомирова. 1915–1917 гг. М., 2008. С. 41, 47. В советское время Эверт (с подачи Брусилова) превратился в предателя и изменника.

^{*****} *Орешников А. В.* Дневник. 1915–1933. Кн. 1. М., 2010. С. 30.

^{*****} *Сергейчук В.* Погромы в Україні: 1914–1920. Від штучних стереотипів до гіркої правди, приховуваної в радянських архівах. Київ. 1998. С. 78, 107.

^{*****} *Орешников А. В.* Указ. соч. С. 33.

^{*****} *Гатагова Л. С.* Москва во власти охлоса (о погромах немцев в 1915 г.) // Проблемы этнофобии в контексте исследования массового сознания. М., 2004. С. 112.

Начало погрому положил «бабий бунт» 26 мая. Среди женщин, лишившихся подработки в Комитете великой княгини Елизаветы Федоровны, распространился слух, что заказы переданы австрийской фирме «Мандль»^{*}. Начались демонстрации, рабочих поддержали городские низы. Полиция не рискнула разгонять бунтов, действующих под прикрытием патриотических плакатов, портретов императора и государственных флагов. К тому же полицейские знали, что их особенно ненавидят за освобождение от мобилизации в армию.

Улицы Москвы оказались во власти толп. При этом пострадало куда больше российских граждан с «немецкими» фамилиями (были жертвы и среди русских), чем германских и австрийских подданных^{**}. Беспорядки разрослись под влиянием рабочих фабрики Гюбнера, в ходе которых около 1,5 тыс. рабочих выдвинули требование удалить с предприятий «немцев-эльзасцев». В этот день полиции еще сдерживала демонстрантов. Но после разгрома фабрики Р. Шредера и зверского убийства четырех «немок» вечером 27 мая ситуация вышла из-под контроля.

28 мая полиция предприняла более чем своеобразные меры по охране немецких граждан – владельцев предприятий свозили в тюрьму, а градоначальник А. А. Адрианов предложил рабочим составить перечень всех служащих-немцев^{***}. Это подлило масла в огонь. В тот же день была разгромлена аптека Ферейна на Никольской улице, из ее подвалов извлекли 5 пудов спирта и распили его. Затем демонстранты собрались на Красной площади; некоторые из них требовали отречения императора, пострижения императрицы в монахини и передачи престола великому князю Николаю Николаевичу^{****}. После разгрома водочной фабрики Шустера погромщики разъярились еще больше^{*****}. На Мясницкой улице толпа совершала обход магазинов, руководствуясь подготовленными списками: православных и евреев старались демонстративно не трогать. За два часа было разгромлено 8 магазинов и 7 контор. Заодно пострадали русский и французский магазины. Под горячую руку по-

^{*} *Рябиченко С.* Погромы 1915 года. Три дня из жизни неизвестной Москвы. М., 2002. С. 7.

^{**} См.: *Жилкин И.* Московский погром // Вестник Европы. 1915. № 9; *Кузьмин-Каравая В.* Рапорт сенатора Крашенинникова о майских беспорядках в Москве. Бездействие власти или заведомое попустительство // Вестник Европы. 1916. № 2; *Меницкий И.* Рабочее движение и социал-демократическое подполье Москвы в военные годы (1914–1917). М., 1923. С. 119, 124, 128.

^{***} *Дённингхаус В.* Немцы в общественной жизни Москвы: симбиоз и конфликт (1494–1941). М., 2004. С. 339–340.

^{****} *Булдаков В. П.* Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010. С. 86.

^{*****} *Кирьянов Ю. И.* Социально-политический протест рабочих в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 г.). М., 2005. С. 55.

пал внештатный консул колумбийского посольства П. Вортман. Он обратился было к помощнику пристава, но тот «только развел руками». Полиция старалась не вмешиваться. В ходе разгрома одного из складов к нему подъехал наряд конной полиции, но после беседы с находившимся поблизости городовым всадники понимающе удалились под крики «Ура!»*. В России умели улавливать негласные симпатии властей и подлаживаться к ним.

В литературе до сих пор продолжают споры: был погром стихийным или, напротив, был организован властями. На второй версии настаивали в свое время не только либералы, но и Тихомиров. В советской литературе организованность погромов властями считалась доказанным фактом. Западные исследователи, напротив, склонны считать их стихийными. У Тихомирова, наблюдавшего 28 мая за событиями на Никольской, не создалось впечатления об организованности демонстрантов властями, но, пообщавшись со знакомыми, он изменил мнение**. В кризисные времена люди становятся не только мнительными, но и внушаемыми.

Устроить погром было несложно: газеты услужливо подбрасывали информацию о немецких фирмах. Образ врага гипертрофировался. За полгода войны было выпущено почти 600 различных печатных патриотических, главным образом антинемецких изданий тиражом 11 млн экземпляров***. Появился фильм фирмы Либкена «Борьба народов за свободу славян»: «русская» кинофирма убеждала, что забастовки в России финансируются немцами****.

Общая динамика настроений в тылу отчетливо просматривается по письмам в армию (около 1,5 млн с осени 1915 г. до февраля 1917 г.), просмотренных военной цензурой. Из них видно, что человек традиционного общества, столкнувшись с непонятными обстоятельствами глобального уровня, испытал своего рода идентификационный «сбой». Отсюда выплески спонтанной агрессивности.

В сентябре 1915 г. цензоры зафиксировали, что на Юго-Западный и Западный фронт хлынула информация об усилении житейских тягот. С ноября 1915 г. в письмах появились «жалобы на страшную дороговизну, предметы первой необходимости, на их недостаток». В декабре 1915 г. некоторым цензорам казалось, что настроение в столицах даже хуже, чем в провинции. Кое-кто отмечал, что «дороговизна приводит к желанию хоть как-нибудь закончить войну»*****. Действительно, в сентябре 1915 г. А. В. Тыркова записывала

* Гатагова Л. С. Указ. соч. С. 113–114.

** См.: Дневник Л. А. Тихомирова. С. 64–66.

*** Владиславлев И. В. Русская литература о войне 1914 г. (Библиографический указатель). М., 1915. С. 5.

**** Чернышев А. А. Русская дооктябрьская киножурналистика. М., 1987. С. 116.

***** См.: Асташов А. Б. Указ. соч. С. 80; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 2 об., 19 об., 20, 22, 22 об., 25 об., 50; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 22 об., 25 об.; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 41–41 об., 53.

в дневнике: «Победы и поражения отодвинулись перед... сумятицей внутреннего поражения или, вернее, разложения»^{*}.

Фронт начинал подозрительно относиться к «жиреющему» тылу. Солдаты становились мнительными и несдержанными. Некоторым казалось, что их жены предпочли им военнопленных^{**}. А оказавшись в тылу, они с готовностью поддерживали женские «хлебные бунты»^{***}.

Пресса стимулировала рост недовольства. Так, писали об аресте содержания кинематографа в Ровно Фердинанда Беренда за «демонстрирование на экране объявления, признанного оскорбительным для русской полиции»^{****}. Петроградский городской голова отмечал, что «маленькие вечерние листки, попадающие в руки простонародья... гораздо опаснее больших газет, имеющих своих постоянных читателей». Не удивительно, что по столице прокатились слухи о повторении здесь 1 июня московских событий^{*****}. Беспорядки стали возникать по любому поводу.

В сентябре 1915 г. в Москве произошло по-своему символическое событие. На Страстной площади городской якобы ударил солдата – георгиевского кавалера за бесплатный проезд (были и другие версии конфликта). Полицейскому пришлось спасаться бегством от разъяренной толпы. Вызвали войска, началась стрельба. Говорили о многих убитых и раненых. «Нервное настроение, тревоги, связанные с войной, науськивания либеральной печати, дороговизна, недостаток то того, то другого... все это создает такое напряженное состояние, которое ежеминутно готово разразиться вспышкой», – отмечал в дневнике историк М. М. Богословский^{*****}. Считается, что полиция убила 4 человек, свыше 40 ранила. Рабочие и студенты соорудили баррикады; камнями было ранено 25 полицейских. В знак протеста против действий властей начались стачки на заводах «Динамо», Даниловской мануфактуры, Цинделя, других предприятий. Заволновались студенты, на две недели прекратил работу трамвай^{*****}.

^{*} Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма. М., 2012. С. 156.

^{**} Асташов А. Б. Указ. соч. С. 83–84; Люкшин Д. Да за нашими бабами вьются. Военнопленные в крестьянской России // Родина. 2002. № 10. С. 27.

^{***} Кирьянов Ю. И. Указ. соч. С. 143–145.

^{****} Вестник кинематографии. 1915. № 110(8). С. 49.

^{*****} Толстой И. И. Указ. соч. С. 640.

^{*****} Богословский М. М. Дневники (1913–1919): Из собрания Государственного исторического музея. М., 2011. С. 78.

^{*****} Сведения о событиях весьма значительно расходятся. Ср.: Миц И. И. История Великого Октября. Т. 1. Свержение самодержавия. М., 1977. С. 308–309; Кирьянов Ю. И. Указ. соч. С. 65, 69.

С. П. Мельгунов отмечал, что толпы стали собираться по любому поводу, обнаруживая громадный запас недовольства и агрессивности*. «...Мы, как всегда, блуждаем в хаосе, не зная, против кого из двух врагов – внутреннего или внешнего, начать борьбу», – писал в октябре 1915 г. Н. Пунин**.

Постепенно антинемецкие настроения (не без помощи думских правых) сомкнулись с антисемитизмом***. С весны 1915 г. в полиции стала накапливаться информация о готовности населения «посчитаться» с виновниками дороговизны. В прифронтовой полосе были случаи неуплаты денег еврейским торговцам, солдаты то и дело принимались громить лавки****. По-своему домысливались действия верхов: в начале мая 1915 г. прокатился слух, что власти намерены выслать всех евреев из Петрограда*****. После московских беспорядков в Киеве и других городах ожидали череды не только немецких, но и еврейских погромов*****.

Из Симбирского ГЖУ в октябре 1915 г. сообщали: «...Во всей стране политическое нервное настроение... Страна ждет чего-то и к чему-то готовится...»***** «Настроение в массах нервное, умногих – подавленное... Сейчас... поднят вопрос о создании “психологического тыла”», – писала газета «Сибирская жизнь» 7 ноября 1915 г. Увы, эта задача не решалась. Недовольство масс приобретало все более непредсказуемый характер.

Агрессивные эксцессы возникали по любому поводу. 17 августа 1915 г. в Петрограде возникли волнения из-за отказа в размене банкнот на мелкую монету. Вновь поползли слухи о виновности евреев***** (на деле имело место упущение министерства финансов)*****. «Вчера вечером... на Хитровом рынке были беспорядки: недовольные ночлежники напали на полицию за преследование продажи “ханжи” и политуры; в результате: 1 хитровец убит,

* Мельгунов С. П. Воспоминания и дневники. Вып. 1. Париж, 1964. С. 200.

** Пунин Н. Н. Указ. соч. С. 97.

*** Булдаков В. П. «Немецкий вопрос» в IV Государственной думе // Власть и общество в России: опыт истории и современность, 1906–2006 гг. Краснодар, 2006. С. 39–44.

**** Булдаков В. П. Хаос и этнос. С. 104.

***** Толстой И. И. Указ. соч. С. 634.

***** Lohr E. Nationalizing the Russian Empire. The Campaign against Enemy Aliens during World War I. Cambridge (Mass.), L., 2003. P. 52.

***** Семенова Е. Ю. Социально-экономические и общественно-политические условия жизни горожан Поволжья в Первую мировую войну (1914 – начало 1918 гг.): Сб. док. и мат. Самара, 2011. С. 44.

***** См.: Толстой И. И. Указ. соч. С. 665; Лызлова Т. «Евреи прибрали к рукам Россию». Антисемитские настроения на Смоленщине в первой трети XX века // Родина. 2006. № 2. С. 95; ГА РФ. Ф. 523. Оп. 3. Д. 37. Л. 9 об.–10.

***** Прокопович С. Н. Война и народное хозяйство. М., 1917. С. 105.

несколько десятков городских ранено камнями», – записывал в дневнике историк Орешников^{*}. В октябре 1915 г. в Саратовской губернии сплетничали, что немцы «всюду вредят» – в министерствах, в армии, на фабриках, а «крепости сдают нарочно за золото». Говорили также, что «в армии измена»^{**}. Вектор этнического недовольства легко менялся. В мае 1916 г. в Красноярске неожиданно вспыхнул «продовольственный бунт». Было разгромлено 52 лавки, из них более половины – еврейских. Погром связывали с антисемитским настроением властей. Беспорядки произошли также в Иркутске^{***}.

В сентябре 1915 г. в Болхове Орловской губ. по случаю очередного призыва в армию толпа побила стекла и двери в булочной германского подданного Г. Тецлова. На следующий день 2-тысячная толпа разнесла булочную, затем магазин Шестакова. Расхищением обуви занялись по преимуществу женщины; мужчины предпочли казенную лавку с денатурированным спиртом. Толпа требовала «Долой немца!», но появление вооруженного наряда встретила криками «Долой полицию!». Полицейские принялись стрелять в воздух, шальной пулей вдаль от толпы был убит обыватель. Расследование установило, что среди погромщиков были местные мещане, выздоравливающие солдаты, наконец, мобилизованные. Последние соглашались отправиться на фронт только вслед за пристроившимися на местных заводах купеческими сынками. К дознанию было привлечено немало женщин – почти поголовно неграмотных мещанок. Перед судом предстали 10 мещан, 3 крестьянина, 1 старший унтер-офицер и 1 солдат – все православные. Семеро из них получили от 2 до 8 месяцев тюрьмы^{****}.

В январе 1916 г. полиция сообщала, что в столице перед Рождеством люди заговорили о «необходимости устроить погром лавок, который обратил бы внимание администрации на различные злоупотребления...» К тому времени слухи, по мнению полиции, сложились в голове обывателя в «цельную и стройную теорию»: если продуктов не хватает, цены на них растут, то «это делается немцами, чтобы вызвать беспорядки внутри России, – немецкие агенты подкупили русских купцов». Подобные представления варьировались: для правого и консервативного обывателя главные виновники – подкупленные немцами евреи; для либерального – Министерство путей сообщения; для октябристов – «банки с интернациональными акционерами»^{*****}. В начале февраля 1916 г. Богословский обратил внимание на слух о том, что приостановка сообщения Москва – Петроград вызвана отнюдь не необходимостью экстренной доставки в столицу продуктов, а «вывозом из Петрограда разных цен-

^{*} Орешников А. В. Указ. соч. С. 41.

^{**} Семенова Е. Ю. Указ. соч. С. 42.

^{***} Булдаков В. П. Хаос и этнос. С. 110.

^{****} Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 714. Оп. 1. Д. 1263. Л. 1, 5, 14–14 об., 16, 17, 63–84, 118–120; Д. 1297. Л. 2, 39, 41.

^{*****} ГА РФ. Ф. 97. Оп. 1а. Д. 29. Л. 45–46 об.

ностей, т. е. эвакуацией Петрограда». Он недоумевал: «Кто фабрикует такие гнойные, гнилые известия? ...Они ползут и все-таки свое дело делают, уныние распространяют»^{*}.

Социально стрессовые ситуации порождают своего рода эпидемию пессимистических преувеличений. Слухи продвигались сверху вниз – от людей, имеющих больший доступ к информации, к людям малообразованным. В традиционалистских низах они принимали гротесковую, фантазийную и, в конечном счете, апокалипсическую форму. Возвращаясь в верхи, они, в свою очередь, создавали ощущение беспомощности перед надвигающейся угрозой.

Слабость патерналистской власти вызывает чувство беззащитности. Недостаток гражданской солидарности порождает гипертрофированные представления об особой сплоченности всевозможных меньшинств. Отсюда разговоры о том, что полицейские чины подкупаются евреями^{**}. Из Казанского ГЖУ сообщали, что в связи с наплывом в университет учащихся из других университетов «произошел раскол: одни студенты за евреев, другие – против». Вдобавок заговорили о том, что «в случае призыва студентов евреи останутся учиться – они не могут быть офицерами»^{***}.

Германофобия постепенно оборачивались против существующей власти^{****}. Правительству доносили, что «началось брожение в деревне», его провоцируют побывавшие на фронте солдаты, которые «восхищаются экономической жизнью немецких народов и их государей». Как результат, в 1916 г. «многие из крестьян не стесняются с искренностью выражать пожелания, чтобы в русских землях скорее водворился немецкий порядок»^{*****}.

Народ все более отчуждался от власти, не выдерживающей сравнения с неприятелем. Ситуация усугублялась «возвращением» пьянства. В хлебопроизводящих губерниях крестьяне умышленно перегоняли зерно в самогон^{*****}. Позднее в газетах писали о караванах подвод с домашним спиртным, направлявшихся к линии фронта. Сообщали, что на Украине едва ли не в каждом селе действуют «самодельные водочные заводы»^{*****}.

* Богословский М. М. Указ. соч. С. 142.

** ГА РФ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 60. Л. 13–13 об., 25.

*** Семенова Е. Ю. Указ. соч. С. 47.

**** См.: Булдаков В. П. Красная смута. С. 111, 113, 115, 117–118; он же. Хаос и этнос. С. 116, 152–153; Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика». Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. С. 134, 141, 211, 221–222, 231–232, 234–235, 289–313.

***** См.: ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 858. Л. 57 об.

***** Магомедов Р. Р., Гришаква Л. В. Война и хлеб: История продовольственной политики государства на Южном Урале в годы Первой мировой войны. Оренбург, 2012. С. 119.

***** Булдаков В. П. Красная смута. С. 194.

«Сухой закон» обходили изобретательно. В 1916 г. в Архангельской губернии процветала винная контрабанда, а владельцы пивных заводов выпускали под видом «безалкогольных напитков» бражку^{*}.

В середине 1916 г. во власти разуверились едва ли не все. Незадолго до своей гибели знаменитый герой-партизан Леонид Пунин с горечью отмечал, что генералы ни на что не способны, а «кругом – подло, подло, подло... 75 % сволочи»^{**}. В штабе Юго-Западного фронта «почти открыто» говорили, что в Ставке «много такого элемента, который симпатизирует немцам»^{***}. На ходе событий все больше сказывался рост взаимного недовольства.

2. Рабочие и социальный протест в городе

Для массы рабочих патриотизм символизировал утверждение социальной справедливости в «своей» стране. Сообщали, что в Николаеве рабочий-эсдек Белов заявил градоначальнику о единении и преданности нашему императору^{****}. Наблюдалось и нечто противоположное. В Петрограде были слабые попытки устроить демонстрации запасных под лозунгами «Долой войну!». В Пермской губернии 5 тыс. рабочих Лысьвенского завода, бастовавших с весны 1914 г., при известии о мобилизации разъярились. Как сообщала полиция, 20 июля рабочие и запасные нижние чины осадили здание заводской администрации и облили его керосином, подожгли, а «выбегавших отсюда зверски убивали»^{*****}. Погибло 15 полицейских стражников и служащих. Пятерых бунтовщиков приговорили к смертной казни, 415 рабочих сослали в административном порядке. В меньших масштабах события повторились на Надеждинском заводе^{*****}.

Прежняя «классовая» конфликтность сомкнулись с «обывательским» недовольством. Дороговизна стала особенно ощутимой с начала 1915 г.: цены на керосин, мыло, дрова, уголь, жильё резко поднялись, а соль стала исчезать из продажи. Столичный городской голова в феврале 1915 г. предупреждал полицмейстера, что «мы, может быть, накануне народных движений, причем не исключена опасность голодного бунта»^{*****}. «В Москве становится очень трудно жить, – отмечал Тихомиров 18 марта 1915 г. – Все страшно дорого...

* *Трошина Т. И.* Великая война... Забытая война... Архангельск в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Архангельск, 2008. С. 90.

** Цит. по: *Хорошилова О. А.* Всадники особого назначения. М., 2013. С. 108.

*** ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 583. Л. 2.

**** *Брояковский С.* Война четырнадцатого года. (По рассказам участников и очевидцев.) Вып. 1. Киев, 1915. С. 30.

***** *Кирьянов Ю. И.* Указ. соч. С. 43, 116–117.

***** *Беркевич А. Б.* Указ. соч. С. 20–21.

***** *Толстой И. И.* Указ. соч. С. 609.

У нас создается внутренней блокадой то, что в Германии внешней, и, может быть, мы себя заморим успешнее, чем Германию»^{*}. «У нас все умы остолбенели из-за [нехватки] дров, муки и сахару», – писала А. В. Тыркова из Петрограда в Москву М. О. Гершензону^{**}.

С октября 1915 г., согласно письмам в армию, половина городов России испытывала нужду в хлебе и других продуктах. С ноября цензоры отмечали «ужасающую дороговизну» и нехватку масла, молока, «жалобы и вопли» при «ликновании торгашей, наживающих на народном бедствии миллионы...» В конце 1915 г. в столицах появились пресловутые «хвосты». Дефицит обострился осенью 1916 г. В октябре в некоторых губерниях исчезли из свободной продажи ржаная мука, подсолнечное масло, свиное сало, мясо, сахар, мыло, ситец-китайка, кожа; в декабре были перебои с хлебом. Сотрудники жандармских управлений «не ручались за спокойствие в такой обстановке»^{***}.

В целом цены на предметы первой необходимости выросли за годы войны в 3–7 раз. Особенно страдали служащие с фиксированной зарплатой. Местная администрация пыталась, как могла, разрешить проблему снабжения. С начала 1915 г. самоуправления стали закупать продовольствие для горожан, используя правительственные субсидии. Однако это лишь расширяло спектр «виновных». Дороговизна стала мощным фактором радикализации антиправительственных настроений, порождая все новые забастовки и продовольственные волнения^{****}.

С начала войны до конца 1914 г. произошло 170 стачек, в 1915 г. их было 1928, в 1916 г. – 2417, с начала 1917 г. до 22 февраля 1917 г. – 718 стачек различной интенсивности. В 1915 г. в сравнении с военным периодом 1914 г. их число возросло в 11 раз, а в 1916 г. по сравнению с 1915 г. – на 25,4 %. Число стачечников (по неполным данным) составило с 19 июля по 31 декабря 1914 г. 86,7 тыс., в 1915 г. – 862 тыс., в 1916 г. – 1558,4 тыс. В январе–феврале

^{*} Дневник Л. А. Тихомирова. С. 47.

^{**} Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. С. 319.

^{***} См.: Белова И. Б. Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. М., 2011. С. 61, 67–68, 71, 73, 76; Букалова С. В. Орловская губерния в годы Первой мировой войны: социально-экономические, организационно-управленческие и общественно-политические аспекты (дореволюционный период: июль 1914 – февраль 1917 года). Орел, 2005. С. 50, 55–57, 82; Энгл Б. Не хлебом единым: женщины и продовольственные беспорядки в Первую мировую войну // Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А. С. Пушкина. № 1 (Том 4). История. 2010. С. 151, 173; РГВИА. Ф. 2000. 15. 670. Л. 320, 373.

^{****} См.: Gatrell P. Russia's First World War. London, 2005. P. 44; Голубинов Я. А. Продовольственный вопрос в российской провинции в годы Первой мировой войны (на материалах Самарской губернии) // Вестник Самарского гос. ун-та. Гуманитарная серия. Самара, 2007. № 5/3 (55). С. 194–201.

1917 г. бастовали 548,3 тыс. человек*. В отличие от мирного времени стачки приобретали все более отчаянный характер – сказывалось влияние «феминизированной» среды.

Народ стал уставать от войны. В Москве в конце апреля 1915 г. на рынках говорили, что «...не пойдут на призыв, разграбят лавки и устроят забастовку»**. В ходе сентябрьских стачек протеста против действий властей полиция арестовала на заводе «Динамо» 200 рабочих, военнообязанные были отправлены на фронт, на заводе «Гном» мобилизовали 34 военнообязанных. Стачки перекинулись в провинцию: в Нижнем Новгороде бастовало 25 тыс. человек, забастовали также в Саратове, Царицыне и более мелких городах. Со временем социалисты прибегли к тактике затягивания забастовок с целью превращения их в экономические выступления***. Однако политические выступления рабочих (в частности, в связи с роспуском Государственной думы) оказались слабыми.

Городское недовольство по-своему сказывалось на армии. В январе 1916 г. цензоры констатировали, что посланий с «угнетенным настроением», направленных в армию, стало втрое больше, чем писем с фронта. В сводке по Западному фронту (наиболее близкому к столице) подчеркивалось «подозрительное отношение к властям, якобы подкупленным немцами» и повинным в дороговизне. Заговорили о «немцах» во власти. «...Вся Россия охвачена дороговизной, которая отражается в дурную сторону на духе армии», – констатировали цензоры. В марте 1916 г. отмечалось, что «крайнее вздорожание продуктов первой необходимости есть явление повсеместное и, отражаясь в дурную сторону на душевном состоянии войск, в тылу рождает уже не недовольство, а иногда и раздражение». В мае 1916 г. в армию писали о продовольственных беспорядках, самосудах над торговцами, о бунтах в Красноярске, где «разбивают магазины жидов». В июне 1916 г. цензура выделяла сообщения о бунтах и забастовках в Ставропольской, Казанской, Симбирской губерниях, Терской области, Петрограде, Москве****. В общем, рисовалась весьма возбуждающая картина.

После московского погрома требования удалить «немцев» с предприятий усилились. Недовольство стимулировалось страхами перед новыми напастьми. В августе 1915 г. из Ярославского ГЖУ сообщали, что настроение рабочих приблизилось к грани, за которой возможен «переход к открытым выступле-

* Кирьянов Ю. И. Указ. соч. С. 19–20.

** Дневник Л. А. Тихомирова. С. 58.

*** Белова И. Б. Социалисты в российской провинции в годы Первой мировой войны. С. 98–99.

**** См.: РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 57 об., 61 об., 98; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 50, 81 об., 95 об., 228 об., 302 об., 337 об.; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 79 об., 125 об., 158, 161, 182 об., 190, 206 об., 224, 226.

ниям». Помимо всего, их раздражал «наплыв беженцев» – работодатели предпочитали менее требовательных мигрантов*.

Со временем волнения не могли не приобрести антиправительственную окраску; однако степень влияния левых партий не стоит преувеличивать. Осенью 1915 г. цензоры отмечали интенсификацию информации о волне забастовок в Московском регионе с требованиями создания ответственного правительства. В армию сообщали, что волнения в Москве на почве дороговизны привели к десяткам убитых и раненых. Солдатам становилось известно о росте числа забастовщиков, об особой активности металлистов, сознающих уступчивость предпринимателей, опасавшихся срыва оборонных заказов. Крупные стачки произошли в Иваново-Вознесенске в августе 1915 г.; на заводе «Наваль» в Николаеве в январе 1916 г., в Горловско-Шербинском районе Донбасса в апреле–мае 1916 г., в Луганске в июле 1916 г.**

Забастовки множились в провинции. Только из выполнявших оборонные заказы в Калужской губернии в 1916 – феврале 1917 г. 27 раз бастовали 16 заводов, а в Орловской губернии – 17 раз 10 заводов***. В пролетарской среде наметился психологический перелом. Один рабочий признавался: «Заболел угаром патриотизма, но к 1915 г. стал выздоравливать»****.

Особенное беспокойство властей вызывала растущая активность работников на оборону. В 1914 г. из 135 тыс. занятых на крупнейших заводах призвано было в армию почти 60 %; производительность предприятий упала до 7–12 % нормы*****. Рабочие соглашались на сверхурочную занятость, нуждаясь в дополнительном заработке. За 1915–1916 гг. годовая зарплата «оборонщиков» в среднем увеличилась с 594 до 912 руб. Однако на прочих предприятиях зарплата снизилась. При этом доходы рабочих поглощались (до 80 % зарплаты) ростом цен*****. В апреле 1915 г. рабочие 16 частных фабрик объявили забастовку, продолжавшуюся 14 дней. Их требования были частично удовлетворены – рабочий день был сокращен с 11,5 часа до 11 и повышена зарплата*****.

* Семенова Е. Ю. Указ. соч. С. 38.

** См.: Кирьянов Ю. И. Указ. соч. С. 21; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 670. Л. 29–29 об., 131, 133, 320; Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 61 об.; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 228 об.

*** См.: Белова И. Б. Первая мировая война и российская провинция. С. 173, 175–178, 254–255; Gatrell P. Op. cit. P. 70.

**** Терешина Е. П. Отношение населения Поволжья к Первой мировой войне (по материалам периодической печати 1914–1917 гг.). Набережные Челны, 2009. С. 31.

***** Барсуков Е. З. Артиллерия русской армии (1900–1917 гг.). Т. II. Артиллерийское снабжение. М., 1949. С. 118.

***** Gatrell P. Op. cit. P. 68–69, 71.

***** Маевский И. В. Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. М., 2003. С. 273.

В верхах было замечено, что пропаганда «на основе “патриотизма”» среди фабричных не прекращается^{*}. В Особом совещании по обороне были обеспокоены возможностью срыва заказов военного ведомства. Начальник Главного артиллерийского управления А. А. Маниковский 5 октября 1915 г. опасался, что дороговизна послужит источником волнений на Ижевских оборонных заводах^{**}. Действительно, в декабре 1915 г. здесь возникло недовольство в связи с дефицитом сахара и прочих продуктов; трезвенническое движение сменилось разгулом самогоноварения – более 2 тыс. запротоколированных случаев за 1916 г.^{***}

Неуклонная деморализация городской среды захватила пролетариат. В 1915 г. в Новониколаевске полицмейстер сообщал, что «дома терпимости превращены в какие-то притоны пьянства и разгула», а надзор за проституцией «находится в самом печальном положении»^{****}. В Москве жаловались на разгул хулиганства, тайной продажи вина, взяточничества полиции, спекуляции^{*****}.

От 70 до 80 % забастовщиков в 1915 г. преследовали чисто экономические цели. Предпринимателям приходилось идти на уступки. По некоторым данным, в пользу рабочих закончилось в 1914 г. 9,2 % забастовок, 1915 – 31,5 %, 1916 – 26,8 %. В ряде случаев рабочие выставляли качественно новые требования. Так, на заводе Международной кампании жатвенных машин в Люберцах наряду с прибавкой зарплаты, надбавками на дороговизну они настаивали на вежливом обращении, прекращении немотивированных увольнений, признании выборных от рабочих посредниками на случай переговоров^{*****}. В Гусь-Хрустальном Владимирской губернии рабочие добились удаления директора ткацкой фабрики, запрещавшего женщинам делать перерывы для кормления детей грудью. Значительная часть пролетариев сохраняла патерналистские иллюзии. Так, весной 1916 г. забастовщики Брянского завода тешили себя надеждой: если продержаться подольше, завод перейдет в казну и заработки возрастут. Работу они возобновили лишь при угрозе лишения хлебных карточек и квартир^{*****}.

^{*} Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн. 5. СПб., 1994. С. 49.

^{**} *Маевский И. В.* Указ. соч. С. 272–273.

^{***} *Шумилов Е. Ф.* Два века Ижмаша. Т. 1. Город оружейников. Ижевск, 2001. С. 453, 456, 452.

^{****} Цит. по: *Быкова А.* «Древнейшая профессия» в истории сибирских городов (конец XIX – начало XX в.) // *Городская культура Сибири: история и современность.* Омск, 1997. С. 121.

^{*****} См.: Московский архив. Вторая половина XIX – начало XX в. М., 2000. С. 127–129, 131–133.

^{*****} См.: *Koenker D., Rosenberg W.* Strikes and Revolution in Russia, 1917. Princeton, 1989. P. 348; *Маевский И. В.* Указ. соч. С. 273–275.

^{*****} *Белова И. Б., Белова Т. В.* О социально-психологической характеристике стачечного движения в Верхнем Поволжье в годы Первой мировой войны (1914 – февраль

Считалось, что стачки инспирируются левыми партиями. В начале сентября 1915 г. в Москве забастовали трамвайщики, не вышли газеты. «“Товарищи” продолжают глупить вовсю и показывать полное отсутствие всякого политического смысла», – так комментировал происходящее Богословский*. Были, однако, и другие мнения: «...Вот что натворил полоумный Горемыкин»**.

Далеко не все экономические забастовки заканчивались миром. В начале июня 1915 г. в Костроме при столкновении с полицией погибло 5 рабочих. Здесь толпа пыталась освободить арестованных товарищей. 10 августа в Иваново-Вознесенске проходила многотысячная демонстрация под лозунгами «Долой правительство!», «Всеобщая амнистия!». Возле здания городской управы полиция открыла огонь. Было убито 30 человек***. Вслед за этим в знак протеста в Петрограде забастовало свыше 18 тыс. рабочих на 16 предприятиях. Стачки продолжались 3 дня****.

Беспорядки вспыхивали по самым различным поводам. В августе 1915 г. в столице «по ошибке» была разгромлена булочная швейцарца. Вслед за тем 1600 рабочих верфи Путиловского завода потребовали удаления немцев и австрийцев, перешедших в германское подданство****. В сентябре начались стачки протеста на Путиловском и Петроградском металлургическом заводах против ареста 30 служащих больничных касс, находившихся под влиянием большевиков. Одновременно произошел роспуск Государственной думы. Забастовало 36 760 рабочих 34 столичных предприятий. Военные власти угрожали стачечникам преданием военному суду, предприниматели начали рассчитывать рабочих. 5 сентября стачка прекратилась*****.

Продовольственная проблема особенно остро встала в городах «потребляющих» губерний. Из 13 городов Тверской губернии 11 ощущали нехватку хлебных продуктов, а также сена и овса, затем сахара. В июне 1915 г. в Твери

1917 г.) // Российская провинция и ее роль в истории государства, общества и развитии культуры народа. Ч. 3. 1994. С. 62, 64; *Белова И. Б.* Социалисты в российской провинции. С. 99.

* *Богословский М. М.* Указ. соч. С. 72, 74, 92.

** Выдержка из перлюстрированного письма некоего Н. Строева цит. по: *Кирьянов Ю. И.* Указ. соч. С. 64.

*** См.: *Кирьянов Ю. И.* Указ. соч. С. 57–58; *Дороватовский П., Злотин В.* Профессиональное движение в годы империалистической войны. Л., 1927. С. 20; *Лаверычев В. Я.* Рабочее движение в Иваново-Вознесенске в годы Первой мировой войны. М., 1957. С. 112–117.

**** Рабочее движение в годы войны. М., 1925. С. 90.

***** *Кирьянов Ю. И.* Указ. соч. С. 56.

***** См.: Петроградский пролетариат и большевистская организация в годы империалистической войны 1914–1917 гг.: Сб. мат-в и док-в. Л., 1939. С. 61–72, 240–242; *Мительман М., Глебов Б., Ульяновский А.* История Путиловского завода. М.; Л., 1941. С. 434–436.

ожидали «бунта против дороговизны» и еврейского погрома. В 1916 – начале 1917 г. резко выросли цены на свежие овощи, а их тайный вывоз за пределы губернии поставил на грань срыва заготовку овощей для армии и заводов, работающих на оборону*.

В марте 1916 г. стачечным движением было охвачено 62 предприятия металлообрабатывающей промышленности, число забастовавших составило 94 278 человек. В апреле того же года бастовало 95 тыс. рабочих 80 предприятий. С 1 января по 1 июля 1916 г. бросили работу на 71 оборонном предприятии. Количество забастовщиков составило 130 579 человек, а число потерянных рабочих дней – 939 617. Серьезное беспокойство вызвала ситуация в топливном секторе. В мае 1916 г. на Грозненских нефтепромыслах забастовали 9 тыс. рабочих. Длительная забастовка закончилась успехом рабочих: заработная плата была увеличена на 15 %. Однако многие военнообязанные рабочие получили расчет и были призваны в армию**.

На долю Петрограда в годы войны приходилось от трети стачек и от трети до половины стачечников. Серьезное значение приобрела забастовка на Путиловском заводе, вспыхнувшая в феврале 1916 г. из-за неудовлетворения требований о повышении заработной платы на 70 %. Возмущенные рабочие вывели одного из управляющих на тачке. Несмотря на вмешательство полиции и военных властей, последовавшие увольнения и закрытия цехов, 10 февраля рабочие потребовали освобождения арестованных и отмены призыва в армию военнообязанных. Не меньшее значение имели и события на Сорновском заводе в июне 1916 г., которые начались с волнений в связи с увольнением с завода негодных администрации лиц. Рабочие начали забастовку, остановили электростанцию. На работу вышло 4963 рабочих из 8 тыс., но и те работали «вяло и неохотно». Несмотря на прибытие на завод двух рот солдат, на работу вышла лишь 1 тыс. человек. Применяя угрозы, аресты, увольнения, отправку на фронт администрация завода смогла остановить забастовку. Но рабочие согласились возобновить работу лишь при условии возвращения уволенных, увольнения начальника цеха, гарантий неувольнения забастовщиков***. В ноябре 1916 г. по сообщениям осведомителей охранки среди рабочих Ижевских заводов ходили слухи о петроградской забастовке, говорили о больших потерях на фронте, о мире, отказывались верить официальным сообщениям****.

В начале августа 1916 г. произошла забастовка на Трубочном заводе в Самаре. В ходе нее рабочие потребовали не только увеличения заработной платы, сокращения продолжительности рабочего дня и отмены штрафов, но и отправки на фронт «рабочих из богачей, которые поступили на завод с це-

* Булдаков В. П. Красная смута. С. 53.

** Маевский И. В. Указ. соч. С. 273.

*** Кирьянов Ю. И. Указ. соч. С. 20, 276–277.

**** Шумилов Е. Ф. Указ. соч. С. 453, 456.

люю уклониться от войны». Между прочим, наряду с «богачами» на военные заводы поступали и революционеры – полиция не успевала проверять их на благонадежность. Конфликты в рабочей среде множились. В феврале 1917 г. рабочие инструментальной мастерской Ижевского оружейного завода выставили внушительный ряд требований. В результате переговоров 12 требований было удовлетворено, 8 – отклонено, по трем администрация обещала ходатайствовать в Главном артиллерийском управлении*. Было очевидно, что экстремальная интенсификация производства особенно взрывоопасна в связи с наполнением предприятий людьми, далекими от индустриальной культуры.

Наряду с привычными проявлениями недовольства вспыхивали «хлебные бунты» – в 1915 г. их было около двух десятков. В следующем году количество их участников увеличилось в 13 раз**. Наиболее активными стали женщины. Между 1914 и 1917 гг. их удельный вес на промышленных предприятиях возрос с 26,6 до 43,2 %; в Петрограде их число выросло в шесть раз. Особое недовольство демонстрировали солдатки***. Пословам столичного градоначальника, они вели себя «крайне энергично, а иногда и бесстыдно», требуя немедленного удовлетворения своих требований. Впрочем, они быстро успокаивались, получив казенный паек****.

Женские выступления, как правило, протекали по одному сценарию: начиналось с препирательств о поднятых ценах, затем толпа принималась «восстанавливать социальную справедливость», громя магазины и унося с собой товары. Массовые беспорядки работниц случились в мае 1915 г. в Орехово (на границе Московской и Владимирской губерний). В июне «бабьи бунты» прошли в селах Гордеевка, в городах Канавин и Хохлома Нижегородской губернии, в Моршанске Самарской губернии. В июле взбунтовались женщины в трех городах Нижегородской губернии, на Таганском рынке Москвы. В августе в Колпино на Ижорских заводах жены рабочих и солдатки учинили разгром лавок. В октябре в Богородске (Нижегородской губернии) вспыхнули волнения работниц, обернувшиеся погромом магазинов. Усмирять бунтовщиц пришлось казакам; были убитые и раненые. Тут же забастовали на ткацкой фабрике Морозова, к ним присоединилось до 80 тыс. рабочих с предприятий Павловска, Обухова и Орехова. Беспорядки, охватившие почти 12 тыс. работниц в Богородске, продолжались в течение нескольких недель. В декабре про-

* Бехтерев С. Л. Эсеро-максималистское движение в Удмуртии. Ижевск, 1997. С. 41–42.

** См.: Кирьянов Ю. И. Указ. соч. С. 139.

*** См.: Энгл Б. Указ. соч. С. 152, 166; Gatrell P. Op. cit. P. 67, 72. По свидетельству А. В. Тырковой, в ноябре 1914 г. было широко известно, что «по всей России жены солдат сидят без казенной выдачи». См.: Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. С. 149.

**** Толстой И. И. Указ. соч. С. 539, 541.

довольственный бунт произошел в городе Каменный завод Пермской губернии. Все это становилось известно в армии^{*}.

В начале 1916 г. полицейские подтверждали, что бунты «устроены исключительно женщинами, преимущественно солдатками, и произошли только благодаря неимоверной алчности торговцев, поднявших цены на предметы первой необходимости», в первую очередь на сахар. Подобные случаи отмечались в Воронежской, Томской и Оренбургской губерниях, вовсе не бедных «своим» продовольствием^{**}. Однако дело было не просто в нехватке хлеба насущного. Священники сетовали, что «...жены солдат, которые так усердно молятся в храмах... вне храма... держат себя нахально, вызывающе», при этом «работать не желают, без конца требуют даровых пособий», а полученные пайки «тратят безрассудно: на модные кофточки, галоши, духи и помады»^{***}. Война не только разоряла, но и развращала.

Продовольственные бунты продолжились в 1916 г.: 14 и 16 февраля в Баку, в конце июня – в промышленной Кинешме Костромской губернии и в середине июля – в фабричном поселке Родники Костромской губернии. В июле солдатские жены устраивали самосуды над торговцами в Самаре, Екатеринославе, Нарве, Таганроге. Информация о десятках убитых и раненых растекалась по всей России и действующей армии^{****}.

3. Война и деревня

Привычное социальное недовольство деревни получило новые раздражители. Старые ценности сомкнулись с азартом военной добычи. Не случайно многие усомнились в энтузиазме призывников. Люди образованные радовались, что крестьяне добровольцами шли на фронт, порой отказываясь от медицинского освидетельствования^{*****}. Но подчас ими двигал отнюдь не патриотический порыв: добровольцы могли выбирать род войск. Были и более

^{*} См.: *Энгл Б.* Указ. соч. С. 148, 149, 157, 157, 160, 161; РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184.

^{**} См.: ГА РФ. Ф. ДП. 4 Д. 1916. Оп. 125. Д. 70. Ч. 3. Л. 1; *Сафонов Д. А.* Крестьянское движение на Южном Урале. 1855–1922 гг. Хроника и историография. Оренбург, 1999. С. 194.

^{***} *Булдаков В. П.* Первая мировая война и коллизии российских культурных иерархий // Вестник Тверского государственного университета. Серия История. 2012. № 1. С. 18.

^{****} См.: *Энгл Б.* Указ. соч. С. 148, 149, 157, 157, 160, 161; РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184.

^{*****} См.: *Волков-Муромцев Н. В.* Юность: От Вязьмы до Феодосии. (1902–1920). М., 1997. С. 90–91; *Головин Н.* Военные усилия России в мировой войне // Военная мысль в изгнании: Творчество русской военной эмиграции. М., 1999. С. 87.

прозаические причины. «Доброволец Раков пошел на войну, чтобы лошадь выручить: думал, что если сам пойдет, лошадь вернут, – отмечал в дневнике М. Пришвин. – И еще слышал, что добровольцу возле обоза можно пожить, и пошел»*. Вероятно, таких «проявлений патриотизма» было немало. Впрочем, в мемуарной литературе встречаются упоминания о том, что некоторые крестьяне западных губерний добровольцами шли на фронт**. Однако даже пропагандистская литература того времени о таких случаях умалчивает. Зато имеется другое свидетельство. Ф. Степун отмечал, что добровольцев из своей среды крестьяне презирали, считая их людьми, которые «ничего “настоящего” все равно делать не могут», так как оторвались «от того глубоко чтимого... священного, полезного и посильного им домашнего труда»***. И тот факт, что в большинстве своем крестьяне шли на призывные пункты скорее покорно, нежели с сознанием патриотического долга, вовсе не исключал, что они избавились от глубоко накопившегося социального недовольства.

Деревенское бунтарство стало наполнять собой городскую среду уже в ходе мобилизации. В Ишиме 4 тыс. запасных пытались захватить казарму и завладеть оружием. Вызванная рота солдат открыла по собравшимся на площади огонь****. 18 июля 1914 г. в Царицыне начались многотысячные патриотические демонстрации. Но 22 июля, когда город наводнили призывники-запасные из деревни с родственниками, ситуация изменилась. Многотысячная толпа женщин потребовала немедленной выдачи пособий на мужей, обвинив воинского начальника в их присвоении. Женщины, прорвавшись сквозь цепь солдат, избивали офицера и пристава. Вызванная команда дала два залпа в толпу. Погибло 20 человек (из них 7 женщин), 25 было ранено. Недовольство мобилизованных не ограничивалось «нерасторопными» властями. Некоторые из них готовы были примириться с судьбой при условии пересмотра арендных отношений с помещиками. Общинники, со своей стороны, направляли недовольство против поощряемых властями «выделенцев», причем первых зачастую представляли отцы, вторых – их сыновья****. 12 августа 1914 г. в с. Козловка Воронежской губернии 2-тысячная толпа женщин и подростков разгромила дома и хозяйства 23 хуторян*****.

Принято считать, что около $\frac{2}{3}$ июльских выступлений крестьян носили антипомещичий характер. «Шесть дней подряд проходили (новобранцы. – Ред.) мимо моей усадьбы и все шесть дней поджигали мое имение в разных ме-

* Пришвин М. М. Дневники 1914–1917. М., 1991. С. 85.

** Волков-Муромцев Н. В. Указ. соч. С. 90–91.

*** Степун Ф. Из писем прапорщика-артиллериста. М., 1918. С. 76.

**** Горюшкин Л. М., Ноздрин Г. А., Сагайдачный А. Н. Крестьянское движение в Сибири 1914–1917 гг. Новосибирск, 1987. С. 59.

***** Посадский А. В. Указ. соч. С. 70, 38, 41–42, 57, 61, 64, 98.

***** Беркевич А. Б. Указ. соч. С. 29.

стах», – сообщал помещик Чистопольского уезда Казанской губернии, подчеркивая, что «пострадали все по дороге лежащие усадьбы»^{*}. В Чембарском уезде Пензенской губернии крестьяне двух сел попытались сжечь усадьбу местной помещицы. По этому делу было арестовано 60 человек, а в общей сложности в этой губернии арестовали более 130 крестьян. В Новоградволинском и Житомирском уездах Волынской губернии крестьяне начали массовую порубку помещичьих лесов, оказывая сопротивление стражникам. Курский губернатор 13 августа 1914 г. доносил о массовых выступлениях против землеустроителей, грозящих «серьезными осложнениями»^{**}. Массовые порубки казенных и частновладельческих лесов были отмечены в Томской губернии^{***}. По неполным данным, с 17 июля по 31 декабря 1914 г. произошло 265 крестьянских выступлений^{****}. Их мотивация заметно усложнилась. Несомненно, неожиданная и непривычная экстремальная ситуация спровоцировала выплеск накопившегося социального недовольства не только в традиционных, но и в обращенных формах.

Крестьянское недовольство не случайно легко приобретало германофобскую окраску. Этому упорно содействовали правые политики. Одесское отделение Союза русского народа (к которому власти отнюдь не благоволили) в октябре 1914 г. ходатайствовало о наделении крестьян землей в Галиции, а также об изъятии земель у немецких колонистов. В декабре 1914 г. МВД отмечало, что «...злонамеренные лица возобновили среди крестьянства пропаганду о насильственном отобрании земель, принадлежащих удельному ведомству, монастырям, церквам и российским подданным немецкого происхождения, и о безвозмездной передаче их крестьянам, в особенности солдатам и их семьям по окончанию войны»^{*****}. Впрочем, сметливые землепашцы вряд ли нуждались в городских агитаторах. В декабре 1914 г. крестьяне Старицкого уезда Тверской губернии доносили о «прогерманских высказываниях» известного философа Е. В. де Роберти, местного земца и члена ЦК кадетской партии. За доносом стоял хозяйственный конфликт, который был развернут в «патриотическое» русло^{*****}.

Подчас патриотизм определялся тягой к «справедливости». В Тамбовской губернии говорили, что, «если победит Россия – земля будет от дворян-помещиков отобрана и отдана в надел крестьянам, так как они, главным обра-

* Беркевич А. Б. Указ. соч. С. 6–7.

** Минц И. И. Указ. соч. С. 332–333.

*** Горюшкин Л. М., Ноздрин Г. А., Сагайдачный А. Н. Указ. соч. С. 109, 111, 113.

**** Крестьянское движение в России в годы Первой мировой войны. Июль 1914 – февраль 1917 г.: Сб. док. М.; Л., 1965. С. 514.

***** ГА РФ. Ф. 1693. Оп. 1. Д. 72. Л. 19 об.

***** Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 56. Оп. 1. Д. 27898. Л. 3–3 об.

зом, являются защитниками Родины и победителями врага». При этом охотно подхватывались слухи об «измене» помещиков. «Местные землевладельцы – Кожины, Трубецкие, Толстые и другие, собирают между собой деньги и отсылают их в Германию для завоевания России...» – уверяли крестьяне*. Поветрие официального патриотизма вводило деревню в «соблазн». В прифронтовой полосе крестьяне, сговариваясь с интендантами, принимались усердно вырубать частновладельческий лес «для нужд действующей армии»**.

Впрочем, в целом недовольство деревни утихло – сказались отток молодежи в армию, сухой закон, выплаты солдаткам. Некоторые горожане завидовали крестьянам. «От войны большая часть русского народа, как это ни странно, в выгоде, – считал историк. – Крестьянство благоденствует от а) притока денег в деревню в виде пайков женам и детям запасных, б) от значительного (вдвое и втрое) возвышения заработной платы, с) уничтожения водки и пьянства»***. Но «благоденствовали» далеко не все. С. Н. Прокопович пояснял, что, несмотря на то что крестьяне в первый год войны получили пособия на 340 млн руб., а во второй – 585 млн, лишь крестьяне черноземной полосы, продающие хлеб, смогли накапливать деньги и распоряжаться ими по своему усмотрению. Напротив, на хозяйствах крестьян северных и промышленных губерний, вынужденных покупать хлеб и подрабатывать на стороне, рост цен на сельхозпродукты сказался отрицательно****. Так, в Архангельской губернии из-за недостатка кормов с весны 1915 г. пришлось резать скот*****. Скоро сказался и недостаток рабочих рук. Сообщали, что в Поволжье приостановилась уборка, а семьи, лишившись работников, не знают, как жить дальше******. В 1915 г. в Оренбургской губернии в большинстве корреспондентских сообщений (74 %) указывалось на нехватку рабочих рук как главную причину уменьшения площади яровых посевов*****. В подобном положении оказывалась значительная часть крестьян.

Агрессивность деревни во все большей степени стимулировалась извне. Так, в мае 1915 г. волна немецких погромов дошла до Подмоскovie. Крестьяне

* *Вронский О. Г.* Государственная власть России и крестьянская община в годы «великих потрясений» (1905–1917). М., 2000. С. 391.

** *Макаров Ю. В.* Служба в старой гвардии // Военно-исторический журнал. 2002. № 6. С. 56.

*** *Богословский М. М.* Указ. соч. С. 128.

**** *Прокопович С. Н.* Война и народное хозяйство. С. 135–136.

***** *Трошина Т. И.* Указ. соч. С. 94.

***** *Терешина Е. П.* Указ. соч. С. 21.

***** *Гришакова Л. В.* Влияние Первой мировой войны на состояние сельского хозяйства Оренбургской губернии // Аграрная модернизация России в XIX–XXI вв.: реформы, проблемы, перспективы. Оренбург, 2012. С. 174.

ташили из имений все нужное и ненужное, делали это жадно, опасаясь, что кому-то перепадет больше^{*}. Война пробуждала желание запастись впрок.

Но в целом в 1915 г. бунтарская активность деревни снизилась, сказался отток мужского населения в армию – было зафиксировано всего 117 выступлений. Однако в следующем году их число выросло до 294, увеличилось количество протестов против дороговизны^{**}. Выплаты пособий от нее не спасали.

Через год после начала войны в верхах стали задумываться о «возвращении ратников в деревню после войны». В связи с этим А. Д. Протопопов писал А. В. Кривошеину, что крестьяне заглядываются не только на немецкое землевладение, но и на частновладельческие угодья; следовательно, «потенциальная энергия» недовольства «может превратиться в кинетическую»^{***}. Так и было. Из Тамбовской губернии сообщали: «Между крестьянами... выселившимися из общины на отрубные участки, распространялись слухи, что по окончанию войны купленная ими... земля будет у них отобрана и разделена между всеми крестьянами...» Множились слухи об «измене» помещиков, которых выселяют в Сибирь, а их землю распределят – но только среди общинников^{****}. В мае 1915 г. из Киевской губернии сообщали о нападении в с. Кухарская слобода 150 человек, вооруженных кольями, на местного пристава, двух урядников и полицейских стражников, пытавшихся отстоять помещичье имение. Толпа была рассеяна выстрелами, одна крестьянка ранена. Курский губернатор доносил, что в марте он арестовал 41 крестьянина за самовольную запашку в Обоянском уезде, в мае сообщил, что в Фатежском уезде около 800 крестьянок с детьми и подростками потребовали прекращения землеустроительных работ, причем здесь в ответ на предупредительные выстрелы толпа забросала стражу камнями. Из Орла телеграфировали о выступлениях жен запасных, также добивавшихся приостановки землеустройства до возвращения мужей из армии. В апреле–мае 1915 г. произошло 10 крупных выступлений крестьян в Харьковской губернии. В Донской области крестьяне под влиянием писем с фронта распахали 12 тыс. десятин земли, принадлежащих помещику Шабальскому^{*****}. Причины дестабилизации деревни множились.

В 1915 г. участились выступления общинников против отрубников и хуторян. В с. Нижняя Сыроватка (Харьковская губерния) двухтысячная толпа

^{*} *Добровейн М.* На рубеже двух эпох. Автобиографические записки. М., 2001. С. 87–89.

^{**} См.: Крестьянское движение в России в годы Первой мировой войны. С. 514, 499–511.

^{***} Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн. 5. СПб., 1994. С. 48–49.

^{****} *Вронский О. Г.* Указ. соч. С. 391.

^{*****} *Шестаков А. В.* Очерки по сельскому хозяйству и крестьянскому движению в годы войны, перед октябрём 1917 г. Л., 1927. С. 110.

убила двух хуторян, захватила помещение волостного правления, обезоружила отряд полиции, прогнала исправника. Здесь было арестовано 34 бунтаря. В Лукояновском уезде Нижегородской губернии в апреле 1915 г. толпа в 300 человек разгромила 14 домов хуторян^{*}. Правительство отказалось от землеустроительных работ, опасаясь «обострить взаимные отношения крестьян». Это не помогло. Весной 1915 г. в выступлениях против хуторян и отрубников особо активизировались женщины-солдатки^{**}.

Местные правые деятели связывали деревенское бунтарство с земством. В декабре 1915 г. из Тамбовской губернии поступило характерное сообщение: «...Земство пустило глубокие корни в крестьянскую жизнь... Революция при создавшемся положении и подготовке со стороны земства весьма возможна...»^{***} Взаимная подозрительность политиков усиливалась. Это также сказывалось на крестьянстве.

С осени 1915 г. в деревне острее ощутили нехватку рабочей силы. В верхи поступала масса жалоб на беженцев, заполонивших прифронтовые губернии (Витебская, Смоленская, Минская, Псковская), среди которых было слишком много голодных женщин и детей. Все больше крестьяне страдали от растущих цен на керосин, соль, сахар. В ряде промышленных губерний стала ощущаться нехватка продовольствия. Недовольство вызывали «бесконечные» мобилизации (в частности, ратников второго разряда), а также призывы белобилетников «без разбора». Раздражали и реквизиции скота, переписи населения, окопные работы. Многие крестьяне за нехваткой рабочих рук и реквизицией лошадей оставляли поля необработанными. Трудовые мобилизации сопровождались несправедливыми, как считали крестьяне, действиями полиции, подкупом, злоупотреблениями. Еще более возмущали задержки выплат пособий семьям солдат, или их уменьшение, невыдача вкладов из сберкасс в полном размере. Накапливались социально девиантные проблемы: «разврат» солдаток, молодежное хулиганство. Обнаружилось падение авторитета священников и, напротив, усиление влияния учителей, симпатизировавших левым партиям^{****}. Все это сказывалось на умонастроениях солдат.

За годы войны у крестьян было реквизировано 2,6 млн руб. Появившиеся «лишние» деньги использовать для расширения производства не удавалось^{*****}. Казалось, крестьяне могли пользоваться трудом военнопленных. Увы, поскольку они не могли обеспечить их охрану, власти предпочитали на-

* Шестаков А. В. Очерки по сельскому хозяйству и крестьянскому движению в годы войны, перед октябрем 1917 г. С. 114.

** Вронский О. Г. Указ. соч. С. 393–397.

*** Минувшее. 1993. Т. 14. С. 178.

**** См.: Букалова С. В. Указ. соч. 44, 45, 53; Gatrell P. Op. cit. P. 72–77; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 98; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 54, 119, 168–168 об.

***** Аграрная революция. Т. IV. М., 1928. С. 46.

правлять их в помещичьи хозяйства*. Но наибольшее возмущение вызвала введенная в конце 1916 г. продовольственная разверстка – ее, по мнению крестьян, организовали помещики, засевшие в земстве, начальство и ненавистная полиция. И хотя власти подвергли насильственным реквизициям хлебных запасов только помещиков, крестьяне отказывались продавать зерно государству. Задания по снабжению гражданского населения были выполнены в январе 1917 г. на 20 %, в феврале – на 30 %**. Локальное и потому не всегда заметное «сверху» крестьянское недовольство сыграло едва ли не решающую роль в развертывании системного кризиса.

Впрочем, по-крестьянски бунтовали на предприятиях, расположенных в сельской местности или в городах, наполнявшихся отходниками. Особенно отличались солдатки. В сущности, все «хлебные бунты», «женские волнения» питались недовольством деревни, так или иначе отчуждавшейся от города и его культуры. Весной 1915 г. именно «феминизированный» тип волнений распространился по всей империи. В связи с этим солдаты и казаки (в отличие от полиции) все менее решались применять оружие. Возрастало влияние женщин и на сельских сходах. Активно апеллировали работницы и солдатки к солдатам, рассчитывая на их защиту от властей, и особенно полиции. Деревня, как и город, обретала «внутреннего врага» – более близкого, чем враг внешний***.

В начале 1916 г. в военных кругах утвердилось представление, что «после войны возникнет революция или по меньшей мере беспорядки»****. Опасения были резонными, факторы, их провоцировавшие, множились. В газетах писали: «Война вызвала на сцену и особого рода дельцов, которые, пользуясь легковерием крестьянской массы, открыли поход на ее карманы. Явились ворожеи и предсказатели»*****. Страхи множились.

Началось возвращение в общину – даже ее идейных противников из числа передовых крестьян. Тон задавали женщины. Если перед войной до трети крестьянских хозяйств были частновладельческими, то через четыре года таковых осталось менее 2 %*****. Человек традиционного общества всегда

* Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973. С. 452.

** См.: Анфимов А. М. Земельная аренда в России в начале XX века. М., 1961. С. 268; Китанина Т. М. Война, хлеб, революция. Продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917 г. Л., 1985. С. 218; Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 288.

*** См.: Кирьянов Ю. И. Указ. соч. С. 133; Энгл Б. Указ. соч. С. 162, 165–166, 170; Gatrell P. Op. cit. P. 73, 80.

**** Толстой И. И. Указ. соч. С. 685.

***** В дни войны. Вестник воронежских организаций военного времени. 1916. № 1. 3 июля. С. 45.

***** Figes O. A People's Tragedy. The Russian Revolution, 1891–1924. London, 1996. P. 363.

ориентировался на старый коллективный опыт. В условиях растущих надежд на помощь «общества» существование отрубников и хуторян все более раздражало. Отсюда растущий натиск на этот так и не консолидировавшийся социальный слой¹.

Некоторые крестьянские выступления оказывались масштабными. В мае 1916 г. в ряде сел Енисейской губернии толпы крестьян, доходящие до 2 тыс., разгромили лавки; солдатки со своей стороны нападали на торговцев². В селе Нижний Мамон (Воронежская губерния) многотысячное крестьянское выступление продолжалось с 5 до 11 мая 1916 г. Его застрельщиками явились новобранцы, особый гнев вызывали хуторяне, которых насильно возвращали в общину. 14–15 мая разгромы хуторян начались в соседних селах. Для подавления выступления прибыл губернатор с двумя эскадронами драгун. В селе Оброчном (Пензенская губерния) толпа из 300 крестьян разгромила дома выделенцев³.

К этому времени усилился возрастной «раскол» деревни. Начальник Саратовского ГЖУ отмечал: «Старики, люди спокойные, в большинстве религиозные, по своим убеждениям – монархисты, вторые, люди среднего возраста, участники аграрного движения в 1905–1906 гг. 3-я часть – молодежь, в большинстве просто развращенные, хулиганствующие люди, не признающие никаких авторитетов»⁴. Удивляться не приходится: до крестьян доходили даже слухи о том, что Распутин – ставленник евреев⁵.

В июне 1916 г. тульский губернатор А. Тройницкий обращал внимание МВД на возможность «новой страшной революции», подчеркивая, что крестьянство будет той картой, на которую поставят левые партии. «Я опасюсь, что возникнет революция, несравненно ужаснее 1905–1906 гг., которую нельзя будет подавить правительству... Если удастся справиться с волнениями среди рабочих, то едва ли это возможно среди сельского населения... Беспорядки коснутся не только помещичьих земель, но и земель крестьянских, купленных ими в собственность, и хуторов... Русский крестьянин жаден до земли, ненасытно жаден и... уже с прошлого года в деревне пошли слухи... что по оконча-

¹ Хитрина Н. Е. Конец столыпинской аграрной реформы (1917 г.) // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. М., 1999. С. 67–70; Сафонов Д. А. Крестьянское движение на Южном Урале. 1855–1922 гг. Хроника и историография. С. 197, 209, 215.

² Горюшкин Л. М., Ноздрин Г. А., Сагайдачный А. Н. Указ. соч. С. 66, 119.

³ Минц И. И. Указ. соч. С. 341.

⁴ Цит. по: Карнишин В. Ю. Прелюдия Февраля: Влияние Первой мировой войны на массовые настроения провинциального общества // Февральская революция и судьбы демократии в России. Ставрополь, 1997. С. 44–45.

⁵ Сухова О. А. Десять мифов крестьянского сознания. Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008. С. 414.

нии войны солдатам будет нарезка земли то в Галиции, то из немецких земель в России, то из казенных земель... Слухи эти шли из армии»^{*}.

В 1916 г. выявился еще один источник недовольства. Комиссия по военным сухопутным и морским делам исключила из списка лиц, имеющих право на пособия, «внебрачных жен». Как известно, крестьяне-отходники нередко заводили в городе «вторые» семьи. Теперь «незаконные» солдатки с детьми лишались привычных средств к существованию. Последовала эскалация «бабьих бунтов». В начале июня 1916 г. погромами, связанными с дороговизной, был охвачен ряд кубанских станиц, причем активное участие в беспорядках принимали солдатки – притом вовсе не из бедных. В июле на Дону взбунтовавшиеся жены казаков громили продовольственные лавки и рвали при этом царские портреты^{**}. В 1916 г. только в Сибири было отмечено 14 поджогов богатых односельчан^{***}. Нечто подобное происходило и в других регионах. Начальник Воронежского ГЖУ сообщал: «На местах циркулируют слухи, будто бы солдаты действующей армии... присылают домой письма, убеждая баб бунтовать, так как это заставит отпустить солдат по домам»^{****}.

В письмах на фронт женская эмоциональность готова была прорваться через цензурные рогатки. Казачка М. Ф. Дуванова писала находящемуся в плену мужу (текст был помещен между двумя склеенными почтовыми карточками): «...Говорят, что после войны, кто сдался без боя, тому полевой суд... Прошу тебя... когда кончится война, так прибери меня туда (в Германию)... У нас Россия почти гола и голодна... хлеба почти нет», а «наш Николка» воевать не умеет, «ума нима», из-за него «только люди пропадают»^{*****}.

Беды, реальные и мнимые, сливались воедино. Из Тамбова сообщали о злключениях солдаток, у которых за недоимки сельскими властями изымались самовары (за них, однако, вступались квартирующие по домам нижние чины)^{*****}. Осенью 1916 г. цензура называла письма из тыла сплошным «воплем о дороговизне»; появились призывы «расправиться после войны» с «домашними мародерами». Количество бодрых писем с той и другой стороны неуклонно снижалось. Цензоры зафиксировали, что число «унылых» посланий в армию вдвое выше, чем с фронта. В сентябре 1916 отмечалось озлобление в связи с пассивностью властей в борьбе со спекуляцией, потакании поме-

* *Вронский О. Г.* Указ. соч. С. 391, 398.

** *Engel B. A.* Not by Bread Alone: Subsistence Riots in Russia During World War I // *Journal of Modern History.* 1997. Vol. 69. P. 712–716.

*** *Горюшкин Л. М., Ноздрин Г. А., Сагайдачный А. Н.* Указ. соч. С. 118–121.

**** *Земцов Б. Н.* Революция 1917 г.: социальные предпосылки. М., 1999. С. 207–208.

***** *Морозова О. М.* Цари, казаки, красные командиры... Семь очерков в жанре историко-психологического портрета. Ростов-на-Дону, 2010. С. 139.

***** *Шестаков А. В.* Указ. соч. С. 107–108.

щикам, купцам, колонистам и торговцам, придерживающим товары^{*}. В конце года возникли волнения, вызванные решением правительства реквизировать хлебные запасы сельских обществ^{**}.

В октябре 1916 г. в письмах на фронт усилились угрозы в адрес «внутренних врагов», отмечалось желание самим «взяться за внутреннее устройство» после войны. Армия была завалена сообщениями о столкновениях с полицией и об отказах казаков применять оружие против бунтовщиков. Кое-кто прямо утверждал, что «враги наши – это капиталисты, которые... у нас в тылу... под шум войны... зарабатывают миллионы... а наша административная власть идет с ними рука об руку». Все чаще звучало желание скорейшего мира. Фиксировалось «сильное озлобление против недобросовестности торговцев и отсутствия в продовольственном деле какого-либо определенного плана», распространялись слухи о бунтах в городах с требованием окончить войну. В деревне муссировались слухи об «измене в верхах» и вместе с тем о «живом интересе и сочувствии к Государственной думе». Множилось число сообщений о волнениях на «продовольственной почве» в Гомеле, Кременчуге, Екатеринодаре, Петрограде, Харькове, Чернигове^{***}.

Армия по-своему реагировала на события в тылу. В октябре 1916 г. в Гомеле произошло столкновение солдат и матросов с полицией. Было расстреляно 11 бунтовщиков. В декабре на Северном фронте казнили несколько десятков нижних чинов, отказавшихся идти в наступление^{****}. В том и другом случае солдаты, подобно гражданским лицам, выражали недовольство полицией и условиями «труда».

Смущали солдат и молодые офицеры-интеллигенты. Если верить воспоминаниям солдат «царской» армии, то некоторые прапорщики в октябре 1916 г. в тылу (Егорьевск, Рязанской губ.) на нелегальных собраниях рабочих и солдат делали доклады на тему «Состояние фронта и что делать в тылу»^{*****}. Другие младшие офицеры из крестьян, будучи шокированы «антинародны-

* См.: *Асташов А. Б.* Указ. соч. С. 82–83, 84; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 281; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 477 об.; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 195 об.–196, 260, 273, 283 об., 292.

** *Анфимов А. М.* Российская деревня в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М., 1962. С. 354.

*** См.: РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 299 об., 300, 304–305, 318 об.–319, 326, 326 об., 336, 350, 336 об.–337 об., 349, 359–360 об.; Д. 905. Л. 8, 16, 23 об., 26, 28, 28 об.

**** См.: *Ахун М. И., Петров В. А.* Царская армия в годы империалистической войны. М., 1929. С. 100; *Казиков М. И.* Солдатский бунт // Вопросы истории. 1973. № 4. С. 208–209.

***** Тверской центр документации новейшей истории (ТЦДНИ). Ф. 114. Оп. 2. Д. 178 а. Л. 20.

ми» и «антиинтеллигентскими» настроениями старших офицеров, сами начинали генерировать протестные настроения в армейской среде*.

Давний конфликт между «городской» (модернизирующейся) и «сельской» (традиционной) культурами не мог не проявить себя. Новые социальные стрессы стали придавать ему антивоенную и антиправительственную направленность. В общем, нечто подобное отмечалось и в других воюющих странах. «Крупные города, продовольственное снабжение которых зависело от сельской местности, и сельская местность, сама обеспечивавшая себя продовольствием, относились друг к другу недоверчиво, порой даже враждебно», – заключает немецкий исследователь**. Но стоит отметить существенную разницу: в Германии взаимное недовольство выплеснулось только тогда, когда война была проиграна и, соответственно, разорвались скрепы легитимности, связывающие различные слои общества. В России «закон» перестал играть сдерживающую роль куда ранее, если только он когда-либо вообще в полной мере выполнял свою функцию. Его слишком часто заменяло насилие, кажущееся совершенно непонятым и неоправданным в глазах традиционных низов. И потому ситуация была чревата масштабной смутой при всяком ослаблении власти с ее «непонятыми» законами.

В апреле 1916 г. историк М. Богословский записывал в дневнике: «У нас может быть только смена хотя какого-либо теперь существующего порядка – беспорядком, анархией или, лучше сказать, смена меньшего беспорядка большим. Где у нас тот общественный класс, который выносил бы в себе предварительно какой-нибудь новый порядок вроде третьего сословия в 1789 г.?»*** Впрочем, дело было не просто в отсутствии третьего сословия и неуважении к закону. Искусственно консервируемая патерналистская политическая культура, отсутствие необходимого минимума гражданской солидарности – все это приводило к тому, что в критических обстоятельствах всякий массовый протест стихийно оборачивался против «не оправдавшей доверия» власти.

4. Нестабильность окраин

Вопреки надеждам на долгожданное единство народов России, война обострила межэтническую ситуацию. Введение 20 июля 1914 г. военного положения в прибалтийских губерниях отнюдь не помогало. Имперским властям

* ГА РФ. Ф. 9503. Оп. 1. Д. 43. Л. 26.

** *Залевски М.* Немецкое общество и начало Первой мировой войны // *Война и общество в XX веке: В 3 кн. Кн. 1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны.* М., 2008. С. 412.

*** *Богословский М. М.* Указ. соч. С. 176.

пришлось сдерживать рост антинемецких настроений среди латышей и эстонцев*. В ответ последовали огульные обвинения в адрес русских «покровителей немцев»**.

«Патриоты» требовали ликвидации немецкого землевладения, принятый в феврале 1915 г. закон о его ограничении показался «прогерманским». Думская комиссия по самоуправлению в марте 1916 г. отказалась включить законопроект о земской реформе в Прибалтике в повестку дня, мотивируя это опасением усиления латышского и эстонского влияния и ослаблением в крае «русских государственных начал»***. Власти терялись, что соответственно накаляло обстановку.

В других регионах объектами травли становились немецкие колонисты. Из Саратовской губернии сообщали: «...Все крестьяне считают их... (колонистов. – *Ред.*) врагами»****. Плоды антинемецкой кампании сказались и в Закавказье*****. Строго говоря, за этническим фасадом конфликта здесь, как и в других регионах, таились аграрные противоречия. Так, на Дальнем Востоке с февраля 1915 г. стали поступать жалобы на «очень большие злоупотребления уполномоченных от старожилых волостей (составленных из первой волны переселенцев. – *Ред.*) при приемке сдаваемого зерна»*****. Крестьянский мир не столько страдал от непосредственных социальных последствий войны, сколько озлоблялся против власти, ужесточившей положение своими нерасторопными действиями.

Депортации «подозрительного» окраинного населения также усиливали напряженности во внутренних областях империи. Немцев депортировали в Саратовскую, Симбирскую и Уфимскую губернии, а с 16 июля 1915 г. – в

* *Нелитович С. Г.* Роль военного руководства России в «немецком вопросе» в годы Первой мировой войны // *Российские немцы: Проблемы истории, языка и современного положения.* М., 1996. С. 266.

** *Джунковский В. Ф.* Воспоминания. Т. 2. М., 1997. С. 415–416.

*** См.: *Проблемы Великой России.* 1916. № 11. С. 8; *Карьяхарм Т.* Совет министров царской России о прибалтийском земстве в 1916 г. // *Германия и Прибалтика.* Рига, 1988. Вып. 9. С. 50; *Дякин В. С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX в.). СПб., 1998. С. 327–333.

**** *Семенова Е. Ю.* Указ. соч. С. 30.

***** См.: *Чернова-Дёке Т. Н.* Немецкие поселения на периферии Российской империи. Кавказ: взгляд сквозь столетие (1818–1917). (К 190-летию основания немецких колоний). М., 2008. С. 126–127; *Зейналова С.* Немецкие колонии в Азербайджане (1819–1941 гг.). Баку, 2002. С. 91.

***** Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 702. Оп. 1. Д. 1025. Л. 34–37.

Тургайскую область и Енисейскую губернию. Продолжала разрабатываться система мер против германской собственности^{*}.

Во внутренние губернии и в Сибирь отправились также тысячи венгерских, польских, литовских, болгарских и еврейских семей, проживавших в пограничных областях и в Одесском, Двинском, Минском и Киевском военных округах. Поголовно выселялись целые еврейские селения^{**}. В порыве административного усердия из сел Приамурской губернии в Якутскую область выселялись турецкие подданные, Владивосток очищался от китайцев, как «порочных иностранцев»^{***}. Все это походило на установку мин замедленного действия по окраинам империи.

Казалось, теперь привычным «сепаратистам» не стоит уделять большого внимания. В июле 1915 г. полицейские чины признавали, что «украинское движение не захватывает широких масс и в рабочем классе не отмечается» (что не приостановило репрессий против мнимых «самостийников»)****. Но в то же время от крестьян-украинцев последовали доносы на помещиков-поляков и галицийцев, якобы тепло принимавших австрийских солдат и выдававших им русских раненых. Сходная информация поступала и от евреев. В сентябре 1914 г. евреи принялись доносить на «шпионов»-поляков, поляки в ответ обвиняли евреев*****.

Особые проблемы возникли в связи с оккупацией Галиции. В «патриотической» печати писали о задаче «полного национального объединения русского народа»*****, хотя симпатии к России сохраняли лишь «москвофильски настроенные» закарпатские русины*****. А депортация из Галиции сомнительных в политическом и конфессиональном отношении лиц усугубила ситуацию внутри империи*****.

Война требовала не только новых солдат, но и рабочей силы. К 1916 г. не подлежали призыву инородцы Сибири, Средней Азии, а также русские переселенцы в те же регионы. Военные утверждали, что последних нужно призвать ради подготовки к самообороне на случай бунтов туземцев, а инородцев – ис-

* См.: *Fleischhauer I.* Die Deuschen im Zarenreich. Zwei Jahrhunderte deutsch-russischer Kulturgemeinschaft. Stuttgart, 1986. S. 479–521.

** *Гольдштейн А.* Среди еврейства (1905–1917). Пг., 1918. С. 192–193.

*** РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 274. Л. 124; Д. 810. Л. 4, 8. Возможно, китайцев выслали как содержателей притонов.

**** *Булдаков В. П.* Хаос и этнос. С. 105–106.

***** Там же. С. 41; Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. С. 147.

***** *Кораблев В.* Червонная Русь // Славянские известия. 1914. № 13. С. 196.

***** *Magocsi P. R.* The Shaping of National Identity. Subcarpathian Rus'. 1848–1948. Cambridge (Mass.), L., 1978. P. 73, 275.

***** *Булдаков В. П.* Хаос и этнос. С. 46–47.

пользовать в армии, чтобы «приобщить их к русской государственности». Намеревались использовать и кавказских мусульман.

Попытка направить северокавказских горцев на тыловые работы обернулась вооруженными выступлениями в кабардинских, чеченских и ингушских селах. Так, летом 1916 года с оружием в руках выступили 4 тыс. горцев из села Аксай Хасавюртовского округа и от всех аулов Караногайского приставства*. Последовали карательные действия и безуспешные попытки разоружения кавказцев**.

Призыв закавказских мусульман для работы в ближнем тылу вызвал брожение в Тифлисской и Эриванской губерниях, причем мусульмане Елизаветпольской губернии грозили эмигрировать в Персию или скрываться в горах, т. е. превратиться в абреков. Отказ от явки на призывные пункты они мотивировали угрозой материального разорения, а также опасениями, что их женщины подвергнутся насилию со стороны армян. Между тем продовольственная ситуация в крае усложнилась в связи с наплывом беженцев-армян из Турции, а формирование армянских добровольческих отрядов обострило армяно-азербайджанские и армяно-грузинские отношения***. Уровень напряженности в Закавказье был таков, что только здесь количество стачечников за первые два месяца 1917 г. превысило соответствующий показатель за все предшествовавшие годы****.

Наиболее трагичным результатом мобилизационной политики стали события в Средней Азии и Казахстане. В начале июля 1916 г. в разгар полевых работ, во время мусульманского поста был обнародован указ о мобилизации инородческого населения в возрасте от 19 до 43 лет, причем соответствующие разъяснения не были сделаны. Туземцы решили, что им предстоит заняться рытьем окопов под прицелом неприятеля. К тому же продовольственная ситуация в крае была такова, что семьи «тыловиков» были обречены на голод уже в текущем году. Восстание, начавшееся в Ходженте 4 июля 1916 г., 10 августа перекинулось в Семиреченскую область. Значительная часть киргизов (казахов), узнав о мобилизации, двинулась за кордон. На пути их следования в Китай оказались русские селения, которые были разорены*****.

В результате мобилизации в крае с сентября 1916 г. по март 1917 г. на запад было отправлено лишь 123 305 рабочих-тыловиков. Военные признали, что от

* Суханова Н. И. Утверждение большевизма на Северном Кавказе в годы революции и Гражданской войны // Гражданская война в России (1917–1922 гг.): Взгляд сквозь десятилетия. Самара, 2009. С. 387.

** История народов Северного Кавказа (конец XVII – 1917 г.). М., 1988. С. 560.

*** Булдаков В. П. Хаос и этнос. С. 105–106, 66.

**** Кирьянов Ю. И. Указ. соч. С. 21.

***** Булдаков В. П. Хаос и этнос. С. 189–190.

них мало проку: многие не умели работать лопатой и топором; для них требовалась особая пища, муллы, переводчики^{*}.

Восстание пришлось подавлять А. Н. Куропаткину, некогда участвовавшему в завоевании Средней Азии. Помимо «суровой казни главарей» он предложил отобрать у коренного населения все земли, «где была пролита русская кровь». Впрочем, генерал был против излишних жестокостей, чего нельзя сказать о его подчиненных: согласно предписанию губернатора Семиреченской области, мужское население Атекинской и Сарыбагышской волостей подлежало поголовному уничтожению^{**}.

Последствия восстания были ужасны: по официальным данным, было убито 2325, без вести пропало 1384 европейца (т. е. этнических русских, украинцев и т. д., в основном женщин); разоренными оказались почти 10 тыс. хозяйств, из них сожжено 2315. Случаи обоюдной жестокости поражают. В Пржевальском уезде было убито до 2000 переселенцев-мужчин, уведено в плен около 1 тыс. человек, преимущественно женщин. Со своей стороны, казачий хорунжий фон Берг уничтожил 900 повстанцев, станичный атаман Бедерев возглавил самосуд над 90 беззащитными узбекскими купцами и членами их семей. У Шамсинского перевала отрядом казаков было расстреляно 1,5 тыс. киргизов, в основном женщин, стариков, детей. До 300 тыс. казахов и киргизов бежали в Китай. К октябрю 1916 г. сопротивление мятежников было сломлено. Ходили слухи, как обычно преувеличенные, что часть восставших кишлаков сравнивали с землей, поголовно вырезая всех жителей. Русские войска потеряли убитыми 3 офицера и 184 нижних чина^{***}. Некоторые исследователи считают, что погибло свыше 100 тыс. казахов и киргизов^{****} (что выглядит преувеличением даже с учетом тех жертв, которые понесли кочевники в результате последующего голода в Китае, куда они поспешно бежали, и по возвращении в Россию в 1917 г.).

Война привела к обострению ситуации даже в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве. Распространились слухи, что русские армии терпят поражение, упал авторитет «белого царя». В Хиве в ходе конфликта между оседлыми узбеками и кочевниками-туркменами пострадало русское население. К апрелю 1916 г. особая карательная экспедиция подавила беспорядки; коренному населению предстояло выплачивать контрибуцию и возместить ущерб жителям^{*****}. Но полностью стабилизировать ситуацию так и не удалось. Последствия сказались позднее.

^{*} См.: Ковалев П. А. Тыловые рабочие Туркестана в годы Первой мировой войны. Ташкент, 1957.

^{**} ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 764. Л. 13 об.

^{***} Булдаков В. П. Хаос и этнос. С. 132–134.

^{****} Каттелер А. Россия – многонациональная империя. М., 1997. С. 260.

^{*****} Булдаков В. П. Хаос и этнос. С. 135–136.

Как видим, несмотря на многообразие, разнонаправленность и растущую масштабность социальных конфликтов 1914–1916 гг., в обычных условиях империя вполне могла бы их «переварить», но в период войны это становилось почти невозможным. Надежды на войну, как последнее средство «освобождения», уступили место отчаянию. В такой ситуации любая резкая подвижка в потерявшей доверие власти воспринималась как шанс на спасение.

* * *

Еще в 1908 г. публицист, член партии кадетов А. С. Изгоев писал, что история «показывает, что победа революции всегда обуславливалась слабостью защиты, а не силой нападения»*. Иными словами, революция – это, прежде всего, не стихия массового недовольства, а «диагноз» власти, не способной адекватно отвечать на вызовы времени.

Первая мировая война способствовала дезорганизации и так далеко не всегда эффективной и во многом архаичной системы управления. Сотканная из противоречий политическая система генерировала новые конфликты и новые противоречия. «Многоголовое» правительство не всегда могло координировать деятельность своих сотрудников. Не имея определенного вектора политики, оно проводило весьма двусмысленный курс в отношении представительных учреждений, способствуя раздражению в их среде и невольно упрочивая положение думской оппозиции. В том числе и в силу всех выше названных причин верховная же власть неуклонно утрачивала остатки своего бывшего авторитета. При этих обстоятельствах проявления национального или социального недовольства становились мало контролируруемыми и приобретали новые масштабы. Правительству приходилось иметь дело с массовыми движениями, чья агрессия лишь нарастала. Чем меньшую эффективность демонстрировали государственные учреждения, тем сильнее давали о себе знать стихийные проявления социального недовольства. «Пожары», вспыхивавшие все чаще, тушить становилось сложнее.

* Изгоев А. С. Большевистские дурачки и умники // Русская мысль. 1908. № 6. С. 193.

Часть VII ОТ ВОЙНЫ К РЕВОЛЮЦИИ

Глава 1. ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

1. Война в столице империи (А. Б. Асташов, В. П. Булдаков)

Положение дел в столице в концентрированном виде отражало ситуацию в стране. Империя психологически не выдерживала войны на истощение. Несмотря на просьбы предпринимателей, правительство не отказалось от увеличения численности армии за счет призывников из центра России и не согласилось на возвращение на заводы квалифицированных рабочих. В начале февраля генерал В. И. Гурко отмечал: «Могучая артиллерия и технические средства, хотя бы такие же, как у наших противников, весьма понизили бы наши потери, но о подобном уравнении... не приходится и думать»^{*}. Позиция армейских верхов по-своему улавливалась в солдатских низах.

Все большее значение приобретали слухи о недостатке хлеба в городах. Символично, что в Москве 9 января 1917 г. «разгромили булочную Филиппова на Тверской». Говорили, что «будто бы 2-е убитых»^{**}. На положении с продовольствием сказывались транспортные проблемы. За месяц с 15 января до 15 февраля в столице запасы муки уменьшились вдвое. 13 февраля градоначальник А. П. Балк сообщал, что подвоз муки в 12 раз ниже дневной нормы^{***}. В некоторых «хвостах» пересказывали слухи о том, что правительство собирается на несколько дней прекратить продажу хлеба, чтобы сосчитать оставшиеся запасы^{****}. Так было не только в Петрограде. 4 февраля 1917 г. в Одессе говорили, что «скоро не будет муки, нет керосина уже более недели». Политика властей

^{*} Гаврилов Л. М., Кутузов В. В. Истощение людских резервов русской армии в 1917 г. // Первая мировая война. 1914–1918. М., 1968. С. 154–155.

^{**} Алексей Васильевич Орешников. Дневник. 1915–1933. Кн. 1. М., 2010. С. 101.

^{***} См.: Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны. 1914–1917. Л., 1967. С. 314; Февральская революция 1917 года: Сб. док-в и материалов. М., 1996. С. 43, 48.

^{****} Ломоносов Ю. В. Воспоминания о мартовской революции 1917 года. М., 1994. С. 221.

казалась самоубийственной: «Право, казна сама ведет к бунту... Вкрадывается подозрение, что нарочно это устраивают, что администрация наша в большинстве продажна и сама спекулирует... ей нет дела до населения»^{*}.

Напряжение нарастало не только в городской среде. В Пермской губернии была отмечена «пропаганда против сдачи хлеба для армии» – ее вели солдаты-отпускники и зажиточные крестьяне. При этом утверждалось, что «земство, отбирая хлеб у крестьян по твердой цене, перепродает его по повышенным ценам»^{**}. В январе 1917 г. в ряде сел Томской губернии крестьяне воспротивились реквизициям хлеба^{***}. К концу января армия располагала хлебными запасами на 13–30 дней. Разверстка не выполнялась^{****}. Города встали перед угрозой голода.

Во фронтовой полосе (особенно на ближайшем к столице Северном фронте) усилились мародерство и грабежи мирного населения. «Армия заболела, и к 1917 году болезнь эта стала безнадежной», – признавал военный следователь^{*****}. В январе отказались идти в наступление солдаты 408-го пехотного Кузнецкого полка, некоторые части 102-й пехотной дивизии. 18 января один из батальонов Одоевского полка 56-й дивизии 34-го корпуса на Юго-Западном фронте отказался выйти на позицию. Ситуация отражала типичные беды всей армии: неправильно выстроенную оборонительную линию пытались исправить за счет плохо подготовленных и потому кровопролитных атак. Чрезмерные потери (до 90 % состава), плохое питание, изматывающие окопные работы, «дурное» пополнение – все это возмущало нижних чинов. Людями, призванными защищать Отечество, теперь двигали отчаяние и ненависть. Поражает поведение пятерых приговоренных к расстрелу солдат: они просили не привязывать их к столбам, заявляя при этом, что умирают «за общее дело»^{*****}.

Кое-где солдаты были настроены иначе. Генерал Снесарев на основании цензурных донесений из 8-й армии в середине февраля сообщал, что в отличие от тыла действующая армия готова воевать до победы; работой артиллерии, начальством, снаряжением и довольствием солдаты довольны. Отмечались,

^{*} Цит. по: Охранка предупреждала: «Мы накануне голодного дня, за которым последует голодный бунт». Публ. Ю. И. Кирьянова // Родина. 1999. № 11. С. 21.

^{**} Цит. по: *Поршнева О. С.* Социальное поведение российского крестьянства в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.) // Социальная история. Ежегодник, 2000. М., 2000. С. 82.

^{***} *Горюшкин Л. М., Ноздрин Г. А., Сагайдачный А. Н.* Крестьянское движение в Сибири 1914–1917 гг. Новосибирск, 1987. С. 122.

^{****} *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России... С. 492–493.

^{*****} *Раухах Р. Р. фон.* Указ. соч. С. 174.

^{*****} *Ахун М. И., Петров В. А.* Царская армия в годы империалистической войны. М., 1929. С. 117; РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 10–12, 156; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 252, 347 об.

правда, случаи пьянства, недовольства солдат продрозверсткой. Но в ближнем тылу настроение было другое: война надоела, но на скорый мир уже не надеялись*.

Тем временем правительство наращивало людские резервы для победоносного окончания, как казалось, войны. Резко увеличился состав тыловых гарнизонов за счет призывников. Если на 8 февраля 1917 г. в запасных пехотных полках внутренних округов России насчитывалось 1855 тыс. человек, из которых могло быть направлено на фронт 878, 1 тыс., то через месяц их численность составила 2161, 6 тыс., из которых предстояло отправить на фронт 1163, 7 тыс. При этом в запасных полках петроградского гарнизона не хватало винтовок**. Власти не замечали, что внутри страны скопились громадные массы людей, не понимающих, за что им предстоит умирать.

Ситуацию обостряла и причина иного порядка. В большинстве своем солдаты считали, что они призваны «защитить царя»***. Десакрализация высшей власти превращала участие в войне не просто в бессмысленное, но и противоестественное занятие. Однако на положение в столице наибольшее влияние поначалу оказали не упорные бунтари, а наиболее пронырливые дезертиры.

К февралю 1917 г. контрольными органами на границе фронтовых районов было задержано 195 тыс. самовольщиков-дезертиров. Еще 220 тысяч было поймано во внутренней России железнодорожной жандармерией. Десятки тысяч дезертиров занимались «бродяжничеством» на театре военных действий. Наконец, сотни тысяч солдат растворились среди местного населения. Членовредительство и всевозможные симуляции охватили от 200 до 400 тыс. солдат. Оказавшиеся в армии врачи часто относились к ним как к жертвам «несправедливой» войны. Распространилось массовое уклонение от военной службы внутри России****. «Люди, призванные в войска, впадают в отчаяние не из малодушия или трусости, а потому, что никакой пользы от этой войны не видят», — считали офицеры*****.

Существенное место в Февральской революции сыграл неприметный вроде бы факт: незадолго до нее Петроградский военный округ оказался выделен из состава Северного фронта. Город был переполнен дезертирами, растворив-

* Фронтовые дневники генерала А. Е. Снесарева // Военно-исторический журнал. 2004. № 10. С. 51.

** Гаврилов Л. М., Кутузов В. В. Указ. соч. С. 155; Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 105.

*** Асташов А. Б. Русские солдаты и Первая мировая война: психоисторическое исследование военного опыта // Социальная история. Ежегодник, 2001/2002. М., 2004. С. 405–406.

**** См.: РГВИА. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 1800. Л. 29, 34; Ф. 2070. Оп. 1. Д. 365. Л. 75; Ф. 2068. Оп. 1. Д. 350. Л. 484–484 об.; Ф. 1932. Оп. 15. Д. 122.

***** Раунах Р. Р. фон. Указ. соч. С. 174.

шимися в пестрой обывательской среде. Свое разочарование в «войне до победы» они научились прикрывать «идейным» пацифизмом. Возникла гремучая смесь из них и сочувствовавшего им голодного гражданского населения.

По иронии судьбы, во главе Петроградского военного округа оказался вялый и бездарный генерал С. С. Хабалов. В его подчинении оказался громадный гарнизон из новобранцев, излеченных солдат и «раскаявшихся» дезертиров, объединенных в непомерно раздутые запасные батальоны. В некоторых из них числилось до 19 тыс. обучающихся. Офицеры сравнивали «запасников» с «праздной толпой», загнанной в тесные казармы и «не видевшей оправдания своему призыву». Им казалось, что это настоящие «полчища». М. В. Родзянко также вспоминал, что запасные батальоны «представляли из себя зачастую просто орды людей недисциплинированных и мало-помалу развращаемых искусными агитаторами германского производства». По его мнению, «создавая эти батальоны без надлежащего за ними надзора, правительство создало, в сущности, “вооруженный народ”»^{*}.

В гарнизоне катастрофически не хватало опытных офицеров. «При такой массе людей, набитых “до отказа” в казармах, где раньше располагалось в шесть–восемь раз меньше, необходимо было иметь и должное количество опытных и энергичных офицеров и унтер-офицеров для наблюдения за ними для их обучения и воспитания. Ничего, однако, этого не было, – вспоминал полковник Д. Ходнев. – ...Офицерский состав Гвардии запасных батальонов был очень слаб... Обучение и воспитание призванных в ряды армии производилось офицерами запаса (прапорщички запаса) и молодыми офицерами ускоренных выпусков. ...Выздоровевшие от ран и контузий офицеры, временно зачисляемые в запасные батальоны... в большинстве случаев рассуждали... так: “Я уже пролил свою кровь, вскоре уеду снова на фронт, а поэтому имею право на отдых и развлечения...”. И в казармах они, за редким исключением, “отбывали лишь номер”»^{**}. Не удивительно, что во время последующих столкновений с полицией некоторые молодые офицеры сходили с ума^{***}, а основная их масса охотно перешла «на сторону революции»^{****}.

Перед 9 января 1917 г., в ожидании демонстраций в связи с годовщиной «кровавого воскресенья», Хабалов созвал в штабе округа совещание для выяснения благонадежности войск. Начальник петроградской охраны К. И. Глобачев заявил, что для подавления возможных рабочих беспоряд-

^{*} Ходнев Д. И. Февральская революция и запасной батальон лейб-гвардии Финляндского полка // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция... С. 251–252, 256; Родзянко М. В. Государственная дума и февральская 1917 года революция // Архив русской революции. Т. VI. С. 39–40.

^{**} Ходнев Д. И. Указ. соч. С. 257.

^{***} Гребенкин И. Н. Русский офицер в годы мировой войны и революции. Рязань, 2010. С. 145.

^{****} Суханов Н. Н. Записки о революции: В 3 т. Т. 1. М., 1991. С. 105.

ков потребуются особо надежные войска. В ответ начальник запасных частей Петрограда заверил, что за подчиненных он ручается, а бунтовщикам готов противопоставить «все самые отборные, лучшие части – учебные команды»^{*}. Такое заявление было откровенно вздорным.

9 января 1917 г. в Петрограде, по данным властей, бастовало почти 145 тыс. рабочих на 114 промышленных предприятиях. В Москве стачки охватили более 36 тыс. на 76 предприятиях. При этом в Москве бастовали из-за недостатка хлеба и продолжали протестовать против отсрочки созыва Думы. После ареста в конце января 11 членов рабочих групп центрального и петроградского ВПК также последовали политические стачки. Вслед за тем с 17 по 30 января в Баку забастовали 12,5 рабочих, 47 предприятий, требовавших освобождения своих товарищей. Часто арестованных приходилось освобождать. В начале февраля бастовали в Макеевке (Донбасс), в Нижегородской губернии. Правда, при этом лозунги «Хлеба!» преобладали над требованиями «Долой войну!» и «Долой правительство!»^{**}

Незадолго до начала февральских беспорядков, в столицу прибыли с фронта два донских казачьих полка. Но казаки, не желая оказаться в роли карателей по образцу 1905–1906 гг., отказались усмирять «бунтовщиков». В состоянии «полного разложения» находился и царскосельский гарнизон. Сообщали, что одни части ушли в столицу, а «оставшиеся вышли из повиновения, громят винные погреба, пьянствуют и спаивают все прибывшие свежие части»^{***}.

Народ разуверился во власти. «Патриотизм придавлен и заглушен борьбой за существование», «вся страна за близкий мир», «скорое заключение мира и дороговизна жизни – вот две темы, которые главным образом волнуют все население страны», – говорилось в сводках цензуры в январе 1917. В феврале количество бодрых писем из тыла упало до 5 %^{****}. К этому времени у военного следователя по Финляндии Р. Р. Раупаха было в производстве 6 дел, «квалифицированных как явное восстание»^{*****}.

Казалось, все свидетельствовало о приближении развязки. Однако верховная власть упорно не замечала грозящей опасности.

Февральская революция не случайно началась с волнений женщин, увлекших за собой мужчин. 23 февраля рабочие отмечали международный женский день, причем накануне большевики призвали их отказаться от «несвоевременных» выступлений. Тем не менее текстильщицы Невской ниточной мануфак-

^{*} *Глобачев К. И.* Правда о русской революции // Вопросы истории. 2002. № 8. С. 86–87.

^{**} *Кирьянов Ю. И.* Социально-политический протест рабочих в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 г.). М., 2005. С. 78–84, 123–127.

^{***} *Ходнев Д.* Указ. соч. С. 259; *Раупах Р. Р. фон.* Указ. соч. С. 199.

^{****} См.: РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 299 об., 300, 304–305, 318 об.–319, 326, 326 об., 336, 350, 336 об.–337 об., 349, 359–360 об.; Д. 905. Л. 8, 16, 23 об., 26, 28, 28 об.

^{*****} *Раупах Р. Р. фон.* Указ. соч. С. 174.

туры объявили забастовку и с криками «Хлеба!» двинулись снимать с работы рабочих соседних заводов. Движение разрасталось; к вечеру число бастующих достигло 60 тыс.; произошли отдельные стычки демонстрантов с полицией*.

Текстильные фабрики тесно соседствовали с металлообрабатывающими заводами. Даже те рабочие мужчины, которые не собиравшись бастовать, вынуждены были выйти на улицу. К концу дня 23 февраля бастовало 43 предприятия с 78,4 тыс. чел. Бастующие старались при этом остановить движения трамваев и «учинить бесчинства». Тем временем в казармах появились агитаторы – вероятно, те же полустихийные революционеры, что и перед 9 января (тогда эсеры намеревались объединиться с социал-демократами)**.

Уже в начале забастовок полицейские агенты доносили, что в толпе звучат призывы к восстанию, а солдаты намерены стрелять в воздух. 24 февраля бастовало уже 200 тыс., повсюду возникали митинги. Генерал Хабалов не давал полицейским разрешения на применение оружия и не хотел использовать войска. 25 февраля демонстранты осмелели и начали оказывать сопротивление полиции. Сыграло свою роль и то, что казаки были явно не на стороне полицейских. В такой обстановке солдаты Финляндского полка после одного из столкновений с демонстрантами решили не стрелять в народ. Один из информированных агентов охраны (член Выборгского районного комитета большевиков) сообщал градоначальнику, что демонстранты приобрели уверенность в том, что войска не сегодня, так завтра перейдут на сторону народа***. Вечером 25 февраля на Невском проспекте произошли два крупных столкновения войск с митингующими, в ходе которых офицеры вынуждены были отдавать приказы открывать огонь. В отличие от них растерянные власти лишь позднее поняли, что без применения оружия не обойтись.

«Фабриканты говорят, что забастовка не экономическая, а политическая, – с некоторым недоумением писал в дневнике М. Пришвин 26 февраля. – А рабочие требуют только хлеб. Фабриканты правы. Вся политика и государственность теперь выражается одним словом “хлеб”». Как в начале вся жизнь государства была в слове “война!”, так теперь в слове “хлеб!”. Нечто подобное вечером 27 февраля писал А. Бенуа: «...Все дело в хлебе, иначе говоря, в войне, в фактической невозможности ее продолжать уже год назад...» При этом он отказывался верить в «осмысленность всего того, что творится, в какую-то планомерность»****.

В результате забастовок людская масса вылилась в открытое пространство столицы. «Праведный» гнев толпы постепенно заставил забыть о присяге не

* Лейберов И. П., Рудаченко С. Д. Указ. соч. С. 71–77.

** См.: Кирьянов Ю. И. Указ. соч. С. 78, 83–85, 128–130.

*** Hasegawa T. The February Revolution: Petrograd, 1917. Seattle and London, 1981. P. 231, 247, 252, 254, 262.

**** Пришвин М. М. Дневники. М., 1990. С. 77; Бенуа А. Н. Указ. соч. С. 116, 115.

только солдат, но и низших офицеров. Впечатляли лозунги: «Хлеба!», «Хлеб!, «Мир!», «Свобода!, «Долой войну!», «Долой правительство!», «Долой самодержавие!», «Да здравствует демократическая республика!», «Да здравствует армия!» Один вид голодных, орущих женщин, сутками простаивающих в очередях за хлебом, делал людей «революционерами». Пришвин запечатлел уличную сценку, почти символичную. «И кого ты тут караулишь!» – спрашивает женщина знакомого солдата, который все больше сомневается: зачем караулить «внутреннего врага». Массовые переходы солдат на сторону восставших начались вечером 26 февраля^{*}.

Кое-где женщины даже вступали в настоящие бои с полицией. Наблюдатели отмечали массу «хулиганствующих» подростков. Революционные «вожди», партийные функционеры, и «сознательные» рабочие были незаметны. В февральские дни лидером толпы мог стать случайный человек. Существует информация, что некоторые большевики и анархисты планировали в это время «тыловую революцию», составной частью которой была «порча водопровода и телефонов»^{**}. Но вряд ли они успели повлиять на взрыв массового недовольства.

Отчаянная решимость демонстрантов была столь велика, что они перестали реагировать на предупредительные выстрелы^{***}. Революция выглядела не только стихийной, но и беспартийной; «революционерами» сделались все. По улицам разъезжали грузовики, полные вооруженных солдат, некоторые солдаты гоняли по улицам на офицерских лошадях, повсеместно проходили обыски квартир и чердаков^{****}. Наблюдались элементы погрома: обилие случаев хулиганства, грабежа магазинов, провокаций по отношению к полиции – причем в последних оказались замечены не только фабричные подростки и «темные элементы», но и гимназисты. Одно английского журналиста поразило удивительно пестрый – «гротескный» – состав увешанной всевозможным оружием революционной толпы (солдаты, рабочие, студенты, хулиганы, освобожденные уголовники), занятой главным образом демонстрацией своей «силы», а не сколь-либо осмысленными действиями^{*****}.

* См.: *Бурджалов Э. Н.* Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. С. 107–108, 125, 127, 144–145, 147, 149–150, 193; *Пришвин М. М.* Указ. соч. С. 77.

** Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917 г. СПб., 1997. С. 222.

*** *Шляпников А.* Семнадцатый год. Кн. 1. М.; Л., 1923. С. 130.

**** «...Мы пойдем по пути всевозможных социальных экспериментов». Февральская революция 1917 г. в семейной переписке П. П. Скоропадского // Исторический архив. 2002. № 4. С. 86–87.

***** *Figes O.* A People's Tragedy. The Russian Revolution 1891–1924. London, 1996. P. 320.

27 февраля стал днем победы революции. Около 2 часов дня восставшими был занят Таврический дворец. Возник своего рода легитимный центр народной власти^{*}. Окончательно капитулировала полиция. Начался разгром полицейских участков. Гарнизон перешел на сторону восставших. Вечером состоялось последнее заседание царского правительства. Растерянными министрам ничего не осталось иного, как тайком, через черный ход выбраться из Мариинского дворца^{**}.

Ставка практически ничего не знала о происходящем в Петрограде. Лишь вечером 27 февраля поступила телеграмма с просьбой о присылке с фронта надежных частей. Под вечер того же дня в столицу был отправлен Георгиевский батальон, часть собственного Его Величества пехотного полка, технические части. 28 февраля генерал М. В. Алексеев назначил к отправке несколько полков с Северного, Западного и Юго-Западного фронтов. Но они безнадежно запаздывали. Днем 27 февраля в столице уже была создана Военная комиссия Временного комитета Государственной думы, получившая также название «штаба» Керенского. В ночь на 28 февраля начальником петроградского гарнизона и комендантом Петрограда стал подполковник Генерального штаба Б. А. Энгельгардт. Революция теперь опиралась на «свои» войска. Утром 28 февраля, по сообщению Хабалова, в его распоряжении осталось «4 гвардейских роты, 5 эскадронов и сотен и 2 батареи». Все прочие войска либо перешли на сторону революции, либо заняли нейтральную позицию. «Отдельные солдаты и шайки бродили по городу, стреляя в прохожих и обезоруживая офицеров», – отмечал очевидец^{***}.

Нет смысла связывать произошедшее с деятельностью левых партий и тем более «немецких пропагандистов». «Революционные партии не имели возможности наладить систематическую пропаганду в войсках – этому препятствовала текучесть состава запасных частей... – считал генерал А. А. Керсновский. – За революционеров работал весь уклад жизни отравленного тыла и весь порядок службы и безделья перегруженных “пушечным мясом” запасных полков». К тому же солдаты руководствовались совершенно иными – весьма противоречивыми, неожиданными, но отнюдь не революционными – устремлениями. Так, выдающуюся роль в Февральской революции сыграли солдаты тех запасных батальонов, где было много этнических украинцев. Некоторые из них понимали революцию как возвращение к ситуации 1654 г., когда, как считалось, Украина вступила в федеративные отношения с Россией. Некоторые солдаты и офицеры украинского происхождения были

^{*} Старцев В. И. 27 февраля 1917. М., 1984. С. 152–153.

^{**} Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. С. 192–200.

^{***} Алексеева-Борель В. М. Сорок лет в рядах русской императорской армии. Генерал М. В. Алексеев. СПб., 2000. С. 470–471; Гребенкин И. Н. Указ. соч. С. 148; Раунах Р. Р. фон. Указ. соч. С. 201.

столь возбуждены переворотом, что намеревались отметить это событие залпами из специально разысканных старинных пушек*.

2. Политики делают выбор (В. П. Булдаков)

Недовольство властью не означает готовности сбросить ее. В партийных верхах царила растерянность. А. В. Тыркова, женщина, имевшая репутацию «единственного мужчины в кадетском ЦК», описала в дневнике почти символическую сцену. 27 февраля М. В. Родзянко с А. И. Гучковым собирались отправить телеграмму царю, а графиня С. В. Панина уговаривала их идти к солдатам. Лидеры октябристов отговаривались: «Пусть они сначала арестуют министров». Положение спас Милюков, который «привел солдат к Думе»**.

Бывают исторические моменты, когда «оппозиционерам» приходится выступать в роли революционеров. Российские либералы оказались «революционерами поневоле» – к этому их подтолкнули не столько левые депутаты Думы, сколько события на улице. Состав Временного комитета Государственной думы был избран Советом старейшин. В комитет вошли представители всех фракций Думы (кроме крайне правых) – М. В. Родзянко, В. В. Шульгин, Н. В. Некрасов, В. Н. Львов, П. Н. Милюков, А. Ф. Керенский и Н. С. Чхеидзе и др.*** Но вызванный народным возмущением переворот не смог ограничиться чисто политической сферой.

Самое поразительное в революции, происшедшей в разгар войны, было то, что за императора, стоящего во главе далеко не сломленной армии, не вступился никто. Даже члены Синода 26 февраля демонстративно отказались выступить с осуждением революционного насилия, мотивируя это тем, что еще не известно, «откуда идет измена»****. Между тем в Ставке имели довольно смутное представление о происходящем в столице. Днем 28 февраля, выполняя приказание Николая II, генерал Н. И. Иванов с батальоном георгиевских кавалеров отправился в Петроград, рассчитывая утром 1 марта прибыть в Царское Село. Но скоро выяснилось, что любая часть с фронта, направленная на усмирение восставших, рискует оказаться распропагандированной, а железнодорожные пути, ведущие к столице, уже контролировались Временным комитетом Государственной думы. К тому же Иванов оказался дезориентирован телеграммой начальника штаба Ставки М. В. Алексеева о том, что

* Керсновский А. А. История русской армии. М., 1999. С. 714; Булдаков В. П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010. С. 169.

** Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма. М., 2012. С. 176.

*** Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. 231–232.

**** В Синоде // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. № 1. С. 2–3.

«воззвание к населению, выпущенное Временным правительством, говорит о неизбежности монархического начала в России». Попытку избежать насилия предпринял вел. кн. Павел Александрович, предложивший императрице издать манифест с обещанием «ответственного министерства». Его предложение было отвергнуто Александрой Федоровной, назвавшей проект манифеста «идиотским»^{*}.

Узнав о беспорядках, император попытался прорваться в столицу – не столько для того, чтобы восстановить контроль над ситуацией, сколько рассчитывая быть поближе к больным детям. Поезд был остановлен в Пскове. 2 марта вечером туда прибыли А. И. Гучков и В. В. Шульгин. По иронии судьбы просить царя об отречении пришлось монархисту Шульгину. Позднее он вспоминал, что они «ехали, как обреченные», с единственной надеждой «спасти Россию», осуществив переход власти от одного царя к другому^{**}. К этому времени Николай II уже получил телеграммы М. В. Алексеева с просьбами о согласии на образование «ответственного министерства», на что ему пришлось согласиться. Однако командующие фронтами, понимая, что это не спасет положения, умоляли об отречении. Великий князь Николай Николаевич также просил царя спасти Россию, передав власть наследнику^{***}. Но гости из столицы имели куда более радикальное предложение. После сбивчивой речи о безнадежности положения Гучков передал императору набросок манифеста об отречении. Царь раздумывал всего 45 минут. Можно было это сделать и быстрее: весь высший генералитет поддержал отречение^{****}. Согласно манифесту, подписанному в 15.30, Николай II передавал престол брату Михаилу^{*****}. После отречения он сохранял равнодушие человека, убежденного, что его все «предали».

Иного представить себе человек, фатально убежденный, что люди должны терпеть даже его несостоятельность как руководителя страны, не мог. Однако общественность полагала, что «предают» ее, причем «измена» идет с вершин власти. «Повсюду предательство, вакханалия подлости и обмана»^{*****}, – такие слова можно было встретить в частной переписке в ноябре 1916 г. У патер-

^{*} *Бурджалов Э. Н.* Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. С. 334–337, 308–309.

^{**} *Шульгин В. В.* Дни. Белград, 1925. С. 265.

^{***} *Бурджалов Э. Н.* Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. С. 341–345.

^{****} Исключение составили генерал от кавалерии В. И. Ромейко-Гурко, командир гвардейского кавалерийского корпуса хан Гуссейн Нахичеванский и командир 3-го конного корпуса генерал Ф. А. Келлер. См.: *Сенин А. С.* Военное министерство Временного правительства. М., 1995. С. 103.

^{*****} *Бурджалов Э. Н.* Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. С. 349–351.

^{*****} ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1061. Л. 1198.

налистской системы, оказавшейся нежизнеспособной, не могло быть иного конца.

Николаю II позволили вернуться в Ставку. Чисто теоретически это выглядело рискованно: а не направит ли бывший Верховный главнокомандующий войска против смутьянов? Но ничего подобного быть не могло: похоже, что царь заранее смирился со своей участью.

На перроне собрались все высшие чины Ставки. Погода была отвратительной: сильный ветер, мокрый снег. Встречающие выстроились в две длинные шеренги. Бывший император по своему обыкновению заговорил с великими князьями о погоде, затем стал обходить присутствующих, «здороваясь с каждым и, как всегда, глубоко в каждого вглядываясь». К концу обхода у него «по щекам текли слезы»^{*}. 3 марта в Петрограде Михаил также отрекся от престола. Единственный, кто пытался его отговорить, был П. Н. Милюков, рассчитывавший на «плавную» эволюцию власти. Днем ранее тому же Милюкову, выступавшему в Таврическом дворце перед громадной массой солдат и рабочих, в ответ на вопрос: «Кто вас выбрал?» – пришлось дать невероятный, казалось бы, в его устах ответ: «Нас выбрала русская революция»^{**}. Либерал, сторонник легитимной передачи власти от монарха к Государственной думе, был вынужден заявить себя революционером.

Тем временем в Ставке объявились свои революционеры в лице солдат-электротехников, оказавших соответствующее влияние даже на георгиевских кавалеров. В присутствии отрекшегося императора был устроен «революционный парад» – мимо дворца прошли почти все части с красными бантами.

Вскоре в Ставку прибыла императрица-мать. В церкви она появилась вместе с сыном. Когда дьякон на «Великом входе» вместо «Благочестивейшего, Самодержавнейшего» стал возглашать что-то странное о Временном правительстве, сообщал очевидец-монархист, «у всех слезы полились из глаз». Однако вскоре стало заметно, что бывшие приближенные сторонятся Николая II^{***}. Великий князь Кирилл Владимирович в интервью демократической газете заявил: «Мой дворник и я – одинаково видели, что со старым правительством Россия потеряет все и в тылу, и на фронте. Не видела этого только царствовавшая семья»^{****}.

Не ко времени появился в Ставке великий князь Николай Николаевич, которого император перед отречением вернул на пост Верховного главнокомандующего. Ему пришлось встретиться с могилевскими рабочими. Они вели себя почтительно, говорили, что только на него и надеются, и даже просили

* Алексеева-Борель В. М. Указ. соч. С. 495.

** Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. С. 354–360, 324.

*** Кондзеровский П. К., *ген.-лейт.* В Ставке Верховного. 1914–1917. Воспоминания Дежурного Генерала при Верховном Главнокомандующем. Париж, 1967. С. 106–113.

**** Киевская мысль. 1917. 10 марта.

разрешения поцеловать руку. Вскоре прибыла телеграмма от кн. Г. Е. Львова, сообщавшая, что Николай Николаевич занять прежний пост не может. Великому князю пришлось подписать присягу о верности Временному правительству – он сделал это так нервно, что на бумаге остались громадные кляксы. Стали навеваться в Ставку и «революционные полковники». Среди них был кн. Г. Н. Туманов, производивший «впечатление какого-то болезненно восторженного всем происходящим» человека. Появился и новый военный министр А. И. Гучков. Его поезд сопровождали матросы гвардейского экипажа. Один из них «буквально впился глазами в Алексеева», в этом взгляде очевидец усмотрел нечто «безумно злобное, кровожадное, можно сказать, сатанинское»^{*}. Подозрительность к «старому строю» была очень велика. «Дух кровавого царя живет в начальнике штаба Верховного главнокомандующего», – писали петроградские «Известия»^{**}, отражая недовольство «реакционными» приказами Алексеева.

Свергнутая власть вызывала весьма широкий спектр эмоций. Тем, кто служил ей с показной преданностью, приходилось особенно сложно. Генерал Снесарев не без иронии записывал в дневнике: «Брусилов угодничает вовсю: то через жену, то сам; “товарищ” да и только. Жена говорит, что он всегда был “социал-демократом”». Герой названного его именем «прорыва» не знал, как приспособиться к новой власти. Его жена заявляла, что он «уже двенадцать лет, как революционер и социалист»^{***}.

Старые верхи поспешно «перекрашивались». В апартаментах Керенского накопилась масса писем великих князей, сообщавших о готовности выделить любую сумму на сооружение памятника декабристам. Все они клялись в верности министру юстиции. Дело, разумеется, было не в трусости в привычном смысле этого слова. Прежняя власть порождала людей несамостоятельных, теряющихся в неожиданной ситуации. Идея монархии, заключал Бенуа, «целиком *выдохлась, опустошилась*». Правда, некоторые представители интеллигенции готовы были поверить, что царь «пожертвовал собой и своим сыном для блага России». Вероятно, им хотелось приукрасить банальность случившегося. «Приближенные царские давно уже, как карамельку, иссосали царя и оставили народу только бумажку», – считал М. Пришвин^{****}. Отсюда и легкость, с которой народ воспринял исчезновение 300-летней династии.

^{*} Кондзеровский П. К. Указ. соч. С. 118–119, 123–124.

^{**} Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 8 марта.

^{***} Фронтовые дневники генерала А. Е. Снесарева // Военно-исторический журнал. 2004. № 11. С. 54–55; *Алексеева-Борель В. М.* Указ. соч. С. 512. Также см.: *Гребенкин И. Н.* Указ. соч. С. 254.

^{****} *Бенуа А. Н.* Указ. соч. С. 275–276; Письма – больше, чем воспоминания... Из переписки семьи Семеновых-Тян-Шанских и сестер А. П. и В. П. Шнейдер. М., 2012. С. 271; *Пришвин М. М.* Указ. соч. С. 80.

Состав Временного правительства был определен в думских кулуарах еще до переворота: его председателем стал кн. Г. Е. Львов, возглавлявший Земский и Городской союзы. Пост военного министра занял А. И. Гучков – октябрист, председатель Военно-промышленного комитета. На ключевой должности министра иностранных дел оказался П. Н. Милюков, лидер кадетской партии, разобравшей почти все оставшиеся портфели. Особняком стоял единственный социалист – эсер А. Ф. Керенский, ловко запрыгнувший в кресло министра юстиции, вопреки принципиальным установкам социалистов о «неучастии» в буржуазной власти. Принцип устарел: на местах социалисты уже работали в «буржуазных» самоуправлениях, а большевик Г. И. Петровский даже ухитрился стать правительственным комиссаром в Якутске.

Правительство было сугубо светским; к числу искренне верующих можно отнести разве что кн. Львова. Выдвижение его на высший пост казалось естественным, но оказалось неудачным: он привык действовать в совершенно иных условиях, к тому же, был подвержен фаталистическим настроениям. Гучков был выходцем из предпринимателей-старообрядцев (о чем никак нельзя было догадаться по его поведению). «Гучков “орлом” не был, – писал о нем философ Ф. Степун. – По своей внешности он был скорее нахохлившимся петухом»*. Пост обер-прокурора Св. Синода занял В. Н. Львов, умеренный либерал, склонный к обновленчеству. Позднее едва ли не всех министров некоторые конспирологи запишут в масоны. Ну, а пока претензий к составу правительства не было даже у петроградских большевиков.

На первом заседании правительства 2 марта была высказана точка зрения, что «вся полнота власти, принадлежавшая монарху, должна считаться переданной не Государственной думе, а Временному правительству. Было признано, что «по обстоятельствам текущего времени» правительству «придется считаться с мнением Совета рабочих депутатов», но вмешательство Совета в действия правительства «являлось бы недопустимым двоевластием. Мнение Совета должна была учитывать особая комиссия из известных правоведов: Ф. Ф. Кокошкина, Н. И. Лазаревского, бар. Б. Э. Нольде, а также членов Государственной думы М. С. Аджемова и В. А. Маклакова. Интересно, что первоначально Совет высказался за выдворение членов императорской семьи за пределы России, но Временное правительство предлагало ограничиться высылкой семей Николая и Михаила Романовых. Тогда же на должности главнокомандующего Петроградским военным округом был утвержден генерал-майор Л. Г. Корнилов**». Со временем некоторые шаги первого правительственного кабинета кажутся роковыми.

* *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. М.; СПб., 1995. С. 329, 327.

** Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. Март–апрель 1917 года. М., 2001. С. 385–386. В первый состав правительства входили: министр-председатель и министр внутренних дел – кн. Г. Е. Львов (вскоре в МВД его стал подменять Д. М. Щепкин) и министры: военный и морской – А. И. Гучков, иностранных

Правительство считалось «временным» – его была призвана сменить власть, избранная на Всероссийском Учредительном собрании. Однако подготовка к пришествию «Хозяина Земли Русской» (будущую конституанту именовали также «великий государь»*), практически не велась – либералы опасались его излишней левизны. Была известна формула постреволюционной власти, предсказанная после 1905 года Л. Д. Троцким: «Без царя, а правительство рабочее». Такая ситуация социалистам, вставшим во главе Петроградского Совета и рассчитывавших на плавный, парламентский переход власти от «буржуазии» к «трудящимся», казалась пугающей.

Керенский стал министром, уверив Петроградский Совет, что освободит политических заключенных и будет контролировать действия правительства изнутри. Он действительно взялся за дело. На свободе оказалось около 90 тыс. человек – не столько политических, сколько уголовных. С контролем над правящей «буржуазией» дело обстояло сложнее.

Петроградский Совет возглавил Н. С. Чхеидзе, член Государственной думы, меньшевик. Его заместителями стали соответственно меньшевик М. И. Скобелев и эсер А. Ф. Керенский. Совет не намеревался утруждать себя законотворчеством – казалось, что важнее избавиться от «наследия царизма». Однако кое-что пришлось сделать.

Левые опасались правых, правые – левых. Так, когда Комитет Государственной думы «позабыл» высказаться о созыве Учредительного собрания, об этом ему напомнили из Петроградского Совета. Но лидеров Совета разделяла с министрами идеология: если «буржуазия» настаивала на войне до победного конца, то социалисты провозгласили возвращение *к status quo ante*. А. В. Тыркова так видела ситуацию в кадетской партии: «Генералы у нас есть, а армии нет. У левых армия огромная, но нет ума в центре». Вместе с тем поначалу правые не хотели политически отделять себя от левых**. Но, поскольку те и другие оставались заложниками собственных доктрин, со временем не могло не возникнуть противостояния взаимоисключающих лозунгов *внутри* власти. А последнюю в России привыкли абсолютизировать. Нарождающаяся демократия несла в себе вирус саморазрушения.

дел – П. Н. Милюков, торговли и промышленности – А. И. Коновалов, финансов – М. И. Терещенко, земледелия – А. И. Шингарев, путей сообщения – Н. В. Некрасов, юстиции – А. Ф. Керенский, народного просвещения – А. А. Мануилов, обер-прокурор Св. Синода – В. Н. Львов, государственный контролер – И. В. Годнев.

* Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции, постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета и фракций. Т. 1. 27 февраля – 31 марта 1917 года. Л., 1991. С. 511.

** См.: *Штейнберг И. З.* Нравственный лик революции. Берлин, 1923. С. 10; Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. С. 178.

«В Думе, где заседают два... правительства, хаос и бестолковщина, – комментировал происходящее знаменитый писатель Л. Андреев. – Не то митинг, не то казармы, не то придворный бал... Сверхумных много, а просто умных не видно и не слышно. Все с теориями»*. Тем временем обстановка в стране накалялась. В далекой от столиц Уфе 14 марта на заседании Комитета общественных организаций отмечалось увеличение числа пьяных и было принято решение об ужесточении контроля над отпуском спирта и спиртосодержащих лекарств в аптеках, усилении охраны винных складов и уничтожении винных запасов. Сообщения о пьяных бесчинствах поступали из Бессарабской губернии, Ревеля, Владивостока. В селе Сластуха Аткарского уезда Саратовской губернии граждане, довольные переворотом, «всячески старались это выявить или через напивание пьяными и устроение скандалов с недовольными переворотом, или же с насмешками над богачами и пауками деревни». Начали дебоширить и пьянствовать солдаты на фронте. А в Царицыне солдаты 40-тысячного гарнизона учинили на Пасху разгром винных погребов**. Сознание простых людей погружалось в пучину слухов, за которыми таились неосознанные страхи.

3. Восторги и надежды победителей (В. П. Булдаков)

Атмосфера первых дней после победы Февральской революции была отмечена всеобщим ликованием, всепрощенчеством и митинговой стихией. Так было не только в столице. Историк А. В. Орешников 1 марта так описывал настроение в Москве: «Народу всюду масса, настроение как в пасхальную ночь, радостное». А 3 марта он видел на Лубянской площади «процессию мусульман с красным флагом, читавших молитву»***. Забастовщики принялись разоружать солдат, но, не встретив сопротивления, великодушно оставили им винтовки. Говорили, что особенно преуспел в этом Н. А. Бердяев****. Он якобы «самолично взял» Манеж: «Вошел внутрь и так грозно закричал на солдат: “Чего вы не сдаетесь?”», что те мгновенно положили оружие». Затем стали арестовывать полицейских, причем не обошлось без издевательств. Некие личности под шумок «реквизировали помещение одного кафешантанчика, слопали весь ба-

* Андреев Л. Н. S. O.S.: Дневник (1914–1919); Письма (1917–1919); Статьи и интервью (1919); Воспоминания современников (1918–1919). М.; СПб., 1994. С. 30.

** См.: Булдаков В. П. Красная смута. С. 129; Посадский А. В. Крестьянство во всеобщей мобилизации армии и флота 1914 года (по материалам Саратовской губернии). Саратов, 2002. С. 103.

*** Алексей Васильевич Орешников. С. 108.

**** См.: Бердяев Н. А. Самопознание. (Опыт философской автобиографии.) Paris, 1989. С. 262 / Примечания Е. Ю. Рапп; Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб., 1998. С. 114.

лык в буфете». 4 марта на Красной площади при десятиградусном морозе был устроен парад: это «было до крайности эффектно, хотя в задних рядах замечалось безобразие: солдаты в строю курили». Впрочем, другие наблюдатели подмечали, что духовенства было немного, молебен запоздал на 1,5 часа, «было неблагоговейно»^{*}. Из Сарапула (Вятская губерния) будущий офицер писал из учебной команды 4 марта 1917 г.: «Поздравляю... с новой жизнью!.. То, что мы когда-то носили только в мечтах, – теперь действительность... Гордимся тем, что являемся современниками возрождения новой свободной России...»^{**}

Люди словно ослепли от восторга. Лишь немногие писали в письмах о «печальной Пасхе» на фоне бесконечных революционных празднеств, о том, что «старая Россия умерла... но новой России еще нет, а будет ли она, кто знает». О насилии, творимом толпами, предпочитали не упоминать – проще было считать, что «революционеры» защищаются от насилия власти. «Настроение праздничное, народу много по всем улицам, интеллигенции нет, офицеров разоружают, стрельба реже, но автомобили носятся во всех направлениях. Войско дезорганизовано, ходят толпами, пьяных мало, отдельные воинские патрули без офицеров пытаются поддержать порядок, – так виделось происходящее Н. Н. Пунину. – Неужели действительно творческие силы социализма будут реализованы. Мой народ, сумеешь ли ты стать наконец величайшим народом?» Начало революции, как и начало войны, сопровождалось величайшими надеждами. Некоторые интеллигенты даже полагали, что «наш переворот даст сигнал к перевороту в Болгарии и к восстанию в немецкой Польше»^{***}. Им казалось, что в благие намерения «свободной России» должен уверовать весь мир.

В Москве события развивались мирно. 2 марта в центре города появилось «множество молодежи обоюго пола с красными бантиками в петлицах». Солдаты также обзавелись бантиками. Как и в Петрограде, в Москве появились автомобили с солдатами «с ружьями и саблями наголо»^{****}. С автомобилями связаны по-своему символические явления войны и революции. С началом войны частные авто были реквизированы в пользу армии, однако скоро было замечено, что в них разъезжают дамы сомнительной репутации и жены военачальников^{*****}. Теперь ситуация изменилась. «Очень принято – двум солдатам помоложе лежать с ружьями в позе прицела на колесных крыльях... грузови-

^{*} *Амфитеатров-Кадашев В.* Страницы из дневника // *Минувшее*. Т. 20. С. 440, 442, 446; *Окунев Н. П.* Дневник москвича. 1917–1920. Т. 1. М., 1997. С. 21–22.

^{**} Письма вятского обывателя / [автор-составитель Р. Я. Лаптева]. Вятка (Киров), 2009. С. 209.

^{***} *Пунин Н.* Мир светел любовью. Дневники. Письма. М., 2000. С. 110; Письма – больше, чем воспоминания... С. 272, 273–274.

^{****} *Богословский М. М.* Указ. соч. С. 316.

^{*****} *Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 654.

ков, – комментировал А. Бенуа. – Так более картинно, в этом больше показной удали». У А. Тырковой сложилось впечатление, что солдаты считали автомобили чем-то вроде революционной награды^{*}. Дело в том, что Петроградский Совет с самого начала уделил большое внимание реквизиции автомобилей – с их помощью рассчитывали оперативно подавлять оставшиеся очаги сопротивления. На деле автомобили иной раз захватывала «пьяная молодежь», которую приходилось разоружать^{**}.

Были и явления иного порядка. Так, группа «Родина и армия» обратилась ко всем воинским чинам с призывом довести войну до победы и «освободить разрушенные и угнетенные Польшу, Украину, Сербию, Армению, Румынию, Бельгию и Эльзас-Лотарингию», а затем предоставить народам право на полное самоопределение^{***}. Но толпы думали совсем о другом. Столичные рабочие с улюлюканием вывозили на тачках ненавистных мастеров и представителей администрации, требуя «хороших» начальников, в провинции мастера расправлялись с «провокаторами», а крестьяне не преминули разгромить ряд помещичьих имений. Впрочем, репрессивность толп казалась быстропроходящей.

Характерно и другое. Известно, что восставшие рабочие и особенно солдаты устремились в Таврический дворец, дабы засвидетельствовать свою поддержку Государственной думе. Держались они поначалу сдержанно и неуверенно. Но после того, как они встретили не только радушный прием, но и бесплатное питание, из буфета дворца исчезли серебряные ложки^{****}. Думские политики пребывали в растерянности.

Новая власть повсеместно утверждалась по одному сценарию. В Екатеринбурге не только солдаты и офицеры, но и жандармы выявили полную готовность признать новую власть. Правда, здесь более основательно проявило себя желание переарестовать «губернатора, полковых командиров, жандармов» и даже архиерея, а также «занять почту, телеграф, телефон и вокзал». В Орле арестовывать губернатора никто не собирался, но 3 марта толпа разгромила один из полицейских участков. Из Сарапула сообщали, что «в ночь на 1 марта солдат стали вооружать», но уже 3 марта командир заявил в городской думе, что он со всем полком переходит на сторону нового правительства. При

* Бенуа А. Н. Указ. соч. С. 117; Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. С. 178.

** Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 26, 29, 31–32, 40. 5 марта на общем собрании Совета говорили, что «автомобили нужны, чтобы не было контрреволюции». См.: Там же. С. 136.

*** Авдеев Н. Революция 1917 года. (Хроника событий). Т. 1. Январь–апрель. М.; Пг., 1923. С. 116.

**** Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. С. 176; Шульгин В. В. Дни. М., 1989. С. 21.

этом «его речь дышала любовью к солдату и родине». Затем состоялся парад, подъем был «неописуемый»^{*}.

Падение самодержавия вызвало прилив «пасхальных» ассоциаций. В газетах появилась масса соответствующих стихотворений. «Сибирская жизнь» так передавала царившее настроение: «...В сердцах зажглись пасхальные огни, / И с новой властью сердцем и мечтами / Сольемся мы в святые эти дни»^{**}. 12 марта в «Оренбургском слове» появились такие строки: «Вечная память погибшим в борьбе... Мы умирающую Русь воскрешаем». 15 марта неким в «Оренбургском слове» был опубликован «Гимн празднику свободы» с такими словами: «...Ликуйте... пал старый строй / нет ему больше возврата. / Нет Каинов прежних, их свергли долой! / Теперь не пойдет брат на брата»^{***}.

Звучал и мотив отщепенца. Анонимный автор в «Пермской земской неделе» писал: «Колышутся красные волны, / И грозный несется напев!» Автор, выступавший под псевдонимом «Изгнанник», поместил в «Оренбургском слове» «Песнь рабочих», где заявил: «Мы скованный мир ненавидим / И ложным богам не кадим; Грядущую правду мы видим...» и т. д. В той же газете некий гражданин утверждал: «...Солнце горит... / Светильник тиранов навеки разбит, / И к прошлому нет возвращенья»^{****}.

Но «оптимистами» обычно были самодеятельные «пролетарские» и «крестьянские» поэты. В отличие от них В. Брюсов в стихотворении «В Мартовские дни» предупреждал: «Приветствую свободу!.. / Свершился приговор!.. / Но знаю, не окончен веков упорный спор, / И где-то близко рыщет, прикрыв зрачки, Раздор». Историк Богословский также испытывал тревогу. «В газетах продолжается вакханалия, напоминающая сцены из реформации XVI в., когда ломали алтари, бросали мощи, чаши, иконы и топтали ногами все святыни, которым вчера поклонялись, – писал он в дневнике. – Прочтешь газету – и равновесие духа нарушается... Переворот наш – не политический только... Он захватит и потрясет все области жизни и социальный строй, и экономику, и науку, и искусство, и я предвижу даже религиозную реформацию»^{*****}. Происходящее казалось слишком непривычным. «Дни великие и страшные», – записывал 2 марта 1917 г. в дневнике историк А. Н. Савин и задавался вопросом: «Что будет, если подымутся низы»^{*****}. А тем временем в психболь-

* *Булдаков В. П.* Красная смута. С. 122; Письма вятского обывателя. С. 209–210.

** Сибирская жизнь. 1917. 4 марта.

*** *Голдин В. Н.* Поэзия гражданской войны в периодических изданиях Урала: 1917–1919 годы. Кн. 1. Екатеринбург, 2006. С. 10, 4.

**** Там же. С. 45, 15, 28.

***** *Богословский М. М.* Указ. соч. С. 322.

***** Цит. по: *Далин В. М.* А. Н. Савин: Nil admirari (Дневник историка) // Исторические этюды о Французской революции: Памяти В. М. Далина (к 95-летию со дня рождения). М., 1998. С. 61–62.

ницы «стало поступать небывало большое количество психических больных» – намного больше, чем в первые дни войны^{*}. События стали развиваться по неведомому сценарию.

М. Пришвин отметил, как с прилавков исчезли книги по истории Французской революции, затем по истории Смутного времени^{**}. Интеллигенция оглядывалась в прошлое, но при этом предавалась несбыточным надеждам. Под председательством известного востоковеда С. Ф. Ольденбурга в помещении Института истории искусств обсуждался вопрос об учреждении министерства изящных искусств^{***}. Кому-то хотелось увековечить приход долгожданной свободы, кто-то – сохранить то, что осталось от старого, а кто-то надеялся на признание своих заслуг и талантов.

Эйфория победителей стала таять к концу марта. Уже 23 марта на грандиозных похоронах жертв революции на Марсовом поле ощущалось что-то «шумное, неблагоговейное». Либералам казалось, что гибли не столько настоящие революционеры, сколько случайные люди. Организаторы похорон вытребовали к могилам М. Горького и нескольких деятелей искусства. Художница А. П. Остроумова сделала ряд выразительных акварелей похоронной процессии – особенно впечатляли ярко-красные гробы, которые люди несли на руках. Поскольку с опознанием трупов возникли трудности, обыватели злоловили, что устроители похорон за недостатком погибших революционеров в могилы добавили убитых городских^{****}. «Россия стала дурацкой... Россия сможет вздохнуть только тогда, когда будет уничтожен Петроградский совет...»^{*****} – такое мнение высказывали в начале апреля некоторые представители уездной интеллигенции.

«Октябрь родился не после Февраля, а вместе с ним, может быть, даже и раньше его; Ленину потому только и удалось победить Керенского, что в русской революции порыв к свободе с самого начала таил в себе и волю к разрушению», – считал Ф. А. Степун^{*****}.

4. Приказ № 1 и армия (В. П. Булдаков)

Принято считать, что роковым событием для революции стало появление Приказа № 1 Петроградского Совета. Этот документ считали едва ли не про-

* Биржевые ведомости (вечерний выпуск). 1917. 18 мая.

** Пришвин М. М. Указ. соч. С. 80.

*** Речь. 1917. 9 марта.

**** Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. С. 176; Бенца А. Н. Указ. соч. С. 184.

***** Письма – больше, чем воспоминания... С. 274–275.

***** Степун Ф. Указ. соч. С. 311.

дуктом германского Генерального штаба. На деле приказ следует скорее отнести к «самодеятельным» документам солдат петроградского гарнизона. Столь же естественным образом он распространил «завоевания революции» в столице на остальную армию.

Сознание солдат пережило потрясение: они нарушили присягу сакральной фигуре российского бытия – Царю. Отсюда «странности» их поведения: некоторые стали носить георгиевские медали оборотной стороной наружу, желая скрыть изображение императора, другие сдавали свои награды «на нужды войны». «Все они сняли с себя не только погоны, – писал человек, наблюдавший за ними в Екатеринбурге. – Почему-то, нося шинели в рукава, солдаты отстегивали на спине хлястик...»^{*} Повсеместно солдаты лузгали семечки, усыпая шелухой мостовые – по тротуарам они ходить перестали. А поволжские города провоняли усердно поедаемой воблой**.

Война словно отодвинулась в прошлое. Дезертирство казалось теперь частью «законного» протеста против былых «притеснений». До революции из войск Северного фронта, наиболее близкого к столице, выбыло около 50 тыс. солдат, через два месяца их число увеличилось на 25 тыс.^{***} В апреле мирные жители ужасались: устремившиеся на «побывку» солдаты высаживали пассажиров, а битком набитые ими вагоны проседали, их крыши ломались****.

Солдаты потянулись к политике. Желание отомстить тем, кто «затеял войну», становилось навязчивым. Известный журналист В. Амфитеатров-Кадашев свидетельствовал, что даже доктора оказывались плохи тем, что «слишком много солдат признали годными», а потому их самих следует отправить на фронт*****.

Чрезвычайно сильны среди солдат были антиофицерские настроения*****. Вовсе не случайно в ходе восстания развернулась настоящая охота на «предателей-немцев» из офицеров и генералов*****. Часто «немецкий след» был лишь предлогом. Судя по всему, произошедшее 28 февраля убийство командира ставшей впоследствии знаменитой «Авроры» капитана 1-го ранга Никольского было связано с его нежеланием «приветствовать революцию»*****. Многие расправы попадают в разряд массового иступления,

* Аничков В. П. Екатеринбург – Владивосток. (1917–1922). М., 1998. С. 32.

** «Университет жил совершенно нормальной жизнью». Воспоминания Г. Г. Тельберга // Источник. 1998. № 3(34). С. 73.

*** Бонч-Бруевич М. Д. За власть Советов. Воспоминания. Ташкент, 1958. С. 135.

**** ЦДНИ РО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1005. Л. 18.

***** Февральская революция 1917 года. М., 1996. С. 130.

***** См.: Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 47–49, 51–52.

***** Булдаков В. П. Красная смута. С. 124, 226.

***** Неволлин А. С. Авроровцы. М., 1977. С. 39.

но, похоже, в обществе происходящему сочувствовали*. Через два месяца после бойни офицеров в Гельсингфорсе попытка политических лидеров добиться назначения пенсий всем семьям лиц, погибших в ходе переворота, была отвергнута. Матросы и солдаты не желали, чтобы вспомоществование получали родственники убитых офицеров**. Одновременно возник культ революционной жертвенности: 17 марта торжественно хоронили убитых при беспорядках двух матросов. На месте погребения решено было установить памятник***.

Некоторые считали, что «в Кронштадте мятеж был наиболее жестоким и имела место самая чудовищная резня», так как там квартировались исправительные батальоны армии и флота****. Обычно они мстили тем командирам, которые всем своим поведением воплощали в себе неизменность существующего порядка вещей****. Адмирал Р. Н. Вирен, «воспитывавший» матросов чисто репрессивными мерами, был публично расстрелян, а тело его было сожжено на площади перед Морским собором*****. И, хотя особенно пострадали офицеры из этнических немцев, широкое распространение получили представления о том, что их убийства организовывали агенты немецкой разведки. Озверевшие «защитники отечества» словно искали подходящих кандидатов на заклание. В Пскове их жертвой стал полковник Самсонов, начальник распределительного пункта. Считалось, что он изводил солдат, включая выздоравливающих фронтовиков, всевозможными придирами. Ему «повезло»: его застрелили в собственном кабинете несколькими выстрелами в упор*****. В Твери на площади солдаты убили губернатора Н. фон Бюнтинга, потомственного дворянина, гофмейстера, православного. Ему выстрелили в спину, а затем добились штыками*****.

* Так, наборщики типографии наотрез отказались печатать воззвание Совета о недопустимости самосуда над офицерами, а группа левых эсеров и «межрайонцев» в своих воззваниях призывала к продолжению расправ. См.: *Суханов Н. Н.* Записки о революции. Т. 1. С. 155–156.

** Национальный архив Финляндии. Venalaisia sotilasiikirjoja. VA: n luettelo 342:2, n. 3896. Л. 14.

*** *Авдеев Н.* Указ. соч. С. 103.

**** «Русская революция». Донесение начальника бельгийской военной миссии барона Риккеля. 1916–1918 гг. // Исторический архив. 1996. № 3. С. 178.

***** *Бурджалов Э. Н.* Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия. М., 1971. С. 107, 109, 111; *Раскольников Ф. Ф.* Кронштадт и Питер в 1917 году. М., 1990. С. 37–41, 46–48.

***** *Кожевин В. Л.* Российское офицерство и Февральский революционный взрыв. Омск, 2011. С. 143, 134–135.

***** *Бонч-Бруевич М. Д.* Указ. соч. С. 132.

***** Тверская губерния в годы Первой мировой войны / Науч. ред. В. П. Булдаков. Тверь, 2009. С. 393.

Впрочем, чаще дело ограничивалось мирным устранением неугодных командиров. В Архангельске 2 марта волнений в войсках не было, но с 19 марта началось списание с судов офицеров, подозреваемых в симпатиях к старому строю и к Германии*. 4 марта из Владивостока вице-адмирал Шульц сообщал, что «присоединение флота и порта к новому строю прошло без всяких инцидентов», а 5 марта предписал нижним чинам выбирать представителей в Совет рабочих депутатов и Комитет по охране города. Здесь матросы также стали самочинно «увольнять» офицеров**. Из Сарапула вольноопределяющийся сообщал, что у них был смещен батальонный командир штабс-капитан Гебель, «чистокровный деспот – немец». Но были и другие офицеры. Один из них заверил: «Пока в строю, я – офицер, а вне – ваш товарищ»***.

Армия, основывающаяся на прежних принципах субординации, уже не могла существовать – об этом заявляли все солдаты на общем собрании Петроградского Совета 1 марта. Приказ № 1 был в полном смысле вытребован у членов Исполнительного комитета солдатами, основывающихся, в свою очередь, на решении общего собрания Совета. Самый его текст был сформулирован Н. Д. Соколовым «без всяких голосований» по требованиям насевших на него солдат. Н. Н. Суханов утверждал, что приказ был «в полном смысле продуктом народного творчества, а ни в коем случае не злонамеренным измышлением отдельного лица или даже руководящей группы»****. Сам Соколов от авторства приказа отмежевывался.

В тексте Приказа, появившегося вечером 1 марта, говорилось о необходимости избрания «во всех ротах, батальонах, полках, батареях, эскадронах» особых солдатских комитетов; о командировании представителей в Совет рабочих депутатов; о подчинении политических выступлений в войсках столичному Совету; о неисполнении приказов военной комиссии Государственной Думы в случае, если они противоречат постановлениям Совета; о переходе всего вооружения в ведение солдатских комитетов; о соблюдении «строжайшей воинской дисциплины» в строю и необязательности отдания чести офицерам вне службы; об отмене прежней системы титулования офицеров и генералов (от благородия до высокопревосходительства) и заменой их общим «господин» (будь то прапорщик или генерал); воспрещение офицерам «тыкать» нижним чинам*****.

* Военные моряки в борьбе за власть Советов на Севере (1917–1920 гг.). Л., 1982. С. 10–11, 25–28.

** Военные моряки в борьбе за власть Советов на Дальнем Востоке (1917–1922). Владивосток, 1989. С. 33–34, 38–39.

*** Письма вятского обывателя. С. 211–212.

**** См.: Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 47–54; Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 1. С. 144–45.

***** Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957. С. 189–190.

Приказ был быстро размножен в тысячах экземпляров. Он «возбудил в солдатах совершенно несбыточные надежды и вызвал вполне справедливое возмущение в офицерской среде»^{*}. Большинство офицеров испытало от его появления шоковое состояние, несмотря на то что одновременно появилось обращение Совета к «революционным офицерам, смело выступившим на защиту народа»^{**}. Приказ способствовал разъединению, а не сплочению товарищей по оружию. Не случайно иные солдаты на фронте просили обращаться к ним по-старому; некоторые офицеры не без оснований полагали, что «выкание» приведет к растушему взаимному отчуждению^{***}. Генерал Крымов написал страстное письмо военному министру Гучкову, требуя не допускать в армии политической агитации. Прочитав это послание П. Н. Врангелю, он разрыдался^{****}. Впрочем, уже в марте в самом Исполкоме Петроградского Совета стали говорить, что Приказ № 1 был «ошибкой»^{*****}.

Самонадеянная наивность социалистических лидеров была поразительной. М. И. Скобелев пребывал в уверенности, что даже Милюков одобрил появление Приказа № 1^{*****}. Сказывалась умозрительность интеллигентского мировосприятия. В. В. Розанов заметил, что приказ не оказал бы своего разрушительного воздействия, если бы предыдущие $\frac{3}{4}$ века «к нему не подготавливала вся русская литература»^{*****}. Действительно интеллигенция давно смотрела на офицеров как на дурную опору негодного режима. А между тем 7-й пункт приказа об уравнивании солдат в правах со всеми гражданами вне строя был воспроизведен в Декларации Временного правительства от 3 марта 1917 г.^{*****}

Приказ № 1 лишь узаконил неизбежное: в Петроградском Совете солдаты продолжали настаивать на переизбрании офицеров^{*****}. Началось спешное формирование солдатских комитетов. Появившийся 5 марта приказ № 2, разъясняющий недопустимость переизбрания офицеров, уже не спасал прежней субординации – по крайней мере в столице. Вместе с тем кое-где солдаты стали выбирать не только членов своих комитетов и делегатов в

* *Стетун Ф.* Указ. соч. С. 315–316.

** Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 57.

*** *Снесарев А. Е.* Письма с фронта: 1914–1917. М., 2012. С. 580.

**** Воспоминания генерала барона П. Н. Врангеля. Ч. 1. С. 29.

***** Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 489.

***** Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. С. 179.

***** *Розанов В. В.* Апокалипсис нашего времени. М., 1990. С. 43.

***** *Гальперина Б. Д.* Февральская революция и права солдат: опыт источниковедческого исследования // Вопросы истории. 2000. № 10. С. 58.

***** Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 107–116.

Совет, но и «хороших» командиров вместо «дурных». В Московском полку Петроградского гарнизона, где было убито 3 офицера из общего числа 75, солдаты оставили в полку только 7 бывших командиров. Но в целом по столичному гарнизону на своих местах осталось около половины офицеров¹. Солдаты, как видно, испытывали нужду в «своем» начальстве и с обычной для тех дней доверчивостью ждали, что его непременно дадут. Что касается власти за пределами своих подразделений, то она интересовала их главным образом в качестве гаранта учиненной ими внутренней «демократии». Солдаты были озабочены утверждением патриархальных отношений с непосредственным начальством, но никак не судьбой власти в целом.

Впрочем, фронтовиками Приказ № 1 был воспринят далеко не однозначно. 8 марта генерал А. Е. Снесарев сообщал, что в Киеве командир запасного батальона, которому было поручено доставить на фронт 8 тыс. новобранцев, не смог этого сделать: «все разошлись: часть по деревням, часть по Киеву». Но были и противоположные крайности: один солдат обиделся, когда полковник Швамберг в соответствии с Приказом № 1 обратился к нему на «Вы». Для этого солдата, не отрешившегося от патерналистских представлений, этот полковник становился чужим. Но были заметны и другие последствия Приказа: «сапер-солдат: руки в штаны, во рту папироса» – так он понял наступившую свободу. Снесарев даже написал Гучкову: «Армия не поймет новых идей, начнутся шатания, рознь...»² Действительно, некоторые солдаты-гвардейцы жаловались политикам: «Вы просили нас свергнуть старую власть. Мы это сделали. Так дайте же нам новую власть и порядок. Разве без дисциплины может быть войско»³.

Временному правительству в любом случае пришлось бы признать Приказ № 1. Дело в том, что одним из принципиальных «Оснований» своей деятельности правительственный кабинет сделал «неразоружение и невывод из Петрограда воинских частей, принимавших участие в революционном движении»⁴. У новой власти, трепетавшей перед угрозой контрреволюции, не оказалось выбора. Гучков в связи с этим заявил, что теперь петроградский гарнизон «будет держать нас в плену»⁵. Так и случилось. Ни появление приказа № 114 (по военному ведомству), ни объявление Петроградским Советом

¹ *Старцев В. И.* Революция и власть. Петроградский Совет и Временное правительство в марте–апреле 1917 г. М., 1978. С. 69; *Журавлев В. А.* Периодическая печать о российском офицерстве 1917 г.: нерешенные проблемы и трагические последствия // Клио. 1999. № 1(7). С. 59.

² Фронтовые дневники генерала А. Е. Снесарева. С. 53–54.

³ Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. С. 180.

⁴ *Керенский А. Ф.* Россия на историческом повороте. М., 1993. С. 147.

⁵ Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993. С. 75.

«уточняющих» приказов № 2 и 3 не добавили ясности в представления солдат о новой гражданско-военной субординации. С другой стороны, «солдатская тема» позволяла Совету давить на Временное правительство. В результате Гучкову пришлось уволить до 60 % высших офицеров, включая 8 генералов, командовавших фронтами и армиями, 35 из 68 командиров корпусов и 75 из 240 начальников дивизий*.

Скоро обнаружилось, что число заболеваний среди солдат «неожиданно» увеличилось на 120 %, среднее число зарегистрированных в месяц дезертиров возросло на 400 %. Резко возросло число «самовольщиков»**.

«Русский солдат – величественен, красив и чуден, когда он держится в узде железной дисциплины... но, выпущенный из рук и занятый делами посторонними, он – ужасен», – писал А. Е. Снесарев. И все шло к тому, что «одна крупная неудача на фронте – и из Свободной России моментально получится Разнузданная Россия»***. В своих опасениях он был не одинок. Многие понимали, что низы искали своих «настоящих» лидеров, но интеллигенция не могла их дать.

Революционная «зараза» распространялась стремительно. 12 марта военный парад на Красной площади прошел вполне организованно, но на плакатах уже появились лозунги «Мир без аннексий и контрибуций!» Девиз европейского социалистического движения стал еще одним инструментом тотального разложения русской армии. Демократия в России, как всегда, понималась по-своему.

5. Революция и слухи (В. Б. Аксенов, В. П. Булдаков)

Революциям, чтобы распалить себя, нужен сильный, коварный и вездесущий враг – его образ создавали слухи. В дни революции среди демонстрантов распространилось поверье, что полиция стреляла по ним из пулеметов, да еще и с крыш домов. Последнее ничем не подтверждается, большинство полицейских чинов пулеметов в глаза не видело, тащить «максимы» и «льюисы» на крыши было проблематично. За этим стояло желание придать свергнутой власти черты дьявольски-изошренной и могущественной репрессивности****.

После победы революции апогеем обывательских страхов стала массовая истерия, охватившая жителей обеих столиц, относительно слухов о «черных авто». Они якобы появлялись по ночам в разных частях города и расстрелива-

* Кавтарадзе А. Г. Июльское наступление русской армии в 1917 г. // Военно-исторический журнал. 1967. № 5. С. 113.

** Лыков И. П. 92-й пехотный Печорский полк российской императорской армии и его участие в Первой мировой войне. М., 2011. С. 118.

*** Снесарев А. Е. Указ. соч. С. 580.

**** Булдаков В. П. Красная смута. С. 121.

ли обывателей и милиционеров. Между тем в условиях войны была проведена ревизия всего моторного транспорта, а затем и его реквизиция у частных лиц для передачи в пользование государственных и общественных организаций, обеспечивавших нужды военного времени. Неучтенных, бесхозных моторов в стране, а тем более в столице, не было. Тем не менее рассказы о «черных авто» подхватывались представителями самых разных социальных слоев. Первое известие о них датируется 2 марта. «Появился в Петербурге некий “черный автомобиль”... стрелявший в прохожих чуть ли не из пулемета». На деле все было проще. «Со стороны Владимирской площади, откуда доносятся выстрелы, несутся автомобили-грузовики, наполненные вооруженными рабочими и солдатами; огромные красные флаги, крики “ура” и стрельба в воздух... – записал в дневнике истисковед Н. Н. Пунин. – Автомобили непрерывно носятся по Загородному...»*

9 марта «Русские ведомости» сообщили о предпринятых в Петрограде «таинственными моторами» ночных разбойничьих набегах. После этого тема «черных авто» стала самой популярной в столичной прессе, а 16 марта их «обнаружили» в Москве. Журналисты даже определили район, в котором появления «черных авто» носило почти регулярный характер, – Трубная площадь, Сретенка и Садово-Спасская. Петроградские милиционеры составили список номеров этих авто и вскоре был арестован гласный городской думы Д. А. Казизин**. Когда его личность была установлена, «подозреваемого» отпустили.

Скорее всего «страшные» автомобили нарисовало взвинченное людское воображение. Сдерживаемое дисциплиной неосознанное солдатское недовольство выплеснулось неуправляемым озорством. Солдатам понравилось кататься. М. Пришвин писал: «...Мчится автомобиль с красным флагом с солдатами, пулеметом, и барышня там зачем-то сидит, и косичка у нее маленькая, маленькая рыженькая. “Ура!” – кричит, а из автомобиля стреляют: салют»***. Революционеры самоутверждались в соответствии с символикой времени; боязливым обывателям оставалось только демонизировать происходящее.

Скоро сознание горожан перекалвалифицировало владельцев авто – «монархистов» в банду сбежавших уголовников. Кроме того, не без доли облегчения обывателями было замечено, что наибольшую опасность автомобили представляли для милиционеров, поэтому скоро появился слух об охоте на городскую милицию. «Черные авто» из информационного поля слухов перешли и в семиотическое поле литературных и изобразительных образов. В журналах стали печататься фельетоны, карикатуры на пугающихся любого автомобиля

* Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 1. С. 178; Пунин Н. Указ. соч. С. 109.

** См.: Русские Ведомости. 1917. 9 марта; Московский листок. 1917. 17, 18 марта; Кельсон З. Милиция февральской революции. Воспоминания // Былое. № 1(29). 1925. С. 169.

*** Пришвин М. М. Указ. соч. С. 78.

милиционеров*. День 12 апреля стал рекордным по числу зафиксированных происшествий. Разбор каждого случая появления «черного авто» показывает, что переросшие в массовый психоз индивидуальные страхи заставляли «опознавать» в них практически любой движущийся ночью объект**.

Характерен случай, произошедший ночью 12 апреля, когда четыре милиционера Спасской части на автомобиле выехали по уголовному делу. Когда автомобиль проезжал по Невскому проспекту, он издал хлопок, то ли от лопнувшей шины, то ли из выхлопной трубы. На звук тут же отреагировали постовые милиционеры и открыли беспорядочную стрельбу, в результате которой была убита лошадь проезжавшего мимо извозчика. Когда автомобиль остановился, на милиционеров набросилась толпа, намереваясь совершить самосуд. Постовые милиционеры смогли отбить своих товарищей. Другой случай произошел на Можайском шоссе. Стоящий на посту милиционер в темноте принял за черный автомобиль... броневик с солдатами, который не остановился на его свистки. Милиционер открыл стрельбу по броневнику, солдаты ответили беглым ружейным огнем. Никто, к счастью, не пострадал***.

Конечно, наиболее действенными оказывались слухи о нежелании властей думать об обещанном Петроградским Советом мире. Они-то и порождали массовые угрозы покинуть фронт. Были и курьезные слухи, за которыми, однако, могли стоять сознательные пропагандисты. Так, в Архангельске заводские работницы передавали друг другу, что за вступление в партию большевиков «будто бы выдают ситец»****.

Иные слухи отражали реальные социальные опасения. Так, в Западных губерниях говорили, что Временное правительство намерено передать православные церкви католикам. На Кавказском фронте распространялись слухи о вооружении мусульман, намеревавшихся выступить против русских. В Уральской области прошел слух, что во время ярмарки киргизы (казахи) устроят бунт и начнут отнимать у русских землю. Напротив, говорили, что в Пржевальском уезде местные начальники самовольно раздавали оружие запасникам, более того, уезд объявил у себя «республику» и запретил вывозить хлеб за ее пределы. Здесь же пронесся слух о том, что готовится «выступление киргиз», следовательно, надо срочно вооружить европейское население*****.

В революционные времена страхи, перерастающие в слухи, активно формируют информационное пространство. Политики, которые с этим не считаются, проигрывают первыми. Структура слухов показывает запредельно вы-

* 20-й век. Пг., 1917. № 14. С. 14.

** См.: *Аксенов В. Б.* Слухи и страхи петроградцев и москвичей в 1917 г. // Социальная история: Ежегодник. 2004. М., 2005. С. 163–200.

*** Петроградский листок. 1917. 13 апреля. С. 5.

**** *Булдаков В. П.* Красная смута. С. 158.

***** *Булдаков В. П.* Хаос и этнос. С. 207, 228, 229, 254, 256.

сокую степень дезориентированности и депрограммированности неуклонно архаизирующегося социального пространства. Российским политикам, ориентированным на переустройство общества по «самым передовым» социальным моделям, предстояло найти общий язык с нетерпеливыми и недоумевающими массами.

Глава 2. ВОЙНА И ДЕМОКРАТИЯ

1. Временное правительство и власть на местах (*В. П. Булдаков*)

Временное правительство стремилось любым способом стабилизировать ситуацию. 8 марта был опубликован манифест о восстановлении Конституции Финляндии, автором которого был Милюков. Этот акт, выдержанный в стиле царских манифестов, создавал некоторую политико-юридическую неопределенность в отношениях между Россией и Финляндией. Если в прошлом государственно-правовая связь между ними была освящена личной унией императора с финским народом, то теперь манифест навязывал аналогичную функцию будущему Всероссийскому Учредительному собранию.

В условиях заметного ухудшения продовольственного снабжения Финляндии из России подобная перспектива не могла удовлетворить финляндских политиков, тем более что 13 марта финляндский Сенат стал коалиционным, т. е. менее послушным российской власти. Характерно, что финские социал-демократы представили Керенскому записку о расширении автономии. Вряд ли улучшило взаимопонимание заявление Керенского на митинге 16 марта в Гельсингфорсе о том, что он приехал «принести финляндскому народу весть о его свободе». Вскоре из ссылки вернулся П. Свинхувуд – правый прогермански настроенный социал-демократ, сотрудничавший с активистами*.

16 марта появилось правительственное обращение «К полякам», весьма напоминавшее былые предложения С. Д. Сазонова об объединении Польши под скипетром русского царя. Документ породил массу вопросов. В обращении проводилась идея создания независимой этнографической Польши, в которой будут «ограждены права национальных меньшинств» и которая будет связана «свободным военным союзом с Россией». Документ породил массу внутрироссийских проблем – многие лидеры национальных движений готовы последовать за поляками**.

11 марта было подписано правительственное постановление о приостановке исполнения законов «о землевладении и землепользовании австрийских, венгерских и германских выходцев» – до созыва Учредительного собрания.

* *Булдаков В. П.* Хаос и этнос. С. 181.

** Там же. С. 182–183.

15 ограничительных актов потеряли силу, что, вероятно, вызвало недоумение у той части населения, которая уже воспользовалась землей и результатами труда «врагов».

Тем временем на местах сохранялся компромисс различных идейно-политических сил при сохранении уважения к общероссийской власти. Из Ставрополя губернатор кн. Оболенский докладывал, что возглавил Комитет общественной безопасности вместе с «очень достойными людьми». Временному правительству пришлось дать команду о его устранении. В Орле губернатор гр. П. В. Гендриков предложил образовать для управления особое совещание, куда бы вошли помимо него предводитель дворянства, председатель земской управы, представители комитета общественной безопасности и Совета. Местные либералы и социалисты согласились. Они аплодисментами приветствовали заявление начальника Орловского кадетского корпуса генерал-лейтенанта Р. К. Лютера в верности Временному правительству и заверения жандармского подполковника, обещавшего служить новой власти не менее честно, чем старой. Наиболее влиятельными в КОБах (часто выступавших под другими названиями) оказывались либо известные в прошлом общественные деятели, либо новоявленные демагоги. Первое время они старались действовать согласованно. Если в столице социалисты и либералы никак не могли договориться между собой, то, к примеру, в самарский комитет вошли по 5 большевиков и меньшевиков, а также 3 эсера, которые стали соседствовать с 7 кадетами. В далеком Якутске общественный комитет возглавил ссыльный большевик Г. И. Петровский, вскоре утвержденный комиссаром Временного правительства*. Налицо было стремление к формированию внепартийной власти.

Для стабилизации государственно-правового положения В. В. Шульгин предложил создание законосовещательного органа, в котором ведущие политики могли бы согласовать и уточнить свои прежние установки**. В сущности, власть двинулась именно по этому пути, погрязнув в бесконечных согласованиях, переросших со временем в склоки. Все это вызывало по меньшей мере недоумение снизу. Массы требовали оперативного решения своих проблем и «понятных» действий.

Командующим Петроградским военным округом стал командир 25-го армейского корпуса генерал-лейтенант Л. Г. Корнилов. Его назначение произошло по рекомендации Гучкова. В политическом активе Корнилова был побег из плена и арест им 7 марта царской семьи. Генерал уже тогда понимал первостепенную необходимость «жесткой расчистки Петрограда». 14 марта после совещания с начальниками военных училищ он вывел столичных юнкеров, поддержанных артиллерией, на Дворцовую площадь. «Нас было 14 тыс. луч-

* *Булдаков В. П.* Красная смута. С. 312.

** См.: *Николаев А. Б.* «Парламентский» проект В. В. Шульгина // Россия в 1917 году: новые подходы и взгляды. Вып. 2. СПб., 1994.

ших в то время войск в России: дисциплинированных, молодых, храбрых и нерассуждающих, – вспоминал один из юных участников событий. – Мы были настроены решительно... Всем уже осточертели речи»*. Но дальше демонстрации дело не пошло – воспротивился Керенский, подозрительно относящийся к генералитету. В конце марта генерал А. М. Крымов, посетив столицу, также предлагал «расчистить» ее, полагая, что для этого будет достаточно одной дивизии. На сей раз его не поддержал Корнилов**.

На местах столичного «двоевластия» не замечали. Провинция словно замерла в ожидании приказов от новой власти. Местные Советы тяготели к примирению с «буржуазной» властью. Гигантская масса телеграмм в адрес Временного правительства после каждого очередного политического кризиса содержала призывы к «дружной и плодотворной работе» правительства и Совета.

6 марта Временное правительство издало директиву о вступлении председателей губернских и уездных земских управ (они считались либералами) в должность правительственных комиссаров. Это распоряжение не учитывало существования неземских губерний и областей. На местах приходилось срочно исправлять ситуацию. И хотя из сотни законодательных актов Временного правительства более 40 касались органов местного самоуправления, ситуация в стране оставалась юридически запутанной. Позднее, в августе 1917 г., на Государственном совещании от лица Московской городской думы В. В. Руднев настаивал, что «нет иного пути к осуществлению истинного народоправства в государственном масштабе, как только через укрепление и расширение базы самоуправления». При этом государству следует ограничиться «только надзором за законностью действий органов местного самоуправления»***. Достичь этого было крайне трудно.

Разумеется, правительство сознавало, что у власти на местах могут оказаться не меньшие реакционеры, чем старые губернаторы. Поэтому премьер заявил, что комиссары не должны рассматриваться в качестве должностных лиц, стоящих над общественными комитетами****. В результате в общественное сознание проникла мысль, что представителей власти на местах не только допустимо, но и необходимо смещать. Результаты не замедлили сказаться. К концу марта назначенные, точнее, утвержденные правительством комиссары удержались только в 23 губернских центрах из 55, остальные были пе-

* *Мамонтов С. И.* Походы и кони. Воспоминания о Гражданской войне // Подъем. 1992. № 5–6. С. 12.

** *Иоффе Г. З.* Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995. С. 44, 119.

*** *Кукушкин Ю. С., Тимофеев Н. С.* Самоуправление крестьян России (XIX – начало XXI в.). М., 2004. С. 30; Государственное совещание. М.; Л., 1930. С. 139, 140.

**** *Старцев В. И.* Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980. С. 203.

реизбраны. Что касается комиссаров уездного уровня, то здесь «правительственными» были только 177 из 439*. В любом случае губернские комиссары оказывались в трудном положении по причине нехватки средств. Деньги, если и собирались, то тратились на низовом уровне, убедить массы в необходимости содержания «революционного» чиновничества было трудно.

Началась полоса растущей демагогии. В Екатеринбурге один из лидеров местных кадетов Л. А. Кроль использовал увеличение числа допущенных в КОБ организаций для разжижения в нем представителей левых, что обеспечило ему должность председателя. Но полностью нейтрализовать левых все равно не удавалось. Екатеринбургский КОБ просуществовал менее трех месяцев. «Буржуазная» власть лишилась своей естественной социально-организационной опоры. Заседать оказалось некому, КОБ прекратил свое существование. Некоторые КОБы «левели». Так, в Нахичевани 19 апреля было отказано в представительстве цензовым элементам**. Но такие крайности были исключением.

Местные власти сразу же столкнулись с неожиданными проблемами. В ходе послефевральских обысков обнаружилось обилие «бесхозных» товаров на складах (на деле припасенных для спекуляции). Было предложено реквизировать их – право собственности было поставлено под сомнение самими властями. Отдельные общественные комитеты под давлением социалистов прибегли к реквизициям сахара, табака, спичек***. Это повлекло за собой не только монополизацию распределения товаров первой необходимости, но и слухи о всевозможных злоупотреблениях. И такие проблемы множились.

Иные КОБы довольно успешно сопротивлялись «анархии». Так, в Курской губернии (в прошлом поставлявшей в Думу правых) на базе самоуправлений (включая волостные) в ходе бесчисленных кооптаций возник «Губернский народный Совет» численностью до 4 тыс. человек. Казанский КОБ включал в себя представителей губернских и уездных органов самоуправления и управления, делегатов от рабочих, солдатских и офицерских Советов, кооперативов, предпринимателей, ВПК, союзов учителей, земских служащих, железнодорожников, почтовиков, сельского духовенства. Также входили в Комитет представители мусульман (социалистов и несоциалистов), других народов губернии и «национальных» беженских организаций. Уфимский губернский комитет общественных организаций включал в себя относительно немного мусульман (7 организаций из 79), а также представителей поляков, евреев, латышей, чувашей. Даже в губерниях с почти однородно русским населением в КОБы входили представители беженских организаций – еврейских, польских, латышских, литовских. В общем, стихийно сложилась эффективная система, учитывающая и интересы управления, и нужды наименее необеспеченных и

* Красный архив. 1926. № 2(15). С. 40.

** Булдаков В. П. Указ. соч. С. 311.

*** Аничков В. П. Указ. соч. С. 44.

забитых слоев населения^{*}. Но она могла действовать лишь до тех пор, пока люди были настроены на сотруничество.

Характерно, что в ряде случаев противостояние Временного правительства и КОБов сходило на нет. Механизм притирки оказался элементарен: утверждение наверху кандидатур правительственных комиссаров, предлагаемых самими комитетами. К тому же местные власти не могли чувствовать себя вполне легитимными без законов, утвержденных высшей властью. Порой это принимало курьезные формы. В середине лета Донской Войсковой Круг, самостоятельно выработав меры по искоренению винокурения и пьянства, настаивал на том, чтобы они были утверждены правительством^{**}.

Но возникла новая, более опасная для иерархии властвования зона конфликта: противостояние КОБов губернского и уездного уровня (интеллигентских по составу) и волостных, т. е. крестьянских комитетов. Последние, по сути дела, были не комитетами в «городском» понимании этого слова, а ситуационные организации крестьян, воспользовавшиеся революцией для решения своих собственных проблем – будь то возвращение наиболее несговорчивых отрубников в общину или решение тяжб с помещиками в свою пользу. Но с апреля в деревню хлынули солдаты-отпускники, и с их появлением началось вытеснение из крестьянских комитетов представителей сельской интеллигенции – от священников до учителей. В силу революционной моды некоторые волостные комитеты, пополнившись солдатами и рабочими, стали даже именовать себя Советами. Воспользовавшись той или иной вывеской, крестьяне восстанавливали свою «справедливость»; интересы тех, кто находился за пределами общины, их не волновали.

Именно в связи с этим система КОБов, вкупе с институтом правительственных комиссаров, не сложилась в эффективную властную иерархию. Революционный корпоративизм формировался как на традиционалистской (сословной), так и частично обновленной (профессиональной) базе, но при этом он нелепо (в смысле управления) политизировался изнутри. Источником его позитивной динамики могло стать не «представительство интересов», а то, что У. Розенберг удачно назвал «демократизацией участия»^{***}. В противном случае взаимодействие интеллигентских доктрин с растущими ожиданиями населения начинало разрушать систему.

При этом удивительно, насколько долго местные Советы (имевшие свое представительство в КОБах) подпирали «буржуазную» власть. Вместе с тем появление «советских республик» (не только Кронштадтской, но и Херсонской, Ревельской и Красноярской – уже в мае 1917 г.) подсказывает,

^{*} Булдаков В. П. Красная смута. С. 311.

^{**} Там же. С. 313.

^{***} Розенберг У. Государственная администрация и проблема управления в Февральской революции // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция. С. 128–129.

что вытеснение «буржуазной» иерархии власти могло идти без большевиков и прочих экстремистов, поскольку Советы представляли собой квазисоборную (на манер сельского схода) структуру. В любом случае баланс внутри формирующейся пирамиды зависел от вопросов о мире и земле.

2. Советы и массы (В. П. Булдаков)

О роли Советов в Октябрьской революции создано немало легенд – как меньшевиками и эсерами, так и большевиками. Так или иначе, получается, что эти «общенародные» органы власти сыграли основную роль в противостоянии буржуазии. На деле Советы с самого начала были своего рода интеллигентской ширмой, прикрывающей подлинное лицо народной революции. За Советами стояли силы, не подвластные воле какой бы то ни было партии, но которые могли вынести на вершину власти ту из них, которая отдавала бы предпочтение «революционному творчеству масс», а не собственным программам.

Центральное место в представлениях о послефевральской власти занимает миф о двоевластии – параллельного с Временным правительством существования Совета(ов). Первому из них приписывается образ «власти без силы», второму – «силы без власти». Происхождение мифа имеет двойной источник: с одной стороны, о двоевластии заговорили либералы, почему-то решившие, что их властвованию ничто ни должно мешать, с другой – их по-своему поддержали социалисты, склонные преувеличивать свои заслуги в «борьбе с буржуазией». Со временем утверждения последних перехватили большевики, нуждавшиеся в институционной «легитимизации» своего прихода к власти. Понятно, что устойчивость данного мифа связана с доминированием авторитарной политической культуры, отторгающей диалоговые формы взаимоотношения власти и общества. Сказывались и обычные для победивших революционеров страхи. Так, 24 марта на заседании Исполнительного комитета Петроградского Совета из уст Ю. М. Стеклова прозвучала такая достойная изумления фраза: «Мы имеем уже двух врагов: Николая и Временное правительство»^{*}.

Идея формирования общегородского Совета возникла в первые дни революции в ходе формирования на заводах стачечных комитетов. 25 февраля вопрос о необходимости выбирать депутатов в столичный Совет возникал на информационных собраниях представителей различных подпольных организаций. Снова вопрос об организации Совета встал 27 февраля. Активную роль в создании Совета сыграли меньшевики и эсеры – в основном члены

^{*} Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции, постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета и фракций. Т. 1. 27 февраля – 31 марта 1917 года. Л., 1991. С. 489.

Военно-промышленного комитета, только что освобожденные из тюрьмы, а также кооператоры и представители профсоюзов. Когда Таврический дворец заполнился восставшим народом, они, захватив комнаты № 11 и 13 (где ранее размещались финансовая и бюджетная комиссии Думы), провозгласили образование Временного исполнительного комитета Петроградского Совета рабочих депутатов. В его состав вошли меньшевики К. А. Гвоздев, Б. О. Богданов, Н. С. Чхеидзе, М. И. Скобелев, меньшевик-интернационалист К. С. Гриневич, внефракционный социал-демократ Н. Д. Соколов, бундовец Г. М. Эрлих. Тут же от лица Исполкома была составлена и размножена листовка с призывом об организации заседания представителей рабочих и солдат. Предлагалось делегировать по одному представителю на роту солдат и одному делегату на тысячу рабочих*.

27 февраля появилось воззвание Временного исполнительного комитета Совета рабочих депутатов с призывом к гражданам организовать снабжение продовольствием солдат, перешедших на сторону революции. На следующий день Исполнительный комитет Совета рабочих призвал к организации районных комитетов, а также рабочей милиции с указанием мест ее сосредоточения**.

Поначалу в Совете собралось всего около 100 человек, из них 40–50 непосредственно избранных от заводов и фабрик. Председателем Исполнительного комитета стал лидер социал-демократической фракции Государственной думы меньшевик Н. С. Чхеидзе, его заместителями – эсер А. Ф. Керенский и меньшевик М. И. Скобелев. В Исполком из 15 человек вошли также большевики А. Г. Шляпников и П. А. Залуцкий. Совет формировался стихийно из членов социалистических партий. 1 марта в Исполком было выбрано 10 представителей солдат и матросов. Исполком в первую очередь рассмотрел продовольственный вопрос. Было решено образовать совместно с Временным комитетом Государственной думы продовольственную комиссию, призванную конфисковать запасы муки для снабжения ею пекарен. Было выбрано 10 эмиссаров для организации районных Советов. Была организована также военная комиссия для руководства действиями солдат. Она сразу же пополнилась офицерами от Временного комитета Государственной думы, а затем перешла под главенство думского комитета.

На выборах Исполнительного комитета наибольшее число голосов получили нефракционные кандидаты. Они, как фигуры относительно нейтральные, невольно получили преимущество перед «официальными» представителями партий и выдвиженцами рабочих организаций, за которых голосовали по преимуществу «свои». По мнению Н. Н. Суханова, большинство Исполнительного

* *Суханов Н. Н.* Записки о революции. Т. 1. М., 1991. С. 76, 77; *Старцев В. И.* 27 февраля 1917. М., 1984. С. 157–158.

** Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 21–22.

комитета составляли циммервальдцы, то есть сторонники «мира без аннексий и контрибуций»^{*}.

Совет сразу же (28 февраля) обрел свой печатный орган – газету «Известия». После этого Совет стал быстро и столь же бессистемно пополняться новыми членами. Чрезвычайно активны были солдаты. Этому способствовала разъяснительная работа среди них, а также организация для них отдыха и питания. Примечательно, что солдаты ухитрились избрать в Совет даже несколько десятков офицеров^{**}. После того, как стало ясно, что революция победила, началось бессистемное пополнение Совета. Приходили «почтово-телеграфные чиновники, учителя, инженеры, земские и городские служащие, представители врачей, адвокатов, «офицеров-социалистов», артистов», убежденные, что «их место в Совете»^{***}. На 18 марта Совет включал в себя около 2000 представителей солдат и 800 рабочих. Такая пропорция отражала реальное соотношение социальных сил в свершившейся революции. Солдатская и рабочая секции с самого начала работали относительно независимо друг от друга, хотя партийные фракции Совета были едиными. 9 марта оформилась большевистская фракция Совета из 40 человек.

С самого начала в Петроградском Совете выделились Исполнительный комитет, в котором преобладали партийные и беспартийные социалисты, и собственно Совет с его многочисленными общими собраниями. Если в первом случае было заметно влияние тех или иных доктрин, то собрания выливались в своеобразные митинги, где по обычаю первых дней революции каждый мог высказать «наболевшее». На общем собрании обсуждали вопросы о взаимоотношении с Временным правительством, об аресте Николая II, о возобновлении работ на предприятиях, о продовольственной ситуации, об организации милиции. Весьма основательно рассматривался вопрос о похоронах жертв революции. Помимо Марсова поля для торжественного захоронения предлагались Дворцовая площадь, Казанский собор, Таврический сад, Знаменская площадь, Летний сад. На окончательное решение повлияло мнение М. Горького, других видных деятелей культуры и архитекторов. Было решено также, что похороны должны быть гражданскими^{****}.

В обеих секциях с приветствиями постоянно выступали представители с мест. В рабочей секции наиболее остро встали вопросы о 8-часовом рабочем дне, о повышении заработной платы, о фабрично-заводских комитетах, о примирительных камерах, о минимуме заработной платы. В солдатской секции дебатировали о взаимоотношениях с офицерством, повышении жалованья,

^{*} Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 1. С. 100, 113.

^{**} Соболев Г. Л. Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. Л., 1985. С. 64.

^{***} Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 1. С. 115.

^{****} См.: Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 144, 146, 148, 151–152, 158, 180–182, 203, 230, 243, 257.

отпусках, денщиках, присяге, солдатских комитетах. Об уровне политической культуры можно судить по выступлениям 8 марта в солдатской секции. Здесь говорили о том, что «нам нужна республика, а не конституция», – эту «истину» следовало проповедовать на местах. При этом «крестьянский депутат Черноморской губернии» утверждал, что «конституция – это только накормление наполовину», а «республика – это когда человек будет накормлен совсем». Конституцию он сравнивал с «серебряной копеей», республику – с «золотой»^{*}.

Петроградский Совет легко мог превратиться в бесплодную «говорильню» наподобие крестьянского схода. Если это произошло не сразу, то только в силу того, что его постоянно подталкивали влево рабочие и крестьянские массы, чем в нужные для себя моменты пользовались большевики. Характерно, что Исполком сразу же отказался оказывать какое бы то ни было влияние на состав Временного правительства^{**}. Похоже, что социалисты заранее были готовы к роли оппозиции при «буржуазной» власти.

Довольно скоро встал вопрос об Учредительном собрании. Его подогрели слухи о том, что Временное правительство намерено созвать его в Москве. Это было воспринято как «желание уйти из-под контроля революционного народа». Исполком Петроградского Совета заверил, что Г. Е. Львов категорически опроверг эти слухи^{***}.

15 марта появилось обращение Совета «К народам всего мира», в котором говорилось, что «наступила пора начать решительную борьбу с захватными стремлениями правительств всех стран; наступила пора народам взять в свои руки решение вопроса о войне и мире». Совет обращался «к братьям-пролетариям австро-германской коалиции, и прежде всего к германскому пролетариату», лидеры которого убеждали в том, что «защищают культуру Европы от азиатского деспотизма». Теперь же «демократическая Россия не может быть угрозой свободе и цивилизации». Большевики сочли резолюцию неудовлетворительной. В. М. Молотов, выступая 22 марта на заседании Исполкома Совета, заявил, что «требуется политический акт, а не прокламация». Он предлагал поставить вопрос о мире «перед массой»^{****}.

Между тем, по некоторым подсчетам, в массе писем в Петроградский Совет выделялось четыре блока целевых приоритетов – борьба против внутреннего врага, требование скорейшего мира, необходимость борьбы с внешним врагом, приверженность христианским ценностям^{*****}. Характерно, что среди писем

^{*} Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 212.

^{**} *Суханов Н. Н.* Записки о революции. Т. 1. С. 143.

^{***} Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 273.

^{****} Там же. С. 323–324, 471.

^{*****} См.: *Поршинева О. С., Поршнев С. В.* К характеристике менталитета народных масс России: Революция 1917 г. в фокусе массового сознания. (Опыт статистического ана-

в начале марта попадались неожиданно «благостные», с низжайшими просьбами впредь наказывать розгами только тех, «которые явно наносят вред нашей родине»^{*}.

На местах образование Советов развернулось с 1 марта 1917 г. Считается, что в течение месяца возникло 242 Совета рабочих депутатов и 116 Советов солдатских депутатов. Как правило, Советы создавались партийными представителями военно-промышленных комитетов, профсоюзов, кооперативов. Повсеместно преобладали меньшевики и эсеры, а также «беспартийные социалисты», лишь 27 рабочих Советов возглавляли большевики. В некоторые «пролетарские» Советы избирались и служащие, из среды которых рекрутировались «соглашатели с буржуазией». В небольших городах, гарнизон которых подчас превышал местное население, первым делом возникали солдатские Советы. В Курске, где находился большой гарнизон, первым организовали свой Совет офицеры, к которому солдаты присоединились 9 марта; рабочий же Совет возник здесь лишь 9 апреля^{**}.

В определенной степени Петроградский Совет играл политико-просветительскую роль. 25 апреля один солдат сообщал в Петроградский Совет из Пензенской губернии: «Крестьяне ничего не понимают в политике. Хотя здесь уже побывали депутаты [из Совета], крестьяне очень скоро забыли, что они им говорили о свободе, республике, монархии»^{***}. Если кто-то и мог что-либо объяснить крестьянам, то только представители Советов с их навыками пропагандистской деятельности.

Уже в мае произошло снижение интенсивности работы Петроградского Совета. Заседания полного состава Исполкома проводились все реже. Определять его решения стало Бюро Исполкома, получившее название «Звездной палаты». Среди ее членов выделялись И. Г. Церетели – «честный, чистый, мужественно-прямой», Н. С. Чхеидзе – «сутулый седеющий грузин, не очень образованный теоретик и малосамостоятельный политик, но всеми уважаемый человек», Ю. М. Стеклов – «наглый бородач» и «лютый анархо-марксист», Б. О. Богданов – «очкастый и потный... с шишкой на лбу», Суханов – «скептически-брезгливый», «беспартийный марксистский чистоплюй и никчемный деятель революции». По любому поводу выступали Ф. И. Дан – «одутловатый хрипун», М. И. Либер – «желтолицый», «щуплый, похожий на гнома» с «ассирийской бородой». «Либерданить», отмечал Ф. Степун, означало «нести ерунду». На их фоне как «наиболее значительный теоретик»

лиза писем рабочих, крестьян и солдат в центральные органы Советов рабочих и солдатских депутатов) // *Круг идей: Историческая информатика на пороге XXI в. М.; Чебоксары, 1999. С. 140–141.*

^{*} Солдатские письма 1917 года. М.; Л., 1927. С. 30–31.

^{**} См.: *Миц И. И.* История Великого Октября. Т. 1. Свержение самодержавия. М., 1977. С. 682, 686, 687.

^{***} Цит.: по: *Figes O., Kolonitskii B.* Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917. New Haven and London, 1999. P. 128.

выделялся Ю. О. Мартов, который, однако, «не был человеком тех быстрот и упрощенно-определенных решений, без которых нельзя было вести революционную массу». Впрочем, трудно говорить об адекватности любых оценок тех лет. Суханов, к примеру, считал, что «Дан – одна из наиболее крупных фигур русской революции»^{*}.

Конечно, Петроградский Совет, независимо от целей его руководителей, становился генератором протестных настроений. Возможно, сказывалась «подсознательная ненависть Совета к офицерству», которая, по мнению Ф. Степуна, «сыграла в разложении армии более отрицательную роль, чем политически не продуманные меры Временного правительства»^{**}.

Некоторые Советы относились подозрительно к мероприятиям церкви. Так, в Москве на собрание Варнавинского общества трезвости, на котором доцент Московской духовной академии Н. Д. Кузнецов делал доклад «О задачах церкви в переживаемый момент», заявилось несколько вооруженных членов Совета рабочих депутатов и, направив на докладчика револьверы, объявили, что он арестован за то, что «занимает народ церковными вопросами, тогда как народ должен заниматься политикой»^{***}.

3. Система общественных организаций:

консолидация демократии?

(В. П. Булдаков, С. М. Исхаков)

Несомненно, до поры до времени ситуация на местах сглаживалась тем, что социалисты преобладали и в думах, и в Советах. Но успешно действовать одновременно в интересах всего населения и «классовых» организаций партийные функционеры не могли – на это не хватило бы никакого личного авторитета, не говоря о деловых качествах. В подобных обстоятельствах Советы могли по преимуществу радикализироваться, а муниципалитеты становиться политической ловушкой для людей, не искушенных в вопросах городского хозяйства. Московские чиновники в конце сентября никак не могли выработать правила по продаже галош – отказались от особых отметок в паспортах, решили, что домовые комитеты установят среди жильцов очередность на право получения соответствующих ордеров. Обыватели особенно дорожили галошами, которые приходилось приобретать за большие деньги, выстояв в

^{*} Гальперина Б. Д. Предисловие // Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 3. 6 мая – 2 июля 1917 года. М., 2002. С. 7; Степун Ф. Указ. соч. С. 346–247, 381; Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 1. С. 329.

^{**} Степун Ф. Указ. соч. С. 345.

^{***} Богословский М. М. Дневники (1913–1919): Из собрания Государственного исторического музея. М., 2011. С. 350.

соответствующем «хвосте». Круг забот такого рода неуклонно расширялся. Так было везде. В Томске в июне 1917 г. Городской комитет по охранению общественного порядка и безопасности совместно с врачебно санитарным советом приняли постановление о закрытии в городе публичных домов. К примеру, Новочеркасская городская дума (не самая бедная) с начала августа и до конца сентября буквально захлебывалась от следующих проблем: расчет со студентами, выполнявшими обязанности городских милиционеров в апреле и мае; вознаграждение рабочей милиции; удовлетворение ходатайств пожарников, могильщиков, фонарщиков и базарных смотрителей, пособия семьям мобилизованных, отпуск денег гражданам «за кожи павшего от сибирской язвы скота». Но поистине неразрешимой оказалась проблема ассенизации – не было денег на закупку новых бочек для вывоза экскрементов*. Так было не только в провинции, но и в столицах. В Петрограде ощущалась острая нехватка ассенизационных бочек. То же самое наблюдалось в Москве, где наблюдалась угрожающая антисанитарная обстановка**.

Вопреки сложившимся представлениям, в 1917 г. существовали не только Советы рабочих, солдатских или крестьянских депутатов. Так, в марте в Петрограде сформировался особый офицерский совет из числа «офицеров 2 марта», пытавшихся наладить взаимоотношения с солдатами. В Харькове возник Совет студенческих депутатов. Чтобы хоть как-то заявить о себе, в апреле его левые элементы навязали обязательное постановление о проведении общестуденческой забастовки. Примечательной особенностью времени было массовое создание всевозможных национальных организаций. В начале мая воинами-мусульманами Петрограда был создан Совет солдатских делегатов мусульман Петроградского гарнизона. В целом они поначалу встречали благожелательную поддержку общественности. Но бывали и характерные исключения. Так, 17 марта исполком Симферопольского Совета отклонил просьбу о представительстве со стороны крымских татар, мотивируя это тем, что «национальные организации представительства в Совете не имеют»***.

В начале мая в Москве уже существовала Лига интеллигентного труда. Считалось, что эта организация объединяет «пролетарски-трудовую интеллигенцию». В ее программе говорилось о необходимости борьбы за раскрепоще-

* См.: *Быкова А.* «Древнейшая профессия» в истории сибирских городов (конец XIX – начало XX в.) // *Городская культура Сибири: история и современность.* Омск, 1997. С. 120; *Булдаков В. П.* Красная смута. С. 317.

** См.: *Френкель З. Г.* Петроград периода войны и революции. Санитарные условия и коммунальное благоустройство. Пг., 1923. С. 81–82; *Ведомости комиссариата московского градоначальства.* 1917. 9 июня.

*** См.: *Кожевин В. Л.* Указ. соч. С. 214–217; *Пушкарев С. Г.* Воспоминания историка. 1905–1917. М., 1999. С. 48–49; *Исхаков С. М.* Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.) М., 2003. С. 177; *Хроника революционных событий в Крыму за 1917–1918 гг.* // *Революция в Крыму.* 1927. № 1(7). С. 197.

ние личности и «защиту культурных интересов человечества», высказывалась мысль, что интеллигенции надо поспешить, ибо до сих пор она отставала от стремительно развивавшихся событий. Наряду с ней в Москве существовал Совет депутатов трудовой интеллигенции. Чуть позднее возникла федерация союзов работников умственного труда. Состав федерации был пестрым: наряду с такими организациями, как Всероссийский учительский союз, Русское театральное общество, Союз городов, Всероссийский союз инженеров, Российская лига равноправия женщин, в него вошли такие экзотические организации, как Союз служащих в нотных и музыкальных магазинах, Русское общество охраны народного здоровья, Общество инженеров и техников путей сообщения, Зубоврачебный союз и т. п. Дело в том, что, по тогдашним представлениям, интеллигенция включала в себя три слоя – чиновничество, людей науки и искусства и, наконец, «трудовую» интеллигенцию, или «интеллигентный пролетариат»^{*}.

Именно КОБы, опиравшиеся на общественные организации, могли при желании диктовать свои условия власти столичных доктринеров. Однако КОБы становились внутренне неустойчивыми. Самыми влиятельными фигурами в них оказывались либо известные общественные деятели, либо новоявленные демагоги, которые не могли не конфликтовать между собой.

По-своему пытались добиться единения офицеры, особенно молодые. После Февраля командование попыталось внедрить новшества в офицерскую форму: появился специальный нагрудный знак из оксидированного металла, изображавший двуглавого орла (без корон) с горизонтально расположенными крыльями и эмалевой лентой с надписью «Армия свободной России». Но новые армейские символы так и не привились. В начале мая один из офицеров писал, что «защищать и проливать кровь за Россию, когда она не хочет воевать, не имеет никакого смысла»^{**}. Но так думали не многие представители русского офицерства.

В первой половине мая в Могилеве, где размещалась Ставка, проходил учредительный съезд Союза офицеров армии и флота. Общее количество его делегатов составило 300 человек, из них 76 % были представители фронта, 17 % – представители тыловых строевых частей, 7 % – работники тыловых организаций^{***}. Задача съезда состояла в поднятии дисциплины – причем предполагалось, что это произойдет под лозунгом «Россия в опасности!» Если удастся спясть армию, говорил полковник Новосильцев, то «она вновь будет сильна и пойдет туда, куда позовет главнокомандующий»^{****}. О солдатах, их нуждах говорилось мало. В целом этот съезд был относительно аполитичным, но при

* См.: Свобода и жизнь. 1917. 17, 24, 31 июля, 7 августа.

** Письма – больше, чем воспоминания... С. 279.

*** РГВИА. Ф. 2003. Оп. 3. Д. 2724. Л. 232.

**** Русские ведомости. 1917. 10 мая.

этом было определенно сказано, что необходим военный контроль России над проливами.

Иная ситуация была на состоявшемся во второй половине мая 1917 г. Всероссийском съезде офицерских депутатов армии и флота. Здесь офицеры заявляли: «Если солдат будет нас понимать, если мы будем знать, что мы составляем с ним вместе единое целое, что мы вместе всецело за свой родной народ, тогда он... сам пойдет навстречу тем мероприятиям по введению и возрождению дисциплины, которые мы сочтем необходимыми». Примечательно, что на этом съезде его председатель полковник Гушин формулировал задачи русской революции весьма своеобразно. «...Война необходима нам для того, чтобы идеология российская, идеология, которую нам дала великая русская революция, была принята Германией... с целью заставить немцев отказаться от своей захватнической политики и подчинить воле российского народа, воле российской демократии». С этих революционно-патриотических позиций офицеры даже призвали Петроградский Совет всецело поддержать Временное правительство^{*}.

Так называемые национальные организации возникали не только в районах с преобладающим нерусским населением. Так, в Нижегородской губернии в соответствии с левой модой тех дней в марте был создан мусульманский социалистический комитет^{**}, и лишь в апреле в Канавине появился Нижегородский губернский мусульманский комитет, в отличие от первого сосредоточившийся на проблемах культурно-национальной автономии^{***}. 30 марта в Кургане на съезде местных мусульман был учрежден мусульманский комитет, призванный контактировать с другими мусульманскими организациями и готовиться к выборам в Учредительное собрание. В сентябре губернское мусульманское правление возникло в Пензе^{****}.

Здесь подобные организации скорее служили стабилизации ситуации. В регионах с преобладанием нерусского населения случалось наоборот.

^{*} Всероссийский съезд офицерских депутатов армии и флота. Петроград 18–27 мая 1917 г. Стенограмма заседаний. Пг., 1917. С. 88, 293, 125.

^{**} *Хафизов М. З.* Нижегородские татары. Очерки истории. Нижний Новгород, 1998. С. 67.

^{***} ГА РФ. Ф. Р–3923. Оп. 1. Д. 1. Л. 32, 33.

^{****} Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Тобольской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 г.). Томск, 1992. С. 23; *Исхаков С. М.* Указ. соч. С. 237.

4. Политические партии: иллюзии и возможности

(В. П. Булдаков)

В результате революции Петроградский Совет получал известные политико-управленческие права, не располагая при этом никакими оперативными возможностями. Преувеличивались и его политические возможности. То же самое можно сказать о политических партиях. Психологически все они, кроме крайне левых, были настроены на работу в полулегальных условиях – воздух свободы, как ни парадоксально, был для них губителен.

В сущности, вся партийно-политическая система, возникшая в условиях самодержавия, стала теперь работать на самоуничтожение в силу имманентной внутренней агрессивности. С другой стороны, интеллигентская политическая культура все более основательно расходилась с политической культурой народа.

Самой «опоздавшей» из крупных партий оказались октябристы, чья программа предусматривала сохранение самодержавия. Партия продолжила свое существование лишь в лице отдельных политиков. Особой удачливостью они не отличались. Гучков, став военным министром, не смог ничего противопоставить приказу № 1. Не сумел он 6 марта противостоять и социалистам из Исполкома Петроградского Совета по вопросу о правах солдат и введении выборного начала в армии. Ему пришлось ограничиться обращением к населению, в котором он указал на препятствия, созданные в его работе. Большевистская «Правда», сохранявшая пока весьма умеренные позиции, тем не менее поспешила указать, что военный министр рекомендует солдатам забыть о завоеваниях революции и подкапывается под политиков из Совета*. Механизм политического раздора начал раскручиваться.

Кадеты, оказавшись во власти, ощущали себя неуверенно. В начале апреля Милюков пригласил своих товарищей по партии в свои министерские апартаменты. А. В. Тыркова писала, что люди ее окружения чувствовали себя, как будто «по ошибке попали в ненадлежащее место» и «невольнo спрашивали друг друга – надолго ли это?» Люди, вышедшие из авторитарной политической «стабильности», не умели действовать в условиях революции. По словам Ф. Степуна, кадеты были до такой степени западниками-позитивистами, что никак не хотели считаться в своей реальной политике с «таким невесомым фактором, как нравственно-религиозное убеждение простого народа», его «понимание революции как миротворческой силы»**.

Переложить политические страсти тех дней на правовую основу, способную стабилизировать ситуацию, было невозможно. Между тем кадетские юристы,

* Правда. 1917. 11 марта.

** Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. С. 181; *Степун Ф.* Указ. соч. С. 378.

во главе с Ф. Ф. Косошкиным, возглавлявшим Особую комиссию по разработке избирательного закона, занялась именно этим. Исходя из веры в непреложность правовых идеалов, комиссия Косошкина готова была даже даровать активные избирательные права экс-самодержцу. Понадобилось вмешательство Керенского, чтобы отменить то, чего народ не мог принять*. Сторонники юридической буквы демократии с треском провалили робкое предложение о временной отмене принципа несменяемости судей**. До Февраля против этого принципа выступали только правые, полагавшие, что он противоречит духу самодержавия. Теперь о том же заговорили социалисты.

Наиболее популярной партией после Февраля неожиданно стали эсеры. По некоторым данным, их численность в 1917 г. достигла 300 тыс. Популярность эсеров была связана не только с их имиджем «заступников народа» и «крестьянской» партии. А. Белый уверял в наличии глубинной связи между эсерами и сектантами: благодаря общению с ними многие социалисты-революционеры были настроены «мистически и религиозно»***. Действительно, иной раз создавалось впечатление, что ими двигала убежденность, сравнимая с сектантской.

Лидер эсеров В. М. Чернов, как «циммервальдец», бывший противником оборонческого курса, все же полагал, что в России «империализма в строгом, научном смысле слова нет», природа ее захватнических устремлений «примитивная», а потому надо стремиться к отказу от гегемонистских притязаний и созданию братского союза народов России на основе свободной федерации****. В условиях революции нет ничего более нелепого, чем межеумочная позиция. Большинство политиков вдобавок к этому еще и постоянно колебались.

Постепенно на вершине политического Олимпа ситуация стала невыносимой. Внутри кадетской партии мутил воду «левый» Н. В. Некрасов, имевший среди товарищей репутацию «политического мошенника»****. На уровне коалиции он же интриговал против Керенского, поддерживая левеющего В. М. Чернова. Ситуации внутри эсеровской партии казалась члену ее ЦК И. И. Бунакову-Фондаминскому еще более мрачной. Чернова он называл «бесчестным негодяем», которому в эмиграции перестали руку подавать, теперь же «партия ультимативно отстаивает его в Правительстве» только за то, что он «может 13 речей в один день произнести!» Другие, по его мнению, были не лучше. «Громадное большинство в Ц. К. или дрянь, или ничтожество, – заявлял он. – Все у нас построено на обмане. Масловский – форменный прово-

* Вишняк М. В. Дань прошлому. Нью-Йорк. 1954. С. 270–272.

** ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 807. Л. 100–101.

*** Цит. по: Азадовский К. Николай Клюев. Путь поэта. Л., 1990. С. 202.

**** Чернов В. М. Интернационал и война. Пг., 1917. С. 63, 54.

***** Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. С. 187, 190.

катор, но мы его оправдали. Я знаю, что у нас многие просто немецкие агенты, получающие большие деньги. Но я молчу»^{*}.

Со стороны политическая картина также не внушала доверия. «Министры говорят речи, обращаясь к столичным советам, съездам, к советам съездов, к губернским комитетам, уездным, волостным и сельским, – записывал в дневнике М. Пришвин 21 мая. – А во всех этих съездах, советах и комитетах разные самозванные министры тоже говорят речи, и так вся Россия говорит речи, и никто ничего не делает...» Он все еще оптимистично взирал на происходящее: «Нытиков теперь нет, много испуганных, но нытиков нет...» – отмечал он через день^{**}. Ситуация в значительной степени была подвешена на людских эмоциях.

Все левые партии демонстрировали политическое бессилие. Не случайно В. И. Ленин был столь нетерпелив в своем желании вернуться в Россию. «Чем позже удастся влезть лично в этот хаос, тем труднее будет внести свое, не действуя по методам Ленина и Троцкого...» – такие мысли возникли у Ю. О. Мартова при известии об отъезде Ленина в Россию^{***}.

Массы не принимали существующих партий всерьез. Некоторые записывались в две партии сразу. А в целом развернулась не борьба партий, а борьба лозунгов и лидеров. При этом все чаще побеждали самые крайние. Тем не менее лидеров социалистов, возвращавшихся из эмиграции, встречали восторженно. 31 марта в Петроград вернулся Г. В. Плеханов. Его встречали не только лидеры Петроградского Совета и видные меньшевики, но и сотрудники английского и французского посольств. Н. С. Чхеидзе заверил «отца русского марксизма», что его пророчество о том, что революция в России победит только как революция рабочего класса, подтвердилось. Толпы восторженно приветствовали Плеханова, который говорил о необходимости единения демократических сил ради обороны страны^{****}.

Между тем левые силы скорее дробились, нежели консолидировались. Ф. Степун вспоминал рядовых солдат-комитетчиков из рабочих – меньшевика Иванова и большевика-оборонца Макарова, отличавшихся «осмотрительной разумностью. Но такие в политических верхах и низах оказывались в меньшинстве». Между тем «примитивные организмы размножались делением»^{*****}. 13 марта 1917 г. в Москве появилась «Федерация анархических групп», в которую вошли около 70 человек. Подобные организации – федерации, ассоциации и т. п. – появляются в Самаре, Саратове, Брянске, Киеве, Ростове-на-Дону, Одессе, Иркутске и других городах. Показательно, что вернувшийся в Россию

^{*} Гиппиус З. Живые лица. Воспоминания. Тбилиси, 1991. С. 300.

^{**} Пришвин М. М. Указ. соч. С. 81.

^{***} РГАСПИ. Ф. 362. Оп. 1. Д. 51. Л. 127.

^{****} Тотюкин С. В. Г. В. Плеханов. Судьба русского марксиста. М., 1997. С. 327–328.

^{*****} Степун Ф. Указ. соч. С. 323, 339.

в начале лета 1917 г. П. А. Кропоткин ничуть не изменил своих оборонческих взглядов. Но большинство анархистов определенно мечтали о мировой социальной революции и как этап на этом пути предлагали революционизировать германскую армию*. Их призывы находили отклик среди солдат.

Политикам казалось, что наступило время реализации их помыслов. На деле все их теории ждало испытание на соответствие устремлениям масс – какие бы они ни были. И выдержать это испытание удалось немногим.

5. Власть и вера (Т. Г. Леонтьева)

Всякая революция опирается на веру. Февраль породил невиданную квазирелигиозную неразбериху. Позиции традиционной веры пошатнулись – по преимуществу из-за недоверия населения высшим иерархам.

1905 год породил у епископата надежды на изменение отношения государства к церкви. Власть пресекла их. Поэтому не удивительно, что 26 февраля 1917 г. чины Святейшего Синода отказались обратиться с воззванием к народу о поддержке монархии. 3 марта иереями было признано необходимым войти в сношение с Временным правительством. Новым обер-прокурором правительство назначило активного борца с распутищиной в Государственной думе, давнего сторонника церковной реформы В. Н. Львова. 4 марта он заявил, что счастлив объявить о ее высвобождении от «цезарепапизма». 6 марта Синод призвал прихожан поддержать Временное правительство.

Революция оттеснила «военные» заботы церковного ведомства на второй план. Русская Православная Церковь оказалась по-своему захвачена революцией. Иные священнослужители с восторгом нацепили на рясы красные банты (в народе их тут же прозвали «социал-диаконами» и «социал-псаломщиками»). Со своей стороны рабочие наперебой заказывали молебны по случаю переворота, а солдаты, не отказываясь от привычных ритуалов, произносили «зажигательные речи»**.

Временное правительство и здесь действовало по принципу отмены «реакционных» запретов. Так, в конце марта были устранены ограничения в правах белого духовенства и монашествующих, слагающих с себя сан или лишенных его по духовному суду***, – попросту говоря, расстриги получали права граждан.

* Кривенький В. В. Анархисты // Политические партии и общество в России. 1914–1917 гг. М., 2000. С. 59–60.

** См.: Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. Р–598. Оп. 1. Д. 641; *Вологий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. М., 1994. С. 263, 264. С. 262, 263, 264.

*** Авдеев Н. Указ. соч. С. 121.

События в столице поначалу носили подчеркнуто светский характер: 8 марта духовенству даже было отказано в участии похорон жертв революции^{*}. В Москве духовенство, напротив, поспешило поддержать новую власть. Прозвучали заявления о том, что «христианская миссия» русской революции предполагает уничтожение всех тюрем, ибо преступников, подлежащих перевоспитанию, теперь не будет^{**}.

Внутри РПЦ происходило нечто невиданное. 4 марта члены Синода приветствовали вынос из зала заседаний царского кресла. Лишь отдельные священники рискнули высказаться против бунтарей, которые «осмелились посягнуть на священные права помазанника Божьего»^{***}. Среди них был и отличитель Л. Н. Толстого, Г. Е. Распутина и Илиодора (Труфанова) епископ Гермоген, постоянно преследовавшийся при старом режиме.

В марте–апреле 1917 г. по стране прокатилась волна чрезвычайных съездов духовенства и мирян. В соответствии с их решениями с кафедр стали смещаться «реакционные» архиереи, а избранные епархиальные советы начали ограничивать епископскую власть.

В ряде городов (Калуге, Орле, Вятке, Ставрополе, Витебске, Красноярске, Чите, Иркутске, Владивостоке, Баку, Новгороде-Северском) в «праздниках освобождения России» участвовали местные иереи. Многие владыки отслужили благодарственные молебны^{****}. Иные священники высказывались за социальную революцию^{*****}. Архиепископ Таврический Дмитрий 5 мая провозгласил: «Ныне Сам Царь небесный занял Престол Русского Царства, дабы Он Единый Всесильный был верным помощником нашим в постигшей нас великой скорби, в бедствиях, нагнанных на нас нашими бывшими руководителями государственной жизни нашей»^{*****}.

Новая модель взаимоотношений светской и духовной властей стала строиться снизу. Кое-кто из «революционных» священников поспешил отслужить молебен в красных одеяниях. (Известен по меньшей мере один случай такого рода – это был священник В. И. Востоков^{*****}.) Активизировались

* Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 203.

** *Figes O., Kolonitskii B.* Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917. New Haven and London, 1999. P. 55.

*** Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. (Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви.) / Сост., автор предисловия и комментариев М. А. Бабкин. М., 2006. С. 293.

**** *Бабкин М. А.* Указ. соч. С. 329–332.

***** *Freeze G.* The Parish Clergy in Nineteenth Century Russia: Reform, Counterreform. Princeton, 1983. P. 469–472.

***** Цит. по: *Зарубин А. Г., Зарубин В. Г.* Без победителей: Из истории Гражданской войны в Крыму. Симферополь, 1997. С. 17.

***** *Бабкин М. А.* Указ. соч. С. 333.

обновленцы. В период с 6 по 20 марта были уволены митрополит Петроградский Питирим, архиепископ Тобольский Варнава, епископ Сарапульский Амвросий и, наконец, митрополит Московский Макарий*. Демократизировалась приходская жизнь**. В некоторых селах устраивались «церковно-народные торжества» с крестными ходами и молебнами***.

Некоторые влиятельные архиереи (такие как пермский епископ Андроник) продолжали прославлять Николая II, сравнивая его с пострадавшим Христом****. Либерально настроенные представители петроградского духовенства возбудили вопрос об избрании правящих архиереев клиром и мирянами. Их поддержал обер-прокурор*****. В целом такая система замещения церковных должностей и стала утверждаться.

Между тем тверской епископ Серафим (Чичагов), неустанный обличитель «церковной демократизации», считал, что нельзя допускать мирян к управлению церковью. Подобно тому, как Христос выбирал себе апостолов, церковные иереи должны сами назначать достойных пастырей*****. Так или иначе, все ожидали обновления церкви и веры: сотни телеграмм священников, церковных старост, съездов и собраний духовенства, поступавших в адрес Временного правительства, свидетельствовали о готовности к «оздоровлению и упорядочению... свободной церковной жизни»*****.

Однако новая власть не хотела терять контроль над религиозными организациями. Хотя 4 марта В. Н. Львов объявил о полной свободе церкви в вопросах внутреннего управления (оставив за собой право приостановки политически нежелательных решений Синода), через два дня он же заявил, что считает себя «облеченным всеми прерогативами прежней царской власти в церковных делах». Современники считали его человеком, с которым не стоит иметь дело по причине его крайнего простодушия и даже не вполне нормального*****. Львов был не в меру активен.

* Бовкало А. А. Февральская революция и проблемы взаимоотношения церкви и государства // Церковь и государство в русской православной и западной латинской традиции. СПб., 1996. С. 63.

** См.: Бакулин Б. С. Несвоевременные воспоминания // Религия и демократия: На пути к свободе совести. Вып. 2. М., 1993. С. 149–150; Левитин А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. Т. 1. Кюснахт, 1978. С. 37.

*** Ильюхов А. А. Революция 1917 года на Смоленщине. Хроника событий. Смоленск, 2007. С. 90.

**** Чит. по: Фруменкова Т. Г. Высшее православное духовенство в России в 1917 г. // Из глубины времен. СПб., 1995. С. 79.

***** Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. № 7. С. 72–73.

***** ГАТО. Ф. Р–1998. Оп. 1. Д. 493. Л. 22–25, 40; Д. 301. Л. 21 об.–23 и др.

***** См.: Российское духовенство и свержение монархии... С. 263–350.

***** См.: Шидловский С. И. Воспоминания. Ч. 2. Берлин, 1923. С. 64; Лукомский А. С. Воспоминания. Т. 1. Берлин, 1922. С. 239; Стетун Ф. Указ. соч. С. 433.

7 марта в Петрограде заявил о себе Всероссийский союз демократического православного духовенства и мирян, возглавляемый священником Д. Я. Поповым, членом Государственной думы. Секретарем союза стал лидер обновленчества священник А. Введенский. Союз выступил под лозунгом «Христианство на страже труда, а не на страже насилия и эксплуатации», высказался за демократическую республику, равенство сословий, полов, свободу слова, совести, печати. Выдвинув лозунги борьбы с капитализмом за демократическую экономику и передачу земли крестьянам, члены Союза надеялись обрести опору среди прихожан. Они пытались также склонить на свою сторону низовое духовенство, провозгласив отделение церкви от государства, восстановление в ней соборных начал, переход на грегорианский календарь, перевод богослужения на современный русский язык, допущение брачности епископата. Союз отвергал восстановление патриаршества, полагая, что это противоречит соборным началам, допускающим единственную власть в церкви – власть Христа*. В. Н. Львов покровительствовал данной организации.

«Союз прогрессивного петроградского духовенства», основанный в столице, пытался развернуть агитацию за церковные реформы среди рабочих. Но подобные начинания не получили распространения даже в столицах. Основная масса духовенства, поглощенная каждодневными проблемами, не смогла взять инициативу церковного обновления в свои руки. Ее перехватили активные прихожане. Повсеместно происходило ограничение епископской власти особыми епархиальными советами или комитетами избранных представителей клира и мирян, причем без согласия последних епископы лишались права на издание актов административного характера.

Обер-прокурор получил от Временного правительства поручения выработать проект церковных преобразований и подготовить созыв Собора. При этом обнаружилось стремление сохранить прежнюю модель взаимоотношений государства с церковью, что не могло не вызвать недоумения у иерархов, настроенных обновленчески. В. Н. Львов заявил, что передаст всю полноту власти Всероссийскому Церковному Собору, но никак не нынешнему Синоду, членов которого он не может признать истинными представителями свободной православной церкви. 14 апреля правительство распустило прежний состав Синода. Были назначены новые его члены, считавшиеся либеральными. Из прежнего Синода остался лишь будущий патриарх архиепископ Сергей**. Вслед за тем пришлось выяснять отношения в епархиях. Некоторым иереям

* См.: *Титлинов Б. В.* Церковь во время революции. Пг., 1924. С. 56–57; *Поспеловский Д. В.* Русская православная церковь XX века. М., 1995. С. 64–66; *Шишкин А. А.* Сущность и критическая оценка обновленческого раскола русской православной церкви. Казань, 1970. С. 121.

** *Фруменкова Т. Г.* Высшее православное духовенство России в 1917 г. // Из глубины времен. Вып. 5. СПб., 1995. С. 78; *Титлинов Б. В.* Указ. соч. С. 55.

в марте–апреле пришлось давать объяснения по поводу своих действий накануне и после Февраля.

На епархиальном уровне последовали протесты против деятельности архиепископов нижегородского, воронежского, курского, харьковского, черниговского, епископов рязанского и екатеринбургского, орловского, полтавского. Критиковали и рядовых священников. С помощью взбунтовавшихся псаломщиков обер-прокурор Синода добился увольнения с тверской кафедры митрополита Серафима (Чичагова), имевшего репутацию крайне правого*. Другого Серафима, епископа екатеринбургского, объявившего Временный комитет Государственной думы «кучкой окаянных бунтарей», осмелившейся посягнуть на «священные права помазанника Божия», местные власти подвергли домашнему аресту. На Урале ходили слухи, что его отправили в Петроград под конвоем. Такое действительно случилось с воронежским архиепископом Тихоном. Разумеется, лишился своего поста и небезызвестный архиепископ Евлогий. Комитет общественной безопасности Орла требовал, чтобы епископ Макарий, «ревнитель старого режима, сподвижник Восторгова и других темных деятелей» был уволен. В силу необходимости соблюдать процессуальный порядок упрямого епископа пришлось раз за разом отправлять в отставку, перемещая и понижая в должности**.

Коллегиально-представительное начало вводилось епархиальными съездами на всех ступенях управления: по благочиниям учреждались благочинные советы из выборных представителей клира и мирян, по приходам – приходские советы (также из клира и мирян) и приходские собрания. Выборный порядок замещения духовных должностей распространялся на всех – от архиереев до рядовых священников. Но, судя по всему, крестьяне были склонны всего лишь менять «плохих» попов на «хороших»***.

Томский епископ Анатолий был отправлен в отставку по инициативе местного Совета, поддержанной съездом духовенства и мирян за то, что 11 марта он освятил знамя одного из отделов «Союза Михаила Архангела», присланное В. М. Пуришкевичем. 21 июля Синод телеграммой предложил Анатолию «подать заявление об уходе на покой». Епископ вынужден был согласиться, а позднее стал апеллировать к Поместному собору, требуя назначить следствие по своему делу. Но настоящая борьба за избавление от епископа, творившего, по мнению его противников, «самоуправство, произвол, пристрастие» и насаждавшего «архиерейское самодержавие», развернулась позднее.

Епископ рязанский Дмитрий, в прошлом возглавлявший местное отделение «Союза русского народа», имел обыкновение так поносить с соборной

* Русская православная церковь. 1925–1938. М., 1999. С. 168.

** Фруменкова Т. Г. Указ. соч. С. 80–82, 90; Емелях Л. И. Крестьяне и церковь накануне Октября. Л., 1976. С. 74–76.

*** См.: Емелях Л. И. Указ. соч. С. 78; Горюшкин Л. М., Ноздрин Г. А., Сагайдачный А. Н. Указ. соч. С. 159, 161.

кафедры даже октябристов, что, по словам присутствовавших, «жутко было стоять в храме Божиим». В апреле Синод отправил епископа в двухмесячный отпуск в Валдайский Иверский монастырь. В апреле 1917 г. нижегородский губернский Исполнительный комитет посадил под домашний арест архиепископа Иоакима, инкриминируя ему давление на духовенство с целью проведения в IV Думу нужных кандидатов, сотрудничество с жандармским управлением, «уничижительное» отношение к духовным лицам и т. п. Этого архиерея также удалили в отпуск. Сходная история случилась с владимирским архиепископом Алексием, обвиненном в связях с Распутиным. Большинство архиереев предпочитало тихо удаляться на покой. Но некоторые протестовали. В июне Синод заступился за арестованного местным Советом воронежского архиепископа Тихона. В результате его оставили управлять епархией*.

Первые выборы правящего архиерея состоялись 3 мая в Чернигове, затем в Курске, а 24 мая – в Петрограде. В столице оказался избранным первый викарий епископ Гдовский Вениамин (Казанский). 19 мая на московскую кафедру был избран архиепископ Тихон (Беллавин) – будущий патриарх. Состоялся также съезд военного и морского духовенства. Протопресвитера Г. Шавельского переизбрали пожизненно. Тогда же Синодом было принято положение об избрании ректоров духовных академий, их помощников и преподавателей**. Ректором Петроградской духовной академии стал Б. В. Титлинов – будущий идеолог обновленчества и «Живой церкви». И хотя июльский съезд ученого монашества принял резолюцию об «ограждении чистоты православно-богословской науки»***, его мнение осталось незамеченным. Отмечались и более радикальные начинания. Священник С. М. Соловьев, внук историка и племянник Владимира Соловьева, выступил с предложением об организации общества для исследования вопросов, касающихся соединения православной церкви с католической****.

Состоялся также Всероссийский съезд единоверцев. В его постановлениях говорилось о необходимости иметь единоверческих епископов. Первый такой епископ – Симон (Шлеев) был рукоположен через год – 16 июня 1918 г.

В удалении «реакционных» иереев сыграли свою роль многочисленные доносы. Однако со временем некоторые из них ухитрились возвращаться на прежние места: после пребывания в Валаамском монастыре одержал победу на выборах Антоний Харьковский. Но в целом участие отставных иерархов в выборах не приносило им успеха*****.

* Фруменкова Т. Г. Указ. соч. С. 82–87, 89–90.

** Бовкало А. А. Указ. соч. С. 75.

*** Волков С. Возле монастырских стен. Мемуары. Дневники. Письма. М., 2000. С. 80–81.

**** Богословский М. М. Указ. соч. С. 342.

***** Фруменкова Т. Г. Указ. соч. С. 82–87, 90.

К лету 1917 г. Синод утвердил долгожданное Положение о приходе, наделив его статусом основной демократически самоуправляющейся ячейки церкви^{*}. Тем самым были закреплены результаты «церковной революции».

В принципе изменения шли в русле давно ожидаемых реформ, но теперь они приобретали подчас опасное для веры качество. Так, демократически настроенные священники и семинаристы использовали церкви для того, чтобы рассказать крестьянам о «христианской миссии революции»^{**}. Среди служителей культа участились случаи неканонического поведения. Иные священники поспешили сбрить бороды, срезать волосы, облачиться в светскую одежду. Возмущение вызывали настоятели, покидавшие приходы или наспех проводившие службы^{***}.

1–10 июня 1917 г. в Москве проходил Всероссийский съезд духовенства и мирян. По количеству присутствующих (1268 чел.) он мог конкурировать с открывшимся чуть позже 1-м Всероссийским съездом Советов. Декларация съезда приветствовала революцию, поддержала идею передачи земли трудящимся и требования свободы вероисповеданий. Были сформулированы предложения по церковной реформе для будущего Собора. Идея отделения церкви от государства была отвергнута. Православная церковь по-прежнему виделась «главенствующей», получающей материальную поддержку от государства. Изучение Закона Божьего признавалось обязательным, народные школы предлагалось оставить в руках церкви^{****}. На таких же позициях стоял Всероссийский съезд церковно-приходского учительства^{*****}. Низовое духовенство предпочитало прежнюю систему соподчинения церковных и светских институтов^{*****}. Члены Синода пробовали протестовать, но их голос звучал неубедительно.

Пытаясь установить межконфессиональное равновесие, Временное правительство учитывало и права мусульман. Новый текст присяги был скорректирован для них так: «Заключаю сию мою клятву целованием преславного Корана...» Но кое-кто из солдат понял это по-своему. Один из солдат-мусульман сообщал домой: «Эфенди говорит, что мы, мусульмане, теперь должны еще

* Церковные ведомости. 1917. № 18–19. С. 111–113.

** *Figes O., Kolonitskii B.* Op. cit. P. 134.

*** См.: ГАТО. Ф. Р-598. Оп. 1. Д. 641.

**** См.: *Карташев А.* Революция и собор 1917–1918 гг. (Наброски для истории русской церкви наших дней) // Богословская мысль. Труды Православного Богословского института в Париже. Вып. 4. Париж, 1942. С. 83–84.

***** *Титлинов Б. В.* Указ. соч. С. 56–57; *Поспеловский Д. В.* Указ. соч. С. 64–66; *Шишкин А. А.* Указ. соч. С. 121.

***** Церковный Вестник. 1917. № 28. С. 192–193; Российское духовенство и свержение монархии... С. 259.

больше бороться за свободу... Не хочется только теперь и воевать... Офицеры... пускай воюют, и мулла пускай воюет»^{*}.

Правительство объявило амнистию пострадавшим по религиозным мотивам и приняло долгожданный закон о «Свободе совести» (14 июня 1917 г.). Но провозглашенное «равенство» отнюдь не повлекло за собой сближение с «иноверцами». Некоторые иерархи открыто позволяли себе юдофобские высказывания. Так, епископ Пермский Андроник в письме обер-прокурору Св. Синода утверждал, что Петроградский Совет заправляет всем «по указке немецких и еврейских провокаторов». Другие епископы воспринимали свободу совести как освобождение от страха Божьего. Епископ Петропавловский Мефодий обвинил в бедах православия «сектантов и евреев»^{**}. Антисемитские выходки стали столь частыми, что митрополит московский Тихон инициировал обращение к Керенскому, в котором говорилось о «кощунствах и надругательствах», чинимых солдатами на фронте и в тылу над еврейскими храмами и святынями. Правительству предлагалось принять соответствующие меры, духовенство со своей стороны обещало проводить «разъяснительную работу»^{***}.

Но в целом ни Временное правительство, ни Синод не были готовы к решительным реформам, хотя в программах всех входящих в правительство партий присутствовало положение об отделении церкви от государства.

Тем временем обозначился еще один источник напряженности. 12 марта в Мцхете состоялось провозглашение автокефальных прав грузинской православной церкви. Экзарху Грузии архиепископу Платону (Рождественскому) было заявлено, что он лишается права распоряжаться грузинскими епархиями и приходами. Во временное управление местными приходами вступил епископ Леонид (Окропиридзе). При этом собор Грузинской церкви отслужил молебен об «укреплении нового русского правительства». Архиепископ Платон тем временем был включен в новый состав Синода^{****}. Характерно, что решения об автокефалии были поддержаны на собрании грузин-солдат и офицеров, которые просили также Временное правительство об автономии

^{*} Редькина О. Ю. Вероисповедная политика Временного правительства России (февраль–октябрь 1917 года) // Религия, церковь в России и за рубежом. М., 1995. С. 83; Исхаков С. М. Указ. соч. С. 104.

^{**} См.: Из истории российской иерархии: Статьи и документы. М., 2002. С. 108, 124.

^{***} Рассвет. 1917. № 13. 4 октября. С. 33; Еврейская неделя. 1917. № 40. 8 октября. С. 21–22.

^{****} Rogoznyy P. G. Церковная революция 1917 года. (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции.) СПб., 2008. С. 97.

Грузии*. Правительство ответило в уклончиво благожелательном духе, не желая касаться канонической стороны дела**.

Со временем стремление к церковной автокефалии заметно проявило себя на Украине. В духовной жизни происходили, в сущности, те же процессы, что и в светской жизни.

6. Февраль и народы России (В. П. Булдаков, С. М. Исхаков)

Победа революции вызвала взрыв неумеренных надежд на смягчение государственной этнополитики. Кое-какие шаги Временное правительство предприняло: была восстановлена в прежнем объеме автономия Финляндии, появилось широковещательное обращение «к полякам», были отменены все национальные и вероисповедные ограничения. Вместе с тем март ознаменовался целой серией демонстраций и нескончаемых визитов во Временное правительство представителей этнических меньшинств для приветствий и заявлений о своих нуждах. На местах картина была еще более пестрой.

3 марта на собрании представителей украинских (преимущественно интеллигентских) организаций Киева фактически было положено начало формированию Центральной Украинской рады. Украинские деятели вскоре наладили связь с многочисленными «громадами», стремительно возникающими по всей России. В Киеве между ними и губернскими, городскими и военными властями сохранялось полное взаимопонимание. Украинское движение в армии было более радикальным. 4 марта на студенческом «вече» с энтузиазмом было встречено предложение о формировании особого украинского войска. 6 марта его участники просили Временное правительство о восстановлении Переяславского договора 1654 г. (по их понятиям, это стало бы подтверждением автономии Украины). 8 марта состоялось Большое вече, на котором присутствовало 6 генералов и 22 штаб-офицера; председателем его был выбран полковник Глинский, секретарем – поручик Михновский. Эта организация взяла курс на создание украинской государственности, опирающейся на военную силу, однако поддержкой не пользовалась ни среди киевских политиков, ни в армии. По замечанию одного офицера-украинца, «управлять стихией на фронте было не под силу революционным гастролерам далекого тыла»***.

7 марта в Москве ряд украинских организаций выступили с совместной декларацией. Помимо требования об искоренении национального угнетения, в этом документе говорилось о необходимости возвращения на родину укра-

* День. 1917. 16 марта.

** Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея Руси, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. М., 1994. С. 72.

*** ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 583. Л. 46–47, 6.

инского населения приграничных районов и об освобождении сосланных галицийцев^{*}. 9 марта петроградские украинские деятели выпустили воззвание, призывающее своих соплеменников к объединению «под знаменем автономии Украины, федерации всех народов России». 12 марта они организовали манифестацию в Государственной думе, где заявили о необходимости активного ведения войны. 14 марта кн. Г. Е. Львова посетила украинская делегация, потребовавшая от правительства назначения в украинские губернии лиц, знакомых с краем и языком его народа, учреждения при правительстве комиссара по украинским делам, введения украинского языка в суде, преподавания на украинском языке в начальных и средних школах, открытия учительских семинарий с особой программой. Для содействия этим необходимым, как считалось, начинаниям был образован специальный совет, руководящую роль в котором заняли умеренные автономисты А. И. Лотоцкий, П. Я. Стебницкий, М. А. Славинский. Вскоре в Киевском учебном округе было разрешено преподавание на украинском языке при соблюдении прав меньшинств^{**}. Однако среди украинских деятелей уже тогда стали заметны и убежденные самостийники вроде Н. И. Михновского и С. П. Шелухина^{***}. По некоторым данным, с этого времени солдаты-украинцы петроградского гарнизона стали рваться на Украину.

5 марта Временное правительство приветствовал Белорусский национальный комитет, возглавляемый Р. Скирмунтом (в прошлом он был депутатом I Думы). Вскоре возникли региональные белорусские организации прокадетской ориентации. Они, как правило, состояли из разнородных элементов: полонизированных и русифицированных, католиков и православных. Им противостояла более левая Белорусская социалистическая громада^{****}.

6 марта Временное правительство совместно приветствовали литовские партии и организации, объединившиеся в Литовский национальный совет; хотя большая часть территории Литвы была к этому времени оккупирована, 13 марта совет принял постановление об образовании Временного комитета по управлению Литвой. 18 марта литовская депутация посетила кн. Г. Е. Львова. Ее представители добивались перехода в ведение комитета всех эвакуированных литовских административных учреждений, а также управления не оккупированных германскими войсками уездов Виленской и Ковенской губерний. Позднее, как только стало известно, что Временное правительство готово передать Ликвидационной комиссии по делам Царства Польского дела, относя-

* ГА РФ. Ф. 6281. Оп. 1. Д. 71. Л. 83.

** Булдаков В. П. Хаос и этнос. С. 173–174.

*** См.: *Осташко Т.* Діяльність Сергія Шелухина в Українській Центральній раді // Україна в революційних процесах перших десятиліть ХХ століття. Київ, 2007. С. 152–160.

**** ГА РФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 94. Л. 91; Революция и национальный вопрос. Т. 3. М., 1930. С. 269–270.

щиеся к территории, населенной литовцами, члены его комитета по примеру поляков заговорили о независимости Литвы^{*}.

Ситуация в среде этнических отношений была противоречивой. В Петроградском Совете латыш – председатель Валкского Совета рабочих депутатов в солдатской секции Петроградского Совета просил присутствующих, чтобы они «не доверяли немцам Курляндию». Латыш-офицер 12-й армии требовал «отнять» у немцев Польшу, а у турок Армению. Польские и литовские представители заявили о стремлении к самостоятельности. Представитель украинцев, напротив, обещал «войти в состав великой русской республики». «Еврейские делегаты различных течений» называли революцию «праздником освобождения» и заявляли, что «в освобождении от фараонов египетских и российских много общего»^{**}. Уроженцы Прибалтики (эстонцы, латыши, шведы, финны) просили разрешить «пользоваться немецким языком (как родным)», а тем временем в Одессе генерал М. И. Эбелов запрещал богослужение на немецком языке. От имени рабочих-латышей социал-демократов М. Линде потребовал от российской социал-демократии «войны за освобождение Курляндии». «Группа эстонцев Юрьева» после демонстрации под лозунгами «Демократическая республика!» и «Автономия Эстонии!» заявила о присоединении к заявлению большевистской «Правды» о том, что «истинное равноправие достижимо лишь при даровании политической автономии областям с компактным составом населения». После того, убедившись, что «нынешнее буржуазное Временное правительство категорически против автономии», «группа эстонцев-рабочих и крестьян-земледельцев батраков» обратилась в Петроградский Совет. Надеялись на центральную власть и мусульмане. Сотский 5-й сотни Назарий Салимбаев жаловался, что тыловики-сарты, занятые на Юго-Западных железных дорогах, «до сих пор остаются на старом положении», и просил отпустить их домой хотя бы на сельхозработы. А «прогрессивные мусульмане» Бухары в телеграмме от 4 марта доносили, что Российское политическое агентство в эмирате «всем своим составом стремится сохранить прежний режим». Некоторые армяне-солдаты настаивали на освобождении Турецкой Армении. В общем, неожиданно обретенной свободой каждый старался воспользоваться по-своему. Но пока никто из них не догадывался, какими последствиями это может обернуться в будущем, хотя рост этнофобских настроений в городах и армии уже стал заметен^{***}.

Во Владикавказе 5 марта собрание представителей горской интеллигенции решило создать временный орган для подготовки общегорского съезда. Заметно оживились мусульмане. 6 марта был создан Временный ЦК объеди-

^{*} Булдаков В. П. Хаос и этнос. С. 175–176.

^{**} См.: Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 279, 642, 319–321, 494–495.

^{***} Булдаков В. П. Хаос и этнос. С. 174, 186; Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 492.

ненных горцев Северного Кавказа, который возглавил балкарский просветитель и юрист Б. Шаханов. При этом выяснилось, что каждый народ стремится образовать свои собственные национальные Советы, отстаивать свои локальные интересы. В тот же день был избран Ингушский исполком, который возглавил генерал Т. Укуров. 14–15 марта в Грозном на 1-м съезде чеченского народа (собралось около 10 тыс. человек) группе интеллигентов противостояли предприниматели, торговцы, часть офицерства. В Азербайджане помимо тюркистской партии «Мусават» возникли партии, намеренные популяризировать исламские ценности*.

Ситуацию обострило стремление к созданию так называемых национальных полков – сказался пример формирования чехословацких, латышских, югославянских и польских формирований русской армии. Характерно, что эту идею поддерживала даже часть русских солдат. Во всяком случае, Петроградский Совет не смог противостоять «национализации» армии**.

* *Исхаков С. М.* Указ. соч. С. 118–120.

** *Булдаков В. П.* Хаос и этнос. С. 43, 46, 72, 184; Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции и постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета, Бюро Исполнительного комитета и фракций. Т. 3. 6 мая – 2 июля 1917 года. М., 2002. С. 30–31.

Глава 3. ВОЙНА, ЭКОНОМИКА, НАРОД

1. Внешнеполитические проблемы и отношения с союзниками (В. П. Булдаков)

В области внешней политики новая российская власть оказалась в весьма непростом положении. Ситуация приобрела особую напряженность после того, как 14 марта Исполком Петроградского Совета опубликовал обращение «К народам всего мира». «Наступила пора, – говорилось в этом документе, – начать решительную борьбу с захватными стремлениями правительств всех стран. Наступила пора народам взять в свои руки решение вопросов о войне и мире». Разумеется, прежде всего, имелись в виду «пролетарии» Германии и Австро-Венгрии, которым следовало «сбросить с себя иго самодержавия и отказаться служить орудием захвата и насилия в руках королей, помещиков и банкиров». Содержался в обращении и революционно-оборонческий компонент: «Мы будем стойко защищать нашу собственную свободу от всяких реакционных посягательств как изнутри, так и извне. Русская революция не отступит перед штыками завоевателей и не позволит раздавить себя внешней военной силой»^{*}. В общем, документ отнюдь не призывал к скорейшему окончанию войны. Милюков встретил его появление без особой тревоги^{**}. Социалисты Антанты восприняли «манифест мира» как естественное стремление защищать свою свободу от внутренних и внешних реакционеров^{***}.

Но лидеры Антанты хотели подстраховаться. 17 марта английское правительство выразило надежду, что принципы, исповедуемые новым российским правительством, окажутся верным залогом конечной победы^{****}. В то же время Лондон, усомнившись в финансово-экономической дееспособности новой власти, не торопился выполнять решения союзнической конференции. Милюков, вставший во главе внешнеполитического ведомства, решил успокоить англичан. Но для этого следовало договориться с доморощенными социа-

^{*} Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 15 марта.

^{**} Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 2. Нью-Йорк, 1955. С. 340.

^{***} Васюков В. С. Внешняя политика Временного правительства. М., 1966. С. 84.

^{****} Там же. С. 85.

листами, настаивавшими на формуле «мир без аннексий и контрибуций». Как ни парадоксально, один из влиятельнейших людей в Петроградском Совете И. Г. Церетели считал, что опубликование заявления об этом вызовет небывалый подъем духа в армии, а Временное правительство обретет невиданный авторитет и нравственную силу^{*}. Произошло столкновение двух доктринеров: Милюков вообще не считался с новой реальностью, Церетели полагал, что теперь можно перевернуть мир с помощью благих намерений.

22 марта Милюков выступил с пространным заявлением. Положительно оценив вмешательство в войну США, он подчеркнул, что для России цели войны прежние: «Освобождение славянских народностей, населяющих Австро-Венгрию, объединение итальянских и румынских земель, образование Чехословацкого и Сербо-Хорватского государства, слияние украинских земель Австро-Венгрии с Россией». Особое внимание Милюков уделил вопросу о проливах, категорично заявил о стремлении к присоединению их к России – это было, как он признал позднее, «руководящей нитью» его политического курса. Все это было сдобрено заявлением о том, что «ни Россия, ни ее союзники не преследуют никаких захватных тенденций в нынешней мировой войне»^{**}.

Конечно, заявление Милюкова нельзя отнести к числу гибких. Даже Гучков упрекнул его в том, что он оказал плохую услугу правительству. «Говорите о чем хотите и как хотите, – наставлял он, – но говорите только так, чтобы это могло содействовать боеспособности армии»^{***}. Ф. Степун осуждал «доктринерское упрямство, с которым Милюков проводил свою верную союзническим договорам империалистическую политику»^{****}.

Милюковская трактовка «миролюбивых» инициатив России возмутила Керенского. На заседании правительства он заявил, что министр не посчитался с мнением кабинета. Но его неожиданно осадил премьер Г. Е. Львов, подчеркнувший, что «Милюков ведет не свою самостоятельную политику, а ту, которая соответствует взгляду и планам Временного правительства»^{*****}. С этого момента скрытая вражда между Милюковым и Керенским стала ощутимо сказываться на внутривнутриполитическом положении страны.

В результате длительных переговоров между Временным правительством и так называемой контактной комиссией Петроградского Совета 27 марта было опубликовано правительственное заявление «О военном положении и целях войны». В нем провозглашалось, что «оборона во что бы то ни стало нашего

^{*} *Набоков В. Д.* Временное правительство // Архив русской революции. Т. 1. М., 1991. С. 58.

^{**} Речь. 1917. 11 мая, 23 марта.

^{***} Цит. по: *Васюков В. С.* Указ. соч. С. 92.

^{****} *Степун Ф.* Указ. соч. С. 349.

^{*****} *Набоков В. Д.* Указ. соч. С. 57–58.

собственного родного достояния и избавление страны от вторгнувшегося в наши пределы врага – первая насущная и жизненная задача наших воинов». Отмечалось, что цель свободной России – «не господство над другими народами, не отнятие у них национального достояния, не насильственный захват чужих территорий, но утверждение прочного мира на основе самоопределения народов». Но вслед за этим следовало заверение о «полном соблюдении обязательств, принятых в отношении наших союзников»^{*}.

Разумеется, декларация была всего лишь ханжеской уступкой социалистам. Однако лидеры Петроградского Совета склонны были трактовать это как свою собственную победу – отказ правительства от пресловутых «аннексий и контрибуций». Чтобы не дезориентировать дипломатов, 1 апреля Милюков направил российским представителям в Лондоне, Париже и Риме секретную инструкцию с напоминанием, что «мы отнюдь не отказываемся от обеспечения жизненных интересов России, выговоренных в соответствующих соглашениях...»^{**}

Для союзников имели, однако, значение не идейные декларации о целях войны, а способность России эффективно продолжать ее. Между тем Бьюкенен в конце марта сообщал, что «потерял всякую надежду на успешное русское наступление весной»^{***}. А успех наступления был невозможен без союзнических поставок. Их продолжение, в свою очередь, предполагало, что Россия будет воевать активно.

Прежнее правительство проектировало на 1917 г. огромные заказы, значительно выходящие за рамки намеченных на Петроградской конференции союзников. Однако из них реально могли быть доставлены только те, которые были обеспечены валютой. Таких заказов было на 2809,6 млн руб., что составляло в тоннаже 2,4 млн т. Основная их часть предназначалась для Главного артиллерийского управления (ГАУ) и составляла около $\frac{2}{3}$ всех заказов по военному ведомству^{****}. Но уже в марте англичане прекратили размещение заказов для строительства в России ряда военных предприятий, в том числе шести автомобильных заводов. Тем не менее в начале апреля в России был создан специальный орган по вопросам заграничных поставок, обладающий правом утверждения заказов и выдачи иностранной валюты. Исполнительным органом комитета стало Главное управление по заграничному снабжению (Главзагран). В состав комитета включались и представители союзников^{*****}.

* Вестник Временного правительства. 1917. 28 марта.

** Константинополь и проливы. Т. 1. М., 1925. С. 479.

*** Бьюкенен Д. Указ. соч. С. 224.

**** Сидоров А. Л. Финансовое положение России... С. 441.

***** Бабичев Д. С. Деятельность Русского Правительственного комитета в Лондоне // Исторические записки. Т. 57. С. 290.

Союзники, однако, демонстрировали растущее охлаждение к российским планам. 24 апреля английская сторона уведомила российских представителей, что она потеряла веру в способность их армии вести наступательные операции. Возможно, англичане пытались тем самым подтолкнуть русское правительство к более активным действиям. Как бы то ни было, план финансового «спасения» России, намеченный на Петроградской конференции, затрещал по швам. Если ранее англичане настаивали на том, чтобы Россия развивала у себя новые производства, то теперь они отказывались поставлять для них оборудование. Ясно, что снабжать Россию так, как было ранее, Великобритания уже не собиралась, да и вряд ли могла. Как результат, в марте и апреле было получено менее $\frac{2}{3}$ английских кредитов, относительно которых имелась договоренность. Отказались англичане и от поставок тяжелой артиллерии. Фактически с 1 апреля Великобритания прекратила финансирование России, ограничившись выплатой остатков по предыдущим кредитам*. В ответ от российского представителя ген. Э. К. Гермониуса последовало заявление, что Временное правительство вынуждено будет «прибегнуть к грустной необходимости изменения всего плана... военных действий на русском фронте»**. Но подобные намеки уже не действовали, а потому Временному правительству пришлось искать новых поставщиков.

8 апреля министр финансов Временного правительства М. И. Терещенко сообщил П. Н. Милокову о предложениях кредитов со стороны США. Однако ситуация была не простой: англичане не торопились пересматривать прежние соглашения до выяснения позиции американской стороны. В связи с вступлением Америки в войну в апреле 1917 г. Англия постаралась переложить на нее финансирование русских заказов за океаном***. Однако российской стороне трудно было надеяться, что финансовая переориентация на США даст быстрый эффект уже в 1917 г.

Тем не менее российско-американские отношения активизировались. Американское правительство опередило союзников в признании Временного правительства, последовавшем 9 марта 1917 г., а 25 марта предложило кредит в 500 млн долларов. При этом государственный секретарь США Р. Лансинг запрашивал посла в России Д. Френсиса, насколько необходима российскому правительству финансовая помощь и в какой форме оно желало бы ее получить. Российская сторона ухватилась за открывшуюся возможность. Ген. А. А. Михельсон, председатель Комиссии по распределению иностранной валюты, видел спасение России в получении американского займа в 1,5 млрд

* Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Ч. 2. М., 1957. С. 493, 499; *Сидоров А. Л.* Финансовое положение России... С. 454–455, 451–452, 472.

** Исторический архив. 1955. № 3. С. 169–170.

*** Экономическое положение России... Ч. 2. С. 478–483.

долларов. По его мнению, этой суммы хватило бы на то, чтобы урегулировать финансовые отношения с Великобританией и оплатить все запланированные военные поставки за рубежом до 1918 г. В результате удалось договориться о займе в 500 млн долларов, которые предполагалось истратить в США «без британского посредничества, как это было до сих пор». Американская сторона считала этот заем чрезвычайно выгодным. Посол Д. Френсис настаивал на срочной отправке в Россию 500 паровозов и 10 тыс товарных вагонов. Кроме того, американцы рассчитывали на заказ фирме «Ремингтон» 1 млн винтовок*.

Однако этими заказами текущие потребности России не покрывались. М. И. Терещенко настаивал на получении 1500 паровозов и 30 тыс. вагонов. В июне начались переговоры о новом кредите. Но только к середине июля 1915 г. федеральное казначейство США открыло союзникам кредиты в сумме 1043 млн долларов, из которых основную часть получили Великобритания (585 млн долл.) и Франция (210 млн долл.). При этом большую часть полученного кредита (55 млн долл.) Россия должна была передать Великобритании в обеспечение договоров на железнодорожные материалы, а кроме того потратить часть денег на закупку финской валюты для платежей русским войскам в Финляндии. К этому времени Особое совещание по обороне приняло целую программу мер по привлечению американского капитала в горную и горнозаводскую промышленность России**.

Следует заметить, что М. И. Терещенко, сменивший П. Н. Милюкова на посту главы МИДа, демонстрировал большую склонность к компромиссу и внутри страны, и за ее пределами. Со своей стороны союзники надеялись, что сам ход событий заставит Россию отказаться от прежних планов, и потому не возвращались к вопросу о «целях войны». Как бы то ни было, Терещенко смог не отступить от договоренностей относительно «главного приза войны» — черноморских проливов, не говоря уже о более мелких приобретениях***.

Ориентация на США, казалось, усилила внешнеполитические позиции России. Однако последующие события еще больше поколебали веру в устойчивость российской власти. Сказывалась и более чем сдержанная позиция Великобритании. Английская сторона заговорила о «необходимости пересмотра» прежних программ поставок и даже выразила готовность принять часть заказов обратно (затем стала уклоняться от подобных перевозок под благовидными предложениями)****.

К 1 июля 1917 г. в портах США, Англии, Франции скопилось 400 тыс. тонн уже закупленных Россией грузов, английская сторона смогла предоставить

* Сидоров А. Л. Финансовое положение России... С. 458–464.

** Экономическое положение России... Ч. 2. С. 461–465.

*** Михайловский Г. Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. Кн. 1. М., 1993. С. 450.

**** См.: Исторический архив. 1955. № 3. С. 168; Экономическое положение России... Ч. 2. С. 495–498.

для их перевозки чуть более половины необходимого тоннажа. Вместо 1,5 млн тонн угля, обещанных на Петроградской конференции, англичане поставили только 800 тыс. тонн. Дело было не в нерасторопности англичан. Британской стороне было известно, что все порты России забиты грузами, которые вряд ли будут вывезены вглубь страны и на фронт до конца года. Союзники не без оснований склонялись к тому, что требования Временного правительства по кредитам и поставкам являются все более безрассудными^{*}.

Тем временем нужда Временного правительства в американских кредитах возрастала: до 1 января 1918 г. требовалось еще 733 млн долларов, из которых почти пятую часть предполагалось истратить на посредничество и перевозки^{**}. В руки правительства должно было поступить 70 млн долларов. Примечательно, что посол Френсис предлагал правительству США соглашаться на эти кредиты, «чтобы у России не было повода не продолжать войну». Риск обходился не слишком дорого: на долю России приходилась лишь десятая часть кредитов, отпущенных США союзникам^{***}.

18 августа 1917 г. М. И. Терещенко проинформировал российских послов в Париже, Лондоне, Вашингтоне о финансовом положении России. Он сообщил, что правительству предстояло изыскать до конца года 15 млрд руб. Общая сумма государственного долга, составлявшая на 1 января 1917 г. 33,6 млрд руб., к началу следующего года должна была вырасти до 60 млрд. При этом министр указывал на необходимость получения «нового крупного внешнего займа» как для заграничных расходов, так и для «удовлетворения потребностей внутри страны»^{****}.

Строго говоря, Временное правительство оказалось в безвыходном положении: без заграничных кредитов оно не могло существовать; кредиты могли поставляться только при условии заведомо безуспешного продолжения войны. 1 мая на совещании в Ставке М. В. Алексеев заявил, что союзники «с нами в настоящее время перестали, по-видимому, считаться»^{*****}. Союзникам приходилось все же считаться с Россией, но она превращалась для них в обузу. Именно поэтому Временному правительству не удавалось ни получить в полной мере кредиты от США, ни заставить Великобританию выполнять финансовые обязательства.

^{*} См.: Исторический архив. 1955. № 3. С. 169–170; *Сидоров А. Л.* Финансовое положение России в годы Первой мировой войны. С. 469, 474, 474; Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Ч. 2. С. 553–554.

^{**} Исторический архив. 1955. № 3. 171–172.

^{***} *Сидоров А. Л.* Финансовое положение России... С. 468; Экономическое положение России накануне... Ч. 2. С. 552.

^{****} Там же. С. 376–378, 412–413.

^{*****} *Зайончковский А. М.* Мировая война 1914–1918 гг. Ч. 7. Кампания 1917 г. Приложение № 6. С. 134.

2. Зигзаги политики и реальный сектор экономики

(В. П. Булдаков)

Политика Временного правительства в экстремальных условиях войны и революции в целом была ориентирована на огосударствление экономической жизни, но проводилась весьма непоследовательно и даже хаотично. Курс формировался и видоизменялся под влиянием противоборства двух основных блоков правительственного кабинета – «буржуазного» и «социалистического».

В конце марта на Всероссийском совещании Советов В. Г. Громаном был представлен проект «планомерной организации народного хозяйства и труда». Меншевицкий теоретик исходил из подчинения интересов предпринимателей и рабочих «интересом общегосударственным». Предусматривалось установление всестороннего контроля над промышленностью с помощью центрального регулирующего органа. Правительству предлагалось «планомерно регулировать всю хозяйственную жизнь страны, организовав ее производство, обмен, передвижение и потребление под непосредственным контролем государства»*. Но все это было под силу только уверенной в себе власти, а не правительству, беспомощно колеблющемуся под нарастающим давлением противоположных сил – предпринимателей и рабочих.

При вступлении в коалиционное правительство меньшевики и эсеры вроде бы настояли на включении в правительственную декларацию собственных принципов государственного контроля над хозяйственной деятельностью. Однако при редактировании текста декларации 6 мая буржуазные министры, по словам Милюкова, превратили весьма «эластичные советские формулы» в «еще более неопределенные». Так, требование государственного контроля над промышленностью и торговлей было представлено как обещание «дальнейшего планомерного проведения» уже применявшихся мер**. Предложения о государственном регулировании оказались выхолощены.

В правительственных кругах завязалась дискуссия о формах и пределах государственного вмешательства в экономику***. В результате «демократизация» народного хозяйства обернулась созданием «новых комитетов по ряду важнейших товаров» и расширением их компетенции вплоть до права нормирования цен****. Между тем в Союзе городов был выработан более радикальный

* Всероссийское совещание Советов. М.; Л., 1927. С. 203.

** Милюков П. Н. История второй русской революции. Т. 1. Вып. 1. София, 1921. С. 113.

*** См.: Речь. 1917. 13, 19 мая; Буржуазия и помещики в 1917 г. М.; Л., 1930. 69.

**** Цит. по: Волобуев П. В. Экономическая политика Временного правительства. С. 59–60.

план регулирования экономики с помощью единого руководящего центра^{*}. Примечательно, что в мае 1917 г. нечто подобное предлагал прибывший в Петроград британский министр труда лейборист А. Гендерсон^{**}. Сходным образом был настроен и Исполком Петроградского Совета^{***}.

Ни власть, ни предприниматели не имели четкого представления, как спасти положение. Оставшийся не у дел А. И. Гучков в мае в частных беседах делал безрадостные прогнозы: «...Гибель промышленности, финансовый крах, армия в виде гигантского трупa, сепаратный мир, развал России на отдельные части, возвращение войск при демобилизации – бурное, беспорядочное, стремительное, перед которым побледнеют все ужасы великого переселения народов...»^{****} На заседаниях Главного экономического комитета говорили о «хаотическом состоянии» контроля над производством, о «ненормальности» позиции, занятой Министерством торговли и промышленности, уклоняющимся «от наблюдения за промышленностью». Правительство теряло представление о ресурсах и возможностях страны.

Угрожающее положение сложилось в топливной области. В России 50,7 % всего топлива составлял донецкий уголь, 20 % – нефть, 23,4 % – дрова и 2 % торф и местные угли. Между тем добыча угля в Донбассе в 1917 г. оказалась ниже намеченного плана вывозки. Вместо 24 млн пудов жидкого и 15 млн пуд. твердого топлива, полученного в 1916 г., текстильная промышленность Центрального района была вынуждена довольствоваться 10 млн пудов жидкого и 8 млн пудов твердого топлива. Возникли трудности в снабжении Петрограда и Москвы дровами – их вывозили из Финляндии преимущественно водным путем. «Вся эта недостача топлива должна повести к сокращению фабрично-заводских работ до 2–3 дней в неделю... При таком обороте дел следует предвидеть полное разрушение одной из немногих отраслей промышленности, успешно справлявшихся с удовлетворением громадных потребностей, предъявленных беспримерной войной», – сообщали московские текстильные магнаты^{*****}. Разумеется, здесь не обошлось без преувеличений, однако угроза массовой безработицы в центре страны становилась реальной.

Неуклонно ухудшалось положение на транспорте. За первую половину 1917 г. было погружено примерно на 70 тыс. вагонов меньше, чем за тот же период прошлого года. Количество «больных» паровозов выросло с 15–16 % до 25 %. Уменьшились запасы угля на дорогах. Транспортную проблему усугуби-

^{*} Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1922. С. 81.

^{**} Милюков П. Н. История второй русской революции. Т. 1. Вып. 1. С. 194.

^{***} Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы заседаний Исполнительного комитета и бюро ИК. М.; Л., 1925. С. 150.

^{****} Богословский М. М. Указ. соч. С. 365.

^{*****} Сидоров А. Л. Экономическое положение России... С. 523, 538, 397.

ла частная организация «Централес», которая, использовав правительственную ссуду в 15 млн руб., смогла поставить железным дорогам лишь треть запланированного количества дров. Министр путей сообщения Н. В. Некрасов назвал положение на транспорте «угрожающим»^{*}.

Напряженность по-своему нагнеталась большевиками. 20 июня 1917 г. на заседании столичного комитета РСДРП(б) говорилось, что многие петроградские заводчики, «чувствуя, что переход власти к пролетариату и крестьянству неизбежен, отправляют свои капиталы за границу»^{**}. Впрочем, это было секретом Полишинеля: о том же иной раз писала буржуазная печать. Запрещение денежных переводов за границу без специального разрешения Министерства финансов, последовавшее в начале июня, уже не спасало положения.

Несомненно, новая власть получила дурное хозяйственное наследство. Однако решимости переломить ситуацию на основе единой экономической стратегии в верхах не наблюдалось.

3. На пути к финансовой катастрофе **(Ю. А. Петров)**

Временное правительство, признав обязательства прежней власти, в том числе по внутренним государственным займам, вкладам государственных сберегательных касс и союзническим обязательствам, в целом продолжило политику старого режима в финансовой области. Политика эта предусматривала финансирование войны путем бумажно-денежной эмиссии и внутренних займов, однако масштабы этих операций в громадной степени возросли в связи с растущей дезорганизацией экономической жизни. Восемь послефевральских месяцев 1917 г. оказались периодом нарастания жесточайшего финансово-экономического кризиса, усугубляемого растущей общественно-политической нестабильностью. В немалой степени его обострению способствовала и сама финансовая политика правительства.

Сразу после прихода к власти Временное правительство осуществило крупную эмиссию денег. В апреле эмиссия снизилась до дореволюционного уровня. Затем ее темпы выросли, превзойдя дореволюционные показатели почти в четыре раза. С марта по октябрь 1917 г. было напечатано кредитных билетов царских образцов на 6412,2 млн руб. Весной 1917 г. были пущены в обращение и собственные деньги нового правительства с упрощенным оформлением – кредитные билеты достоинством 250 (с двуглавым орлом без цар-

^{*} *Волбуев П. В.* Экономическая политика Временного правительства. С. 94; Экономическое положение России. Ч. 2. С. 218, 233.

^{**} Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г. М.; Л., 1927. С. 190.

ских регалий – короны, скипетра и державы) и 1000 рублей (так называемые «думки», с изображением Таврического дворца в Петрограде, где происходили заседания Государственной думы), а летом 1917 г. – казначейские знаки достоинством 20 и 40 рублей (прозванные «керенками» по имени министра-председателя Временного правительства А. Ф. Керенского). Последние выпускались целыми неразрезанными блоками по 40 знаков на общую сумму 1600 рублей, без нумерации, подписей и даты выпуска. Впоследствии многие сельские жители использовали эти суррогатные денежные знаки вместо обоев для оклейки стен.

Всего Временным правительством было эмитировано бумажных денег на 9533,4 млн руб., или больше, чем за предыдущие 2,5 года войны. Общая сумма бумажных денег в обращении к ноябрю 1917 г. достигла 19 574,7 млн руб. «Непосредственными причинами громадного выпуска кредитных билетов, – отмечалось в представлении министра финансов М. В. Бернацкого 6 октября 1917 г., – были не только крупные позаимствования казны в Государственном банке на военные расходы, но также значительные затраты банка по кредитованию закупочных операций Министерства продовольствия... Все более значительная часть военных расходов покрывается за последнее время за счет бумажно-денежного источника»^{*}.

Наполнение оборота бумажными деньгами подстегнуло инфляцию, сопровождавшуюся спадом производства и ростом товарных цен, а также катастрофическим обесцениванием рубля, покупательная способность которого к октябрю 1917 г. упала до 6–7 копеек от довоенного уровня^{**}.

Нельзя сказать, что Временное правительство не видело угрозы бумажной эмиссии как инфляционного фактора. В обращении первого премьер-министра Г. Е. Львова к населению страны, подготовленном в апреле 1917 г., прямо говорилось: «Самая серьезная опасность заключается в необходимости до конца войны продолжать выпуск бумажных денег, что роняет покупательную силу рубля и тем самым ведет к удорожанию жизни и к ухудшению общих условий народнохозяйственной жизни». Выход лидерам правительства виделся в выпуске новых внутренних займов, «снимающих с рынка лишние займы и ослабляющих необходимость новых выпусков бумажных денег»^{***}.

^{*} См.: Представление министра финансов о расширении денежной эмиссии, 6 октября 1917 г. // Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции: Документы и материалы. Март–октябрь 1917. Ч. 2. М., 1957. С. 424.

^{**} Наше денежное обращение. Сборник материалов по истории денежного обращения в 1914–1925 гг. М., 1926. С. 10–12.

^{***} Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Ч. 2. С. 375.

Надежды связывались с реализацией так называемого «Займа Свободы»^{*}. Открытая 26 апреля 1917 г. подписка на заем, по замыслу руководителя финансового ведомства М. И. Терещенко, должна была стать «лучшим доказательством доверия общества к новому строю и его представителям»^{**}. Для реализации займа был образован эмиссионный синдикат в составе Государственного и группы акционерных коммерческих банков, обязавшихся принять от правительства облигаций займа на сумму 3 млрд руб. по цене 85 за 100 номинальных. К октябрю 1917 г. эмиссия займа была успешно в целом завершена: всего размещено облигаций на сумму 3040,7 млн руб. По справке Управления государственных сберегательных касс, к 21 октября 1917 г. на 1344,6 млн руб. было реализовано облигаций через коммерческие банки, 614,8 млн руб. принесла подписка в учреждениях Государственного банка и 585 млн руб. (около 20 % от общей суммы) доставили сберегательные кассы. Остальную сумму принесла свободная подписка^{***}.

Подписчики имели право заложить приобретенные ими облигации в Государственном банке на льготных условиях. При этом из 967 тыс. лиц, подписавшихся на заем в системе Госбанка и его посредников, 632,8 тыс., т. е. $\frac{2}{3}$ общего их количества, подписались через сберегательные кассы. Средняя сумма подписки на одного держателя в сберкассе равнялась 900 рублям, тогда как в учреждениях Госбанка – 4–4,2 тыс. руб. Кассами, таким образом, к реализации займа оказались привлечены самые широкие круги населения России.

Однако, несмотря на внешний успех, эмиссия не принесла ожидаемого результата, так как оплата облигаций производилась населением большей частью не наличными деньгами, а краткосрочными обязательствами казначейства. Общая сумма выпусков краткосрочных обязательств казны при Временном правительстве составила 10 млрд руб., от учета которых в России в казну поступило 8190,8 млн руб. Подавляющая часть обязательств на сумму 6215,7 млн руб. была принята к учету Государственным банком, а остальные на сумму около 2 млрд руб. были размещены на частном рынке^{****}. Произошел в итоге лишь перевод краткосрочного долга казны в долгосрочный. Заем не сдержал инфляционной волны, которая с лета 1917 г. захлестнула экономику страны.

Выпуск новых бумажных денег между тем продолжался: по ежемесячным балансам Государственного банка прослеживается, что лишь в апреле темп эмиссии упал (476 млн руб. против 1031 млн руб. в марте), но затем маховик

^{*} См.: *Страхов В. В.* «Заем Свободы» Временного правительства // Вопросы истории. 2007. № 10.

^{**} Цит. по: *Волбуев П. В.* Экономическая политика Временного правительства. М., 1962. С. 340.

^{***} РГИА. Ф. 581. Оп. 1. Д. 330. Л. 180–181.

^{****} См.: *Сидоров А. Л.* Финансовое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1960. С. 141–143.

бумажной эмиссии начал раскручиваться с новой силой*. Растущие расходы на войну и общеэкономический кризис не оставляли правительству выбора. «У нас нет никакого другого способа непосредственно сейчас же заполучить в свое распоряжение денежные знаки... – признавался министр труда меньшевик М. И. Скобелев, – нет более надежного и верного источника, как все тот же злосчастный станок Экспедиции заготовления государственных бумаг»**. После февраля 1917 г. это предприятие, печатавшее бумажные деньги (предшественник современного Гознака), являлось едва ли не единственным в стране, не сократившим, а резко расширившим объем производства.

Верное союзническим обязательствам, Временное правительство продолжило линию на расширение позаимствований у партнеров по антантовской коалиции. Всего от союзников удалось получить около 2 млрд руб., в то время как царскому правительству за 2,5 года войны было выделено 5,2 млрд руб. Золотой запас при Временном правительстве уменьшился с 3617,9 до 3605,1 млн руб.***

Новые внешние долги уступали, таким образом, выручке, полученной от одного «Займа свободы», но значимость их все же была выше, ибо без реальных союзнических кредитов Россия не могла продолжать войну. Тем не менее на экономическое положение страны в целом они не имели существенного воздействия. Гораздо большим весом был фактор роста внутреннего государственного долга, связанного с колоссальной денежной эмиссией. По самым осторожным оценкам, к октябрю 1917 г. государственный долг вырос до 39,4 млрд руб., из которых 7,2 млрд, или менее $\frac{1}{5}$ приходилось на долг внешний, а основная часть (32,2 млрд) представляла позаимствования царского и Временного правительств у собственного населения****.

Накачивание денежного оборота новыми платежными средствами сопровождалось, как это ни парадоксально, острым дефицитом денежных знаков. Из-за падения курса рубля реальная стоимость денежной массы, несмотря на гигантскую эмиссию, с 3,2 млрд довоенных золотых рублей сократилась за полгода до 1,9 млрд руб. Причина кризиса заключалась в опережающем росте товарных цен: за второе полугодие 1917 г. количество денег в обращении по сравнению с началом 1914 г. выросло в 8,2 раза, а индекс товарных цен – в 11,7 раз*****. Дефицит платежных средств в ряде городов и губерний породил выпуск местными органами власти, торговыми, кооперативными и другими организациями своих средств платежа – разного рода чеков, марок, бон и др.

* Государственный банк России в 1903–1917 гг. // Исторические записки. Отв. ред. Б. В. Ананьич. Т. 12(130). М., 2009. С. 270–271.

** Цит. по: *Волбуев П. В.* Экономическая политика Временного правительства. С. 353.

*** Там же. С. 378; РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 8516. Л. 107; Д. 8074. Л. 81.

**** См.: *Сидоров А. Л.* Финансовое положение России в годы Первой мировой войны. С. 517–518.

***** Там же. С. 147.

Почти полностью прекратился возврат денег в казну – к осени 1917 г. из почти 20 млрд руб. денежных знаков, выпущенных в обращение царским и Временным правительствами, на руках у населения оставалось около 13–14 млрд руб.* Имущие городские слои предпочитали припрятывать деньги, особенно крупные купюры в 100 рублей царского образца с портретом Екатерины II («катеньки»). Крестьянство, напуганное введенными Временным правительством твердыми ценами на хлеб при продолжающемся росте дороговизны на промышленные товары, также придерживало свои целковые в ожидании лучшей рыночной конъюнктуры. «Мы утоляем жажду соляным раствором, – сетовали по поводу денежного кризиса современники: – захлебываемся от бумажной водянки, а между тем ощущаем все более и более сильную жажду»**.

Возложив надежды на помощь извне и пообещав в начале марта «соблюдать крайнюю бережливость в расходовании народных денег»***, Временное правительство так и не смогло заручиться поддержкой отечественных финансистов. Последних возмущали многие начинания власти: уголовное преследование за вывоз валюты из России, запрет на ее продажу внутри страны, а также пересылку и ввоз из нейтральных стран русских ценных бумаг****. Отыскать оптимальную форму взаимодействия государства и частного капитала не удавалось.

В глубоком кризисе оказалась и налоговая система. Через несколько дней после крушения монархии кабинет первого премьера Г. Е. Львова выступил с декларацией о том, что «при громадности текущих военных расходов и при вызванном войною увеличении государственного долга повышение некоторых налогов оказывается неизбежным». Налоги при этом не рассматривались в качестве сколько-нибудь значимого ресурса военных затрат: «Расходы на войну покрываются суммами, полученными путем обращения к государственному кредиту на внутреннем и на внешнем рынке». Назначение податей новые правители России, как, впрочем, и их предшественники, усматривали в том, чтобы обеспечивать «текущие расходы государственного управления». Население призывалось добросовестно платить налоги, а власть обещала «стремиться к облегчению бремени налогов более справедливым их распределением»*****.

Однако Временное правительство столкнулось с фактом резкого ослабления налоговой дисциплины. Сбор прямых налогов после февраля 1917 г. существенно сократился: поступления по поземельному налогу – на 30 %, с городской недвижимости – на 40 %, квартирный налог – на 43 %, промысло-

* *Волбуев П. В.* Экономическая политика Временного правительства. С. 364.

** Вестник финансов, промышленности и торговли. 1917. № 39. С. 364–365.

*** Вестник Временного правительства. 1917. 11 марта.

**** *Ананьич Б. В.* Власть, предпринимательство и наука в России в конце XIX – начале XX века: к истории развития производительных сил // Власть и наука, ученые и власть. 1880-е – начало 1920-х годов. СПб., 2003. С. 22.

***** *Волбуев П. В.* Экономическая политика Временного правительства. С. 315.

вый – на 19 % и т. д.* Перманентный политический кризис, в котором с первых дней своего существования оказалось Временное правительство, дискредитировал новый режим в глазах как имущих слоев, так и широкой демократической массы, не спешивших раскрывать свои кошельки. В число недоимщиков попал даже министр финансов М. И. Терещенко, задолжавший казне 8 тыс. руб.**

С включением в состав кабинета социалистов (меньшевиков и эсеров) правительство начало демонстрировать решимость повысить налоги на «буржуев». 12 июня 1917 г. Временное правительство приняло три самых известных своих налоговых закона о единовременном налоге на доходы, о повышении ставок подоходного налога и о налоге на сверхприбыль***. Эти законы, предусматривавшие громадное повышение налогов на имущих россиян, явились беспрецедентным актом не только российской, но и мировой налоговой практики.

Аналогичные законы, продиктованные суровой обстановкой военного времени, принимались и в других странах, но нигде уровень обложения не достигал той максимальной планки, которую установило Временное правительство. От повышения ставок подоходного налога правительство рассчитывало получить 500 млн руб., единовременный налог должен был принести в казну 80 млн, а налог на сверхприбыль – около 100 млн, т. е. в общей сложности 680 млн руб.

Инициатива правительства вызвала резкую отповедь деловых кругов. Выступая на Государственном совещании в начале августа 1917 г. П. П. Рябушинский, один из идейных вождей торгово-промышленного класса, прямо заявил, что «в настоящее время Россией управляет какая-то несбыточная мечта, невежество и демагогия». В итоге после корниловских событий обновленному кабинету Керенского пришлось пойти на попятную и в сентябре 1917 г. признать, что «взимание означенных налогов на существующих основаниях приведет в отдельных случаях к конфискации всей прибыли предприятий или дохода плательщиков...»**** Законы 12 июня 1917 г. Временным правительством так и не были реализованы. Налоговый кризис стал ярким проявлением нараставшего общенационального катаклизма, приведшего к свержению Временного правительства. Новое, советское, правительство, заметим, начало

* См.: Выступление министра финансов Н. В. Некрасова на Государственном совещании в Москве, август 1917 г. // Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Ч. 2. С. 417.

** Там же. С. 338.

*** Подр. см.: *Захаров В. Н., Петров Ю. А., Шацкило М. К.* История налогов в России. IX – начало XX в. М., 2006. С. 319–324.

**** Представление Министерства финансов Временному правительству. 20 сентября 1917 г. // Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Ч. 2. С. 420–422.

с того, что восстановило всю триаду налоговых «антибуржуйских» законов 12 июня 1917 г.

Финансовое положение страны к октябрю 1917 г. было катастрофическим. Мероприятия же советского правительства (бесконтрольная денежная эмиссия, национализация банков и промышленности, аннулирование «царских» займов и пр.) еще более способствовали обострению финансового коллапса. После национализации частные банки были слиты с Государственным, преобразованным в Народный банк РСФСР. Новый банк продолжил курс своего предшественника на эмиссию бумажных денег для покрытия чрезвычайных расходов правительства. К моменту выхода России из войны по Брест-Литовскому мирному договору с Германией в марте 1918 г. бумажно-денежная масса в стране почти удвоилась по сравнению с октябрём 1917 г., а именно с 17,3 млрд руб. до 33,6 млрд*. В конечном итоге эта политика привела к гиперинфляции и полному падению ценности рубля.

4. Кризис продовольственного снабжения

(Ю. А. Петров, М. К. Шаццлло)

В условиях дезорганизации экономики Временное правительство, как отмечалось выше, пыталось осуществлять меры по государственному регулированию народного хозяйства. Первыми мероприятиями новой власти стали организационные изменения. Законом 9 марта 1917 г. было приостановлено положение об Особом совещании по продовольствию, а вместо него образован Общегосударственный продовольственный комитет под председательством министра земледелия. В состав комитета входили представители Государственной думы, Совета рабочих и солдатских депутатов, Всероссийского крестьянского союза, кооперативных организаций, Совета съездов промышленности и торговли, Военно-промышленного комитета, Всероссийского союза земств и др.

На местах были созданы губернские, уездные, городские и волостные продовольственные комитеты, в составе которых также были широко представлены предприниматели и землевладельцы. Задачами губернских продовольственных комитетов являлось общее руководство продовольственным делом в губернии и организация снабжения населения предметами первой необходимости. Им предоставлялось право устанавливать порядок и сроки сдачи хлебных продуктов, производить реквизицию продуктов, устанавливать продажные цены на продовольственные продукты и фураж и т. д. Низшим звеном служили уездные и волостные продовольственные комитеты, которые были

* Шмелев К. Ф. Денежное обращение в России в годы войны и революции (1914–1921) // Денежное обращение и кредит. Т. I. Пг., 1922. С. 13.

обязаны определять запасы продуктов, вести заготовку продовольствия и фуража.

5 мая 1917 г. было образовано Министерство продовольствия, которому были переданы все права, касающиеся продовольственного снабжения. В деле руководства Общегосударственным продовольственным комитетом министр продовольствия сменил министра земледелия. Министерство продовольствия было объявлено высшим органом, осуществлявшим правительственные мероприятия по снабжению населения предметами первой необходимости. На него были возложены заготовка и снабжение армии и населения продуктами первой необходимости, регулирование производства и потребления, покупных и продажных цен и др. 21 июня 1917 г. были созданы и другие дополнительные регулирующие органы – Экономический совет и Главный экономический комитет.

Характерной особенностью работы Временного правительства были сложность правительственного аппарата, многие подразделения которого дублировали деятельность друг друга. Так, при распределении товаров среди населения сталкивались министерства торговли и промышленности, финансов и продовольствия. На низовом уровне в дело распределения включались местные продовольственные комитеты, комиссии по борьбе с дороговизной и другие многочисленные органы, возникшие в революционное время.

Практическая деятельность регулирующих органов, занимавшихся вопросами снабжения населения, заключалась главным образом в установлении цен на некоторые товары и регулировании потребления. Однако регулирование цен не дало сколько-нибудь существенных результатов: твердые цены, назначенные в 1917 г., быстро повышались. Например, твердые цены на донецкий уголь изменялись Особым совещанием по топливу в течение марта–октября 1917 г. четыре раза в сторону повышения; утвержденная в октябре цена на уголь была выше февральской цены в 2,5 раза*.

Принципиально новым в экономической политике было введение государственных монополий на некоторые продукты питания, возможность введения которых ожидалась еще при царском правительстве. 25 марта 1917 г. Временным правительством был принят закон «О передаче хлеба в распоряжение государства», согласно которому весь хлеб, как урожая 1916 г., так и сбор прежних лет и будущего урожая 1917 г. (за вычетом запаса, необходимого для продовольственных и хозяйственных нужд владельца), должен был поступить в монопольное распоряжение государства по твердым ценам и мог быть отчужден лишь при посредстве государственных органов. Частная хлебная торговля ликвидировалась окончательно, хотя закон и говорил о возможности ее привлечения в стадии распределения заготовленного продукта среди населения.

* Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Ч. I. С. 12.

Принятие закона вызвало резкое недовольство предпринимательских кругов. Еще за несколько дней до утверждения закона о хлебной монополии проходивший в Москве 19–23 марта первый Всероссийский торгово-промышленный съезд выступил против разрабатывавшегося законодательного предложения. В конце апреля 1917 г. в Петрограде состоялся чрезвычайный съезд представителей биржевой торговли и сельского хозяйства, который принял компромиссное решение, высказавшись против хлебной монополии, но в пользу твердых цен. При этом он потребовал привлечения хлеботорговцев к закупкам хлеба и соответствующего представительства их в продовольственных органах «на равных началах с кооперативными и иными общественными организациями»^{*}.

Правительство пошло навстречу требованиям предпринимателей и несколько ослабило хлебную монополию, став на путь привлечения частных скупщиков к заготовке хлеба. Специальным циркуляром Министерства продовольствия от 27 июля 1917 г. губернским продовольственным комитетам было предложено привлечь к заготовкам хлеба частные торгово-промышленные организации и фирмы, причем рекомендовалось привлекать преимущественно крупные мукомольные и хлеботорговые предприятия^{**}.

Однако на деле Временное правительство ужесточило меры государственного регулирования и окончательно вытеснило торговые объединения на периферию хозяйственной жизни. Как вспоминал владелец крупной текстильной торговой фирмы П. А. Бурышкин «к концу периода первой русской революции балансы торговых предприятий имели весьма упрощенную схему сравнительно с периодом нормальной жизни. Остатки товаров были ничтожны, в особенности не в денежном, а в количественном отношении, дебиторские и кредиторские счета были сведены совершенно к нулю и обыкновенно главными частями балансов оставались по активу текущие счета движимого и недвижимого имущества... Захват такого торгового предприятия советской властью сводился по своему внешнему проявлению лишь к захвату торгового помещения»^{***}.

7 июня 1917 г. Временное правительство вынесло постановление «О приступе к организации снабжения населения по твердым ценам тканями, обувью, керосином, мылом и другими продуктами и изделиями первой необходимости»^{****}. В качестве главного пути выхода из критического положения правительство видело подъем твердых цен, в том числе на хлеб. Решение правительства об увеличении цен вызвало волну возмущения.

* Торгово-промышленная газета. № 62. 1917. С. 3.

** Узаконения и распоряжения по продовольственному делу за 1914–1917 гг. Ч. 1. С. 490–494.

*** ГА РФ. Ф. 5885. Оп. 1. Д. 5. Л. 42.

**** См.: СУ. 1917. № 143. Ст. 782.

14 сентября 1917 г. была введена сахарная монополия. Продажа сахара для нужд потребления внутри страны, как и его экспорт и импорт, была признана исключительным правом казны. Продажа сахара могла производиться правительственными органами с заводов и складов, из казенных лавок, а также из кооперативных и частных магазинов по поручению казны на комиссионных началах. Разработка плана снабжения сахаром населения и армии была передана Министерству продовольствия.

Основным мероприятием Временного правительства в деле снабжения населения было закрепление карточной системы. 14 июля 1917 г. в городах были введены обязательные карточки на хлеб и сахар. При этом нормы снабжения хлебом устанавливались на местах в зависимости от наличия продуктов. Но и эти нормы не были обязательными. Инструкция Министерства продовольствия Временного правительства по организации карточной системы распределения хлебных продуктов предусматривала, что «обладание карточкой не дает права требовать от продовольственных органов именно того количества продуктов, которое обозначено на талонах...»*

Несмотря на принимаемые меры, обеспечение населения важнейшими продуктами питания с каждым месяцем пребывания Временного правительства у власти все более ухудшалось. Даже таким основным продуктом питания, как хлеб, население крупнейших промышленных центров не было обеспечено. Жители Петрограда и Москвы получали в течение лета 1917 г. уменьшенный паек хлеба – 0,75 фунта на душу против 1 фунта, установленного для городского населения законом 25 марта. В дальнейшем норма была снижена до 0,5 фунта в день. Выдача продуктов по карточкам в Москве снижалась из месяца в месяц. По сравнению с соответствующим периодом 1916 г. количество продуктов, выданных в Москве по карточкам в среднем на одного человека, составило во втором полугодии 1917 г.: хлеба – 62 %, крупы и макарон – 16 %, мяса – 60 %, масла коровьего – 14 %, масла растительного – 30 %, яиц – 14 %, сахара – 35 %**.

Запасы хлеба, имевшиеся в распоряжении Министерства продовольствия, снизились до минимальных размеров: на 1 августа 1917 г. они составили 26 млн пудов – количество, которого даже при равномерном размещении хлеба по стране не могло бы хватить для снабжения населения в течение месяца; однако из-за расстройств транспорта и эти запасы не могли быть достаточно эффективно использованы. В результате голодной нормы в Петрограде и Москве удалось образовать небольшие трехнедельные запасы хлеба, но они вследствие задержки с подвозом хлеба почти полностью иссякли, что означало непосредственную угрозу голода. Вследствие развала транспорта, сбор

* Указонения и распоряжения по продовольственному делу за 1914–1917 гг. Ч. I. С. 474.

** Кабо Р. Потребление городского населения России. М., 1918. С. IX–X.

нового урожая не внес никаких улучшений в снабжение городов и промышленных центров.

Борьбу с продовольственным кризисом попыталась вести российская кооперация. Идейным и координационным ее центром стал Совет Всероссийских кооперативных съездов под председательством С. Н. Прокоповича, который в сентябре 1917 г. занял пост министра продовольствия во Временном правительстве. Однако авторитет кооперации в 1917 г. страдал из-за нараставшего социально-экономического кризиса, с которым не могло справиться Временное правительство, поддерживаемое лидерами кооперации, политизации кооперативного движения, стремления к обособлению рабочих потребительских обществ, находившихся под влиянием левой пропаганды.

В условиях нараставшего дефицита товаров кооперативы ратовали за государственное регулирование. Некоторые представители кооперации принимали участие в работе государственных органов, связанных с заготовками и распределением продовольствия. Заготовительные операции союзных объединений кооперативов субсидировались правительством.

По динамике численности и рентабельности лидирующее положение на протяжении всего военного времени сохраняли потребительские кооперативы. Это объясняется их ролью в заготовках, распределении и сбыте продукции в обстановке нараставших экономических проблем. Потребкооперативы были привлечены государством для продовольственного снабжения населения по карточкам. К октябрю 1917 г. число потребительских обществ достигло 35 тыс. (по сравнению с данными на 1 января 1917 – 23,5 тыс.), действовало почти 50 тыс. розничных торговых предприятий*.

К осени 1917 г. насчитывалось более 400 кооперативных союзов потребительских обществ, торговые обороты которых составляли десятки миллионов рублей**. Самым крупным союзным объединением оставался Московский союз потребительских обществ (МСПО), который с весны 1917 г. фактически начал функционировать как Центросоюз. В сентябре 1917 г. он был переименован во Всероссийский центральный союз потребительских обществ (Центросоюз).

В условиях нараставшего социального конфликта с продовольственным кризисом не удалось справиться ни правительству, ни потребкооперации. «Костлявая рука голода», об угрозе которой в августе 1917 г. с трибуны Государственного совещания предупреждал лидер московских предпринимателей П. П. Рябушинский, все ощутимей сжималась на горле страны. Увы, эта последняя фраза тут же была извращена большевистскими агитаторами. Массам стало внушаться, что именно буржуазия решила удавить революцию «костлявой рукой голода».

* Диктяр Г. А. Внутренняя торговля в дореволюционной России. М., 1960. С. 233.

** Корелин А. П. Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг. М., 2009. С. 341.

5. Предприниматели и рабочие (В. П. Булдаков)

На январь 1917 г. в фабрично-заводской промышленности Петрограда и его окрестностей было занято более 400 тыс. человек, из них на металлообрабатывающих заводах – 237 тыс., причем 132 тыс. из них – на 14 заводах-гигантах (на одном Путиловском их было 26 тыс.). Основная масса столичного пролетариата работала на оборону. Шла неуклонная концентрация рабочей силы: если в 1914 г. в Петрограде было 33 завода с численностью рабочих свыше 1 тыс., то к 1917 г. таких предприятий насчитывалось уже 72, причем на них было занято большинство столичного пролетариата. За годы войны в столице численность металлистов выросла на 400 %, рабочих-химиков – на 250 %. Наряду с метал리스트ами достаточно многочисленными были текстильщики (44 тыс.), представленные преимущественно женщинами. Впрочем, даже среди металлистов численность последних выросла в 10 раз, составив пятую часть всех занятых на производстве*. Столичный пролетариат не просто «феминизировался», он стал все более нетерпеливым.

Продолжилось снижение производительности труда. В то время, как численность рабочих в 1917 г. возросла на 3,6 %, общий объем валовой продукции упал на 44,2 %, а выработка на одного рабочего сравнительно с предыдущим годом снизилась на 41,5 %. В целом валовая продукция сократилась на четверть, а выработка рабочего – на треть от довоенной. Перевод народного хозяйства на военные рельсы происходил медленно. Годовое производство вооружений превосходило довоенный уровень лишь на 229 %. Все это происходило, несмотря на то что предприятия, работавшие на оборону, являлись наиболее организованным сегментом всей промышленности**.

Война требовала увеличения выпуска вооружений и соответствующей модернизации производства. На Западе это удавалось благодаря относительно согласованной работе правительства и предпринимателей. В России инновационной активизации отечественной буржуазии не наблюдалось. Приходилось надеяться на патриотическую «сознательность» пролетариата. 8 марта 1917 г., выступая в московском Совете, Керенский заговорил о том, что пролетариат должен стать «хозяином страны», заставив призадуматься людей свободных профессий***. Керенский говорил по-своему искренне: ранее в Петроградском Совете он заявлял о своем «пролетарском существе»****. В условиях революции, нареченной «буржуазной», собственно буржуазия чувствовала себя все более неуютно.

* Булдаков В. П. Красная смута. С. 141–142.

** Сидоров А. Л. Экономическое положение России... С. 353–354, 359.

*** Окунев Н. П. Указ. соч. С. 23.

**** Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 117.

Временное правительство рассчитывало на своего рода патриотический союз предпринимателей и общественности. 10–11 марта состоялось соглашение между Обществом заводчиков и фабрикантов и ИК Петроградского Совета о введении 8-часового рабочего дня^{*}. Для проведения его в жизнь на предприятиях организовывались фабрично-заводские комитеты, а затем учреждались заводские и центральная примирительные камеры^{**}. 11 марта П. А. Пальчинский, заместитель министра А. И. Коновалова, на заседании Metallургического комитета заявил, что считает необходимым «опираться на все общественные организации, на все промышленные организации», поскольку без их сотрудничества невозможна организация обороны. Соответственно, был взят курс на превращение ВПК и Земгора в правительственные органы по скупке сырья^{***}.

Раздраженные требованиями 8-часового рабочего дня и повышения заработной платы, представители металлургических и военно-промышленных предприятий пытались оказать давление на Временное правительство. Еще в середине марта предприниматели заговорили о том, что введение 8-часового рабочего дня на отдельных предприятиях приведет к падению производительности труда на 20 %, а между тем рабочие требуют прибавки на 200–400 %. Никакие примирительные камеры решить этот вопрос не могли, тем более что рабочие угрожали предпринимателям самосудом^{****}. Вопрос мог быть решен только на уровне государственной власти.

В этих условиях деловые круги пытались занять своего рода круговую оборону, сопротивляясь натиску рабочих и увещаниям власти. Еще в марте Петроградское общество заводчиков и фабрикантов взяло курс на проведение единой линии по всем вопросам рабочей политики. Основой «классового мира» должно было стать установление потолка прибылей и даже демонстративный отказ от них. Прибыли предпринимателей в некоторых отраслях, в том числе в текстильной и оборонной промышленности, оставались высокими, что становилось известно общественности^{*****}. Рабочие, морально поддерживаемые значительной частью общества, энергично протестовали против обогащения «буржуев» на войне.

14 апреля мысль о необходимости самоограничения прибылей высказал министр торговли и промышленности А. И. Коновалов. Он искренне считал, что «моральное значение проведения декрета о лимитации прибылей» станет

^{*} Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 225, 236.

^{**} *Суханов Н. Н.* Записки о революции. Т. 1. С. 248.

^{***} *Волбуев П. В.* Экономическая политика Временного правительства. М., 1962. С. 92–95.

^{****} Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 354, 356, 367, 418, 449.

^{*****} *Арский Р.* Военные прибыли // *Летопись.* 1917. № 1. С. 279–280, 282.

«убедительным доказательством готовности торговли и промышленности нести все возможные жертвы для общего блага, доказательство, парализующее появление новых требований». Министр рассчитывал, что этого будет достаточно для «согласования справедливых интересов различных классов и подчинения этих интересов государственному и общественному благу»^{*}.

Заявление это следует отнести к числу утопий того времени. Коновалов опасался отпугнуть предпринимателей, но некоторые представители буржуазии все равно негативно оценивали его робкие предложения. Не только рабочие, но и промышленники были убеждены, что их обирает та сторона, которую ей прочат в социальные партнеры. Сомнительно, что «моральный пример» буржуазии мог вдохновить рабочих. К тому же сами предприниматели так и не смогли сговориться между собой относительно ограничения прибылей^{**}.

10 мая председатель Совета съездов представителей промышленности и торговли Н. Н. Кутлер сделал правительству заявление о «тяжелом положении, в котором оказались фабрики и заводы вследствие непомерных требований, предъявляемых рабочими». По его словам, в случае удовлетворения этих требований предприниматели Юга России потерпят такие убытки, что придется остановить производство. По мнению Кутлера, требовалось «немедленное и самое энергичное вмешательство правительства» в регулирование вопроса о заработной плате, чтобы остановить ее дальнейший рост. В противном случае поддержание производства окажется невозможным^{***}. Эта речь стала неожиданностью не только для министров-социалистов, но и кадетов.

На состоявшейся в конце апреля – начале мая 1917 г. конференции промышленников юга России было решено категорически отвергнуть требования рабочих о повышении заработной платы. Горнопромышленники Урала также заявляли, что требования рабочих превышают «всякий разумный предел». Чтобы заручиться поддержкой власти Петроградское общество заводчиков и фабрикантов представило в начале мая правительству докладную записку, содержащую обобщенные данные о перерасходе или исчерпании средств на «типичных» предприятиях в результате повышения заработной платы. Предприниматели подумывали также о создании особого фонда для поддержки своих членов в случае затянувшихся конфликтов с рабочими. В результате хозяева предприятий все чаще стали отказываться от договоренности с рабочими до выяснения точки зрения руководителей своих объединений^{****}. Все это негативно сказывалось на промышленном производстве.

* Речь министра торговли и промышленности А. И. Коновалова при посещении московской биржи 14 апреля 1917 года. Пг., 1917. С. 2.

** См.: Экономическое положение России... Ч. 2. С. 460; *Волобуев П. В.* Экономическая политика Временного правительства. С. 316–317, 320.

*** См.: Экономическое положение России... Ч. 1. С. 166–170.

**** См.: *Волобуев П. В.* Пролетариат и буржуазия России... С. 164–165; Экономическое положение России... Ч. 1. С. 166–168; Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис. М., 1959. С. 340.

Но у рабочих был свой взгляд на происходящее. Под давлением Союза рабочих-металлистов петроградскому Обществу заводчиков и фабрикантов пришлось согласиться на заключение общего тарифного договора. Затем последовали бесконечные споры относительно расценок различных категорий рабочих. Лишь после двукратного решения третейского суда (от 14 июня и 10 июля) предприниматели согласились принять тарифный договор в целом. Однако многие предприниматели в знак протеста против этого решения вышли из Общества^{*}.

По некоторым данным, рост заработной платы столичных рабочих сопровождался падением их реальных доходов^{**}. В Петрограде реальная зарплата рабочих была выше общероссийской. Так, номинальный заработок металлистов составлял к октябрю 300 руб. в месяц, причем у квалифицированных рабочих оборонных заводов он доходил до 385 руб. Но столица отличалась дороговизной, так что даже номинально высокие заработки не могли вполне удовлетворить рабочих^{***}. Металлисты оставались наиболее радикальной частью пролетариата. Рабочие столицы отличались довольно высоким образовательным уровнем: 88 % грамотных среди рабочих, 56 % – среди работниц. При этом удельный вес неквалифицированной массы (женщины, молодежь, сезонники) доходил до 60 %^{****}. Оплата труда квалифицированного рабочего могла быть в пять раз выше неквалифицированного. В целом, к 1917 г. реальная заработная плата большинства рабочих столицы составляла не более 70–75 % от довоенной^{*****}. Но дело даже не в рублях, а в ощущениях от обесценивания своего труда.

Революция неминуемо должна была усилить ведомственную неразбериху. Само по себе существование таких ведомств, как Министерство торговли и промышленности (возглавляемое умеренными элементами) и Министерство труда (руководство которого находилось под сильным давлением социалистов), создавало конфликт, способный приобрести общероссийский масштаб^{*****}.

Рабочие все менее склонны были верить социалистам. «Когда мы совершали революцию, – вспоминал рабочий главных мастерских Северо-Западной железной дороги С. Туманов, – мы мало обращали внимание на партийность... Нам дорог был момент закрепления революционной борьбы за рабочим классом». Позднее столичные рабочие признавались, что не имели представления

^{*} *Волобуев П. В.* Пролетариат и буржуазия России в 1917 году. С. 170–171.

^{**} *Rosenberg W. G.* Russian Labour and Bolshevik Power after October // *Slavic Review*. Vol. 44, no. 2, Summer 1985. P. 216.

^{***} *Волобуев П. В.* Пролетариат и буржуазия России... С. 222–223.

^{****} *Smith S. A.* Red Petrograd: Revolution in the Factories. 1917–1918. Cambridge, 1983. P. 36.

^{*****} См.: Питерские рабочие и Великий Октябрь. Л., 1987. С. 9–20.

^{*****} *Штейнберг И. З.* Указ. соч. С. 29, 63.

о партиях, но зато были «настроены против царизма и войны»*. Это и определяло их поведение – порой «излишне» эмоциональное. В Москве жаловались, что рабочие «врываються в типографии, печатают свои листки, портят машины и вообще желают быть также цензорами всего печатающегося в газетах». Представители интеллигенции признавались, что «со страхом смотрят на рабочих (они могут теперь сделать много злого)**».

На низовом уровне периодически воцарялась власть импульсивной пролетарской толпы. К примеру, после июньских событий в Петрограде совет старост металлургического завода в Таганроге постановил «арестовать директора завода и одного акционера» и держать их взаперти до тех пор, пока не будет выплачена зарплата***.

Шло интенсивное формирование «антибуржуйского» сознания. Так, 27 марта резолюция московских рабочих фабрики Бромлей требовала «не допустить печатания бумажных денег», а для того, чтобы покрыть расходы государства, «отобрать у фабрикантов и заводчиков все их барыши, накопленные во время войны...» 19 апреля рабочие завода «Изолятор» решили потребовать от хозяина в случае, если он не примет их экономических требований, «отказаться от владения заводом»****. Рабочие, подобно крестьянам, признавали лишь две формы взаимоотношений с «хозяином»: подчинение и бунт. Строить взаимоотношения на основах партнерства они не умели.

После Февраля поражает обилие моментально возникших карликовых профсоюзов – их образовывал каждый заводской цех. Некоторые исследователи считают, что здесь дали о себе знать не только ощущения ремесленно-артельной общности, но и земляческий фактор*****. В течение двух месяцев было образовано около 2 тыс. союзов, что свидетельствовало об «узости» социальных интересов; к июню они объединяли 1,5 млн человек*****. Карликовые союзы оказались под началом так называемых фабричных и заводских комитетов, т. е. фактически брали на себя функции коллективного старосты. «Классовой» борьбе сопутствовал не социализм, а обычай. С другой стороны, фабзавкомы вырастали из стачкомов. Последние поначалу сконцентрировались на удалении «контрреволюционной» администрации – под последней понимались

* Цит. по: *Соболев Г. Л.* Пролетарский авангард в 1917 году. СПб., 1993. С. 96, 97.

** *Андреева-Бальмонт Е. А.* Воспоминания. М., 1996. С. 405.

*** *Булдаков В. П.* Красная смута. С. 143.

**** *Розенталь И. С.* Большевики и российское общество // Политические партии и общество в России. 1914–1917 гг. М., 2000. С. 17.

***** См.: *White J. D.* The Sormovo-Nikolaev Zemlyachestvo in the February Revolution // *Soviet Studies*. Vol. 31. No. 4. 1979. P. 479–504; *Hickey V. C.* Urban Zemliachestva and Rural Revolution: Petrograd and the Smolensk Countryside in 1917 // *The Soviet and Post-Soviet Review*. 1996. Vol. 23. No. 2. P. 144–151.

***** Рабочее движение в 1917 г. М.; Л., 1926. С. 83, 84.

слишком требовательные начальники. После этого стачкомы при поддержке цеховых союзов стали выдвигать экономические – порой совершенно фантастические – требования администрации.

Кое-где рабочие пытались самостоятельно, игнорируя любую политическую поддержку, «договориться» с владельцами. Даже Советы (куда порой скопом вливались представители фабзавкомов) казались им «чужими» организациями*, не говоря уже об отраслевых профсоюзах, где засели интеллигенты-социалисты (чаще меньшевики), подозреваемые в готовности сговориться с хозяевами за спиной рабочих. В пролетарской среде давали о себе знать отголоски крестьянской политической культуры. Все это вряд ли способствовало задачам модернизации производства.

Особо острым становился рабочий вопрос в столице. К лету выяснилось, что петроградской промышленности, почти целиком работающей на оборону, грозит коллапс, связанный с нехваткой топлива. Правительство настаивало на «разгрузке» Петрограда от «лишнего» населения. Предполагалось отстранить от производства женщин и детей, удалить военнообязанных на фронт, «изъять из обращения 100 000 желтых рабочих, 237 000 жен-солдаток, 72 000 беженцев, 10 000 студентов, 26 000 обитателей богаделен, 25 тысяч больных из лазаретов», а также «удалить мародеров, спекулянтов, проституток», а заодно очистить 1000 квартир, используемых как дома свиданий. Эта «рациональная» мера могла вызвать взрыв социального недовольства. Не случайно на эту «буржуазную» меру сразу же ополчились представители профсоюзов, заговорившие о том, что вместо «бюрократического решения вопроса» следует добиваться прекращения империалистической войны и установления «регулируемого и контроля всего производства государственной властью» в лице Советов**.

6. Крестьяне и власть (В. П. Булдаков)

Период с февраля по октябрь 1917 г. известный российский историк-аграрник В. П. Данилов характеризовал как «два встречных насилия»: государственных решений о реквизициях хлеба и крестьянского ответа на чрезвычайные меры***. На деле ситуация была сложнее. Крестьянство по известной традиции пыталось уклониться от растущего натиска государственности, но все более агрессивно реагировало на своих ближайших социальных «соседей». Необходимость решения продовольственного вопроса в целях предотвраще-

* Кукушкин С. Московский Совет в 1917 г. М., 1957. С. 77.

** Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 3. С. 257–264.

*** Данилов В. П. История крестьянства в России в XX веке. Избранные произведения. Т. 2. М., 2011. С. 209, 220–221.

ния голода в центральных районах страны, а затем и попытки установления продовольственной диктатуры привели к ожесточению крестьянства.

Временное правительство взяло курс на усиление вмешательства государства в сельскохозяйственное, особенно зерновое, производство. 25 марта 1917 г., как отмечалось, была установлена «хлебная монополия», в мае власть приступила к учету хлебных посевов. Были подтверждены ранее установленные «твердые» закупочные цены, более или менее соответствующие рыночным. Крестьяне поначалу восприняли это со сдержанным оптимизмом. Однако события стали развиваться не в пользу государства. Возникла психологическая ситуация, когда всякий «неверный» шаг власти порождает рост отчуждения от государства.

Временному правительству пришлось официально признать крестьянские организации, издав 21 апреля постановление «Об учреждении земельных комитетов». Этой акцией оно рассчитывало поставить под свой контроль организации, созданные по инициативе крестьян. Получалось нечто противоположное. Крестьянские комитеты ополчились против всех «чужих».

Совсем недавно община изгоняла из своей среды лиц, отмеченных «дурным поведением», – число их особенно возросло в годы войны. Теперь начался обратный процесс – пришлый элемент во все большей степени стал определять поведение и ценностные ориентации деревни. Уже в марте крестьяне под руководством солдат кое-где пытались разграбить винные склады и имения. Смоленский губернский комиссар А. М. Тухачевский сообщал в МВД, что под влиянием солдат «крестьяне захватывают землю, вырубая леса, насильно удаляют из экономий рабочих и прислугу». Врагами крестьян становились все, кто препятствовал утверждению справедливости в их собственном понимании. Прежде всего, обнаружилось их нежелание платить за привычную аренду*. Возможно, на политические пристрастия деревни повлияла позиция Петроградского Совета, в заседаниях которого звучали заявления о необходимости посылки в деревню пропагандистов, которые «боролись бы с земством»**. «Довольно с нас этих земств! – заявляли общинники. – ...Мало они нашего брата околпачивали!» Впрочем, получив разъяснения, что чиновников не будет, соглашались: «...Коли так, тогда совсем другое дело!...»*** Но были и другие мнения крестьян: «Временному правительству подчинялись... что же касается земства, то таковое мы совершенно не желаем»****. Представители Могилевского крестьянского Совета в мае 1917 г. назвали Керенского апостолом революции и освободителем крестьянства*****.

* Булдаков В. П. Красная смута. С. 180.

** Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 212.

*** *Наживин И. В.* Записки о революции. С. 22.

**** *Судацков Н. Д.* Ставропольское земство в революциях 1917 года. М.; Ставрополь, 1999. С. 129.

***** *Булдаков В. П.* Красная смута. С. 128, 394.

Крестьяне рассчитывали на «свою» власть, ее институциональная форма была им безразлична, однако они охотно подхватывали подходящие им политические лозунги. Соответственно подстраивались и сакральные установки. Собираясь после Февраля на молебны с красными знаменами, крестьяне требовали от священников провозглашения многолетия Временному правительству, запрещая называть Христа «царем небесным». Бог казался теперь революционером, освободившим бедняков от «поработителей» в лице Романовых^{*}. Не случайно иные крестьянские съезды в первой половине апреля 1917 г. призывали «конфисковать имущество и капиталы бывшего царя... назначить самый строгий суд с высшей мерой наказания»^{**}. Разумеется, все это не затрагивало их авторитаристских представлений и вполне сочеталось с прагматичными прикидками относительно власти, которая позволит хозяйствовать по-своему^{***}.

Крестьянин оценивал перспективы государственности с позиций доступа – общинного или личного – к «общенародным» земле и угодьям. В Таврической губ. у крестьян первым делом появилось желание «убрать немца», т. е. прибрать к рукам добро колонистов. Симптоматичны попытки воспрепятствовать заготовке дров для города или завода на казенных дачах; подобная рачительность сочеталась с разгромами винокуренных заводов, продовольственных лавок и убийствами помещиков, не говоря уже о порубках леса. Хозяйственная прижимистость оборачивалась воровской разнузданностью: хватали все, что «плохо лежит». Отбирали земли и у монастырей, и у церковных причтов^{****}. Последовали аресты лиц, признанных «вредными для общества», и даже захваты земель и скота у кулаков и помещиков^{*****}. Некоторые частновладельческие хозяйства с выгодой для себя использовали созданную войной производственно-торговую конъюнктуру^{*****}. Разумеется, их прибыли раздражали крестьян.

В мартовские дни по некоторым уездам прокатилась волна переизбраний низовой администрации, сопровождавшаяся избиваниями и арестами волостных старшин. Хотя имеются свидетельства, что там, где укоренилось земство, сельские жители вели себя спокойнее, развитие ситуации определяло стремление к избавлению от начальников, не уживавшихся с сельским сходом.

^{*} Булдаков В. П. Красная смута. С. 180.

^{**} См.: Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Енисейской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.). Томск, 1991. С. 35.

^{***} Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 268.

^{****} Булдаков В. П. Красная смута. С. 181.

^{*****} См.: *Ильюхов А. А.* Революция 1917 года на Смоленщине. С. 54, 56, 66, 82, 91.

^{*****} *Анфимов А. М.* Российская деревня в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М., 1962. С. 183.

Фактически власть переместилась к волостным комитетам. И если поначалу в них избирали представителей сельской интеллигенции, духовенства, кооператоров, помогавших сориентироваться в обстановке, то скоро они превращались в чисто крестьянские организации*. Позднее, 15 августа, на Государственном совещании кн. Кропоткин заявил, что переустройство России, совершаемое «без инициативы сверху» породило массу всевозможных организаций, создавших «волостной патриотизм взамен российского патриотизма»**. В устах теоретика анархизма такое заявление особенно впечатляло.

В деревнях потребляющей полосы крестьянские комитеты первым делом занялись учетом наличного хлеба. В Сычевском уезде Смоленской губернии с этой целью объединились окружные деревни четырех волостей. Избранный комитет тут же произвел обыски (как водится, под видом поиска оружия) и назначил специальную плату на право владения помещиками землей***. Разумеется, такие действия лишь усложняли продовольственную проблему, включая снабжение самих крестьян.

На I Всероссийском крестьянском съезде, открывшемся 4 мая, стали видны «стимуляторы» крестьянской агрессивности. Во-первых, делегатов от армии оказалось больше, чем непосредственно от деревни. Во-вторых, поражало безраздельное – численное и доктринальное – преобладание эсеров. Фактически крестьянский съезд опирался на замещенное представительство (многоступенчатая система выборов этому способствовала). В-третьих, крестьяне, внешне соглашаясь с аргументами политиков, в кулуарах высказывались совсем по-другому, по-своему оценивая возможности решения аграрного вопроса и прекращения войны****. Наконец, крестьяне так и не отождествили себя ни с одной из партий, несмотря на преобладание эсеров в ЦИКе Советов крестьянских депутатов.

Крестьянин по-прежнему ориентировался на старый коллективный опыт, а не на индивидуальное держание. В этих условиях само существование отрубников и хуторян, многие из которых даже преуспели в условиях войны, раздражало общинников. Отсюда растущий натиск на этот так и не консолидировавшийся социальный слой, поставлявший основную массу товарного зерна*****. Объективно крестьяне осуществляли архаизацию сельскохозяйственной экономики.

Рецессия затронула не все аграрные регионы России. Так, в Сибири в 1917 г. благодаря благоприятным погодным условиям и земельным захватам зерновое производство расширилось (к осени образовались значительные излишки

* Булдаков В. П. Красная смута. С. 182–183.

** Государственное совещание. С. 244.

*** Ильюхов А. А. Революция 1917 года на Смоленщине. С. 24, 39–40.

**** Лавров В. М. «Крестьянский парламент» России. (Всероссийские съезды крестьянских депутатов в 1917–1918 годах.) М., 1996. С. 25–122.

***** Булдаков В. П. Красная смута. С. 185–186.

хлеба), мясомолочное хозяйство практически не пострадало. Более того, благодаря повышению закупочных цен выросли заготовки масла. Даже слабость инфраструктуры, разрыв хозяйственных связей, изношенность сельхозинвентаря не дестабилизировали ситуацию*. Отсюда видно, что война и революция оказали разрушительное воздействие главным образом на те регионы России, которые ранее уже находились в кризисном состоянии.

Все это не могло не сказаться на поведении крестьянства, предпочитавшего придерживать зерно и накапливать деньги. К концу весны выяснилось, что продовольственная разверстка не дает ожидаемого результата. По данным 2070 волостей, которыми была принята разверстка на 118,2 млн пуд., сельскими сходами было разверстано по домохозяйствам лишь 67,7 млн пуд. Общие же итоги разверстки составили около 100 млн пуд. Заготовительные операции не давали нужного количества хлеба, к тому же его доставка затруднялась из-за плохой работы транспорта**. Кн. Кропоткин обвинял в этом государство, которое своей политикой «насадило дух себялюбивого сепаратизма и неуважения к праву и труду человека»***.

Уже в мае–апреле из некоторых регионов стали поступать сообщения о противодействии торговцев и промышленников введению твердых цен и хлебной монополии. Такие явления отмечались в Симбирской, Херсонской и Черниговской губерниях. В Таврической губернии многие помещики оставляли поля незасеянными, гноили хлеб, если не удавалось сбывать его по спекулятивным ценам****. Все это вызывало острое недовольство крестьян. Крупные хлебопроизводители отвечали соответственно. Так, Союз землевладельцев Ростовского округа постановил поставлять хлеб преимущественно армии и «лишать хлеба города, откуда приезжают агитаторы за 8-часовой рабочий день»*****. Конфликт на почве хлебной монополии разрастался. Это угрожало городам и, прежде всего, рабочим.

На протяжении 1917 г. аграрный вопрос неуклонно перерастал в вопрос продовольственный: в одних регионах у крестьян накапливался «избыток» зерна (которое перегонялось на хозяйственно выгодный самогон), в других – сельские жители все острее ощущали недостаток хлеба насущного. Крестьянские комитеты где-то превращались в земельные, а где-то в продовольственные – за теми и другими стояли сельские сходы. И чем основательнее становилась их власть, тем больше город отчуждался от деревни. Это означало неуклонное обострение продовольственного вопроса в общенациональном масштабе.

* Рынков В. М., Ильиных В. А. Десятилетие потрясений: сельское хозяйство Сибири в 1914–1924 гг. Новосибирск, 2013. С. 102, 162, 224–225.

** Сидоров А. Л. Экономическое положение России... С. 493–494.

*** Государственное совещание. С. 248.

**** Волбуев П. В. Экономическая политика Временного правительства. С. 408–409.

***** Советы крестьянских депутатов и другие крестьянские организации. М., 1929. Т. 1. Ч. 1. С. 139; Ч. 2. С. 157.

7. Солдатская масса: от войны к миру

(А. Б. Асташов, В. П. Булдаков)

К 1917 г. армия представляла собой гигантскую социальную массу: на фронте солдат и офицеров было 9620 тыс. (еще 2715 тыс. составляли лица, работавшие на оборону, – от строителей прифронтовой полосы до работников Красного Креста), в запасных частях военных округов числилось от 1,5 до 2,3 млн солдат и офицеров. С февраля 1917 г. в гарнизоны внутренних военных округов стали поступать новобранцы 1898 года рождения, которым «по закону» полагалось быть призванными только в октябре этого года. Вслед за тем в армию хлынули уголовники, амнистированные в связи с желанием «защищать свободную Россию»*. Сомнительно, чтобы они действительно горели подобными чувствами.

Громадное влияние на городскую политику оказывали солдаты тыловых гарнизонов, численность которых нередко превосходила местное население. В районе Петрограда (от Луги до Новгорода) наблюдалась невиданная концентрация войск – до 322 тыс.** В сочетании с высочайшей концентрацией промышленных рабочих этот регион был наиболее социально взрывоопасен.

Солдаты в полной мере испытывали трудности гражданской жизни: дороговизну товаров первой необходимости, бытовое неустройство. К ним прибавлялись и армейские проблемы: усталость от военной службы, недовольство офицерами, занятиями, плохое продуктовое и вещевое довольствие. «Защитники Отечества», часто оказывавшиеся на одних и тех же предприятиях с рабочими, переживали общие с ними проблемы: антисанитарию и дороговизну. Солдаты все чаще уходили в отлучки, занимались спекуляцией, пьянством, ввязывались, а часто и сами вызывали городские беспорядки. Так или иначе они приближали городскую революцию – важнейший компонент нараставшего организационного коллапса***.

Солдат вряд ли можно было отнести к здоровой части общества. Наиболее частым диагнозом тех, кто успел повоевать, был психоневроз, а также «снарядный шок». Значительное число солдат было подвержено депрессивному состоянию. По существу, «война машин» стала мощным психосоциальным стрессом. Его последствия проявлялись по-разному, но естественный выход, казалось, был один: прекращение войны, возвращение в нормальную обстановку. Революция обеспечила временную перверсию перманентной угнетенности в социально эйфорическое состояние. Но после этого мог последовать

* Булдаков В. П. Красная смута. С. 220–221.

** Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. С. 96–97.

*** См.: Букалова С. В. Орловская губерния в годы Первой мировой войны: социально-экономические, организационно-управленческие и общественно-политические аспекты (дореволюционный период: июль 1914 – февраль 1917 года). Орел, 2005. С. 197–204; Gatrell Peter. Op. cit. P. 66; РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 54.

«откат» в агрессию. Последнему способствовало все большее распространение пьянства, связанное как с самогоноварением, так и с братаниями^{*}.

Религиозно-милитаристское обеспечение войны к 1917 г. выявило свою неэффективность. Частично это было связано с тем, что уровень религиозности офицеров был невысок^{**}. Некоторые солдаты прямо обвиняли «попов» в том, что «непрестанно нам сулят в облаках Орла, а в руки суют бомбы да винтовки, идти смело и геройски погибнуть за Веру, царя и дорогое и обильное наше отечество». Военному духовенству не удалось поддерживать морально-боевой дух войск^{***}. Призывы к миру солдаты воспринимали буквально. «...Жажда “замирения”, с неудержимой силой вспыхнувшая в солдатских душах, была не трусостью и шкурничеством, но прежде всего народно-творческим порывом к свободе, в смысле оправдания добра в мире», – писал Ф. Степун^{****}. Возможно, и так; однако в известные эпохи благие порывы имеют обыкновение получать низменные воплощения.

Серьезную проблему по-прежнему составляли различные виды симуляции. В 1917 г. членовредители, как и «кунтуженные» (новая форма симуляции), вели себя вызывающе, несмотря на недовольство больничного персонала^{*****}. Говорили, что среди раненых, поступающих с фронта, «половина дезертиров, примазавшихся к больнице»^{*****}. Лозунг мира без аннексий и контрибуций стал не просто стимулятором бегства с фронта, но и фактором тотальной деморализации солдатской массы.

Прежние ценностные ориентации солдат сместились. Так, после того как Временное правительство отменило обязательность причастия, удельный вес причастившихся резко упал. Но чаще солдаты требовали от священников изменения привычных текстов молитв, вплоть до включения в них пресловутого мира «без аннексий и контрибуций»; к числу страждущих причислялись и

^{*} Асташов А. Б. Указ. соч. С. 416.

^{**} Кожевин В. Л. Указ. соч. С. 78.

^{***} См.: Шавельский Г., протопресвитер. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. М., 1996. Т. 2. С. 93; Костриков А. А. Военное духовенство и развал армии в 1917 году // Церковь и время. 2005. № 2. С. 145–198; Байрау Д. Фантазии и видения в годы Первой мировой войны: православное военное духовенство на службе Вере, Царю и Отечеству // Петр Андреевич Зайончковский: Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М., 2008. С. 752–753, 766–767; Антивоенные выступления на русском фронте в 1917 году глазами современников (воспоминания, документы, комментарии). М., 2010. С. 3–8.

^{****} Степун Ф. Указ. соч. С. 312.

^{*****} См.: Ляхов М. Н. По Галиции, три года назад. [Б. м.], 2002. С. 30–31; Шибков А. И. Введение в учение о членовредительстве. Ростов-н/Д., [б. г.]. С. 31; РГВИА. Ф. 400. Оп. 15. Д. 4562. Л. 153; Ф. 1932. Оп. 3. Д. 300. Л. 34; Ф. 16142. Оп. 1. Д. 191. Л. 2–2 об., 17–17 об.; Д. 208. Л. 2–3, 63, 96–96 об.; Д. 954. Л. 1–157.

^{*****} Письма – больше, чем воспоминания... С. 284.

дезертиры. Распространялось либо откровенное богохульство, либо желание помолиться «кабы знать» за кого*.

Для солдат тревога за близких и хозяйство стали неотделимыми от вопросов экономики и политики. По мере роста дороговизны они все чаще получали просьбы населения защитить их от «христопродавцев» и «мародеров». В сознании «защитников отечества» укреплялась мысль об уничтожении внутренних врагов – «спекулянтов, купцов и прочих, забывших родину и действующих в руку врагов». Наиболее болезненным актом, воспринимавшимся как прямое посягательство на хозяйства солдат, стала продовольственная разверстка. Сообщения о ее введении совпали с кризисом продовольственного снабжения ряда областей, включая столичные регионы. Слухи о бунтах в городах из-за дороговизны стимулировали желание покончить с войной**.

Армия нуждалась в скорейшем реформировании. Гучков, став военным министром, уволил до 60 % высших офицеров. Среди них было 8 командующих фронтами и армиями, 35 командиров корпусов из 68, 75 начальников дивизий из 240***. Столь масштабные увольнения не могли не сказаться на качестве командования.

Для реформирования армии была создана особая комиссия, которую возглавил А. А. Поливанов, бывший военный министр и председатель Особого совещания по обороне. В ее состав входил ген. А. З. Мышлаевский и другие, преимущественно штабные, работники, несколько разбавленные молодыми выдвиженцами вроде будущего военного министра А. И. Верховского. Но члены комиссии, с одной стороны, начали конфликтовать друг с другом, с другой – погрязли в бюрократических согласованиях****. Результатом их работы стала «Декларация прав солдата и гражданина». Гучков, отказавшись подписывать ее, подал в отставку.

Существует точка зрения, что главной причиной развала армии явились инициированные Приказом № 1 солдатские комитеты. Ф. Степун свидетельствовал, что, напротив, без них «солдатская масса очень быстро вышла бы из подчинения командному составу и пошла бы за большевиками»*****. Дело в том, что в солдатских комитетах преобладали интеллигенты-социалисты, настро-

* Вильямс А. Р. О Ленине и Октябрьской революции. М., 1960. С. 127–128; Прайс М. Ф. Русская революция. Воспоминания о 1917–1919 годах // Вопросы истории. 1967. № 11. С. 136.

** См.: Ахун М. И., Петров В. А. Указ. соч. С. 52–53; РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 203 об., 206, 219 об., 222, 223, 228 об., 254, 257 об., 260, 282, 287, 756; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 281–281 об., 197, 413, 444; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 28 об., 41, 43–44, 133, 162, 306, 362–362 об., 382, 591, 631 об., 684, 756; Д. 3863. Л. 150–150 об., 196 об., 199 об., 203 об., 259 об., 262, 288 об., 369.

*** Сенин А. С. Александр Иванович Гучков. М., 1996. С. 120.

**** Половцев П. А. Дни затмения. М., 1999. С. 39.

***** Степун Ф. Указ. соч. С. 353.

енные оборончески, причем в комитетах дивизионного и армейского уровня их удельный вес был выше. Однако солдатские комитеты неуклонно левели, противостоять разложению армии даже левые политики не могли.

Союз офицеров армии и флота исходил из принципиально иных установок. Его предложения, казалось, были простыми и здравыми: «снять солдатские шинели с тех, кто хочет заняться политикой, а не воевать»; распустить недееспособные дивизии, составленные из ополченцев старших возрастов. Предполагалось, что армия станет более боеспособной, даже уменьшившись на две трети*. Но за оставшихся нельзя было поручиться: желание мира со временем могло захватить и их. Уже в марте целые дивизии принимали резолюции с требованием отказа от завоевательной политики**.

Среди политических деятелей 1917 г. широко распространилось убеждение, что армию «разложили» большевики. На деле, как свидетельствовал левый эсер И. Штейнберг, все левые политики «развращали» армию «неуклонно и систематически» путем пропаганды циммервальдской формулы мира. Именно эта формула «привела армию в то состояние мирного человеческого и человеческого гражданства, из которого все труднее было перебраться опять в море огня и убийства»***. Благодаря ей рухнула старая дисциплина и вместе с тем вся прежняя армейская иерархия. 10 марта солдат Голубев просил в письме: «Товарищи, уберите немцев с фронта, отстраните их от командования, дайте нам русских начальников, русских душой...»**** Одновременно вызывали неприятие и новоиспеченные офицеры из евреев, как правило, настроенные на продолжение войны. Между тем большинство офицеров после Февраля искренне объявили республиканцами и даже социалистами, предпринимались попытки разработки проектов солдатски-офицерских примирительных камер*****. Это не помогало.

После Февраля участились братания, причем откровенно пьяные. На Пасху в начале апреля 1917 г. в них участвовало около 200 частей. Заметно активизировалась в этот период германская разведка и контрразведка, поставлявшая русским солдатам соответствующую литературу. По некоторым подсчетам только за май 1917 г. разведка двух австро-венгерских армий осуществила с помощью братаний 285 разведывательных контактов*****. По другим данным, в апреле–мае из 220 стоявших на фронте дивизий случаи братания имели место в 165, причем в 38 из них русские солдаты обещали противнику не наступать.

* Вестник Союза офицеров армии и флота. № 3. Ставка, 1917. 24 мая.

** Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 492.

*** Штейнберг И. З. Указ. соч. С. 56.

**** Цит. по: Кожевин В. Л. Указ. соч. С. 167.

***** Кожевин В. Л. Указ. соч. С. 205–208; Журавлев В. А. Указ. соч. С. 58, 59, 61.

***** Френкин М. С. Указ. соч. С. 266.

Тем не менее в некоторых дивизиях выносились резолюции, сурово осуждавшие дезорганизацию в армии*.

Солдаты искренне верили, что восстановление справедливости означает, что в окопы отправятся жандармы, полицейские, стражники, нестроевики, тыловики, а им надлежит увеличить довольствие, сменить обмундирование, отдохнуть и съездить домой, чтобы засеять поля. В конце мая солдаты двух полков, не пожелавшие идти в окопы, едва не расправились с вздумавшим их уговаривать протопресвитером**. «Не хочется умирать, хочется посмотреть на новую жизнь», – таков был скорее всего преобладавший психологический лейтмотив. Отсюда недовольство всеми теми, кто вставал на пути мечты: недовольство городскими рабочими, занятыми теперь всего 8 часов на производстве и сидящими в тепле, а больше всего – непонимание поведения «Львова, Гучкова, Милокова», которые даже не удосужились «пообещать землю». Именно поэтому нота Милокова была воспринята как личное его стремление «вместе с Брусиловым завоевать весь земной шар». Последовали требования, чтобы «толстопузые отправились в окопы», иначе солдаты сами начнут переговоры с немцами и оставят фронт (уже к 15 мая), чтобы расправиться с тыловыми «предателями»***.

Офицеров, способных противостоять солдатскому самоуправству и наивному стремлению к миру, оставалось все меньше – в иных пехотных частях всего 4 %. В военных училищах и школах прапорщиков удельный вес выходцев из крестьян составлял 38 %, мещан – около 25 %****. В. И. Гурко негативно отзывался о новом офицерстве, «вышедшем из среды банщиков и приказчиков», утверждая, что оно «восприняло от старого самые нехорошие стороны»*****. Летом 1917 г. прогонять неугодных офицеров-соплеменников стали даже солдаты-мусульмане*****.

1 мая на совещании командующих фронтов в Ставке присутствующие были единодушны в том, что без дисциплины армия не может существовать, а для ее восстановления требуется сильная власть – по существу это было требование запрещения солдатских комитетов. Вскоре была предпринята попытка – уввы, безуспешная – прекратить братание. Но к тому времени за организацию братания активно взялись большевики. Ленин в конце апреля опубликовал статью «Значение братания», где говорилось, что братание «начинает ломать проклятую дисциплину», и подчеркивалось его значение как «наиболее организованный, наиболее близкий путь к прекращению войны и к свержению ига

* *Лыков И. П.* Указ. соч. С. 118–119.

** *Шавельский Г.* Указ. соч. С. 277–278.

*** *Булдаков В. П.* Красная смута. С. 235.

**** *Волков С. В.* Русский офицерский корпус. М., 1993. С. 353.

***** РГВИА. Ф. 69. Оп. 1. Д. 74. Л. 507.

***** *Исхаков С. М.* Указ. соч. С. 176–177.

капитала»*. При этом большевики уверяли, что братание оказывает мощное антивоенное воздействие на немецких солдат**.

2 мая капитан М. О. Неженцев, служивший в штабе 8-й армии, предложил начать формирование «отрядов добровольцев, готовых на смерть», и «бросать их в самые трудные участки боя». Полагая, что их героический пример вдохновит других, он вызвался создать первый подобный отряд. К середине мая был сформирован первый ударный батальон, над которым принял шефство Л. Г. Корнилов***. Главнокомандующий А. А. Брусилов поддержал это начинание. В середине июня 1-й ударный отряд под командованием Неженцева прибыл на фронт****. Агитация за вступление в ударные полки развернулась даже в таких городах, как Калуга*****.

За время войны офицерская форма «демократизировалась». Напротив, ударники с помощью всевозможных эмблем, нашивок и шевронов стремились выделиться среди обычных частей. Особым было и их вооружение: английские винтовки с ножевыми штыками, пулеметы «Кольт» и «Льюис»*****. Понятно, что солдаты ударников невзлюбили. Впрочем, точно так же отнеслась к ним и часть офицерства.

Возникла необходимость в упорядочении добровольчества. В «Наставлении для формирования и обучения ударных частей» говорилось, что основной их задачей является прорыв неприятельских укрепленных позиций на важнейших участках фронта. Была разработана особая присяга «революционера-волонтера». Принимая ее, ударники давали клятву перед «черно-красным знаменем – символом революции и борьбы за свободу», что будут бороться за честь России, возвращение «утерянных земель» и «свободу, равенство и братство»*****.

Добровольчество 1917 г. мыслилось как своего рода жертвенный антипод тогдашней солдатской разнузданности. Летом целые полки отказывались от старых знамен и заменяли их на новые революционные штандарты*****.

* Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 459–461.

** Рабинович С. Е. Всероссийская военная конференция большевиков 1917 года. М., 1931. С. 26–27.

*** Критский М. А. Корниловский ударный полк. Париж, 1936. С. 10–14.

**** См.: РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 347. Л. 29, 50, 66; Абиныкин Р. М. К предыстории Белого движения: «Добровольческая революционная армия» 1917 года // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, 1998. № 5.

***** Общество и революция. С. 216.

***** Ривош Я. Н. Время и вещи. Очерки по истории материальной культуры в России начала XX века. М., 1990. С. 261, 269, 287.

***** РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 348. Л. 27; Д. 347. Л. 3.

***** Столыпин А. А. Записки драгунского офицера (1917–1920 гг.) // Русское прошлое. 1993. Кн. 3. С. 20.

Впрочем, частично в этом была повинна сама власть: она поощряла, в частности, сдачу наград из ценных металлов в «фонд свободы». Принятие присяги приобрело, однако, формальный характер*. В противовес этому ударник обязывался беспрекословно подчиняться командирам, «наступать впереди всех, обгоняя передних», «не иметь никаких братаний с врагом», не сдаваться в плен живым, не потреблять спиртного, быть терпимым к политическим убеждениям товарищей по оружию, защищать их в бою**. Понятно, что солдатская масса ударников боялась и ненавидела***.

Большое внимание ударники уделяли символике: черно-красный (символы смерти, крови, революции) шеврон и кокарда с изображением черепа на мече стали общими для всех их подразделений. Сам Корнилов трактовал символику так: «Победа или смерть. Страшна не смерть, страшны позор и бесчестье». Иные ударники явно перебирали по этой части. «У некоторых не только шевроны на рукавах, но еще нашивки и на погонах, и на груди, – изумлялся боевой офицер. – Один с целой красной лентой через плечо с надписью “Драгун смерти” (!), а у одного офицера на рукаве нашита Анненская лента (плечевая) в ладонь шириной, обшитая по бокам двумя широкими георгиевскими лентами, и все это небрежно завязано “бантиком”»****.

Несомненно, ударничество могло помочь перестроить армию на принципиально новых основаниях. Но оно запоздало. Пик его пришелся на период июньского наступления; в ряде случаев это усложнило управление войсками. Ударные батальоны включали в себя и части, сформированные на фронте, и тыловые подразделения, усиленные фронтовыми офицерами, и самоchinные юнкерские батальоны, и добровольцев из учащейся молодежи, не говоря уже о женских батальонах. Многие военные отмечали, что в условиях полустихийной реорганизации армии все это усилит организационную неразбериху*****. Обнаружилось, что укомплектованность ударных соединений офицерами выходила далеко за рамки обычного штатного расписания*****, – многие попросту укрывались в них от анархии, царящей в обычных полках. В будущем можно было ожидать конфликтов между пылкими ударниками и «обычными» (с солдатскими комитетами) частями.

* Материалы для истории Корниловского ударного полка. Париж, 1974. С. 15.

** *Абинякин Р. М.* К вопросу о возникновении добровольчества: корниловский ударный полк в 1917 году // Проблемы современной науки. Исторические науки. Литературоведение. Искусствоведение. Музыкознание. Орел, 1996; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 347. Л. 3.

*** *Будберг А. П.* Дневник // Архив русской революции. Т. 12. С. 245–246.

**** *Критский М. А.* Указ. соч. С. 18; *Столыпин А. А.* Указ. соч. С. 22.

***** *Маслаков А.* Предшественники Добровольческой армии // Белая гвардия. 1998. № 2. С. 60.

***** *Врангель П. Н.* Записки (ноябрь 1916 – ноябрь 1920 г.). Кн. 1. М., 1991. С. 32.

Ударники отличались высоким боевым духом, граничившим с самопожертвованием. Во время наступления 24 июня 1917 г. отличился Корниловский ударный полк. В ряде случаев «батальоны смерти», направленные в тыл, помогли остановить бегство, расстреливая на месте дезертиров и бунтарей. В Ставке появились сообщения о том, что увлекли за собой полки «доблестной 7-й армии»^{*}.

Командование попыталось придать ударническому движению организованный характер. Планировалось создание «Добровольческой революционной армии»^{**}. 13 июня был создан Всероссийский комитет для вербовки добровольцев, переименованный 5 августа в Центральный комитет по организации Добровольческой революционной армии^{***}. К середине июля было разрешено формирование ударных батальонов из фронтовых частей. По данным на 17 июля, в ударники записались 4 корпуса, 5 дивизий, 11 бригад, 21 полк и более мелкие подразделения. В начале августа было зарегистрировано более 200 отдельных «частей смерти» общей численностью 600 тыс. человек^{****}. Но, скорее всего, последняя цифра существовала только на бумаге – столь масштабной перетряски личного состава в столь короткий срок не выдержала бы ни одна армия, даже невоюющая. Тем не менее 7 августа Военная лига предложила приступить в Петрограде, Москве, Киеве, Одессе к формированию «добровольческих дивизий и корпусов»^{*****}. Успехи использования добровольческой армии оказались более скромными. На фронт в период наступления было направлено лишь 16 частей, из них приняло участие в боях только 13^{*****}.

Особые проблемы возникали в связи с формированием женских батальонов. Инициатором их в мае 1917 г. выступила унтер-офицер М. Л. Бочкарева, вскоре произведенная в прапорщики^{*****}. В принципе феномен «кавалерист-девицы» в России был известен. Но до Первой мировой войны факты такого рода не афишировались. Теперь же, после того как соответствующее разрешение от А. А. Брусилова было получено, хлынул поток прошений от женщин, особенно солдаток и казачек Дона, Кавказа и Кубани (а вовсе не экзальти-

^{*} Керсновский А. А. Указ. соч. С. 735, 738; Стетун Ф. Указ. соч. С. 386.

^{**} Станкевич В. Б. Воспоминания 1914–1919 гг. // Станкевич В. Б. Воспоминания 1914–1919 гг.; Ломоносов Ю. В. Воспоминания о мартовской революции 1917 года. М., 1994. С. 136; Врангель П. Н. Указ. соч. С. 46.

^{***} РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 351. Л. 18.

^{****} РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 348. Л. 303–305; Якутов Н. М. Революция и мир (Солдатские массы против империалистической войны. 1917 – март 1918 г.). М., 1980. С. 108.

^{*****} Маслаков А. Указ. соч. С. 66.

^{*****} Иванов Н. Я. Контрреволюция в России в 1917 г. и ее разгром. М., 1977. С. 47.

^{*****} Бочкарева М. Л. Яшка. Моя жизнь: крестьянка, офицер, ссыльная // Дружба народов. 1993. № 6. С. 19–20.

рованных буржуазных дамочек, как стала вскоре уверять левая пропаганда), о записи их в пехотные батальоны^{*}. Началось формирование 1-й женской команды смерти, Петроградского, Московского и Кубанского батальонов и 11 караульных команд (в Петрограде, Москве, Саратове, Киеве). Среди ударниц была весьма пестрая публика – от институток до неграмотных крестьянок, от монашек до любительниц мата. Часть из них была не вполне психически уравновешенна. Обнаружилось значительное число забеременевших^{**}. Оформление ряда частей, возникших явочным порядком в Баку, Вятке, Харкове, Мариуполе, Полтаве, Минске, Симбирске, завершить не удалось – назначенный главоверхом Л. Г. Корнилов был против того, чтобы женщины участвовали в боях, полагая, что их следует использовать для охранной службы в тылу, а также для укомплектования санитарных организаций. Узнав об этом, многие женщины отказались от службы.

Женские части, отправленные на фронт, сразу столкнулись с неприязненным отношением солдат и недовольством командования^{***}. Только отряд Бочкаревой смог принять участие в боевых действиях. В конечном счете, даже Бочкарева как будто разочаровалась в возможностях женских частей^{****}. В целом женское добровольческое движение отнюдь не помогло оздоровлению армии, напротив, оно усилило в ней административно-управленческую неразбериху.

Несмотря на все нежелательные побочные последствия добровольческого порыва, запись в «части смерти» продолжилась и в последующие месяцы: был сформирован, в частности, 2-й ударный революционный полк и также Юго-Славянский добровольческий отряд из бывших австро-венгерских пленных. В августе началось создание Георгиевских запасных полков в Киеве, Минске, Одессе и Пскове, призванных сыграть роль «последнего надежного резерва, употребляемого в бою лишь в исключительных случаях»^{*****}. Одновременно стали более интенсивно создаваться подразделения увечных воинов, используемых для выполнения военно-полицейских задач в тылу.

В целом армия теряла боеспособность. Тем не менее Керенский, по мнению наблюдателей, был совершенно искренне уверен в своем «магическом влиянии» на войска^{*****}. В прошлом такое случалось. Однако с падением популярности Керенского упали и оборонческие настроения основной массы солдат.

* *Сенин А. С.* Женские батальоны и военные команды в 1917 году // Вопросы истории. 1987. № 10. С. 178.

** *Бочарникова М.* В женском батальоне смерти (1917–1918) // Добровольцы. Сборник воспоминаний. М., 2001. С. 185, 192–193.

*** РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 349. Л. 21, 36, 54–56.

**** «Мой батальон не осрамит России...»: Окончательный протокол допроса Марии Бочкаревой // Родина. 1993. № 8–9. С. 79.

***** *Маслаков А.* Указ. соч. С. 67.

***** *Керсновский А. А.* Указ. соч. С. 733.

8. Народы и их лидеры

(В. П. Булдаков, С. М. Исхаков)

Радикализм национальных движений усиливался по мере радикализации солдатских масс. По некоторым данным, в русскую армию было мобилизовано от 600 до 650 тыс. поляков, 400 тыс. евреев, 350 тыс. грузин, 350 тыс. азербайджанцев, 250 тыс. литовцев, 180 тыс. латышей, 120 тыс. армян, 100 тыс. эстонцев*. Выделить сколь-нибудь определенное число украинцев, как и православных белорусов, не представляется возможным. В национальных революциях происходили те же социально-политические процессы, что и в России в целом. Не случайно после Февраля их либеральные лидеры старого поколения или перекрасились, или были потеснены социалистами.

26 марта в Петрограде состоялась манифестация эстонцев, включавшая немало солдат. Были заметны лозунги: «Демократическая республика», «Автономная Эстония», «Война до конца», «Земля народу». В Таврическом дворце демонстранты передали представителям Совета декларацию с перечнем требований об «автономии Эстонии и праве национального самоопределения»**.

25 марта в Симферополе на крымско-татарском курултае был избран Временный крымско-мусульманский исполнительный комитет (ВКМИК), главой которого стал Ч. Челебиев, впервые в истории российских мусульман выбранный (а не назначенный) муфтием – главой Таврического магометанского духовного управления***. На съезде решено было добиваться осуществления национально-культурной автономии. ВКМИК получил признание Временного правительства в качестве единственного, законного и полномочного органа, представляющего всех крымских татар и обладающего правом решать все их проблемы****. Временное правительство 30 марта разрешило вернуться на родину высланным во время войны турецко-подданным – уроженцам Крыма*****.

13 марта в Ташкенте на митинге мусульман возле главной мечети был избран Мусульманский совет – Шура-и Исламия. Его возглавили местные джадиды (реформаторы). Шура-и Исламия имела свой устав, печатный орган «Наджат»*****. Но распространение влияния этого органа не везде протекала

* *Wildman A. K. The End of the Russian Imperial Army. The Old Army and the Soldiers' Revolt (March–April 1917). Princeton, 1980. P. 103–104.*

** *Авдеев Н. Указ. соч. С. 127.*

*** *Булдаков В. П. Хаос и этнос. С. 195.*

**** *Возгрин В. Е. Исторические судьбы крымских татар. М., 1992. С. 386.*

***** *Хроника революционных событий в Крыму за 1917–1918 гг. // Революция в Крыму. 1927. № 1(7). С. 201.*

***** *История народов Узбекистана. Т. 2. Ташкент, 1993. С. 202.*

ло гладко. Так, в Андижане интересы местных мусульман разделились, и они стали группироваться вокруг двух враждующих организаций, которые возглавлялись двумя баями*. В Старой Бухаре, управляемой бухарскими властями, граждане-мусульмане не были допущены к выборам членов исполкома Новой Бухары, где проживали европейцы. 15 марта Туркестанский генерал-губернатор А. Н. Куропаткин телеграфировал российскому резиденту в Бухаре о желательности исправить положение во избежание трений между двумя этническими группами. К концу месяца по этому вопросу было достигнуто соглашение**.

Некоторым российским интеллигентам уже в начале апреля казалось, что «от России почти ничего не осталось» – все окраины говорят о самостоятельности, живут своими «маленькими интересами», а о России «как об объединяющей идее» никто уже не думает. Возникал вопрос: «Соединенные Русские штаты – утопия или реальность?***»

Однако некоторые этносы вели себя подчеркнуто верноподданнически. Так, состоявшийся 14–16 мая в Киеве 2-тысячный съезд «русских немцев», где были представители Поволжья, Сибири, Кавказа, поддержал кадетскую аграрную программу, предложил записываться в республиканско-демократическую партию (состояла по преимуществу из бывших октябристов). Все предложения в национальной сфере свелись к решению об учреждении всероссийского союза немцев-меннонитов, просьб к Временному правительству о возвращении в Киевскую и Волынскую губернию 400 тыс. депортированных колонистов. Но потенциальным источником конфликта были просьбы об удалении из немецких колоний галицийских русин****.

Все народы России, включая поляков, которым была обещана независимость (пусть под военно-полицейским патронажем России), и финнов, чья автономия восстанавливалась в полном (достолюпинском) объеме, поначалу готовы были ждать Всероссийского Учредительного собрания – тем более что комитеты общественной безопасности на местах охотно включали их представителей в свой состав. Так, в Казани к началу апреля было решено, что в состав КОба в числе представителей от 28 различных организаций войдут и представители от Мусульманского социалистического комитета и Мусульманского комитета, а также от национальных организаций всех прочих народов губернии, не говоря уже о беженских (в том числе латышских и еврейских) организациях****. Казалось, ситуация находится под контролем центральной власти и местной общественности.

* См.: Туркестанские ведомости. 1917. 27 июля; ГА РФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 544. Л. 164–164 об.

** РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4654. Л. 1, 4; АВПр. Ф. 147. Оп. 486. Д. 344 б. Л. 211.

*** Письма – больше, чем воспоминания... С. 273, 275.

**** Киевская мысль. 1917. 17, 20 мая.

***** НАРТ. Ф. 4650. Оп. 1. Д. 1. Л. 5 об.

Однако на деле началась эскалация агрессивного национализма. Обычно все начиналось с недоразумений, вызванных какой-либо случайно усвоенной или запущенной с провокационной целью информацией, затем начинали муссироваться всевозможные слухи, которые при многократном обороте перерастали в твердое убеждение. 26 марта в Петроградский Совет адресовалась «группа эстонцев г. Юрьева». Ознакомившись с одним из номеров «Правды», они уверовали, что большевики намерены отстаивать «политическую автономию областей с компактным составом населения». Созрело убеждение, что министр-председатель Г. Е. Львов под влиянием не кого-нибудь, а П. Н. Милюкова категорически отклонил дарование эстонцам автономии (на деле Временное правительство охотнее всего шло навстречу именно эстонцам). На основании всего этого сложилось убеждение, что «буржуазное» правительство решительно противостоит в национальном вопросе Петроградскому Совету^{*}. Впрочем, не исключено, что подобные послания инспирировались большевистскими пропагандистами.

В целом местные национальные лидеры старались найти с центральной властью общий язык. Это касалось и процесса создания национальных военных формирований. 27–30 апреля в Москве проходило всероссийское совещание мусульман-воинов, около трети участников которого составляли офицеры. Совещание высказалось за скорейший мир без аннексий и контрибуций и участие мусульманских представителей в будущей мирной конференции. Для формирования мусульманских частей был создан специальный Всероссийский Временный мусульманский военный совет^{**}. Мусульманизация армии разворачивалась и по другим каналам. 15 мая в Севастополе, во время пребывания там Керенского, к нему была направлена крымско-татарская делегация. Была высказана просьба о возвращении в Крым дислоцированного в Херсонской губернии Крымского конного полка и образования татарского полка из маршевых эскадронов этого полка. Керенский высказался за удовлетворение этих просьб и предложений^{***}.

14–17 апреля в Уфе проходил 1-й Уфимский губернский мусульманский съезд, инициированный Уфимским комитетом распространения грамотности среди мусульман^{****}. Съезд высказался за культурно-национальную автономию, выдвинув требование признания татарского языка официальным языком в районах с мусульманским населением, избрал губернское мусульманское шуру. 14 апреля председательствующий на съезде И. Ахтямов по поруче-

* ГА РФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 298. Л. 176–177 об.

** Утро России. 1917. 2 мая; Известия Всероссийского мусульманского военного Шуру. 1917. 24 декабря.

*** Вестник Временного правительства. 1917. 24 мая.

**** Мусульманские депутаты Государственной думы России 1905–1917 гг. Уфа, 1998. С. 273–274.

нию Уфимского губернского комитета общественных организаций отбыл в Петроград, чтобы проинформировать премьера Г. Е. Львова о положении дел в губернии*. Практически параллельно, 15–16 апреля, в ауле Тлянчитатак проходил многочисленный (2500 чел.) съезд мусульман Мензелинского уезда Уфимской губернии, высказавшийся за предоставление мусульманам «религиозной, национальной и культурной свободы», за отмену частной собственности на землю, за мусульманизацию армии и т. д.**

Но по-настоящему ситуация изменилась в связи с событиями на Украине. В Киеве, центре будущей украинской революции, позиции националистов казались заведомо слабыми. В гарнизоне было 15 тыс. солдат-украинцев, в массе городского населения они составляли всего 12 % (евреев было 18,6 %). Местный пролетариат составлял 8,4 % городского населения, причем украинцев среди него было только 13 %. Украинские политики, как и российские, находились между собой не в лучших отношениях***.

Ситуация стала обостряться вовсе не с образованием Украинской Центральной Рады, составленной по привычному для того времени «революционно-соборному» принципу (входили культурно-просветительские, самоуправленческие, профессионально-корпоративные, национальные, политические организации), а с возобладанием в ее руководстве украинских социал-демократов и пополнением состава представителями крестьян, и особенно солдат. Центральная Рада рассчитывала всего лишь на признание Временным правительством права украинского народа на широкую национально-территориальную автономию в рамках федеративной Российской республики, гарантируя при этом соблюдение прав этнических меньшинств****. Несколько неловких шагов центральной власти, воспринятых в штыки в Киеве, скоро накалили обстановку. К этому добавлялся фактор территориально-этнического размещения населения: города на Украине были «русско-еврейскими», в деревне крестьянам противостояли помещики из великороссов (русифицированных украинцев) и поляков. Чрезвычайно мощной оставалась инерция антисемитизма.

Среди национальных лидеров, входивших в различные партии и увлеченных теми или иными доктринами, не было единства не только относительно конечных целей «своих» движений, но даже ближайших их задач. Тем более не могло быть устойчивых представлений о единой политической стратегии и тактике. Наиболее популярные в то время понятия «автономия» и «федера-

* Уфимский вестник. 1917. 15 апреля.

** ГА РФ. Ф. Р–3923. Оп. 1. Д. 1. Л. 76.

*** Танин-Львов А. А. Украинская Центральная рада и Февральская революция: блок национальных партий и Временного правительства // История национальных политических партий России. М., 1997. С. 315–317.

**** Українська Центральна рада: Документи і матеріали. Т. 1. Київ, 1996. С. 50.

ция» трактовались ими весьма произвольно. Это означало, что, независимо от выдвигаемых лозунгов, они становились заложниками «освободительного» нетерпения масс, т. е. объективно способствовали разрушению существовавшей партийно-политической системы, а затем и разложению некогда единого тела империи.

Глава 4. ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВЕННОСТЬ: КОНСОЛИДАЦИОННЫЕ И ДЕСТРУКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ *(В. П. Булдаков)*

1. Апрельский кризис и оживление экстремистов

К концу марта 1917 г. в России стало ясно, что без растущей помощи союзников не обойтись, а позиция последних зависит от уверенности в прочности новой российской власти и ее готовности продолжать войну. Проблема перспектив войны в значительной степени зависела от «сговорчивости» Петроградского Совета. Но ожидать этого от доктринеров, получивших, как им казалось, наиболее подходящие условия для реализации своих планов, вряд ли приходилось. 26 марта, выступая на солдатской секции Петроградского Совета, Керенский уверял, что на днях появится правительственный документ с отказом России от «всяких завоевательных стремлений». На следующий день Церетели заявил, что в данный момент вопрос о мире не следует делать «предметом конфликта», а Керенский принялся уверять, что правительственная декларация – «колоссальное завоевание»^{*}. На деле двусмысленный характер декларации открывал возможности для демагогической критики «буржуазии и соглашателей» слева.

По иронии судьбы воинствующий атеист Ленин вернулся в Россию 3 апреля – в первый день пасхальной недели. Узнав о его возвращении, Д. С. Мережковский вскричал: «Ленин! Да ведь это сам черт! Ведь это всему конец!»^{**} И хотя всем было известно, что Ленин вместе с тремя десятками социалистов-эмигрантов возвращался через Германию в знаменитом «запломбированном вагоне», в Петрограде его ждала торжественная встреча, затмившая встречу Плеханова. Лидеры Совета надеялись уговорить его работать над «углублением» демократии, а не революции.

В «царском» зале здания вокзала угрюмый Чхеидзе пытался подсказать Ленину правила революционной «политкорректности». Главный большевик отмахнулся от него и вышел на площадь, где его поджидал автомобиль. Потом

^{*} Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 589, 600, 604.

^{**} *Бенуа А. Н.* Указ. соч. С. 181.

подоспел пресловутый броневик. Н. Н. Суханов, «полубольшевик», свидетельствовал, что путь к дворцу Кшесинской – особняку бывшей любовницы свергнутого императора, превращенного в вертеп мировой революции, – освещал прожектор, медленное движение сопровождали толпы рабочих и солдат с оркестром и знаменами. С броневика Ленин «служил литию», писал Суханов, чуть ли не на каждом перекрестке. Он уверял, что триумф вышел «блестящим и даже довольно символическим». Редакторы большевистской «Правды» прокомментировали происходящее более сдержанно: «Стоя на броневом автомобиле, тов. Ленин приветствовал революционный русский пролетариат и революционную русскую армию, сумевших не только Россию освободить от царского деспотизма, но и положивших начало социальной революции в международном масштабе». Свои идеи Ленин принялся внушать во дворце Кшесинской собравшимся большевикам. В передаче Суханова это выглядело так: «...Никто не ожидал ничего подобного. Казалось, из всех логовищ поднялись все стихии, и дух всесокрушения, не ведая ни преград, ни сомнений... стал носиться в зале Кшесинской над головами зачарованных учеников»^{*}.

Уже на следующий день Ленин набросал свои знаменитые «Апрельские тезисы». Их положения были просты: никаких уступок «революционному оборончеству», т. е. тем «дурным» социалистам, которые поддерживают буржуазию и империалистов; соответственно, Временное правительство должно отказаться от завоевательных планов. Ленин был недоволен и лидерами существующих Советов – их следовало заменить «настоящими» революционерами. «Буржуазному» парламентаризму не должно быть места в новой России – его должна сменить «более высокая» форма демократии в лице «Республики Советов, рабочих, батрацких, крестьянских и солдатских депутатов». Ленин предлагал также централизацию банковского дела и постепенный переход к «общественному» контролю над производством и распределением продуктов. Именно так он понимал «шаги к социализму».

Излишне доказывать, что план Ленина был нереалистичен. А между тем бывают времена, когда для взбаламученных масс утопии кажутся единственно возможной реальностью. Британский историк Роберт Сервис сравнил значение 10 ленинских тезисов с 95 тезисами Лютера, которые величайший проповедник пришили к дверям Виттенбургского собора ровно 400 лет назад^{**}. В обоих случаях делалась ставка на неистовство новой веры, овладевшей массами.

Впрочем, 4 апреля, выступая в Таврическом дворце перед большевиками – участниками Всероссийского совещания Советов, Ленин произнес вполне здравую фразу: «Мы не шарлатаны. Мы должны базировать только на сознательности масс». Ленин понимал, что в народе нет никакого представления

^{*} Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 2. М., 1991. С. 7–8, 11.

^{**} Service R. Lenin: A Political Life. Vol. 2. Worlds in Collision. Hampshire and London, 1991. P. 156.

о социализме – нужна просветительская работа. Но возможен был и другой вариант развития событий: переложение доктрины на язык разрушительных инстинктов отчаявшихся толп.

Как бы то ни было, в Таврическом дворце бывшие сподвижники Ленина уверенно заявляли, что его предложения – «бред сумасшедшего». Плеханов выступил с саркастической статьей «О тезисах Ленина и о том, почему бред подчас бывает интересен». 6 апреля ЦК РСДРП(б) также не принял ленинские идеи. 7 апреля «Тезисы» были опубликованы в «Правде», однако на следующий день против их «разлагающего влияния» там же выступил Л. Б. Каменев. Лишь 14 апреля петроградская общегородская конференция большевиков одобрила ленинские тезисы, а 24–29 апреля их поддержала 6-я Всероссийская (Апрельская) конференция большевиков.

На конференции Ленину все еще противостояли многие видные большевики. При этом многие из них, особенно Л. Б. Каменев и А. И. Рыков, недоумевали, какие практические шаги вытекают из установки на социалистическую революцию, чему учить в связи с этим массы. Ленин между тем делал ставку на провоцирование смуты любым путем (разумеется, не заявляя об этом откровенно), набираясь опыта у бунтующей массы. Это по-своему понял Сталин, моментально, как нечто совершенно естественное, сделавший поворот на 180 градусов и даже высмеявший им же самим недавно поддерживаемый лозунг контроля над Временным правительством^{*}. И так, первый же кризис показал, что нестабильность власти вызывает к жизни неведомые политикам силы.

Ленину «помогли» события, которых никто не ожидал. В известные времена ход событий определяют не инсургенты, а те упрямые политики, которые пытаются удержать безнадежную ситуацию под своим контролем. Опасность догматизма Милюкова заметили давно. Даже ближайшие сотрудники Милюкова по внешнеполитическому ведомству считали тактику взаимоотношений своего шефа с Петроградским Советом, с одной стороны, и союзными державами – с другой, «слишком прямолинейной»^{**}. Но на Милюкова давили англичане, требовавшие ясности внутривнутриполитической обстановки в России^{***}. 18 апреля Милюков заверил засомневавшихся послов союзных держав, что Временное правительство продолжит войну до победы. И в тот же день рабочие начали праздновать уже привычный Первомай (по новому стилю). О ноте Милюкова они пока не знали. Впрочем, Милюков постарался сделать все, чтобы ее не заметили. Увы, это не удалось.

* Тютюкин С. В. Г. В. Плеханов. С. 330.

** См.: Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). Петроградская общегородская конференция РСДРП (большевиков). М., 1958. С. 83, 86, 106, 101.

*** Михайловский Г. Н. Указ. соч. С. 309.

**** Бьюкенен Д. Указ. соч. С. 228.

Последующие события представляли собой характерное для революции соединение провокации и анархии, утопии и психоза. Социалисты готовы были проглотить «буржуазную» пилюлю, но кадетский ЦК призвал граждан выйти на улицы 20 апреля для поддержки правительства. Между тем в тот же день солдаты заговорили, что милюковская нота «оказывает дружескую услугу не только империалистам стран Согласия, но и правительствам Германии и Австрии, помогая им душить развивающуюся борьбу немецкого пролетариата за мир...»^{*} Пронесся слух, что идет распродажа «земель, леса и недр иностранным и своим капиталистам». «Милюков заварил такую кашу, которую ни ему, ни всему правительству не расхлебать...» – констатировали интеллигентные наблюдатели^{**}. Солдаты требовали отставки Милюкова и Гучкова и обещали прийти на помощь Совету с оружием в руках. Последовало хождение раздраженных толп к Мариинскому дворцу – резиденции правительства. Демонстрации шли вразнобой, агитаторы действовали с переменным успехом. Но страсти накалялись: появлялись плакаты «Долой Временное правительство!»

21 апреля с требованиями мира вышло на улицы столицы до 100 тыс. рабочих и солдат. Большевики утверждали, что около 3 часов дня на углу Невского проспекта и Екатерининского канала по толпе рабочих начали стрельбу гражданские лица, переодетые солдатами. Результат – трое убитых, двое раненых. Около 4 часов на Казанской улице также раздались непонятные выстрелы, были тяжело ранены двое солдат и одна женщина. На углу Итальянской улицы демонстрантов вновь обстреляли, рабочие ответили выстрелами. К вечеру стреляли на углу Садовой и Невского. Кто первым открывал огонь, выяснить не удалось. Не смогли даже точно подсчитать убитых и раненых.

21 апреля вечером в Москве также прошли манифестации. Некоторым казалось, что демонстранты оказали поддержку Временному правительству. Другие, напротив, сообщали, что «многие заводы прекратили работы», а на «митингах, происходивших к ночи, обнаружилась непримиримость “правительственников” с рабочими». Кадетская «Речь» не преминула намекнуть, что американский посол Френсис настаивает на энергичных мерах по наведению порядка^{***}.

«Известия Петроградского Совета» утверждали, что на Знаменской площади демонстрантам пытались перегородить дорогу грузовики с юнкерами. У Мойки на женщин-работниц напали студенты военно-медицинской академии и Института путей сообщения, врезавшиеся в толпу на автомобилях. В других свидетельствах упоминались автомобили с инвалидами, солдатами, офицерами, вольноопределяющимися с плакатами: «Ленина и компанию об-

^{*} Революционное движение в апреле 1917 г. Апрельский кризис. М., 1958. С. 728.

^{**} *Окунев Н. П.* Указ. соч. С. 35.

^{***} Алексей Васильевич Орешников. С. 114; *Окунев Н. П.* Указ. соч. С. 36; Речь. 1917. 21 апреля.

ратно в Германию»*. «Мне временами кажется, что Россия обратилась в грандиозный сумасшедший дом, в необъятных размеров Бедлам, или, может быть, я теряю рассудок», – записывал в дневнике Л. А. Тихомиров**.

На события апреля 1917 г. повлияли и специфические внешние факторы. Союзники упорно давили на Временное правительство, требуя покончить с «двоевластием». Французы даже предлагали коллективный демарш, угрожая прекращением военных поставок в случае, если в России не будет покончено с революционной пропагандой***. При этом французы подтверждали свои обещания о проливах и заявляли, что от своих целей в войне они не намерены отказываться****. На этом фоне Милюкову хотелось бы выглядеть «достойно». С другой стороны, среди европейских социалистов в связи с революцией в России возросли надежды на «социалистический» мир без пресловутых «аннексий и контрибуций». Все это привносило дополнительную нервозность в поведение и Временного правительства, и руководителей Советов.

Впрочем, «пасхальные» события 1917 г. отнюдь не означали, что эскалация вражды приняла необратимый характер. Демонстранты послушно последовали указанию Совета о запрещении на два дня уличных шествий (скорее всего они прекратились бы сами собой). Ранее непримиримые к «буржуазии» социалисты обнаружили неожиданную сговорчивость, а самый пылкий их лидер И. Г. Церетели скоро стал министром в коалиционном правительстве. Суханов писал, что как политик он был «не только слеп, но и глух»*****.

К этому времени выросло ощущение, что мировая война обернулась настоящей катастрофой гуманистического сознания. Люди перестали видеть иной выход из кровавого тупика, кроме жестокой расправы над его «виновниками». «Нет! Мало свободы и братства, / И таинства счастья – так зыбки!» – писал в апреле 1917 г. Валерий Брюсов. Всюду «ненависть и вражда», «человеческая глупость»*****, – сообщали из провинции в это же время.

Внутри своей партии Ленин вроде бы «победил». Но в целом большевизм опирался пока лишь на ситуационные эмоции, а не на устойчивую ненависть низов к правителям, настаивавшим на продолжении самоистребления людей.

Большинство телеграмм с мест в адрес Временного правительства содержали выражение поддержки существующей власти и даже войны до победы. К этому добавлялось пожелание дружной работы правительства с Петроградским Советом ради доведения войны до почетного мира, а России – до демократической республики. Формирование коалиционного правитель-

* Революционное движение в апреле 1917 г. С. 727–750.

** Дневник Л. А. Тихомирова. С. 345.

*** *Игнатъев А. В.* Русско-английские отношения... С. 193–194.

**** Россия и черноморские проливы. С. 348.

***** *Суханов Н. Н.* Записки о революции. Т. 2. С. 138.

***** Письма – больше, чем воспоминания... С. 277, 278.

ства вызвало немалые восторги. Кое-кто требовал арестовать Ленина*. А между тем «война войне» уже была объявлена.

Нельзя сказать, что в эти дни большевизм «показал себя». Дело было не только в этом. Слабая российская демократия слишком заметно продемонстрировала свою беспомощность.

В связи с апрельским кризисом осложнилось внешнеполитическое положение России. На совещании в Ставке с участием французского министра А. Тома, яростно агитировавшего за скорейшее наступление русской армии, М. В. Алексеев заявил, что русская армия сможет атаковать противника в лучшем случае через 2–3 недели**. П. Н. Милюков попытался уговорить его пересмотреть эти планы, но успеха не имел. Более того, в Ставке ему объяснили, что армия не может наступать ранее середины июня. В этих условиях военному министру Гучкову не осталось ничего иного, как демонстративно подать в отставку***. Милюкову пришлось последовать за ним. Центр тяжести в принятии кардинальных для России решений переместился к Керенскому и социалистам. Однако лидеры Петроградского Совета больше рассчитывали не на него, а на перспективу созыва международной социалистической конференции, якобы способной приблизить демократический мир.

5 мая по соглашению с Петроградским Советом было сформировано первое коалиционное правительство. Его возглавил все тот же Г. Е. Львов, военным министром стал А. Ф. Керенский, юстиции – П. Н. Переверзев (трудовик), иностранных дел – М. И. Терещенко, путей сообщения – Н. В. Некрасов (кадет), торговли и промышленности – А. И. Коновалов (прогрессист), народного просвещения – А. А. Мануйлов (кадет), финансов – А. И. Шингарев (кадет), земледелия В. М. Чернов (эсер), почт и телеграфа – И. Г. Церетели (меньшевик), труда – М. И. Скобелев (меньшевик), продовольствия – А. В. Пешехонов (народный социалист), государственного призрения – Д. И. Шаховской (кадет), обер-прокурор Синода В. Н. Львов (беспартийный), Государственный контролер И. В. Годнев (октябрист). В сущности, это было очередное правительство партийных доктринеров.

2. Революционное лидерство и ожидания масс

Российская политическая культура тяготела к персонализации власти. Новые властные круги пугливо сторонились диктаторства – сказывалось психологическое отторжение от авторитаризма. И либералы, и социалисты были поражены «властебоязнью». Но были и исключения – Керенский.

* См.: ГА РФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 97, 98, 99, 100, 102.

** Рабинович С. Е. Борьба за армию в 1917 г. М.; Л., 1930. С. 22–23.

*** Игнатьев А. В. Русско-английские отношения... С. 201–203.

Поначалу людей притягивала и обнадеживала его скромная должность министра юстиции – «защитника обиженных». Затем в лице Керенского стал культивироваться образ «народного трибуна», который перерос в фигуру «первого русского гражданина» и «народного вождя», словно подтверждающего возможность прыжка из «проклятого прошлого» в «светлое будущее». И этому способствовали не только люди наивные. В насаждении подобных иллюзий сыграли свою роль Д. Мережковский и З. Гиппиус – А. Бенуа считал, что их упование на Керенского базировалось на «перепуге»^{*}. Людьями попроче двигала надежда. «Группа трудящихся женщин Твери» называла его «Солнцем России»^{**}. В Киеве солдаты предлагали переименовать Столыпинскую улицу в Керенскую^{***}.

Поначалу даже склонность Керенского к истерии воспринималась как нечто естественное. В конце марта на заседании Исполкома Петроградского Совета И. Г. Церетели предупреждал: «Сейчас будет здесь Керенский. Но, по имеющимся сведениям, он нервно расстроен. Будет нежелательно [резко говорить с ним]»^{****}. Но времена менялись. Жесткую характеристику Керенскому дал Н. Н. Суханов. «И на посту министра-президента, – считал он, – Керенскому пришлось остаться тем же, чем он был в роли агитатора, лидера парламентской “безответственной оппозиции”: беспочвенником, политическим импрессионистом и... интеллигентным обывателем»^{*****}. В. Д. Набоков отмечал, что Керенский был «соткан из личных импульсов», «душа его была “ушиблена” той ролью, которую история ему – случайному, маленькому человеку – навязала...»^{*****}. Наиболее язвительно высказывался Л. Д. Троцкий. «...Керенский был и остался случайной фигурой, временщиком исторической минуты. Каждая новая могучая волна революции, вовлекавшая девственные, еще не разборчивые массы, неизбежно поднимает наверх таких героев на час, которые сейчас же слепнут от собственного блеска...»^{*****}. Однако интеллигентным дамам в апреле–мае 1917 г. Керенский казался «чуть ли не сошедшим с неба ангелом – и именно ангелом мира»^{*****}. Создается впечатление, что появление тех или иных лидеров было «запрограммировано» всем «излишне эмоциональным» ходом русской революции. До поры до времени такая личность оказывалась востребованной.

* Бенуа А. Н. Указ. соч. С. 169, 188.

** Колоницкий Б. Сага о народной любви и ненависти // Новое время. 2007. № 39. 5 ноября.

*** Булдаков В. П. Красная смута. С. 136.

**** Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 598.

***** Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 1. С. 40, 72.

***** Набоков В. Д. Указ. соч. С. 35.

***** Троцкий Л. Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Т. 2. Берлин, 1930. С. 8–9.

***** Бенуа А. Н. Указ. соч. С. 188.

Поразительная картина неустойчивости харизмы Керенского прослеживается по дневникам одной студентки Одесской консерватории. «Я полна радости и счастья... Вчерашний день (15 мая 1917 г.) – один из лучших и радостных дней в моей жизни: приехал Александр Федорович Керенский – и я его видела! – восторженно писала она. – Все были в каком-то религиозном экстазе, и толпа превратилась в дикарей... Многие стояли и плакали от восторга и умиления... Про него никто не может сказать ничего дурного, даже его враги, даже ленинцы... Милый дорогой Керенский, гений и главный двигатель Русской Революции». Ей казалось, что по случаю визита «гения» «все сразу подешевело» и вообще «наша революция справедливая и не похожа на кровавую французскую расправу». Увы, через полмесяца ей пришлось выслушать иное мнение столичной знакомой: Керенский – «морфинист, и дни его сочтены», у него «пять любовниц-евреек». А 25 июля 1917 г. она сама признала, что Керенский «делает ошибку за ошибкой», и она его «больше не любит и не преклоняется»*. В смутные времена легко стать заложником неумеренных эмоций. Это касается и простых людей, и их «вождей».

В 1917 г. люди не скупилась ни на восторги, ни на уничижительные эпитеты. Писатель Л. Андреев, называя Керенского «государственным идиотом», заявлял, что он «в своей слабости преступен перед Россией». Но находились люди, которые, в сердцах именуя Керенского «канатным плясуном» и «помощником Вильгельма», все же признавали, что, хотя его голова «наполнена исключительно теорией и доктриной», он все же начал поворачивать «на государственно-практический путь»**.

Стране было недостаточно одного яркого вождя. Требовалась своего рода иерархия харизматичных лидеров. Они, в свою очередь, должны были располагать набором опытных управленцев. Между тем довольно скоро возникла объективно более опасная для власти зона конфликта: противоречие между КОБаи губернского уровня (интеллигентскими по составу) и устремлениями низов, особенно крестьян.

Европеизированным политикам трудно было понять, до какой степени их будущее зависит от традиционалистской крестьянской массы. А в близких для нее вопросах она была крайне нетерпелива. Ей нужны были «свои» политики.

Уже в мае 1917 г. крестьяне Пензенской губернии заявляли, что «кроме волостного комитета они никого не признают», поскольку уездные и городские комитеты «работают на руку земледельцам»***. Некоторые крестьяне в середи-

* См.: «Претерпевший до конца спасен будет». Женские исповедальные тексты о революции и гражданской войне в России. СПб., 2013. С. 141–144.

** Андреев Л. Н. Указ. соч. С. 140, 205; Богословский М. М. Указ. соч. С. 447, 307, 388.

*** Верменичев И. Крестьянское движение в 1917 г. // Аграрная революция. Т. 2. М., 1928. С. 199.

не лета считали, что уездные и губернские земства обходятся слишком дорого, и предлагали «окружные» земства для 4–5 волостей*. В Ельнинском уезде Смоленской губернии волисполком действовал «наперекор» губернскому комитету, крестьяне выступали против помещиков в соответствии с его указаниями**. И эта тенденция усиливалась в связи с развитием аграрного движения. А в конечном счете вышестоящие органы могли только санкционировать решения низовых крестьянских организаций о распределении захваченных земель***.

Все это было не случайно. Волостные комитеты представляли политическую культуру большинства народа. «Городская» политика становилась для крестьян все более чужой. Лидеры типа Керенского производили на них впечатление до тех пор, пока массовые ожидания проводились в жизнь.

До 1917 г. либералы пребывали в убеждении, что окончательное утверждение демократии связано с укреплением институтов местного самоуправления на низовом уровне. Отсюда убежденность, что следует как можно скорее достроить и демократизировать систему земских учреждений вширь (распространить их на «неземские» регионы) и вглубь, т. е. утвердив их на волостном уровне. Логически это была верная установка. Не учитывалось, однако, другое: само слово земство было достаточно скомпрометировано в глазах крестьян как «барская» затея; активизация крестьянских масс могла развернуться только в привычных общинно-сословных границах; темп их самоорганизации опережал возможности «правильной» выборной системы. Тем не менее даже в начале августа некоторые кадеты надеялись наладить пропагандистскую работу в волостных земствах и сельских школах****. Предложение явно запоздало. Система управления уже была поражена изнутри. «Крестьяне и слышать не хотят о земстве и требуют уничтожения земств уездных и губернских», – такая информация доходила до городских жителей в мае 1917 г.*****

Первоначально волостные комитеты были всесословными. Но с апреля, когда в деревню хлынули солдаты-отпускники, началось вытеснение из них сельской интеллигенции. Судьба власти во все большей степени становилась зависимой от вопросов о мире и земле. В первом вопросе Керенский выглядел то ли обманщиком, то ли безнадежно запутавшимся демагогом. По второму его позиция смотрелась невнятно.

Теоретики аграрного вопроса ощущали его нарастающую актуализацию. Образовавшаяся в апреле Лига аграрных реформ признавала необходимость ликвидации помещичьего землевладения (за исключением рентабельных или

* Богословский М. М. Указ. соч. С. 385.

** Ильюхов А. А. Революция 1917 года на Смоленщине. С. 80.

*** Рынков В. М., Ильиных В. А. Указ. соч. С. 35.

**** Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. С. 202.

***** Богословский М. М. Указ. соч. С. 359.

«образцовых» хозяйств, на чем издавна настаивали кадеты). Правительство также намеревалось решить земельный вопрос, руководствуясь не столько соображениями государственной целесообразности, сколько представлениями о «справедливости» (в ее народническом толковании). Крестьяне уловили эту готовность власти. Однако она по-прежнему запаздывала. Более того, правительство действовало в направлении, объективно противостоящем общинным интересам.

Только 28 апреля последовало постановление Временного правительства о приостановлении действия старого положения о землеустройстве. Главный земельный комитет начал свою работу лишь в мае 1917 г. Объяснить причины промедления власти в столь болезненном для себя вопросе крестьяне не могли. Еще труднее было им понять, почему правительство не желает пересматривать «несправедливые» решения «царских» землеустроительных комиссий*.

Крестьяне демонстрировали крайнее нетерпение. За март–май 1917 г. в европейской части России состоялось 29 губернских и 67 уездных съездов крестьян. Крестьянами было вынесено 229 земельных постановлений. Из них 100 было принято волостными и сельскими сходами, 40 – солдатскими собраниями, 89 – губернскими организациями. Крестьяне единодушно требовали конфискации казенных, удельных, церковных, монастырских и помещичьих земель без выкупа. Относительно купчих земель мнения разошлись: лишь 80 % крестьян настаивали на общинном принципе землепользования и безвозмездного отчуждения всех земель, в том числе и купчих крестьянских**. В связи с этим усилилось противостояние низовых крестьянских организаций с органами управления уездного и губернского уровня.

4–28 мая 1917 г. проходил I Всероссийский съезд крестьянских депутатов. Из 1353 его делегатов 672 человека представляли крестьян 70 губерний и областей, а 681 – солдат фронта и тыла. Эсеров было 537, меньшевиков – 103, большевиков – 20. Формально съезд пошел за эсерами, их лидер В. М. Чернов уже ощущал себя вождем сельской России. Однако в президиум поступило 150 записок, в которых крестьяне недоумевали, почему нельзя немедленно объявить землю всенародной собственностью. В. И. Чернов объяснял, что это может лишь будущее Учредительное собрание, а пока нужно подготовить законы, согласно которым произойдет будущий земельный передел. Вместе с тем эсеры согласились, что все земли должны перейти в руки земельных комитетов, получивших право «определения порядка обработки, обсеменения, уборки полей, укоса лугов». Состоявшийся вслед за тем III съезд партии эсеров подтвердил это решение. Но полумеры лишь возбуждают нетерпение. Поэтому крестьяне истолковали эти резолюции как

* Хитрина Н. Е. Указ. соч. С. 66–67.

** Осипова Т. В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001. С. 19.

санкцию на немедленный захват земли^{*}. Для этого не нужно было никакого Учредительного собрания.

Аграрный вопрос фактически превратил Партию народной свободы в партию «врагов народа». В начале мая в Москве под ее эгидой состоялся учредительный съезд Союза земельных собственников и сельских хозяев (ВСЗС). На нем были представлены помещики, хуторяне и другие категории земельных собственников от 31 губернии. Целью союза была защита земельной собственности как составной части хозяйственного строя России. Характерно, что делегаты негативно отнеслись к эсеру Чернову, сменившему на посту министра земледелия кадета Шингарева. Прозвучали даже заявления о том, что некоторые заявления нового министра «идут вразрез с постановлениями Временного правительства». Сопротивление земельных собственников вызвало также намерение министра запретить земельные сделки^{**}. Сомнительно, чтобы ВСЗС мог противостоять крестьянскому самоуправству. Его деятельность лишь усилила озлобленность крестьян-общинников.

21 мая Временное правительство приняло закон о земской реформе, рассчитывая на реализацию старой либеральной идеи о создании представительных учреждений на сельском уровне. Предполагалось избрать земства в 43 губерниях Европейской России, в 456 уездах и 9305 волостях^{***}. Демократическая власть собиралось продолжить дело Столыпина в совершенно неподходящий момент – почти все отрубники и хуторяне вернулись в общину. Более того, кое-где их стали изгонять из сходов. Однако правительство рассчитывало оттеснить волостные сходы и волостные правления от принятия решений. Эти задачи предстояло решать волостным земским собраниям, гласными которых могли стать местные граждане, достигшие 20 лет. Наряду с общинниками право участия в выборах получали и столыпинские «выделенцы», и помещики, и священники, и представители сельской интеллигенции.

Между тем политическая ситуация в деревне была неустойчивой. С крестьянским сходом, ставшим поистине всемогущим, «официальные» представители власти могли лишь сосуществовать. Уже в мае отдельные уездные комиссары целиком становились на сторону крестьян и фактически помогали осуществлять стихийный земельный передел, игнорируя распоряжения вышестоящей власти. Теперь крестьяне успешно использовали в своих интересах не только старую, но и новую администрацию, равно и часть сельской интеллигенции, намеренной по-прежнему «служить народу». Новые начальники, внедряемые правительством в деревенские структуры, превращались либо в чисто крестьянских представителей во власти, либо отторгались крестьянской средой^{****}.

^{*} *Осипова Т. В.* Российское крестьянство в революции и гражданской войне. С. 20–21, 23, 25.

^{**} Там же. С. 30, 33.

^{***} Исторические записки. Т. 65. М., 1959. С. 28.

^{****} *Седов А. В.* Указ. соч. С. 91–92.

В либеральных кругах знали о происходящем: подчиненных высшей власти земельных комитетов не было, был ряд самочинных, зачастую враждебных друг другу крестьянских организаций. Но выбора не было: говорили, что «России придется номинально пережить эсеровскую эпоху»^{*}.

В некоторых губерниях (особенно производящих) крестьяне вроде бы приветствовали начинания власти. Эсеровская газета так освещала организационное собрание гласных в Беломестно-Двойниковской волости Тамбовской губернии: «Несмотря на то что день был будничным, посторонней публики было много. Были приглашены певчие... Когда собрались все гласные, то устроена была манифестация с красными флагами и портретами министра-председателя Керенского»^{**}. Согласно другим свидетельствам, залы заседаний волостного земства украшали знаменами, убирали цветами, на почетное место ставили портрет Керенского, рядом с ним изображения В. М. Чернова и Е. К. Брешко-Брешковской. Священники служили молебны, провозглашали многолетия Временному правительству. Затем председатель волостной избирательной комиссии (иногда старейший по возрасту гласный) сообщал о результатах выборов, приводил гласных к присяге. После этого направлялись приветственные телеграммы Керенскому. Процедура была стандартной, постепенно она выродилась в пустой ритуал.

Но со временем крестьяне стали отвергать земства. Они откровенно противились выборам, кое-где пытались сорвать их^{***}. Комиссар Ядринского уезда телеграфировал в Казань: «Просим выслать 50 конных милиционеров... В уезде начинаются беспорядки на почве волостного земства»^{****}. Выборы не случайно растянулись с июня 1917 г. по февраль 1918 г. В общей массе избранных гласных крестьян оказалось 78,8 %, рабочих – 6,8 %, ремесленников – 2,7 %. В сентябре оформление волостных земств произошло в 42,8 % и в октябре – в 43,4 % волостей. В августе, ноябре и декабре земства оформились в 10 % волостей^{*****}. Землевладельцы, торговцы, священники, интеллигенция составили около 2 %. Но крестьян раздражали даже эти немногие «представители буржуазии». Один бывший солдат Двинского полка, известного своими пробольшевицкими настроениями, жаловался в Петроградский Совет из родной деревни Псковской губернии на засилье «помещиков и капиталистов», насильно заставивших мужиков голосовать за них на выборах в волостное земство,

^{*} Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. С. 183.

^{**} Дело народа. 1917. 22 сентября.

^{***} Бакулин В. И. Указ. соч.. С. 85; Сафонов Д. А. Указ. соч. С. 195, 209, 212.

^{****} Октябрьская революция и установление Советской власти в Чувашии: Сб. док-в. Чебоксары, 1957. С. 123.

^{*****} Герасименко Г. А. Земское самоуправление в России. М., 1990. С. 144–145, 151; *его же*. Низовые крестьянские организации в 1917 – первой половине 1918 г. Саратов, 1974. С. 191.

и выражал опасение, что то же самое повторится на выборах в Учредительное собрание*.

Бряд ли можно сказать что-либо определенное о политическом лице волостных земств, хотя формально в них преобладали эсеры. Как бы то ни было, среди существующих низовых крестьянских организаций земство оказалось наиболее правым. Запоздалое либеральное нововведение оказалось слабым противовесом растущему крестьянскому самоуправству.

В Тамбовской губернии председателем волостной земской управы стал некий Шмаров, бывший рабочий. Управа вынуждена была разрешить местным крестьянам «чистить» лес, что обернулось хищнической его вырубкой. Попытки Шмарова навести порядок ни к чему не привели. Он пришел к выводу, «что с народом ничего не поделаешь», собрался уходить со своего поста, но вроде бы передумал, полагая, что «какая-нибудь власть да должна же быть над народом»**. По сути дела, охлократия превращала «народных избранников» в своих заложников.

Впрочем, крестьяне игнорировали не только выборы в земские учреждения, куда, по их мнению, проходили «помещики и попы», но и в Советы, которые по примеру «пролетарских» городов мечтали насадить в деревне большевики. Те и другие организации казались крестьянам «чужими».

К осени 1917 г. наиболее радикальными из всех сельских организаций были земельные комитеты, существовавшие в 8400 волостях Европейской России (из 9305)***. Рассчитывать на то, что они помогут правительству в стабилизации хозяйственного положения страны, не приходилось.

3. I Всероссийский съезд Советов и вопрос о власти

После апрельских событий произошел тот внешне малозаметный перелом в общественном настроении, который облегчил деятельность большевиков, – интеллигенция стала терять доверие к политике, массы, напротив, потянулись к «понятым» лидерам. Демократическая интеллигенция потеряла эмоциональный контакт с массами, возникший в ходе Февральской революции, – единственное, что могло замедлить и смягчить ход событий. Кажется невероятным, но вскоре после кризиса министр просвещения Временного правительства в частном разговоре сделал поразительный прогноз: «...Очень скоро правительством станет кабинет Керенского, а потом может докатиться и до большевиков, если только раньше не произойдет резни между солдатами,

* Письма во власть. 1917–1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М., 1998. С. 14–15.

** Письма – больше, чем воспоминания... С. 295.

*** Кострикин В. И. Земельные комитеты в 1917 году. М., 1975. С. 137.

стоящими за порядок, и солдатами, упивающимися анархией»^{*}. Повсеместно ощущалась потребность в «настоящем» лидере и «твердой» власти. Как ни парадоксально, в конце июня 1917 г. даже В. В. Шульгин «влюбился» в Керенского, не переставая, впрочем, «цепляться за надежду о воскресении монархии», правда, «не Николаевской»^{**}.

Социалисты в большинстве своем были уверены, что устойчивость ситуации зависит от внедрения в массы своих лозунгов. 3 июня открылся I Всероссийский съезд рабочих и солдатских депутатов (продолжался до 24 июня). На него возлагались большие, но весьма противоречивые надежды.

Формально предстояло всего лишь одобрить политику ВЦИК, в основе которой лежала более чем странная идея: коалиция с той самой «буржуазией», которая и не думала признавать лозунг «мир без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов». Политический исход съезда был предreshен его составом. В сущности, съезд стал многодневной говорильней на манер возбужденного сельского схода. Некоторые свидетели описывали ситуацию так: «Точно плотину прорвало, и в проем неистово ринулся океан слов. Говорили все, кто хотел и даже кто не хотел. Все знали все»^{***}. Под покровом показного единения шла подготовка наступления на фронте: оно должно было показать, что власть способна отстаивать «завоевания революции».

Состав съезда примечателен: считалось, что присутствуют 1090 делегатов (в действительности их было больше), из них 822 – с решающим голосом. 777 из них заявили о своей партийности: 285 эсеров, 248 меньшевиков, 105 большевиков, 73 внефракционных социалиста, ряд мелких фракций – от трудовиков до анархистов. Согласно подсчетам, за ними стояли 8,15 млн солдат, 5,1 млн рабочих, 4,24 млн крестьян. Преобладали крестьяне, не желавшие воевать, а тем временем большевики, призывавшие объявить войну войне, оставались в меньшинстве.

Ленин пытался убедить участников съезда в том, что «есть такая партия», которая готова взять на себя ответственность за судьбы страны. Его выслушали с отчужденным интересом. По мнению Ф. Степуна, он явно рассчитывал на рабочую аудиторию, при этом, «избегая всякой картинности слова... четко врезал в сознание слушателей схематический чертеж своего понимания событий». Его выступление «напрягло и захватило» вопреки «грандиозной нелепице» произносимого^{****}.

Съезд призван был косвенно одобрить готовящееся наступление на фронте и вместе с тем подтвердить неправомочность всяких «самочинных» действий. В связи с этим большевики решили превратить готовящееся 10 июня обо-

^{*} Далин В. М. Указ. соч. С. 63.

^{**} Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. С. 182.

^{***} *Сергий (Савельев), архимандрит.* Далекий путь. История одной христианской общины. М., 1998. С. 15.

^{****} *Степун Ф.* Указ. соч. С. 383.

ронческое шествие в антивоенную манифестацию. Эпицентром готовящихся беспорядков считался 1-й пулеметный полк, затронутый влиянием левого большевика прапорщика А. Я. Семашко, считавшегося дезертиром. Опасаясь вооруженного выступления большевиков, ВЦИК отменил демонстрацию, затем она была перенесена на неделю. Большевики использовали эту акцию в своих интересах, используя «демократическую» демагогию. Так, один из них на общем собрании рабочей секции Петроградского Совета заявил, что «жил в Америке и знает, что такое свобода, что можно ходить с бомбами даже возле дворца президента», поэтому запрет демонстрации съездом Советов – трусость*. В те дни многие воспринимали подобный подход к вопросу о свободе буквально.

Примечательно, что параллельно съезду Советов в Петрограде проходили офицерский и казачий съезды, а большевики провели Всероссийскую военную конференцию. Делегаты последней, собравшиеся 16 июня, сообщали, что «отовсюду слышатся голоса товарищей солдат, что настало время решительной схватки за власть». Представители большевистского руководства, со своей стороны, намекали, что «армии придется сыграть крупную роль в пролетарской революции». Им внушали, что «гегемония революции принадлежит пролетариату, гаубицами революции являются солдаты»**. Это происходило в условиях, когда правительство восстановило 129-ю статью старого Уголовного кодекса, предусматривающего до трех лет тюрьмы за неподчинение власти и натравливание одной части населения на другую.

В тогдашнем понимании солдат свобода означала, прежде всего, свободу от продолжения войны. Между тем уже 16 июня на фронте началась артподготовка. В этот же день Терещенко уверил члена французской военной миссии при Ставке, что успех наступления позволит «принять меры против Петроградского гарнизона, который является самым плохим и подает самые отвратительные примеры». Правительство рассчитывало, что если успех наступления станет известен до демонстрации, то последняя превратится в манифестацию в поддержку наступления***. Тем не менее 18 июня большевикам удалось взять реванш над социалистическим большинством I Всероссийского съезда Советов: 500-тысячная манифестация прошла под антивоенными и антибуржуазными лозунгами (вплоть до «Долой 10 министров-капиталистов!»). Трудно сказать, насколько активно действовали при этом делегаты большевистской военной конференции, но очевидно, что в вопросе о войне в сознании их большинства произошел окончательный перелом. Официальный орган Петроградского Совета признал, что большевистские лозунги абсолют-

* Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 3. С. 293, 294, 296, 322.

** Рабинович С. Е. Всероссийская военная конференция большевиков 1917 года. С. 22, 19, 41.

*** Васюков В. С. Указ. соч. С. 191.

но преобладали, а рабочие и солдаты со «злостью рвали... знамена с лозунгами доверия Временному правительству»^{*}. Разумеется, не все знаменосцы сознательно поддерживали партийные лозунги. Позднее обыватели судачили, что большевики попросту преуспели в раздаче собственных плакатов. Возможно, случалось и такое. Страсти накалялись.

Нечто подобное происходило не только в столице. 18 июня в Ростове-на-Дону проходила пропагандистская акция по случаю сбора средств для «Займа свободы». Но развитие событий преопределил слух (возможно, запущенный большевиками) о том, что собранные драгоценности и деньги «буржуи» собираются умыкнуть. Реакция оказалась характерной: часть солдат ворвалась в банк с тем, чтобы охранять опечатанные пожертвования, а затем проследить, чтобы они были отправлены Временному правительству. Тем временем перед зданием банка толпы солдат под звуки «Марсельезы» учинили настоящий погром. Пронесся слух, что на следующий день произойдет раздел капиталов и имущества «буржуев»^{**}. Ростовские события показали, что искра подозрения к «эксплуататорам» способна в любое время зажечь пожар бунта.

Массовые демонстрации в других районах страны также обнаружили рост популярности большевиков. Лозунги «Долой 10 министров-капиталистов!» и «Вся власть Советам!», «Мир без аннексий и контрибуций!» были заметны в Москве, Киеве, Риге, Харькове, ряде других городов. В Калуге оборонческие и большевистские лозунги мирно соседствовали, помимо этого солдаты-украинцы выступили со своими собственными лозунгами^{***}. В Гельсингфорсе солдаты и русские рабочие несли лозунги «Долой представителей буржуазии из министерства!», «Долой сепаратный мир и царские тайные договоры!», «Да здравствует народный контроль над промышленностью!», «Конфискация военной прибыли!»^{****} Похоже, что здесь большевики поработали особенно основательно.

Обозначился еще один индикатор левения страны. Если говорить о наиболее деструктивной институциональной подвижке 1917 г., то она оказалась связана с заменой возникших в марте комитетов общественной безопасности «правильно» избранными муниципалитетами. К этому времени лидеры КОБов изрядно подустали от тяжести свалившихся на них непривычных задач, их деятельность казалась малоэффективной. Но они все же несли в себе идею согласия, тогда как любая политическая кампания ставила ее под сомнение.

В условиях разгула левого популизма успех на муниципальных выборах был гарантирован меньшевикам и эсерам с их принципиальным «антибур-

^{*} Известия. 1917. 20 июня.

^{**} ГАРО. Ф. 835. Оп. 1. Д. 750. Л. 1–2.

^{***} Общество и революция. Калужская губерния в 1917 году. Калуга, 1999. С. 210–212.

^{****} См.: Революционное движение в России в мае–июне 1917 г. Июньский кризис: Док-ты и мат-лы. М., 1959. С. 539, 541, 543–548.

жуйством», практическим соглашательством и «запасной» ориентацией на Советы. Примечательно, что на выборах в провинции часто фигурировали не партийные, не социалистические, а просто «советские» списки. В этой ситуации победителями становились местные популисты, опирающиеся на нетерпеливую массу. Как результат, кое-где после выборов городские думы оказались переполнены «чужаками» – солдатами.

Обывателя шокировало и другое. В Москве на выборах в городскую думу более половины мест получили эсеры. «Пролезло много евреев», – констатировал историк Богословский, изумляясь тому, что не было выбрано ни одного представителя московского духовенства. Раздражало его и что новоизбранный председатель городской думы «иудей Минор произнес наглуго и пошлую речь о стоне и слезах народа, ведущего войну из-за капиталистов и империалистов, о голодании и нищете деревни»^{*}.

Итоги муниципальных выборов повсюду оказывались далеки от того, что ожидали либералы и социалисты. По 50 губернским городам за эсеров и меньшевиков высказалось 57,2 % голосовавших, за кадетов – 12,9, за большевиков – 13,6 %. По 418 уездным городам цифры соответственно были 34,5, 5,4, 2,2 %. Здесь более половины голосов (50,7 %) было отдано беспартийным (в губернских городах за них проголосовало лишь 13,6 %). Кое-где (в Московской и Владимирской губерниях, Екатеринбурге, Екатеринодаре, Царицыне, Твери, Нарве, Риге, Ревеле) большевики имели определенный успех. А выборы в Петроградскую городскую думу дали им 33,5 % голосов – немногим меньше, чем меньшевистско-эсеровский блок (37,5 %). И, конечно, повсюду за большевиков все активнее голосовали солдаты^{**}. И это несмотря на то что август был не лучшим временем для большевистской агитации.

Разумеется, далеко не все голосовавшие за левые партии симпатизировали социалистам. Очевидцы подмечали неожиданную деталь: Москва дала перевес на выборах революционерам, но здесь же «не по дням, а по часам явно усиливалась антисемитская пропаганда, которая находила самый живой отклик в революционно-голодных хвостах перед пустеющими булочными, перед кинематографами, перед “урнами”»^{***}. Чрезвычайно активно по всей стране голосовали мусульмане, проводившие своих гласных даже в таких городах, как Царицын и Архангельск^{****}.

Ситуация усугублялась не только в связи с радикализацией Советов. Муниципалитеты были не самым подходящим местом для активности политиков доктринерского склада, к какой бы партии они ни принадлежали.

^{*} Богословский М. М. Указ. соч. С. 377, 384.

^{**} Минц И. И. История Великого Октября. Т. 2. Свержение Временного правительства. Установление диктатуры пролетариата. М., 1978. С. 562–564.

^{***} Наживин И. В. Записки о революции. Вена, 1921. С. 28.

^{****} Исхаков С. М. Указ. соч. С. 193.

«Народные избранники» на глазах «теряли лицо», будучи не в состоянии решить самые элементарные и столь же насущные запросы простых людей.

В разных городах социалисты совершали одни и те же ошибки, а муниципальная жизнь кишела одинаковыми пороками. В юмористических журналах высмеивались склонность милиционеров к реквизициям спиртного, выносу продуктов из лавок без очереди, привычке коротать время в чайных*. Летом 1917 г. в среде обывателей, мечтавших о твердой власти, революционного милиционера постоянно сопоставляли с исчезнувшим городовым**. В ноябре в Одессе особенно часто вспоминали городовых, при этом некоторые пылкие студентки-эсерки признавались, что готовы «доправить до монархисток»***.

Политикам приходится особенно сложно, когда тяготы быта сопровождаются беспомощностью хозяйственных руководителей.

4. Провал наступления на фронте и июльский кризис

Готовясь к наступлению, правительство усиленно перебрасывало на фронт резервы. В период с 8 июня по 15 июля 1917 г. в действующую армию отправилось 807 маршевых рот и 30 запасных полков общей численностью в 290,9 тыс. человек****. Вряд ли это способствовало поднятию боевого духа действующей армии: одни солдаты разбежались непосредственно из маршевых рот****, другие прибывали на фронт зараженные идеями «мира без аннексий». В таких условиях призывы «миротворца» Керенского к активным военным действиям, конечно, вызывали раздражение. На Юго-Западном фронте, куда отправился премьер, он получил полушутливое, полупрезрительное прозвище «главноуговаривающий»*****. Армия, отзывавшаяся о своем вожде подобным образом, стояла немногочисленная. Впрочем, кое-где Керенский, лично производивший в прапорщики отличившихся солдат, все же имел успех*****.

В принципе единственный шанс на успех наступления был связан с выдвижением полководца, в котором бы увидели русского Наполеона. От генералов царской армии такого ожидать не приходилось. Всем известны были враждебные отношения между М. В. Алексеевым и А. А. Брусиловым. Первый приобрел репутацию добросовестного, но излишне осторожного и нерешительного

* Трепач. 1917. № 8. С. 15; № 23. С. 3; Солнце России. 1917. № 383. С. 16.

** 1917 год в сатире. М.; Л., С. 144.

*** «Претерпевший до конца спасен будет». С. 146.

**** Гаврилов Л. М., Кутузов В. В. Указ. соч. С. 155–156.

***** Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 3. С. 287.

***** Керсновский А. А. Указ. соч. С. 733.

***** Лыков И. П. Указ. соч. С. 122.

человека*. Второй имел склонность к политиканству и интригам**. Алексеев обвинял Брусилова в том, что тот «предоставил Керенскому полную свободу распоряжений и сам даже в оперативном отношении поставил себя в полное ему подчинение»***.

В ходе наступления правительство попыталось инициировать революционно-патриотический порыв: отличившимся частям присваивались почетные звания «полк 18 июня», вручались красные знамена****. Но наступление провалилось, несмотря на серьезное превосходство в живой силе и технике. А. И. Деникин приводил данные по 19-верстному участку фронта, где при трехкратном преимуществе в артиллерии 17 немецких батальонов атаковали 138 русских*****. Солдаты атаковать не хотели – это не согласовывалось с удобным для них лозунгом «мир без аннексий и контрибуций». В ряде случаев в атаку шли одни офицеры, сопровождаемые смехом противника*****. Иной раз после успешной атаки солдаты отступали к прежним окопам, не изъявляя желаний заниматься оборудованием новых позиций*****. Даже в боеспособных полках обнаружались громадные потери, после которых солдаты отказывались идти в наступление*****. Дело в том, что солдаты «всегда протестовали против наступления, которое им казалось нарушением миролюбивой политики»*****.

Тем временем разразился правительственный кризис. 2 июля кадетские министры, не согласившись с соглашениями, достигнутыми социалистами с Центральной радой (они якобы предрешали волю Учредительного собрания), вышли из коалиционного кабинета. Расчет делался на пробуждение недовольства «мазепинцами» и активизацию сторонников «единой и неделимой». В дополнение к партийной программе кадеты приняли резолюцию: «В развитие программы партии принять принцип областной автономии Украины; образовать комиссию при ЦК по выработке для внесения в Учредительное

* Керсновский А. А. Указ. соч. С. 598, 609.

** См.: Булдаков В. П. Хаос и этнос. С. 210, 234, 244, 246–247, 295; Нелипович С. Г. Брусиловский прорыв. Наступление Юго-Западного фронта в кампанию 1916. М., 2006. С. 7.

*** Алексеев М. В. Дневник генерала Алексеева // Русский исторический архив. Прага, 1929. Сб. 1. С. 20, 17.

**** Лыков И. П. Указ. соч. С. 125–126.

***** Деникин А. И. Очерки Русской Смуты: крушение власти и армии. С. 434–435.

***** ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 22.

***** Алексеева-Борель В. М. Указ. соч. С. 530.

***** Так, в 92-м пехотном Печорском полку из 1996 бойцов после двух дней боев в строю оказалось лишь 420. Помимо 249 убитых, 687 раненых, пропало без вести 327 человек. Очевидно, что среди них было много дезертиров. См.: Лыков И. П. Указ. соч. С. 124–127.

***** Стенун Ф. Указ. соч. С. 356.

собрание законопроекта об областной автономии Украины, с сохранением государственного единства России и при строгом обеспечении общегосударственных интересов»^{*}.

Уже утром 3 июля слухи о правительственном кризисе поползли по столице. В 1-м пулеметном полку анархисты созвали митинг, на котором призвали к демонстрации против Временного правительства. Вместо полкового комитета, которым руководили большевики, был избран временный революционный комитет, который возглавили анархисты. Пулеметчики реквизировали около трех десятков грузовиков, украсили их красными и черными знаменами, установили на них пулеметы и отправились на них в город, предварительно направив делегатов на предприятия Выборгской стороны и Путиловский завод.

Предполагалось, что это будет демонстрация устрашения: на знаменах красовались лозунги типа «Да погибнет буржуазия от наших пулеметов!», «Берегись капитал – булат и пулемет сокрушат тебя!» Свергать Временное правительство на самом деле никто не собирался – пулеметчики попросту не желали отправляться на фронт. Со стороны происходящее виделось так: «С раннего утра 3 июля по Фурштатской улице к Таврическому дворцу началось движение большевизированных войсковых частей и толп вооруженных рабочих... Заметно было их сильное волнение, неуверенность и даже трусость...»^{**} В общем, солдаты вели себя так, как полагается вести постепенно разбухающей и потому смелеющей толпе.

Во второй половине дня на Выборгской стороне появились первые колонны рабочих, которые прихватили с собой те самые знамена, которыми снабдили их большевики 18 июня. Грузовики с пулеметами появились в центре города, где «чистая публика» пыталась усостыжить солдат. Прозвучали револьверные выстрелы в воздух, затем пулеметчики начали палить поперх голов. Поднялась паника, появились случайные жертвы. К центру города тем временем приближалась 30-тысячная колонна рабочих Путиловского завода. На Сенной площади ее обстреляли из пулеметов с колокольни – этот момент запечатлен на известном фотоснимке, который в советское время комментировался как «расстрел Временным правительством мирной демонстрации».

Вопреки представлениям о давно планировавшемся заговоре, июльский кризис застал лидеров большевиков врасплох. Ленин находился на даче В. Д. Бонч-Бруевича в Нейволе. Ход заседаний рабочей секции Петроградского Совета, где тон задавал Г. Е. Зиновьев, убеждал, что большевики вяло отреагировали на кризис правительственного кабинета и не задумывались о его последствиях. Известие о том, что к Таврическому дворцу идут Пулеметный и Гренадерский полки, прогремело, как гром среди ясного неба: Л. Б. Каменев предлагал срочно выбрать комиссию для того, чтобы придать выступлению

^{*} ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1351. Л. 1–2.

^{**} *Глобачев К. И.* Правда о русской революции // Вопросы истории. 2002. № 10. С. 54.

мирный характер. Лишь в связи с выступлениями анархиста И. С. Блейхмана и неизвестного представителя меньшевиков-интернационалистов члены рабочей секции приняли резолюцию о желательности перехода власти к съезду Советов*. До вечера 3 июля большевики отнюдь не считали себя руководителями событий на улицах.

Н. Н. Суханов описал следующую картину. По Невскому от Садовой к Литейному шел один из восставших полков – внушительная вооруженная сила, которой «было, пожалуй, достаточно, чтобы держать власть над городом». Но когда со стороны Знаменской площади раздались выстрелы, «командир колонны, ехавший в автомобиле, обернулся и увидел пятки разбежавшихся во все концы солдат». Восставшая армия не знала, куда и зачем ей идти. «У нее не было ничего, кроме “настроения”», – так оценил ситуацию Суханов**.

Около 10 час. вечера 3 июля собрание большевистских организаций в Таврическом дворце все же решило присоединиться к движению, чтобы «придать ему организованный характер». Решили вернуть в столицу Ленина. Только на следующий день, 4 июля, большевики решились возглавить демонстрацию под лозунгами передачи власти Советам. Тем временем в Петроград прибыла делегация из Кронштадта, к центру города стянулись около 100 тыс. солдат и 300 тыс. рабочих. Матросы направились к дворцу Кшесинской, где перед ними с балкона выступил Ленин. Из-за недомогания он говорил кратко, выражая надежду, что лозунг демонстрантов «Вся власть Советам!» победит. Вероятно, в связи с этим возник слух, что Ленин «никуда не уезжал и скрывался среди павловцев (солдат Павловского полка. – В. Б.), облекшись в мундир этого полка». Люди готовы были поверить, что павловцы «его прикрывали, а он их баламутил»***.

В свое время в советской историографии утвердилось представление, что Временное правительство «расстреляло мирную демонстрацию» рабочих и солдат. На деле даже большевики были не в силах усмирить агрессивную стихию. «От казармы к казарме перебежали какие-то темные подстрекатели, уговаривая солдат примкнуть к вооруженному выступлению заводов», – свидетельствовал Ф. Степун. Но все это, по его мнению, «было скорее какою-то бунтарскою маятью, чем революционным действием»****.

В разных частях города прозвучали выстрелы. Настоящее сражение произошло около Литейного моста, где солдаты открыли огонь по казакам, ехавшим по вызову ЦИК на охрану Таврического дворца. В перестрелке было убито и скончалось от ран 16 человек, несколько сот получили ранения и травмы. Город фактически был в руках рабочих и солдат. Часть солдат у Та-

* См.: *Гальперина Б. Д.* Июльский кризис и Петроградский Совет // Историк и революция. СПб., 1999. С. 153–157.

** *Суханов Н. Н.* Записки о революции. Т. 2. С. 323.

*** Письма – больше, чем воспоминания... С. 283.

**** *Степун Ф.* Указ. соч. С. 389.

врического дворца почти всю ночь безуспешно уговаривали лидеров Совета взять власть в свои руки*. Свои попытки они возобновили на следующий день. Тогда и произошел примечательный случай: В. М. Чернов, пытавшийся урезонить толпу, услышал в ответ слова рабочего: «Принимай власть, сукин сын, коли дают!» Отказавшийся от такой чести «селянский министр» был тут же арестован возбужденными анархистами – по словам Л. Д. Троцкого, «полууголовного-полупровокаторского типа». Именно Троцкий выручил Чернова. Сообщали, что он поставил перед толпой на голосование вопрос об освобождении Чернова – против никто не возражал. По другой версии на речь Троцкого анархисты реагировали отрицательно; отпустили Чернова матросы**. В конечном счете лидеры ЦИК обещали митингующим созвать через две недели Второй съезд Советов. Демонстранты стали расходиться.

После прекращения июльских беспорядков в верхах воцарилась неопределенность. 6 июля на совещаниях кадетских лидеров звучали весьма своеобразные заявления. Так, А. И. Шингарев предлагал потребовать от правительства «категорического разрыва с большевиками», Ф. И. Родичев считал, что кадеты должны уйти в оппозицию и «разоблачать правительство» на митингах, некоторые сетовали на отсутствие убедительных доказательств «шпионства» Ленина. В. Н. Пепеляев заявил, что не верит в Учредительное собрание, и требовал «разоружения полков и рабочих», не боясь крови. Другие советовали проще: «перестрелять». Звучало разочарование в Керенском, однако отставной Г. Е. Львов говорил о возможности «комбинации – Керенский – Милюков». Сам Милюков был уверен, что кадеты сильнее Керенского – «падающей звезды». Ему поддакивали: «Кадеты самая сильная партия»***.

6 июля Временное правительство приняло постановление о привлечении к судебной ответственности лиц, принявших участие в выступлениях против государственной власти. Виновные в публичном призыве к убийству, разбою, грабежу, неисполнению распоряжений власти наказывались тюремным заключением до 3 лет, а виновные к подстрекательству воинских к неисполнению законов наказывались как за государственную измену****. 7 июля было принято решение о расформировании всех воинских частей, принимавших участие в вооруженном мятеже, 8 июля – об аресте матросов Балтийского флота, прибывших в Петроград на судах «Орфей» и «Грозный», а 9 июля

* Рабинович А. Кровавые дни: Июльское восстание 1917 года в Петрограде. М., 1992. С. 182–183.

** См.: Следственное дело большевиков. Материалы Предварительного следствия о вооруженном выступлении 3–5 июля 1917 г. в г. Петрограде против государственной власти. Июль–октябрь 1917 г. Сб. док-в: В 2-х кн. М., 2012. Кн. 1. С. 638, 755–756, 771, 791–793, 798; Кн. 2. Ч. 2. С. 384; Рабинович А. Кровавые дни. С. 203–205.

*** Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. С. 191–193, 196–197, 200.

**** Журналы заседаний Временного правительства. Т. 3. Июль–август 1917 года. М., 2004. С. 60–61.

появилось постановление об образовании Особой следственной комиссии для расследования степени участия в восстании 3–5 июля отдельных частей войск и чинов гарнизона Петрограда и его окрестностей.

Одновременно последовала перетасовка состава Временного правительства. Правительство приняло отставку кадетов А. А. Мануйлова, кн. Д. И. Шаховского, Н. В. Некрасова (вскоре вернувшегося в правительство), А. И. Шингарева, П. Н. Переверзева и В. А. Степанова. Ушли также И. Г. Церетели, В. Н. Львов, И. В. Годнев. В окончательный состав правительства вошли министр-председатель и военный и морской министр А. Ф. Керенский, заместитель министра-председателя и министр финансов Н. В. Некрасов, министр внутренних дел Н. Д. Авксентьев, министр иностранных дел М. И. Терещенко, министр юстиции А. С. Зарудный, министр просвещения С. Ф. Ольденбург, министр торговли и промышленности С. Н. Прокопович, министр земледелия В. М. Чернов, министр почт и телеграфов А. М. Никитин, министр труда М. И. Скобелев, министр продовольствия А. В. Пешехонов, министр государственного призрения И. Н. Ефремов, министр путей сообщения П. П. Юренев, обер-прокурор Св. Синода А. В. Карташев, государственный контролер Ф. Ф. Кокошкин.

Для Керенского был характерен авторитарный стиль руководства. Однако принято было считать возглавляемое им правительство «правительством спасения революции». В предложенной Керенским декларации было обещано провести выборы в Учредительное собрание в срок (17 сентября), разработать законопроект о восьмичасовом рабочем дне, социальном страховании. В основу решения земельного вопроса был положен принцип «перехода земли в руки трудящихся» по общегосударственному плану, которому противостоят «земельные захваты и тому подобные самочинные местные способы разрешения земельных нужд»^{*}. На деле спасти революцию в том понимании, какое вкладывал в него Керенский, вряд ли было возможно. В социальных низах развивались свои собственные процессы: действовать по «общегосударственному плану» они не желали.

Сразу после июльского бунта на большевиков посыпались обвинения в том, что они действуют на «немецкие деньги». Вопрос о деньгах возникал с 1915 г. в самых различных контекстах. В марте харьковские профессора заподозрили студентов, что те бастуют на немецкие деньги, в июне 1915 г. в действующей армии некоторым казалось, что майский антинемецкий погром в Москве был устроен «революционерами-жидами, действовавшими на немецкие деньги». 14 февраля 1917 г. «русские воины-баптисты» жаловались М. В. Родзянко на обвинения в том, что они якобы получают деньги из Германии^{**}. В глазах общественности любое неожиданное событие тут же представляло в своего роде параноидальной ауре.

^{*} Журналы заседаний Временного правительства. Т. 3. Июль–август 1917 года. С. 65–66.

^{**} См.: ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1004. Л. 67; Д. 1006. Л. 68; Д. 1071. Л. 109.

О финансировании большевиков немцами первым заговорил в эмиграции журналист Г. А. Алексинский во французской прессе еще в марте 1915 г. Его информацию подхватил редактор газеты «Русская воля» А. В. Амфитеатов^{*}. Но тогда эти публикации не вызвали общественного резонанса, они пришлось кстати лишь в 1917 г. Не удивительно, что П. Н. Милюков, по наущению которого союзники задержали Л. Д. Троцкого в Галифаксе (Канада), не постеснялся сделать соответствующие намеки относительно обнаруженных у последнего 10 тыс. американских долларов (около 200 тыс. по современному курсу). (Тот скорее всего позаимствовал их у богатых родственников, но, как «истинный революционер», постеснялся их «буржуазного» происхождения.) Впрочем, поскольку Временное правительство имело обыкновение снимать былые обвинения в пособничестве врагу, представления о «немецких деньгах» в массовом сознании притупились.

Между тем Австро-Венгрия тайно финансировала сепаратистский Союз вызволения Украины (СВУ) – немногочисленную группу украинских социалистов-самостийников – с 1915 г. Затем интерес к СВУ появился у немцев, которые оказались более щедрыми. В общей сложности лидеры СВУ получили из Германии в 1915–1918 г. почти 750 тыс. марок, однако успеха они не имели^{**}. Трудно предположить, что Германия воздержалась бы от финансирования прочих элементов, ослабляющих своего противника.

Новые обвинения в том, что Ленин – «немецкий шпион» поначалу строились на показаниях Д. С. Ермоленко – попавшего в плен еще в ноябре 1914 г., завербованного немецкой разведкой, а затем, после переброски в Россию в конце апреля 1917 г., решившего повиниться. Ермоленко подробно рассказал о том, как германское командование сформировало из военнопленных-украинцев 1-й Украинский полк им. Шевченко, а затем, между прочим, сослался на слова немецкого офицера о том, что с ними заодно действует Ленин, находящийся в постоянном контакте с известным самостийником А. Ф. Скоропись-Иолтуховским^{***}.

Похоже, сначала российские контрразведчики хотели использовать Ермоленко для дискредитации Ленина в связи с апрельскими беспорядками, затем в борьбе против «украинского сепаратизма», однако в связи с наступлением на фронте поспешно вложили в его уста легенду о «предательстве». В суде опровергнуть эту версию не составило бы труда^{****}. Но бульварные газеты заговорили о связи Ленина и с Германией, и с «сепаратистами»^{*****}. Разумеется,

* Следственное дело большевиков. Кн. 1. С. 9.

** Булдаков В. П. Хаос и этнос. С. 31–32.

*** Следственное дело большевиков. Кн. 1. С. 82, 86, 93, 96, 99.

**** Как признал начальник контрразведки Петроградского военного округа В. Никитин, Д. Ермоленко «кроме голословных заявлений не дал ничего». См.: Никитин Б. В. Роковые годы. М., 2000. С. 85.

***** Булдаков В. П. Хаос и этнос. С. 206, 353.

немцы готовы были субсидировать не только последних, но и всех российских «циммервальдцев». Но знакомство с многочисленными протоколами допросов Ермоленко (человека неоднократно контуженого) показывает, что в свое время немцы намеренно дезинформировали его относительно встреч Ленина со Скоропись-Иолтуховским, а российские контрразведчики не только «поверили» в это, но и добавили в эту версию «подробности»: Дело дошло до того, что сам Скоропись-Иолтуховский в язвительной форме опроверг эти выдумки: Ленин физически не мог встречаться с ним.

Из материалов следствия видно, что большевики пользовались сомнительными деньгами от контрабандно-спекулятивных торговых акций. Можно также предположить, что немецкие деньги через Л. Б. Красина, работавшего в Русско-Азиатском банке, действительно поступали большевикам, но не по тем каналам, по которым предполагали сотрудники Чрезвычайной следственной комиссии^{**}. Скорее всего это было известно Ленину^{***}, но вряд ли вызвало у него какие-либо моральные угрызения. По представлениям тогдашних левых социал-демократов, согласно «единственно верной» марксистской теории империалистический мир объективно движется к своей собственной гибели, — оставалось только помочь ему в этой «исторически-прогрессивной» задаче за его же деньги.

Провал наступления заставил активизироваться меньшевиков и эсеров. 27 июля под председательством Ф. И. Дана состоялось совместное совещание представителей Бюро ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов, Бюро исполкома крестьянских депутатов, Центрального бюро профсоюзов, союза металлистов, представителей социалистических партий. Критика правительства не ослабла: звучали заявления о том, что «ведомство торговли — разбойничье гнездо», меньшевик Н. Череванин вновь обвинял министра Пальчинского в саботировании экономической программы коалиционного правительства^{****}. Но радикальных предложений по реорганизации власти не прозвучало. Меньшевик Б. О. Богданов предложил учредить специальный орган — Комитет обороны страны из представителей «революционных» организаций и созвать съезд демократических сил. Поначалу решили провести

* Российские контрразведчики имели смутное представление о заграничных российских революционерах, и потому готовы были видеть в каждом из них немецкого шпиона. Мемуары начальника В. Никитина в полной мере это подтверждают: сомнительные сведения казались ему «неопровержимыми доказательствами». См.: *Никитин Б. В.* Указ. соч. С. 46–48, 92–98.

** См.: Следственное дело большевиков. Кн. 1. С. 80–99, 827; Кн. 2. С. 152–153, 231–232, 269–274, 328–334, 370, 446–469, 666–668, 734.

*** Косвенное подтверждение см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 438–439 [Письмо В. И. Ленина Я. С. Фюрстенбергу (Ганецкому)].

**** *Штейнберг И.* Указ. соч. С. 78, 68.

съезд уже на следующей неделе, затем сообразили, что это невозможно по организационным причинам*.

Тем временем правительство награждало себя все новыми и новыми полномочиями. Помимо арестов большевиков, запретов ряда съездов и собраний и спешной отправки на фронт солдат тыловых гарнизонов (особенно петроградского и киевского) начались аресты членов земельных комитетов, которые в соответствии с инструкциями министра земледелия Чернова брали на себя заведование земельными запасами. Представители военного отдела при Крестьянском Совете потребовали от Чернова немедленного осуществления объявленного курса, а тот не придумал ничего лучшего, как отправить их к Керенскому. Последний, в свою очередь, вновь направил их к министру земледелия. Создавался заколдованный круг. «Керенский и Чернов становятся палачами, – записывал в дневник 16 июля Пришвин. – И делают они совершенно то же, что и буржуазия... Изменяют слова и формы, сущность остается одна». 22 июля он добавлял: «В комитеты мы не верим. И даже в Учредительное собрание не верим... Не хватает какого-то звена»**. Людям не хватало способности к гражданской самоорганизации, а ее и быть не могло. Демократическим политикам оставалось лишь бессильно сопротивляться ходу событий.

7–9 августа состоялось Совещание демократических организаций по обороне. В речи Ф. И. Дана была поставлена цель: «Взять дело обороны страны в свои руки и вырвать влияние у тех, кто ставит свои классовые интересы выше национальных». В принятой резолюции говорилось о необходимости «значительных жертв от всех классов населения» в борьбе с разрухой. Представители крестьянской секции со своей стороны предложили привести твердые цены на зерно в соответствие с ценами на продукты промышленного производства. Но установить «справедливый» баланс цен было уже невозможно. Состоявшийся 3–5 августа в Москве торгово-промышленный съезд осудил хлебную монополию как «меру антигосударственную», вызвавшую ухудшение продовольственного положения***. 20 августа очередное частное совещание членов Государственной думы также подвергло критике хлебную монополию и деятельность местных продовольственных комитетов****. Тем временем на местах крестьяне начали захватывать реквизируемый у помещиков хлеб. Не прекращалась агитация против твердых цен. На этом фоне предложения Совещания выглядели нереалистичными. Политика местных продовольственных комитетов, озабоченных, прежде всего, сохранением хлебных запасов для нужд местного населения, все менее согласовывалась с общегосударственной продовольственной программой. Но что-либо изменить было уже невозможно.

* См.: Современное слово. 1917. 28 июля, 28 июля, 1 августа.

** Штейнберг И. Указ. соч. С. 80; Пришвин М. М. Указ. соч. С. 82.

*** Волобуев П. В. Экономическая политика Временного правительства. С. 411.

**** Буржуазия и помещики в 1917 г. М.; Л., 1930. С. 273.

Ясно, что Совещание оказалось пустой говорильней, способной лишь вызвать дополнительное раздражение в правых кругах. Образованный на нем Объединенный комитет демократических организаций фактически дублировал работу ВЦИК. Левая общественность не справлялась с ситуацией.

5. От Государственного совещания к корниловскому выступлению

Московское Государственное совещание было задумано как демонстрация единения всех «живых сил страны», т. е. «патриотов», стоящих выше партийных доктрин. Однако в низах оно заранее обрело имидж контрреволюционного сборища. Теряющую авторитет и силы власть приходилось подпирать – теперь не только личным авторитетом, но и своего рода общественными пристройками. А людей, готовых выступать в роли ее «советчика», по-прежнему было предостаточно.

Впервые мысль о создании органа, призванного объединить сторонников «порядка», была высказана на заседании Исполнительного комитета московских общественных организаций 24 апреля 1917 г. Но правительство решилось на проведение Государственного совещания лишь в связи с июльскими событиями, о чем и объявило 31 июля. Однако начиная с 6 июля большевистское руководство уже принялось пугать общественность «смертельной опасностью», исходящей от формирующегося «гнезда контрреволюции»^{*}. Неудивительно, что непосредственной реакцией на открытие совещания стала однодневная стачка протеста московских рабочих и служащих. Бастовали железнодорожники, персонал типографий, электростанций, магазинов. Остановился трамвай. Ходили слухи, что буржуазных делегатов отказываются обслуживать в ресторанах половые^{**}. Не избежали соблазна побастовать даже служащие той организации, которая должна была служить эталоном патриотизма – Земгора^{***}.

Состав участников Государственного совещания поражал не только числом (2414 человек), но и продуманной пестротой. От всех четырех государственных дум было приглашено 488 человек, а от Крестьянского союза и Советов – 329. Торгово-промышленные организации и банки представляли 150 человек, города – 147, земский и городской союзы – 118, в то время как армия и флот лишь 117 делегатов. Кооперативы присылали 313 человек, а профсоюзы

^{*} См.: Николаев А. Б. Подготовка и созыв Московского государственного совещания // Рабочий класс, его союзники и политические противники в 1917 году. Л., 1989. С. 271–277; Государственное совещание. С. 330–337.

^{**} См.: Грунт А. Я. Москва, 1917-й: революция и контрреволюция. М., 1976. С. 194–200.

^{***} Окунев Н. П. Указ. соч. С. 68.

только 176. Представительство национальных организаций выглядело вызывающе заниженным – всего 58. Немного было и духовных лиц – 24 человека. Формально характер представительства соответствовал и принципу паритета, и реальной значимости в жизни страны тех или иных профессий. Но в условиях социального спроса на «простые решения» самый состав совещания скорее раздражал, нежели примирял.

Сомнительно, что намерения большинства участников соответствовали ожиданиям масс. Так, министр финансов Н. В. Некрасов сообщил, что нынешние расходы Временного правительства «нам не по карману», особенно напирая на непомерные требования рабочих. При этом он указал на необходимость ограничения пайков семьям солдат, высказался за увеличение косвенного обложения, а в целом призвал к «порядку» и жертвам ради победы^{*}.

Ситуация в продовольственной сфере была близка к безвыходной. С. Н. Прокопович отметил, что использование частновладельческого аппарата для хлебных заготовок становится невозможным ввиду «резко недоверчивого и даже прямо враждебного отношения к торговому классу со стороны местного населения». Дело доходило до того, что некоторые продовольственные управы и комитеты «низвергались за попытки и даже только намерение воспользоваться услугами торговцев»^{**}.

Противоречия накапливались, единого решения комплекса проблем не намечалось. Пылкая речь Керенского, как всегда, прерывалась аплодисментами. Однако прозвучавшая угроза о стремлении, «прежде чем погибнуть», прийти на помощь стране «с железом и со всею силою принудительного аппарата государственной власти» звучала беспомощно^{***}. Впрочем, у совещания была другая, более конкретная, задача: приподнять фигуру Корнилова в качестве нового главнокомандующего, призванного навести порядок в терпящей поражение армии и все менее управляемом обществе.

9 августа Корнилов прибыл в Петроград в сопровождении военного отряда с пулеметами. На вокзале ему была устроена торжественная встреча, на площадь он был вынесен на руках и затем в сопровождении текинцев отправился к Иверской на молебен. Хорошо зная, что его ожидает Керенский, он тем не менее вернулся на вокзал, в свой вагон^{****}. Это уже походило на демонстрацию, которая продолжилась при появлении его в Большом театре.

В своем выступлении на совещании Корнилов напомнил о требовании восстановления смертной казни на фронте «против изменников и предателей». При этом он выразил готовность поднять престиж офицеров и ограничить всевластье солдатских комитетов. Планы Корнилова поддержал М. В. Алексеев; их конкретизировал А. М. Каледин: упразднение в армии всех

^{*} Государственное совещание. С. 37.

^{**} Там же. С. 26.

^{***} Там же. С. 16, 307.

^{****} *Стетун Ф.* Указ. соч. С. 423.

Советов и комитетов, полное запрещение митингов и собраний, пересмотр декларации солдата, частичная милитаризация тыла. Для воюющей страны в этом не было чего-либо необычного, но реакция зала оказалась характерной: на правых скамьях аплодировали и кричали «браво», на левых усиливались шум и свист*. Строго говоря, осуществить все это было уже невозможно.

Совещание заседало три дня, было произнесено 90 докладов и речей. Выслушав ряд громких заявлений и требований, правительство оказалось перед дилеммой: либо срочно навести жесткий порядок, либо расписаться в неспособности управлять страной. Привычными средствами достичь этого было невозможно. Оставалось надеяться на «генерала на белом коне».

Выдвиженец Керенского генерал Корнилов имел репутацию «розового», но всегда был готов подавить малейшую смуту. Впрочем, 11 июля сам Керенский потребовал у Корнилова «остановить отступление во что бы то ни стало»**. Идея оздоровления армии и страны витала в воздухе; соответственно предполагалась совместная акция правых. Однако лавры «контрреволюционера», похоже, никого не прельщали.

Характерно, что Корнилова готовы были поддержать крупные финансисты. Созданное по инициативе А. И. Путилова Общество экономического возрождения России, в котором активное участие приняли А. И. Гучков, Н. Н. Кутлер, Б. А. Каменка, А. И. Вышнеградский, готово было финансировать выступление генерала. О предстоящей акции были проинформированы союзники***. Однако Керенский опасался утверждения военной диктатуры.

После Государственного совещания левая пресса заняла «антидиктаторскую» позицию. В ответ Главный комитет Союза офицеров армии и флота и Союз георгиевских кавалеров выступили в поддержку Корнилова. В адрес Временного правительства поступала масса писем и телеграмм в поддержку Верховного главнокомандующего****. Но это только осложнило его взаимоотношения с Керенским****. Дополнительную нервозность вносили слухи о готовящемся выступлении большевиков. Тем не менее обе стороны договорились о главном – подчинении Петроградского военного округа непосредственно главнокомандующему. Не удавалось лишь согласовать вопрос о том, в чем не-

* Государственное совещание. С. 61, 63, 75.

** РГВИА. Ф. 69. Оп. 1. Д. 75. Л. 120, 122, 121, 128.

*** См.: *Ананьич Б. В.* Указ. соч. С. 23; *Лаверычев В. Я.* Русские монополисты и заговор Корнилова // *Вопросы истории* 1964. № 4. С. 33–34; *Игнатьев А. В.* Русско-английские отношения... С. 306.

**** *Иванцова О. К.* Предисловие // Дело генерала Л. Г. Корнилова. Материалы Чрезвычайной комиссии по расследованию дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л. Г. Корнилове и его соучастниках. Август 1917 г. – июнь 1918 г. Т. 1. М., 2003. С. 8.

***** См.: Дело генерала Л. Г. Корнилова. Материалы Чрезвычайной комиссии... Т. 2. М., 2003. С. 487–489.

посредственном подчинении окажется столица. Корнилов считал, что только под его руководством в Петрограде может быть наведен порядок; Керенский опасался, что правительство может оказаться заложником крутого генерала.

Задача наведения порядка в столице и в России сорвалась благодаря «случайности». Бывший обер-прокурор Святейшего Синода В. Н. Львов 26 августа явился к министру-председателю и изложил ему «требование» Корнилова о передаче ему всей полноты власти. Керенский тут же связался по прямому проводу с Корниловым и попросил его подтвердить информацию, полученную от Львова. Простодушный генерал согласился, не удосужившись спросить, что именно поведал премьеру Львов, и попросил Керенского прибыть в Ставку на следующий день*.

Вольно или невольно, безответственный Львов совершил провокацию, оказавшую решающее влияние на развитие событий. В ночь с 26 на 27 августа состоялось экстренное совещание Временного правительства, на котором Керенский объявил о «заговоре» Корнилова и потребовал для себя исключительных полномочий для ликвидации мятежа. Несмотря на то что некоторые министры убеждали Керенского уладить конфликт, он не согласился. В результате министры-кадеты подали в отставку, причем Ф. Ф. Кокошкин обвинил Керенского в диктаторстве. 27 августа Корнилов неожиданно получил приказ за подписью Керенского сдать должность генералу А. С. Лукомскому. Корнилов отказался. 28 августа вышел указ Временного правительства о предании его суду как мятежника.

После этого со стороны Корнилова последовала череда обращений и воззваний к народу и казакам, а также приказов, в которых он объяснял свою невозможность повиноваться власти, пораженной безволием и нерешительностью. Он повторил при этом слухи о том, что взрыв порохового склада в Казани, в результате которого погибло свыше миллиона снарядов и 12 пулеметов, произошел при участии германских агентов; что Германия потратила миллионы рублей на организацию разрухи в Донбассе; что готовится восстание в Финляндии, взрывы мостов на Днестре и Волге. Движение войск на Петроград он объяснял тем, что ранее согласованный план по подавлению большевистского восстания был сорван в правительственных кругах. Считается, что планы Корнилова пользовались поддержкой иностранных послов, настаивавших на примирении с ним Керенского**.

Для Керенского соглашение с Корниловым было чревато отеснением на второй план. К тому же у него накопилось «очень много личного против Корнилова и Савинкова». Так, во время Государственного совещания ему казалось, что они «подкапывают под него», и он с Некрасовым «ждал в Москве

* *Тютюкин С. В.* Александр Керенский. Страницы политической биографии (1905–1917 гг.). М., 2012. С. 242–243.

** См.: Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 2. С. 493–498; *Игнатьев А. В.* Русско-английские отношения... С. 311–313.

вооруженного восстания с Корниловым во главе»^{*}. Событиями управляла «мусть недоразумений», «гуман авантюристически-дилетантских замыслов», «злосчастливая путаница», которые столь часто сопутствуют переломным моментам истории»^{**}.

Страхи в верхах провоцировал хаос в низах. В то время, как политики «мобилизовывали массы на борьбу с контрреволюцией», а красногвардейцы готовили ей «вооруженный отпор», ситуация на улицах Москвы была близка к погромной. На этом фоне большевистская пресса твердила, что Государственное совещание, сдача Риги, провокаторские слухи о заговоре с их стороны, наконец, поход Корнилова на Петроград – звенья одной цепи. Вдохновителем контрреволюции объявлялась партия кадетов, постоянно провоцирующая правительственные кризисы»^{***}.

Керенский мог победить Корнилова, только договорившись с представителями Советов и левыми элементами. После того как кадеты вышли из правительства, премьер вместе с министрами-социалистами попытался сформировать «Директорию» (Керенский, Некрасов, Терещенко, Кишкин, Савинков, Церетели или Скобелев). Это не удалось. Не удалось договориться ни с делегацией казаков, требующих недопущения гражданской войны, ни с генералом Алексеевым, отказавшимся заменить Корнилова на посту верховного главнокомандующего, ни с Милуковым, предложившим посредничество в переговорах с «мятежным» генералом. В первой половине дня 28 августа Некрасов объявил журналистам, что Временное правительство находится с Корниловым в положении воюющих сторон. После того, как в 12.30 пришло сообщение, что передовые силы Корнилова находятся вблизи Луги, он же заявил, что «кровопролитие неизбежно»^{****}.

Но Корнилов не был готов к настоящему перевороту. По иронии судьбы генерал, выступление которого ассоциировалось с заговором «буржуазии», находился под правоэсеровским влиянием в лице Б. В. Савинкова, В. С. Завойко и М. М. Филоненко^{*****}. Составленная ими программа была перечнем мероприятий по наведению порядка, к которым рано или поздно прибегают все революционеры. Победа Корнилова в любом случае задач полномасштабной военной диктатуры освоить не могла. А между тем любые резкие попытки подпереть властную систему со стороны (именно к этому наивно стремился Корнилов) оборачивались падением ее авторитета.

^{*} На этой версии настаивал московский городской голова Н. М. Кишкин, рассказывавший, что они даже расставили пулеметы в доме генерал-губернатора. См.: Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. С. 208.

^{**} См.: *Степун Ф.* Указ. соч. С. 417, 419, 433.

^{***} Рабочий. 1917. 28 августа.

^{****} См.: *Старцев В. И.* Крах керенщины. Л., 1982. С. 26–27, 31–33.

^{*****} *Степун Ф.* Указ. соч. С. 415.

Корниловское выступление вызвало активизацию большевиков. Утром 27 августа большевистская фракция Исполкома Петроградского Совета созвала экстренное совещание членов солдатской секции и военного отдела, а также представителей столичных районных Советов и фабзавкомов. Присутствовали также представители Военной организации ЦК РСДРП(б) и эсеровской военной организации. Однако предложение большевиков передать организацию обороны Петрограда в руки Военной организации ЦК РСДРП(б) было отклонено. Возобладала идея своего рода «народного фронта» против «контрреволюции». Со своей стороны Петербургский комитет большевиков принял решение о вооружении рабочих. Как результат, районные Советы столицы принялись смещать «соглашательских» комиссаров городской милиции, заменяя их своими выдвиженцами. Разумеется, главное внимание уделялось агитации среди солдат. Шла агитация под знаком отстаивания завоеваний революции: выборности командного состава, отмены смертной казни, освобождения арестованных товарищей^{*}. Большевики, связав кадетов с Корниловым без всякого упоминания о «социал-предателях» в лице эсеров, убили сразу двух зайцев: дискредитировали правых и создали видимость существования «народного фронта», в котором им принадлежит ведущая роль. Так создалась легенда о большевиках – «борцах за демократию».

В Петрограде стали создаваться отряды Красной гвардии, по некоторым данным, их численность составила 40–45 тыс. человек^{**}. В столицу двинулись балтийские матросы. Сам Керенский приказал заменить юнкеров, охранявших Зимний дворец, матросами с «Авроры», не к месту заявив, что отдает себя под охрану «товарищей большевиков». Под Петроградом развернулось строительство оборонительных сооружений, железнодорожники разбирали пути. Считается, что чрезвычайные органы борьбы с контрреволюцией были созданы примерно в 120 городах^{***}. В конечном счете «контрреволюционные» части (в действительности почти не информированные о целях движения в Петроград) были распропагандированы и отказались подчиняться приказам командиров. Специальную агитацию провела делегация мусульман, сумевшая распропагандировать воинов Туземной дивизии. Оставалось только арестовать руководителей «мятежа».

В верхах мало кто сомневался, что Керенский сам был участником заговора против Совета^{****}, а затем попросту «подставил» Корнилова, испугавшись, что

^{*} См.: Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа: Док-ты и мат-лы. М., 1959. С. 385, 474–475, 483–484; Районные Советы Петрограда в 1917 г. Т. 1–3. М.; Л., 1964–1966; Октябрьское вооруженное восстание, Семнадцатый год в Петрограде. Кн. 2. Л., 1967. С. 154–159.

^{**} Дело народа. 1917. 30 августа.

^{***} Иванов Н. Я. Корниловщина и ее разгром. Л., 1965. С. 118; *его же*. Контрреволюция в России в 1917 году и ее разгром. С. 193.

^{****} Стенун Ф. Указ. соч. С. 416.

его политическая карьера закончится. Представители специально созданной Чрезвычайной комиссии для расследования дела о бывшем верховном главнокомандующем и его соучастниках скоро убедились в том же. Существует версия, что члены комиссии не только отказались расценивать произошедшее как мятеж, но и предприняли усилия для спасения «мятежников»^{*}.

В связи с выступлением Корнилова особо накалилась ситуация на Дону. В Новочеркасске заговорили о том, что Керенский арестован Корниловым и сформировано правительство во главе с Милюковым. В начале сентября поползли слухи, что утвердилось «чисто еврейское» правительство во главе с Керенским, усилились не только антиеврейские, но и антиармянские настроения. Затрубили тревогу и в связи с перебоями в выплате пособий семьям военнослужащих и «солдаткам». «Всякая задержка... может вызвать нежелательные эксцессы среди многочисленной, неустойчивой, доведенной нуждой и семейными лишениями до полной психической неуравновешенности массы жен мобилизованных», – говорилось на заседании Новочеркасской городской думы 18 сентября 1917 г.^{**}

Ближе к фронту росли антикорниловские настроения. Председателю Чрезвычайной следственной комиссии стоило большого труда заполучить к себе «сообщников» Корнилова из командования Юго-Западного фронта – солдатские комитеты собирались судить их военно-революционным судом на месте. Налицо было настроение масштабного самосуда. В отдельных частях солдаты пытались воспользоваться ситуацией, чтобы объявить непосредственных начальников «корниловцами» и «заговорщиками»^{***}.

Поражение Корнилова привело к резкому падению доверия к России со стороны союзников и обострению недовольства союзниками в пролетарской среде. 18 сентября в Баку была принята резолюция, требовавшая удаления из пределов России «агентов союзного капитала, вредящих русской революции». Армейские комитеты также требовали «выслать из России агентов иностранного империализма, поддерживающих контрреволюционный заговор»^{****}.

Корнилов дал дорогу Ленину, что уловили почти все. Министр иностранных дел М. И. Терещенко 26 сентября информировал послов, что «умеренные лидеры социалистов в значительной степени потеряли контроль над массой, увлеченной крайними настроениями и с трудом ее сдерживают». Упоминал министр и о росте влияния большевиков, которые «постепенно овладевают Советами рабочих и солдатских депутатов»^{*****}. Массы все больше погружались в пучину иррациональной ненависти. Сообщали, что в районе Петрограда,

* *Раунах Р. Р. фон.* Указ. соч. С. 15–20.

** ГАРО. Ф. 694. Оп. 1. Д. 12. Л. 15; Оп. 2. Д. 14. Л. 25.

*** См.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 33. Л. 25–32, 35–37; Д. 48. Л. 2–3, 18–19.

**** См.: Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общенациональный кризис. М., 1961. С. 147, 153, 218, 278–280, 315–316.

***** *Сидоров А. Л.* Финансовое положение России... С. 478.

напуганного Корниловым, крепнет настроение «резать буржуазию и интеллигенцию». Некоторые солдаты при этом заявляли, что хорошо бы навели порядок в России иностранцы, пусть даже немцы^{*}. Надежды на свою власть сменились отчаянием.

Леонид Андреев, известный своей склонностью «пугать», нарисовал «жуткую» картину ближайшего будущего. 15 сентября в статье с примечательным названием «Veni, Creator!» (Приди, Создатель!) он писал: «...По лужам красной крови выступает завоеватель Ленин, гордый победитель, триумфатор, – громче приветствуй его, русский народ! ...Ты почти Бог, Ленин. Что тебе все земное и человеческое? Жалкие людишки трепещут над своей жалкой жизнью, их слабое, непрочное сердце полно терзаний и страха, а ты неподвижен и прям, как гранитная скала... Как некий Бог, ты поднялся над их земным и ничтожным и презрительной ногою встал на их отечество... Разве для Бога существует география, границы, свои и чужие земли?..» Но даже не фигура Ленина, «вырастающая выше старой Александровской колонны», столь впечатляла известного писателя. «Или ты только предтеча? Кто же идет за тобою?»^{**} – вопрошал он.

Но для того, чтобы утвердиться, Ленину было необходимо, чтобы массы окончательно разочаровались в кумирах Февраля. После поражения Корнилова Керенского невзлюбили и справа, и слева. По утверждению Троцкого, личная неприязнь к премьеру со стороны членов Петроградского Совета в значительной степени предопределила его большевизацию. Однако на деле за «большевизацией» скрывалась скорее растерянность, нежели решительный выбор. «Настоящего большевистского большинства» в столичном Совете еще не было, свидетельствовал Н. Н. Суханов. Тем не менее его меньшевистско-эсеровские руководители решили подать в отставку^{***}.

31 августа пленум Петроградского совета большинством голосов утвердил резолюцию большевиков, в которой говорилось о необходимости установления в стране новой власти из представителей революционного пролетариата и беднейшего крестьянства. 5 сентября вопрос о власти обсуждался на объединенном пленуме московских Советов. Большинство голосов (355 против 254) была принята большевистская резолюция^{****}.

Ленин учитывал неустойчивость массовых настроений. Узнав о «большевизации» столичных Советов, он тут же заговорил о «компромиссах», как будто по-прежнему нацеленных на мирное вытеснение меньшевиков и эсеров с

* Письма – больше, чем воспоминания... С. 284.

** Цит. по: Дудаков С. В. И. Ульянов: знакомый незнакомец // Россия и современный мир. 2008. № 3(60). С. 119.

*** Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 3. М., 1992. С. 149–152.

**** См.: Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). Август 1917 – февраль 1918 г. М., 1958. С. 37–38; Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве: Документы и материалы. М., 1957. С. 302.

горизонтов власти. Однако, почувствовав, что «соглашателям» удастся в очередной раз настоять на коалиции с «буржуазией», он вновь заговорил о том, что большевики должны взять государственную власть*.

Поднять недоумевающие массы на восстание против «непонятной» власти было непросто. Переворот казался большевикам лишь крайним вариантом развития ситуации.

* См.: Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде. М., 1989. С. 204–205.

Глава 5. ДЕМОКРАТИЯ ПЕРЕД ЛИЦОМ ОХЛОКРАТИИ

1. Власть в поисках опоры (В. П. Булдаков)

Зарубежные представители встретили образование нового правительственного кабинета с некоторой надеждой. Вместе с тем французский, английский и итальянский послы в коллективной ноте заявили, что внутренние события «внушают опасение в силе сопротивления России и в возможности для нее продолжать войну». От обновленного Временного правительства требовали «доказать на деле свою решимость применить все средства в целях восстановления дисциплины и истинного воинского духа в армии, а равно обеспечить правильное функционирование правительственного аппарата как на фронте, так и в тылу». Только при этих условиях российское правительство может рассчитывать на «полную поддержку союзников». По признанию Терещенко, эта коллективная нота произвела на правительство «тяжелое впечатление». Разумеется, Керенский в очередной раз заверил союзников в том, что ни материальные затруднения, «ни внутренняя смута» не смогли сломить решимости правительства в полном единении с союзниками довести войну до победного конца^{*}.

Правительство делало вид, что намеревается пересмотреть соглашения с союзниками о целях войны, однако не стало поднимать этот вопрос перед представителями Антанты. Перед армией ставилась задача осуществления «активной обороны». 11 октября на закрытом заседании Временного правительства Терещенко предлагал отбросить лозунг «война до победного конца», поскольку он утратил свою притягательную силу и заменить его лозунгом «война до боеспособности армии»^{**}. Предполагалась коренная реорганизация армии: сокращение ее численности, расформирование ненадежных частей и создание вместо них новых полноценных боевых единиц, уменьшение числа запасных полков, реорганизация тыловых учреждений, сокращение вспомогательных частей. Вместе с тем для пополнения убыли к 1 мая 1918 г. требовалось призвать дополнительно около 1 млн человек. Рекомендовались и

^{*} Экономическое положение России... Ч. 2. С. 514–515; Сидоров А. Л. Финансовое положение России... С. 478–479.

^{**} Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 12 октября.

соответствующие меры в тылу, в частности более широкое использование женского труда в промышленности и на транспорте, привлечение лучших из увольняемых солдат к работе в милиции^{*}. Вряд ли этот план соответствовал настроениям масс.

Нереалистичными становились и внешнеполитические амбиции. Терещенко продолжал настаивать на минимальных условиях, на которых Россия могла бы в будущем заключить мир: сохранение доступа к Балтийскому морю; обеспечение свободного доступа в Средиземное море и сношений с южными морями; обеспечение экономической независимости России^{**}. Зато в отношении соглашений о разделе Азиатской Турции Терещенко, как и Керенский, предпочитал отстаивать принцип «самоопределения наций». В отличие от Милюкова, он полагал, что распределение малоазиатских территорий между несколькими державами может в будущем создать для России серьезные трудности. Особенно остро они могут сказаться в случае решения о нейтрализации проливов. По его мнению, наилучшим решением был бы переход проливов в собственность России^{***}.

Эти планы все более расходились с реальными возможностями. Последние попытки Временного правительства свелись к тому, чтобы выпросить у американцев 75 млн долларов на покрытие расходов в Финляндии. Но посол Френсис уведомил свое правительство, что Балтийский флот открыто не повинуется правительству, а русские солдаты в Финляндии находятся под влиянием местного Совета. Вместе с тем он по-прежнему был уверен, что «Россия со временем уплатит по всем обязательствам»^{****}. Западные политики не могли представить, что Россию ждет очередной переворот, способный кардинально изменить ее историческую судьбу.

В такой обстановке 8–15 сентября и проходил Съезд народов, задуманный Центральной радой еще весной. Окраинные политики попытались предложить свои планы переустройства России. Полнотой представительства съезд не отличался: слишком необычен был его замысел и трудно было совместить его со стремительно меняющимися политическими реалиями. Даже сведения о составе участников не отличались определенностью: действительными были признаны 86 мандатов представителей 13 национальных и национально-конфессиональных объединений – казаков (настаивавших на признании себя особой «нацией»), украинцев, крымских татар, эстонцев, латышей, поляков, молдаван, евреев, белорусов, грузин, азербайджанцев, литовцев, бурят и мусульман. Временное правительство представлял председатель Особого совещания по проведению областной реформы М. А. Славинский (некогда украинский прогрессист).

^{*} Исторический архив. 1961. № 4. С. 97–101, 104–107.

^{**} Васюков В. С. Указ. соч. С. 448–449.

^{***} Былое. 1918. № 12. С. 20–21.

^{****} Сидоров А. Л. Финансовое положение России... С. 481.

Открывая съезд, М. С. Грушевский, избранный его почетным председателем, настойчиво проводил мысль, что политическая свобода неотделима от федерации и Временное правительство наконец-то это признало, а потому, ради спасения России от гибели, надо преобразовать ее на федеративных основаниях. М. А. Славинский не только поддержал мысль Грушевского, но даже уверил, что Временное правительство само намеревалось провести подобный съезд в столице. Однако правительство не вправе провозгласить федеративный строй, а потому надо ждать Учредительного собрания, преодолевая недоверие к нынешней власти*.

Примечательно, что участники съезда оказались едины (по крайней мере внешне) в том, что задача сдерживания анархии является первоочередной сравнительно с самоопределением народов**. Выступая на закрытии съезда, М. А. Славинский вслед за М. А. Грушевским подтвердил, что все народы продемонстрировали единство с русским народом и Временным правительством, вся демократия России объединилась в вопросе о признании федерации***. Налицо была очередная попытка выдать желаемое за действительное.

Общая резолюция съезда на первый план выдвигала идею культурно-национального самоопределения, рекомендовалась немедленная реорганизация армии по национальному принципу и созыв местных учредительных собраний до общероссийского. Фактически это означало, что последнему придется либо санкционировать их решения, либо войти в прямой конфликт с теми или иными народами. Судя по принятым резолюциям, его участники настаивали на «асимметрии» в решении национального вопроса, что формально соответствовало не демократической, а имперской традиции.

Любопытно, что со своими инициативами о федерализации страны практически одновременно выступил 2-й Донской Войсковой Круг. 12 сентября после обсуждения доклада представителя Кубанского войска, поддержанного представителем Терского войска, приняли постановление об участии в созываемой 20 сентября конференции в Екатеринодаре, на которой предполагалось создать «союзный орган» для защиты краевых интересов. Это также рассматривалось как шаг к федерализации России****.

Нет ничего рискованней административного рвения слабеющей власти. Масла в огонь последовательно подливали такие правительственные акты, как сентябрьское объявление России «демократической республикой» (многие тут же захотели, чтобы это словосочетание украсило слово «федеративная») или официальный роспуск 6 октября обеих палат давно несуществующего российского парламента, да еще накануне созыва непонятно для чего потребовавшегося «Предпарламента».

* Булдаков В. П. Хаос и этнос. С. 408–410.

** Рафес М. Два года революции на Украине. Раскол «Бунда». М., 1920. С. 40.

*** Киевская мысль. 1917. 17 сентября.

**** Булдаков В. П. Хаос и этнос. С. 410–411.

Именно под давлением страстей с улицы, с одной стороны, демонстративной безапелляционности того же Троцкого – с другой, безнадежно запутались и делегаты так называемого Демократического совещания, состоявшегося 14–22 сентября в Петрограде. На нем присутствовало непомерное число участников – 1582 человека от Советов, профсоюзов, армейских организаций, кооперации. Вновь преобладали эсеры – 532 человека; меньшевиков было 172, большевиков – 136, трудовиков – 55. Меншевицско-эсеровское большинство почему-то посчитало, что судьбы страны зависят от того, как «революционная демократия» договорится с «буржуазией» по вопросу о формировании правительственного кабинета. И тут выяснилось, что резолюция о коалиции с буржуазией собрала незначительное количество голосов. Идея партийного единения провалилась. «Жалкая карикатура на Учредительное собрание – Демократическое совещание – выдыхалось, гасло, обращаясь в водотолчею», – так оценивали его более практичные* люди.

Впрочем, оставались и «оптимисты». «На меня, приехавшего из провинции, сильнейшее впечатление производит выступление Керенского», – признавался М. М. Пришвин 14 сентября. Однако столичные журналисты встретили его восторги с недоумением. «Мало-помалу, – признавался он, – и мной овладевает то же странное состояние: это не жизнь, это слова в театре, хорошие слова, которые останутся словами театра»**. Вопреки ожиданиям, Демократическое совещание пошатнуло авторитет министра-председателя. «Если бы страстность, с которой Керенский выступает на трибуне, отвечала его... всегдашней работе, Керенский был бы поистине велик, – писал один из его бывших почитателей. – ...Но, являясь отличным полемистом с трибуны, Керенский иногда не в состоянии справиться со своей спазматической горячностью... И это придает его аффективному резкому тону характер бессилия»***. Таких лидеров обычно добивают люди более решительного склада.

Демократическое совещание приняло решение о создании еще одного законосовещательного органа – Временного совета Российской республики (тут же получившего обиходное, звучащее уничижительно, название – «предпарламент»). Он составил из 555 человек, вновь преобладали эсеры – 135 делегатов, меньшевиков было 92, народных социалистов – 30. Кадеты получили 75 мандатов, большевики – 58. Сомнительно, чтобы это отражало реальный расклад политических сил. Налицо была еще одна псевдопарламентская декорация, не способная своими словопрениями подпереть падающую власть.

«...Я видел большевика – ехавшего с Демократического совещания солдата, – писал один из патриотичных интеллигентов. – Я никогда не видел такой физиономии. Это ужасное – “лицо без лица”... Я убежден, что он сумасшедший, ходящий между нами... Он – ни минуты не молчит. Он – все говорит...

* *Вознесенский А. Н.* Москва в 1917 году. М.; Л., 1928. С. 116.

** *Пришвин М. М.* Указ. соч. С. 85.

*** Киевская мысль. 1917. 21 сентября.

металлическим, никчемным голосом, с митинговыми интонациями... И, как многие ненормальные люди, он логичен и убедителен... Этот человек похваляется тем, что солдаты не будут воевать»^{*}.

Приход таких людей был подготовлен беспомощностью существующей власти и ее политического окружения.

2. Церковь: вера и власть (Т. Г. Леонтьева)

В июне 1917 г. Предсоборный совет собрал обширную (свыше 60 человек) совещательную коллегию из епископов, клириков и мирян (главным образом профессуры, ориентированной на партию кадетов). Здесь же оказались священники, состоявшие в социалистических партиях. Не удивительно, что в определении стратегии тактики церковной политики собравшиеся разделились.

Среди либералов не было единства относительно взаимоотношений государства и церкви. П. И. Новгородцев считал, что «обязанность государства чтить святыню народной души», Е. Н. Трубецкой утверждал, что «религиозное чувство народа крепко связано с государством». Предполагалось, что подобная связь будет противостоять «кощунству большевиков». А в общем опасались, «как бы епископат не утратил значения», а потому уверяли, что никогда не выступали за отделение церкви от государства^{**}.

Радикальное крыло, возглавляемое профессором А. И. Покровским, выступало за полное отделение церкви от государства и принятие синодально-соборной структуры управления, но в итоге возобладала точка зрения «умеренных» депутатов. В принятых Предсоборным советом «Основных положениях о правовом положении Православной церкви в России» говорилось о независимости церкви от государства при сохранении государственных дотаций. В конце июня – начале июля МВД совместно с представителями Предсоборного совета выработало проект урегулирования взаимоотношений власти и религиозных обществ. Церкви предоставлялись полная свобода и самостоятельность, но ее органы действовали под надзором правительства там, где они соприкасались со сферой государственных правоотношений, например по вопросам метрикации. Предусматривались ассигнования на нужды церкви. Скорее всего, подобный закон устроил бы подавляющую часть священников. Однако проект не был принят^{***}.

5 августа 1917 г. последовало правительственное решение об упразднении поста обер-прокурора и учреждении Министерства исповедания. Ставший

* Судьба Юрия Никольского (Из писем Ю. А. Никольского к семье Гуревич и Б. А. Садовскому. 1917–1921) // Минувшее. Т. 19. С. 149.

** Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. С. 201–202.

*** *Поспеловский Д. В.* Указ. соч. С. 36; *Титлинов Б. В.* Указ. соч. С. 120–130.

министром А. В. Карташев сохранял обер-прокурорские права до уточнения их предстоящим Собором. Правительство фактически признало Русскую Православную церковь (РПЦ) «первой среди равных» – министр исповеданий и два его заместителя должны были принадлежать к православию*.

Карташев вспоминал, что министры уверовали в возможность разрушить «стену отчуждения» между церковью и народом**. Однако, следуя традиции атеистического просветительства, они по-своему оценивали религиозность масс. А между тем рост антиклерикальных настроений в армии, захваты крестьянством церковных земель приобретали характер угрозы для системы в целом***. Как следствие, в среде духовенства нарастало недовольство правительственной политикой.

В такой обстановке проходили выборы на Поместный Собор. Примечательно, что в выборах впервые участвовали женщины****. Открывшийся 15 августа, он стал не только самым представительным (было избрано 564 депутата: 80 архиереев, 165 приходских клириков, 20 монашествующих и 299 мирян), но и самым демократичным за все время существования РПЦ. На открытии А. Ф. Керенский поручил Собору «выработать и внести на утверждение Временному правительству законопроект о новом порядке самоуправления Русской Церкви». Собор должен был призвать народ и армию к «благоразумию, порядку и спокойствию»*****.

24 августа депутаты обратились к народу, а также отдельно к армии и флоту с призывом отбросить взаимную нетерпимость, забыть внутренние противоречия и исполнить свой гражданский и воинский долг. Тем не менее обращение к Собору за поддержкой от генерала Корнилова осталось без ответа. В постановлении Собора от 1 сентября подчеркивалось, что «власть должна быть не партийной, а всенародной», и потому православная церковь не принимает участия в борьбе политических партий*****.

Уже в ходе первых заседаний в среде «соборян» обнаружилось серьезные разногласия – прежде всего по вопросу о восстановлении патриаршества. Радикальное крыло, куда входили представители белого городского духо-

* *Карташев А.* Революция и собор 1917–1918 гг. С. 76–77; *Одинцов М. И.* Государство и церковь (История взаимоотношений. 1917–1938 гг.). М., 1991. С. 4–5; *Флоровский Г.* Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 342–343, 357–358.

** *Карташев А. В.* Временное правительство и русская церковь // *Современные записки.* Париж. Кн. 2. 1933. С. 369–390.

*** См.: *Емелях Л. И.* Указ. соч.

**** *Шульц Г.* Поместный Собор 1917–1918 гг. и его место в истории Русской православной церкви // *Священный Собор. Первая сессия.* С. 9.

***** *Священный Собор. Первая сессия.* С. 29–30; *Евлогий (Георгиевский), митр.* Указ. соч. С. 270; *Смолич И. К.* Русская церковь во время революции // *История русской церкви.* Кн. восьмая. Часть вторая. М., 1997. С. 736.

***** *Священный Собор. Первая сессия.* С. 54–55.

венства и профессуры духовных академий, стремясь ослабить позиции монашества и епископата, предлагало учредить демократически-коллегиальную систему управления (по сути – усовершенствовать синодальную), где священник получал бы такое же право голоса, как и архиерей. Представители епископата, представляющие по преимуществу настроения черного духовенства, склонялись к идее единоначалия*. Но по мере нарастания хаоса в стране участники Собора стали осознавать, что против церкви «поднята беспощадная война» и противостоять разгулу антирелигиозных сил можно лишь во главе с патриархом**.

В условиях усиливающейся пропаганды «латинства, протестантства, раскольничества, социализма и безбожия» особую остроту на сессиях Собора приобретал вопрос о миссионерстве. Предлагалось «обеспечить миссионерское влияние на рабочие организации или войти в них в целях религиозного оздоровления» и использовать монашествующих обоого пола***. Однако большинство высказывалось против подобного нововведения.

Чрезвычайно заострилась и требовала незамедлительного решения проблема духовных учебных заведений, от эффективности работы которых зависел процесс воспроизводства духовенства. Здесь особо сказались последствия войны: по сути, духовная школа в среднем (и главном) звене разрушалась. Повсеместно здания семинарий переоборудовались под госпитали и лазареты. Денег для выплаты жалованья преподавателям не стало. За счет епархиальных средств выдавались «военные прибавки», но рассчитывать на стабильность их поступления не приходилось. Нарушая веками сложившийся этикет, отчаявшиеся администраторы напрямую обращались за помощью и в Учебный комитет Синода, и к начальству московского Учебного округа****.

Осенью 1917 г., чтобы хоть как-то поддержать жизнь умирающей школы, в епархиях проводили подписки и сборы средств в пользу нуждающихся воспитанников. В Тверской епархии, где семинария оказалась под угрозой закрытия, администрация обратилась к родителям, чтобы те снаряжали учеников продуктами и одеждой. Но средств по-прежнему не хватало, и с разрешения Синода 1917–1918 учебный год пришлось сократить – он длился с 1 ноября по 1 марта. В таком же режиме работали и кое-где уцелевшие церковно-приходские школы. В Новгороде и Пскове здания общежитий семинаристов были переоборудованы под госпитали – учащиеся, лишённые возможности

* Священный Собор. Первая сессия. С. 13, 83–84, 86; *Евлогий (Георгиевский), митр.* Указ. соч. С. 268.

** Священный Собор. Первая сессия. С. 54–55, 89–90.

*** *Поглазова Н.* Собор Русской Православной церкви 1917–1918 гг. о внешней и внутренней миссии (обзор трудов Собора) // Миссия церкви и современное православное миссионерство. Международная богословская конференция к 600-летию представления свт. Стефана Пермского. М., 1997. С. 69, 70, 71, 73–74.

**** См.: ГАТО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 1553. Л. 9–12, 97; Д. 1552. Л. 149, 174.

платить за квартиру, покидали школу*. Впрочем, семинарии и без того доживали последние дни.

Большевицкая революция подтвердила самые мрачные ожидания российских служителей культа, из всего религиозного сообщества ею восторгались разве что скопцы**. В ответ на Декрет о земле, отменявший право собственности на монастырские и церковные земли, «Декларацию прав народов России» (ноябрь 1917), провозглашавшую свободу совести и отмену религиозных привилегий, и обращение В. И. Ленина «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», 2 декабря Собор принял Определение о правовом положении РПЦ – своеобразную программу, нацеленную на урегулирование отношений с новой властью. Главный пункт Определения – требование первенствующего положения православной церкви.

Тем временем на местах отношение к православным священникам ухудшалось***. Органы самоуправления, которые все основательнее заполняли солдаты, матросы, командированные агитаторы, нередко – уголовные элементы, развернули борьбу против «контрреволюционного» духовенства. В среде крестьянства прежние установки «решать по совести», «жить миром и ладом» теряли свое дисциплинирующее воздействие. Некоторые местные начальники, особенно из бывших «окопников», занялись «раскулачиванием» попов и монахов – отбирали причтовые земли и скот, вводили «чрезвычайные налоги» и «единовременные взносы», не раздумывая, расправлялись с «контрреволюционерами в рясах»****. К примеру, в Слуцке местный Совет рабочих и солдатских депутатов принял резолюцию, осуждающую деятельность монахов Слуцкого монастыря, якобы ведущих погромную агитацию под руководством архимандрита Афанасия*****. Порой крестьяне намеренно обвиняли в «контрреволюционности» рядовых священников, рассчитывая завладеть причтовой землей*****.

Озлобленные войной прихожане не упускали случая поиздеваться над ставшим беззащитным попом. Когда в октябре 1917 г. в Уфимской губернии благочинный выступил против брошюры «Новая нагорная проповедь»,

* ГАТО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 1550. Л. 35; Д. 1552. Л. 6, 174.

** См.: *Engelstein L.* Castration and the Heavenly Kingdom. A Russian Folktale. Ithaca and London, 1999. P. 200–201, 226–227.

*** РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 731.

**** Подробнее: *Ианнуарий (Недачин), архим.* Духовенство Смоленской епархии в гонениях конца 1917 – начала 1919 года. Архангельск, 2013. С. 14–20, 25, 30. По Тверской губернии: ГАТО. Ф. Р–1998. Оп. 1. Д. 374. Л. 39.

***** Рассвет. 1917. № 7. 30 августа. С. 33.

***** См.: *Леонтьева Т. Г.* Православное духовенство и революция // К истории русских революций. События. Мнения. Оценки. Памяти И. И. Минца. М., 2007. С. 582–602.

местный крестьянский Совет решил его арестовать^{*}. В Казанской губернии крестьяне возмущались тем, что в связи с грабежами помещиков местный священник вздумал напоминать им о заповеди «Не укради»^{**}. Изгнания священников стали обычными в Смоленской губернии^{***}. «Жизнь священника превратилась в мученический подвиг», – скорбно заключал настоятель из Тверской епархии^{****}.

Случались и явления вовсе не привычные для православной культуры – иные дезертиры сами превращались в странствующих проповедников, смущающих народ «христианскими» призывами об «отозвании населения с фронта» и к дележу запасов продовольствия^{*****}, а солдаты-отпускники пробирались на амвон для произнесения революционных речей^{*****}.

Приходское духовенство было и само дезориентировано, стремительно развивались процессы, ведущие к саморазрушению православной церкви, что проявилось в откровенных попытках части священников мимикрировать соответственно новым политическим реалиям, а также в участившихся случаях девиантного поведения^{*****}.

Ни государство, ни церковное ведомство некоторое время попросту не замечали проблемы низового духовенства и тем более не располагали капиталами для его поддержки. Скучный быт и притеснения подталкивали обиженных и напуганных клириков к расцерковлению. Как и после Февраля, прокатилась целая череда добровольных и вынужденных отставок^{*****}. Основной мотив снятия сана обывательски умудренно был сформулирован одним из заявителей: «...Уж очень много неприятностей, и в будущем хоро-

* Революционная борьба крестьян Казанской губернии и накануне Октября. Казань, 1958. С. 148.

** Сафонов Д. А. Указ. соч. С. 225–226.

*** Подробнее: *Ианнуарий (Недачин)*, архим. Указ. соч. С. 32–33; ГАТО. Ф. Р-1998. Оп. 1. Д. 252. Л. 7.

**** ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 658. Л. 4–5; Д. 649. Л. 1–11; Д. 794. Л. 26 об.; Д. 577. Л. 2. Конфликтовали с настоятелями и псаломщиками. См.: ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 628.

***** Описание одного такого случая, относящегося к середине апреля, см.: *Луговкин А. А.* Указ. соч. С. 108–109.

***** *Нарский И. В.* Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. С. 159.

***** Письма во власть. С. 30; *Евлогий (Георгиевский)*, митр. Указ. соч. С. 264–266 и др. Примечателен конфликт в Донском монастыре: монахи, требовавшие смещения настоятеля, организовывали митинги, на которые приглашали рабочих и солдат (*Колоницкий Б. И.* Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 г. СПб., 2001. С. 63).

***** *Авдеев Н.* Указ. соч. С. 121.

шего ничего не предвидится»^{*}. В таких условиях некая группа духовных лиц обратилась к «гражданину Ленину» с просьбой освободить их забытое «пролетарское сословие» от тиранов-архиереев, «снять с него позорную одежду», а в свою очередь обещало новой власти «служить верой и правдой»^{**}.

Все больше расходились интересы священников и паствы. Многочисленные случаи изгнания священников из приходов, склоки из-за треб, закрытие церквей и даже акты глумления над иконами^{***}, конечно, не следует рассматривать как начало утверждения атеистического мировоззрения. Крестьяне хотели «хороших» попов – говорящих «мужицкую правду», обучающих «полезному» и не берущих денег. Одним словом, перед духовенством встала элементарная задача выживания.

В такой обстановке сами собой отпали последние сомнения на счет введения патриаршества. 28 октября Собор вынес постановление о восстановлении канонических начал^{****}. Так, вместо идеи укрепления института церкви через упрочение прихода возобладало стремление поддержать ее через наиболее зримый символ власти.

Избрание патриархом митрополита московского Тихона состоялось 5 ноября. Вопреки традиции церемония проходила в храме Христа Спасителя, а не в Кремле, где обосновались большевики. Новое правительство «потеснилось» лишь 21 ноября – в день интронизации. Митрополит Евлогий вспоминал, что толпы москвичей, собравшихся возле Успенского собора, объединяла надежда, что патриарх прекратит «гибельный» революционный процесс – ведь даже иные красноармейцы все еще благоговейно снимали шапки при его появлении^{*****}. Однако церемония сопровождалась непристойными выходками рабочих и солдат из кремлевского караула, которые поворачивались спиной к крестному ходу, пели кто «Марсельезу», кто – похабные песни^{*****}. Так завершился двухвековой синодальный период в истории Русской православной церкви.

3. Ленин и Троцкий: идеи и массы (В. П. Булдаков)

Сложившуюся к осени ситуацию Ленин охарактеризовал как «общенациональный кризис», связанный с активизацией масс, хозяйственной разрухой и ослаблением властного начала. На деле власть попросту лишилась ближай-

* ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 811. Л. 1.

** Цит. по: Церковные ведомости. Прибавления. 1918. № 17–18. С. 574–575.

*** Емелья Л. И. Указ. соч. С. 72–91, 149–150.

**** Священный Собор. Первая сессия. С. 145.

***** Евлогий (Георгиевский), митр. Указ. соч. С. 281.

***** Священный Собор. Первая сессия. С. 145.

шей психологической поддержки. «Помните, как погиб старый режим? – вопрошал 16 октября в “Утре России” известный публицист Т. Ардов. – Он погиб, когда стал смешным. И вот теперь оглянитесь вокруг. Где вдохновенный пафос? Умер. Где доверие? Исчезло. Где сила? Ее нет. И вот приходит и оно, самое последнее: глум, неудержимый глум... Психологический круг совершился и “строй” стал смешным».

Большевики постарались представить существующую власть преступной. Это было не столь сложно. Наиболее органично решал эту задачу Л. Д. Троцкий. «Вот пришла великая революция и чувствуется, что как ни умен Ленин, а начинает тускнеть рядом с гением Троцкого», – такую фразу произнес в свое время Луначарский*. Троцкий никого не оставлял равнодушным – из-за язвительности по отношению к противникам. «...Вот имя, которое публика повторяет все чаще теперь... – писала о нем «Киевская мысль». – Имя, собравшее вокруг себя уже огромные каталоги восторгов и брани... Троцкий владеет всеми оттенками сарказма... Троцкий весь свой талант превращает в игру остроумия – остроумия злого, тщеславного и парадоксального... Троцкий никогда не способен превратиться в раба идеи. Но жажда аплодисментов нередко превращает его в раболепного демагога...»** Ф. Степун находил Троцкого «импрессионистически-острым и надменно-умным»***. Но есть свидетельства другого рода: «Чернь слушает Троцкого, неистовствует, горит. Клянется Троцкий, клянется чернь. В революции толпа требует позы, немедленного эффекта»****.

Что касается Ленина, то оратором он был плохим, но некоторые находили, что он «больше, чем оратор», ибо «умел ощущать аудиторию, умел возвышаться над ней», зная, что «толпа любит поработиться»*****. Ленин искренне осуждал фразерство и пафосность; выступал против вульгаризации языка ради доступности. Характерно, однако, что он обожал использовать гипертрофирующие приставки: архи-, гипер-, квази-, ультра- и анти-*****. Вольно или невольно он был нацелен на то, чтобы возбуждать и страшить людей. Некоторых интеллигентов именно это и впечатляло. А. Н. Бенуа писал, что ленинские статьи производили на него «потрясающее впечатление простотой своих безапелляционных и как будто до конца искренних и бесстрашных утверждений»*****.

* Луначарский А. В. Великий перелом. Октябрьская революция. Ч. 1. Пб., 1919. С. 78.

** Киевская мысль. 1917. 27 сентября.

*** Степун Ф. Указ. соч. С. 345.

**** Никитин Б. В. Указ. соч. С. 209.

***** Чернов В. М. Ленин // Воля России. Прага, 1924. № 3. С. 35.

***** См.: Lehtikoinen R. Словарь революции – революция в слове? Helsinki, 1990. С. 219–224.

***** Бенуа А. Н. Указ. соч. С. 185.

Характерны заявления Ленина о том, что надо «следовать за массой», и понимание им «высшей» формы демократии, как насилия большинства над меньшинством^{*}. Однако внешне Ленин не производил особого впечатления. По мнению Ф. Степуна, это был «неладно скроенный, но крепко сшитый... небрежно одетый, приземистый» человек, преподносящий «свою серьезную марксистскую ученость в лубочно упрощенном стиле», но умеющий говорить убедительно «даже при провозглашении явных нелепостей»^{**}. «Это очень невзрачная фигурка, небольшой, хотя и коренастый человек, лысый, с мелкими чертами лица, маленькими глазками – тип умного интеллигентного ремесленника... – таким показался он бывшему эсеру-максималисту. – ...Трудно назвать его даже фанатиком. ...Перед нами очень трезвый человек... И в анализе его почти все верно, но до невероятности все упрощенно и схематично». Именно последнее требовалось полукрестьянской толпе. По мнению этого очевидца, на поставленные Лениным задачи отвечала сама масса в том «упрощенном виде, который приводит в ужас даже Ленина...»^{***} Только вряд ли Ленин действительно ужасался.

С. Есенин попытался передать эффект ленинских выступлений такими строками: «...Он мощным словом / Повел нас всех к истокам новым... / И мы пошли под визг метели, / Куда глаза его глядели: / Пошли туда, где видел Он / Освобожденье всех племен...» Так могли воспринимать Ленина только люди, принимавшие социалистические идеи.

Сохранились и не менее характерные свидетельства другого рода. «Ленина я слышал во время одной из знаменитых речей с балкона дворца Кшесинской, – вспоминал гимназист из “буржуев”. – ...Речь спокойная, без жестов и крика, внешность совсем не “страшная”... Содержание этой речи я понял... по поведению окружающих... Слушатели... Ленина готовы были... сорвать у прихвостней буржуазии и ее детенышей головы. Надо признать – такого раствора социальной ненависти мы еще не встречали, и мы “сдали”; не только испугались, но психологически были как-то разбиты»^{****}. Очень похожую ситуацию описал другой очевидец. Ленин показался ему «сильным оратором», который сопровождал свою речь с балкона дворца Кшесинской «энергичными и резкими жестами, ударяя по балюстраде кулаком». За попытку сорвать его выступление криками «Браво, Кшесинская!» юные гардемарины едва не были избиты. Ф. Степун находил в Ленине нечто «архаически-монументальное» – это был человек, который «жил массовой психологией» и при этом соединял «марксистскую схоластику» с «бакунинской мистикой разрушения»^{*****}.

* См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 34, 35; Т. 37. С. 391.

** Степун Ф. Указ. соч. С. 383.

*** Минувшее. 1996. Т. 20. С. 134.

**** ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 370. Л. 22–23.

***** Реден Н. Сквозь адрусской революции. Воспоминания гардемарина. 1914–1919. М., 2006. С. 79–80; Степун Ф. Указ. соч. С. 345, 358, 384.

Между тем к 1917 г. существующая власть была попросту недостойна серьезного инсургента. К тому же в хаосе тех дней претендовать на эту роль было некому. Протоколы VI съезда большевистской партии (26 июля – 3 августа 1917 г.), на котором, как считалось, и выкристаллизовалась идея антиправительственного заговора, обнаруживают скорее недоумение присутствующих. Если Ленин засыпал съезд отчаянными призывами к подготовке восстания*, то резолюции съезда лишь заученно повторяли мысль о «полной ликвидации диктатуры контрреволюционной буржуазии» и завоевании пролетариатом государственной власти**. В лучшем случае съезд уныло плелся в хвосте ленинских предложений.

По иронии или намеку судьбы руководящая роль на съезде досталась Сталину. Выглядел он неуверенно. Черета высказываний о том, что «война продолжается, экономическая разруха растет, революция продолжается, получая все более социалистический характер», звучала неубедительно. То же самое относится к заявлениям о том, что «именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму»***. Делегатов, больше надеявшихся на пришествие мировой революции, откровенно раздражали попытки выдать все это за «марксизм творческий». Более убедительно на этом фоне выглядела резолюция об экономическом положении, где во главу угла ставилась организация «правильного обмена между городом и деревней, опирающаяся на кооперативы и продовольственные комитеты» и т. д.**** Но под этими словами подписался бы любой, обычно сочувствующий правым эсерам, средний кооператор.

Делегаты вели себя на манер сельского схода, бестолково переминающегося с ноги на ногу в ожидании авторитетного начальства. Этот съезд ничего не решал и не мог решить.

Настроение недоуменного ожидания в обывательской среде усиливалось. 17 сентября ярославская газета «Голос» опубликовала унылое стихотворение одного из читателей. Среди прочих там были и такие строки: «И каждый день несет невзгоды, / Позор и обнищание стране, / Потерю нам доставшейся свободы...»***** Это были слова пассивной жертвы событий. И таких людей становилось все больше. Однако Ленин различал в происходящем только возможность свержения власти с помощью доведенных до отчаяния масс. Причем последних он вовсе не идеализировал. «Лишенные возможности получить ясные руководящие указания, инстинктивно чувствующие фальшь и неудовлетворительность позиции официальных вождей демократии, массы принуж-

* Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 2, 5.

** См.: Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы. М., 1959. С. 142–143, 256–257.

*** Там же. С. 111, 143, 250.

**** Там же. С. 181, 258–259.

***** Цит. по: *Ольнева О. В., Федюк В. П.* Указ. соч. С. 282.

дены ощупью сами искать пути... В результате под знамя большевизма идет всякий недовольный, сознательный революционер, возмущенный борец, тоскующий по своей хате и не видящий конца войны, иной раз прямо боящийся за свою шкуру человек...»^{*} Пожалуй, самым примечательным в этом пассаже то, что «сознательный революционер» и шкурник ставились в один ряд. Из такого смешение крайностей и рождалось умение выдавать желаемое за действительное.

Тем не менее большевики шаг за шагом завоевывали доверие все более возбуждавшихся масс. В октябре «сборища Петроградского Совета были не заседаниями, а столпотворениями, – свидетельствовал Ф. Степун. – Здесь все находилось в движении... это была какая-то адская кузница... Воля, чувство и мысли массовой души находились здесь в раскаленном состоянии... Особенно блестящ, надменен и горяч был в те дни Троцкий...» Степуна «унижало чувство бессильной злобы и черной зависти к тому стихийно-великолепному мужеству, с которым большевики открыто издевались над правительством...» С ними заодно были «все низменные силы революции»^{**}.

Большевизм был далек от идеалов пролетариата. Он скорее рассчитывал на бунт отчаявшихся людей. Для осуществления подобной задачи требовалась доходящая до слепоты вера в осуществимость своих идеалов.

4. Упадок промышленности и активизация пролетариата (В. П. Булдаков)

К осени 1917 г. стало очевидно, что попытки правительственного регулирования народного хозяйства не принесли успеха. Это касалось всех его отраслей, включая относительно успешные. Так, производство химической промышленности, начавшей было бурно развиваться, упало на 40 %. Даже почти целиком работавшая на оборону металлообрабатывающая промышленность, до революции наращивающая производственные мощности, также вступила в полосу упадка. За 1917 г. ее валовая продукция сократилась по сравнению с предыдущим годом на 32 %. Металлургическая промышленность Юга России так и не смогла оправиться от постигших ее еще до революции потрясений из-за расстройств транспорта, не обеспечивающего подвоз добываемого рядом угля и железной руды. Хуже всего обстояло дело в каменноугольной промышленности, где упадок наметился еще в 1916 г. В Донбассе добыча угля в октябре 1917 г. по сравнению с февралем уменьшилась на 23 %. Всего за 1917 г. было добыто угля на 14 % меньше, чем в предыдущем году. В целом производство угля в России было отброшено до уровня 1911 г. По некоторым дан-

^{*} Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 255–256.

^{**} Степун Ф. Указ. соч. С. 444–445.

ным, потребители недополучили 22,4 % жизненно необходимого им топлива. Вывоз донецкого угля снизился во второй половине 1917 г., положение особенно ухудшилось в октябре. По свидетельству главноуполномоченного по донецкому топливу И. Г. Сергеева, даже «слабый, пришедший в совершенное расстройство транспорт» забирал «все под метелку». Падала и нефтедобыча: в 1917 г. она снизилась почти на 14 % по сравнению с прошлым годом. Из-за нехватки цистерн в Грозном было закрыто несколько десятков скважин^{*}.

Упадок коснулся и текстильной промышленности. Из-за расстройства транспорта не удавалось обеспечить вывоз хлопка из Туркестана. Резко сократился выпуск одежды, обуви и других предметов массового потребления. 20 октября военный министр А. И. Верховский докладывал, что правительство не смогло «ни одеть, ни обуть» действующую армию^{**}. В тот же день правительство приняло решение о возобновлении работ на предприятиях кожевенной промышленности, угрожая при этом владельцам секвестром, а бастующим рабочим – увольнением^{***}. «Сапожная проблема» так и оставалась нерешенной.

К октябрю 1917 г. железнодорожное движение на наиболее важных направлениях оказалось полупарализовано. Руководители железных дорог считали, что полная приостановка железнодорожного сообщения – вопрос ближайшего будущего. На заседаниях Предпарламента отмечалась «почти полная закупорка Московского узла и прилегающих к нему направлений», что обернулось «почти полным прекращением подхода продовольственных грузов к Петрограду, Москве и Северному фронту». Для Москвы сокращение подвоза сырья и топлива составило около 40 %, для Петрограда подвоз снизился в 2,8 раза. В связи с этим в столице промышленное производство упало на 35 %, в Москве – на 11 %. Стали закрывать фабрики и заводы. Хозяйственная разруха породила массовую безработицу – явление, совершенно необычное для военного времени^{****}.

К осени 1917 г. сложившиеся формы рабочего движения стали все чаще захлестываться стихийным бунтарством – сказывалось ухудшение материального положения рабочих. По некоторым подсчетам, уже в мае 1917 г. питерские рабочие в среднем потребляли 1,5 ккал., в июле – 1,7, в сентябре – 1,6, а

^{*} См.: Волобуев П. В. Экономическая политика Временного правительства. С. 288–293; Экономическое положение России... Ч. 2. С. 86–87, 90–91, 108, 135, 140–142, 242, 254, 258.

^{**} Верховский А. И. Россия на Голгофе. Пг., 1918. С. 135.

^{***} Журналы заседаний Временного правительства. Т. 4. Сентябрь–октябрь 1917 года. М., 2004. С. 274.

^{****} См.: Экономическое положение России... Ч. 2. С. 248, 254, 267, 272, 357; Волобуев П. В. Экономическая политика Временного правительства. С. 294–297.

в ноябре всего 1,2 ккал.* Но статистика не учитывает в полной мере масштабы «самоснабжения» населения – в том числе с помощью мешочничества.

В значительной степени ситуация определялась «накалом страстей». Налицо был кризис спроса-предложения, который лишь обострялся бумажной эмиссией. В атмосфере повышенных ожиданий и постоянных разочарований рабочие необычайно остро реагировали на любые неурядицы – от бытовых (перебои со снабжением) до политических (кризисы власти). Вероятно, в связи с этим во второй половине сентября в Ярославле произошли «очень сильные волнения рабочих на продовольственной почве», грозящие перерасти в погром**. Постоянно возникали затруднения с выплатой заработной платы. Из Перми сообщали о нехватке денег для расплаты с рабочими оборонных заводов, причем ситуация была чревата «повсеместными забастовками, остановкой всех предприятий... и приостановкой железнодорожного сообщения. Совет съездов бакинских нефтепромышленников сообщал 16 августа, что для выдачи аванса рабочим-нефтяникам требуется около 15 млн мелкими купюрами, которых в местном отделении Госбанка нет***.

В особо трудном материальном положении оказывались железнодорожные служащие. Так называемая плехановская комиссия в течение 5 месяцев не смогла выработать рекомендации, которые удовлетворили бы их****. Но дело было не только в этом: состояние железных дорог было таково, что к осени их мог ожидать полный коллапс. На Государственном совещании их представитель эсер М. Д. Орехов, назвав железнодорожников «самыми обездоленными из самых обездоленных», пригрозил забастовкой в случае «контрреволюционных действий». Но, похоже, это не произвело на правых делегатов особого впечатления*****.

Железнодорожная забастовка все-таки разразилась. 21 сентября от лица профсоюзного объединения железнодорожников (Викжель) было заявлено, что «прохождение вопроса о повышении норм оплаты железнодорожного труда по различным инстанциям в течение 5 месяцев создало положение, при котором железнодорожная масса изверилась в возможности благополучного разрешения вопроса». Викжель потребовал издания декрета о нормах заработной платы, смены руководства железными дорогами, чистки раздутого центрального аппарата управления ими, наконец, правительственного содействия железнодорожному союзу. Забастовка должна была носить демонстра-

* Бингшток В. И., Каминский Л. С. Народное питание и народное здравие. М.; Л., 1929. С. 31.

** РГВИА. Ф. 1606. Оп. 2. Д. 972. Л. 137, 139.

*** Волобуев П. В. Экономическая политика Временного правительства. С. 364.

**** Борьба за массы в трех революциях в России. С. 230.

***** См.: Государственное совещание. С. 735, 736; Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. С. 206.

ционный характер. Как бы то ни было, она приобрела громадный размах, в значительной степени парализовав хозяйственную жизнь страны*. Обыватели не без оснований говорили, что забастовка «равносильна... позорному и неправимому проигрышу войны»**. Власть вынуждена была пойти на уступки.

Ввиду упреждения продовольственных трудностей Временное правительство уже давно предлагало осуществить «разгрузку» Петрограда – перевести полностью или частично предприятия на Урал, в Поволжье и на Юг России. Разумеется, при этом учитывалась и перспектива возникновения осенью продовольственных бунтов. Условия переезда обговаривались фабзавкоммами с предпринимателями; в отдельных случаях рабочим гарантировались комфортные условия переезда и размещения на новом месте с семьями***. Однако разгрузка так и не была произведена. В результате большевики, придя к власти, столкнулись в столице и с безработицей, и с продовольственными трудностями. Проблема была «решена» за счет дикой продотрядовщины и стихийного бегства рабочих из Петрограда.

Характерно, что предстоящая разгрузка возмутила и некоторых представителей интеллигенции. Так, слух о том, что правительство собралось эвакуировать Театральное училище, был расценен как его «закрытие»****. Действия власти перестали понимать.

Вместе с тем уже в конце сентября заговорили о том, что буржуазия бежит из столицы, дабы «оставить» рабочих немцам. Понятно, что определенная часть населения старалась уже тогда перебраться если не в имения, расположенные в относительно спокойных губерниях, то хотя бы быть поближе к плодородному Югу России. И тут выяснялось, что страховые кампании в связи с перспективой захвата столицы немцами оценивают свои риски (т. е. возможный ущерб клиентов) в полтора раза ниже. Тогда начинал возмущаться средний обыватель. «Вот в чем я согласен с большевиками: бегут из Петрограда, значит – хотят отдать его без сопротивления немцам», – писал один москвич*****. Возникал очередной ужасающий призрак «измены».

На радикализацию рабочих масс влиял и другой фактор: представление об усиливающейся репрессивности власти. Карательные действия по отношению к рабочим правительство осенью действительно пыталось предпринимать*****, но половинчатые репрессии еще больше озлобляли рабочих.

* Борьба за массы в трех революциях в России. С. 230.

** Богословский М. М. Указ. соч. С. 247.

*** Рабочее движение в 1917 году. М.; Л., 1926. С. 278–280.

**** Письма – больше, чем воспоминания... С. 283.

***** Окунев Н. П. Указ. соч. С. 88, 91.

***** Волобуев П. В. Пролетариат и буржуазия России. С. 246–282.

Конечно, стачечная активность вовсе не означала готовность «свергнуть буржуазию». Тем не менее забастовщики, численность которых в сентябре – октябре 1917 г. доходила, по некоторым подсчетам, до 2 млн человек, представляли важнейший деструктивный фактор общественной жизни. После июльских событий рабочим пришлось по-новому взглянуть на своих умеренных социалистических лидеров. Сам по себе подъем стачечной волны получал широкий резонанс. Об этом узнавал любой поглощающий газетную информацию крестьянин и солдат, факты обрастали невероятными слухами. В 20-х числах октября в Шуе и Иваново-Вознесенске в связи со стачкой текстильщиков власти собирались ввести военное положение. К октябрю в стачечное движение помимо железнодорожников втянулись госслужащие и работники муниципальных хозяйств – дело доходило до забастовок могильщиков московских кладбищ^{*}. Что касается «мятежного обывателя», то он готов был бунтовать против любых властей под влиянием перебоев в снабжении. Происходила прививка вируса социальной агрессии.

К тому времени фабзавкомы, возглавившие своего рода круговую оборону предприятий от предпринимателей и государства, оказались под влиянием большевиков (Ленин даже подумывал об использовании их для захвата власти). Напротив, профсоюзы, направляемые умеренными социалистами, отнюдь не помышляли об утверждении пролетарской государственности. Рабочие хотели быть независимыми в своих решениях, но в целом общий язык легче находили с Советами и особенно с потребительской кооперацией.

В деятельности фабзавкомов наибольшее распространение получил контроль над условиями труда и внутренним распорядком на предприятиях, наименьшее – деятельность по охране предприятий (рабочую милицию могли позволить себе лишь крупные заводы), финансовый контроль, прямое рабочее управление. При этом борьба с хищениями слабее всего велась на предприятиях пищевой промышленности. Если добавить к этому известную склонность фабзавкомовских лидеров «распределять» спирт, то станет очевидно, что природа этих органов была двойственной: выступая за сохранение производства в традиционных формах, в определенных условиях они могли предстать бунтарскими организациями. Эти органы не только мобилизовывали рабочих, но и развращали их. Летом 1917 г. среди части представителей фабзавкомов стало распространяться убеждение, что, участвуя в снабженческо-хозяйственной деятельности, рабочие помогают буржуазии эксплуатировать самих себя^{**}. Напротив, завком Путиловского завода разъяснял: «Приучаясь к самоуправлению на отдельных предприятиях, рабочие готовятся к тому времени, когда... орудия производства вместе с зданиями, воздвигнутыми руками рабочих, перейдут в руки рабочего класса»^{***}. Призывы такого рода уместнее

^{*} Булдаков В. П. Красная смута. С. 153.

^{**} Там же. С. 156.

^{***} Фабрично-заводские комитеты Петрограда в 1917 году. Л., 1979. С. 439.

всего относить к области социальной риторики, подсказанной большевиками. Как бы то ни было, к осени 1917 г. рабочие вышли за пределы обычного типа социального конфликта, характерного для западных стран.

Наибольшую активность демонстрировала молодежь. Весьма агрессивно вели себя такие представительницы «пролетариата», как прачки и солдатки. Многочисленные стачки столичных прачек не только основательно нервировали «чистую» публику, но и раскачивали психику всего населения Петрограда. Нечто подобное происходило и в ряде других мест. По городам Тверской губернии прокатилась волна бабьих бунтов, связанных с распределением продовольствия. В Уфе в начале мая ожидали «беспорядков на продовольственной почве» в связи с намечаемым митингом солдаток. Большевистские агитаторы не случайно зачастили к солдаткам. Так, в Минске они ухитрились поставить под свой контроль комитет городской думы, занимавшийся выдачей им специальных пайков, а затем организовали специальные справочные столы, которые использовали также в собственных агитационных интересах. Нечто подобное произошло и в Москве*. Фактически через солдаток большевики получали возможность воздействовать и на их мужей на фронте.

Несмотря на известного рода риторику и даже теоретические разработки, фабзавкомы почти не придавали значения задачам сохранения существующих форм производства. 12 октября их «Рабочий путь» осудил случаи ходатайств фабзавкомов о выдаче государственных субсидий на поддержание производства. Большевики становились лидерами архаичного бунтарства, окончательно вытесняющего трезвый расчет. Это прослеживалось и через взаимоотношения фабзавкомов с рабочей милицией и Красной гвардией.

Есть свидетельства, что именно с помощью рабочей милиции фабзавкомы держали под контролем внутреннюю жизнь предприятий. Последующая трансформация рабочей милиции в Красную гвардию была подхлестнута корниловщиной. Со временем эта часть пролетарской молодежи переключилась на продотрядовскую деятельность. Это укрепило способность большевиков к манипулированию рабочими коллективами. К тому же, в результате создания областных центров фабзавкомов осенью 1917 г. грань между фабзавкомами и профсоюзами стала стираться, а рабочие все более доверяли радикальным демагогам. Проходившая 12–17 октября 2-я конференция фабзавкомов Москвы потребовала национализации ряда отраслей, принудительного синдицирования, контроля государства над промышленностью и банками – всего того, что официально провозгласили большевики. Тем не менее в Петрограде в момент свержения Временного правительства во вторник 24 и среду 25 октября на предприятиях работа не прекращалась, хотя вечером накануне «исторического дня» на целом ряде заводов состоялись организованные большевиками митинги**.

* *Булдаков В. П.* Красная смута. С. 158.

** Там же. С. 159.

Несколько иная картина складывалась в Московском промышленном районе. Здесь переход власти к Советам выглядит естественным продолжением целой полосы массовых стачек, будораживших регион с сентября 1917 г. Но детальный анализ поведения фабзавкомов показывает, что их можно назвать в лучшем случае «интендантскими отрядами» революции^{*}. Масса рабочих скорее соглашалась на проведение революции от их лица, нежели участвовала в ней. В Саратове союзы грузчиков были настроены негативно по отношению к крайним революционным партиям^{**}. Напротив, в Смоленской губернии 20 октября на расширенном заседании местного Совета рабочих и солдатских депутатов эсеры и меньшевики вынуждены были выйти из его состава, мотивируя это тем, что там «заседают не рабочие, а бандиты и жандармы». Не удивительно, что в ночь с 24 на 25 октября отряд из 100 солдат захватил арсенал и доставил оружие в помещение Совета^{***}.

Временное правительство уже не могло влиять на экономику. Рабочие оказались предоставлены самим себе. В любом случае основная их масса встретила известие о большевистском перевороте сочувственно. Увы, он не решал хозяйственных проблем.

5. Эскалация сельского бунтарства (В. П. Булдаков)

С лета 1917 г. городские политики с нарастающим страхом прислушивались к известиям из деревни. Становилось ясно, что деревенский мир живет по своим собственным законам, «городскую» власть признает лишь в той мере, в какой та санкционирует его «законные» требования. Крестьянство выступало не только и не столько против помещиков и кулаков, сколько против всех тех, кто мешал ему жить привычной жизнью. При этом сельская агрессивность поначалу направлялась против ближнего, «понятного» и потому «слабого» окружения.

Одними из первых стали страдать от крестьян священники – в прошлом общинники были обязаны выделять им земли в пользование, теперь их это не устраивало. Формы аграрных насилий над священниками и монахами оказались весьма многообразными. Так, в июне в Киевской губернии Михайловский сельский комитет (Каневский уезд) предложил священнику оставить приход, нарушив при этом «его права как земельного собственника». Таких случаев изгнания представителей духовенства из деревни было немало. В сущности, поведение крестьян было однотипно – они восполняли хозяйственный дефи-

^{*} Чураков Д. О. Октябрьский переворот и фабзавкомы // 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. С. 109–111.

^{**} «Университет жил совершенно нормальной жизнью». С. 73.

^{***} Ильюхов А. А. Революция 1917 года на Смоленщине. С. 171, 175.

цит за счет наименее защищенных соседей*. По сути дела все «антипоповские» акции того времени и разгромы монастырей были отмечены однотипным проявлением желания запасть впрок**. Отсюда и отмена треб, возвращение поповских земель в общину. Авторитетных прежде священников крестьяне не признавали, подозревая их в лицемерии. Политические обвинения в адрес священников были теперь обычным делом.

Аграрные «беспорядки» были следствием интенсивной самоорганизации крестьянских миров. В то время как городские политики ломали копыя по идеологическим вопросам, крестьяне начали организовываться (как правило, в меру используя эсеров и кооператоров) в общероссийском масштабе: обилие губернских крестьянских съездов весной 1917 г. – характерный тому показатель. На местах аграрные и продовольственные захваты инициировались не столько полевевшими крестьянскими, продовольственными или земельными комитетами, а традиционными сельскими сходами, становящимися все более нетерпеливыми. Конечную цель своих действий крестьяне видели в осуществлении вождя «черного передела» – исходной базы для утверждения естественных, по их пониманию, взаимоотношений с внешним миром. Теоретически всякая экономика должна была строиться с первостепенным учетом именно этого фактора. Но «городская» власть оставалась во власти собственных партийных прожектов и юридических представлений.

Несвоевременная демагогия «селянского министра» В. М. Чернова, неопределенность поведения эсеров на местах истолковывались крестьянами в пользу непосредственного захвата земли. Сельские труженики пребывали в уверенности, что «справедливые» постановления их «мирских» съездов обязательно должны обрести силу непреложных государственных законов. Этот процесс ускорялся по мере того, как из крестьянских комитетов изгонялись богатые селяне, не говоря уже об отрубниках и хуторянах. С другой стороны, радикализацию крестьянства стимулировало насыщение деревни солдатами – отпускатниками и дезертирами.

Слишком многие политики в полном смысле слова не ведали, что творили. Сельские хозяева были в ужасе от этого. «Как дворяне-помещики, так и крестьяне-отрубники в один голос негодуют на действия крестьян-общинников и сельские комитеты, – заявляли в мае 1917 г. земельные собственники Саратовского уезда. – По словам отрубников, общинники не дают им организовать... Всегда оказываются правыми общинники или... волост-

* Булдаков В. П. Красная смута. С. 774–775.

** См.: Емелья Л. И. Указ. соч. С. 87–140; Сафонов Д. А. Указ. соч. С. 205; Крестьянское движение в 1917 году. С. 200, 356; Ефимов О. В. Нижегородская губерния в период двух революций (1917–1920 гг.). (Сборник документов с комментариями.) Арзамас, 2008. С. 41, 55, 87, 93.

ные комитеты. А кто в них сидит? Все те же общинники»^{*}. Общинная психология противостояла хозяйственным интересам государства.

Ситуация становилась все более напряженной. «Вчитываясь в циркулярные распоряжения и проекты министра земледелия Чернова, приходится сделать кошмарный вывод, что... анархические явления вытекают непосредственно из его земельной политики, – писали члены Елизаветградского союза земельных собственников 5 августа 1917 г. – Последнее распоряжение министра... вызовет несомненно тяжкие и опасные последствия, отдавая один класс населения на поток и разграбление другому...» Действительно, масштабное самоуправство крестьян принимало разгромные формы. 13 августа сельский сход с Спивцевского Ставропольской губернии заставил отрубников вернуться в общину. При этом, как сообщалось, «часть хлеба в количестве 5000 пудов» (!!!) была сожжена^{**}. Деятельность Чернова многие именовали теперь «аграрным большевизмом» – последний стал синонимом насилия, а не партийной принадлежности.

Впрочем, крестьяне грабили избирательно, с «хорошими» помещиками обходились мягко. «...В моем саду грабили сливы, ломали сучья, я уходил в сад разгонять воров, возвращаясь в поле, заставал в просе телят, на клевере лошадей...» – отмечал М. Пришвин 10 августа 1917 г. Другие помещики ему завидовали: в апреле следующего года выяснилось, что у всех помещиков в округе дома разграбили, а его дом не тронули. К барину, понимающему сельское бытие, крестьяне относились снисходительно. Однако в Тамбовской губернии в связи с погромной волной помещики поспешно переселялись в города^{***}.

Даже эсеры начали ужасаться «достижениям» аграрной революции. Газета «Земля и воля» подробно описала злоключения Р. Д. Семенова-Тян-Шанского, внука знаменитого географа. Этого «почти толстовца», самостоятельно возделывавшего 20 десятин земли, крестьяне на глазах семьи вытащили из дома, «потасили с шумом, гамом и песнями, избивали, хотели даже убить». От расправы его спас местный священник. Причиной крестьянского неистовства была попытка «помещика» выставить свою кандидатуру на выборах в уездное земство. Инициировал эту расправу его конкурент на выборах – некий В. И. Чванкин, человек с уголовным прошлым, возглавивший уездный Совет в Данкове. Он же засадил Семенова в тюрьму, а тем временем имение его было разграблено. Правда, через несколько дней справедливость вроде бы восторжествовала – в тюрьме оказался уже Чванкин со своими подручными^{****}.

^{*} Герасименко Г. А. Проявление последствий столыпинской аграрной реформы в деревне в марте–октябре 1917 года // Социально-экономические проблемы российской деревни. Ростов-на-Дону, 1980. С. 255.

^{**} Булдаков В. П. Красная смута. С. 188.

^{***} Пришвин М. М. Указ. соч. С. 83, 90; Письма – больше, чем воспоминания... С. 288.

^{****} Земля и воля. 1917. 29 сентября.

Однако злоключения Семенова на этом не закончились. 19 октября его тяжело ранили выстрелом с улицы в освещенное окно. Возможной причиной покушения было то, что он отправился посмотреть, как крестьяне «трех деревень» дружно рубили его лес. В стихии «черного передела» Семенов-Тянь-Шанский выжил – для того, чтобы умереть от голода в Москве в ноябре 1919 г.*

Деревня по-своему использовала политические «достижения» городской культуры. Дабы завладеть землей помещиков, их объявляли «монархистами». Весьма активно в борьбе против землевладельцев использовалась и «антибуржуйская» фразеология. Действовали, «невзирая на лица». Когда в октябре в Уфимской губернии благочинный выступил против подстрекательской брошюры «Новая нагорная проповедь», крестьянский Совет решил его арестовать. Охотно внимали демагогам. После того как в той же губернии в первой половине декабря священник Несчастливцев (очевидно, из «красных попов») произнес в проповеди слова «о допустимости грабежей в настоящее время», крестьяне словно в насмешку сразу принялись громить хуторянина**.

Показателен беспрецедентный рост акций «воровского» характера. В сентябре 1917 г. в Муромском уезде крестьяне на сельском сходе приняли (явно не без подсказки агитаторов) характерную резолюцию: «Население наше, переносившее без ропота все тяготы войны, не может хладнокровно смотреть, как будут помирать его дети голодной смертью и принуждено будет голодом или отнимать хлеб у крестьянина, имеющего посевы, или силой снимать хлеб с мимоидущих пароходов и баржей...»*** Хотя в деревню отправлялись также агитаторы внепартийной, общедемократической окраски, их влияния на крестьянскую массу не было заметно. Характерно, что кое-где крестьяне не ограничивались захватами земель и смещением местных властей, а начали громить избирательные участки и разгонять комиссии по проведению земских выборов****.

На Смоленщине в июне крестьяне принялись прибирать к рукам помещичьи угодья, собирались делить их землю и скот; в июле с помощью солдат приступили к грабежу имений и захвату земли, принимая попутно резолюции об отмене частной собственности на землю. Дело дошло до вооруженных столкновений с помещиками. Порой эти действия санкционировались волостными комитетами, но чаще крестьяне обходились без всяких «правовых» санкций. Помещики, со своей стороны, создавали организации для противодействия земельным захватам. Но политическая ситуация в сельских низах оставалась достаточно неопределенной. Некоторые крестьянские Советы протестовали

* Письма – больше, чем воспоминания... С. 293–295, 327, 330, 663.

** Булдаков В. П. Красная смута. С. 189.

*** Шаханов Н. П. 1917 год во Владимирской губернии. Хроника событий. Владимир, 1927. С. 91.

**** См.: Нарысі гісторыі Беларусі. Ч. 2. Минск, 1995. С. 17; Бакулин В. И. Указ. соч. С. 85.

против удаления из правительства Чернова, но тут же требовали «положить предел провокации Ленина».

В августе, помимо прежних захватов, крестьяне принялись смещать милицию и назначать своих милиционеров, а помещиков – сажать в тюрьму и убивать. В сентябре губернский комиссар уже требовал «воинской помощи» для предотвращения «самовольного захвата лесных угодий». При этом крестьяне на выборах в волостное земство отдавали голоса «купцам и прасолам (торговцы скотом. – В. Б.), смотря на этих лиц как на благодетелей по разрешению продовольственного вопроса». 9 сентября члены Смоленского землячества в Петрограде призвали своих земляков помочь бедствующим крестьянам губернии. Причиной приближающегося голода они называли недостаточный подвоз хлеба. В городах губернии была установлена норма отпуска хлеба: не более 30 фунтов муки в месяц на мужчину, занятого физическим трудом. В конце сентября крестьянские съезды стали принимать большевистские резолюции и срывать выборы в волостное земство. 16 октября губернский комиссар сообщал, что дело дошло уже до «поголовного истребления лесов». МВД, в свою очередь, запрашивало военных о возможности присылки в губернию кавалерийских частей*. Не удивительно, что в местных Советах стали преобладать большевики.

В Сибири продовольственный вопрос не стоял. Здесь крестьяне избавлялись от «плохого» начальства, «несправедливых» судей, «негодных» священников и «бесполезных» монастырей, запрещали вывоз хлеба из своих волостей и уездов, захватывали и делили землю и угодья, не делая разницы между государственными и частными владениями, враждовали между собой и казаками. Соответственно крестьянским нуждам избирались и переизбирались земства, земельные и крестьянские комитеты. Шла борьба за влияние в местных Советах, где эсеры соперничали с набирающими силу большевиками. При этом на уровне волостных комитетов земельными захватами первоначально руководили зажиточные хозяева, а со временем на сельских сходах стали заправлять не менее авторитетные и «бывалые» солдаты**.

Для сибирской деревни в гораздо большей степени, чем в Европейской России, было характерно безразличие к политическим партиям. Вместе с тем низкий уровень политической культуры провоцировал острые проявления правового нигилизма и экстремизма. Сказывалась и большая, нежели в центре страны, «нерасторопность» властей по части решения насущных вопросов и наведения порядка. С другой стороны, сибирские крестьяне привыкли к

* См.: *Ильюхов А. А.* Революция 1917 года на Смоленщине. С. 108–109, 111–126, 120–123, 130, 131, 144, 146, 148, 150, 154, 160, 169.

** *Рынков В. М., Ильиных В. А.* Указ. соч. С. 34.

более самостоятельному решению мирских проблем. Как и в других регионах, было заметно нарастание большевистского влияния через солдат*.

Именно солдаты повсеместно провоцировали самоуправство в деревне. Так, 20 июня из Яренска Вологодской губернии сообщали, что возвращающиеся с фронта солдаты считают, что волостные комитеты «избраны неправильно»**. Использовались и более впечатляющие средства агитации. Некий И. Я. Гарькин, крестьянин с. Черенцовки Пензенского уезда, 18 июля публично заявлял: «...Дураки вы, воюете, воткнули бы штык в землю и ушли... может быть, при Вильгельме нам будет жить лучше, Германия давно готова была дать нам мир без аннексий и контрибуций, да буржуазист Керенский этого не хочет». В ходе заседания волостного комитета он утверждал, что «Керенский – буржуй, и Временное правительство состоит из тех же буржуев...», что Керенский «ведет крестьянство к гибели»***.

Эпизодически крестьянами высказывались радикальные политические требования. 30 августа общее собрание д. Усть-Погромная выразило недоверие Временному правительству и указало, что власть должна принадлежать Совету солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, 8–12 сентября аналогичное требование прозвучало на II уездном крестьянском съезде в Новониколаевске, 18 сентября подобную резолюцию принял уездный съезд Советов в Бийске****. По сути дела крестьяне «перебирали» возможные варианты власти соответственно текущим практическим нуждам.

Так, сообщали, что некоторые крестьяне Ржевского уезда Тверской губернии в начале сентября «по некоторым вопросам рассуждают как ярые черносотенцы, а по иным вопросам рассуждают как большевики и даже сверхбольшевики». Некоторые из них заявляли: «Мы сами больше большевиков». Сообщали, что «по деревням идет сильная... агитация под специально ржевским (т. е. использованном в г. Ржеве. – В. Б.) большевистским лозунгом “Всех долой, солдат домой, сахару по-старому”». В связи с нарастанием продовольственных трудностей крестьяне рассуждали просто: «Никого... не признавать, никому ничего не давать, землю и имущество у буржуев отнимать». Под последними крестьяне подразумевали и сельскую интеллигенцию*****.

* Дробченко В. А. Радикализация масс в Сибири в период марта 1917 – начала 1918 г. // Историческая наука на рубеже веков. Томск, 1999. Т. 2. С. 145–156; Дробченко В. А., Бляхман Б. Я. Правовой нигилизм как показатель кризиса власти в Сибири в 1917 г. // Наука в Кузбассе: актуальные проблемы экономики и гуманитарных исследований. Кемерово, 2003. С. 116–124.

** Булдаков В. П. Красная смута. С. 773.

*** Цит. по: Сухова О. А. Указ. соч. С. 773.

**** См.: Горюшкин Л. М., Ноздрин Г. А., Сагайдачный А. Н. Указ. соч. С. 203, 207, 209, 214, 219–220.

***** Булдаков В. П. Красная смута. С. 182, 184.

Конфликты в деревенской среде становились все более многомерными. В Сибири в Степном крае они развивались по линии казаки – киргизы (казахи), на юге Енисейской губернии враждовали между собой крестьяне, казаки, хакасы, в Забайкалье – переселенцы и буряты. Разворачивалось противостояние переселенцев со старожилами, земледельцев со скотоводами, арендаторов с арендодателями, фронтовиков с неслужившими односельчанами^{*}.

Для массы крестьян синонимом справедливости становилось возмездие. Сельский мир имел давнюю традицию самосудов над ворами. Крестьяне расправлялись с ворами, дезертирами, нерадивыми пастухами. «Недавно в одной из окрестных деревень был самосуд над молодым вором, попавшемся на воровстве не один раз, – писал 8 октября в дневнике А. Н. Куропаткин, бывший землевладельцем Псковской губернии. – Его расстреляли, и первым выстрелил в него родной брат». Известны и другие случаи расправ, когда крестьяне сжигали, закапывали в землю живьем преступников^{**}. Разумеется, это крайности, но в целом развитие событий шло именно в этом направлении. На их фоне зверские убийства помещиков солдатами на глазах у всей деревни в декабре 1917 г. смотрелись обычным делом^{***}.

Оборотной стороной аграрного движения становилась угроза голода в городах. Даже в Москве и Московской губернии, куда продовольствие поставлялось более регулярно, чем в другие города центра Европейской России, в середине октября не осталось хлебных запасов. Некоторые города (Коломна, Звенигород, Воскресенск, Можайск и др.) переживали настоящий голод. По некоторым данным, накануне большевистского переворота примерно 20 губерний Европейской России из 43 были охвачены голодом^{****}. Голод наступил в Дагестане, в Туркестане «мусульманское население было доведено голодом до отчаяния»^{*****}.

Не удивительно, что на местах власть оказывалась бессильна перед бунтующим охлосом. Так, в Астрахани во второй половине сентября толпа едва не растерзала губернского комиссара, который вскоре подал в отставку и сдал власть начальнику гарнизона. Фактически это означало переход власти к местному Совету. Нечто подобное произошло несколько ранее в Ташкенте^{*****}. В начале октября в Калуге вооруженные члены местного Совета выпустили из тюрьмы анархистов. Под влиянием их пропаганды солдаты местного гарнизона фактически поставили у власти местный Совет, который пришлось

* Рынков В. М., Ильиных В. А. Указ. соч. С. 35.

** Булдаков В. П. Красная смута. С. 182.

*** Письма – больше, чем воспоминания... С. 309–313, 315, 317–318, 322.

**** Волобуев П. В. Экономическая политика Временного правительства. С. 466–467.

***** Исхаков С. М. Указ. соч. С. 275.

***** Булдаков В. П. Красная смута. С. 328–329, 292–293.

«свергать» вооруженным путем^{*}. В целом ряде местностей ситуация была на грани переворота. Ее определяли два фактора: угроза голода и недовольство солдатских масс.

К концу октября численность действующей армии значительно сократилась. Если на 1 марта 1917 г. в действующей армии (по официальным данным) налицо было 7185,4 тыс. офицеров, чиновников и солдат, то к 25 октября их число снизилось до 5412,8 тыс. В тыл, главным образом в деревню, так или иначе переместилось около 1,5 млн человек. К этому времени интендантству приходилось кормить еще около 6 млн человек, обосновавшихся в тыловых учреждениях^{**}. Создались условия, когда поредевшая армия отказывалась воевать на фронте, зато солдатские массы угрожали при случае поднять антивоенный бунт в тылу, особенно в деревне. В Тамбовской губернии пьяные погромы продолжались и в октябре 1918 г. Современники описывали «разливанное море спирта», в котором «товарищи... сгорают и топятя по пятнадцати человек сразу». Здесь были разгромлены все усадьбы, был сожжен дворец в имени Муромцевых, уничтожена школа Иванкевича^{***}.

Казалось, что русский человек в порыве отчаяния вкладывал в погромные действия те же качества – прежде всего, упорство и непреклонность, которые он еще совсем недавно демонстрировал на фронте.

6. Ситуация на окраинах (В. П. Булдаков, С. М. Исхаков)

Межэтническая ситуация также обострялась из-за солдатских масс. Характерен в этом отношении состоявшийся в Киеве 5–11 июня 2-й Всеукраинский войсковой съезд. Раздраженные попыткой Керенского сорвать его, делегаты настаивали на явочном осуществлении автономии Украины, как способе спасения края от «анархии». Центральной Раде предлагалось прекратить всякие сношения с Временным правительством и созвать территориальное собрание для согласования с этническими меньшинствами статуса автономии края^{****}. Не удивительно, что 10 июня был оглашен I Универсал (манифест) Центральной Рады, который, провозглашая автономию, подчеркивал готовность сотрудничать с общероссийской властью, а 15 июня был создан Генеральный секретариат Центральной Рады, вызвавший переполох в петроградских верхах^{*****}.

Радикализм действий Центральной Рады не должен обманывать: после этих событий с ее стороны последовали уверения, что она все усилия направляет на сдерживание оголтелых самостийников, намеревавшихся оголеть

^{*} Общество и революция. С. 305, 322.

^{**} Гаврилов Л. М., Кутузов В. В. Указ. соч. С. 157.

^{***} Письма – больше, чем воспоминания... С. 325–326.

^{****} РГВИА. Ф. 366. Оп. 2. Д. 233. Л. 34–36 об.

^{*****} Вестник Временного правительства. 1917. 17 июня.

фронт и начать «самоопределять» Украину по «польскому образцу»^{*}. В этом была доля правды: «социалистическая» Рада оказалась заложницей революционного нетерпения масс – особо яростного в силу того, что они увидели в ней обиженную «москалями» свою власть. Показательна и уступчивость Рады на переговорах с петроградскими социалистами, в ходе которых было решено, что генеральные секретари утверждаются в российской столице, из их ведения исключаются военные дела^{**}.

Но на этом этапе соглашение оказалось сорвано кадетами, демонстративно вышедшими из правительства, дабы взвалить на его социалистическую часть двойную ответственность – за неудачи на фронте и потворство самостийникам. Как ответная реакция в начале июля в Киеве, практически одновременно с солдатскими выступлениями в Петрограде и Нижнем Новгороде произошел бунт солдат-украинцев полка им. Б. Хмельницкого – этнического соединения, созданного официально. Хотя этот конфликт удалось уладить без жертв, в результате его обострились отношения между командованием Киевского военного округа и украинскими деятелями. 26 июля солдат-украинцев отправляли на фронт, они устроили прощальную стрельбу в воздух, им ответили прицельным огнем кирасиры, в результате 14 «украинизованных» солдат были убиты^{***}. В основе радикализма «украинской революции» в 1917 г. лежала общероссийская причина – нежелание масс участвовать в войне. Вовсе не случайно в общественном сознании 1917 г. «большевизация» и «украинизация» утвердились как однопорядковые явления. Но поскольку «большевизированные» и «украинизированные» солдаты выступали под разными знаменами, вооруженный конфликт между ними был неизбежен.

Ход других этнонациональных революций 1917 г. также в значительной степени зависел от «солдатского фактора». Имеется в виду не только количество штыков, готовых подпереть «национальные» интересы, но и степень осознания непосредственной военной угрозы, а также взаимные опасения со стороны ближайших вооруженных соседей. Так, в Закавказье обострение ситуации было связано с боязнью того, что солдаты армянских батальонов начнут мстить мусульманам за резню 1915 г. в Турции; на обстановке в Крыму сказалось присутствие даже малочисленных подразделений мусульманской конницы и т. п. Такие факторы, как особенности этнопсихологии, политической культуры, идентификационных процессов, часто уродливо проявляли себя через солдатские эмоции. С ходом войны связаны и относительная сдержанность финских политиков, чей народ мог рассчитывать на определенные выгоды от нейтралитета; и сговорчивость с центральной властью мусульманских лидеров, более других уделявших внимание культурно-национальной

^{*} Булдаков В. П. Хаос и этнос. С. 293–294.

^{**} Цетели И. Г. Воспоминания о Февральской революции. Т. 2. Париж, 1963. С. 126–128; ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1930. Л. 1.

^{***} Власть народа. 1917. 28 июля.

автономии; и склонность почти всех закавказских партий ориентироваться до поры до времени на Россию как военного гаранта стабильности в регионе; и противоречивая позиция национальных лидеров Прибалтики, легче других добивавшихся признания своих требований Временным правительством – в том числе и за военную лояльность (вскоре оказавшуюся призрачной).

Вряде случаев различного рода националистические акции следовали сразу же за теми или иными событиями общероссийского масштаба. Так, 2 сентября Казанский мусульманский военный комитет постановил, что на месте орла на башне Сиюмбеки должен быть поставлен полумесяц. Предполагалось осуществить это 16 сентября. Ясно, что мусульманские военные воспользовались поражением Корнилова и рассчитывали на одобрение созывавшегося в Киеве «Съезда народов» и петроградского Демократического совещания. 16 сентября к назначенному времени к башне стали собираться вооруженные солдаты-мусульмане. Губернский комиссар к этому времени уже запретил данную акцию, пригласив мусульманских лидеров к себе на совещание. Тем не менее орел с его согласия был снят и передан в Казанскую ученую архивную комиссию; от установки полумесяца мусульман удалось отговорить.

Понятно, что мусульмане не отказались от своей идеи. К делу подключились местные историки, доказывавшие, что башня в ее современном виде вовсе не татарского происхождения, что двуглавый орел – символ государства, а вовсе не императорской власти (февральский угар уничтожения орлов уже прошел). Местные православные миряне, объединенные в братство св. Гурия, также выразили протест по поводу предстоящей акции; из канцелярии Временного правительства 9 октября последовало предупреждение о том, что подобные действия могут «озлобить одну часть населения против другой», а 17 октября 1917 г. губернский комиссар уговорил снять с башни леса, оставленные мусульманами на случай разрешения водружения полумесяца*. В данном случае конфликт удалось перевести в плоскость переговоров, но ясно, что обе стороны остались недовольны друг другом.

Кое-где этнические конфликты разгорались из-за земли. Это происходило и на Северном Кавказе, и в Туркестане, и в других местах этнической чересполосицы. Известно, что маловлиятельные до 1917 г. украинские эсеры выросли в массовую партию, используя простейший демагогический прием: с созданием национального земельного фонда на Украине, уверяли они, не останутся помещиков (москалей и поляков), грузеники-хлеборобы существенно расширят свои земельные владения. По данной схеме могли рассуждать и русские. В октябре 1917 г. в Оренбургской губернии украинские переселенцы подверглись издевательствам и насилиям со стороны местного великорусского населения**.

* НАРТ. Ф. 156. Оп. 1. Д. 1246. Л. 1, 2–4, 5–9, 12–13, 17.

** Крестьянское движение в 1917 году. С. 335.

Мусульманское население оставалось относительно спокойным. Идеи автономии и федерации понимались мусульманами в культурно-автономистском духе. Постепенно эти интенции породили тенденцию к этноизоляционизму. При этом лидеры мусульман даже в сентябре–октябре возражали против попыток явочного проведения в жизнь своих требований*. С формированием мусульманских частей они также не спешили; Временное правительство и Ставка активно занялись их формированием лишь в последние недели своего существования**, рассчитывая использовать их для поддержания порядка. Тем не менее мусульманские части, «разлагавшиеся» куда медленнее даже других «национальных», сыграли свою роль в большевистском перевороте.

Сдержанность мусульманских политиков и терпеливое ожидание мусульманских низов в Центральной России и Сибири особенно поражает на фоне событий в Туркестане. В прошлом советские историки обращали внимание лишь на солдатский бунт в Ташкенте в конце августа – начале сентября, усмирять который была направлена особая карательная экспедиция. Этот эпизод подавался по-разному: то как поспешные действия местных большевиков сравнительно с установками их руководящего центра, то как часть развертывающегося национально-освободительного движения. В действительности подоплека событий была банальна, о чем постоянно писали местные газеты. С началом войны с подвозом продовольствия в край стали возникать трудности, а между тем посевы хлебов в крае не только не увеличились, но и, напротив, уменьшились в связи с потребностью оборонной промышленности в хлопке. Цены на хлопок искусственно сдерживались. Привозной хлеб не раздавался (что было бы положительно воспринято местным населением), а продавался частным учреждениям и фирмам, число которых все более увеличивалось. А поскольку областной продовольственный комитет развернул торговлю хлебом, то продовольственное дело фактически сосредоточилось в руках имущих слоев (по преимуществу коренного) населения. Шариат, однако, не допускал никаких «экспроприаций». Последствия закономерны – спекуляция, рост цен на продовольствие, усиление возможностей манипулирования массами. Неурожай, недостаток фуража, нехватка воды, злоупотребления в распределении продовольствия усугубили ситуацию***. В итоге Временное правительство и местные руководители не смогли ни обеспечить край продовольствием, ни добиться межэтнического и политического баланса, а между тем способных на бунт солдат в Ташкенте хватало. Взрыв сделался почти неизбежным как в дурной песе.

События в Ташкенте не были чем-то уникальным. Отдельные случаи солдатских переворотов уездного уровня случались не только здесь. До поры

* Известия Всероссийского мусульманского совета. 1917. 29 сентября, 6 октября.

** Известия Всероссийского мусульманского военного шуро. 1917. 31 декабря.

*** Знамя свободы (Скобелев). 1917. 1, 2, 3, 23 июня, 1 июля.

до времени под ними не было этнической подоплеки. Но скоро разбои стали принимать этническую направленность: в июле в Кокандском уезде от него страдало коренное население, в том же месяце начали нападать на соляные промыслы и расхищать соль туркмены. Привычный этноаграрный баланс стал нарушаться и в связи с тем, что часть русских переселенцев начала распродавать земли, рассчитывая на свою долю от раздела помещичьих земель в Центральной России. Напряжение в межнациональных отношениях росло, но характер взаимоотношений европейского и мусульманского населения в крае определялся другим. Речь идет о судьбе возвратившихся из Китая участниках восстания 1916 г.

В свое время беженцам на китайской территории для того, чтобы не умереть с голоду, пришлось распродавать не только скот, но и детей. Информация о том, что обобранные казахи намерены вернуться в Россию, появилась еще в январе 1917 г., но на просьбы их об обустройстве как старые, так и новые власти не реагировали. Правда, Туркестанский комитет Временного правительства попытался временно разместить возвратившихся, предпринял шаги по поиску награбленного китайцами, запросил средства в Петрограде на вспомоществование, препятствовал раздаче оружия русским переселенцам, намеревавшимся продолжить мстить туземцам. Все это давало более чем ограниченный эффект: возвращенцы оказались блокированы в Пржевальском уезде, на старые земли крестьяне-европейцы их не пускали*. «Как черные вороны налетают банды и отбирают остатки скота**», – констатировал член Туркестанского комитета О. А. Шкапский. На Государственном совещании А. М. Б. Топчибашев заявил, что «до 83 тысяч вернувшихся из Китая на родину было истреблено или погибло от голода***». Местные власти были бессильны что-либо сделать. Призывы к спасению возвращенцев оставались гласом вопиющего в пустыне. Возможно, это было связано с тем, что в кругах российской демократии укреплялась подспудная убежденность в повальном «сепаратизме» окраин.

Ситуацию во все большей степени определяло недоверие к центральной власти. Даже те «этнические солдаты», вроде Туземной дивизии, которые в прошлом считались опорой «белого царя», стали вести себя непредсказуемо. Так, это определенно случилось в ходе подавления корниловского выступления, когда горцы вступили в контакт с «русскими писарями, обозными и другими нестроевыми»****.

К осени стало ясно, что страну ожидает межэтнический хаос. Отмечался рост антисемитизма – уже в августе в столице участились погромные призы-

* См.: *Булдаков В. П.* Хаос и этнос. С. 308, 343, 345, 372–373, 380, 385, 390–393, 396, 430, 687. Лишь в отдельных случаях крестьяне относились к возвращенцам дружелюбно. См.: *Исхаков С. М.* Указ. соч. С. 212.

** *Исхаков С. М.* Указ. соч. С. 211.

*** Государственное совещание. С. 186.

**** ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 10. Л. 73.

вы. Корниловское выступление некоторые обыватели расценили как сигнал к расправе над «жидами-министрами» Керенским и Черновым^{*}. Участились этнические конфликты на аграрной почве. В Сибири, где русские крестьяне-переселенцы располагали меньшим количеством земли, нежели коренные жители, начался грабеж пахотных земель бурят. В Калмыкии русские крестьяне потребовали передела земель в качестве компенсации за то, что они в отличие от калмыков воюют на фронте^{**}. На Северном Кавказе усилилось абречество. В Хасавюртском районе вооруженные отряды конных чеченцев нападали на переселенцев, грабили, угоняли скот, порой убивали. К октябрю бандитизм усилился, Хасав-Юрт был сожжен. Округ вынуждены были покинуть до 35 тыс. русских. Нечто подобное происходило южнее на участке железной дороги Тифлис – Баку. Русские поселения в полном смысле сравнивали с землей. Общее число русских беженцев из Закавказья оценивали в 100–300 тыс. человек^{***}.

Вдобавок ко всему возник казачий вопрос. Казачество объявило себя «нацией», рассчитывая, в частности, и на закрепление своих привилегий на территориально-автономистском уровне. 9 октября Керенского посетила делегация союза казачьих войск, заявившая, что их представительство в Учредительном собрании ущемляется. Керенский заметил, что избежать этого можно либо соединением фронтового казачества со всем остальным (что технически было неразрешимо), либо созданием для казаков-фронтовиков особого избирательного округа. Но последнее, в свою очередь, потребовало бы выделения в отдельные избирательные курии мусульман, католиков и т. д. Керенский посоветовал казакам решить этот вопрос через армейские комитеты^{****}. Но это также было чревато новыми конфликтами.

Масштабные этнические конфликты в Закавказье длительное время удавалось сдерживать. В начале осени 1917 г. реальная власть здесь незаметно переместилась к Советам, умеренные национально-социалистические лидеры которых, ранее занимавшие ведущие позиции и в «буржуазных» органах власти, установили прочные связи с не менее умеренными лидерами солдатского (русского) краевого объединения Советов. Сглаживало обстановку и то, что лидеры наиболее воинственной национально-социалистической партии Дашнакцутюн были частично заняты в оккупированной русскими войсками части Турецкой Армении, а с другой стороны, были поглощены проблемой многочисленных беженцев. Большевики имели влияние только в Баку, где использовали в своих интересах противостояние армянской и азербайджанской части населения; в других частях края их влияние было ничтожным, а потому попытки идти против Советов не приносили успеха.

^{*} ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 48. Л. 4.

^{**} *Подпрятков Н. В.* Взаимоотношения крестьян в национальных районах России в 1917 году // История крестьянства России. СПб., 2000. С. 101–102.

^{***} *Булдаков В. П.* Хаос и этнос. С. 489.

^{****} См.: Вольность. 1917. 11 октября.

Однако обострился вопрос об автокефалии грузинской церкви. Грузинское духовенство отказалось приехать на Поместный собор РПЦ и отвергло требование патриарха Тихона подчиниться его канонической власти. При этом утверждалось, что сам Господь создал условия, благодаря которым грузинская церковь, наконец, восстановила свои права*. 25 сентября Временное правительство одобрило представление об утверждении католикосом всех грузин бывшего епископа Полоцкого и Витебского Кириона**.

В сущности, во всех церковных кругах происходили те же деструктивные процессы, как и во всей стране. Со своей стороны народ переставал понимать, на какую «веру» надежнее опереться. Как результат, все конфессии оказывались бессильными в идейном противостоянии большевизму.

* *Верт П.* Православие, инославие, иноверие: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М., 2012. С. 89.

** Журналы заседаний Временного правительства. Т. 4. С. 212.

Глава 6. ОТ ПАДЕНИЯ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА К БРЕСТСКОМУ МИРУ

1. Большевики перехватывают власть (*В. П. Булдаков*)

Обреченность правительства Керенского становилась все более очевидной. Теперь премьер мешал даже сподвижникам. 19 октября Терещенко раскрыл английскому военному атташе А. Ноксу замысел «буржуазных» министров – вытолкнуть Керенского из правительства и «нокаутировать» Советы. «Если бы только они оказались достаточно сильны!» – соглашался Нокс*.

Однако сильнее были большевики, и не случайно. Немногие из образованных людей того времени готовы были признать, что «большевизм есть общее дитя и народа, и революционной интеллигенции». Куда проще было свалить все на «немецких шпионов»**. Отчуждение и уклонение от ответственности за собственную историю – признак архаичности политического сознания.

Невольно ускорило разрушение власти меньшевистско-эсеровское Бюро ЦИК Советов. В конце сентября из опасений созыва общеармейского съезда (в его антивоенной направленности сомневаться не приходилось) под давлением большевиков оно согласилось на проведение II Всероссийского съезда Советов (не позднее 20 октября). Были разосланы извещения на места. При этом лидеры Советов, озаботившись вопросами о норме представительства и даже питании делегатов, не задумались о программе работы съезда. Им казалось, что после Демократического собрания поднимать политические вопросы до Учредительного собрания неуместно. Это было на руку большевикам, не скрывавшим намерения обсудить вопрос о «немедленном перемирии на фронтах и немедленном предложении мира»***. Между тем положение в действующей армии ухудшалось. Норма довольствия мясом уменьшилась до четверти фунта (на Румынском фронте вместо мяса солдатам выдавалась брын-

* *Кnox A. With the Russian Army, 1914–1917. N. Y., 1921. Vol. 2. P. 702.*

** *Пришвин М. М. Указ. соч. С. 86.*

*** См.: Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов (25–26 октября 1917 г.): Сборник документов и материалов / Сост. А. С. Покровский, Е. Ю. Тихонова. М., 1997. С. 13–19; 21–22.

за), по-прежнему не хватало обуви. Не удивительно, что отказывались идти в атаку даже самые боеспособные части*.

Как ни странно, в обществе царило убеждение, что за большевиками идут лишь разложившиеся толпы солдатни, готовые разбежаться при первом выстреле. Не учитывалось, что «сила» революционеров определяется слабостями их противников. Впрочем, собственных сил и слабостей не сознавал никто. Так, 14 октября на заседании правительства начальник штаба Петроградского военного округа ген. Я. Г. Багратуни сообщил о готовности пресечь большевистское выступление в самом зародыше. Министры посчитали, что так и будет**. Но события уже давно развивались по иному сценарию.

9–11 октября Военный отдел и президиум солдатской секции Петроградского Совета подготовили проект образования революционного штаба по обороне столицы. 12 октября его утвердил под именем Военно-революционного комитета (ВРК) Исполком Петроградского Совета. 13 октября проект был одобрен солдатской секцией, 16 октября – общим собранием Совета. Шаг за шагом ВРК трансформировался от органа защиты революции от внешнего врага в орган борьбы против внутренней «контрреволюции». В ночь на 19 октября ВРК провел свое первое заседание, 20-го начало работать его бюро, 21 октября его комиссары направились в части петроградского гарнизона. 22 октября был проведен «День Петроградского Совета» – большевистские вожди выступали на митингах с обличениями существующей власти. Опасаясь конфликтов, Временное правительство отменило казачий крестный ход, назначенный на этот же день. А между тем некоторые делегаты уже съезжались на съезд, будучи уверены, что он откроется 20 октября.

Сам съезд Советов рассматривался большевиками как своего рода ширма для прикрытия действий совсем иного рода. 21 октября на заседании большевистского ЦК было решено, что тезисы о «земле, о войне, о власти» подготовит Ленин, о рабочем контроле – Милютин, о национальном вопросе – Сталин, о текущем моменте – Троцкий***. Все это действительно волновало массы. Большевики намеревались отстранить Временное правительство, якобы опираясь на их требования. Для этого, как разъяснил Сталин в статье, опубликованной 24 октября в газете «Рабочий путь», осталось только «вырвать власть у корниловцев» и передать ее Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Предстояло «исправить ошибку» Февраля и заменить власть «помещиков и капиталистов» правительством «рабочих и крестьян». Противникам существующей власти рекомендовалось активизироваться с тем, чтобы передать свои требования открывающемуся на следующий день съезду Советов.

* Лыков И. П. Указ. соч. С. 132.

** День. 1917. 15 октября.

*** Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. М., 1997. С. 22–23.

Таким образом, массам внушалось, что возможна и должна произойти своего рода мирная передача власти их представителям.

А между тем в 9 часов утра того же 24 октября ВРК уже начал рассылать большевистским комиссарам воинских частей, солдатским и матросским комитетам так называемое предписание № 1. В нем утверждалось, что большевистские газеты закрыты правительством (к тому времени газеты уже снова стали выходить), Петроградскому Совету грозит «прямая опасность» со стороны юнкеров и ударников. Чтобы не допустить «второй корниловщины», следовало привести верные части «в боевую готовность» и направить их представителей в Смольный. Всякое промедление рассматривалось как «измена» делу революции*.

В большевистском руководстве царили нервозность и неразбериха. Считалось, что «Керенский выступил», а потому с утра 24 октября все руководящие большевики вызывались в Смольный, где воцарилась обстановка осажденной крепости. После сообщения представителей ВРК о происходящем ЦК большевиков дал своим представителям конкретные задания: Я. М. Свердлов должен был наблюдать за действиями правительства, А. С. Бубнов – осуществлять контроль над железными дорогами, Ф. Э. Дзержинский – над почтой и телеграфом. В. П. Милютину было поручено организовать продовольственное снабжение, А. Ломову и В. П. Ногину – держать связь с Москвой. Поскольку исход событий был далеко не ясен, предусматривалось создание дополнительного штаба в Петропавловской крепости, гарнизон которой вроде бы перешел на сторону большевиков**.

Среди противников большевиков царила апатия. В 11 часов утра 24 октября Керенский отправился в Предпарламент, где, процитировав предписание № 1 ВРК, потребовал, чтобы депутаты одобрили правительственные меры по ликвидации восстания. Он утверждал, что налицо попытка «поднять чернь», сорвать Учредительное собрание и открыть фронт неприятелю***. В сущности, и Керенский, и его противники пользовались одними и теми же надуманными аргументами. Но если Ленин, полагая, что «все висит на волоске», требовал «арестовать правительство»****, то Керенский вечером того же 24 октября ждал санкции Предпарламента.

На заседании Предпарламента между тем продолжались дискуссии. Наконец, большинством голосов (123 против 102, 26 воздержались) была принята меньшевистско-эсеровская резолюция, предлагавшая начать мирные переговоры, окончательно передать земли в руки крестьянских земельных комитетов, создать из представителей городских самоуправлений и Советов

* Петроградский военно-революционный комитет. Т. 1. М., 1966. С. 86.

** Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). Август 1917 – февраль 1918 г. М., 1929. С. 280.

*** *Керенский А. Ф.* Указ. соч. С. 307.

**** *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 435–436.

специальный Комитет общественного спасения для борьбы с анархией и беспорядками*. Фактически это был акт недоверия Временному правительству. На это Керенской раздраженно ответил, что в наставлениях не нуждается. Возможно, он рассчитывал на казаков, которые вроде бы были направлены с фронта в Петроград. Вслед за тем представители Предпарламента отправились во ВЦИК и ЦИК Советов крестьянских депутатов, где принялись пугать грядущей контрреволюцией, которая сметет и большевиков, и социалистов. «Выход» из ситуации виделся в создании «однородного» правительства из представителей всех социалистических партий**. Подобные прекраснотушные пожелания объективно лишь помогли большевикам.

Ночь с 24 на 25 октября Керенский вместе с Коноваловым провел в Штабе Петроградского военного округа в безрезультатных телефонных переговорах с «верными» воинскими частями. Затем принял спонтанное решение лично выехать навстречу войскам Северного фронта, вызванным на защиту Петрограда и находившимся, как ему ошибочно думалось, в пути. На глазах у многочисленных «осаждающих» Зимний он отправился с Дворцовой площади в сторону Гатчины в собственном автомобиле, сопровождаемый машиной американского посольства, в которой разместилось пять человек, включая двух его адъютантов. Эта поездка была безнадежной***.

Поздно вечером 24 октября П. А. Пальчинский (почти два месяца пребывавший в должности помощника по гражданской части военного генерал-губернатора Петрограда), по его признанию, вел «теоретический спор» с С. Н. Третьяковым, А. М. Никитиным и А. И. Коноваловым по вопросу о том, «кто губит революцию». Днем позже Пальчинский, став начальником обороны Зимнего дворца, констатировал «беспомощность» и «безнадежность настроений» у военных руководителей (особенно Баградуни), отсутствие планов обороны, общий «кавардак», «растерянность и вялость офицеров и отсутствие настроения у юнкеров»****.

Тем временем В. И. Ленин отправился с конспиративной квартиры в Смольный. Его неожиданное появление там в некоторой степени предопределило исход событий. Он потребовал от представителей ВРК скорейшего захвата телеграфа, телефона, мостов и вокзалов. Эти призывы носили скорее символический характер, но все же к Зимнему дворцу стягивались вооруженные войска. Наконец, в 10 часов утра 25 октября ВРК выпустил знаменитое обращение «К гражданам России». В нем утверждалось, что «Временное правительство низложено», а государственная власть «перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов – Военно-

* Известия. 1917. 25 октября.

** Дан Ф. К истории последних дней Временного правительства // Летопись революции. Т. 1. Берлин, 1923. С. 165, 172–173.

*** Тютюкин С. В. Александр Керенский. С. 278–279.

**** ГА РФ. Ф. 3348. Оп. 1. Д. 149. Л. 1.

революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона»^{*}. Мнения самих рабочих и солдат, впрочем, никто не спрашивал.

Казалось, противники большевиков лишь наблюдают за развитием событий. Командующий Петроградским военным округом Г. П. Полковников через четверть часа после появления обращения ВРК сообщал командующему Северным фронтом Черемисову, что «положение в столице угрожающее», «уличных выступлений, беспорядков нет, но идет планомерный захват учреждений, вокзалов, аресты». Он пояснил, что «юнкера сдают караулы без сопротивления, казаки, несмотря на ряд приказаний, до сих пор из казарм не выступили». Ему казалось, что Временное правительство лишь «подвергается опасности полностью потерять власть». Примерно в это же время генерал для поручений при Керенском Б. А. Левицкий докладывал, что «части, находящиеся в Зимнем дворце, только формально охраняют его, так как активно решили не выступать»^{**}.

Среди защитников Зимнего дворца можно выделить несколько численно неравноценных групп: ударники, казаки, женщины-ударницы, юнкера. Однако никто не хотел воевать, стрелять пришлось лишь тем, кому не удалось вовремя выбраться из дворца. Из орудий на Дворцовой площади велась только одиночная холостая стрельба – этого хватало на то, чтобы временно рассеять, но тем самым и основательно раздражить толпы «восставших»^{***}. В сущности, защищать Временное правительство оказалось некому – недоучившиеся военные инженеры и врачи, а также оставшиеся без орудий артиллеристы могли оказать сопротивление только от отчаяния и безвыходности. Им оставалось надеяться на прибытие войск с фронта. Между тем военные власти бессистемно и с запозданием реагировали на просьбы о присылке войск в центр страны. Находящийся неподалеку штаб Петроградского военного округа был переполнен празднующими, включая всевозможных «авантюристов, ораторов, агитаторов», и напоминал «митинговый клуб»^{****}.

Впрочем, в чисто военном отношении «штурмующие» были подготовлены не лучше оборонявшихся. Многими двигало желание расправиться с «жидом» Керенским и заодно прихватить что-нибудь для себя в царских покоях. К тому же пребывание внутри помещения казалось им более привлекательным, нежели сидение у костров или непонятные перемещения по улицам на холодном петроградском ветру.

Создается впечатление, что руководители противостоящих лагерей действовали почти вслепую, но при этом за антибольшевистскими силами стояла слабеющая инерция слепой репрессивной машины, а за их противниками –

^{*} Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 1.

^{**} Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М., 1967. С. 402, 340.

^{***} Булдаков В. П. Красная смута. С. 357–364.

^{****} Глобачев К. И. Правда о русской революции // Вопросы истории. 2002. № 10. С. 56.

энергия растущего хаоса. Руководство железными дорогами фактически перешло к Викжелю, который полагал, что, препятствуя продвижению войск в столицу, он спасает страну от гражданской войны.

Масса делегатов II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов (1140 человек, включая «гостей») представляла собой нечто более чем странное. На нем были делегаты лишь от трети существовавших Советов. Представительство оказалось более чем произвольным: активно прибывали солдаты-большевики, рабочих оказалось вдвое меньше. Именно за счет делегатов от армии и флота большевистская фракция смогла увеличить свое общее представительство. «Иностранцев» было не менее 280, преобладали евреи и латыши. Большинство из них упорно пыталось противостоять большевикам**.

Вряд ли когда-либо удастся точно определить состав участников съезда. «Рабочая газета» указала, что к моменту его открытия явилось 562 делегата. Среди них было 252 большевика, «15 объединенных интернационалистов; 65 меньшевиков – из них 30 интернационалистов и 21 оборонец; 7 национальных социал-демократов; 155 эсеров – из них 16 правых; 36 центровиков, 70 левых, 3 национальных социалиста-революционера, 31 представитель беспартийных, сочувствующих большевикам-интернационалистам; 5 анархистов различного толка». «Новое время» отметило, что на предыдущем съезде было 1180 делегатов***. 29 октября «Правда» опубликовала «предварительные данные» анкетной комиссии, где уже давалась несколько иная картина представительства: зарегистрировано 670 делегатов, большевиков было 300 человек, меньшевиков – 68, эсеров – 193. Ясно, что в кулуарах большевики приложили немалые старания, чтобы, во-первых, перетянуть на свою сторону беспартийных представителей и обеспечить полновесными мандатами своих сторонников с правом совещательного голоса, с другой – подтолкнуть влево часть эсеров и меньшевиков. Впрочем, создается впечатление, что вопрос о кворуме, а следовательно, о легитимности съезда противников большевиков не особенно волновал.

Атмосфера на II Съезде Советов стороннему человеку казалась странноватой: «...Никакого подлинного энтузиазма и глубокой серьезности – так, обыкновенный митинг...»**** Н. Суханов свидетельствовал, что настроение поднялось при известии об аресте Временного правительства: «Масса чуть-чуть

* См.: *Покровский А. С.* К вопросу о представительстве Советских организаций на II Всероссийском съезде Советов Р. и С. Д. (25–26 октября 1917 г.) // *Источниковедение XX столетия. Тезисы докладов и сообщений научной конференции.* Москва, 28–30 января 1993 г. М., 1993. С. 115–116.

** См.: *Второй Всероссийский съезд Советов рабочих...* / Сост. А. С. Покровский, Е. Ю. Тихонова. С. 153–205, 26–33.

*** Там же. С. 34, 36, 67, 134.

**** Минувшее. 1996. Т. 20. С. 148.

начинает входить во вкус переворота, а не только поддакивать вождям...»^{*} Люди неуверенные склонны доверяться людям действия.

На этом съезде, с которого большевики взялись отсчитывать «эру социализма» в России, не было принято никаких социалистических решений. Съезд просто позволил крестьянам доделить землю, а солдатам дал понять, что зимовать в окопах необязательно. Более того, все граждане получили гарантию, что выборы в Учредительное собрание пройдут в срок. На этом фоне известие о появлении чисто большевистского правительства – Совета народных комиссаров – не особенно впечатляло.

Из двух знаменитых декретов съезда, самолично написанных Лениным, один был воспроизведением собранных эсерами крестьянских наказов о земле, где говорилось о ее «социализации», т. е. переходе под контроль крестьянских общин (которым вместе с тем предлагалось как-то ужиться с подворным землевладением). Декрет о земле Ленин зачитал «спотыкаясь и путаясь» в силу неразборчивости текста. Он не вызвал никаких прений, лишь один делегат был против при 8 воздержавшихся, «масса рукоплескала, вставала с мест и бросала вверх шапки»^{**}. Другой декрет был не законодательным актом, а то ли призывом, то ли пожеланием превращения «войны империалистической в войну гражданскую» (мировую). То и другое могло быть истолковано массами по-своему.

Самое поразительное, что на второй день работы съезда, когда Временное правительство частично оказалось в Петропавловской крепости, частично «в изгнании», оставшиеся делегаты практически единогласно простым поднятием рук, как на митинге, проголосовали за все подряд. Д. Рид писал, что, когда один из делегатов робко попытался поднять руку против декрета о земле, «вокруг него раздался такой взрыв негодования, что он поспешно опустил руку...»^{***} Действовала магия коллективного мнения. Голосовали «скопом», а вовсе не в соответствии с наказами избирателей. Как ни парадоксально, лишь 75 % формальных сторонников Ленина поддержали лозунг «Вся власть Советам!», 13 % большевиков устраивал девиз «Вся власть демократии!», а 9 % даже считали, что власть должна быть коалиционной^{****}.

Впрочем, на улицах этих тонкостей не замечали. Падение Временного правительства никем не воспринималось всерьез. Правда, некоторые солдаты заявляли, что старого правительства, «слава Богу», уже нет. Один армейский капитан, меньшевик-оборонец, на вопрос Д. Рида о том, правда ли, что большевики пришли к власти, ответил более чем своеобразно: «Черт его знает!!!..

^{*} Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 3. С. 342.

^{**} Там же. С. 356, 358, 359.

^{***} Рид Д. Десять дней, которые потрясли мир // Рид Д. Избранное. Кн. 1. М., 1987. С. 152.

^{****} Второй Всероссийский съезд рабочих и солдатских депутатов. М.; Л., 1928. С. 107.

Что ж, может быть, большевики и могут захватить власть, но больше трех дней им не удержать ее. У них нет таких людей, которые могли бы управлять страной. Может быть, лучше дать им попробовать: на этом они сорвутся...»^{*} Особенно распространенными подобными настроениями были в провинциальных центрах. В Екатеринодаре рассуждали так: «...Нарыв прорвался, ход событий приведет к благополучному разрешению кризиса. Большевиков прогонят, придут более энергичные, чем были до сих пор? люди и направят государственный корабль на надлежащий путь». В Москве после недели ожесточенных боев противники согласились разойтись, испытывая некоторое облегчение от того, что кровопролитие прекращено. Лишь некоторые обыватели склонны были считать, что возглавлявший белогвардейцев полковник К. И. Рябцев совершил предательство^{**}.

Некоторые представители культурной элиты ухитрились видеть в происходящем своего рода символическую эстетику. Через неделю после переворота А. Бенуа радовался, что «из-за выпавшего снега сразу все стихло», а у Зимней канавки можно было наблюдать «романтическую картину»: «...блеск пылающих костров за черным силуэтом парашюта моста», в которую органически вписывались «греющиеся у костров солдаты»^{***}.

Парадоксально, но у власти оказались те, кому нужна была не власть, а мировая революция. «Либо русская революция приведет к движению в Европе, либо уцелевшие могущественные страны Запада раздавят нас», – заявил на съезде Троцкий^{****}. Ленин рассчитывал, что свержение старой власти послужит толчком к революционным взрывам в Европе. Позднее он искренне удивлялся, что большевикам удается «продержаться» у власти столь долго, ибо они всего лишь начали и ведут «войну против эксплуататоров»^{*****}. А. Бенуа заметил в Троцком «дух разрушения» и готовность принести себя в жертву, чтобы «зажечь такой пожар, который... вынудил бы весь мир переустроиться по-новому»^{*****}. Так думали многие левяки. 2 ноября 1917 г. на заседании Петроградского комитета большевиков было произнесено буквально следующее: «Мы никогда не считались с тем, будем ли мы победителями или нас победят»^{*****}. Получалось, что у власти оказались люди, менее всего склонные строить новую государственность.

^{*} Рид Д. Указ. соч. С. 95.

^{**} Булдаков В. П. Красная смута. С. 368.

^{***} Бенуа А. Н. Указ. соч. С. 220.

^{****} Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 3. С. 360.

^{*****} Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 268.

^{*****} Бенуа А. Н. Указ. соч. С. 223, 226.

^{*****} Цит. по: *Леонов С. В. Рождение советской империи: государство и идеология, 1917–1922 гг.* М., 1997. С. 118.

После переворота в течение 10 дней заседали «Временное правительство в изгнании» (6 членов последнего кабинета и 21 заместитель министров). Государственный банк выдавал деньги только по подписи его главы Никитина. Заседания обесмыслились после того, как 16 ноября большевики овладели Государственным банком. 17 ноября было подписано – в том числе и В. И. Вернадским – обращение к русским гражданам о созыве Учредительного собрания 28 ноября 1917 г. После этого Вернадский выехал в Москву – «доехал прекрасно – ночью вагон наполнился демобилизованными солдатами, были интересные разговоры»^{*}.

В Петроградской городской думе 28 ноября противники большевиков строили планы к открытию Учредительного собрания. Рассчитывали, что на демонстрацию в поддержку российской конституции выйдут рабочие. Надеялись, что к демонстрантам присоединятся солдаты-семеновцы, которые в случае сопротивления большевиков силой проложат депутатам путь в Таврический дворец. В день демонстрации на улицах было «полупразднично», большие магазины были закрыты. На улицах возникали митинги, ораторы, как всегда, «несли вздор». Затем где-то раздались выстрелы, «толпа шарханулась, но не очень». А в трамваях солдаты «скалили зубы над демонстрантами», им, как видно, дали команду «не путаться по улицам и не скандалить», а потому они только хихикали: «Берегите Учредительное собрание... Разгонять не надо, разве дать кулаком в ухо... Ишь ты, несут плакаты. Кажись, все жиды несут...» А. В. Тыркова, член кадетского ЦК, в Учредительное собрание уже не верила: «Никакие парламентские пути не выведут теперь Россию на дорогу. Слишком все спутано, слишком темно. И силы темные лезут... душат». Как признался накануне М. И. Скобелев, «стихиями мы все равно управлять не умеем»^{**}.

Переворот отнюдь не консолидировал противников большевиков. 9 ноября 1917 г. Р. В. Иванов-Разумник констатировал: «Партии омерзительны; фракционные раздоры и диктатура одного человека, искреннего, но недалекого, – погубили революцию»^{***}. В Петрограде городская дума не пожелала выслушать представителей Временного правительства; Комитет общественной безопасности 26 октября был создан без их участия. Но не только это помогло большевикам: в малых городах для их прихода к власти оказывалось достаточно нескольких десятков солдат^{****}. В ряде случаев, как это было 10 декабря в Калуге, они без колебаний расправлялись с манифестациями в поддержку

^{*} Владимир Вернадский. Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков. М., 1993. С. 117.

^{**} Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. С. 209–210.

^{***} Андрей Белый и Иванов-Разумник. С. 137.

^{****} Булдаков В. П. Красная смута. С. 335.

Учредительного собрания*. Но это была лишь одна из крайностей утверждения их господства.

В России всякая новая власть имеет обыкновение моментально обрести клерками и даже почитателями. Большевики отнюдь не стали разрушать старую управленческую машину, а просто направили в соответствующие ведомства своих комиссаров. И хотя большая часть служащих столиц забастовала, вызывало удивление, что в Москве у большевиков оказалось «столько исполнителей и столько перешло к ним». Между тем на службу к ним шли разные люди – кто из корысти, кто по нужде**. Писали, что «образовалась целая очередь из штрейкбрехеров», среди которых было много евреев. «Политикой они не интересовались, – констатировала антибольшевистская еврейская газета, – а просто рассчитывали получить тепленькое местечко***. По этой же причине к большевикам шли и обойденные старой властью офицеры. А. Бенуа, оправдывая свои контакты с Луначарским, писал, что большевики вовсе не представляются ему «менее приемлемыми и бездарными», нежели лидеры Февраля. Ему казалось, что «эти новые люди легкомысленны и *нелепы* во всю русскую ширь». В Смольном можно было наблюдать такую картину: солдаты, стерегущие великого князя Павла Александровича, уговорили его почитать им «Правду», и он, обкуриваемый со всех сторон махоркой (они вежливо просили у него разрешения покурить), послушно прочел газету от начала до конца****.

Труднее всего пришлось людям долга. Оказавшись во главе Ставки, Н. Н. Духонин терзался мрачными предчувствиями. Он был добросовестным службистом, отдававшим четкие распоряжения, направленные на сдерживание смуты и сохранение фронта*****. Его гибель от рук людей, намеренных покончить с войной, по-своему символична.

Для населения городов произошедшее казалось еще одним актом нескончаемой неразберихи. «Вот иллюстрация существующего в Москве внешнего порядка: в центре города, на Большой Лубянке, лежит уже пять днейдохлая лошадь...» – записывал наблюдатель 28 ноября 1917 г. Позднее он заметил в других местах еще несколько лошадиных трупов, окруженных стаями бродячих собак*****.

* В Калуге были убиты женщина-врач и сестра милосердия. Это вызвало конфликт между большевиками и левыми эсерами; представитель последних был удален из ВРК за «злоупотребления». См.: Общество и революция. С. 414–418.

** См.: Долгоруков П. Д. Великая разруха. Мадрид, 1964. С. 54; Аничков В. П. Указ. соч. С. 81–83.

*** Еврейская неделя. 1917. № 45–46, 12 декабря. С. 17.

**** Бенуа А. Н. Указ. соч. С. 222, 225.

***** См.: Поликарпов В. Д. Военная контрреволюция в России. 1905–1917. М., 1990. С. 314–320.

***** Окунев Н. П. Указ. соч. С. 116, 118.

Политические идеалисты оказывались наиболее беспомощными. Большевики ухитрились нейтрализовать знаменитый Викжель – Исполком Всероссийского союза железнодорожников, который мог парализовать любую власть в стране. Лидеры железнодорожников заколебались перед соблазном превращения в коллективного министра. В конечном счете, Викжель помог большевикам; его действия Керенский оценил как «предательство»*. Ленин, однако, доказывал, что Викжель «стоит на стороне Калединых и Корниловых»**. Ситуацию определяла не столько сила большевиков, сколько слабость их противников. В январе 1918 г. на I Всероссийском съезде профсоюзов среди делегатов было 273 большевика, 66 меньшевиков и 33 представителя других партий***.

Наивных делегатов съездов Советов крестьянских депутатов большевики также одурачили. Позднее М. А. Спиридонова признавалась: «Нашей преступной ошибкой явилось то, что мы распустили слюни, поверили большевикам и согласились обезглавить крестьянство, распустили отдельный Исп[олнительный] Ком[итет] Сов[етов] Крестьян[ских] Депутатов»****. Один из левых эсеров, член ВЦИК С. Зак вскоре после победы большевиков заявил: «Дело в том, что, насколько большевики сильны своим революционным расшатыванием устоев старого порядка, настолько они беспомощны, жалки, бессильны как творцы новых форм жизни... Контроль над производством, национализация банков и синдикатов, борьба с тем, что называют коммерческой тайной, и т. д. – все эти мероприятия... попали в большевистскую программу только благодаря... поразительной вере в силу “декрета”, введившего якобы новый порядок существования... Можно сказать она – эта вера образует вообще основу большевизма толка Ленина и Троцкого»*****. Зак не учитывал, что страна настолько зажала «спасительных» декретов, что готова была поверить в реальность их скорейшего осуществления. А пока немногие догадывались, что действия «петроградских факиров» приведут «через анархию и поножовщину к самодержавию»*****.

Тем временем провинция недоумевала. В Воронеже после перестрелки в конце октября все попрятались, магазины закрылись, «город совершенно вымер», жители «боялись погромов» и не могли понять: «Во имя чего переживает народ этот страх?» В Калуге в первой половине ноября циркулировали какие-

* *Вопле П.* Дни октябрьской революции и железнодорожники (материалы к изучению истории революционного движения на железных дорогах). М., 1924. С. 42.

** *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 43.

*** *Панкратова А. М.* Политическая борьба в российском профдвижении. 1917–1921. Л., 1927. С. 146.

**** Цит. по: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 230.

***** Знамя труда. 1917. 11 ноября.

***** Свобода и жизнь. 1917. 20 ноября.

то невероятные слухи «об ожидаемом нашествии большевиков, о разобранных рельсах и якобы даже выставленных у Муратовки против Калуги пушек...» В Тамбове орган местного (пока еще меньшевистско-эсеровского) Совета сообщал 19 ноября: «Когда известие о нападении на московские банки “Совета народных комиссаров” стало известно... возникла настоящая паника: вкладчики тотчас же потянулись за своими вкладами... в банках образовались настоящие “хвосты”... Однако банк производил выдачи не свыше 100 руб.» Помимо большевиков обывателям пришлось изрядно пострадать от уголовных элементов. В декабре в Одессе «воры грабили сколько хотели и где хотели, безнаказанно». Им пытались противостоять «жалкие фиктивные милиционеры». И это при том, что в городе находилось 11 тыс. безработных офицеров. Кое-где новая власть дозволила самооборону в «буржуазных» кварталах. Так было, в частности, в Саратове и Харькове*. В ряде городов большевистская власть несколько месяцев сосуществовала с беспомощными «буржуазными» самоуправлениями**. Мусульманские политики восприняли приход большевиков к власти по-разному: одни задумывались о сотрудничестве с ними, другие намерены были бороться, третьи надеялись, что «русская» революция их не коснется***.

Сами большевики вряд ли ожидали того эффекта, который произвел Декрет о земле. В Гжатском уезде Смоленской губернии даже на выборах в уездное земство побеждали большевики. В Духовщинском уезде той же губернии к началу декабря декрет был осуществлен в 25 имениях. Но, как сообщил большевик К. И. Радивилин, он был проведен «неправильно, неорганизованно, и нередки случаи убийств, диких насилий над личностью, даже над ничем не повинной интеллигенцией»****.

Опасаясь контрреволюции, большевики объявили кадетов «врагами народа», затем пригрозили карательными мерами «пособникам буржуазии». 4 ноября после выступления В. И. Ленина на заседании ВЦИК по вопросу о политике правительства, представители меньшевиков-интернационалистов, левых эсеров и умеренных большевиков задали вопрос в связи с практикой издания СНК декретов без согласования с ВЦИК Советов. По информации эсеровской газеты, Ленин ответил, что «теперь не время отчитываться перед Советами, но время действовать». Более того, добавил, что «если Петроградский Совет начнет мутить массу, он, Ленин, не остановится даже перед тем, чтобы расстрелять Совет»*****. Естественно, большевики изложили выступление

* Булдаков В. П. Указ. соч. С. 371.

** Соколов К. И. Тверская быль революции. Очерки революционной эпохи в Тверской губернии (1917–1922 гг.). Тверь, 1913. С. 13–20.

*** Исхаков С. М. Указ. соч. С. 284–285.

**** Ильюхов А. А. Революция 1917 года на Смоленщине. С. 198–199, 227.

***** Власть народа. 1917. 7 ноября.

Ленина в ином виде^{*}. Как бы то ни было, большевики нуждались в «своих» Советах, а потому на местах они с легкостью заменяли «соглашательские» Советы собственными ревкомками.

Поборники демократии все еще пребывали в надежде на «чудо» демократического выбора. «Мы до конца не понимали, что всякое небольшевистское Учредительное собрание абсолютно обречено, у нас еще оставался “предрассудок”, что вот это “мистическое” Учредительное собрание соберется и что-то такое сделает властное и решительное, – признавал гимназист-кадет. – Нам совсем не было известно тогда, что на верхах партии (кадетской. – В. Б.) смотрели на всю эту трагикомедию совершенно безнадежно»^{**}.

В конце года в Москве, где, несмотря на недавние бои, большевики вели себя «мягче», на одном из собраний либералы «поставили вопрос о мире с немцами». «К счастью, среди присутствующих все признали, что никакие, самые осторожные переговоры с немцами недопустимы, – отмечала Тыркова. – Но и союзников экономически побаиваются, особенно американцев. Хотят выяснить кое-что вместе с торг[ово]-пром[ышленными] кругами». Былые «властители дум» чувствовали себя не у дел. Известный «веховец» М. О. Гершензон заговорил о том, что «большевизм есть выпрямление народной души». А Д. И. Шаховской в начале февраля 1918 г. успокаивал себя тем, что «большевики полезны, потому что борются с казенщиной, с мечтательностью, с барством». Он предлагал сначала «усвоить правду большевиков», а потом «активно бороться с ними»^{***}.

2. Демократическая общественность и разгон

Учредительного собрания

(В. П. Булдаков, Т. Г. Леонтьева)

Развязку политической борьбы за российскую конституанту косвенно подтолкнула контрреволюция, начавшаяся концентрироваться на юге России. 27 декабря 1917 г. появилась декларация Штаба Добровольческой армии, где идея Учредительного собрания вроде бы поддерживалась. (На деле для лидеров добровольцев конституанта, «с ходу запевшая Интернационал», была в принципе неприемлема^{****}.) Как бы то ни было, большевики получили подобие формального основания утверждать, что вокруг Учредительного собрания группируется «вся контрреволюция». Крайние силы одинаково не

^{*} См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 56–57, 454.

^{**} ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 370. Л. 68–69.

^{***} Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. С. 211, 217.

^{****} См.: Лукомский А. С. Воспоминания. Берлин, 1922. Т. 1. С. 286; Деникин А. И. Очерки русской смуты. М., 1991. Т. 2. С. 199; АРР. Т. 10. С. 249.

верили в Учредительное собрание, но срединная масса была довольно решительно настроена на его поддержку.

В выборах в Учредительное собрание участвовало около 50 партий, всего же фигурировало около 220 избирательных списков. Поражало обилие «обывательских» списков губернского уровня (конечно, не имевших шансов на успех). Бульварная пресса потешалась над всеми партиями. «Нет партий, не замаранных кровью, – писала московская газета “Сигнал” 18 ноября. – Нет партий, не замаранных грязью». В последнем почему-то больше всех подозревались эсеры, хотя газета имела обыкновение чаще поносить «сумасшедшего Ленина» и пестуемых им «молодцев Вильгельма». Тем не менее голосовать на участки пришло около 60 % избирателей*.

Партии основательно готовились к выборам. По 74 гражданским избирательным округам (без фронтов и флотов) было заявлено 4753 претендента (одно имя могло фигурировать не более чем в пяти списках). Из них было 642 кадета, 427 народных социалистов, 596 меньшевиков, 225 эсеров, 513 эсеров совместно с представителями крестьянских Советов, 238 «национальных» социалистов, 589 большевиков. Социалисты составляли 60 % всех кандидатов, правые – 11,7 %. Результаты выборов явно не соответствовали списочным притязаниям: на 765 мест было избрано 15 кадетов, 2 народных социалиста, 15 меньшевиков, 342 эсера (45 %), 78 украинских эсеров (10,2 %), 12 украинских социал-демократов, 94 автономиста (от различных «национальных» списков) (12,3 %), 181 большевик (23,7 %). Кроме того, было выбрано 17 казаков, 8 представителей крестьянских Советов, 1 человек от христиан**.

Вопреки ожиданиям, главную конкуренцию большевикам в крупных городах составили либералы. В Петрограде они получили 26,2 % всех поданных голосов (большевики 45 %), в Москве – 34,2 % (большевики – 48,1 %). В целом эсеры и большевики выигрывали соответственно за счет крестьянства, с одной стороны, городских рабочих, солдат тыловых гарнизонов и армии – с другой. При этом средний возраст членов эсеровской фракции составлял 37,5 лет, большевистской – 34 года, кадетов – 51 год***.

Часть граждан предпочла выступить под флагом «религиозно-обновленческих» или консервативно-приходских объединений. При этом «православные» списки по числу собранных голосов уступили старообрядцам, не говоря уже о многочисленных «мусульманских» списках****. Налицо был парадоксальный результат: православная часть российских граждан оказалась

* См.: *Спирин Л. М.* Россия, 1917 год: из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 238, 273–328, 238.

** *Протасов Л. Г.* «Кто был кто» во Всероссийском Учредительном собрании // Крайности истории и крайности историков. М., 1997. С. 80–81, 85.

*** *Знаменский О. Н.* Всероссийское Учредительное собрание: История созыва и политического крушения. Л., 1976. Табл. 1, 2; 87–91.

**** См.: *Спирин Л. М.* Указ. соч. С. 273–328.

наиболее «политизированным» и «секуляризированным» сегментом русского общества. Характерно также, что «партии пролетариата» неожиданно отдали голоса многие крестьяне Витебской, Владимирской, Калужской, Костромской, Новгородской, Псковской, Рязанской, Смоленской, Тверской, Тульской губерний*. Очевидно, сказалось влияние солдат: случаи «политической левизны» были отголоском инерции бунтарства. Те же люди, которые голосовали за большевиков, требовавших закрепления «завоеваний революции» – мира, земли, федеративного устройства страны, – могли на следующий день выступить против них. Именно поэтому большевики, договорившись с левыми эсерами, начали планомерно и небезуспешно вести кампанию по дискредитации Учредительного собрания.

Ситуацию накануне открытия конституанты можно охарактеризовать как сплетение взаимных страхов и отчаянных надежд. У Публичной библиотеки на Невском висели гигантские «хоругви»: «слева рабочий, справа солдат трубит в трубу, посередине витязь... кладет обеими руками что-то в подобие урны». Петроградские обыватели между тем сплетничали о грядущей оккупации столицы немцами. «И часто те же люди, которые возлагают последние надежды на Учредительное собрание, возлагают теперь самые розовые надежды на эту оккупацию...» – писал по этому поводу А. Бенуа**.

Протокол единственного заседания Учредительного собрания производит впечатление сцены в бедламе. Такого заряда взаимной ненависти, выливающейся в площадное переругивание большевиков с эсерами, хамского свиста и животного гогота Таврический дворец не видел никогда. Невероятно, что в таких условиях В. М. Чернов, избранный председателем и, похоже, ощущавший себя премьером, в длиннейшей речи ухитрился произнести такие слова: «Эта наглядно проявившаяся “воля к социализму”, тяга к социализму широких масс России есть также событие небывалое в истории, и позвольте мне надеяться, что Учредительное собрание не замедлит в ближайших своих заседаниях рассмотреть вопрос о том, чтобы совещания великого социалистического “предконгресса мира” начались по инициативе государственного органа единственной верховной власти русского государства – Учредительного собрания»***.

Ф. Степун отмечал в Чернове «дар оппортунистически-артистического приспособленчества» – тот «не стеснялся никакими приемами, способными развлечь и подкупить аудиторию»****. Увы, теперь это не срабатывало. Умеренные социалисты до такой степени были заморожены собственными доктринами

* См.: *Протасов Л. Г.* Всероссийское Учредительное собрание. С. 363–365; *Спирин Л. М.* Указ. соч. С. 276–317.

** *Бенуа А. Н.* Указ. соч. С. 294, 301, 318.

*** См.: Учредительное собрание. Россия 1918. Стенограмма и другие документы. М., 1991.

**** *Степун Ф.* Указ. соч. С. 347.

(в которых не находилось места объяснению устойчивости власти большевиков), что трибуна Учредительного собрания представлялась им местом, где произносится магическое заклинание, разгоняющее их как наваждение. Сами эсеры признавали, что «речь Чернова была отвратительна». Она была произнесена за несколько часов до тихого разгона конституанты, которая торопливо приняла то ли законы, то ли резолюции, фактически продублировавшие большевистские акты о земле, федерализации страны и даже мире. А. В. Тыркова отмечала, что к началу открытия Учредительного собрания эсеры «раскисли, теряют почву, в своих декларациях повторяют слова большевиков». «Кому из них хотеть победы?» – задавалась она риторическим вопросом^{*}.

Заседание закрылось в 4.40 утра 6 января 1918 г., делегаты успели переутвердить время начала следующего заседания – не в 12.00, а 5 часов пополудни, дабы отоспаться. Прошло уже более 12 часов с начала заседания, которое большевики дозволили открыть только после того, как улицы столицы были очищены от демонстраций в поддержку Учредительного собрания, под заранее объявленным предлогом, что на них объединятся все силы контрреволюции.

Противоречивые газетные сведения о расстреле манифестантов суммируют в своих книгах Г. З. Иоффе и Р. Пайпс. Получается, что жертв было до 30 человек из примерно 50 тысяч демонстрантов^{**}. Как обычно, ходили преувеличенные слухи о количестве погибших, о чудовищности расправ. По мнению Р. Пайпса, «организаторы демонстраций рассчитывали, что случившиеся убийства зажгут пламя народного гнева», но этого не случилось^{***}. Вряд ли ожидаемое могло случиться, ибо известный писатель М. П. Арцыбашев к тому времени уже успел публично, в газете, именовавшей себя органом «индивидуалистов-революционеров», обозвать интеллигенцию «крысиным племенем» за то, что началось тихое бегство ее представителей из России^{****}. Массы попросту некому было возглавить.

Поскольку Учредительное собрание представлялось «эсеровским», представители едва ли не всех других партий реагировали на его разгон своеобразно. Кадеты едва ли не злорадствовали, отмечая, что оно было не в состоянии выполнить задачу восстановления в стране порядка. Одна из интеллигентских газет выражалась еще хлеще: Учредительное собрание не только не поднялось до конституанты, но и не поднялось выше обычного митинга – в силу своего партийного состава оно показалось народу пустой «заграничной игрушкой»^{*****}. Увы, торжество права в социальной среде, разгоряченной насилием, было невозможно.

* Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. С. 212.

** См.: *Иоффе Г. З. Указ. соч.* С. 213; *Пайпс Р. Указ. соч.* Ч. 2. С. 224–225.

*** *Пайпс Р. Указ. соч.* Ч. 2. С. 225, 230.

**** Свобода (Москва). 1918. 1 января.

***** Свободное слово. 1918. 15, 21 января.

Казалось, Русская Православная Церковь могла, воспользовавшись своим авторитетом, организовать серьезную оппозицию большевистской власти. Ничего подобного, однако, не произошло.

4 декабря СНК издал декрет «О земельных комитетах», что, по существу, означало национализацию всех церковных земель. 11(24) декабря 1917 г. постановление Наркомпроса о передаче «дела образования и воспитания» всех церковных школ, включая семинарии и академии, в ведение народного комиссариата просвещения, об упразднении в учебных заведениях должностей законоучителей всех исповеданий. Религиозному образованию, а равно и духовному сословию, наносился сокрушительный удар. Декрет 18 декабря о гражданском браке вводил вместо церковных браков гражданскую регистрацию, венчание сохранялось как частная практика. В начале января были ликвидированы ведомства придворного и военного духовенства. Церковные службы и требы разрешалось проводить только по запросам «коллективов верующих» с обязательствами содержания храмов и причтов*. Между тем «соборяне» предвещали близкий и неизбежный «крах социализма»**. Но большевики были настроены решительно. Новоиспеченные периферийные управленцы получали уникальную возможность проявить себя в борьбе с религиозными пережитками. Начались аресты «церковников», включая неправославных и сектантов***.

23 января 1918 г. последовал Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви – то, что Временное правительство собиралось проводить в жизнь постепенно, было осуществлено резко и безапелляционно. Возможно, декрет был поспешным ответом на анафему патриарха от 19 января в адрес «безумцев», «извергов рода человеческого», повинных в «ужасных и зверских избиениях» невинных людей. Формально в этом тексте не говорилось о большевиках, но никто не сомневался, о ком идет речь****.

Декрет лишал церковь прав юридического лица, запрещал владение любым имуществом и денежными средствами, ставил вне закона открытие каких-либо учебных заведений, кроме предназначенных для подготовки священнослужителей, а также преподавание Закона Божьего во всех школах, включая воскресные. Все имущество, включая храмы, отбиралось у церкви и передавалось в безвозмездное арендное пользование мирянам. Прекратили деятельность синодальные типографии*****. Одним словом, церковь как институт «сужалась» до масштабов общины.

* Куроедов В. А. Религия и церковь в советском государстве. М., 1981. С. 47–48.

** Церковные ведомости. Прибавления. 1918. № 17–18. С. 573.

*** Клементьев В. Ф. В большевицкой Москве. М., 1998. С. 380; ГАТО. Ф. Р–1998. Оп. 1. Д. 252.

**** Акты святейшего патриарха Тихона... С. 82–85.

***** Церковные ведомости. Прибавления. 1918. № 17–18. С. 579–580.

Поместный Собор оценил декрет отрицательно – его называли даже «бредом сумасшедшего». Получила хождение листовка, в которой говорилось, что провозглашенная большевиками свобода совести – это свобода «для Сатаны и его слугителей»^{*}. Так действительно выглядели акции, вроде той, что состоялась в Новониколаевске: большевики явились в церковь, намереваясь арестовать священника, сжечь иконы и конфисковать имущество^{**}. Депутаты Собора, возвратившиеся ко времени выхода декрета с рождественских каникул, с ужасом говорили о всеобщей ненависти и злобе «простецов», убежденных, что «кто уничтожает попов и буржуев, тот делает доброе дело для родины». Особенно усердствовали в «революционной проповеди» солдаты и матросы. Реформаторы добивались иных перемен, теперь же им приходилось констатировать, что «церковь не только приравнивается к обыкновенному мирскому обществу (торгово-промышленному товариществу, кооперативному союзу...), но даже не имеет прав подобного общества... приравнивается к каторжнику»^{***}.

Декреты, действительно, вытесняли церковь из привычной социокультурной ниши, превращали ее (с правовой точки зрения) в совокупность общин, хотя некоторые уступки принципу коллегиальности не разрушали пока привычную систему взаимоотношений в епархиях^{****}. Приходские общины-двадцатки (узаконены декретом 24 августа 1918 г.), региональные объединения прихожан, союзы верующих и лиц духовного звания создавались даже в маленьких городках. Но такая «демократизация» управления встречала сопротивление. Власти, санкционировавшие «свободу», запрещали подобные объединения под предлогом, что они превращаются в политические организации. По этой же причине подавлялись любые антидекретные выступления^{*****}.

Насильственный роспуск Учредительного собрания, репрессивные декреты советской власти, осуждение «соборными» условий Брестского мира («позорный договор»), первые жертвы и узники, закрытие монастырей показали, что возможности диалога церкви и государства исчерпаны^{*****}. 8 сентября 1918 г. Поместный Собор прекратил свою работу. Конституция

^{*} На это обратили внимание по преимуществу зарубежные исследователи. См.: *Peris D. Commissars in Red Cassocks: Former Priests in the League of the Militant Godless // Slavic Review. Vol. 54. no. 2. Summer 1995*; *Roslof E. The Heresy of "Bolshevik" Christianity: Orthodox Rejection of Religious Reform during NEP // Slavic Review. Vol. 55. No. 3. 1996*.

^{**} Церковные ведомости. Прибавления. 1918. № 11–12. С. 420.

^{***} *Голубцов С. Московское духовенство в преддверии и начале гонений 1917–1922. М., 1999. С. 43–45, 49.*

^{****} См.: *Собрание определений и постановлений Собора Российской Православной церкви 1917–1918 гг. Вып. 1. М., 1994. С. 31–33.*

^{*****} *Ианнуарий (Недачин), архим. Указ. соч. С. 20, 30, 46–48.*

^{*****} См.: *Священный Собор. Вторая сессия. С. 103–113; Емелья Л. И. Указ. соч. С. 133–140; Смолич И. К. Указ. соч. С. 742.*

РСФСР 1918 г. лишила приходское и монашествующее духовенство избирательных прав^{*}.

Многomesячный кризис власти, казалось, закончился на III Всероссийском съезде Советов, открывшемся на следующий день после намеренно приуроченных к 13-й годовщине «кровавого воскресения» похорон жертв большевиков. Съезд Советов на сей раз подключил к себе и крестьянских депутатов. Любопытно, что из его делегатов полностью одобрили все декреты Советской власти 83,7 %, к Учредительному собранию отнеслись отрицательно 54,9 %, причем даже не все большевики одобрили его разгон^{**}. По партийному составу на объединенном съезде оказалось до 60 % большевиков с сочувствующими, 25 % – левых эсеров. III Всероссийский съезд Советов оказался многочисленным – едва ли не 2 тыс. (с учетом приезжавших стихийно к его закрытию 18 января). Именно здесь новая государственность обрела подобие своего лица – РСФСР, что откровенно рассматривалось как центр добровольного присоединения новых советских республик, вплоть до создания «всемирной» федерации Советов.

3. Большевики, интеллигенция, предприниматели **(В. П. Булдаков, М. К. Шаццлло)**

Октябрьско-ноябрьские бои в Москве вызвали сильнейшую тревогу среди интеллигенции. Муссировались слухи о страшных разрушениях в Кремле. В знак протеста 2 ноября подал в отставку нарком просвещения А. В. Луначарский, но СНК с этим не согласился. На следующий день нарком выпустил обращение «Берегите народное достояние». Но 4 ноября Московский ВРК заверил, что в результате боев «ни одно здание, имеющее археологическую ценность, не разрушено до основания или хотя бы частью»^{***}. Тем не менее члены Союза деятелей искусств выразили протест против случившегося.

А. Блок со своей поэмой «Двенадцать» отнюдь не стал выразителем позиций интеллигентского большинства. «Христос в “Двенадцати” не к месту... неловко, когда читаешь», – считал А. Ремизов^{****}. Сам он в 1918 г. в «Заповедном слове русскому народу» твердил: «Горе тебе, русский народ! ...Необузданный в жадном стяжании, обокравший самого себя, расточитель наследия отцов, ты все промотал русский народ, сам заложился и душу продал. ...Будешь скитаться ты из рода в род со скорбью своей безысходной... духу не хватит тебе

^{*} Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1.

^{**} *Лавров В. М.* Указ. соч. С. 227.

^{***} Цит. по: *Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 г.* М., 1983. С. 415.

^{****} *Ремизов А. М.* Царевна Мымра. Тула, 1992. С. 371.

разорвать цепи». Напротив, А. Белый весной 1918 г. сочинил поэму «Христос воскрес» – все зависело от угла зрения на происходящее. Творческие люди пытались уловить в происходящем некий высокий смысл. «...Смертелен закон революции, но эта смерть – для зачатия новой жизни...» – писал, к примеру, Е. Замятин*.

Луначарский приложил немало сил для привлечения представителей старой культуры, планировал создать «Государственную Комиссию по народному просвещению», «Государственный Театральный Совет» и «Комиссию Искусства и Национальных Дворцов». Но, похоже, рвались сотрудничать с наркомом только В. Э. Мейерхольд, В. В. Маяковский и О. М. Брик, причем последний вел себя непоследовательно, иной раз публично «отрекаясь от социализма». Позднее С. Маковский предложил Луначарскому стать посредником между ним и «всеми художниками»**.

Научная общественность поначалу реагировала на переворот однозначно. 21 ноября 1917 г. Общее собрание Академии наук утвердило текст обращения, подготовленного комиссией в составе А. С. Лаппо-Данилевского, С. Ф. Платонова, М. И. Ростовцева, А. А. Шахматова. В нем говорилось: «Великое бедствие постигло Россию: под гнетом насильников, захвативших власть, русский народ теряет сознание своей личности, своего достоинства; он продает свою душу и, ценою постыдного и неравного сепаратного мира, готов изменить союзникам и предать себя в руки врагов... Россия не заслужила такого позора: всенародная воля вручает ответственное решение ее судьбы Учредительному собранию»***. Однако некоторые академики склонялись к сотрудничеству с большевиками. Так, бывший министр просвещения Временного правительства известный востоковед С. Ф. Ольденбург неожиданно уверовал в искренность Ленина (хотя решительно отказывался верить Троцкому и Луначарскому)****.

Университетская профессура поначалу горячо протестовала против большевистского переворота в соответствующих резолюциях*****. 9 декабря ученый совет Казанского университета присоединился к своим коллегам из Харькова, заклеившим «группу фанатиков и темных дельцов», захвативших власть накануне Учредительного собрания «с помощью обманутой ею вооруженной толпы». Профессора выступали за продолжение войны, опасаясь, что заклю-

* Замятин Е. Мы. Роман, повести, рассказы, пьесы, статьи и воспоминания. Кишинев, 1989. С. 511.

** См.: Бенуа А. Н. Указ. соч. С. 212–213, 217–218, 279, 281, 292, 312, 315, 250.

*** Цит. по: Памяти Ю. Д. Марголиса. Письма, документы, научные работы, воспоминания. СПб., 2000. С. 521.

**** Бенуа А. Н. Указ. соч. С. 229.

***** McClelland J. C. The Professoriate in the Russian Civil War // Party, State, and Society in the Russian Civil War. Exploration in Social History. Bloomington and Indianapolis, 1989. P. 244.

чение сепаратного мира с Германией «исторгнет Россию не только из ряда великих держав, но и из семьи народов, создающих общим трудом науки, искусства и промышленность...»^{*} Но не все столь резко реагировали. В январе 1918 г. созванное по инициативе президиума Академии наук совещание представителей высших учебных заведений и научных учреждений постановило учредить особый Российский совет ученых для защиты автономии научных учреждений. При этом деловое сотрудничество с властью не исключалось. Вскоре совет Политехнического института постановил войти в деловые отношения с СНК. В феврале 1918 г. совещание представителей Академии наук и ректоров высших учебных заведений, обсудив вопрос о «вступлении в деловые отношения с властью, распоряжающейся финансами государства», признало невозможным избегать «таковых сношений»^{**}. Пытались сотрудничать с большевиками и такие видные ученые и общественные деятели, как Н. Н. Кутлер, И. Х. Озеров, М. И. Боголепов, А. И. Буковецкий^{***}.

В ответ на большевистский декрет о печати, предусматривающий закрытие «буржуазных» газет, 26 ноября 1917 г. Союз русских писателей выпустил однодневную «Газету-протест». В числе ее авторов были представители самых различных литературно-творческих и общественно-политических групп – В. Короленко, З. Гиппиус, Д. Мережковский, Е. Замятин, Ф. Сологуб, В. Засулич, А. Потресов, П. Сорокин, М. Неведомский и другие. Названия статей говорили сами за себя: «Слова не убить», «Осквернение идеала», «Красная стена», «Слуги дьявола», «Насильникам», «Протест против насилий над печатью» и т. п. Но это скорее походило на чисто ритуальную акцию, нежели на готовность противостоять «узурпаторам».

Гиппиус и Мережковский просили «свести с Луначарским, – писал К. Чуковский. – Вот люди! Ругали меня на всех перекрестках за мой якобы большевизм, а сами только и ждут, как к большевизму примазаться». Эта литературно-супружеская пара хотела не только избежать «уплотнения», но и всерьез надеялась на кинопостановку «Павла» и «Александра» Мережковского. «Уверен, что чуть только дело большевиков прогорит – Мереж<овские> первые будут клеветать на меня», – вздыхал Чуковский^{****}. Между прочим, Луначарский сразу же оброс своего рода свитой, среди которой особенно заметна была Л. М. Рейснер, которая видела свою миссию в том, чтобы не допускать до наркома «всех, кто влезет из жадных до пирога»^{*****}. Граф В. П. Зубов стал вхож к нему в связи со своей деятельностью по сохране-

^{*} Литвин А. Л. Ученые Казанского университета во время смены политических режимов // Власть и наука, ученые и власть. С. 124–125.

^{**} Купайгородская А. П. Объединение научных и высших учебных заведений Петрограда (1917–1922) // Власть и наука, ученые и власть. С. 187–188.

^{***} Ананьич Б. В. Указ. соч. С. 23.

^{****} Чуковский К. Указ. соч. С. 93.

^{*****} Бенуа А. Н. Указ. соч. С. 378.

нию от разгрома Гатчинского дворца. Благодаря этим контактам граф приобрел репутацию «коммуниста»^{*}.

Возможно, сближению части старой интеллигенции с новыми правителями способствовало то, что «театры и театральные люди были у новой власти в некотором фаворе». Ф. И. Шаляпин считал, что большевики надеялись использовать людей творчества в целях собственной пропаганды. Вероятно, сказывалось и желание большевиков предстать «цивилизованной» властью. «...С такими революционерами как-то и жить приятнее: если он и засадит тебя в тюрьму, то по крайней мере у решетки весело пожмет руку...» – считал Шаляпин^{**}.

Иные деятели культуры и науки «оправдывали» большевиков, заявляя, что вся старая Россия своими грехами заслужила «здоровую встряску», что их диктатура лучше буржуазной диктатуры «аршинников». В таком духе высказывались, к примеру, и поэт В. Ф. Ходасевич, и черносотенец профессор Б. В. Никольский^{***}. Другие считали, что «в любом случае обязаны оставаться в распоряжении новой власти ради спасения ценностей высшего порядка»^{****}. В конце января 1918 г. А. Бенуа признавался, что, сотрудничая с новой властью, он надеялся не только предотвратить разграбление культурного наследия, но отвести угрозу квартирного «уплотнения». Несмотря «на все ужасы, связанные с “большевистским опытом”», его симпатии оставались на стороне людей, пришедших к власти. Он объяснял это тем, что «старый строй действительно обречен на полное исчезновение»; и потому теперь воспоминания о «всей “упадочнической душе” этого отжившего мира» вызывают такую тошноту, что он «готов принести какие угодно жертвы, только бы не возвращаться в это болото». Последние «вспышки его монархизма» гасли, несмотря на «весь нелепый деспотизм большевизма, всю безнадежную бестолковость его представителей»^{*****}.

Порой обращение интеллигенции в «сторонников» новой власти происходило словно само собой. После Октября «лозунг “грабь награбленное”... продолжал действовать, к большому смущению правительства»^{*****}. Всевозможные «общественные организации» торопились «обобществить» собственность «помещиков и буржуазии». Так, в январе 1918 г. окрестные крестьяне решили отобрать землю и инвентарь у Воронежского сельскохозяй-

^{*} *Зубов В. П.* Страдные годы России. М., 2004. С. 61; *Миклашевская Л.* Повторение пройденного. Из воспоминаний // *Миклашевская Л., Катерли Н.* Чему свидетели мы были. СПб., 2007. С. 150.

^{**} *Шаляпин Ф. И.* Маска и душа. Мои сорок лет на театрах. М., 1990. С. 181, 212.

^{***} *Розенталь И. С.* Указ. соч. С. 31.

^{****} *Зубов В. П.* Указ. соч. С. 61.

^{*****} *Бенуа А. Н.* Указ. соч. С. 427.

^{*****} *Зубов В. П.* Указ. соч. С. 107.

ственного института. Хотя его сотрудники были настроены отнюдь не большевистски, они все же обратились с жалобой в местный ВРК. Результат превзошел все ожидания: власти не только решили этот спор в пользу аграрников, но и погасили задолженность по зарплате и предложили ученым избрать своих представителей в губернский отдел народного образования. Ученые, среди которых был и широко известный позднее историк-аграрник П. Н. Першин, поспешили признать Советскую власть*.

Для многих представителей культуры решающую роль сыграло то, что большевики представляли хоть какую-то, но власть. Даже великие князья ходатайствовали перед Луначарским о сохранении художественных ценностей, находящихся в их дворцах**. Академики А. П. Карпинский, В. А. Стеклов и С. Ф. Ольденбург, судя по всему, поддались на уговоры Луначарского, обещавшего сохранение университетской автономии***.

Известный химик ген. В. Н. Ипатьев был убежденным монархистом, а потому не поддержал даже Временное правительство. Но он призывал своих коллег в Химическом комитете не прерывать своей деятельности после Октября, полагая, что военный не может останавливать своей деятельности во время войны. Подобную точку зрения он отстаивал и на заседании Физико-математического отделения Академии наук. По его мнению, интеллигенция не имела права вступать в оппозицию к правительству, стремящемуся восстановить сильную государственность****. Большевики со своей стороны оказали ученому-монархисту экстраординарное доверие. Академик-лингвист Н. Я. Марр, подписавший в свое время протест против большевиков, со временем не только начал сотрудничать с ними, но и вступил в их партию.

Со многими научными учреждениями было и того проще. Весной 1918 г. большевики начали субсидировать созданную в 1915 г. по инициативе В. И. Вернадского Комиссию по изучению естественных производительных сил страны (КЕПС). В рамках ее было решено воссоздать Государственный оптический институт (ГОИ). 18 октября 1918 г. ГАУ, во главе которого уже стояло большевистское руководство, запросило кредиты у СНК на восстановление оптической промышленности. 15 ноября возглавлявший Государственный оптический институт (ГОИ) Д. С. Рождественский получил запрос от Высшего совета народного хозяйства о возможностях производства биноклей для Красной армии. Рождественский, социалист по убеждениям, не только ответил положительно, но и нарисовал радужные перспективы развития всей оптической промышленности, управляемой научным коллегиаль-

* См.: Ульяновская В. А. Формирование научной интеллигенции в СССР. 1917–1937 гг. М., 1966. С. 74–77.

** Бенуа А. Н. Указ. соч. С. 447–448.

*** Bailes K. E. Natural Scientists and the Soviet System // Party, State, and Society in the Russian Civil War. P. 271, 273.

**** Ipatjef V. N. The Life of Chemist. Stanford, 1946. С. 246, 259–260, 263, 285–330.

ным органом. Первое штатное расписание института, составленное в голодном обезлюдевшем Петрограде весной 1919 г., включало в себя 35 специалистов^{*}.

Интеллигенция продолжала жить иллюзиями, так или иначе связанными с возрождением традиционной государственности. Московская лига федералистов, к которой имел отношение П. А. Кропоткин, теоретизировала над «задачей воссоединения в том или ином виде разодранного тела России». Ее члены критически относились к старому «неудачному» административному делению империи и соответственно склонны были оправдывать существующую ситуацию «первоначального распада»^{**}. Большевистским «федералистам» подобные взгляды были только на руку.

Многие интеллигенты по привычке держались веры в «спасительную» – неважно какую – власть. «Пусть Ленин все равно какой, мне нужен в Ленине человек убежденный, честный, сильный», – признавался М. Пришвин^{***}. Именно вера и решительность большевиков обезоруживала тех, кто вроде бы должен был восстать против них. Характерно, что наиболее дезориентированными и беспомощными в ноябре 1917 г. смотрелись те, кого совсем недавно принято было считать «опорой старого режима» – высшие сановники, аристократия, великие князья. Некоторые из последних «целыми днями играли в клубе», «сами выстаивали в хвостах за хлебом, наслаждаясь разговорами “улицы”»^{****}. Старая Россия уходила в прошлое. Людям творчества, особенно из числа преуспевших, оставалось лишь, подобно Шаляпину, утешать себя тем, что «в том соединении глупости и жестокости, Содома и Навуходоносора, каким является советский режим», есть нечто «подлинно российское» – «наше родное уродство»^{*****}.

Если к людям творческим большевики поначалу отнеслись довольно терпимо, то Декрет о земле, а затем и закон о ее социализации стали прологом к полной ликвидации основ предпринимательской деятельности. Затем последовало Положение о рабочем контроле, принятое 14(27) ноября 1917 г. Этот акт не просто поставил в правовые рамки деятельность фабрично-заводских комитетов по осуществлению контроля «над производством, куплей, продажей продуктов и сырых материалов, хранением их, а также над финансовой стороной предприятия»^{*****}. Он превратил институт рабочего контроля в мощный аргумент в пользу «пролетарского» характера власти.

^{*} Гуло Д. Д., Осинковский А. Н. Дмитрий Сергеевич Рождественский. М., 1980. С. 69–70, 76–77; Труды Государственного оптического института им. С. И. Вавилова. 1993. Т. 83. Вып. 217. Приложение. С. 19–24.

^{**} Письма – больше, чем воспоминания... С. 340.

^{***} Пришвин М. М. Указ. соч. С. 91.

^{****} Бенуа А. Н. Указ. соч. С. 218–220.

^{*****} Шаляпин Ф. И. Указ. соч. С. 222.

^{*****} Декреты Советской власти. Т. I. С. 78–85.

Однако предприятия могли пользоваться относительной свободой хозяйственной деятельности. На практике рабочий контроль над производством не означал прямого вмешательства в производственный процесс, руководителями которого в качестве «буржуазных специалистов» зачастую оставались прежние владельцы. При этом сохранялась прежняя система управления предприятиями, в силе оставалось право владения акциями и получение дивидендов, старой администрации выплачивалось жалование.

Зимой 1917 – весной 1918 г. было принято три постановления фундаментального характера, которые вместе с законом о социализации земли по сути дела запустили механизм коренной перестройки хозяйственной жизни.

Согласно декрету СНК о национализации банков, принятому 14(27) декабря 1917 г., банковское дело монополизировалось государством, все кредитные заведения объединялись с Государственным банком. При этом большевистское правительство поспешило заявить о полном обеспечении интересов мелких вкладчиков (что, однако, не было сделано). За этим декретом последовала серия регламентирующих постановлений: о ревизии стальных ящиков в банках, о временном прекращении платежей по купонам и дивидендам, об аннулировании государственных займов, о конфискации акционерных капиталов бывших частных банков*.

Второй декрет общего характера «О национализации торгового флота» был принят 23 января (5 февраля) 1918 г. Теперь все внешние и внутренние грузопассажирские перевозки по водным путям могли осуществляться только под контролем новой власти в лице соответствующих комиссаров. В результате бывшие хозяева и управленцы по сути дела превращались в государственных служащих по найму**.

Третьим актом стал декрет о национализации внешней торговли от 22 апреля 1918 г. Согласно закону все «торговые сделки по покупке и продаже всякого рода продуктов (добывающей, обрабатывающей промышленности, сельского хозяйства и пр.) с иностранными государствами и отдельными предприятиями за границей» должны были производиться «от лица Российской республики специально на то уполномоченными органами»***.

В результате большевики создали почву для национализации всех отраслей народного хозяйства. Если в первые месяцы процесс огосударствления носил хаотичный характер, то к весне 1918 г., т. е. к моменту выхода советской России из войны, он приобрел черты последовательной и целенаправленной политики преобразования хозяйственной системы страны.

Поначалу предприниматели – та самая буржуазия, которую большевики намеревались уничтожить как класс, – отнеслись к октябрьскому перевороту как к досадной неприятности. К тому же, как вспоминал крупный предпри-

* Декреты Советской власти. Т. I. С. 225–231, 285, 386–387, 390.

** Там же. С. 396.

*** Там же. Т. II. С. 158–159.

ниматель В. А. Ауэрбах, первоначально «в общих чертах порядка оставались теми же, как и при Временном правительстве, и казалось, что произошел не переворот, а смена кабинета»^{*}.

9 ноября 1917 г. Всероссийский союз торговли и промышленности («Протосоюз»), представлявший интересы преимущественно московской буржуазии и предпринимателей Центральной России, постановил выработать циркулярное воззвание, определяющее «общую линию поведения торгово-промышленного класса при создавшихся условиях». В утвержденном 13 ноября тексте обращения предприниматели призывались «всемерно укреплять свои организации» и «самым энергичным образом выступить в защиту попранных прав народа». Со временем оказалось, что, несмотря на акции бойкота и участие в подпольных антисоветских организациях, предприниматели до известных пределов готовы были идти на сотрудничество с новой властью. Уже в декабре 1917 г. члены «Протосоюза» продемонстрировали готовность считаться с теми шагами новой власти, которые «могут принести известную пользу при разрешении рабочего вопроса на местах и помочь найти выход из возможных в этой области затруднений». 13/26 февраля «Протосоюз» согласился с новой системой налогообложения, а 11 апреля 1918 г. установил «деловые отношения» с большевиками «по вопросам налагаемых на торгово-промышленный класс контрибуций»^{**}.

До лета 1918 г. карательная политика по отношению к «классовым врагам пролетариата» проводилась скорее эпизодически. Даже предприниматели, проявлявшие нелояльность к новой власти, не подвергались жестокому преследованию. Когда 29 ноября 1917 г. на основании декрета СНК «Об аресте вождей гражданской войны против революции» был заключен под стражу председатель Совета съездов промышленности и торговли Н. Н. Кутлер, предпринимательские организации вступили в переписку с ВЧК о необходимости его освобождения. Через три недели он вышел на свободу^{***}. Однако вскоре его имя вновь попало в поле зрения ВЧК.

В конце декабря 1917 г. при личном участии Ф. Э. Дзержинского началось расследование деятельности центрального стачечного комитета Союза союзов государственных служащих. Как выяснилось, Кутлер передал бастующим сотрудникам девяти столичных банков свыше миллиона рублей, полученных от нескольких московских предприятий. Руководители стачки были арестованы, однако после получения подписки об отказе от саботажа были освобождены. До окончания следствия под арестом находился лишь председа-

^{*} Ауэрбах В. А. Революционное общество // Архив русской революции (АРР). Т. 16. С. 53.

^{**} Шацлло М. К. Предприниматели Москвы и Петрограда в первый год Советской власти // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». Вып. 3. 2011. № 19. С. 82–83.

^{***} РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 32. Л. 9–12.

тель Союза союзов Кондратьев, но затем был освобожден и он^{*}. Что касается Кутлера, то снисходительное отношение к нему вполне оправдало себя: менее чем через год он начал сотрудничать с большевиками, стал членом правления Государственного банка РСФСР, участвовал в подготовке и реализации денежной реформы 1922–1924 гг.^{**}

Даже такие радикальные акции большевиков, как захват Государственного банка (ноябрь 1917 г.) и начало национализации частных банков (декабрь 1917 г.) оставляли до поры свободу маневра для предпринимателей. Вопреки идеологическим установкам, большевики вынуждены были терпеть своих «классовых врагов» в силу ряда обстоятельств: опасений остановки производства и окончательного паралича народного хозяйства со всеми вытекающими отсюда социальными последствиями; элементарной нехватки руководящих сил для организации «социалистической» экономики. В связи с этим задача тотального искоренения буржуазии отступала на задний план. Партия революционного разрушения капиталистического наследия превращалась в инструмент поддержания своей власти любой ценой.

4. Революция приходит на окраины (*В. П. Булдаков*)

Победа большевиков в столице ускорила разложение армии. В Бессарабской губернии солдатами 16-го и 17-го корпусов были «разрушены и сожжены крупнейшие экономии... совершен ряд бессмысленных убийств, грабежей и насилий». В Полоцке были «разгромлены лавки и похищены продукты». В Кутаиси солдаты разгромили магазины, велась беспорядочная стрельба, были убитые и раненые. В Екатеринодаре солдатами был убит казачий офицер, стрелявший в них за оскорбления в свой адрес. На Западном фронте в запасном батальоне 132-й дивизии солдатами был избит до смерти полковник Макаревич; в 41-м Сибирском полку был убит даже член полкового комитета^{***}. В начале октября в Петропавловске Акмолинской области толпа солдат разгромила магазин и винный склад; в результате последовавших за этим насилий было убито несколько человек^{****}. На Юго-Западном и Румынском фронтах развернулась «украинизация» армии, причем «кацапам» было объявлено, что в случае ее непризнания они лишатся довольствия^{*****}.

Вопреки ожиданиям, провозглашенное 2 ноября 1917 г. СНК в «Декларации прав народов России» право на самоопределение было воспринято мусуль-

* *Голинков Д. Л.* Первое дело ВЧК // История СССР. 1965. № 4. С. 120–123.

** *Николаев М. Г.* Царский министр делает советские деньги. Страницы биографии Н. Н. Кутлера – одного из творцов денежной реформы 1922–1924 гг. М., 1999.

*** См.: Разложение армии в 1917 году. М.; Л., 1925. С. 148–149.

**** Курганское свободное слово. 1917. 6 октября.

***** *Лыков И. П.* Указ. соч. С. 134.

манами весьма критично^{*}. На отдаленных окраинах ситуация стала угрожающей. Так, в Ташкенте участники краевого съезда городских самоуправлений пытались найти форму существования с Советами, с одной стороны, мусульманами – с другой. Было предложено учредить в Ташкенте «правительственный кабинет» из 3 представителей от съездов Советов, 3 – от съезда городских самоуправлений, 6 – от краевого съезда мусульман^{**}. Но это не смогло спасти от эскалации насилия с преобладанием этноконфессионального компонента. После четырехдневных боев большевики пришли к власти в Ташкенте. Делиться властью с мусульманами они не собирались, о чем объявили публично, сославшись на то, что среди туземного населения нет пролетарских классовых организаций. Напротив, представители городских самоуправлений 13 ноября заявили о том, что мусульмане способны создать власть, соответствующую специфике края^{***}. Местное казачество также объединилось с мусульманами, составив совместный список на выборах в Учредительное собрание^{****}.

Впрочем, в центре большевики, не теряя надежд на мировую революцию, спешили с изоляцией «буржуазных» национальных движений. Именно с этой целью они пытались привлечь на свою сторону левых его лидеров. Первое время подобные маневры приносили большевикам некоторый успех – национальные лидеры терялись в политической обстановке.

Особое внимание В. И. Ленин уделял Украине: не только из страха перед «буржуазными националистами», сколько из-за боязни прекращения поставок хлеба. 4 декабря СНК в манифесте к украинскому народу заявил о признании Народной Украинской республики, ее права отделиться от России или вступить с ней в переговоры об установлении федеративных или иных взаимоотношений. Большевики не особенно лукавили: они искренне приветствовали все то, что помогало им удержаться у власти в видах мировой революции.

Положение Центральной рады становилось все более угрожающим: возбужденные солдаты готовы были объявить ее «контрреволюционной» только за то, что она пропускает на Дон казачьи части. 5 декабря на заседании большевистского СНК было решено «считать Раду в состоянии войны с нами». Война началась с разоружений враждебно настроенных солдат – как «большевиков», так и «украинцев». Центральная рада попыталась создать свой центр власти, не отказываясь от сохранения федеративных отношений с Россией. Однако большевиков больше беспокоило другое. В связи с возвращением на Дон казачьих частей им казалось, что там формируется мощный очаг контрреволюции. 13 декабря в «Правде» большевики заявили о принципиальном признании федеративного устройства страны в соответствии с волей трудово-

^{*} Исхаков С. М. Указ. соч. С. 284–285.

^{**} ЦГА РУ. Ф. И–1044. Оп. 1. Д. 12. Л. 2.

^{***} Булдаков В. П. Хаос и этнос. С. 514.

^{****} Ярков А. П. Казаки в Кыргызстане. Бишкек, 2002. С. 49.

го населения, выраженной через Советы. Несомненно, это дезориентировало многих национальных политиков, решивших, что теперь можно без помех заняться реализацией автономистских проектов.

В целях изоляции от большевизма на других окраинах стали возникать всевозможные «правительства». В начале декабря появилась декларация о создании объединенного Терско-Дагестанского правительства, подписанная, с одной стороны, атаманом Войска Терского М. А. Карауловым, с другой – председателем Союза объединенных горцев Р. Каплановым*. Верховным главнокомандующим был назначен командир Туземной дивизии П. А. Половцев. Некоторое время на окраинную контрреволюцию возлагались непомерные надежды – даже со стороны столичных российских социалистов.

Одновременно большевики стали создавать островки «социалистической» федерации, призванной служить делу мировой революции. 16–18 декабря 1917 г. в Валке 2-й съезд Советов Латвии заявил об объединении Латвийской Социалистической Советской Республики с Советской Россией. В сущности, большевикам пришлось проделывать то же самое, что уже практиковали «германские империалисты». По ту сторону линии фронта под патронажем германских властей Литовская тарига (аналог многочисленных национальных советов, рад, курултаев), организованная еще в сентябре 1917 г., приняла декларацию «О вечных союзных связях Литовского государства с Германией»**.

Противоборство большевистских и антибольшевистских сил во все большей степени стало приобретать этническую окраску. 15 декабря 1917 г. в Минске Белорусской радой был созван довольно многочисленный Всебелорусский съезд***. И хотя съезд высказался за автономию в составе демократической России (сторонников независимости было немного), в ночь на 18 декабря СНК Западной области и фронта распустил его – скорее по недоразумению.

Новые национально-государственные образования до поры до времени действительно оказывались островками относительного порядка. Послеоктябрьский сецессионизм носил характер бегства от большевистской смуты. Но вскоре местные националисты столкнулись с собственными «национальными» большевиками. В конечном счете, победителями от этого многостороннего противоборства оказались большевики исторического центра России. Творцы мировой революции, заигрывающие с колеблющимися левыми

* Магомедов Ш. М. Октябрь на Тереке и в Дагестане. Махачкала, 1965. С. 120–122; Октябрь на Дону и Северном Кавказе. Ростов-на-Дону, 1977. С. 220–221; Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана. С. 94.

** Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. С. 317, 333, 577.

*** Сташкевич Н. С. Революция 1917 года и два пути национально-государственного строительства в Белоруссии // Россия в XX веке. Реформы и революции: В 2 т. Т. 1. М., 2002. С. 354.

представителями нерусских народов, были всегда готовы для ее блага снести границы любых самоопределений.

Принято считать, что принцип так называемого советского федерализма окончательно утвердился в январе 1918 г., когда III Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов принял «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа». В ней было заявлено, что «Советская российская республика учреждается на основе свободного союза свободных наций, как федерация советских национальных республик». Считается также, что «в общих чертах» структура государственной власти в части взаимоотношений между центральными и местными органами была определена в постановлении съезда «О федеральных учреждениях Российской республики». На деле декларация преследовала по преимуществу пропагандистские цели: привлечь внимание к идее создания всемирной республики Советов; создать соответствующие иллюзии у местных националистов (озабоченных главным образом проблемой изоляции от «русского» хаоса). Что касается «федеральных учреждений», то петроградские большевики попросту пытались наклеить благопристойный правовой ярлык на процесс стихийной децентрализации страны. Они по-прежнему «висели в воздухе», но все же не теряли надежды, что «нелегкая вывезет»^{**}.

Большевикам по-прежнему приходилось имитировать власть, создавая видимость решения накопившихся до революции проблем, включая международные. 2 января в Брест-Литовске, где продолжались переговоры с представителями Четверного союза, Советское правительство заявило о недопустимости сепаратных соглашений с Украинской Центральной радой. В тот же день Генеральный секретариат (Совет министров) Рады заявил о применении самых решительных мер против большевистской опасности: вводились военно-революционные суды и цензура. В ответ большевики поспешили сформировать «Советское» Украинское правительство в Харькове, якобы стоящее на «интернационалистических» позициях. Тем временем на съезде Советов делегаты «от Украины, Румынского и Юго-Западного фронтов» выступили с заявлением: «Все задачи в интересах трудящихся могут разрешить только сами трудящиеся через свои органы Советов»; поэтому они признают единственной властью на Украине «Всеукраинский ЦИК», а любые «попытки организовать новый Генеральный секретариат из членов и групп Центральной рады» объявляют контрреволюционными^{***}. Заявление подписали представители от 20 организаций, преимущественно местных Советов. Скорее всего этот документ был инициирован большевиками непосредственно на съезде для того, чтобы лишний раз подтвердить «буржуазность» и «контрреволюционность» Центральной рады.

* Горюцкий Е. Н. Рождение советского государства. 1917–1918. М., 1965. С. 308.

** Бенуа А. Н. Указ. соч. С. 227.

*** ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 2. Д. 29. Л. 15–16.

Особенно жестко по отношению к Центральной раде были настроены некоторые солдаты. В наказе III Всероссийскому съезду солдаты 23-й пехотной дивизии сообщали о том, что она действует «в контакте с Румынией», а ее распоряжения вызывают голод и необходимость ухода с фронта^{*}. 6 января в резолюции «6-го армейского корпусного съезда» осуждалась «контрреволюционная политика буржуазной Центральной рады... направленная к удушению рабоче-крестьянской революции... путем разоружения Советских войск и беспрепятственного пропуска банд и бегущих с позиций офицеров на Дон...»^{**} В общем, с той и другой стороны развернулась пропагандистская война. Ее вдохновители отнюдь не располагали государственным аппаратом, позволявшим осуществлять управление теми или иными территориями, но зато ситуация позволяла им натравить друг на друга все более ожесточавшихся вооруженных людей, используя идеологические символы и политические посулы.

Харьковское большевистское правительство еще 4 января официально объявило войну Центральной раде и тут же неожиданно захватило Сумы. В ответ в ночь с 4 на 5 января киевскими властями было произведено разоружение красногвардейцев завода «Арсенал» и ряда других предприятий. В 28 различных пунктах города были изъяты тысячи винтовок, десятки пулеметов, захвачена типография газеты «Пролетарская мысль», арестовано более 200 активных организаторов готовящегося большевиками восстания. Это вызвало всеобщее недовольство рабочих. Тем временем разворачивалась «эшелонная война» московских большевиков: их главный 2-тысячный отряд под руководством М. А. Муравьева захватил Полтаву и разоружил украинизированных солдат местного гарнизона, 30 января здесь состоялся парад «червоного казачества»^{***}. При этом левый эсер подполковник Муравьев произнес в восстановленном местном Совете пылкую речь, в которой пригрозил пройти «через Дунай на Вену, Берлин, Париж и Лондон, всюду устанавливая Советскую власть». Выступление этого «кондотьера-фанфарона»^{****} страшно напугало обывателей и вызвало протест со стороны ЦИК Советов Украины^{*****}. Из Харькова большевики рапортовали, что «ежедневно прибывают выражения симпатии со всех сторон»^{*****}.

После того, как большевики предупредили представителей Четверного союза, что делегация Центральной рады «не выражает воли украинского на-

* ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 2. Д. 23. Л. 3.

** Там же. Л. 4.

*** *Савченко В. А.* Симон Петлюра. Харьков, 2004. С. 132.

**** *Бенуа А. Н.* Указ. соч. С. 227.

***** *Михутина И.* Украинский Брестский мир. Путь выхода России из Первой мировой войны и анатомия конфликта между Совнаркомом РСФСР и правительством Украинской Центральной Рады. М., 2007. С. 194.

***** ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 2. Д. 28. Л. 20.

рода», а мирный договор, подписанный с нею, не может считаться миром с Украинской республикой, последовали контрдействия украинской стороны. Повсеместно распубликовывалась нота Генерального секретариата Центральной рады большевистскому СНК, в которой говорилось, что украинская сторона готова прислать в Петроград своих представителей. Согласно ноте, переговоры между ними возможны на следующих условиях: беспрепятственный вывод советских (точнее, большевизированных, русских) войск с территории Украины; официальное признание российской стороной Украинской народной республики и заявление о невмешательстве в ее внутренние дела; подготовка федеративного объединения России с Украиной и другими республиками; совместная борьба республик с контрреволюцией, угрожающей какой-либо из них; запрет объявления какой-либо из республик контрреволюционной в одностороннем порядке другой республикой*.

Лидеры Рады пытались заслониться ставшим общепризнанным принципом федерации для изоляции от «русского» большевизма; их противники под видом реализации того же принципа надеялись сковать территории и народы своей диктатурой, а затем распространить свое влияние на внешний мир. Лукавили те и другие. На деле происходило нечто совершенно иное: ускоренный войной процесс разложения Российской империи подошел к своей критической черте; вооруженные столкновения между большевиками и украинскими социалистами делали этот процесс необратимым. Однако лидеры противоборствующих сторон упорно делали вид, что происходит реализация идейных доктрин и политических программ.

5. Брестский мир в свете надежд на мировую революцию

(В. П. Булдаков)

Поведение большевиков в Бресте диктовалось ожиданием мировой революции. Соответственно этому Троцкий получил от Ленина указания всемерно затягивать переговоры. Поскольку в это время в Германии и Австро-Венгрии прошли массовые забастовки, что соответственно отразила пресса, возникало представление, что немецкое наступление вызовет негодование во всей Европе. Если же немцы все же решатся наступать, полагал Троцкий, «мы всегда успеем капитулировать».

По вопросу о заключении мира внутри большевистской партии не было единства – поначалу преобладали сторонники «революционной войны», поддерживаемые левыми эсерами. Из 160 партийных организаций промышленных районов лишь 4 поддерживали идею сепаратного мира. С точки зрения здравого смысла, ситуация кажется невероятной. Что двигало людьми, уже лишившимися поддержки «своих» впадающих в социальную депрессию масс?

* Булдаков В. П. Хаос и этнос. С. 574.

Возможно, действительно сказывался «гипноз авантюрной игры» и вера в «звезду» своих лидеров*. Ленинская точка зрения победила не сразу, и только 11 января на заседании ЦК советской делегации в Брест-Литовске было дано указание подписать мир в случае ультиматума со стороны Германии.

Вернувшись в середине января в Брест-Литовск, Троцкий пытался затянуть переговоры. С его стороны последовал ряд демагогических заявлений, которые, однако, только вызвали раздражение немецкой стороны. 28 января немецкая делегация потребовала обсуждать только те пункты проекта соглашения, которые позволили бы прийти к конкретным результатам. В ответ на это Троцкий заявил о прекращении войны со стороны России, о полной демобилизации по всему фронту и одновременно объявил об отказе подписать мир. Возникла ситуация «ни мира, ни войны». Вечером 28 января Троцкий телеграфировал Ленину о том, что переговоры завершены. Петроградский Совет большинством голосов поддержал решение советской делегации в Бресте. Позиция Троцкого была поддержана левыми эсерами. На другой день Троцкий дал телеграмму Н. Е. Крыленко с предписанием издать приказ о прекращении войны. 29 января (11 февраля) Крыленко разослал по всем фронтам телеграмму о прекращении войны и «увводе войск с передовой линии». Вскоре этот приказ был отменен по распоряжению Ленина.

Немецкая сторона расценила действия Троцкого как разрыв перемирия, и 16 февраля немцы объявили, что с 12 часов 18 февраля они возобновят военные действия. Большевики не поверили в это. Тем не менее немецкое наступление началось по всему фронту. Противостоять им было некому, за исключением немногочисленных отрядов «завесы». Люди устали от войны и стремились домой. Красногвардейцы, на которых рассчитывали левые большевики и эсеры, могли решать только задачи поддержания порядка и самоснабжения. Так, в Одессе, где обстановка была весьма напряженная, они имели «забавный» вид: «или мальчишки, или сгорбленные рабочие, усатые, бородатые, мало воинственные». Их боязнь своего оружия бросалась в глаза даже студенткам**.

Когда стало известно, что немецкие войска заняли Двинск, Ленин настоял на возобновлении переговоров. Его предложение приняли в большевистском ЦК с перевесом всего в 2 голоса. 19 февраля об этом было сообщено германской стороне. Вслед за тем 22 февраля появилось воззвание СНК, в котором говорилось, что «социалистическая республика Советов находится в величайшей опасности» и потому «священным долгом рабочих и крестьян» является беззаветная защита родины от «полчищ буржуазно-империалистической Германии».

В новом немецком ультиматуме от 21 февраля (полученном в Петрограде 23 февраля) содержались еще более тяжелые условия, на которых может быть подписан мир. Помимо утраты оккупированных территорий Россия обязы-

* Бенуа А. Н. Указ. соч. С. 227.

** «Претерпевший до конца спасен будет». С. 150.

валась вывести войска с Украины (которая объявила себя независимой) и заключить с Центральной радой сепаратный мир. Российские войска должны были быть выведены также с территории Финляндии и Прибалтики. Помимо этого Турции передавались территории Карса, Ардагана и Батума, вопреки тому, что на них находились русские войска. Было выдвинуто требование контрибуции в 6 млрд марок.

Угрожая отставкой, Ленин добился согласия ЦК большевиков на принятие германского ультиматума. «За» голосовали 7 человек, «против» – 4, воздержались 4 человека. 24 февраля ВЦИК решил принять германские условия. На новые переговоры решено было послать делегацию в составе Г. Сокольников, Л. Карахана, Г. Петровского, Г. Чичерина. 3 марта 1918 г. в 5.30 вечера российская делегация подписала договор на германских условиях. Согласно договору, от России отторгалась Польша, часть Белоруссии, Прибалтика. Турции передавались округа Ардагана, Карса и Батума. Советское правительство должно было признать договор между Германией и украинской Центральной радой и определить границу между Россией и Украиной. Для окончательного решения вопроса о мире 6–8 марта 1918 г. был созван VII съезд партии. Вопреки сопротивлению левых коммунистов и левых эсеров он одобрил подписание Брестского мира. 14–15 марта Чрезвычайный IV съезд Советов после ожесточенных дискуссий также одобрил договор. Россия вышла из войны.

6. Финансовый итог войны:

Берлинское соглашение августа 1918 г. (Ю. А. Петров)

Вопрос о «русских долгах» активно обсуждался во время переговоров в Брест-Литовске. До Первой мировой войны Германия являлась вторым после Франции кредитором царской России по сумме государственного долга и частным инвестициям. Наиболее корректные подсчеты государственной задолженности («портфельные инвестиции») и частных капиталовложений германских фирм в довоенной России («прямые инвестиции») были проведены германским экономистом Р. Тилли. Согласно его данным, общая сумма германских капиталовложений в России к 1914 г. составляла 3,8 млрд марок, или $\frac{1}{7}$ всех внешних инвестиций Германии*.

По условиям мирного договора 3 марта 1918 г. стороны пришли к соглашению, что «с заключением мира оканчивается война и в экономических и финансовых отношениях»**. Согласно дополнительному соглашению к договору, наряду с восстановлением дипломатических и экономических отноше-

* См.: *Tilly R. International Aspects of the Development of German Banking // International Banking 1870–1914. Ed. By Rondo Cameron, V. I. Bovykin. New York, Oxford, 1991. P. 90–112.*

** Документы внешней политики СССР. Т. I. М., 1957. С. 125–127.

ний «стороны обязывались также после ратификации договора возобновить уплату процентов по государственным обязательствам гражданам другой стороны». Кроме того, предусматривалось восстановление прав собственности и возмещение ущерба гражданам другой стороны от действия законов военного времени^{*}. Окончательное же урегулирование взаимных претензий предусматривалось в рамках особого финансового соглашения, которое было подписано в Берлине в августе 1918 г.

В России первый подсчет задолженности был проведен в конце 1917 г. одновременно с приходом к власти большевиков и началом переговоров с немцами. Соответствующие данные представило Иностранное отделение Кредитной канцелярии Министерства финансов. Все обязательства российского правительства по отношению к Германии исчислялись в итоге суммой 2904 млн марок, или 1345 млн руб.^{**} Эта цифра, заметим, достаточно близка к сумме государственных обязательств России по отношению к Германии, приводимой Р. Тилли, который на 1914 г. определил ее в 2843 млн марок^{***}. Помимо государственного долга, главной статьей межгосударственного финансового урегулирования являлись частные инвестиции. Р. Тилли определяет сумму прямых инвестиций Германии в России на 1914 г. в 850 млн марок (393 млн руб.), хотя не раскрывает происхождение этой цифры^{****}.

Общая сумма долга России Германии, по российским данным, составляла около 4925 млн марок. Следует подчеркнуть, что эта сумма представляет собой максимальные цифры, без учета российских контрпретензий.

Первые признаки оживления интереса в Германии к проблеме довоенных долгов появились в 1916 г., очевидно, в связи с ожиданиями сепаратного мира. В августе Рейхсбанк объявил регистрацию держателей облигаций русских государственных займов. По завершении регистрации 30 сентября 1916 г. оказалось, что в германском владении находится облигаций на сумму 1072,2 млн марок^{****}. Разумеется, эта цифра отнюдь не являлась исчерпывающей и окон-

* Документы внешней политики СССР. Т. I. С. 166–183.

** Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7733. Оп. 1. Д. 8632 (Сведения о долговых претензиях Германии к России). Л. 1–19.

*** *Tilly R.* International Aspects of the Development of German Banking. P. 103. Table 4–4.

**** *Ibidem.* P. 105. Table 4–5.

***** Politisches Archiv des Auswaertigen Amtes, Bonn (PA AA). Russland. Bd. 10307. A 39439 / Der Praesident des Reichsbank-Direktoriums – an Staatssekretar des Auswaertigen Amtes, Berlin, 24. November 1917. Подробнее о регистрации российских ценных бумаг в Германии см.: *Хойслер Й.* Российские ценные бумаги с германскими штемпелями 1918 г. // Российские ценные бумаги. Каталог собрания Музейно-экспозиционного фонда Банка России / Отв. ред. Ю. А. Петров. Т. I. М., 2010. С. 726–727.

чательной, поскольку проведенная в условиях войны в столь сжатые сроки регистрация не могла носить сколько-нибудь полный характер.

Вплотную темой довоенных долгов германские финансово-политические круги занялись в конце 1917 г. в связи с началом мирных переговоров в Брест-Литовске. Несмотря на декрет советского правительства от 2 февраля 1918 г., согласно которому государственные обязательства царской России были объявлены аннулированными, политическая верхушка Германской империи настаивала на возмещении всех прежних долгов.

По данным, приведенным в письме 12 ведущих германских банков в имперское Министерство иностранных дел от 26 февраля 1918 г., общий итог германских претензий по государственным и частнопроводимым обязательствам России равнялся 4–5 млрд марок*. Таким образом, общая сумма долговых претензий по обобщающим германским данным примерно соответствовала расчетам российской Кредитной канцелярии.

После подписания мирного договора в Брест-Литовске была создана особая комиссия для определения ущерба от действия законов военного времени и уточнения общей суммы претензий по всем видам долгов. Комиссии, которую с российской стороны возглавил А. А. Иоффе, было поручено подготовить финансовое соглашение, являющееся дополнением мирного договора. На финансовых переговорах в Берлине с советской стороны помимо Иоффе участвовали нарком финансов Г. Я. Сокольников, Л. Б. Красин и Ю. М. Ларин. В личном фонде Сокольниковых сохранились многочисленные справочные материалы об имущественных претензиях Германии к России**.

6 августа 1918 г. Иоффе извещал руководство в Москве, что по заключенному им предварительному соглашению «мы должны уплатить немцам 3,5 млрд марок»***. Иоффе исходил из того, что «весь наш долг оценивается в 5 млрд марок, из них 1,5 млрд на Украину и Финляндию и 3,5 млрд на нас, т. е. 2,5 млрд заем (Советское правительство рассчитывало получить заем в Германии, но эти надежды не оправдались. – Ю. П.) и только 1 млрд наличными и товарами». Далее он сетовал, что «комиссия сама изменила это известным Вам образом, полагая, что на Украину нам выгоднее возложить всего 1 млрд и требуя включения в паушальную (покрывающую все претензии, от нем. Pauschale. – Ю. П.) сумму нашего декрета 28-го». Речь шла о декрете СНК от 28 июня 1918 г. о национализации промышленности в советской России.

Подводя итог своему письму от 6 августа 1918 г., Иоффе призвал адресатов, В. И. Ленина и Г. В. Чичерина, осознать, что «нужно либо принимать все это соглашение, либо отвергать его целиком и оставаться при Брестских усло-

* Deutsch-sowjetische Beziehungen von den Verhandlungen in Brest-Litowsk bis zum Abschluss des Rapallovertrags. Dokumentensammlung. Bd. 1. 1917–1918. Berlin (Ost), 1967. S. 444–445.

** РГАСПИ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 4. Л. 63.

*** Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2133. Л. 28–29.

виях, дающих нам возможность передавать почти все вопросы на обсуждение комиссий и тянуть целый ряд лет. Поскольку это политически целесообразно, судите сами»*. Правительством Ленина выбор был сделан в пользу скорейшего заключения соглашения, и в итоге общая сумма серьезно превысила обсуждавшийся в Брест-Литовске максимум германских претензий.

Российско-германское финансовое соглашение, подписанное в Берлине 27 августа 1918 г. в виде дополнения к мирному договору 3 марта 1918 г. (с российской стороны его подписал А. А. Иоффе), отменяло ст. 8 прежнего договора об уплате Россией процентов по государственным долгам и ст. 13–15 о вознаграждении за частноправовые убытки. Вместо этого Россия обязывалась уплатить «для вознаграждения потерпевших от русских мероприятий германцев сумму в 6 млрд марок»**. Цифра эта представляла компенсацию по всем долгам с учетом взаимных требований.

На Россию накладывалась контрибуция, которая с лихвой перекрывала реальные претензии и была призвана погасить не только довоенную задолженность, но и убытки от действия военных законов, а также от советского декрета о национализации промышленности от 28 июня 1918 г. По условиям финансового соглашения советское правительство обязывалось до 31 декабря 1918 г. осуществить платеж в размере 1,5 млрд марок кредитными билетами царского образца на сумму 544,4 млн марок, и на остальную сумму – золотом из российского государственного запаса в объеме 245,6 тонн.

Далее 3,5 млрд марок предполагалось позже покрыть отправкой русских товаров на 1 млрд и заключением в Германии нового русского 6%-го займа на 2,5 млрд марок. Остальные 1 млрд марок, согласно ст. 4 финансового соглашения, обязывались принять на себя отпавшие от России Финляндия и Украина.

13 ноября 1918 г. в связи с революцией в Германии правительством советской России все договоры с кайзеровской империей, в том числе договор 3 марта 1918 г. и финансовое соглашение 27 августа 1918 г., были объявлены уничтоженными: «Всероссийский ЦИК сим торжественно заявляет, что условия мира с Германией, подписанные в Бресте 3 марта 1918 г., лишились силы и значения. Брест-Литовский договор (равно и дополнительное соглашение, подписанное в Берлине 27 августа и ратифицированное ЦИК 6 сентября 1918 г.) в целом и во всех пунктах объявляется уничтоженным. Все включенные в Брест-Литовский договор обязательства, касающиеся уплаты контрибуции или уступки территорий и областей, объявляются недействительными...»*** Позднее Брестский трактат был признан ликвидированным и Версальским мирным договором 1919 г., подведшим дипломатические итоги Первой мировой войны.

* РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2133. Л. 28–29.

** Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 445–453.

*** Там же. С. 565.

Тем не менее первые выплаты по финансовому соглашению 1918 г. состоялись. До ноября 1918 г. из состава российского государственного запаса было отправлено в Германию два «золотых эшелона», в которых находилось 93,5 тонны «чистого золота» на сумму свыше 120 млн золотых рублей. Воспользоваться русским золотом Германии в конечном итоге не удалось. 11 ноября 1918 г. представители Антанты и Германии подписали соглашение о перемирии. В нем, в частности, говорилось о возвращении «российского и румынского золотых запасов, сданных Германии или захваченных этой державой. Это золото должно быть сдано союзникам на хранение до момента заключения мирного договора». Однако по Версальскому мирному договору 1919 г. это золото окончательно перешло к победителям и осело в подвалах Банка Франции. Так Россия, преследуя совсем другие цели, парадоксальным образом покрыла часть своей задолженности бывшим союзникам, хотя Франция отказывалась засчитывать эти активы в компенсацию «царских долгов».

Помимо золота, в Германию советским правительством было переправлено кредитных билетов царского образца на номинальную сумму 203 млн руб. для погашения государственных долговых обязательств. Средство это, впрочем, оказалось малоэффективным, поскольку царские кредитные билеты, хотя и продолжали котироваться на европейских валютных биржах, но уже не являлись реальным платежным средством. Таким образом, в период от подписания Брестского мира до Ноябрьской революции в Германии советским правительством было выплачено германской стороне около 584 млн марок золотом и бумажными денежными знаками в счет погашения довоенной задолженности и ущерба, понесенного германскими собственниками в годы войны.

Эти выплаты, очевидно, были учтены советской стороной в период подготовки Генуэзской конференции 1922 г.* Договором в Рапалло от 16 апреля 1922 г., подписанным накануне открытия конференции в Генуе, Россия и Германия отказались от возмещения военных расходов и убытков, связанных с «исключительными военными законами и насильственными мероприятиями государственных органов», равно как и от компенсации расходов на содержание военнопленных. Германия, кроме того, приняла на себя обязательство отказаться от претензий, происходящих от действия законов военного времени и мер Советского правительства при условии, что не будут удовлетворены аналогичные претензии других государств**.

Так спустя четыре года после Брестского мира была перевернута последняя страница в истории Первой мировой войны.

* Документы внешней политики СССР. Т. 5. М., 1961. С. 302.

** Там же. С. 223–224.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Подводя итоги проведенному исследованию, уместно сопоставить экономические, социальные и политические процессы периода Первой мировой войны, происходившие в России и в других воюющих странах, чтобы попытаться понять, насколько российские события были уникальными. Разумеется, у каждой страны есть своя собственная неповторимая история, однако в периоды глобальных катастроф, охватывающих целые континенты, участники этих событий испытывают схожие проблемы и пытаются разрешить их примерно одними способами. Уникальность российского военного опыта историки обычно мотивируют тем, что революционные события 1917 г. явились частью национальной истории России, и не принимают во внимание схожие процессы в других воюющих странах, которые не привели к столь же драматичным результатам.

Начнем с экономики. Серьезных испытаний в финансово-экономической жизни не удалось избежать ни одной из стран – участниц войны. На этом фоне показатели России не выглядят безнадежными: сокращение внутреннего валового продукта на душу населения за 1914–1917 гг. здесь составило около 18 %, тогда как в Германии – свыше 20 % и более 30 % в Австро-Венгрии. Военные противники, таким образом, испытали экономический спад не меньший, а даже больший, чем Россия. Его причины аналогичны везде: это огромные затраты на войну, милитаризация экономики и свертывание рыночных механизмов снабжения населения.

Российская империя, как и ее союзники по Антанте, вступила в войну не подготовленной к продолжительным и широкомасштабным боевым действиям, но в целом сумела справиться с задачей мобилизации экономики. Британский историк П. Гэтрелл в этой связи полагает, что так же, как и российская армия, ее союзницы на Западном фронте начали испытывать проблемы с вооружениями и боеприпасами примерно с середины ноября 1914 г. Промышленность Франции, временно нейтральной Италии и даже несравнимо лучше других подготовленной к войне Германии столкнулась с не меньшими трудностями, чем российская индустрия, вследствие потери значительной части квалифицированных рабочих, мобилизованных в армию¹. Выход виделся в мобилизации экономики на нужды войны. Потребности времени предопределили повсеместное усиление влияния военного руководства на экономическую жизнь. В воюющих странах военные структуры существенно расширили административный контроль над всеми сферами общественной жизни, вклю-

чая высшую бюрократию, владельцев частных предприятий и т. д. Ради наращивания производства вооружений и мобилизации ресурсов в Германии, Великобритании и Франции, так же как и в России, создавались разного рода полугосударственные-полуобщественные агентства; частные предприятия, в том числе средние и мелкие, оказывались под их контролем и были вынуждены перестраивать производство с учетом потребностей войны. Процессы в России укладывались, таким образом, в рамки общеевропейских тенденций.

Правда, созданная в империи система военно-регулирующих органов (Особых совещаний) едва ли не с самого начала своего функционирования стала давать организационные «сбои», что обуславливалось недостаточно четким разграничением полномочий и сфер деятельности, несовпадением ведомственных интересов, усугубленных министерскими амбициями. Так, из-за опасений социального взрыва, а фактически в силу разногласий ведомств не удалось своевременно законодательно закрепить меры по милитаризации промышленности и труда, что, однако, было сделано в других воюющих странах.

Тем не менее российским властям удалось значительно увеличить производительность казенных военных заводов за счет их расширения и модернизации, привлечь широкий круг частных предприятий и заключить соглашения на поставку необходимой продукции союзниками и зарубежными торговыми партнерами. В организации военного производства Россия добилась успехов, удачно используя опыт воюющих держав в создании военно-промышленных объединений на основе кооперации крупных, средних и мелких предприятий и новых отраслей промышленности (химической, авиационной, автомобильной, средств связи и т. п.). Наряду с этим многие отрасли, обеспечивавшие потребности частного рынка, городского и сельского населения, в годы войны стагнировали и даже деградировали. Приток импортных машин в отрасли, не связанные с производством вооружения, а также в сельскохозяйственный сектор сократился. Эту неизбежную плату за милитаризацию экономики заплатили все страны – участницы мирового конфликта.

Война дала мощный импульс этатистским тенденциям во всех воюющих странах. Расширился и укрепился государственный сектор экономики; была мобилизована значительная доля частной промышленности; предпринимательство, как и взаимоотношения труда и капитала, оказалось в той или иной мере ограничено законодательством и нормативами военного времени. Процессы, связанные с ростом роли государства в экономике, подготовили почву для послевоенного периода, особенно в условиях финансово-промышленных кризисов на Западе, получив обоснование в экономической теории «кейнсианства».

В России 1914–1917 гг. все эти явления также имели место, тем более что в экономической жизни страны казенные заводы, железные дороги и другие государственные предприятия традиционно играли огромную роль. Однако на Западе государственное военно-экономическое регулирование осуществлялось по соглашению с предпринимательскими и рабочими организациями, опиралось на установившиеся традиции и нормы, наконец – на сформиро-

вавшуюся культуру взаимоотношений труда и капитала. В Великобритании Конгресс профсоюзов был непосредственно вовлечен в управление военной экономикой, и в качестве ответной меры профсоюзные лидеры поддержали некоторые ограничения прав рабочих, в том числе в области трудовой мобильности. В Германии организации рабочих тоже участвовали в переводе экономики на военные рельсы, а в 1916 г. был принят закон, в соответствии с которым вводились институты арбитража между предпринимателями и работниками. Организациям рабочих были предоставлены особые полномочия, ставшие своего рода компенсацией за воинскую повинность и ограничение свободы передвижения. Во Франции в январе 1917 г. также был создан институт арбитража для урегулирования отношений труда и капитала, решения которого имели обязательную силу².

В России ничего подобного предпринято не было. Несмотря на призывы общественности к правительству признать роль рабочих организаций и попытаться привлечь их к общему делу, предубеждение царской бюрократии к профсоюзам не изменилось. Более того, сохранялось в целом негативное отношение власти и к деловым кругам, и к общественной инициативе вообще; государство с недоверием и опаской взирало на им же санкционированную систему военно-регулирующих органов, рассматривая их прежде всего как уступку предпринимателям и «общественности». Потому, применяя термин «государственный капитализм» к России, видимо, следует иметь в виду его особенность – здесь власть до февраля 1917 г. по сути своей была социально чужда предпринимательской массе, фактически даже антибуржуазна, и не стремилась урегулировать отношения между трудом и капиталом, чтобы избежать роста социальной напряженности. После Февральской революции новое поколение либеральных политиков попыталось наладить сотрудничество с «организованным трудом», но было уже поздно. В то время как Германия достигла компромисса между трудом и капиталом, в России дело завершилось установлением контроля над предприятиями со стороны фабрично-заводских комитетов.

Общей для всех воюющих стран являлась и проблема обеспечения населения продовольствием. Мобилизация в армию значительного мужского контингента повсюду негативно повлияла на состояние сельхозпроизводства. Великобритания и Франция сумели предотвратить продовольственный кризис отчасти путем наращивания поставок из США, отчасти благодаря стимулированию собственных производителей к расширению посевных площадей и, соответственно, увеличению производства продовольствия. Германия же и Россия не смогли избежать продовольственных затруднений. При этом в России, в отличие от ее главного военного противника, продовольственных ресурсов, несмотря на снижение урожайности, было достаточно, поскольку в годы войны вывоз хлеба из страны прекратился. Однако расстройство транспортной системы затрудняло доставку произведенного зерна в районы потребления. При этом царское правительство пыталось преодолеть дефицит продовольствия путем ограничения частной торговли и ее замены государ-

ственными и общественными распределительными организациями. Несмотря на очевидную недостаточность этих мер, вводить систему жесткого нормирования потребления продовольствия российские власти не решились из опасений социального взрыва.

Германское правительство, напротив, ввело нормирование продовольственного обеспечения. Это вызвало серьезное недовольство населения и безусловно привело к временному росту социальной напряженности, однако для Российской империи отказ от такой политики обернулся катастрофой. Продовольственный кризис зимы 1916–1917 гг. послужил благоприятной почвой для массовых протестных движений, которые в итоге завершились Февральской революцией.

Война перевернула весь уклад жизни европейских стран, привела к сокращению численности населения в результате огромных потерь на фронте, сорвала с насиженных мест миллионы людей. Помимо деформации естественных общедемографических процессов (сокращение брачности и рождаемости, дисбаланс половозрастного состава населения и т. д.) война повлекла за собой важные гендерные перемены: в условиях массовой мобилизации в армию мужчин существенно повысился уровень социализации женщин, которые оказались небывало широко представлены в хозяйственной жизни страны, а также в общественных и филантропических организациях.

На общеевропейском фоне Россия выделялась беспрецедентными масштабами вынужденных перемещений населения, что являлось значимым признаком нового, тотального характера войны. Основной миграционный поток составили беженцы из прифронтовой полосы. Значительная их часть, лишившись имущества и работы, двигалась на восток и оседала в глубоком тылу. В отношениях с местными властями и населением беженцы создавали новое «поле» социального напряжения, требуя жилья, трудоустройства, медицинского, продовольственного и иного обеспечения. Решение многих из этих проблем государство и общество вынуждено было брать на себя. Поддержка вынужденных переселенцев тяжким бременем ложилась на провинциальный социум и подрывала местные системы здравоохранения и социального обеспечения, и без того работавшие на пределе возможностей. Конечно, подобные проблемы вставали и в других странах, часть территории которых была оккупирована вражескими войсками. Тем не менее нигде проблема беженцев не превратилась в такой грозный вызов для центральной и местной администрации, а также общественных организаций, как в России.

Немало совпадений с ситуацией в западноевропейских странах можно обнаружить, исследуя влияние войны на российское общество, его взаимоотношения с властью, социальную психологию, настроения и повседневную жизнь людей в тылу. В первые недели войны для всех европейцев были типичны скорее фаталистические настроения, чем массовый энтузиазм, всячески подогреваемый официальной пропагандой. Историки, изучавшие общественную психологию, отмечают покорность людей неотвратимости участия в войне, в равной степени присущую жителям Берлина и Лондона, Парижа

и Петрограда³. Для российского общества в первый период войны был характерен порыв патриотизма, настроения массового самопожертвования, усилилась его самоорганизация и активность. Однако по мере затягивания войны все отчетливее стали проявляться тенденции деструкции, социального пессимизма, склонности к стихийным анархическим действиям. Военные поражения и ухудшение материального положения тыла настолько усилили эти тенденции, что они превратились в реальную угрозу единству империи и самой государственности. Ни власть, ни здоровые общественные элементы оказались не в силах ее преодолеть.

Специфика России заключалась и в том, что в глазах большинства населения стремление немедленно прекратить войну любым способом стало императивом – такой же жизненной необходимостью, как решение земельного вопроса в пользу крестьян. Вопреки успокоительным предсказаниям, эти настроения выбитых войной из привычной колеи людей в конце концов вылились в акты социальной агрессии. В условиях падения авторитета верховной власти проявления национального или социального недовольства становились малоконтролируемыми, правительство столкнулось с массовым протестным движением. Несмотря на масштабность и многообразие этих социальных конфликтов, в мирное время Российская империя еще была способна их «переварить». Однако в экстремальных условиях войны это оказывалось невозможно. В сознании российских рабочих и крестьян желание покончить с войной соединилось со стремлением сокрушить государственную машину и уничтожить систему частнособственнических отношений.

Внутриполитические последствия проблем, порожденных войной, повсеместно были крайне серьезными: ключевые члены правительств воюющих стран вынужденно уходили в отставку, государственные структуры подвергались реорганизации, парламентская жизнь утрачивала значимость. Состояние дофевральской России и в этом отношении укладывается в общеевропейское русло, хотя масштабы и острота политического кризиса здесь были на порядок выше.

Мобилизация российского общества на участие в войне была изначально нацелена на поддержку правительства и проходила под патриотическими лозунгами, но в конечном итоге обернулась против власти. Большая доля ответственности за радикализацию общества лежала на имперской администрации. Пытаясь мобилизовать общественность на решение задач военного времени, власть продолжала рассматривать общественные организации не как союзника, но конкурента. Она была готова приостановить любое, даже очевидно полезное общественное начинание в случае малейшего подозрения его участников в нелояльности себе. Такая политика вела к разочарованию властью общественной среды и, как следствие, к политизации ее деятельности. За годы войны общественные организации и их лидеры прошли путь от реализации проектов, связанных с заботой о раненых и беженцах, до выдвижения требований правительства общественного доверия и ответственного министерства. К февралю 1917 г. сложился «оппозиционный консенсус», который

консолидировал разные «элиты» России. Их объединяло неприятие правящего режима, но реалистического плана выхода из тупиковой ситуации они не имели, и обращение к сценарию дворцового переворота только подчеркивало их бессилие.

В условиях общеполитического кризиса ведущие политические партии не смогли выработать адекватную ситуации стратегическую и тактическую линию и сошли с политической авансены. Лишь либералы (кадеты) удержались «на плаву» и, сыграв определенную роль в дестабилизации авторитарного режима, сумели временно прийти к власти после Февральской революции. Что касается социалистических партий, то в условиях обострения политического кризиса они набирали все больший вес, что позволило им оказывать серьезное влияние на выработку политического курса Временного правительства.

В отличие от России, в других воюющих государствах проявления социального недовольства были направлены, как правило, не против системы, а на преодоление отдельных, наиболее болезненных, последствий войны. Покушения на основы социально-политического строя как такового если и происходили, то либо оперативно подавлялись государственной властью, либо нейтрализовались реформами. Поэтому в то время как практически повсеместно в Западной Европе завершение войны ознаменовалось наступлением эры реформ, перед Россией открылась совершенно иная перспектива. Революционный выход из войны на несколько десятилетий вперед предопределил развитие нашей страны. И если XX век для человечества, как признают многие историки, начался с Первой мировой войны, то и его досрочное окончание для советской России в 1991 г. оказалось связано с распадом той политической и экономической системы, которая, в свою очередь, явилась порождением тотального военного конфликта 1914–1918 гг.

Примечания

¹ *Gatrell P. Russia's First World War: A Social and Economic History. Harlow, 2005.*

² *Ibid. P. 266.*

³ *Ibid. P. 225.*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абинякин Р. М. — 839, 840
Абрамов В. Ф. — 430, 432, 433, 436, 438
Абрамова Т. А. — 401
Абросимов В. А. — 627
Авдаков Н. С. — 134, 135
Авдеев В. А. — 72
Авдеев Н. — 764, 768, 793, 843, 891
Авербах О. И. — 120, 207
Аветян А. С. — 49, 55
Авксентьев Н. Д. — 630, 631, 635, 870
Аврамов В. Г. — 217
Аврех А. Я. — 14, 29, 31, 415, 422
Адамов Е. А. — 43, 55
Аджемов М. С. — 140, 143, 163, 567, 570, 701, 760
Адрианов А. А. — 718
Азадовский К. М. — 791
Азеф Е. Ф. — 630, 631
Айвазов И. Г. — 491, 495
Айрапетов О. Р. — 16, 31, 63, 106, 107
Акимов М. Г. — 647, 648, 678
Акимова Г. С. — 432, 433
Аксельрод П. Б. — 625, 626
Аксенов В. Б. — 772, 774
Александр III — 52
Александр Михайлович, вел. кн. — 86, 93, 115, 701, 710, 712
Александра Федоровна, имп. — 45, 47, 91, 155, 402, 403, 420–422, 447, 448, 452, 455, 465, 647, 650–652, 654, 669, 671, 686, 688, 699, 707, 709, 711–713, 757
Александрович (Дмитриевский) П. А. — 637
Александровский Н. — 463, 464
Алексеев А. С. — 645, 674
Алексеев М. В. — 63, 75, 76, 107, 109, 114–116, 175, 217, 340, 671, 662, 689, 713, 714, 755–757, 759, 810, 853, 865, 866, 875, 878
Алексеева В. К. — 325
Алексеева-Борель В. М. — 755, 758, 759, 866
Алексеевко М. М. — 681, 682
Алексий, архиеп. — 798
Алексинский Г. А. — 871
Алферов А. Д. — 579
Альфатер В. М. — 83
Амвросий, еп. — 795
Амвросия (Оберучева А.), мон. — 470, 477, 479–481, 483, 487, 488, 491
Амусин М. Д. — 367, 368, 370
Амфитеатров А. В. — 871
Амфитеатров-Кадашев В. — 763, 767
Ананьич Б. В. — 266, 387, 389, 392, 393, 816, 817, 876, 936
Анастасий, еп. — 475
Анатолий, еп. — 797
Андреев Л. Н. — 411, 514, 762, 855, 881
Андреева Н. С. — 32, 717
Андреева-Бальмонт Е. А. — 828
Андреевский В. М. — 676
Андрей (Ухтомский), архиеп. — 497
Андрей Владимирович, вел. кн. — 649, 650, 661, 711
Андронник, архиеп. — 486, 496, 498, 795, 800
Андронников М. М. — 654
Аничков В. П. — 767, 779, 925
Ан-ский С. А. — 411
Антоний (Храповицкий) — 473
Антонович А. — 211
Антонов-Овсеенко В. А. — 619
Анфимов А. М. — 204, 240–242, 253, 293, 365, 738, 741, 831

- Араловец Н. А. — 189, 193, 197
Арапов Д. Ю. — 477
Аргунов А. А. — 631, 632, 635
Ардов Т. (Тардов В. Г.) — 893
Арманд И. Ф. — 615
Арсеньев К. — 524
Арский Р. — 825
Артболевский И. И. — 364
Артемьев Н. А. — 133
Арцыбашев М. — 514, 931
Асташов А. Б. — 33, 34, 482, 715, 716, 719,
720, 741, 748, 750, 834, 835
Астров И. С. — 625
Астров Н. И. — 133, 424–430, 434–438, 442,
578, 579
Астров Ю. М. — 462
Ауэрбах В. А. — 941
Афанасий, архим. — 890
Афонина Г. М. — 341
Ахтямов И. — 845
Ахун М. И. — 741, 749, 836
- Бабиевский И. С. — 378
Бабичев Д. С. — 807
Бабкин М. А. — 794
Багдатыев С. Я. — 612, 613
Багратуни Я. Г. — 617, 619
Бадаев А. Е. — 602, 605, 617
Бадмаев П. А. — 668
Базанов С. Н. — 33
Базили Н. А. — 43, 44
Байрау Д. — 36, 282, 835
Бакланова И. А. — 253
Бакулин Б. С. — 795
Бакулин В. И. — 859, 905
Балабанов М. — 12, 29
Балашев П. Н. — 521, 551, 643, 673, 702
Балк А. П. — 748
Бардыгин М. Н. — 451
Барк П. Л. — 30, 113, 121, 379, 380, 386, 390,
391, 582, 583, 652, 661, 663, 664, 666, 684
Барсуков Е. З. — 70, 111, 727
Барякина Д. — 296
Батолин П. П. — 394
Батуев А. С. — 508
Бахметьев Б. А. — 111
Бахрушин С. В. — 462
- Бахтурина А. Ю. — 32
Баязитов С. — 478
Бедерев, станичный атаман — 746
Безак Ф. Н. — 521
Белелюбский Н. А. — 341
Белецкий С. П. — 554, 688
Белов — 724
Белова И. Б. — 28, 31, 32, 33, 716, 725–729
Белова Т. В. — 728
Белый А. — 762, 791, 935
Беляев М. А. — 114, 122, 158, 176–179, 651
Беляев С. Г. — 30, 379, 380, 390, 391
Бенкендорф А. К. — 97, 98, 101
Бенуа А. Н. — 753, 759, 764, 766, 848, 854,
893, 923, 925, 930, 935–939, 945, 946, 948
Берг фон — 746
Бердяев Н. А. — 762
Беренд Ф. — 720
Беркевич А. Б. — 715, 724, 733
Бернацкий М. В. — 28, 381, 388, 814
Бернгарди Ф. фон — 47
Бескровный Л. Г. — 15, 30, 284
Бестужев И. В. — 39, 78
Бетман-Гольвег Т. фон — 50, 53, 91
Бехтерев В. М. — 28
Бехтерев С. Л. — 731
Биншток В. И. — 217, 898
Бирилев А. А. — 61, 64, 643, 677
Благодравов А. А. — 364
Блейхман И. С. — 868
Блинов И. — 670
Блок А. А. — 416, 555, 697, 701, 934
Бляхман Б. Я. — 907
Бобринская В. Н. — 461
Бобринский А. А. — 526, 552
Бобринский В. А. — 521, 551, 646
Бобринский Г. А. — 489
Бовкало А. А. — 795, 798
Бовыкин В. И. — 29, 67, 74, 261, 262, 266,
276, 280, 310, 392
Богданов А. А. — 614
Богданов Б. В. — 367, 368, 370
Богданов Б. О. — 627, 782, 785, 872
Боголепов М. И. — 936
Богословский М. М. — 494, 496, 720, 722,
723, 729, 735, 742, 763, 765, 786, 798, 812,
855, 856, 864, 899

- Богоявленский Д. Д. — 421, 450
 Бодо Ж. — 347
 Бокарев Ю. П. — 30
 Бонч-Бруевич В. Д. — 867
 Бонч-Бруевич М. Д. — 767, 768
 Борис Владимирович, вел. кн. — 711
 Борисов И. Н. — 340, 352
 Бородин А. П. — 543, 558
 Бострем И. Ф. — 674
 Боханов А. Н. — 311
 Бочарникова М. — 842
 Бочкарева М. Л. — 841, 842
 Боярский А. Я. — 194
 Брагинский М. А. — 635
 Брандт А. — 653
 Брейдо Г. Е. — 627
 Брешко-Брешковская Е. К. — 859
 Брик О. М. — 935
 Бродский С. — 491
 Брояковский С. — 724
 Брук С. И. — 194, 225
 Брусилов А. А. — 689, 711, 714, 717, 759, 838, 839, 841, 865, 866
 Брусилов Л. А. — 71
 Брюсов В. Я. — 765, 852
 Брюханов В. А. — 31
 Брянский В. Д. — 429
 Бубликов А. А. — 11, 28, 344
 Бубнов А. Д. — 81, 82
 Бубнов А. С. — 918
 Будберг А. П. — 840
 Будницкий О. В. — 111, 404
 Букалова С. В. — 474, 725, 737, 834
 Буковецкий А. И. — 936
 Букшпан Я. М. — 125, 282
 Булацель П. Ф. — 417, 524, 534, 547
 Булгаков С. Н. — 560, 875
 Булгакова Л. А. — 446
 Булдаков В. П. — 17, 32, 405, 478, 479, 715, 716, 718, 721–723, 730, 732, 744–746, 748, 756, 762, 765–768, 772, 774, 776, 777, 779–781, 786, 787, 790, 801, 802–805, 811, 824, 828–832, 834, 838, 843, 848, 854, 866, 871, 883, 885, 892, 896, 900–905, 907–910, 913, 914, 916, 920, 923, 924, 927, 928, 934, 942, 943, 947
 Булычев Т. Ф. — 466
 Бунаков-Фондаминский И. И. — см. Фондаминский И. И.
 Бунин А. Ю. — 470
 Бунин И. А. — 405
 Бурденко Н. Н. — 455
 Бурджалов Э. Н. — 13, 29, 706, 707, 750, 754–758, 768, 834
 Бурдуков Н. Ф. — 417, 420, 421, 549, 654
 Бурн Дж. — 40, 76, 94
 Бурьшкин А. В. — 311, 467
 Бурьшкин П. А. — 315, 462, 467, 821
 Бурьшкина А. А. — 467
 Бурьшкина Н. А. — 467
 Бурьянов А. Ф. — 616
 Бухарин Н. И. — 609, 614
 Быкова А. — 728, 787
 Бьюкенен Дж. — 40, 52, 56, 58, 86, 98, 103–106, 417, 421, 649, 807, 850
 Бюнтинг Н. фон — 768
 Ваганова Л. В. — 30
 Вакуров С. М. — 462
 Валдрон П. — 485, 487
 Валентинов Н. В. — 405
 Вальдерзее А. — 74
 Вангенхайм фон — 87
 Вандам (псевд. А. Е. Едрихин) — 72
 Вандервельде Э. — 604, 615, 620, 621
 Ванков С. Н. — 124, 125, 131, 146, 279, 283
 Варнава (Накропин), архиеп. — 496, 795
 Варнек Т. — 480, 481, 485
 Варун-Секрет С. Т. — 696
 Василевский А. М. — 406
 Василевский И. М. — 29
 Василенко Н. П. — 573
 Василий (Беляев) — 482
 Васильев А. В. — 67
 Васильев А. П. — 709
 Васильев М. И. — 343, 358
 Васильев Н. С. — 364–366, 369, 370
 Васильчиков Б. А. — 660
 Васнецовы — 405
 Васюков В. С. — 59, 550, 805, 806, 862, 884
 Введенский А. — 796
 Введенский И. Н. — 476
 Вебер М. — 258

- Вегерер А. фон — 90
Велихов П. А. — 685
Венедиктов А. В. — 179
Вениамин (Казанский), еп. — 798
Вениамин (Федченков), митр. — 469, 471, 475, 479
Вербицкая О. М. — 198
Верменичев И. — 855
Вернадский В. И. — 28, 282, 567, 577, 924, 938
Верт П. — 915
Верховский А. И. — 179, 689, 714, 836, 897
Верховский П. В. — 493
Вивиани Р. — 87, 88
Виллмотт Г. П. — 92, 115
Вильгельм II — 47, 48, 85, 88, 89, 91, 93, 493, 525, 547, 716, 855, 907, 929
Вильсон В. — 23
Вильямс А. Р. — 836
Винавер М. М. — 567, 588
Винберг Ф. В. — 543, 544
Виноградов В. Н. — 38, 50, 60, 63, 85
Виноградский А. Н. — 113
Вирен Р. Н. — 768
Витт А. К. — 441
Витте М. И. — 653
Витте С. Ю. — 58, 371, 401, 529, 608, 646, 647, 707
Вишневский А. П. — 536
Вишняк М. В. — 791
Владимир (Путята), архиеп. — 496
Владиславлев И. В. — 719
Власов П. В. — 466
Власов С. — 465
Водовозов В. В. — 401
Воейков В. Н. — 440, 478, 654, 655
Возгрин В. Е. — 843
Вознесенский А. Н. — 886
Войновский-Кригер Э. Б. — 344, 359, 361, 362
Войтоловский Л. Н. — 414, 482
Волжин А. Н. — 651
Волков С. А. — 798, 838
Волков С. В. — 213, 214
Волков-Муромцев Н. В. — 732, 733
Волконский В. М. — 668, 696
Волобуев П. В. — 29, 179, 469, 811, 813, 815–817, 825–827, 833, 873, 897–899, 908
Вольский Н. В. — 405
Вомпе П. — 926
Воробьев Н. Я. — 251, 273, 875, 876
Воронкова И. Е. — 41
Воронкова С. В. — 125, 175, 179
Воронцова-Дашкова Е. А. — 456
Воронцов-Дашков И. И. — 709
Вортман П. — 719
Воскресенский Б. Д. — 686
Востоков В. И. — 481, 496, 794
Восторгов И. И. — 494, 797
Врангель П. Н. — 770, 840, 841
Вронский О. Г. — 735–737, 740
Второв Н. А. — 146, 396
Вырубова А. А. — 116, 420, 652, 654
Вышнеградский А. И. — 126, 127, 131, 134, 876
Вязигин А. С. — 527, 530, 540
Гавриил Константинович, вел. кн. — 422
Гаврилов Л. М. — 13, 29, 218, 748, 750, 865, 909
Гагарина Т. А. — 453
Гайда Ф. А. — 16, 31, 125, 425
Гальперина Б. Д. — 770, 786, 868
Ганелин Р. III. — 30, 31, 230, 402, 412, 549, 707, 708, 872
Гарин Н. П. — 165, 677
Гарькин И. Я. — 907
Гатагова Л. С. — 717, 719
Гвиннер А. фон — 50
Гвоздев К. А. — 626–628, 636, 782
Гебель — 769
Гейден А. Ф. — 44
Гейер (Geyer D.) Д. — 41, 88, 90, 94
Гендерсон А. — 812
Гендриков П. В. — 777
Георг V — 101, 105
Герасименко Г. А. — 859, 904
Герасимов Е. Г. — 480, 491
Гермашев Г. Н. — 507
Гермоген, еп. — 794
Гермониус Э. Н. — 111, 153, 808
Герпштейн С. — 469
Герцен А. И. — 28
Герценвиц Д. И. — 362
Гершензон М. О. — 725, 928

- Гетрелл П. — 228
 Гиндин И. Ф. — 312, 397
 Гиппиус З. Н. — 28, 405, 475, 792, 854, 936
 Гирс В. К. — 179
 Гиршфельд А. В. — 385
 Гладыш Н. А. — 578
 Глебов Б. — 729
 Глинка Я. В. — 689, 698–700
 Глинский, полковник — 801
 Глобачев К. И. — 667, 700, 704, 751, 752, 867, 920
 Глотов А. — 296
 Глотов И. — 296
 Говорухо-Отрок М. Я. — 555–557
 Гогель С. К. — 447, 448
 Годнев И. В. — 761, 853, 870
 Голдин В. Н. — 765
 Голинков Д. Л. — 942
 Голицын Б. А. — 553
 Голицын Н. Д. — 409, 421, 550, 554, 669, 677, 702, 703
 Голицына А. А. — 452
 Голицын-Муравлин Д. П. — 545
 Головин К. Ф. — 670
 Головин Н. Н. — 76, 352, 356, 357, 362, 732
 Головин Ф. А. — 578
 Голубев А. В. — 39
 Голубев И. Я. — 678
 Голубев, солдат — 837
 Голубинов Я. А. — 301, 725
 Голубцов С. — 933
 Гольдштейн А. — 744
 Гольц К., фон дер — 24
 Гончаров Ю. М. — 195, 197, 203, 311
 Горемыкин И. Л. — 46, 100, 103, 168, 447, 586, 593, 624, 650–652, 657, 658, 663–666, 676, 681–684, 687, 693, 694, 713, 729
 Горемыкина А. И. — 483
 Городецкий Е. Н. — 945
 Городецкий С. — 475
 Горький М. — 405, 413, 414, 766, 783
 Горюшкин Л. М. — 733, 734, 739, 740, 749, 797, 907
 Граббе А. Н. — 655
 Граве Б. Б. — 12, 29, 706
 Граф К. К. — 83
 Гребенкин И. Н. — 28, 31, 33, 751, 755, 759
 Грегори (Gregory P. R.) П. — 260, 262
 Гредескул Н. А. — 575, 576
 Грей Э. — 39, 40, 58, 86
 Григорович И. К. — 41, 62, 65, 79, 83, 92, 643, 644, 652, 666, 668, 686, 698
 Григорьев В. Е. — 462
 Гримм Д. Д. — 691
 Гриневич К. С. — 782
 Грицаева А. Н. — 448
 Гришакова Л. В. — 723, 735
 Громан В. Г. — 205, 254, 442, 443, 811
 Громыко А. А. — 49
 Гронмейер А. П. — 452
 Грунт А. Я. — 874
 Грушевский М. С. — 885
 Гудков Е. А. — 627
 Гуло Д. Д. — 939
 Гуревич — 887
 Гуревич Д. Я. — 365
 Гурко В. И. — 140, 142, 158, 178, 673, 691, 714, 748, 763, 838
 Гус Ян — 489
 Гусейн Нахичеванский — 757
 Гутовский (Маевский Евг.) В. А. — 627
 Гутоп Г. В. — 704
 Гучков А. И. — 62, 126, 134, 141, 142, 153, 155, 162, 177–179, 431, 576, 593, 594, 597, 611, 628, 643, 644, 646, 647, 673, 677, 686, 689, 695, 710, 714, 756, 757, 759, 760, 770–772, 777, 790, 806, 812, 836, 836, 838, 851, 853, 876
 Гучков Н. И. — 155, 429, 579
 Гушин — 789
 Гушин Ф. А. — 33
 Гэтрелл П. — 21, 22, 446, 954
 Гюисман К. — 615
 Давиденко А. В. — 557, 558
 Давидов А. А. — 131
 Дальманн Д. — 395
 Дальский М. В. — 514
 Далин В. М. — 765
 Дан Ф. И. — 617, 626, 785, 786, 872, 873, 919
 Данилов В. П. — 31, 290, 294, 829
 Данилов Н. А. — 342, 346, 350, 359, 362
 Данилов О. Ю. — 31

- Данилов Ю. Н. — 37, 45, 53, 63, 65, 68, 69, 75,
76, 80, 92, 96, 116, 119, 126
Делькассэ Т. — 82, 100, 104
Дементьев Г. Д. — 379, 386
Демидов И. П. — 457, 584, 585, 693
Демин В. А. — 552
Деникин А. И. — 47, 61, 71, 86, 400, 408, 412,
483, 714, 866, 928
Денисов В. И. — 314
Денисов Н. Х. — 396
Деннингхаус (Дённингхаус) В. — 411, 718
Дергачева Л. Д. — 401
Деренковский Г. М. — 53, 74
Дживелегов А. К. — 567, 570
Джунковский В. Ф. — 419, 653, 655, 743
Дзержинский Ф. Э. — 614, 918, 941
Диков И. М. — 63, 77
Дитмар Н. Ф. фон — 134, 141, 165
Дихтяр Г. А. — 309, 313, 318, 320, 321, 324,
823
Дмитриев А. Л. — 306
Дмитриев А. Н. — 51
Дмитрий Павлович, вел. кн. — 710, 711
Дмитрий, архиеп. — 794, 796
Дмитрюков И. И. — 126, 127, 140, 142, 161,
683, 691
Добровейн М. — 736
Добровольский А. А. — 140, 142, 163, 178
Добровольский Н. А. — 668
Добропольский С. К. — 74
Доде Л. — 23
Долгоруков В. А. — 655
Долгоруков Павел Д. — 457, 561, 569, 588,
925
Дороватовский П. — 729
Дорошенко А. А. — 540
Дрейфус Л. — 301
Дробченко В. А. — 907
Друцкой-Соколинский В. А. — 115, 670, 708,
710
Дубасов Ф. В. — 77, 643, 677
Дубелир Г. Д. — 337
Дубенцов Б. Б. — 236
Дубровин А. И. — 404, 417, 418, 519, 553
Дубровская Е. Ю. — 33
Дуванова М. Ф. — 740
Дудаков С. — 81
Думитрашко П. Н. — 168
Думова Н. Г. — 430, 567, 578
Дурново П. Н. — 41, 58, 403, 522, 541–543,
552, 660, 695
Дурново С. П. — 453
Духонин Н. Н. — 925
Дьячков В. Л. — 28
Дякин В. С. — 14, 125, 175, 395, 415, 4219,
430, 524, 578, 641, 707, 743, 748
Евлогий (Георгиевский), архиеп., митр. —
470, 473, 485, 489, 793, 797, 888, 889, 891,
892
Екатерина II — 817
Елизавета Федоровна, вел. кн. — 446, 447,
449–451, 466, 718
Елисеев В. С. — 456
Елисеев С. П. — 456
Емелях Л. И. — 494–497, 797, 888, 892, 903,
933
Емец В. А. — 46, 75
Еремин И. А. — 32
Ерманский О. А. — 626
Ермоленко Д. С. — 871, 872
Ерофеев Н. Д. — 636, 638
Есенин С. А. — 894
Ефимов О. В. — 903
Ефремов В. — 195
Ефремов И. Н. — 140, 142, 594, 595, 693, 695,
870
Жданова И. А. — 401
Жебровский С. С. — 33
Жевахов Н. Д. — 651, 687
Желтова В. П. — 31, 235
Жилин А. П. — 414
Жилин Н. В. — 677
Жилинский Я. Г. — 80, 111
Жилкин И. В. — 718
Жилкин С. С. — 443
Жиро Р. — 38
Жиromская В. Б. — 188, 189
Житков Б. М. — 49
Жолобова Г. А. — 310
Жоффри Ж — 53, 76, 111, 115
Жуковский В. В. — 134, 141, 690
Журавлев В. А. — 771, 837

- Заварзин П. П. — 412, 422
 Завойко В. С. — 878
 Загряцков М. Д. — 426
 Зайончковский А. М. — 14, 30, 76, 810
 Зайончковский П. А. — 835
 Залевски М. — 47, 742
 Заложский В. Н. — 613
 Залуцкий П. А. — 614, 782
 Залюбовский А. П. — 111
 Замысловский Г. Г. — 537
 Замятин Е. — 935, 936
 Зарубин А. Г. — 794
 Зарубин В. Г. — 794
 Зарудный А. С. — 870
 Заславский Д. О. — 29
 Засулич В. И. — 936
 Захаров В. Н. — 30, 330, 818
 Звегинцев А. И. — 672
 Звягин Ю. К. — 350
 Зейналова С. — 743
 Земцов Б. Н. — 740
 Зензинов В. М. — 638
 Зернов Д. С. — 142
 Зиновьев Г. Е. — 613, 614, 867
 Злотин В. — 729
 Знаменский О. Н. — 929
 Знаменский С. Ф. — 28
 Золотарев В. А. — 73
 Зубалов Л. К. — 466
 Зубалова О. И. — 466
 Зубаров И. Е. — 510
 Зубов В. П. — 937
 Зубовский Ю. — 475
 Зубчанинов С. И. — 675
 Зырянов П. Н. — 209, 238–242
- Ианнуарий (Недачин), архим.** — 890, 891, 933
 Иванов А. А. — 33, 401, 414, 421, 519, 525, 551–554
 Иванов А. Е. — 243
 Иванов Н. И. — 118, 756
 Иванов Н. Я. — 841, 879
 Иванов Ф. А. — 135, 140, 142, 163
 Иванов, солдат — 792
 Иванова Н. А. — 31, 124, 187, 235
 Иванова Н. М. — 464
 Иванов-Разумник Р. В. — 762, 924
- Иванцова О. К. — 876
 Игнатъев А. В. — 38, 45, 64, 852, 853, 876, 877
 Игнатъев А. Н. — 664
 Игнатъев П. Н. — 421, 651, 657, 660, 664, 665, 669, 695, 709
 Игнатъева С. С. — 415, 420
 Игумнова Т. — 395
 Ижболдина Т. С. — 450
 Извольский А. П. — 39, 41, 45, 46, 48, 64, 108, 543
 Изгоев А. С. — 399, 562, 563, 575, 747
 Изенберг А. — 204, 254
 Измозик В. С. — 413
 Иконникова Т. Я. — 32
 Икскуль фон Гильденбандт Ю. А. — 678
 Илиодор (Труфанов), иеромонах — 496, 794
 Иловайский Д. И. — 531, 538, 546, 547
 Ильиных В. А. — 833, 856, 906, 908
 Ильюхов А. А. — 795, 831, 832, 856, 902, 906, 927
 Иннокентий, еп. — 469
 Иннокентий, иеромонах — 493
 Иоаким, архиеп. — 798
 Иорданский Н. И. — 608
 Иоффе А. А. — 951, 952
 Иоффе Г. З. — 29, 228, 230, 231, 778, 931
 Ипатъев В. Н. — 147, 279, 285, 938
 Исламов Т. М. — 60, 85
 Истомина Э. Г. — 336, 363
 Исхаков С. М. — 32, 786, 787, 789, 800, 801, 804, 838, 843, 864, 908, 909, 913, 927, 943
- Кабо Р.** — 822
 Кабузан В. М. — 190, 191, 194, 195, 219, 223–225, 233
 Кавтарадзе А. Г. — 772
 Казаков М. И. — 741
 Казицин Д. А. — 773
 Каледин А. М. — 875, 876
 Калистратова Р. Ф. — 206
 Каменев Л. Б. — 603, 604, 607, 608, 611, 850, 867
 Каменка Б. А. — 876
 Каминский Л. С. — 898
 Камков Б. Д. — 632
 Канделаки И. — 309

- Кандидов Б. — 482
Канишева Н. И. — 405
Кант Э. — 405
Капков К. Г. — 476, 477
Капланов Р. — 944
Каппелер А. — 746
Караулов М. А. — 944
Карахан Л. М. — 949
Кареев Н. И. — 28
Карнишин В. Ю. — 739
Карпачев М. Д. — 301, 485
Карпинский А. П. — 938
Карпов В. И. — 140, 164, 178
Карташев А. В. — 799, 870, 888
Карцов Ю. С. — 421, 528
Карьяхарм Т. — 743
Катаяма С. — 601
Катерли Н. — 937
Касаров Г. Г. — 33
Катков Г. М. — 29
Каутский К. — 615
Кауфман П. М. — 709
Кафенгауз Л. Б. — 268, 272, 273, 275, 277, 312
Кашкаров В. — 48
Квашнин-Самарин Е. Н. — 106
Келлер Ф. А. — 757
Кельин В. Ф. — 462
Кельсон З. — 773
Кельцев С. А. — 520
Керенский А. Ф. — 179, 603, 608, 622–624, 634–638, 693, 703, 755, 756, 759, 760, 761, 766, 771, 776, 778, 782, 791, 800, 806, 814, 818, 824, 830, 842, 845, 848, 853–856, 859–861, 865, 866, 869, 870, 873–881, 883, 884, 886, 888, 907, 909, 914, 916, 918–920, 926
Керсновский А. А. — 755, 756, 841, 842, 865, 866
Кижяева Т. А. — 487
Кизеветтер А. А. — 587
Киреев А. А. — 417
Кирилл (Смирнов), архиеп. — 486
Кирилл Владимирович, вел. кн. — 710, 711, 758
Кирьянов Ю. И. — 18, 33, 410, 520, 527, 534, 539, 550, 718, 720, 724, 726, 727, 729–731, 738, 745, 749, 752, 753
Китанина Т. М. — 30, 221, 256, 295, 302, 306, 394, 738
Кишкин Н. М. — 579, 595, 700, 710, 878, 935
Клаус Р. — 270
Клементьев В. Ф. — 932
Климович Е. К. — 654, 668
Клюев Н. — 791
Клячко Л. М. — 652, 657, 694
Книпович Б. — 203, 204, 254
Кнопы — 395
Ковалев П. А. — 746
Ковалевский М. М. — 644, 645, 676, 677
Ковалевский Н. Н. — 133
Коваленко Д. А. — 179
Ковальченко И. Д. — 291–293
Кожевин В. Л. — 768, 787, 835, 837
Кожевников Е. В. — 365
Кожины — 735
Козенко Б. Д. — 30
Козлов Д. Ю. — 56, 71
Козловский Н. — 210
Козьмин-Ланин И. М. — 249
Коковцов В. Н. — 41, 57, 58, 64, 66, 418, 520, 529, 643, 644, 651, 711
Кокорев А. — 34
Кокошкин Ф. Ф. — 565–571, 577, 593, 645, 760, 791, 870, 877
Колоницкий Б. И. — 18, 31, 32, 482, 496, 726, 854, 891
Колчак А. В. — 81, 304
Колчинский Э. И. — 284
Колышко И. И. — 646, 707
Колюбакин А. М. — 564, 583, 693
Комарова Т. С. — 32
Кондзеровский П. К. — 758, 759
Кондратьев Н. Д. — 119, 288, 298, 299, 302, 303, 305, 739, 812, 942
Кондрашин В. В. — 31, 294
Кони А. Ф. — 552, 648
Конкевич А. Е. — 644
Коновалов А. И. — 134, 141, 178, 431, 576, 594, 596, 611, 627, 686, 693, 695, 714, 761, 825, 826, 853, 919
Константин Константинович, вел. кн. — 710
Коншина А. И. — 465
Кораблев В. — 744

- Корелин А. П. — 31, 61, 117, 167, 183, 237, 261, 265, 286, 297, 301, 306, 323, 324, 326, 823
- Коркунов Н. М. — 641
- Корнилов А. А. — 567, 572, 573, 576, 585
- Корнилов Л. Г. — 714, 760, 777, 778, 839, 838, 842, 875–881, 888, 911
- Коровина Л. — 34
- Короленко В. Г. — 936
- Корф П. Л. — 647
- Кострикин В. И. — 860
- Костриков А. А. — 835
- Котляревский С. А. — 11, 28, 562, 579, 646
- Котюкова Т. В. — 32, 211, 477
- Красин Л. Б. — 614, 872, 951
- Крашенинников В. Г. — 336
- Крашенинников Н. П. — 677, 718
- Крестовников Г. А. — 135
- Кривенький В. В. — 793
- Кривошеин А. В. — 100, 128, 422, 584–586, 593, 649, 651, 661–666, 681, 682, 690, 694, 695, 736
- Критский М. А. — 839, 840
- Кроль Л. А. — 779
- Кропоткин П. А. — 793, 832, 833, 939
- Кротт И. И. — 297
- Крупенский П. Н. — 140, 142, 168, 176, 178, 422, 521, 652, 673, 687, 690, 698
- Крупина Т. Д. — 125, 130, 136
- Крупская Н. К. — 614
- Крыжановский С. Е. — 141, 665, 670, 694
- Крыленко Н. В. — 948
- Крымов А. М. — 711, 714, 770, 778
- Ксюнин А. И. — 480
- Кудашев Н. А. — 97, 107, 109
- Кудзаева Т. К. — 402
- Кудрявцев А. С. — 336, 363, 365, 366
- Кузнецов Н. Д. — 786
- Кузьмин-Караваев В. Д. — 429, 579, 718
- Кузьмин-Караваев Д. Д. — 123, 132
- Кукушкин Ю. С. — 778
- Куликов С. В. — 17, 31, 236, 425, 428, 432, 438, 446, 522, 549, 558
- Куломзин А. Н. — 140, 142, 651, 678, 686
- Куманин Л. К. — 412, 416, 421, 522, 696, 700, 702, 703, 711–713
- Купайгородская А. П. — 936
- Купцова И. В. — 439
- Куракин А. Б. — 699
- Куроедов В. А. — 932
- Куропаткин А. Н. — 44, 47, 50, 64, 746, 844, 708
- Курцев А. Н. — 932
- Кутлер Н. Н. — 134, 826, 876, 936, 941, 942
- Кутузов В. В. — 13, 29, 218, 748, 750, 865, 909
- Кучеров С. Л. — 243
- Кшесинская М. Ф. — 849, 868, 894
- Кюнг П. А. — 30, 265, 281, 431, 432
- Лаверычев В. Я. — 14, 29, 149, 160, 164, 172, 182, 244, 252, 310, 729, 876
- Лаврентьев В. М. — 507
- Лавров В. М. — 832, 934
- Лазаревский Н. И. — 642, 644, 657, 760
- Лансинг Р. — 808
- Лапин В. В. — 549
- Лаппо-Данилевский А. С. — 935
- Лаптева Р. Я. — 763
- Ларин Ю. М. — 130, 951
- Ларсен С. У. — 640
- Лассаль Ф. — 493
- Лебедев В. В. — 31, 419, 707
- Лебедев С. В. — 521
- Левашев С. В. — 521, 524, 548
- Левин С. М. — 428
- Левитин А. — 795
- Левитин-Краснов А. — 476
- Левитов П. В. — 477
- Левицкий Б. А. — 920
- Ледницкий А. Р. — 568, 569, 578, 588, 593
- Лейберов И. П. — 29, 753
- Лемачко Б. В. — 372
- Лемке М. К. — 661, 685
- Ленин В. И. — 180, 526, 601, 602–615, 618, 619, 623, 626, 630, 635, 766, 792, 838, 839, 848–853, 861, 867–869, 871, 872, 880, 881, 890, 892–896, 900, 906, 917–920, 922, 922, 926–929, 935, 939, 943, 947–948, 951, 952
- Леонид (Окропиридзе), еп. — 800
- Леонов М. М. — 415
- Леонов С. В. — 923
- Леонтьев М. — 98
- Леонтьев С. М. — 133
- Леонтьева Т. Г. — 468, 793, 887, 890, 928
- Лесенко Н. Д. — 131

- Либер М. И. — 785
Либкнехт К. — 631
Ливен (Liven D.) Д. — 34, 35, 87, 90
Ливен А. А. — 79, 81
Ливеровский А. В. — 351
Линде М. — 803
Литваков Б. М. — 291–293
Литвин А. Л. — 936
Литвинов М. М. — 609
Литвинов-Фалинский В. П. — 126, 127, 131, 134, 141, 162, 165, 176, 182
Лихновски К. — 55, 56, 86
Лобанов-Ростовский А. Н. — 140
Логинов С. И. — 341
Лодыженский А. А. — 659–661
Лозовский С. А. — 619
Локтева Н. А. — 481
Ломов А. — 918
Ломоносов Ю. В. — 354, 478, 841
Лопухин В. Б. — 667, 684, 685, 701, 704, 705, 711
Лопухин И. С. — 133
Лорис-Меликов М. Т. — 400
Лощкарев Г. А. — 140, 142
Лубны-Герцык Л. И. — 188, 189, 192, 220, 221, 232
Лукин А. — 41, 62, 71, 73, 79, 82
Лукомский А. С. — 71, 795, 877, 928
Луначарский А. В. — 619, 893, 925, 934–936, 938
Лунева Ю. В. — 56
Лунтинен П. — 75
Лызлова Т. — 721
Лыков И. П. — 772, 838, 865, 866, 917, 942
Львов В. Н. — 695, 756, 760, 761, 793, 795, 796, 853, 870, 877
Львов Г. Е. — 133, 141, 155, 426, 428, 431, 432, 435–438, 456, 458, 459, 576, 593, 594, 662, 694–697, 710, 713, 759, 760, 784, 802, 806, 814, 817, 838, 845, 846, 853, 869
Львов Н. Н. — 140, 155, 178
Львова М. Л. — 453
Любош С. — 29
Людендорф Э., фон — 24
Люксембург Р. — 601, 631
Люкшин Д. — 720
Лютер М. — 849
Лютер Р. К. — 777
Ляхов М. Н. — 835
Лященко П. И. — 272, 291, 298
Магазинер Я. М. — 645, 646, 674
Магомедов Р. Р. — 723
Магомедов Ш. М. — 944
Маевский И. В. — 15, 30, 275, 279, 285, 627, 727, 728, 730
Мазе Я. — 477
Майдель Г. Х. — 134, 141
Майков А. А. — 417
Макар Ю. — 35
Макарий, митр. — 497, 795, 797
Макаров — 792
Макаров В. Г. — 417
Макаров Н. В. — 34
Макаров Ю. В. — 735
Макензен А. фон — 107
Маклаков В. А. — 16, 133, 141, 178, 404, 412, 440, 564, 591–593, 596, 623, 691, 693, 695, 699, 700, 712, 760
Маклаков Н. А. — 126, 155, 255, 420, 428, 523, 549, 555, 557, 558, 586, 587, 621, 648, 651, 657, 660, 664, 666, 667, 681, 682, 713
Маковский С. — 935
Максимов Е. К. — 506
Максимова Л. Б. — 450
Максимович К. К. — 655
Малевский-Малевич Н. А. — 96
Малиновский Р. В. — 602, 603
Мальков В. Л. — 35, 36, 38, 50
Мамонтов С. И. — 778
Манасевич-Мануйлов И. Ф. — 654
Маниковский А. А. — 15, 30, 70, 111, 112, 119, 123, 124, 132, 151, 152, 156, 175, 176, 271, 272, 283, 710, 728
Мансырев С. П. — 408, 704
Мануильский Д. З. — 619
Мануйлов А. А. — 442, 588, 761, 853, 870
Маньков И. Н. — 616, 622
Марголис Ю. Д. — 935
Мария Павловна, вел. кн. — 452, 711
Мария Федоровна, имп. — 52, 449, 453–456, 708
Маркевич (Markevich A.) А. — 30, 263, 264
Марков Н. Е. — 140, 142, 154, 164, 177, 416, 421, 519, 520, 522, 523, 527, 528, 530, 534, 540, 541, 545, 546, 548, 553, 557, 623, 687

- Маркс К. — 258, 493, 560
 Марр Н. Я. — 938
 Мартов Ю. О. — 601, 615, 618, 619, 625, 626, 635, 786, 792
 Мартыненко И. В. — 345
 Мартынов А. П. — 401
 Мартынов А. С. — 625
 Маслаков А. — 840–842
 Маслов П. П. — 442
 Масловский — 791
 Матвеева Н. М. — 449
 Маяковский В. В. — 935
 Мейерхольд В. Э. — 935
 Мейнгард Г. А. — 462
 Мекк Н. К. фон — 305
 Меликов В. А. — 75
 Меллер А. П. — 131
 Меллер-Закомельский А. Н. — 671
 Меллер-Закомельский В. В. — 133, 141, 178
 Мельгунов С. П. — 12, 29, 401, 402, 405, 409, 413, 686, 690, 697, 706, 707, 710, 711, 713, 714, 721
 Меницкий И. — 718
 Мережковский Д. С. — 848, 854, 936
 Мефодий, еп. — 800
 Мешков С. С. — 479
 Мещерский А. П. — 131
 Мещерский В. П. — 53, 415–417, 420
 Мигулин П. П. — 393, 681
 Миклашевская Л. — 937
 Милица Николаевна, вел. кн. — 708
 Милюков П. Н. — 11, 12, 28, 102, 140, 404, 405, 412, 413, 491, 528, 554, 561–564, 567, 570, 573, 575, 576, 579–599, 608, 617, 629, 647, 665, 676, 679, 681, 682, 686, 689–671, 694–698, 702, 704, 712, 756, 758, 760, 761, 770, 776, 790, 805–809, 811, 812, 838, 845, 850–853, 869, 871, 878, 880, 884
 Милютин В. П. — 255, 256, 917, 918
 Милютин П. Н. — 664
 Минор — 864
 Минц И. И. — 12, 13, 720, 734, 739, 785, 864, 890
 Миронов Б. Н. — 17, 31, 193, 196, 206
 Мительман М. — 729
 Митрофан, архиеп. — 486
 Михаил Александрович, вел. кн. — 422, 685, 700, 711, 757, 758, 760
 Михайлов А. А. — 32
 Михайлов И. Д. — 340
 Михайлов П. А. — 385, 386
 Михайловский А. Г. — 193, 220
 Михайловский Г. Н. — 809, 850
 Михеев И. М. — 385
 Михельсон А. А. — 153, 808
 Михновский Н. И. — 801, 802
 Михутина И. — 946
 Модлю (Марков) — 717
 Молотов В. М. — 614, 784
 Мольтке Х. — 74
 Мольтке-младший Х. — 74
 Монас П. С. — 567, 571
 Моргентау (Morgenthau Н.) Г. — 85, 87, 97, 99
 Мордвинов А. А. — 655
 Морозов С. Д. — 193, 201
 Морозов Сергей Т. — 451, 459
 Морозова В. А. — 451
 Морозова М. С. — 463
 Морозова О. М. — 740
 Мосолов А. А. — 653, 669
 Мосолов А. И. — 140, 142, 535
 Мрозовский И. И. — 437, 670
 Мстиславский С. — 29
 Мукошеев В. А. — 383, 384
 Муравьев М. А. — 946
 Муратов Н. П. — 150, 677
 Мусин-Пушкин В. В. — 403
 Мусин-Пушкин О. И. — 701
 Мышлаевский А. З. — 64, 169, 836
 Мэннинг Б. — 75, 76
 Мясоедов С. Н. — 412
 Мятлев В. П. — 419
 Набоков В. Д. — 806, 854
 Набоков К. Д. — 111–113
 Нагорная О. С. — 33–35
 Наживин И. В. — 830, 864
 Нардова В. А. — 312
 Нарский И. В. — 33–35, 891
 Нарышкин К. А. — 655
 Нарышкина Е. А. — 712
 Натансон М. А. — 631, 632, 635, 637
 Науман Ф. — 49
 Наумов А. Н. — 174, 203, 305, 651, 657, 659, 662, 663, 666, 668, 677, 684, 686, 696, 709

- Неведомский М. — 936
Неволин А. С. — 767
Неженцев М. О. — 839
Нейдгардт А. Б. — 228, 522, 551, 552
Нейлсон (Neilson K.) К. — 34, 52, 54, 55
Неклютин К. Н. — 304
Некрасов Н. В. — 132, 141, 178, 574, 580–584, 695, 700, 710, 756, 761, 791, 813, 818, 853, 870, 875, 877, 878
Нелипович С. Г. — 32, 228, 743, 866
Немечек М. — 489
Немитц А. В. — 77, 78
Ненароков А. П. — 33
Неопиханов А. А. — 343
Никитин А. М. — 870, 919
Никитин Б. В. — 871, 872, 893
Никитин В. — 871, 872
Николаев А. Б. — 17, 31, 553, 777, 874
Николай (Ярушевич) — 476
Николай II, имп. — 38, 42, 43, 45, 47, 52, 54, 56–59, 63, 80, 82, 88, 89, 91–94, 99–101, 104–106, 108, 116, 120, 128, 134, 139, 155, 172, 175, 178, 184, 205, 216, 227, 244, 352, 361, 375, 380, 384, 386, 391, 401–403, 408, 409, 418, 420–422, 435, 437, 440, 447, 455, 478, 490, 493, 500, 555, 622, 624, 647–652, 654, 656, 658, 664, 665, 668, 669, 671, 672, 686, 688, 699, 701, 708–713, 756–758, 760, 763, 781, 783, 795
Николай Михайлович, вел. кн. — 59, 91, 421, 710, 711
Николай Николаевич (младший), вел. кн. — 53, 62, 81, 93, 95, 108, 119, 123, 126, 418, 422, 649, 650, 656, 660, 661, 664, 671, 675, 679, 708–710, 717, 718, 757–759
Николсон А. — 52, 86
Никольская Т. — 488, 491, 492
Никольский Б. В. — 937
Никольский И. В. — 336
Никольский Н. М. — 493
Никольский Ю. А. — 887
Никон (Риклицкий), архиеп. — 473, 483, 485, 487, 496
Никон (Рождественский), архиеп. — 545, 546
Никонов А. А. — 573
Никонов В. А. — 31
Нилов К. Д. — 654, 655
Нобель Э. Л. — 134, 252, 406
Новгородцев П. И. — 887
Новиков М. М. — 588
Новикова Е. Э. — 552
Новицкий П. В. — 648
Новорусский М. В. — 28
Новосельский С. А. — 189, 193–195, 199, 200, 202, 214
Новосильцев, полковник — 788
Ногин В. П. — 918
Ноздрин Г. А. — 733, 734, 739, 740, 749, 797, 907
Нокс А. — 916
Нольде Б. Э. — 657, 760
Норт Д. — 640
Нотович Ф. И. — 49
Оберучева А. — см. Амвросия
Оболенский (Осинский) В. В. — 224
Оболенский А. Д. — 678, 683
Оболенский В. А. — 427
Оболенский Н. Л. — 660, 661
Овчинников И. А. — 43, 78, 104
Огановский Н. П. — 204, 298, 299
Одинцов М. И. — 888
Озеров И. Х. — 648, 936
Окунев Н. П. — 763, 824, 851, 874, 899, 925
Олар А. — 54
Олсуфьев Д. А. — 691
Ольга Александровна, вел. кн. — 455, 653
Ольга Николаевна, вел. кн. — 446, 447, 451, 452, 455
Ольденбург С. С. — 140, 142, 178, 766, 870, 935, 938
Ольденбург С. Ф. — 490
Ольнева О. В. — 895
Ольшевский С. И. — 341
Омельянчук И. В. — 539
Опочинин Н. Н. — 140, 142
Оппенгейм К. А. — 337, 339, 343, 344
Орехов М. Д. — 898
Орешников А. В. — 717, 722, 748, 762, 851
Орлов В. Г. — 553
Орлов В. Н. — 47, 652, 664, 708, 709
Осадчая А. И. — 310
Осиновский А. Н. — 939
Осипова Т. В. — 857
Осташко Т. — 802

- Островский А. В. — 15, 30
 Остроумова А. П. — 766
 Оськин М. В. — 301
- Павел I** — 711
- Павел Александрович, вел. кн. — 417, 710, 757, 925
- Павличинский А. А. — 338, 367, 370, 373
- Павлов Д. Б. — 34, 37, 61, 85, 96
- Павлович М. П. — 541
- Пайпс Р. — 35, 931
- Пак Б. Б. — 352
- Палей О. В. — 417
- Палеолог М. — 93, 97, 100–105, 395, 416–418, 420, 422, 497, 649, 651, 668, 682, 689, 700, 711, 712
- Палицын Ф. Ф. — 63, 72, 75, 111, 649
- Паллавичини И. фон — 85
- Пальчинский П. А. — 825, 919
- Пальчинский П. И. — 179, 872
- Панафидин Н. Е. — 131, 141
- Панина С. В. — 756
- Панкратова А. М. — 926
- Пападжанов М. И. — 567, 570
- Пархоменко Т. А. — 406
- Пашков Е. В. — 536
- Пепеляев В. Н. — 869
- Переверзев П. Н. — 853, 870
- Перетц Е. А. — 400
- Першин П. Н. — 938
- Першин С. П. — 351
- Петлюра С. В. — 946
- Петр I — 472, 493
- Петров А. Ю. — 327
- Петров В. А. — 741, 749, 836
- Петров М. А. — 63
- Петров Н. П. — 132
- Петров Ю. А. — 30, 31, 34, 379, 380, 383, 384, 387, 392, 395, 396, 398, 431, 432, 813, 818, 819, 949, 950
- Петровский Г. И. — 603, 607, 608, 622, 760, 777, 949
- Петропавловский С. — 29
- Пешехонов А. В. — 853, 870
- Пивоваров Н. Ю. — 325
- Пивоварчик С. А. — 32
- Пико (Picot G.) — 107
- Пильца А. И. — 708
- Пионтковский С. А. — 12, 29
- Писарев Ю. А. — 36, 38
- Питирим, митрополит — 795
- Платон (Рождественский), архиеп., экзарх Грузии — 800
- Платонов С. Ф. — 657, 935
- Платонова В. А. — 508
- Плеве Н. В. — 532
- Плеханов Г. В. — 601, 615, 617, 618, 620, 624, 625, 636, 792, 848, 850
- Плешаков И. Н. — 506
- Победоносцев К. П. — 400
- Поглазова Н. — 889
- Погребинский А. П. — 315
- Подпрятков Н. В. — 914
- Покровский А. И. — 887
- Покровский А. С. — 916, 921
- Покровский М. Н. — 12, 13, 29, 524, 706
- Покровский Н. Н. — 104, 658, 701
- Покровский С. А. — 327, 328
- Поливанов А. А. — 132, 134, 139, 142, 143, 160, 163, 167, 172–174, 315, 406, 421, 643, 647, 650, 651, 655, 662, 664–666, 672, 673, 678, 684, 685, 692, 694, 695, 836
- Поликарпов В. В. — 30, 64, 67, 121, 157, 158, 175, 281
- Поликарпов В. Д. — 925
- Полковников Г. П. — 920
- Половцев П. А. — 836, 944
- Половцов И. Ф. — 702
- Полунин В. Н. — 704
- Поляков Г. — 479
- Попов Д. Я. — 796
- Поршнева С. В. — 784
- Поршнева О. С. — 32–34, 39, 208, 294, 482, 749, 784
- Посадский А. В. — 716, 733, 762
- Поспеловский Д. В. — 796, 799, 887
- Постников Н. Д. — 34
- Потемкин В. П. — 77
- Потресов А. Н. — 404, 620, 621, 625, 626, 936
- Прайс М. Ф. — 836
- Принцип Г. — 85
- Пришвин М. М. — 733, 753, 754, 759, 766, 773, 792, 873, 886, 904, 916, 939
- Прокопович С. Н. — 385, 386, 442, 443, 577, 578, 695, 721, 735, 823, 870, 875
- Проскураков Л. Д. — 351

- Протасов Л. Г. — 28, 929, 930
Протопопов А. Д. — 112, 126, 127, 142, 153, 402, 417, 437, 651–653, 657, 668, 669, 678, 685–688, 698, 699, 707, 708, 712, 736
Протопопов Д. Д. — 567
Проханов И. С. — 478
Пуанкаре Р. — 23, 53, 87, 88, 103
Пузырев В. П. — 374, 376
Пунин Л. — 724
Пунин Н. Н. — 408, 409, 716, 721, 763, 773
Пуришкевич В. М. — 409, 410, 519, 524, 525, 532, 537, 540, 545, 547–549, 553, 667, 686, 687, 797
Пурталес Ф. — 69, 89, 91, 93
Путилов А. И. — 126, 127, 131, 134, 162, 394, 395, 876
Пушкарев С. Г. — 787
Пушкарева И. М. — 32, 33
- Рабинович А.** — 869, 882
Рабинович С. Е. — 839, 853, 862
Радивилин К. И. — 927
Ракитников Н. И. — 632
Раков В. А. — 352, 354
Ранненкамф П. К., фон — 652
Рапп Е. Ю. — 762
Раскольников Ф. Ф. — 768
Распутин Г. Е. — 47, 59, 60, 94, 99, 116, 396, 402, 416, 417, 420, 421, 473, 482, 496, 525, 652–654, 668, 684, 703, 710, 711, 739, 794, 798
Ратенау — 50
Раупах Р. Р. фон — 749, 750, 752, 755, 880
Раух Г. О. фон — 42, 45, 71, 401
Раухенштайнер М. — 60
Рафес М. — 885
Реден Н. — 894
Редигер А. Ф. — 63, 558, 672, 673
Редькина О. Ю. — 800
Рейн Г. Е. — 115, 655
Рейснер Л. М. — 936
Рейтерн О. А. — 453
Ремизов А. М. — 934
Рензи (Renzi W. A.) У. — 40, 58, 103–105, 107
Репников А. В. — 407, 421, 496
Решке К. — 395
Ривош Я. Н. — 839
- Рид Д.** — 922, 923
Римский-Корсаков А. А. — 420, 524, 555–558, 677
Риттих А. А. — 177, 241, 702
Роберти Е. В. де — 734
Роганов Е. — 365
Рогозный П. Г. — 800
Родзянко А. М. — 644
Родзянко М. В. — 11, 28, 126–128, 131, 132, 139–143, 153–155, 161, 165, 168, 169, 173, 176–178, 437, 553, 603, 604, 607, 617, 622, 629, 649, 659, 675, 676, 681, 683–687, 689–691, 695, 697–701, 711, 747, 756, 870
Родичев Ф. И. — 580, 584, 591, 598, 608, 701, 869
Роднов М. И. — 296
Рождественский Д. С. — 938, 939
Рождественский П. А. — 462
Розанов В. В. — 770
Розен Р. Р. — 42, 59
Розенберг У. — 780
Розенталь И. С. — 399, 400, 403, 411, 415, 417, 418, 420, 603, 693, 828, 937
Романов Б. А. — 386
Ромейко-Гурко В. И. — 757
Ромов Р. Б. — 540
Ронжин С. А. — 356
Росс Д. — 499
Ростан Э. — 514
Ростовцев М. И. — 935
Ростунов И. И. — 14, 30, 62, 110, 119
Рубанович И. А. — 632
Рубинштейн Д. Л. — 396
Руга В. — 34
Рудаченко С. Д. — 753
Руднев В. В. — 778
Рузский — 714
Рукосуев Е. Ю. — 30
Рункевич С. Г. — 473, 484, 488, 498
Русин А. И. — 78, 153
Рухлов С. В. — 120, 341, 663
Рыбаченок И. С. — 44, 59, 72
Рыков А. И. — 850
Рынков В. М. — 31, 289–291, 297, 325, 833, 856, 906, 908
Рябиков П. Ф. — 72
Рябиченко С. — 718
Рябушинские — 396, 397

- Рябушинский П. П. — 134, 141, 149, 396, 431, 432, 435, 611, 677, 690, 695, 818, 823
- Саблер В. К. — 126, 473, 494, 653, 664
- Саблин Н. П. — 654, 655
- Сабуров П. А. — 46
- Савенко А. И. — 521, 682, 689, 696, 702–704
- Савин А. Н. — 765
- Савинков Б. В. — 632, 877, 878
- Савинский Д. — 508
- Савич Г. Г. — 641, 642
- Савич К. И. — 360
- Савич Н. В. — 126, 127, 140, 142, 165, 178, 668, 674, 675, 687, 688, 695, 700
- Савченко В. А. — 946
- Сагайдачный А. Н. — 733, 734, 739, 740, 749, 797, 907
- Садовая Г. М. — 49
- Садовский Б. А. — 887
- Садырин П. П. — 578
- Сазонкин — 466
- Сазонов Г. П. — 654
- Сазонов Л. И. — 210, 212, 217, 218
- Сазонов С. Д. — 40, 41, 44, 45, 48, 49, 52–54, 56–58, 79, 80, 82, 86, 88–98, 100–109, 113, 581, 651, 654, 663–666, 693, 694, 776
- Сайкс (Sykes M.) М. — 107
- Салимбаев Н. — 803
- Самарин А. Д. — 651, 653, 664, 664
- Самарин Ф. Д. — 417
- Самойло А. А. — 72
- Самойлов Ф. Н. — 603
- Самсонов А. В. — 76, 768
- Санборн Д. — 715
- Сандерс Л. фон — 49, 55–57, 79, 99
- Санькова С. М. — 414
- Саткевич А. А. — 142
- Сафонов Д. А. — 732, 739, 859, 891, 903
- Сахаров В. В. — 113
- Свердлов Я. М. — 614, 918
- Сверчков Д. Н. — 140, 142
- Свинхувуд П. — 776
- Свистунова С. — 296
- Святицкий Н. В. — 637, 638
- Северянин И. — 618
- Седов А. В. — 858
- Селунская Н. Б. — 291–293
- Семашко А. Я. — 862
- Семенников В. П. — 12, 29, 548, 706
- Семенов А. А. — 306
- Семенова Е. Ю. — 34, 500, 501, 513, 516, 521, 522, 723, 727, 743
- Семенов-Тянь-Шанский Р. Д. — 904, 905
- Семеновы-Тянь-Шанские — 759
- Семковский С. Ю. — 625
- Сенин А. С. — 31, 336, 357, 476, 479, 485, 757, 836, 842
- Сенина М. А. — 449
- Сенявская Е. С. — 33, 34
- Серафим (Голубятников), еп. екатеринбургский — 797
- Серафим (Чичагов), митр. — 469, 495, 795, 797
- Серафим Саровский — 456, 469
- Серафимович А. — 405
- Сервис (Service R.) Р. — 849
- Сергеев Е. Ю. — 28
- Сергеев И. Г. — 897
- Сергеева И. А. — 411
- Сергеева С. Л. — 30, 282
- Сергей Михайлович, вел. кн. — 115, 123, 124, 283
- Сергий (Савельев), архим. — 861
- Сергий, архиеп., патриарх — 796
- Сиверс — 717
- Сидоров А. Л. — 13, 15, 29, 30, 112, 118, 121, 122, 124, 125, 144, 148, 149, 153, 154, 160, 169, 170, 268, 278, 283, 284, 291, 292, 316, 331–334, 340, 342, 345, 352, 355, 358, 359, 379, 381, 382, 387, 738, 749, 807–810, 812, 815, 816, 824, 833, 870, 883, 884
- Сикорский И. И. — 95
- Симон (Шлеев), еп. — 798
- Сироткин Д. В. — 579
- Сифман Р. И. — 190
- Скирмунт Р. — 802
- Скобелев М. И. — 616, 622, 623, 629, 693, 761, 770, 782, 816, 853, 870, 878, 912, 924
- Скоропадский П. П. — 754
- Скоропись-Иолтуховский А. Ф. — 871, 872
- Славинский М. А. — 802, 884, 885
- Слесарев А. П. — 402
- Слонимский М. Л. — 414
- Смирнов А. — 383, 388
- Смирнов М. И. — 83
- Смирнов С. А. — 579

- Смит-младший (Smith C. J., jr) Дж. — 180, 181
Смолич И. К. — 888, 932
Смысловский Е. М. — 120, 121
Снайдер (Snyder J.) Дж. — 76
Снежков В. Н. — 522
Снесарев А. Е. — 481, 749, 750, 759, 770, 771, 772
Соболев Г. Л. — 31, 402, 410, 707, 783, 828
Соболев И. Г. — 527
Соболевский А. И. — 520
Соколов Б. В. — 419
Соколов К. И. — 927
Соколов Н. Д. — 769, 782
Соколова Э. П. — 402
Сокольников Г. Я. — 949, 951
Соловьев В. С. — 798
Соловьев К. А. — 641, 672, 674, 680
Соловьев О. Ф. — 31, 74, 707
Соловьев С. М., свящ. — 798
Соловьев Ю. Б. — 395
Сологуб Ф. — 51, 936
Сомов С. А. — 125, 179
Сорокин П. А. — 23, 35, 936
Сосунцов Н. — 490
Сперанский С. В. — 442
Спиридонова М. А. — 926
Спирин Л. М. — 929, 930
Спроге В. Э. — 344
Сталин И. В. — 850, 895, 917
Станкевич В. Б. — 841
Стариков Н. — 31
Старцев А. В. — 310
Старцев В. И. — 14, 17, 29, 32, 443, 693, 755, 771, 778, 782, 878
Стахеев И. И. — 394
Стахович А. А. — 416
Стахович М. А. — 140, 142, 165, 178, 691
Стебницкий П. Я. — 802
Стейнер (Steiner Z. S.) З. — 56, 86, 87, 89
Стеклов В. А. — 938
Стеклов Ю. М. — 781, 785
Степанов В. А. — 140, 577, 870
Степун Ф. А. — 733, 760, 766, 770, 785, 786, 790, 792, 795, 806, 835, 836, 841, 861, 866, 868, 875, 878, 879, 893, 894, 896, 930
Стефан Пермский, свт. — 889
Стиннес — 50
Стишинский А. И. — 142
Стишинский А. С. — 140, 162, 164, 177, 179
Стогов Д. И. — 400, 415, 554
Столыпин А. А. — 839, 840
Столыпин П. А. — 37, 41, 45, 61, 70, 401, 520, 551, 643, 647, 858
Страхов В. В. — 815
Стрелков А. Т. — 521
Струве П. Б. — 12, 29, 40, 564, 574–576, 579, 584
Струмилин С. Г. — 314
Студенской-Бурдуков Н. — 417, 420
Суворин А. С. — 416
Судацов Н. Д. — 830
Султанов М.-Я. — 478
Сумбатов (Южин) А. И. — 514
Суханов Н. Н. — 751, 768, 769, 773, 782–786, 825, 849, 852, 854, 868, 881, 921–923
Суханова Н. И. — 745
Сухова О. А. — 739, 907
Сухомлинов В. А. — 65, 68, 69, 72, 78, 90, 91, 118, 122, 125, 126, 128, 129, 132, 160, 340, 455, 647, 660, 664, 681, 682, 702
Сухомлинова Е. В. — 483
Сыпченко А. В. — 635, 636
Сыч А. И. — 35
Сюмера Э. — 206
Тагирова Н. Ф. — 287
Талаат-Паша — 97
Тан-Богораз В. Г. — 413
Танин-Львов А. А. — 846
Тарновский К. Н. — 15, 30, 67, 128, 169, 170, 276, 280, 286
Татьяна Николаевна, вел. кн. — 228, 446, 453–455
Таубе М. А. — 523
Теплиц Е. — 514
Терешина Е. П. — 727, 735
Терещенко Е. М. — 456
Терещенко М. И. — 133, 141, 611, 710, 714, 761, 808–810, 815, 818, 853, 862, 870, 878, 880, 883, 884, 916
Тёрнер (Turner L. C.F.) Л. — 90
Тер-Петросян С. А. (Камо) — 614
Тесленко Н. В. — 579
Тецлов Г. — 722
Тикстон П. А. — 134

- Тилли (Tilly R.) Р. — 949, 950
Тимашев С. И. — 135, 140, 142, 154, 162, 643
Тимирязев В. И. — 134, 140, 142, 165, 178
Тимирязев С. И. — 164
Тимофеев Н. С. — 778
Тиссен — 50
Титлинов Б. В. — 796, 798, 799
Тиханович-Савицкий Н. Н. — 409, 521
Тихомиров Л. А. — 401, 405, 407, 408, 410–413, 415–417, 420, 496, 717, 719, 724–726, 852
Тихомолов, свящ. — 494
Тихон (Беллавин), архиеп. — 798, 800, 892, 915, 932
Тихон Платоныч — 296
Тихон, архиеп. — 797, 798
Тихонов А. К. — 488
Тихонова Е. Ю. — 916, 921
Тоболин И. — 524
Толстая Н. В. — 456
Толстой И. И. — 661, 680, 716, 720, 724, 731, 738
Толстой Л. Н. — 794
Толстые — 735
Толь С. А. — 140, 142
Тома А. — 853
Тоняев В. И. — 336
Топчибашев А. М. Б. — 913
Торский В. Ф. — 514
Тотфалушин В. П. — 506
Трепов А. Ф. — 107, 140, 142, 170, 172, 174, 352, 353, 355, 360, 422, 554, 629, 652, 653, 657, 659, 666, 668, 669, 384, 386, 687, 699, 710
Трепов Д. Ф. — 646
Третьяков С. Н. — 149, 431, 919
Трифонов Ю. Н. — 372
Тройницкий А. — 739
Тропов И. А. — 443, 444
Троцкий Л. Д. — 610, 614, 615, 619, 635, 761, 792, 854, 869, 869, 881, 886, 892, 893, 896, 917, 923, 926, 935, 947, 948
Трошина Т. И. — 32, 724, 735
Троян С. С. — 49
Трубецкие — 735
Трубецкой Е. Н. — 41, 42, 104, 405, 562, 575, 677, 887
Туган-Барановский М. И. — 28, 381
Тудорянц Н. Л. — 224
Туляков И. Н. — 616, 622
Туманов Г. Н. — 759
Туманов С. — 827
Туманова А. С. — 33, 424
Туполев Б. М. — 39
Тутолмин С. Н. — 34
Тухачевский А. М. — 830
Тыркова А. В. — 405, 411, 412, 414, 719, 720, 725, 731, 744, 756, 761, 764, 766, 770, 771, 790, 791, 856, 859, 861, 869, 878, 887, 898, 924, 928, 931
Тютчева С. И. — 653
Тютюкин С. В. — 17, 31, 600, 609, 634, 792, 850, 877, 919
Уздин М. М. — 341
Укуров Т. — 804
Ульянова Г. Н. — 446, 454, 465
Ульяновская В. А. — 938
Ульянский А. — 729
Урибес-Санчес Э. — 36, 38, 147
Урланис Б. Ц. — 192–194, 217
Урусов В. М. — 677
Усманова Д. — 471, 492
Утин Я. И. — 126, 131, 134
Ухтомский А. — 508
Ушаков К. — 346
Уэллс Г. — 54
Федоров К. П. — 131
Федоров М. М. — 579, 690, 710
Федоров С. П. — 655
Федорченко С. З. — 482
Федюк В. П. — 895
Феофан — 497
Филиппов Ю. Д. — 309
Филиппова Т. А. — 404
Филоненко М. М. — 878
Фирсов Г. А. — 701
Фирсов Н. Н. — 29
Фишер (Fischer F.) Ф. — 50
Фишер Е. — 101
Флоринский М. Ф. — 29, 30, 125, 175, 549
Флоровский Г. В. — 888
Флуг В. Е. — 106
Фокин Е. — 12, 29
Фокин Л. Ф. — 147

- Фондаминский И. И. — 630, 631, 635, 791
Франц-Иосиф — 85
Фредерикс В. Б. — 419, 654
Френкель Э. Г. — 787
Френкин М. С. — 837
Френсис Д. — 808–810, 851, 884
Фридман М. И. — 28
Фролов П. А. — 171
Фруменкова Т. Г. — 795–798
Фуллер У. — 35
Фурсенко А. А. — 387, 395
Футорянский Л. И. — 243
Фюрстенберг (Ганецкий) Я. С. — 872
- Хабалов С. С. — 751, 753, 755
Хавкин Б. Л. — 28
Хаймсон Л. — 35, 244
Харитонов П. А. — 66, 121, 128, 643, 663–665, 694
Харитонов С. Ф. — 350
Харрисон (Harrison М.) М. — 30, 263, 264
Хасин В. В. — 507
Хатисов А. И. — 710
Хаустов В. И. — 604, 616, 617, 623, 629
Хафизов М. З. — 789
Хвостов А. А. — 492, 664
Хвостов А. Н. — 172, 411, 419, 420, 521, 528, 550, 651, 654, 657, 663, 666, 683, 684, 695, 696
Хейсин М. Л. — 492, 664
Хеллер К. — 395
Хитрина Н. Е. — 293, 739, 857
Хмельницкая Е. М. — 130
Хмельницкая И. Б. — 415, 419, 441
Ходасевич В. Ф. — 937
Ходнев Д. И. — 751, 752
Хойслер Й. — 950
Хоменко А. А. — 82
Хомяков Н. А. — 672, 676
Хорошилова О. А. — 724
Хоскинг Дж. — 35
Хрущов А. Г. — 133
Хэфнер Л. — 414
- Церетели И. Г. — 626, 785, 806, 848, 852–854, 870, 878, 910
Цукерник А. Л. — 315
- Чайковский Н. В. — 577, 578
Чаянов А. В. — 304, 342
Чванкин В. И. — 904
Чеботарев М. Н. — 367, 368, 370
Чеботарева В. Н. — 408
Челебиев Ч. — 843
Челноков М. В. — 133, 141, 178, 429, 431, 432, 434, 435, 437, 530, 576, 579
Червякова М. М. — 484
Чердынцев С. И. — 171
Череванин Н. — 872
Черемисов — 920
Черменский Е. Д. — 13, 29, 706
Чернов В. М. — 630–635, 791, 853, 857–859, 869, 870, 873, 893, 903, 904, 905, 914, 930, 931
Чернова-Дёке Т. Н. — 743
Чернышев А. А. — 719
Четверииков С. И. — 431
Чикеринг Р. — 25
Чистяков О. А. — 456
Чистяков О. В. — 455
Чихачев Д. Н. — 140, 143, 178
Чихачев Н. М. — 643
Чичерин Г. В. — 619, 949, 951
Чубинский М. П. — 402, 414
Чуковская Е. Ц. — 414
Чуковский К. И. — 414, 936
Чураков Д. О. — 902
Чхеидзе Н. С. — 607, 612, 615–617, 620–623, 625, 628, 629, 693, 756, 761, 782, 785, 792, 848
Чхенкели А. И. — 616, 622, 623, 629
- Шабальский — 736
Шавельский Г. И. — 116, 237, 470, 471–473, 475, 476, 483, 489, 498, 650, 653–654, 664, 668, 708, 709, 798, 835, 838
Шавров В. — 476, 795
Шагов Р. Н. — 603
Шалагинова Л. М. — 632, 636–638
Шалланд Л. А. — 656
Шаляпин Ф. И. — 937, 939
Шаров П. — 281
Шаханов Б. — 804
Шаханов Н. П. — 905
Шахматов А. А. — 935
Шахов Г. Я. — 704

- Шаховский В. Н. — 161, 170, 172, 657, 664, 686, 691
- Шаховский Д. И. — 569, 573, 574, 576–578, 580–584, 592–595, 853, 870, 928
- Шацилло В. К. — 14, 30, 31
- Шацилло К. Ф. — 30, 63, 64, 66, 68
- Шацилло М. К. — 30, 308, 384, 398, 818, 819, 934, 941
- Шебеко И. А. — 140, 142, 178
- Шевцов А. В. — 543
- Шевырин В. М. — 16, 31, 33, 133, 134, 425, 430, 433, 444
- Шелохаев В. В. — 33, 417, 560
- Шелухин С. П. — 802
- Шепелев Л. Е. — 266, 274, 312, 392, 393
- Шептицкий А., митр. — 489
- Шереметев Д. С. — 655
- Шерстянников Н. А. — 608
- Шестаков А. В. — 736, 737, 740
- Шечков Г. А. — 521, 530
- Шибков А. И. — 835
- Шигалин Г. И. — 322, 327
- Шидловский С. И. — 597, 685, 711, 795
- Шилов Д. Н. — 667
- Шингарев А. И. — 28, 140, 142, 163, 176, 178, 575, 579, 581, 582, 583, 586, 588, 591, 593, 682, 686, 691, 693, 694, 696, 701, 705, 711, 761, 853, 858, 869, 870
- Шипов Д. Н. — 403, 646, 676
- Шишкин А. А. — 796, 799
- Шишкин В. А. — 402
- Шкапский О. А. — 913
- Шкундин Г. Д. — 35, 39, 48
- Шлиппе Ф. В. — 670
- Шлиффен А. фон — 74, 94
- Шляпников А. Г. — 612, 614, 627, 754, 782
- Шмаров — 860
- Шмелев К. Ф. — 380, 819
- Шнейдер А. П. — 759
- Шнейдер В. П. — 759
- Шпенглер О. — 23
- Штейнберг И. З. — 638, 761, 827, 837, 872, 873
- Штильман Г. Н. — 646
- Штюрман Б. В. — 104, 116, 174, 420, 436, 437, 554, 597, 651, 652, 654, 657–659, 662, 668, 684–687, 697–699, 707, 710
- Шубин И. А. — 368, 370
- Шуваев В. С. — 655
- Шуваев Д. С. — 172–176, 217, 358, 698
- Шульгин В. В. — 140, 143, 404, 521, 551, 623, 643, 682, 692, 696, 705, 713, 756, 757, 764, 777, 861
- Шульц Г. — 769, 888
- Шумилов Е. Ф. — 728, 730
- Шустов Н. Н. — 462
- Щеглов А. Н.** — 61, 62, 71
- Щегловитов И. Г. — 126, 140, 179, 416, 523, 553, 554, 647, 648, 651, 664, 678, 682, 688
- Щепихин С. А. — 92
- Щепкин Д. М. — 133, 760
- Щепкин Н. Н. — 429, 578
- Щербатов Н. Б. — 422, 651, 661, 664, 665, 667, 709
- Щербинин П. П. — 33, 205–209, 484, 496, 497
- Щукин Н. Л. — 341, 342, 344, 355
- Эбелов М. И.** — 803
- Эбергард А. А. — 79, 97
- Эверт А. Е. — 63
- Эверт А. Я. — 253, 717
- Эйлер А. А. — 133
- Энвер-паша — 97
- Энгельгардт Б. А. — 140, 714, 755
- Энгельштейн Л. — 471
- Энгл Б. — 725, 731, 732, 738
- Эпштейн Г. — 507
- Эрве Г. — 602
- Эренталь А. фон — 48
- Эрлих Г. М. — 782
- Эрн А. А. — 698
- Эссен Н. О. фон — 83
- Юнгер Э.** — 24
- Юнкеры — 395
- Юрнев П. П. — 870
- Юрий М. Ф. — 30, 431, 432
- Юсупов Ф. Ф. (старший) — 411, 419
- Юсупов Ф. Ф. (младший) — 59, 116, 710
- Яковенко Б. В.** — 29
- Яковлев Н. Н. — 17, 31, 693
- Якупов Н. М. — 841
- Ян Х. Ф. — 410

- Янжул И. Н. — 312
Янушкевич Н. Н. — 90, 91, 93, 118, 121, 126,
649, 660, 661
Ярков А. П. — 943
Ярославский Е. М. — 29
Яхимович З. П. — 35, 36, 48
Яхонтов А. Н. — 425, 426, 649, 655, 660, 661,
666, 670, 675, 694
- Albertini Z. — 60, 89
- Bailes K. E. — 938
Bourne J. M. — см. Бурн Дж.
Bradley J. — 423
Bridge F. R. — 51, 85, 88, 94
Bywater H. — 72, 73, 114
- Chickering R. — 36, 47
Cohen A. J. — 34
- Emsley C. — 36
Engel B. A. — 740
Engelstein Z. — 890
- Farrar Z. Z. — 59
Fay S. B. — 85, 90, 95
Ferrisby H. — 72, 73, 114
Figes O. — 35, 738, 754, 785, 794, 799
Fischer F. — см. Фишер Ф.
Fleischhauer I — 744
Foerster S. — 35, 36
Freeze G. — 794
- Gatrell P. — 34, 35, 725, 727, 731, 737, 738,
834, 959
Gatzke H. W. — 50, 51
Geyer D. — см. Гейер Д.
Gregory P. R. — см. Грегори П.
Groß G. P. — 34
- Hardach G. — 50, 51, 112
Harisson M. — см. Харрисон М.
Harvey J. P. — 313
Hasegava T. — 753
Hickey V. C. — 828
Hillyaz A. — 35, 205
Holquist P. — 34
Horne J. — 36
- Ipatjef V. N. — 938
Isaac J. — 90
- Keithly D. M. — 50, 80
Knox A. — 916
Koenker D. — 728
- Langhorne R. — 60
Lehikoinen R. — 893
Lieven D. — см. Ливен Д.
Lincoln W. B. — 35
Liulevicius V. G. — 34
Lohr E. — 493, 721
Luntinen P. — 75, 82
- Magocsi P. R. — 744
Marwick A. — 36
Mcdermid J. — 35, 205
McClelland J. C. — 935
Melancon M. — 631, 636, 637, 638
Meyer H. C. — 49
Morgenthau H. — см. Моргентай Г.
- Nagler J. — 36
Neilson K. — см. Нейлсон К.
- Pearson R. — 34
Peris D. — 933
Petronie K. — 35
Plaggenborg St. — 262
Prost A. — 34
- Renouvin P. — 90
Renzi W. A. — см. Рензи У.
Robbins R. G. — 669
Rosenberg W. G. — 728, 827
Roslof E. — 933
- Sanborn J. A. — 35, 61
Schmitt B. E. — 89, 90
Service R. — см. Сервис Р.
Siegelbaum L. H. — 34
Simpson W. — 34
Smith C. J., jr — см. Смит-младший Дж.
Smith S. A. — 827
Snyder J. — см. Снайдер Дж.
Steiner Z. S. — см. Стейнер З.
Stevenson D. — 40, 58, 85, 94
Stockdale M. K. — 425

Stone N. — 34

Strachan H. — 35, 40, 54, 55, 72, 85, 88, 95

Taranovski Th. — 181

Tilly R. — см. Тилли Р.

Turner L. C.F. — см. Тёрнер Л.

Wade R. — 35

White J. D. — 828

Wildman A. K. — 843

Williamson — 87

Winter J. — 34

СПИСОК АВТОРОВ

Аксенов Владислав Бэнович – кандидат исторических наук, доцент Кафедры истории России и права Московского государственного технического университета радиотехники, электроники и автоматики.

Асташов Александр Борисович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории нового времени Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета.

Булдаков Владимир Прохорович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук.

Иванов Андрей Александрович – доктор исторических наук, доцент кафедры русской истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург).

Иванова Наталья Анатольевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук.

Истомина Энецца Георгиевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук.

Исхаков Салават Мидхатович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук.

Корелин Аvenir Павлович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук.

Кюнг Павел Алексеевич – кандидат исторических наук, заместитель директора Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета.

Леонтьева Татьяна Геннадьевна – доктор исторических наук, почетный профессор, заведующая кафедрой отечественной истории, декан исторического факультета Тверского государственного университета.

Павлов Дмитрий Борисович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель директора – начальник Отдела внешних и обществен-

ных связей ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук.

Петров Антон Юрьевич – кандидат исторических наук, главный эксперт Департамента лицензирования деятельности и финансового оздоровления кредитных организаций Центрального банка РФ.

Петров Юрий Александрович – доктор исторических наук, директор ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук.

Розенталь Исаак Соломонович – доктор исторических наук, главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории.

Семенова Екатерина Юрьевна – доктор исторических наук, профессор Самарского государственного технического университета, старший научный сотрудник Поволжского филиала ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук (г. Самара).

Сенин Александр Сергеевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета.

Соловьев Кирилл Андреевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук.

Тагирова Наиля Фаридовна – доктор исторических наук, директор института теоретической экономики и международных экономических отношений, зав. кафедрой экономической истории Самарского государственного экономического университета.

Туманова Анастасия Сергеевна – доктор исторических наук, профессор НИУ «Высшая школа экономики».

Тютюкин Станислав Васильевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук.

Ульянова Галина Николаевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук.

Шаццлло Михаил Корнельевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук.

Шелохаев Валентин Валентинович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель центра «История России в XIX – начале XX в.» ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук.

Научное издание

**Россия в годы Первой мировой войны:
экономическое положение, социальные процессы,
политический кризис**

Ведущий редактор *Н. А. Волынчик*

Редактор *Г. М. Соколова*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*

Художественное оформление *А. Ю. Никулин*

Технический редактор *М. М. Ветрова*

Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*

Компьютерная верстка *Т. Т. Богданова*

Корректор *Е. Л. Бородина*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 10.06.2014.

Формат 70x100/16. Усл.-печ. л. 79,335.

Тираж 1200 экз. Заказ 4708

Издательство «Политическая энциклопедия»

127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1

Тел.: 8(499) 685-15-75 (общий, факс), 8(499)709-72-95 (отдел реализации)

Отпечатано способом ролевой струйной печати

в ОАО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, т/ф. 8(496)726-54-10

